ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК

Брюс

СТЕРЛИНГ

Схизматрица

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Весь цикл "Шейперы и Механисты", а также внецикловые рассказы и статьи автора.

- Брюс Стерлинг
  - Схизматрица (цикл)
    - Схизматрица
      - ПРОЛОГ
      - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
      - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
      - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
    - Рой
    - Паучиная Роза
    - Царица цикад
    - Глубинные сады
    - Двадцать страничек прошлого
  - Рассказы
    - Красная звезда, зимняя орбита
    - Очередное задание
    - Ужин в Одогасте
    - Моцарт в зеркальных очках
    - Маленький волшебный магазинчик
    - Наш нейронный Чернобыль
    - Дори Бэнгс
    - Джим и Айрин
    - Пуля, начиненная гуманизмом
    - Непредставимое[17]
    - Замысел Блемми[23]
    - Путешествие скэба
    - Homo Sapiens объявлен вымершим
    - Пользовательско-ориентированный

        - В раю
        - 65
        - Послание, найденное в бутылке
        - Киоск
        - Черный лебедь
        - Интерсеть
        - Искусственная жизнь
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    -
    -
    -
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

Брюс Стерлинг
Схизматрица

Схизматрица (цикл)

Схизматрица

ПРОЛОГ

Яркие самолетики миновали продольную ось мира. Линдсей, любуясь, следил за ними, утопая по колено в траве.

Хрупкие, словно воздушные змеи, педальные самолетики то ныряли, то взмывали высоко вверх в зоне невесомости. За ними, на другом конце мира, искривленный ландшафт сверкал желтизной пшеничных и пятнистой зеленью хлопковых полей.

Линдсей прикрыл ладонью глаза — сквозь стеклянные панели в мир хлестали потоки яркого солнечного света. Самолет с синими крыльями из материи, разрисованными под птичьи, пересек один из таких световых столбов и теперь парил, постепенно снижаясь. Линдсей различил вьющиеся по ветру русые волосы авиаторши, крутившей педали, чтобы набрать высоту, и понял, что она тоже его заметила. Захотелось крикнуть, помахать ей рукой, но при свидетелях этого ни в коем случае делать было нельзя.

Тюремщики уже были рядом — собственные его супруга и дядюшка. Пожилые аристократы с натугой переставляли ноги. Дядюшкино лицо побагровело так, что старику пришлось даже усилить сердечный ритм.

— Ты… бежал! — выдохнул наконец старик. — Ты бежал!

— Я просто решил размяться, — вызывающе вежливо отвечал Линдсей. — Мышцы здорово застоялись под домашним арестом.

Прикрыв глаза сложенной козырьком ладонью, испещренной старческими веснушками, дядюшка проследил направление его взгляда. Пестрый аппаратик парил над Хлябями — пораженным гниением участком сельскохозяйственной панели.

— Хляби разглядываешь? Где работает твой дружок Константин? Говорят, он как-то связывается с тобой оттуда.

— Он специализируется по насекомым, а не по криптографии.

Линдсей лгал. Тайные сообщения Константина были единственным его источником новостей.

После раскрытия заговора Линдсея заточили под домашний арест в стенах фамильной усадьбы, а Филипу Константину как инженеру по экологии не нашлось подходящей замены, и его решили оставить на рабочем месте.

Нервы домашнего арестанта, пока он томился в усадьбе, здорово сдали. Линдсей чувствовал себя человеком лишь там, где

мог найти применение своим навыкам дипломата. Он сильно похудел; над резко выделившимися скулами мрачно блестели глаза. Темные, по моде завитые волосы растрепались от бега. Высокий рост, благородный лоб, волевой подбородок, само его безупречное сложение были характерными фамильными признаками Линдсеев.

Супруга его, Александрина Линдсей, взяла мужа под руку. Одета она была в модную плиссированную юбку и белоснежную медицинскую куртку. Здоровый вид ее не выказывал, однако же, настоящей жизненной силы — лицо словно из вощеной бумаги, уложенные с помощью лака завитки на висках.

— Джеймс, — обратилась она к старику, — вы же обещали! Зачем опять — о политике? Абеляр, ты такой бледный. Чем-то расстроен?

— Я? Расстроен? — Навыки дипломатии, усвоенные у шейперов, заработали: кожа порозовела, зрачки слегка расширились, губы сложились в открытую белозубую улыбку.

Дядюшка, недовольно насупившись, отступил.

Александрина оперлась на руку мужа.

— Не делай так больше. Ты меня пугаешь.

Она была старше Линдсея на пятьдесят лет и недавно прошла операцию, заменив коленные чашечки на тефлоновые механистские протезы, но колени явно беспокоили ее до сих пор.

Линдсей переложил книгу из руки в руку. Под домашним арестом он коротал время, переводя на современный солярноорбитальный английский пьесы Шекспира. Родственники одобряли — чем бы дитя ни тешилось, только бы не политикой.

Даже позволили лично передать рукопись в Музей. И такая поблажка на несколько часов вывела его из заточения в четырех стенах.

Музей был рассадником оппозиции. Там были друзья, презервационисты, как называли они свою небольшую группу. Реакционная молодежь, вдохновленная романтикой искусства и культуры прошлого. Они превратили Музей в свою цитадель.

Мир их назывался Корпоративной орбитальной республикой Моря Ясности. Заселенная почти двести лет назад, эта лунная орбитальная станция была одним из старейших космических поселений с устоявшимися традициями и собственной культурой.

Однако ж ветры перемен, дующие с молодых, энергичных миров Пояса астероидов и Колец Сатурна, проникли и сюда. Не миновали этого тихого города-государства и отзвуки Бессистемной великой войны между двумя сверхдержавами шейперов и механистов. В результате население Республики раскололось на презервационистов, к которым принадлежал

Линдсей, и радикальных старцев. Плебеи поднялись на борьбу с процветающими аристократами.

Власти Республики держали сторону механистов. Радикальные старцы, каждому — далеко за сто, правили прямо из клиник, будучи неразрывно связаны с медицинской аппаратурой механистов. Лишь импортируемые технологии протезирования еще позволяли им жить. Республика погрязла в долгах, но расходы на медицину росли год от года. Мир все больше и больше зависел от механистских картелей.

Шейперы тоже не обходили Республику своим вниманием и своим арсеналом соблазнов. Несколько лет назад Линдсей с Константином прошли у них курс обучения, и именно это сделало друзей первыми в своем поколении. Молодежь, не в силах смириться с принесением в жертву механистским выгодам своих законных прав, встала на сторону шейперов.

Социальная напряженность достигла той стадии, когда взрыв может вызвать самая крохотная искра.

Предметом спора была сама жизнь. Аргументом же в этом споре служила смерть.

Запыхавшийся дядюшка тронул свой пульт-браслет, уменьшая частоту сердцебиения.

— Постарайся обойтись без этих выходок, — сказал он. — Нас ждут, и воздержись там, в Музее, от риторики. Ничего, кроме заранее согласованного.

Линдсей поднял взгляд. Птицеподобный самолет в стремительном пике несся вниз.

— Не-е-е-ет!!!

Отшвырнув книгу, он побежал.

Аппарат рухнул в траву близ открытого амфитеатра с каменными скамьями. Крылья его, конвульсивно дрожа, возвышались над грудой обломков.

— Ве-е-ера!!!

Когда он вытащил ее из путаницы стоек и растяжек, она еще дышала, но была без сознания. Изо рта и носа шла кровь. Ребра явно были сломаны. Рванув ворот ее костюма, Линдсей сильно поранил руку проволокой — костюм, по моде презервационистов, имитировал старинный космический скафандр. Его гофрированные рукава были смяты и залиты кровью.

Облачко белых крохотных мотыльков поднялось над травой. Они суетились в воздухе, словно притягиваемые запахом крови.

Смахнув с Вериного лица мотылька, Линдсей прижался губами к ее губам. Пульсирующая жилка на шее замерла. Все. Конец.

— Вера, любимая моя, — прошептал он. — Ты все-таки…

Обхватив голову руками, он рухнул в траву. Боль утраты смешалась в нем с восхищением силой ее духа.

Вера решилась на то, о чем они часто беседовали — в Музее, ночами, в постели, после воровской близости. Самоубийство как средство борьбы. Последнее средство выражения протеста.

Черная бездна распахнулась перед внутренним взором Линдсея. Путь к свободе… Но неожиданно в душе взметнулась бурная волна любви к жизни.

— Что ж, любовь моя… Сейчас, подожди немного…

Он поднялся на колени. К нему, побелев лицом, уже спешил дядюшка.

— Этот твой поступок… Отвратительно! — выкрикнул старик.

Линдсей одним прыжком вскочил на ноги:

— Отойди! Не трогай!

Старик застыл над телом покойной, не сводя с нее выпученных глаз.

— Проклятый дурак!.. Она умерла! Ей было всего двадцать шесть!

Линдсей выдернул из рукава, собранного в тугие складки на локте и у запястья, грубо выкованный нож и приставил к своей груди.

— Во имя вечных человеческих ценностей… Во имя гуманизма… Выбираю по собственной свободной воле…

Старик схватил его за запястье. После короткой схватки нож выпал из руки Линдсея. Дядюшка поднял нож и положил в карман лабораторной рабочей куртки.

— А это, — прохрипел он, — нарушение закона. И за незаконное хранение оружия тебе придется отвечать.

— Хоть я и в ваших руках, — ухмыльнулся Линдсей, — вы не сможете помешать мне умереть. А сейчас или чуть позже — какая, собственно, разница…

— Ф-фанатик, — с отвращением выплюнул дядюшка. — Выучили шейперы, нечего сказать… Республика оплатила твое обучение, а ты с его помощью сеешь разрушение и смерть!

— Она умерла человеком! Лучше вот так, в полете, чем — двести лет проволочной механистской куклой!

Линдсей-старший отрешенно рассматривал мотыльков, усеявших тело мертвой.

— Вы обязательно ответите за это. И ты, и этот твой плебейский выскочка Константин.

Линдсей не верил своим ушам.

— Вы… Тупой механистский… Вы что, не видите, что и так уже нас убили?! Она была лучшей… Она была нашей Музой…

— Что это за насекомые? — спросил вдруг дядюшка.

Он разогнал мотыльков взмахом руки. Только тут Линдсей заметил на шее Веры золотой медальон. Он рванулся к мертвой, чтобы схватить украшение, но дядюшка перехватил его руку.

— Это мое, не тронь! — крикнул Линдсей.

Старик, вывернув руку Линдсея, пнул его два раза в живот. Линдсей рухнул на колени. Задыхаясь, дядюшка нагнулся за медальоном.

— Ты напал на меня, — потрясенно произнес он. — Это… насилие над личностью…

Он раскрыл медальон, и на пальцы его вытекла тягучая маслянистая капля.

— Нет записки? — удивился старик. — Что же это — духи?

Он понюхал пальцы. Линдсей, задохнувшись от тошнотворного запаха, упал наземь. Дядюшка вскрикнул.

Белые мотыльки тысячами накинулись на него, впиваясь в кожу, испачканную пахучей жидкостью.

Они облепили кричащего, размазывающего их по лицу старика.

Линдсей перекатился на живот и, поднявшись на четвереньки, отполз подальше. Дядюшка уже не кричал, он бился в траве, точно в припадке эпилепсии. Линдсей задрожал от ужаса.

Монитор на дядюшкином запястье засветился красным; старик замер. Мотыльки еще несколько минут продолжали терзать мертвое тело, затем поднялись в воздух и растворились в траве.

Линдсей, встав во весь рост, оглядел окрестности. По высокой траве к нему медленно шла жена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
БРОДЯЖЬЯ ЗОНА

Глава 1

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
27.12.15

Линдсея отправили в ссылку. Самым дешевым способом. Двое суток провел он слепым и глухим, накачанный наркотиками и залитый густой противоперегрузочной массой.

Автоматический катер, запущенный с грузовой направляющей, кибернетически точно лег на полярную орбиту вокруг другой орбитальной станции. Таких миров, названных по

кратерам и морям, из которых брали сырье, вращалось вокруг Луны ровно десять. То были первые миры, вчистую порвавшие с истощенной Землей. Целый век их лунный союз был основой цивилизации, и коммерческих рейсов внутри этой Цепи миров было множество.

Но миновали дни славы; прогресс глубокого космоса отодвинул Цепь на задворки. Цепь разорвалась, тихий застой обернулся настороженной замкнутостью и техническим регрессом. Орбитальные миры деградировали, и пуще всех — тот, что был определен местом ссылки Линдсея.

Прибытие его зафиксировали камеры. Выброшенный из стыковочного узла катера-автомата, Линдсей повис обнаженным в невесомости таможенной камеры Народного Дзайбацу Моря Спокойствия. Тусклая сталь стен, облицовка ободрана… Некогда в этом помещении был номер для молодоженов — кувыркайтесь, мол, себе в невесомости. Теперь его переделали в бюрократический пропускник.

К сгибу правой руки Линдсея, еще не оклемавшегося после наркотиков, протянулся шланг внутривенного питания. Кожу облепили черные клейкие диски биомониторов. В помещении, кроме него, была лишь робокамера, снабженная двумя парами механических рук.

Серые глаза Линдсея открылись, но симпатичное лицо — бледное, с изящными дугами бровей — все еще было лишено всякого смысла. Его темные волосы спадали на обросшие трехдневной щетиной щеки.

Стимуляторы начали действовать. Руки задрожали. Внезапно и резко Линдсей пришел в себя. Тут же навыки дипломата взяли контроль над телом — словно волна тока пробежала по мышцам. Лязгнули сведенные судорогой челюсти. Глаза, мерцающие неестественным, настороженным блеском, обшарили помещение. Лицевые мышцы зашевелились совершенно не по-человечески; внезапно он улыбнулся. Оценив свое состояние, он одарил камеру открытой, любезной улыбкой.

Казалось, сияние его дружелюбия согрело в помещении воздух.

Шланг-манипулятор, отсоединившись от руки, втянулся в стену.

— Вы — Абеляр Малкольм Тайлер Линдсей, — заговорила робокамера, — из Корпоративной орбитальной республики Моря Ясности; просите политического убежища; ни в багаже, ни в теле не везете биоактивных препаратов, а равно — взрывчатых систем и софтов агрессивного характера; внутренняя микрофлора стерилизована с заменой на стандартные бактерии Дзайбацу?

— Да, все правильно, — отвечал Линдсей на родном для робокамеры японском. — Багажа у меня нет.

С современным японским он обращался свободно — язык обкатался до торгово-делового говорка, лишенного сложных уважительных оборотов. Уж языкам-то он выучился…

— Вскоре вас пропустят в идеологически декриминализованное пространство. Покидая таможню, ознакомьтесь с нижеследующими налагаемыми на вас запретами. Знакомы ли вы с понятием «гражданское право»?

— В каком контексте? — осторожно осведомился Линдсей.

— Дзайбацу признает только одно гражданское право — право на смерть, каковое вы вольны осуществить в любое время при любых обстоятельствах. Акустические мониторы установлены везде. Пожелав осуществить свое право, вы уничтожаетесь незамедлительно и безболезненно. Понятно?

— Понятно.

— Также уничтожение может быть следствием других проступков: физической угрозы конструкциям, вмешательства в работу мониторов, нарушение границы стерильной зоны, а также преступлений против человечности.

— Преступлений против человечности? А как они определены?

— Нежелательные биологическая деятельность и протезирование. Техническая же информация о пределах нашей терпимости не подлежит разглашению.

— Ясно, — сказал Линдсей.

Значит, у государства имеется карт-бланш на его уничтожение — в любой момент и почти по любому поводу. Так он и предполагал. Этот мир давал приют всем бродягам — перебежчикам, изменникам, ссыльным, объявленным вне закона. От подобного мира глупо было бы ждать другого. Слишком много расплодилось причудливых технологий: сотни внешне невинных деяний, вроде разведения мотыльков, могут быть потенциально опасными.

«Да и все мы уголовники», — подумал он.

— Вы желаете осуществить свое гражданское право?

— Нет, спасибо, — вежливо отказался Линдсей. — Хотя весьма отрадно, что правительство Дзайбацу мне его предоставило. Я не забуду вашей любезности.

— Вы только скажите — и сразу, — удовлетворенно ответила робокамера.

Собеседование закончилось. Линдсей отлепил от кожи биомониторы; робот подал ему кредитную карточку и стандартный комбинезон Дзайбацу.

Линдсей облачился в мешковатое одеяние. В ссылку отправили его одного. Должны были и Константина, но тот, как обычно, оказался хитрее.

Вот уже пятнадцать лет Константин был его лучшим другом. Родня Линдсея не одобряла дружбы с плебеем, но Линдсей на родню плевал.

В те дни кто постарше надеялись держаться между двух сверхдержав. Ради укрепления взаимного доверия с шейперами Линдсей был послан на Совет Колец для прохождения диптренинга. Через два года за ним последовал Константин — учиться биотехнологии.

Однако сторонники механистов победили. Линдсей и Константин, живой и явный результат внешнеполитической ошибки, оказались в опале. Данный факт еще теснее сблизил друзей, чье совместное влияние распространилось и на аристократическую, и на плебейскую молодежь. Вместе они были неотразимы: тонкие, твердо очерченные, долгосрочные планы Константина, да еще в изложении театрально-элегантного, в совершенстве овладевшего наукой убеждать Линдсея!..

Но затем между ними встала Вера Келланд — художница, актриса, аристократка. И первая святая мученица презервационизма. Вера верила в презервационистов. Вера была их музой, убежденность ее порою поддерживала и укрепляла даже самих Линдсея и Константина. Она тоже была несвободна, имея мужа шестьюдесятью годами старше, но адюльтер лишь придавал их взаимоотношениям определенную пикантность. Наконец Линдсей ее завоевал. И, обладая ею, заразился от нее тягой к смерти.

Все трое не сомневались, что самоубийства могут изменить настроения в Республике, если ни на что более не останется надежд. Все было обговорено до тонкостей. Филип останется жить и продолжит дело — это будет ему утешением за утрату Веры и за его долгое одиночество. В трепетном единении прокладывали они путь к смерти, пока та не явилась воочию. Смерть Веры превратила планы в жестокую реальность…

Дверь открылась автоматически (несмазанная гидравлика противно заскрежетала). Отринув прошлое, Линдсей поплыл вдоль туннеля, к свету бледного дня.

Он выплыл на посадочную площадку, забитую грязными, потрепанными машинами.

Аэродром этот был расположен в центре зоны невесомости, на оси станции, и Линдсей мог — сквозь пять километров нечистого воздуха — окинуть взглядом весь Дзайбацу.

Вначале его удивили очертания и цвет облаков, дрожащих и

рвущихся на куски в потоках воздуха, восходящих от сельхозпанелей неряшливыми грязно-желтыми клубами.

Воняло гадостно. Каждый из десяти окололунных орбитальных миров пах по-своему — Линдсей помнил, что воздух Республики после Совета Колец тоже показался ему неприятным. Но такое… Убийственно! Из носу потекло.

В свое время каждый мир Цепи неизбежно сталкивался с экологическими трудностями.

Чтобы почва плодоносила, в каждом ее кубическом сантиметре должны обитать минимум десять миллионов бактерий. Без этого невидимого воинства не будет и урожая. И человеку пришлось взять почвенные бактерии с собой, в Космос.

Однако и человек и его симбионты были лишены защитного покрова атмосферы. Миры Цепи пытались защищать слоями лунной щебенки метровой и более толщины, но это не спасало от последствий солнечных вспышек и волн космической радиации.

Без бактерий почва превращалась в бесплодную пыль. А с бактериями — кто их знает, до чего они могут домутировать при такой радиационной обстановке.

Если Республика еще как-то боролась, не прекращая попыток обуздать Хляби, то на Дзайбацу процесс зашел слишком далеко. Грибки-мутанты, словно масляная пленка, расползлись повсюду, пронизывая почву нитями грибницы, задерживавшими воду, из-за чего гнилостные бактерии могли спокойно пожирать деревья и посевы. Почва пересыхала, воздух насыщался влагой, на гибнущих растениях пышно расцветала плесень; серые булавочные головки ее сливались воедино наподобие лишайника…

Если дела зашли так далеко, мир орбитальной станции можно было спасти лишь самыми отчаянными мерами. Следовало выпустить в космос весь воздух, чтобы всеиссушающий вакуум как следует простерилизовал швы и трещины, — а затем начать все сначала. Это требовало огромных затрат. Колонии, столкнувшиеся с такой проблемой, страдали от раскола и массового бегства — тысячи и тысячи жителей отправлялись искать счастья на новых местах. Углубляясь в пространство, дезертиры основывали новые колонии, в большинстве своем примыкавшие к механистским картелям в Поясе астероидов либо к Совету Колец шейперов, вращающемуся вокруг Сатурна.

В случае Народного Дзайбацу большинство граждан уже ушли, осталась лишь горстка упрямцев, отказывающихся признать свое поражение.

Линдсей их хорошо понимал — в этом унылом, гниющем запустении было что-то величественное.

Смерчи лениво и тягуче вращались, поднимая в воздух гниль вперемешку с прахом. Стекло панелей, покрытое пылью пополам с плесенью, почти не пропускало света, заплаты на подпорках и на растяжках закрывали частые пробоины.

Стоял холод — солнечный свет едва проникал в Дзайбацу. Здесь, чтобы не замерзнуть, поддерживался круглосуточный день. Ночи Дзайбацу были слишком опасны. Остаться в ночи — верная смерть.

Маневрируя в невесомости, Линдсей двинулся через посадочную площадку. Машины держались на металле при помощи присосок. Среди них оказалось с дюжину еле живых педальных машин и два-три потрепанных электролета.

Проверки ради он подергал растяжки дряхлого ЭЛ с изображением японского карпа на материи крыльев. Посадочные лыжи были перемазаны грязью. Устроившись в открытом седле, Линдсей вдел ступни в стремена управления.

Потом вынул из нагрудного кармана кредитную карточку. На черном с золотом пластике имелся красный дисплей, высвечивавший оставшиеся кредчасы. Он сунул карту в гнездо, на приборной доске, и электролет загудел, пробуждаясь к жизни.

Набрав высоту, аппарат пошел вниз, пока не почувствовал хватку силы тяжести. Линдсей, оглядев окрестности, попытался сориентироваться.

Солнечная панель по левую руку от него местами была отчищена. Команда неповоротливых двуногих роботов продолжала драить стекло, едва ли не матовое от царапин. Приглядевшись, Линдсей понял: никакие это не роботы, просто люди в скафандрах и противогазах…

Лучи света, проникавшего сквозь отчищенное, в мутном воздухе казались лучами прожекторов. Войдя в один из таких, Линдсей заложил вираж и двинулся вдоль луча.

Свет падал на панель, что была напротив. В центре ее помещалась группа резервуаров, полных тенистой слизи. Водоросли. Остатки сельского хозяйства Дзайбацу, кислородная ферма.

Здесь Линдсей снизился и с наслаждением вдохнул полной грудью богатый кислородом воздух. Тень самолета скользила по джунглям трубопроводов… Внезапно на панель упала еще одна тень. Линдсей, заложив вираж, ушел вправо.

Преследователь с точностью механизма повторил маневр. Тогда Линдсей плавно пошел в высоту и, обернувшись в седле, посмотрел назад.

Увидев догонявшего, он поразился — тот был совсем рядом. Камуфляжная пятнистая окраска замечательно сливалась с

внутренним небом порушенных сельхозпанелей. Это был беспилотный самолет-наблюдатель. Плоские угловатые крылья; бесшумный задний винт в камуфляжном обтекателе…

Из корпуса роболета торчали какие-то цилиндры. Две трубки, направленные на Линдсея, вполне могли быть телефотокамерами. Или рентгеновскими лазерами. Такая штука, настроенная на нужную частоту, может превратить в уголь все внутренности, ни пятнышка не оставив на коже. И лучи его — невидимы.

Эти мысли переполнили Линдсея страхом и отвращением. Ведь миры — хрупкие скорлупки, сберегающие воздух и тепло, без которых не будет жизни в холодных безднах пространства. Безопасность миров — основа основ морали. Оружие — опасно для жизни, а потому греховно. Конечно же, в этом мире бродяг только оружием можно обеспечить порядок, да, но все равно отвращение — глубокое, инстинктивное — не унималось.

Линдсей влетел в желтоватый туман, окутывающий осевую зону Дзайбацу. Снова выйдя на свет, он обнаружил, что роболет исчез.

Вот так. Никогда не поймешь, наблюдают за тобой или нет. В любую секунду чьи-то пальцы придавят кнопку — и…

Сам Линдсей удивился гневу, обуявшему его при такой мысли. И куда подевались годы диптренинга?.. Перед глазами его невольно возник самолетик, птицей скользящий в сумасшедшем пике; крылья, содрогающиеся от удара…

Линдсей взял к югу. За загаженными панелями мир опоясывало непонятного назначения белое кольцо, примыкавшее к южной стене Дзайбацу.

Он оглянулся. Северную, вогнутую стену занимали заброшенные склады и фабрики, а южная была голой, пустынной плоскостью, сложенной, похоже, из блоков, напоминавших издали кирпичи.

Грунт под нею был сияющим неестественной белизной кольцом из словно бы специально разровненных камешков. То там, то тут среди морской гальки возвышались загадочные темные островки валунов.

Линдсей снизился, чтобы взглянуть поближе. Теперь стала видна линия оборонительных сооружений; тонкие вороненые стволы следили за каждым его движением. Стерильная зона…

Он быстро ушел вверх.

В самом центре южной стены темнело отверстие. Вокруг него шершнями роились роболеты наблюдения. По периметру отверстие окружали микроволновые антенны, к которым тянулись бронированные кабели.

Заглянуть внутрь не было никакой возможности. Пусть там

половина мира, но — бродягам вход воспрещен.

Линдсей пошел на снижение. Проволочные растяжки его самолетика загудели от напряжения.

Севернее, на второй из трех грунтпанелей Дзайбацу, он увидел и бродяжьи следы. Изгои воздвигли из хлама, снятого и утащенного из индустриального сектора, грубые гермокупола.

Купола были разными — от надувных пластиковых пузырьков и полужестких, в пятнах шпаклевки, геодезиков до огромной, стоящей особняком полусферы.

Приблизившись, Линдсей облетел больший из куполов. Поверхность его покрывала черная изоляционная пена. Низ защищало кольцо, выложенное из крапчатой лунной породы. В отличие от других куполов, на этом не было ни одной антенны.

И тут Линдсей узнал купол. Ну да, здесь этому куполу и место.

Его охватил страх. Зажмурившись, он воззвал к шейперскому диптренингу — плоду десятилетних прилежных психотехнических упражнений.

Сознание мягко перетекало во второе, рабочее состояние. Плечи развернулись, спина выпрямилась, движения приобрели округлую плавность, сердце забилось быстрее. Исполнившись уверенностью в себе, он улыбнулся. Разум обострился, стал ясным, сбросив запреты и ограничения, готовый к действию. Страхи и сомнения ушли, словно совершенно ничего не значили.

В этом состоянии он, как обычно, разозлился на недавнюю свою слабость. Вот, вот оно, его настоящее «я» — прагматичное, быстрое, свободное от груза эмоций!

Времени для полумер не было. Все спланировано. Коли уж жить здесь, надо брать ситуацию за глотку.

Тут он заметил шлюз купола. Линдсей посадил самолет, вынул из прорези кредитную карточку и ступил на землю. Самолет взвился в небо.

Каменная лестница привела его к западине в стене купола. Внутри нее замигала и вспыхнула ослепительно яркая панель, слева, рядом с бронеэкраном, находился объектив камеры; ниже бронеэкрана виднелась подсвеченная прорезь для кредитной карточки. Рядом был и стальной прямоугольник, закрывающий скользящий лоток.

Стальная скользящая дверь во внутренней стене защищала шлюз. На полу лежал толстый слой непотревоженной пыли. Гость здесь явно был редкой птицей.

Линдсей терпеливо выжидал, соображая, что именно — и как — будет врать.

Прошло десять минут, в течение которых он тщетно пытался

обуздать насморк. Внезапно экран засветился, и на нем появилось женское лицо.

— Вставьте кредитную карточку в прорезь, — сказала женщина по-японски.

Линдсей внимательно вглядывался в экран, оценивая ее внешность. Худа, темноглаза, неопределенного возраста, темно-русые волосы коротко подстрижены. Зрачки, похоже, расширены. Одета она была в белую медицинскую куртку с металлическими знаками различия на воротнике: золотой посох, обвитый двумя змеями черной эмали с красными рубинами глаз, открытые пасти скалятся иглами для подкожных инъекций…

— Я не хочу ничего покупать, — улыбнулся Линдсей.

— Вы покупаете мое внимание. Вставьте карточку в прорезь.

— А я вас не просил появляться на экране, — сказал Линдсей по-английски. — Отключайтесь. Делайте что хотите.

Взгляд женщины стал обиженным.

— Я всегда делаю что хочу. — Она тоже перешла на английский. — Если захочу, то затащу вас внутрь и порежу на мелкие части. Вы понимаете, где находитесь? Это не дешевая шарага для бродяг. Мы — Черные Медики.

В Республике о таких и не слышали, но на Совете Колец Линдсей о них наслушался достаточно: преступные биохимики из самых глубин шейперского дна. Скрытны, решительны и жестоки. Имеют собственные опорные пункты — подпольные лаборатории, разбросанные по всей Системе. И это, выходит, одна из таких.

Он придал улыбке просительный оттенок:

— Я и вправду хотел бы войти. Только не по частям.

— Вы, должно быть, шутите. Ваша дезинфекция обойдется во столько, что вы сами того не стоите.

Линдсей поднял брови:

— Бактерии у меня — стандартные…

— Здесь — полная стерильность. Мы живем в чистоте.

— Выходит, вы там так и сидите? Ни войти, ни выйти? — Линдсей изобразил на лице удивление. — Как в тюрьме?

— Мы здесь живем. Это вы там, снаружи, как в тюрьме.

— Вот жалость-то… Ладно. Я веду дела в открытую. Я в ваших краях, некоторым образом, в качестве нанимателя. — Он пожал плечами. — Весьма приятно было бы с вами побеседовать, но время поджимает. Всего хорошего.

— Стоять. Вы не уйдете без моего позволения, — сказала женщина.

На лице Линдсея появилось выражение тревоги.

— Послушайте, — заговорил он. — Вашу репутацию никто не ставит под сомнение. Но вы же — там, взаперти. И для меня

бесполезны. — Он провел пальцами по волосам. — Значит, разговаривать нам не о чем.

— Кто вас послал? Кто вы, в конце концов, такой?

— Линдсей.

— Лин Дзе? В вас нет ничего восточного.

Линдсей, заглянув в объектив, встретился, с нею взглядом. По видео трудно было произвести впечатление, но неожиданность очень эффективно действовала на подсознание.

— А вас-то как звать?

— Кори Прагер, — ответила она. — Доктор Прагер.

— Так вот, Кори, я представляю здесь «Кабуки Интрасолар». Коммерческое зрелищное предприятие. — Линдсей лгал с энтузиазмом. — Организую постановку и набираю труппу. Платим мы хорошо. Но если, как вы говорите, вы не выходите наружу, то я, честно сказать, зря трачу на вас время. Вы даже не сможете побывать на спектакле. — Он вздохнул. — Очевидно, я тут не виноват и отвечать за это не могу.

Женщина нехорошо засмеялась, и Линдсей догадался — она явно нервничала.

— А кого, собственно, волнует, что там, снаружи, делается? Конкурентов у нас нет и не предвидится, так что были бы у покупателей деньги, а остальное нас мало интересует.

— Рад слышать. Надеюсь, все прочие разделяют вашу позицию. Но я не политик, я — артист. Желал бы я отделываться от сложностей так же легко, как вы. — Он развел руками. — Теперь, если мы наконец поняли друг друга, я пойду.

— Подождите. О каких трудностях речь?

— Да есть тут… Другие партнеры. Я еще труппу не собрал, а они уже о чем-то сговорились. Постановка должна как-то помочь им при заключении сделок.

— Мы можем выслать к вам наши мониторы и оценить вашу продукцию.

— Очень сожалею, — твердо ответил Линдсей, — но мы не позволяем записывать либо транслировать наши пьесы. Это понижает сборы. Я не могу подводить труппу. Конечно, в наши дни играть может кто угодно… При нынешних препаратах, улучшающих память….

— Мы торгуем такими препаратами, — быстро сказала женщина. — Вазопрессины, карболины, эндорфины; стимулянты, транквилизаторы. Препараты, заставляющие человека кричать, визжать, вопить. Черные Химики сделают все, что можно продать. Не сможем синтезировать — выделим из тканей. Все, что угодно. Все, что только сможете выдумать. — Она понизила голос. — Ведь мы — друзья. Сами понимаете, с кем. С теми, что за Стеной.

Они очень нас ценят.

— Еще бы. — Линдсей понимающе закатил глаза. Она опустила взгляд; до него донесся быстрый стук по клавиатуре. Затем она снова взглянула на него:

— Вы, наверно, уже успели поговорить с этими блядями из Гейша-Банка?

Линдсей насторожился — о таком он не слыхал никогда.

— Пожалуй, мне следует сохранять конфиденциальность моих деловых переговоров.

— Вы — дурак, если верите их обещаниям.

— Но что же мне делать? — беспокойно улыбнулся Линдсей. — Актеры и шлюхи всегда были добрыми союзниками. Это так естественно.

— Они, должно быть, предостерегали вас на наш счет…

Женщина приложила наушники к левому уху и что-то выслушала с рассеянным видом.

— Я уже говорил, что стараюсь вести дела в открытую.

Неожиданно экран стих; дама что-то быстро сказала в микрофон. Затем лицо ее исчезло с экрана и сменилось лицом пожилого, судя по морщинам, человека. Линдсей лишь мельком разглядел его настоящую внешность: всклокоченные седые волосы, глаза под красными веками… Далее в работу включилась видеокосметическая программа: она прошлась сверху вниз по всему экрану, редактируя, сглаживая, подкрашивая изображение.

— Это, понимаете ли, ни к чему не приведет, — неуверенно запротестовал Линдсей. — Даже не пытайтесь меня во что-либо втягивать. Я должен организовать представление и не имею времени на…

— Заткнись, — оборвал его мужской голос. Из стены выдвинулся лоток — на нем лежал свернутый виниловый пакет. — Надевай. Войдешь к нам.

Линдсей встряхнул сверток — внутри оказался защитный комбинезон.

— Быстрее, — торопил Черный Медик. — Могут следить!

— Но я не предполагал… — забормотал Линдсей, неловко всовывая ногу в штанину. — Такая честь…

Он наконец влез в комбинезон, надел шлем и загерметизировал пояс.

Дверь шлюза поехала в сторону, скрежеща по забившей полозья грязи.

— Входи, — сказал голос.

Линдсей ступил внутрь, и дверь снова задвинулась. Ветер поднимал пыль. Пошел мелкий, грязноватый дождь. Затем откуда-то появилась робокамера на четырех телескопических

ногах и уставилась объективом на шлюз.

Миновал час. Дождь перестал; в высоте бесшумно зависли два наблюдательных роболета. В заброшенной промзоне северной стены поднялась жестокая пылевая буря. Робокамера не сходила с места.

Наконец Линдсей неверными шагами вышел из шлюза. Поставив на каменные плиты черный атташе-кейс, он принялся стаскивать с себя защитный комбинезон. Свернув, он сунул его в лоток и с преувеличенным изяществом зашагал вниз по ступеням.

Воняло мерзко. Приостановившись, Линдсей чихнул.

— Эй, — сказала робокамера. — Мистер Дзе! Мне бы с вами поговорить, а?

— Если вы по поводу роли в пьесе, лучше явитесь лично, — ответил Линдсей.

— Удивительный вы человек, — заметила робокамера на пиджин-японском. — Я восхищен вашей дерзостью, мистер Дзе. Репутация у Черных Медиков — хуже некуда. Ведь вас и распотрошить могли ради химвеществ организма…

Утопая легкими матерчатыми туфлями в грязи, Линдсей направился к северу. Камера, поскрипывая левой задней ногой, поплелась за ним. Спустившись с невысокого холма, они попали в сад — мертвые, скользкие от черной слизи, без единого листочка деревья напоминали редкий поломанный забор. За садом, возле болотной жижи бассейна, стоял прогнивший чайный домик. Некогда элегантное строение из дерева и керамики рухнуло наземь грудой сухой трухи. Поддав ногой ствол, что лежал поперек дорожки, Линдсей закашлялся в облаке спор.

— Прибрать бы здесь, — задумчиво сказал он.

— А мусор куда девать? — спросила камера. Линдсей быстро оглянулся. Деревья — какие-никакие — но закрывали от наблюдения.

— Капремонт бы нужен вашей камере…

— Это лучшее, что я могу себе позволить, — ответил динамик.

Покачав кейсом, Линдсей сощурился:

— А то какая-то она у вас хлипкая и медлительная…

Робокамера подалась назад:

— Вам, мистер Дзе, есть где остановиться?

Линдсей почесал подбородок:

— Это что — приглашение?

— Лучше не оставаться под открытым небом. Вы ведь даже без респиратора.

— Я, — улыбнулся Линдсей, — сказал Медикам, что защищен новейшими антисептиками. Это произвело на них впечатление.

— Еще бы. Сырым воздухом здесь дышать не стоит. Если не желаете, чтобы ваши легкие стали похожи на эти деревья… — Робокамера помолчала. — Меня зовут Федор Рюмин.

— Очень рад познакомиться, — ответил Линдсей по-русски.

Сквозь костюм ему ввели стимулянт. Ясность мыслей появилась необычайная. Прямо невыносимая. Казалось, вот-вот сможешь заглянуть за грань. И переход с японского на не слишком привычный русский дался легко — все равно как пленку сменить.

— Да, удивительный вы человек, — сказала по-русски камера. — Раззудили во мне любопытство, раззудили… Вам это слово знакомо? Для пиджин-рашн оно необычно. Следуйте, пожалуйста, за роботом. Я здесь, неподалеку. И постарайтесь дышать не очень глубоко.

Рюмин обитал в маленьком надувном куполе из зелено-серого пластика, близ залатанной оконной панели. Расстегнув матерчатый шлюз, Линдсей вошел внутрь.

Чистый воздух, с отвычки, вызвал у него приступ кашля. Палатка была невелика — десять шагов в поперечнике. По полу вились провода, соединявшие залежи старого видеооборудования со старым аккумулятором, покоящимся на подставках из черепицы. На центральной опоре, также опутанной проводами, висели лампа, воздушный фильтр и спуск антенного комплекса.

Рюмин скрестив ноги восседал на татами; руки его лежали на джойстике.

— Позвольте, я сначала займусь робокамерой. Это одна секунда.

В широкоскулом его лице было что-то от азиата, но поредевшие волосы были светлыми. Щеки его покрывали старческие веснушки, а кожу на суставах пальцев избороздили глубокие морщины, обычные для седых стариков. И с костяком что-то странное: запястья чересчур узкие при такой коренастости, кости черепа неестественно тонкие… К вискам хозяина были прилеплены два черных диска. От них по спине тянулись провода, уходящие в общую путаницу кабелей на полу. Глаза старика были закрыты. Впрочем, он тут же отлепил от висков диски и открыл глаза. Они оказались ярко-голубыми.

— Вам света хватает?

Линдсей посмотрел на лампу:

— Пожалуй, да.

Рюмин потер висок.

— Чипы в зрительном нерве, — пояснил он. — Я страдаю видеоболезнью. Все, что не в развертке, не на экране, вижу очень плохо.

— Вы — механист?

— А что, заметно? — иронически спросил Рюмин.

— Сколько же вам лет?

— Сто сорок. Нет, вру. Сто сорок два. — Он улыбнулся. — Да вы не пугайтесь.

— Я лишен предрассудков, — не слишком убедительно ответил Линдсей.

Он был сбит с толку, а навыки дипломата почему-то отказывались служить. Пришел на память Совет Колец и долгие, исполненные ненависти сеансы антимеханистской промывки мозгов… И чувство протеста помогло овладеть собой.

Шагнув через джунгли кабелей, он положил кейс на столик, рядом с обернутой в пластик плиткой синтетического тофу.

— Поймите, господин Рюмин, если вы хотите меня шантажировать, то — впустую. Я не поддамся. Хотите мне вреда — валяйте. Убейте меня, прямо сейчас.

— Вы бы такие слова потише, — предостерег Рюмин. — Услышит патрульный роболет — может спалить сквозь стенку.

Линдсей вздрогнул. Рюмин, заметив его реакцию, грустно улыбнулся:

— Да-да, мне доводилось видеть такое. Кстати, если уж мы начнем убивать друг друга, это вы убьете меня. Я здесь сижу в благополучии и безопасности, мне есть что терять. А вы — неизвестно кто с хорошо подвешенным языком. — Он свернул кабель джойстика. — Заверениями можно обмениваться до скончания века, и все равно мы один другого не убедим. Либо мы друг другу верим, либо нет.

— Попробую вам поверить, — решился Линдсей.

Он стряхнул с ног облепленные грязью туфли. Рюмин поднялся, нагнулся за ними, громко хрустнув при этом позвоночником.

— В микроволновку положу. В здешней грязи бывает все что угодно.

— Я запомню… — Мозг Линдсея прямо-таки плавал в мнемонических препаратах, вызвавших нечто наподобие прозрения. Каждый виток провода на полу, каждая кассета с пленкой казались ему жизненно важными. — А то сожгите их вовсе.

Раскрыв свой новый кейс, Линдсей извлек оттуда элегантную кремовую медицинскую куртку.

— Зачем же жечь, хорошие туфли, — возразил Рюмин. — Минимум три-четыре минуты стоят.

Линдсей снял комбинезон. На правой ягодице синели два кровоподтека — следы инъекций.

— Значит, все же целым не ушел, — сощурился Рюмин.

Линдсей вынул из кейса отглаженные белые брюки.

— Стимулянт, — объяснил он.

— Стимулянт… А мне-то казалось, что ты больше похож на шейпера… Откуда ты, мистер Дзе? И сколько тебе лет?

— Всего три часа, — сказал Линдсей. — У мистера Дзе нет прошлого.

Рюмин отвел взгляд:

— Что ж, не стоит сетовать, что шейпер скрывает свое прошлое. Система кишит вашими врагами. — Он заглянул Линдсею в глаза:

— Ты наверняка был дипломатом.

— Отчего вы так думаете?

— Успех с Черными Медиками. Мастерски сработано, впечатляет. И потом, дипломату в бродяги угодить очень просто. На Совете Колец имеется секретная программа диптренинга. Обучение дипломатов особого типа. Но процент отсева высок. Половина сделалась бунтовщиками либо перебежчиками.

Линдсей застегнул рубашку.

— И с тобой то же случилось?

— Нечто подобное…

— Как интересно… Я в свое время многих пограничных постчеловеков повидал, но ваших… Это правда, что в вас вкладывают второе, независимое сознание? И что в полном рабочем режиме вы и сами не знаете, правду ли говорите? Что у вас подавляют способность к искренности специальными препаратами?

— Искренность, — заметил Линдсей, — дело тонкое.

— А ты знаешь, — помолчав, сказал Рюмин, — что всех вас выслеживают шейперские боевики?

— Нет, — кисло ответил Линдсей.

Вот до чего дошло… Долгие годы специальными крабами через спинной мозг вжигали ему в каждый нерв знания. Делали промывки мозгов — как обычные, под наркотиками, так и электронные, напрямую… В шестнадцать лет он покинул Республику, и десять лет психотехи вливали в него навыки. В Республику он вернулся, словно граната на взводе, готовый ко всему. Однако его мастерство спровоцировало настоящую панику в умах власть предержащих. И вот теперь даже сами шейперы за ним охотятся…

— Спасибо за предупреждение, — сказал он.

— Ты не слишком переживай, — успокоил его Рюмин. — Шейперов самих обложили со всех сторон. У них есть заботы поважнее судеб нескольких бродяг. — Он улыбнулся. — Но если

ты вправду прошел эту процедуру — значит, тебе нет сорока.

— Тридцать. А ты, оказывается, хитер, зараза.

Вынув из микроволновки прожарившиеся туфли Линдсея, Рюмин осмотрел их и надел на собственные босые ступни.

— А на скольких языках ты шпрехаешь?

— Вообще-то на четырех. Но при стимуляции памяти — на семи. Плюс стандартный шейперский язык программирования.

— На четырех-то и я могу. Правда вот, письмом не стал себе мозги пачкать.

— Так ты что, совсем не умеешь читать?

— А зачем? За меня машины читают.

— Значит, ты слеп ко всему культурному наследию человечества.

— Странный разговор для шейпера, — удивился Рюмин. — Ты, стало быть, любитель старины? Мечтаешь нарушить Интердикт и вернуться на Землю изучать так называемые гуманитарные науки? Теперь мне понятен твой театральный гамбит. Мне-то за словом «пьеса» пришлось в словарь лезть… Потрясающий обычай. Ты вправду хочешь такое устроить?

— Да. А Черные Медики меня финансируют.

— Ясно. Но вот Гейша-Банк… Денежные штуки — это все по их части.

Опустившись на пол рядом с клубком проводов, Линдсей отцепил от ворота булавку Черных Медиков и повертел ее в пальцах.

— Так расскажи, с чем их едят.

— Гейши — это шлюхи-финансистки. Ты наверняка заметил, что твой кредит измеряется в часах.

— Да.

— Это часы сексуального обслуживания. У механистов и шейперов валюта — киловатты. Но уголовным элементам Системы для жизни необходим черный рынок. На нем в ходу множество теневых валют. Я даже статью о них написал.

— Ты?

— Да. Я же по профессии журналист. Развлекал буржуазию Системы леденящими кровь разоблачениями уголовного мира. Подробностями грязной жизни каналий-бродяг. — Он кивнул на кейс Линдсея. — Одно время все эти валюты базировались на наркотиках, но это давало Черным Химикам шейперов преимущество. Имело некоторый успех машинное время, но лучшая кибернетика — у механистов. И тогда пришел секс.

— Значит, люди приезжают в эту дыру за сексом?

— Чтобы реализовать свои часы, необязательно являться в банк, мистер Дзе. У Гейша-Банка — филиалы по всем картелям. А

еще сюда прилетают пираты — обменивают добычу на компактный теневой кредит. Ну и — ссыльные с других орбитальных миров. Из очень уж невезучих.

Линдсей никак не отреагировал, хотя сам именно к таким невезучим ссыльным и относился.

Значит, задача ясна: выжить. Эта задача чудесным образом очистила сознание от прочих, менее насущных проблем. Заговор презервационистов, политические драмы, инсценированные им в Музее, — вся прежняя его жизнь осталась там, далеко позади. Она — не более чем достояние истории.

Плюнуть и забыть, решил он. Все прошло; осталось там, в Республике… От мыслей этих к горлу подступил комок дурноты. Он будет жить. В отличие от Веры. Константин хотел убить его при помощи перестроенных насекомых. Крохотные, тихие мотыльки — замечательное оружие, в духе времени. Они угрожают лишь плоти человека, но не целому миру. Но дядюшку угораздило случайно взять в руки медальон с феромонами, доводящими этих мотыльков до бешенства, и он погиб вместо Линдсея… Тошнота медленно, но упорно подкрадывалась к его горлу.

— Приезжают еще разочарованные из механистских картелей, — продолжал Рюмин. — Чтобы в экстазе отдать концы. За соответствующую плату Гейша-Банк предлагает самоубийство вдвоем — с партнером из их штата. Называется «синдзю». Многие клиенты, понимаешь ли, считают, что умирать гораздо веселее вдвоем.

Несколько мгновений Линдсей пытался совладать с дурнотой. «Самоубийство вдвоем» доконало его вконец. Перед глазами появилось лицо Веры — странно зыбкое и вместе с тем отчетливое в ярких лучах подхлестнутой наркотиками памяти. Покачнувшись, он упал на бок. Его вырвало.

Наркотики ослабили организм. После отбытия из Республики он еще ничего не ел. Нестерпимая кислота обожгла горло, и он задохнулся, безуспешно хватая ртом воздух.

Рюмин тотчас же оказался рядом. Он надавил костлявыми коленями на грудную клетку Линдсея, и воздух прошел-таки сквозь сведенную судорогой гортань. Перевернувшись на спину, Линдсей судорожно вздохнул. Руки и ноги слегка потеплели. Он попытался вздохнуть еще — и потерял сознание.

* * *

Взяв Линдсея за запястье, Рюмин засек пульс. Линдсей лежал

без чувств, и на старого механиста словно бы снизошло странное, ленивое умиротворение. Он позволил себе расслабиться. Рюмин давно уже был глубокий старик. А ощущение этого меняет все в окружающем мире.

Кости Рюмина были хрупкими… Осторожно перетащив Линдсея на татами, он укрыл его одеялом. Затем, добравшись до керамического бачка с водой, достал рулон грубой фильтровальной бумаги и вытер рвоту. Точность его движений скрывала тот факт, что без видеоввода старик был почти слеп.

Рюмин нацепил видеоочки и сосредоточился на записи, сделанной с Линдсея. Воспринимать мысль и образы через провода было как-то привычнее.

Кадр за кадром анализировал он движения гостя. Длинные, костистые руки и ноги, большие ладони и ступни, но нескладным его не назовешь. Во всех движениях опасная, зловещая точность — нервная система, очевидно, подвергалась длительной и тщательной обработке. Кто-то не пожалел ни времени, ни денег, чтобы подделать эти расхлябанные легкость и изящество…

Рюмин просматривал запись с сосредоточенностью, наработанной за многие годы практики. Система велика, размышлял он, хватит места тысячам и тысячам образам жизни, тысячам надеющимся на лучшее монстрам… То, что проделали над этим человеком, вызывало в нем печаль, но — ни малейшего страха либо тревоги. Только время может расставить все по местам — сказать, где прогресс, а где глухой тупик. А он, Рюмин, давно уже не берется судить. Даже и когда мог — воздерживался…

Добрые дела редко остаются безнаказанными, но Рюмин никогда не мог от них удержаться и лишить себя удовольствия пронаблюдать результат. Любопытство — вот что заставило его уйти в бродяги. Человек он был весьма одаренный, одно время входил в «совет» колонии, но любопытство подзуживало на неудобные вопросы, подталкивало к неудобным мыслям…

Некогда ему придавало сил чувство собственной правоты. С годами правота как-то перестала ощущаться, но жалость и готовность помочь — остались. Для Рюмина порядочность вошла в старческую привычку.

Гость заворочался во сне. Лицо его задергалось, исказившись в причудливой гримасе. Рюмин удивленно сощурился. Странный парнишка… Хотя — чему уж тут удивляться, мало ли странностей в Системе? Вот если странности выходят из-под контроля — это да. Это становится интересным.

* * *

Проснувшись, Линдсей застонал.

— И на сколько же я отключался?

— На три часа и двадцать минут, — сообщил Рюмин. — Дня и ночи, мистер Дзе, здесь не бывает. Поэтому время мало что значит.

Линдсей приподнялся на локте.

— Проголодался?

Рюмин подал ему миску супа. Линдсей взглянул на варево с подозрением. Кружки жира на поверхности, белые комья в глубине… Он сунул ложку в рот — на вкус оказалось куда лучше, чем с виду.

— Спасибо, — сказал он, быстро налегая на суп. — Извини за беспокойство.

— Ерунда. Тошнота — вполне обычное дело, когда микробы Дзайбацу поселяются в желудке у новичка.

— А чего же ты послал за мной камеру?

Рюмин налил супа себе.

— Из любопытства. Я всегда наблюдаю за прибывающими — через радар. Большинство бродяг путешествуют группами; одиночки попадаются редко. Хотелось выяснить, кто ты и что ты. Таким образом я зарабатываю себе на жизнь. — Он доел суп. — Теперь расскажи-ка, что ты думаешь делать дальше.

— Если расскажу, ты мне поможешь?

— Не исключено. А то в последнее время как-то здесь стало скучно.

— На этом деле можно заработать.

— Чем дальше, тем интереснее! А если поконкретней?

— Сделаем мы вот что, — сказал Линдсей, вставая и поправляя манжеты. — Шейперские преподаватели говорили: «Лучшая ловушка для птиц — зеркало». О Черных Медиках я узнал на Совете Колец. Они не были генетически перекроены. Шейперы их презирали, оттого они и замкнулись в своем кругу. Этого обычая они держатся даже здесь. Но они любят, чтобы ими все восхищались. Вот я и стал зеркалом: показал им то, чего они желают. Посулил почет и уважение, которыми они будут облечены в качестве покровителей театра… — Он потянулся за пиджаком. — Ну а Гейша-Банк чего хочет?

— Денег и власти, — объяснил Рюмин. — И еще — сокрушения соперников. А соперники у них — Черные Медики.

— Атака по трем направлениям, — улыбнулся Линдсей. — Именно этому меня и учили. — Улыбка его вдруг исказилась; он схватился за живот. — Суп… Синтетический протеин, да? Что-то мне от него худо.

Рюмин рассудительно кивнул:

— Это — новые микробы. Придется тебе на несколько дней повременить с деловыми свиданиями. Понос у тебя, мистер Дзе.

Глава 2

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
28.12.15

Ночей на Дзайбацу не было вовсе, и это придавало страданиям Линдсея некий вечный, вневременной оттенок.

Антибиотики помогли бы почти сразу, однако рано ли, поздно, а с новой микрофлорой все равно придется осваиваться. Между приступами Рюмин от нечего делать развлекал его местными сплетнями и анекдотами. Все вместе они складывались в историю — сложную и безрадостную череду предательств, мелких свар и бесцельной борьбы за власть.

Самой многочисленной из группировок Дзайбацу были фермеры-водорослеводы, народец мрачный и фанатичный, замкнутый, невежественный, не чуждавшийся, по слухам, и людоедства. Далее следовали математики — прошейперская группировка, большую часть времени проводившая в рассуждениях на предмет теорий бесконечных множеств. Маленькие купола были населены каперами и пиратами: Раскольники Гермеса, Радикалы Серого Тора, Гранмегалики, Союзные Эклектики и прочие, менявшие названия и облики столь же просто, как просто они резали глотки. Меж собой они грызлись постоянно, но ни одна группировка не смела бросить вызов Черным Медикам или же Гейша-Банку. В прошлом подобные попытки предпринимались; ужасные легенды о них еще сохранились в памяти общества.

Живущие за Стеной тоже занимали свое место в весьма разнообразных мифах. Утверждали, что живут они в джунглях разросшихся мимоз и сосен, с виду уродливы, у каждого на руках по два больших пальца, и все они от роду поголовно глухи.

Кое-кто заявлял, что за Стеной нет вообще ничего человекоподобного, а только набор саморазмножающихся программ, достигший ужасающей независимости.

И конечно же, вполне допускалась возможность тайного вторжения и захвата застойной территории — пришельцами. Вокруг данной концепции пышным цветом расцвела целая отрасль постиндустриального фольклора, построенного на аргументах весьма остроумных. Прихода пришельцев с иных звезд рано или поздно ожидали все. Явление их должно было открыть новую эпоху — наподобие современной версии Царствия

Божьего.

Рюмин терпеливо выхаживал Линдсея. Пока тот забывался сном, он патрулировал Дзайбацу посредством робокамеры и высматривал, что там новенького. Миновав кризис, Линдсей пошел на поправку — уже в состоянии был поесть супу и жареного протеина со специями.

Во время такого обеда какой-то из рюминских аппаратов, издав оглушительный писк, ярко замигал индикатором. Рюмин, не отрываясь от сортировки кассет, взглянул на него.

— Это радар, — пояснил он. — Дай-ка мне видеоочки.

Подобравшись к радару, Линдсей передал ему клейкие видеодиски. Рюмин нацепил их на виски.

— У радара слабое разрешение, — сказал Рюмин, закрывая глаза. — Толпа какая-то приехала. Пираты, скорее всего. На посадочной сейчас.

Он сощурился, хотя глаза его и так были закрыты.

— И что-то у них там довольно крупное. Просто громадное что-то приволокли… Переключусь-ка я, пожалуй, на телефото.

Он выдернул шнур видеоочков из гнезд радара.

— Выйду взгляну, — предложил Линдсей. — Я уже в состоянии.

— Только сперва подключись. Возьми вот наушники и какую-нибудь из камер.

Разобравшись с электроникой, Линдсей расстегнул молнию шлюза и ступил наружу, в густой, холодный воздух.

Обогнув купол, он направился в сторону обода землепанели, потом свернул и рысцой взбежал на ближайший мостик через низкую металлическую стену. Там он направил камеру вверх:

— Вот, хорошо, — прозвучал в наушниках голос Рюмина. — Яркость прибавь, там справа такая кнопочка… Да, так лучше. Ну, мистер Дзе, что скажешь?

Зажмурив один глаз, Линдсей приник к видоискателю. Высоко над головой, у северного окончания продольной оси Дзайбацу, дюжина бродяг в невесомости пыталась обуздать громадный серебристый мешок.

— Вроде палатку надувают, — сказал Линдсей. Сморщенный серебристый мешок внезапно развернулся в цилиндр. На боку стал виден рисунок в человеческий рост высотой — красный череп и две скрещенные молнии.

— Пираты! — сказал Линдсей.

— Так я и думал, — хмыкнул Рюмин.

Налетел резкий порыв ветра. Линдсей, на секунду потеряв равновесие, посмотрел вниз. Долгая белая стеклянная панель под мостиком была порядком изношена. Шестиугольные блоки

метагласса испещрены были темными заплатами; растяжки их неряшливо топорщились. Швы и трещины были залиты пластиком. Сквозь стекло сочился неяркий солнечный свет.

— Ты там как — в порядке? — спросил Рюмин.

— Извини, — ответил Линдсей и снова направил камеру вверх.

Пираты уже подняли свой серебристый аэростат в воздух и запустили на нем два пропеллера. Всплыв над посадочной площадкой, баллон дернулся и пошел вперед, увлекая за собой какой-то темный предмет — с виду вроде странной формы валун, поперечником с человеческий рост.

— Метеорит, — объяснил Рюмин. — В дар живущим за Стеной. Ты видел камни в Стерильной зоне? Пиратские дары. Это уже стало традицией.

— А по земле отволочь они что, не могут?

— Шутишь. Ступить в Стерильную зону — верная смерть.

— Ясно. Приходится сбрасывать с воздуха. А ты знаешь этих пиратов?

— Нет. Впервые вижу. Потому они и камень приволокли.

— Но кому-то они здесь, похоже, уже знакомы. Взгляни.

Линдсей навел камеру на третью сельхозпанель, лежавшую чуть дальше пиратского аэростата. Большую часть ее площади заполонила плесень; кое-где над нею клубился низовой желтоватый туман.

Ближе к центру панели, неподалеку от развалин северных пригородов, виднелся приземистый многоцветный купол из разнокалиберных кусков пластика и керамики. Из его шлюза выбежала толпа суетливых, как муравьи, бродяг. Поглядывая вверх сквозь стекла противогазов, они волокли за собой грубо сляпанную конструкцию из лебедок, тросов и рычагов. Затем они стали свой агрегат поднимать, пока один из его концов не нацелился в небо.

— Что это они делают? — спросил Линдсей.

— Кто его знает… Это — Восьмая орбитальная армия. По крайней мере, они сами так себя называют. До сих пор жили затворниками.

Пиратский аэростат плыл в воздухе, бросая тени на все три сельхозпанели. Один из бродяг что-то там в механизме дернул.

Вверх взвился длинный металлический гарпун. Блеснув в воздухе, он вонзился аэростату в бок. В хвостовой части сделанной из фольги оболочки образовалась дыра. Прошив оболочку навылет, гарпун полетел дальше. Удар изменил его траекторию, теперь он описывал в небе дугу, подчиняясь эффекту Кориолиса. Наконец стрела исчезла в переплетении ветвей

сгнившего сада.

Пираты засуетились, пытаясь увести поврежденный воздушный шар подальше от атакующих.

Привезенный ими массивный валун, влекомый неспешной инерцией, натянул тросы. Дыра в оболочке начала увеличиваться, и хвостовая часть оторвалась от аэростата.

Громко зашипел газ, и аэростат мгновенно превратился в бесформенный, сплюснутый комок фольги. Двигатели, увлекая за собой оторванный серебристый хвост, падали вниз.

В это время пираты делали отчаянные попытки удержаться в зоне невесомости. Тем более отчаянные, что неспешные, засасывающие, нисходящие токи воздуха в любую секунду могли увлечь вниз, навстречу смерти.

Валун вошел в клубы облаков. Темная масса, слегка повиливая, величаво шла на снижение и скоро пропала в дымке. Секундой позже метеорит появился снова — уже под облачным слоем — и вскоре врезался в стекло оконной панели.

Линдсей, удерживавший его в поле зрения камеры, услышал странный хруст. Воздух, увлекая за собой осколки стекла, обломки металла и пластика, с ревом устремился в пространство.

Подбрюшье облака, нависшего над местом крушения, закрутившись, потянулось к пролому. Над пробоиной вырос плюмаж белого тумана — резкое понижение давления привело к конденсации пара.

Подняв камеру над головой, не обращая внимания на удавленный, протестующий возглас Рюмина, Линдсей прыгнул вниз и побежал к пробоине.

Через минуту он был у цели — настолько близко, насколько осмелился подойти. Спрятавшись за ржавой растяжкой заглушки метрах в десяти от пробоины, он взглянул вниз, под ноги, сквозь грязное стекло. Там, в лучах солнечных зеркал, сияла радугой длинная струя замерзающего пара.

Ревущий ток воздуха принес с собой сильный ливень. Линдсей прикрыл объектив ладонью.

Краем глаза он заметил движение. К пролому, волоча за собой длинный рукав, спотыкаясь о затычки и о растяжки, еле держась на ногах под порывами ураганного ветра, бежали фермеры.

У края пробоины, захваченный ветром, разбился пятнистый патрульный роболет. Струя воздуха мгновенно унесла обломки наружу.

Рукав задергался под напором жидкости, и из насадки хлынул гейзером серо-зеленый пластик. Прилипая к стеклу, он быстро затвердевал.

Под напором воздуха заплата содрогалась, однако держалась. Постепенно пластик заливал пробоину, и рев сделался тише, перейдя в негромкий свист.

Загерметизировав пробоину, люди еще некоторое время продолжали качать пластик. Потревоженные тучи сочились дождем. Тут Линдсей заметил еще одну группу фермеров, стоявших вдоль оконной панели. Сблизив головы в противогазах, они указывали куда-то вверх.

Линдсей поднял взгляд.

Вихрь вырвал из слоя туч клок, сквозь полукруглую прогалину Линдсей увидел купол Восьмой орбитальной армии. Вокруг него на земле лежали, не шевелясь, крохотные фигурки в белых скафандрах.

Линдсей навел на них камеру. Фанатики из Восьмой орбитальной… Некоторые, видно, пытались укрыться в куполе — у шлюза, с распростертыми руками, лежали друг на друге сразу несколько тел.

Пиратов с аэростата не было видно. Линдсей поначалу решил, что они отступили на посадочную площадку, но неожиданно одного заметил: разбившегося о ближайшую светопанель.

— Замечательное кино, — сказал Рюмин. — Но соваться туда было бы идиотизмом чистой воды.

— Я как-никак твой должник, — отвечал Линдсей, рассматривая трупы. — Схожу-ка туда.

— Давай я лучше отправлю робота. Там скоро появятся мародеры.

— Вот я с ними и познакомлюсь. Могут пригодиться.

Он перешел по мостику на грунтовую панель. Легкие жгло, однако Линдсей решил обойтись без маски. Репутация стоит риска.

Миновав владения Черных Медиков, он пересек еще одну светопанель, и направился к куполу Восьмой орбитальной армий. На третьей сельхозпанели никто, кроме них, не жил, ее оставили после того, как на ней поселилась какая-то особо заразная пакость. От сельского хозяйства остались лишь реденькие пучки стеблей — высотой по щиколотку. Жилища и надворные постройки в пастельных тонах, разграбленные, но не разрушенные, единственная неорганика в царстве гнили, казались каким-то немыслимым чудом.

Купол затворников был сооружен из обрезанных и подогнанных друг к другу пластиковых дверей. Вокруг, недвижно лежали тела — как-то странно вывернув руки и ноги, словно смерть настигала их прежде, чем они успевали упасть. Что самое

удивительное, сцена не вызывала ни капли ужаса. Словно мертвые были не люди, а какие-то безликие пластиковые куклы. Да и сама принадлежность их к людям была обозначена лишь воинскими знаками отличия на плечах. Линдсей насчитал восемнадцать тел.

Стекла противогазов изнутри покрывал налет влаги.

Поблизости негромко зажужжали моторы. Две машины, заложив крутой вираж, приземлились, взборождив полозьями землю. Прибыли двое пиратов с аэростата.

Линдсей навел на них камеру. Спешившись, они вынули из прорезей кредитные карты, и самолеты улетели.

Пираты, полусогнув ноги, что говорило о непривычности к притяжению, подошли к Линдсею. Их красные комбинезоны были украшены серебристыми изображениями скелетов в натуральную величину.

Пират, что повыше ростом, ткнул ногой близлежащий труп.

— Вы видели? — спросил он по-английски. — Что это их?..

— Их убили роболеты, — ответил Линдсей. — Они «физически угрожали конструкциям».

— Восьмая орбитальная армия, — пробормотал высокий пират, рассмотрев наплечную нашивку.

— Фашисты. Вонючки антинародные, — буркнула сквозь респиратор его спутница.

— Вы их знаете? — поинтересовался Линдсей.

— Да уж встречались, — отвечал первый пират. — Хотя не думали, что они теперь здесь. Да, — вздохнул он, — накладочка вышла… Как вы полагаете, там, внутри, кто-нибудь остался?

— Разве что мертвые. Роболеты вооружены рентгеновскими лазерами.

— Вот как… А жаль. Хоть бы одного собственными руками…

Линдсей левой рукой изобразил жест службы внешнего наблюдения: за нами следят. Высокий пират быстро поднял взгляд. Солнечный луч сверкнул на серебристом черепе-маске, закрывавшем его лицо.

Затем глаза его, прикрытые металлизированным серебристым стеклом, уставились на Линдсея:

— Слушай, гражданин, а ты-то чего без маски?

— Вот моя маска, — сказал Линдсей, коснувшись рукой лица.

— Посредник, значит? Работу ищешь? А то у нас последний дипломат только что гикнулся. Невесомость как переносишь?

— Осторожнее, господин президент, — вмешалась его спутница. — Вспомните конфирмационные слушания.

— Не встревай в официальные переговоры, — раздраженно отрезал президент. — Я представлю нас. Я — президент

Горняцкой Демократии Фортуны, а это моя супруга, спикер парламента.

— Лин Дзе, от «Кабуки Интрасолар». Театральный импресарио.

— Это — наподобие дипломата?

— В общем, да, ваше превосходительство.

Президент кивнул.

— Не доверяй ему, господин президент, — предупредила спикер.

— Внешние сношения — прерогатива исполнительной власти, так что заткни хлебало, — рыкнул президент. — Слушай, гражданин, у нас сегодня был жутко тяжелый день. Нам же, понимаешь, давно пора в Банк — грязь со шкуры содрать, выпить по-человечески, а тут — нате вам, пожалуйста — вылезают откуда-то эти фашисты со своей зенитной хреновиной и наносят нам, значит, превентивный удар. Аэростату кранты, и даже этого блядского булыжника мы лишились.

— Весьма прискорбно, — согласился Линдсей.

Президент почесал в затылке:

— Ну да, в таких делах планировать трудно. Приходится решать на ходу. — Он помолчал. — Ладно, херня все. Пошли туда; может, добыча подвернется.

Спикер парламента вынула из кобуры, висевшей на красном плетеном поясе, ручную электропилу и принялась пилить стену купола. Замазка, скреплявшая пластиковые панели, легко поддавалась.

— Если хочешь жить, входить надо там, откуда не ждут, — пояснил президент. — Никогда не входи через шлюз: черт его знает, что там приготовлено.

Он что-то сказал в микрофон-браслет, пользуясь каким-то непонятным для Линдсея жаргоном.

Затем пираты вышибли вырезанный кусок панели и ступили внутрь. Линдсей, не прекращая съемки, последовал за ними. Поставив панель на место, женщина залила швы герметаком из маленького пульверизатора.

Сдернув черепообразную маску, президент втянул носом воздух. Его веснушчатое, невыразительное лицо украшал нос пуговкой; сквозь короткие рыжие волосы глянцевито просвечивала кожа. Все трое вошли в камбуз Восьмой орбитальной. Здесь стояли кресла и низкие столики, возле микроволновой печи лежали штабелем брикеты протеина, а в углу громко бурлили несколько ферментационных баков. У дверного проема на полу лежала мертвая женщина с красным, обожженным лицом.

— Добро, — сказал президент. — Поедим. Спикер сняла маску, явив миру худощавое лицо с маленькими, подозрительными глазками. Подбородок и шею ее покрывала красная сыпь.

Пираты осторожно прошли в следующее помещение. Оно оказалось одновременно спальней и командным пунктом — в центре помещалась стойка с примитивной видеоаппаратурой. Экраны тускло мерцали. Один из них был подключен к камере, следящей за входом; на нем видны были пираты, пробирающиеся к куполу пешим ходом через руины на северо-западе.

— Наши идут, — сказала спикер.

Президент оглядел помещение:

— Неплохо. Пожалуй, мы здесь задержимся. Хоть будет где держать воздух.

Под одной из коек что-то зашуршало. Спикер парламента нырнула туда. Линдсей направил на нее камеру. Последовал пронзительный визг, короткая возня, и она появилась, волоча за собой ребенка. Поставив его на ноги, она завернула ему руки за спину.

Ребенок оказался темноволосым, грязным, неопределенного пола. Глаза его злобно сверкали. Одет он был в подогнанную по размеру униформу Восьмой орбитальной. Нескольких зубов во рту не хватало. На вид ему было лет пять.

— Значит, не все тут сдохли, — констатировал президент, нагибаясь и заглядывая ребенку в глаза. — Где остальные?

Он пригрозил ребенку ножом. Клинок появился в его руке словно из ниоткуда.

— Говори, гражданин. А то кишки выпущу!

— Погоди, — сказал Линдсей. — Ребенок ведь…

— Не суйся, гражданин. Этому солдатику вполне может быть и восемьдесят. Эндокринные процедуры…

Линдсей, присев перед ребенком, заговорил с ним поласковее:

— Сколько тебе лет? Четыре, пять? На каком языке говоришь?

— Да пустое, — сказала спикер парламента. — Маленькая койка здесь только одна. Наверное, роболеты его просто не засекли.

— Или пощадили, — предположил Линдсей.

— Ну да, счас, — скептически хохотнул президент. — Слушайте, мы ж его банковским блядям можем продать. Минимум три часа внимания.

— В рабство?! — ужаснулся Линдсей.

— Какое-такое рабство? Ты о чем? Не приплетай сюда разных теологий, гражданин. Государство освобождает военнопленного,

передавая его третьей, незаинтересованной стороне. Совершенно законная сделка.

— Не хочу к блядям, — запищал ребенок. — Хочу к фермерам.

— К фермерам? — протянул президент. — Не понравится тебе у фермеров, микрогражданин. Может, тебя с оружием обращаться учили? Маленький боевичок нам бы не помешал. Пролезть, к примеру, по воздуховоду…

— Кстати, фермеров ты недооцениваешь.

Линдсей указал на экран. По внутреннему склону Дзайбацу шли, впрягшись в лямки волокуши, дюжины две фермеров. Они увозили мертвых солдат Восьмой орбитальной армии.

— Мать вашу! — зарычал президент. — Они бы и мне пригодились! Хотя, — ухмыльнулся он, — их тоже можно понять… В этих трупах — куча доброго протеина.

— Хочу к фермерам! — канючил ребенок.

— Пусть идет, — посоветовал Линдсей. — У меня совместные дела с Гейша-Банком, можно договориться с ними о поддержке для вас.

— Да? — Спикер парламента отпустила руку ребенка.

— Да, — кивнул Линдсей. — Дня через два я их уговорю.

Она взглянула мужу в глаза:

— А он — очень даже ничего. Давай назначим его госсекретарем.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
02.01.16

Гейша-Банк располагался в комплексе старинных, покрытых для герметичности шеллаком и соединенных путаницей переходов из полированного дерева и бумажных раздвижных шлюзов зданий. Задолго до упадка Дзайбацу здесь были кварталы «красных фонарей». Такой преемственностью Банк гордился; талантливая молодежь продолжала и развивала эксцентрические традиции предков.

Оставив одиннадцать граждан Горняцкой Демократии Фортуны в антисептической сауне под мочалками бесстрастных банщиков, Линдсей отправился по делам. Пираты уже несколько месяцев не имели возможности нормально помыться. Тела их бугрились мускулами — результат прилежных занятий невесомостным дзюдо. Потную кожу покрывали устрашающие татуировки и следы сыпи.

Линдсей прошел в раздевалку и отдал свою униформу, полученную от Черных Медиков в чистку и глажку, облачившись

взамен в мягкое коричневое кимоно. К нему подошел гейша-мужчина, из тех, что пониже рангом, в кимоно и оби:

— Чего желаете, господин?

— Я желал бы переговорить с яритэ.

Вежливый взгляд гейши на миг стал скептическим.

— Один момент. Я только узнаю, готов ли наш исполнительный директор к приему гостей.

Он исчез. Через полчаса на смену ему появилась гейша-женщина, блондинка в деловом костюме и оби.

— Мистер Дзе? Пожалуйста.

Он проследовал за нею до лифта, охраняемого двумя мужчинами, вооруженными электродубинками. Охранники были настоящими великанами — голова Линдсея едва доставала любому из них до локтя. Длинные, непроницаемые лица выдавали акромегаликов: деформированные, непомерно разросшиеся челюсти, резко выдающиеся скулы… Вероятно, растили их на гормональных стимуляторах.

Поднявшись на три этажа, лифт остановился.

Линдсей увидел прямо перед собой плотную завесу из ярких бус. Тысячи звонких нитей, унизанных бусинами, свисали с потолка, опускаясь до самого пола. Любое прикосновение тут же потревожило бы занавесь.

— Возьмите меня за руку, — велела банкирша. Линдсей осторожно шагнул следом, подняв ужасный трезвон. — Ступайте осторожно, — добавила провожатая. — Здесь западни.

Линдсей, зажмурившись, подался за ней. Наконец она остановилась. В зеркальной стене открылась потайная дверь. Линдсей прошел в личные покои яритэ.

Пол был выложен старинным деревом, натертым до темного глянца. Под ногами лежали плоские квадратные подушки с набивным орнаментом из стеблей бамбука. Слева от Линдсея находились двустворчатые стеклянные двери, ведущие на залитый солнцем деревянный балкон. Дальше располагался роскошный сад; среди скрюченных сосенок и японских вишен вились дорожки, усыпанные ослепительно белой галькой. В комнате стоял запах свежей зелени. Зачарованный, Линдсей любовался образами былого, не пораженного еще гнилью Дзайбацу, проецируемыми на фальшивые, никуда не ведущие двери…

Яритэ со скрещенными ногами сидела на одной из подушек. Это была престарелая механистка с ярко накрашенным ртом и полузакрытыми глазами змеи. Ссохшуюся ее головку украшал лакированный шлемоподобный парик, проткнутый длинными деревянными булавками. Расшитое цветами кимоно топорщилось

жесткими складками; казалось, оно держится лишь на крахмале и на распорках. Внутри кимоно свободно поместились бы три таких, как она.

Вторая женщина сидела у правой стены лицом к изображению сада. Линдсей тут же узнал в женщине шейпера. Не только по изумительной красоте — ее окружало то самое, наподобие магнитного поля, неуловимое обаяние, присущее перестроенным. В ней соединились африканские и азиатские гены — миндалевидные глаза в сочетании с темной кожей. С выражением отрешенной преданности на лице сидела она, подогнув под себя ноги, перед белой клавиатурой синтезатора.

— Не забывай о своих обязанностях, Кицунэ, — не оборачиваясь, сказала яритэ.

Пальцы девушки пробежались по клавишам. Звуки синтезатора — древнейшего из японских инструментов — заполонили комнату.

Линдсей опустился на подушку, к старухе лицом. Сбоку к нему подкатил чайный столик. Кипяток заструился в чашку; фарфор издал легкий звон. Затем в чашку легла заварная ложечка с чаем.

— Ваши друзья-пираты, — заговорила старуха, — пустят вас по миру.

— Это — всего лишь деньги, — сказал Линдсей.

— Это — наша тяжелая малоприятная работа. Вы полагаете, нам приятно пускать ее по ветру?

— Я нуждался в вашем внимании, — сказал Линдсей.

Навыки дипломата с первых секунд включились в работу, но он опасался девушки. Вот уж кого он не ожидал здесь встретить, так это шейпера! К тому же в поведении старухи имелись какие-то странности. Наркотики, вероятно. Или механистская перестройка нервной системы.

— Вы явились сюда в одежде Черных Медиков. Поэтому не могли не привлечь к себе внимания. Мы слушаем.

Линдсей расширил и углубил свой план при помощи Рюмина. Но Гейша-Банк запросто мог разрушить все его замыслы; если так, нужно привлечь их на свою сторону. Он понимал, чего желают здешние заправилы. Он был готов изобразить для них зеркало. Если они узнают в нем собственные амбиции и мечтания, он выиграл.

Линдсей начал заранее продуманное представление.

— Итак, вы видите, что надеются извлечь из представления Черные Медики. Они замкнуты в четырех стенах, а это ведет к паранойе. Финансируя постановку нашей пьесы, они надеются укрепить свой престиж. — Он выдержал театральную паузу. — Но

мне нужна труппа. Гейша-Банк — вот для меня источник талантов. Без Черных Медиков я еще обойдусь, но без вас обойтись не смогу.

— Понимаю, — проговорила яритэ. — Теперь объясните: отчего вы полагаете, будто мы можем извлечь из ваших замыслов выгоду?

Взгляд Линдсея сделался до боли обиженным.

— Я прибыл сюда ради культурного мероприятия. Неужели этого недостаточно?

Он покосился на девушку. Пальцы ее быстро перебирали клавиши. Внезапно она подняла голову и с легкой улыбкой заговорщицы заглянула в его глаза. Меж ровных, великолепных ее зубов мелькнул кончик языка. Улыбка блистательной хищницы, полная вожделения и соблазна. Кровь закипела у него в жилах. Волосы на затылке вздыбились. Самообладание ускользало.

Спина Линдсея покрылась гусиной кожей. Он опустил глаза.

— Хорошо, — с трудом выговорил он. — Я вижу, вам этого недостаточно. И это меня не удивляет. Видите ли, мадам, вы соперничаете с Медиками уже много лет… А я предлагаю вам шанс выманить их на открытое место и заставить сражаться на вашей территории. В финансовых вопросах они — наивные младенцы! Наивные — и жадные. Им очень не нравится оперировать в финансовой системе, контролируемой вами. Дай им хоть малейшую надежду на успех, и они тут же приступят к формированию собственной экономики. Так не мешайте же им. Пусть формируют. Пусть сами себя загоняют в гроб. Пусть раз за разом снимают навар, пока не потеряют чувство меры и не падут жертвами собственной жадности. А потом — проткните их пузырек.

— Нонсенс, — сказала старуха. — Актер учит банкира вести дела?

— Поймите, что вы имеете дело не с механистским картелем, — подавшись вперед, убежденно сказал Линдсей. Он знал, он чувствовал, что девушка смотрит сейчас на него. — Там просто три сотни техников, усталых, напуганных, полностью изолированных… Идеальная жертва для массовой истерии. Лихорадка азарта захлестнет их быстрее любой эпидемии. — Он вновь выпрямился. — Поддержите меня, мадам. Я стану вашим агентом, вашим брокером и посредником. Они никогда не подумают, что за их крахом стоите вы. Да что там — они явятся к вам просить помощи!

Он поднес к губам свою чашку. Чай отдавал синтетикой.

Старуха словно бы размышляла, но лицо ее выражало совсем другое. Ни единого признака, выдающего течение мыслей, ни

единого движения рта, век, горла… Лицо старухи было не просто спокойным. Оно было абсолютно недвижным.

— Перспективы есть, — наконец сказала она. — Но дело должен контролировать Банк. Негласно, но полностью. Как вы нам гарантируете контроль?

— Контроль будет вашим, — пообещал Линдсей. — Воспользуемся моей компанией, «Кабуки Интрасолар», как прикрытием. Вашими связями за Пределами Дзайбацу — для выпуска фиктивных акций. Я выброшу их на здешний рынок, а Банк будет вести себя нерешительно, что позволит Медикам одержать блистательную победу и захватить контроль над предприятием. Фиктивные держатели, ваши агенты, запаникуют и начнут предлагать новым владельцам за их акции огромные деньги. Это развеет сомнения Медиков и придаст им уверенности в себе. Вы же будете взаимодействовать со мной в открытую. Поставите актеров и актрис; вы будете ревностно бороться за это право… Ваши гейши всем клиентам уши прожужжат о постановке. Вы распространите слухи о моем обаянии, гении и скрытых ресурсах, будете подчеркивать мою экстравагантность и окружите наше предприятие атмосферой беззаботного гедонизма. Таким образом мы кинем весь Дзайбацу.

Старуха молчала. Глаза ее невидяще взирали в пространство.

Низкие, чистые звуки синтезатора внезапно оборвались. Отзвуки еще какое-то время витали в воздухе.

— И все получится как задумано? — спросила девушка.

Он взглянул ей в лицо. Покорное выражение исчезло, словно слой грима. Выражение темных глаз потрясало. Их переполняло откровенное, всепоглощающее желание. Линдсей ни на миг не усомнился в искренности этих глаз — такое лежит за гранью притворства. Что там — за гранью человеческого!

Не помня себя, он встал на одно колено, все так же глядя в ее глаза.

— Да, — хриплым голосом проговорил он. — Клянусь.

Пол холодил ладонь. Только тут он осознал, что невольно, едва не ползком, движется к ней.

А она все смотрела на него и смотрела, и вожделение в ее взгляде было смешано с восхищением.

— Кто ты? Скажи, дорогой! Скажи мне правду!

— Как и ты. — Он заставил себя остановиться. Руки дрожали. — Произведение шейперов.

— Я хочу рассказать тебе, что они сделали со мной. Позволь, я расскажу о себе.

Линдсей лишь кивнул — от болезненного возбуждения пересохло в горле.

— Х-хорошо, — выдавил он. — Расскажи, Кицунэ.

— Меня отдали хирургам. Они удалили матку и добавили нервных тканей. Соединили центр наслаждения с задом, горлом и позвоночником — и это лучше, чем быть богом, мой дорогой. Когда я возбуждена, я потею духами. Я чище стерильной иглы, а все, что исторгает мое тело, можно пить, подобно вину, или есть, подобно пирожным. И мне оставили мой острый, ясный разум, чтобы я знала, что такое смирение. Дорогой, ты знаешь, что такое смирение?

— Нет, — резко ответил Линдсей. — Зато знаю, что такое — плевать на смерть.

— Мы не похожи на других, — сказала она. — Они от нас отказались. И теперь мы можем делать с ними все, что только пожелаем, ведь правда?

Переливчатый ее смех вогнал в дрожь. С балетной грацией Кицунэ перепрыгнула клавиатуру синтезатора.

Босая ее ступня пнула старуху в плечо, и яритэ со стуком упала. Лакированный парик, разметав ленты, отлетел в сторону. Голый череп старухи был покрыт сетью разъемов.

— Клавиатура… — вырвалось у него.

— Она — мой фасад, — пояснила Кицунэ. — Такова моя жизнь — фасады, фасады, фасады… Реально лишь наслаждение. Наслаждение властью.

Линдсей облизнул пересохшие губы.

— Дай же мне настоящее, — сказала она.

Одним рывком она развязала оби. Кимоно ее украшал орнамент из ирисов и фиалок. Кожа под кимоно — раз к такой прикоснуться, а там не жалко и умереть…

— Иди сюда, — позвала она. — Дай моим губам твои губы.

Приблизившись, Линдсей обнял ее. Горячий язык глубоко скользнул в его рот, принеся с собой пряный привкус.

Ее слюнные железы вырабатывали наркотик.

Они опустились на пол под мертвенным взглядом полуприкрытых старухиных глаз.

Ее руки скользнули под его кимоно.

— Шейпер, — сказала она. — Я хочу твое тело.

Теплая ладошка ласкала пах. Он подчинился.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
16.01.16

Линдсей лежал в куполе Рюмина на полу, прижав ладони к вискам. На левом его запястье был золотой браслет с двумя рубинами. Черное атласное кимоно с едва заметным тканым

рисунком из ирисов и брюки-хакама соответствовали самой последней моде.

На правом рукаве кимоно красовалась эмблема фиктивной корпорации «Кабуки Интрасолар» — стилизованная белая маска с черной и красной лентами поперек глаз и рта. Задравшийся рукав кимоно обнажал кровоподтек от укола на сгибе локтя. Он работал на стимуляторах.

— Хорошо, — сказал Линдсей, снова поднося к губам микрофон, — Сцена третья. Амисима. Сихэй: «Сколь далеко ни уйдем, нигде не отыщется места, отмеченного знаком самоубийства. Погибнем же здесь». Далее — Кохару: «Да, поистине так. Одно место не лучше другого, чтобы умереть. Но я подумала: найдя тела наши рядом, люди скажут, что Сихэй и Кохару совершили самоубийство любящих. Представляю, как возненавидит и проклянет меня твоя жена. Так убей же меня здесь, а потом найди себе место подальше». Опять Сихэй…

Внезапно Линдсей замолчал. Рюмин, пока он диктовал, занимался странным каким-то делом. Нечто наподобие ленточек плотной коричневой бумаги он уложил продолговатой кучкой на листке тонкой белой бумаги, после чего свернул из белой бумаги трубочку и заклеил языком шов.

Зажав в губах кончик бумажного цилиндрика, он взял какое-то металлическое устройство и нажал кнопку на его крышке. Линдсей, удивленно глазевший на него, издал громкий вопль:

— Огонь! Господи боже, огонь! Огонь!

Рюмин выдохнул облачко пара.

— Что за хрень с тобой такая? Крохотный язычок пламени никому не повредит.

— Но это же огонь! Боже милосердный, я никогда в жизни не видел открытого огня. — Линдсей понизил голос. — А ты уверен, что сам не загоришься? — Он с опаской смотрел на Рюмина. — У тебя легкие дымятся!

— Да нет же. Это такое новшество. Совсем маленький новый порок, — пожал плечами старый механист. — Может, малость и вреден — так ведь полезных пороков не бывает.

— Что это у тебя?

— Кусочки бумаги, пропитанной никотином. Ну и плюс кое-какие ароматизаторы. Довольно-таки неплохо. — Он вынул сигарету изо рта. Взглянув на тлеющий кончик, Линдсей содрогнулся. — Да ты не дергайся. Здесь — не то, что в других колониях. Огонь не страшен. Грязь не горит.

Снова опустившись на пол, Линдсей издал стон. Мозг его тонул в воспоминаниях. Голова болела. Им владело неописуемое чувство: словно в первое мгновение приступа дежа вю. Словно

хочешь чихнуть, а никак не чихается…

— Ну вот, место из-за тебя потерял, — брюзгливо сказал он Рюмину. — Подумать только, сколько все это для меня значило! Эти пьесы, заключающие в себе все сохранившиеся ценности человеческой жизни!.. Оставленные нам в наследство, когда не было еще ни шейперов, ни механистов. Человеческая, непрочная, первозданная жизнь…

Рюмин стряхнул пепел в черный футляр от объектива.

— Ты, мистер Дзе, рассуждаешь как орбитальный абориген. Настоящий «цепной». Где твоя родина? В ССР Моря Кризисов? Или в Коперникианском Содружестве?

Линдсей втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Ладно, прости уж мне мое стариковское любопытство, — сказал Рюмин, выпуская густое облако дыма и почесывая красный след от видеоочков на виске. — Давай-ка я тебе объясню, мистер Дзе, в чем твои трудности. Вот ты прочел три композиции: «Ромео и Джульетта», «Трагическая история доктора Фаустуса» и — последнюю — «Самоубийство влюбленных на Амисима». На мой взгляд, как-то это все — не то.

— Да-а? — протянул Линдсей возмущенно.

— Да. Во-первых, малопонятно. Во-вторых, мрачно до невозможности. И в-третьих, что хуже всего, пьесы эти — доиндустриальные. А теперь — что я думаю в целом. Ты организовал дерзкое жульничество, вызвал невообразимую суматоху и весь Дзайбацу поставил на уши. В возмещение надо бы хоть немножко развлечь народ.

— Развле-ечь?

— Да. Я же знаю бродяг. Им нужно, чтобы, их развлекали, а не лупили по репе тяжеловесными древностями. Они хотят слушать о настоящих людях, а не каких-то там дикарях.

— Но… тогда это уже будет не человеческой культурой…

— И что с того? — Рюмин пыхнул сигаретой. — Я тут поразмыслил… Словом, ты мне прочел три этих «пьесы», и суть я ухватил. Не шибко-то это сложно. Пожалуй, дня за два-три сработаю подходящую.

— Думаешь?

Рюмин утвердительно кивнул.

— Только придется кой от чего избавиться.

— Например?

— Первым делом — от гравитации. Кроме как в невесомости хороший танец или же драку не изобразить.

Линдсей сел прямо.

— Танец или драку?!

— Точно. Публика-то у нас какая? Бляди, фермеры, два

десятка пиратских шаек да полсотни беглых математиков. Драки и танцы всем им понравятся. Сцену — долой, слишком плоская. Занавес тоже, это все при помощи света сделаем. Ты-то, может быть, и привык к старинным окололунным станциям с их проклятым центробежным тяготением, но современным людям нравится невесомость. Бродяги и так достаточно в жизни натерпелись — пусть у них хоть в кои-то веки будет праздник.

— Это что же — забираться в невесомость?

— Ну да. Соорудим аэростат — огромный пузырь, надуем… Запустим с посадочной площадки и закрепим растяжками. Тебе же всяко пришлось бы строить театр, правильно? Так что мешает соорудить его в воздухе? Всем виден будет.

— Конечно. — Линдсей улыбнулся. Он начал проникаться идеей. — И нарисуем на нем эмблему Корпорации.

— И флаги снаружи вывесим.

— А внутри будем продавать билеты. Билеты и акции… — Линдсей громко захохотал. — Я знаю даже, кто нам его построит!

— Только названия не хватает. Пусть называется… «Пузырь Кабуки»!

— «Пузырь»! — Линдсей прихлопнул по полу. — Точно!

Рюмин улыбнулся, скручивая новую сигарету.

— Слушай, — сказал Линдсей, — а дай-ка и мне попробовать.

* * *

ПОСКОЛЬКУ наш народ на протяжении всей своей истории достойно встречал новые начинания.

ПОСКОЛЬКУ государственному секретарю Лин Дзе потребовались специалисты по техническим вопросам воздухоплавания, каковых среди наших граждан множество.

ПОСКОЛЬКУ государственный секретарь Дзе как представитель автономной корпораций «Кабуки Интрасолар» подтвердил согласие оплатить народный труд щедрой долей акций поименованной Корпорации Парламентом Горняцкой Демократии Фортуны при поддержке Сената.

ПОСТАНОВЛЯЕТСЯ: Народ берет на себя постройку зрительного зала «Пузырь Кабуки», принимает участие в рекламной кампании акций «Кабуки», а также обеспечивает политическую и физическую защиту имущества, персонала и оборудования «Кабуки».

* * *

— Отлично. — Линдсей заверил документ и спрятал Государственную печать Фортуны обратно в кейс. — Раз ГДФ обеспечивает безопасность, то я спокоен.

— Да что там, — сказал президент. — Всякий наш дип, кому надо, может иметь сопровождающих хоть двадцать четыре часа в сутки. Особенно если идет в Гейша-Банк, ты ж понимаешь.

— Резолюцию нужно размножить и распространить по Дзайбацу. Это поднимет акции пунктов на десять. — Линдсей взглянул в глаза президента. — Только не жадничайте. Когда поднимутся до полутораста, начинайте понемногу продавать. И корабль держите наготове.

— Не беспокойся, — подмигнул президент, — Мы тут тоже в носу не ковырялись. Такое соглашеньице подписали с одним меховским картелем! А то — охрана занятие неплохое, но для народа утомительное. Когда приведем в норму «Красный Консенсус», придет наше время повеселиться.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
13.03.16

Совершенно вымотавшийся, Линдсей спал, подложив под голову атташе-кейс. За фальшивыми дверями занималась рукотворная заря. Кицунэ задумчиво перебирала клавиши синтезатора.

Ее искусство давно превзошло пределы простого технического навыка. То было подлинное мастерство, исходящее из самых темных глубин подсознания. Синтезатор мог повторить и превзойти любой инструмент, мог разложить его звуковой портрет на отдельные волновые колебания и вновь воссоздать — в абстрактной, стерильной чистоте. Музыка его была проникнута до болезненности логичной, безошибочной ясностью.

К ясности этой стремились многие инструменты, но — безуспешно. Неудачи их придавали звучанию некую человечность. А мир человечности — это мир потерь, разбитых надежд, первородного греха; мир, вечно молящий о милосердии, понимании и сострадании… Нет, такой мир — не для нее.

Мир Кицунэ представлял собою фантастическую, чистую, как слеза, реальность порнографии высшего порядка, вечного вожделения, не знающего усталости и покоя, прерываемого лишь спазмами сверхчеловеческого напряжения. Вожделение вытесняло все прочие проявления жизни — так же как свист обратной связи заглушает целый оркестр.

Будучи создана искусственно, Кицунэ принимала лихорадку своего мира с бездумностью хищника. Жизнь ее была абстрактной

и чистой, словно горячая, наизнанку вывернутая святость.

Подобное хирургическое насилие обратило бы обычную человеческую женщину в тупое эротическое животное, однако Кицунэ была шейпером и поэтому — наделена сверхчеловеческими шейперскими гением и стойкостью. Узость мира Кицунэ превратила ее в нечто острое и скользкое, подобное намасленному клинку стилета.

Восемь лет из своих двадцати провела она в Банке, где общалась с клиентами и соперниками на условиях, полностью для нее понятных. И все же она знала, что существует огромная область умственного, естественная для всего человечества и недостижимая для нее.

Стыд. Гордость. Вина. Любовь… Все эти чувства были для нее размытыми тенями, мрачным, презренным мусором, сгорающим дотла в мгновенном взрыве экстаза. Она была способна к человеческим чувствам, но редко обращала внимание на такие мелочи. Они оставались в ней, словно второе подсознание, скрытый интуитивный пласт, погребенный под постчеловеческим образом мышления. Сознание ее было сплавом холодной практической логики и судорожного наслаждения.

Кицунэ понимала, что Линдсею — при его примитивном мышлении — до нее далеко. Она питала к нему нечто наподобие жалости, некое невнятное, неосознанное сочувствие. Она считала его очень старым шейпером, из первых поколений. В те времена возможности генной инженерии были еще ограничены, и шейперы лишь слегка отличались от изначального человеческого сырья.

В таком случае ему, должно быть, не меньше ста лет. Выглядеть в этом возрасте столь молодо невозможно без действенной технологии продления жизни. Он представлял собой ту эпоху, когда искусство перекраивания человека еще не обрело настоящей силы. Тело его было полно бактерий. Но ни об антибиотиках, принимаемых ею, ни о мучительных антисептических душах, ни о суппозиториях Кицунэ ему не рассказывала. Зачем ему знать о том, что он ее заражает? Пусть все между ними останется чистым…

Она испытывала к Линдсею холодное уважение. Он был для нее источником удовлетворения — бескорыстного и платонического. Уважение к нему было уважением мастера к инструменту, мясника к острому стальному клинку. Пользование им доставляло ей удовольствие. Хотелось, чтобы он не сломался чересчур быстро, и она с наслаждением доставляла ему то, что, по ее мнению, было необходимо ему для долгого функционирования.

Для Линдсея же порывы ее были сокрушительными. Лежа на татами, он разлепил веки и тут же потянулся к кейсу под головой. Пальцы его сомкнулись на пластиковой ручке, и сигнал тревоги в сознании отключился, но это первое облегчение лишь пробудило к жизни другие системы, и он пришел в полную боевую готовность.

Он увидел, что находится в покоях Кицунэ. В саду за стеклянными дверями занималось утро. Свет искусственной зари выхватывал из темноты инкрустированные комоды и окаменелый бонсай под плексигласовым колпаком. Некая подавленная часть его испустила отчаянно-жалобный стон, но он не обратил на это внимания. Новая лекарственная диета восстановила до полного объема полученные от шейперов навыки, и потакать собственной слабости Линдсей не собирался. Он был готов к действию, словно стальной капкан, и полон неспешной терпеливости, придававшей реакции и восприятию постоянную предельную отточенность.

Он сел и увидел Кицунэ за клавиатурой.

— С добрым утром.

— С добрым утром, дорогой. Хорошо выспался?

Линдсей прислушался к ощущениям. Какой-то из ее антисептиков обжег ему язык. На спине, оставленные ее по-шейперски сильными пальцами, чувствительно побаливали кровоподтеки. В горле першило — надышался вчера нефильтрованным воздухом… — Замечательно, — улыбнулся он, отпирая хитрый замок кейса.

Надев кольца, он влез в хакама.

— Хочешь есть?

— Нет, до инъекций не буду.

— Тогда помоги включить мой фасад.

Линдсей подавил дрожь отвращения. Он терпеть не мог высохшее, воскоподобное, киборгизированное тело яритэ, и Кицунэ отлично об этом знала. Но заставляла его помогать — то была мера контроля над ним.

Линдсей, понимая это, помогал ей охотно; он, понятным ей способом, хотел отблагодарить Кицунэ за доставляемое ему наслаждение.

Однако что-то такое внутри не желало мириться с этим. В перерывах между инъекциями навыки его на время отключались, и он чувствовал в их отношениях ужасающую печаль. Ему было жаль ее; он сожалел, что никогда не сможет возбудить в ней простого чувства товарищества, простого доверия и уважения…

Но простота здесь была неуместна.

Кицунэ выволокла яритэ из биомониторной колыбели под полом. Существо это в некотором смысле уже давно перешло

грань клинической смерти; порой ее приходилось, образно выражаясь, «заводить с толчка».

Технология была та же, какую использовали механистские киборги из радикальных старцев, а также — почти поголовно — граждане механистских картелей. Кровообращением управляли фильтры и мониторы, а внутренние органы контролировал компьютер. Импланты подстегивали сердце и печень гормонами и электроимпульсами. Собственная нервная система старухи давно уже ни на что не годилась.

Оценив показания биомониторов, Кицунэ покачала головой:

— Кислотность повышается быстрее, чем наши акции. Тромбы в мозгу… Старость. На одних проводах и заплатах держится.

Присев на пол, она сунула в рот старухи ложку витаминной пасты.

— Тебе нужно взять управление делами на себя.

Линдсей вставил наконечник капельницы в клапан на сгибе старухиного локтя.

— Хорошо бы, но — как от нее избавиться? Как объяснить, откуда у нее в голове гнезда? Можно скрыть путем пересадки кожи, но при вскрытии все равно выплывет. Персонал ожидает, что старуха будет жить вечно. Слишком много на это затрачено. Они пожелают знать, отчего она умерла.

Язык яритэ свело судорогой, и паста выдавилась из ее рта. Кицунэ раздраженно зашипела:

— Тресни ей по физиономии.

Линдсей пригладил всклокоченные со сна волосы.

— С самого утра-то… — почти умоляюще сказал он.

Кицунэ ничего не ответила — лишь слегка выпрямилась; лицо ее превратилось в чопорную маску. И Линдсей сдался. Размахнувшись, он дал старухе жестокую, хлесткую пощечину. На кожистой щеке появилось красное пятно.

— Глаза, — сказала Кицунэ.

Сжав пальцами дряблые щеки старухи, Линдсей повернул ее голову так, чтобы Кицунэ видела ее глаза. Различив во взгляде киборга смутный проблеск сознания, он внутренне содрогнулся.

Отведя руку Линдсея, Кицунэ легонько поцеловала его пальцы:

— Дорогой мой…

С этими словами она сунула ложку меж дряблых старческих губ.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
21.04.16

Пираты фортуны парили у стен «Пузыря Кабуки», словно красные с серебром бумажные силуэты. Воздух содрогался от треска сварки, визга шлифовальных кругов и свиста воздуха в фильтрах.

Свободные кимоно и хакама Линдсея развевались в невесомости. Он, в компании Рюмина, просматривал текст.

— Читку проводили?

— Ну, естественно. Все в восторге, не волнуйся.

Линдсей почесал в затылке. Волосы стояли дыбом.

— Как-то я не совсем понимаю, что из этого выйдет.

Еще до окончания сборки «Пузыря» внутрь проник пятнистый патрульный роболет. На фоне пастельных тонов треугольных панелей его грязно-серый камуфляж выделялся — лучше некуда. Кружа по пятидесятиметровой сфере, робот неустанно обшаривал ее объективами камер и направленными микрофонами. Линдсей был рад его присутствию, однако мельтешение раздражало.

— Сдается мне, я эту историю слышал и раньше. — Он пролистал печатные страницы. Поля — для неграмотных — были густо заполнены карикатурными человеческими фигурками. — Давай проверим, верно ли я понял. Группа пиратов с Троянцев похищает девушку-шейпера. Она — какой-то специалист по системам оружия, так?

Рюмин кивнул. С неожиданным процветанием он освоился быстро и теперь был одет в изысканный комбинезон синего в полоску шелка и свободный берет — последний писк механистской моды. На верхней губе поблескивала бусина микрофона.

— Шейперы, — продолжил Линдсей, — ужасаются тому, что пираты могут извлечь из ее мастерства, поэтому объединяются и осаждают пиратов. В конце концов хитростью проникают к ним и выжигают там все и вся. — Линдсей поднял взгляд. — Такое было на самом деле?

— Старая история, — отвечал Рюмин. — Когда-то нечто подобное действительно имело место. Да, я уверен. Но я спилил серийные номера, так что теперь эта история — моя собственная.

Линдсей одернул кимоно.

— Я мог бы поклясться… А, черт! Говорят, если забудешь что-то под вазопрессином, то уже никогда не вспомнишь. Память выжигается начисто…

Он раздраженно махнул пачкой листов.

— Сам будешь ставить? — спросил Рюмин.

Линдсей покачал головой:

— Хотелось бы, но лучше ставь ты. Ты же понимаешь, что

делаешь, да?

— Нет! — весело сказал Рюмин, — А ты?

— Я — тоже… Ситуация уже не в наших руках. За акциями «Кабуки» охотятся внешние вкладчики. Весть пришла по каналам Гейша-Банка. Боюсь, Черные Медики запродадут свои бумаги какому-нибудь механистскому картелю. А тогда… не знаю. Это будет означать…

— Это будет означать, что «Кабуки Итрасолар» стал вполне законным бизнесом.

— Да. — Линдсей скривился. — И, похоже, Черные Медики выйдут из дела без единой царапины. И даже при выгоде. Гейша-Банку это не понравится.

— И что с того? Надо идти вперед, иначе все рухнет. Банк уже заработал кучу денег на продаже акций «Кабуки» Черным Медикам. Старая грымза, управляющая Банком, от тебя без ума. И шлюхи только о тебе и толкуют.

Он указал на пространство сцены. Сцена представляла собою сферу, пронизанную тросами. Дюжина актеров отрабатывала сценические движения. Они перелетали с места на место, описывали петли, крутили сальто, прыгали, падали…

Двое столкнулись на полном ходу и замахали руками, ища опору.

— Эти вот акробаты — пираты, — объяснил Рюмин. — Четыре месяца назад за какой-нибудь киловатт глотки друг другу бы перегрызли. А теперь, мистер Дзе, иное дело. Теперь им есть что терять. Они заболели театром. — Рюмин заговорщически хихикнул. — Теперь они — не какие-нибудь вшивые террористы. И даже шлюхи — уже не просто сексуальные куколки. Они — самые настоящие актеры в самой настоящей «пьесе» с самой настоящей публикой. Мы-то с тобой, мистер Дзе, знаем, что все это — надуваловка, но какая разница. Символ имеет смысл, если кто-то наделяет его смыслом. А они в этот символ вложили все, что могли.

Актеры на сцене продолжили свои упражнения, с яростной решительностью перелетая с проволоки на проволоку.

— Трогательно… — задумчиво сказал Линдсей.

— Трагедия для тех, кто чувствует. А для думающих — комедия.

— Это еще что такое? — Линдсей подозрительно посмотрел на Рюмина. — Что ты задумал?

Тот поджал губы.

— У меня запросы простые, — отвечал он с напускной беззаботностью. — Раз этак лет в десять я возвращаюсь в картели и смотрю, не могут ли они для моих косточек учинить чего-

нибудь прогрессивное. А то в них прогрессирует лишь потеря кальция, а это, знаешь ли, не смешно. Хрупким становишься… А ты, мистер Дзе? — Он хлопнул Линдсея по плечу. — Не желаешь со мной прокатиться? Систему посмотришь, это тебе пригодится. Там, в пространстве, миллионов двести народу! Сотни поселений, несметное множество культур. И не думай, что они едва-едва зарабатывают себе на жизнь, как эти несчастные bezprizorniki. В большинстве своем они вполне буржуазны. Люди там живут уютно и богато. Возможно, технологии в конечном счете и превратят их в нелюдей, но таков уж их выбор. Причем выбор сознательный. — Рюмин экспансивно взмахнул руками. — Наш Дзайбацу — единственный криминальный анклав. Едем со мной, я покажу тебе сливки Системы. Ты должен увидеть картели.

— Картели… — Линдсей задумался. Присоединиться к механистам — значит, капитулировать перед идеалами радикальных старцев… В нем вспыхнула гордость. Он поднял глаза. — Ну уж нет! Пусть ко мне сами едут!

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
01.06.16

Для первого представления Линдсей сменил изысканные одежды на обычный комбинезон, а кейс обернул мешковиной, чтобы спрятать эмблемы «Кабуки».

Казалось, в «Пузырь» собрались все бродяги мира. Их было больше тысячи. Спасибо невесомости, иначе «Пузырь» такую толпу просто бы не вместил. Конструкция его предусматривала легкие сооружения лож для элиты банка и множество тросов, на которых теснились, как воробьи на ветках, начальники что помельче.

Простая публика парила свободно. Толпа образовала пористую массу из неправильных концентрических сфер. Она текла и переливалась, время от времени в ней возникали широкие проходы. «Пузырь» гудел. Многочисленные жаргоны слились в один общий гул.

Пьеса началась. Линдсей наблюдал за толпой. С первыми фанфарами вспыхнуло несколько стычек, но к началу диалога толпа успокоилась, чему Линдсей немало порадовался — охранника из пиратов Фортуны сегодня с ним не было.

Пираты, выполнив свои обязательства, были заняты подготовкой к отлету, но Линдсей, благодаря анонимности, чувствовал себя в безопасности. Если пьеса совсем уж провалится, он будет всего лишь бродягой, одним из многих присутствующих. А если все сойдет гладко, он успеет переодеться, чтобы выйти

отвечать на поклоны.

В первой сцене пираты похищали молодую, прекрасную, гениальную оружейницу, ее играла одна из лучших девушек Кицунэ. Публика визжала от восхищения, любуясь клубами дыма и яркими шариками поддельной крови.

Киберпереводчики, установленные по всему «Пузырю», переводили текст на дюжину языков и диалектов. Было странно: неужели эта многоязычная толпа поймет диалог? Линдсею он казался наивной жвачкой, к тому же — сильно искалеченной плохим переводом, однако зрители слушали с неослабным вниманием.

Первые три действия заняли где-то час. Последовал длинный антракт. Сцена потемнела. Спонтанно образовалось несколько клак — пираты аплодировали своим, тем, что подались в актеры.

Нос болел: воздух внутри «Пузыря» был перенасыщен кислородом, чтобы слегка опьянить и возбудить толпу. Линдсей и сам чувствовал эмоциональный подъем. Восторженные выкрики заражали энтузиазмом. События шли своим ходом. Он, Линдсей, уже ничего не мог изменить.

Он подплыл к стенке «Пузыря», где некие особо предприимчивые фермеры устроили торговые ряды.

Неуклюже цепляясь ногами за петли, укрепленные на каркасе, фермеры бойко торговали местными деликатесами: не имеющие названия зеленые, поджаристые, хрустящие пирожки и белые мучнистые кубики на палочках, разогретые в микроволновых печах, шли нарасхват. «Кабуки Интрасолар» получал с этой торговли процент — идея принадлежала Линдсею. Фермеры с радостью расплачивались акциями «Кабуки».

С акциями Линдсей был осторожен. Вначале он собирался обесценить их вовсе и разорить Черных Медиков, но сам поддался чарам бумажных денег. Кончилось тем, что Медики продали свои бумаги на сторону — с огромной выгодой.

После такого завершения дела Черные Медики были весьма благодарны Линдсею. Проникнувшись искренним уважением к его сметке, они назойливо домогались его советов по биржевым операциям.

Довольны были все. Он предчувствовал, что пьесе обеспечена долгая жизнь. Кроме того, размышлял он, будут и другие дела, большие и лучшие. Живущий сегодняшним днем пиратский мирок идеально подходит для этого, только не останавливайся, не оглядывайся — и не заглядывай вперед дальше очередного жульничества.

А уж об этом позаботится Кицунэ. Он взглянул на ее ложу. Кицунэ с хищной, ленивой грацией парила в воздухе среди

старших чиновников Банка, жертв его и ее обмана. Она не позволит ему ни усомниться, ни отступить. И этому Линдсей был только рад. Под ее ревностным руководством он избежит конфликтов внутри себя.

Теперь Дзайбацу — у них в кармане. Но из каких-то глубин сознания сквозь блеск триумфа пробивалась боль. Он понимал, что Кицунэ просто лишена жалости к чему бы то ни было. А вот он, Линдсей, словно бы расколот пополам, и из трещины, разделяющей собственное его «я» и дипломатическое, сочится боль. Вот и сейчас, в минуту торжества, когда так охота расслабиться и насладиться заслуженным отдыхом, она пролезла наружу…

Толпа вокруг ликовала, но что-то мешало ему присоединиться к ликующим. Его точно ограбили, что-то такое отняли, но что — этого он сказать не мог.

Он полез в карман за ингалятором. Добрая понюшка поможет ему взять себя в руки.

Сзади слева кто-то тихонько дернул его за рукав. Он быстро обернулся.

Темноволосый, мосластый молодой человек с выразительными серыми глазами держал его за рукав крепкими пальцами правой ноги.

— Приветик, — дружелюбно улыбнулся незнакомец.

Приглядевшись к его лицу, Линдсей был оглушен: он увидел собственное лицо.

— Да ты успокойся, — сказал наемный убийца Линдсеевым голосом.

В лице его было что-то не то. Слишком чистая, слишком новая кожа. Словно бы синтетическая.

Линдсей развернулся к нему. Наемник обеими руками держался за трос, но двумя пальцами левой ноги сжал запястье Линдсея. Нога его бугрилась чудовищными мускулами, и связки, очевидно, были перестроены. Хватка оказалась парализующей — кисть тут же онемела.

Незнакомец ткнул Линдсея в грудь пальцами другой ноги.

— Спокойно. Давай-ка поговорим.

Навыки сделали свое дело. Поток адреналина, вызванный ужасом, схлынул, преобразившись в ледяной холод самообладания.

— Как тебе пьеса? — спросил Линдсей.

Незнакомец засмеялся, и Линдсей, понял, что теперь уже это его собственный голос; смех леденил кровь.

— Чего только не увидишь в этом захолустье, — ответил он.

— Тебе бы в нашу труппу, — сказал Линдсей. —

Несомненный талант к перевоплощениям.

— Есть немного… — Убийца слегка шевельнул перестроенной ступней, и кости в запястье Линдсея прогнулись, отозвавшись внезапной острой болью, от которой потемнело в глазах. — А в кейсе у тебя что? Что-нибудь интересное для тех, кто дома?

— То есть — на Совете Колец?

— Точно. Проволочные механистские головы говорят, что обложили нас со всех сторон, но не каждый же картель такой шустрый… А подготовка у нас приличная. Можем, к примеру, прятаться под пятнами на совести дипломата.

— Разумно. Замечательная техника. Мы могли бы договориться.

— Предложение весьма заманчивое, — вежливо отвечал наемник.

Линдсей понял, что никаким подкупом тут не отделаешься.

А убийца, отпустив запястье Линдсея, полез левой ногой в нагрудный карман своего комбинезона. Это выглядело жутко и ирреально.

— Держи.

С этими словами он извлек из кармана кассету с видеозаписью. Кассета закружилась в невесомости.

Линдсей сунул ее в карман и снова поднял взгляд. Убийца исчез. На его месте устроился какой-то бродяга в таком же, как у Линдсея, серовато-коричневом комбинезоне. Он был тяжелее убийцы и волосы имел светлые. Человек равнодушно посматривал на Линдсея.

Линдсей потянулся было его потрогать, но передумал прежде, чем тот успел что-либо заметить.

Зажглись огни, и на сцену вывалили танцоры. «Пузырь» содрогнулся от воплей энтузиазма. Линдсей поплыл вдоль стены, огибая ноги в петлях и руки, цепляющиеся за рукояти. Так он добрался до шлюза.

Взяв один из платных самолетиков, Линдсей поспешил в Гейша-Банк.

Там было пусто, но кредитная карточка открыла ему вход. Великаны-охранники, узнав его, поклонились. Поразмыслив, Линдсей понял, что сказать ему нечего. Да и что тут скажешь? Убейте меня, когда увидите в другой раз?

Птички лучше всего ловятся на зеркало…

Дверная завеса из бус яритэ его защитит. Кицунэ объяснила, как ею управлять изнутри. Даже если убийца ухитрится не угодить в ловушки, изнутри можно убить его высоковольтным разрядом либо острыми стрелками.

Бесшумно миновав занавесь, Линдсей вошел в покои яритэ. Включил видео и вставил в него кассету.

На экране появился образ из далекого прошлого — лучший его друг и человек, покушавшийся на его жизнь. Филип Хури Константин.

— Привет, кузен, — сказал он.

Словцо было взято из аристократического сленга Республики. Но Константин был плебеем. К тому же Линдсей ни разу еще не слышал, чтобы в одно-единственное слово вкладывали столько ненависти.

— Я взял на себя смелость связаться с тобой в ссылке. — Константин выглядел пьяным. Говорил он как-то слишком отчетливо. Круглый ворот старинного костюма открывал потную, загорелую шею. — Некоторые из моих друзей-шейперов разделяют мой интерес к твоей карьере. Они не называют своих агентов убийцами. Шейперы зовут их антибиотиками. Они работали здесь. Одна-другая «естественная смерть» в стане противника снимает множество лишних проблем. Мой трюк с мотыльками — просто детство. Сложно и ненадежно. Однако и он сработал неплохо. Время идет, кузен. За пять месяцев положение сильно изменилось. Провалилась, например, механистская осада. Если шейперов сдавить, просочатся меж пальцев. Победить их нельзя. Это самое мы еще мальчишками друг другу говорили. Верно, Абеляр? Когда будущее наше было столь светлым, что мы аж ослепляли друг друга… Еще до того, как узнали вкус крови… Шейперы нужны Республике. Колония гниет. Без бионаук ей не жить. Это понимают даже радикальные старцы. Кстати, кузен, мы ведь никогда с ними толком не говорили. Ты не давал — слишком уж ненавидел их. Теперь понятно, почему. Они похожи на тебя, Абеляр. Они в некотором роде твое зеркальное отражение. Сейчас ты знаешь, как это потрясает — столкнуться с таким. — Константин, осклабившись, пригладил ладошкой свои курчавые волосы. — Но я говорил с ними. И договорился. У нас — переворот. Рекомендательный Совет распущен. Власть принадлежит Исполнительному Комитету Выживания Нации. То есть мне и некоторым нашим друзьям — презервационистам. Мы были правы: смерть Веры многое здесь изменила. Теперь у презервационистов есть собственная мученица. Они полны непреклонной решимости. Радикальные старцы уходят. Эмигрируют в механистские картели, где им самое место. Расходы оплатят аристократы. За тобой, кузен, последовали многие: Линдсей, Тайлеры, Келланды, Моррисеи — вся эта хилая аристократия. Политические беженцы. Среди них и твоя жена. Их сдавило между шейперами-детьми и механистами-дедами — и

выбросило на свалку. Все они — твои. Я хочу, чтобы ты тут привел все в порядок. Если не желаешь, вернись к моему посланнику. Он все уладит. — Константин улыбнулся, обнажив ровные, мелкие зубы. — Из этой игры выходят только через смерть. И ты и Вера — отлично это понимали. Теперь я — король, а ты — пешка.

Линдсей выключил видео.

Он был сокрушен. «Пузырь Кабуки», раздувшийся до гротескной твердости, — вот его амбиции, которым суждено было лопнуть.

Теперь он попался. Беженцы из Республики его разоблачат. Блестящий обман рассыплется в пыль, оставив его голым и беззащитным, Кицунэ узнает, что ее любовник-шейпер — простой человечишка.

Придется бежать. Этот мир нужно оставить немедля. Времени на раздумья не осталось.

Сознание его металось в клетке. Жить здесь под контролем Константина, подчиняясь его приказам и выполняя его распоряжения, — об этом нечего даже думать.

Снаружи ждет убийца, укравший его облик. Новая встреча с ним — смерть. Но если исчезнуть сию минуту, можно от него оторваться. Значит, пираты.

Линдсей потер посиневшее запястье. Из глубин сознания медленно вздымалась вскипающая ярость, злость на шейперов, на их сокрушительную изобретательность в борьбе за жизнь. Их борьба оставляет после себя чудовищ. Убийцу, который ждет снаружи. Константина. Его самого.

Константин был младше Линдсея. Он доверял Линдсею, смотрел на него снизу вверх. Но, вернувшись с Совета Колец на каникулы, Линдсей с болью понял, насколько шейперы его переделали. И это он сам отправил Константина в их руки. Как всегда, нашел веские доводы «за», и мастерство Константина действительно пригодилось всем, но сам-то Линдсей понимал, что сделал это только ради себя самого, просто чтобы не остаться за оградой полного одиночества.

Константин всегда был амбициозен, и он, Линдсей, пока меж ними было доверие, заменил это доверие исхищренностью и обманом. Раньше их соединяли идеалы — теперь соединяет убийство.

Линдсей ощутил какое-то уродливое родство между собой и убийцей. Тренировали и обучали их, судя по всему, одинаково. Ненависть к самому себе заставляла его еще больше трепетать перед боевиком.

Он украл лицо Линдсея… Во внезапной вспышке интуиции

Линдсей понял, как обратить силу убийцы против него же самого.

Нужно просто поменяться местами. Он, Линдсей, совершит какое-нибудь ужасное преступление, а вина падет на наемника.

Преступление это необходимо Кицунэ. Пусть же оно будет ей прощальным подарком. Посланием, понятным лишь ей одной. Он даст ей свободу, а счет оплатит враг.

Открыв кейс, он выбросил из него кипу акций. Затем, отодвинув панель пола, взглянул на тело старухи яритэ, обнаженное, возлежащее на сморщенном гидравлическом ложе. Он оглядел комнату в поисках чего-либо режущего…

Глава 3

Космический корабль «Красный Консенсус»
02.06.16

Когда последняя из разгоночных ракет Дзайбацу отошла и в работу включился маршевый двигатель «Красного Консенсуса», Линдсей подумал, что теперь он в относительной безопасности.

— Ну так как, гражданин? — спросил президент. — Товар взял и — бродяжить? Что в чемоданчике, а, госсек? Замороженные наркотики? Или, может, софты[1] горяченькие?

— Это подождет, — отвечал Линдсей. — Проверим сначала лица каждого, кто здесь есть. Убедимся, что они не поддельные.

— Сбрендил ты, вот что, — сказал один из сенаторов. — Твои «антибиотики» — чернуха для агитпропа. Такого не бывает.

— Ты в безопасности, — заверил президент. — Уж поверь, мы знаем корабль до последнего ангстрема. — Он бережно смахнул с мешковины, в которую был обернут кейс, громадного таракана. — Ты с добычей, верно? Хочешь купить долю в каком-нибудь картеле? Вообще-то у нас дела, но можно завернуть в Пояс — скажем, к Беттине или Фемиде. Только за это, — президент нехорошо улыбнулся, — придется платить.

— Я остаюсь с вами, — сказал Линдсей.

— Ага! Тогда чемоданчик — общий!

Он выхватил у Линдсея кейс и бросил его спикеру парламента.

— Я сам открою, — поспешно сказал Линдсей. — Дайте вначале объяснить…

— Конечно, — сказала спикер. — Объяснишь, сколько это стоит.

Она принялась резать кейс портативной электропилой. Посыпались искры, завоняло горелым пластиком. Линдсей отвернулся.

Справившись с крышкой, спикер придавила кейс коленом, чтобы не уплыл, запустила руку внутрь и извлекла добычу Линдсея. Отрезанную голову яритэ.

Спикер, бросив голову, отскочила с яростным шипением кошки, которой прижали хвост.

— Взять его! — взвыл президент. Двое сенаторов, оттолкнувшись ногами от стен, взяли руки и ноги Линдсея в болезненные захваты дзюдо.

— Ты и есть этот самый убийца! — рыкнул президент. — Тебя наняли прикончить старую механистку. Тут никакого товара

нет! — Он с отвращением взглянул на усеянную разъемами голову. — Отнеси эту пакость в рециклер, — велел он одному из депутатов. — Мне таких штук на борту не надо. — Депутат брезгливо поднял голову за прядку редких волос. — Хотя погоди. Сначала снеси в мастерскую и вытащи всю электронику.

Он повернулся к Линдсею:

— Значит, так, гражданин. Ты — наемный убийца?

Возражать было как-то неудобно.

— Конечно, — не задумываясь, ответил Линдсей. — Как скажете.

Воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием — металл маршевых двигателей постепенно нагревался.

— Давайте вышвырнем этого говнюка в вакуум, из шлюза, — предложила спикер парламента.

— Нельзя, — возразил председатель Верховного Суда — старый, едва живой механист, страдавший носовыми кровотечениями. — Он является государственным секретарем и не может быть приговорен без сенатского импичмента.

Трое сенаторов — двое мужчин и женщина — явно заинтересовались такой идеей. У Сената крохотной Демократии дел было немного. Парламент превосходил их числом, а из всей команды они пользовались наименьшим доверием.

Линдсей пожал плечами. Вышло превосходно: он прочувствовал президентскую манеру держать себя, и подражание несколько разрядило обстановку. Теперь можно было говорить.

— Здесь — политическое дело.

Голос звучал устало; чувствовалось, что говорящий совершенно вымотан и опустошен. Жажда крови у окружающих шла на убыль, ситуация стала предсказуемой и даже не очень-то интересной.

— Я работал для Корпоративной республики Моря Спокойствия. Там — переворот. Они высылают множество народу в Дзайбацу. Я должен был расчистить им путь.

Ему, очевидно, верили. Тогда он придал голосу выразительности:

— Но это же — фашисты! Я предпочел бы служить демократическому правительству. Кроме этого, они послали за мной антибиотика. По крайней мере, я полагаю, что именно они. — Улыбнувшись, он развел руками, как бы невзначай освободив их из ослабевших захватов. — Разве я вам хоть раз солгал? Я ведь не говорил, что я не убийца! И вспомните, какие деньги вы с моей помощью заработали!

— Ага. Это точно, — рассудительно сказал президент. — Но

голову-то зачем было отрезать?

— Я выполнял приказ, — сказал Линдсей. — Я это умею, господин президент. Вот увидите.

Космический корабль «Красный Консенсус»
13.06.16

Голову киборга пришлось взять с собой, чтобы гарантированно развязать руки Кицунэ, сохранив в тайне способ властвовать. Да, он обманывал ее, но на прощание, в качестве извинения, освободил. И наказание за это понесет шейпер-наемник. Линдсей надеялся, что Гейша-Банк просто разорвет беднягу на части.

Он совладал с ужасом. Учителя-шейперы предостерегали его, уча не поддаваться подобным чувствам. Будучи заброшен в новую обстановку, дипломат должен подавить все мысли о прошлом и немедленно принять лучшую из возможных защитных окрасок.

Линдсей подчинился навыкам. Втиснутый в крохотный космический корабль Горняков Фортуны (нацию числом в одиннадцать человек), он почувствовал семиотику окружающей среды почти как физическое давление. Трудно сохранить чувство перспективы, если заперт в жестянке за компанию с одиннадцатью психами.

Ему не приходилось летать на настоящих кораблях со дней обучения на Совете Колец. Механистский катер, доставивший его в ссылку, не в счет — пассажиры его были просто грудами мяса, нашпигованными наркотиками. «Красный Консенсус» же был жилым кораблем, прослужившим уже двести пятнадцать лет.

За несколько дней, подмечая свидетельства его исторического прошлого, Линдсей узнал о корабле больше, чем сами хозяева.

Жилые палубы некогда принадлежали земному национальному сообществу, исчезнувшей группировке под названием «Советский Союз», или СССР. Будучи запущены с поверхности Земли, они представляли собою одну из множества орбитальных «боевых платформа».

Корабль имел цилиндрическую форму, и жилое пространство состояло из четырех изолированных круглых палуб, каждая четырех метров в высоту и десяти — в поперечнике. Некогда их соединяли примитивные воздушные шлюзы, давно замененные современными самогерметизирующимися мембранами.

В кормовом отсеке сохранилась только обивка стен. Здесь пираты отрабатывали навыки боя в невесомости. Здесь же они и спали, хотя, за отсутствием дня и ночи, не прочь были соснуть

часок-другой где угодно, в любое время.

На следующей палубе помещались: операционная, лазарет и «душегубка» — освинцованное укрытие на случай солнечных вспышек. В «кладовке», рядом с грудой распылителей шеллака, газовых пистолетов, крепежа, скоб и прочих «наружных» инструментов, помещалась дюжина древних скафандров. На этой палубе имелся древний, бронированный снаружи шлюз. На нем еще сохранились шелушащиеся наклейки-указатели с зелеными надписями кириллицей.

Далее, на другой палубе располагалась секция жизнеобеспечения, заполненная побулькивающими баками с водорослями. Здесь же были: туалет и пищесинтезатор, напрямую соединенные с «фермой». Наглядность замкнутости цикла отнюдь не привела Линдсея в восторг. Была здесь и мастерская, правда, очень маленькая, но невесомость позволяла работать хоть на стене, хоть на потолке.

В носовом отсеке находилась рубка управления и отводы солнечных батарей. Здесь Линдсею нравилось больше всего — в основном, из-за музыки. Рубка управления была старой, но не настолько, как сам «Консенсус». Безвестный ее конструктор полагал, по всей видимости, что приборы должны использовать звуковые сигналы, и потому великое множество систем, расположенных на пульте управления, имело лишь несколько визуальных мониторов. В большинстве своем приборы реагировали на окружающую действительность гудением, кваканьем и писком самых разнообразных модуляций.

Звуки эти, диковатые с непривычки, были подобраны так, чтобы ненавязчиво оседать в подсознании. Любое изменение в их хоре, однако, тут же становилось очевидным. Линдсея эта музыка успокаивала и даже завораживала.

Остальная часть носового отсека была куда менее симпатичной: арсенал со стеллажами очень неприятных инструментов, и настоящее средоточие зла — лучевая пушка. Линдсей избегал заходить сюда и никогда ни с кем не говорил об этих вещах.

И тем не менее у него все время не лезло из головы, что «Консенсус» — корабль военный.

— Видишь ли, — говорил ему президент, — кончить старую, дряхлую механистку с отрубившимся мозгом — это одно. А вот с лагерем, полным шустрых вооруженных шейперов, — совсем другая история. В Народной армии Фортуны слабакам и тормозам места нет.

— Так точно, сэр, — отвечал Линдсей.

Народная армия Фортуны являлась правительственными

вооруженными силами. Личный состав ее полностью совпадал с персоналом правительства гражданского, но иерархии разнились. Армия была совершенно другой организацией и подчинялась собственному уставу. К счастью, президент успешно совмещал с гражданской властью должность главнокомандующего вооруженными силами.

Военной подготовкой занимались на четвертой палубе, не занятой ничем, кроме старой, грязной обивки стен. Здесь стояли три велотренажера и несколько пружинных штанг, да еще ряд шкафчиков рядом с выходом.

— Про верх и низ забудь, — советовал президент. — Когда мы говорим о бое в невесомости, главный закон — харагэй. Вот это.

Он внезапно ткнул Линдсея в живот. Судорожно выдохнув, Линдсей согнулся пополам. Его «липучковые» подошвы с громким треском сорвались с обивки.

Захватив запястье Линдсея, президент плавным движением прилепил ученика пятками к потолку.

— Ну, теперь ты — вверх ногами, так?

Линдсей «стоял» на «полу» — то есть на носовой переборке, а президент в полуприсяде прилепился к кормовой, так что ноги их были направлены в противоположные стороны. Президент смотрел как бы снизу вверх — прямо в глаза Линдсея. Изо рта его воняло сырыми водорослями.

— Вот это называется локальной вертикалью, — объяснил он. — Наше тело создано для гравитации, и глазам всегда кажется, что она есть. Так уж у нас мозги смонтированы. Поэтому ты будешь искать вертикаль и по ней ориентироваться. И будешь убит, солдат. Ясно?

— Так точно, сэр! — отвечал Линдсей.

В Республике его с малолетства воспитывали в презрении к насилию. Насилие допускалось лишь по отношению к себе. Но знакомство с антибиотиком изменило его образ мышления.

— Вот для чего нужен харагэй. — Президент хлопнул себя по животу. — Это — твой центр тяжести, центр вращения. Встречаешь врага в невесомости, сцепляешься с ним, и голова твоя — просто отросток, ясно? Все зависит от центра массы. От харагэй. Пространство, куда ты можешь достать рукой или ногой, — это сфера. А центр сферы — в твоем брюхе. Значит, все время представляй вокруг себя такой пузырек.

— Так точно, сэр.

Линдсей был — весь внимание.

— Это первое. Теперь — о втором. Переборки. Контролируешь переборки — контролируешь весь бой. Вот если я

в воздухе, то с какой силой смогу тебя достать?

— Переносицу сломаете, — осторожно предположил Линдсей.

— Верно. А если опираюсь ногой на переборку и мое же тело гасит отдачу?

— Сломаете мне шею, сэр.

— Верно мыслишь, солдат. Человеку без опоры — никуда. Нет ничего другого — используй как опору тело противника. Отдача — она враг удара. Удар есть повреждение. А повреждение есть победа. Все ясно?

— Отдача — враг удара. Удар есть повреждение. Повреждение есть победа, — без запинки отрапортовал Линдсей. — Сэр.

— Замечательно. — Вытянув руку, он поймал запястье Линдсея и быстрым вращательным движением с мокрым хрустом переломил его предплечье о колено.

— А это — номер третий, — сказал президент, не обращая внимания на отчаянный вопль Линдсея. — Боль.

* * *

— Насколько я понимаю, — сказала второй судья, — тебе продемонстрировали третий номер.

— Да, мэм, — ответил Линдсей. Второй судья вонзила в его руку иглу.

— Оставь, — мягко сказала она. — Здесь лазарет, а не армия. Зови меня просто — второй судья.

Сломанная рука резиново онемела.

— Спасибо, судья.

Второй судья была пожилой женщиной — лет, должно быть, под сто. Точнее сказать было сложно: постоянный прием гормональных препаратов превратил ее метаболизм в сложный комплекс аномалий. Нижняя челюсть ее обросла угрями, однако сквозь шелушащуюся сухую кожу запястий и лодыжек просвечивали варикозные вены.

— Все в порядке, гос. Выправим.

Она сунула руку Линдсея в широкий резиновый рукав старого томографа. Из кольца его заструилось множество рентгеновских лучей, и на экране появилось трехмерное, вращающееся изображение сломанной руки.

— Ничего страшного; хороший, чистый перелом, — оценила второй судья. — У нас у всех такие. И ты теперь — один из нас. Хочешь, пока рука под наркозом, мы тебя разрисуем?

— Что?

— Татуируем, гражданин.

Идея была, мягко говоря, неожиданной.

— Прекрасно, — сказал Линдсей. — Давайте.

— Вот! Я с самого начала знала, что ты — в полном порядке! — Она ткнула его под ребро. — Я тебе за это еще и анаболических стероидов вколю. Не успеешь оглянуться, как нарастишь мускулы; сам президент не отличит их от натуральных.

Она мягко потянула его за руку. Зловещий скрип становящихся на место осколков кости доносился словно очень-очень издалека, с другого конца перевернутого бинокля.

Она сняла со стены комплект игл в липучем футляре.

— Хочешь что-нибудь необычное?

— Пусть там будут бабочки, — ответил Линдсей.

* * *

История Горняцкой Демократии Фортуны была крайне проста. Фортуна — довольно крупный астероид, более двухсот километров в поперечнике. Первые горняки, ослепленные первоначальным успехом, объявили себя независимым государством.

Пока руда не иссякла, дела шли хорошо. Хватало и на откуп от политических проблем, и на процедуры продления жизни в более развитых мирах.

Затем Фортуна стала просто грудой пустой породы, и народ ее понял, что крупно вляпался. Богатство сгинуло без следа, а они не дали себе труда развивать технологию с отчаянной решимостью картелей соперников. Они не могли ни выжить со своими допотопными знаниями и умениями, ни наскрести денег на организацию информационной экономики. Все попытки выкарабкаться вели разве что к новым долгам.

Началось повальное бегство, и в первую очередь — утечка мозгов. Лучшие и честолюбивейшие специалисты оставили нацию ради миров побогаче. Фортуна лишилась почти всего космофлота — перебежчики растащили все до последнего гвоздя.

Процесс развивался лавинообразно; подданных у правительства оставалось все меньше. Увязнув в долгах, горняки на корню продали всю инфраструктуру механистским картелям. Даже воздух пошел с молотка. Население Фортуны сократилось до горстки бродяг, не нашедших себе ничего лучшего.

Однако они обрели полный законный контроль над

правительством с его аппаратом внешних сношений и дипломатическим протоколом. Они могли жаловать гражданство, чеканить монету, выдавать каперские лицензии, подписывать соглашения, вести переговоры о контроле над вооружениями. Пусть их осталась лишь дюжина, это не имело значения. Все равно они имели парламент и сенат, юридические прецеденты и идеологию.

Поэтому границы Фортуны были переопределены. Национальной территорией стал последний уцелевший космический корабль — «Красный Консенсус». Преобразившись в мобильную, нация даровала самой себе право отчуждения в свою пользу любого имущества, находящегося в границах ее территории. Воровством это не являлось. Народ не может считаться вором; такое положение стало краеугольным камнем государственной идеологии ГДФ. Все протесты передавались правительству Фортуны, чье компьютеризованное правосудие работало по законам весьма замысловатым.

Судебные процессы являлись главным источником доходов пиратской нации. Впрочем, большинство дел до суда не доходило. Практически от пиратов просто откупались, однако соблюдением протокола во всех его тонкостях они немало гордились.

Космический корабль «Красный Консенсус»
29.09.16

— Эй, госсек, что ты там копаешься в «душегубке»?

— Послание о положении в стране, — неуверенно улыбнулся Линдсей. — Слушать неохота.

Разглагольствования президента слышались по всему кораблю, долетая и в убежище через распахнутый первым депутатом люк. Скользнув внутрь, девушка захлопнула за собой тяжелую крышку.

— Это непатриотично. Ты новенький, тебе положено слушать.

— Да я же сам все это и написал.

Линдсей понимал, что с этой дамочкой надо держать ухо востро. Было в ней что-то такое, отчего мурашки по коже. Гладкие, стремительные движения, совершенство черт лица и неестественно напряженный, сверхприметчивый взгляд наталкивали на мысли о перестройке.

— Вы, шейперы, все какие-то скользкие… Как стекляшки.

— Ты хочешь сказать: «Мы, шейперы»?

— Я не из перестроенных. Посмотри зубы. — Открыв рот, она продемонстрировала уродливо перекошенные резец и клык. —

Видишь? Плохие зубы — гены плохие.

— А может, ты это нарочно сделала, — скептически усмехнулся Линдсей.

— Меня родили, — настаивала девушка. — А не из пробирки вынули.

Линдсей потер украшенную полученным на тренировке синяком скулу. В убежище было тесно и жарко. Он даже ощущал ее запах.

— Мной заплатили выкуп, — призналась девушка. — Я была тогда оплодотворенной яйцеклеткой, а выносила меня гражданка Фортуны. И с зубами я ничего не делала, правда.

— Значит, ты недоделанный шейпер. Такое встречается — правда, редко. Ай-кью[2] измеряла?

— Ай-кью? Я не умею читать, — гордо сказала она. — Зато я — первый пред, глава парламентского большинства. И замужем за первым сенатором.

— Да-а? Он никогда не говорил.

Она поправила черную ленту на лбу. Ее светло-каштановые волосы были украшены ярко-розовыми прищепками.

— Поженились по налоговым соображениям. Иначе я, может, и тебе бы дала. Ты, госсек, симпатичный. — Она подплыла ближе. — Хорошо, что рука зажила. — Она провела пальцем по татуированному запястью.

— Ну, уж Карнавал-то от нас не уйдет, — заметил Линдсей.

— Карнавал не считается. На афродизиаках никого не узнаешь.

— До точки рандеву еще три месяца. Значит, могу попробовать с трех раз тебя угадать.

— Ты же бывал на Карнавале; Знаешь, как это, на дизиаках-то. Там же ты сам не свой. Просто кусок мяса.

— Я могу удивить тебя, — сказал Линдсей, глядя ей в глаза.

— Тогда я тебя убью. Адюльтер — уголовное преступление.

Космический корабль «Красный Консенсус»
13.10.16

Линдсея разбудил корабельный таракан, принявшийся щипать ресницы. В порыве отвращения Линдсей смахнул его, щелчком отправив куда-то в угол.

Спал он обнаженным, если не считать паховой чашки. Такие носили все мужчины — они предохраняли яйца от парения в невесомости и раздражения. Смахнув с комбинезона другого таракана, решившего полакомиться чешуйками отмершей кожи, он оделся и оглядел гимнастический зал. Двое сенаторов спали,

прилепившись к стене подошвами и причудливо раскинувшись в невесомости. На шее женщины, подбирая капельки пота, сидел еще один таракан.

Если б не тараканы, воздух на борту постепенно превратился бы в густую взвесь чешуек отмершей кожи, пота и прочих трудноуловимых выделений. Лизин, аланин, метионин, карбаминовые соединения, молочная кислота, половые феромоны — постоянные потоки органики, испаряемые человеческими телами, незаметно насыщали воздух. Тараканы являлись жизненно необходимой деталью экосистемы корабля. Они подчищали мельчайшие капли жира и крошки пищи.

Тараканы, как насекомые крепкие и ко всему привычные, обосновались на корабле едва ли не с первого дня постройки и великолепно освоились с обстановкой. Благодаря химическим приманкам и отпугивающим веществам второго депутата их даже удалось в некотором смысле приручить. Но Линдсей до сих пор ненавидел их, не в силах спокойно наблюдать, как они копошатся и судорожно, рывками, перелетают с места на место. В такие моменты ему страстно хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. В каком угодно.

Одевшись, Линдсей выплыл через затянутый мембраной люк. Пластволокно распалось от прикосновения на отдельные нити и мгновенно затянулось за ним. Ткань была тонкой, но герметичной и прочной, как сталь. Изделие шейперов. Скорее всего, краденое.

Привлеченный музыкой, он забрел в рубку управления. Здесь собралась большая часть команды. Президент, двое парламентариев и третий судья, нацепив видеоочки, смотрели шейперскую агитпрограмму. У консоли сидел главный судья, просматривая передачи, выловленные в пространстве корабельным зондом. Он был намного старше любого другого члена команды и никогда не участвовал в Карнавалах. Это, вкупе с высоким постом, делало его беспристрастным арбитром во всех делах.

— Есть новости? — громко спросил Линдсей, нагнувшись к самому наушнику судьи.

— Осада продолжается, — ответил старый механист без всякого видимого удовлетворения. — Шейперы держатся. — Пустые глаза его обежали приборную доску. — Хвастаются победой в Цепи.

В рубку вошла второй судья.

— Кетамина кто-нибудь хочет?

Первый депутат сняла очки.

— Хороший?

— Прямо из хроматографа. Сама делала.

— Вот в мое время Цепь имела вес, — сказал главный судья. В своих наушниках он не увидел и не услышал женщин. Вероятно, передача всколыхнула глубинные пласты его памяти. — В мое время не было цивилизованного мира, кроме Цепи…

Женщины, в силу давней привычки, не обращали на него внимания.

— И почем? — спросила первый деп.

— Сорок тысяч — грамм.

— Соро-ок?! Двадцать дам.

— Девочка, ты за вшивый маникюр с меня двадцать запросила!

Слушая их краем уха, Линдсей подумал: а не вступить ли в торг? ГДФ до сих пор имела собственные банки, и валюта ее, хоть до предела обесценившаяся, имела хождение в качестве единственного законного платежного средства среди одиннадцати миллиардеров. К несчастью, Линдсей, будучи новичком, уже по самые уши залез в долги.

— Корпоративная республика Моря Ясности, — проговорил старик, остановив взгляд пепельно-серых глаз на Линдсее. — Я слышал, ты работал на них.

Линдсей был поражен. Неписаные табу «Красного Консенсуса» запрещали обсуждение прошлого. Лицо старика просветлело от наплыва чувств и превратилось в отталкивающую маску — древние мышцы и кожа, десятилетиями не менявшие выражения, совсем утратили эластичность.

— Да, был как-то, проездом, — солгал Линдсей. — Впрочем, эти лунные дыры я плохо знаю.

— А я там родился…

Первый деп испуганно покосилась на старика.

— Ладно, сорок так сорок, — сказала она. Женщины ушли в лабораторию. Президент сдвинул видеоочки на лоб, одарил Линдсея сардоническим взглядом и демонстративно прибавил громкости в своих наушниках. Деп-два и убеленный сединами третий судья сделали вид, что ничего не заметили.

— В мое время в Республике был порядок. Система, — продолжал старик. — Семейства политиков — Тайлеры, Келланды, Линдсеи… Потом шел низший класс — беженцы. Как раз их приняли, перед самым Интердиктом… Мы называли их плебеями. Они покинули Землю последними, незадолго до того, как все пошло прахом. У них не было ничего. У нас были полные карманы киловаттов, семейные усадьбы… А они ютились в пластиковых хибарах.

Линдсей больше не мог бороться с любопытством.

— Ты был аристократом?

— Яблоки… — с тяжелой ностальгической тоской проговорил старый механист. — Ты видел когда-нибудь яблоко? Пробовал? Это такое растение.

— Я так и думал.

— Птицы… Парки… Трава… Облака… Деревья… — Электронный протез его правой руки тихонько зажужжал, и палец с проволочными сухожилиями щелчком согнал с консоли таракана. — Я так и знал, что эти дела с плебеями кончатся плохо… Даже пьесу об этом написал…

— Пьесу? Для театра? А как она называлась?

В глазах старика мелькнули отблески удивления.

— «Пожар».

— Так вы — Эван Джеймс Тайлер Келланд! — выпалил Линдсей. — Я… Я видел вашу пьесу. В архивах…

Линдсей доводился Келланду правнучатым племянником. Малоизвестный радикал, пьеса которого, проникнутая духом социального протеста, долго считалась утраченной, пока Линдсей, в поисках оружия, не отыскал ее в Музее и не поставил — в пику радикальным старцам. Те, кто выслал Келланда, удерживали власть на протяжении века — при помощи механистских технологий. Подошло время — они же выслали и Линдсея.

Теперь они — в картелях, подумал он. Константин, вождь плебеев, заключил с механистами сделку. Аристократия, как и предсказывал Келланд, заплатила за все. Они — Линдсей и Келланд — просто заплатили первыми.

— Так, значит, тебе попадалась моя пьеса?

Подозрение превратило морщины его лица в глубокие складки. Он отвел взгляд. Его пепельно-серые глаза были полны боли и скрытого унижения.

— И ты даже не предполагал…

— Извини, — сказал Линдсей. Старый родственник с металлической рукой неожиданно предстал в совсем новом свете… — Больше я не стану об этом вспоминать.

— Оно и к лучшему.

Келланд прибавил громкость наушников и вроде бы успокоился. Глаза его снова сделались тусклыми и бесцветными. Линдсей взглянул на остальных, ничего не заметивших из-за видеоочков.

— Ладно, будем считать, что ничего этого не было.

Космический корабль «Красный Консенсус»
27.10.16

— Плохо спишь, гражданин? — спросила второй судья. — Стероиды достают? Увеличивают активную фазу сна? Поправим.

Она улыбнулась, показав три обесцвеченных от древности зуба среди ряда блестящих фарфоровых.

— Был бы очень рад, — отвечал Линдсей, стараясь говорить повежливее.

Стероиды нарастили на руках тугие узлы мускулов, быстро залечили синяки и ссадины от постоянных тренировок — и переполняли жаркой, агрессивной яростью. Но в то же время они не давали спать, не считая редких состояний дремоты.

Взглянув покрасневшими глазами на врача Фортуны, Линдсей вспомнил свою бывшую жену, Александрину Линдсей. Та же точность движений, словно у фарфоровой куклы, такая же пергаментная кожа, те же предательские морщинки на сгибах пальцев… Его жене было восемьдесят. Сейчас, глядя на второго судью, он ощущал нечто вроде сексуального влечения.

— Эта штука должна помочь, — приговаривала она, втягивая шприцем из ампулы с пластиковым кончиком мутноватую жидкость. — Мышечный релаксант, феромон-катализатор серотонина, и промотер к нему. И чуть-чуть мнемоников, чтобы плохих снов не снилось. Я это и сама себе иногда колю; просто сказка как помогает. Давай я тебе и другую руку разрисую.

— Лучше потом, — пробормотал Линдсей сквозь стиснутые зубы. — Я еще не решил, что там рисовать.

Судья со вздохом разочарования отложила иглы.

«Прямо жить не может без своих иголок», — подумал Линдсей.

— Тебе что, не нравится? — спросила она.

Линдсей осмотрел правую руку. Кость срослась хорошо, но мускулы он накачал так, что рисунки — змеи-кабели с телеглазами, белые черепа с плоскими, как солнечные панели, крыльями, ножи, окруженные молниями, и везде, где только можно, бабочки — довольно сильно деформировались. Под кожей от запястья до бицепса было теперь столько краски, что на ощупь она была холодной и даже не потела.

— Нет, здорово, — сказал он, наблюдая, как игла шприца вонзается в пустую глазницу черепа. — Только подожди, пока я закончу с накачкой мышц, ладно?

— Приятных снов, — сказала второй судья!

* * *

По ночам Республика была как-то больше похожа сама на себя. Ночью бдительные очи старцев закрывались для сна, и поэтому презервационисты любили ночи.

В блеске ночных огней миру являлась правда, скрытая в свете дня. Солнечная энергия была валютой Республики. Растрачивать ее попусту могли только самые богатые.

Справа, у северной оконечности цилиндра, ярко светились окна клиник. Там, близ оси цилиндра, почти в невесомости, радикальные старцы могли дать отдых своим хрупким костям. Целые фонтаны, гейзеры света били из окон. Тщеславный, самодовольный Млечный Путь роскоши…

Взглянув вверх, Линдсей оказался вдруг в помещении, за одним из таких окон. Палата принадлежала его прадеду. Старый механист парил в воздухе, окутанный коконом из проводов и катетеров. Глазные впадины его были подключены к видеовводу. Стерильную палату наполнял кислород.

— Дедушка, я уезжаю, — сказал Линдсей.

Старик поднял изуродованную артритом руку, суставы которой непомерно распухли, и вдруг превратился в змеящийся клубок платиновых трубок с иглами на концах. Трубки бросились на Линдсея, они липли к его телу, прокалывали кожу и сосали, сосали, высасывали все подчистую… Он раскрыл рот, хотел закричать, и…

…Огни были далеко позади. Миновав стеклянную светопанель, Линдсей выбрался на сельскохозяйственную.

Ветер донес до него слабый запашок гнили. Он был неподалеку от Хлябей.

Генетически перестроенная полынь, высаженная вокруг болота, тихонько шуршала о его туфли. В траве стрекотали кузнечики. Из-под ног метнулась какая-то хитиновая тварь размером с добрую крысу. Филип Константин держал болото в осаде.

Налетел порыв ветра. В темноте хлопнул полог Константиновой палатки. Вход в нее освещали два желтых биолюминесцентных шара на стойках.

Большая палатка стояла рядом с болотом, на засеянной полынью полосе. На севере лежали Хляби, а к югу тянулись поля зерновых. Нейтральная полоса, где Константин боролся с заразой, кишела разными тварями, порожденными его лабораторией.

Из палатки донеслись прерывистые, всхлипывающие

рыдания:

— Филип!

Линдсей вошел внутрь.

Константин сидел на деревянной скамье перед длинным лабораторным столом из металла, уставленным шейперской лабораторной посудой. На стеллаже — ряды стеклянных ящиков с подопытными насекомыми. Шары на тонких, гибких стойках освещают помещение тусклым желтоватым сиянием.

Константин словно бы стал еще меньше ростом. По-детски неразвитые плечи ссутулились под лабораторной курткой. Глаза Константина — красные, волосы — взъерошены.

— Веры… больше нет, — сказал он.

Вздрогнув, Константин спрятал лицо в ладонях, затянутых в резиновые перчатки. Сев рядом, Линдсей обнял его за плечи.

Так сидели они вдвоем, как это часто бывало в прежние времена: бок о бок, болтая, обмениваясь шутками на полусекретном своем жаргоне Совета Колец, и заряженный ингалятор ходил из рук в руки. Вместе смеялись — тихим заговорщическим смехом… Они были молоды, они ломали все рамки — и после нескольких добрых понюшек мысли их обретали ясность, на какую ни один человек не имеет права…

Константин радостно засмеялся — рот его был полон крови. Линдсей, резко вскочил и открыл глаза. Он находился в лазарете «Красного Консенсуса». Он закрыл глаза и тут же опять провалился в сон.

Щеки Линдсея были мокры от слез. Он не представлял себе, как долго они плакали вместе. Похоже, очень долго.

— Филип, мы здесь можем говорить свободно?

— У нас нет полицейских соглядатаев, — горько ответил Константин. — На что они, когда есть жены?

— Прости меня за то, что было между нами, Филип.

— Вера умерла. — Константин закрыл глаза. — Это мы с тобой погубили ее. Мы спланировали эту смерть. И вина лежит на нас обоих. Теперь нам известна наша сила. И наши расхождения.

Он вытер глаза кружком фильтровальной бумаги.

— Я их обманул, — сказал Линдсей. — Сказал, что дядя умер от инфаркта. И следствие пришло к тому же. Чтобы оградить тебя, я решил: пусть и дальше так думают. Это ведь ты убил его, Филип. Но целью твоей был я. Дядя случайно ступил в капкан.

— Мы обсудили это с Верой. Она полагала, что ты не сумеешь. Отречешься от уговора. Она-то знала твои слабости… И я — тоже. И потому вывел мотыльков с ядовитыми железами и жалом. Революции необходимо оружие. Я дал Вере феромоны, приводящие их в ярость… И она согласилась.

— Значит, не верили мне…

— Но ты остался жив.

Линдсей промолчал.

— Взгляни! — Константин сорвал с руки перчатку. Оливково-смуглая кожа под ней чешуйчато шелушилась, словно змеиная. — Вирус. Бессмертие. Шейперское, настоящее, на клеточном уровне. Не какие-то там механистские протезы. Я на него обречен, кузен. — Он ущипнул эластичную кожу. — Вера выбрала тебя. А я намерен жить во веки веков, и на хрен тебя с твоим нытьем про общечеловеческие ценности. Человечество зашло в тупик, кузен. Души больше нет — одни состояния сознания. Если хочешь это опровергнуть, на! — Он подал Линдсею скальпель. — На, докажи! Докажи, что за твоими словами что-то есть! Что ты готов умереть, чтобы остаться человеком!

Скальпель оказался в руке Линдсея. Он взглянул на свое запястье. Затем перевел взгляд на горло Константина. Подняв скальпель над головой, он примерился и громко закричал…

Крик разбудил его. Он снова был в лазарете, взмокший от пота, и второй судья с тупым от наркотиков взглядом поглаживала ему рукой между бедер.

Космический корабль «Красный Консенсус»
20.11.16

Третий депутат, или попросту деп-три, был коренастым, вечно ухмыляющимся юнцом со сломанным носом и коротким ежиком светлых песочных волос.

Подобно многим спецам по ВОК, он был фанатиком космоса и большую часть времени проводил в открытом пространстве — тащился за кораблем на многокилометровом тросе. Звезды беседовали с ним, а Солнце было его другом. Даже на борту он не вылезал из скафандра. Шлем, однако, снимал, и вырывавшаяся наружу вонь пропотевшего тела вышибала из глаз слезу.

— Хочу зонд выслать, — рассказывал он Линдсею во время совместного перекуса в рубке. — Можно на него подключаться прямо отсюда. Точно снаружи оказываешься…

Линдсей отложил опустевшую банку из-под зеленой массы. Зондом называли старинную ракету планетарной разведки, найденную на некоей давно забытой орбите некоей давно забытой командой. Телескопы ее и Коротковолновые антенны до сих пор служили исправно, как и передающие системы. Будучи выпущен на всю длину оптического кабеля, беспилотный зонд мог ловить в пространстве чужие передачи и создавать противорадарные помехи.

— Конечно, подключусь, гражданин, — заверил его Линдсей. — Какого хрена, в конце концов?

Деп-три радостно закивал:

— Это прекрасно, госсек! Мозг — словно быстро-быстро растет, как вторая кожа становится…

— Наркотики я не буду, — предостерег Линдсей.

— Какие наркотики, ты что! Если наглотаешься, Солнце с тобой говорить не будет.

Он сгреб с консоли видеоочки и надел на Линдсея. Внутри устройства была смонтирована крохотная видеосистема, проецировавшая изображение прямо на сетчатку. В данный момент зонд не работал, и Линдсею виден был лишь столбец голубых цифр и букв где-то внизу. И никакого ощущения, что глядишь на экран.

— Пока что нормально, — сказал он.

Послышался стук клавиш — деп-три запускал зонд. Затем корабль легонько тряхнуло — робот отправился в полет. Судя по звукам, пред-три тоже надел видеоочки. И тут Линдсей впервые увидел «Консенсус» со стороны.

Топорный, обшарпанный — выглядел он довольно жалко. Родные двигатели с кормы были сняты и заменены длинным абордажным рукавом — гибким, гофрированным, скалящим клыки шахтовых буров. Новый двигатель — одна из старейших шейперских электромагнитных моделей — был приварен к корпусу на четырех стойках. Шаровидный двигатель генерировал сверхвысокие частоты, поэтому его, насколько можно, удалили от жилых отсеков. Вдоль стоек, кое-как приваренных к кормовому отсеку, свисали длинные, обернутые фольгой провода управления.

Между стойками матово поблескивал корпус автоматического экскаватора. Озирая выключенную, ждущую своего часа машину, Линдсей понял, насколько мощным оружием она является. Огромные бритвенно-острые клешни разорвут обшивку любого корабля, как бумагу…

Снаружи к корпусу крепился еще один механизм: добавочная ракета. Обшивка вокруг нее, некогда выкрашенная в грязно-зеленый цвет, была исцарапана ее магнитным шасси. Способная менять свое положение, она служила маневренным двигателем.

Палуба жизнеобеспечения вся была опутана толстыми вентиляционными и гидравлическими трубами; некоторые совсем износились — рассыпающаяся изоляция парила в невесомости клочьями.

— Не волнуйся, мы ими не пользуемся, — сказал деп-три.

От четвертой палубы отходили в стороны четыре

соединенных между собой солнечных панели — блестящий крест из черного кремния, прорезанного тонкой медной решеткой. Мерзкое жерло лучевой пушки лишь слегка выдавалось из корпуса.

— Крохотный звездный народ пред очами Солнца, — сказал деп-три.

Он развернул зонд, и Линдсей на мгновение увидел тянущийся за кормой кабель. Камера сфокусировалась на такелаже солнечного паруса. На носу под сложенную парусину был отведен специальный отсек, однако сейчас он был пуст: девятнадцать тонн металлизированной пленки под давлением света развернулись в двухкилометровую арку. Камера прибавила увеличение, и Линдсей увидел, что парус тоже очень стар — кое-где потерт и испещрен дырами от микрометеоритов.

— Президент сказал: в следующий раз, если хватит денег, возьмем мономолекулярный распылитель и с той стороны натрафаретим охеренный череп и скрещенные молнии, — поведал Линдсею деп-три.

— Хорошая мысль…

Стероидов в крови больше не было, и теперь Линдсей относился к миру гораздо терпимее.

— Ладно, идем дальше.

Линдсей услышал короткий перестук клавиш — и робот с устрашающей скоростью понесся в открытое пространство. В несколько секунд «Красный Консенсус» стал крошечной скорлупкой на «столешнице» паруса. В приступе выворачивающего наизнанку головокружения Линдсей ухватился за консоль, изо всех сил зажмурившись под видеоочками. Наконец он решился осторожно приоткрыть глаза. Перед ним простиралась бескрайняя панорама открытого космоса.

— Млечный Путь, — сказал деп-три.

Гигантская белая дуга раскинулась на половину мироздания. Линдсей утратил чувство перспективы; на секунду почудилось, что миллиард белых булавочных головок этого галактического коромысла безжалостно вжимается прямо в глазные яблоки. Он снова закрыл глаза, всем существом благодаря судьбу за то, что находится на борту, а не там…

— Оттуда они и явятся, — сообщил деп-три. Линдсей открыл глаза. Ерунда, строго сказал он себе. Всего-навсего пузырь в белую крапинку, а в центре — он, Линдсей. Вот так. И ничего страшного.

— Кто — «они»?

— Ну, пришельцы, — с изумлением пояснил деп-три. — Они там, это всем известно.

— Конечно…

— Хочешь, на Солнце посмотрим? Может, оно с нами поговорит.

— А может, лучше Марс? — предложил Линдсей.

— Без толку, противостояние. Астероиды можно попробовать. Счас, вдоль эклиптики посмотрю…

Он умолк. Звезды под низкие звуки музыки рубки управления стали поворачиваться. Прибегнув к харагэй, Линдсей почувствовал, как робозонд вращается вокруг его центра тяжести. Тренировки пошли на пользу — он чувствовал себя уверенно. Линдсей сделал глубокий вдох.

— Ага, вот, — сказал деп-три.

Отдаленное, не больше булавочной головки, пятнышко света встало в центр поля зрения и начало расти. Вот оно выросло до размеров ногтя, и контуры его расплылись, утратив определенность. Деп-три прибавил разрешение, и изображение превратилось в сосискообразный цилиндр, переливающийся искусственными оттенками компьютерной графики.

— Ложная цель, — сказал деп-три.

— Вот как?

— Ну да. Я такие уже видал. Шейперская работа. Шкура полимерная, баллон. Разве что герметичный. Внутри может кто-нибудь быть.

— Ни разу таких не видел, — сказал Линдсей.

— Их тут — сколько угодно.

Это было правдой. Шейперские охотники за астероидами пользовались такими пустышками уже давно. Пластиковые оболочки были достаточно велики, чтобы дать пристанище небольшим группкам шпионов, похитителей автоматических кораблей или дезертиров. Могли в них прятаться от полиции механистские кандидаты в бродяги, а то и шейперские криптографы, прослушивающие межкартельную связь.

Стратегия заключалась в том, чтобы перегрузить следящие системы механистов тучей потенциальных укрытий. В самом начале борьбы за Пояс шейперы добились заметных успехов; отдельные группы их агентов все еще кочевали по механистской территории из пузыря в пузырь, невзирая на осаду Совета Колец. Многие пустышки были оборудованы системами пропагандистской трансляции, некоторые — уловителями солнечного ветра, искажавшего их орбиты, а кое-какие могли уменьшаться в размерах и снова надуваться, сбивая с толку механистские радары. Производить их было гораздо дешевле, чем отслеживать и сбивать, что давало шейперам небольшое финансовое преимущество.

Аванпост, для уничтожения которого был нанят «Красный Консенсус», как раз и являлся одним из центров производства пустышек.

— Вот наступит мир, — сказал деп-три, — возьмем таких дюжину, соединим переходами, и выйдет хорошая недорогая станция для народа.

— А будет он когда-нибудь, этот мир? — ответил на это Линдсей.

Стены загудели — «Красный Консенсус» начал сматывать кабель.

— Когда прилетят пришельцы…

Космический корабль «Красный Консенсус»
30.11.16

В гимнастической шла тренировка.

— Ладно, хватит на сегодня, — сказал президент. — Все в форме. Даже госсек основное усвоил.

Трое депутатов, стаскивая шлемы, засмеялись. Линдсей тоже освободился от шлема. Учебный бой длился куда дольше, чем он ожидал. Он загодя спрятал в скафандр начинку из ингалятора, пропитанную вазопрессином: скоро от него потребуются все без остатка знания и навыки, а также — наилучшая форма. Однако испарения подействовали сильнее, чем он рассчитывал, — болела голова и тянуло внизу живота.

— Красный ты какой-то, госсек, — заметил президент. — Устал?

— Это — от воздуха в скафандре, сэр. — Собственные слова оглушительным звоном отдавались в ушах. — От кислорода, сэр.

Мелкие сосуды под кожей расширились под действием стимулятора.

Деп-один состроил гримасу:

— Хиляк он у нас.

— Все свободны, граждане. У нас с госсеком еще кой-какие дела.

В скафандры влезали сквозь подковообразный шов, изгибавшийся вдоль паха и ног. Все, кроме депа-три, разоблачились мгновенно. Линдсей расстегнул клапан и стряхнул с ног тяжелые магнитные башмаки.

Линдсей остался наедине с президентом. Сволакивая через голову скафандр, он сжал правую кисть внутри широкого, жесткого рукава в кулак, вогнав в основание ладони иглу шприца. Выдернув, он отпустил ее, и игла тихонько поплыла в пальцы перчатки.

Оставив скафандр открытым, чтобы проветривался, он взял его под мышку. Никто внутрь не полезет: теперь скафандр принадлежит ему, Линдсею, и на обоих плечах его — дипломатические эмблемы ГДФ. Вместе с президентом он прошел на шлюзовую палубу и поставил скафандр в стойку.

Кроме них, в «кладовке» не было никого.

— Ты готов, солдат? — серьезно спросил президент. — Как самочувствие? Идеологическое, я имею в виду.

— Хорошо, сэр, — отвечал Линдсей. — Я готов.

— Тогда идем.

Они поднялись в рубку. Нырнув вперед головой в оружейную, президент вплыл в пушечный отсек.

Линдсей последовал за ним. Голова гудела, расширенные кровеносные сосуды отчетливо пульсировали. Он чувствовал себя острее стеклянной грани. Сделав глубокий вдох, он влетел в пушечный отсек ногами вперед — и будто бы оказался в царстве мрачного бреда.

— Готов?

— Да, сэр.

Линдсей не торопясь пристегнулся к сиденью стрелка. Древнее орудие выглядело жутковато. На мгновение показалось, что ствол пушки направлен ему в живот. Нажать на спуск — значит, разнести себя на куски…

Порядок подготовки к стрельбе он вспомнил легко — в его состоянии мозг поставлял информацию по первому требованию. Линдсей пробежал рукой по черному, матовому пульту управления и включил питание — тумблер отозвался звонким щелчком. Музыка рубки управления за спиной зазвучала на октаву ниже — энергии пушка забирала много. Под призрачно-синим прицельным монитором зажглась кроваво-красная цепочка злобно мерцающих индикаторов и шкал.

Линдсей взглянул поверх экрана. В глазах его помутилось. Ребристый ствол орудия слегка поблескивал смазкой. Толстые черные продольные ребра сверхпроводниковых магнитов, к каждому из которых тянулись змеями кабели питания в металлизированных оболочках…

Порнография смерти. Деградация человеческого гения, опустившегося в своей продажности до самоубийства расы.

Переключившись на боевой режим, Линдсей снял опломбированную предохранительную крышку и сунул правую руку в открывшееся отверстие. В ладонь удобно легла пластиковая рукоять. Большим пальцем он снял второй предохранитель. Машина начала выть.

— Это должны делать все, — сказал президент. — Нельзя

сваливать на кого-то одного.

— Я понимаю, сэр, — сказал Линдсей. Эти слова он отрепетировал заранее. Цели перед ним не было — жерло пушки было направлено перпендикулярно эклиптике, в галактическую пустоту. Никто не будет задет. Ему нужно лишь нажать на спуск. И он не сможет этого сделать.

— Такое ведь никому не нравится, — сказал президент. — Я тебе клянусь, орудие под пломбой всегда… Но нам без него — никак. Ведь кто знает, что встретишь в следующий раз? Может, крупную добычу. Такую, что мы сможем вступить в картель. Снова стать народом. Тогда мы выбросим к чертям это чудище.

— Да, сэр.

Здесь не с чем было бороться в открытую, нечего отвергать путем холодных размышлений. Препятствие лежало слишком глубоко. В самих основах вселенной.

Миры могут взорваться.

Стены заключают в себе жизнь. Там, за переборками, шлюзами и шпангоутами, — безжалостный, мрак, смертельная пустота открытого пространства. И на древних станциях орбиты Луны, и в современных механистских картелях, и на Совете Колец, и даже на далеких аванпостах горняков-кометчиков и околосолнечных металлургов каждое мыслящее существо проникнуто пониманием этого. Слишком много поколений жили и умерли под мрачной тенью катастрофы. И каждый ощущал это с первых мгновений жизни.

Жилища были священны — священны в силу самой своей уязвимости. Уязвимость универсальна. Уничтожение одного из миров означало бы, что безопасности нет нигде и ни для кого, что каждый мир может сгореть в геенне тотальной войны.

Конечно, полной безопасности нет, никогда не было и не будет. Способов уничтожения миров — сотни: огонь, взрыв, яд, саботаж. Неослабная бдительность, культивируемая всеми сообществами, разве что уменьшала риск. Способность разрушать доступна была всем и каждому. И каждый разделял со всеми бремя ответственности. Призрак разрушения сформировал этическую парадигму всех идеологий и всех миров.

Судьба человека в Космосе никогда не была легкой, и вселенная Линдсея не отличалась простотой. Эпидемии самоубийств, жестокая борьба за власть, отвратительные техно-расистские предрассудки, подленькое, исподтишка, подавление целых сообществ…

Однако последней грани безумия все-таки удалось избежать. Да, без войны не обходилось. Мрачные, скрытые конфликты сыпались, словно искры, высеченные соприкосновением двух

сверхсил, механистов и шейперов. Мелкие стычки, уничтоженные корабли, захват рудников с преданием смерти всех обитателей… Но в целом человечество жило и процветало.

И этот триумф его был глубок и фундаментален: в низших слоях сознания, где постоянно гнездится страх, осталось место уверенности и надежде. То была победа, принадлежащая всем, всеобъемлющая до неявности, отложившаяся в той части сознания, от которой зависит все остальное.

И все же эти пираты, как пиратам и полагалось, обладали оружием массового уничтожения. Машина была древностью, реликтом эпохи безумия, когда физики впервые взломали ящик Пандоры. Эпохи, в которую оружие космической мощности было рассеяно по поверхности Земли, словно точечные кровоизлияния, усеивающие мозг паретика.

— Я сам стрелял на прошлой неделе, — сказал президент. — Убедился, что на Дзайбацу не заминировали эту пакость. Некоторые из мех-картелей не преминули бы. Перехватят корабль где-нибудь в открытом космосе, оружие отключат, а к проводке подсоединят хитрый чип. Нажмешь спуск, чип испаряется, нервный газ… Хотя — без разницы. Если нажимаешь спуск у этой штуки в бою, ты всяко — мертв. На девяносто девять процентов. У шейперов, на которых мы нападаем, разная армагеддонная ерунда имеется. У нас тоже должно быть все, что есть у них. И мы сделаем все, что могут сделать они. Ядерная война, солдат; иначе — никак… Ну, огонь!

— Огонь! — выкрикнул Линдсей.

Ничего не произошло. Пушка молчала.

— Что-то не так, — сказал Линдсей.

— Пушка не работает?

— Нет, рука. Рука… — Он подался назад. — Рукоять отпустить не могу — мышцы свело.

— Мышцы — что?!

С этими словами президент схватил Линдсея за предплечье. Сведенные судорогой мышцы застыли, словно стальные тросы.

— Господи, — проговорил Линдсей с отработанной истерической ноткой. — Я не чувствую вашей руки! Сожмите крепче…

Президент стиснул предплечье с сокрушительной силой.

— Ничего…

В скафандре он накачал руку обезболивающим, а искусственную судорогу обеспечили дипломатические навыки. Но фокус этот давался нелегко. Рукояти в пальцах он не предусматривал.

Мозолистые пальцы президента вонзились в руку Линдсея

немного повыше локтя. Боль сминаемых нервов резанула даже сквозь анестезию. Рука чуть-чуть дернулась, отпустив рукоять.

— Теперь есть. Слегка, — спокойно сказал Линдсей.

Ведь было же что-то, помогавшее терпеть боль… Если только стимулятор поможет вспомнить… Да, вот. Боль словно бы обесцветилась, превратившись в нечто, отвратительно близкое к удовольствию.

— Могу попробовать левой, — убито сказал он. — Конечно, если и она…

— Что там у тебя за херня случилась?!

Президент безжалостно вонзил большой палец в нервный узел на запястье. Линдсей почувствовал ужасную боль, словно ему на мозг набросили черную, прохладную ткань, и едва не потерял сознание. Он слабо улыбнулся.

— Думаю, здесь какие-то шейперские штучки, — сказал он. — Нейронное программирование. Они устроили так, что я не могу этого сделать. — Он сглотнул. — Рука — словно бы не моя.

На лбу его выступил пот. Под такой дозой вазопрессина он мог ощущать каждую мышцу лица по отдельности. Именно так, как учили в Академии.

— Этак не пойдет, — сказал президент. — Если не можешь нажать спуск, значит — ты не наш.

— А может, поставить какой-нибудь механизм? — предложил Линдсей. — Силовую перчатку, например. Я-то готов, сэр. Это она не хочет.

Он поднял негнущуюся от плеча руку и изо всех сил опустил на острый угол кожуха орудия. Еще раз, еще…

— Не чувствую…

На руке появилась порядочная ссадина. В воздух брызнули алые шарики крови. Рука оставалась неподвижной. Из раны медленно выполз уплощенный, амебоподобный кровяной сгусток.

— Но руку-то в измене не обвинишь, — сказал президент.

Линдсей пожал плечами (причем шевельнулось только одно):

— Я ведь стараюсь, сэр.

Он знал, что никогда в жизни не нажмет спуск. Он понимал, что за это его могут убить, хотя и надеялся избежать такого исхода. Жизнь, конечно, важна… Но не настолько.

— Посмотрим, что скажет второй судья, — сказал президент.

Линдсей не спорил. Это вполне соответствовало плану.

Судья-два спала в лазарете. Она вскочила, широко раскрыв глаза. Увидев кровь, она уставилась на президента:

— Какого хрена! Ты что, снова сломал ему руку?

— Это не я, — смущенно и как-то виновато сказал президент.

Он объяснил положение дел. Второй судья, осмотрев руку,

перевязала ее.

— Похоже, что-нибудь психосоматическое.

— Я хочу, чтобы эта рука двигалась, — сказал президент. — Исполняй, солдат.

— Есть, сэр, — удивленно ответила судья-два, не сразу сообразившая, что они на военном положении.

Она почесала в затылке:

— С этим лучше бы не ко мне. Я же просто механик, а не шейперский психотех. — Она покосилась на президента. Тот был непреклонен. — Думается мне… Вот это должно помочь. — Она вытащила какую-то ампулу. — Конвульсант. В пять раз сильнее естественных нервных сигналов. — Она набрала в шприц три кубика. — Руку лучше перетянуть. Если это попадет в другие сосуды, его так тут перекорежит… — Она виновато взглянула на Линдсея. — Будет больно. Очень.

Появлялась удобная возможность. Рука переполнена обезболивающим, но боль можно изобразить. Если это получится убедительно, они могут забыть о проверке. Они подумают, что он, Линдсей, жестоко наказан за то, в чем не виноват. Судья настроена сочувственно, можно столкнуть ее с президентом. Остальное сделает их чувство вины.

— Президенту лучше знать, — твердо сказал он. — Делай что он велел. Рука все равно ничего не чувствует.

— Уж это-то ты почувствуешь. Если только не мертв.

Игла вонзилась в кожу. Жгут туго перетянул бицепс. Вены набухли, перекорежив татуировку.

Когда пришла боль, он понял, что от анестезии нет никакого проку. Конвульсант жег, словно кислота.

— Горит! — закричал он. — Горит!!!

Рука содрогнулась; мышцы жутко свело. Затем они начали судорожно сокращаться, и конец жгута вырвался из рук судьи-два.

Кровь, не сдерживаемая больше жгутом, хлынула в грудь и в плечо. Согнувшись пополам, Линдсей задохнулся в крике. Лицо его посерело. Препарат сжал сердце, словно раскаленная проволока. Подавившись собственным языком, Линдсей забился в судорогах.

Двое суток лежал он при смерти. А когда выздоровел, решение на его счет уже было принято. Вопрос о проверке больше не поднимался. Ей так и не суждено было произойти.

Космический корабль «Красный Консенсус»
19.12.16

— Камень как камень… — сказала деп-два, смахивая с экрана

таракана.

— Это цель, — сказала спикер парламента.

Рубка работала в аварийном режиме, и знакомый хор из гуденья, писка и кваканья сошел на нет, превратившись в едва уловимый шорох. Лицо спикера в свете экрана приобрело зеленоватый оттенок.

— Маскировка, — продолжила она после паузы. — Они там. Нутром чую.

— Простой булыжник. — Третий сенатор, брякнув инструментальным поясом, придвинулась к экрану. — Либо слиняли, либо еще что. Инфракрасных нет.

Линдсей, который так ни разу и не посмотрел на экран, молча дрейфовал в стороне. Рассеянно, не спеша, взглядом устремясь в никуда, растирал он татуированную правую руку. Кожа зажила, но комбинация препаратов дотла выжгла пораженные нервы. Кожа под холодной тушью татуировки казалась резиновой. Кончики пальцев не ощущались вовсе.

Он не верил, что шейперы станут особенно церемониться. Конечно, распростертый солнечный парус прикрывает корабль от радара и мешает упреждающему удару с астероида. Однако он постоянно чувствовал, что вот сейчас, в эту самую долю секунды корабль разорвут на части выстрелы шейперов. В пушечном отсеке скрипнуло сиденье стрелка — судья-три нервно заерзал.

— Ждут, когда продрейфуем мимо, — сказал президент. — Получат возможность прицелиться и ударят.

— Не могут же они так вот просто взять и нас уничтожить, — рассудительно возразил сенатор-два. — А вдруг мы — бродяги. Механистские дезертиры…

— Деп-три, стоп здесь! — приказал президент. Тот, лучезарно улыбаясь, повернул полускрытое очками лицо к остальным и снял наушники:

— Что, господин президент?

— Я говорю, стоп на этой частоте, разрази-ть-тя!.. — заорал президент.

— А, это… — Сунув руку за ворот скафандра, пред-три принялся чесаться, одной рукой прижимая к уху наушник. — Так я — уже. И… э-э…

Он осекся. Команда затаила дыхание. Обзор ему закрывали очки, но он, уверенно вытянув руку, коснулся нескольких выключателей. Рубку наполнил высокий прерывистый вой.

— Переключу на визуалку, — сказал деп-три, опуская руки на клавиатуру.

Астероид исчез с экрана, сменившись бессмысленными столбцами букв:

…
TCGAGGCTATCGTAGCTAAAGCTCTCCCGATCGATATCGTCTCGATCGATGGA
TGTCGATGTAGGGCTCGAGCTAG…

— Шейперский генный код, — сказала спикер. — Я же говорила!

— Ну, это их последняя передача, — веско сказал президент. — С этого момента объявляю военное положение. Всем — по боевым постам. Кроме тебя, госсек. Исполнять!

Все смешалось; нервные импульсы всей команды словно сорвались с привязи и понеслись вскачь. Линдсей, созерцая общий аврал, размышлял о передаче на Совет Колец, выдавшей аванпост.

Вполне возможно, в этом последнем крике шейперы швырнули в пространство собственные жизни. Однако среди врагов есть человек, который сможет оплакать погибших.

Глава 4

ESAIRS XII
21.12.16

Астероид назывался ESAIRS 89-XII — других названий, помимо этого, извлеченного из древнего каталога, у него не имелось. Он представлял собою глыбу спекшейся породы в форме картофелины, полкилометра в длину.

«Красный Консенсус» завис над экватором.

Линдсей спускался, держась за трос одной левой рукой. Темный астероид глянцевито поблескивал; сквозь забрало шлема видны были антрацитово-черные жилы углеродистой руды. Холодно-серые и белые пятна отмечали следы столкновений с метеоритами. Самые крупные кратеры достигали восьмидесяти метров в поперечнике, на дне их, сквозь трещины в породе, взбугрялись застывшая лава и вулканическое стекло.

Линдсей приземлился. Поверхность под ногами была похожа на пемзу, усыпанную грязно-белыми застывшими пузырьками лавы. В длину астероид просматривался от начала до конца, в ширину же — до горизонта было не более дюжины шагов.

Пригнувшись, он поплыл над астероидом, цепляясь пальцами в грубой перчатке за выступы и впадины. Пальцы правой руки почти ничего не чувствовали — толстая ткань внутри перчатки на ощупь была мягче хлопка.

Ноги, не находя опоры, бесцельно болтались над поверхностью. Линдсей перебрался через кромку продолговатого — удар, судя по всему, пришелся по

касательной — кратера. Глубина впадины в пять раз превосходила его рост, а дно представляло собою полосу стеклянно-гладкого зеленоватого базальта. Длинный, зазубренный гребень расплавленной породы в свое время едва не обрел свободу, но застыл, запечатлев рябь и волны расплавленной массы…

Вдруг полоса камня скользнула в сторону. Поверхность ее пошла складками, сминаясь, словно шелк. Застывшие каменные волны оказались нарисованными на маскировочной пленке.

Внизу зияла пещера. Точнее, вход в туннель, полого уходивший вниз.

Осторожно спустившись по склону, Линдсей вплыл в туннель и, придерживаясь за стены, продвинулся немного вперед; затем поднял руки над головой и оттолкнулся от потолка, чтобы встать на ноги.

Над близким горизонтом занялся рассвет. Отсветы его проникали в туннель.

Туннель оказался идеально круглым, с неестественно гладкими стенами. Шесть металлических полос, отсвечивая медью под лучами солнца, тянулись вдоль стен в глубину, вероятно, приклеенные эпоксидной смолой.

Судя по всему, туннель опоясывал астероид — он круто, как и горизонт, изгибался. За поворотом, едва видимый, тускло блеснул коричневый пластик. Подпрыгивая и отталкиваясь от стен, Линдсей устремился вперед.

В пластиковую пленку был вмонтирован матерчатый шлюз. Расстегнув молнию, Линдсей вошел в шлюз, застегнул за собой клапан, затем расстегнул молнию внутренней двери и пролез внутрь.

Он оказался внутри пузыря, окрашенного черным и охрой. Баллон, должно быть, надули внутри туннеля — он плотно, не оставив ни щелки, закрывал проход.

Под потолком вверх ногами парил человек в защитном пластиковом скафандре. Зеленый силуэт ярко выделялся на фоне черных узоров, от руки нанесенных на охряной фон.

Скафандр Линдсея осел — давление воздуха уравнялось. Он снял шлем и с опаской вдохнул. Воздух оказался стандартной кислородно-азотной смесью.

С намеренной неуклюжестью Линдсей прижал правую руку к сердцу:

— Я… э-э… желаю огласить заявление. Если вы не возражаете.

— Прошу вас.

Тонкий голос женщины звучал несколько глуховато. Линдсей

мельком увидел лицо, скрытое за стеклом визора: холодные глаза, смуглая кожа, темные волосы, забранные зеленой сеткой.

Медленно, без всякого выражения, Линдсей принялся читать:

— Вас приветствует Горняцкая Демократия Фортуны. Наш независимый народ действует в рамках закона, твердо базирующегося на платформе гражданских прав человека. Новые члены нашего политического сообщества, как эмигрировавшие на территорию государства, подвергаются до получения полного гражданства краткому натурализационному процессу. Мы стараемся по возможности смягчить неудобства перехода к новому политическому строю. Согласно нашей политической линии идеологические различия устраняются в процессе переговоров. С данной целью мы делегируем к вам нашего государственного секретаря, уполномоченного выработать предварительные условия, подлежащие последующей ратификации Сенатом. Желательным для Горняцкой Демократии Фортуны, как определено совместной резолюцией номер шестнадцать шестьдесят седьмой сессии парламента, является незамедлительное начало переговоров под эгидой государственного секретаря, дабы обеспечить краткость и безопасность переходного периода. Шлем нашим будущим гражданам горячие поздравления и предлагаем руку дружбы. Подписано президентом. — Линдсей поднял взгляд. — Вам понадобится копия.

Он протянул ей бумагу. Шейпер приблизилась к нему, и Линдсей увидел, что она сказочно красива. Впрочем, это ничего не значило — красота среди шейперов ценилась дешево.

Она приняла документ. Линдсей вынул из набедренной сумки еще несколько:

— Мои верительные грамоты.

Он подал ей стопку переработанных из вторсырья разноцветных листов с печатями Фортуны, оттиснутыми на фольге.

— Меня зовут Нора Мавридес, — сказала женщина. — Моя Семья поручила мне довести до вас нашу точку зрения относительно сложившейся ситуации. Мы полагаем, что сможем убедить вас в том, что предпринимаемые вами действия являются безрассудными и что вам выгоднее заняться каким-нибудь другим объектом. Все, что нам необходимо, это время, потребное для того, чтобы убедить вас. В знак доброй воли мы даже заблокировали наше главное орудие.

— Прекрасно, — кивнул Линдсей. — Очень хорошо. Это произведет неизгладимое впечатление на наше правительство. Я лишь хотел бы взглянуть на это орудие.

— Вот оно, — отвечала Нора Мавридес. — Мы в его стволе.

Космический корабль «Красный Консенсус»
22.12.16

— Я прикинулся дураком, — рассказывал Линдсей. — Но не думаю, что они на это купились.

Он обращался к совместной сессии парламента и сената под председательством спикера парламента. Президент находился среди публики, а члены Верховного Суда, несшие вахту у орудия в рубке управления, следили за происходящим по интеркому.

— Она поверила, не сомневайся, — покачал головой президент. — Шейперы же всех считают придурками. Да какого хрена, рядом с ними мы и вправду придурки.

— Мы пришвартовались, — продолжал Линдсей, — рядом с выходом их пускового кольца. Длинный круговой туннель, кольцо с осевой точкой в центре тяжести этого булыжника, пролегающее под самой поверхностью. Оборудовано продольными магнитными ускорителями и, в некотором роде, магнитной пусковой бадьей.

— Я слышал о таких, — сказал по интеркому судья-три. Когда-то шахтер, на корабле он был штатным артиллеристом, и лет ему было уже под сотню. — Начинает на малом ускорении, подхватывает бадью, подмагничивает, гоняет по кругу на магнитной подушке, разгоняет до нужного, а затем тормозит перед жерлом. Бадья останавливается, а груз выстреливается со скоростью нескольких кликов в секунду.

— Кликов в секунду? — протянула спикер парламента. — Да они нас разнесут!

— Нет, — вмешался президент. — На запуск нужна уйма энергии. А мы близко, и сразу заметим магнитное поле.

— Внутрь нас не пустят, — сообщил Линдсей. — Семья их живет в чистоте. Микробов у них нет — или же только искусственно выведенные. А у нас в каждой поре зараза из Дзайбацу. Они собираются от нас откупиться и отправить восвояси.

— Но нас не для этого наняли, — напомнила спикер.

— И как узнать, сколько с них взять, не видя поселения? — поддержала ее деп-один.

Юная ренегатка-шейпер поправила лакированными ноготками волосы. Последнее время она очень заботилась о своем внешнем виде.

— Можно прокопаться внутрь экскаватором, — сказал президент. — У нас есть данные сонарной съемки. Мы хорошо представляем себе расположение ближайших к поверхности

туннелей. За пять-десять минут, пока наш госсек ведет переговоры, успеем прокопаться. — Он сделал паузу. — Но за это они нас могут убить.

— Мы и так покойники, — с холодной уверенностью объявила спикер парламента, — если они нас не подпустят поближе. Пушка наша — для ближнего боя, а их кольцо расшибет нас и через несколько часов после отлета.

— Но пока что они этого не сделали, — заметила деп-один.

— Раньше они не знали, кто мы такие.

— Остается одно, — подвел итог президент. — Поставить вопрос на голосование.

ESAIRS XII
23.12.16

— Мы же, в конце концов, горняцкая демократия, — втолковывал Линдсей Норе Мавридес. — Согласно идеологии Фортуны, мы имеем неоспоримое право на разведочное бурение. Если бы вы предоставили нам карты ваших туннелей, ничего бы такого не было.

— Вы сильно рисковали, — заметила Нора Мавридес.

— Но вы должны признать, что здесь есть и положительные стороны, — продолжал Линдсей. — Теперь, когда ваша сеть туннелей уже, как вы выражаетесь, «подверглась заражению», мы можем хотя бы встретиться лицом к лицу, без скафандров.

— Это безумие, господин госсекретарь.

Линдсей поднял левую руку к груди:

— Но, доктор Мавридес, взгляните на ситуацию с нашей точки зрения! ГДФ не может бесконечно откладывать вступление в обладание своей законной собственностью! Я не усматриваю в наших действиях ничего нелогичного. Вы продолжаете придерживаться мнения, что мы должны улететь. Но мы не разбойники, а поселенцы. Нас не свернуть с пути туманными посулами и антимеханистской пропагандой. Мы — горняки.

— Вы — пираты. Механистские наемники.

Линдсей пожал плечами — точнее, плечом.

— У вас действительно травма руки? Или же вы притворяетесь, чтобы убедить меня в вашей безвредности?

Линдсей молчал.

— Понимаю вашу точку зрения, — сказала она. — Переговоры без доверия невозможны. И где-то обязательно есть почва для взаимопонимания. Так давайте поищем.

Линдсей выпрямил руку.

— Хорошо, Нора. Давайте — между нами двоими — оставим

пока наши роли. Слушаю вас. Я согласен на любой уровень откровенности, какой вы предложите.

— Тогда скажите, как вас зовут.

— Мое имя вам ничего не скажет. — Последовала пауза. — Хорошо. Называйте меня Абеляром.

— Из какой генетической линии?

— Я не шейпер.

— Вы лжете, Абеляр. Вы движетесь как один из нас. Рука помогает это скрывать, но ваша неуклюжесть слишком уж хорошо разыграна. Сколько вам лет? Сто? Меньше? Давно вы в бродягах?

— Это так важно? — спросил Линдсей.

— Вы можете вернуться! Поверьте, положение изменилось! Совет нуждается в вас! Я вас поддержу. Присоединяйтесь к нам, Абеляр. Вы ведь — один из нас. Что общего у вас с этими грязными ренегатами?

Линдсей потянулся к ней. Нора резко отпрянула; длинные шнурки, стягивавшие ее рукава, взвились вверх.

— Вот видите, — сказал Линдсей, — я такой же грязный, как и они.

Он взглянул ей в глаза.

Нора была прекрасна. Клан Мавридесов был генетической линией, прежде ему незнакомой. Большие светло-карие глаза, слегка монголоидные и скорее индейские, чем азиатские. Высокие скулы, прямой римский нос, густые черные брови и пышные, черные, глянцевито блестящие волосы, вьющиеся в невесомости и заправленные в изумрудно-зеленый пластиковый тюрбан, стянутый сзади красной ленточкой… Кожа ее отливала медью и была чистой и сверхъестественно гладкой.

Их было шестеро. Семейное сходство их было удивительным, однако они не являлись идентичными клонами. Шестерка их составляла ту ничтожную долю Мавридесов, которая прошла отбор: Клео, Паоло, Фазиль, Ион, Агнесса и Нора. Лидером была сорокалетняя Клео, Норе шел двадцать девятый год, остальным было по семнадцать.

Увидев их, Линдсей проникся к ним жалостью. Совет Колец не любил швыряться средствами направо и налево. Семнадцатилетние гении вполне подходили для подобных заданий и обходились дешево… Они разглядывали его, Линдсея, и карие их глаза полны были опасливой брезгливости — точно так обычные люди смотрят на вредных насекомых. Они убили бы его, не задумываясь, — мешало лишь отвращение.

Однако было поздно. Им бы убить его с самого начала, пока еще можно было сохранить свою стерильную чистоту… Теперь же он был слишком близко, и дыхание его, кожа, зубы и даже

кровь — все источало заразу…

— У нас нет антисептиков, — объяснила Нора. — Мы даже не думали, что они могут понадобиться. Для нас, Абеляр, все это будет крайне неприятно. Нарывы, опухоли, сыпи… Понос… И никуда от этого не денешься. Даже если вы улетите завтра же; воздух с вашего корабля… в нем кишели микробы.

Она развела руками. Алые шнуры стягивали на запястьях пуфы рукавов ее блузы; сквозь разрезы слабо мерцала гладкая кожа предплечий. Блуза походила на шаль, стянутую шнурками на боках, а в талии — поясом. Нора сшила ее сама. Лацканы украшали розово-белые кружева. Были на ней также собранные у коленей шорты и пурпурные сандалии на тесемках…

— Мне очень жаль, — заговорил Линдсей, — но так — все лучше, чем умирать… Шейперы долго не протянут, Нора. Им конец. Я вовсе не питаю любви к механистам, поверь… — Здесь он в первый раз отважился на жест правой рукой. — Я сейчас скажу тебе одну вещь, но если ты перескажешь ее кому-либо — отопрусь напрочь. Механисты существуют только благодаря вам. Союз картелей — липа. Объединяет их единственно страх и ненависть к перекроенным. Уничтожив Совет Колец — а за ними, кстати, не заржавеет, — они сами рассыплются в пыль. Прошу тебя, Нора: ну, чисто полемики ради, прими хоть на время мою точку зрения. Я понимаю, что вы обречены, что вы преданы своей генетической линии и своему народу… Но ваша смерть никому ничем не поможет. Шейперам суждено пасть. Сейчас есть только вы да мы. Восемнадцать человек. Я жил с фортунианами. Оба мы понимаем, чего они стоят. Шайка пиратствующих мародеров. Неудачники. Жертвы, Нора! Живущие на грани между правильным и доступным. Но если уж вы пойдете с ними, они не убьют вас ни за что. И это — ваш шанс. Для всех шестерых. Покончив с вами, они отправятся в картели. Если вы сдадитесь, возьмут с собой. Вы молоды. Скройте ваше прошлое — и лет через сто будете править этими самыми картелями! Механисты, шейперы… Это всего лишь ярлыки. А суть — в том, что мы живы. Живы!

— Вы — просто орудия, — ответила женщина. — Да, верно, жертвы. И мы — жертвы. Но наш случай — как-то пристойнее. Голыми мы пришли в этот мир, Абеляр. Нас доставили сюда катером, неспособным на обратный полет, и в пути мы уцелели лишь потому, что на каждую реальную миссию Совет запускал по полсотни пустышек. Мы просто не стоим того, во что обошлось бы картелям наше уничтожение. Потому-то вас и наняли… Богатые, власть предержащие механисты обратили вас против нас. Мы сами обеспечили себе жизнь. Из ничего, собственными умом и

руками, при помощи собственного ветвэра[3] возвели эту базу. А вы пришли нас убить. И продолжить жить за наш счет.

— Но, так или иначе, мы здесь. Что прошло, того не поправишь. Я прошу тебя оставить меня в живых, а ты мне идеологией тычешь… Не будь такой непреклонной, Нора! Не губи всех!

— Я тоже хочу жить, — сказала она. — Но это вы должны к нам присоединиться. Толку от этого будет немного, однако мы согласны терпеть вас. Вы никогда не станете настоящими шейперами, но здесь, под нашей эгидой, найдется место и дикорастущим. А картели… Пусть делают что хотят — мы их переиграем. Не мытьем, так катаньем.

— Вы — в осаде, — напомнил Линдсей.

— Прорвемся. Ты разве не слышал? Цепь переходит на нашу сторону. Одна орбитальная станция уже наша. Корпоративная республика Моря Ясности.

Даже здесь не кинула его тень Константина.

— И ты считаешь это победой? — с сарказмом спросил он. — Эти-то упадочнические мирки? Древние развалины?

— Отстроим заново, — с холодной уверенностью сказала она. — Их молодежь — за нас!

Космический корабль «Красный Консенсус»
01.01.17

— Добро пожаловать на борт, доктор Мавридес.

Президент протянул руку. Нора пожала руку без колебаний — ее кожу надежно защищал тонкий пластик скафандра.

— Прекрасно начинается новый год, — заметил Линдсей.

Они находились в рубке управления. Только сейчас Линдсей осознал, как не хватало ему знакомой, уютной музыки приборов. Звук пропитывал все его существо, снимая напряжение, о котором сам он и не догадывался.

Переговоры длились уже двенадцать дней. Он уже и забыл, насколько непрезентабельно, неопрятно выглядят пираты. Закупоренные поры, слипшиеся волосы, грязные зубы… Да шейперскому глазу они должны казаться животными!

— Это — наше третье соглашение, — официально продолжал президент. — Первое — Акт об установлении отношений, затем — Акт о технологическом налогообложении и Торговое соглашение, а вот теперь — одно из величайших достижений нашей общественной политики — Решение о воссоединении. Добро пожаловать на «Красный Консенсус», доктор. Мы надеемся,

что каждый ангстрем этого корабля вы примете как наше национальное наследие и оцените по достоинству.

Прилепив отпечатанное соглашение к переборке, президент изобразил под текстом развесистый, сложный росчерк. Линдсей же — левой рукою — приложил государственную печать. Тоненькая, рыхлая бумага немного смялась.

— Теперь все мы здесь — единый народ, — подвел итог президент. — Можно малость расслабиться и это… познакомиться поближе.

Вытащив тускло-серый ингалятор, он основательно затянулся.

— Вы сами сшили этот скафандр? — спросила спикер парламента.

— Да, госпожа спикер. Швы сшиты проволокой и склеены эпоксидной смолой из наших ветвэр-резервуаров.

— Понятно.

— Тараканы у вас красивые, — сказала деп-два. — Розовые с золотым и зеленым. Даже и на тараканов-то не похожи. Мне бы таких!

— Я полагаю, это можно устроить.

— А я вам за них дам релаксанта. У меня много.

— Спасибо, — сказала Нора.

Она держалась прекрасно. Линдсей втайне гордился ею.

Расстегнув скафандр, Нора выплыла из него. Она была одета в треугольное пончо с геометрическим орнаментом в белых и холодно-голубых тонах. Углы пончо были стянуты на бедрах шнуровкой, на ногах не было ничего, кроме сандалий на липучках.

На сегодня пираты тактично отказались от красных комбинезонов с серебряными скелетами. Традиционную их одежду заменяли мышасто-бурые комбинезоны Дзайбацу, в которых они выглядели сущими дикарями.

— Мне бы такой сгодился… — Деп-три сравнивал гофрированный рукав своего скафандра с тоненьким пластиковым рукавом Нориного. — А как вы в них дышите?

— Они — не для пространства. Мы просто закачиваем в них чистый кислород и дышим, пока можно. Минут на десять хватает.

— Ну, баллоны я подмонтирую. Космичней будет. Солнцу понравится.

— Мы научим вас шить такие. Очень полезное искусство.

Она улыбнулась. Линдсей внутренне передернулся. Он понимал, как должно воротить ее от густейшего запаха прокислого пота из скафандра третьего депутата.

Он вклинился между ними, ненавязчиво оттерев в сторону

депа-три, и — впервые — коснулся Норы Мавридес. Опустил руку на мягкое, бело-голубое плечо ее пончо. Мускулы под тканью были судорожно напряжены.

По губам ее скользнула стремительная улыбка.

— Не сомневаюсь, и остальные найдут ваш корабль восхитительным. Мы-то прибыли сюда в катере, на девять десятых загруженном льдом для ветвэр-резервуаров. Сами мы, практически мертвые, были залиты пастой… Был у нас робот, крохотный токамак, и прочего понемножку — проволока, горстка микрочипов, соли, микроэлементы… И — гены. Зародыши, семена, бактерии. Одежды у нас не было — для экономии полетного веса… Все остальное мы сделали собственными руками. Камню не устоять против плоти, если плоть мыслит.

Линдсей кивнул. Об электромагнитном орудии она даже не заикнулась. Пушки сегодня не обсуждались.

Она изо всех сил старалась обаять и очаровать пиратов, но все равно они чувствовали себя уязвленными. Да, Семье было чем гордиться. Они начинали путь к процветанию с бактериального ветвэра в желатиновых капсулах не крупнее булавочной головки. Они создали пластики, выжав их из камня. Творения их обходились дешево. Как сама жизнь.

Они вросли в камень. Стальная настойчивость мягкой плоти вынудила скалу отступить. ESAIRS XII был пронизан туннелями — ободья с острыми зубьями грызли породу круглые сутки. Имелись у них и воздуходувки, состряпанные из виниловых мешков и ребер из пластика с памятью. Ребра дышали: они были подключены к токамаковой энергостанции; небольшие изменения напряжения заставляли их сокращаться и расширяться, и пластиковые «легкие» громко хлопали, втягивая воздух, а затем выдыхали его с животным визгом. Сам камень казался живым — столь разнообразны были наполнявшие его звуки жизни. Скрежет проходческих инструментов, дыхание воздуходувок, бульканье ферментаторов…

Была у Мавридесов и растительность. Не только водоросли и протеиновая слизь, но и — цветы! Розы, флоксы, маргаритки — вернее, растения, называвшиеся так до того, как скальпель коснулся их ДНК. Сельдерей, латук, карликовая кукуруза, шпинат, люцерна… Бамбук! При помощи тонкой проволоки и бесконечного терпения бамбук превращался в трубы и сосуды. Яйца! У них были и куры — вернее, то, что называлось курами, прежде чем шейперские генные технологии не превратили их в невесомостные генераторы протеина.

Они были могущественны, уязвимы и полны отчаянной ненависти. Линдсей понимал, что они лишь выжидают удобного

случая и взвешивают все «за» и «против», тщательно рассчитывая свои действия. Да, они нападут и будут бить на поражение, но лишь в тот момент, когда обеспечат себе максимум возможностей победить и уцелеть.

Понимал он также и то, что каждый новый день, каждое незначительное соглашение либо уступка кладут еще один слой шеллака на разделяющую их трещину. День за днем обретает форму новый статус-кво, непрочное перемирие, держащееся единственно на привычке. За неимением лучшего, хороша уже сама надежда на то, что мир на словах обернется когда-нибудь миром на деле.

ESAIRS XII
03.02.17

— Эй! Государственный секретарь!

Линдсей проснулся. В призрачном тяготении астероида он едва касался пола своей пещерки, называемой всеми «Посольством». После принятия Решения о воссоединении он со всеми гражданами ГДФ переселился на астероид.

Разбудили его Паоло с Фазилем. Оба юноши были одеты в вышитые пончо и жесткие пластиковые венцы, стягивающие длинные, развевающиеся волосы.

Кожная инфекция поразила их жестоко, и с каждым днем положение ухудшалось. Шея Паоло была так воспалена, что горло казалось перерезанным. У Фазиля болело левое ухо, отчего голова его постоянно клонилась вбок.

— Хотим тебе кое-что показать, — сказал Паоло. — Можешь пойти с нами, господин государственный секретарь? Только — тихо.

Голос его звучал так мягко, а взгляд карих глаз был таким невинным и ясным, что Линдсей тут же понял: они пришли неспроста. Убьют? Пока нет, скорее всего. Зашнуровав пончо, он долго возился со сложными завязками сандалий и наконец сказал:

— Я к вашим услугам.

Они выплыли в коридор. Коридоры, которые соединяли пещеры, были просто-напросто длинными и узкими — метр в поперечнике — норами. Мавридесы поплыли вперед с гибким проворством ящериц. Линдсей отстал. С правой его рукой делалось все хуже и хуже — она совсем потеряла чувствительность.

Так, в молчании, они добрались до одной из ферментационных, освещенной желтым неярким светом. Сюда

выходили пухлые, сосцеобразные насадки трех ветвэр-камер. Сами камеры, подобно связкам огромных сосисок, размещались в каменных туннелях. В каждом туннеле лежала цепочка таких «мешков», соединенных встык с помощью фильтров. В последнем «мешке» крутилась, слегка пощелкивая, мешалка из пластика с памятью. В воздухе вилась, подсыхая, пустотелая труба из абсолютно прозрачного акрила; от нее шел сильный и неприятный запах.

Миновав ферментационную, нырнули в темноту следующего туннеля. Все туннели были одинаковыми, с безупречно гладкими стенами. В освещении не было надобности. Любой из молодых гениев легко мог запомнить всю череду переходов.

Слева донесся неспешный «клак-хрусть, клак-хрусть» проходческого обода. Ободья и зубья к ним делались целиком вручную, поэтому каждый из них звучал по-своему, слегка отличаясь от остальных, и это помогало Линдсею ориентироваться. В самом мягком камне они выгрызали в сутки по два погонных метра. За два года ободья пережевали больше двадцати тысяч тонн руды.

Переработанная руда выстреливалась в пространство. В астероиде возникали пустоты — десять километров ходов, непроглядно темных и запутанных, словно клубок лески, украшенной бусинками жилых пещер, оранжерей, ветвэр-камер…

Линдсея привели туда, где он еще не бывал. Раздался раздражающий скрип отодвигаемой каменной заслонки.

Они пролезли мимо дряблой кишки отключенного компрессора. Едва Линдсей ее миновал, кишка шумно втянула в себя воздух.

— Наше потайное место, — пояснил Паоло. — Мое и Фазиля.

Голос его гулким эхом расколол темноту. Что-то зашипело, брызнув добела раскаленными искрами. Вздрогнув от неожиданности, Линдсей изготовился к бою, но тут же увидел, что Паоло держит в руках белую палочку с язычком пламени на конце.

— Свеча, — сказал Паодо.

— Свет-ча, — повторил Линдсей. — Понятно.

— Мы играем с огнем, — сказал Паоло. — Я и Фазиль.

Они находились в пещере-мастерской, выдолбленной в одной из рудных жил. Неискушенному глазу Линдсея стены показались гранитными — серовато-розовый камень, усеянный блестками горного хрусталя.

— Здесь был кварц, — сказал Паоло. — Окись кремния. Его ради кислорода весь выбрали, а потом Клео забыла про это место. И мы забрали пещеру себе. Сами расширили. Верно я говорю,

Фазиль?

— Все точно, мистер секретарь, — с горячностью подхватил Фазиль. — Ручными бурами и расширяющимся пластиком. Видишь излом? Обломки мы прятали в мусор, который запускается в космос. Чтобы никто не догадался. Целыми днями работали. А самый большой обломок оставили.

— Взгляни. — Паоло коснулся стены.

Камень под его рукой сморщился и сполз на пол. В грубо вырубленной пещере размером с чулан висела на тоненькой ниточке продолговатая глыба. Паоло оборвал нитку и медленно и плавно выволок глыбу наружу. Фазиль помог ему погасить инерцию.

То была двухтонная скульптура. Голова Паоло.

— Мастерски сработано, — оценил Линдсей. — Можно?..

Он провел пальцем по гладко отшлифованной скуле. Глаза — широко раскрытые, настороженные, с ямками зрачков, длиною примерно в пядь. На огромных губах играла еле заметная улыбка.

— Когда нас сюда послали, — сказал Паоло, — мы знали, что не вернемся. Здесь и умрем. А почему? Не потому, что геном плохой. У нас хорошая линия. Мавридесы — из рода Властителей. — Он заговорил быстрее, перейдя на напевный говор Совета Колец. Фазиль молча кивал. — Просто мало шансов выжить. Случайность… Случайность сожгла нас, не дав дожить и до двадцати. Случайностью нельзя управлять. Кто-то из линии должен погибнуть ради жизни остальных. Если не мы с Фазилем, то наши соясельники.

— Я понимаю, — сказал Линдсей.

— Мы молоды и обошлись им дешево. Нас послали в пасть к врагу — это выгодно. Но мы с Фазилем живы. Внутри нас нечто такое есть. Мы не увидим и десяти процентов жизни, которой живут все, оставшиеся на родине. Но мы — вот они. Мы — существуем.

— Но жить — лучше, чем умереть, — заметил Линдсей.

— Ты изменник, — без малейшего намека на осуждение ответил Паоло. — Вне генолинии ты бескровен. Ты — просто… система.

— Есть вещи поважнее, чем жизнь, — добавил Фазиль.

— Войну можно пережить, если хватит времени, — сказал Линдсей.

— Это — не война, — улыбнулся Паоло. — Всего лишь эволюция в действии. Думаешь, ты переживешь эволюцию?

— Может статься, — пожал плечами Линдсей. — А если прилетят пришельцы?

Паоло странно на него посмотрел.

— И ты в это веришь? В пришельцев?

— Все может быть.

— А ты — ничего…

— Так чем же я могу вам помочь? — сменил тему Линдсей.

— Нам нужно задействовать пусковое кольцо. Хотим запустить эту голову. Запуск по касательной, на максимуме скорости, с максимумом энергии, перпендикулярно плоскости эклиптики. Кто-нибудь когда-нибудь увидит. Может, через пятьсот миллионов лет, когда от людей и следа не останется, какой-нибудь пришелец подберет мой портрет. Вне плоскости нет мусора, один вакуум, значит, портрет будет в целости. Камень хороший, твердый. Даже став красным гигантом, Солнце едва его согреет. Он уцелеет и до стадии белого карлика — а может, и до черной дыры, пока наша галактика не взорвется или Космос не пожрет собственный хвост. Мой образ будет вечен.

— Только сначала надо запустить, — тихо сказал Фазиль.

— Президенту это не понравится, — сказал Линдсей. — Еще в первом соглашении, которое мы подписали, содержится запрет на запуски в период переговоров. Может быть, немного погодя… Когда доверие окрепнет.

Фазиль с Паоло переглянулись. Линдсей понял, что ситуация вышла из-под контроля.

— Послушайте, — продолжал он. — Вы оба талантливы; после блокировки кольца времени у вас хоть отбавляй; вы ведь можете сделать портреты со всех нас.

— Нет! — крикнул Паоло. — Это — только наше!

— Ну а ты, Фазиль? Ты не хочешь такую?

— Мы мертвы, — ответил Фазиль. — На эту голову ушло два года. Вторую мы не успели бы. Случайность сожгла нас обоих. Один из нас должен был пожертвовать всем, и мы решили… Покажи ему, Паоло.

— Нельзя, — отрезал тот. — Да он и не поймет.

— Пусть знает, Паоло, — твердо сказал Фазиль, — почему ты — главный, а я подчиняюсь. Покажи ему.

Паоло извлек из-под пончо маленький акриловый ящичек. Внутри лежали два каменных кубика с белыми точками на гранях. Кости.

Линдсей облизнул пересохшие губы. Он видел кости на Совете Колец. Заразная, прилипчивая игра. Азартная. И не только из-за денег — эти кубики решали вопросы куда более важные. Тайные соглашения. Вопросы первенства. Секс. Борьба внутри генолиний между людьми, отлично знающими, что они полностью равны. Кости решали все — быстро и окончательно.

— Я могу помочь вам, — сказал Линдсей. — Давайте

поговорим.

— Мы сейчас должны быть на вахте. Радиомониторинг. Мы уходим, мистер секретарь.

— Я иду с вами.

Установив на место каменную заслонку, шейперы нырнули в темноту. Линдсей старался не отставать.

Тарелочные антенны шейперов были вкопаны в грунт по всему астероиду. Чашеобразные кратеры являлись готовой основой для замаскированной медной сетки отражателей. Все антенны были подключены к центральному процессору — сложному комплексу полупроводников, укрытому в прочной акриловой консоли. В гнезда ее вставлялись кассеты самодельной пленки, и дюжина разных головок постоянно вела запись. На другом конце консоли размещался жидкокристаллический экран для видеокопий и от руки надписанная клавиатура.

Юноши принялись прочесывать диапазоны постоянных механистских передач. Большинство передач шло в шифрованном виде, представляя собою лишь безликое попискивание кибернетических цифровых кодов.

— Что это там? — спросил Паоло. — Фазиль, возьми пеленг!

— Где-то близко… А, это тот маньяк.

— Какой? — спросил Линдсей. Громадный зеленый таракан в фиолетовую крапинку, треща крыльями, пролетел мимо.

— Тот, что из скафандра не вылезает.

Юноши переглянулись. В глазах их Линдсей прочел то, что они вспомнили. Запах…

— Он что-нибудь говорит? — спросил Линдсей. — Включите, пожалуйста.

— Да он всегда говорит, — сказал Паоло. — Вернее, поет. Включит передачу и бредит…

— Он в новом скафандре, — с тревогой сказал Линдсей. — Включите.

Раздался голос третьего депутата:

— …Шершавый, как мамино лицо. Жаль, что с другом Марсом не попрощаюсь. И Карнавала тоже жаль. На несколько километров отошел — и этот свист. Думал, новый друг зовет. А нет. Просто маленькая дырочка в спине, где я баллоны приклеивал. Баллоны качают здорово, но дырка быстрее. Скоро обе кожи мои остынут.

— Да вызовите же его! — крикнул Линдсей.

— Я же сказал: он — в режиме передачи. Его рации, наверно, лет двести. Когда он говорит, то не может ничего слышать.

— Не пойду назад, здесь останусь. — Голос третьего депутата слабел. — Нет воздуха — говорить нечем и слушать нечего. Надо

выбраться. Молнию вот только… Если повезет, успею раздеться… — Послышался легкий треск помех. — Прощай, Солнце. Прощайте, звезды. Спасибо за…

Свист убегающего в пространство воздуха заглушил слова, а затем снова затрещали помехи.

Линдсей, обдумав происшествие, тихо сказал:

— Паоло! Я был нужен для алиби?

— Что?!

Паоло был потрясен.

— Вы повредили его скафандр. А затем постарались не оказаться в радиорубке, когда ему была нужна помощь.

Паоло побледнел.

— Клянусь, мы близко не подходили к его скафандру!

— Почему же вас не оказалось на вахте?

— Это Клео меня подставила! — закричал Паоло. — Действовать должен был Иан, ему выпали кости! А я должен был остаться чистым!

Фазиль сжал его руку:

— Паоло, заткнись.

Некоторое время Паоло пытался перебороть его взглядом, затем обратился к Линдсею:

— Это все Клео с Ианом. Завидуют моему везению…

Фазиль встряхнул его. Паоло хлестнул брата по лицу. Вскрикнув, тот обхватил Паоло, прижав его руки к туловищу.

— Я был не в себе, — потрясенно сказал Паоло. — Я соврал. Клео любит нас всех. А это — просто несчастный случай. Несчастный случай…

Линдсей покинул рубку. Миновав ветвэр-камеру и оранжереи, где компрессоры испускали запах свежего сена, он достиг пещеры, освещаемой сквозь газопроницаемую пленку тусклыми красными лампами. Здесь находился вход в комнату Норы, перекрытый ее личной воздуходувкой. Примерившись, во время «выдоха» Линдсей проскользнул мимо пульсирующей кишки и включил свет.

Круглые стены комнаты покрывал фиолетовый орнамент. Нора спала.

Ноги и руки ее были опутаны проводами. Запястья, локти, колени и щиколотки облегали браслеты. К группам мышц под обнаженной кожей было подведено множество черных электродов. Ноги и руки плавно, в унисон, двигались — вправо, влево, вперед, назад… К спине, к нервным узлам и окончаниям, прильнул длинный панцирь.

Диптренажер. Спинномозговой краб. Вспышка воспоминаний привела Линдсея в бешенство. Толкнувшись ногой в стену, он

ракетой понесся к Норе. Глаза ее слепо раскрылись навстречу его яростному крику.

Он схватил ее за шею и рванул вперед, вонзив ногти под резиновый обод краба. Часть прибора отошла от спины. Кожа под ним была красной и мокрой от пота. Линдсей оторвал провод от ее левой руки и снова рванул краба. Нора вскрикнула — крепления, удерживавшие краба на спине, больно врезались в ребра.

Краб был сорван. «Брюхо» его щетинилось мириадами полупрозрачных трубочек — оболочек тонких, как волоски, электродов. Линдсей дернул еще раз. Оболочки проводов, растянувшись, лопнули, обнажив разноцветную изоляцию.

Упершись ногой в ее спину, он потянул. Нора забилась, отыскивая на ощупь пряжку. Пояс, который удерживал краба, просвистев в воздухе, расстегнулся. Линдсей держал прибор в руках. Краб, не отработавший до конца программу, шевелился будто живой. Раскрутив прибор за крепления, Линдсей изо всех сил ударил им по стене. Сегменты спины разошлись, пластик затрещал. Линдсей снова хлестнул им по камню. Брызнула бурая смазка, свертываясь в шарики, которые наполнили воздух. Наступив на прибор ногой, Линдсей рванул ремень — еще и еще — пока тот не подался. Из трещины в корпусе выглянули потроха — круглые, словно таблетки, биочипы в переплетении разноцветных оптических волокон.

Линдсей еще раз, уже не так яростно, ударил по крабу. Мало-помалу бешенство улетучивалось. Стало холодно. Правая рука Лиидсея непроизвольно дергалась.

Нора, прижавшись к стене, пыталась нащупать вешалку. Внезапная остановка нейропрограммы вызвала приступ безудержной дрожи.

— Где другой?! — рыкнул Линдсей. — Тот, что для лица?

— Н-не вз-зяла, — сказала Нора, стуча зубами.

Пинком ноги Линдсей отшвырнул краба в угол.

— Нора! Давно ты пользуешься этой штукой?

— Каждую ночь…

— Каждую ночь?! Господи боже…

— Я должна держать форму.

Дрожь ее не унималась. Сняв с вешалки пончо, она нырнула головой в ворот.

— Но ведь это такая боль… — проговорил Линдсей. — Эта штука жжет как огонь!

Нора пригладила на бедрах яркую ткань.

— Ты — один из тех, — сказала она. — Из первых. Отбракованных. Перевертышей.

— Ты — какого выпуска?

— Пятого. Последнего.

— А я был в первом. Иностранный отдел.

— Так ты — даже не шейпер…

— Я — из Цепи.

— Считается, что никого из вас уже нет в живых. — Она сняла с рук и ног браслеты сломанного краба. — Я должна тебя убить. Ты напал на меня. Ты — изменник.

— Когда я разбивал эту пакость, я чувствовал подлинную свободу.

Линдсей с удивлением погладил больную руку. Да, он вправду утратил самоконтроль. Чувство протеста на какое-то мгновение пересилило разум. Вспышка настоящего, человеческого гнева прорвалась сквозь дипнавыки. Линдсей был потрясен — зато такой целостности он не чувствовал в себе уже многие годы.

— Вот из-за таких все и рухнуло, — сказала Нора. — Вы сломали нам, остальным, жизнь. Мы, дипломаты, должны быть наверху, управлять всем и установить мир. Но программу закрыли. Объявили, что мы ненадежны. Идеологически.

— Они хотят, чтобы все мы умерли, — сказал Линдсей. — Затем тебя и отправили сюда.

— Меня не отправляли. Я вызвалась добровольно. — Она затянула последний шнурок пончо. — Если мне удастся вернуться, меня встретят как героиню, с почестями. И это — мой единственный шанс пробиться к власти на Кольцах.

— Почему обязательно — там?

— Все остальное неинтересно.

— Деп-три погиб, — сообщил Линдсей. — Зачем ты убила его?

— По трем причинам. — Она даже не пыталась притворяться. — Это было легко выполнить. Вас стало меньше. И третье — он был сумасшедшим. Хуже любого из вас. Слишком непредсказуемым. Слишком опасным, чтобы оставаться в живых.

— Он был безвреден. — Глаза Линдсея наполнились слезами. — В отличие от нас с тобой.

— Будь у тебя мое самообладание, ты бы не плакал. Даже если бы тебе вырывали сердце.

— Оно уже вырвано. Как и твое.

— Абеляр… Он был пиратом.

— А остальные — нет?

— Думаешь, они о нас будут плакать?

— Нет. Они даже о своих не будут особенно плакать. Но вот отомстить они захотят. Как ты отнесешься к тому, если завтра

исчезнет Иан? А месяца через два ты найдешь его кости в отстойнике какого-нибудь ферментатора? Или даже так, если уж у тебя настолько стальные нервы: как насчет тебя самой? Каков тебе покажется вкус власти, когда ты будешь блевать кровью за шлюзом?

— Все в твоих руках, — сказала она. — Я сказала правду, как мы и договаривались. Ну а как сдержать в узде вашу компанию — твое личное дело.

— Я в таком положении быть не желаю. Я думал, что мы достигли хоть какого-то взаимопонимания…

Она кивнула на истекающие смазкой обломки краба:

— Ты не спрашивал позволения, когда напал. Увидел предмет, которого не можешь терпеть, — и уничтожил. И мы — точно так же.

— Я хочу поговорить с Клео.

— Это будет нарушением нашего с тобой договора, — оскорбленно сказала она. — Ты должен все это делать через меня.

— Произошло убийство, Нора. Мне нужно видеть ее.

— Она — у себя в саду, — вздохнув, ответила Нора. — Тебе придется надеть скафандр.

— Мой на «Консенсусе».

— Тогда возьмешь один из Ианових. Идем.

Она повела его через освещенную красным пещеру, потом длинной выработанной штольней, в резиденцию Иана Мавридеса.

Пошивщик скафандров (он же — художник-график) бодрствовал и был занят делом. В свое время он не пожелал расставаться с защитным костюмом и носил его постоянно, словно стерильную среду для себя одного.

Иан был чем-то наподобие фокусной точки семьи Мавридесов. Именно на нем сосредоточились все семейные обиды и негодование. Паоло, конечно, проболтался, но Линдсей и без этого разобрался в ситуации.

Округлые стены пещеры Иана были украшены сложным орнаментом. Неделями расписывал он свою комнату рисунком из Г-образных линий. Чем дальше, тем мельче становились детали, тем тщательнее вписывались они в картину, тем причудливее становилось безумное, завораживающее сочетание цветов. Сложность узора была насквозь пропитана клаустрофобией. Казалось, крохотные линии шевелятся, слабо мерцая…

Заслышав шум, Иан резко обернулся. Рука его метнулась к нарукавному карману.

— Это мы, — сказала Нора.

Глаза Иана под прозрачным визором сверкали от ярости.

— А-а, — перевел он дух. — Чтоб вам сдохнуть…

— Это ты скажешь кому-нибудь другому, — отрезал Линдсей. — И вообще, чего это ты не спишь?

— Ну-ну. Чтобы ты вошел и расстегнул мне костюм! И заразил меня!

— Нам нужен скафандр, Иан, — сказала Нора. — Секретарь идет в сад.

— Да ну его в задницу! Скафандры мне еще пачкать… Взял бы да сшил себе, как деп-три.

— О скафандрах ты заботишься здорово, — сказал Линдсей, размышляя, действительно ли Иан убил третьего депутата. Наверно, они разыгрывали эту привилегию в кости. Он снял скафандр со стойки. — Если снимешь свой, я могу не надевать этот. Что скажешь? Боишься быть битым?

— Не испытывай судьбу, — Иан прижал кислородный баллон к ниппелю скафандра, — калека.

Клео жила в самой большей из оранжерей, отведенной под декоративные растения. Здесь все росло медленнее, чем в хозяйственных садах, подсвечиваемых ультрафиолетом и заполненных чистым углекислым газом. Ребристые стены продолговатого помещения напоминали раковины. Флюоресцентные трубки вдоль каждого из ребер ярко светились.

Влажная почва, приготовленная из пустой породы, удерживалась частыми пластиковыми сетками. Как и сами шейперы, растения тоже были перестроены для безбактериального существования. Здесь росли в основном цветы — розы, маргаритки, лютики величиной с кулак.

Постелью Клео служило нечто вроде крытой плетеной корзины, выращенной из искривленного бамбука. Она не спала, сидела за пяльцами.

Кожа ее была смуглее, нежели у других, — загорела под оранжерейными лампами. Одета она была в белую, без рукавов, блузу, стянутую над бедрами и мелко гофрированную от пояса. Ноги и руки ее были обнажены. На груди слева красовалась вышитая эмблема, означавшая ранг.

— Привет, дорогая, — сказала она.

— Клео. — Нора, подплыв к «корзине», легонько чмокнула ее в щеку. — Он настоял на…

Клео кивнула.

— Надеюсь, ты будешь краток, — обратилась она к Линдсею. — Мой сад — не для дикорастущих.

— Я хочу обсудить убийство третьего депутата.

Клео убрала под сетку, стягивающую волосы, выбившийся локон. Пропорции кисти, запястья и предплечья говорили, что она старше остальных, более раннего выпуска.

— Нонсенс, — заявила она. — Абсурдное предположение.

— Я знаю, Клео, что его убили вы. Может, даже — ты, лично. Так что можешь быть со мной откровенна.

— Ваш человек умер от несчастного случая. Доказательств противоположного — нет. А значит, мы ни в чем не виноваты.

— Я хочу спасти жизни всех нас, Клео. Избавь меня, пожалуйста, от этого скучного вранья. Если Нора говорит мне правду, отчего не сделать то же самое и тебе?

— Предметы ваших частных бесед с нашим дипломатом — не наше дело, господин секретарь. Семья Мавридесов не примет бездоказательных обвинений.

— Ах вот оно что! — Голос Линдсея слегка приглушил визор. — Убийство человека, не принадлежащего к вашему мирку, — не преступление? И вы желаете, чтобы я присоединился к обману? Чтобы я лгал ради вашего спасения?

— Мы — твой народ, — сказала Клео, глядя на него ясными карими глазами.

— Вы убили моего друга.

— Утверждение необоснованно, господин секретарь.

— Бесполезно… — С этими словами Линдсей нагнулся, ухватил лишенный колючек розовый куст и, вырвав его с корнем, встряхнул. Воздух вокруг наполнился шариками влажного грунта. Клео болезненно сморщилась. — Гляди! Не понимаешь?

— Я понимаю только то, что ты — варвар, — сказала Клео. — Ты уничтожил прекрасное, чтобы подчеркнуть аргумент, которого я заведомо не могу принять.

— Да уступи же ты наконец! — взмолился Линдсей. — Во имя милосердия!

— Это не в моих полномочиях.

Линдсей покинул оранжерею и, едва миновав шлюз, вылез из отсыревшего скафандра.

— Я тебя предупреждала, — сказала Нора.

— Она же самоубийца! Зачем? Почему вы ей подчиняетесь?

— Потому, что она нас любит.

ESAIRS XII
23.02.17

— Хорошо, я объясню тебе про секс, — сказала Нора. — Дай руку.

Линдсей подал левую. Нора, притянув ее к себе за запястье, глубоко забрала в рот его большой палец. Через несколько секунд она отпустила руку.

— Что ты чувствовал?

— Тепло, — сказал Линдсей. — Сырость. И некоторую не слишком приятную интимность.

— Точно так же и секс под супрессантами. В нашей Семье есть любовь, но эротики нет. Мы — солдаты.

— То есть вы химически кастрированы?

— Предрассудок. Ты никогда такого не ощущал. Но по этой причине предлагаемая тобой оргия даже не подлежит обсуждению.

— Карнавал — не оргия, — объяснил Линдсей. — Это такая церемония. Церемония общности и доверия. Она связывает группу. Это вроде как когда животные сбиваются в кучу.

— Ты слишком многого просишь.

— А ты не понимаешь масштабов проблемы. Они же не тел ваших хотят! Они хотят вас убить. Они вас ненавидят — за эту самую вашу стерильность! Ты не знаешь, как я их уговаривал, упрашивал, убеждал… Понимаешь, тут применяются галлюциногены. На Карнавале мозг превращается в студень. Рук своих собственных не чувствуешь — не то что чьих-то там гениталий. Ты беспомощен наравне со всеми, вот в чем суть. Нет никаких игрищ, политики, чинов, обид… Самого себя — нет. А после Карнавала — словно бы наступает первый день Творения. Все улыбаются… — Линдсей, моргнув, отвел взгляд. — Все без обмана, Нора. Их вовсе не правительство объединяет, а сознание. Карнавал — это кровь, спинной мозг и пах.

— Этот метод — не для нас, Абеляр.

— Однако — если бы вы только могли присоединиться к нам! Один раз, всего на несколько часов! Мы избавились бы от напряженности, по-настоящему поверили бы друг другу! Нора, ведь секс — не ремесло. Это — живое, человеческое, едва ли не последнее, что у нас осталось! Да какого хрена! Что вы, в конце концов, потеряете?

— Это может оказаться ловушкой. Вы можете подавить наше сознание наркотиками и убить нас. Риск.

— Пусть риск! Его можно свести к минимуму. — Он взглянул ей в глаза. — Я говорю с тобой об этом на основе достигнутого нами доверия. Мы можем попробовать.

— Мне это не нравится, — сказала Нора. — Я не люблю секс. Особенно с дикорастущими.

— Речь идет о всей вашей генолинии, — напомнил Линдсей.

Он извлек из-за лацкана упрятанный туда заряженный шприц и насадил на него иглу:

— Я готов.

Искоса взглянув на него, она достала свой шприц.

— Тебе может не понравиться, Абеляр.

— А что это?

— Супрессант. С фенилксантином, для поднятия ай-кью. Ты поймешь, что мы чувствуем.

— А у меня — неполная Карнавальная смесь, — сказал Линдсей. — Только половинная доза афродизиаков плюс мышечный релаксант. Сдается мне, ты в этом нуждаешься — с тех пор, как я сломал твоего краба. Дерганой стала.

— Похоже, ты лучше меня знаешь, что мне нужно.

— А ты — что мне. — Линдсей закатал рукав своей блузы. — Вот так, Нора. Сейчас ты можешь убить меня, а после сослаться на аллергическую реакцию, стресс — что угодно. — Он окинул взглядом свои аляповатые татуировки. — Но лучше не стоит.

— Ты ведешь съемку? — с подозрением спросила Нора.

— Я не терплю камер у себя в комнате.

Он достал из стиренового шкафчика два эластичных жгута и один подал ей.

Своим жгутом он туго перетянул бицепс. Она сделала то же. С закатанными рукавами, они терпеливо ждали, пока не набухнут вены. То был самый интимный их миг, и мысли об этом не давали покоя.

Она мягко вонзила иглу в сгиб его локтя и нашла вену — прозрачная жидкость в шприце слегка зарозовела. Он сделал ей то же самое. Глядя друг другу в глаза, они надавили поршни.

Через несколько секунд Линдсей выдернул иглу и приложил к месту укола кружок стерильного пластика, а другой такой же налепил на свою руку. Они распустили жгуты.

— Кажется, оба живы, — сказала она.

— Хорошая примета, — согласился Линдсей. — Пока все идет нормально.

— О… — Она прикрыла глаза. — Действует. О, Абеляр…

— Что ты чувствуешь?

Он стиснул ее плечо. Кости и мышцы, подобно воску, таяли у него под рукой. Губы ее приоткрылись, глаза потемнели, дыхание стало неровным.

— Словно плавлюсь…

Тут и на Линдсея подействовал его фенилксантин. Он почувствовал себя властелином.

— Да, — сказал он. — Зачем тебе вредить мне? Мы ведь с тобой из одной породы.

Линдсей распустил шнуровку и снял с нее блузу, потом, вывернув наизнанку, стащил брюки. Она осталась в одних сандалиях. Одежда парила в воздухе, медленно вращаясь. Глаза ее засверкали. Он привлек Нору к себе.

— Помоги вдохнуть, — слабо шепнула она; релаксант

подействовал на легкие.

Взявшись за подбородок, Линдсей раскрыл ее рот и прижал губы Норы к своим, нежно вдувая воздух и ощущая грудью, как расширяются ее ребра. Голова Норы безвольно запрокинулась, шейные мышцы сделались мягче воска. Обвив ее ноги своими, он продолжал дышать за нее.

Непослушные, вялые руки обхватили его шею. На долю дюйма отведя губы от его рта, она проговорила:

— Попробуй…

Он попытался в нее войти. Несмотря на возбуждение, у него ничего не вышло — афродизиак еще не подействовал. Она была совершенно сухой.

— Больно… — пожаловалась Нора.

— Я хочу тебя, — сказал Линдсей. — Ты — моя. Моя, а не их.

— Не говори так. — Язык ее заплетался. — Это просто эксперимент.

— Для них — может быть. Но не для нас. — Фенилксантин придал ему уверенности — уверенности, не терпящей возражений. — Все прочие ничего не значат. Скажи только слово — и я убью любого из них. Я люблю тебя, Нора. Скажи же, что ты любишь меня.

— Я не могу. — Она моргнула. — Ты делаешь мне больно.

— Тогда скажи, что веришь мне.

— Я верю тебе. Вот, есть. Подожди немного, пусть так… — Она обхватила его ногами и покачала из стороны в сторону бедрами, теснее прижимаясь к нему. — Значит, вот это как… Секс…

— Раньше у тебя такого не бывало?

— Один раз, в Академии. На спор. Но тогда было не так.

— Тебе хорошо?

— Очень. Давай же, Абеляр…

Но теперь в нем проснулось любопытство.

— А тебе тоже прокручивали запись наслаждения? Мне — один раз. На занятиях по технике допроса…

— И мне. Но там же — ничего человеческого; слепой, белый экстаз. — Кожа ее покрылась бисеринками пота. — Еще, дорогой, еще!

— Нет, подожди. — Он вздрогнул от неожиданности — она слишком сильно сжала его запястье. — Я понял, о чем ты говорила. Глупо все это, верно? Мы ведь и так — друзья…

— Я хочу тебя, Абеляр! Давай же, дай мне кончить!

— Но мы же уже поняли точки зрения друг друга… И потом, я же грязный!

— Плевала я на твою грязь! Быстрее! Ради бога, быстрее!

Подчиняясь, он почти минуту механически работал бедрами. Закусив губу, она застонала в предвосхищении; голова ее запрокинулась. Но для него это утратило всякий смысл.

— Я не могу продолжать, — сказал он. — Просто не понимаю, зачем.

— Тогда дай я сама! Ну же!

Он попробовал вызвать в памяти что-нибудь возбуждающее, однако привычный водоворот эротических образов казался сейчас абстрактным и отдаленным, словно нечто, присущее совершенно другому виду. Он вспомнил свою экс-супругу. Вот и с ней секс был чем-то подобным. Обязанностью. Актом вежливости…

Он не двигался, предоставив биться об него ей самой. Наконец она испустила вопль отчаянного наслаждения.

Отстранившись, она вытерла пот с лица и шеи рукавом блузки и застенчиво улыбнулась.

Линдсей пожал плечами:

— Я понял твою точку зрения. Действительно, пустая трата времени. Наверное, убедить в этом остальных будет трудно, но если я достучусь-таки до их здравого смысла…

Она смерила его голодным взглядом:

— Я ошибалась. Для нас это будет вовсе не страшным. Хотя я чувствую себя эгоисткой — ведь ты ничего не получил…

— Но мне просто замечательно! — возразил Линдсей.

— Ты говорил, что любишь меня.

— Это говорил не я, а гормоны… Конечно, я глубоко тебя уважаю, по-товарищески… Извини, что у меня вырвались те слова. Прости меня. Я совсем не то имел в виду, честное слово.

— Не то… — повторила она, надевая блузу.

— Не обижайся. Тебе нужно было узнать, что это такое. И я тебе очень благодарен. Теперь я совершенно новыми глазами смотрю на мир. Любовь… это понятие не имеет смысла. Может быть, для других, в другие времена…

— Но не для нас?!

— Нет. Я чувствую себя так неудобно… Свести переговоры к сексуальным стереотипам… Ты, без сомнения, нашла это оскорбительным. И неприемлемым.

— Меня тошнит, — сказала она.

ESAIRS XII
24.02.17

— Ну как? Теперь порядок? — спросил президент, морща носпуговку. — Не будешь больше про иссушение наших жизненных соков?

— Никак нет, сэр, — отвечал Линдсей с дрожью. — Теперь мне лучше.

— Вот и хорошо. Дип-два, развяжи его.

Та распустила веревки, которыми Линдсей был распят на стене пещеры.

— Я избавился от этого, — сказал Линдсей. — Теперь я все понимаю, но когда супрессанты начали действовать, все стало кристально ясным.

— Тебе, может, и стало кристально ясным, но тут и женатые люди есть. — Сенатор-один крепко взял за руку депа-первого.

— Извините, — сказал Линдсей, растирая занемевшие руки. — Вот на таких штуках они все там сидят. Только Нора теперь бросила. Я и не знал, что так далеко зашло. Они просто не знают жалости. Они не испытывают благопристойного стыда и смущения, сопутствующих сексу. Они меж собой связаны точно и аккуратно, как шестерни. Мы должны совратить их.

Линдсей оглядел присутствующих. Сенатор-три с коротко стриженной головой-тыквой; судья-три, преспокойно ковыряющий ногтем в зубах…

— Будет нелегко, — сказал он.

— Хватит, госсек. — Президент разгладил одну из красных пластиковых лент открытого рукава. — Хватит уже рассусоливать. Эти выблядки кончили депа-три.

— Но доказательства — где доказательства?

— Ты отлично знаешь, что убили они. Мы все знаем. Ты их покрывал, секретарь, и, наверно, правильно делал, но увяз по самые уши. Убивать их — дело не наше. Если бы мы их хотели убить, не снимали бы с корабля пушку.

— Но это же — наша победа. Победа для всех. Мы избавились от оружия массового уничтожения. После этого уже нет ничего невозможного!

— Мы должны уничтожить угрозу. Нас для этого наняли. За это нам механисты должны заплатить. Пока ты там болтал до потери пульса, мы провели разведку. Картографировали туннели. Мы достаточно разобрались в машинах, чтобы их сломать. Мы разгромим этот астероид и уйдем к картелям. К роскошной жизни!

— А их оставите на развалинах?

Спикер парламента ухмыльнулась:

— У них останется наша пушка. Нам она больше не понадобится.

Судья-два погладила ногу Линдсея:

— Все нормально. Опомниться не успеешь, как мы будем в картеле Фемиды развлекаться в каком-нибудь бардаке. В таком-то

прикиде — да мехи все повырубятся от зависти!

Она приподняла двумя пальцами плечо своего пластикового платья. Двое сенаторов захихикали.

— И когда?.. — спросил Линдсей.

— Узнаешь. А пока что болтай поменьше.

— А если кто-нибудь из них захочет бежать с нами? — спросил Линдсей.

— Возьмешь ее с собой, — сказал президент.

ESAIRS XII
01.03.17

Линдсей плыл сквозь темноту, волоча за собой нагруженный контейнер. Достигнув цели, он постучал по камню:

— Фазиль! Паоло!

Каменная заслонка заскрипела. В неверном мерцании свечи он увидел Паоло. Высунувшись в туннель по пояс, юноша склонился к Линдсею.

— Да? Чему обязаны?

— Давайте-ка кое-что обсудим.

— Опять ты со своей оргией?

— Мы подготовили запуск. — Линдсей небрежно махнул рукой в сторону контейнера. — Если придем к соглашению, запусков может быть два. — Он улыбнулся. — Услуга за услугу. Я организую вам запуск. Взамен вы поддержите мое предложение по поводу Карнавала.

Поморщившись, Паоло осторожно почесал мокнущие болячки под подбородком.

— Торговать телом ради искусства… Забудь, секретарь. Остальные ни за что не согласятся. Ты только представь, — он понизил голос, — Клео, раздвигающую ноги перед этим вашим головорезом капитаном.

— Я же не говорю, что все это будет на самом деле. Я прошу лишь меня поддержать. Вы хотите запустить свою голову, или как?

Паоло оглянулся.

— Я — за, — послышался голос Фазиля.

— Тогда пусть кто-то из вас идет в пусковую и готовит все к запуску. Другой пойдет со мной и поможет зарядить кольцо. А про нашу договоренность — ни слова. Никому. Ясно?

— Значит, ты организуешь нам запуск, а мы тебя поддерживаем перед остальными. Вроде бы — ты нас обаял и убедил. Так?

— Условия такие. Вы сохраняете мою тайну, а я — вашу. Ну,

кто пойдет в пусковую?

— Я, — сказал Паоло.

Скользнув мимо Линдсея в туннель, он исчез в темноте. Из лаза показался Фазиль.

— Что в коробке?

— Улики, — объяснил Линдсей. — Сувениры из прошлых рейдов и тому подобное. Чтобы уж не смущало, если мы здесь осели надолго.

Собственно говоря, это была полуправда. На астероиде нечего было смущаться. Иное дело — картель, где пиратам придется вести себя крайне добропорядочно. Крупнейшие картели, наподобие Фемиды, были довольно щепетильны, и открытое пиратство не поощряли даже в бардачных кварталах — догтаунах.

Пираты загрузили контейнер без его ведома — и велели запустить. Верная примета, что скоро конец.

Фазиль со свечой выплыл в туннель.

— Можно посмотреть?

Миновав Линдсея, он положил руку на контейнер. Между пластиковых полос высунулся, поводя усиками в локоть длиной, угольно-черный таракан. Зашипев от отвращения, Фазиль отдернул руку. Линдсей хотел поймать таракана, но промахнулся.

— Гр-рязь, — тихо пробормотал Фазиль. — Помоги мне с головой.

Линдсей вплыл за ним в мастерскую. Вдвоем они вытолкали массивную скульптуру в коридор. Она едва помещалась в узком туннеле.

— Наверное, надо бы смазать, — сказал Линдсей.

— Лицо Паоло не отправится в вечность с сопливым носом.

Фазиль задул свечу, задвинул заслонку и поплыл вперед, толкая голову перед собой. Линдсей, волоча контейнер, двинулся следом.

Маршрут оказался извилистым. То и дело в стороны отходили старые выработки с застоявшимся, спертым воздухом. Загрузочная камера кольца располагалась близ поверхности астероида, примыкая к главному производственному центру. Здесь, по соседству с кольцом, изготовлялись пустышки.

Пустышечный цех представлял собою связку ферментационных бурдюков, похожую на гроздь винограда. Бурдюки соединялись гибкими трубами, были заякорены тросами и окружены грубыми стойками с голубыми ультрафиолетовыми лампами. Гроздь висела в воздухе; полупрозрачные бурдюки тихонько журчали.

Комплекс не был полностью остановлен — это означало бы

смерть ветвэра, — но продукции почти не выпускал. Трубы для выдувания были отсоединены от выходов в пусковое кольцо, и вместо тонкой пленки из них текла густая бесцветная пена. В воздухе стояла невыносимая, резкая вонь горячего пластика.

Дежурство нес семейный робот. Когда появился Фазиль с головой Паоло, он на мгновение замер. При приближении Линдсея — шевельнулся, сомкнув передние манипуляторы на мехах с порошком. Единственный громадный глаз его наклонился, наблюдая за Линдсеем, с клацаньем затвора.

Робот словно бы весь состоял из сочленений и тяг. Шесть конечностей его были сделаны из легкого пенометалла. Размерами он превосходил Линдсея. Мозг и двигатель были упрятаны внутрь торса, в бочкообразную грудь. Спереди он нес на себе сенсоры и две длинные, суставчатые руки с захватами. Сзади располагалось крестообразное сочленение четырех вращающихся ног — робот был сконструирован для работы в невесомости. Был у него и хвост, выполнявший функции бура.

Робот не отличался изяществом механистских машин, однако казался до жути живым. Наподобие скелета из мультиков или животного, распятого на лабораторном столе для демонстрации мышечных рефлексов.

Линдсей вышел из поля зрения робота, и тот снова принялся за работу, резко оттолкнувшись от стены и подсоединив мехи к влажному клапану очередного ферментационного бурдюка.

Перебравшись через голову Паоло, Фазиль остановил ее, упираясь в стену.

Пусковое кольцо было оборудовано полупрозрачным пластиковым шлюзом. Вынув из ниши в стене плотно свернутый зеленый скафандр, Фазиль встряхнул его. Облачившись и застегнув молнию, он расстегнул клапан шлюза и вошел внутрь.

Линдсей толкнул к нему контейнер.

Застегнув клапаны шлюза, Фазиль открыл загрузочную камеру. Изогнутая, прямоугольная секция отошла от стены на наружных пружинных петлях. Воздух со свистом рванулся в вакуум пускового кольца. Пленка шлюза прогнулась, словно мыльный пузырь, облепив стояки. Из контейнера вырвались в вакуум и тут же лопнули пять громадных тараканов и целая туча тех, что помельче. Лицо Фазиля за прозрачным забралом скривилось в брезгливой гримасе, он смахнул корчащихся насекомых в сторону. Тонкие крылышки тараканов судорожно трепетали, из лопнувших подбрюший, суставов и щелей панциря сочилась пена.

Один таракан прилип к стенке шлюза прямо перед лицом Линдсея. Должно быть, он что-то там, в контейнере, ел. Что-то

густое и красное.

Из контейнера вырвались облачка пара. Фазиль, отгонявший останки насекомых в туннель кольца, ничего не заметил.

Шагнув за порог, он вытащил за собой контейнер и с усилием погрузил в бадью.

Поднявшись обратно в шлюз, он смахнул в люк последнего таракана и установил крышку. Крышка люка замкнула контакт, загорелось зеленое табло. На магниты пошел ток, и на зеленом экранчике замелькали цифры обратного отсчета.

Фазиль расстегнул молнию шлюза, впуская воздух из туннеля. Пластик издал хлопок, словно парус, поймавший ветер. Фазиля била дрожь.

— Ты видел?! — глухо крикнул он из-под визора шлема, расстегивая молнию на груди. — Что там было?! Что они ели?!

— Я не знаю, что туда складывали, — ответил Линдсей. — Могли упаковать что угодно.

Фазиль осмотрел испачканный рукав скафандра:

— Похоже на кровь.

Линдсей склонился ниже:

— Запах другой.

— Это — улика. — Фазиль свернул скафандр.

Линдсей задумался. Пираты его обманули. Решили сравняться умом с шейперами. И сделать так, чтобы кто-то исчез.

— Знаешь, Фазиль, лучше запустить этот скафандр.

— Ты Иана сегодня видел? — спросил Фазиль.

— Да как-то было без надобности.

Они мерили друг друга взглядами. Линдсей молчал. Фазиль вдруг резко обернулся и посмотрел на светодиодное табло.

— Все, — сказал он.

— Запусти ты этот скафандр, — сказал Линдсей. — А я отчищу шлюз.

— Вместе с головой я скафандр запускать не стану.

— Можно скормить какому-нибудь ферментатору. — Линдсей махнул рукой в сторону цеха. — Если ты это сделаешь, я помогу тебе пустить оборудование на полный ход. И можешь снова делать пустышки. — Вынув из ниши еще один скафандр, Линдсей встряхнул его. — Сейчас мы запустим голову и избавимся от скафандра. Вначале сделаем эти две вещи, а после поговорим. Идет?

Он принялся облачаться в скафандр. Возник довольно опасный момент — с наполовину натянутыми штанинами, он был сейчас почти беззащитен. Но нападения не последовало, и Линдсей тут же понял, что сумел-таки купить некоторую отсрочку.

Вдвоем они втащили голову в шлюз. Фазиль застегнул клапан, а Линдсей открыл люк.

На стеклянно-гладкую стену кольца упал луч света; медные направляющие тускло блеснули. Железные брусья бадьи были слегка подернуты инеем — конденсированной влагой, испарившейся из упакованного в контейнер тела.

Шагнув в туннель кольца, Линдсей пихнул голову Паоло в бадью и закрепил.

Свет, падавший из проема, заслонила тень. Фазиль закрывал люк. Линдсей, развернувшись, прыгнул.

Он успел сунуть в щель правую руку. Крышка перемолола мышцы и кости, в скафандр хлынула кровь.

Рыча от натуги, Линдсей протиснул в щель голову и плечи. Левой рукой он поймал ногу Фазиля. Кончики пальцев глубоко вонзились в лодыжку шейпера. Линдсей изо всех сил ударил ногой Фазиля об острый косяк. Кость хрустнула. Фазиль, обмякнув, завалился назад.

Не отпуская врага, Линдсей влетел в шлюз и ногой ударил Фазиля в промежность. Тот согнулся пополам; тогда Линдсей перехватил его ногу и согнул, подставив под сгиб колена предплечье. Навалившись на шейпера, он рванул его ногу вверх, выламывая бедренную кость из сустава.

Фазиль в агонии бестолково размахивал руками, ища точку опоры. Рука его зацепила крышку люка. Люк захлопнулся, замкнув контакт. Загорелось зеленое табло.

Линдсей продолжал выкручивать ногу противника. Два шарика его собственной крови попали ему под визор. Он чихнул, на миг зажмурив глаза, — и тут же Фазиль достал ногой его шею. Линдсей разжал захват, и шейпер напал.

В панике с отчаянной силой Фазиль сдавил ему грудь. Воздух со свистом ушел из легких; сквозь черную пелену, застилающую глаза, Линдсей услышал четыре оглушительных удара своего сердца. Он взбрыкнул ногами — и подошва уперлась в стояк, поддерживающий пленку шлюза.

Сцепившись, они кружились в воздухе. Ударив локтем, Линдсей попал Фазилю в висок. Хватка ослабла. Тогда, забросив руку за голову шейпера, он взял его шею в замок. Фазиль снова стиснул объятья. Ребра прогнулись, уступая нечеловеческой силе перестроенных мускулов.

Сквозь запятнанный кровью визор он взглянул Фазилю в глаза. Лицевые мышцы мгновенно отреагировали, смяв лицо в ужасной гримасе. Глаза шейпера побелели. Отшатнувшись, он попытался вырваться — и Линдсей сломал ему шею.

Он задыхался. Баллонов на этих скафандрах не было, долго

ими не пользовались. Нужно выбираться на воздух.

Он повернулся к выходу. У шлюза стояла Клео. Глаза ее потемнели от страха и возбуждения. Пальцы Клео сомкнулись на язычке молнии.

Не отрываясь, Линдсей смотрел на нее, моргая от липнущих к ресницам кровяных шариков. Клео выдернула из лацкана блузы свое излюбленное оружие. Иголку с ниткой.

Оттолкнувшись ногой от тела Фазиля, Линдсей метнулся к выходу. В несколько ловких движений Клео зашила молнию.

Линдсей яростно рванул застежку со своей стороны, но тончайшее розовое волокно не уступало в прочности стальной проволоке. Он замотал головой:

— Не надо!!!

Его окружал вакуум. Путь был отрезан. Слова, всегда его выручавшие, не могли одолеть этой преграды.

Клео ждала его смерти. На табло над головой мелькали цифры. Свет померк — запуск вне плоскости эклиптики требовал много энергии.

Левой рукой он толкнул крышку люка. Пальцы ощутили едва уловимую вибрацию. В ярости он пнул крышку — раз, другой, третий — и она подалась. Он нажал на нее изо всех сил. Крышка отошла — на ширину пальца. Сработало аварийное отключение. Свет погас.

Крышка отвалилась легко. Темнота вокруг была полной.

Линдсей не знал, когда бадья должна остановиться. Если она все еще движется по кольцу, делая клик в секунду, то руку или же ногу отхватит почище лазера.

Ждать он не мог. Воздух внутри скафандра сделался совсем спертым от углекислоты и запаха крови. Решившись, он сунул голову в люк…

…и остался жив.

Теперь перед ним возникла новая задача. Бадья остановилась где-то в кольце, закупорив туннель. Наткнувшись на нее по пути наружу, придется поворачивать и тратить лишний воздух… Куда же идти — налево или направо?

Налево. Тяжело дыша, он сложил руки на груди и прыгнул вдоль туннеля. Еще раз, еще…

Триста метров — половина окружности кольца. Столько и нужно пройти. А если жерло уже затянуто камуфляжной пленкой? Если он уже миновал его, проглядев в темноте?

Звезды! Линдсей отчаянно рванулся вперед, лишь в последний момент вспомнив, что нужно ухватиться за кромку жерла. Притяжение астероида было настолько слабым, что подобный прыжок вывел бы его, Линдсея, на гелиоцентрическую

орбиту…

Он снова оказался на поверхности астероида, среди угольно-черных и грязно-белых выжженных ям.

Перепрыгнув продолговатый кратер, он едва не промахнулся и не свалился вниз. Пемза под пальцами раскрошилась, осколки медленно поплыли над поверхностью.

Почти задыхаясь, он добрел до второго шлюза. Пятнистая маскировочная пленка закрывала вход в самую первую шахту, пробуренную здесь Мавридесами. Сорвав пленку, он крутанул запор люка. Правая рука продолжала кровоточить. Похоже, опять сломана.

Крышка отскочила. Скользнув в шлюз, он захлопнул ее за собой. Оставалась еще одна. Каждый вдох нес в легкие все меньше кислорода. Капли крови превратились в густую, мелкую взвесь.

Вот отошла и вторая крышка. Выплыв из шлюза, он почувствовал в темноте какое-то стремительное движение. Скафандр затрещал. Холодный стальной клинок кольнул горло. Линдсея схватили за ноги, а затем кто-то выкрутил ему правую руку, и он закричал от боли.

— Говори!

— Господин президент, — выдохнул он. — Господин президент!

Нож исчез. Линдсей услышал звонкое, оглушительное гудение пилы и увидел сноп искр. В их свете он разглядел лица президента, спикера парламента, верховного судьи и третьего сенатора.

Искры погасли. Спикер отвела диск электропилы от обрезка трубы.

Президент сорвал с Линдсея шлем.

— Рука! — завопил Линдсей.

Верховный судья отпустил руку, а сенатор-три — ноги. Линдсей глубоко вдохнул — легкие истосковались по воздуху.

— Ох уж мне эти треклятые упреждающие удары, — сказал президент. — Ненавижу.

— Меня пытались убить, — объяснил Линдсей. — Вы уничтожили оборудование? Можем лететь?

— Нас что-то выдало, — буркнул президент. — Мы были с Паоло в пусковой. Выясняли, как вывести эту хрень из строя. Тут появились Нора с Агнессой… А ведь они должны были спать. И вдруг — темнотища…

— Затемнение, — сказала спикер.

— Я закричал: «Бей!», только вот темень… У них вышло преимущество — их было меньше. Меньше шансов задеть своего.

Я — сразу к машинам. Поковырял там ножом в проводке. Потом второй сенатор как заорет — порезали его, мясо в стороны…

— Мне в лицо попало что-то мокрое, — сказал Верховный судья. В его старческом голосе звучало тяжеловесное, зловещее удовлетворение. — Воздух был полон крови.

— Они были вооружены, — продолжал президент. — Вот что я поймал в свалке. Ну-ка, секретарь, оцени.

В темноте президент вложил что-то в левую ладонь Линдсея. Плоский, твердый каменный диск размером с раскрытую кисть, обмотанный витым шнурком. Камень был вымазан в чем-то липком.

— За пазухой прятали, не иначе. Хочешь — крути, хочешь — бей, хочешь — души. Волоконца тоненькие, враз глотку перехватит. Я, когда поймал эту штуку, палец порезал до кости.

— А где остальные наши? — спросил Линдсей.

— По плану мы разделились. Двое депов убирали после Иана, они сейчас на борту, готовят «Консенсус» к отлету.

— Зачем было убивать Иана?

— Что значит «убивать»? — сказала спикер. — Где доказательства? Он сам испарился!

— Кто наносит рану ГДФ, получает в ответ то же! — сказал президент. — Мы-то полагали улететь еще утром и подумали: «Пусть считают, что он убежал с нами!» Здорово, верно? — Он довольно хрюкнул. — Куда-то потерялись двое сенаторов. Здесь — точка рандеву; должны подойти.

— Судьи второй и третий пошли прихватить малость этого хитрого ветвэра. Хорошая добыча. Мы поразмыслили и решили, что нужно занять выход. Теперь можем добраться до «Консенсуса» прямо так, без скафандров. Обойдется только кровью из носа, да животы поболят. Подумаешь, полминуты в вакууме.

Издали донеслось слабое постукивание. Раньше, за звуками голосов, ничего слышно не было. Стук был отчетливым и ритмичным; пластик глуховато стучал о камень.

— Вот же мать твою, — сказал президент.

— Я схожу, — предложил Верховный судья.

— Да ерунда, — возразила сенатор-три. — Это воздуходувка.

Послышался лязг ее инструментального пояса.

— Я ушел, — сказал Верховный судья.

Старый механист проплыл мимо Линдсея — тот ощутил легкое движение воздуха.

Секунд пятнадцать прошли в безмолвии мрака.

— Нужно посветить, — шепнула спикер. — Сейчас я пилой…

Постукиванье прекратилось.

— Нашел! — крикнул Верховный судья. — Это — кусок…

Послышался громкий тошнотворный хруст. Речь его оборвалась.

— Судья! — крикнул Линдсей.

Все ринулись по коридору, слепо натыкаясь на стены и друг на друга. Добравшись до нужного места, спикер включила пилу. Посыпались искры. Источником шума оказалась простая полоска твердого пластика, приклеенная к зеву туннеля-ответвления. К полоске тянулась длинная нить. Там, в глубине хода, и засел убийца. Паоло. Услышав голос старого механиста, он выстрелил на звук из своего оружия. Из рогатки. Увесистый каменный кубик — шестигранная кость — наполовину вошел в пробитый череп пирата.

В короткой вспышке искр Линдсей увидел голову старика, покрытую кровавой массой — поверхностное натяжение удерживало ее на коже вокруг раны.

— Можно уходить, — сказал Линдсей.

— Своих бросать нельзя, — отвечал президент. — И тому, кто это сделал, тоже нельзя так спустить. Их всего-то пятеро и осталось.

— Четверо, — поправил Линдсей. — Я убил Фазиля. А если сумею договориться с Норой, трое.

— Некогда договариваться. Ты у нас раненый — оставайся, охраняй шлюз. Придут наши — скажешь, что мы пошли кончать тех четверых.

— Если Нора сдастся, — с трудом выговорил Линдсей, — надеюсь, что вы, господин президент…

— Миловать — его профессия. — Президент кивнул на тело Верховного судьи. — Оружие у тебя есть?

— Нет.

— Держи. — Он подал Линдсею протез убитого. — Если кто из них сунется — убьешь дедовым кулаком.

Линдсей стиснул в ладони ребрящийся тягами протез. Пираты канули в темноту — постукивая, шурша одеждой, шелестя о камень мозолистыми ладонями. Линдсей поплыл назад, к шлюзу, отталкиваясь от стен коленями и плечами. Мысли его были заняты Норой.

* * *

Самым ужасным было то, что старуха никак не умирала… Пройди все быстро и аккуратно, как обещала Клео, Нора вынесла бы это, вместе со всем остальным. Но там, во мраке, когда она захлестнула шнуром шею пиратки и затянула удавку, ни быстроты, ни аккуратности не получилось.

Старуха — пираты называли ее судьей-два — оказалась на удивление жилистой. Шейные хрящи ее под обманчиво мягкой кожей были тверже стальной проволоки. Два раза Норе казалось, что враг наконец-то мертв, но старуха, надсадно всхрипывая во тьме, вновь возвращалась к жизни. Запястья Норы сильно кровоточили, изодранные грязными, ломаными ногтями. Тело воняло потом.

Нора чувствовала и свой собственный запах. Подмышки ее были сплошной массой болезненной сыпи. Она недвижно парила в угольно-черной темноте пусковой, упираясь босыми ступнями в плечи мертвой старухи, и в руках сжимала концы шнура.

Когда на них во внезапной темноте напали пираты, она выглядела не лучшим образом. Кого-то ей удалось зацепить каменным кистенем, но почти тут же оружие выскользнуло из руки и затерялось в свалке. Яростно дравшаяся Агнесса была ранена ручной пилой спикера. А вот Паоло бился как бог…

От дверей послышался голос Клео. Она пробормотала пароль, и через несколько секунд в помещении загорелся свет.

— Я же говорил, что получится, — сказал Паоло. Клео держала свечу на отлете — натрий запала на кончике все еще продолжал искрить. Воскоподобный пластик оплывал каплями по мере сгорания фитиля.

— Я взяла весь твой запас, — сказала Клео. — Ты у нас талант, милый.

Паоло гордо кивнул:

— Моя удача перешибла случай. И я убил двоих!

— Ты сделал свечи, — сказала Агнесса. — А я говорила, что ничего у тебя не выйдет… — Во взгляде ее ясно читалось преклонение перед Паоло. — Ты — главный. Приказывай.

В свете свечи Нора увидела лицо мертвой. Сняв с нее удавку, она обвязала шнур вокруг пояса.

Она снова чувствовала размягчающую слабость. На глаза навернулись слезы. Ужас и жалость к убитой охватили ее.

Это все — те препараты, что дал Абеляр… Глупо было соглашаться на тот, первый, укол. Инъекция афродизиака была

капитуляцией. Не просто перед врагом, но — перед крохами сомнений и соблазнов, прячущихся в глубинах сознания. Всю ее жизнь чем ярче сияла уверенность в себе, тем чернее становились эти глубоко спрятанные, но неотступные тени.

Сама по себе она могла бы выстоять. Но печальный пример других дипломатов… Тех, изменников… Академия никогда и нигде не упоминала о них официально, оставив тему скрытому миру слухов и сплетен, непрестанно кипевших во всех шейперских колониях. Слухи множились и росли, неизбежно искажаясь, подобно всему запретному.

Как казалось Норе, она совершила преступление. Сексуальное, идеологическое и профессиональное. О том, что произошло, она не отваживалась рассказать даже Клео. Семья ничего не знала о диптренинге, о жгучем пламени в каждой мышце, о целенаправленном штурме лица и мозга, превратившем ее тело в нечто совершенно чужеродное еще до того, как ей исполнилось шестнадцать.

Будь то любой другой, а не подобный ей дипломат, она дралась бы и умерла с непоколебимой решимостью, достойной самой Клео. Но, столкнувшись с ним лицом к лицу, поняв его… Абеляр был не столь талантлив, как она, зато обладал твердостью и быстрой реакцией. Она могла бы стать такой же. Иных альтернатив ей до сих пор не встречалось.

— Я обеспечил нам свет, — хвастливо сказал Паоло, закручивая кистень восьмеркой и ловя шнур рукой. — Я выиграл! Перекрыл Иана и Фазиля и убил двоих! — Шнуры рукава взвились в воздух — он ударил себя в грудь. — И я говорю: засада, засада и только засада!

Кистень его свистнул в воздухе; он дал шнуру намотаться на руку и выхватил из-за пояса рогатку.

— Они не должны уйти, — сказала Клео. Лицо ее в обрамлении бахромчатой золотистой сетки для волос дышало спокойствием и теплотой. — Если они уйдут, то вернутся и приведут других. Милые мои, мы можем жить здесь и дальше. Они — тупицы. И они раскололи свои силы. Мы потеряли двоих, а они — семерых. — Отсвет боли мелькнул на ее лице. — Дипломат был из них самый бойкий, но он наверняка погиб в пусковом кольце. Остальных мы изловим, как изловили судей.

— А где депутаты? — сказала Агнесса. Пила спикера задела ее левую ногу выше колена; она была смертельно бледна, однако полна боевого духа. — Этот генетический сорняк нужно выполоть. Он опасен.

— Что с ветвэром? — спросила Нора. — Если не наладим подачу энергии, он перестоится.

— Тогда они узнают, что мы на энергостанции! — заявил Паоло. — Один из нас пойдет запускать реактор, а остальные сядут в засаду. Удар — отход! Удар — отход!

— Сначала спрячем тела.

Упершись ногами в стену у двери, Клео принялась выбирать линь. Из туннеля выплыл третий судья. Морщинистая шея его была почти перерезана тонкой гарротой Клео. На поясе судьи висели шприцы с краденым ветвэром. Его, вместе с судьей-два, застали на месте преступления.

Паоло снял маскировку с потайной ниши. Там уже помещались тела первого и второго сенаторов, убитых им и Агнессой. Брезгливо морщась, они втолкнули туда и третий труп.

— Найдут, — сказала Агнесса, громко чихнув. — Унюхают.

— Ничего, примут за собственную вонь, — сказал Паоло, устанавливая фальшивую стену на место.

— Теперь — к токамаку, — скомандовала Клео. — Я понесу свечи. Агнесса идет первой.

— Хорошо.

Агнесса, сорвав блузу и тяжелую сетку для волос, связала их обрывком шнура. Развеваясь в невесомости, в полумраке ее конструкция вполне могла сойти за человека. Она скользнула в узкий коридор, неся перед собой обманку на вытянутой руке.

Остальные последовали за ней. Нора шла замыкающей.

У каждого перекрестка они замирали, прислушиваясь и принюхиваясь. Затем Агнесса выставляла вперед тряпичное чучело, после чего быстро заглядывала за угол, в ответвления. Клео держала наготове свечу.

Приближаясь к энергостанции токамака, Агнесса опять чихнула. В тот же миг и Нора почуяла запах — незнакомое, отталкивающее зловоние.

— Что это? — шепнула она шедшей впереди Клео.

— Огонь, наверное. Дым. — Клео помрачнела. — Шейпер сообразительна. Думаю, это она добралась до токамака.

— Смотрите! — громко шепнула Агнесса.

Из левого ответвления ползла, клубясь в неверном свете свечи, тонкая струйка серого дыма. Агнесса сунула в нее руку, и струйка рассеялась, рассыпалась на едва заметные облачка. Зайдясь в приступе кашля, Агнесса прислонилась к стене. Обнаженная грудь ее тяжело вздымалась.

Клео задула свечу. На стенах туннеля мерцали слабые отсветы далекого пламени.

— Огонь, — проговорила Клео. В первый раз в голосе старшей звучал страх. — Я пойду первой.

— Нет!

Прижавшись к ее уху губами, Агнесса что-то быстро ей зашептала. Женщины обнялись, и Агнесса, оставив чучело и прижимаясь к стене, скользнула вперед. Двигаясь за остальными, Нора нащупала на камне пятно остывшего пота.

Идя вслед за Агнессой, она все время поглядывала назад, прикрывая тыл. Где же Абеляр, ведь он наверняка жив, думала она. Если бы только он — поразительно находчивый, с животной жаждой жизни в серых глазах — был сейчас здесь…

Резкий щелчок — и в ту же секунду раздался крик. Кричала Агнесса. В воздухе пронзительно запахло кислотой. Последовали вопли боли и ненависти. Щелкнула рогатка Паоло. Спина и плечи Норы напряглись так, что мышцы скрутило судорогой, и она, согнувшись, оглушенная собственным воплем, бросилась на пол туннеля.

Перебежчица-шейпер, извернувшись в кроваво-красных отблесках пожара, хлестнула Агнессу по лицу соплом своего оружия — мехов. Воздух был густо насыщен шариками — каплями кислоты, набранной ею из бурдюка с ветвэром. От обнаженной груди Агнессы валил пар. В стороне от нее Клео схватилась со вторым депутатом, рука которой была сломана камнем Паоло. Тот как раз доставал из поясной сумки следующий камень.

Сорвав с пояса шнур, Нора ринулась к деп-один. Та, заметив ее приближение, подколенным сгибом сжала горло Агнессы, переломив позвонки, и подалась вперед, выставив перед собой руки.

Нора послала груз на конце шнура ей в лицо. Та поймала шнур, ухмыльнулась, обнажив правые зубы, и ткнула двумя пальцами в глаза Норы. Нора уклонилась, ногти врага лишь раскровянили ей щеки. Ударила ногой, промахнулась, ударила другой — и ощутила пронзительную боль. Тренированные, опытные пальцы пиратки вонзились в коленный сустав. Противница обладала ловкой, мощной шейперской силой. Перехватив шнур, Нора хлестнула камнем по ее щеке. Деп-один ухмыльнулась. Нора почувствовала, как хрустнула ее коленная чашечка. И тут лицо ее залила кровь — камень из рогатки Паоло раздробил противнице челюсть.

Челюсть пиратки безвольно отвисла, сочась мерцающей в отсветах пламени кровью. Отчаяние обреченности придало первому депутату сил. Ударив пяткой в солнечное сплетение Норы, она оттолкнулась от нее и ринулась к Паоло. Но тот был начеку: кистень, словно бы внезапно материализовавшись в его руке, ударил как томагавк, снес противнице-ухо и глубоко вонзился в ключицу. На секунду она обмякла, и Паоло бросил ее

на стену.

Голова депутата хрустнула о камень. Паоло тотчас же насел на противницу, перехлестнув ей горло шнуром кистеня. В воздухе за его спиной Клео билась со вторым депутатом. Пиратка судорожно месила воздух сломанной рукой и ногами — Клео безжалостно сжимала пальцы на ее горле.

Нора, задохнувшаяся от удара, никак не могла разогнуться. Ее грудную клетку сжимала судорога. Каким-то образом ей все же удалось протолкнуть в легкие глоток дымного воздуха. Со свистом и хрипом выдохнув, она задышала. Грудь словно бы залили расплавленным свинцом. Агнесса умирала у нее на глазах, залитая кислотой кожа дымилась.

Паоло покончил с шейпером. Клео все еще душила свою противницу, давно уж неживую. Каменным кистенем Паоло раздробил трупу затылок, и Клео отпустила мертвую женщину, отдернув онемевшие руки. Потерев ладонь о ладонь, словно бы растирая крем, она тяжело перевела дух.

— Потушите огонь.

Паоло осторожно придвинулся к пылающей клейкой массе из сена и пластиков. Сбросив плотную блузу, испещренную проеденными кислотой дырами, он набросил ее на огонь, словно ловил сетью зверя, и принялся мстительно притаптывать. Стало темно. Клео плюнула на натриевый запал свечи, и тот взорвался снопиком искр.

— Худо дело. Я ранена? Нора, ты как?

Нора осмотрела и ощупала ногу. Коленная чашечка свободно ходила под кожей. Боли не было, лишь шоковое онемение.

— Колено. — Нора закашлялась. — Она убила Агнесс…

— Их теперь всего трое, — сказала Клео. — Спикер, ее муж и сенатор-три. Мы практически победили. Дорогие мои, любимые…

Она обняла Паоло. Тот застыл от неожиданности, но, тут же обмякнув, положил голову ей на плечо.

— Я запущу энергоустановку. — Нора подошла к щитку на стене и защелкала рубильниками, готовя станцию к работе.

— Мы с Паоло перекроем входы. Будем их ждать, — сказала Клео. — Нора, ты ступай в радиорубку. Вызови Совет, доложи обо всем. Мы придем позже.

Оставив Норе свечу, она ушла. Пристроив свечу над пультом управления, Нора ввела агрегаты в первый этап. В камере взвихрилось магнитное поле; сквозь поляризованное светозащитное стекло заструилось голубое сияние. Токамак беспокойно замерцал, выходя на температуру синтеза. Искусственное солнце разгоралось все ярче. Поле стабилизировалось. И тут же вспыхнули лампы.

Нора осторожно сняла свечу и загасила ее о стену.

Паоло осторожно почесывался — его голые руки были обожжены кислотой.

— Нора, — сказал он. — Я — тот один процент, которому суждено выжить!

— Я знаю, Паоло.

— Но я тебя не забуду. Никого из вас не забуду. Я любил тебя, Нора, и очень хотел бы когда-нибудь снова тебе это сказать.

— Высокая честь — жить в твоей памяти, Паоло.

— Прощай, Нора.

— Если у меня есть хоть какое-то везение, — сказала Нора, — пусть оно останется тебе.

Он улыбнулся, поигрывая рогаткой.

Нора скользнула в туннель и понеслась вперед, стараясь не тревожить больную ногу. Волны боли струились по всему телу, заставляя мышцы непроизвольно дергаться. Лишившись краба, она больше не могла совладать с судорогами.

Пираты побывали уже и здесь. В рубке царил разгром. Исполосованные пилой передатчики превратились в груду обломков, выдранная с мясом консоль плавала в воздухе.

Из жидкокристаллического экрана сочилась жидкость. Выдернув из сетки на голове иголку с ниткой, Нора наскоро сметала разорванный пластик. Приемники, правда, работали, принимая сигналы с наружных антенн, но дешифровальные программы были уничтожены. Передачи с Совета Колец превратились в абракадабру.

Нора настроилась на частоту пропагандистских передач. Распоротый экран еще кое-как работал, хотя вокруг стежков изображение расплывалось в мутные кляксы.

Вот он — тот, внешний мир… Ничего особенного — слова, изображения, линии на экране… Нора осторожно провела пальцами по охваченному болью колену.

Она никак не могла поверить тому, что говорили люди с экрана, тому, что демонстрировал кадр… Небольшой экран словно бы, воспользовавшись темнотой, как-то ферментировал, преобразил внутри себя мир, с помощью собственного ветвэра превратив все его яды в вино. Ошеломленные лица шейперских политиков светились от торжества.

Она отрешенно смотрела на экран. Публичные заявления глубоко потрясенных механистских лидеров: сломленные люди, перепуганные женщины, разом вырванные из привычного окружения и распорядка… Броня механистских планов и предположений была сорвана, словно корка коросты, обнажив плоть человеческой сущности… Они судорожно барахтались в

тщетных потугах овладеть ситуацией, и каждый следующий опровергал предыдущего. Некоторые обладали жесткими, словно бы наведенными с помощью хирургии улыбками; другие, со взорами, затуманенными благоговением, бурно жестикулировали, являя миру по-детски ясные лица…

А следом — дуайены шейперского военно-академического комплекса. Гладколицые из службы безопасности, восторженные, торжествующие, оставившие на радостях привычную свою подозрительность… Интеллигенты, ослепленные блеском новых перспектив, строящие самые смелые предположения и позабывшие от восторга про объективность…

А вот и он. Даже не один, целая дюжина. Они были огромны. Одни лишь ноги их достигали высоты человеческого роста. Груды мускулов, костей и сухожилий, обтянутых слегка поблескивающей, изборожденной морщинами кожей. Чешуя! Бурая, чешуйчатая шкура. Одеты они были в юбки из нанизанных на проволоку блестящих бус. Могучая грудь обнажена, посредине выступает килевая кость. Руки по сравнению с массивными, древоподобными ногами и длинными, мощными хвостами выглядели длинными и тонкими; пальцы на руках были проворные, с утолщениями на концах, причем суставы больших пальцев выглядели как-то необычно. Громадные, в туловище человека величиною, головы с пещероподобными, полными плоских острых клыков пастями… Ушей видно не было, а черные глазные яблоки (с кулак каждое) прятались под шершавыми веками и жемчужно-серыми мигательными мембранами. Складчатые, переливчатые «пелеринки» прикрывали затылок.

С ними пытались беседовать вооруженные видеокамерами люди. Шейперы. Пришельцев они, по-видимому, очень боялись: спины согнуты, держатся кучкой, ног поднять не могут… Гравитация, сообразила Нора. Пришельцы живут в сильном притяжении.

Надо же, настоящие!..

Держались пришельцы с расслабленной, уверенной грацией. У некоторых были в руках планшетки с листами бумаги, другие говорили. Языки у них были узкими, наподобие птичьих, и длинными — примерно в локоть длиною.

В этой сцене они явно были на первых ролях, благодаря одному лишь размеру. Не было в них ни официоза, ни наигрыша, но даже напыщенный дикторский текст не мог затушевать важности этой встречи. Пришельцы, казалось, не испытывали ни страха, ни удивления. Чудесного, мистического в их образе не было ничего — одна деловитость. Деловитость налогового инспектора.

В рубку ворвался Паоло. Глаза дикие, длинные волосы слиплись от крови…

— Скорее! Они мне на пятки наступают! — Он обвел взглядом рубку. — Дай мне пульт.

— Все кончилось, Паоло!

— Нет еще!

Схватив парящий в воздухе пульт, он рванулся к дверям. За ним потянулись обрывки проводов. Прихлопнув пультом входное отверстие — так, чтобы сбоку оставалась лишь небольшая амбразура, — Паоло снял с пояса тюбик эпоксидной смолы и приклеил железо к камню.

Вытащив рогатку, он выстрелил вдоль коридора. Издали долетел вопль. Приникнув к амбразуре, Паоло разразился визгливым хохотом.

— Телевидение, Паоло! Новости с Совета! Осаде конец!

— Осаде? — переспросил Паоло, оглядываясь на нее. — А нам-то до этого какой хер?

— Ни осады, ни войны нет и никогда не было, — объяснила она. — Такова новая генеральная линия. Имели место всего лишь мелкие разногласия. Узкие места. — Паоло, не слушая, следил за туннелем, готовясь к следующему выстрелу. — Мы — никогда не были солдатами. Никто и не думал никого убивать. Люди — очень миролюбивая раса, Паоло. Все мы — просто хорошие партнеры по торговле… Пришельцы явились, Паоло. Пришельцы!

— Господи Иисусе, — застонал Паоло, — мне осталось убить всего двоих, и бабу эту я уже зацепил! Вначале помоги их убить, а потом можешь вещать что угодно!

Он придавил плечом пульт, чтобы смола лучше схватилась. Подплыв и нависнув над ним, Нора закричала в темноту сквозь одно из отверстий пульта:

— Господин президент! Я — дипломат! Предлагаю переговоры!

После недолгой паузы последовал ответ:

— Сука сбрендившая! Иди сюда, мы тебя угробим!

— Все кончено, господин президент! Осада снята! В Системе мир, понимаете? Пришельцы явились к нам, господин президент! Пришельцы! Уже несколько дней, как явились!

— Ну, еще бы! — расхохотался президент. — Конечно. Выходи, детка. Только сначала пусть выйдет этот недоделок с рогаткой.

Раздался короткий взвизг электропилы.

Оттолкнув ее, Паоло с рыком выстрелил в коридор. Раздалось с полдюжины щелчков — камень отскакивал от стены к стене. Президент торжествующе зареготал.

— Мы съедим вас, — серьезно сообщил он. — Со всеми вонючими потрохами. — И дальше, чуть ли не шепотом:

— Госсек, пусть выйдут.

Нора снова приникла к пульту рядом с Паоло:

— Абеляр! Абеляр, это правда, клянусь всем, что между нами есть! Абеляр, ты ведь умный, сделай так, чтобы все остались живы! Я хочу жить…

Паоло с размаху запечатал ей рот ладонью и сильно толкнул, но она вцепилась намертво в пульт, уже прочно прихваченный смолой к камню, и выглянула в коридор. Из темноты появился смутный белый силуэт. Скафандр… И не мавридесовский. Бронированный тяжелый скафандр с «Консенсуса».

Здесь рогатка Паоло была бесполезна.

— Вот так, — пробормотал он. — Значит, критическая точка…

Отпустив Нору, он извлек из-за пазухи свечу и сплюснутый пузырь с какой-то жидкостью. Обернув пузырь вокруг свечи, он стянул его шнурком с рукава и оценивающе взвесил примитивную бомбу на ладони.

— Гореть им всем…

Тогда Нора захлестнула вокруг его шеи шнур и, упершись здоровым коленом в спину Паоло, яростно рванула концы удавки. Захрипев, точно прорванная труба, Паоло толкнулся ногой от косяка и вцепился в шнур. Он был силен, да вдобавок еще — везуч.

Нора потянула сильнее. Абеляр жив! Это придавало ей сил. Еще рывок, еще… Но Паоло держался. Кулаки его, сомкнутые на сером тоненьком пояске, сжались настолько сильно, что из-под врезавшихся в ладони ногтей мелкими, яркими бисеринками сочилась кровь.

В коридоре раздались крики. Крики — и пронзительный визг пилы.

И окостенение, сковывавшее раньше лишь плечи, сковало и руки. Теперь силе Паоло противостояла железная, мертвая хватка. Во внезапной тишине Нора не уловила его дыхания. Рубчатый поясок глубоко впился Паоло в горло; даже после смерти он продолжал борьбу…

Она позволила концам шнурка выскользнуть из сведенных судорогой пальцев. Паоло медленно вращался в воздухе; лицо его почернело, руки были притянуты к горлу. Казалось, он задушил сам себя.

В амбразуре показалась перчатка скафандра, грубая, вся в крови. Раздалось заглушенное шлемом бормотание — Линдсей пытался что-то сказать.

Она бросилась к нему. Он, прижавшись шлемом к железу пульта, кричал во всю глотку:

— Мертвые! Они мертвые!

— Сними шлем! — крикнула она.

Он шевельнул правым плечом:

— Рука!..

Просунув руку в амбразуру, она помогла ему снять шлем. Шлем отскочил с характерным хлопком воздуха, и она почуяла знакомый запах его тела. Из ноздрей и левого уха тянулись полузасохшие кровяные дорожки. Он подвергся декомпрессии…

Нора нежно провела ладонью по его щеке:

— Мы живы. Мы живы…

— Они хотели тебя убить, — отвечал он. — Этого я не мог допустить.

— И я тоже. — Она оглянулась на труп Паоло. — Это было… вроде самоубийства. Мне кажется, что я сама мертвая.

— Нет. Ты принадлежишь мне, а я — тебе. Повтори мне то же самое, Нора.

— Да. Это так.

Закрыв глаза, она прижалась лицом к амбразуре. Он поцеловал ее. Солеными, окровавленными губами.

* * *

Когда Клео покончила со своей работой, она вышла в скафандре на поверхность, поднялась на борт «Консенсуса» и все, что смогла, обмазала клейким контактным ядом.

Однако Линдсей опередил ее. Чтобы добраться до тяжелого бронированного скафандра, ему пришлось прыгать через открытое пространство, подвергая себя декомпрессии. Он застиг Клео в рубке управления. В тоненьком пластиковом скафандре ей не на что было надеяться, — он разорвал пластик, и она приняла смерть от собственного яда…

Разрушению подверглось все. Пострадал даже семейный робот. Депутаты, проходя пустышечный цех, слегка свихнули ему мозги, и по соседству с пусковым кольцом разрушение, будучи поставлено на автоматизированную основу, пошло полным ходом. Тонну за тонной, робот наваливал руду на переполненные, полопавшиеся ветвэр-резервуары. Потоки жидкого пластика хлынули в туннель пускового кольца, и без того заблокированного застрявшей на полпути бадьей. Но как раз это тревожило Линдсея с Норой меньше всего.

Главную опасность представляла собой инфекция. Микробы,

привезенные с Дзайбацу, мигом разорили деликатные биосистемы астероида. Через месяц с небольшим после всеобщего избиения сад Клео превратился в нечто кошмарное.

Изнеженные цветы шейперских оранжерей плесневели и рассыпались в прах от одного лишь прикосновения обычного, нестерилизованного человека. Растительность приобретала более чем причудливый вид: гниль свивала стебли в замысловатые штопоры. Линдсей навещал оранжереи ежедневно, и само присутствие его ускоряло распад. В воздухе витали привычные ароматы Дзайбацу, знакомая вонь жгла легкие.

Все это он таскал за собой. С какой скоростью ни беги, все равно потянется за тобой прошлое. От прошлого не сбежишь.

Они с Норой никогда от него не освободятся. Главное даже не в инфекции и не в беспомощно болтающейся руке. И не в россыпи болячек, обезобразившей кожу Норы и наполнявшей ее глаза каменным стоицизмом. Главное уходило корнями в далекое прошлое, в годы учебы, перековеркавшей их обоих. Именно это прошлое свело их вместе. Линдсей знал твердо, что ничего лучше этого в жизни с ним не бывало.

Вид шейперского робота за работой натолкнул его на мысли о смерти. Робот непрестанно и неустанно набивал руду в кишки пустышечного ветвэра. Оба они умрут от удушья, а машинная гиперактивность, эта жуткая пародия на жизнь, будет длиться бесконечно. Он мог, конечно, выключить робота, но почему-то жалел его — так трогателен был робот в слепом своем упорстве. И тот факт, что кольцо заливали тонны пластика, означал победу пиратов. Бесполезную победу, которую Линдсей не решался отнять у мертвых…

Чем больше портился воздух, тем дальше они отступали, герметизируя за собой туннели. И наконец — добрались до последнего хозяйственного сада, бережно расходуя напоенный ароматами сена воздух, любя друг друга и пытаясь залечить раны.

В обществе Норы он снова принял жизнь шейпера — утонченную, со всей присущей ей многоплановостью мышления и болезненным блеском. А острые грани Норы в его обществе постепенно сгладились, расплелись тугие узлы невыносимейшей напряженности, исчезли болезненные вывихи и заскоки.

Они приглушили реактор, в туннелях сделалось холоднее, и это сдерживало распространение заразы. По ночам, закутавшись в большое, с хороший ковер, покрывало, которое Нора время от времени принималась украшать вышивкой, они тесно прижимались друг к другу.

Она не собиралась сдаваться. Она была средоточием какой-то неестественной, непреоборимой энергии, которой Линдсей мог

лишь позавидовать. Множество дней потратила она на ремонт радиорубки, прекрасно понимая, что пользы от этого не будет ровным счетом никакой.

Служба безопасности Совета Колец прекратила свои передачи — военные аванпосты стали ненужной помехой. Механисты эвакуировали их и со всей дипломатической вежливостью доставляли персонал на Совет Колец. Какая война? Нет и не было никакой войны. Никто ни с кем не дрался. Картели рассчитывались сполна с отозванными каперами и спешно обращали их к мирному образу жизни…

С ними было бы то же самое, сумей они докричаться. Но все передатчики уничтожены — запчастей к ним не было, да и технических навыков обоим недоставало.

Линдсей примирился со смертью. За ними никто не прилетит, все сочтут аванпост погибшим. Когда-нибудь, конечно, проверят, но — не в ближайшие годы.

Как-то ночью, утомленный любовью, Линдсей лежал без сна, играя с протезом мертвого пирата. Было в нем что-то притягательное — и одновременно он радовался, что, умерев молодым, хотя бы не докатится до подобного. Собственная его правая рука почти полностью потеряла чувствительность. Нервы начали разрушаться еще со времен инцидента с пушкой. Боевые ранения лишь ускорили этот процесс.

— Проклятые пушки, — сказал он вслух. — Ведь кто-то же найдет когда-нибудь это место! Разобрать бы их да сломать, чтобы знали: мы тоже были достойными людьми. Надо бы… Но дотрагиваться противно.

— Ну и что? Они все равно не действуют.

— Не действуют, потому что заблокированы. — То был один из его прошлых триумфов. — Но можно же разблокировать! Это — зло, милая. Их нужно сломать.

— Ну, если тебе так… — Нора привстала, открыв глаза. — А что, если выстрелить?

— Нет, — немедля ответил Линдсей.

— Взорвать «Консенсус» пучком частиц! Тогда кто-нибудь заметит.

— Что заметит? Что мы — уголовники?

— Раньше это были бы просто мертвые пираты. Все в порядке вещей. Но сейчас разразится такой скандал! За нами обязательно прилетят. Чтобы такое не повторилось.

— Ты согласна рискнуть мирным фасадом, который пока что демонстрируют людям пришельцы? Только ради того, чтобы нас, может статься, спасли? Представляешь, что с нами сделают, когда прилетят?

— Что они могут сделать? Убить? Мы и так почти уже мертвые. А я хочу жить.

— Уголовницей? Всеми презираемой?

— Как раз в этом для меня ничего нового нет, — горько улыбнулась Нора.

— Нет, любимая. Всему есть предел.

Она погладила его по спине:

— Я понимаю.

* * *

Две ночи спустя он проснулся в страхе: астероид тряхнуло. Норы рядом не было. Вначале он решил, что это метеорит — штука редкая, но ужасная. Он прислушался, не шипит ли где уходящий в трещину воздух, но в туннелях все еще отдавалось эхо.

Увидев Нору, он сразу обо всем догадался.

— Ты все-таки выстрелила.

Ее трясло.

— Перед тем как стрелять, я сняла «Консенсус» с якоря. Вышла на поверхность. Там что-то жуткое. Пластик течет из жерла кольца в пространство.

— И слушать не желаю.

— Но я должна была это сделать. Ради нас. Прости меня, милый. Клянусь, я никогда больше не обману тебя.

Некоторое время он хмуро молчал.

— Думаешь, прилетят?

— Не исключено. Я только дала нам шанс… — Нора была расстроена. — Тонны пластика. Вылезают, как паста из тюбика. Вроде гигантского червя.

— Случайность, — сказал Линдсей. — Запомни, нужно будет сказать, что все вышло случайно.

Она виновато взглянула на него:

— Теперь я разрушу пушку.

Он печально улыбнулся и потянулся к ней:

— Что сделано, то сделано. Будем ждать.

ESAIRS XII
17.07.17

Сквозь сон до слуха Линдсея донеслись мерные глухие удары.

Нора, как обычно, проснулась первой и тут же стряхнула с себя остатки сна.

— Что-то шумит, Абеляр.

Линдсей просыпался мучительно, веки никак не хотели разлепляться.

— Что там? Утечка?

Она выпуталась из простыней, оттолкнулась босой ногой от его бедра и зажгла свет.

— Вставай, милый. Что бы там ни было, это надо встретить достойно.

Нет, не так предпочел бы Линдсей встретить смерть. Но вместе с Норой… Он облачился в шнурованные штаны и пончо.

— Тяги нет, — сказал он, трудясь над сложным шейперским узлом. — Это не декомпрессия.

— Значит, спасатели! Механисты!

Они устремились к шлюзу.

Один из спасателей — наверное, самый смелый — сумел протиснуться в шлюз и пробраться в загрузочную камеру. Он неловко балансировал на носках громадных, похожих на птичьи лапы башмаков скафандра. Линдсей в изумлении взирал на него из туннеля, сощурившись и козырьком ладони прикрыв глаза.

У пришельца имелся мощный фонарь, водруженный на «переносицу» вытянутого шлема. Луч света, вырывавшийся из фонаря, был ярок, словно сварочный электрод, — жесткий, зеленовато-голубой, переходящий в ультрафиолет. Коричневый с серым скафандр, собранный складками на сочленениях пришельца, был усеян разъемами.

Луч фонаря выхватил их из темноты, и Линдсей, сощурившись, отвернулся.

— Вы можете называть меня «лейтенант», — сказал пришелец на бейсик-инглиш, вежливо сориентировав свое тело по вертикали.

Линдсей положил руку Норе на предплечье.

— Я — Абеляр, — представился он. — А это — Нора.

— Как поживаете? Я желаю обсудить это имущество.

Пришелец достал из бокового кармана что-то вроде пачки бумаги. По-птичьи быстрым движением он встряхнул пачку, и та развернулась в телеэкран. Он поставил экран у стены. Приглядевшись, Линдсей не обнаружил линий развертки — картинка состояла из миллионов крохотных цветных шестиугольников.

А изображала эта картинка их собственный астероид. Из жерла пускового кольца в пространство тянулась толстая струя застывшего вспененного пластика, почти полукилометровой длины. Верхушку ее увенчивало нечто круглое. Потрясенный Линдсей догадался, что это. Каменная голова Паоло была

аккуратно обрамлена венцом из разошедшейся лепестками пусковой бадьи. Композиция накрепко приклеилась к вырвавшемуся из пустышечного цеха пластику, а затем была выдавлена в пространство.

— Понимаю, — сказал Линдсей.

— Автор этой работы — вы?

— Да. — Линдсей указал на экран. — Обратите внимание на тонкий оттеняющий эффект завершающего ожога.

— Мы обратили внимание на взрыв, — сказал пришелец. — Очень необычная изобразительная техника.

— Мы и сами-то необычны. Я бы сказал — уникальны!

— Я согласен, — вежливо сказал лейтенант. — Редко увидишь работу такого масштаба. Согласны ли вы вести переговоры о продаже?

Линдсей улыбнулся:

— Что ж, давайте поговорим.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СООБЩАЮЩИЕСЯ АНАРХИИ

Глава 5

Мало-помалу мир вступал в новую эпоху. Пришельцы милостиво приняли навязанный им человечеством таинственный ореол полубогов. Систему обуяло предчувствие счастливого Тысячелетия. В моду вошла разрядка. Впервые начали поговаривать о Схизматрице — постчеловеческой Солнечной системе, разнообразной, однако единой, в которой воцарится терпимость и каждый получит свою долю.

Мощь пришельцев — они называли себя Инвесторами — казалось, была беспредельна. Они принадлежали к расе столь древней, что напрочь забыли о тех временах, когда еще не летали к звездам. Могучие корабли пришельцев бороздили обширное экономическое пространство, торгуя с девятнадцатью другими разумными расами. Было ясно, что их технология достигла такого могущества, что при желании они могли бы запросто разнести этот мирок не одну сотню раз. Так что человечеству оставалось лишь радоваться, что пришельцы выглядели такими безмятежными и приветливыми. Спокойствие и любезность их в данных обстоятельствах немало радовали человечество. Товары, которыми они торговали, почти всегда были безопасны, часто представляли собой немалый — но чисто академический — интерес для искусства либо науки, хотя практической пользы от них было на удивление мало.

Богатства человечества рекой текли пришельцам в казну. К звездам на кораблях Инвесторов отправлялись лишь крохотные посольства, которым никогда ничего существенного добиться не удавалось, и они так и оставались крохотными — кораблевладельцы заламывали за проезд суммы поистине астрономические.

Инвесторы же оборачивали богатства, выкачанные из человеческой экономики, и постепенно откупали человеческие предприятия. Одна-единственная техноновинка из их обширного арсенала могла превратить индустрию, пребывающую при последнем издыхании, в отрасль, акции которой ракетой взмывали в небо. Различные группировки ожесточенно грызлись промеж собой за пришельческую благосклонность; миры же, не желавшие сотрудничать с Инвесторами, очень скоро поняли, как легко и бесповоротно могут быть обойдены остальными.

При Замирении Инвесторов пышным цветом расцвела торговля. Откровенная война стала считаться вульгарной; на смену ей пришла благопристойная скрытность наглого промышленного шпионажа. Грядущий Золотой Век казался все

ближе и ближе — вот-вот, только руку протянуть. А годы текли, текли…

Государство Совета Голдрейх-Тримейн
03.04.37

Публика Линдсею понравилась. Пространство вокруг переполняли люди; разноцветные куртки с пеной кружев, ноги в узорных чулках, обутые в изящные ножные перчатки с пятью пальцами, запахи парфюмерии шейперов…

Небрежно прислонившись к стене, обитой расшитым бархатом, Линдсей просунул руку в швартовочную петлю. Одет он был по самой наипоследней моде: парчовая куртка цвета «морской волны», зеленые атласные панталоны, чулки в желтую, булавочной толщины, полоску и элегантные ножные перчатки для невесомости. На фоне жилета поблескивала золотая цепочка видеомонокля.

Его длинные, чуть тронутые сединой волосы были заплетены в косу, перевитую желтым шнурком.

Среди шейперов Линдсей считался гораздо старше своих пятидесяти одного года — его полагали генетическим типом из начала шейперской истории. Таких в Голдрейх-Тримейне, одном из старейших шейперских городов-государств в кольцах Сатурна, хватало.

Из театрального зала в холл выплыл механист, облаченный в цельнокроеный костюм изысканного оттенка красного дерева. Заметив Линдсея, он оттолкнулся ногой от двери и поплыл к нему.

Дружелюбно выставив перед собой, руку, Линдсей помог ему погасить инерцию. Протез правой руки под рукавом тихонько прожужжал, и смолк.

— Добрый вечер, мистер Бейер.

Небрежно-элегантный механист кивнул, продевая руку в петлю:

— Добрый вечер, доктор Мавридес. Всегда рад видеть вас.

Бейер служил в посольстве Цереры унтер-секретарем по культурным связям. Это бесцветное звание являлось всего лишь прикрытием для его работы на разведслужбу мехов.

— Не часто увидишь вас в это время суток, мистер Бейер.

— А я слинял со службы, — с удовольствием сказал Бейер.

В Голдрейх-Тримейне жизнь не затихала круглые сутки. Период от полуночи до восьми утра здесь был самым разгульным, да и полиции в это время было поменьше. Тут и механист мог смешаться с толпой, не привлекая к себе косых взглядов.

— Вам понравилась пьеса, сэр?

— Триумф! Не хуже, чем у Рюмина, можно сказать. Странно, раньше я об этом авторе — Фернанде Феттерлинге — ничего не слыхал.

— Он местный, из молодых — и из самых талантливых.

— О-о, один из ваших протеже… Ну, по поводу разрядки я его чувства разделяю. Знаете, в конце этой недели в нашем посольстве намечается небольшой прием; я был бы рад пригласить и мистера Феттерлинга. Хочу лично выразить свое восхищение.

Линдсей уклончиво улыбнулся:

— Я всегда рад видеть вас у себя. Нора часто о вас вспоминает.

— Польщен. Доктор-полковник Мавридес — очаровательнейшая хозяйка.

Бейер пытался не выказывать разочарования, однако чувствовалось, что ему явно хочется поскорей отделаться от Линдсея и наладить контакт с кем-нибудь из столпов местного общества. Линдсей его за это не осуждал — чего уж, работа такая.

Линдсей и сам имел звание доктор-капитана Службы безопасности и занимал должность эксперта по социологии Инвесторов. Даже в эти дни, в дни Замирения Инвесторов, чин в Службе безопасности был обязателен для работников военно-научного комплекса шейперов. Что ж, с волками жить — значит, и выть соответственно.

В ипостаси театрального администратора Линдсей никогда — даже намеком — не упоминал своего чина. Однако ж Бейер был о нем прекрасно осведомлен, и только дипломатическая вежливость позволяла им держаться на дружеской ноге.

Ярко-голубые глаза Бейера обшарили толпу, которая заполонила фойе, и лицо его вдруг сделалось каменным. Линдсей проследил направление взгляда.

Причиной заминки Бейера оказалась некая личность: на губе — микрофон-клипса, в ушах — клипсы-наушники, и явная нехватка элегантности в костюме. Охранник, причем не из шейперов: волосы, гладко зализанные назад, поблескивают антисептической смазкой, а лицо не по-шейперски перекошено.

Линдсей вставил в правый глаз видеомонокль и начал съемку.

Заметив это, Бейер кисловато улыбнулся:

— Здесь их четверо. Ваша постановка привлекла внимание весьма видного человека.

— Похожи на обитателей Цепи, — сказал Линдсей.

— Официальный визит, — пояснил Бейер. — Но здесь он — инкогнито. Глава государства, Республики Моря Ясности, Филип Хури Константин.

Линдсей отвернулся:

— Не имею чести знать этого джентльмена.

— Он — не из сторонников разрядки. Я знаю его лишь с чужих слов и представить вас не могу.

Держась к толпе спиной, Линдсей поплыл вдоль стены.

— Я должен быть в кабинете. Не откажетесь покурить в моем обществе?

— То есть втягивать дым в легкие? Не имею привычки.

— В таком случае прошу прощения…

Линдсей удалился.

* * *

— Ведь двадцать лет прошло…

Нора Мавридес сидела за консолью: мундир Службы безопасности, черный плащ небрежно накинут на плечи поверх янтарного цвета блузки.

— Что это он вдруг? — проговорил Линдсей. — Мало ему Республики?

Нора начала рассуждать вслух:

— Причина его визита сюда, наверное, в милитантах. Они хотят, чтобы он поддержал их здесь, в столице. Во-первых, он имеет вес, во-вторых, не сторонник разрядки.

— Правдоподобно. Если дела обстоят противоположным образом; если милитанты полагают Константина ручным, лояльным к ним генералом-дикорастущим и понятия не имеют о его амбициях. И о его возможностях. На самом-то деле как раз он ими манипулирует.

— Он тебя видел?

— Не думаю. Сомневаюсь, что он вообще меня сможет узнать. — Линдсей медленно погрузил ложку в коробку с йогуртом. — Возраст сильно изменил мою внешность.

— У меня сердце не на месте после просмотра того, что ты снял. Абеляр, столько лет все у нас было замечательно… Если он поймет, кто ты такой… Он же нас уничтожит.

— Не факт. — Сморщившись, Линдсей заставил себя проглотить йогурт, приготовленный специально для нешейперов, чей кишечник и желудок прошли антисептическую обработку, и ужасно горчивший от ферментов. — Ну разоблачит меня Константин — а дальше? У нас останутся пришельцы. Инвесторам

плевать и на мои гены, и на мое образование… Они нас прикроют.

— Он же — убийца! На него нужно напасть первым.

— Не нам, дорогая моя, обсуждать такую возможность. — Механическая рука Линдсея взяла картонку, тонкие стенки слегка вогнулись. — Я всегда старался избегать с ним столкновения. По возможности. Я нарвался совершенно случайно. Это — как кости бросить.

— Не говори так! Неужели мы ничего не можем сделать?

Линдсей побарабанил железными пальцами по столу. Вот и рука — тоже часть маскировки. Когда-то этот древний протез принадлежал Верховному судье; древность вещи как бы намекала посторонним на преклонные годы ее носителя…

На стене кабинета Норы медленно проворачивался Сатурн — телезапись вращения была сделана со спутника. Золотистую дымку, окутывавшую поверхность, бороздили ярко-оранжевые токи ветров.

— Может, в конце концов, уехать отсюда? — предложил Линдсей. — Не сошелся же свет клином на Голдрейх-Тримейне. Ущелье Кирквуда — тоже, между прочим, неплохо. Или Кластер Кассини.

— И пусть все, чего мы здесь достигли, пойдет прахом?

Линдсей рассеянно взглянул на экран.

— Мне хватит того, что со мной — ты.

— Абеляр, я не могу без этого места. Без должности профессора-полковника. И потом — как же дети? И — наша лига? Они ведь полностью зависят от нас…

— Ты права. Наш дом — здесь.

— Именно. И не делай из мухи слона. Он скоро уедет в свою Республику. Не будь Голдрейх-Тримейн столицей, Константин вообще бы сюда не сунулся.

В соседней комнате раздался взрыв детского смеха. Нора убавила звук.

— С Филипом мне не ужиться, — задумчиво сказал Линдсей. — Слишком многое мы друг о друге знаем.

— Не будь таким фаталистом, милый. Я не собираюсь сидеть сложа руки, когда какой-то дикорастущий выскочка является и начинает угрожать моему мужу.

Поднявшись из-за консоли, она подошла к нему. Центробежное тяготение в половину земного одернуло подол ее юбки. Усадив жену на колени, Линдсей взъерошил пальцами своей «природной» руки ее волосы:

— Забудем про него, Нора. Иначе опять дойдет до смертоубийства.

Она поцеловала его:

— Раньше ты был один. А теперь многое изменилось. За нами — Полночная лига. За нами — Мавридесы, Инвесторы и мой чин в «Безопасности». Мы уверены в себе, и жизнь принадлежит нам!

Государство Совета Голдрейх-Тримейн
13.04.37

Филип Константин наблюдал отправление своего корабля в видеомонокль. Монокль ему нравился — стильная штучка. Ему было до боли обидно, что приходится жить в стороне от таких замечательных новшеств. Мода, что ни говори, мощный фактор воздействия.

Особенно — на шейперов. За кормой его «Фрэндшип Серен» комплекс Голдрейх-Тримейна неспешно вращался против часовой стрелки. Константин внимательно изучал вид города, транслируемый на его монокль с камеры, установленной на корпусе корабля.

Этот орбитальный город был прямо-таки наглядным пособием по истории шейперов.

«Ядром» служил темный, из толстой брони цилиндр — прибежище первопоселенцев, отчаянных пионеров, прибывших добывать минералы в кольцах Сатурна, несмотря на высокую радиацию и тяжелейшие электромагнитные бури. Цилиндрическое ядро Голдрейх-Тримейна было темным, словно упрямый желудь, выживший и разросшийся в совершенно фантастическое растение. Ныне «желудь» опоясывали кольцом металлические сферы, по поверхности его плавно скользили установленные на рельсах радарные установки, вокруг него на белых керамических стеблях вращались два громадных взаимно уравновешивающихся трубчатых «пригорода». Внутренний комплекс окружала россыпь жилых комплексов, лишенных тяготения. За пузырями пригородов вставали стены нематериальной Бутыли.

«Фрэндшип Серен» достиг прохода в Бутыли. В монокле сверкнули разноцветные струи помех, и Голдрейх-Тримейн исчез. Видимым осталось только отсутствие Голдрейх-Тримейна: лепешка черного тумана на фоне белых ледяных глыб Кольца. Черный туман и был собственно Бутылью: магнитное токамак-поле восьми километров в длину, защищавшее город-государство шейперов «паутиной» на термоядерной энергии.

На таком громадном расстоянии от Солнца от энергии светила толку было немного. Шейперы обзавелись собственными

солнцами, яркими ядрами, для каждого государства Совета — своим. Для Голдрейх-Тримейна, Дермотт-Голд-Мюррея, Фазы Тельца, Ущелья Кирквуда, Синхрониса, Кластера Кассини, Кластера Энке, Союза старателей, Арсенала… Константин знал на память их все.

Включились двигатели, еле заметное ускорение чуть встряхнуло корабль. Метеостанция Голдрейх-Тримейна дала разрешение на вылет, значит, страшных молний, проскакивающих иногда между элементами Кольца, не ожидается. Радиационный фон невысок. А путешествие на новых, шейперских, двигателях займет каких-то несколько недель.

В каюту вошел Зенер и сел рядом.

— Вот и все… — сказал он.

— Что, Карл, уже ностальгия? — Константин поднял взгляд на высоченного драматурга.

— По Голдрейх-Тримейну — да. А по тамошнему народу… Это другой вопрос.

— В один прекрасный день ты вернешься сюда триумфатором.

— Очень любезно со стороны вашего превосходительства.

Зенер поскреб подбородок, и Константин отметил, что стандартные бактерии Республики уже пометили его шею.

— Давай без чинов, — сказал Константин. — В Совете Колец так принято, но в Республике это отдает аристократизмом. А такая идеология у нас не поощряется.

— Понимаю, доктор Константин. И буду поосторожнее.

Гладко выбритое лицо Зенера дышало безликой шейперской красотой. Костюм его был чрезмерно изыскан, в тускловатых коричневых и бежевых тонах.

Константин спрятал монокль в карман расшитого бронзовой нитью бархатного жилета. На спине под льняным вышитым пиджаком выступил пот; кожа спины шелушилась там, где омолаживающий вирус пожирал старые клетки. Уже два десятка лет бродила эта инфекция по его организму — первая награда за лояльность к шейперам. В местах, где поработал вирус, оливково-смуглая кожа становилась гладкой, как у младенца.

Зенер осмотрел стены каюты. Толстый слой изоляции был украшен пуантилистскими гобеленами, изображавшими виды Республики. Буйные фруктовые сады под небом в белоснежных облаках, солнце, с церковной торжественностью озирающее с высоты золото пшеничных полей, сверхлегкий летательный аппарат, несущийся вдаль над каменными особняками, крытыми красной черепицей…

— А как же выглядит эта ваша Республика на самом деле?

— Глухая дыра, — ответствовал Константин. — Осколок прошлого. До нашей революции она здорово загнила. Не только в социальном смысле, физически — тоже. Столь огромная экосистема требует тотального генетического контроля. Но основатели о будущем не задумывались. На их век хватило — и ладно. — Константин сложил кончики пальцев. — И мы унаследовали этот бардак. Цепь миров высылала своих прожектеров и мечтателей. Например, генетиков-теоретиков, сформировавших Совет Колец… Цепь слишком уж привередничала и к настоящему моменту профукала всю свою силу. Превратилась в полуколонии…

— Доктор, вы думаете, мы, шейперы, победим?

— Да. — Константин улыбнулся Зенеру, а улыбался он исключительно редко. — Потому что мы понимаем, за что идет борьба. За жизнь. Нет, я не хочу сказать, что мехи будут разом уничтожены. Они могут доживать свое еще века и века. Но все равно вымрут. Превратятся в киберов, перестанут быть живыми людьми из плоти и крови. А это — тупик, ведь пропадает сила воли. Ни императивов, ни воображения — одни программы.

Драматург кивнул:

— Логично. Не то что лозунги, которые вы, должно быть, слышали на днях в Голдрейх-Тримейне. Единство в разнообразии… Все группы составляют одну огромную Схизматрицу… Род людской заново объединяется перед лицом пришельцев…

Константин заерзал в кресле, пытаясь тайком почесать зудящую спину.

— Да, я слышал подобные упражнения в риторике. Со сцены. Тот продюсер, о котором вы говорили…

— Мавридес? — оживился Зенер. — Могущественный клан. Голдрейх-Тримейн, Джастроу-Стейшн, Ущелье Кирквуда… Они никогда не были представлены в Совете, но имеют общие гены с Гарза, Дрейперами и Феттерлингами. А Феттерлинги очень влиятельны.

— Вы говорили, этот человек — только по браку Мавридес. Что он не генетический.

— Одиночка, вы хотите сказать. Не из линии. Да. И ему не позволено вносить в линию свои гены. — Зенер рассказывал сплетню с явным удовольствием. — К тому же Инвесторы в нем души не чают. И еще он — цефеид.

— Цефеид? То есть из Службы безопасности?

— Доктор-капитан Абеляр Мавридес, цефеид, доктор философии. Чин для его возраста — не бог весть какой… Говорят, когда-то он был бродягой, потом — горняком-кометчиком. Где-то

на границе Системы встретился с пришельцами, каким-то образом пролез к ним в доверие… Буквально через несколько месяцев после первого своего появления они привезли этого Мавридеса с женой в Голдрейх-Тримейн на одном из своих звездолетов. И с того момента он все идет и идет в гору. Корпорации нанимают его для посредничества в делах с пришельцами. Он преподает инвесторологию и бегло говорит на их языке. И достаточно богат, чтобы напустить тумана на свое прошлое.

— Шейперы из старых ревностно оберегают свою личную жизнь…

Зенер помрачнел.

— Он — мой враг. Он сломал мне карьеру.

Константин обдумал услышанное. Он-то знал о Мавридесе гораздо больше, чем Зенер, и этого последнего выбрал не наугад. Вполне естественно, что у Мавридеса не может не быть врагов, а значит, куда легче отыскать их, чем создавать новых.

Вот Зенер — он жестоко разочарован. Первая его пьеса с треском провалилась, а вторую так и не поставили. К закулисным махинациям Мавридеса и его Полночной лиги не допущен. Ярый антимеханист. Генетическая линия катастрофически пострадала во время войны. Сторонники разрядки его отвергают…

А Константин его приблизил и обласкал. Заманил в Республику, суля богатые театральные архивы и живые драматургические традиции, которые Зенер сможет невозбранно осваивать и воплощать в жизнь. Конечно же, этот шейпер был ему благодарен, и чувство признательности превратило его в пешку Константина.

Константин молчал. Мавридес не давал ему покоя. Щупальца влияния этого человека оплели весь Голдрейх-Тримейн.

Нет, такие совпадения — за гранью возможного. Они складывались во вполне осмысленный сюжет.

Человек, пожелавший назваться именем Абеляр. Театральный импресарио, ставящий политические пьесы. И супруга его — дипломат.

Слава богу, Константин точно знал, что Абеляр Линдсей мертв! Его агенты в Дзайбацу зафиксировали смерть Линдсея от рук Гейша-Банка. И он, Константин, даже разговаривал с женщиной, приказавшей убить Линдсея, шейпером-ренегаткой по фамилии Кицунэ… Он знал всю эту печальную историю от и до: связь Линдсея с пиратами, в припадке отчаяния — убийство бывшей главы Гейша-Банка… Смерть Линдсея была ужасна.

Но — почему все-таки наемный убийца, нанятый Константином, так и не вернулся из Дзайбацу? Он не допускал,

что этот человек подался в бродяги. Наемным убийцам имплантированы «предохранители»; выживают очень немногие.

Многие годы Константин провел в постоянном страхе перед этим пропавшим наемником. Элита Службы безопасности Совета Колец уверяла его, что этот убийца мертв. Константин не поверил и никогда больше с ними не связывался.

Многие годы он проникал все глубже и глубже в скрытый от постороннего взгляда мир тайных операций шейперов. Наемные убийцы и телохранители, зачастую это были одни и те же люди, освоившие смежную профессию. Они-то и стали его ближайшими союзниками.

Он знал их уловки, знал, кто и кому фанатически предан. Он постоянно боролся за их доверие. Он укрывал их в Республике, прятал их от преследований со стороны пацифистов. Он использовал свой престиж для осуществления их милитаристских целей.

Некоторые шейперы до сих пор презирают его за то, что гены его не спланированы. Уважения большинства остальных он все же сумел добиться. Личная вражда его не волновала. Беспокоило то, что его могут внезапно остановить, прежде чем он будет готов померяться силой с миром. Прежде чем он достигнет высот, которые владели его помыслами с самого детства.

Кто же прознал про этого Линдсея, единственного человека, который когда-то был другом Константина… В те времена, когда он, Константин, был молод, когда воля его еще не окрепла, когда мягка еще была броня недоверия к окружающим, Линдсей был его ближайшим другом. Кто же выпустил на свободу этот призрак? Для чего?

Государство Совета Голдрейх-Тримейн
26.12.46

Гости, собравшиеся на свадьбу, заполонили сад. Из своего укрытия за кустами карликовой магнолии Линдсей заметил жену; несколько легких прыжков, и она уже стояла с ним рядом — гравитация была в половину нормы. Зеленые ветви шуршали по распростертым крыльям Нориной шляпки. Нора была в плотном вязаном платье цвета охры, шитом серебром и с ажурными янтарными рукавами.

— У тебя все в порядке, дорогой?

— Кайма на рукаве, чтоб ей сдохнуть… Танцевал — и вот, как-то умудрился оторвать.

— А то я смотрю, тебя нет. Может, помочь?

— Сам справлюсь, — ответил Линдсей, отчаянно сражаясь со

сложным переплетением. — Осилю как-нибудь потихоньку.

— Давай помогу.

Шагнув сквозь кусты, она вытащила из шляпки богато украшенные спицы и заработала ими над его рукавом с ловкостью и сноровкой, о каких Линдсей не мог даже мечтать. Вздохнув, он аккуратно спрятал собственные спицы обратно в галун.

— Регент про тебя спрашивал, — сообщила она. — И прибыли генные старейшины.

— Куда ты их определила?

— На веранду. Пришлось выгонять оттуда детей. — С этими словами она завершила работу. — Вот. Сойдет?

— Ты у меня — просто чудо.

— Нет-нет, не целуй меня, Абеляр, всю косметику смажешь. Потом. — Она улыбнулась. — Ты потрясающе выглядишь.

Пальцами механической руки Линдсей пробежал по завиткам своих седых волос. Стальные суставы сверкали драгоценными камнями; среди проволочных сухожилий искрились жгуты волоконной оптики. Одет Линдсей был в официальную академическую гофрированную мантию Голдрейх-Тримейна: в лацканах — значки, означавшие чин, — и в темно-коричневые панталоны. Коричневые чулки смягчали величественность костюма, едва заметно переливаясь.

— Я танцевал с невестой, — сказал он. — Гости, похоже, удивились.

— Я слышала возгласы, дорогой.

Улыбнувшись, она взяла его под руку, положив кисть ему на рукав, чуть выше обнаженной стали локтя. Они покинули сад.

В патио невеста с женихом танцевали на потолке, вниз головами. Ноги их так и мелькали на танцплощадке, оборудованной специальными петлями. Глядя на невесту, Линдсей почувствовал неожиданный прилив счастья, почти граничащего с болью.

Клео Мавридес… Юная невеста была клоном погибшей женщины, унаследовавшим гены и имя покойной. Порою Линдсей словно бы видел в задорном взгляде молодой Клео нечто неуловимо старческое — так звон в бокале, сойдя на нет, еще заставляет вибрировать его хрустальные стенки. Что ж, Линдсей сделал все, что мог. С момента производства Клео находилась под его особой опекой. Пришлось им с Норой удовлетвориться хоть такой компенсацией… Это было больше чем искупление — слишком уж много они потратили усилий. Это была любовь.

Жених танцевал мощно; все гены Феттерлингов обеспечили его медвежьи силу и сложение. Фернанд Феттерлинг был одаренным человеком, выдающимся даже на общем фоне

сообщества гениев. Двадцать лет знал Линдсей этого человека — как драматурга, архитектора и члена лиги. Созидательная энергия Феттерлинга и по сию пору внушала Линдсею благоговение, граничащее со страхом. Интересно, подумал он, сколь долговечен будет их брак? Легкая, изящная Клео и спокойный, серьезный Феттерлинг с острым, точно стальная секира, умом… Конечно, они любят друг друга, но и расчет в этом браке сыграл немалую роль. В их брак вложен значительный капитал — как экономически, так и генетически.

Нора провела его сквозь толпу детишек, гонявших жужжащие волчки, подхлестывая их изящно сплетенными кнутиками. Выигрывал, как обычно, Паоло Мавридес. Лицо девятилетнего мальчика светилось исключительной, прямо-таки сверхъестественной сосредоточенностью.

— Нора, юлу мою не задень, — сказал он.

— А Паоло играет нечестно, — сообщила Рэнда Феттерлинг, плотно сбитая шестилетняя девочка с озорной улыбкой, выдававшей отсутствие передних зубов.

— У-у, — протянул Паоло, не поднимая глаз. — А Рэнда — ябеда.

— Играйте дружно, — сказала Нора, — не мешайте старшим.

Старейшины сидели на веранде вокруг стола в стиле «буль» и говорили взглядами. Непривычному человеку беседа на этом языке действительно показалась бы лишь чередой косых взглядов. Кивнув собравшимся, Линдсей заглянул под стол. Под столом двое детишек возились с петлей из длинной веревки. Работая в четыре руки и используя пальцы ног, они соорудили из веревки сложную паутину.

— Очень мило, — сказал Линдсей. — Но лучше идите-ка вы играть в паучат где-нибудь в другом месте.

— Ладно, — нехотя согласился тот, что постарше.

Осторожно, стараясь не испортить работу, дети поползли к выходу, держа опутанные веревкой руки перед собой.

— Я им тут дал леденцов, — сказал Дитрих Росс, когда дети ушли, — так они сказали: мол, сберегут на потом! Где это слыхано, чтобы дети в этом-то возрасте берегли леденцы «на потом»?! Куда мир катится?..

Усевшись за стол, Линдсей раскрыл небольшое зеркальце и извлек из кармана мантии пуховку с пудрой.

— Эк ты взопрел, однако, — заметил Росс. — Нет, Мавридес, ты уже не тот, что был раньше.

— Ты, Росс, старый мошенник, — ответил Линдсей. — Сам протанцуй четыре танца, а потом говори.

— У Маргарет свежая мысль по поводу твоей скульптуры, —

сказал Чарльз Феттерлинг.

Бывший регент после смещения явно сдал. Выглядел он неопрятным и желчным, старомодная прическа была изъедена сединой.

— И что же вы о ней думаете, госпожа канцлер? — поинтересовался Линдсей.

— Эротика.

Канцлер-генерал Маргарет Джулиано, перегнувшись через инкрустированную столешницу, указала на плексигласовый гермокупол. Под куполом располагалась замысловатого вида скульптура. С того момента, как Инвесторы подарили ее Линдсею, рассуждения и догадки на предмет ее содержания не иссякали.

Подарок, вырезанный из обычного льда, был покрыт сверкающим кристаллическим аммиаком. Специальные устройства поддерживали под куполом температуру в сорок градусов по шкале Кельвина. Состояла скульптура из двух приплюснутых комков, покрытых тончайшими, острыми кристаллами изморози, образующими филигранный узор. Изображение покоилось на волнистой поверхности — возможно, представлявшей некий невообразимо холодный океан. С одной стороны над поверхностью этого океана выступал еще один, совсем маленький, комок, который вполне мог бы изображать локоть.

— Обратите внимание, их здесь двое, — сказала шейпер-ученая. — Уверена, что прочие подробности происходящего тактично скрыты под водой. Точнее, под этой жидкостью.

— Они не очень похожи друг на друга, — возразил Линдсей. — Скорее уж один поедает другого. Если они вообще живые.

— А я что говорил? — проскрежетал Зигмунд Фецко.

Регент из механистов, намного старше всех шестерых, возлежал в своем кресле, совершенно измученный. Слова он выговаривал с огромным трудом, их буквально выжимал из его груди дыхательный корсет, скрытый под тяжелым пиджаком.

— На втором, — продолжал он, — какие-то впадины. Скорлупа вдавливается внутрь, это его высасывают.

Кто-то из детей Феттерлингов вбежал в комнату в погоне за убегающим волчком. Феттерлинг взглядом попросил Невилла Понпьянскула сменить тему. Ребенок убежал.

— В самом деле, замечательный брак, — сказал Понпьянскул. — Изящество Мавридесов плюс решительность Феттерлингов… Кто может устоять против такого сочетания? Кстати, по-моему, Михаила Феттерлинг выглядит

многообещающе. Какая у нее пропорция?

Такие вещи Феттерлинг знал назубок:

— Шестьдесят от Феттерлингов, тридцать от Мавридесов и десять от Гарца, по обмену. Но я присмотрел, чтобы гены Гарца были близки к ранним феттерлинговским. Никаких нам этих новых Гарца! Пока не выдержат проверки на прочность.

— Молодая Аделаида Гарца — просто восхитительна, — возразила Маргарет Джулиано. — Одна из лучших моих студенток. Сверхспособные просто удивляют, регент. Настоящий квантовый скачок!

Она огладила изящными, в мелких морщинках, руками лацканы усыпанной медалями мантии.

— В самом деле? — спросил Росс. — Я некогда был женат на Аделаиде-старшей.

— Что же случилось с Аделаидой? — осведомился Понпьянскул.

— Увяла, — пожал плечами Росс.

По комнате точно пробежал холодок. Линдсей решил сменить тему.

— Мы хотим пристроить еще одну веранду. Эта нужна Норе под кабинет.

— Ей нужно так много места? — спросил Понпьянскул.

— Работа такая, — кивнул Линдсей. — А здесь — самый лучший район. Уэйкфилдовский Дзайбацу проверил его на подслушивающую аппаратуру. Иначе пришлось бы вызывать техников и переворачивать все вверх дном…

— Строим в кредит? — спросил Росс.

— Конечно, — улыбнулся Линдсей.

— Теперь в ГТ все и все делают в кредит, — сказал Росс. — Не понимаю я этого.

— Ну, конечно, — сказал Феттерлинг. — Ты-то, Росс, за восемь десятков лет ничего в своей берлоге не поменял. В этих крысиных норах, что на осевой, и повернуться негде. Вот мы, Феттерлинги… Жених только что доставил нам проект и спецификации нового комплекса пузырей.

— Хлипкое дерьмо… — хмыкнул Росс. — Нет, в ГТ все одно теперь слишком тесно. Слишком много этих «молодых акул». Дела, конечно, выглядят неплохо, но — нутром чую — назревает крах. Если что, я сматываю удочки и отправляюсь к кометчикам. А то давненько мне не приходилось пытать удачу.

Понпьянскул глянул Линдсею, всеми морщинками век выразив снисходительное пренебрежение к непрестанному хвастовству Росса своей удачей. Лет сто назад Россу крупно повезло с шахтами, и до сих пор он никому не позволяет об этом

забыть. Других постоянно подзуживает, а сам рискует разве что в выборе и ношении этих своих странноватых жилетов…

— У меня есть кандидат в лигу, — сказал Феттерлинг. — Благовоспитан, учтив. Карл Зенер.

— Этот драматург? — осведомилась Маргарет Джулиано. — Мне его вещи не нравятся.

— Иными словами, он не за разрядку, — пояснил Феттерлинг. — И не гармонирует с твоим пацифизмом. Мавридес! Вы, несомненно, его знаете.

— Знаком, — отвечал Линдсей.

— Зенер — фашист, — сказал Понпьянскул. Новый предмет разговора прямо-таки гальванизировал престарелого доктора; он живо подался вперед, скрестив перед собою руки. — Он — человек Филипа Константина. Много лет проживал в Республике. В этом рассаднике шейперов-милитантов.

— Успокойся, Невилл, — нахмурился Феттерлинг. — Уж я-то Цепь знаю, сам оттуда… То, что там проделал Константин, следовало сделать еще сто лет назад.

— В смысле — заселить свой сельскохозяйственный мирок вышедшими в тираж наемниками?

— Привести еще один мир в сообщество шейперов!

— Это попросту культурный геноцид… — Понпьянскул совсем недавно прошел омоложение; все его худощавое тело трепетало от неестественного прилива энергии. Линдсей не спрашивал, какой техникой он пользуется; кожа сделалась гладкой, но какой-то не слишком живой, приобрела своеобразный смуглый оттенок, не встречающийся в природе. Костяшки пальцев были морщинистые, как спущенные воздушные шарики. — Орбитальную республику следовало бы оставить как есть, в качестве музея. Это было бы самым верным решением. Разнообразие необходимо, и нет ничего страшного в том, что не каждая образующаяся у нас общественная структура оказывается жизнеспособной.

— Невилл, — веско сказал Зигмунд Фецко, — ты разговариваешь как ребенок.

Понпьянскул откинулся на спинку кресла:

— Признаюсь, после последнего омоложения я перечитывал свои старые речи.

— За которые тебя вычистили, — заметил Феттерлинг.

— Ты о моем пристрастии к старине? Теперь уже и мои собственные речи — седая древность. Однако прежние проблемы так никуда и не делись. Политики сводят мир воедино, технологии же его дробят. Крохотные анклавы навроде Республики не следует трогать. Чтобы, если мы прикончим себя

собственными руками, было кому собирать обломки.

— Есть Земля, — напомнил Фецко.

— Какой смысл говорить о варварах, — с этими словами Понпьянскул отхлебнул фраппе с транквилизатором.

— Будь у тебя, Понпьянскул, достаточно мужества, — заявил Росс, — ты бы отправился в Республику и занялся этим вопросом сам.

— Могу поспорить, — хмыкнул Понпьянскул, — что соберу там просто убийственные улики.

— Чушь, — сказал Феттерлинг.

— Это что, спор? — Росс смерил обоих взглядом. — Тогда я буду судьей. Если вам, доктор, удастся найти улики, которые проймут даже мою носорожью чувствительность, мы все согласимся, что правда на вашей стороне.

— Давненько я не… — заколебался Понпьянскул.

— Испугался? — захохотал Росс. — Тогда сиди себе и делай загадочный вид. Тебе же нужен фасад загадочности, так? Иначе кто-нибудь из молодых акул схарчит тебя за завтраком — и дело с концом.

— Один раз после чистки были уже такие желающие позавтракать, — заметал Понпьянскул. — Подавились.

— Так это ж двести лет назад, — продолжал подзадоривать его Росс. — Я вспоминаю некий эпизод с — как это там было? — с бессмертием через применение кельпа.

— Что?

Понпьянскул моргнул. Постепенно воспоминания, похороненные под грудой десятилетий, пробились наверх.

— Кельп, — сказал он. — Волшебное растение из земного океана. — Он продолжал, цитируя сам себя:

— Друзья! Что изменит ваш каталитический баланс? Ответ: кельп. Чудесное растение, рожденное морем и измененное генетически, способное ныне произрастать в pane — соляном растворе, от которого прослеживается происхождение самой крови… Господи боже мой, дальше не помню.

— Он торговал пилюлями из кельпа, — поведал обществу Росс. — Устроил себе контору в какой-то надувной трущобе. Радиация там была такая — можно яичницу на переборках жарить…

— Плацебо, — сказал Понпьянскул. — В те времена Голдрейх-Тримейн был полон дикорастущих. Горняки, беженцы, прожаренные радиацией. Тогда Бутыль нас еще не защищала. А если пациент выглядел уж совсем безнадежно, я примешивал немного обезболивающего.

— Всем нам не дожить до таких лет без некоторых

процедур, — сказал Линдсей.

— К черту воспоминания, Мавридес, — рыкнул Феттерлинг. — Росс, я желаю знать, на что спорю. Что я выиграю, если у Понпьянскула ничего не выйдет?

— Мой дом, — сказал Понпьянскул. — В Колесе Фицджеральда.

Феттерлинг широко раскрыл глаза:

— А что поставлю я?

— Проиграв, ты публично разоблачишь Константина и Зенера. Плюс возмещение дорожных расходов.

— Твои чудесный домик, — протянула Маргарет Джулиано. — Невилл, как же ты расстанешься с ним?

Понпьянскул пожал плечами:

— Если будущее — за Константином и его дружками, мне все равно здесь не жить.

— Не забывай, что ты лишь недавно прошел курс, — с беспокойством сказал Феттерлинг. — И действуешь с излишней поспешностью. А мне не слишком-то по нутру выгонять человека из его берлоги. Можем отложить пари, пока…

— Отложить… — проговорил Понпьянскул. — Вот в чем наше проклятие — всегда мы все откладываем на потом… И это когда молодые вгрызаются, впиваются в каждый год так, словно не было никакого «вчера»… Нет, регент, я подтверждаю пари.

Он протянул Феттерлингу руку.

— Заметано! — Ладошка Понпьянскула утонула в лапище Феттерлинга. — А вы, вчетвером, свидетели.

— Я отправляюсь с ближайшим кораблем, — сказал Понпьянскул, поднимаясь. Его зеленоватые глаза лихорадочно блестели. — Мне нужно приготовиться. Очаровательный праздник, Мавридес.

— Спасибо, сэр, — ошарашено ответил Линдсей. — Шляпа ваша, я думаю, у робота.

— Я должен поблагодарить хозяйку.

С этими словами Понпьянскул покинул веранду.

— Совсем чокнулся, — сказал Феттерлинг. — После этой новой процедуры у него крыша съехала. Впрочем, бедняга никогда не отличался стабильностью…

— Какую процедуру он проходил? — прохрипел Фецко. — На вид в нем столько энергии…

— Из непроверенных, — улыбнулся Росс. — Он не может позволить себе зарегистрированной процедуры. Я слышал, он договорился с человеком побогаче и предоставил себя для эксперимента. И они поделили расходы.

Линдсей глянул Россу. Тот спрятал лицо, поднеся ко рту

канапе.

— Рискованно, — сказал Фецко. — Потому-то молодые нас еще и терпят. Мы берем их риск на себя. Расчищаем им путь. Отсеиваем негодные процедуры… ценой своих жизней.

— Могло быть и хуже, — сказал Росс. — Он мог нарваться на один из этих кожных вирусов. Сбрасывал бы сейчас кожу не хуже змеи, хе-хе!

Из звукопоглощающего поля, заслонявшего дверной проем, выступил Паоло Мавридес:

— Нора сказала: приходите проводить Клео и мистера Феттерлинга.

— Спасибо, Паоло.

Джулиано и регент Феттерлинг направились к дверям, обсуждая на ходу строительные расходы. За ними засеменил Фецко; ноги его довольно громко жужжали. Росс придержал Линдсея за локоть:

— Минутку, Абеляр.

— Слушаю вас, гуманитар-лейтенант.

— Нет, Абеляр, я не по службе. Ты ведь не скажешь Джулиано, что это я Понпьянскула подбил?

— На незарегистрированную процедуру? Нет, не скажу. Хотя с твоей стороны это было жестоко.

Росс ухмыльнулся с глуповатым самодовольством.

— Понимаешь, несколько десятков лет назад я почти женился на Маргарет… Невилл говорил, что времена моей супружеской жизни могут теперь в любой день наступить снова… Послушай, Мавридес, мне все покоя не дает, как ты последние годы выглядишь. Ты же, между нами говоря, развалина!

Линдсей коснулся своих поседевших волос.

— Не ты первый мне об этом говоришь.

— Вопрос — не в деньгах?

— Нет. — Линдсей вздохнул. — Не желаю, чтобы инспектировали мою генетику. Сейчас столько наблюдателей от Службы безопасности, а я, откровенно говоря, не совсем такой, каким выгляжу…

— Что за хрень, в таком-то возрасте?.. Слушай, Мавридес, я давно подозревал нечто в этом роде. Ведь не зря тебе не позволено иметь собственное потомство. Я тут разузнал об одном месте, очень тихом и конфиденциальном. Конечно, это стоит приличных денег, но зато не задают никаких вопросов и не заводят документации. Все делается втихую. В одном догтауне.

— Ясно. При таком риске…

— Ты же знаешь, — пожал плечами Росс, — что я не очень в ладах с остальными из моей генолинии. Они мне своей

документации не дают, приходится проводить исследования самому. Может, провернем кое-что вместе?

— Я не против. Но у меня нет секретов от жены. Ей можно сказать?..

— Конечно, конечно… Значит, договорились?

— Я свяжусь с тобой.

Линдсей положил руку-протез на плечо Росса. Тот еле заметно вздрогнул.

* * *

Новобрачным удалось добраться лишь до беседки, где они застряли в толпе поздравляющих. Линдсей, приобняв Клео, придержал левой рукой за предплечье Фернанда Феттерлинга:

— Береги ее получше, она же у нас совсем еще маленькая.

Фернанд взглянул ему в глаза:

— В ней — моя жизнь.

— Молодец, правильно говоришь. А ту новую пьесу мы пока отложим. Любовь важнее.

Нора чмокнула Фернанда, смазав его косметику. Тем временем молодежь, что собралась в доме, разошлась не на шутку. Танцы на потолочных петлях перешли чуть ли не в драку: молодые шейперы, визжа от смеха, пихались изо всех сил; каждый старался столкнуть соседа с танцтакелажа. Те, кто уже упали, цеплялись за других, болтаясь в половинной гравитации.

Веселые ребята, подумал Линдсей. Скоро многие из них тоже женятся; кое-кто даже сможет, подобно Фернанду, удачно совместить при этом любовь с политикой… Пешки. Пешки в династических играх старейшин, где правила определены капиталами и генетикой.

Он оглядел собравшихся, оценивая каждого из них с точностью, приобретенной за три десятка лет общения с шейперами. Часть толпы была скрыта за деревьями сада, прямоугольника буйной зелени, окруженного мозаичными плитами патио. Четверо детей Мавридесов мучили робофициантa — он, несмотря на все толчки и подножки, никак не желал ронять свой поднос с бокалами. Половинная гравитация позволила Линдсею легко подпрыгнуть вверх и взглянуть, что делается по ту сторону сада.

А там заварился нешуточный спор: человек в черном комбинезоне дискутировал с полудюжиной молодых шейперов. Беда. Подойдя к дорожке, ведущей через крышу сада, Линдсей вспрыгнул на потолок. С привычной легкостью цепляясь за

рукояти и переставляя ноги из углубления в углубление, он поспешил к компании. На несколько мгновений его задержали трое детишек, промчавшихся, громко хихикая, в ту же самую сторону. Один ребенок обогнул Линдсея слева, другой — справа, а третий перебрался прямо через него. Кружева на рукаве снова оторвались.

— Да чтоб он сгорел, этот рукав, — пробормотал Линдсей, спрыгивая на пол. Правда, к этому времени не многим удалось сохранить свой костюм в целости… Он направился к спорщикам.

Взятый в осаду молодой механист был одет в элегантный атласный комбинезон с черной тесьмой и легонькой оторочкой из шейперских кружев у ворота. Линдсей узнал его: из учеников Рюмина, прибыл из гастролирующего по Системе «Кабуки Интрасолар», назвался Уэллсом.

Внешне Уэллс сильно напоминал бродягу: дерзок, коротко стриженные волосы спутаны, живой взгляд, размашистость движений говорит о привычке к невесомости. На плечах комбинезона — эмблемы в виде масок «Кабуки». И, кажется, пьян.

— Да о чем тут говорить! — громко настаивал Уэллс. — Когда Инвесторов использовали как предлог для прекращения войны — это одно. Но для тех из нас, кто знает этих пришельцев с детства, истина очевидна. Они далеко не ангелы. Все их игры с нами — только ради их собственной выгоды.

Пока что спорящие не замечали Линдсея. Он держался сзади, внимательно к ним присматриваясь. Обстановка, судя по всему, накалялась. Шейперами, окружившими Уэллса, были Африэль, Бесежная, Уорден, Парр и Ленг — его, Линдсея, выпускной класс. Лингвистика пришельцев. Они слушали механиста с вежливым презрением. Очевидно, объяснить ему, кто они такие, не удосужились, хотя докторантские мантии говорили за себя сами…

— Так, значит, по-вашему мнению, их не стоит и благодарить за разрядку? — спросил Саймон Африэль, холодный и практичный молодой милитант, уже зарекомендовавший себя в военно-научном комплексе шейперов. Однажды он поведал Линдсею, что хочет получить назначение в какую-нибудь чужую звездную систему. Да и все они к этому стремятся: среди девятнадцати известных рас чужаков, конечно же, найдется хоть одна, с которой шейперам удастся установить надежные взаимоотношения. И тогда весь мир будет у ног того дипломата, что вернется с такого задания в здравом уме.

— Да я, можно сказать, горой стою за разрядку, — заверил Уэллс. — Я просто желаю, чтобы и человечество участвовало в прибылях. Ведь — тридцать лет эти Инвесторы нас покупают и

продают как хотят! А получили мы хоть что-то из их секретов? Межзвездный двигатель? Или их историю? Нет! Вместо этого они пудрят нам мозги бесполезными игрушками да весьма дорогими прогулочками к звездам. Эти чешуйчатые жулики наживаются за счет слабости и раздробленности человечества. И не один я так полагаю! Сейчас новое поколение в картелях…

— И что из этого? — спросила Бесежная, богатая девица, уже освоившая восемь языков плюс инвесторский, образцовая шейперская светская дама в платье с «боярскими» рукавами и крылатой бархатной шляпке. — В картелях большинство составляют старшие, их отношение к нам не изменилось, им так привычнее. Если бы нас не защищали Инвесторы…

— Именно так, госпожа без пяти минут докторша. — Уэллс был вовсе не так уж пьян. — Нас, желающих увидеть, что же такое Кольца в действительности, — сотни. Хватает и тех, кто безоглядно восхищается вами. К нам нелегально проникают ваши позапрошлогодние моды, ваше третьесортное искусство. Очень жаль! Мы так много можем друг другу предложить… Но Инвесторы выжимают из сложившегося положения все, что только могут. Они уже начали поддерживать поджигателей войны: положили конец перелетам «Кольца — картель», вдохновляют экономические войны… Поймите: самого факта, что я здесь, достаточно, чтобы на всю жизнь опозорить меня и даже объявить агентом Службы безопасности Колец — «микробом», как вы их называете. В картеле мне теперь пожизненный надзор обеспечен…

Африэль заметил Линдсея и громко сказал:

— Добрый вечер, господин доктор-капитан.

Постаравшись принять благодушный вид, Линдсей выступил вперед.

— Добрый вечер, господа докторанты. Добрый вечер, мистер Уэллс. Хотелось бы надеяться, что вы не обременены юношеским цинизмом. Мы живем в счастливые времена…

Уэллс явно занервничал. Все механисты жутко боялись агентов Службы безопасности Колец, не сознавая, что военно-научный комплекс столь тесно вплетается в жизнь шейперов, что к Службе безопасности, тем ли, иным ли образом, принадлежит четверть населения. Вот, например, Бесежная, Африэль и Парр, записные лидеры полувоенных молодежных организаций Голдрейх-Тримейна. У Уэллса куда больше оснований опасаться их, чем Линдсея, с большой неохотой согласившегося принять капитанский чин… Однако Уэллс был насквозь проникнут недоверием и бормотал какие-то пустопорожние вежливости, пока Линдсей не отошел от компании.

Что хуже всего — Уэллс прав. И студенты-шейперы это отлично понимали, хотя вовсе не собирались рисковать с таким трудом доставшимися докторскими степенями, публично выражая согласие с простодушным механистом. Еще бы: если желаешь получить от Совета Колец разрешение на полет к звездам, идеологически ты должен быть безупречен.

Конечно же, Инвесторы — просто рвачи. Человечеству их приход не принес ожидаемого Золотого века. Их даже и умными-то особенно не назовешь. Берут они исключительно непрошибаемой наглостью да сорочьей жадностью на все, что блестит. Слишком алчны, чтобы чего-либо стесняться, точно знают, чего хотят, и в этом их решающее преимущество.

Раздули их силу и значение свыше всякой меры, вот и все. И Линдсей тоже к этому руку приложил. Вспомнить хоть, как они с Норой выторговали за свой гиблый астероид три месяца уроков языка плюс бесплатный проезд до Совета Колец, где Линдсей, немедленно прославившись как первый друг пришельцев, сделал все, чтобы окружить их ореолом таинственности… А значит, он и сам виноват в этом мошенничестве.

Он ведь даже самих Инвесторов обманул! Его инвесторское имя и по сю пору состоит из скрежета с присвистом, означающего «Художник». И до сих пор у него есть друзья-Инвесторы — или, по крайней мере, те, кому доставляет удовольствие его общество…

Инвесторы обладают чем-то похожим на чувство юмора и, несомненно, по-садистски наслаждаются своими надувательскими сделками. И скульптура, подаренная ими и помещенная на почетном месте в его доме, вполне может оказаться всего-навсего парой кусков инопланетного говна!

Бог его знает, какому сбрендившему чужаку втюхали они ту каменную голову. И мало удивительного, что такой горячий юнец, как Уэллс, хочет правды и орет об этом на каждом углу. Не представляет себе парень последствий или же просто на них плюет — слишком еще молод, чтобы жить по лжи. Ну, положим, ложь еще малость продержится. Невзирая даже на новое, выросшее при Замирении Инвесторов поколение, так и рвущееся срывать покровы, не подозревая, что рвут-то они тот самый холст, на котором написан их мир.

Линдсей поискал жену. Она нашлась в своем кабинете, в тесном кругу своей банды заговорщиков, состоящей из профессионалов-дипломатов. Профессор-полковник Нора Мавридес раскинула над Голдрейх-Тримейном обширную паутину. Рано или поздно в ней окажутся все дипломаты столицы. Она была самой известной среди лоялистов своего класса и главным борцом за их дело.

Линдсей прикрывался своей таинственностью. Насколько ему было известно, он единственный из зарубежного отдела остался в живых. Если же уцелели где-нибудь другие дипломаты не из шейперов, то только потому, что старались не высовываться.

Ради приличия он на минуту задержался в кабинете, но безупречные манеры присутствующих, как всегда, действовали на нервы. Он прошел в курительную, где труппа феттерлинговских «Пастушьих Лун» приобщала двоих завзятых театралов к новомодному пороку.

Линдсей сразу же окунулся в роль театрального импресарио. Эти-то верят в то, что видят: старик, немного заторможенный, без присущей прочим искры гения, однако щедрый и окруженный ореолом таинственности. Таинственность — это ведь так романтично! Доктор Абеляр Мавридес на то и рассчитывал.

Он дрейфовал от одной беседы к другой: генетическая брачная политика, интриги Службы безопасности Колец, соперничество городов, научные стычки между «сменами» города, артистические лиги, — различные нити одной и той же ткани. Блеск этой ткани, сложное изящество социальных переплетений убаюкивали его. Порою такие приступы безмятежности настораживали: может, это возраст? Дряблость, предшествующая распаду? Ему, Линдсею, уже шестьдесят один…

Свадебное гулянье подходило к концу. Актеры отправились на репетиции, расползлись по своим древним норам старейшины, и орды детей разбежались по детским садам своих генетических линий. Наконец и Линдсей с Норой смогли добраться до спальни. Нора была слегка пьяна, глаза ее блестели. Присев на краешек кровати, она завела руки за спину, расстегнула платье и потянула. Сложная «шнуровка» на спине с легким шуршаньем разошлась, как паутина.

Первое омоложение понадобилось Норе двадцать лет назад, в тридцать восемь, а второе — в пятьдесят. Кожа ее спины зеркально поблескивала в розоватом свете ночника. Линдсей вынул из верхнего ящика тумбочки свой старый видеомонокль и снял с него футляр. Тем временем Нора высвободила свои изящные руки из расшитых бисером рукавов и принялась откалывать шляпку. Линдсей начал съемку.

— Ты еще не разделся? — Она обернулась. — Абеляр, что ты делаешь?

— Хочу запомнить тебя вот такой, — ответил он. — Как в этот прекрасный момент.

Со смехом Нора отшвырнула шляпку, ловко выдернула из волос украшенные драгоценными камнями заколки, и косы ее темными волнами упали на плечи. Линдсей почувствовал прилив

новых сил. Отложив монокль, он выскользнул из одежд. Начали они не спеша, с ленцой. Но в эту ночь Линдсей особенно чувствовал, что смертен, и это чувство подгоняло его, словно шпора. Его охватила страсть, и он любил жену с небывалым пылом, и она отвечала тем же. Жестко вбиваясь в нее напоследок, он созерцал сквозь пульс оргазма собственную железную руку на ее глянцевитом плече. Хватая ртом воздух, он слышал, как громко стучит его сердце.

Когда он отстранился, она со вздохом потянулась и рассмеялась:

— Чудесно. Как я счастлива, Абеляр!

— Я люблю тебя, жизнь моя, — ответил он.

Нора приподнялась на локте.

— Милый, у тебя все в порядке?

Глаза Линдсея жгло.

— Сегодня вечером я говорил с Дитрихом Россом, — осторожно начал он. — Он предложил испробовать на мне новую процедуру омоложения.

— О-о, — с радостью сказала она. — Хорошие новости.

— Штука рискованная.

— Дорогой, старость — вот действительно рискованная штука. Все остальное — вопрос тактики. Тебе не требуется ничего особенного, лишь незначительный декатаболизм; с этим справятся в любой лаборатории. И можно будет не думать об этом еще лет двадцать.

— Но это означает — снять перед кем-то маску. Росс обещал строгую конфиденциальность, но я ему не доверяю. Феттерлинг с Понпьянскулом устроили сегодня довольно эксцентричную сцену. При подстрекательстве Росса.

Нора принялась расплетать одну из своих кос.

— Ты вовсе не стар, дорогой, просто слишком долго притворялся, что стар. И скоро тебе уже не придется притворяться. Дипломаты возвращают себе свои права, а ты ведь теперь — Мавридес. Вот регент Феттерлинг тоже дикорастущий, и никто из-за этого не думает о нем хуже.

— Ну да!

— Может, совсем немного… Хотя это неважно. Абеляр, у тебя глаза отекли. Ты принял ингибиторы?

Линдсей молчал. Опершись на не знающую усталости железную руку, он сел в постели.

— Я смертен, — сказал он. — Когда-то это имело для меня очень большое значение. И это — все, что осталось от меня прежнего, от прежних моих убеждений…

— И что же ты думаешь: старея, ты будешь меньше

изменяться? Если хочешь сохранить свои прежние чувства, нужно оставаться молодым.

— По-моему, есть только один способ. Способ Веры Келланд.

Руки ее замерли, коса осталась наполовину нерасплетенной.

— Извини, — сказал Линдсей, — но это все время где-то здесь, рядом со мной, в тени… Я боюсь, Нора. Стань я снова молод, все изменится. Все эти годы, принесшие нам столько радости… Я заморожен здесь, залегши на дно, с тобой, в счастье и безопасности. Рискнув же снова стать молодым — я буду у всех на виду…

Она погладила его по щеке.

— Дорогой, не волнуйся. Я — с тобой. Я не дам тебя в обиду. Кто бы ни задумал причинить тебе вред — только через мой труп.

— Я понимаю, и рад этому, но никак не могу прогнать это чувство… Может быть, это вина? Вина за то, что все у нас так прекрасно? Что мы любим друг друга, тогда как другие умирают, словно крысы, загнанные в угол? — Голос его задрожал. Он опустил взгляд к пятну света ночника на охряном покрывале. — Сколько еще продлится Замирение? Старики нас презирают, молодые глядят на нас как на пустое место. Все меняется — и вряд ли изменится в лучшую для нас сторону… Милая… — Он взглянул ей в глаза. — Я отлично помню дни, когда у нас не было ничего, даже воздуха для дыхания, и все вокруг нас заполняла гниль. То, что мы приобрели с тех пор, является нашей чистой прибылью, но все это не настоящее… Реальны лишь отношения между тобой и мной — и более ничего. Скажи: если все остальное пойдет прахом, ты ведь останешься со мной?..

Она взяла мужа за руки, положив его протез поверх своего локтя.

— Откуда у тебя эти мысли? Опять Константин?

— Феттерлинг хочет ввести в лигу одного из его людей.

— Так и знала, что тут не обошлось без этого деспота. Значит, это его ты боишься? Вспомнил прежние трагедии… Ну что ж, так-то лучше, теперь я знаю, с кем имею дело.

— Дорогая, дело не только в нем. Видишь ли, Голдрейх-Тримейн не вечно будет на вершине. Замирение Инвесторов рушится; вновь начнется открытая борьба шейперов с механистами. Милитаристское крыло готово снова воспрянуть. Мы потеряем статус столицы…

— Это — безосновательная паника, Абеляр. Мы еще ничего не потеряли. Сторонники разрядки в Голдрейх-Тримейне сильны, как никогда. Мои дипломаты…

— Я знаю, ты сильна. Скорее всего, ты победишь. Но если проиграешь, если придется уйти в бродяги…

— В бродяги? Мы, дорогой, не какие-нибудь беженцы, мы — генетические Мавридесы! При должностях, имуществе и состоянии! Здесь — наша крепость! И нельзя оставить ее просто так, когда она нам столько дала… Ничего, после процедуры ты перестанешь тревожиться. Вернув себе молодость, ты посмотришь на мир иначе.

— Я знаю, — согласился Линдсей. — Это-то меня и пугает.

— Я люблю тебя, Абеляр. Обещай мне завтра же позвонить Россу.

— О, нет, — возразил Линдсей. — Нельзя показывать, что слишком торопишься.

— Но когда же?

— Ну, скажем, лет через несколько. По меркам Росса, это — ничто.

— Но, Абеляр, мне больно видеть, как возраст съедает тебя. Слишком далеко зашло. Это просто неразумно… — Глаза ее наполнились слезами.

Линдсей удивился и даже немного встревожился:

— Не плачь, Нора… Сама себе делаешь больнее…

Он обнял ее.

Она прижалась к нему:

— Неужели мы не сможем удержать, что имеем? Я уж сама засомневалась.

— Я — просто дурак, — сказал Линдсей. — Я в прекрасной форме; нет никакого смысла спешить. Извини, что я тебе тут наговорил всякого…

— Победа будет за мной! — глаза ее снова были сухи. — За нами! Мы оба будем юными и сильными. Вот увидишь.

Государство Совета Голдрейх-Тримейн
16.04.53

Эту встречу Линдсей откладывал сколько мог. Но теперь ему уже недостаточно было одних ингибиторов да диеты. Ему шел шестьдесят девятый год.

Демортализационная клиника располагалась на окраине Голдрейх-Тримейна, в растущей грозди надувных пузырей. Пузыри, связанные между собой трубами, могли возникать либо исчезнуть за одну ночь — идеальное обиталище для Черных Медиков и прочих сомнительных компаний.

Здесь скрывались механисты, желавшие продлить себе жизнь шейперскими способами — и не желавшие при этом попадать под юрисдикцию шейперов. Спрос и предложение порождали коррупцию, а тем временем Голдрейх-Тримейн богател, обрастал

жирком и расслаблялся. Столица тратила больше, чем зарабатывала, бреши в экономике латались теневыми деньгами.

Страх вынудил-таки Линдсея пойти на это, страх оказаться в немощи, когда все развалится окончательно.

Росс обещал полную анонимность. Все будет сделано мгновенно, за день, максимум — за два.

— Я не хочу ничего серьезного, — сказал он пожилой даме. — Просто декатаболизм.

— Документация по вашей генетической линии у вас с собой?

— Нет.

— Это осложняет дело. — Теневая деморталистка взирала на него, странно, совсем по-девчоночьи склонив голову набок. — Геном определяет природу возможных осложнений. Старение — естественное или по совокупности повреждений?

— Естественное.

— Тогда можно попробовать процедуру погрубее. Гормонотерапия плюс вымывание свободных радикалов антиоксидантами. Быстро и грязно, зато это вернет вам живость.

Линдсей вспомнил странноватую кожу Понпьянскула.

— А какой процедурой пользуетесь вы сами?

— Это секрет.

— Сколько вам лет?

Дама улыбнулась.

— Не нужно спрашивать о таких вещах. Чем меньше мы друг о друге знаем, тем лучше.

Линдсей послал ей взгляд. Дама взгляда не уловила. Он взглянул снова… И понял: она не знает этого языка. По спине Линдсея пробежал холодок беспокойства.

— Нет, так я не могу, — сказал он. — Я вам не очень доверяю.

Линдсей поплыл к выходу из пузыря, прочь от сканеров и пробоотборников, служивших ядром этого маленького небесного тела.

— Неужели вас смущают наши цены, доктор Абеляр Мавридес? — сказала дама вдогонку.

Сознание заработало в бешеном темпе. Сбылись самые худшие предположения! Он обернулся, решив ее осадить:

— Вас кто-то ввел в заблуждение.

— У нас имеется собственная разведслужба.

Он внимательно к ней пригляделся. Морщинки на лице чуточку не на месте, не совпадают со структурой лицевых мышц.

— Вы молоды, — сказал Линдсей. — Только выглядите старо.

— Значит, мы с вами — собратья по одному и тому же мошенничеству. Впрочем, для вас оно — лишь одно из многих.

— Росс уверял меня в вашей надежности. Зачем же рисковать работой, оскорбляя меня?

— Нам нужна правда.

Он пристально посмотрел на нее:

— И всего-то? Попробуйте дедуктивный метод. А в данный момент давайте говорить разумно.

Молодая женщина разгладила свою медицинскую куртку морщинистыми руками.

— Представьте, что я — зритель в театре, доктор Мавридес, и расскажите мне о своей идеологии.

— Нет у меня никакой идеологии.

— А как же с Замирением Инвесторов? Со всеми этими пацифистскими пьесами? Думаете, это инвесторское мошенничество излечит Схизму?

— Вы, оказывается, еще моложе, чем я думал. Задавать такие вопросы может лишь тот, кто никогда не видел войны.

Она перешла на крик:

— Нас вырастили при Замирении! Нам с детского сада твердили, что война побеждена любовью и разумом! Но мы читали историю! И не в обработке Джулиано — а как все было на самом деле! Вы знаете, что случилось с сообществами, в которых нововведения не прижились? В лучшем случае их загнали на какие-нибудь ужасные аванпосты! В худшем — их травят, уничтожают поодиночке, науськивают друг на друга…

Правдивость этих слов ранила больно.

— Но некоторые живут!

Девушка рассмеялась:

— Вы ведь дикий, для чего же вам заботиться о нас? Жизнь и душа ваши — глупость.

— Вы из людей Маргарет Джулиано, — сказал Линдсей. — Из сверхспособных.

Линдсей с интересом разглядывал ее: раньше он никогда не встречал сверхспособных. Считалось, что они строго изолированы, что их непрерывно изучают.

— Маргарет Джулиано… — проговорила она. — Из вашей Полночной лиги. Она помогла нас сконструировать. Она — за разрядку. Падет Замирение, падем и мы вместе с ней. За нами постоянно подглядывают, шпионят, ищут наши ошибки… — Глаза, обрамленные морщинами, дико пылали. — Вы представляете себе наш потенциал? Ни законов, ни душ, ни границ! Но нас окружили кольцом догм. Фальшивые войны, дурацкие лояльности. Куча хлама, именуемая Схизматрицей. Другие погрязли в ее болоте, прячась от полной свободы, но мы хотим всей правды, без оговорок. Мы принимаем

действительность такой, как она есть. Мы должны раскрыть глаза всем, и если для этого потребуется некий катаклизм, то тысячи людей готовы…

— Нет уж, подождите, — перебил ее Линдсей. Если она из сверхспособных, ей не больше тридцати… Его ужаснула фанатичность, с которой девушка готова была повторить его ошибки. Его — и Веры… — Вы слишком молоды для однозначных, окончательных решений. Ради бога, не нужно пуризма, не нужно запальчивости, пусть все утрясется, подождите лет пятьдесят. Подождите сто лет. Времени у вас — сколько угодно.

— Мы не приемлем того образа мыслей, которого от нас ждут. И поэтому нас хотят убить. Но прежде, чем это у них получится, мы вскроем череп мира и введем туда свои иглы.

— Подождите, — остановил ее Линдсей. — Возможно, Замирение обречено. Но себя-то вы можете спасти! Вы умны. Вы можете…

— Жизнь — анекдот, друг мой. А смерть — его кульминация.

Девушка подняла руку и исчезла.

— Что вы?.. — ахнул Линдсей — и осекся. Голос его прозвучал как-то странно. Казалось, в помещении изменилась акустика. Однако машины все так же тихонько жужжали и попискивали.

Линдсей подплыл к ним.

— Алло, девушка! Давайте сначала побеседуем. Поверьте, я в состоянии вас понять!

Голос его стал явно другим — пропала слабая старческая хрипотца. Он тронул горло левой рукой — оказалось, подбородок оброс густой щетиной. Удивленный, он подергал ее — да, волосы его, настоящие.

Подплыв поближе к машинам, он дотронулся до одной. Металл смялся под пальцами. Линдсей яростно сжал кулак. Корпус немедленно раскрошился, сквозь дыру он увидел хрупкие конструкции из целлюлозы и пластика. Он рванул другую машину. Снова — макет. А в центре комплекса прилежно гудел и попискивал детский магнитофончик. Подхватив его левой рукой, Линдсей вдруг почувствовал свою руку: мышцы заныли.

Он сорвал с себя пиджак и рубашку. Живот был плоским и мускулистым, седые волосы с груди были тщательно удалены. Он вновь ощупал свое лицо. Бороды он никогда не носил, но щетина была как минимум двухнедельной давности.

Похоже, девушка каким-то образом мгновенно привела его в состояние полной беспомощности и бесчувственности. Затем некто прочистил его клетки, реверсировал катаболизм,

переместил предел Гайфлика для кожи и важнейших органов, одновременно подвергая его бесчувственное тело нагрузкам для восстановления мышечного тонуса. После того, как все было кончено, этот некто придал ему прежнее положение и неким образом моментально привел в чувство.

Сознание Линдсея охватил запоздалый шок; казалось, все вокруг окуталось неясным мерцанием. Выглядели перемены — реальнее некуда. Гораздо легче было бы усомниться в реальности своего имени, поступков и факта пребывания в живых. Бороду — в качестве календаря мне оставили, подумал он. Если только и она не поддельна, наряду со всем прочим.

Он глубоко вздохнул. Легкие упруго расправились. Наверное, очистились от табачной смолы…

— Господи, — сказал Линдсей вслух. — А как же Нора?

Впрочем, период паники у нее уже был должен пройти; сейчас она полна ненависти к его похитителю, кем бы тот ни был… Линдсей поспешил к выходу из пузыря.

Гроздь дешевых надувных полостей, сильно напоминающая виноградную, была подсоединена к междугородней трубе. Проплыв по отлакированному коридору, он прошел через мембранную дверь и оказался в прозрачном вздутии перекрестка. Внизу лежал Голдрейх-Тримейн, с колесами Бесежного и Паттерсона, неспешно и величаво вращавшимися в пространстве, со всеми своими похожими на молекулы пригородами, пурпурными, золотыми, зелеными, окружавшими город, словно разноцветные бусы… Что ж, по крайней мере, он все еще в Голдрейх-Тримейне. Линдсей направился домой.

Государство Совета Голдрейх-Тримейн
18.09.53

Этот хаос казался Константину отталкивающим. Эвакуации всегда выглядят неприятно. Стыковочный узел был завален кучами хлама: одежда, расписания рейсов, чехлы от респираторов, пропагандистские листовки… Ограничение багажа час от часу ужесточалось. Как раз в эти минуты неподалеку четверо шейперов занимались облегчением своих чемоданов, выдергивая из них вещи и злобно разбивая их о сиденья и переборки.

К биржевым терминалам змеились длинные очереди. Сеть была страшно перегружена, а каждая секунда работы на терминале стоила больших денег. Кое-кто из беженцев обнаруживал, что продажа его покачнувшихся акций обойдется дороже, чем стоимость самих акций.

Синтетический голос системы оповещения объявил очередной рейс к Союзу старателей. Порт в момент превратился в ад. Константин улыбнулся. Туда же отлетал и его корабль, «Френдшип Серен». Но ему, в отличие от прочих, место было гарантировано. И не только на корабле, но и в новой столице.

Голдрейх-Тримейн слишком много тратил. Слишком уж он полагался на свое положение столицы. Теперь, когда этот статут был перехвачен милитантами соперничающего города, выяснилось, что ГТ нечем расплачиваться за долги.

Константину нравился Союз старателей, кружащийся на орбите Титана, над его кроваво мерцающими тучами. Источник богатства Союза был надежен и всегда под рукой: небо Титана просто задыхалось от органики, настолько оно ею было насыщено. И эту органику при помощи термоядерных драг можно было черпать из атмосферы сотнями тонн. Метан, этан, ацетилен, цианоген — целая планета сырья для полимерных фабрик Союза.

Наконец те, кто прибыл, высадились — жалкая горстка по сравнению с толпой отбывающих, да и сам вид прибывших оставлял желать лучшего. Через таможню проплыла группа людей в мешковатых униформах. Ясно: бродяги, и даже не из шейперов — вон как блестит кожа от антисептических масел.

Четверо телохранителей Константина тихонько переговаривались по рации, оценивая прилетевших. Охранникам явно действовало на нервы, что хозяин не торопится улетать. Множество местных врагов Константина были близки к отчаянию: банки Голдрейх-Тримейна пребывали на грани краха. Охране приходилось быть постоянно на взводе.

Но Константин медлил. Он разгромил шейперов на их собственной территории и испытывал от этого невыразимое удовольствие. Да, вот ради таких моментов и стоит жить. Он, пожалуй, был единственным в этой двухтысячной толпе, у кого на душе царили мир и покой. Никогда еще не чувствовал он такой власти над людьми.

Враги, недооценив его, связали сами себя по рукам и ногам. Они прикинули его возможности — и полностью ошиблись. Константин и сам не знал пределов своих возможностей. Именно это и гнало его вперед.

Он стоял и вспоминал своих врагов, одного за другим. Милитанты избрали его для атаки на Полночную лигу, и успех его был полным и подавляющим. Первым пал регент Чарльз Феттерлинг, считавший себя неуязвимым. Вдохновленный Карлом Зенером, он поддержал милитантов, и власть Полночной лиги была подорвана изнутри. Она развалилась на враждующие лагери. Те, которые не хотели менять своих позиций,

подвергались атакам радикалов.

Механист-перевертыш Зигмунд Фецко увял. Теперь всякий, вызывающий его резиденцию, получает лишь изысканные отговорки и просьбы повременить с визитом. И то — от системы, управляющей домом. Образ Фецко еще жив, но сам человек мертв. Хоть и слишком вежлив, чтобы признаться в этом публично.

Невилл Понпьянскул умер в Республике — убит по приказу Константина.

Канцлер-генерал Маргарет Джулиано просто исчезла. Кто-то из ее личных врагов постарался. По этому поводу Константин недоумевал до сих пор: в день ее исчезновения ему привезли большую посылку без обратного адреса. Ящик, со всеми предосторожностями вскрытый телохранителями, содержал в себе куб льда с элегантно вырезанной — прямо на льду — надписью: «Маргарет Джулиано». С того дня ее никто не видел.

Профессор-полковник Нора Мавридес несколько переиграла. Ее супруг, фальшивый Линдсей, пропал, и она обвинила Константина в его похищении. Когда же ее супруг вернулся с дикой сказкой о сверхспособных-ренегатах и теневых клиниках, ее репутация была безнадежно испорчена.

До сих пор Константин не слишком хорошо представлял себе, что там стряслось. Скорее всего, Нору Мавридес подставили ее же дружки, прогоревшие дипломаты. Увидели, к чему идет дело, и устроили своей покровительнице ловушку — в надежде, что новый режим Союза старателей скажет им за это «спасибо». И очень ошиблись.

Константин обвел взглядом станцию, настроив видео-очки на крупный план. В зале появлялось все больше и больше людей, резко выделявшихся на фоне дико, бессмысленно выряженных, беспомощно суетящихся шейперов. Ясненько, новоприбывшие бродяги. То здесь, то там убого одетые идеологические анахронизмы, широко улыбаясь, примеряли к себе расшитые кружевами одежды или хищно, внаглую зависали над облегчающими свой багаж эвакуантами.

— Крысы, — процедил Константин, подавленный зрелищем. — Нам пора, джентльмены.

Охрана провела его через огороженный барьерами коридор к отдельному пандусу. «Липучие» подошвы башмаков Константина захрустели и зашуршали о ткань обивки.

Проплыв посадочным рукавом к шлюзу «Френдшип Серен», он поднялся на борт, устроился в своем любимом противоперегрузочном кресле и подключился к видео, чтобы полюбоваться отлетом.

Корабли, стоявшие в очереди к посадочным рукавам, казались совсем крошечными рядом с изящной громадой звездолета Инвесторов. Константин вытянул шею, и камеры на обшивке «Френдшип Серен», рабски повинуясь его движению, повернулись под нужным углом.

— А, этот их корабль, значит, все еще здесь? — вслух, с улыбкой спросил Константин. — За дешевизной гоняются?

Он сдвинул видеоочки на лоб. В каюте его охранники, сгрудившись под подвесным резервуаром, вдыхали успокаивающий газ из дыхательных «намордников». Один из них поднял взгляд. Глаза красные…

— Мы уже можем отдыхать, сэр?

Константин раздраженно кивнул. С тех пор, как возобновилась война, охранники совсем перестали понимать шутки…

Торговый звездолет Инвесторов
22.09.53

Нора подняла взгляд на мужа, развалившегося в высоком кресле над ее головой. Лицо его скрывала темная борода и большие солнечные очки. Волосы его были коротко острижены, а одет он был в механистский десантный комбинезон. Старый, исцарапанный атташе-кейс покоился неподалеку на вытертом плюше палубы. Муж взял его с собой. Он уезжал.

От высокой гравитации в корабле Инвесторов тело наливалось свинцом.

— Нора, брось расхаживать, — сказал он. — Только вымотаешься.

— Отдохну позже, — отвечала она.

Мышцы ее шеи и плеч бугрились от напряжения.

— Лучше — сейчас. Сядь во второе кресло. Закроешь глазки, поспишь немного — и не заметишь, как время пройдет.

— Я не лечу с тобой.

Сняв свои темные очки, она потерла пальцами переносицу. Освещение в каюте было обычным для Инвесторов: бело-голубое сияние сумасшедшей яркости, сплошной ультрафиолет.

Она ненавидела этот свет. Вопреки всякой логике, она всегда недолюбливала Инвесторов, лишивших гибель ее Семьи всякого смысла. А те три месяца, проведенные ею однажды на подобном этому корабле, были самым жутким периодом ее жизни. Линдсей, закаленный бродяга, быстро приноравливался к любой обстановке и был готов иметь дело с пришельцами, как, впрочем, и с кем угодно другим. Тогда она этому удивлялась. Теперь они

вернулись к тому же самому.

— Ты же пришла сюда, — сказал Линдсей. — Ты бы не сделала этого, если бы не хотела лететь со мной. Я же знаю тебя, Нора. Ты такая же, как и прежде, хотя я — изменился.

— Я пришла сюда потому, что хочу пробыть с тобой подольше, до самого конца.

Нора боролась со слезами, лицо ее закаменело. Сейчас она не чувствовала ничего, кроме черной тоски и тошноты. Слишком много невыплаканных слез, думала она. Когда-нибудь я в них утону.

Да, Константин использовал все слабые места в Голдрейх-Тримейне. А моим слабым местом был этот человек, думала она. Когда Абеляр вернулся из клиники омоложения, после того как пропадал три недели, вернулся настолько изменившимся, что даже роботы-домоправители отказались его впустить… Но даже это было не столь ужасно, как дни без него, в поисках его… Обнаружить, что пузырь, где должна была быть подпольная клиника, в которую он отправился, спущен и убран… Гадать, какая «звездная палата»[4] разбирает его по винтику…

— Это я во всем виновата, — сказала она. — Я обвинила Константина, не имея на руках доказательств, и он поставил меня в унизительное положение. Что ж, впредь мне наука.

— Константин тут совершенно ни при чем, — возразил он. — Я же помню, что видел в клинике. Они были из сверхспособных.

— Я не верю в этих катаклистов. Сверхспособных стерегут как не знаю что. У них нет возможности устраивать заговоры. То, что ты видел, — спектакль, разыгранный исключительно для меня. И я купилась…

— Ты, Нора, придаешь себе слишком много значения и поэтому не хочешь понять очевидного. Катаклисты похитили меня, а ты не желаешь даже признать, что они существуют. Ты не сможешь победить, потому что время нельзя повернуть вспять. Черт с ними со всеми! Летим вместе!

— После того, что Константин сделал с лигой…

— Ты в этом не виновата. Господи боже мой, ну чего, спрашивается, ради ты хочешь взвалить весь этот кошмар на свои плечи? Голдрейх-Тримейн — в прошлом! А жить нам нужно — сейчас! Сколько лет назад я предупреждал тебя, что дело этим не кончится, и вот предупреждения сбылись!

Он широко развел руками. Левая бессильно повисла под собственной тяжестью, другая — с легким жужжанием описала правильную дугу.

Тема эта поднималась далеко не однажды. Она ясно видела: нервы его истрепаны до предела. Процедура заставила его годами

наработанное терпение исчезнуть в яркой вспышке фальшивой юности. Он кричал:

— Ты — вовсе не Господь Бог! И не сама История! И не Совет Колец! Перестань себе льстить! Теперь ты — ничто, мишень ходячая, козел отпущения! Бежим, Нора! Переквалифицируемся в бродяги!

— Я нужна клану Мавридесов, — отвечала она.

— Без тебя им будет гораздо легче! Теперь ты — позор для них. Так же как и я.

— А дети?

— Мне очень жаль их, — ответил он после короткой заминки. — Слов нет как жаль. Но они уже взрослые люди и могут сами о себе позаботиться. Проблема не в них, а в нас! Облегчив нашим врагам жизнь, ускользнув, испарившись, мы будем благополучно забыты. И возможность переждать у нас есть.

— И пусть эти фашисты творят, что хотят? Эти наемники, эти убийцы? Сколько времени пройдет, пока Пояс снова не наполнится агентами шейперов и в каждом углу не вспыхнут локальные войны?

— А кто сумеет этому помешать? Ты?

— А как же ты, Абеляр? Переоделся в какого-то вонючего механиста, ценную информацию шейперов в чемоданчик спрятал, и гори оно все огнем?! Ты о других-то хоть немного подумал, не о своей собственной жизни? Почему бы тебе не встать за беспомощных, которых ты сейчас предаешь? Думаешь, мне без тебя будет легче? Я не оставлю борьбы, но без тебя я потеряю смелость, решимость…

— Послушай, — простонал он, — ты же знаешь, кем я был до встречи с тобой и каково мне было ходить в бродягах… Я не хочу этой опустошенности… Когда никто тебя не любит и не понимает… А предательством больше, предательством меньше… Нора, мы почти сорок лет были вместе! Здесь нам было хорошо, но теперь Голдреих-Тримейн развалился! Когда-нибудь снова придут хорошие времена. Нам надо только дождаться! Времени у нас хватит! Ты хотела, чтобы у меня было больше жизни, — я пошел и добился. А теперь ты требуешь, чтобы я ее выбросил. Нора, я не пойду в мученики. Кто бы меня ни просил.

— Ты столько говорил о том, что человек смертен… Теперь ты говоришь по-другому.

— Потому что тебе этого хотелось.

— Но не так. Я не хотела видеть тебя изменником.

— Мы же погибнем, абсолютно ни за что…

— Как и все другие, — сказала она и тут же об этом пожалела. Перед ними встало все то же старое чувство вины,

такое близкое и знакомое. Те, другие, для кого долг был превыше жизни. Те, кого они бросили; те, которых они убили там, на аванпосте шейперов. Именно это преступление они оба всеми силами старались забыть, именно оно и свело их вместе. — Я знаю, чего ты от меня хочешь. Снова ради тебя предать мой народ.

Вот. Сказано, и назад пути нет. С болью ждала она слов, которые освободят ее от него…

— Мой народ — это ты, — сказал он. — Мне следовало знать, что я не смогу нигде долго продержаться. Я — бродяга, такова моя жизнь, но для тебя она не подходит. Я знал, что ты со мной не пойдешь. — Он склонил голову, подперев ее железными пальцами искусственной руки, ярко блестевшими в сумасшедшем пронизывающем свете. — Тогда оставайся и дерись. По-моему, ты сможешь победить.

Первый раз в жизни он ей соврал…

— И я действительно могу победить, — сказала она. — Будет нелегко, мы никогда не вернем всего, что у нас было, но силы у нас пока есть. Пожалуйста, Абеляр, останься. Прошу тебя! Ты нужен мне. Проси меня о чем хочешь, кроме того, чтобы сдаться.

— Я не могу просить тебя стать другой, — ответил ей муж. — Люди меняются только со временем. Когда-нибудь то, что нас неотвязно преследует, сойдет на нет. Если мы доживем. Я считаю, любовь сильнее вины. Коли это так, найди меня, когда почувствуешь, что выполнила свои обязательства. Найди меня…

— Обещаю тебе, Абеляр. Скажи, что никогда не забудешь меня, если ты выживешь, а меня убьют вместе с остальными.

— Никогда. Клянусь всем, что было между нами.

— Тогда — до свидания.

Вскарабкавшись на огромное инвесторское кресло, она поцеловала его. Стальная рука мужа обвила ее талию, словно кандалы. Поцеловав его, она отстранилась, и он убрал руку.

Глава 6

Торговый корабль Инвесторов
29.09.53

Линдсей лежал на полу пещерообразной каюты, глубоко и трудно дыша. Перенасыщенный озоном воздух щипал нос, сильно обгоревший, несмотря на все кремы. Стены каюты были сооружены из черного металла, испещренного отверстиями. Из одного такого струился родничок дистиллированной воды. Струйка при такой тяжести круто падала вниз.

Судя по всему, каютой до него пользовались долго и основательно. Слабые царапины на полу и стенах тянулись до самого потолка, образуя причудливую клинопись. Очевидно, не только люди бывали пассажирами на кораблях Инвесторов.

Если новейшая шейперская экзосоциология верна, даже сами Инвесторы — не первые хозяева этих звездолетов. Каждый корабль, украшенный от носа до кормы роскошными мозаиками и барельефами из металла, казался не похожим на все остальные. Однако более тщательные обследования выявили скрытую базовую конструкцию: округлые шестиугольники носа и кормы, шесть длинных прямоугольных стенок. Исходя из этого, предполагали, что корабли Инвесторов куплены или найдены. Или украдены.

Корабельный лейтенант выдал ему койку — широкий плоский матрас с узором из коричневых и белых шестиугольников. Изготовлен он был для Инвесторов и поэтому — жестче джута. Вдобавок от матраса слегка припахивало инвесторским маслом для чистки чешуи.

В размышлениях о царапинах Линдсей обследовал стены каюты. Поверхность их была чуть зернистой, но молнии от его перчаток для ног скользили по металлу, как по стеклу. Хотя металл при предельных температуре и давлении может становиться несколько мягче. Какой-нибудь большущий, когтистый зверюга, плававший в жидком этане под высоким давлением, вполне мог наделать на этих стенах царапин в попытках прорваться наружу.

Гравитация была просто мучительной, но свет в каюте убрали. В громадном пространстве каюты не было никакой мебели, и вещи Линдсея, кое-как развешанные на магнитных подвесках, казались жалкими лоскутками.

Странно, что Инвесторы оставили каюту пустой, даже если она и выполняет порой функции вольера… Лежа неподвижно и стараясь дышать пореже, Линдсей размышлял об этом.

Бронированный люк загремел и сдвинулся. Линдсей приподнялся на искусственной руке, единственной части тела, не страдавшей от тяготения, и улыбнулся:

— Слушаю вас, лейтенант. Есть новости?

Тот вошел в каюту. Для лейтенанта он был пожалуй что маловат, всего на локоть выше Линдсея; жилистость его фигуры еще больше подчеркивалась клеванием носом на птичий манер. С виду он более походил на матроса, нежели на лейтенанта. Линдсей с интересом его рассматривал.

Ученые до сих пор строили различные предположения относительно иерархии Инвесторов. Капитанами кораблей всегда

были женщины, хотя других женщин на кораблях не было. Массивного сложения, они вдвое превосходили габариты матросов. Росту сопутствовало неторопливое спокойствие, немногословная властность. Ступенью ниже шли лейтенанты, что-то наподобие дипломатов и министров в одном лице. Прочие члены команды составляли нечто вроде мужского гарема. Снующие повсюду матросы со своими ярко блестящими глазами весили втрое больше человека, но на фоне своих чудовищных повелительниц казались чем-то воздушным.

Будучи рептилиями, Инвесторы имели на затылке полосатые кожные складки — полупрозрачные, отливающие всеми цветами радуги и испещренные сетью кровеносных сосудов. Эти-то «пелеринки» и выражали всю их мимику, как у человека — лицо. В ходе эволюции пелеринки служили для температурного контроля; они могли расправляться и поглощать солнечный свет либо открываться в тени, чтобы отдавать излишнюю теплоту тела. Для цивилизованных Инвесторов они являлись не более чем атавизмом, подобно человеческим бровям, развившимся некогда для защиты глаз от пота. Теперь же они, опять-таки подобно бровям, имели первостепенное значение для общественной жизни.

Пелеринки вошедшего в каюту лейтенанта не давали Линдсею покоя. Слишком уж часто они трепетали. Частый трепет обычно интерпретировался как знак веселого расположения. У людей неуместный смех — признак сильного стресса. Линдсей, несмотря на профессиональное любопытство, не имел ни малейшего желания стать первым очевидцем припадка истерики у Инвестора и от души надеялся, что у этого типа просто дурные манеры. Как-никак корабль впервые посетил Солнечную систему и команда его не привыкла к людям.

— Нет новостей, Художник, — с заметным трудом ответил лейтенант на пиджин-инглиш. — Дальнейшая обсуждение платежа.

— Хорошее дело, — сказал Линдсей по-инвесторски. От высоких свистящих звуков сразу же начинало болеть горло, но все равно это было лучше, чем слушать, как лейтенант пытается овладеть языком людей.

Этот лейтенант был совсем не таким, как встреченный им в первый раз. Тот был деликатен и обходителен, обладал словарем, прямо-таки переполненным гладкими штампами, нахватанными из человеческих видеотрансляций. А этому, новому, язык явно давался с трудом.

Для первого контакта Инвесторы, несомненно, послали самого лучшего. Но, похоже, после тридцати семи лет знакомства

Солнечная система превратилась во вполне безопасное место для ихней серой публики.

— Капитан желает тебя на пленке, — сообщил лейтенант по-английски.

Линдсей непроизвольно потянулся к тонкой цепочке на шее. На ней висел видеомонокль с таким теперь драгоценным фильмом о Норе.

— У меня есть лента, но она почти чистая. Отдать ее я не могу, но…

— Наша капитан очень любить свою пленка. Ее пленка имеет много других изображение, но ни одного вашего вида. Она станет изучать.

— Я хотел бы еще раз встретиться с капитаном, — сказал Линдсей. — Первая встреча была слишком короткой. Я с радостью готов засняться. Вы принесли камеру?

Лейтенант мигнул. Светлая мигательная перепонка на миг заслонила темное выпяченное глазное яблоко. Похоже, в этой каюте ему было темновато.

— Я принес пленку. — Открыв наплечную сумку, он извлек из нее плоскую, круглую коробку и, ухватив двумя громадными большими пальцами, поставил на вороненую сталь пола. — Вы откроете коробку. Вы станете затем производить забавные и характерные для вашего вида движения, которые пленка будет увидеть. Продолжайте делать так, пока пленка не поймет вас.

Линдсей покачал из стороны в сторону нижней челюстью, имитируя инвесторский аналог кивка. Инвестор был, похоже, удовлетворен.

— Язык не нужен. Пленка не слышит звука. — Он повернулся к выходу. — Я вернусь за пленкой через два ваших часа.

Оставшись один, Линдсей внимательно осмотрел, коробку. Ее остроконечная позолоченная крышка имела ширину в две пяди. Прежде чем ее открывать, он помедлил, дрожа от отвращения — к хозяевам и в равной мере к себе.

Инвесторы вовсе не просили обожествлять их, просто хотели подзаработать. О существовании человечества они знали уже несколько веков. Будучи намного старше людей, они однако же сознательно избегали вмешательства, пока не увидели, что смогут выжать из данного вида приличную прибыль. С точки зрения Инвесторов, действия их были прямы и честны.

Линдсей открыл коробку. Внутри ее лежала катушка серо-стальной ленты с десятью сантиметрами желтоватого ракорда на конце. Линдсей отложил крышку — тонкий металл при инвесторской гравитации казался тяжелее свинца — и замер.

Лента зашуршала. Кончик ракорда взмыл вверх, повернулся,

лента стала разматываться. Она поднималась вверх, треща и со свистом рассекая воздух, по ней пробегали радужные отблески. В несколько секунд она образовала яркую груду, покоящуюся на жесткой решетчатой конструкции.

Линдсей, не подымаясь с колен, опасливо за ней наблюдал. Белый кончик, насколько он понял, был головой создания, названного лейтенантом «пленкой». И эта голова описывала в воздухе широкую, вытянутую петлю, озирая каюту в поисках какого-нибудь движения.

Тварь, именуемая «пленкой», неустанно двигалась, распуская петли, наподобие вращающегося штопора. Высвободившись из коробки окончательно, она превратилась в пухлый крутящийся клубок в человеческий рост высотой. Опорные витки ее тихонько посвистывали, скользя по полу.

Вначале Линдсей решил, что это — некий механизм. И механизм, судя по бритвенно-тонким краям свистящей, в воздухе ленты, опасный. Однако в движениях ленты чувствовалась живая незапрограммированная свобода.

Линдсей по-прежнему стоял на коленях, не делая никаких движений. И пленка его, похоже, не видела.

Потом он резко встряхнул головой, и тяжелые светозащитные очки, сорвавшись со лба, пролетели через каюту. Голова пленки тут же нацелилась на них.

Мимикрирование началось с хвоста. Пленка съежилась, смялась, как тонкая бумага, и сформировала некое подобие очков, плотно свитое из ленты. Набросок… Но, еще не завершив работы, она утратила интерес к объекту. Колеблясь, она некоторое время наблюдала за неподвижными очками, затем снова образовала бесформенную, бурлящую массу.

Затем она походя скопировала скрючившегося Линдсея, свившись в шероховатую скульптуру в натуральную величину. Цветная лента на мгновение повторила цвет его — ржавчина на черном — комбинезона. Голова пленки просканировала каюту, и скульптура распалась на части, ежесекундно меняя цвета.

Пленка затрепетала. Белая голова ее проворачивалась медленно, почти незаметно. Тварь окрасилась в грязно-коричневый цвет кожи Инвесторов. В ход пошла память — либо биологическая, либо кибернетическая. Пленка подобралась и скомкалась в новую форму.

Появился образ маленького Инвестора. Линдсей задрожал от возбуждения: еще ни один человек не видел инвесторского младенца. Вероятно, они встречались очень уж редко. Но вскоре Линдсей понял, что, судя по пропорциям, пленка изображает зрелую женскую особь. Пленка была маловата для изготовления

полномасштабной копии, но точность модели, по колено в высоту, изумила его. Крохотные волдыри на ленте имитировали жесткую кожу на черепе и на шее; два подкрашенных вздутия изображали маленькие, очень выразительные глаза.

Линдсей почувствовал холодок тревоги. Он узнал эту личность. А глаза ее выражали тупую животную боль.

Пленка изобразила Инвестора-капитана. Она задыхалась; похожая на бочонок грудная клетка тяжело вздымалась и опадала. Она как-то очень уж неудобно сидела на корточках, вытянув когтистую руку поперек вздымающихся коленей. Рот судорожно раскрывался и закрывался, демонстрируя не очень четко вылепленные зубы.

Командир корабля была больна. Никто еще не видел больного Инвестора. Наверное, подумал Линдсей, именно из-за своей необычности образ и вклинился в память пленки. Такой возможности нельзя было упускать. Медленно, едва заметными движениями он раздвинул борта комбинезона, вынул видеомонокль и начал снимать.

Чешуйчатое брюхо напружинилось, и края ленты у основания тяжелого хвоста раздвинулись. Показалось округлое, мокрое, блестящее тело белого цвета — продолговатый, плотно скрученный комок ленты. Яйцо…

Процесс был долгим и болезненным. Кожистое яйцо прогибалось под давлением судорожно сжимающегося яйцевода. Наконец оно высвободилось, однако оставалось связанным с телом родителя прозрачным отрезком пленки. Капитан обернулась, шаркая ногами, и склонилась, в хищном, болезненном напряжении разглядывая яйцо. Медленно протянув громадную руку, она поцарапала яйцо ногтем и обнюхала палец. Пелеринка ее начала вздыматься вверх, твердея от прихлынувшей крови. Руки ее задрожали.

Она напала на яйцо — яростно вгрызлась в острый конец, взрезав кожистую скорлупу плохо скопированными зубами. Желтая лента изобразила сыроподобный желток.

Капитан пировала. Руки ее были перепачканы желтком и слизью. Пелеринка на затылке стояла торчком, затвердев от ярости. В мерзости ее преступления ошибиться было нельзя — оно не зависело от межвидовых барьеров, как и понятие «богатство».

Линдсей отложил монокль. Пленка, привлеченная движением, выпростала наружу голову и слепо уставилась на него. Линдсей взмахнул руками, и модель распалась на угловатые витки ленты. Поднявшись, он принялся, волоча ноги по полу, расхаживать взад-вперед, пригибаемый книзу высокой

гравитацией. Пленка наблюдала за ним, сворачиваясь и мерцая.

Картель Дембовской
10.10.53

Нетвердой походкой Линдсей спустился по пандусу. Старые, истертые перчатки для ног скользили. После светового буйства на борту корабля зал для прибывающих казался мрачным и темным, словно глубокий омут. К горлу подступила тошнота, голова закружилась. С невесомостью он бы еще справился, но в слабенькой гравитации астероида Дембовской желудок дергался и чуть ли не переворачивался.

Зал пестрел приезжими из других механистских картелей. Ни разу еще Линдсею не доводилось видеть стольких мехов одновременно, и помимо воли зрелище настораживало. Впереди багаж и пассажиры проходили таможенный досмотр. За ними маячили стеклянные витрины беспошлинных магазинов.

Внезапно Линдсея пробрала дрожь. Никогда еще воздух вокруг не бывал столь холодным. Ледяной сквозняк пронизывал его тонкий комбинезон и мягкую ткань перчаток для ног. Изо рта и ноздрей валил пар. Беспомощно дрожа, он направился к таможне.

Здесь его ожидала молодая женщина, легко и непринужденно балансирующая на одной ноге, обутой в сапожок. Одета она была в темные колготки и куртку с меховым воротником.

— Доктор-капитан? — спросила она.

Линдсей с трудом затормозил, вцепившись в ковер пальцами ног.

— Сумку, пожалуйста.

Линдсей отдал ей старинный атташе-кейс, набитый информацией, украденной из архивов Космоситета. Она на дружеский манер взяла его за руку и провела мимо таможенных сканеров в одну из дверей без таблички.

— Я — сотрудница полиции Грета Битти. Ваш офицер связи.

Спустившись на один пролет, они попали в какой-то кабинет. Там она отдала кейс некой даме в форме и взамен получила конверт со штампом.

Затем она повела его вниз, в пассаж беспошлинных магазинов, на ходу вскрывая конверт лакированным ноготком.

— Здесь ваши новые документы. — Она подала ему кредитную карточку. — Теперь вы — аудитор Эндрю Бела Милош. Добро пожаловать в Картель Дембовской.

— Благодарю вас, госпожа офицер.

— Довольно и Греты. Можно, я буду называть вас — Эндрю?

— Лучше — Бела, — сказал Линдсей. — Кто выбирал имя?

— Его родители. Эндрю Милош умер на днях в картеле Беттины. Но документов о его смерти вы не найдете. Родственники продали его личность гаремной полиции Дембовской. Все идентификационные данные в документации заменены на ваши. Официально он эмигрировал сюда. — Она улыбнулась. — Я должна помочь вам свыкнуться с новой обстановкой. Позаботиться, чтобы все у вас было в порядке.

— Я замерзаю, — признался Линдсей.

— Это мы сейчас.

Открыв матовую стеклянную дверь, она ввела его в магазин одежды. Оттуда Линдсей вышел в новом комбинезоне — из толстой стеганой ткани, собранной складками у щиколоток и на запястьях. Неброский серый цвет как нельзя лучше сочетался с новыми сапогами на меху. К карману яркой пластпуховой куртки были прицеплены перчатки, а на кремовом лацкане красовался микрофон.

— Теперь — волосы, — сказала Грета Битти, несшая его новую дорожную сумку на молнии. — Они у вас в ужасном состоянии.

— Были седые, — объяснил Линдсей, — а потом вдруг начали от корней темнеть. И я сбрил их. Дальше они росли как росли.

— Бороду хотите оставить?

— Да.

— Как вам угодно.

На некоторое время Линдсей был отдан в распоряжение парикмахера-модельера, который с помощью бриллиантина уложил его волосы назад и подровнял бороду.

Линдсей внимательно наблюдал за своей спутницей. В движениях ее чувствовались уверенность и покой, резко противоречившие внешней молодости. Несмотря на усталость и перенапряжение, веселая приветливость Греты передалась и ему. Он вдруг обнаружил, что губы расплываются в невольной улыбке.

— Проголодались, наверно?

— Есть немного.

— Тогда идемте в «Перископ». Вы, Бела, прекрасно выглядите. И скоро совсем приспособитесь к гравитации Дембовской. Держитесь ближе ко мне. — Она взяла его под руку. — У вас замечательная старинная рука.

— Вы надолго со мной?

— Пока не прогоните.

— Понятно. А если я попрошу вас уйти?

— Вы действительно думаете, что так будет лучше?

Линдсей оценил обстановку.

— Нет. Простите, госпожа офицер.

Он чувствовал смутное раздражение. Новая личность вызывала досаду — никогда еще ему не навязывали чужой личности. Тренинг, пройденный в старые времена, побуждал поскорее мимикрировать под местного, однако за все эти годы Линдсей утратил квалификацию.

Грета вела его в глубину астероида. Они спустились на два пролета по эскалатору. Пол и стены, железные и порядком обшарпанные, были обшиты полосами новой липучки.

Люди внизу передвигались длинными, плавными прыжками, наверху — мчались, цепляясь за потолочные петли… Они последовали за древним стариком, неторопливо катившим по стене в инвалидной коляске с колесами, обтянутыми липучкой.

— Сейчас поедим, — сказала Грета Битти, — и настроение у вас улучшится.

Может, стоит подражать ее мимике и манере движений? Он, конечно, подзабыл, как это делается, однако вполне справится. Да, пожалуй, это — самое лучшее. Вести себя в точности как она, легко и непринужденно. Вот только не хотелось. Мешала острая, сидящая где-то в глубине боль.

— Грета, ваша легкость и открытость меня удивляют. Отчего же вы…

— Офицер полиции? О, вначале я не работала на Службу безопасности. Я была женой Карнассуса. Чисто эротическая связь. А потом пошла на повышение. Я не шпионка, а только офицер связи.

— И много у вас было клиентов до меня?

— Порядочно. В основном — бродяги. Не высокопоставленные ученые-шейперы.

— Так, значит, вы знакомы с Майклом Карнассусом?

— Только с его телом, — чуть улыбнулась она. — Мы пришли. Полиция гарема имеет здесь постоянные столики. Наверное, вы хотите сесть у окна?

Глазам Линдсея, буквально выжженным за последнее время, интимный полумрак «Перископа» показался темнее ночи. От пищи на столиках подымался пар. Он надел на левую руку перчатку. В таком холоде он не бывал еще никогда.

Из вогнутых внутрь, похожих на выпяченные глаза окон сочился холодный голубой свет. Мельком посмотрев наружу сквозь метагласс, Линдсей увидел каменную пещеру, наполовину залитую водой. С потолка-пещеры свисал шар величиной с дом. Позади него на изгибающихся вдоль потолка полозьях висела целая батарея голубых софитов. Линдсей сунул ноги в стремена кресла. Сиденье начало нагреваться — под войлоком скрывались

обогреватели.

Грета улыбнулась ему через стол. В темноте ее голубые глаза казались невообразимо большими. Улыбка была дружеской — без заигрывания, да и вообще безо всяких задних мыслей. Ни страха, ни стеснения. Ничего, кроме мягкой доброжелательности. Ее светлые волосы были расчесаны на прямой пробор и по местной моде опускались чуть ниже мочек. Волосы казались едва ли не стерильно чистыми. Невольно хотелось провести по ним пальцами, словно по корешку книги.

На темной столешнице вспыхнули огненные письмена — меню. Линдсей положил на стол руку в перчатке — поверхность была из какого-то липкого полимера. Он дернул руку обратно; клей вначале ее удержал, затем отпустил. На столе не осталось ни следа. Линдсей обратил внимание на меню:

— Цен нет…

— Счет оплатит полиция гарема. Мы вовсе не желаем, чтобы у вас сложилось дурное мнение о нашей кухне. — Она кивнула в сторону зала:

— Тот джентльмен в биопанцире, за столиком справа, — Льюис Мартинес с супругой Лидией. Он возглавляет «Мартинес Корпорейшн», руководит финансами. А она, говорят, родилась на Земле!

— Выглядит она хорошо…

С откровенным любопытством Линдсей уставился на зловещую пару, о чьей искушенности в промышленном шпионаже ходили легенды. Они тихонько переговаривались в перерывах между блюдами, улыбаясь друг другу с самой неподдельной любовью… Сердце Линдсея заныло.

— Там, за столиком, у которого стоит робофициант, — координатор Брандт, — продолжала Грета, — а эта группа у соседнего окна — из «Кабуки Интрасолар». Тот, в дурацкой куртке, Уэллс…

— А Рюмин здесь тоже обедает?

— О нет. — Она коротко усмехнулась. — Он в таких кругах не вращается.

Линдсей почесал подбородок.

— Надеюсь, у него все в порядке?

— Не знаю, — вежливо сказала она, — но с виду он счастлив. Давайте я вам что-нибудь закажу.

Грета набрала заказ на клавиатуре рядом со столиком.

— Почему здесь так холодно?

— История. Мода. Дембовская — старая колония, испытавшая когда-то экологическую катастрофу. Кое-где я могу показать вам слои мгновенно замороженной плесени, до сих пор шелушащиеся

на стенах. Худшие виды гнили приспособились к определенной температуре. В таком холоде они пассивны. Хотя эта причина — не единственная. — Она указала в сторону окна. — Вот это тоже влияет.

Линдсей посмотрел за окно.

— Это что, плавательный бассейн?

— Это экстратеррариум, — вежливо засмеялась Грета.

— С ума сойти!..

Линдсей внимательно вглядывался сквозь метагласс. Грубо вырубленная в скале пещера была залита желтоватой тягучей жидкостью, поначалу принятой им за воду.

— Так вот где держат этих чудищ… А обзорный шар — дворец Карнассуса, правильно?

— Конечно.

— Какой он маленький…

— Точная копия наблюдательного центра экспедиции Чайкина. Вы правы, он невелик. Но представляете, сколько Инвесторы запросили за провоз? Бела, Карнассус живет очень скромно. Что бы там ни говорили ваши спецслужбы.

Дипломатические инстинкты приказывали ему смолчать, но он не выдержал и спросил:

— А как же две сотни жен?

— Считайте, что мы — психиатрическая служба, аудитор. Супруга Карнассуса — это не положение, это должность. Дембовская зависит от него, а он — от нас.

— А могу я с ним встретиться? — спросил Линдсей.

— Это — к начальнику полиции. Только зачем? Ему очень тяжело говорить. Карнассус — совсем не то, что болтают о нем на Кольцах. Он человек мягкий, к тому же переживший ужасное потрясение и искалеченный. Когда он понял, что его посольская миссия вот-вот провалится, он принял экспериментальное лекарство, PDKL-95. Оно должно было помочь ухватить образ мыслей пришельцев, но вместо этого превратило его в калеку. Он был храбрым. Нам всем его очень жаль. А сексуальный аспект — дело десятое.

Линдсей обдумал услышанное.

— Понятно. Имея две сотни жен, среди которых, наверно, есть и любимицы, это должно происходить крайне редко. Где-то раз в год…

— Не то чтобы так уж редко, — спокойно ответила она, — но общую идею вы уловили. Бела, это действительно так и есть. Карнассус для нас не правитель, а единственное наше богатство. Гарем правит Дембовской, потому что мы общаемся с Карнассусом, и разговаривает он только с нами. — Она

улыбнулась. — И это не матриархат. Мы не матери, мы — полиция.

Линдсей снова взглянул в окно. По поверхности жидкости побежала рябь. Жидкий этан. Прямо здесь, рядом, сдерживаемый лишь метаглассом. Минус 180°С — мгновенная смерть. Человек в этом рыжеватом бассейне за какие-нибудь десятые доли секунды превратится в бесформенный комок льда. А серые прибрежные камни — это замерзшая вода!

В тусклом голубоватом свете, пробив поверхность жидкого этана, на берег выбралось какое-то существо, напоминающее пучок изломанных прутьев. Движения твари даже при здешней слабой гравитации выглядели заторможенными. Линдсей показал на существо рукой.

— Морской скорпион, — пояснила Грета. — Эвриптероид по-научному. Нападает вон на ту шишку на берегу. А эта черная слизь — растение. — Хищник с медлительностью паралитика полз и полз из «пруда». Прутья оканчивались клешнями, половинки их были сцеплены меж собой, как клыки саблезубого тигра. — Его жертва собирает силы для прыжка. Это займет некоторое время. Нападение, по стандартам их экосистемы, молниеносное. Бела, обратите внимание на размеры головогруди.

Тем временем морской скорпион выволок из-под воды свой широкий, похожий на тарелку панцирь. Его крабовидное тело имело поперечник около полуметра. За ромбовидными фасеточными глазами располагалось длинное раздутое брюхо, защищенное налезающими друг на друга поперечными кольцами.

— Длина — три метра, — сказала Грета, перед которой робофициант только что поставил первое блюдо. — Если с хвостом, то еще длиннее. Размер для беспозвоночного более чем приличный. Ешьте суп.

— Я лучше посмотрю.

Клешни вытягивались, приближаясь к жертве с медлительной точностью гидравлической двери. Но жертва, внезапно всколыхнувшись, подпрыгнула вверх и с плеском шлепнулась в бассейн.

— Шустро прыгает! — удивился Линдсей.

— Скорость у прыжка только одна, — улыбнулась Грета Битги. — Физика… Ну, ешьте же! Возьмите хлебную палочку.

Но Линдсей глаз не мог оторвать от эвриптероида, лежавшего на берегу. Клешни его перепутались; скорпион был неподвижен и, видимо, вымотан до предела.

— Мне его жаль, — сказал Линдсей.

— Он прибыл сюда в виде яйца, — терпеливо сказала Грета, — И не вырос бы до таких размеров, питаясь одними

хлебными палочками. Карнассус хорошо заботится обо всех этих тварях. Он был экзобиологом при посольстве.

Линдсей зачерпнул суп ложкой-непроливайкой.

— И вы, похоже, кое-чему от него научились.

— Экстратеррариумом интересуется каждый дембовскианец. Это наша местная гордость. Конечно, туристов с тех пор, как кончилось Замирение Инвесторов, почти нет. Но беженцы…

Линдсей печально смотрел в бассейн. Еда была великолепная, но у него пропал аппетит. Эвриптероид слабо пошевелился. Вспомнив скульптуру, подаренную ему Инвесторами, Линдсей усмехнулся. Интересно, как выглядит кал этой твари?

От столика, где сидел Уэллс, до него донесся взрыв смеха.

— Я бы хотел переговорить с Уэллсом, — сказал Линдсей.

— Оставьте это мне. Уэллс замечен в контактах с шейперами. Информация может просочиться в Совет Колец. — Она значительно взглянула на него. — Не хотите же вы рисковать легендой еще до того, как она установится?

— Вы не доверяете Уэллсу?

Она пожала плечами:

— Это не ваши заботы. — Скрипучий робот с подошвами на липучках доставил второе блюдо. — Как я люблю эти старинные сервомеханизмы! А вам нравятся? — Она выдавила густой сметанный соус на мясной пирог и подала ему тарелку. — Вы в диком напряжении, Бела. Вам нужно поесть. Поспать. Сходить в сауну. Жить в свое удовольствие. А то вы весь какой-то задерганный. Расслабьтесь.

— Жизнь у меня такая, что некогда расслабляться, — сказал Линдсей.

— Но не теперь. Теперь вы — со мной. Съешьте что-нибудь, доставьте мне удовольствие.

Чтобы она отвязалась, Линдсей рассеянно надкусил пирог. Пирог оказался восхитительным. Аппетит снова вернулся к нему.

— У меня есть дела, — сказал он, борясь с желанием проглотить весь кусок сразу.

— Думаете, без сна и еды вы справитесь с ними лучше?

— Наверное, вы правы.

Он поднял взгляд; она подала ему тюбик с соусом. Он выдавил соус на пирог; она передала ему бокал.

— Попробуйте. Местный кларет.

Линдсей попробовал. Кларет был не хуже марочного синхрониса с Колец.

— А технология-то — краденая, — заметил он.

— Вы — не первый перебежчик. У нас здесь спокойнее. —

Она кивнула в сторону окна. — Взгляните на этого ксифосурана. — Через бассейн с невозмутимым, тягучим спокойствием греб большой краб, та самая «шишка». — Вот вам урок.

Линдсей молча смотрел на краба и размышлял.

* * *

Дом Греты располагался семью уровнями ниже. Серебряный домашний робот принял у Линдсея дорожную сумку. В гостиной стоял отделанный мехом диван в стиле барокко со скользящими стременами и два заякоренных за скобы в полу кресла, обитых темно-красным бархатом. На липучем кофейном столике стоял ингалятор и полочка с кассетами.

Ванная комната была оборудована сауной и убирающимся в стену унитазом с системой всоса и подогреваемым эластичным ободом. С потолка светили розовым инфракрасные обогревательные лампы. Стоя на ледяном кафеле, Линдсей стряхнул с руки перчатку. Она медленно, с заметным отклонением от вертикали, опустилась на пол. Вертикали помещения не совпадали с местным тяготением. Этот крохотный штришок авангардизма в организации интерьера вызвал внезапный приступ тошноты. Подпрыгнув, Линдсей уцепился за потолок, закрыл глаза и пережидал, пока пройдет головокружение.

— Хотите сауну? — крикнула Грета через дверь.

— Что угодно, лишь бы согреться!

— Управление — там, слева.

Раздевшись, Линдсей ахнул — ледяной металл протеза коснулся обнаженного бока. Отставив руку подальше, он шагнул в клубящийся пар. Воздух при слабом притяжении загустел от капель воды. Закашлявшись, Линдсей судорожно зашарил вокруг в поисках дыхательной маски. Она оказалась заряженной чистым кислородом; он мгновенно почувствовал, что море ему по колено, и повернул рукоять — и тут же по нему шибанула струя мелкого снега. Закусив язык, чтобы не завизжать, он повернул рукоятки в прежнее положение, поварился некоторое время в мокрой жаре и вышел. Сауна автоматически подняла температуру до точки кипения, самостерилизуясь.

Окрутив мокрые волосы тюрбаном из полотенца, он машинально завязал его концы в пышный — по моде Голдрейх-Тримейна — бант. В шкафчике нашлась пижама его размера; ярко-синий цвет ее очень шел к меховым муклукам.

Грета тем временем успела сменить колготки и меховую куртку на стеганый ночной халат с огромным воротником.

Впервые он обратил внимание на ее руки — обе были оборудованы механистскими имплантами. На правой располагалось нечто вроде оружия — ряд коротких параллельных трубок чуть выше запястья. Спускового устройства не наблюдалось — вероятно, эта штука приводится в действие нервным импульсом. Из левого рукава подмигивал красный биомонитор.

Механисты просто-таки фанатически поклонялись биологической обратной связи. Она входила чуть ли не в каждую программу продления жизни… Линдсей испытал некоторое потрясение — до сих пор он не думал о Грете как о механистке.

— Спать не хотите?

Линдсей зевнул:

— Немного.

Она привычным движением подняла правую руку. В ладонь ее прыгнул пультик дистанционного управления, и Грета включила видеосистему. Стена показала экстратеррариум, вид сверху, снятый из дворца Карнассуса.

Линдсей подсел к ней, сунув ноги в муклуках в подогретые стремена.

— Нет-нет, только не это, — сказал он, поежившись.

Она нажала кнопку. Видеосистема потемнела, а затем на ней появилась поверхность Сатурна. Красные потоки сплетались с янтарными. Его заполнила волна ностальгии. Он отвернулся.

Она сменила изображение. На стене появился скалистый пейзаж, громадные ямы посреди выжженной, припорошенной хлопьями пепла земли, прорезанной двумя гигантскими ущельями.

— Эротика, — объяснила она. — Кожа, увеличенная в двадцать тысяч раз. Одно из моих любимых. — Она ткнула пальцем в кнопку, и изображение, поехав вбок, остановилось у подножия высокого столба с делениями. — Видите купола?

— Да.

— Бактерии. Ведь это кожа механиста.

— Ваша?

— Да, — улыбнулась она. — Вот это для шейпера тяжелее всего. Здесь вы не сможете сохранить свою стерильность; мы полностью зависим от этих крошек. У нас нет ваших внутренних перестроек организма. Мы этого не хотим. Придется и вам послужить жилищем для бактерий. — Она взяла его за руку. Ладонь ее была теплой и чуть влажной. — Вот это — заражение. Неужели так уж страшно?

— Нет.

— Лучше уж покончить с этим сразу. Вы согласны?

Линдсей кивнул. Обняв его за шею, она поцеловала его. Он коснулся губ фланелевым рукавом пижамы.

— Это уже не относится к медицине.

Развернув его тюрбан, она бросила полотенце роботу.

— Ночи на Дембовской холодные. Вдвоем в постели гораздо теплее.

— Я женат.

— Моногамия? Как старомодно! — Она сочувственно улыбнулась. — Взгляните фактам в лицо, Бела. Дезертирство уничтожило вашу связь с генолинией Мавридесов. Теперь вы — никто. Для всех, кроме нас.

Линдсей помрачнел. Он представил себе, как Нора, одна, ворочается сейчас с боку на бок в постели, сна — ни в одном глазу, а враги — все ближе и ближе… Он покачал головой.

Грета успокаивающе погладила его волосы:

— Попробуйте только начать, и аппетит вернется. Хотя, конечно, лучше не торопить событий.

Она выказывала вежливое разочарование, ровно столько же, как, скажем, хозяйка дома — гостю, отказавшемуся от десерта. А Линдсей был совсем измучен. Несмотря на возобновленную юность, все тело его до сих пор болело после инвесторской гравитации.

— Я покажу вам вашу спальню. Идемте.

Спальня была отделана темным мехом, в балдахин над кроватью вмонтирован видеоэкран. В изголовье — пульт управления всеми последними техноновинками для сна. И энцефалограф, и следящие приспособления для искусственных частей тела, и флюорографы для очистки крови…

Он сбросил с ног муклуки и забрался в постель. Простыни смялись под тяжестью тела, опеленывая его.

— Приятного сна, — пожелала Грета, прощаясь. Что-то коснулось макушки; балдахин над головой мягко замерцал и, пробудившись к жизни, вывел на экран кривые его мозговой активности — сложные волны с загадочными надписями. Одна из кривых была выделена розовато-красным. Стоило ему, расслабившись, присмотреться к ней, кривая начала увеличиваться. Интуитивно догадавшись, что именно в его мозгу заставляет кривую расти, он «накормил» ее и заснул.

Проснувшись утром, он обнаружил рядом в постели Грету, мирно спящую в ночном колпаке, подключенном к домашней охранной сигнализации. Он выбрался из постели. Кожа жутко чесалась, язык — словно волосами оброс… Ну вот, началось

нашествие бактерий…

Картель Дембовской
24.10.53

— Ну, Федор, вот уж не думал, что увижу тебя таким!

Лицо Рюмина под действием видеокосметики сияло поддельным здоровьем. Имитация была превосходной, но наметанный глаз Линдсея тут же опознал компьютерную графику во всей ее пугающей безупречности. Губы Рюмина двигались в общем соответственно, словам, но некоторые характерные мелочи выглядели ужасно фальшиво.

— И давно ты записался в механисты?

— Лет десять уже. Проволочки меняют ощущение времени. Знаешь, даже не припомню, где оставил свой родной мозг. Наверняка в самом неподходящем месте… — Рюмин улыбнулся. — Должно быть, он где-нибудь на Дембовской. Иначе бы получилось запаздывание.

— Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз. Как по-твоему, сколько людей нас подслушивает?

— Только полиция, — заверил Рюмин. — Ты же — на одной из квартир гарема; все их звонки идут напрямую через банк данных Главного. Для Дембовской это — приватней некуда. Особенно для того, мистер Дзе, чье прошлое так же темно, как ваше.

Линдсей промокнул нос платком. Какая-то из новых бактерий здорово врезала по его носоглотке, ослабленной озонированным воздухом Инвесторов.

— На Дзайбацу все было не так. Там мы были рядом.

— Провода все меняют, — сказал Рюмин. — Мир превращается в систему входных данных. Мы все больше и больше склоняемся к солипсизму. Не обижайся, пожалуйста, если я вдруг и в тебе начну сомневаться.

— Ты давно на Дембовской?

— С тех пор как Замирение пошло на закат. Понадобилась тихая гавань, и эта оказалась самая подходящая.

— Значит, старик, путешествиям — конец?

— И да, и нет, мистер Дзе. Утрата мобильности компенсируется расширением сферы чувств. Захочу — могу подключиться к зонду на орбите Меркурия. Или в атмосфере Юпитера. Собственно, я это частенько и делаю. Раз — и я там, причем самым настоящим образом. Таким же настоящим, как, скажем, я сейчас в своей собственной комнате. Сознание, мистер Дзе, это совсем не то, что ты думаешь. Ты его связываешь

проволокой, а оно куда-то перетекает. И данные всплывают пузырями откуда-то из самых его глубин… Жизнь, конечно, не совсем настоящая, однако и она имеет свои преимущества.

— А «Кабуки Интрасолар» ты бросил?

— Дело идет к войне, а потому звездные дни для нашего театра на время кончились. Большую часть нашего времени занимает Сеть.

— Ты занялся журналистикой?

— Да. Мы, проволочники, или, абстрагируясь от пропагандистских кличек, которые на нас повесили шейперы, — старейшие механисты, — имеем свои методы передачи информации. Сети новостей. Порою это очень близко к телепатии. Я — здешний обозреватель церерской «Дейтаком Нетуорк». Я — гражданин Цереры, хотя юридически иногда гораздо удобнее считаться чьей-нибудь электронной аппаратурой. Вся жизнь наша есть информация. Даже деньги. Жизнь и деньги для нас — одно и то же.

Синтезированный голос старого механиста звучал спокойно и бесстрастно, но Линдсея охватила тревога.

— У тебя что, неприятности? Может, я чем-то могу помочь?

— Мальчик мой, — сказал Рюмин, — за этим экраном — целый мир. Черты его столь расплывчаты, что даже жизни и смерти приходится отойти на галерку. Среди нас есть такие, чей мозг разрушился годы и годы назад. Они ковыляют до сих пор лишь на прежних инвестициях да заранее составленных программах общего назначения. Если об этом узнают — объявят их юридически мертвыми. Но мы своих не выдадим. — Он улыбнулся. — Считай нас, мистер Дзе, чем-то вроде ангелов. Духов на проволоке. Иногда так легче.

— Я здесь чужой. Надеялся, что ты мне поможешь, как тогда. Мне нужен совет. Мне нужна твоя мудрость.

Рюмин вздохнул с точностью прямо-таки автоматической.

— Я познакомился с Дзе, когда мы оба ходили в жуликах. Я верил ему. Я восхищался его дерзостью. Тогда и ты был мужчиной, и я. Теперь — не то.

Линдсей прочистил нос и с дрожью отвращения отдал засморканный платок роботу.

— В те времена я был готов на все — даже умереть, — но остался жив. Я продолжал искать — и нашел. Нашел себе жену, и между нами не было притворства. Мы были счастливы вместе.

— Рад за тебя, мистер Дзе.

— А когда появилась опасность, я бежал. И теперь, через четыре десятка лет, я снова бродяга.

— Сорок лет… Целая жизнь для человека, мистер Дзе. Не

заставляй себя быть человеком. Наступают времена, когда с этим приходится расстаться.

Взглянув на протез руки, Линдсей медленно, один за другим, сжал пальцы в кулак.

— Я и сейчас люблю ее. Нас разлучила война. И если снова наступит мир…

— Ну, пацифистские сентиментальности нынче не в моде.

— Рюмин, ты оставил всякую надежду?

— Слишком стар я для разных страстей, — отвечал Рюмин. — И не проси меня ввязываться в рискованные дела, мистер Дзе, или кто ты там теперь. Оставь мне мои потоки информации. Я есть то, что есть, ничего назад не вернуть и сначала не начать. Эти игры — для тех, кто еще сохранился во плоти. Кто еще может излечиться.

— Ты уж извини, — сказал Линдсей, — но мне нужны союзники. Знание — сила, а я знаю вещи, которых никто другой не знает. Я буду бороться. Нет, не с врагами. С обстоятельствами. С самой историей. Я хочу вернуть свою жену, Рюмин. Мою супругу — шейпера. Свободной, чистой, без всяких пятен и теней. И если ты не поможешь мне, кто поможет?

— Есть у меня друг, — после некоторых колебаний ответил Рюмин. — Фамилия его Уэллс…

Картель Дембовской
31.10.53

До пришествия людей Пояс астероидов самоорганизовался согласно физике дисперсных систем. Части его классифицировались по степеням десятки. На каждый астероид, начиная от тысячекилометровой Цереры до триллионов не нанесенных на карты булыжников, двигавшихся в гравитационном поле Солнца с относительной скоростью пять километров в секунду, приходилось по десятку втрое меньших.

Дембовская принадлежала к третьему рангу, около двухсот километров в поперечнике, и, подобно всем прочим телам, на гелиоцентрической орбите, отдавала дань законам вероятности. Еще во времена динозавров по Дембовской шарахнуло нечто довольно крупное. В долю секунды визитер появился и был таков, оставив после себя куски расплавленного взрывом и разбрызгавшегося пироксена, вкрапленные в кору астероида. В точке взрыва кремний основного тела Дембовской был расколот, и астероид раскрылся рваным вертикальным ущельем двадцати километров в глубину — до самого никелево-железного своего ядра.

Ныне большая часть ядра была выгрызена ненасытной промышленностью. В ущелье располагался Картель Дембовской. Вниз, уровень за уровнем, в ослабевающее притяжение уходили длинные террасы; с изменением уклона то, что было стеной, переходило в пол, покуда — в точке, наиболее близкой к невесомости, — понятия «пол» и «стена» не теряли всякий смысл. У дна ущелья мир расширялся, образуя гигантскую пещероподобную выработку, полое сердце Дембовской, из которого многие поколения автоматических горнодобывающих машин выгрызали металлы и руды.

Это нора была слишком велика, чтобы заполнять ее воздухом. Здесь, в невесомости и вакууме вблизи центра астероида, располагалась новая тяжелая промышленность — криогенные заводы, претворявшие намеки и воспоминания, вытянутые из выжженного сознания Майкла Карнассуса, в постоянный и неуклонный подъем ценных бумаг картеля Дембовской на мониторах сотни миров.

Утроба Дембовской, укрытая под многокилометровой каменной толщей, надежно хранила промышленные секреты. Жизнь, словно замазка в трещину, заползла в глубь планетки, выгрызла ее сердце и заполнила пустоту машинами.

Для центральной полости дно ущелья являлось нижним ярусом внешнего мира. Здесь и располагалась контора Уэллса, откуда его служащие двадцать четыре часа в сутки перехватывали все информационные потоки Союза картелей под квазинациональной эгидой церерской «Дейтаком Нетуорк».

Стены кабинетов были сплошь покрыты экранами и липучкой; тускло мерцая, они заполняли воздух непрерывным бормотаньем. Под ногами и над головой к липучке были прилеплены распечатки; репортеры в наушниках переговаривались по аудиосвязи или энергично колотили по компьютерным клавишам. Все выглядели молодо, а одеты были с рассчитанной экстравагантностью. Сквозь разговоры, частый треск принтеров, жужжанье дататайпов пробивалась негромкая музыка — хрупкий звон синтезаторов. В холодном воздухе стоял запах роз.

Секретарь доложил об их приходе. Его волосы выбивались из-под свободного механистского берета. Объемистость берета заставляла предположить наличие в черепе разъемов. На лацкане секретаря красовался патриотический значок с изображением большеглазого лица Майкла Карнассуса.

Кабинет Уэллса был защищеннее прочих. Видеосистемы в нем демонстрировали бурлящую мозаику из заголовков, перемежающихся прямоугольничками данных, которые можно

было задержать и увеличить по своему усмотрению. Одет Уэллс был в комбинезон-клеш с шейперскими кружевами у горла. По серой ткани комбинезона были разбросаны темно-серые стилизованные эвриптероиды. На пальцах, поверх элегантных перчаток, — управляющие, набитые электроникой кольца.

— Добро пожаловать в церерский «Дейтаком Нетуорк», аудитор Милош. И вы, госпожа офицер связи. Позволите предложить вам горячего чаю?

Линдсей принял грушу с благодарностью. Чай оказался хоть и синтетическим, но хорошим. Грета же, взяв грушу, пить не стала. Она смотрела на Уэллса со сдержанной осторожностью.

Уэллс тронул переключатель на липкой невесомостной столешнице. Большая лампа на гусиной шее гибкого штатива повернулась с плавной змеиной грацией и уставилась на Линдсея. Под колпаком ее оказались человечьи глаза, вделанные в гладкую среду из темной плоти. Моргнув, лампа перевела взгляд на Грету. Та почтительно склонила голову.

— Монитор начальника полиции, — пояснил Уэллс для Линдсея. — За важными делами — а ваши новости, по вашим словам, именно таковы — она предпочитает наблюдать собственными глазами. — Он обратился к Грете:

— Итак, госпожа офицер, ситуация на контроле. — Дверь-гармошка раскрылась за ее спиной.

Поджав губы, Грета еще раз поклонилась лампе, коротко глянула на Линдсея и, оттолкнувшись ногой от стены, вылетела из кабинета. Дверь за Гретой задвинулась.

— Как вас угораздило связаться с этой дзенской монахиней? — спросил Уэллс.

— Прошу прощения?..

— Ну, с Битти. Она не рассказывала о своем культе? О дзен-серотонине?

— Нет, — поразмыслив, ответил Линдсей. — Она очень сдержанна.

— Странно. Ведь на вашей родине этот культ прочно укоренился. Вы ведь с Беттины, так?

Линдсей взглянул ему в глаза:

— Вы меня знаете, Уэллс. Припомните-ка Голдреих-Тримейн.

Ухмыльнувшись уголком рта, Уэллс сжал свою грушу, выстрелив янтарной струей чая в рот. Зубы у него оказались крупными и ровными, так что зрелище получилось довольно-таки плотоядное.

— Я так и думал. Есть в вас что-то от шейпера. Если вы — катаклист, не ляпните чего-нибудь неразумного на глазах начальника полиции.

— Я — жертва катаклистов, — сказал Линдсей. — Они продержали меня в заключении целый месяц. Это испоганило все мои дела. И тогда я бежал.

Он стащил перчатку с правой руки.

Уэллс тут же узнал старинный протез.

— Доктор-капитан Мавридес… Какая приятная неожиданность! По слухам, вы безнадежно спятили. Что меня, честно говоря, порадовало — как же, Абеляр Мавридес, инвесторский любимчик… Где ж ваши драгоценности и шитье, доктор-капитан?

— Теперь я путешествую налегке.

— И пьес больше не ставите?

Уэллс выдвинул ящик стола, извлек оттуда портсигар и предложил гостю сигарету. Линдсей ее с благодарностью принял.

— Театр вышел из моды…

Они закурили, и Линдсей беспомощно закашлялся.

— Должно быть, доктор, я оскорбил вас, явившись на свадьбу агитировать ваших студентов?

— Это у них всякие там убеждения, а не у меня. Но вот за вас я боялся.

— Зря боялись, — улыбнулся Уэллс, выпустив дым. — Эта ваша студентка, Бесежная, стала одной из нас.

— Пацифисткой?

— Мы, доктор, думаем теперь несколько иначе. Старые категории — шейперы, механисты — сильно обветшали. Жизнь развивается через образование подвидов. — Он улыбнулся. — Потомков. Такое случалось в свое время с прочими успешно развившимися животными, а теперь настала очередь человечества. Группировки до сих пор борются друг с другом, однако упомянутые категории уже отжили свое. И ни одна из этих группировок не может более утверждать, что именно ее путь предпочтителен для человечества. Человечества больше нет.

— Вы рассуждаете как катаклист…

— Некоторые рассуждают и вовсе как безумцы. А именно — власть предержащие. И в картелях и в Совете Колец. Раздирать Схизматрицу ненавистью им легче, чем осознать наши возможности. Наши миссии к чужакам окончились провалом — оттого что мы даже с собственными кровными братьями не можем сговориться. Мы дробимся на подвиды. Нужно признать этот факт и объединиться заново, на новой основе.

— Что же способно объединить человечество после развала?

Взглянув на видеосистему, Уэллс при помощи кольца зафиксировал одну из статей.

— Вам доводилось слышать об уровнях сложности? Уровнях

Пригожина?

Сердце Линдсея провалилось куда-то вниз.

— Я никогда не питал склонности к метафизике. Ваши религиозные воззрения — ваше личное дело. У меня была любимая женщина и надежное жилище. Все прочее — абстракции.

Уэллс всматривался в экран. По нему бежало сообщение об очередном скандальном случае ренегатства — на Церере.

— Да-да, ваша жена, профессор-полковник… Тут я вам ничем не могу помочь. Для этого нужен опытный похититель людей. Здесь вам такого не найти. Поищите на Церере или на Беттине.

— Моя жена — дама упрямая. Подобно вам, она имеет идеалы. Только мир может объединить нас снова. А мир в нашем мире может обеспечить один-единственный фактор. Инвесторы.

Уэллс коротко хохотнул.

— Все то же самое, доктор-капитан? — Внезапно он перешел на плохой инвесторский:

— Ценность вашего аргумента упала.

— У них есть слабые места, Уэллс. — Линдсей повысил голос. — Неужели вы думаете, что я не такой отчаянный, как катаклисты? Спросите вашего друга Рюмина, умею ли я распознавать слабые места и упущу ли возможность ими воспользоваться? Да, я приложил руку к Замирению Инвесторов. И получил от него все, что хотел. Я был цельной личностью, вы не понимаете, что это для меня значило… — Несмотря на холод, Линдсей покрылся потом.

Уэллс был, похоже, ошеломлен. Линдсей с удивлением понял, что нарушил сейчас все законы дипломатии. Эта мысль доставила ему какое-то дикое удовольствие.

— Вы, Уэллс, знаете правду. Все эти годы мы были пешками для Инвесторов. Пора бы перевернуть доску.

— То есть напасть на них?

— А что же еще?! По-вашему, у нас есть какой-нибудь выбор?

— Абеляр Мавридес, — произнес женский голос из основания лампы, — вы арестованы.

* * *

Двери лифта со свистом захлопнулись. Кабина помчалась вверх; ускорение слегка прижало их к полу.

— Пожалуйста, руки — на стену, — вежливо сказала Грета. — Ноги отставьте назад.

Линдсей молча повиновался. Старомодный лифт с лязгом одолевал рельсы, ведущие вверх, вдоль вертикального склона ущелья Дембовской. Километра через два Грета вздохнула:

— Вы, должно быть, сделали нечто очень уж радикальное.

— Не ваша забота.

— По всем правилам, я обязана перерезать жилы вашей железной руки. Но — пусть будет как есть. Я, наверное, тоже виновата. Сумей я создать для вас подходящую обстановку, вы бы не были столь фанатичны.

— В моем протезе нет оружия. И вы наверняка осмотрели его, пока я спал.

— Бела, я не понимаю такой подозрительности. Неужели я плохо к вам относилась?

— Грета, расскажите мне о дзен-серотонине.

Она едва заметно напряглась.

— Я не стесняюсь, что принадлежу к Недвижению. Я бы рассказала вам и раньше, но мы не занимаемся миссионерством. Мы завоевываем души своим примером.

— Что достойно всяческой похвалы.

— В вашем случае, — нахмурилась она, — следовало сделать исключение. Я сочувствую вашей боли. Я знаю, что такое боль. — Линдсей хранил молчание. — Я родилась на Фемиде. Была знакома с катаклистами — из одной их механистской группировки. Ледовые убийцы. Военные обнаружили одну из криокамер, где они просветляли одного из моих учителей посредством билета в будущее, и я, не дожидаясь ареста, бежала на Дембовскую. Здесь меня взяли в гарем. Оказалось, что я должна быть шлюхой Карнассуса, хотя об этом сначала речи не шло… Но тут я обрела дзен-серотонин.

— Серотонин — это какая-то там мозговая химия, — заметил Линдсей.

— Это — философия, — возразила она. — Шейперы и механисты — все это не философия. Это технологии, ставшие политикой. Все дело в технологиях. Наука расколола человечество на части. С разгулом анархии люди стали объединяться. Политики искали себе врагов, чтобы связать своих

последователей ненавистью и террором. Одной общности недостаточно, когда из каждой электронной схемы, из каждой пробирки рвутся наружу тысячи новых образов жизни. Без ненависти не было бы ни Совета Колец, ни Союза картелей. Согласованность невозможна без кнута.

— Жизнь развивается через подвиды… — пробормотал Линдсей.

— Этот Уэллс со своим винегретом из физики и этики… Нам необходимы: движение, спокойствие, ясность. — Она продемонстрировала ему свою левую руку:

— Этот биомонитор — еще и капельница. Страх для меня — ничто. С этим биомонитором я могу анализировать что угодно и чему угодно глядеть в глаза. Дзен-серотонин представляет жизнь в свете разума. И люди — особенно в критическую минуту — приходят к нам. Каждый день Недвижение приобретает новых приверженцев.

Линдсею вспомнились кривые ритмов его мозга, виденные в спальне у Греты.

— Значит, вы — в постоянном состоянии альфа?

— Конечно.

— А вы видите когда-нибудь сны?

— У нас свои способы прозрения. Мы видим новые технологии, ломающие жизнь человека. И бросаемся в эти течения. Возможно, каждый из нас — лишь ничтожная частица, но вместе мы образуем отложение, способное замедлить поток. Многие инноваторы глубоко несчастны. Приобщаясь к дзен-серотонину, они теряют свою невротическую потребность соваться куда не следует.

Линдсей мрачно улыбнулся:

— Значит, меня не случайно поручили именно вам?

— Вы глубоко несчастны. Отсюда все ваши беды. Недвижение имеет в гареме заметный вес. Присоединяйтесь к нам. Мы вас спасем.

— Когда-то я был счастлив. Так, Грета, как вам и не снилось.

— Неистовство чувств не для нас, Бела. Мы хотим спасти весь род человеческий.

— Ни пуха ни пера, — сказал Линдсей.

Кабина остановилась.

* * *

Старый акромегалик отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой.

— Ну как, бродяга? Не жмет? Дышать можешь?

Линдсей кивнул, отчего экзекуционный контакт болезненно вдавился в основание черепа.

— Эта штука читает задние доли мозга, — сказал великан.

Гормоны роста изуродовали его челюсть; голос, из-за бульдожьего прикуса, звучал невнятно:

— Ноги волочи по полу. Никаких резких движений. Даже не думай дергаться, тогда башка будет цела.

— И давно ты этим кормишься? — поинтересовался Линдсей.

— Да уж не первый день.

— Ты — тоже принадлежишь к гарему?

Гигант поднял брови в свирепом удивлении:

— Ну да, а как бы ты думал? Трахаю Карнассуса. — Громадная его пятерня полностью накрыла лицо Линдсея. — Ты видал когда-нибудь со стороны своей собственный глаз? А то — могу один вытащить. Начальник тебе потом новый пересадит.

Линдсей вздрогнул. Великан ухмыльнулся, обнажив ряд кривых зубов.

— Видал я таких. Ты — шейперский антибиотик. Когда-то такому вот удалось меня обхитрить. Может, ты полагаешь, что и контакт обхитришь. Может, считаешь, что убьешь начальника, не двигаясь. Не забудь: чтобы выйти отсюда, придется идти мимо меня. — Охватив ладонью голову Линдсея, он отодрал его от липучки. — Или, может, ты меня держишь за дурака?

— Прибереги это для блядей, якудза, — сказал Линдсей на пиджин-японском. — Может, ваше сиятельство соблаговолит снять с меня контакт и побеседовать на равных?

Великан, удивленно рассмеявшись, аккуратно поставил Линдсея на ноги.

— Извини, друг. Не признал своего.

Линдсей миновал шлюз. Внутри воздух был нагрет до температуры тела. Было душновато; пахло потом, фиалками и духами. Тоненькое подвывание синтезаторов внезапно оборвалось.

Комната состояла целиком из живой плоти. Атласная смуглая кожа местами была украшена ковриками из блестящих черных волос и розовато-лиловыми слизистыми оболочками. Все было скручено и согнуто; кресла представляли собой округлые подушки из плоти, усеянные лиловыми отверстиями. Под ногами пульсировали, прокачивая кровь, артерии с хорошую трубу толщиной.

На локтевом суставе, обтянутом гладкой кожей, поднялась знакомая уже лампа. Темные глаза ее внимательно осмотрели Линдсея. В гладкой заднице скамеечки для ног раскрылся рот:

— Дорогой, сними свои липучки. Щекотно.

Линдсей где стоял, там и сел.

— Кицунэ, это ты?

— Ты ведь узнал меня, когда взглянул в мои глаза в кабинете Уэллса.

На этот раз мурлычущий голос исходил из стены.

— Нет; я понял кое-что, только увидев твоего телохранителя. Столько времени прошло… Извини за башмаки. — Подавшись вперед, он осторожно разулся, изо всех сил стараясь скрыть дрожь: кресло из плоти было ощутимо, по-живому теплым. — Где ты?

— Вокруг тебя. Мои глаза и уши повсюду.

— Но где твое тело?

— От него пришлось избавиться.

Линдсей вспотел. В такую духоту да после месяца на холоде…

— А ты сразу узнала меня?

— Из тех, кто меня когда-то покинул, — только тебя хотелось удержать, милый. Как же мне было тебя не узнать?

— Ты здорово устроилась, — сказал Линдсей, внезапно вспомнив полузабытую дисциплину и скрыв наполнивший его ужас. — Спасибо, что убила того антибиотика.

— Ничего сложного, — отвечала она. — Я всех убедила, что это был ты. — Она помолчала в раздумье. — Гейша-Банк купился на твой трюк. Ты поступил разумно, забрав с собой голову яритэ.

— Мне хотелось, — осторожно сказал Линдсей, — сделать тебе прощальный подарок — абсолютную власть.

Он оглядел груды лоснящейся плоти. Нигде не было даже намеков на лицо. Пол и стены слегка гудели от синкопированного глухого перестука полудюжины сердец.

— А ты не расстроился, что я предпочла тебе власть?

Мысль Линдсея заработала в бешеном темпе.

— С тех пор ты стала куда мудрее… Да, я примирился с этим. Должен был наступить тот день, когда тебе пришлось бы выбирать между мною и собственными амбициями. И я прекрасно знал, что ты выберешь. Или я ошибся?

После непродолжительного молчания несколько ртов захохотало со стен.

— Ты для всего найдешь благовидный предлог, дорогой. Подарок… Нет. С тех пор у меня было множество фаворитов. Ты был хорошим оружием, но не единственным. Я прощаю тебя.

— Спасибо, Кицунэ.

— Можешь быть свободен. Арест отменен.

— Твоя щедрость не знает границ.

— Кстати, что за бред насчет Инвесторов? Или ты не понимаешь, насколько вся Система зависит сейчас от них? Любая группировка, задумавшая встать у них на пути, с тем же успехом может просто повеситься.

— Мой замысел гораздо тоньше. Думается мне, их самих можно заставить встать на собственном пути.

— То есть?

— Шантаж.

Несколько ртов ее нервно хохотнули.

— По какому поводу, дорогой?

— Половых извращений.

Глаза приподнялись на своей органической турели. Линдсей отметил расширившиеся зрачки — верный признак, что он угодил в цель.

— Есть доказательства?

— Могу хоть сейчас представить, — объяснил Линдсей, — вот только контакт… Стесняет, понимаешь…

— Сними. Я его давно отключила.

Расстегнув зажим-убийцу, Линдсей аккуратно положил его на подрагивающий подлокотник кресла. Пройдя босиком к ложу, он расстегнул рубашку и извлек видеомонокль на цепочке.

В изголовье ложа открылись карие глаза, а из мягких, поросших волосами отверстий вытянулись две лоснящиеся руки. Одна из них, приняв монокль, вставила его в глаз.

— Прямо с этого места, — сказал Линдсей.

— Но это же не начало пленки.

— Сначала там…

— Да, — голос ее стал ледяным. — Вижу. Жена?

— Да.

— Неважно. Согласись она уехать с тобой, все могло бы пойти иначе. Но теперь она поцапалась с Константином.

— Ты его знаешь?

— Конечно. Он битком набил Дзайбацу жертвами своей чистки. Шейперы из Совета Колец все не умерят гордыню. Они никак не хотят поверить, что дикорастущий может сравниться с ними в искусстве махинаций… Можешь считать свою жену мертвой.

— Может быть, и…

— Вздор. Ты прожил свое в покое и мире, теперь его очередь… О! — Она помолчала. — Это было на корабле Инвесторов? Том, что доставил тебя сюда?

— Да. Сам отснял.

— Аххх… — Стон был исполнен нескрываемого сладострастия. Громадное сердце, располагавшееся под ложем, забилось

сильнее. — Это же их матка, капитан… Ох эти инвесторские бабы с их гаремами; что за наслаждение сокрушить такую! Грязные твари… Ты — просто чудо, Лин Дзе, Мавридес, Милош…

— Меня зовут Абеляр Малкольм Тайлер Линдсей.

— Знаю. Константин сказал. Я убедила его, что ты мертв.

— Спасибо, Кицунэ.

— И — что нам в именах? Меня называют начальником полиции. Дело не в фасаде, дорогой, а во власти. Ты надул шейперов из Совета Колец. А моя жертва — механисты. Я перебралась в картели. Я наблюдала и выжидала. И однажды нашла Карнассуса. Единственного, вернувшегося живым из той миссии.

Она весело засмеялась — тем самым знакомым смехом, высоким и переливчатым.

— Механисты отбирали туда самых лучших. Но эти лучшие были слишком сильными, слишком жесткими, слишком хрупкими. Чуждое окружение в союзе с изолированностью сломало их. Карнассусу пришлось убить двоих остальных, и потому он до сих пор кричит во сне. Даже в этой комнате… Его компания обанкротилась. Я купила и его и все его странные трофеи, а так бы их просто выкинули на свалку.

— На Кольцах говорят, что он — здешний правитель.

— Еще бы — я сама им это сказала. Карнассус принадлежит мне. Им занимаются мои хирурги. В нем нет ни нейрона, не выжженного наслаждением. Жизнь для него — непрекращающийся праздник плоти.

Линдсей обвел взглядом комнату.

— И ты — его фаворитка.

— Дорогой, разве я стерпела бы иное положение?

— Тебя не тревожит, что другие жены практикуют дзен-серотонин?

— Мне плевать, что они думают или говорят. Они подчиняются мне, а идеология меня не волнует. Меня волнует только будущее.

— Вот как?

— Настанет день, когда мы выжмем из Карнассуса все что можно. А крионическая продукция потеряет с распространением технологии прелесть новизны.

— На это уйдет много лет.

— На все уходит много лет. Вопрос только в том — сколько именно. Корабль, доставивший тебя сюда, покинул Солнечную систему.

— Это точно? — упавшим голосом спросил Линдсей.

— Так утверждает мой банк данных. Кто его знает, когда он

вернется…

— В конце концов, — сказал Линдсей, — я могу и подождать.

— Двадцать лет? Тридцать?

— Сколько угодно.

Однако известие подействовало на Линдсея подавляюще.

— К тому времени от Карнассуса не будет никакой пользы. Мне понадобится новый фасад. И что может быть лучше инвесторской матки? Да, ради этого стоит рискнуть. Этим займешься ты. Вместе с Уэллсом.

— Конечно, Кицунэ.

— Получишь все, что понадобится. Но не смей тратить ни киловатта на спасение той женщины.

— Попробую думать только о будущем.

— Мне и Карнассусу понадобится укрытие. Сначала займешься этим.

— Можешь положиться, — ответил Линдсей, подумав: «Мне и Карнассусу, вот, значит, как».

Картель Дембовской
14.02.58

Линдсей изучал последние материалы, поступившие из редколлегии. Опытным взглядом он просматривал информацию, глотал резюме, прогонял по экрану статьи, подчеркивал худшие примеры технического жаргона — словом, работал как проклятый.

Вся слава доставалась Уэллсу, предоставившему ему место главы отдела в Космоситете и пост редактора «Джорнел оф Экзоархозавриан Стадиз».

Рутина полностью завладела Линдсеем. Он был рад административной и исследовательской работе, не оставлявшей ему времени на воспоминания, причиняющие боль. Он колесил в кресле по своей конторе в ущелье, пригороде новоотстроенного Космоситета, вылавливая слухи, улещивая, подмазывая, обмениваясь информацией. «Джорнел» уже сделался крупнейшим из незасекреченных банков данных об Инвесторах, а его секретные файлы пышно расцветали на догадках и разведданных. И в центре его стоял Линдсей, работавший с энергией юноши и терпеливостью старика.

Вот уже пять лет, с самого прибытия на Дембовскую, Линдсей наблюдал, как стремительно идет в гору Уэллс. За отсутствием государственной идеологии, влияние Уэллса и его Углеродной лиги распространилось на всю колонию, включая искусство, средства массовой информации и академические круги.

Группировка Уэллса страдала повальной амбициозностью. Линдсей вступил в лигу без особой охоты, однако планами лиги, как и местными бактериями, заразился быстро. И модами — тоже. Теперь волосы его были гладко напомажены, а сквозь усы проглядывал приклеенный к губе микрофон-бусинка. Морщинистые пальцы левой руки были унизаны кольцами видеоконтроля.

Работа съедала годы. Когда-то время для Линдсея было плотным и ощутимым, словно свинец; теперь же оно ускользало меж пальцев. Линдсей чувствовал, что его собственное ощущение времени начинает совпадать с чувством времени старейшин-шейперов, знакомых по Голдрейх-Тримейну. Для истинной старости время не плотнее, чем воздух. Всего лишь посвистывающий в ушах разрушительный ветерок, уносящий прошлое и не щадящий даже воспоминаний о нем. Время набирало скорость. И замедлить его могла только смерть. И истина сия была горше амфетамина.

Он вернулся к статье: переоценка известного фрагмента инвесторской чешуи, найденного в вещах неудачного механистского межзвездного посольства. Проанализировано более чем исчерпывающе. Статья «Проксимодистальные градиенты и адгезивность эпидермальных клеток» поступила из картеля Диотима, от очередного шейпера-перебежчика.

Стол зазвонил. Прибыл посетитель.

Ненавязчивость охранной системы в контроле Линдсея носила характерные черты Уэллсова подхода к делу. Посетитель был снабжен изящным венцом, пришедшим на смену неуклюжему экзекуционному контакту. На лбу гостя, невидимый для него, светился крохотный красный огонек, указывающий автоматическому оружию, приличия ради скрытому в потолке, потенциальную цель.

— Профессор Милош?

Одет посетитель был странно: белый официальный костюм с круглым открытым воротом и гармошками складок на локтях и коленях.

— Вы — доктор Морриси из Цепи Миров?

— Республика Моря Ясности. Меня послал доктор Понпьянскул.

— Понпьянскул мертв, — заметил Линдсей.

— Так говорят, — согласно кивнул Морриси. — Убит по приказу председателя Константина. Но у доктора нашлись друзья в Республике. Так много, что теперь он контролирует нацию. Титул его — блюститель, а нация переродилась в Неотеническую Культурную Республику. Я был, так сказать, квартирьером

революции. — Он помешкал. — Наверное, я должен передать слово доктору Понпьянскулу.

— Наверное, — ошеломленно подтвердил Линдсей.

Достав видеопластину, Морриси подключил ее к своему портфелю. Пластина засветилась, и он подал ее Линдсею. На ней появилось лицо Понпьянскула. Его морщинистая рука откинула в сторону волосы.

— Абеляр! Как дела?

— Невилл… Ты жив?

— Да, до сих пор квартирую во плоти. В портфеле у Морриси интерактивная экспертная система. Она должна, за отсутствием меня самого, обеспечить пристойную беседу с тобой от моего имени.

Морриси кашлянул:

— Я как-то не привык еще к этим механизмам. Полагаю, мне не следует нарушать приватность вашей беседы.

— Да, так будет лучше.

— Я подожду в холле.

Линдсей проводил его взглядом. Костюм Морриси его забавлял. Он уже забыл, как и сам, когда жил в Республике, носил что-то подобное.

Линдсей всмотрелся в экран:

— Неплохо выглядишь, Невилл.

— Спасибо. Мое последнее омоложение организовал Росс. А провели — катаклисты. Та же группа, что и с тобой работала.

— Работала? Да они меня в каталажку какую-то засунули!

— В каталажку? Странно. Катаклисты пробудили меня. Никогда еще не чувствовал себя таким живым, как сейчас, когда, по общему мнению, я мертв. И так — уже десять лет, Абеляр. А может, — пожал плечами Понпьянскул, — одиннадцать.

Линдсей послал видеопластине взгляд. Изображение на взгляд не отреагировало, и ощущение волшебства сильно померкло.

— Значит, ты повел наступление на Республику, — медленно проговорил Линдсей, — через террористические организации катаклистов?

Видеопластина улыбнулась характерной улыбкой Понпьянскула.

— Должен признать, катаклисты тоже сыграли свою роль. Ты оцени, Мавридес: я сыграл на молодежи. Этак лет сорок — пятьдесят назад существовала политическая группировка под названием «презервационисты». Ими воспользовался для захвата власти Константин, однако шейперов они ненавидели не меньше, чем механистов. Смех, конечно, но на деле они просто хотели

жить по-человечески. Новое их поколение выросло под властью шейперов и здорово этим недовольно. Однако благодаря шейперской демографической политике молодежь составляет большинство. — Понпьянскул засмеялся. — Константин устроил из Республики отстойник шейперов-милитантов. И вообще — такую политическую кашу тут заварил… Когда разгорелась война, милитанты устремились обратно на Совет Колец, а вместо них прибыли сверхспособные — катаклисты. Константин слишком много времени проводил на Кольцах и оторвался от местной обстановки… Катаклистам понравилась моя идея заповедника культуры. Там, в новой конституции, обо всем этом есть. Мой посланец тебе ее передаст.

— Спасибо.

— А у остатков Полночной лиги дела плохи. Давно мы с тобой не беседовали… Я разыскал тебя через твою бывшую жену.

— Александрину?

— Как? — Программа была сбита с толку; изображение на долю секунду замигало. — Пришлось повозиться, за Норой постоянно следят.

— Секунду… — Линдсей поднялся, чтобы наполнить свой бокал. Воспоминания о Республике водопадом обрушились на него, и первая жена, Александрина Тайлер, вспомнилась автоматически. Но в Республике ее, конечно же, нет. Вместе с прочими жертвами Константиновой чистки она была вывезена на Дзайбацу.

Он повернулся к экрану. Тот продолжал:

— Росс, как только ГТ спекся, подался к кометчикам. Фецко увял. Феттерлинг лижет задницы фашистам в Союзе старателей. Маргарет Джулиано взяли ледовые убийцы. До сих пор ждет разморозки… Я захватил здесь власть, но это не может возместить наших потерь.

— А что с Норой? — спросил Линдсей.

Поддельный Понпьянскул помрачнел.

— Она воюет с Константином там, где он наиболее силен. Если б не она, мой переворот не удался бы. Она его отвлекла… Я надеялся, что смогу заманить ее сюда, и тебя тоже. Она всегда была так приветлива… Лучшая наша хозяйка.

— Она не поедет?

— Она вышла замуж.

Бокал треснул в железных пальцах Линдсея. Шарики виски медленно поплыли к полу.

— Из политических соображений, — продолжило изображение. — Ей не приходится пренебрегать ни одним потенциальным союзником. Во всяком случае, организовать твое

присоединение ко мне было бы сложно. В Неотенической Культурной Республике не может быть граждан старше шестидесяти. За исключением меня и моих уполномоченных.

Линдсей выдрал шнур из гнезда видеопластины, а затем помог маленькому кабинетному сервороботу убрать осколки.

Гораздо позже он снова пригласил в кабинет Морриси. Тот был в смущении.

— Вы совсем закончили, сэр? Мне дано указание стереть все из памяти после просмотра.

— С вашей стороны очень любезно было взять на себя этот труд. — Линдсей приглашающим жестом указал на кресло. — Спасибо, что подождали.

Морриси уничтожил память конструкта и спрятал пластину в портфель, внимательно следя за лицом Линдсея.

— Надеюсь, я не принес дурных новостей.

— Новости просто изумительные, — заверил его Линдсей. — Наверное, по их поводу даже следует выпить.

По лицу Морриси скользнула тень.

— Простите, — сказал Линдсей. — Наверное, я был несколько бестактен.

Он отставил бутылку в сторону. Оставалось в ней — едва на донышке.

— Мне — шестьдесят, — сообщил Морриси, сидя в неудобной позе. — И меня выселили. Очень вежливо выселили. — Он болезненно улыбнулся. — Когда-то я был презервационистом. В первую революцию мне было восемнадцать… Ирония судьбы, не так ли? Теперь я — бродяга.

— Некоторую власть я здесь имею, — осторожно сказал Линдсей. — И кое-какие средства — тоже. Дембовская приняла много изгнанников. И для вас место найдем.

— Вы очень любезны. — Лицо Морриси напряженно застыло. — Я был биологом. Работал над разрешением национальных экологических проблем. Учился у доктора Константина. Но, боюсь, я очень отстал от времени.

— Это поправимо.

— Я принес вам статью для «Джорнел».

— О-о. Вы интересуетесь Инвесторами, доктор?

— Да. Надеюсь, мой труд соответствует вашим требованиям.

Линдсей изобразил улыбку:

— Мы вместе над ней поработаем.

Глава 7

Государство Совета Союз Старателей

13.05.75

Это приближалось. Затылок сводило от напряжения, и по коже бежали мурашки. Фуга![5] Обстановка плыла и дрожала — головы зрителей, сидящих внизу, под его личной ложей, образующие подобие барельефа с фоном из темных вечерних костюмов, округлая сцена с актерами в темно-красном и золотом, их жесты… Медленнее, медленнее — и вот все замерло.

Страх… Нет, даже не это, не совсем это. Скорее грусть — кости брошены. И хуже всего было ждать… Шестьдесят лет ждал он, чтобы возобновить старые свои связи, — он, «проволочник», радикальный старец Республики. Теперь проволочные лидеры вроде него пробрались к власти над мирами. Шестьдесят лет… Ничто для проволочного сознания. Время — ничто… Фуга… Да, они не забыли своего друга, Филипа Хури Константина.

Ведь это он освободил их, изгнав аристократов среднего возраста, чтобы финансировать дезертирство от проволочных. Воспоминания, воспоминания… Они были лишь информацией — такие же свеженькие на своих хранящихся где-то катушках, как и заклятая его противница Маргарет Джулиано, у катаклистов на ледяном ложе… Мысли об этом возбудили всплеск удовлетворения, внезапный и острый — настолько острый, что, несмотря даже на состояние фуги, пробился из глубин мозга в сознание. Единственное в своем роде удовлетворение, возникающее лишь при падении соперника…

И вот, неуклюже тащась за несущимися вскачь мыслями, лениво появляется легкая дрожь страха. Нора Эверетт, жена Абеляра Мавридеса… Семнадцать лет назад она здорово навредила ему с этим переворотом в Республике, хотя он и сумел опутать ее обвинениями в государственной измене… Теперь эта сопливая Республика его не интересовала — все эти добровольно-невежественные детограждане, грызущие яблоки и пускающие змеев под присмотром старого чокнутого шарлатана Понпьянскула… Они не представляют собой проблемы, мир будущего просто обойдет их стороной, и останутся они живыми ископаемыми, безвредными и никому не нужными.

Но вот катаклисты… Страх окреп, расцветя пышным цветом, неясные тревоги разрослись, обретя эмоциональную плотность, расплываясь в сознании, словно капля чернил в воде. Ладно, эмоциями он займется потом, когда придет в норму, а сейчас — суметь бы закрыть глаза… Все не в фокусе, дымка, похожая на слезы, застилает замершие фигуры актеров, веки опускаются медленно, словно в кошмарном сне, нервные импульсы сбиты с толку несущимся вскачь сознанием… Да, катаклисты… Они

относятся к происходящему, точно к вселенских масштабов шутке, играют в прятки в Республике, маскируясь под плебеев и фермеров. Гигантский интерьер цилиндрического мира производит на них такое же ошеломляющее впечатление, как и хорошая доза любимого их наркотика PDKL-95… Катаклистский образ мышления, вскормленный на писанине об идеальной справедливости; Неотеническая Республика, путешествующая в прошлое человечества, — антипод ледового убийства с его билетом в один конец, в будущее…

Ну вот, сейчас голова придет в норму. Им овладело странное, ломающее чувство психического бунта; корка сознания уже не выдерживала напора изнутри. Последние микросекунды фуги принесли с собой эйдетическую вспышку: изображения, переданные зондами с поверхности Титана. Красные склоны вулканов из тяжелого углеводорода, рассеченные аммиачной лавой, рвущейся из глубин планеты. Титан… Любимое украшение для стен в Союзе старателей…

Все. Константин подался вперед, к барьеру ложи, и прокашлялся. Резко встряхнувшись, отрясая замешкавшийся страх, он нюхнул ацетаминофена, чтобы предотвратить мигрень, и сквозь мокрые от слез ресницы взглянул на часы. Четыре секунды фуги.

Он отер глаза и, вспомнив о том, что рядом сидит жена, взглянул на нее. Прекрасное, по-шейперски изваянное лицо застыло в недоумении. Знает ли она, что эти четыре секунды он не воспринимал окружающего? Нет. Думает, что он тронут пьесой, и удивлена таким всплеском эмоций со стороны своего железного супруга… Константин, одарил жену улыбкой. Слегка раскрасневшись, она склонилась вперед, положив унизанные драгоценностями руки на колени, и внимательно следила за ходом пьесы. После она попробует ее с ним обсудить. Натали Константин, юная и талантливая, потомок милитантской генетической линии. Она уже привыкла к своему мужу и его требованиям.

Не то что первая жена, предательница… Эту старую аристократку Константин оставил в Республике, терпеливо взлелеивая ее жестокость, пока совершенный им переворот не позволил ему обратить эту жестокость против других аристократов. Теперь она, по слухам, в любовницах у Понпьянскула, окрутила его липовой шейперской привлекательностью и жалкой интимной старческой близостью. Впрочем, кому все это теперь интересно. Годы затупили иголки ревности, а сегодняшний удар — если он будет нанесен — куда важнее какого-то хлама, болтающегося на окололунной орбите.

Девятилетняя дочь его, Вера, наклонилась к Натали и что-то ей зашептала. Константин пристально посмотрел на созданного им ребенка. Половина генов дочери принадлежала Вере Келланд и была извлечена из чешуек кожи, взятых им перед ее самоубийством. Многие годы бережно хранил он краденые гены, а когда приспело время, они расцвели в его дочери. Она была любимицей, первым его потомком. Подумав, на что может обречь ее неудача отца, он снова ощутил страх, еще острее, чем прежде, потому что теперь испугался не за себя.

А на сцене происходила какая-то дурь. Наигранная, неестественная беготня вокруг душевнобольного негодяя из сверхспособных, упавшего, стиснув руками голову. Незаметно для окружающих Константин почесал подошвой ножной перчатки щиколотку. С годами кожный вирус стал изводить меньше; теперь его побочные эффекты ограничивались небольшими сухими лишаями на руках и ногах.

Пьеса, написанная Зенером, вгоняла в тоску. Привычка к театру была перенята Союзом старателей от Голдрейх-Тримейна, чему немало поспособствовали бежавшие из сокрушенной бывшей столицы драматурги. Но современный театр был безжизнен. Например, Фернанд Феттерлинг, автор «Белой Периопы» и «Технического советника», зачах в угрюмом молчании рядом со своей опальной супругой из рода Мавридесов. Прочие мастера сцены с пацифистскими склонностями платили теперь за свою опрометчивость штрафами или же отсидками под домашним арестом. Некоторые переметнулись, а некоторые «ушли из времени», присоединяясь к бригадам катаклистских боевиков, орудовавшим по ночам.

Но катаклисты, потеряв сплоченность, опустились до банального террора. Их сверхспособная элита подвергалась нескольким нападениям. Погромы сверхспособных с нарастанием истерии становились все более и более основательными. Их покровитель и воспитатели сделались, в политическом смысле, пустым местом. Многие из них стали жертвами мести самих сверхспособных.

Сверхспособные были чересчур гениальны, чтобы жить как все, они требовали дробящей мир на куски анархии суперменов. Как такое стерпеть? И Константин организовал нетерпимость. Никогда еще жизнь его не была лучше: высокий пост, собственная генолиния Константинов, руки свободны для любых антимеханистских действий, а для нелояльных — расставлены собственные его колючие сети.

И сегодня вечером он всем этим рискует. Неужели новостей еще нет? Как он их услышит? Из наушников, от телохранителя?

Через краденые механистские импланты в мозгу, позволяющие слышать информационное перешептывание проволочных? Или…

Происходило что-то необычное. Размахивавший знаменами кордебалет после внезапной заминки распался; цветные логотипы корпораций и значки генолиний перепутались. Танцоры, повинуясь чьим-то приказам, хаотически подались назад. Кто-то плыл к краю подиума. Ну да, этот жалкий негодяй, Чарльз Феттерлинг; старческая физиономия раздулась от торжества и лакейской важности…

Да. Вот оно! Феттерлинг что-то кричит! Герой пьесы подает ему микрофон, и голос Феттерлинга внезапным ревом сотрясает аппаратуру:

— …Войны! На механистских рынках — паника! Астероид Ниса объявил войну Совету Колец! Повторяю: картель Нисы отошел от Союза механистов! Просит о признании его Государством Договора о Совете Колец! На сессии Совета…

Слова его потонули в реве публики и бряцанье пряжек — ошеломленные зрители отстегивались от кресел и поднимались. Феттерлинг пытался совладать с микрофоном. Обрывки его слов прорывались сквозь общий шум:

— …Капитуляция… при посредстве банков Союза старателей… индустриальная… новая победа!

Началось с актеров. Герой пьесы указал поверх голов публики на ложу Константина, неистово крича что-то остальным исполнителям. Какая-то женщина захлопала в ладоши. Аплодисменты были подхвачены. Аплодировал весь актерский состав. Лица исполнителей сияли. Феттерлинг, услышав, обернулся взглянуть, тут же ухватил положение дел, и лицо его расплылось в широчайшей улыбке. Драматическим жестом он простер руку к ложе:

— Константин! Дамы и господа, канцлер-генерал!

Ухватившись за железные перила позади прозрачного щита, Константин встал во весь рост. При виде его толпа взорвалась криками и аплодисментами. Все понимали: это — его победа. Счастье победы, мгновенного, яркого освобождения от темных тягот войны захлестнуло людей столовой. Впрочем, стоило ему проиграть, они с той же страстностью разорвали бы его на куски… Но понимание этого мрачного факта тоже утонуло в восторге победы. Теперь, когда он выиграл, прошлый риск только обострял наслаждение.

Он повернулся к жене. В глазах ее стояли слезы — от гордости за своего мужа. Неторопливо, не отпуская перил, он протянул ей руку. Пальцы их соприкоснулись, он взглянул в ее лицо — нет, глаза ее не лгали. С этого момента его власть над

нею стала абсолютной.

Она села с ним рядом. Вера дернула его за рукав. Глаза дочери были широко раскрыты. Он поднял ее, подхватив левой рукой, и коснулся губами ее уха:

— Запомни этот день, — горячо шепнул он.

Беспорядочные крики утихли, заглушенные четким ритмом аплодисментов — долгих, мерных, ритуальных аплодисментов, какие завершают каждое заседание самого Совета Колец, аплодисментов вечных, торжественных, подавляющих и не терпящих возражений. Музыка власти… Константин поднял вверх руку жены и закрыл глаза.

Это был счастливейший момент его жизни.

Картель Дембовской
15.05.75

Чтобы привыкнуть к новой руке, Линдсей играл на клавишных. Новая рука была куда лучше старой; отличная избирательность нервных сигналов даже сбивала с толку. Исполняя одну из композиций Кицунэ, он с каждым ударом по клавише испытывал короткое пьянящее ощущение, схожее с резким жаром.

Отняв руки от клавиатуры, он размял их. По проводам пробежало легкое покалывание. Кончики новых пальцев сплошь покрывали мелкие соты сенсоров, и эти сенсоры были гораздо чувствительнее плоскостей обратной связи старого протеза.

Перемена раздражала. Он окинул взглядом запущенную, неухоженную квартиру. В продолжение двадцати двух лет она была для него всего лишь местом для привала и для ночлега, не более. Все в ней, и полосатые обои, и металлические кресла на тонких ножках, уже лет двадцать как вышли из моды. В ногу со временем шагали лишь охранные системы — последние из Уэллсовых разработок.

Поизносился и сам Линдсей. Девяносто лет; десятилетия привычного напряжения оставили глубокие следы на лице, особенно возле глаз и губ, волосы и борода покрыты инеем седины…

Он совершенствовался в игре на клавишных. К задаче овладения музыкой он подошел со своеобычным нечеловеческим упорством. Многие годы работал он на износ, но современная технология биомониторинга позволяла отследить и предотвратить возможный срыв за месяцы до его приближения. Об этом заботилась кровать, генерировавшая яркие, непонятные сны, оставлявшие его к утру опустошенным,

успокоенным и абсолютно здоровым.

С тех пор как его жена вышла замуж во второй раз, прошло восемнадцать лет. Это обстоятельство никогда не доставляло ему особенной боли. В Совете он был шапочно знаком с ее нынешним мужем: Грэхем Эверетт, бесцветный сторонник разрядки с мощными клановыми связями. Нора воспользовалась его влиянием для отражения нападок милитантов. Даже печально: Линдсей не помнил этого человека достаточно хорошо, чтобы ненавидеть.

Предупредительный сигнал прервал его игру: в передней ждал посетитель. Сканеры заверили, что он — вернее, она — имеет в теле лишь безобидные механистские импланты: бляшкоочистительные артериальные микроботы, старомодные коленные чашечки из тефлона, пластиковые суставы пальцев и пористый ввод для внутривенных инъекций на сгибе левого локтя. Большая часть волос ее тоже была искусственной — имплантированные блестящие оптико-волоконные нити.

Он приказал домашнему роботу впустить женщину. Странноватый цвет лица, часто встречающийся у пожилых механисток, — гладкая, чистая кожа, смахивающая на превосходно подогнанную бумажную маску. Рыжие волосы переливаются в медно-красной подсветке оптических волокон. Одета она была в серый костюм без рукавов, меховой жилет и белые, до локтя, термические перчатки.

— Аудитор Милош? — спросила она с акцентом Цепи миров.

Он подвел ее к дивану, и она грациозно села. Движения ее были отшлифованы годами до мелочей.

— Да, мадам. Чем могу служить?

— Простите мое вторжение, господин аудитор. Моя фамилия — Тайлер. Я работаю клерком в «Лимонов Крайоникс». Но к вам у меня дело личного характера. Я хочу просить вас о помощи. Я слышала о вашей дружбе с Невиллом Понпьянскулом.

— А, так вы — Александрина Тайлер. Из Республики Моря Ясности.

Она удивленно приподняла тонкие дугообразные брови:

— Вы уже знакомы с моим делом, господин аудитор?

— Вы не хотели бы, — Линдсей опустился в снабженное стременами кресло, — сперва выпить?

Да, это была его первая жена. На некоем глубоко захороненном в сознании рефлекторном уровне зашевелилась давно уже мертвая личность, тончайший пласт фальши, которой ему приходилось от нее отгораживаться, когда они состояли в браке. Александрина Тайлер, его жена, кузина его матери.

— Нет, спасибо, — сказала она, оправляя на коленях юбку.

Да, колени, помнится, доставляли ей сильное неудобство, она тогда еще вставила в них тефлон…

Знакомый жест напомнил ему о брачной политике аристократов Республики. Александрина была старше его на пятьдесят лет; брак их был тесной клеткой утомительного политеса и мрачного мятежа. Линдсею уже девяносто, гораздо больше, чем было ей в день женитьбы… Сейчас, оценивая все это с позиций настоящего, он почувствовал, какую боль причинял ей тогда.

— Я родилась в Республике и почти полвека назад, во время шейперских чисток, потеряла гражданство. Я люблю Республику, господин аудитор, и никогда ее не забывала… Я вышла из очень влиятельной семьи, но, наверно, теперь, с установлением новой власти, это все уже ничего не дает?

— Вы были женой Абеляра Линдсея?

Глаза ее округлились.

— Значит, вы хорошо осведомлены… Вам известно, что я подавала прошение об эмиграции? От правительства Понпьянскула я не получила никакого ответа. Я пришла просить о помощи вас, господин аудитор. Я не принадлежу к Углеродной лиге, но знаю, какую она имеет власть. Ваше влияние выше законов.

— Должно быть, мадам, ваша жизнь весьма нелегка. В Схизматрице, без всякой поддержки…

Она моргнула. Веки фарфоровой белизны, словно бумажные ширмы, прикрыли на миг глаза.

— Нет. С тех пор, как я в картелях, все не так уж и плохо. Конечно, нельзя сказать, что я счастлива. Я не забыла усадьбу, деревья, сады…

Линдсей переплел пальцы рук, не обращая внимания на непрерывное покалывание в правой.

— Не хотелось бы вселять в вас пустые надежды, мадам. Неотеническое законодательство не допускает отклонений. Республике не нужны люди нашего возраста, так или иначе изменившие первозданному человеческому состоянию. Верно, я сделал кое-что для Неотенического правительства. Относительно переселения граждан Республики, достигших шестидесятилетия. «На вымирание во внешний мир», так это у них сформулировано. И поток переселенцев строго односторонен. Весьма сожалею.

Она помолчала.

— Вы хорошо знаете Республику, господин аудитор?

Тон ее ясно говорил, что она смирилась с неудачей. Теперь она желала одних лишь воспоминаний.

— Достаточно, чтобы знать, что жену Абеляра Линдсея там

осудили. Ваш бывший муж буквально канонизирован, он — мученик, пострадавший за дело презервационизма. Вас же считают пособницей механистов, главной виновницей изгнания и смерти Линдсея.

— Ужасно… — Глаза ее наполнились слезами, она поднялась на ноги. — Я… Извините… Нельзя ли воспользоваться вашим биомонитором?

— Слезы меня не пугают, мадам, — мягко ответил Линдсей. — Я не дзен-серотонист.

— Муж… Он был такой способный… Мы думали, что поступаем правильно, отправляя его учиться к шейперам. Я так и не поняла, что там с ним сделали, но это было ужасно. Я изо всех сил старалась сохранить семью, но он был такой хитрый и изворотливый, что мог извратить любое мое слово или же направить его на совершенно противоположную цель. Он и в остальных вселял страх. Они были уверены, что он разорвет наш мир на части. Зря мы послали его к шейперам!

— Но я уверен, что с позиций того времени вы поступили очень умно, — сказал Линдсей. — Республика уже находилась в зоне влияния механистов; следовало восстановить равновесие.

— Но не за счет сына моей кузины! Мало им было плебеев вроде Константина? — Палец ее поднялся к губам. — Извините. Все это, конечно, аристократические предрассудки. Простите, господин аудитор. Я погорячилась.

— Понимаю, — сказал Линдсей. — В вашем возрасте дела давно минувших дней могут вызывать неожиданные приливы чувства. Мне очень жаль, мадам, с вами обошлись несправедливо.

— Спасибо, сэр. — Она приняла поданную роботом салфетку. — Я глубоко тронута вашим сочувствием. — По-птичьи точными движениями она промокнула глаза. — Мне начинает казаться, что я знаю вас очень давно.

— Ложная память… Некогда я был женат на женщине, весьма похожей на вас.

Последовал неторопливый взгляд. Вне вербального уровня сказано было очень много. Истина, мелькнув на поверхности, скрылась за необходимым фасадом недоговорок.

— Жена… — Лицо ее ярко вспыхнуло. — Она не поехала сюда с вами?

— Брак на Дембовской — совсем другое.

— Я была замужем здесь. По пятилетнему брачному контракту. Полигамному. Он истек в прошлом году.

— И теперь вы не замужем.

Она кивнула. Широким жестом правой руки, сопровождаемым тихим жужжанием, Линдсей обвел комнату.

— Я — тоже. Результат, по-моему, налицо. Служебные дела сделали мою жизнь пустынной.

Она едва заметно улыбнулась.

— А как вы отнесетесь к тому, чтобы вести здесь хозяйство? Должность помощника аудитора, полагаю, оплачивается гораздо лучше той, что у вас сейчас.

— Да, пожалуй.

— Скажем, так: шестимесячный испытательный срок, а впоследствии домоправительский пятилетний контракт; стандартные условия, брак моногамный. Контракт могут отпечатать в моей конторе завтра утром.

— Это так неожиданно.

— Вздор, Александрина. Если в нашем возрасте все откладывать на потом, так ни к чему и не придешь. Что для нас пять лет? Мы уже доросли до свободы.

— Можно, я выпью? — спросила она. — Для моей программы поддержки здоровья это не очень полезно, но сейчас, по-моему, мне это просто необходимо.

Она нервозно взглянула на него, и он уловил во взгляде вымученный намек на близость.

Бумажный глянец кожи, тщательно уложенные волосы… Да, запоздалая попытка искупить прошлые грехи добавит в его жизнь новую тоскливую рутину. Он подавил вздох.

— Я найду вас, когда понадобится обсудить пункты, касающиеся наших половых отношений.

Государство Совета Союз Старателей
23.06.83

Константин заглянул в резервуар. За стеклом окошка плавала разбухшая от воды голова Паоло Мавридеса. Темные вьющиеся волосы, характерная особенность генолинии Мавридесов, вяло шевелились над затылком и плечами. Налитые кровью зеленые глаза были открыты. Инъекции парализовали зрительный нерв. Спинальный блок сохранил ему способность чувствовать, но не двигаться. Слепой и глухой, недвижный, окруженный водой, имеющей температуру тела, Паоло Мавридес пребывал в сенсорной изоляции уже две недели.

Кислород подавался прямо в трахею. Капельницы в венах предохраняли от истощения.

Константин коснулся черного переключателя на резервуаре, и динамики, установленные специально для этого случая, ожили. Молодой боевик разговаривал сам с собой, бормоча на разные голоса что-то вроде литании.

— Паоло, — окликнул его Константин.

— Я занят, — отвечал тот. — Зайдите позже.

— Хорошо, — хмыкнул Константин, щелкнув по микрофону, чтобы изобразить звук отключаемого динамика.

— Нет, погодите, — тут же сказал Паоло. Константин улыбнулся, уловив в его голосе легкий испуг. — Все равно спектакль испорчен. «Пастушьи луны» Феттерлинга.

— Ее давным-давно не ставят, — сказал Константин. — Ты в это время был совсем ребенком.

— Я выучил ее в девять лет.

— Надо же, какая память. И ведь катаклисты во все это верят. Проверка внутреннего мира воли… Ты долго пробыл здесь. Очень долго.

Константин выжидающе замолчал.

— Сколько же? — вырвалось у Мавридеса.

— Почти сорок восемь часов.

Мавридес коротко засмеялся, и Константин подхватил его смех.

— Ну конечно же, оба мы понимаем, это неправда. Нет, почти год! Ты страшно исхудал.

— Попробуй как-нибудь сам. Может, это решит проблемы с кожей.

— Это, молодой человек, последняя из моих трудностей. Я совершил тактическую ошибку, установив такую хорошую систему охраны. Ты не поверишь, как много дураков попадало до тебя в эту бочку. Ты сделал глупость, Паоло.

— А скажи-ка лучше, отчего твой голос звучит как глас божий?

— Такая техника. Мои слова поступают непосредственно к твоему внутреннему уху. Поэтому ты не можешь слышать собственного голоса. Аппаратура считывает его для меня с нервных окончаний твоей гортани.

— Понятно, — сказал Паоло. — Проволочные сработали.

— Ничего необратимого. Но поговорим о тебе, Паоло. Кто состоит в твоей бригаде?

— Я не катаклист.

— У меня твое оружие. Вот. — Вынув из кармана полотняной куртки маленькую таймер-ампулу, Константин покрутил ее в пальцах. — Обычное для катаклистов. Что это? PDKL-95?

Паоло молчал.

— Возможно, тебе этот препарат известен под названием «облом»?

— Перестроить твое сознание? — засмеялся Паоло. — Мне бы и в голову не пришла такая глупость. Сумей я оказаться с тобой в

одной комнате, поставил бы на пять секунд, и обоим нам крышка.

— Аэрозольный токсин, да? Надо же, какая самоотверженность…

— Есть вещи поважнее жизни, плебей.

— Какая трогательная старомодность. Вижу, вы хорошо покопались в моем прошлом. Давненько ничего подобного не слыхал. Ты еще назови меня дикорастущим.

— Нет нужды. Все это нам рассказала твоя жена.

— Прошу прощения?

— Твоя жена, Натали Константин. Может, слыхал? Ей нелегко было примириться с пренебрежением. И она стала первой шлюхой Союза старателей.

— Я сейчас заплачу от огорчения.

— А откуда, по-твоему, я узнал, как войти в твой дом? Эта блядь просто умоляла, чтобы я тебя прикончил.

Константин засмеялся.

— Тебе бы хотелось, чтобы я причинил тебе боль, не так ли? Боль стала бы хоть какой, но опорой. Нет, молодой человек, тебе следовало оставаться в Голдрейх-Тримейне. В пустых залах и заброшенных кабинетах. Боюсь, что ты начинаешь меня утомлять.

— Позволь, прежде чем ты уйдешь, сказать, о чем я жалею. Я жалею о своей близорукости. У меня тут было время подумать. — Последовал глухой смех. — Я купился на твою пропаганду. Вот, скажем, астероид Ниса. На первый взгляд так замечательно! Но Совет Колец не знал, что картель Нисы был просто свалкой для перегоревших проволочных из захолустья. Ты до сих пор лижешь жопу аристократам из Республики. При всех своих должностях и званиях ты остался просто дешевым доносчиком, рабом и лакеем.

Константин ощутил знакомое напряжение и дрожь в затылке. Коснувшись затылочного контакта, он полез в карман за ингалятором. Ни к чему ему фуга, когда мальчишка разболтался и вот-вот расколется.

— Продолжай, продолжай.

— Все твои достижения на поверку оказывались простым очковтирательством. Ты ведь ничего ни разу не создал сам. Ты — ничтожество, Константин. Полное ничтожество. И я знаю человека, под чьим ногтем поместится десяток таких, как ты.

— Кто же это? Твои друг, Феттерлинг?

— Бедняга Фернанд, твоя жертва… Конечно, он в тысячу раз лучше тебя, но такое сравнение нечестно. У тебя никогда не было ни капли артистического таланта. Нет, я имею в виду другого. Человека, специализирующегося в твоем главном искусстве. Политики и шпионажа.

— Какой-нибудь катаклист… — устало отмахнулся

Константин.

— Нет, не катаклист. Абеляр Линдсей.

Жгучий приступ мигрени скрутил Константину голову. Поверхность резервуара медленно поплыла к нему. Тусклый ледяной блеск металла. Он падал. Собрав все силы, Константин попробовал поднять руки, но бешеный удар фуги, растянувшийся, казалось, на целый месяц; отсек нервные импульсы. Придя в себя, он почувствовал под щекой холод и услышал, что Мавридес все еще говорит:

— …всю эту историю от Норы. Пока ты здесь судил артистов за измену, Линдсей одержал величайшую победу в истории. Перебежчик от Инвесторов… Он получил в свои руки перебежчика от Инвесторов, матку звездного корабля.

— Слышал я это, — откашлявшись, сказал Константин. — Механистская пропаганда. Бред. — Мавридес истерически расхохотался.

— Спекся ты к растакой матери! — громко сказал он. — Спекся. От тебя не останется ни-хе-ра, кроме сноски в учебнике истории, двух строчек мелким шрифтом. Это же Линдсей организовывал революцию в вашем мире, пока ты возился со всяким говном, разводил мошек-брошек и строил планы, как бы присвоить всю честь себе. Ты же мелочь, гнида. Не стоило и возни убивать тебя, но мне никогда не везло.

— Линдсей мертв. Шестьдесят лет как мертв.

— Ну да, плебей. Он хотел, чтобы ты так думал. — Смех, извлекаемый непосредственно из нерва, металлом гремел из динамиков. — Я жил в его доме, придурок, и он меня любил.

Константин открыл резервуар, повернул таймер ампулы, бросил ее в воду и захлопнул люк. Отвернувшись, он пошел прочь. Дойдя до двери, он услышал резкий, неистовый всплеск. Токсин сделал свое дело.

Народная Корпоративная Республика Царицын Кластер
03.01.84

Ничего ровнее и чище этой длинной, сверкающей линии сварки Линдсей в жизни не видел. Плавая в пузыре обзора, он наблюдал за копошащимися в вакууме строительными роботами. Механистские машины имели длинные комариные носы, добела раскаленные сварные кончики которых заливали вороненую обшивку дворца царицы дрожащим голубоватым светом.

Шла постройка полномасштабной копии звездолета Инвесторов, корабля без двигателей, который никогда никуда не полетит сам по себе. К тому же — черного, без малейшего следа

аляповатых мозаик настоящего инвесторского корабля. На этом настояли другие Инвесторы, приговорив матку-перебежчицу к заточению в темной тюрьме корабля-суррогата.

После долгих исследований Линдсей кое-как разобрался в истинной сути преступления капитана.

Матки откладывают яйца в чревоподобные «сумки» самцов. Самцы оплодотворяют яйца и носят в сумках до срока. Бесполые лейтенанты регулируют овуляцию посредством сложной гормональной псевдокопуляции.

Преступная же матка в припадке страсти убила своего лейтенанта и заменила его обычным самцом. Но без настоящего лейтенанта циклы ее сексуальности исказились. Линдсей отснял ее за уничтожением одного из яиц с пороком развития. Для Инвестора это гораздо хуже извращения и даже убийства: это — ущерб для бизнеса.

И Линдсей представил улику так, что она била в самое сердце инвесторской этики. Смущение — эмоция, не свойственная Инвесторам. Они были потрясены. Но Линдсей не мешкал с предложением средства правозащиты: изгнание! И завуалированно пригрозил предать свою запись гласности, посвятив в подробности все инвесторские корабли и человеческие группировки.

О скандале знало лишь избранное число богатых маток и лейтенантов, но даже это было сквернее некуда. Посвящать же в такую кошмарную историю впечатлительных самцов было просто немыслимо. И сделка состоялась.

Матка так никогда и не узнала, кто на нее донес. Подход к ней нужен был еще более тонкий, на пределе талантов Линдсея. Вовремя подаренная груда драгоценных камней еще больше разожгла в провинившейся даме жадность — основной жизненный инстинкт всех Инвесторов. Бизнес на ее корабле шел из рук вон плохо: униженная, растерявшаяся команда, никудышный бесполый лейтенант…

И тут прибыл Линдсей, вооруженный Уэллсовыми схемами и диаграммами, статистически предсказывающими достояние, которое совсем легко выжать из города-государства, не зависимого ни от одной группировки. Экспоненциальные кривые вздымались прямо к загребанию дух захватывающих богатств. Он сказал, что ничего не знает о ее бесчестии — знает лишь, что соотечественники прямо-таки жаждут поместить ее под арест. Вдобавок намекнул, что, накопив достаточно, она сможет вернуть благосклонность сородичей.

Мало-помалу он помог ей понять, что это — ее наилучший шанс. Чего она стоит без команды и лейтенанта? Зачем

отказываться от активной поддержки маленьких, вежливых чужаков? Общественные инстинкты этих хилых стадных млекопитающих приведут их к признанию ее своей королевой-маткой — да-да, именно! Уже сейчас Совет управляющих готов выполнить любую ее прихоть; все они свободно говорят по-инвесторски и прямо-таки рвутся засыпать ее богатствами!

Но жадность — это только для разгона, окончательно подчиниться воле Линдсея ее вынудил страх — страх перед маленьким мягкокожим чужаком с темным пластиком на мякоти глаз и готовыми ответами на любой вопрос. Казалось, он знает ее народ лучше, чем она сама!

Неделей позже последовало оглашение и внезапный — с мясом и кровью — перенос столицы к месту ссылки. Матку прозвали «Царицей» (с подачи Рюмина), а ее городом стал Царицын Кластер, возникший из ничего на внутренней кромке Пояса и уже четыре месяца переживавший непрекращающийся подъем. Народная Корпоративная Республика Царицын Кластер, совершив то, что Уэллс называл «скачком Пригожина» и «переходом на высший уровень сложности», скакнула из виртуального в реальное существование. Теперь Совет управляющих был перегружен делами, а транспортные линии — перебежчиками, ищущими политическое убежище и возможность начать жизнь с чистой страницы. Присутствие Инвестора накладывало на этот мир отпечаток необычного, отгораживало его крепостной стеной престижа, покуситься на который не решались ни механисты, ни шейперы.

Недоделанный дворец тесно окружали разношерстные скваттерские жилища: сети тугих шейперских пузырей-пригородов; хищные пиратские суденышки, бесстыдно совокупляющиеся посредством гофрированных абордажных рукавов; грубые соты притащенных на буксире механистских конструкций из никеля и железа; черепахообразные строительные времянки, липнущие к каркасной решетке городского комплекса, только-только сошедшей с чертежной доски. Город должен был стать столицей, околосолнечным вольным портом, последним оплотом бродяг. Он, Линдсей, основал его. Но не для себя.

— Что, приятель, зрелище волнует кровь?

Линдсей взглянул направо. В обзорный пузырь прибыл человек, некогда называвшийся Уэллсом. На месяцы приготовлений Уэллс скрылся под тщательно подготовленной маской. Теперь он был Уэллспринг, двухсот лет от роду, рожден на Земле; человек-загадка, делец милостью Божьей, ясновидец и даже пророк. Ничто меньшее просто бы не годилось. Для операции такого масштаба требовалась легенда. Иными

словами — жульничество.

— Дело двигается, — кивнул Линдсей.

— Скоро начнется настоящая работа. Вот только не слишком мне нравится этот Совет управляющих. Уж больно они негибки, работают без души. У некоторых полно амбиций. Смотреть за ними нужно.

— Конечно.

— Может, ты этим и займешься? Пост координатора для тебя открыт. Ты справишься.

— Я предпочитаю держаться в тени, Уэллспринг. Роль вашего масштаба выдвинет меня слишком близко к рампе.

— Философия доставила мне достаточно проблем, — помолчав, ответил Уэллспринг. — Не гожусь я, пожалуй, для мифа. Мне нужен ты и эта самая твоя тень.

Линдсей посмотрел в сторону, на двух строительных роботов, тянувших шов навстречу друг другу, чтобы соединиться в раскаленном добела поцелуе электродов.

— Моя жена мертва, — сказал он.

— Александрина? Как жаль. Я потрясен…

Линдсей вздрогнул.

— Да нет же. Нора. Нора Мавридес. Нора Эверетт…

— О! — сказал Уэллспринг. — Когда ты узнал?

— Я обещал ей, что обеспечу нам подходящее место. Помнишь, я говорил о возможном расколе Совета Колец?

— Да.

— Все готовилось тихо, насколько это было возможно, — и все же недостаточно тихо. Константин как-то разнюхал и предотвратил раскол. Ее обвинили в измене. Следствие впутало бы и всех прочих членов ее клана. И она предпочла самоубийство.

— Мужественно…

— Ей больше ничего не оставалось.

— Да, пожалуй.

— Она ведь любила меня, Уэллспринг. Хотела ко мне приехать. И совсем уже собралась, но Константин убил ее.

— Я понимаю твое горе, — сказал Уэллспринг. — Но жизнь — штука длинная. Не стоит забывать о высших конечных целях.

— Ты же знаешь, — угрюмо ответил Линдсей, — я не придерживаюсь этой посткатаклистской линии.

— Постгуманистской, — поправил Уэллспринг. — Ты ведь за жизнь, не правда ли? Если нет, то позволишь боли себя подчинить, восстанешь против Константина и умрешь, как Нора. Прими ее смерть и оставайся с нами. Будущее принадлежит постгуманизму, а не национальным государствам и

группировкам. Оно принадлежит жизни, а жизнь развивается образованием подвидов.

— Я уже слышал эти басни, Уэллспринг. Смирившись с утратой в нас человеческого, мы придем к куда худшим различиям, ссорам и войнам.

— Нет, если новые виды смогут достичь согласия, как познающие системы четвертого пригожинского уровня сложности.

Линдсей молчал, спорить с этим человеком было бесполезно.

— Ну что ж, — сказал он наконец. — Остается пожелать тебе удачи. Постарайся защитить пострадавших. Может, что-нибудь из всего этого и выйдет.

— Подумай, Линдсей, перед нами целая вселенная неиспользованных возможностей. Ни законов, ни ограничений…

— Пока он жив — нет. Прости.

— Придется тебе это делать самому.

Торговый корабль Инвесторов
14.02.86

— Это не предпочитаемый нами вид сделок, — сказал Инвестор.

— Мы не встречались раньше, лейтенант? — спросил Линдсей.

— Нет. Но я был знаком с вашим учеником. Доктор-капитан Саймон Африэль. Весьма образованный джентльмен.

— Я хорошо помню Саймона.

— Он умер в посольстве. — Инвестор смотрел на Линдсея. Темные глаза его враждебно поблескивали в белых ободках его мигательных перепонок. — Жаль. Я всегда получал удовольствие от бесед с ним. Хотя — это его стремление всюду соваться… Вы называете это любопытством. Позыв к собиранию бесполезной информации. Существо с таким изъяном подвергается излишнему риску.

— Несомненно, — согласился Линдсей.

До этого он не слыхал о смерти Африэля. Известие доставило ему горькое удовольствие: нет еще одного фанатика, бессмысленно погиб еще один талантливый человек…

— Ненависть понять гораздо проще. Странно, что ты, Художник, стал ее жертвой. Это заставляет усомниться в моем суждении о вашем виде.

— Сожалею, что послужил источником недоразумения. Канцлер-генерал Константин сумеет объяснить все это гораздо лучше.

— Я поговорю с ним. Он со своими людьми только что

прибыл на борт. Хотя он — не характерный образец для составления мнения о человеческой природе. Сканирование показывает, что он пошел на очень серьезные перестройки организма.

Теперь так делают многие, подумал Линдсей. Даже из самых молодых. Словно существование Неотенической Республики с ее принудительной человечностью освободило прочие группировки от необходимости притворяться.

— Вы находите это странным для космической расы?

— Нет. Вовсе нет. Поэтому-то их и осталось так мало.

— Девятнадцать, — уточнил Линдсей.

— Да, число исчезнувших рас, входивших в нашу торговую сферу, на порядок больше. Хотя артефакты их сохранились. Как, например, тот, что мы предполагаем предоставить вам в аренду. — Инвестор обнажил бороздчатые шипообразные зубы — признак отвращения и неприязни. — Мы надеялись на долгосрочную торговлю с вашим видом, но не можем отвратить вас от порывов в вопросах метафизики. Вскоре нам придется наложить на вашу систему карантин, чтобы не быть вовлеченными в ваши трансмутации. В то же время нам придется пренебречь некоторыми из своих принципов, чтобы оправдать свои капиталовложения.

— Вы меня пугаете, — сказал Линдсей. Это он уже слышал: туманные угрозы Инвесторов, намеревающихся заморозить человечество на текущем уровне развития. Забавно: Инвесторы проповедуют презервационизм… — Конечно, война — весомейшая угроза.

— Нет. И мы представили вам доказательства этого. Наш межзвездный двигатель дал вам понять, что ваши представления о пространстве-времени неверны. Ты, Художник, должен об этом знать. Задумайся на минуту о последних достижениях в математическом описании того, что вы называете гильбертовым пространством и ур-пространством преконтинуума… Они не могли миновать твоего внимания.

— Математика — мое слабое место.

— И наше. Но нам известно, что эти открытия — тревожный признак неизбежного перехода к иной форме бытия.

— Неизбежного?

— Да. Вопрос лишь нескольких столетий.

Значит, столетий… Да, как легко забыть, насколько древни Инвесторы. Глубочайшее их нежелание перемен обеспечивает им широкий, но поверхностный кругозор. Им неинтересна собственная история, они не хотят сравнивать свою жизнь с жизнью предков, потому что не предполагают, что их жизнь или

же побуждения хоть в малейшей степени изменились. Есть у них туманные легенды и невнятные, перевранные технические сведения, касающиеся наиболее ценимых ими объектов, но даже эти фрагменты истории затерялись в лихорадочной погоне за добычей.

— Не все вымершие расы совершили этот переход, — продолжил лейтенант, — и те, кто изобрел Арену, вероятно, умерли насильственной смертью. Об этом мы не имеем информации; только технические данные об их форме восприятия, позволяющие нам сделать Арену понятной для нервной системы человека. В этом нам оказал помощь Департамент неврологии Космоситета Государства корпоративного договора Ниса.

Константиновы наемники, подумал Линдсей. Проволочные жулики с Нисы, перебежавшие от механистов к шейперам и сочетающие механистскую технику с фашистской структурой шейперского военно-научного комплекса.

— Самые подходящие люди, вернее существа, для этой работы.

— Канцлер-генерал сказал то же самое. Кстати, его группа уже собралась. Не следует ли присоединиться к ним?

Группа Константина общалась с группой Линдсея в одной из пещерообразных гостиных. Помещение было заставлено высокой мебелью — ошеломляюще декорированными канапе и столами на изогнутых ножках, покрытыми ребристыми куполами и стилизованными волютами. Все это было настолько большим, что никак не могло быть использовано посетителями-людьми, и те опасливо жались к подножию мебели, стараясь ничего не трогать. Войдя в гостиную, Линдсей обратил внимание, что вся мебель покрыта тонким слоем лака для защиты от кислорода.

Ему пока что не доводилось видеть молодых представителей генолинии Константина. Тот привел с собой десять человек: пять мужчин и пять женщин. Родственники были выше Константина и волосы имели более светлые — наверняка, привнесение генов от другой линии.

Все они обладали особым шейперским обаянием, акробатической ловкостью и гибкостью. Но что-то в их телосложении — плечи, тонкие руки — говорило о генетическом наследии Константина. Одеты они были экстравагантно и пышно: круглые бархатные шляпы, рубиновые серьги, шитые золотом парчовые пиджаки. Наряжались явно ради Инвесторов, высоко ставящих богато выглядящих клиентов.

Одна из женщин, стоявшая к Линдсею спиной, разглядывала высокие ножки мебели. Прочие стояли спокойно и

непринужденно, обмениваясь с людьми Линдсея ничего не значащими любезностями. Линдсей привез с собой разношерстную группу ученых и специалистов по Инвесторам из Царицына Кластера. Была среди них и Александрина. Она беседовала с самим Константином и держалась, как обычно, безукоризненно. Ничто не указывало, что все эти люди — секунданты, свидетели, собранные сюда, чтобы поединок был честным.

Два года борьбы и продолжительных и деликатных переговоров потребовались для организации встречи с Константином. Наконец было определено, что инвесторский звездолет — поле боя, приемлемое для обеих сторон. Здесь обман пользы не принесет никому. Сама Арена оставалась в руках Инвесторов; техники Нисы работали по данным, к которым обе партии имели свободный доступ. Расходы делились по соглашению, причем большую их часть — взамен преимуществ в правах на технологические новинки — принял на себя Константин. Линдсей получал данные через два уровня подставных лиц — в Царицыном Кластере и на Дембовской, — чтобы запутать возможных наемных убийц. К чести Константина, тот не послал ни одного.

Система поединка была согласована с большими сложностями. Разнообразные предложения тщательно обсуждались в кругу посвященных. От физического боя, как не соответствующего соображениям чести и достоинства сторон, отказались сразу. Те, кто был знаком с популярными азартными играми шейперского дна, высказывались за игру и самоубийство проигравшего. Однако отдать дело на волю случая — значит, признать равенство сторон, на что ни одна из них не хотела соглашаться.

Настоящая дуэль должна закончиться победой достойнейшего. Предлагались тесты на быстроту реакции, силу воли и гибкость ума, являющиеся основными качествами, необходимыми в современной жизни. Объективные тесты вполне возможны, но где гарантии, что одна из сторон не подготовится к ним заранее или же не окажет давления на судей? В сообществе проволочных существовали разнообразные формы поединков сознаний, но они зачастую продолжались десятилетиями и требовали радикальных изменений в организме. Тогда было решено посоветоваться с Инвесторами.

Вначале Инвесторы никак не могли уловить суть дела. Затем, как и ожидалось, предложили экономическую войну: обе стороны получают равные начальные капиталы и возможность их увеличить. По истечении оговоренного времени более бедный

предается казни.

Это предложение особого восторга не вызвало. Тогда еще один Инвестор предложил следующее: обеим сторонам попробовать читать «…(непереводимо)… литературу». Тут тоже возникло сомнение: победивший и выживший сможет повторить что-либо из прочитанного и станет, таким образом, опасным для остального человечества. И тогда в одном из заваленных добычей отсеков инвесторского корабля, находившегося в Солнечной системе, отыскалась Арена.

Изучение быстро выявило все ее преимущества. Чужой внутренний мир был малопонятен даже для лучших представителей общества — эмиссаров к другим мирам. Необычайно высокий процент смертности в этой группе подтверждал, что Арена — сама по себе тест. Внутри создаваемого Ареной мира оба дуэлянта смогут драться в паре пришельческих тел, гарантированно равных по возможностям, из чего следует, что победа достанется лучшему стратегу.

Константин, стоя под одним из высоких столов, потягивал из самоохлаждающегося серебряного бокала дистиллированную воду. Подобно своим расфуфыренным согенетикам, он был одет в мягкие панталоны с кружевами и шитый золотом камзол со знаком различия на высоком стоячем воротнике. Его круглые красивые глаза поблескивали черными светозащитными линзами. Лицо его, подобно лицу Линдсея, годы привычного напряжения пометили складками и морщинами, глубоко избороздившими кожу.

Линдсей был одет в мышастого цвета комбинезон без каких-либо знаков. Глаза его были защищены от бело-голубого сияния темными очками, а лицо — смазано маслом.

Он пересек каюту и подошел к Константину. Воцарилось молчание, но Константин вежливым жестом велел своим согенетикам не прерывать беседы.

— Здравствуй, кузен, — сказал Константин.

Линдсей кивнул в ответ:

— Замечательная группа согенетиков, Филип. Прими поздравления.

— Получилось неплохо, — согласился Константин. — Они прекрасно ладят с этим притяжением.

Он взглянул на жену Линдсея, тактично отступившую к другой группе, — колени ее явно болели от напряжения.

— Столько времени я занимался генетической политикой, — заметил Линдсей, — а в ретроспективе она кажется лишь аристократическим фетишизмом.

Глаза Константина сузились.

— Продолжив линию Мавридесов чуть далее, можно было бы добиться превосходных результатов.

— Их предали, — ответил Линдсей в приступе холодной ярости.

— Я понял твою иронию, Абеляр, — вздохнул Константин. — Если бы ты много лет назад сдержал свое обещание Вере Келланд, не произошло бы ни одной из этих аберраций.

— Аберраций? — холодно усмехнулся Линдсей. — Очень мило с твоей стороны, кузен, заниматься после меня приборкой. Подбирать оставленные мною концы.

— Ничего удивительного. Ты их много разбросал в свое время, и все они один хуже другого. — Константин глотнул воды. — Например, твоя политика умиротворения. Разрядка. Как это по-твоему: сладкими речами подвести народ к краю пропасти и смыться в бродяги перед самым крушением.

— Это что, новая линия партии? — поинтересовался Линдсей. — Возлагать на меня вину за Замирение Инвесторов? Весьма польщен. Но так ли уж мудро ворошить прошлое? Зачем напоминать всем, как ты профукал Республику?

Костяшки пальцев Константина, сжимавших бокал, побелели.

— Вижу, ты так и остался ценителем и хранителем старины. Странно, что ты заодно с Уэллспрингом и его бандой анархистов.

— Я знаю, — кивнул Линдсей, — что ты напал бы на Царицын Кластер при первой возможности. Твое лицемерие просто поразительно! Ты ведь не шейпер. И не только потому, что дикорастущий; взять хотя бы твое пресловутое пристрастие к механистской технике. Ты — живой пример силы разрядки. Тащишь лучшее отовсюду. Но другим в этом праве отказываешь.

— Я не шейпер, — улыбнулся Константин. — Я — их страж. Такова моя судьба, и я давно примирился с этим. Всю жизнь я был один. У меня не было никого, кроме тебя да Веры. Какими мы тогда были дураками.

— Дураком был я. Я убил Веру ни за что. Ты-то сделал это, чтобы утвердиться в своей силе…

— Цена высока, но дело того стоило. И с тех пор я успел возместить ущерб.

Осушив бокал, он протянул его вперед.

Бокал приняла… Вера Келланд. Шею ее украшал золотой филигранный медальон — тот самый, что был на ней в момент катастрофы. Тот самый, что должен был обеспечить смерть Линдсея.

Линдсей окаменел. До этого он не видел лица девушки — та стояла к нему спиной.

Она старалась не встречаться с ним глазами.

А Линдсей глядел на нее как завороженный. Сходство было сильным, но не полным. Девушка повернулась и отошла.

— Это не совсем полный клон, — выдавил Линдсей.

— Конечно. Вера Келланд была дикорастущей.

— Ты взял ее гены.

— Что я слышу, кузен? Зависть? Ты хочешь сказать, что ее клетки любили тебя, а не меня? — захохотал Константин.

Линдсей оторвал взгляд от девушки. Грация и красота ее больно ранили его. Он был оглушен и даже напуган.

— Что же с ней будет, когда я тебя убью?

— Отчего бы не поразмыслить над этим во время боя? — спокойно улыбнулся Константин.

— Я дам тебе обещание. Клянусь, что, победив, я позабочусь о твоих согенетиках.

— Мой народ лоялен к Совету Колец. А сброд из твоего Царицына Кластера — их враги. Конфликт неизбежен.

— Не стоило бы нам с тобой усугублять эту невеселую перспективу.

— Не будь наивен, Абеляр. Царицын Кластер должен пасть.

Линдсей окинул внимательным взглядом группу Константина:

— С виду они неглупы, Филип. Интересно, не обрадуются ли они твоей смерти? Не устроят ли по ее случаю всеобщий праздник?

— Праздные умствования всегда меня утомляли.

Линдсей взглянул на него.

— Тогда пора бы проверить на деле.

Один из огромных иносистемных столов был покрыт тяжелой материей, спадавшей до самого пола. Под столешницей, где свет сиял не столь ослепительно, были заранее установлены два гидравлических лежака — для нейтрализации сильного притяжения.

Сама Арена представляла собой маленький, размером с кулак, додекаэдр. Треугольные грани его, непроницаемо-черные, слегка поблескивали в пастельных тонах. От двух металлизированных углублений на противоположных вершинах устройства тянулись провода, подключенные к паре защитных шлемов с очками и длинными воротниками. Шлемы были совершенно одинаковы и выглядели чисто функционально, типичные изделия механистов.

Выиграв жеребьевку, Константин взял правый шлем. Затем извлек из кармана шитого золотом камзола плоский изогнутый ромб из бежевого пластика и прицепил к имеющимся на нем петлям эластичную ленту.

— Пространственный анализатор, — пояснил он. — Одна из моих привычек. Это позволяется?

— Да. — С этими словами Линдсей достал из нагрудного кармана связку помеченных точками клейких дисков. — PDKL-95. Двести микрограммов.

Константин удивленно поднял брови:

— «Облом»? От катаклистов?

— Нет. Из запасов Майкла Карнассуса. Из самой первой механистской партии. Для посольств. Интересует?

— Нет. — Казалось, Константин был потрясен. — Я протестую. Я пришел драться с Абеляром Линдсеем, а не с его раздробленной личностью.

— Вряд ли это что-то решает. Ведь бой будет насмерть, Константин. Мое человеческое начало мне только помешает.

Константин пожал плечами:

— Тогда я выиграю, безо всяких сомнений.

С этими словами он надел свой анализатор. Специально подогнанный, он плотно лег на затылок. Его микроштеккеры плавно вошли в гнезда, соединенные с правым полушарием мозга. При пользовании анализатором пространство приобретало фантастическую четкость, каждое движение виделось со сверхчеловеческой ясностью. Подняв шлем, Константин остановил взгляд на блеснувшем рукаве. Линдсей увидел, что он помедлил, разглядывая сложную структуру ткани. Казалось, Константин загипнотизирован золотым шитьем. Наконец, еле заметно вздрогнув, он сунул голову в шлем.

Линдсей прилепил к запястью первую дозу и надел свой. Он почувствовал прикосновение липких захватов для глаз, а затем — онемение от местной анастезии; в это время нити постепенно твердеющего биогеля скользнули за глазные яблоки, пробираясь к зрительному нерву. Последовал слабый, затухающий звон — другие нити ползли по барабанным перепонкам, обеспечивая необходимый хемотактильный контакт с нейронами.

Оба легли на гидравлические ложа и принялись ждать, пока воротники просочатся в заранее проделанные микроскважины седьмого шейного позвонка. Микронити безболезненно прорастали сквозь миелиновые покрытия аксонов позвоночника, сплетаясь в студенистую паутину.

Линдсей лежал, не двигаясь. PDKL начал действовать. Постепенное отключение позвоночника размягчало тело, точно воск, нервные окончания в мускулах, по мере того как ворот отключал их, посылали в мозг последние всплески теплоты, последние проявления человеческого начала, слишком слабые для того, чтобы называться болью. «Облом» помогал забыть.

Делая новым все, он в то же время лишал все новизны. Ломая предрассудки, он усиливал понимание — настолько, что единственный момент интуитивного прозрения бурно разрастался в целую интуитивную философию.

Наступала темнота. Во рту появился привкус паутины. Накатила короткая волна головокружительного страха, но «облом» тут же унес ее прочь, оставив Линдсея на ничейной земле, где страх его странным образом превратился в сокрушительное ощущение физической тяжести.

Он притаился у подножия титанической стены. Впереди, с колоссальной арки, мерцали тусклые отблески какого-то сияния. Рядом находились балюстрады из ледяных глыб, опутанные паутиной из тонких, покрытых пылью веревок. Линдсей хотел было потрогать стену и, вытянув руку, с вялым удивлением отметил, что рука его превратилась в мертвенно-бледную двухсуставчатую клешню, покрытую тусклой броней.

Он начал карабкаться на стену. Гравитация развернулась вместе с его телом. С новой точки зрения мостики трансформировались в изогнутые колонны, петли свисающих веревок стали жесткими горизонтальными дугами.

Все вокруг было старым. В мозгу его словно открылся некий новый канал восприятия. Он мог видеть время — блестящий лак на поверхности мира, застывшие пятна, вырванные из контекста движения, а затем изображенные на холодных камнях какими-то инопланетными красками. Стены превратились в полы, балюстрады — в ледяные баррикады… Неожиданно оказалось, что у него слишком много ног. Ноги появились на месте ребер, а «копошение» в животе было копошением буквальным: это ощущение вызывали движения второй пары конечностей.

Он попытался осмотреть свое тело. Нагнуться не получилось, зато спина с поразительной легкостью выгнулась и глаза без век уставились на броневые сегменты, перемежающиеся межсегментальным мехом. Из спины торчали два каких-то сморщенных органа на стебельках. Он приблизил к ним морду и внезапно ощутил головокружительный желтый запах. Тогда он попробовал крикнуть, но кричать было нечем.

Он плюхнулся обратно на холодные камни и, подчиняясь инстинкту, поспешно пополз головой вперед по серым пористым булыжникам к безопасному мраку громадного выдающегося вперед карниза и чего-то вроде клетчатой полки из проржавевших железных прутьев. Он барахтался в ослепительной вспышке интуиции, утратив всякое ощущение пропорций, осознав внезапно, что стал совсем крохотным, до невозможности маленьким; что эта титаническая по сравнению с ним каменная

кладка и сама ничтожно мала — так мала, что…

Он ударил клешней по пористому камню. Камень был тверд, очень тверд в своей утомленной вековечности, пережившей многие безжалостные зоны, припорошенной тонкой пылью рассыпавшихся от времени громадных машин…

Он обонял запах вечности — даже чувствовал его, словно давление или страх. Запах был тяжеловесен и тверд, и Линдсей внезапно подумал о воде: стремительный поток воды может быть тверже стали. Затем мысли его ракетой рванулись вперед; он подумал об идентичности скорости и материи, о кинетической энергии атомов, дающих форму твердому камню, камню, который на деле не более чем пустота. Все — абстрактная структура, вечная форма, уровень за уровнем, пустота, пронизанная возмущениями пустоты, волны, кванты. Он почувствовал камень до последней мелочи, и поверхность его была не более чем застывший дым, туман, окаменевший от плененных камнем эонов. Там, под поверхностью, дальнейшие тонкие уровни, деталь на детали бесконечно уменьшающейся паутины…

И тут на него напали. Враг оказался сверху. Клешни его страшно рванули Линдсея; боль чуждого, непривычного тела, искаженная при переводе в знакомые структуры нервных импульсов, наполнила мозг ужасом и тошнотой. Он забился в предсмертных судорогах, лицо его разъехалось в стороны, словно в кошмарном сне, рассеченное бритвенно-острыми жвалами. Увидев чужую ногу, он рассек ее по сочленению; он обонял жгучий голод, и боль, и яркое горячее сияние хлещущих из его тела соков, а после — холод, истечение жидкости, и яркая вспышка, померкшая, соединившись со старым камнем, и вечность, и тьма.

Внешний микрофон шлема уловил голос Константина и передал его на нервные окончания:

— Абеляр!

Горло Линдсея было забито ржавчиной.

— Слушаю тебя.

— Ты жив?

Блокада нервов в области шеи наполовину исчезла, и он почувствовал свое тело, нематериальное, словно пар. Он пошарил по ложу в поисках дермадисков, и перфорированный пластик показался не толще ленты. Отодрав следующий диск, он кое-как прижал его к основанию большого пальца.

— Попробуем еще раз.

— Что ты видел, Абеляр? Я должен знать.

— Залы. Стены. Темные камни.

— А бездну? Черную бездну, что больше самого Бога?

— Я не могу говорить. — Следующая доза начала действовать: язык обрушился, внезапный приступ сомнения разрушил хитросплетение несообразных исходных посылок, удар наркотика снял все законы грамматики. — Заново!

Он вернулся назад. Теперь он чуял врага, ощущая его присутствие как неверный далекий шум. Свет стал ярче, потоки грандиозного сияния струились сквозь камень, изъеденный временем, словно обыкновенная тряпка. Линдсей брезгливо провел клешнями по полипам вокруг рта, очищая их от сырой грязи. Он почувствовал голод — настолько всепоглощающий, что весы пришли в равновесие, и он осознал, что жажда жить и убивать так же огромна, как окружающие его своды.

Он обнаружил врага, притаившегося в щели между сильно разрушенным настилом моста и поддерживающими его балками. Он почувствовал запах страха.

Противник занял невыгодную позицию. Он цеплялся за стену в фальшивой перспективе, воспринимая бесконечный горизонт как зияющую бездну. Бездна была нескончаемой. Хаос из стен, палат, площадок, повторяющих друг друга, созданных из ничего, ужасающее разрастание бесконечности.

Линдсей напал, глубоко вгрызшись в спинные пластины; вкус горячей слизи вверг его в неистовство. Враг хлестнул назад, попятившись и скрежеща бледными клешнями о камень. Рванувшись, Линдсей высвободил челюсти. Враг изо всех сил старался оттолкнуть его, сбросить в горизонт. В какой-то момент Линдсей увидел окружающий мир под его углом зрения и внезапно понял: если упадет, то будет падать вечно. В бездну, в ужас и поражение, и кружащемуся лабиринту не будет конца, а сознание застынет в беспредельном страдании, путанице нескончаемых ощущений, нескончаемого испуга, неумолимых стен, залов, лестниц, сводов, пандусов, склепов, коридоров, холодных как лед…

Он отодвинулся от края. Противник отчаянно сопротивлялся; гальванизированный болью, он судорожно скреб клешнями. Собственные клешни Линдсея срывались — камень, ставший внезапно скользким, не давал им опоры. И тут последовал внезапный прорыв сознания. Линдсей увидел мир таким, как он есть. Его когти с призрачной легкостью вошли в камень, прорезая его, словно дым.

Скольжение прекратилось — противник беспомощно, бесцельно толкнул его еще раз, и пустился бежать.

Наслаждаясь ароматом его отчаяния, Линдсей тут же настиг врага, схватил и разорвал. От вражьей плоти заструились миазмы пыли и ужаса. Линдсей оторвал его от стены, мгновение

подержал на весу в экстазе ненависти и победы, а затем низверг в бездну.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
…ВЫРАЩИВАЕТ ПОДВИДЫ

Глава 8

Неотеническая Культурная Республика
17.06.91

Сны, теплые и светлые животные сны, проникнутые вечностью, доставляли несказанное наслаждение.

Сознание возвращалось покалывающей болью, словно кровь, хлынувшая в вены затекшей до онемения ноги. Он изо всех сил старался обрести цельность, снова принять на себя бремя существования в виде Линдсея. Болезненность процесса заставляла терзать ногтями траву, брызгая грязью на собственную кожу.

Вокруг ревел хаос — реальность в первозданной форме, оглушающая и слепящая. Задыхаясь, он упал спиной на траву. Там, вверху, мир мало-помалу обретал резкость: зеленый свет, белый свет, коричневая краска ветвей… Мир вновь обрел осязаемость. Он увидел живые переплетения ветвей и листьев — формы красоты столь фантастической, что внушали трепет благоговения. Он пополз к шершавому стволу, протаскивая свое обнаженное тело сквозь мягкую траву. Крепко обняв дерево, он прижался заросшей щетиной щекой к коре.

Его охватил экстаз. Прижимаясь к дереву лицом, он неистово зарыдал, раздираемый на части восторгом. Сознание слилось в единое целое, заставив со смертельной внезапностью проникнуться ощущением жгучего единства с этим живым существом. Общение с его плотной, величественной сущностью наполнило Линдсея беспомощной радостью.

* * *

Он позвал на помощь. На прерывистые крики пришли двое молодых шейперов в белых халатах. Подхватив его под руки, они помогли кое-как добраться через лужайку к полукруглому дверному проему в каменной стене клиники.

Линдсей потерял дар речи. Мысли его были ясны, но вот со словами как-то не ладилось. Он узнал здание. Это была усадьба клана Тайлеров. Значит, он снова в Республике. Он хотел было заговорить с санитарами, спросить, как он сюда попал, но мозг никак не мог привести в порядок словарный запас. Слова дрожали от нетерпения на кончике языка, не хватало какой-то малости…

Его ввели в холл, полный схем и экспонатов на застекленных стендах. Левое крыло усадьбы, прежде занятое спальнями, было теперь битком набито медицинским оборудованием. Линдсей беспомощно взглянул на человека слева — по-шейперски грациозного, с пронзительными глазами сверхспособного.

— Вы… — внезапно вырвалось у Линдсея.

— Успокойся, друг. Ты — в безопасности. Доктор уже идет.

Улыбнувшись, он накинул на плечи Линдсея больничный халат и быстро и ловко завязал тесемки. Линдсея усадили под церебральный сканер. Второй санитар подставил ему ингалятор.

— Вдохни, кузен. Это меченая глюкоза. Радиоактивная. Для сканирования. — Сверхспособный нежно похлопал по белому куполу прибора. — Нужно тебя осмотреть. До самой сердцевины.

Линдсей послушно вдохнул из ингалятора. Пахло чем-то сладким. Сканер зажужжал, опускаясь по направляющим, и замер, коснувшись головы.

В комнату вошла женщина с деревянным инструментальным чемоданчиком, одетая в свободную медицинскую куртку, короткую юбку и забрызганные грязью пластиковые сапоги.

— Заговорил? — спросила она. Линдсей узнал ее генолинию.

— Джулиано, — с трудом выговорил он.

Улыбнувшись, она открыла свой чемоданчик. Древние петли его скрипнули.

— Да, Абеляр, — сказала она, посылая ему взгляд.

— Маргарет Джулиано… — Он не смог понять взгляд, и это, добавив адреналина в кровь, оживило в нем тонкую струю страха. — Катаклисты, Маргарет… Они поместили тебя в лед.

— Правильно. — Порывшись в чемоданчике, она вынула темную конфету в гофрированной бумажной чашечке. — Хочешь шоколадку?

Рот Линдсея заполнился слюной.

— Пожалуйста, — ответил он.

Она запихнула конфету ему в рот. Конфета была приторно-сладкой. Он с отвращением ее разжевал.

— Мотайте отсюда, — сказала Джулиано санитарам. — Управлюсь сама.

Сверхспособные, улыбаясь, ушли. Линдсею наконец удалось проглотить конфету.

— Еще?

— Никогда не любил консе… кон-фе-ты.

— Хороший симптом. — Она захлопнула чемоданчик, взглянула на экран сканера и выдернула из распущенных светлых волос световой карандаш. — Последние пять лет эти шоколадки составляли главный смысл твоей жизни.

Потрясение было сильным, но Линдсей был к нему готов. В горле пересохло.

— Пять лет?!

— Счастье еще, что от тебя хоть что-то осталось. Лечение было долгим; восстановить мозг после большой дозы PDKL-95 — не шутка. Дело осложняли изменения в твоем восприятии пространства, спровоцированные Ареной. Да, это была проблемка. И обошлось в копеечку. — Она внимательно смотрела на экран, покусывая кончик карандаша. — Но с этим все в порядке. Счета оплатил твой друг Уэллспринг.

Да, изменилась она поразительно. Трудно было признать Маргарет Джулиано, аккуратную и выдержанную пацифистку из Полночной лиги, в этой спокойной, беззаботной женщине с прилипшими к коленям травинками и грязными распущенными волосами.

— Ты пока много не разговаривай, — сказала она. — Твое правое полушарие управляет речевыми функциями через комиссуру. Возможна нехватка словарного запаса, компенсируемая неологизмами и образованием идиолекта… В общем, если что, не пугайся.

Она обвела карандашом что-то на экране и нажала клавишу. Замелькали поперечные разрезы его мозга, раскрашенные оранжевым и голубым.

— Сколько людей в комнате?

— Ты и я, — ответил Линдсей.

— Нет ощущения, что слева и позади кто-то стоит?

Линдсей повернул было голову и больно оцарапал лоб обо что-то внутри колпака сканера.

— Нет.

— Хорошо. Значит, комиссура поставлена верно. В подобных твоему случаю порой наблюдается фрагментация сознания, в восприятие вклиниваются навязчивые образы. Если чувствуешь что-то подобное — не молчи, говори сразу.

— Нет. Но там, снаружи, я чувствовал…

Он хотел было рассказать о минуте внезапного пробуждения, прозрения и проникновения в суть жизни и себя самого. Видение все еще сияло перед глазами, но слов, чтобы его описать, не было. Внезапно он понял, что никогда и никому не сможет поведать всю истину до конца. Слова ее просто не вместят.

— Легче, легче, — сказала она. — Пусть идет как идет. У нас много времени.

— Рука! — внезапно спохватился Линдсей.

Только сейчас он почувствовал, что правая — металлическая — рука его превратилась в живую плоть. Он

поднял левую — та была металлической. Его переполнил невыносимый ужас. Наизнанку вывернули!!!

— Аккуратнее, — сказала она. — Могут быть затруднения с ориентацией в пространстве, с восприятием правого — левого. Результат влияния комиссуры. К тому же ты подвергся новому омоложению. За последние пять лет мы проделали уйму работы. Так, ради времяпрепровождения.

Беззаботная легкость ее слов ошеломила.

— Ты что, Бог? — спросил Линдсей.

— С тех пор появились кое-какие новшества, Абеляр. — Она пожала плечами. — Многое изменилось. В обществе, в политике, в медицине. Все это в наше время — одно и то же, понятное дело, но посмотри на это как на спонтанную самоорганизацию, социальный скачок Пригожина на новый уровень сложности…

— О нет… — застонал Линдсей.

Она переключила сканер, и полушарие с жужжанием поднялось, освобождая голову Линдсея. Усевшись в старинное деревянное кресло против него, она подобрала ногу под себя.

— Ты точно не хочешь шоколадку?

— Нет!

— Тогда я сама. — Вытащив из чемоданчика конфету, она с удовольствием принялась жевать. — Хорошие, — с набитым ртом продолжала она. — Вот один из замечательнейших моментов жизни, Абеляр. Вот для чего меня, наверное, разморозили.

— Ты изменилась…

— Это все — ледовое убийство. Правильно сделали катаклисты, что выдернули меня из всего этого. А то совсем было закостенела… Но вот — плыву раз по математическому факультету с полными руками распечаток к себе в кабинет, мозги трещат от мелких проблем, забот, графиков, планов… Вдруг голова закружилась, смотрю, а вокруг все пропало. Голо, пустынно… Распечатки под пальцами рассыпаются, одежда пыльная, Голдрейх-Тримейн в руинах, компьютеры выключены, студентов нет… Мир мгновенно перепрыгнул на тридцать лет вперед, это был полный катаклизм. Три дня я гонялась за новостями, пыталась отыскать нашу лигу, узнала, что я — уже достояние истории, а потом — словно волна такая накатила… Предрассудки мои рассыпались в прах. Я не нужна была миру; все, что я полагала важным, ушло. Жизнь стала совсем пустой. Но зато — свобода!

— Свобода… — проговорил Линдсей, пробуя слово на вкус. — Свобода… Константин! Мой враг…

— Он, можно сказать, мертв, — сообщила Маргарет Джулиано. — Но это — вопрос терминологии. Его согенетики

прислали мне его историю болезни. Повреждения очень серьезные. Он погружен в затянувшееся состояние фуги и страдает от ускорения сознания, длящегося, должно быть, уже несколько субъективных столетий. Сознание его не справилось с информацией, полученной от Арены. Все это длится так долго, что личность его стерлась. Он, говоря образно, забыл себя вдребезги.

— Это они тебе сказали? Его родня?

— Времена меняются, Абеляр. В мире снова разрядка. Генолиния Константина — в беде и нужде, а мы хорошо заплатили за эту информацию. Союз старателей больше не столица. Столица — Джастроу-Стейшн, и там полно дзенских серотонистов. Они терпеть не могут волнений.

Новости были просто поразительные.

— Пять лет… — Линдсей возбужденно поднялся. — Ладно, что такое пять лет?!

Он пошел по комнате неверными шагами. Контузия левого полушария сделала его неуклюжим. Подтянувшись, он попытался овладеть своим телом. Ничего не вышло. Он повернулся к Джулиано:

— Мои навыки, подготовка…

— Да, — кивнула она. — Мы почти сразу обнаружили их остатки. Раннешейперская психотехническая обработка. По современным стандартам весьма неуклюжая. Она мешала твоему выздоровлению. За эти годы мы ее полностью вычистили.

— То есть… совсем?

— Да. Нам и без твоих навыков, кстати, дающих дуализацию мышления, хватало дел с церебральной дихотомией. Лицемерие как второе состояние сознания и всякое такое. — Она фыркнула. — И вообще все это дурь.

Линдсей рухнул в кресло сканера.

— Но всю мою жизнь… А теперь ты все уничтожила. Пекно… — Он прикрыл глаза, подыскивая слово. — Технологией.

— И что с того? — причавкивая еще одной конфетой, возразила она. — Технология дала, технология взяла. Теперь ты снова такой, какой есть. Так чего же тебе еще надо?

В открытую дверь, шурша тяжелой тканью, вошла Александрина Тайлер. Одета она была в наряд из своих девичьих времен: пышная длинная юбка и жесткий кремовый жакет, расшитый входными разъемами, с круглым, облегающим шею воротом. Она опустила взгляд к полу:

— Маргарет! Ноги…

— О, извини, дорогая, — ответила Джулиано, рассеянно глядя на осыпавшуюся с сапог засохшую грязь.

Внезапная необходимость совмещать и сопоставлять их обеих вызывала головокружение. Тухлый неприятный пузырь дежа вю всплыл из каких-то затопленных лекарствами глубин мозга, и на несколько секунд Линдсей, похоже, отключился. Придя в себя, он почувствовал явное улучшение — словно некий грязный, парализующий осадок исчез из головы, освободив место свету.

— Александрина… — Он ослабел, но чувствовал себя некоторым образом более реально. — Ты была время? Все это здесь?

— Абеляр… — Она была удивлена. — Ты говоришь?

— Пытаюсь.

— Мне сказали, что тебе лучше. Я принесла тебе одежду. Из гардероба Музея. — Она показала старинный костюм, обернутый пластиком. — Видишь? Это один из твоих собственных, семидесятипятилетней давности. Сохранился у одного из мародеров, разграбивших усадьбу Линдсеев. Примерь, дорогой.

Линдсей пощупал жесткую, побитую временем ткань.

— Музейный экспонат…

— Ну конечно.

Маргарет Джулиано глянула на Александрину.

— Может быть, его будет удобнее одеть в форму санитара? Он сможет затеряться, смешавшись с местной обстановкой.

— Нет, — возразил Линдсей. — Я буду носить это.

— Александрина все продумала заранее, — сообщила Джулиано, пока он боролся с брюками, просовывая босые ноги через жесткие, армированные проволокой коленные гармошки. — Она каждый день приходила кормить тебя тайлеровскими яблоками.

— После дуэли я привезла тебя сюда, — сказала Александрина. — Срок нашего брака истек, но я теперь управляю Музеем. Такая моя новая должность. — Она улыбнулась. — Усадьбы разграбили, но семейные сады до сих пор целы… Мариетта, сестра твоей бабки, всегда клялась фамильными яблоками.

Линдсей натянул рубашку. Та лопнула по шву на плече.

— Ты так ел эти яблоки — просто чудо, — сказала Джулиано. — С семечками, с черенками, ничего не оставлял.

— Значит, ты дома, Александрина, — сказал Линдсей.

Она так хотела домой… Он был рад за нее.

— Это был дом Тайлеров, — сказала Александрина. — Левое крыло и парк отошли под клинику. Это работа Маргарет. А я — куратор. Управляю остальным. Собрала все, напоминающее о нашей прежней жизни, — все, что пощадили ударные отряды Константина. — Она помогла ему просунуть голову в

скафандроподобный ворот официального костюма. — Идем. Я покажу.

Джулиано, сбросив сапоги, осталась в съехавших носках.

— Я с вами. Хочу оценить его реакции.

Бальный зал превратили в выставочный. Стеклянные стенды, портреты основателей первых кланов, с потолка свисает старинный сверхлегкий самолет с педалями… Пятеро шейперов охают и ахают над ящиком грубых инструментов для монтажа на лунной орбите…

Шикарная шейперская одежда для слабого притяжения, гротескно обвисающая под влиянием центробежного тяготения Республики…

— Взгляни на пол, — шепнула Александрина. — Здорово? Это я его натерла сама! Сюда мы роботов не пускаем.

Взглянув на стену, Линдсей замер на месте — он увидел основателя собственного клана, Малкольма Линдсея. В детстве лицо первопроходца, исполненное древней мудрости, ухмыляющееся с туалетных столиков и книжных полок, внушало ему ужас. Теперь, в мгновенном болезненном прозрении, он осознал, как молод был этот человек. Умереть в семьдесят… И вся родина Линдсея сляпана в жуткой спешке людьми, едва-едва вышедшими из детского возраста!

— Это же анекдот! — закричал он в истерическом смехе, размягчающем мозг, разбивающем мысли на маленькие осколки боли.

Александрина торопливо покосилась на озадаченных шейперов.

— Наверное, ему еще рано, Маргарет…

— Он прав, — засмеялась Джулиано. — Это анекдот. Спроси катаклистов. — Она взяла Линдсея под руку. — Идем, Абеляр. Идем гулять.

— Это анекдот, — повторил Линдсей. Теперь язык ничто не сковывало и слова выговаривались свободно. — Невероятно. Эти несчастные придурки даже не представляли… Да и откуда бы им? Они умерли, так и не получив шанса увидеть! Что нам пять, десять, сто лет…

— Ты заговариваешься, дорогой. — Джулиано вывела его в холл и далее, сквозь каменную арку, к пятнам солнечного света и траве. — Смотри под ноги. Ты у нас не единственный пациент. Есть такие, которые не приучены проситься в туалет.

У высокой, поросшей мохом стены совершенно обнаженная молодая женщина целеустремленно рвала траву, прерываясь лишь для того, чтобы обсосать с пальцев грязь.

Линдсей ужаснулся. Он почувствовал вкус земли на

собственном языке.

— Мы выйдем из парка, — сказала Маргарет. — Понпьянскул не возражает.

— Он позволил тебе остаться здесь? А эта женщина — шейпер? Катаклистка? Он в большом долгу перед катаклистами. И ты заботишься о них от его имени?

— Дорогой, не разговаривай слишком много. Еще повредишь что-нибудь. — Она открыла железную калитку. — Катаклистам здесь нравится. Что-то такое в пейзажах…

— Ох, господи…

Республика несколько одичала. Полный обзор до этого момента ему закрывали нависающие над усадьбой ветви деревьев. Теперь панорама развернулась на целых пять километров вдаль — ошеломляющее множество беспорядочно вздымающейся ветвистой зелени; три длинные панели сияли в тройных перекрестьях лучей отраженного солнечного света. А он и забыл, какое яркое солнце на окололунной орбите…

— Деревья… — выдохнул Линдсей. — Господи, гляньте!

— Ну, они с твоим отъездом вовсе не переставали расти, — сказала Джулиано. — Идем. Я хочу показать тебе кое-что новое.

Линдсей инстинктивно взглянул на свой родной дом. Вид сверху: просторный приусадебный парк, окруженный постройками, некогда бывшими оживленным лабиринтом дешевых ресторанов третьего сорта… И рестораны опустели, и дом Линдсея лежит в руинах… Видны были даже зияющие дыры в красных черепичных крышах. Частная посадочная площадка на крыше четырехэтажного «небоскреба» вся заросла плющом.

В северном конце мира, вверху, на отлогой стене, бригада рабочих, кажущихся отсюда не крупнее муравьев, лениво разбирала остатки каркаса одной из клиник проволочных. Стаи туч закрывали старую силовую станцию и те места, где были когда-то Хляби.

— Пахнет как-то по-другому, — понял Линдсей. Споткнувшись на проложенной вдоль стены Музея велосипедной дорожке, он посмотрел на ноги. Ноги были в грязи.

— Мне нужно вымыться.

— Ну, ты либо заражен, либо нет, правда? Если носишь в себе бактерии, что страшного в лишней щепотке грязи? Лично мне нравится. — Она улыбнулась. — Как здесь просторно, да? Конечно, Голдрейх-Тримейн в десять раз больше, но простор… Большой, полный опасностей мир.

— Я рад, что Александрина вернулась домой, — сказал Линдсей.

Их брак был успешным — он дал ей то, чего она хотела. В

конце концов, грехи следует искупать, и это всегда связывало Линдсея по рукам и ногам. Теперь же он был свободен.

Республика так изменилась, что не переставала наполнять его странным возбуждением. Да, простор, подумал он, и все же как мало его, этого простора. Он сгорал от нетерпения, от неистового влечения к чему-то громадному и первозданному. Он проспал пять лет, и теперь каждый час этого долгого отдыха переполнял его неудержимой, живительной энергией. Колени у Линдсея подогнулись, и Джулиано подхватила его крепкими шейперскими руками.

— Осторожнее, — сказала она.

— Все в порядке.

Они миновали ажурный мостик над сияющим метаглассом, разделявшим две земляные панели. Линдсей увидел под облаками то место, где были Хляби. Некогда мерзкая, прокисшая трясина, они превратились в оазис буйной, ослепительно-зеленой растительности, казалось сиявшей даже в тени облаков. Вдоль проволочной ограды, окружавшей Хляби, бежал долговязый нескладный мальчишка в мешковатом костюмчике, волоча за собой на бечевке большого коробчатого змея.

— Ты — не первый, кого я вылечила, — говорила Джулиано по дороге к ограде. — Я же говорила, мои сверхспособные ученики — с большими задатками. Некоторые работают здесь. Пробный проект. Я хочу показать тебе, что они сделали. Они подошли к ботанике с точки зрения пригожинской теории сложности. Новые виды, новый хлорофилл, интересные, надежные конструкции.

— Погоди. Хочу поговорить с этим молодцем.

Линдсей наконец разглядел змея. На нем был тщательно изображен обнаженный человек, явно задыхающийся в тесных рамках несущих плоскостей.

Из-за ограды выглянула женщина в измазанном грязью вельветовом комбинезоне. Она помахала Джулиано секатором:

— Маргарет! Иди взгляни!

— Сейчас вернусь, — сказала Маргарет, обернувшись к нему. — Никуда не уходи.

Линдсей поковылял к мальчику, который уже стоял на месте и ловко управлялся со змеем.

— Привет, старик! — сказал мальчик. — У тебя есть записи?

— Какие записи?

— Ну, видео, аудио, что-нибудь с Совета Колец. Ты же оттуда, верно?

Линдсей машинально попытался прибегнуть к дипломатическим навыкам и при помощи несложной сети

спонтанной лжи создать для мальчика достоверный образ. Но в сознании было пусто. Он поперхнулся. Время шло, пришлось выпалить первое пришедшее в голову:

— Я — бродяга. С Царицына Кластера.

— Да? Постгуманизм! Уровни сложности Пригожина! Основные принципы пространства-времени, фрактальные масштабы, ур-пространство преконтинуума! Верно говорю?

— Мне нравится твой змей, — уклончиво ответил Линдсей.

— Древняя катаклистская эмблема, — пояснил мальчик. — Старых катаклистов у нас тут уйма. Этот змей привлекает их внимание. А вот цикада мне попадается первый раз.

Цикада… Ах да, гражданин ЦК. Царицына Кластера. Уэллспринг всегда питал слабость к сленгу.

— А ты здешний?

— Точно. Меня звать Абеляр. Абеляр Гомес.

— Абеляр… Необычное имя.

Мальчик засмеялся:

— Может, у вас в ЦК и необычное. А у нас в Республике каждого пятого зовут Абеляр. В честь Абеляра Линдсея, большой исторической шишки. Да ты и сам, наверное, слышал. — Мальчик слегка помедлил. — Он одевался точь-в-точь как ты. Я видел картинки.

Линдсей обратил внимание на одежду мальчика. Юный Гомес носил поддельный костюм для низкой гравитации, жутко обвисший.

— Да я знаю, что отстал от моды, — сказал он. — А что, они тут очень с этим Линдсеем носятся?

— Ты себе представить не можешь, — отвечал Гомес. — Вот хоть в школе. Здесь школа полностью древняя. Заставляют читать книгу Линдсея. Шекспир — называется. Перевод на современный английский Абеляра Линдсея.

— А что, очень скучно? — спросил Линдсей, чувствуя покалывание дежа вю.

— Тебе, старик, крупно повезло. Ты не обязан был ее читать. А вот я прочел эту хрень от начала до конца. Там ни слова о спонтанной самоорганизации.

— Просто ужас, — кивнул Линдсей.

— И там же одни старики. То есть не поддельно старые, как презервационисты, и не старые психи, как старик Пони…

— Ты имеешь в виду Понпьянскула?

— Ну да, хранителя… Нет; там в книжке все очень быстро снашиваются. Злятся, дергаются, болеют… В общем, тоска.

Линдсей кивнул. Все возвращается на круги своя…

— Ты возмущен контролем над твоей жизнью, —

предположил он. — Ты и твои друзья — радикалы. Ты хочешь изменить положение вещей.

— А зачем? Я же тут у них всего на шестьдесят лет. А проживу — сотни. И такого еще наделаю! Только на это нужна уйма времени. Большие дела! Великие! А не как у этих худосочных людишек из прошлого.

— Какие же это будут дела?

— Распространение жизни. Разрушение планет. Строительство миров. Терраформинг.

— Понятно…

Самоуверенность мальчишки была просто поразительной для его молодых лет. Должно быть, сказывалось влияние катаклистов. Они всегда были охочи до немыслимых, на грани сумасшествия планов, так и кончающихся ничем…

— Но сделает ли это тебя счастливым?

— Ты не из дзенских серотонистов? — Взгляд мальчика сделался подозрительным. — «Счастье»… Что за фигня такая? К черту счастье! Мы говорим о вселенной. Ты — за жизнь, или как?

— Это что, политика? — улыбнулся Линдсей. — Политике я не верю.

— При чем тут политика? Я говорю о биологии. О вещах, которые живут и растут. Об организмах. Интегрированных формах.

— А как насчет людей?

Мальчик раздраженно махнул рукой и поймал спикировавшего змея.

— Да забудь ты про людей! Я говорю о первоосновах. Вот — дерево. Ты — за него, против неорганики?

Воспоминания о недавнем прозрении все еще были свежи, поэтому Линдсей понял, что вопрос задан искренне.

— Да. За него.

— Значит, ты понимаешь, зачем нужен терраформинг?

— Терраформинг, говоришь? — медленно проговорил Линдсей. — Видел я эти теории. Высосанные из пальца. Думаю, все это вполне возможно. Но мы-то здесь при чем?

— Истинные деяния в пользу жизни требуют духовного акта созидания, — оттараторил Гомес.

— Кто-то успел научить тебя лозунгам, — улыбнулся Линдсей. — Планеты — реальные объекты, а не картинки на чертежной доске. Усилия понадобятся титанические. Сверхчеловеческого масштаба.

— Насколько ты высок? — нетерпеливо перебил, мальчик. — Выше ли ты, чем нечто инертное?

— Но это займет века…

— По-твоему, дерево колебалось бы? И сколько у тебя времени?

Линдсей обезоруженно рассмеялся:

— Ладно, хорошо. Что ты хочешь — прожить ничтожную жизнь маленького человека или же использовать свой потенциал?

— Был бы я человеком, — заметил Линдсей, — не дожил бы до моего возраста.

— Правильно. Ты высок настолько, насколько высоки твои помыслы. Мечты. Так говорят в ЦК, верно? Ни законов, ни ограничений. Посмотри на мехов и шейперов. — В голосе мальчика мелькнуло презрение. — У них вся власть, а они все ловят друг дружку за хвост. К черту все их войны и лилипутские идеологии! Постчеловечество выше этого. Спроси хоть их. — Мальчик кивнул в сторону проволочной ограды. — Конструирование экосистем. Перестройка жизни для новых условий. Немного биохимии, немного статистической физики — совсем несложно, зато как интересно! Живи Абеляр Линдсей сейчас, именно этим он бы и занимался!

Ирония происходящего больно уколола Линдсея. Он вспомнил себя в этом возрасте, и его охватила тревога за судьбу мальчика. Захотелось защитить паренька от той катастрофы, до которой его обязательно доведет вся эта риторика…

— Ты думаешь?

— Конечно. Говорят, он был пламенным презервационистом, но ушел в бродяги, едва почувствовал нечто лучшее. Так ведь? Он не остался здесь, чтобы «умереть естественной смертью». Да и никто теперь этого не делает.

— Даже здесь? В колыбели презервационизма?

— Конечно. Все, кому за сорок, шастают по черным рынкам, чтобы продлить жизнь. А после шестидесяти уматывают на Царицын Кластер. Цикадам плевать и на прошлое и на гены. Они принимают всех подряд. Мечта важнее.

Мечта… Мечты презервационизма обратились в поиски бессмертия на черном рынке. Мечты Замирения Инвесторов проржавели и рухнули. А мечта о терраформинге сохранила еще свой блеск. Не знает маленький Гомес, что и она неизбежно потускнеет…

Хотя, подумал Линдсей, либо мечтай, либо не выживешь.

И, подхваченный волной новой жизни, он понял, что выберет.

К ограде подошла Маргарет Джулиано.

— Абеляр! Абеляр, иди сюда! Ты должен посмотреть.

Удивленный мальчишка принялся быстро сматывать бечеву на руку:

— Вот повезло! Старая психотехша хочет мне что-то показать

за оградой!

— Ступай, — сказал Линдсей. — Скажи ей, что я велел показать тебе все, что захочешь, понятно? А я, скажи, ушел побеседовать с Понпьянскулом. Хорошо?

Мальчик медленно кивнул:

— Спасибо, старик цикада. Ты — из наших.

* * *

Кабинет Понпьянскула представлял собою громадную мусорную корзину. Возле деревянного стола были свалены заплесневелые тома свода законов Цепи миров, к старинным панелям в беспорядке пришпилены схемы и графики производительности. В углу зевнул и начал точить о ковер когти трехцветный кот. Линдсей, чей опыт общения с этими животными был почти нулевым, с опаской на него покосился.

Понпьянскул был одет так же, как и Линдсей, разве что костюм был поновее и сшит вручную. Со времен Голдрейх-Тримейна он успел облысеть; смуглая макушка его тускло блестела. Взяв со стола пачку листов, он сколол их скрепкой. Пальцы его были тонкими и сморщенными.

— Бумаги, бумаги… — пробурчал он. — Последние дни все пытаюсь провести декомпьютеризацию. Не верю этим железякам. Только включи компьютер — тут же в дверь постучится мех с новыми софтами. А там — лиха беда начало, Мавридес… То есть Линдсей.

— Да, Линдсей — лучше.

— Но, согласись, уследить за тобой тяжело. Здорово ты их на Кольцах кинул, примазавшись к одной из главных генолиний.

Он послал Линдсею взгляд, который тот даже частично понял. Возраст и опыт несколько возместили утрату навыков.

— Когда же мы с тобой говорили в последний раз? — спросил Понпьянскул.

— Э-э… А какой сейчас год?

— Неважно, — нахмурился Понпьянскул. — Как бы там ни было, тогда ты был на Дембовской. Но согласись, Мавридес, не так уж плохо у нас, при неотениках, а? Кое-что разрушилось, но для туристского бизнеса оно даже к лучшему — эти, с Совета Колец, прямо торчат. Правду сказать, нам пришлось малость порушить старую усадьбу Линдсеев, для романтики. Мышей развели… Да ты хоть знаешь, что такое мыши? Мы снова из лабораторных вывели диких. Ты знаешь, что у них, у диких, глаза не красные? И смотрят так забавно… Вроде как моя жена.

Вытянув ящик стола, Понпьянскул упрятал в него стопу бумаг, вытащив взамен мятую пачку каких-то диаграмм.

— А это еще что? Еще неделю назад надо было сделать… Ладно, ерунда. Так на чем мы остановились? Да, на женах. Я, кстати, женился на Александрине. Она замечательная презервационистка. Никак нельзя было упускать.

— И прекрасно, — сказал Линдсей.

Его брачный контракт истек, и новый ее брак был очень разумным шагом. О ревности Линдсей и не думал — в контракте об этом не говорилось. Он был рад, что ей удалось упрочить свои позиции.

— Жен никогда не бывает слишком много, это первая житейская мудрость. Взять, например, Георгину, первую жену Константина. Уговорил ее принять чуточку «облома» — не больше двадцати микрограммов, ей-богу, — на ее характер это поразительно подействовало. Теперь она исключительно мила. — Он серьезно взглянул на Линдсея. — Хотя много вокруг стариков — тоже нельзя. Вредно для идеологии. Тут и с катаклистами этими пакостными да их постгуманистскими планами бед хватает… За оградой их держу, в карантине. И то ребятишки туда шастают.

— Очень любезно с твоей стороны — принимать их.

— Так нужен же международный обмен. ЦК финансирует их исследования. Не шибко, правда, многого они добились. Эти сверхспособные ни на чем не могут долго сосредоточиться. — Фыркнув, он сгреб со стола какую-то накладную. — Деньги нужны. Вот погляди: импорт углекислоты. Эти чертовы деревья ее просто жрут. — Он вздохнул. — Хотя — без них не обойтись. Их масса улучшает орбитальную динамику. Эти окололунные орбиты — чистый кошмар.

— Я рад, что дела в надежных руках.

— Да уж надеюсь, — тоскливо улыбнулся Понпьянскул. — Никогда ничего не выходит как запланировано. Хотя — оно и хорошо, иначе механисты давно бы тут все захапали. — Кот вскочил к нему на колени, и Понпьянскул почесал ему за ушами. Животное издало рокочущий звук, до странного умиротворяющий. — Это мой кот, Сатурн. Сатурн, поздоровайся с Линдсеем.

Кот не обратил на гостя ни малейшего внимания.

— Вот не думал, что ты любишь животных.

— Вначале я его терпеть не мог. Шерсть с него лезет, суется всюду, грязный как свинья… Да, кстати, а свинью-то ты видел когда? Я тут импортировал нескольких. Невероятные создания. Туристы в полном отпаде.

— Обязательно взгляну перед отъездом.

— Животные, животные, животные — это сейчас прямо в воздухе носится. То есть не буквально, хотя как-то, было дело, свиньи у нас удрали и влезли в зону невесомости… Нет, я имею в виду эту биомораль из Царицына Кластера. Очередной катаклистский бзик.

— Думаешь?

— Н-ну, — задумчиво протянул хранитель, — может, и нет. Стоит начать возню с экологией, так потом поди остановись вовремя. Вот послал полоску кожи с этого кота на Совет Колец. Нужно выклонировать целую генолинию. Из-за мышей. А то эта зараза нас всех тут сожрет.

— На планете было бы лучше, — заметил Линдсей. — Места больше.

— Не хочу связываться с гравитационными колодцами, — отмахнулся Понпьянскул. — И для чего больше места — чтобы глупостей больше наделать? Ты, Мавридес, только не говори, что на это купился.

— Миру нужна мечта, — сказал Линдсей.

— Ты мне еще расскажи про уровни сложности.

— Не буду, — улыбнулся Линдсей.

— Ну и слава богу. Когда ты явился — немытый и босой — я уж предположил худшее.

— Говорят, у меня со свиньями много общего.

Понпьянскул удивленно вытаращил глаза и расхохотался:

— Ну, рад видеть, что ты не держишься за свою гордость. Гордость — это вредно. Фанатики никогда не смеются. Надеюсь, ты не утратишь способности смеяться, когда начнешь обуздывать миры.

— А не я, так кто-нибудь другой посмеется.

— Во всяком случае, юмор тебе пригодится. Потому что такие вещи никогда не проходят как задумано. Действительность — громадная стая мышей, грызущая фундамент твоей мечты… Знаешь, что я хотел здесь построить? Заповедник человечества и человеческого образа жизни, вот что. А кончилось все громадным цирком для туристов да этими наркоманами-катаклистами.

— Попробовать все равно стоило.

— Давай-давай, разбивай сердце старика… Ну что тебе стоило соврать мне что-нибудь в утешение?

— Извини. Я утратил навыки.

— Тогда поспеши приобрести новые. Там, снаружи, — громадная злобная Схизматрица. Разрядка, не разрядка, а… Дурачье это с Царицына Кластера… Продались пришельцам. Куда только мир катится? Говорят, какой-то идиот хочет продать

Юпитер.

— Как, извини?

— Как-как — продать каким-то разумным пузырям. Дикость, правда? Некоторые на что угодно пойдут, лишь бы к пришельцам подмазаться… Ох, извини, не хотел тебя обидеть. — Он взглянул на Линдсея и убедился, что тот нисколько не оскорблен. — И ничего это не даст. Не будет толку от наших посольств к пришельцам. К счастью, у них, похоже, много больше здравого смысла, чем у нас. Исключая, пожалуй, Инвесторов. Тоже мне, Инвесторы. Шайка межзвездных паразитов, в любую дырку сующих нос… Если пришельцы заявятся сюда целой гопой, я, клянусь, помещу всю Республику в жесточайший карантин, какой и Совету Колец никогда не снился. И подожду, пока все они там деградируют окончательно. Ну я-то к тому времени увяну, но наши, местные, смогут выйти и подобрать обломки. Вот тогда-то они наконец поймут, каков был смысл в моих презервационистских забавах.

— Ясно. Подстраховываешь ставки человечества. Ты всегда играл умно, Невилл.

Старый шейпер был польщен. Он оглушительно чихнул; испуганный кот, сорвавшись с его колен, прыгнул на стол, раздирая когтями бумаги.

— Извини, — сказал Понпьянскул. — Бактерии, шерсть кошачья… Никак не могу привыкнуть.

— Хочу попросить тебя об одном одолжении. Я уезжаю на Царицын Кластер и хотел бы взять с собой одного из местных.

— Из тех, что «на вымирание во внешний мир»? На Дембовской ты их всегда прилично устраивал. Забирай, конечно.

— Нет, молодого.

— Тогда невозможно. Опасный прецедент. Подожди-ка… Это что, Абеляра Гомеса?

— Именно его.

— Ясненько. Тревожит меня этот малец. Ты знаешь, что в нем кровь Константина? Я слежу за местной генетикой. А в этой линии что ни дите, то гений.

— Значит, это я делаю тебе одолжение.

— Похоже на то. Жаль, что ты уезжаешь, Абеляр, но при нынешней твоей идеологии ты дурно повлиял бы на общественность. Ты ведь здесь, как ни говори, культурно-исторический герой.

— Я покончил со старыми мечтами. Энергия ко мне вернулась, а моя новая мечта — на Царицыном Кластере. Если я не сумею поверить в нее сам, то хоть помогу тем, кто верит. — Он поднялся и осторожно отодвинулся от кота, принявшегося

изучать его ноги. — Удачи тебе с твоими мышами, Невилл.

— И тебе того же, Абеляр.

Глава 9

Народная Корпоративная Республика Царицын Кластер
15.12.91

Механизмы богатства работали в полную силу. Мир захлебывался в потоках сокровищ. Кривые роста летели вверх с обманчивой, как всегда, скоростью, ошеломляя своей противоестественной быстротой неосторожных и настораживая бдительных.

Население Солнечной системы достигло 3,2 миллиарда человек. Оно удваивалось каждые двадцать лет и обещало снова удвоиться. Четыре сотни главных механистских астероидов гнали в мир громадную приливную волну продукции, вырабатываемой восемью миллиардами самовоспроизводящихся горнодобывающих роботов и четырьмя тысячами полномасштабных автоматических заводов. Миры шейперов, измерявшие свое богатство иным образом, трещали по швам от невероятных двадцати миллиардов тонн продуктивной биомассы.

Первоначальный курс солярноорбитального килобайта возрос до астрономической цифры, выразимой удобнее всего как 9,45 x 1018. Мировые запасы информации, считая только хранящиеся в открытых для всеобщего доступа банках данных и исключая гигантские массивы секретных данных, составляли в совокупности 2,3 x 1027 бита, что эквивалентно ста пятидесяти среднего объема книгам на каждую звезду в каждой галактике обозримой вселенной.

Чтобы удержать популяцию в целом от разложения в этой оргии изобилия, приходилось принимать строгие меры.

Многие мегаватты энергии, достаточные для снабжения государств Совета, радостно растрачивались на высокоскоростные трансорбитальные лайнеры. Эти космические корабли, достаточно большие, чтобы обеспечить сотням пассажиров все мыслимые удобства, возводили себя в достоинство национальных государств и тоже переживали взрыв перенаселенности.

Но ни одно из последних материальных достижений не шло ни в какое сравнение с социальным воздействием научного прогресса. Открытия в области статистической физики доказали объективность существования четырех уровней сложности Пригожина и постулировали существование пятого. Возраст космоса был вычислен с точностью до плюс-минус четырех лет.

Предпринимались малопонятные для непосвященных попытки оценить квазивремя существования ур-пространства преконтинуума.

Стали возможны межзвездные путешествия с до-световой скоростью. Было отправлено пять экспедиций, укомплектованных малогабаритными добровольцами-проволочными. Интерферометрия со сверхдлинной базой, проведенная радиотелескопами кораблей проволочных, измерила точные параллаксы большинства звезд орионского рукава галактики. Изучение рукавов Персея и Центавра выявили тревожные участки, где расположение звезд отличалось подозрительной упорядоченностью.

Новые исследования галактик локального Суперкластера уточнили постоянную Хаббла. Мелкие расхождения привели некоторых визионеров к заключению: развитие вселенной подвергается грубому вмешательству со стороны.

Знание было силой. Завладев знанием, человечество обрело силу — яркую и неистовую, точно провод под высоким напряжением. Ставки были, как никогда, высоки: перспективы были ослепительнее, потенциалы — богаче, а возможные последствия — серьезнее, чем когда бы то ни было в прошлом.

Но и человеческий разум не до конца еще исчерпал свои ресурсы. Средства к дальнейшему выживанию найдены были не только острым восприятием вооруженных арсеналом «растягивающих мозг» биохимических препаратов шейперов, не только передовой кибернетикой и неумолимой логикой искусственных разумов механистов. Мир оставался цел и невредим благодаря фантастической способности человеческого разума. Способности скучать.

Человечество всегда окружали чудеса. И ничего особенного из этого не проистекало. Жизнь, пусть даже осененная космическими откровениями, продолжала вращаться в уютной повседневной рутинности. Раскольнические группировки становились все более причудливыми, но люди, ко всему привыкающие, вскоре переставали им ужасаться. Откровенно антигуманные подвиды, наподобие Призрачных интеллигентов, Омаров или Кровавой бани, тем или иным образом входили в каталог возможного и даже становились предметом анекдотов.

И все же в мире чувствовалась напряженность. Новые, разрозненные человечества неслись, не разбирая дороги, к непонятным целям, скорость кружила им головы. Износились до дыр старые предрассудки, прежние ценности устарели. Целые общества были парализованы слепящими перспективами неограниченных возможностей.

Напряженность принимала разные формы. Для катаклистов — тех самых, первыми почувствовавших ее, сверхспособных — она была неистовым объятием Бесконечности, не заботящейся о последствиях. Даже саморазрушение — и то облегчало несказанную боль. Дзенские серотонисты попросту отказались от перспектив ради блаженного покоя и мира. Для прочих напряженность не выражалась ни в чем конкретном. Разве что вызывала покалывающее беспокойство на рубеже сна и яви или яростные слезы, когда внутренние запреты сняты спиртным либо наркотиком…

А для Абеляра Линдсея сиюминутное проявление этой напряженности выражалось в том, что он сидел, пристегнувшись к столику, в «Маринере», одном из баров Царицына Кластера. Бар помещался в невесомости надувной сферы, на стыке четырех длинных переходов, и был чем-то наподобие полустанка посреди россыпи жилых модулей, составляющих кампус Космоситета метасистем Царицына Кластера.

Навалившись на куполообразный столик, он прижал липучие налокотники своего костюма к скатерти. Линдсей дожидался Уэллспринга.

Ему шел сто седьмой год. Последнее омоложение не изгладило полностью внешних признаков старости. От уголков глаз лучиками разбегались морщины, от крыльев носа к углам рта пролегли глубокие складки. Переразвитые лицевые мышцы окаймляли его подвижные темные брови. Он носил небольшую бородку, а длинные седеющие волосы были сколоты булавками, украшенными драгоценными камнями. Морщины прорезали бледную, словно вощеный пергамент, кожу живой руки. Протезная же была покрыта сотами сенсорных пластинок.

Он разглядывал стены. Владелец «Маринера» сделал внутреннюю поверхность бара непрозрачной и превратил в планетарий. Вокруг Линдсея и дюжины других посетителей простирался пустынный марсианский ландшафт, прямая трансляция с Марса, круговая панорама в цвете, создававшая полный эффект присутствия.

Месяцами неустанная робокамера колесила по краю кратера Маринер, транслируя его виды. Линдсей сидел к громадному провалу спиной: титанические масштабы и извечная безжизненная пустота вызывали у него весьма болезненные ассоциации. Валуны предгорий, проецируемые на круглую стену напротив, гигантские каменные столбы и источенные ветром барханы словно в чем-то его упрекали. Чувство ответственности за целую планету было для него новым. Три месяца он в ЦК, а никак не привыкнет к масштабам этой мечты…

Из-за соседнего столика, отстегнувшись, поднялись в воздух трое космоситетских ученых. Один из них, заметив Линдсея, подплыл к нему:

— Прощу прощения, сэр. Уверен, что я вас знаю. Профессор Бела Милош, не так ли?

Незнакомец, подобно многим шейперам-перебежчикам, производил впечатление человека с налетом высокомерия и фанатизма.

— Да, я был известен под этим именем.

— Я — Евгений Наварре.

— Припоминаю… Специалист по мембранной химии? Какая приятная неожиданность. — Линдсей знал Наварре по Дембовской, но только через видеообмен. Сейчас Наварре показался ему сухим и бесцветным. Да ведь и сам он тоже стал за эти годы таким… — Присаживайтесь, профессор.

Наварре пристегнулся к сиденью.

— Как любезно с вашей стороны вспомнить мою статью для «Джорнел». «Поверхностные везикулы и их роль в коллоидном катализе экзоархозавров». Одна из первых моих работ.

Светясь спокойным благовоспитанным удовлетворением, Наварре сделал знак официанту, семенившему на многочисленных пластиковых ножках через зал. Конструкцией робот повторял — в миниатюре — марсианский исследовательский зонд. Из вежливости Линдсей заказал выпивку.

— Давно ли вы в ЦК, профессор Милош? По вашим мускулам можно сказать, что вы привыкли к высокой гравитации. Работали с Инвесторами?

Псевдогравитация Республики не прошла для Линдсея бесследно.

— Я не волен этого разглашать, — загадочно улыбнулся он.

— Понимаю, — с серьезным видом ответил ему Наварре. — Очень рад, что вы здесь, в Космоситете. Будете работать на нашем факультете?

— Да.

— Думаю, нашим исследователям Инвесторов крупно повезло.

— Честно говоря, профессор Наварре, изучение Инвесторов потеряло для меня новизну. Я собираюсь участвовать в разработках терраформинга.

— Господи! — удивленно воскликнул Наварре. — Неужели вы не могли подобрать себе что-нибудь поинтереснее?

— Вы полагаете?

Подражая собеседнику, Линдсей подался вперед. От навыков

не осталось и следа. Рефлекторный порыв смутил его, и Линдсей уже в сотый раз решил бросить эти штучки.

— Отдел терраформинга, — продолжил Наварре, — прямо кишит чокнутыми посткатаклистами. А вы всегда были человеком основательным, аккуратным, хорошим организатором. Ну зачем, спрашивается, вам такая компания?

— Понимаю. А что привело в Царицын Кластер вас, профессор?

— Н-ну, я и лаборатории Джастроу-Стейшн разошлись во мнениях по поводу патентных прав. Мембранная технология. Производство искусственной кожи Инвесторов — она здесь как раз в моде, вот, например, обратите внимание на сапожки той юной леди.

Студентка-цикада в вышитой юбке, с ярко раскрашенным лицом, потягивала фраппе на фоне оранжевой каменистой пустыни. Ландшафт позади нее неожиданно наклонился, следуя движению зонда. Почувствовав головокружение, Линдсей ухватился за столик.

Наварре слегка покачнулся и продолжал:

— Царицын Кластер более дружелюбен к предпринимателям. Вот я здесь всего восемь месяцев — и уже избавился от псов!

— Поздравляю, — сказал Линдсей.

Советники Матки держали большинство иммигрантов под наблюдением «псов» по два года. В догтаунах, на окраинах, были целые районы, нашпигованные камерами, где каждый находился под непрестанным надзором видеопсов. Обширнейшая сеть мониторов была частью общественной жизни Царицына Кластера. Но полноправные граждане могли укрываться от надзора в «приватах», последних пристанищах частной жизни в ЦК.

Линдсей поднес к губам бокал.

— Чтобы предупредить возможные недоразумения, я должен сказать, что пользуюсь теперь фамилией Линдсей.

— Что? Как Уэллспринг?

— Прошу прощения?

— А вы не знакомы с подлинной личностью Уэллспринга?

— Конечно, нет, — ответил Линдсей. — Насколько я понимаю, все документы пропали на Земле, где он родился.

Наварре довольно расхохотался:

— Но это же — в верхах ЦК — ни для кого не секрет! Во всех приватах об этом говорят. Уэллспринг — родом из Цепи миров. Его настоящее имя — Абеляр Малкольм Тайлер Линдсей.

— Поразительно.

— Уэллспринг играет весьма тонко. Его терранское прошлое только камуфляж.

— Вы меня удивляете.

— Легок на помине, — заметил Наварре. Из туннеля слева от Линдсея вырвалась шумная толпа. Это с группой студентов, раскрасневшихся и громко хохочущих, прямо с какой-то попойки прибыл Уэллспринг. Молодые цикады в длинных развевающихся пальто, штанах с разрезами и блестящих жилетах из кожи рептилий казались живописным подвижным зелено-голубым клубком.

Заметив Линдсея, Уэллспринг поплыл к нему. Матовая грива его черных волос была охвачена венцом из меди и платины. Поверх рукава костюма, украшенного печатным орнаментом из листьев, была надета повязка-плейер, извергавшая оглушительную квазимузыку из треска сучьев и криков животных.

— Линдсей! — заорал он. — Линдсей! Вот ты и снова с нами! — Он крепко обнял Линдсея и пристегнулся к сиденью.

С виду Уэллспринг был пьян. Лицо раскраснелось, ворот распахнут, что-то копошится в бороде — какие-то крохотные существа, похоже — металлические блохи.

— Как съездил? — спросил Линдсей.

— Совет Колец — тоска зеленая! Извини, не успел тебя встретить. — Он подозвал официанта. — Что ты пьешь? Фантастический все-таки кратер, этот Маринер, верно? Даже его ответвления и те размером с Гранд-Каньон в Аризоне. — Он указал за спину Линдсея, на расщелину между отвесных стен, с которых ледяной ветер сдувал клубы тонкой охряной пыли. — Представь там водопад; такие радуги выйдут! Дрожь берет, как подумаешь.

— Да, конечно, — снисходительно улыбнулся Наварре.

— Есть у меня, — сообщил Уэллспринг Линдсею, — упражненьице для духа маловеров вроде Евгения. Следует каждый день повторять про себя: «Столетья… столетья… столетья…»

— Я — человек прагматичный, — сказал Наварре, поймав взгляд Линдсея и значительно приподнимая бровь. — Жизнь течет ото дня к дню, а не от столетия к столетию. Энтузиазма на столетия не хватает. Плоть и кровь такого не вынесут. Ваши амбиции, — он обратился к Уэллспрингу, — просто не уместятся в жизнь.

— Естественно. Как и положено. Жизнь они включают в себя.

— Совет управляющих более практичен, — заметил Наварре, глядя на Уэллспринга с высокомерием.

Авторитет Совета управляющих со времен основания Царицына Кластера значительно вырос, и Уэллспринг предпочитал не бороться за власть, но уступить. И теперь, пока

Совет возился во дворце царицы с повседневными управленческими мелочами, Уэллспринг дневал и ночевал в догтаунах и приватах. Зачастую он пропадал на целые месяцы, чтобы появиться потом, ведя за собой банду каких-нибудь темных постлюдей и странных личностей, навербованных на дне общества. Наварре это шокировало.

— Мне нужна должность, — сказал Линдсей Уэллспрингу. — Только без политики.

— Найдем, обязательно найдем.

Линдсей огляделся по сторонам и вдруг понял:

— Не нравится мне этот Марс…

Уэллс сразу посерьезнел:

— Ты сознаешь, что все судьбы будущего могут споткнуться на этом сиюминутном высказывании? Именно из таких семян свободной воли, следуя законам причинности, и произрастает будущее.

— Там слишком сухо, — улыбнулся Линдсей. Как раз в этот момент толпа ахнула: камера быстро скользнула вниз по ненадежному склону, и весь мир зашатался. — И еще он дергается.

Уэллспринг был обеспокоен. Он застегнул ворот, но Линдсей успел заметить на его шее небольшой кровоподтек со следами зубов.

— Ты знаешь, что нельзя одновременно считать два мира лучшими, — сказал Уэллспринг, выключая нарукавник.

Наварре недоверчиво рассмеялся.

Линдсей, не обращая внимания на Уэллспринга, глядел ему за спину и рассматривал его спутников. Молодой шейпер в форме Космоситета с ворсистыми липучими налокотниками зарылся лицом в разлетевшиеся светло-рыжие кудри молодой женщины. Склонив голову набок, она восторженно хохотала. Позади нее Линдсей разглядел печальную физиономию Абеляра Гомеса. Его сопровождали два пса-наблюдателя, скорчившихся на стене, сверкая металлическими ребрами и фиксируя мордами-камерами любое его движение. Линдсеем овладела жалость и тоска о мимолетности вечных человеческих истин.

А Уэллспринг, со страстью пустившись в спор, извергал мощный фонтан риторики, сметавшей и крушившей ехидные замечания Наварре. Он соловьем разливался про астероиды — глыбы льда, с хороший город каждая, которые, будучи обрушены на поверхность Марса по нисходящим кривым, всеми своими камнедробильными мегатоннами вобьют в пустыню оазисы влажности. Пар и прочие летучие вещества насытят истощенную атмосферу, а ледяные полярные шапки превратятся в

газообразную двуокись углерода. Появятся реки, озера. Воронки с оазисами будут укомплектованы бригадами ученых, которые вызовут к жизни целые экосистемы. В первый раз человечество станет превыше жизни: целый живой мир будет обязан своим существованием человеку, а не наоборот. Это Уэллспринг рассматривал как моральную обязанность, как уплату долга. Расходы не имеют значения: деньги — лишь символ. Реальна единственно жизнь.

— Но человеческий фактор, — перебил его Наварре, — победит вас! Вы забыли о материальных стимулах — обычная ошибка всех реформаторов. Вы могли бы править Царицыным Кластером. Вместо этого вы упустили власть, и теперь Совет управляющих, эти механистские… — заметив псов, сопровождающих Гомеса, Наварре осекся, — …джентльмены управляют государством с присущим им умением. Но, абстрагируясь от политики, ваш вздор лишает ЦК возможности заниматься достойными науками! Реальными разработками, приносящими новые изобретения для защиты ЦК от врагов. Мы расшвыриваем ресурсы на терраформинг, в то время как милитанты — и шейперские, и механистские — строят против нас заговор за заговором. Да, я согласен, эта ваша мечта очень мила. Да, она даже общественно полезна как относительно безвредная государственная идеология. Но в конце концов она лопнет, а вместе с ней — и ЦК.

Глаза Уэллспринга сверкнули.

— Ты, Евгений, переутомился и потерял широту взглядов. Возьми отпуск лет этак на десять; как знать, может, время даст новое направление твоим мыслям.

Наварре побагровел.

— Видите? — воззвал он к Линдсею. — Катаклизм! Последнее замечание — вы сами слышали — не что иное, как намек на ледовое убийство! Идемте, Милош! Вам, безусловно, нельзя оставаться с этими бездельниками и пустозвонами!

Линдсей не реагировал. В былые времена он смог бы обратить эту беседу к собственной выгоде, но теперь навыки пропали. И возобновлять их ему не хотелось.

Что толку в словах? К черту слова! Словами его больше не возьмешь. Он понял, что здесь нужно отбросить всякие правила.

Взлетев в воздух, он принялся срывать с себя одежду.

Наварре, кипя от возмущения, ушел. Одежды Линдсея разлетелись по помещению, пиджак и брюки медленно кружили над соседними столиками. Посетители со смехом уворачивались. Вскоре Линдсей остался совершенно голым. Нервозный смех публики стих; воцарилось неуверенное беспокойство. Отодвигаясь

от псов Гомеса, посетители смущенно шептались.

Не обращая на них внимания, Линдсей поудобнее устроился в воздухе и, закинув ногу на ногу, принялся рассматривать стену. Студенты Уэллспринга, бормоча извинения и оглядываясь, покинули бар. Даже сам Уэллспринг пришел в замешательство и удалился, а за ним и все остальные.

Линдсей остался наедине с роботом, юным Гомесом и его псами.

— Царицын Кластер вовсе не такой, как я думал в Республике, — сказал Гомес, пододвигаясь ближе.

Линдсей медитировал, разглядывая пейзаж.

— Они приставили ко мне этих псов. Потому что я, видите ли, могу представлять опасность. Вас псы не стесняют, нет? Вижу, нет. — Гомес с дрожью вздохнул. — Три месяца прошло, а все меня до сих пор сторонятся. В лигу свою не посвящают… Вы ведь видели эту девушку, Мелани Омаха? Доктор Омаха, из Космоситета. Удивительная девушка! Но ей плевать на тех, кто ходит под псами. Кому приятно, когда Служба безопасности следит? Я бы правую руку отдал за десять минут наедине с ней… Ой, простите…

Он смущенно покосился на механическую руку Линдсея.

— Помните, — продолжал он, стирая красные полосы косметики со щек, — я вам рассказывал про Абеляра Линдсея? Так, по слухам, он — это вы. И, по-моему, это правда. Вы — Линдсей. Тот самый.

Линдсей глубоко вздохнул.

— Я понимаю, — продолжал Гомес, — выскажете, что это неважно. Важно лишь дело. Но вот послушайте! — Он выдернул из кармана пальто, разрисованного листьями ивы, блокнот и громко, с отчаянием зачитал:

— Развитие диссипативной самоорганизующейся системы происходит через когерентную последовательность пространственно-временных структур. Следует различать четыре типа пространственно-временных структур: самовоспроизведение, онтогенез, филогенез, анагенез. — Он яростно скомкал бумагу. — Это из лекций по поэтике!

Гомес на несколько секунд умолк и затем выпалил:

— Может, это и есть тайна жизни! Но если так, сможем ли мы это вынести? Сможем достигнуть целей, поставленных перед собой? Выполнить планы, рассчитанные на века? А как же с простыми вещами? Смогу я понять и почувствовать радость одного дня, когда надо мной висят призраки всех этих веков? Все это слишком велико, да, даже ты… Ты! Который привез меня сюда. Почему ты не сказал, что Уэллспринг — твой друг? Из

скромности? Но ты — Линдсей! Сам Линдсей! Я и не поверил сначала. А когда решил, что так и есть, пришел в ужас! Словно моя собственная тень заговорила со мной! — Несколько секунд Гомес молчал. — Все эти годы ты прятался, но теперь открыто пришел в Схизматрицу, так? Пришел делать великие дела, изумлять мир… Это пугает. Словно видишь скелет математики под плотью мира. Но если принципы и верны, то как же с плотью? Плоть — это мы! Как же с плотью?!

Линдсей молчал, ответить ему было нечего.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал наконец Гомес. — Думаешь: «Любовь разбила ему сердце, и история эта стара как мир. Только время поможет ему понять себя». Ты так думаешь, да? Ну да, конечно.

Гомес замолчал, потом заговорил вновь — спокойно и сосредоточенно:

— Начинаю понимать. Этого не заключить в слова, верно? Можно лишь ухватить все разом. И я когда-нибудь пойму все целиком. Когда-нибудь, когда этих псов давно уж не будет. Когда даже Мелани Омаха станет воспоминанием, не более… — Странная смесь тоски и восторга звучала в его голосе. — Я слышал их разговоры, когда ты… выкинул эту штуку. Эти так называемые интеллектуалы, гордые цикады, может, они и знают научный жаргон, но мудрость — за тобой. — Гомес сиял. — Спасибо вам, сэр.

Линдсей едва дождался, когда Гомес уйдет. Он уже не мог дальше держаться. Казалось, смех его не кончится никогда.

Глава 10

Картель Дембовской
21.02.01

Несмотря на свою роль в основании Царицына Кластера, Кицунэ никогда его не посещала. Подобно Уэллспрингу, она имела большую власть над ЦК в его первые дни. В отличие от него, она рассталась с властью нелегко. В то время как Уэллспринг отстранился от повседневных забот, считая, что с такой ерундой и без него справятся, Кицунэ устроила шумную свару с Советом управляющих.

За те годы, что Линдсей провел на лечении, она достигла некоторого успеха. Она объявила, что планирует переехать в ЦК, но год за годом откладывала ломку привычной рутины, и власть ее мало-помалу пришла в упадок. Дело шло к расколу; судьбы ЦК и Дембовской радикально разошлись.

О превращениях Кицунэ ходили тревожные слухи. Рассказывали, в частности, что она воспользовалась всеобщей расхлябанностью, пришедшей вместе с разрядкой, и освоила новые технологии. Оставаясь номинально членом механистского Союза Картелей, Дембовская постоянно была на грани изгнания; ее терпели исключительно как карантин для перебежчиков с Совета Колец.

Но даже Совет Колец ужаснулся порожденной Дембовской технологии перекройки плоти. Совет Колец, находясь в руках дзенских серотонистов, боролся за стабильность и в результате отстал от времени. Передний край генных технологий захватили Черные Медики — экстремисты с комет и Колец Урана, а также пышным цветом расцветающие постчеловеческие общины типа Метрополярии, Кровавых братьев и Эндосимбиотиков. Они сбросили с себя все человеческое, как околоплодный пузырь. Раздробленные группки окружали Схизматрицу, словно марь раскаленной до предела плазмы.

Победная поступь науки перешла в безрассудный, стихийный бег. Механисты и шейперы превратились в некое подобие двух противостоящих армий, чей рядовой состав, рассеянный в болотах и джунглях, перестал обращать внимание на приказы одряхлевших своих генералов. Новые философии — постгуманизм, дзен-серотонин, галактизм — стали сигнальными кострами для заблудившихся. Философии дезертиров… Костер Линдсея светил ярко и привлек своим светом многих. Они назвали свою группировку лигой Жизнелюбивых.

По своей силе лиги Царицына Кластера были сравнимы с группировками. Лиги образовывали теневое правительство ЦК, моральную параллель отвлеченного, формального правления Совета управляющих. Элита лиг действовала за сценой, подражая своему идеалу, Уэллспрингу, и состязаясь в изощренности легенд. Форма и содержание власти были деликатно разъединены. Арбитры Полиуглеродной лиги, лиги Жизнелюбивых или Зеленой камарильи одним вскользь брошенным намеком либо движением брови могли творить чудеса.

Дошло до того, что группы, замыслившие перебежать в ЦК, прежде чем официально просить политического убежища, консультировались с лигами. Обычно эти дела относились к епархии Уэллспринга.

Однако в настоящий момент Уэллспринг отсутствовал — уехал набирать рекрутов. Линдсей, будучи знаком с существом дела, согласился встретиться с представителем откалывающейся группы на нейтральной территории Дембовской.

Свита состояла из его первого заместителя Гомеса, трех аспирантов и дипломатического наблюдателя от Совета управляющих.

Дембовская изменилась. Высадившись и направляясь к таможне среди редкой толпы пассажиров лайнера, Линдсей был поражен теплом. Воздух был нагрет до температуры тела и едва заметно пах кожей Кицунэ. Запах принес с собою воспоминания. На лице Линдсея блуждала меланхолическая улыбка. Воспоминания были дряхлы, не тверже бумаги, — еще бы, восемьдесят пять лет прошло. Казалось, что вовсе и не с ним, Линдсеем, все это происходило.

Линдсеевы жизнелюбивые получали багаж. Два аспиранта-механиста наговаривали в нагубные микрофоны свои первые впечатления. Прочие пассажиры ожидали у таможенных кабин.

К их группе приблизились двое встречающих. Линдсей шагнул вперед:

— Полиция гарема?

— Стенорожденные, — сказал первый, мужчина. Он был одет в тонкое кимоно без рукавов, голые руки его были покрыты татуировками, удостоверяющими полномочия. Лицо его казалось знакомым. Присмотревшись, Линдсей узнал потомка Майкла Карнассуса. Переведя взгляд на даму, он увидел юную Кицунэ. Волосы острижены, на смуглые руки нанесены белой тушью знаки отличия.

— Полковник Мартин Дембовский, — представился мужчина. — Моя стеносестра, капитан Мурасаки Дембовская.

— Канцлер Линдсей. А это — члены лиги: Абеляр Гомес, Джейн Мюррей, Глен Сцилард, Колин Сцилард, Эмма Мейер и унтер-секретарь Фидель Накамура, дипломатический наблюдатель.

Цикады по очереди поклонились.

— Надеюсь, силы ваши не подорваны переменой бактерий, проведенной на борту корабля, — сказала Мурасаки. Говорила она голосом Кицунэ.

— Только незначительные неудобства.

— Мы вынуждены весьма тщательно заботиться о кожных бактериях стеноматери, — объяснил полковник. — Такие значительные площади… Надеюсь, вы понимаете.

— Не могли бы вы представить точные цифры? — с механистской дотошностью и жадностью до точных данных спросил один из братьев Сцилардов. — Данные, имеющиеся в Царицыном Кластере, довольно расплывчаты.

— По последним данным, стеномать весит четыреста тысяч восемьсот двенадцать тонн, — с гордостью ответил полковник. —

Желаете о чем-либо заявить таможенникам? Нет? Тогда следуйте за мной.

Проследовав за дембовскианином в спецзал, они оставили там багаж и получили стерильные гостевые кимоно. Затем все босиком поплыли по первому пассажу Дембовской.

И пол, и стены, и потолки пещерного комплекса беспошлинных магазинов были покрыты живой плотью. Цикады плыли вперед, боязливо, едва-едва касаясь упругой кожи пальцами ног и со скрытой тоской поглядывая в сторону магазинов, безопасных островков металла и камня. Линдсей, загодя вышколивший своих подопечных, втайне гордился сдержанностью их реакции.

Но даже и он, войдя в первый из длинных туннелей, почувствовал позывы к тошноте. Округлая пищеводообразная конструкция отнюдь не способствовала внутреннему спокойствию. Партия погрузилась в открытые сани, движимые перистальтическими толчками мускулатуры пола.

Скользкая стена через равные промежутки была оборудована сфинктерными клапанами для ввода предварительно переваренной кашки. Мягко и ненавязчиво светили полупрозрачные пузыри, наполненные чем-то флюоресцирующим. Гомес, сидевший рядом с Линдсеем, напряженно изучал местную архитектуру. Внимание его было обострено с помощью препарата, известного у цикад как «Зеленый экстаз».

— Они дошли до крайности, — негромко сказал Гомес. — Да может ли такое обладать еще и личностью? Чтобы управиться со всем этим мясом, нужен мозжечок не меньше полутонны. — Глаза его сузились. — Воображаю, как оно должно себя чувствовать.

Клонированный потомок Карнассуса, помещавшийся в переднем отделении саней, тронул пульт управления. Плоть влажно расступилась, и сани понеслись вниз, в широкую, с многорядным движением шахту, прерывавшуюся время от времени просторными площадями и жилыми районами.

Мимо проносились конторы и магазины, встроенные во вздутия смуглой, атласной кожи. Повсюду было жарко, пахло надушенным телом. Интимность в промышленном масштабе… Людей попадалось не так уж много — в основном дети, разгуливающие голышом.

Сани резко остановились; группа высадилась на покрытую пушком площадку. Сани скользнули по направляющим назад, и Гомес слегка толкнул локтем Линдсея:

— Смотрите, канцлер: стены имеют уши!

Стены и вправду имели уши. И глаза.

На этом этаже воздух был какой-то другой. Аромат духов

здесь просто опьянял. Гомес внезапно почувствовал, как тяжелеют веки, а братья Сциларды, носившие, среди прочего, ленточные наголовники-камеры, сняли их, чтобы промокнуть пот. Джейн Мюррей и Эмма Мейер стали подозрительно озираться. Линдсей вдруг понял, в чем дело: феромоны. Архитектура сексуально возбудилась.

Группа проследовала по низкогравитационной пешеходной дорожке. Ее толстая, упругая кожа была сплошь испещрена огромными нескончаемыми завитками папиллярных линий. Потолок же — для передвижения на руках — был покрыт колеблющимся ковром из черных блестящих волос.

Очевидно, данный уровень был местной достопримечательностью: здесь от зданий были оставлены лишь каркасы, служащие плоти, как решетки — плющу. Пышная органика облепила их со всех сторон, мягко, женственно скругляя прямые эвклидовы углы каркасов. Конструкции, выраставшие из пола, изгибались, словно шеи лебедей, арками врастая в глянцевитый потолок. Стены домов покрывали ямочки и впадины, влажно-розовые сфинктеры дверей плавно переходили в кожу стен, покрытую нежным, еле заметным пушком.

Они остановились на волосяном газоне у большого замысловатого здания. Смуглые стены его блестели мозаикой из кости.

— Ваше жилище, — объявил полковник.

Двустворчатые двери распахнулись на мускулистых петлях, наподобие челюстей, в мощном зевке.

Джейн Мюррей, отстав от остальных, замешкалась у входа и взяла Линдсея за руку.

— Мозаика на стенах… Это же зубы!

Лицо ее под голубой и аквамариновой цикадной раскраской побледнело.

— В воздухе рассеяны женские феромоны, — объяснил Линдсей. — Из-за них вы и нервничаете. Реакция мозжечка, доктор.

— Ревность к стенам… — Джейн улыбнулась. — Здесь — словно в гигантском привате.

Несмотря на свою браваду, она явно была напугана. Джейн наверняка предпочла бы этому сомнительному обиталищу любой пользующийся сколь угодно дурной известностью приват в ЦК, какие бы беззакония в нем ни творились.

Они ступили за порог.

— Вы делите жилье с двумя группами торговых агентов — с Диотимы и фемиды, — но в вашем распоряжении целое крыло. Сюда, пожалуйста.

Они последовали за Мурасаки по широкой дорожке из плоских костяных вкраплений. За ребрами потолка глухо стучало одно из бесчисленных сердец Дембовской — промышленного масштаба кровенапорная станция. Его сдвоенные удары задавали ритм негромкому мелодичному воркованию, доносившемуся из встроенной в стену гортани.

Все оборудование в помещении было биомеханическое. Со стен мерцали биржевые мониторы, отражавшие подъемы и падения наиболее популярных механистских акций. Мебель состояла из сформированных со вкусом возвышений; причудливые кровати из плоти были застелены бельем, расписанным под радужные оболочки.

Просторный номер был поделен на части татуированными перепончатыми ширмами. Полковник щелкнул по делителю одной из них, и перепонка, сморщившись наподобие глазного века, втянулась в потолок. Затем он вежливо указал на одну из кроватей:

— Вся меблировка — образцы эрототехнологии нашей стеноматери. К вашим услугам, для полного комфорта и наслаждения. Хотя должен вам сообщить, что стеномать резервирует за собой право на оплодотворение.

Эмма Мейер, с опаской присевшая на одну из кроватей, поднялась:

— Прошу прощения?

— Мужские эякуляты, — сдвинул брови полковник, — переходят в собственность реципиента. Древнейший принцип женщин.

— О! Понимаю.

Мурасаки поджала губы:

— А что, доктор, вы находите это странным?

— Нет, что вы, — обезоруживающе улыбнулась Мейер. — Напротив, весьма разумно.

— Все дети, — с нажимом продолжала дембовскианка, — зачатые от мужчин вашей группы, станут полноправными гражданами. Все стенорожденные одинаково любимы. Лично я — полностью клонированная, но свой пост я получила по заслугам, в любви к матери. Верно, Мартин?

Дипломатическая хватка полковника была жестче. Он коротко кивнул.

— Вода в ванных стерильна, содержит минимум органики. Пить можно свободно. Водопровод — по образцу мочеполовой системы, но жидкость в нем — не отходы.

Гомес был очарован:

— Я как биоконструктор восхищен вашей оригинальной

архитектурой. И не только технической изобретательностью, но самой эстетикой! — И после паузы:

— Успеем ли мы принять ванну до прибытия багажа?

В ванне цикады весьма нуждались. Бактериальные перемены не совсем еще утряслись, и при плюс тридцати шести все тело жутко зудело.

Отойдя в угол, Линдсей опустил перепончатую перегородку.

Тут же темп его изменился. Отделившись от молодых спутников, он зажил в собственном ритме.

Ему не нужна была ванна. Старческая кожа уже не могла содержать большой популяции бактерий.

Линдсей устало присел на ложе. Он был страшно измотан. Глаза, помимо воли, тускнели. Так, совершенно опустошенный, без единой мысли в голове, сидел он довольно долго.

Наконец он пришел в себя, привычно полез в карман и вытащил эмалевый ингалятор. Две добрых понюшки «Зеленого экстаза» снова пробудили интерес к миру. Медленно обводя глазами помещение, он с удивлением остановил взгляд на голубом кимоно. Оно принадлежало Мурасаки, чье тело на фоне кожи было почти незаметно.

— Капитан… Простите, я вас не заметил.

— Я… — Мурасаки стояла в вежливом молчании. Таких знаменитостей она еще не принимала. — Я имею приказ… — Она указала на складку двери в стене.

— Вы хотите меня куда-то отвести? Мои спутники вполне управятся сами. Я к вашим услугам.

Он последовал за девушкой в кость и шерсть холла.

Здесь она остановилась и провела смуглой ладонью по гладкой коже стены. Под ногами открылся сфинктер, и они мягко упали этажом ниже.

Под общежитием располагались подсобные помещения. Слышалось биение артерий, а стены по временам бурлили, словно кишечник. Мерцали биомониторы, окаймленные складками плоти.

— Оздоровительный центр, — пояснила Мурасаки. — Для стеноматери, конечно. Здесь есть связь с ее сознанием. Здесь она может говорить с вами — через меня. Имейте это в виду и не пугайтесь.

Повернувшись спиной, она приподняла с шеи волну черных волос и продемонстрировала разъем, выступающий у основания черепа.

«Зеленый экстаз» тихонько струился в жилах Линдсея, возбуждая волну подзуживающего любопытства. Это было новейшее средство против скуки, сложное вещество,

составляющее биохимическую основу удивления. Приняв достаточную дозу «Зеленого экстаза», человек мог найти бездну интересного в линиях собственной ладони.

— Чудесно, — в неподдельном восхищении улыбнулся Линдсей.

Мурасаки все еще медлила, вопросительно глядя на него.

— Вы уж не взыщите, что я так глазею, — сказал Линдсей. — Вы так напоминаете мне вашу мать…

— Господин канцлер, а вы — правда он? Тот самый Абеляр Линдсей, бывший любовник моей матери?

— Да, мы с Кицунэ были дружны.

— А во мне правда очень много от нее?

— Клоны — самостоятельные люди, — мягко сказал Линдсей. — Когда-то, в Совете Колец, у меня была семья. Мои согенетики — то есть дети — были клонами. И я любил их.

— Не думайте, что я — просто кусок стены. Клетки стены бедны хромосомами. Химерные бластомы… Стена не совсем человечна, не как изначальная плоть Кицунэ. Или моя. — Она испытующе заглянула в его глаза. — Вы не против начать с разговора со мной? Я вас не утомляю?

— Вовсе нет.

— Прежде мы, стенорожденные, сталкивались с препятствиями. Некоторые иностранцы считали нас монстрами. — Она вздохнула. — А мы, скорее, немного скучноваты.

— Вы полагаете? — сочувственно спросил он.

— Вот в Царицыном Кластере не так. Там же так весело и интересно, да? Постоянно что-то происходит. Пираты. Постлюди. Перебежчики. Инвесторы. Я иногда смотрю фильмы. А как мне нравится ваша одежда!

— Она гораздо красивее на расстоянии, — улыбнулся Линдсей. — Цикады одеваются по социальному положению. Иногда процесс занимает не один час.

— Вы просто предубеждены, господин канцлер Линдсей. Недаром вы изобрели раздевание в обществе.

Линдсей моргнул. Что же это такое?! Теперь он никогда и нигде не избавится от этого ярлыка?!

— Я видела в пьесе, — пояснила девушка. — «Интрасолар» из Голдрейха приезжал на гастроли. Играли «Жалость, к тварям земным» Фернанда Феттерлинга. Там герой в кульминационный момент срывает с себя одежду.

Линдсей был огорчен и раздосадован. С тех пор как Феттерлинг сделался дзенским серотонистом, его пьесы вконец утратили былую энергию. Он рассказал бы об этом девушке, но

слишком уж жаль было Феттерлинга. Что за трагическая судьба! По политическим причинам Феттерлинг долгие годы оставался неличностью, и Линдсей не осуждал драматурга, выбравшего покой за любую цену.

— В наши дни это не очень принято, — сказал он. — Утратило всякий смысл. Порой люди раздеваются лишь для расстановки акцентов в беседе.

— Я думала, это чудесно… Хотя на Дембовской обнаженность почти ничего не значит… Но не мне рассказывать вам о пьесах. Ведь это вы создали «Кабуки Интрасолар»?

— Не я. Федор Рюмин.

— Кто это?

— Блестящий драматург. Он умер несколько лет назад.

— Он был очень старый?

— Предельно. Даже старше меня.

— Ох, извините, — смутилась она. — Мне уже пора. Вам и стеноматери многое нужно обсудить. — Она прижала ладонь к стене позади нее и снова обратилась к нему:

— Спасибо, что вы были ко мне снисходительны. Это очень большая честь для меня.

Из стены выросло щупальце плоти. Плоское утолщение на его конце коснулось шеи девушки. Подняв волосы, она соединила щупальце с разъемом. Лицо ее мгновенно расслабилось.

Ноги девушки подкосились, она начала медленно опускаться на пол, но подключившаяся Кицунэ успела ее подхватить. Тело коротко встрепенулось в судороге обратной связи, затем Кицунэ выпрямила его и огладила ладонями предплечья. Лицо снова обрело выразительность, а тело — грациозность. Старая, свирепая жизненная энергия словно бы электризовала его. Только глаза были мертвы.

— Привет, Кицунэ.

— Тебе нравится это тело, дорогой? — Она блаженно потянулась. — Ничто не возвращает воспоминания так, как это. Быть совсем юной женщиной… Как ты называешь себя теперь?

— Абеляр Линдсей. Канцлер Космоситета метасистем Царицына Кластера, отдел системы Юпитера.

— И еще арбитр лиги Жизнелюбивых?

— Положение в общественных клубах не дает никаких законных прав, — улыбнулся Линдсей.

— Ну, этого положения достаточно, чтобы привлечь сюда перебежчика из Союза старателей… Она назвалась Верой Константин. И это имя столько для тебя значит, что ты сам приехал сюда?

— Приехал, — пожал плечами Линдсей.

— Дочь старого врага? И согенетик давно умершей женщины, чьего имени я не помню?

— Вера Келланд.

— А ты помнишь его хорошо… Может, даже лучше наших с тобой отношений?

— Они у нас были разные, Кицунэ. Я помню нашу молодость в Дзайбацу, хотя не так хорошо, как хотелось бы. Я помню те тридцать лет на Дембовской, когда я сторонился тебя из-за твоего превращения и потерянной жены.

— Стоило мне нажать, и ты не устоял бы передо мной, в какой бы форме я ни была. Все эти тридцать лет я только дразнила тебя.

— С тех пор я изменился. Теперь на меня нажимают другие вещи.

— Но и форма у меня теперь лучше. Совсем как старая. — Движением плеч она сбросила кимоно с тела девушки. — Ну что, попробуем? В память о былых временах.

Линдсей приблизился к телу и медленно провел сморщенной ладонью по ее боку.

— Просто прекрасно.

— Оно твое. Наслаждайся.

Со вздохом Линдсей провел по щупальцеобразному отростку, прилипшему к затылку девушки.

— Во время дуэли с Константином на меня тоже устанавливали нечто подобное. При передаче по проводам многое теряется. Ты не ощутишь того же, Кицунэ. Все будет не так, как раньше.

— Как раньше? — Она громко захохотала. Рот открывался, но лицо почти не двигалось. — Я так давно вышла за эти рамки, что забыла их.

— Ну хорошо. Но и я не смогу ощущать того же. — Отступив назад, он опустился на пол. — Если тебя это утешит, я все еще к тебе что-то чувствую. Несмотря на годы и перемены. Я не могу выразить этого в словах. Но то, что было между нами, и не требовало слов.

Она подобрала с пола кимоно.

— У тех, кто тратит время на поиск слов, никогда не хватает времени жить.

Несколько секунд прошли в обоюдном молчании. Она оделась и села с ним рядом.

— А как Майкл Карнассус? — спросил наконец Линдсей.

— Хорошо. С каждым омоложением мы исправляем все больше повреждений от «облома». Сейчас он часто покидает Экстратеррариум, все надольше и надольше. В моих коридорах он

чувствует себя в безопасности. Теперь он даже может говорить.

— Я рад за него.

— Наверное, он любит меня.

— Что ж, этого нельзя не принять во внимание.

— Иногда я думаю, сколько же выгод из него извлекла, и чувствую такую странную теплоту… Лучшая сделка моей жизни. Он был так чудесно податлив… Пусть даже теперь он бесполезен; всякий раз при виде него я ощущаю настоящее удовлетворение. Я решила, что никогда его не оставлю.

— Очень хорошо.

— Для механиста своих дней он был очень одарен. Посол к инопланетянам и должен был быть из лучших. Здесь у него много детей — согенетиков — и все более чем удовлетворительны.

— Я это заметил, когда встретился с полковником Мартином Дембовски. Весьма способный офицер.

— Правда?

— Молод, конечно, — рассудительно сказал Линдсей, — но от этого никуда не денешься.

— Да. А эта балаболка, — тело ткнуло пальцем в собственную грудь, — еще моложе. Всего девятнадцать. Но мои стенорожденные должны расти быстро. Я хочу сделать Дембовскую своим генетическим гнездом. Все прочие должны уйти. Включая твою подружку-шейпера из Союза старателей.

— Ради тебя я заберу ее.

— Это ловушка, Абеляр. У детей Константина нет причин для любви к тебе. Не доверяй ей. Она, как и Карнассус, жила с пришельцами. И это не прошло бесследно.

— Говоря честно, мне просто любопытно, — улыбнулся он. — Возможно, это наркотик…

— Наркотик? Но это не твой излюбленный когда-то вазопрессин. Иначе у тебя было бы лучше с памятью.

— «Зеленый экстаз», Кицунэ. У меня имеются вполне определенные долгосрочные планы… А «Зеленый экстаз» поддерживает к ним интерес.

— Терраформинг…

— Да. Проблема, понимаешь ли, во времени и масштабе. А долго поддерживать фанатизм — тяжело. Без «Зеленого экстаза» разум разъедает фантастическое, низводя его до будничного.

— Понимаю. Твое фантастическое, мое экстатическое… Деторождение — это просто чудо.

— Дарить миру новую жизнь… Это таинство. Истинно пригожинское событие.

— Ты, должно быть, устал, дорогой. Я довела тебя до цикадских банальностей.

— Извини, — улыбнулся Линдсей. — Живешь с ними — привыкаешь.

— Вы с Уэллспрингом устроили отличную витрину. Оба вы — умеете поговорить. Уверена, лекции ты можешь читать часами. Или целыми днями. Но — века?

Линдсей рассмеялся:

— Иногда кажется просто анекдотичным, да? Двое бродяг, объявших предел пределов. Уэллспринг, полагаю, искренне верит. А я… Я стараюсь.

— Возможно, он полагает, что это ты веришь…

— Возможно. И то и другое. — Линдсей намотал прядь своих длинных волос на стальные пальцы. — Когда уходят мечты, постгуманизм приобретает определенную привлекательность. Существование четырех уровней сложности доказано математически. Я видел уравнения.

— Ты уж уволь меня, пожалуйста. Не настолько мы стары, чтобы обсуждать уравнения.

Слова ее проскользнули куда-то мимо. Под влиянием «Зеленого экстаза» мозг Линдсея на секунду поддался очарованию математики, чистейшего из интеллектуальных наслаждений. В нормальном своем состоянии, невзирая, на годы учебы, он воспринимал эти формулы как головоломное, почти непостижимое нагромождение символов. В «Зеленом экстазе» же он объял их разом, хотя после мог вспомнить лишь ослепительное наслаждение понимания. Чувство это было близко к вере.

Через несколько долгих секунд он вырвался из плена.

— Извини, Кицунэ. Что ты сказала?

— Помнишь, Абеляр… Когда-то я говорила, что экстаз — это лучше, чем быть Богом.

— Помню.

— Я была не права, дорогой. Быть Богом — гораздо лучше.

* * *

Не доверяя Вере, Кицунэ и поселила ее соответственно. Молодая шейперская клан-дама уже несколько недель пребывала под домашним арестом. Номер ее был трехкомнатной камерой из камня и железа, вне вселенских объятий Кицунэ.

Сидя у включенного биржевого монитора, она изучала поток сделок в трехмерной сетке. Раньше она никогда не играла на бирже, но Абеляр Гомес, любезный молодой цикада, снабдил ее для времяпрепровождения финансами. Не придумав лучших занятий, она применила к рыночным циркуляциям принципы атмосферной динамики, освоенные на Фомальгауте IV. Что самое странное, получилось. Это приносило доход.

Дверь отперли и отодвинули. В номер вошел старик, высокий и худощавый, что подчеркивала одежда цикад — длинное пальто, темные брюки с разрезами и драгоценные перстни поверх белых перчаток. Морщинистое лицо, борода, серебряный венец из листьев, стягивающий седые, до плеч, волосы… Поднявшись с кресла, Вера поклонилась, изобразив по-цикадски реверанс:

— Добро пожаловать, господин канцлер.

Линдсей оглядел камеру, выразительные брови его удивленно приподнялись. Что-то в комнате — не она, но что-то — встревожило его. Тут же и сама она почувствовала и поняла: снова присутствие. Невольно, понимая умом всю бесполезность этого, она быстро оглянулась в поисках. Что-то, мелькнув в уголке глаза, тут же исчезло.

Улыбнувшись ей, Линдсей продолжал обшаривать взглядом помещение. Ей не хотелось рассказывать ему о присутствии. Через некоторое время он оставит поиски, как и все до него.

— Спасибо, — сказал он с запозданием. — Уверен, у вас все в порядке, госпожа доктор-капитан.

— Ваши друзья, унтер-секретарь Накамура и доктор Гомес, были очень внимательны ко мне. Благодарю вас за записи и подарки.

— Не стоит благодарности.

Внезапно ею овладел испуг: а вдруг она его разочаровала? Он ведь не видел ее пятнадцать лет, с самой дуэли. Тогда ей было всего двенадцать. Конечно, и скулы Веры Келланд, и ямочки на подбородке — сохранились, но время изменило ее, да и генотип был нечист — она ведь не полный клон…

Кимоно безжалостно обнажило все перемены, следствие лет, проведенных, у инопланетян. Шею уродовали два полукруглых

жаберных отверстия, а кожа сохранила специфический восковой оттенок. В посольстве на Фомальгауте она несколько лет провела в воде.

А серые глаза Линдсея все еще шарили по комнате. Да, он чувствует всепроникающий ужас присутствия. Рано или поздно он сочтет источником этого чувства ее, и тогда не останется никаких надежд на его расположение.

— Сожалею, что дела не удалось решить скорее, — рассеянно сказал он. — В делах перебежчиков спешка только вредит.

Вот, решила она, завуалированный намек на судьбу Норы Мавридес. При этой мысли по спине ее пробежал холодок.

— Я понимаю, господин канцлер.

Клан Константинов не давал Вере официального одобрения — чтобы избежать осуждения остальных на Совете Колец. Жизнь на Союзе старателей стала трудной: с потерей статуса столицы там началась жестокая борьба за остатки власти и интенсивный поиск козлов отпущения. И члены клана Константинов подходили для роли жертв как нельзя лучше.

Когда-то она была любимицей основателя клана, что выражалось во множестве подарков и неослабном внимании Константина.

С тех пор клану несколько раз крупно не везло. Филип Константин поставил свое будущее на возможность убить Линдсея — и проиграл. Клан вложил слишком многое в Верину должность посланника, но она не привезла с Фомальгаута ожидаемых богатств. Вдобавок еще изменилась, что встревожило всех. Теперь ей можно было рискнуть.

Исчерпав свое могущество, клан продолжал жить в ужасе перед Линдсеем. Он не только выжил после дуэли, но вернулся еще более могущественным, чем до нее. Он казался Константинам каким-то непобедимым гигантом. Но ожидаемого нападения так и не последовало. Стало ясно, что и он не без слабостей. Через нее клан решил сыграть. На его любви к Вере Келланд либо на его вине перед ней. То была последняя и самая отчаянная игра. В случае удачи — убежище. Или месть. Или — и то и другое.

— Но отчего — ко мне? — поинтересовался он. — Есть и другие места. Механисты не так страшны, как их малюют на Совете Колец.

— Механисты обратили бы нас против нашего народа. Они раскололи бы наш клан. Нет. Царицын Кластер лучше всего. Убежище под сенью Матки… Если только вы не будете против нас.

— Понимаю, — Линдсей улыбнулся. — Мои друзья не

доверяют вам. Мы же, собственно говоря, ничего на вас не выигрываем. ЦК и так кишмя кишит перебежчиками. Клан ваш не разделяет идеологии постгуманизма. Что еще хуже — многие в ЦК ненавидят фамилию Константин. Бывшие пацифисты, катаклисты и так далее. Словом, затруднения вам понятны.

— Но те времена прошли, господин канцлер. Мы никому не хотим зла.

Линдсей прикрыл глаза.

— Заверениями можно обмениваться до тех пор, пока солнце не взорвется. — Похоже, он кого-то цитировал. — И все равно никто никого не убедит. Либо мы верим друг другу, либо нет.

Такая прямота возбуждала дурные предчувствия. Вера не знала, что сказать.

— Я привезла вам подарок. — Молчать дальше было уже неловко. — Старинную фамильную драгоценность.

Она пересекла узкую камеру и подняла с пола прямоугольную проволочную клетку, накрытую персикового цвета бархатом. Подняв драпировку, она показала ему сокровище клана — белую лабораторную крысу. Зверек бегал по клетке, переставляя лапки с какой-то неестественной, раз за разом повторяющейся точностью.

— Эта красавица одна из первых получила физическое бессмертие. На ней проводили лабораторную проверку процедуры более трехсот лет назад.

— Вы очень щедры.

С этими словами Линдсей поднял клетку и принялся рассматривать крысу. Та, с возрастом совершенно утратив способность к обучению, вела себя абсолютно механически. Подрагивания мордочки и даже движения глаз полностью подчинялись давным-давно заученной схеме.

Старик внимательно разглядывал зверька. Вера понимала, что никакой реакции он не добьется. Во влажных красных глазках крысы не было ничего, ни малейшего проблеска звериной настороженности.

— Она когда-нибудь выходила из клетки?

— Нет, господин канцлер. Веками. Она слишком ценна.

Линдсей отворил клетку. Привычная повседневная рутина зверька рассыпалась на части. Крыса спряталась за стальной трубкой — поилкой, подвижные мохнатые лапки ее мелко дрожали.

Линдсей поднес к дверце руку в перчатке, пошевелил пальцами.

— Не бойся, — серьезно сказал он крысе, — здесь — целый мир.

Некий древний, почти забытый рефлекс ударил крысе в голову. С визгом кинулась она через всю клетку к руке Линдсея, яростно, конвульсивно вцепившись в нее когтями и зубами. Вера прыгнула вперед, испуганная его поступком, ужасаясь реакции крысы. Отстранив ее, Линдсей поднял руку, с жалостью разглядывая разъяренное животное. Под рваной перчаткой поблескивали медью и вороненой сталью соты сенсоров протеза.

Мягко и уверенно он подхватил крысу, следя, чтобы она не сломала себе зубы.

— Тюрьма укоренилась в ее сознании. Много понадобится времени, чтобы перед ее глазами не стояли больше прутья решетки — Он улыбнулся. — К счастью, времени у нас более чем достаточно.

Крыса прекратила борьбу. Она тяжело дышала в мучительной судороге некоего животного прозрения. Линдсей осторожно посадил ее на столик рядом с биржевым монитором. Зверек с усилием поднялся на тонкие розовые лапки и возбужденно засеменил, повторяя контуры клетки.

— Она не может измениться, — объяснила Вера. — Иссякла способность к обучению.

— Вздор, — возразил Линдсей. — Просто ей нужен пригожинский скачок к новому типу поведения.

Спокойная уверенность Линдсея в своей идеологии внушала страх. Вероятно, это отразилось на лице Веры. Линдсей сдернул с руки разорванную перчатку.

— Нельзя терять надежды, — сказал он. — Надеяться нужно всегда.

— Долгие годы мы надеялись исцелить Филипа Константина. Теперь-то мы знаем… Мы готовы отдать его в ваши руки. В уплату за безопасный переезд.

Линдсей серьезно взглянул на нее:

— Это жестоко.

— Он был вашим врагом. Мы хотим искупить…

— Я предпочел бы не его, а вас.

Значит, он еще помнит Веру Келланд!

— Но не заблуждайтесь. Я не предлагаю вам истинного вознаграждения. Когда-нибудь падет и Царицын Кластер. Нации в нашу эру недолговечны. Долговечен только народ, только замыслы и надежды… Я могу предложить только то, что имею. Безопасности у меня нет. Есть свобода.

— Постгуманизм, — проговорила она. — Ваша государственная идеология. Конечно же, мы адаптируемся.

— Я полагал, у вас есть собственные убеждения. Вы — галактистка.

Пальцы ее невольно коснулись одной из жаберных щелей.

— Политике меня научило пребывание в обзорной сфере. На Фомальгауте. В посольстве. — Она помолчала. — Жизнь там изменила меня больше, чем вы думаете… Кое-что я просто не могу объяснить.

— В комнате что-то есть, — сказал он.

Вера застыла.

— Да, — пробормотала она. — Вы чувствуете? Большинство просто не замечает.

— Что это? Нечто с Фомальгаута? От газовых пузырей?

— Они ничего об этом не знают.

— Но вы — знаете. Расскажите.

Отступать было поздно.

— Впервые я заметила это еще в посольстве, — неохотно начала Вера. — Посольство плавало в атмосфере Фомальгаута-четвертого, газового гиганта, похожего на Юпитер… Нам приходилось жить в воде, чтобы вынести гравитацию. Мы были собраны в кучу, и шейперы и механисты; все в одном посольстве, иного выбора не было. Все менялось, и мы изменились. Прибыли Инвесторы, чтобы отвезти механистов обратно в Схизматрицу… Я думаю, присутствие было на борту корабля. С тех пор присутствие со мной.

— Оно реально? — спросил Линдсей.

— Думаю, да. Иногда я почти вижу его. Что-то мелькает… Нечто такое, зеркальной окраски.

— А что сказали Инвесторы?

— Все отрицали. Сказали, что я заблуждаюсь. — Она запнулась. — Не они последние так говорили.

Ей не хотелось с ходу рассказывать обо всем, но бремя заметно полегчало. Она смотрела на Линдсея, осмелившись надеяться.

— Значит, это чужак, — сказал он. — Не принадлежащий ни к одному из девятнадцати известных видов.

— Вы верите мне. Вы полагаете, что это — существует.

— Нужно верить друг другу, — сказал Линдсей. — Так легче жить. — Он внимательно, точно проверяя работу глаз, осмотрел комнату. — Выманить бы его наружу…

— Не выйдет. Уж поверьте, я много раз пробовала.

— Здесь не следует пробовать. Любое проявление встревожит Кицунэ. Она чувствует себя в этом мире уютно и безопасно. Нужно считаться с ее чувствами.

Его искренность поражала. Раньше Вере не приходило в голову, что тюремщица ее может что-то чувствовать и что кто-то способен воспринимать эту титаническую груду плоти как

личность.

Линдсей подхватил громко, отчаянно заверещавшую крысу и оглядел ее с таким бесхитростным интересом, что Вера, не успев опомниться, почувствовала жалость к нему, порыв обнять, защитить… Чувство это удивляло и в то же время приятно согревало.

— Мы скоро уезжаем, — сказал он. — Ты поедешь с нами.

Он спрятал крысу в карман длинного пальто. Та даже не шелохнулась.

* * *

История Схизматрицы была долгой, мучительной хроникой перемен. Население выросло до девяти миллиардов. Власть над Советом Колец выскользнула из дрожащих рук одурманенных наркотиками дзенских серотонистов. После сорока лет их царствования новые идеологи шейперов схватились за агрессивные планы пророков галактизма.

Новая вера распространялась медленно. Она была рождена в «межзвездных посольствах», где посланники выходили за рамки человеческого, чтобы осознать образ жизни инопланетян. Ныне пророки галактизма были готовы полностью отбросить человеческое ради достижения галактического сознания, в котором примитивная верность собственному виду устареет и отомрет.

Политика разрядки вновь рассыпалась в прах. Механисты не на жизнь, а на смерть бились с шейперами за благосклонность чужаков. Из девятнадцати инопланетных рас лишь пять выказали хоть какую-то заинтересованность в более близких отношениях с человечеством. Процессоры с Хондрульного Облака были готовы прибыть, но лишь при условии, что Венеру раздробят на атомы для лучшего переваривания. Нервнокоралловые водоплавы выразили осторожный интерес к вторжению на Землю, но это означало бы нарушение священной традиции Интердикта. Культурные призраки с охотой присоединились бы к любым, кто ухитрится выдержать их общество, однако же эффект, оказанный ими на дипкорпус Схизматрицы, поверг всех в полный ужас.

Самыми многообещающими оставались газовые пузыри с Фомальгаута. Изучение их «языка» затянулось на несколько десятилетий. Язык их точнее всего мог быть описан как комплекс неустойчивых состояний атмосферы. Как только настоящий контакт был установлен, дело пошло быстрее. Фомальгаут был гигантской звездой с обширным поясом астероидов, богатых

тяжелыми металлами.

Для пузырей пояс никакой ценности не представлял — космические путешествия им не нравились. Однако они заинтересовались Юпитером и замышляли засеять его аэропланктоном. Инвесторы соглашались организовать перевозки, хотя даже их громадины-корабли могли нести за раз лишь жалкую горстку хирургически уплощенных пузырей.

Спор заварился на десятилетия. У механистов имелась своя галактическая группировка, тужившаяся овладеть головоломной физикой зловещих налетчиков. Те, как и Инвесторы, обладали технологией сверхсветовых перелетов. Инвесторы не прочь были продать свой секрет, но цену запрашивали несусветную. Налетчики издевались над людьми, но иногда ими овладевали приступы болтливости…

Движение людей в ближайший спиральный рукав галактики казалось неизбежным. Одна из двух стратегий должна была оказаться успешной — либо дипломатические ухищрения шейперов, либо механистский целенаправленный штурм проблемы межзвездных перелетов. Но добиться успеха по силам было лишь этим главным группировкам — более мелким недоставало финансов, опытных профессионалов и дипломатического веса. Новое напряженное противостояние двух сверхсил обрело форму.

Тем временем личинки пузырей в своих яйцеобразных космических кораблях усердно исследовали околосолнечное пространство, а мелкие группы шейперских и механистских ренегатов картографировали богатства Фомальгаута. Ни пузыри, ни люди уже не удовлетворялись одной звездной системой.

Крах разрядки воскресил старую вражду. Разгорелись пограничные войны, и Инвесторы на сей раз не решились их сдерживать. Как грибы росли новые — одна эксцентричней другой — группировки, возглавляемые вернувшимися дипломатами. К плотоядам, коронасферикам и в Армию вирусов охотно шли рекруты из низов.

Вращался калейдоскоп истории, вращался быстрее и быстрее, приближаясь к некоему немыслимому крещендо. Узоры в нем складывались, деформировались — и разлетались на части, и каждый отблеск был человеческой жизнью.

Народная Корпоративная Республика Царицын Кластер
13.01.54

Семьдесят лет богатства и стабильности миновали. Царицын Кластер вплотную приблизился к катастрофе. Для разработки

программы преодоления кризиса элита лиги Жизнелюбивых собралась на тайное совещание.

Аквамариновый приват, цитадель, жизнелюбов, был надежно защищен от чего угодно. Все стены зала были покрыты мозаичными изображениями Европы, спутника Юпитера: яркая, словно исцарапанная граблями почва в снежно-белых и смугло-оранжевых тонах, синева и индиго внутренних морей… Над полировкой стола заседаний висел глобус Европы, вокруг которого, на орбитах из серебряной проволоки, тихонько тикали ювелирной работы спутники лиги Жизнелюбивых.

Канцлер Абеляр Гомес, бодрый восьмидесятипятилетний мужчина, взял на себя управление делами лиги. Главными соратниками Гомеса были: профессор Глен Сцилард, советник Матки Фидель Накамура и нынешняя его супруга, Джейн Мюррей, менеджер проекта. На дальнем конце стола сидел Почетный канцлер Абеляр Линдсей. Морщинистое лицо старого визионера лучилось добродушной, насмешливой улыбкой, вызванной большой дозой «Зеленого экстаза».

Гомес постучал по столу, призывая собрание к порядку. Наступила тишина, нарушаемая лишь громким попискиванием старой крысы, обосновавшейся на плече Линдсея.

— Извините, — пробормотал Линдсей, пряча крысу в карман.

— Фидель, — начал собрание Гомес, — твой доклад?

— Подтверждаю, господин канцлер. Матка исчезла.

Все застонали.

— Бегство или похищение? — резко спросил Гомес.

Накамура утер пот со лба.

— Ее забрал Уэллспринг; только он знает ответ. Мои коллеги-советники, мягко говоря, взволнованы. Координатор созвал псов. Он даже тигров вытащил из нафталина. Уэллспринг в розыске как государственный изменник. Не успокоятся, пока не возьмут.

— Или пока ЦК не рухнет, — добавил Гомес. Все помрачнели. — Тигры… Громадные машины. Могут вспороть эту стену, как лист бумаги. Нам нельзя собираться снова, пока не вооружимся и не установим охранные системы.

Слово взял Сцилард:

— Наши псы прослеживают выходы из этого модуля. Я — за поголовную проверку на лояльность. Мы можем очистить свой пригород от носителей недружественных идеологий и сделать его нашим бастионом, когда Кластер распадется.

— Крутенько, — заметила Джейн Мюррей.

— Тут уж — либо мы, либо они, — ответил Сцилард. — Как только эта новость распространится, в других группировках

начнутся суды Линча, захват укрепленных позиции и отчуждение собственности диссидентов. Грядет анархия. Придется обороняться.

— А что там с нашими союзниками? — спросил Гомес.

— Согласно данным от наших сторонников в Полиуглеродной лиге, — заговорил Накамура, — объявление о перевороте Уэллспринга должно совпасть с первым взрывом астероида на Марсе, это — утро 04.14.54… Распад ЦК — вопрос нескольких недель. Большинство беженцев из Царицына Кластера отправятся к Марсу. Там, на орбите, Уэллспринг держит Матку. Править будет он. Новый Терраформинг-Кластер будет сугубо придерживаться идеологии постгуманизма.

— Механисты с шейперами разорвут ЦК на части, — сказала Джейн Мюррей. — И это разрушение выгодно для нашей философии. Это, друзья, государственная измена. Меня тошнит.

— Люди живут дольше, чем нации, — мягко заметил Линдсей, дышавший не по-человечески ровно: внутренними органами его управляла механистская биокираса. — ЦК обречен. Никакие псы и чистки его не спасут без Матки. Здесь для нас все кончено.

— Почетный канцлер прав, — сказал Гомес. — И нам следует решить, куда мы направимся дальше. Присоединимся к Полиуглеродной лиге, чтобы жить около Марса, под сенью Матки? Или же двинемся к Европе, чтобы претворять в жизнь наши планы?

— Я — за Марс, — сказал Накамура. — В нынешней обстановке постгуманизму понадобится любая доступная поддержка. Дело требует солидарности.

— Солидарности? Скорее уж флюидарности, — возразил Линдсей. Собравшись с силами, он сел прямо. — В конце концов, что такое одна Матка? Существуют инопланетяне и кроме нее. Когда-нибудь постгуманизму потребуется собственная орбита. Отчего бы не подыскать ее сейчас?

Во время общего спора Гомес, полуприкрыв глаза, задумчиво следил за старым своим наставником. Боль старых ран… Он никак не мог забыть своего долгого брака с любимицей Линдсея, Верой Константин. Слишком много теней было тогда между ним и Верой.

И однажды эти тени рассеялись. Это произошло, когда она призналась, что хотела раньше убить Линдсея. Линдсей не принимал никаких мер самозащиты, и возможностей предоставлялось множество, но почему-то ей всегда казалось, что момент еще не настал. Шли годы, убежденность ее ослабла, похороненная под ворохом повседневных дел. Настал день, и она

поняла, что не сможет этого сделать. И все рассказала Гомесу — она ему верила. Они любили друг друга.

Гомес отвлек ее от мести. Она приняла постгуманизм. И даже клан ее изменил свои взгляды — теперь Константины были пионерами лиги Жизнелюбивых, работали в окрестностях Европы.

Но годы взяли свое. Время имеет обыкновение обращать страсть в работу. У Гомеса было все, чего он желал. У него была мечта. Он жил и дышал мечтою и работал на ее бюджет. И потерял Веру — между ними оставалась еще одна тень.

Вера так и не поправилась окончательно. Год за годом она упорно настаивала на том, что ее преследует некое инопланетное присутствие. Очевидно, это приходило и уходило с переменами в настроении: много дней подряд она могла быть приветливой и веселой, убежденная, что оно «куда-то ушло», но затем Гомес находил ее мрачной и замкнутой, уверенной, что оно вернулось.

Линдсей потакал сумасшествию Веры, заявляя, что верит ей. Впрочем, Гомес тоже верил в присутствие — то есть был уверен, что так выражает она свой уход от реальности. Не зря же она называла это «таким, зеркальным»… Нечто такое, чего нельзя взять — и зафиксировать; нечто неопознаваемо-расплывчатое… Словом, дойдя до точки, Гомес уже и сам начал видеть какое-то мелькание в уголке глаза. Он понял, что это зашло слишком далеко. И они расстались.

Иногда он задумывался: а не спланировано ли все это Линдсеем? Линдсею ли не знать, что лучший капкан для человека — наслаждение и что, вырвавшись из него с потом и кровью, обретаешь истинную силу…

Обожженный болью, Гомес обрел эту силу.

А Сцилард все сыпал и сыпал фактами и цифрами о текущем положении дел на Орбитал-Европе. Будущая обитель жизнелюбивых будет вращаться вокруг спутника Юпитера, представляя собой пену из жестких конструкций, стен и надувных пузырей.

Процветающий клан Константинов уже закончил трубопроводы и готовил к запуску систему жизнеобеспечения… Однако массовый переезд туда тысяч сторонников лиги тут же сожрет все их ресурсы.

Отношения с юпитерианской колонией пузырей были налажены благодаря умению Веры и ее учеников. Но от прочих фракций пузыри — не защита. У них нет к тому ни желания, ни возможностей, ни хотя бы престижа — как у Матки цикад.

Джейн Мюррей призвала взглянуть на вещи с позиций проекта. Поверхность Европы никаких особых перспектив не открывает: что взять с иссушенной вакуумом водноледяной

пустыни, омываемой смертельным излучением Юпитера, где от холода мышцы и кости должны ломаться, будто стекло? Но во льду имеются расщелины, темные борозды в тысячи километров длиной… Приливные трещины. Под корой льда есть расплавленный лед, то есть окружающий планету лавовый океан жидкой воды. Постоянное приливное воздействие Юпитера, Ганимеда и Ио дает достаточно энергии, чтобы разогреть океан Европы до температуры тела. А под кружевом разломов этот стерильный океан омывает ложе из геотермального камня…

Долгие годы жизнелюбивые планировали серию тяжелых ударов по неорганике. Начало должны были положить водоросли. Виды, способные прижиться в комбинации солей, характерной для морей Европы, были уже выведены. Водоросли смогут группироваться вокруг свежих трещин, пропускающих свет, питаясь тяжелыми углеводородами, пузырьки которых бесцельно болтаются в бесплодном море. Далее наступит очередь рыб; для начала — маленькие, выращенные из полудюжины промысловых видов, взятых человечеством в космос. Океанических же ракообразных — таких, как крабы и креветки, — известных лишь по древним учебникам, можно вывести путем умелой манипуляции генами насекомых.

Линии с дефектами развития можно уничтожать снарядами с орбиты, пробивая в паковом льду дыры и открывая доступ свету. Можно экспериментировать на двенадцати трещинах разом, отбирая наиболее адаптивные экосистемы методом проб и ошибок.

Это займет столетия… Снова Гомес взвалил на себя бремя лет.

— Биоконструирование еще в колыбели, — сказал он. — Нужно смотреть фактам в лицо. По крайней мере, при Матке Марсианский Кластер обеспечит нам богатство и безопасность. И единственным нашим врагом будет время.

Резко подавшись вперед, Линдсей ударил железным кулаком по столу.

— Мы должны действовать! Наступил критический момент, когда одно-единственное действие определит наше будущее. Перед нами — выбор между рутиной и чудом. Требуйте чудесного![6]

Гомес был оглушен.

— То есть Европа, канцлер? Замыслы Уэллспринга кажутся безопаснее.

— Безопаснее? — засмеялся Линдсей. — Царицын Кластер тоже казался безопасным. Но дело движется вперед, и Матка, влекомая Уэллспрингом, тоже двинулась… Абстрактная мечта

будет процветать, но город падет. И те, кто не умеет мечтать, умрут вместе с ним. И потоки крови самоубийц затопят приваты. Самого Уэллспринга могут убить! Агенты механистов захватят целые модули, а шейперы проглотят индустрию и банки. И все это — такое привычное и прочное — растает как дым… Оставшись с ним, мы с ним и растаем.

— Но что же нам делать?

— Уэллспринг не один такой, чьи преступления — тайна и амбициозность. И не он последний пропал.

— Вы… вы покидаете нас, канцлер?

— С бедствием и катастрофой вы должны справиться сами. Я в этом деле уже бесполезен.

Все были убиты. Наконец Гомес совладал с собой.

— Почетный канцлер прав. Я тоже хотел предложить нечто подобное. Враги сосредоточат атаки на арбитре лиги. Его лучше спрятать.

Остальные автоматически запротестовали; но голос Линдсея был решающим:

— Никакие Уэллспринги и Матки не вечны. Вы должны поверить в собственные силы. Я в них верю.

— Куда же вы отправитесь, господин канцлер?

— В самое неожиданное место. — Он улыбнулся. — Это не первый из моих кризисов. Я повидал их достаточно. Когда они приближались, я всегда спасался бегством. Долгие годы я наставлял и поучал вас, просил жизни свои посвятить… И все это время знал, что вот этот самый момент настанет. Я никогда не думал, что буду делать, когда мечта обернется кризисом. Уйду ли, как обычно, в бродяги или же буду бороться бок о бок с вами? Час настал. Я должен зачеркнуть свое прошлое. Вы — тоже. Я знаю, как обеспечить вам чудо. И я это сделаю. Клянусь.

Внезапный ужас охватил Гомеса. Давным-давно не видел он в Линдсее такой твердости и решительности. Он неожиданно понял: Линдсей собирается умереть. Не зная планы Линдсея, он, однако, понимал, что они — кульминация жизни престарелого наставника. Это похоже на него — уйти, скрыться во мраке, а непостижимая слава его будет все так же сиять…

— Канцлер, — спросил он, — а когда нам ждать вашего возвращения?

— Мы станем ангелами Европы еще до моей смерти. Так что — до встречи в Раю.

Линдсей открыл герметическую дверь привата. В помещение ворвался шум толпы. Затем дверь с глухим лязгом затворилась. Ушел…

Воцарилась ватная тишина.

Без старика стало как-то пусто. Все молча переживали чувство утраты. Переглянувшись, собравшиеся повернулись к Гомесу. Критический момент миновал, тревога словно рассеялась в воздухе.

— Что ж, — улыбнулся Гомес. — Чудеса — так чудеса.

На стол упруго вспрыгнула крыса Линдсея.

— Оставил… — сказала Джейн Мюррей.

Она погладила зверька. Крыса запищала.

Гомес постучал по столу:

— Крыса призывает к порядку.

Все принялись за работу.

Глава 11

Околоземная орбита
14.04.54

Три человека ожидали внутри корабля: Линдсей, Вера Константин и навигатор из омаров, которого называли просто Пилот.

— Последний заход.

Прекрасный синтезированный голос Пилота исходил из вокодера, прикрепленного к горлу.

Прихваченный ремнями к креслу перед пультом управления, омар представлял собою сплошной сгусток мрака. Он был наглухо закупорен в постоянный матово-черный скафандр, шишковатый от внутренних механизмов и пестреющий золотыми входными разъемами. Омары, порождения вакуума, были безликими постлюдьми. Глаза и уши их были подключены к сенсорам, пронизывающим скафандр. Пилот никогда не ел. И даже не пил. Все надобности бренного тела были включены в жизнеобеспечивающие ритмы скафандра.

В корабле Пилоту не нравилось — замкнутые пространства приводили омаров в ужас. Однако Пилоту пришлось пожертвовать удобствами ради сладости нарушения запрета.

Сейчас они начинали спуск с орбиты, и наркотическая безмятежность недель путешествия кончилась. Никогда еще Линдсей не видел Веру такой оживленной, и нескрываемое ее восхищение переполняло его удовольствием.

Ей было чему радоваться: присутствие оставило ее. Она не ощущала его с тех пор, как их закупорили в этом корабле. Сейчас она уже уверовала, что избавление от присутствия — к добру. Это было таким же счастьем, как и завершение их заговора.

Линдсей тоже был счастлив — за Веру. Он так и не нашел

доказательств объективного существования присутствия, но согласился поверить в него — ради нее. И Вера также ни разу не усомнилась в Линдсее. Таким образом, они достигли доверия и взаимопонимания. Он сознавал, что она вполне может убить его, но именно доверие спасло ему жизнь. И многие годы, проведенные вместе, только укрепили это доверие.

— Пожалуй, нормально, — сказал омар. Корабль начало бросать — он вошел в атмосферу Земли. По скафандру омара пробежала волна статических искр. — Воздух… Ненавижу воздух. Я с ним не знаком — и все равно ненавижу…

— Тише, тише, — улыбнулся Линдсей.

Туже затянув ремни своего кресла, он развернул видеоэкран.

Корабль проходил над континентом, некогда называвшимся Африкой. Наступающее море совершенно изменило его очертания: над густой похлебкой задыхающегося от водорослей океана тянулись к тучам пики затонувших, преобразившихся в архипелаги гор. Берег был темен. Реки потоками серого ила вливались в красную от цветущих водорослей воду.

Обзор заслонило яркое белое сияние — обшивка накалилась, слепя алмазно-твердые внешние линзы носового сканера. Линдсей откинулся назад.

Корабль их, построенный не человеком, был странен и лишен удобств. Корпус яйцеобразной формы беловато поблескивал — он был сделан из стабилизированного металлического водорода, производимого лишь пузырями. Голые палуба и перекрытие несли на себе круглые, зубчато-сегментарные следы изначального Пилота, личинки пузыря. Отправляемая в космические странствия, личинка втискивалась внутрь туго, словно поднимающееся тесто.

Некий пузырь в «беседе» с Верой Константин намекнул на смерть этого астронавта. Неудачливый пузыренок, с его острой чувствительностью к магнитным волнам, ощутил солнечную вспышку и по форме и по составу счел ее некоторым образом святотатственной. И от отчаяния умер.

Именно нечто подобное и нужно было Линдсею. Услышав от Веры об этом несчастном случае, он среагировал моментально, завербовав несколько омаров через их делового представителя в Царицыном Кластере, тоже омара, называемого ими «Модем».

В обстановке полной секретности между ним и омарами-анархистами было выработано сложное соглашение. Один из их ажурных, безвоздушных кораблей отыскал мертвую личинку по данным Верой координатам. Линдсей позволил омарам взрезать корабль и забрать в полную безраздельную собственность инопланетные двигатели. Взамен они переоборудовали

опустошенный корпус, чтобы пойти на тайную попытку нарушения Интердикта с Землей.

На пузырей Интердикт не распространялся. Они настояли на обследовании всей Солнечной системы, пожаловав такие же права людям — первопроходцам Фомальгаута. Время от времени их наблюдательный корабль посещал Землю, но контактировать с туземными дикарями пузыри не пытались и, удовлетворившись тем, что планета по-прежнему не представляет угрозы, вновь теряли к ней всякий интерес.

Линдсей же, в компании двух спутников, взял на себя новую роль. Чтобы обмануть всю Схизматрицу, он замаскировался под инопланетянина.

Возбуждение и торжество смывали с него целые десятилетия. Он даже так переключил кирасу, чтобы сердце билось в такт с чувствами. Монитор, вживленный в руку, янтарно мерцал от адреналина.

Корабль, скользнув над расползшейся Атлантикой, вошел в атмосферу на границе дня с ночью. Торможение вдавило Линдсея в ремни кресла-каркаса.

Оборудование омары сработали на скорую руку. Экипаж из трех человек был втиснут в неровную «таблетку» четырех метров в поперечнике. В ней помещались два парника, рециклер и три противоперегрузочных кресла из черной эластосети на железных рамках, приваренных к полу. Остальное пространство занимали двигатели и просторное хранилище для образцов, в котором сейчас находился робот-наблюдатель — один из подводных зондов для Европы.

Устьица покойного астронавта были очищены от тканей и оборудованы камерами и сканирующими системами. В хранилище для образцов был предусмотрен люк, но места для шлюза не нашлось. За ними просто наглухо заварили корпус.

Пилоту это не нравилось. Впрочем, ему можно было доверять. Ему дела не было до Европы и терраформинга, он соблазнился возможностью попытать удачу в гравитационном колодце предков. Он побывал всюду, от турбулентных кромок солнечной короны до кометарного Облака Оорта на самом краешке Солнечной системы. Он, конечно, не человек, но в данный момент — свой.

Сканеры начали приходить в чувство. Торможение перестало ощущаться за гравитационной хваткой Земли. Линдсей обвис на ремнях, тяжело, со свистом дыша под нажимами кирасы на легкие.

— Гляньте, что делает со звездами эта гадость, — мелодично посетовал Пилот.

Пошарив рядом с креслом, Вера развернула плотно упакованные складные экраны. С хлопком расправив видеопанель, она разгладила складки.

— Смотри, Абеляр! Над нами столько воздуха, что звезд почти не видно! Сколько воздуха… Фантастика!

Линдсей с усилием приподнялся и посмотрел на вид, открывавшийся перед кормовой камерой. Позади до самых пределов тропосферы возвышалась стена грозовых туч. Черные их чрева, обросшие мехом дождя, переходили в крутые бока и далее — в белые, сияющие в последних отсветах вершины. Это было ответвление зоны постоянных бурь, опоясывающей экватор планеты.

Он расширил задний обзор; зрелище теперь заняло всю видеопанель. Оно повергало в благоговейный трепет.

— Посмотри назад, на эти тучи! Из них вылетают громадные вспышки огня. Что же там может гореть?

— Куски растений? — предположила Вера.

— Погоди-ка… Нет. Это — молнии. Как в старом выражении «гром и молния». Те самые. — Он был полностью зачарован зрелищем.

— Молнии должны быть оранжевыми и с зазубренными концами, — возразила Вера. — А это — какие-то тоненькие белые прутики.

— Возможно, катастрофа деформировала и их, — сказал Линдсей.

Гроза скрылась за горизонтом.

— Приближаемся к береговой линии, — сказал Пилот.

Солнце совсем исчезло; они переключились на инфравидение.

— Это — часть Америки, — решил Линдсей. — Она называлась Мехико. Или — Техико. Береговая линия до таяния полярных шапок выглядела иначе. Я здесь не узнаю ничего.

Пилот боролся с управлением.

— Мы летим быстрее, чем звук распространяется в этой атмосфере, — сказала Вера. — Помедленнее, Пилот.

— Гадость… — пожаловался Пилот. — Вам обязательно все это разглядывать? А если местные нас заметят?

— Они — дикари, у них нет инфравидения.

Теперь и Пилот застыл от изумления:

— Так они что, только видимым спектром пользуются?!

Ландшафт внизу состоял из участков густого леса, сияющего в черно-белом, инфракрасном изображении. Дикие заросли порой прорезали темные, едва заметные полосы.

— Тектонические трещины? — спросила Вера.

— Дороги.

Линдсей объяснил методику наземных путешествий в условиях гравитации, рассказав о поверхностях с низким коэффициентом трения. Городов они пока что не замечали, хотя буйная растительность местами становилась реже, образуя подозрительные пятна.

Пилот опустился ниже. Прибавив увеличение, они жадно разглядывали растительность.

— Сорняки, — заявил наконец Линдсей. — После катастрофы рухнула всякая экологическая стабильность… Нахлынули случайные виды. Когда-то все это, вероятно, были поля зерновых.

— Уродливое зрелище, — сказала Вера.

— Зачастую системы после коллапса именно таковы.

— Крупное энергетическое возмущение прямо по курсу, — перебил их Пилот.

На холмах полыхал лесной пожар — темноту разрезали километры оранжевого сияния. Ревущие потоки горячего воздуха взметали вверх хлопья раскаленного пепла, каскады ветвей и листьев. За огненной стеной светились остовы сорняков, вымахавших в целые деревья. Тлели стволы — тугие пучки одеревеневших волокон. Все трое молчали, до глубины души пораженные чудесным зрелищем.

— Растения-бродяги… — сказал Линдсей.

— Что?

— Сорняки — совсем как бродяги. Расцветают на катастрофах. Проникают всюду, где рушатся системы. Вот и после этой катастрофы выжженную землю займет то, что растет быстрее.

— Новые сорняки.

— Да.

Они оставили пожар позади и полетели вдоль горной цепи. Сунув руку в парник, Линдсей набил рот зеленым тестом водорослей.

— Воздушный корабль, — доложил Пилот.

Поначалу Линдсею показалось, что это — пузырь-мутант, причудливый образчик параллельной эволюции. Затем он понял, что это — летательная машина, наподобие воздушного шара или дирижабля. Длинные веревки, крепившиеся к сшивной оболочке, поддерживали ажурную гондолу. Оболочка была обшита сетью тонких, гибких дисков солнечных батарей. От носа гондолы, словно поникшие усы, спускались длинные швартовочные тросы.

Осторожно приблизившись, они увидели и причал. Город…

Решетка улиц расчерчивала кварталы на клетки. Белые каменные дома выстроились вокруг центрального ядра —

четырехугольной каменной пирамиды. Дирижабль был зачален за ее вершину. Город был обнесен высокой прямоугольной стеной. За ней лежали мертвенно-белые поля, удобренные пеплом.

Внизу шла какая-то церемония. На вымощенной камнем площади у подножия пирамиды горел огромный костер. Шеренгами стояли жители — их было тысячи две, не больше. Одежды их, согретые теплом тел, сияли инфракрасным излучением.

— Что это? — спросила Вера. — Почему они не двигаются?

— Должно быть, похороны, — сказал Линдсей.

— А пирамида, наверное, мавзолей? Или индоктринационный центр?

— Наверное, и то и другое. Видишь провода? В этот мавзолей проведена информационная линия, единственная в селении. Кто бы в пирамиде ни проживал, вся связь с внешним миром в его руках.

Внезапно Линдсей вспомнил купол-крепость Черных Медиков на Дзайбацу. Сколько уж лет не вспоминал их, но тут в памяти мгновенно всплыла нервозная атмосфера внутри и чувство параноидальной изолированности и фанатизма, из-за отсутствия разнообразия переходящих все границы… Состарившийся, выцветший, выдохшийся мир.

— Стабильность. Терранцы желали стабильности, отсюда и Интердикт. Они отвергли технологию, чтобы она не раздробила их, как нас. Они обвинили ее во всех бедах. В изнурительных войнах, в том, что от избытка углекислого газа растаяли полярные шапки… Они никак не могут забыть своих мертвых.

— Ну не весь же их мир такой.

— Скорее всего, весь. Любое разнообразие означает опасность перемен. А перемены здесь не допускаются.

— Но у них есть телефоны. И воздушный транспорт.

— Технология принуждения.

По дороге к Тихому океану они встретили еще два поселения, разделенные милями гниющих джунглей. Все три оказались одинаковыми, словно микрочипы из одной серии. Неестественно выглядели они в пейзаже — будто их отштамповали на гидравлическом прессе да сбросили сверху.

И снова воздушные шары; Линдсей догадался о настоящем их назначении. Летательные машины, подобно переносчикам чумы, несли идеологический вирус некоей инфекции, парализующей культуру. В сердце каждого города высилась пирамида — громадная, убивающая любые надежды. Памятник легионам мертвых, подавляющий все живое…

На глаза навернулись слезы. Он тихо плакал, не пытаясь себя

удержать. Он оплакивал человечество — всех тех слепцов, кто полагал, будто в космосе есть законы и пределы, способные спасти человека от собственной своей свободы. Но от нее не укрыться. Не бывает абсолютных целей. Абсолютны лишь свобода и тщета…

Чуть южнее цепочки скалистых островков Баха Калифорниа они погрузились в океан. Пилот открыл люк, грузовой отсек заполнила вода, и корабль стал тонуть.

Они начали осмотр величайшей, экосистемы мира, единственного биома, не затронутого человеком!

Поверхностных слоев это, естественно, не касалось. Над затонувшими землями континентальных окраин океанские эквиваленты сорняков — заторы из гнилых мхов и водорослей — жили, душа друг друга. Но глубины остались нетронутыми. В черной всесокрушающей бездне, обширнее всех вместе взятых материков, условия обитания от полюса до полюса были почти одинаковы. И обитатели этого необъятного царства почти не были изучены, так как ни один человек не изобрел способ извлечь из них выгоду.

Но в Схизматрице народ сообразительнее. Линдсей не мог не заметить сходства здешних просторов с темными океанами Европы. Десятилетиями перерывал он древние банки данных ради обрывков знаний. Уцелевшие описания жизни глубин оказались почти бесполезными, восходя ко временам зари биологии. Но даже эти смутные намеки манили Линдсея обещанием чудес. На Европе — тоже мрак и глубины. И обширные затопленные вулканические разломы, сочащиеся геотермальной энергией.

В этой бездне есть оазисы. Они всегда там были. Понимание этого неспешным подспудным огнем тлело в его воображении. Жизнь. Нетронутая первозданная жизнь, кишащая во всем своем блеске у горячих разломов тектонических плит Земли.

Там, во всем своем невообразимом разнообразии, лежит целая экосистема, гораздо старше человечества. И эту жизнь можно взять себе. Она станет жизнью Европы.

Вначале он отверг такую идею. Интердикт был священен и стар, как несказанный грех древних космопроходцев, бросивших Землю перед лицом катастрофы. Дезертируя, они лишили планету-мать знаний и опыта, которые могли бы ее спасти. За века жизни в космосе грех этот мало-помалу погрузился в темные глубины культурного самосознания, лишь изредка мелькая на поверхности в виде некоей карикатуры, предмета, ритуально отрицаемого или нарочито игнорируемого.

Вслед за расставанием пришла ненависть: космопроходцы были объявлены ворами, ограбившими человечество, а

чрезвычайное правительство, соответственно, фашиствующими варварами. Вражда все упрощает: ушедшим в космос стало гораздо легче снять с себя всякую ответственность, а Земле — свести мириады своих культур до одного-единственного покаянно-серенького режима и бессмысленной стабильности.

Но жизнь не стоит на месте. Линдсей знал это достоверно. Наиболее удачливые виды взрываются, от них отпочковываются виды дочерние — преисполненные радостных надежд монстры, делающие предков своих безнадежно устаревшими. Отказ от перемен означает отказ от жизни.

Именно по этому признаку он понял: земное человечество превратилось в реликт.

За долгое время ржавчина сожрала все, что не успело в срок отсюда убраться. Будущее Земли принадлежит не людям, но чудовищным сорнякам, причудливым, выросшим размером с деревья, а также — крохотным тварям, прыгающим среди них в поисках корма. И, чувствовал Линдсей, это — справедливо.

Они погрузились во тьму.

Давление ничего не значило для инопланетного корпуса. По сравнению со средой обитания пузырей земные океаны — разреженная плазма. Пилот переключился на водяные двигатели, на скорую руку приклеенные к обшивке, и включил радар. Видеопанели высветили четкие зеленые контуры дна. При виде знакомых геологических структур сердце Линдсея радостно встрепенулось.

— Совсем как на Европе, — пробормотала Вера.

Они плыли над длинным разломом; когда-то в этом месте вырвался из недр земли вулканический базальт, его корявые глыбы тянулись вверх — грубая первородная ярость, не тронутая ветром и дождем. Прямоугольные горы, чуть припорошенные органикой, крутыми обрывами уходили вниз, где контуры их теснились, словно зубья расчески.

Но разлом был мертв. Никаких признаков термальной энергии.

— Давай вдоль разлома, — велел Линдсей. — Поищем горячие места.

Слишком долго он прожил, чтобы быть нетерпеливым — даже в такой момент.

— Включить основные двигатели? — спросил Пилот.

— И вскипятить воду на мили вокруг. Мы — глубоко, Пилот. Эта вода тверда, как сталь.

— Да? — Пилот издал похрюкивающий электронный шум. — Ну ладно. Пусть лучше совсем без звезд; чем звезды в тумане.

Несколько часов следовали они вдоль разлома, но поздних

выходов лавы найти не смогли. Вера уснула, да и Линдсей вздремнул ненадолго. Пилот, спавший довольно редко, только по ритуальным обязанностям, разбудил их:

— Горячее место.

Инфракрасная картинка показывала — в глубине этого обрыва действительно есть тепло. Обрыв был очень странным: длинная наклонная совершенно гладкая плоскость, резко вздымающаяся из корявого, приукрытого илом дна. Угловатое подножие обрыва, странным образом деформированное, покоилось на куполоподобном выходе лавы.

— Посылай зонд, — скомандовал Линдсей.

Вера достала из-под сиденья пульт управления и надела видеоочки. Робот, включив фары, устремился к аномальному обрыву. Линдсей переключил видеопанель на его оптику.

Обрыв оказался… крашеным. На нем просматривались белые полосы — длинные, шелушащиеся тире, наподобие разделительной линии.

— Здесь было крушение, — сказал он. — Он сделан человеком.

— Не может быть, — возразила Вера. — Он — с самые большие из космических кораблей. Там могут поместиться тысячи человек.

Но тут же она увидела, что не права. К гладкой, похожей на обрыв палубе громадного корабля была принайтована некая машина. Коррозия столетиями трудилась над ней, однако крылатый силуэт не вызывал сомнений.

— Летательная машина, — сказал Пилот. — Вон двигатели. Это было что-то вроде водного космопорта. Хотя, скорее, воздухопорта…

— Рыба! — воскликнул Линдсей. — Вера, быстрей!

Робот помчался за глубоководным созданием. Длиннохвостая, с тупой головой рыба в локоть длиной стрелой понеслась к укрытию вдоль широкой палубы авианосца и скрылась в ломаной трещине, пересекавшей остатки многоэтажной рубки управления. Робот остановился.

— Подожди-ка, — заговорила Вера. — Если это — корабль, то откуда тепло?

Пилот осмотрел приборы.

— Тепло радиоактивное, — сказал он. — Это что, что-нибудь необычное?

— Ядерная энергия… — сказал Линдсей. — Должно быть, он затонул с ядерным реактором на борту.

Уважение к приличиям воспретило ему предполагать вслух наличие на борту ядерного оружия.

— Приборы показывают растворенную органику, — сказала Вера. — Возле реактора кишат рыбы — тянутся к теплу. — Она рванула руками робота древнюю обшивку. Коррелированный металл подался легко; посыпалась ржавчина. — Сходить за рыбой?

— Нет, — ответил Линдсей. — Мне нужны нетронутые образцы ранней жизни.

Вера вернула робота в отсек. Они отправились дальше.

Время шло. Пейзаж медленно уходил назад. Когда-то такая медлительность повергла бы его в ужас… Линдсей снова вспомнил Царицын Кластер. Порой его тревожило, что отчаяние и страдания там так мало для него значат. ЦК умирал, вся элегантность его раскисла, обратившись в грязь; тонкое, сложнонастроенное равновесие нарушилось, разлетелось на куски, брызнувшие по всей Схизматрице, словно семена. Будет ли злом с его стороны — соглашаться на смерть цветка ради семян?

Конечно, нет. Человеческая жизнь больше ничего не значила для него. И желал он только оставить след своей воли, донести ее свет сквозь зоны до едва пробуждающегося мира и оживить его бесповоротно. А после… пусть идет как идет.

— Вот оно, — сказал Пилот.

Место наконец было найдено. Корабль опустился на дно.

* * *

Вокруг повсюду произрастала жизнь — целые джунгли, полностью пренебрегшие солнцем. В лучах прожекторов робота крутые шероховатые стены долины сверкали ярчайшим цветным одеянием: алым, мелово-белым, золотисто-охряным, обсидиановым. Трубчатые черви — выше человеческого роста — колыхались на склонах, точно бамбуковые рощи. Скалы были усеяны моллюсками, разевавшими белые раковины, демонстрируя кроваво-красную плоть. Пульсировали багряные губки; глубоководные кораллы распустили густые ветви, украшенные драгоценными камнями полипов.

Живая вода поднималась из глубин долины. Расщелина, покрытая окислами металлов, испускала горячие серные облака. Дно морское кипело. Бурлящие пузыри пара мерцали сквозь бактериальную дымку. На бактериях держалось все. Именно они — первое, основное звено пищевой цепи. Они путем хемосинтеза извлекли энергию из самой серы, презрев солнце ради произрастания в тепле Земли.

Да, в черной, горячей тьме долины жизнь била ключом. Сам

камень казался живым — гирлянды пористых глыб, занесенные илом трещины, змеящиеся черно-красные языки застывшей лавы, зеленоватые, фаллически вздымающиеся столбы изверженных минералов. Мертвенно-бледные крабы с лапами в человеческую руку длиной беззаботно пересекали склоны. Угольно-черная глубоководная рыба, разжиревшая от щедрот природы, неспешно плыла сквозь чащу трубчатых червей. Ярко-желтые медузы, словно срезанные цветы, колыхались в водоворотах бактериального бульона.

— Все, — выдохнул Линдсей. — Все берем!

Вера сбросила очки. Глаза ее застилали слезы. Она дрожала, обвиснув на ремнях кресла.

— Ничего не вижу, — хрипло сказала она, протягивая Линдсею пульт. — Пожалуйста… Это — твое право.

Утвердив очки на носу, Линдсей погрузил пальцы в щели пульта — и разом оказался посреди всего этого морского великолепия. Сканеры робота поворачивались из стороны в сторону, повторяя движение головы. Вытянув вперед манипуляторы и выпустив геноотборные иглы, он двинулся к ближайшей колонии трубчатых червей. Над шеренгами белых, толщиной в запястье стволов листва их колебалась на развевающихся ветвях — перистых, красных, по-женски элегантных. И им вода дарила жизнь. Белые стебли их были облеплены панцирными — маленькими крабиками, усоногими раками, бахромчатыми зелеными и голубыми червями, а вокруг пастельно светились медузы…

Из джунглей, плавно огибая стволы, появился хищник — черная как смоль глубоководная рыба в ногу длиной, плоская, словно угорь. По бокам ее тянулись полосы фосфоресцирующих пятен. Привлеченная светом, она бесстрастно приблизилась к роботу. Бледно мерцала усеянная зубами пасть, позади головы с огромными выпуклыми глазами мерно пульсировали жабры.

— Вот ты, — обратился к ней Линдсей, — тебя вконец достали, вынудили отступить в бесплодные глубины — и смотри, что ты нашла. Роскошную экосистему. Добро пожаловать в Рай, бродяга.

С этими словами он протянул к рыбе манипулятор. Из него выскочила длинная игла и, коснувшись рыбы, спряталась. Рыба, внезапно вспыхнув золотым и зеленым, сверкнула — и исчезла.

Линдсей двинулся в лес, касаясь иглой всего, что видел, и забирая образцы бактерий сквозь мягкие всасывающие фильтры. За полчаса он заполнил образцами все капсулы и повернул к кораблю за новой их порцией.

Тут-то он и заметил, как что-то отделилось от обшивки.

Вначале он решил, что это просто игра света, рябь солнечных зайчиков. Но оно двинулось к нему — зыбкое, без образа и формы, желеобразное зеркало, серебряный мешочек, наполненный жидкостью. Он услышал крик Веры:

— Присутствие! Видишь? Присутствие!

Оно плыло, толчками, словно амеба, уходя в джунгли. Линдсей поспешно надел очки и взялся за пульт, высветив присутствие прожекторами робота. Бесформенная поверхность существа бриллиантом засияла среди кораллов и раковин.

— Пилот, ты видел? — спросил Линдсей.

Пилот развернул корабль, чтобы изучить странное явление маршрутными локаторами.

— Вижу что-то такое… Отражает на всех частотах. Странная штука. Возьми образец, Линдсей.

— Оно не здешнее. Прилетело с нами. Я видел — оно прицепилось к обшивке.

— К обшивке?.. И перенесло открытое пространство? И нагрев при входе? И вот это давление? Не может этого быть.

— Не может?

— Не может, — заверил омар. — Будь такое на самом деле, я не пережил бы того, что я — не оно.

— Оно наконец показалось! — воскликнула Вера. — Потому, что мы здесь! Видите? Видите? Танцует!

Она засмеялась.

Существо покачивалось над одной из дымящихся расщелин; оно стало площе и словно купалось в обжигающей струе под немыслимым давлением. Горячие пузыри струились под его зеркальное брюхо, легко и беспрепятственно скользя по телу существа наверх. Затем оно скомкалось в неровный шар и, словно струйка жидкости, быстро скользнуло в крохотное отверстие, откуда исходило тепло.

— Ничего не видел, — сказал омар. — Я не видел, как оно скользнуло туда, внутрь! Может, нам пора? То есть, может, попробовать от него уйти?

— Нет, — сказала Вера.

— И верно, — с дрожью согласился Пилот. — А то еще разозлится…

— Но вы видели? — не переставала удивляться Вера. — Оно же наслаждалось! Оно тоже понимает, что здесь — Рай! — Она дрожала от возбуждения. — Абеляр! Когда-нибудь — там, на Европе, — все это будет нашим! Трогай, щупай, дыши водой, нюхай, пробуй на вкус! Хочу! Хочу быть там, как присутствие… — Она дышала тяжело, лицо сияло от счастья. — Абеляр… Если бы не ты, я никогда бы… Спасибо тебе! И тебе спасибо, Пилот!

— Ага… Ну да, конечно, — неспокойно прожурчал Пилот. — Линдсей, а робот? Оно с ним сюда не проберется?

Линдсей улыбнулся:

— Не бойся, Пилот. Оно оказало тебе услугу: ты видел его возможности, и теперь тебе есть к чему стремиться.

— Но ведь какая мощь… Словно Бог…

— Значит, у нас неплохая компания.

Линдсей ввел робота в отсек, выгрузил в специальные, под давлением, контейнеры генетические капсулы, перезарядил манипуляторы и снова взялся за работу.

Присутствие появилось сбоку от робота, внезапно вырвавшись из другой трещины. Оно приближалось, явно разглядывая его. Линдсей помахал манипулятором, но оно не отвечало и вскоре, выскользнув из-под лучей прожекторов, растворилось в темноте.

Местных обитателей робот не пугал. Управление переняла Вера. Мягко раздвигая стебли трубчатых червей, она забирала все, что могла. Робот прошел оазис по всей длине, ощупал все его расщелины.

Затем им повезло найти место, где из донной расселины вырывался совсем, видимо, новый горячий ключ, сваривший заживо колонию существ, сгрудившихся над нависающим карнизом. Мертвые твари послужили хорошей приманкой для стервятников; кроме того, из их внутренностей удалось получить пробы кишечных и гнилостных бактерий.

Коллекция их не могла быть полной — оазис был слишком богат для этого, — однако полноты успеха такое обстоятельство не умаляло. Ни единое земнорожденное существо не сможет жить в чужих водах Европы в неизменном виде. Ангелы Европы, жизнелюбивые, должны будут, унаследовав эти генетические сокровища, разобрать их на части и сотворить новые существа для новых условий. А местные — лишь модели, архетипы для нового творения, где искусство и целенаправленность заменят собою миллиарды лет эволюции.

Разгружая робота в последний раз и поднимаясь к поверхности, они не замечали присутствия. Но Линдсей не сомневался, что оно с ними.

Только во время подъема он почувствовал, как устал. Он ощущал всю непомерную тяжесть самоуверенно взятой на себя задачи гораздо острее своих спутников, шейпера и бронированного механиста. А кто он, собственно говоря, такой, чтобы дерзать на подобные вещи? Свет притягивал его, он и тянулся к свету, словно растущее дерево, тянул слепо свои листочки к непонятному сиянию. А теперь наступила пора

плодоносить, и он был рад этому. Но дерево умирает, если подрубить корни, а его, Линдсея, корни — человеческое начало. Он принадлежит плоти и крови, жизни и смерти, но никак не имманентной воле…

Дерево черпает силу из света, но само светом не является. И жизнь, будучи чередой перемен, не есть перемена. Перемена скорее смерть.

Впереди наконец показалась освещенная солнцем поверхность океана. Пилот, исторгнув из вокодера радостный электронный вой, врубил маршевые двигатели. Вода вокруг взорвалась облаками пара; на поверхности образовался кратер. В несколько секунд корабль разогнался до одного «маха» и пошел быстрее. Ускорение вдавило их в сиденья. С трудом подняв голову, чтобы посмотреть на видеопанель, Вера вскрикнула:

— Небо! Голубое небо! Стеной над миром! Пилот, пространства!

А море приняло и поглотило силу обрушившегося на него удара — так же, как оно поглощает все и вся.

Неотеническая Культурная Республика
08.08.86

Жизнь развивается через подвиды.

Над Марсом возник Терраформ-Кластер, расколовший монотонность оранжевых пустынь облаками пара, зеленью и голубыми зародышами морей.

Венера перестала быть Планетой Смерти; в ее обжигающем, изъеденном кислотой небе повисли кружева нормальных, честных облаков.

В моря Европы с плеском опустились ледовые корабли со свежевыведенными в лабораториях тварями водными, чтобы растаять в теплых глубинах.

Великое Красное Пятно Юпитера раскалывалось, выпуская необычные расплывчатые тучи красного криля — крохотных созданий, собирающихся в косяки и стада, превышающие объемом Землю.

А на Неотеническую Культурную Республику из чудовищного корабля высадился Абеляр Линдсей.

Он двигался в невесомости легко и изящно, с бессознательной грацией предельного возраста.

Однако ж, спускаясь по пандусу в цилиндрический мир, мимо отелей и сувенирных лавок, он все тяжелее и тяжелее опирался на голову сопровождавшего его приземистого робота. Так они добрались до уровня земли, глухих зарослей, где древние деревья

словно бы выстроились для церемониального марша. Здесь бочкообразная робоняня, кольнув лишенную нервов плоть его ноги, взяла кровь на экспресс-анализ. Медленно шли они по усыпанной листьями дорожке, и машина на ходу делила кровь на фракции, осмысливая полученные данные.

В Республике стало заметно теплее. Тишину нарушал лишь птичий щебет. Отраженные солнечные лучи, падая сквозь листву деревьев, зайчиками пятнали дорожку. Местные неотеники в нарочито древних облачениях отдыхали на источенных лишайниками каменных скамьях, а их подопечные, сенильные шейперы и безнадежно устаревшие механисты, бестолково толклись в лесу.

Линдсей остановился, хватая ртом воздух; скрытая под темно-синей курткой биокираса помогала грудной клетке и легким. Мешковатые брюки и жесткие ортопедические ботинки скрывали протезы, привязанные к его отслужившим свое ногам. Над головой, около центра мира, легонький самолетик извергал на густую зелень вершин деревьев длинную струю серого кремационного пепла.

К нему никто не подошел. Кальмар и морской черт, вышитые на рукавах куртки, обозначали его принадлежность к Орбитал-Европе, но он прибыл инкогнито.

Кое-как отдышавшись, Линдсей направился к усадьбе Тайлеров. К Константину.

Усадьба заметно разрослась. За стеной, покрытой плющом, возникли новые строения — комплекс богаделен и психиатрических лечебниц. Многие годы, невзирая на все усилия презервационистов, внешний мир неуклонно просачивался внутрь. Главный доход Республики приносили клиники и похороны; тем, кто еще может вылечиться, — лечение, а прочим — спокойный переход в мир иной.

Линдсей пересек двор первой клиники. Группа Кровавых братьев грелась на солнышке, с животной терпеливостью ожидая обновления кожи. Следующий участок занимали двое молодых структуристов в окружении охранников. Почти соприкасаясь асимметричными головами, они чертили прутиками по песку. Один из них на мгновение поднял взгляд. В глазах юноши не было ничего, кроме леденящей, предельно параноидальной логики.

Опрятные смотрители-неотеники проводили Линдсея в ворота усадьбы Тайлеров. Маргарет Джулиано давно была мертва. В новом директоре Линдсей узнал одного из ее учеников — сверхспособных.

Сверхспособный встретил Линдсея на лужайке. Лицо его

было исполнено спокойного самообладания. Дзен-серотонин…

— Я согласовал ваш визит с хранителем Понпьянскулом, — сказал он.

— Предусмотрительно, — оценил Линдсей.

Невилл Понпьянскул тоже был мертв, но говорить об этом было бестактно. Следуя ритуалу Совета Колец, Понпьянскул увял, оставив заранее составленные речи, заявления, видеозаписи и «случайные» телефонные звонки. Неотеники так и не озаботились сместить его с поста хранителя. Избежав тем самым множества хлопот.

— Позволите ли показать вам Музей, сэр? Бывший его куратор, Александрина Тайлер, оставила нам бесподобную Линдсейниану.

— Чуть попозже. Канцлер-генерал Константин принимает посетителей?

Константин отдыхал в розовом саду. Лежа в шезлонге рядом с ульем, он смотрел на солнце пластиковыми, ничего не выражающими глазами. Время, несмотря на самый лучший уход, не пощадило его. Долгие годы, проведенные в естественном притяжении, сказывались: поверх тонких костей странно бугрились узловатые мускулы.

В отраженном солнечном свете Республики не было ультрафиолета, однако Константин загорел. Его древняя обнаженная кожа была испещрена синевато-багровыми родинками. Он лишился почти всех волос, и вдавленные мозоли в стратегических точках черепа стали доступны всеобщему обозрению. Лечение было долгим и основательным. И вот наконец оно завершилось успехом.

Константин обернулся на звук шагов. Зрачки пластиковых глаз были разного размера — он, очевидно, изо всех сил старался сосредоточить взгляд на пришедшем.

— Абеляр? Это ты?

— Да, Филип.

Робот опустился на пол рядом с креслом, и Линдсей удобно устроился на его мягкой, упругой голове.

— Вот как… Хорошо добрался?

— Корабль был очень старый, — ответил Линдсей. — Что-то вроде летучего дома для престарелых. Там даже ставили «Белую Периапу» Феттерлинга.

— Хмммм… Не лучшая из его пьес.

— Ты, Филип, всегда отличался хорошим вкусом.

Константин выпрямился.

— Может, позвонить, чтобы принесли халат? Когда-то я выглядел лучше.

— Ты бы посмотрел, что там у меня под этим костюмом, — развел руками Линдсей. — В последнее время я не шибко-то тратился на омоложения. Когда вернусь, пройду полную трансформацию. Я отправляюсь на Европу, Филип. Море!

— Значит, в бродяги? Подальше от людских ограничений?

— Да, можно сказать и так… Я захватил с собой планы. — Линдсей извлек из внутреннего кармана брошюру. — Давай посмотрим вместе.

— Хорошо. Чтобы сделать тебе приятное.

Костантин принял брошюру.

На центральном ее развороте красовался портрет ангела — подводного постчеловека. Кожа его была гладкой, глянцевито-черной. Ног и тазового пояса не было вовсе: спинной хребет заканчивался длинным мускулистым хвостовым плавником. От шеи тянулись ярко-алые жабры. Распахнутая черная грудная клетка демонстрировала белые крылоподобные сети, укомплектованные бактериями-симбионтами.

На длинных черных руках — красные, голубые, зеленые фосфоресцентные пятна. Пятна были подключены к нервной системе. Вдоль ребер и плавников тянулись две длинные линии. Снабженные множеством нервных окончаний, они обеспечивали ощущение колебаний воды — новое, водное чувство, нечто вроде осязания на расстоянии. Носоглотка вела в легочные мешки с хемочувствительными клетками. Громадные глаза, лишенные век, определили форму перестроенного черепа.

Держа брошюру перед глазами, Константин пытался сфокусировать на ней взгляд.

— Очень элегантно, — сказал он наконец. — Никаких тебе внутренностей…

— Да. Эти белые сети фильтруют серу для бактерий. Каждый ангел самодостаточен. Черпает жизнь, тепло — все, что нужно, — из воды.

— Ясно. Анархическое сообщество… А говорить они могут?

Линдсей, слегка подавшись вперед, указал на фосфоресцентные пятна:

— Вот это мерцает.

— А размножаться?

— В генетических лабораториях. Подводных. Там можно создавать детей. Но эти создания и сами проживут века.

— Но где же грех, Абеляр? Ложь, ревность, борьба за власть? — Он улыбнулся. — Наверное, они могут допускать бестактности в конструировании экосистем…

— Они не утратили остроты ума, Филип. Если как следует постараются, то изобретут какое-нибудь преступление. Но ведь

они не такие, как мы. Их ничто на это не толкает.

— Не толкает… — На щеку Константина села пчела, и он бережно смахнул ее. — Я в прошлом месяце ходил к месту катастрофы. — Он имел в виду место гибели Веры Келланд. — Там деревья. Старые как сам мир.

— Много времени прошло с тех пор…

— Сам не знаю, чего я ждал… Наверно, какого-нибудь золотистого сияния, указывающего, где похоронено мое сердце. Но мы — существа маленькие, и космосу до нас дела нет. Так что никаких признаков не обнаружилось. — Он вздохнул. — Я хотел помериться силами с миром — и погубил то, что могло помешать.

— Тогда мы были другими.

— Нет. Я думал, что смогу измениться… Вот ты, мол, умрешь, и Вера умрет, и я начну все с чистого листа, стану машиной… Этакой пулей, пущенной в лоб истории… Хотел захватить власть над любовью. Заключить все в железо. И попробовал. Но железо сломалось первым.

— Я понимаю. Я тоже познал власть замыслов. Последний замысел моей жизни ждет меня на Европе. — Он забрал брошюру. — Он может стать и твоим. Если ты пожелаешь.

— В послании я признался тебе, что готов к смерти, — сказал Константин. — Ты, Абеляр, привык от всего уворачиваться. Мы вместе прошли долгий путь, далеко позади оставили понятия «друг», «враг»… Я не знаю, как тебя назвать, но зато я тебя понимаю. Понимаю, как никто на свете, включая тебя самого. Столкнувшись с конечной своей целью, ты увернешься в сторону. Я в этом уверен. Ты никогда не увидишь Европы.

Линдсей склонил голову.

— Пора кончать, Абеляр. Я померялся силами с миром; я для этого жил. И неплохую тень оставил за собой. Так?

— Да, Филип, — потрясенно вымолвил Линдсей. — Даже ненавидя тебя, я тобой гордился.

— Но меряться с жизнью и смертью, словно бы я вечен… В этом нет ничего высокого. Что мы перед жизнью? Так, искорки…

— Искры, разжигающие пламя…

— Да. Твое пламя — Европа, и тут я тебе завидую. Но, отправившись на Европу, ты потеряешь себя. Этого ты не вынесешь.

— Но туда можешь отправиться ты. Она может стать и твоей. Там — твой народ, клан Константинов.

— Мой народ… Да, ты привлек их к своим делам.

— Я нуждался в них. В твоем гении… И они присоединились ко мне по доброй воле.

— Да… Смерть в конце концов побеждает нас. Но наши

дети — наша месть ей. — Он улыбнулся. — Я старался не любить их. Я хотел видеть их такими же, как и я, — подобными стальному клинку… Но все равно любил. Не за то, что они подобны мне, напротив. И больше всех — самую не похожую на меня.

— Веру.

— Да. Я создал ее из образцов, украденных отсюда. Клочков кожи. Генов любимой… — Он умоляюще взглянул на Линдсея. — Абеляр, что ты скажешь о ней? Как твоя дочь?

— Моя дочь?

— Да. Вы с Верой были великолепной парой. И мне было очень жаль, что ты умрешь, не оставив потомства. Я тоже любил Веру и хотел оберегать ее ребенка — от того отца, которого она сама выбрала. И поэтому создал твою дочь. Разве я был не прав? Разве этого не стоило делать?

— Почему же, жизнь всегда лучше.

— Я отдал ей все, что мог. Как она сейчас?

Линдсей почувствовал дурноту. Робот всадил иглу в его бесчувственную ногу.

— Она сейчас в лабораториях. Проходит трансформацию.

— О! Это хорошо. Она сделала свой выбор. Как и всем нам положено. — Константин запустил руку под кресло. — У меня тут есть яд. Смотрители дали. Нам пожаловано право на смерть.

Линдсей отрешенно кивнул. Наконец лекарство умерило бешеное биение сердца.

— Да, — сказал он. — Мы все заслужили это право.

— Мы с тобой можем пойти на место катастрофы. И выпьем яд. Тут хватит на двоих. — Константин улыбнулся. — В компании — это будет замечательно.

— Извини, Филип. Мне еще рано.

— Ты, как всегда, не хочешь никаких обязательств, Абеляр. — Константин показал стеклянный сосуд с коричневой жидкостью. — Ну и ладно. А то ходить трудно. После… после Арены у меня трудности с измерениями. Поэтому мне сделали новые глаза. Они за меня различают измерения. — Узловатые пальцы его свинтили с сосуда крышку. — Теперь я вижу жизнь такой, какова она есть. И поэтому понимаю, зачем нужно это сделать. — Он приложил сосуд к губам и глотнул. — Дай мне руки.

Линдсей подал ему руки.

— Что, теперь обе — металлические?

— Извини, Филип.

— А, неважно. Все наши прекрасные машины… — Константин вздрогнул. — Потерпи, я сейчас.

— Я с тобой, Филип.
— Абеляр… Прости меня. За Нору. За эту жестокость…
— Филип, это не… Я прощаю те…
Поздно. Филип Хури Константин был мертв.

Орбитал-Европа
25.12.86

Все, что осталось от жизни на Орбитал-Европе, было собрано в лабораториях. Высадившись, Линдсей нашел таможни в запустении. Орбитал-Европа кончилась, и импорт уже не имел значения.

Он проследовал коридором, змеящимся сквозь наклонные стены из мембран. Коридоры мерцали цветом морской волны. В них было почти пусто.

Мелькали лишь случайные бродяги и скваттеры, прибывшие сюда пограбить. Группа таких, шумно пропиливавших стену, вежливо ему помахала. Среди кораблей прибывших был и инвесторский, но никого из команды на глаза ему не попалось.

Все двигалось наружу. Гигантские ледяные корабли уходили к планете, чтобы мягко скользнуть под воду сквозь свежие трещины. На борту одного из них была и его дочь Вера. Она уже улетела.

От населения осталась лишь горстка последних трансформируемых.

Орбитал-Европу свели до цепочки лабораторий, где они, последние оставшиеся, плавали в мутноватой воде европейских морей.

Остановившись перед шлюзом, Линдсей некоторое время наблюдал за происходящим в лаборатории через выведенный в холл монитор. Трансформированные хирурги помогали рождению ангелов, прослеживая рост новых нервов в изменяемой плоти. Руки их испускали быстрые серии вспышек — шла беседа.

Оставалось лишь нацепить акваланг, пройти шлюз, окунуться в теплую воду и присоединиться к остальным. Так сделала Вера. Так сделал Гомес и все прочие. Они встретят его с радостью. И больно не будет. Все будет легко и просто.

Прошлое висело на волоске.

Но он не мог сделать последнего шага.

Он повернул назад…

… и почувствовал его.

— Ты здесь. Покажись.

Присутствие мягко опустилось с наклонной зелено-голубой мембраны стены, растеклось по полу зеркальной лужицей и

завозилось, обретая форму.

Линдсей зачарованно смотрел на него. Присутствие, очевидно, обладало собственной гравитацией — прилепилось к полу, словно кто-то его прижал. Оно корчилось и комкалось, принимая форму ради своего удовольствия, и наконец превратилось в маленького четвероногого зверька. Вроде ласки, подумалось Линдсею. Или лисицы.

— Она ушла, — сказал он зверьку. — Ты ее отпустил.

— Полегче, гражданин, — отвечал лис. Голос его не отдавался эхом — он не был звуком. — Не мое это дело — кого-то там удерживать.

— Европа не в твоем вкусе?

— Хрен его знает. Там у вас, конечно, здорово, чистая сказка, но это копия, а я-то видел оригинальный вариант, помнишь? На Земле. Ну а ты, бродяга? Ты тоже вроде не очень торопишься.

— Я стар. А они молоды. Это — их мир. Я им не нужен.

Лис, потянувшись, покрылся рябью.

— Так я и знал, что ты придумаешь какую-нибудь отговорку. Ну и что же ты скажешь теперь, получив возможность… ну, скажем… пораскинуть мозгами?

Линдсей улыбнулся собственному искаженному отражению в туловище зверька.

— Теперь я вроде как ни при чем.

— Замечательно! — Беззвучный голос залился смехом. — Я так полагаю, тебе сейчас осталось только помереть.

— Да? — Линдсей поразмыслил. — Это может оказаться преждевременным.

— Может, может, — охотно согласилось присутствие. — Значит, поживешь здесь еще несколько сотен лет? В ожидании последнего перехода?

— К пятому пригожинскому уровню сложности?

— Называй как хочешь, слова тут ни при чем. Но это так же далеко от жизни, как жизнь — от инертной материи. Я много раз уже такое видел. И, вижу, оно идет сюда. Чую, как оно витает в воздухе. Люди… Ну, твари, существа; для меня все — люди… Так вот, они задают абсолютные вопросы. Ну, и получают абсолютные ответы, и — до свидания. Это — Божественная Сущность. Или же нечто настолько похожее, что нам с тобой разницы не просечь. Может, ты этого и хочешь, бродяга? Абсолюта?

— Абсолют… — пробормотал Линдсей. — Абсолютные ответы… А твой-то ответ каков, дружок?

— Да нет у меня никакого ответа! Мне плевать, что там, под этой шкурой, творится; я желаю видеть и ощущать! Начала и судьбы, предсказания и воспоминания, жизни и смерти — мне все

это как-то до лампочки. Я слишком скользок, меня и время-то не ухватит, сечешь, бродяга?

— Так чего же ты хочешь, присутствие?

— Того, что у меня есть! Вечности, полной чудес. И даже не вечности, а неопределенной длительности, в ней-то самый и кайф. Подожду тепловой смерти Вселенной и погляжу, что будет потом! А все, что произойдет тем временем, — это же кое-что!

— Да, — согласился Линдсей. Сердце его молотом колотило в ребра. Робот снова потянулся к ноге иглой с успокаивающим, но Линдсей со смехом выключил ее и выпрямился. — Это кое-что!

— Я прекрасно провел здесь время, — сказало присутствие, — Неплохое у вас тут местечко, под этим маленьким солнышком.

— Спасибо.

— Да нет, гражданин, все «спасибо» — тебе! Но меня ждут другие места. — Присутствие помолчало. — Хочешь со мной?

— Да!

— Тогда держись.

Линдсей протянул к нему руки. Его накрыла серебряная волна, звездный холод, плавящий жар и…

…освобождение.

Все вокруг стало поразительно новым и свежим.

Он увидел свою одежду, медленно оплывающую на пол. Протезные руки выпали из рукавов, волоча за собой дорогую электронику. Пустой череп, венчающий лесенку позвонков, ухмыляясь, провалился в ворот пальто.

В холле появился Инвестор, подпрыгивающий в невесомости. Линдсей рефлекторно прижался к стене, чтобы не быть замеченным. «Пелеринка» Инвестора вздыбилась. С сорочьей жадностью обшарив кости, он упрятал все, что его заинтересовало, в и без того распухший мешок.

— Всегда поспеют, где что плохо лежит, — сказало присутствие. — Но они тоже ребята полезные, вот увидишь.

Линдсей тем временем осваивался с новым самим собой.

— Рук же нет…

— А на что тебе? — захохотало присутствие. — Давай за ним! Они скоро куда-то отправятся.

Они догнали Инвестора в конце холла.

— А куда? — спросил Линдсей.

— Какая тебе разница? К чудесам!

Рой

— Весь остаток пути мне будет не хватать бесед с вами, — сказал инопланетянин.

Капитан-доктор Симон Африаль положил украшенные драгоценностями ладони на расшитый золотом жилет.

— Я тоже об этом сожалею, энсин[7], - ответил он на свистящем языке инопланетянина. — Я много извлек из наших бесед. За такие сведения я готов платить, а вы поделились ими бесплатно.

— Но это всего лишь информация, — возразил инопланетянин. Его блестящие, как жемчужины, глаза скрылись за плотными мигательными мембранами. — Мы, Вкладчики, рассчитываемся энергией и ценными металлами. Интерес к добыче и накоплению чистого знания — свидетельство расовой незрелости.

И инопланетянин расправил складчатые, гофрированные перепонки, обрамляющие маленькие отверстия его слуховых органов.

— О, вы, несомненно, правы, — небрежно согласился Африаль. — Мы, люди, всего лишь дети в сравнении с другими расами. Некоторая незрелость для нас вполне естественна.

Он снял очки с темными стеклами и почесал переносицу. Каюту звездолета заливал жгучий голубой свет, перенасыщенный ультрафиолетом. Такое освещение предпочитали Вкладчики, и они не собирались менять его ради единственного пассажира-человека.

— Но вы неплохо продвигаетесь, — великодушно отметил инопланетянин. — С такими, как вы, мы всегда готовы иметь дело: молодые, энергичные, готовые принять в большом ассортименте самые разные товары и жаждущие неизведанных ощущений. Мы могли бы установить контакт с вами гораздо раньше, но не видели в этом смысла — ваша технология была слишком неразвита.

— Теперь положение изменилось, — сказал Африаль. — Мы вас озолотим.

— Без сомнения, — сказал Вкладчик. Гофрированные перепонки по бокам его чешуйчатой головы быстро-быстро задвигались — признак удовольствия. — Через двести лет вы будете достаточно состоятельны, чтобы купить у нас секрет звездных полетов. Или, может быть, ваша фракция Механистов откроет этот секрет самостоятельно.

Африаль ощутил некоторое раздражение. Ему, члену

фракции Трансформов, не нравилось упоминание о соперниках.

— Я бы не делал на вашем месте слишком большую ставку на чисто техническое совершенство, — сказал он. — Возьмите, например, наши, Трансформов, способности к языкам. Это делает нашу фракцию гораздо более удобным торговым партнером. Для Механистов все Вкладчики на одно лицо.

Инопланетянин окаменел. Африаль мысленно ухмыльнулся. Последняя фраза должна была задеть честолюбие инопланетянина. Вот где Механисты всегда оступались. Они старались подходить ко всем Вкладчикам с одинаковой меркой, используя всякий раз одни и те же стандартные процедуры. Им недоставало воображения.

«С Механистами придется что-то делать, — думал Африаль. — Требуется что-то более решительное, чем мелкие стычки — скоротечные и гибельные между отдельными кораблями в поясе астероидов и в богатых льдом кольцах Сатурна». Обе фракции маневрировали, выжидая момент решительного удара, а пока что переманивали друг у друга ценных специалистов, упражнялись в искусстве засад и ловушек, убийств и промышленного шпионажа.

Капитан-доктор Симон Африаль был выдающимся специалистом во всех этих областях. Вот почему фракция Трансформов потратила необходимые миллионы киловатт, чтобы оплатить ему проезд на корабле Вкладчиков. Африаль был доктором биохимии и инопланетной лингвистики, а также магистро-инженером, специалистом по магнитному оружию. Ему было тридцать восемь лет, и степень его трансформированности соответствовала состоянию дел в этой области к моменту зачатия капитана-доктора. Был слегка изменен его гормональный баланс, чтобы компенсировать долгие периоды в невесомости. У него отсутствовал аппендикс. Структура сердца была перестроена с целью увеличить его эффективность, а толстая кишка производила витамины, обычно производимые бактериями кишечника. Генная инженерия и суровый режим обучения в детстве обеспечили ему коэффициент умственного развития в сто восемьдесят единиц. Он не был самым умным агентом Кольцевого Совета, но обладал самой устойчивой психикой, и ему больше других доверяли.

— Однако, это представляется позорным, — заговорил наконец инопланетянин. — Человек с вашими дарованиями — и вынужден гнить в этой жалкой, совершенно недоходной дыре.

— Эти годы не будут потрачены напрасно, — ответил Африаль.

— Но почему вы решили изучать Рой? Они ничему вас не

научат, потому что не умеют разговаривать. Они не желают торговать — у них нет ни машин, ни технологии. Это единственная космическая раса, у которой почти отсутствует интеллектуальная активность.

— Уже только это делает их достойными внимания, — заметил Африаль.

— Уж не хотите ли вы последовать их примеру? Вы превратитесь в монстров, — энсин снова помолчал. — Возможно, у вас что-то получится. Но для нас это будет потеря.

Динамики взорвались музыкой Вкладчиков, затем послышался скрипучий голос. Тон большей частью был слишком высок для ушей Африаля, смысла он не уловил.

Инопланетянин поднялся, подол его усеянной драгоценными камнями юбки коснулся ступней, похожих на птичьи лапы.

— Симбиот от Роя уже прибыл, — объявил он.

— Благодарю, — сказал Африаль. Когда энсин открыл дверь каюты, он почувствовал запах представителя Роя — душный, кисловатый запах, быстро распространяющийся по кораблю через систему рециркуляции воздуха.

Африаль быстро осмотрел себя с помощью ручного зеркальца. Он чуть коснулся щеки пуховой пудреницей и поправил круглый бархатный берет, из-под которого волнами спадали длинные, достающие до плеч рыжевато-русые волосы. Мочки ушей мерцали крупными рубинами, добытыми в шахтах пояса астероидов. Его жилет и длинный сюртук были вышиты золотом. Рубашка, сплетенная из нитей червонно-золотого шелка, поражала тонкостью работы. Одежда должна была произвести впечатление на Вкладчиков, ожидавших и уважавших клиентов, вид которых внушал мысль о благосостоянии и процветании. Но как произвести впечатление на этого нового инопланетянина? Возможно, запах? Он решил еще раз надушиться.

За люком второго воздушного шлюза симбиот из Роя что-то быстро щебетал командору корабля. Командор был пожилой, сонного вида Вкладчик, размерами почти вдвое превосходивший — вернее, превосходившая — своих подчиненных. Ее массивная голова была втиснута в украшенный драгоценностями шлем. Из глубины шлема затуманенные глаза командора поблескивали, словно объективы камер…

Симбиот стоял на шести задних конечностях и с трудом жестикулировал четырьмя передними лапами. Искусственная гравитация корабля, всего лишь на треть больше земной, кажется, доставляла массу неприятных ощущений этому существу. Глаза-рудименты, покачивавшиеся на стебельках-отростках, были плотно зажмурены. «Должно быть, привык к темноте», — подумал

Африаль.

Командор ответила существу на его собственном языке. Африаль поморщился. Он надеялся, что существо разговаривает на вкладлэнге. Теперь ему придется обучаться речи существ, у которых начисто отсутствует часть тела, именуемая языком.

После нового короткого обмена репликами командор повернулась к Африалю:

— Симбиот недоволен вашим прибытием, — сказала она Африалю на языке Вкладчиков. — Кажется, люди были замешаны в каких-то беспорядках в жилище Роя. В недалеком прошлом. Тем не менее, я убедила их принять вас. Сцена записана. Плата за мои дипломатические услуги будет востребована у вашей фракции, как только я вернусь в вашу родную звездную систему.

— Благодарю, Ваше Авторитетство, — сказал Африаль. — Пожалуйста, передайте симбиоту мои наилучшие пожелания, а также сообщите о безвредной и кроткой сути моих намерений…

Он оборвал речь, потому что симбиот вдруг бросился к нему и свирепо укусил за икру левой ноги. Африаль брыкнул, высвободился, отпрыгнул назад и инстинктивно принял оборонительную стойку. Симбиот оторвал от брючины длинный кусок ткани. Теперь он с тихим похрустыванием пережевывал ее.

— Таким образом он передаст ваш запах и состав своим сородичам по гнезду, — объяснила командор. — Это просто необходимо. Иначе вас немедленно примут за чужака, и каста воинов Роя покончит с вами на месте.

Африаль тут же расслабился и прижал палец к ранке, из которой сочилась кровь. Он надеялся, что никто из Вкладчиков не обратил внимания на его профессиональный рефлекс. Такая реакция не очень-то соответствовала образу безобидного исследователя.

— Мы скоро снова откроем люк шлюза, — флегматично сообщила командор, подаваясь назад, чтобы опереться на свой толстый рептилий хвост. Симбиот продолжал жевать полоску ткани. На отростках-стеблях покачивались глаза-пузырьки. Имелись какие-то поворотные решетчатые гребешки, которые могли быть радиоантеннами. Кроме того, меж трех хитиновых пластин торчали в два ряда извивающиеся антенны, назначение которых Африалю было неизвестно.

Люк воздушного шлюза отворился. В приемную камеру ворвался поток душного, спертого воздуха, который, кажется, не понравился полудюжине присутствовавших Вкладчиков, если судить по скорости, с какой они ретировались.

— Мы вернемся через шестьсот двенадцать ваших дней, как и было условлено, — сказала командор.

— Я благодарю, Ваше Авторитетство, — сказал Африаль.

— Удачи, — сказала командор по-английски. Африаль улыбнулся.

Симбиот, извиваясь сегментным телом, полез в шлюз. Африаль последовал за ним. За его спиной лязгнул люк. Существо продолжало молча жевать кусок ткани, громко чавкая. Открылся второй люк, и симбиот нырнул в отверстие, выпрыгнув в широкий круглый каменный туннель. Стены его почти сразу исчезали во мраке.

Африаль спрятал в карман солнцезащитные очки и вытащил пару инфракрасных. Он застегнул ремешок очков на затылке и шагнул в люк. Поле искусственного притяжения корабля тотчас исчезло, сменившись почти неощутимой гравитацией астероидного гнезда. Африаль улыбнулся — впервые за последние недели он почувствовал себя в родной стихии. Большую часть взрослой жизни он провел в невесомости, в колониях Трансформов.

В темной нише в стене туннеля сидело, скорчившись, волосатое существо с дискообразной головой. Величиной со слона. Его было хорошо видно в инфракрасном излучении его собственного тела. Африаль слышал дыхание существа. Оно терпеливо ждало, пока Африаль пролетит мимо. После чего заняло свое место у входа, надувшись и плотно закупорив таким образом конец коридора. Его многочисленные ножки были надежно всажены в специальные гнезда на стенах.

Корабль Вкладчиков улетел. Африаль остался здесь, внутри одного из миллиона планетоидов, кружившихся вокруг звезды Бетельгейзе. Этот космический пояс массой почти в пять раз превышал Юпитер. Как источник потенциальный — всяческих богатств он затмевал всю Солнечную Систему. И принадлежал он, более или менее, Рою. Во всяком случае, на памяти Вкладчиков ни одна другая раса не пыталась поспорить с Роем за обладание сказочным кольцом.

Африаль всматривался в тьму коридора. Без тел, испускающих тепловое излучение, предел видимости очков был небольшим. Отталкиваясь ногами от стен, он нерешительно поплыл по коридору.

Внезапно послышался человеческий голос:

— Доктор Африаль!

— Доктор Мирни! — откликнулся он. — Я тут!

Сначала он увидел пару молодых симбиотов, поспешавших в его направлении. Кончики их когтистых лап едва касались стен. За ними следовала женщина в таких же очках, как у Африаля. Она была молода и привлекательна. Красота ее была слишком

правильной и безликой, как у всех генетически трансформированных.

Она что-то проскрипела симбиотам на их языке, и те остановились. Она поплыла вперед, Африаль подхватил ее под руку с ловкостью прирожденного обитателя невесомости, нейтрализовав инерцию ее движения.

— Вы не брали багаж? — с тревогой спросила женщина.

Он покачал головой.

— Мы получили ваше предупреждение лишь перед прилетом Вкладчиков. У меня только моя одежда и несколько предметов в карманах.

Она критически осмотрела его.

— Неужели в Кольцах так сейчас одеваются? Я не ожидала таких перемен.

Африаль взглянул на свой расшитый золотом сюртук и рассмеялся.

— Политика! Вкладчики любят иметь дело с шикарного вида клиентами, так сказать, крупномасштабными бизнесменами. Все наши агенты одеваются сейчас именно так. Это позволяет обставлять Механистов — те до сих пор не сбросили комбинезонов.

Он замолчал, опасаясь чем-нибудь задеть ее. Коэффициент умственного развития Галины Мирни достигал почти двухсот. Мужчины и женщины с такими способностями часто были психически неуравновешены, легко замыкались во внутреннем мире фантазий или углублялись в странные и непроходимые чащобы рассуждении и расчетов. Уровень умственных способностей — на это сделали ставку Трансформы в борьбе за культурное превосходство, и им приходилось придерживаться этого курса, несмотря на возникавшие временами трудности. Они попытались выращивать сверхспособных людей — с коэффициентом интеллекта, превосходящим двести, — но слишком многие нарушили верность колониям Трансформов, поэтому их перестали создавать.

— Вас интересует моя одежда? — спросила Мирни.

— Да, она выглядит необычно, — с улыбкой ответил Африаль.

— Она соткана из волокон куколок, — сказала она. — Мой собственный гардероб сожрали симбиоты-мусорщики в прошлом году, во время беспорядков. Обычно я хожу голышом, но я не хотела задеть вас слишком откровенной демонстрацией интимности.

Африаль пожал плечами.

— Обычно я тоже не пользуюсь одеждой — в привычной

обстановке. Если температура постоянна, то в одежде нет смысла — не считая карманов. У меня с собой несколько инструментов, но они не имеют особого значения. Ведь мы — Трансформы, наши инструменты здесь… — он постучал пальцем по виску. — Если вы покажете мне, где можно оставить одежду…

Она покачала головой. Очки скрывали глаза, отчего трудно было прочесть выражение лица.

— Вы сделали первую ошибку, доктор. Здесь нет места для нас. Здесь не может быть ничего лично нашего. Эту же ошибку сделали Механисты, и от этого я сама едва не погибла. В Гнезде не существует понятия личной собственности — ни в отношении предметов, ни в отношении жилища. Это Гнездо. Если вы оккупируете часть его — для своих нужд, для оборудования, или чтобы спать, все равно, — тогда вы превратитесь в чужака, агрессора. Два Механиста — мужчина и женщина — пытались занять пустовавшую камеру под компьютерную лабораторию. Воины взломали дверь и сожрали их самих. Мусорщики поглотили оборудование — металл, стекло и все остальное.

Африаль холодно улыбнулся.

— Транспортировка этого оборудования в Гнездо обошлась им в целое состояние, не меньше.

Мирни пожала плечами.

— Они богаче и мощнее нас… По-моему, они намеревались убить меня. Тайком, чтобы не возбуждать воинов. Их компьютер осваивал язык хвостопружинов быстрее, чем я.

— Но уцелели-то вы, — заметил Африаль. — И все ваши донесения и записи — особенно ранние, когда у вас еще оставалось оборудование, — чрезвычайно интересны. Совет напряженно следил за вашей работой. Там, в Кольцах, вы уже превратились в своего рода знаменитость.

Африаль помолчал.

— Если я лично и был чем-то не удовлетворен до конца, — сказал он осторожно, — то скудной информацией в сфере моих интересов — инопланетной лингвистики. — Он сделал неопределенный жест в сторону двоих симбиотов, спутников Мирни. — Очевидно, вы добились большого прогресса в общении с симбиотами. Поскольку именно они, как мне кажется, ведут все переговоры Гнезда.

Она посмотрела на него с непонятным из-за очков выражением и пожала плечами.

— Здесь обитает по крайней мере пятнадцать различных видов симбиотов. Вот эти, которые со мной, называются хвостопружинами, и они отвечают только за себя. Это дикари, доктор, и Вкладчики обратили на них внимание только потому,

что они умеют пока еще говорить. Когда-то они тоже были расой, самостоятельно вышедшей в космос, но теперь уже об этом не помнят. Они открыли Гнездо и были поглощены им, превратились в паразитов, — она постучала одного из хвостопружинов по голове. — Я эту пару приручила, потому что научилась красть и выпрашивать пищу лучше, чем они. Теперь они всюду следуют за мной и охраняют от более крупных особей. Они, видите ли, ревнивые твари. В Гнезде они живут всего каких-то десять тысяч лет и еще не завоевали прочного положения. Кажется, они все еще умеют думать, а иногда и удивляться. После десяти тысяч лет у них еще сохранились остатки этих способностей.

— Дикари, — повторил Африаль. — Вполне могу в это поверить. Один из них покусал меня еще в шлюзе корабля. Как посол он оставляет желать лучшего и весьма.

— Да, я предупредила его, что вы прилетите, — сказала Мирни. — Идея ему не слишком понравилась, но мне удалось подкупить его… едой. Надеюсь, он вас не сильно поранил.

— Царапина, — сказал Африаль. — Думаю, нет опасности инфекции?

— Едва ли. Разве что сами принесли бактерии…

— Сильно в этом сомневаюсь, — сказал с обидой Африаль. — У меня нет бактерий. Кроме того, я бы никогда не поднялся на борт чужого корабля без обработки.

Мирни посмотрела в сторону.

— Я подумала, что у вас могли быть некоторые… генетически трансформированные для особых целей… Но, кажется, мы можем уже идти. Хвостопружины-посланники распространят ваш запах, прикасаясь мордой к стенам пещеры. За несколько часов он разойдется по всему Гнезду. Как только он доберется до Королевы, распространение пойдет очень быстро.

Оттолкнувшись ногами от прочного панциря одного из хвостопружинов, она стрелой пустила свое тело вдоль коридора. Африаль последовал за ней. Воздух был теплым, и он уже начал потеть в своем тщательно подобранном одеянии, но антисептический его пот не имел запаха.

Они вплыли в обширную комнату, вырубленную прямо в скале. Помещение имело грубо овальную форму, примерно восьмидесяти метров в длину и двадцати в диаметре. И в ней кишели жители Гнезда.

Их были сотни. В основном — рабочие, восьминогие мохнатые создания, размерами с больших датских догов. То тут, то там попадались представители касты воинов — монстры величиной с лошадь, тоже покрытые шерстью. Их головы с клыкастыми пастями формой и размерами напоминали туго

набитые кресла.

В нескольких метрах от людей пара рабочих тащила члена касты чувствующих — существо с громадной плосковатой головой и атрофированным телом, большую часть которого занимали легкие. У чувствующего имелись глаза и длинные покачивающиеся антенны, которые упруго подрагивали, пока рабочие несли его к месту назначения. Рабочие цеплялись за каменные стены камеры крючками и присосками на ногах.

Загребая воздух веслообразными конечностями, проплыло, распространяя жаркий кислый запах, какое-то чудовище с лишенной шерсти головой. Вместо лица в передней части головы у него кошмарно хлопали жуткие пилообразные челюсти и слепо выпирали бронированные наконечники кислотных разбрызгивателей.

— Это туннельщик, — сказала Мирни. — Он поможет нам забраться поглубже в Гнездо… двигайтесь за ним.

Оттолкнувшись, она подлетела к туннельщику и ухватилась за мех на его членистом туловище. Африаль последовал ее примеру, а за ним поспешили два молодых хвостопружина, использовав для захвата передние лапы. Почувствовав под пальцами влажную жирную шерсть, Африаль вздрогнул. Туннельщик продолжал грести воздух, его перепончатые лапы работали почти как крылья.

— Таких должны быть тысячи, — сказал Африаль.

— В последнем рапорте я упоминала сотни тысяч, но тогда я еще не полностью исследовала Гнездо. И сейчас еще тут много белых пятен. Общее число симбиотов должно составлять примерно четверть миллиона. Размеры этого астероида примерно соответствуют самой большой базе Механистов Церере. Здесь есть богатые жилы углеродных соединений, и запасы еще далеко не исчерпаны.

Африаль закрыл глаза. Если он потеряет очки, то будет чувствовать себя вот так. Будет вслепую, на ощупь, искать путь среди скопищ симбиотов.

— Значит, население продолжает увеличиваться?

— Определенно, — сказала она. — Более того, очень скоро эта колония запустит новый Рой. В камерах неподалеку от королевы ждут тридцать самок и самцов «крылатых». Как только их выпустят, они заложат новое Гнездо. Даже несколько Гнезд. Я вас свожу посмотреть на них, — она заколебалась. — Сейчас мы входим в один из грибковых садов.

Один из молодых хвостопружинов под шумок переменил позицию. Продолжая цепляться за мех туннельщика передними лапами, он принялся обкусывать край брюк Африаля. Африаль

как следует пнул его, и хвостопружин сразу отскочил на место, втянув стебельки глаз.

Когда Африаль снова поднял голову, то обнаружил, что они вплыли в новую камеру, гораздо более обширную, чем первая. Вверху, внизу, со всех сторон бурно размножающийся грибок покрывал камень стен. Наиболее распространенным видом были купола величиной с бочонок, нечто вроде кустиков с множеством веток и похожие на перепутанное спагетти бороды, чуть покачивавшиеся на слабом, несущем кислый запах ветерке. Некоторые «бочонки» окружал бледный туман выдыхаемых грибами спор.

— Видите эти слоистые штуки под грибом? — спросила Мирни.

— Да.

— Я так и не выяснила, представляют ли они особый вид растительности или просто сложный биохимический шлак, — сказала она. — Дело в том, что растут они в солнечном свете, на наружной стороне астероида. Источник пищи, растущий в открытом космосе! Вообразите, что это будет стоить там, на Кольцах!

— Подобное невозможно оценить, — сказал Африаль.

— Но сам по себе он несъедобен, — сказала она. — Я однажды пробовала пожевать кусочек — это все равно, что есть пластик.

— Кстати, вы нормально питались все это время?

— Да. Наша биохимия тела сходна с биохимией Роя. Вот эти грибки — они вполне съедобны. Но «отрыжка» более питательная. Внутренняя ферментация в задней кишке рабочих особей увеличивает их питательную ценность.

Африаль уставился на Мирни.

— Вы привыкнете, — сказала Мирни. — Позже я научу вас выпрашивать пищу у рабочих симбиотов. Это просто, надо только знать их рефлексы. Но большей частью их поведение регулируется феромонами, — она отбросила с лица длинную прядь слипшихся грязных волос. — Надеюсь, образцы феромонов, которые я послала вам, стоили потраченного на доставку.

— О, да, — сказал Африаль. — Их химический состав просто приводит в восторг. Большую часть компонентов нам удалось синтезировать. Я сам входил в исследовательскую группу.

Он заколебался. Насколько можно доверять Мирни? Она не знала об эксперименте, запланированном Африалем и его начальством. Для Галины капитан-доктор был всего лишь простым мирным исследователем, вроде нее самой.

В надежде на будущие прибыли Трансформы послали своих

исследователей ко всем девятнадцати инопланетным народам, описанным Вкладчиками. Это обошлось экономике Трансформов во многие гигаватты драгоценной энергии и в тонны редких металлов и изотопов. В большинстве случаев удавалось послать только одного или двух человек. В семи случаях — только одного. Для Роя была избрана Галина Мирни. И она спокойно отправилась, веря в свой ум и добрые намерения; надеясь, что первое и второе поможет ей остаться в живых. Посылавшие ее не знали, будут ли ее находки иметь какую-то ценность. Они знали только, что послать Галину было необходимо, чтобы не дать какой-то другой фракции оказаться там раньше всех. Поэтому она и была послана — одна, с жалким количеством оборудования. Но после ее потрясающих открытий работой Мирни заинтересовалась служба безопасности Совета Кольца. Вот почему прибыл в Рой капитан-доктор Африаль.

— Вы синтезировали компоненты? — спросила она. — Зачем?

Африаль обезоруживающе улыбнулся.

— Да просто чтобы самим себе доказать — мы можем это сделать.

Она покачала головой.

— Только без уловок, доктор Африаль. Будьте так добры. Я согласилась забраться в такую даль еще и для того, чтобы избавиться от таких вещей. Скажите правду.

Африаль посмотрел на Мирни, сожалея, что инфракрасные очки не давали ему поймать ее взгляд.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Тогда вы должны знать, что Советом Кольца мне было приказано провести эксперимент, который, возможно, будет опасен для нашей с вами жизни.

Мирни помолчала секунду.

— Значит, вы из Безопасности?

— Да, по званию — капитан.

— Я знала… Я так и знала. Когда прибыли те два Механиста… они были такие вежливые, такие подозрительные — наверное, они бы убили меня сразу, если бы не надеялись вырвать подкупом или пытками какой-нибудь секрет. Они меня до смерти напугали, капитан Африаль… Вы меня тоже пугаете.

— Мы живем в опасном мире, доктор. Это дело безопасности нашей фракции — вот о чем идет речь, не забывайте.

— Среди вам подобных все превращается в дело безопасности фракции, — сказала она. — Мне не стоит вести вас дальше или показывать вам что-то еще. Ведь Гнездо, все эти существа… капитан, ведь они неразумны! Они не умеют думать, не могут учиться. Они совершенно невинны, как сама природа. Они не знают ни добра, ни зла. Они вообще ничего не знают. И хуже

всего, если они окажутся пешками в борьбе за власть представителей расы, живущей за многие световые годы отсюда.

Туннельщик повернул в выход из грибкового сада и не спеша загребал в темноте теплый воздух Гнезда. В противоположном направлении проплыла группа существ, похожих на серые, слегка спущенные баскетбольные мячи. Одно из них уцепилось за рукав Африаля тоненькими щупальцами. Африаль осторожно смахнул его, и существо покинуло понравившийся насест, испустив струю красноватых, отвратительно пахнущих капель.

— Естественно, я с вами в принципе согласен, доктор, — вкрадчиво сказал Африаль. — Но подумайте хотя бы о Механистах. Некоторые из самых их экстремистских группировок практически превратились в машин более, чем наполовину. И вы ждете от них гуманности? Доктор, это бездушные существа с холодной кровью, они способны расчленить человека на мелкие куски и не испытать даже укола совести. Большая часть фракций ненавидит нас. Они считают нас чем-то вроде расистов-суперменов — за то, что мы не хотим смешиваться с ними, за то, что мы избрали свободу манипулировать собственными генами. Вы хотите, чтобы одна из таких фракций сделала то, что должны сделать мы, и использовала результаты против нас?

— Это лицемерная болтовня, — она отвернулась. Вокруг, нагрузившись грибной массой, набив ею рты и желудки, рабочие симбиоты разбегались по всем направлениям, разнося пищу по Гнезду, исчезая в боковых туннелях, включая и те, что вели вертикально вверх или вертикально вниз. Африаль заметил существо, очень похожее на рабочего симбиота, но всего с шестью ногами, пробиравшееся в противоположном основному потоку направлении. Это был паразит-имитация. Как много времени, подумал Африаль, понадобилось эволюции, чтобы создать такое существо?

— Не удивительно, что у нас в Кольцах столько отступников, — с тоской сказала Мирни. — Если человечество настолько тупо, что само себя загнало в угол, то лучше не иметь с ним ничего общего. Лучше жить в одиночестве. Лучше не помогать распространению этого безумия.

— Такие разговоры ничего хорошего не принесут, мы только погибнем и все, — сказал Африаль. — Мы должны исполнить долг верности перед фракцией, создавшей нас.

— Скажите мне честно, капитан, — сказала она. — Неужели вы никогда не испытывали порыва бросить все, всех, все ваши обязанности и ограничения, и уйти куда-нибудь подальше, чтобы как следует над этим подумать? О мире и о своем месте в нем. Нас так сурово тренируют с самого детства, и столько от нас

требуют. Вы не думаете, что от этого мы теряем цель, перспективу?

— Мы живем в космосе, — просто сказал Африаль. — Это неестественная среда для человека. Поэтому требуются неестественные по напряжению усилия не совсем естественно думающих людей, чтобы процветать в такой среде. Наш ум — это наш инструмент, а философия должна оставаться на втором месте. Само собой, я испытал все, о чем вы говорили. Все эти порывы — еще одна угроза, от которой нужно найти защиту. Я верю в упорядоченное общество. Технология вызвала к жизни и выпустила на волю титанические силы, раскалывающие общество. Какая-то фракция должна победить в борьбе и соединить разрозненные части в целое. Мы, Трансформированные, обладаем мудростью и самообладанием, чтобы совершить это самым гуманным способом. Вот почему я исполняю свою работу, — он немного помолчал. — Я не надеюсь увидеть день нашей победы. Скорее всего, я погибну в какой-нибудь стычке или буду убит наемником. Достаточно того, что я уверен — день триумфа наступит.

— Но ведь это просто самонадеянность, капитан! — вдруг сказала Галина. — Поймите, как вы самонадеянны, как нелепа ваша маленькая жизнь, как бессмысленно то, чему вы служите! Взгляните на Рой, если в самом деле желаете гуманного и абсолютного порядка. Вот он, перед вами! Где всегда тепло и темно, и приятно пахнет, и пища легко доступна, и никогда ничего не пропадает зря — все снова идет в дело. Лишь время от времени теряется вещество тел спаривающихся «крылатых», когда зачинаются новые Гнезда, да некоторое количество воздуха, когда рабочие симбиоты выходят наружу собирать урожай. Такое вот Гнездо может существовать сотни тысяч лет. Сотни тысяч, понимаете! А кто или что вспомнит о нас и наших глупых фракциях даже через тысячу лет?

Африаль покачал головой.

— Это неправомерное сравнение. У нас нет такой долгой перспективы. Через тысячу лет мы станем или машинами, или богами, — он вдруг пощупал макушку — бархатный берет исчез. Несомненно, чьи-то челюсти пережевывают его сейчас.

Туннельщик увлекал их все глубже в невесомость лабиринта-улья, который и был астероидом изнутри. Они побывали в камерах, где в шелковых коконах корчились огромные бледные куколки. В главных грибковых садах. В шахтах-кладбищах, где крылатые рабочие симбиоты неустанно вентилировали густой, как суп, воздух, горячечно жаркий от выделяемого при разложении мертвых тел тепла. Похожий на ржавчину черный

грибок поедал мертвых, превращая тела в черную пыль, которую выносили почерневшие рабочие, сами уже наполовину мертвые.

Потом они оставили туннельщика и поплыли вдоль туннелей самостоятельно. Женщина двигалась с уверенностью старожила. За ней следовал Африаль, то и дело больно ударяясь при столкновениях с попискивающими рабочими симбиотами. Тысячи их цеплялись за потолок, стены и пол, то скапливаясь, то разбегаясь по всем направлениям.

Позже они посетили камеру «крылатых» принцев и принцесс, круглую просторную комнату, даже зал, где от стен отражалось эхо, а сорокаметровой длины существа висели, поджав лапы, в центре сферического пространства. Их членистые тела отливали металлом, а там, где должны бы находиться крылья, были расположены органические ракетные дюзы. Вдоль блестящих спин были сложены длинные гибкие усы радарных антенн. Они больше напоминали межпланетные станции в процессе сборки, чем органические существа. Рабочие симбиоты кормили «крылатых» без остановки. Их вздувшиеся дыхальца-животы были плотно набиты кислородом.

Мирни выпросила у пробегавшего рабочего симбиота большой кусок съедобного гриба. Большую часть она передала хвостопружинам, оставшееся протянула Африалю.

Капитан уселся в позе лотоса и принялся решительно перемалывать зубами кожистую массу грибка. Еда была жесткой, но на удивление вкусной, и напомнила Африалю копченое мясо — земной деликатес, который он пробовал всего один раз.

Мирни хранила каменное молчание.

— Итак, еда для нас не проблема, — весело сказал Африаль. — А где мы будем спать?

Она пожала плечами.

— Где угодно… Везде полно незанятых ниш и камер. Я полагаю, что теперь вы хотели бы посмотреть Королеву.

— Конечно же.

— Нужно раздобыть еще гриба. Воинов, охраняющих Королеву, придется подкупить едой.

Она выудила охапку грибной массы у одного из рабочих симбиотов, сновавших бесконечным потоком, и они повернули в новый туннель.

Африаль, и без того запутавшийся в лабиринте камер, залов и коридоров, почувствовал, что теперь он потерялся окончательно. Наконец они вынырнули в огромную неосвещенную пещеру, которую заливал яркий инфракрасный свет чудовищного тела Королевы. Это была главная фабрика колонии. И индустриальной сути не отменял тот факт, что фабрика состояла из мягкой теплой

плоти. На одном конце слепые блестящие челюсти поглощали тонны переваренной грибной массы. Огромные округлые складки плоти волновались, сокращались, с чавканьем, журчанием, бульканьем и всасыванием, выпуская на другом конце подобную конвейеру струю яиц, каждое из которых было густо смазано предохранительной гормональной пастой. Рабочие симбиоты набрасывались на яйца, облизывали их дочиста и относили в камеры-ясли. Каждой яйцо было размером с торс человека.

Процесс не прекращался ни на минуту. Здесь, в погруженном во мрак сердце астероида, не было ни дня, ни ночи. В генах этих существ не осталось и памяти о суточном режиме. Поток продукции был непрерывным и постоянным. Все это напоминало работу автоматической шахты.

— Вот почему я прилетел сюда, — прошептал оробевший Африаль. — Вы только посмотрите на это, доктор. Механисты создали компьютерные шахты, опередившие нашу технику на поколение. Но здесь, во чреве безымянного мира, мы видим генетически управляемую технологию. Эта биологическая машина питает сама себя, сама себя ремонтирует, управляет собой. Эффективно, бездумно, непрерывно. Это совершеннейший органический инструмент. Фракция, которая смогла бы организовать применение этих не знающих усталости работников, стала бы индустриальным титаном. А наши знания в области биохимии не знают равных. Именно нам, Трансформам, и предстоит это сделать.

— И как вы предполагаете это сделать? — с явным скепсисом спросила Мирни. — Ведь пришлось бы переправить оплодотворенную Королеву в Солнечную Систему. Едва ли нам это удастся, даже если разрешат Вкладчики, а они будут против.

— Мне не нужна вся колония, — терпеливо объяснил Ариаль. — Мне необходима лишь генетическая информация одного яйца. Дома, в Кольцах, наши лаборатории смогли бы клонировать бесчисленное количество симбиотов-рабочих.

— Но они бесполезны в отрыве от всей колонии, которая управляет ими. Чтобы привести в действие их модели поведения, необходимы феромоны.

— Именно, — сказал Африаль. — И как раз эти феромоны есть в концентрированном виде. Теперь я должен испытать их. Я должен доказать, что с их помощью могу заставить рабочих делать то, что нужно мне. Как только это будет сделано, я по приказу Совета контрабандой провезу генетический образец яйца в Кольца. Вкладчики, конечно, отнесутся к затее с неодобрением, поскольку здесь замешаны некоторые моральные проблемы, а их генетика рудиментарна. Но мы завоюем их расположение, как

только получим первую прибыль. И, что лучше всего, мы переплюнем Механистов в их собственной области.

— Вы привезли сюда феромоны? — спросила Мирни. — Разве Вкладчики ничего не заподозрили, обнаружив их?

— На этот раз ошибку совершили вы, — спокойно сказал Африаль. — Вы внушили себе, что Вкладчики не совершают промашек. И ошиблись. Раса, лишенная любопытства, никогда не станет исследовать любую вероятную возможность, как это делаем мы, Трансформы.

Африаль подтянул правую брючину и вытянул ногу.

— Взгляните вот на эту варикозную вену на голени. Такие расстройства циркуляции крови весьма распространены среди тех, кто проводит много времени в невесомости. Но эта вена, тем не менее, была заблокирована искусственно. Ее стенки были подвергнуты биохимической обработке, чтобы прекратить осмотическую диффузию. Внутри сосуда находятся десять отдельных колоний генетически измененных бактерий, каждая колония производит определенный феромон.

Он улыбнулся.

— Вкладчики очень тщательно обыскивали меня, они даже применили рентген. Они, естественно, настаивали на том, что должны знать все о моем багаже. Но на рентген-экране вена выглядит нормально, а бактерии не могут покинуть своих ячеек внутри сосуда. Обнаружить их присутствие невозможно. С собой я взял небольшую аптечку. В набор входит шприц. С его помощью мы можем извлекать феромоны и испытывать их. Когда испытания будут закончены — уверен, успешно, — мы освободим ячейки вены. Контакт с воздухом убьет бактерии. Вену мы снова наполним, только уже желтком развивающегося эмбриона. Даже если клетки не выдержат обратной дороги и умрут, то они не смогут разложиться. К ним не будет доступа бактерий гниения. Дома, в Кольцах, мы сможем активизировать или, наоборот, подавить отдельные гены, чтобы произвести на свет различные касты работников, как это и происходит в природе. У нас будут миллионы рабочих симбиотов, возможно, даже воины и органические ракетные корабли. Если все это удастся, то, как вам кажется, вспомнят меня, мою маленькую жизнь, самоуверенность и служение бессмысленному делу?

Она смотрела на него, и даже выпуклые инфракрасные очки не могли скрыть выражение испуга на ее лице.

— Значит, вы и в самом деле решили совершить это?

— Я пожертвовал на этот проект свое время и энергию, доктор. Мне нужны результаты.

— Но ведь это похищение… Вы собираетесь вывести расу

рабов!

Африаль презрительно пожал плечами.

— Не жонглируйте словами, доктор. Я не причиню этой колонии вреда. Возможно, испытания феромонов оторвут некоторых рабочих особей от непосредственных обязанностей, но эта жалкая потеря времени не будет даже замечена. Признаюсь, что погибнет одно яйцо, но это не большее преступление, чем обыкновенный аборт. Неужели кражу нескольких клеток генетического материала нужно называть «похищением»? Думаю, что нет. Что касается обвинения насчет «расы рабов», то я отбрасываю его сразу. Эти существа — генетические роботы. Они рабы не более, чем лазерные сверла или бульдозеры. В худшем случае, домашние животные.

Мирни подумала над сказанным. Ей не понадобилось много времени.

— Это верно. Они не станут с тоской смотреть на звезды, печалясь о свободе. У них нет даже мозга.

— Вот именно, доктор.

— Они только работают. И для них совершенно все равно, работают ли они для вас или для Роя.

— Я вижу, вы почувствовали всю красоту идеи.

— И если проект сработает, — сказала Мирни. — Если он сработает… наша фракция получит астрономические доходы.

Африаль совершенно искренне улыбнулся, не осознавая сарказма, который отобразился на его лице.

— И личные выгоды, доктор… Высоко оцененные знания первого, использовавшего технологию, — он говорил громко, забыв о всякой осмотрительности. — Вы видели, как падает азотный снег на Титане? Я воображаю себе жилище… персональный жилой комплекс… большой, больше всего, что было до сих пор возможно. Настоящий город, где человек сможет сбросить все эти цепи правил и дисциплины, которые просто сводят с ума…

— Теперь это вы поддались опасным настроениям, капитан-доктор.

Африаль с трудом улыбнулся.

— Вы разрушили мой воздушный замок, — сказал он. — Кроме того, я описал вам хорошо заслуженный отдых состоятельного человека, а не какого-то замкнутого на себе отшельника… разница явная, хотя и тонкая. — Он помолчал. — Итак, насколько я понял, вы на моей стороне?

Она засмеялась и тронула его за руку. Но в тихом звуке ее смеха, поглощенного непрекращающимся урчанием чудовищных внутренностей Королевы, было что-то непроницаемое…

— Вы думаете, что я буду спорить с вами все два года? Лучше уступить сразу и избежать неприятных трений.

— Да, верно.

— В конце концов, колонии вы никакого вреда не причините. Они даже не узнают, что произошло. И если их генокод будет успешно воспроизведен дома, то у человечества не возникнет причины снова их беспокоить.

— Совершенно верно, — сказал Африаль, хотя тут же вообразил, какие сказочные богатства таит астероидное кольцо Бетельгейзе. И неизбежно наступит день, когда человечество двинется к звездам, и это будет массовый исход. И к тому времени было бы неплохо знать все плюсы и минусы любой расы, способной стать потенциальным соперником.

— Я буду помогать вам в меру своих сил, — сказала она. Последовала секунда тишины. — Вы уже тут все осмотрели?

— Да.

Они покинули зал Королевы.

— Вы мне сначала не понравились, — призналась Мирни. — Кажется, теперь вы мне нравитесь больше. У вас, похоже, есть чувство юмора, а у большинства людей из Безопасности оно отсутствует.

— Это не чувство юмора, — с печалью заметил Африаль. — Это ирония, замаскированная под юмор.

Последовавший за этим бесконечный поток часов не делился на дни и ночи. Лишь иногда наступали беспокойные промежутки сна, сначала отдельно друг от друга, потом вместе, и они держали друг друга в объятиях, паря в невесомости. Возбуждающее чувство прикосновения тела партнера стало для них символом человеческого сознания, их общей принадлежности к роду людей, разделенного, ведущего междоусобные столкновения, и такого далекого, что само понятие его уже не имело для Африаля и Мирни никакого смысла.

Здесь и сейчас — вот что существовало. Жизнь в теплых, роящихся многотысячными существами туннелях Гнезда. Они были подобны двум бактериям в бесконечно пульсирующем кровяном потоке. Часы растягивались в месяцы, и само время превратилось в бессмыслицу.

Работа с феромонами была сложной, но не слишком затруднительной. Первый из десяти был простым стимулятором группового сбора, заставлявшим рабочих симбиотов собираться в кучу. Собравшись, рабочие ждали дальнейших указаний. Таковых не поступало, и сборище рассасывалось. Чтобы феромоны действовали эффективно, их нужно было вводить сериями, как

команды компьютера. Например, номер 1 — сбор, потом номер 3 — «транспортный» феромон, заставлявший рабочих освободить камеру и перенести ее содержимое в другое место. Наиболее «индустриальным» был девятый феромон — он представлял собой приказ начинать строительство — рабочие симбиоты собирали туннельщиков и черпальщиков, давали им работу. Некоторые опыты доставляли и не слишком приятные ощущения: десятый феромон вызывал приступ гигиенической активности, и мохнатые щупальца рабочего симбиота содрали с Африаля последние лохмотья роскошного одеяния. Восьмой феромон погнал рабочих за сбором материала на поверхность астероида, и двое исследователей чуть было не угодили в ловушку живого воздушного шлюза, их едва не выбросило в пространство.

Оба они больше не опасались воинской касты. Они знали, что доза шестого феромона заставит воинов умчаться оборонять яйца, подобно тому, как это же вещество заставляло рабочих спешить ухаживать за ними. Мирни и Африаль воспользовались этим преимуществом и обзавелись собственными комнатами, которые выкопали им химически похищенные у Роя рабочие и которые закупоривались химически подкупленным закупорщиком. Чтобы освежать воздух, они создали для себя собственный грибной сад.

Африаль ощущал непреодолимую усталость. В последнее время он почти не спал. Как долго — он и сам не знал. Биоритмы его тела не приспособились к Гнезду так хорошо, как у Галины, и он иногда чувствовал депрессию и раздражительность.

— Вкладчики должны вернуться, — сказал он однажды. — Они должны скоро вернуться.

Мирни пожала плечами.

— Вкладчики, — равнодушно повторила она, и добавила что-то на языке хвостопружинов, он не разобрал что.

Несмотря на свою лингвистическую подготовку, Африаль так и не смог догнать Мирни в овладении скрежещущим жаргоном хвостопружинов. Профессиональная подготовка Африаля ничуть не помогала, а даже вредила делу — язык хвостопружинов настолько деградировал, что превратился в какой-то набор слов и фраз, не скрепленных правилами и закономерностями. Он знал достаточно, чтобы отдавать им простые приказы, а частичный контроль над воинами придавал его словам необходимую властность. Хвостопружины боялись его, а два юных их представителя, которых приручила Мирни, разжирели и превратились в двух громадных тиранов, спокойно терроризировавших своих старших собратьев. Африаль был слишком занят, чтобы заниматься серьезным изучением хвостопружинов или других симбиотов.

— Если они вернутся слишком скоро, я не успею довести до конца свои последние исследования, — сказала вдруг Мирни по-английски.

Африаль стащил с головы инфракрасные очки и аккуратно повязал эластичную полоску вокруг шеи.

— Всему есть предел, Галина, — он зевнул. — Без приборов остается надеяться только на память. Нам придется просто ждать потихоньку, пока мы не вернемся домой. Надеюсь, Вкладчики не будут шокированы, увидев меня. Вместе с одеждой я потерял целое состояние.

— Просто с тех пор, как запустили новый Рой, напала такая скука… И эксперименты нам пришлось остановить, чтобы зажила твоя вена. Если бы не это новое образование у камеры «крылатых», я бы умерла с тоски. — Она обеими ладонями отвела от лица пряди сальных волос. — Будешь спать?

— Да, если смогу.

— Со мной не пойдешь? Я тебе еще раз говорю — это очень интересное образование. Кажется, совершенно новая каста. У него глаза, как у «крылатых», но оно лепится к стене.

— Возможно, это вообще не член Роя, — устало сказал он. — Вероятно, это просто паразит, мимикрия. Что ж, если хочешь, отправляйся и смотри. Я буду ждать здесь.

Он услышал, как Мирни выплыла из их камеры в коридор. Даже без инфракрасных очков темнота не была абсолютной. Растущий, испускающий пар гриб на стенах излучал очень слабый свет. Сытый, раздувшийся рабочий симбиот, свисавший с потолка, слабо покачивался, булькая и шурша. Африаль заснул.

Когда он проснулся, Мирни еще не вернулась. Он не тревожился. Сначала он заглянул в тот самый туннель-шлюз, куда высадили его Вкладчики. Африаля иногда охватывала боязнь, что, прилетев, Вкладчики потеряют терпение, не станут ждать и улетят без него. Конечно, Вкладчикам все равно придется подождать — Мирни их займет чем-нибудь, а он тем временем быстро проберется в камеру-ясли и похитит свежее развивающееся яйцо, то есть лишит его нескольких делящихся клеток ядра.

Потом он поел. Он как раз жевал кусок гриба, когда его нашли два личных хвостопружина Мирни.

— Что нужно? — спросил он на их языке.

— Дающий пищу стал плохой, — проскрипел более крупный хвостопружин, в бездумном возбуждении размахивая передними лапами. — Не работать, но спать.

— Не двигаться, — добавил второй и продолжил с надеждой: — Сейчас есть.

Африаль отдал часть своей еды. Они съели предложенную долю, скорее по привычке, а не для утоления голода.

— Отведите меня к ней, — велел он хвостопружинам.

Оба хвостопружина понеслись вперед. Он без усилий последовал за ними, ловко увертываясь и ныряя, пробираясь сквозь толпы рабочих симбиотов. Через несколько минут они оказались у камеры «крылатых». Здесь хвостопружины в замешательстве остановились.

— Пропал, — сказал один из них, тот, что был покрупнее.

Камера была пуста. В том, что зря пустовало такое обширное пространство, было что-то необычное для Роя. Африаль похолодел.

— Ищите след дающей пищу, — сказал он. — По запаху.

Хвостопружины без особого энтузиазма обнюхали одну из стен — они знали, что еды у него с собой нет. Наконец один из них поймал след или притворился, что поймал, и последовал по нему — через потолок в пасть туннеля.

В пустой камере мало что было видно — не хватало инфракрасного излучения. Африаль подпрыгнул, следуя за хвостопружином.

Он услышал рев воина и придушенный вопль хвостопружина. Потом сам хвостопружин вылетел из темноты туннеля. Из проломленной головы летели быстро загустевающие брызги. Он кувыркался в воздухе, пока не врезался с глухим хрустом в дальнюю стену.

Второй хвостопружин удрал немедленно, вопя от горя и ужаса. Африаль приземлился на пороге туннеля. Он чувствовал едкий запах ярости воина — феромон был настолько концентрированный, что даже обоняние человека ощущало его. Десятки других воинов будут здесь через несколько минут или даже секунд. За спиной разъяренного воина он слышал шорох и постукивание — это рабочие и туннельщики обрабатывали скалу.

Возможно, он справился бы с одним воином, но только не с двумя или двадцатью. Он оттолкнулся и полетел к выходу из камеры.

Мирни так и не вернулась. Тянулись бесчисленные часы. Он снова заснул. Потом вернулся к камере «крылатых» — ее охраняли воины. Их не соблазняла пища, и они угрожающе обнажали клыки, стоило Африалю приблизиться. Судя по их виду, они были готовы разорвать его на части — слабый запах феромона агрессивности висел в воздухе, как туман. На телах воинов он не заметил никаких симбиотов. Обычно к ним цеплялись твари, напоминающие огромных клещей, но на этот раз даже «клещи» исчезли.

Он вернулся в камеру. В мусорных ямах тела Мирни не было. Конечно, ее могло сожрать какое-нибудь создание. Что теперь делать — попытаться извлечь остатки феромона из ячейки в вене и прорваться в камеру «крылатых»? Африаль подозревал, что Мирни или ее останки должны находиться где-то в туннеле, в котором воин убил хвостопружина. Африаль никогда не был в этом туннеле раньше. И существовали тысячи других туннелей, куда он еще ни разу не заглядывал.

Он чувствовал, как нерешительность и страх парализуют его волю. Вкладчики могли появиться в любой момент… и если он будет сидеть тихо, если не станет ничего предпринимать… Совету Кольца он может рассказать все, что захочет, о смерти Мирни. Если он привезет образцы генофонда, никто не станет придираться. Он не любил ее. Он испытывал к Галине уважение, но не настолько, чтобы рисковать жизнью или интересами фракции.

Он все еще предавался унылым размышлениям, когда услышал вздох, и живой воздушный шлюз его камеры сплющился, открывая вход. В камеру влетели три воина. Фермоном ярости от них не пахло. Они двигались решительно и осторожно. Африаль был благоразумен и не стал сопротивляться. Один из воинов осторожно подхватил его в могучие челюсти и вынес из камеры.

Он принес его в камеру «крылатых», а оттуда — в охраняемый туннель. Тот почти лопался от наполнявшей его черно-белой органической массы. В центре этой пятнистой мягкой массы находился рот и два светящихся глаза на отростках. Из двойного гребня над глазами вырастали, покачиваясь и извиваясь, похожие на шланги щупальца. И каждое щупальце заканчивалось утолщением — пухлым, розовым, похожим на штепсель.

Одно из щупалец уходило в череп Мирни. Ее тело висело в воздухе, совершенно расслабленное, бесчувственное, словно восковое. Глаза ее были открыты, но ничего не видели и не выражали.

Другое щупальце было «подключено» к мозговой коробке мутанта-рабочего. Этот мутант еще не потерял бледноватый оттенок недавно вылупившегося из куколки существа. Все его тело распухло и деформировалось, его рот походил на человеческий. Во рту шевелился какой-то мясистый отросток, напоминавший язык, и, словно человеческие зубы, белели пластинки. Глаз у него не было.

Он заговорил голосом Мирни:

— Капитан-доктор Африаль…

— Галина…

— Это не мое имя. Можете называть меня Рой.

Африаля вырвало. Вся центральная масса черно-белой плоти была одной громадной головой. Мозг ее заполнял почти все пространство туннеля.

Голова терпеливо ждала, пока Африаль придет в себя.

— Итак, меня опять разбудили, — продолжал Рой, словно в кошмарном сне. — И я рад отметить, что ничего катастрофического не происходит. Опять рутинная угроза, — он замолчал. Тело Мирни чуть качнулось. Ее дыхание было нечеловечески ровным. — Еще одна молодая цивилизация.

— Кто ты?

— Я — Рой. То есть одна из его каст. Орудие, необходимое приспособление. Моя специализация — быть разумным. Потребность во мне возникает не очень часто. Приятно, что я опять понадобился.

— Вы были здесь с самого начала? Почему же не проявили себя? Мы бы вели дела с вами. Мы не собираемся причинять вред Гнезду.

Влажный рот на конце щупальца-шланга изобразил смех.

— Как и вы, я обожаю иронию, — сказал он. — В чудесную ловушку вы угодили, капитан-доктор. Вы собирались заставить Рой работать на вашу расу, собирались изучать нас, разводить, воспользоваться нами. Это превосходный план, но мы с ним сталкивались еще в те времена, когда человек прыгал по деревьям.

Мозг парализованного страхом Африаля лихорадочно работал.

— Вы — разумное существо, — сказал он. — Какой смысл убивать нас? Давайте все обсудим. Мы можем вам помочь.

— Да, — согласился Рой. — Вы будете нам полезны. Память вашей спутницы снабдила меня необходимыми сведениями. Итак, опять наступил период, когда разум в галактике бурно развивается. Разум — какая с ним морока! Нам просто нет от него покоя.

— Что это значит?

— Вы — молодая раса и делаете основную ставку на умственные способности, — сказал Рой. — И как это всегда бывает с молодыми расами, вы не в состоянии понять, что разум — это не тот признак, который помогает выжить.

Африаль вытер с лица пот.

— Мы многого достигли, — сказал он. — Это мы пришли к вам, а не вы к нам. И мы пришли с миром.

— Именно об этом я и веду речь, — вежливо ответил Рой. — Именно это стремление двигаться вперед, завоевывать новые пространства, исследовать, развиваться, именно это приведет вас

к вырождению. Вы наивно полагаете, что сможете до бесконечности питать свое любопытство. Старая история, это случалось бесчисленное количество раз с другими цивилизациями. Через тысячу лет… быть может, немного позднее… ваш вид исчезнет.

— Вы собираетесь уничтожить нас? Предупреждаю, что это будет нелегко.

— Вы опять не понимаете. Знание — это сила! Неужели вы надеетесь, что в этом вашем хрупком теле — с его примитивными ногами, смехотворными руками, крохотным, бедно одаренном извилинами мозгом — может содержаться вся эта сила? Первоначальная телоформа людей становится для вас вчерашним днем. Ваши гены перестроены, капитан-доктор, и это не более, чем неуклюжий эксперимент. Через сотню лет вы будете казаться анахронизмом. Через тысячелетие от вас и воспоминания не останется. Ваша раса пройдет там же путем, что и тысячи других.

— И что это за путь?

— Я не знаю, — штука на конце щупальца издала смешок. — Они вышли за пределы моего понимания и восприятия. Все они открыли, узнали нечто такое, что заставило их перейти на какой-то иной уровень существования. Возможно, они вообще превзошли понятие бытия. В любом случае, я не ощущаю их присутствия. Не похоже, чтобы они чем-то занимались или во что-нибудь вмешивались. С практической точки зрения они все мертвы. Сгинули. Возможно, они стали богами, а может — призраками. Так или иначе, я не имею желания присоединяться к ним.

— Тогда… тогда вы…

— Разум — обоюдоострый меч, капитан-доктор. Он полезен только до определенного момента. Потом он начинает ставить палки в колеса самому процессу жизни. Жизнь и разум — они не соединяются как следует. Они далеко не так уж родственны, как наивно полагаете вы.

— Но вы… ведь вы мыслящее существо…

— Как я уже сказал, я только орудие, — мутант-симбиот на конце щупальца вздохнул. — Когда вы начали эксперименты с феромонами, химический дисбаланс стал очевиден для Королевы. Это включило в действие определенные генетические матрицы в ее теле, и я был возрожден. Химический саботаж — с такой проблемой лучше всего справляется разум. Как видите, я перенасыщенный вариант мозга, специально задуманный так, чтобы превосходить способности любой молодой расы. В течение трех дней я обрел полное самосознание. Через пять дней я уже расшифровал отметки на моем теле. Это генетически

закодированная история моей расы… через пять дней и два часа я уже определил проблему и знал, что должен делать. И теперь делаю. Мне всего шесть дней.

— И как вы намерены поступить?

— Ваша раса — одна из самых динамичных. Я предполагаю, что вы окажетесь здесь и станете нашими соперниками лет через пятьсот. Поэтому будет необходимо самое тщательное исследование возможного соперника. Я предлагаю вам навсегда присоединиться к нашей компании.

— Что это должно означать?

— Я предлагаю вам стать симбиотом. У меня есть вас двое — мужчина и женщина. Ваши гены перестроены и лишены дефектов. Вы составите превосходную пару для размножения. Это избавит меня от множества хлопот с клонированием.

— И вы думаете, что я предам человечество и вложу в ваши руки ключ к выведению расы рабов?

— Ваш выбор прост, капитан-доктор. Остаться разумным живым существом или превратиться в бездумную куклу, как ваша напарница. Я взял под контроль все функции ее нервной системы. Я могу сделать то же самое и с вами.

— Я могу убить себя.

— Да, это было бы для меня не слишком желательно. Пришлось бы заняться разработкой технологии клонирования. Технология — хотя для меня это не проблема — все-таки мне неприятна. Я — порождение искусства генетики. Во мне имеется предохранитель, не дающий мне взять власть над Гнездом в собственных целях. Это означало бы, что мы попали в ту же самую ловушку, что и остальные разумные расы. По той же причине срок моей жизни ограничен. Я проживу только тысячу лет, пока не погаснет энергия короткого порыва вашей расы и снова воцарится покой.

— Всего тысяча лет? — Африаль горько засмеялся. — Что тогда? Покончите с моими потомками, ведь они вам больше не будут нужны.

— Нет. Мы не тронули потомков всех пятнадцати рас, пришедших в столкновение с нами. Да в этом и не было необходимости. Обратите внимание, капитан-доктор, вот на этого маленького уборщика, который летает вокруг вашей головы, поедая капли вашей рвоты. Пятьсот миллионов лет назад его предки сотрясали Галактику. Когда они атаковали нас, мы спустили на них таких же, как и они сами. Представителей той же расы. Конечно, мы перестроили наших бойцов, чтобы они стали умнее, изобретательней, сильнее, выносливее и, естественно, полностью преданы нам. Наши Гнезда — это был единственный

их мир, и они сражались с такой энергией и изобретательностью, с какой никогда не смогли бы сражаться мы сами… И если ваша раса явится сюда нас эксплуатировать, то мы, естественно, сделаем то же самое.

— Мы люди, мы иные.

— Конечно.

— И тысячи лет мало, чтобы изменить нас. Вы умрете, и тогда наши потомки возьмут власть в Гнезде. Через несколько поколений они уже будут всем управлять, несмотря ни на что. И темнота им не помешает.

— Конечно, нет. Здесь вам не нужны глаза. Вам вообще ничего не нужно.

— Вы сохраните мне жизнь? Разрешите учить потомков всему, чему я захочу?

— Конечно, капитан-доктор. Честно говоря, мы оказываем вам услугу. Через тысячу лет ваши потомки будут единственными уцелевшими представителями человечества. И более того, мы лично позаботимся о том, чтобы вы сами это увидели. Мы сохраним вас.

— Вы ошибаетесь, Рой. Вы ошибаетесь насчет разума и насчет всего остального. Возможно, остальные расы и деградировали до паразитизма. Но мы, люди, из другого теста.

— Конечно, конечно. Итак, вы согласны?

— Да, я принимаю ваш вызов. И я выиграю.

— Превосходно. Когда вернутся Вкладчики, хвостопружины сообщат, что убили вас и скажут, чтобы они больше не прилетали. Они не вернутся. Следующими должны появиться люди.

— Если я тебя не одолею, это сделают они.

— Возможно, — и Рой снова вздохнул. — Я рад, что мне не нужно поглощать тебя. Мне бы не хватало таких бесед.

Паучиная Роза

Паучиная Роза не чувствовала ничего, или почти ничего. Какие-то чувства – сгусток неясных двухсотлетних эмоций – сохранились, но и их она подавила внутримозговой инъекцией. От ее чувств осталось примерно то же, что остается от таракана после удара молотком.

Тараканы – единственные представители местной фауны на орбитальных колониях механистов – были старыми знакомыми Паучиной Розы. Эти сильные, плодовитые, легко приспосабливающиеся насекомые с самого начала заполонили космический корабль. Ситуация была безвыходной, и механистам пришлось использовать генетические технологии, украденные у своих соперников шейперов, чтобы превратить тараканов в цветастых домашних животных. Одним из любимцев Паучиной Розы был таракан длиной в фут, со сложным красно-желтым узором на блестящем хитине. Вцепившись в волосы, он сидел у Паучиной Розы на голове и пил пот с ее совершенного чела, но Роза ничего не замечала, ибо мысленно наблюдала за гостями.

Наблюдение велось с помощью восьми телескопов, и с них изображение поступало в мозг Паучиной Розы через расположенный в основании ее черепа нейрокристаллический датчик. Теперь у Розы, как и у ее символа – паука, было восемь глаз. Ушами ей служил слабо, но равномерно пульсирующий радар, настроенный на неизбежное искажение эфира – сигнал о появлении космического корабля Инвесторов.

Роза была умна. Она могла бы сойти с ума, но разумная психика, заданная химической основой ее контрольных программ, устанавливалась искусственно. Паучиной Розе это казалось совершенно естественным.

Это и было естественно – не для человеческого существа, а для двухсотлетней механистки, чьим жилищем была расположенная на орбите Урана паутинообразная космическая станция. Тело Паучиной Розы переполняли омолаживающие гормоны, лицо, словно только что вынутое из гипсовой формы, выглядело одновременно и старым, и молодым; длинные белые волосы ниспадали волной искусственно имплантированных фиброоптических нитей, с косых концов которых, словно мельчайшие драгоценные камни, стекали отблески света. Паучиная Роза была стара, но не думала об этом. Она была одинока, но подавила это чувство лекарствами. И она обладала сокровищем, настолько притягательным для Инвесторов, что эти рептилиеобразные инопланетяне готовы были отдать за него свои

глазные клыки.

В полиуглеродистой паутине широконатянутой грузовой сети, за которую она и получила такое имя, Роза хранила драгоценный камень размером с автобус.

Итак, не ведая усталости, она наблюдала за гостями. Ее мозг сообщался с оборудованием станции. Особого интереса Роза не испытывала, но в то же время и не скучала. Скука была опасна, ибо вела к неуравновешенности, зачастую фатальной в условиях космического жилища, когда раздражение или простая небрежность могли привести к смерти. Чтобы выжить, нужно было, подобно пауку, притаиться в центре ментальной паутины, по правилам эвклидовой геометрии выпустить во все стороны чистые нити рационализма и внимательно следить за малейшим подрагиванием непрошеных эмоций. Едва ощутив, что чувство путает нити, Паучиная Роза бросалась к нему, исследовала, тщательно пеленала, медленно и аккуратно пронзала паучьими клыками подкожной инъекции.

Вот и они. Ее восемь глаз, преодолев двести пятьдесят тысяч миль космического пространства, заметили корабль Инвесторов – волнистую сверкающую дорожку в небе. Корабль был оснащен нестандартными двигателями, поэтому вырабатываемая ими энергия не поддавалась обнаружению. Инвесторы тщательно охраняли секрет своих межзвездных полетов, и обе фракции – шейперы и механисты (за неимением лучшего термина все еще известные под неточным названием «человечество») – знали только, что межзвездные двигатели Инвесторов посылали длинные параболические искажающие лучи, вызывающие на звездном небе волновой эффект.

Паучиная Роза частично вышла из программы пассивного слежения и вновь почувствовала свое тело. Компьютерные сигналы приобрели приглушенный характер и по сравнению с ее природным зрением стали чем-то вроде отражения в оконном стекле. Легко касаясь клавиатуры компьютера, Роза навела на корабль Инвесторов коммуникационный лазер и отправила им информацию: деловое предложение. (Роза не решилась использовать радио – это было слишком рискованно: радиосигналы могли привлечь пиратов-шейперов, а ей и так пришлось убить трех из них.) Роза увидела, как корабль Инвесторов, нарушив все законы орбитальной динамики, резко остановился в космосе при угловом ускорении. Ее услышали. Паучиная Роза загрузила в компьютер программу-переводчик с языка Инвесторов. Она была составлена пятьдесят лет назад, но Инвесторы были устойчивой расой, не столько консервативной, сколько не заинтересованной в изменениях.

Подойдя к станции достаточно близко для звездных маневров, корабль Инвесторов выбросил в облаке газа солнечный парус. В него, как в подарочную бумагу, можно было бы завернуть небольшую луну, но тем не менее этот парус был тоньше воспоминания двухсотлетней давности. Несмотря на такую фантастическую призрачность, на парусе размещались фрески толщиною, с молекулу – в основном титанические сцены жульничества Инвесторов. К примеру, как хитроумные Инвесторы обвели вокруг пальца тонкокожих двуногих и легковерных пузырей – раздувшихся от сокровищ и водорода обитателей тяжелых планет; другие изображали увешанных драгоценностями и окруженных гаремом преданных мужских особей инвесторских маток в изысканно-роскошных облачениях над рядами инвесторских иероглифов высотой в милю на фоне нотного стана – так размечалась интонация и высота напевного языка чужаков.

Экран перед ней вспыхнул, и появилось изображение Инвестора. Паучиная Роза, отключившись от провода; изучающе посмотрела на его лицо: огромные стеклянные глаза, полускрытые мигательными мембранами, радужные перепонки за крошечными ушными отверстиями, шишковатая кожа и улыбка рептилии – каждый зуб величиной с гвоздь. Инвестор издавал какие-то звуки.

– Лейтенант корабля на связи, – перевел компьютер. – Лидия Мартинес?

– Да, – ответила Паучиная Роза, не упомянув, что имя ее изменилось. У нее было много имен.

– В прошлом мы выгодно сотрудничали с вашим супругом, – заинтересованно заметил Инвестор. – Как он поживает?

– Мой муж погиб тридцать лет назад, – ответила Паучиная Роза. Горе она уже давно подавила. – Его убили шейперские наемники.

Радужная перепонка Инвестора задрожала, но сообщение его не обеспокоило – Инвесторам не было свойственно беспокойство.

– Прискорбно для бизнеса, – сказал он. – А где драгоценность, про которую вы говорили?

– Приготовьтесь к приему информации, – сказала Паучиная Роза, коснулась клавиатуры, и на экране возникла тщательно разработанная торгово-рекламная программа. Передающий программу коммуникационный луч был защищен от вражеских локаторов.

Подобная удача приходит раз в жизни. Этот кристалл зародился на ледяном спутнике еще не сформировавшегося до конца Урана и в первые циклы неослабевающей вулканической активности дробился, плавился и перекристаллизовывался;

растрескивался по крайней мере четырежды, и каждый раз потоки минералов, насыщенные углеродом, силикатом марганца, бериллием, окисью алюминия, оказывались в зонах трещин под огромным давлением. Когда же сам спутник наконец вошел в знаменитые Кольца, отколовшийся от него огромный заледеневший осколок многие эоны дрейфовал в космосе, омывался волнами жесткой радиации, получал и терял заряды под действием причудливого электромагнитного мерцания, характерного для всех кольцевых образований. И вот несколько миллионов лет назад наступил критический момент: в осколок ударила мощнейшая молния, один из беззвучных и невидимых всплесков энергии, сбрасывающий заряды, накопленные за десятилетия. Почти вся внешняя оболочка осколка мгновенно преобразовалась в плазму, а оставшаяся часть изменилась. Минеральные включения превратились в нити и прожилки берилла, кое-где переходящего в рассеченные цепочками красных рубинов и пурпурных гранатов глыбы изумруда размером с инвесторскую голову. Местами виднелись оплавленные куски странно окрашенных алмазов. Такие алмазы образовывались только из металлического углерода. Даже сам лед стал чем-то необычайно уникальным, то есть исключительно ценным.

– Вы нас заинтересовали, – сказал Инвестор. Для его расы это означало крайнюю степень энтузиазма.

Паучиная Роза улыбнулась.

Лейтенант продолжал:

– Это необычный товар, и определить его стоимость нелегко. Мы предлагаем вам за него четверть миллиона гигаваттов.

– Энергия для работы и защиты станции у меня уже есть. Вы сделали мне очень щедрое предложение, но я все равно не смогу сохранить столько энергии, – ответила Паучиная Роза.

– Мы также передадим вам на хранение стабилизированную плазменную решетку. – Лейтенант явно рассчитывал, что столь неожиданная и невероятная щедрость убедит ее. О строении плазменных решеток человеческая наука не знала ничего, и, владея подобной редкостью, можно было на десять лет позабыть о скуке. Но плазменная решетка была совершенно не нужна Паучиной Розе.

– Это меня не интересует, – заявила она.

Перепонка Инвестора поднялась:

– Вас не интересует общегалактическая валюта?

– Нет, ведь я смогу ею пользоваться только при торговле с вами.

– Торговля с вашей расой – неблагодарное занятие, – поделился наблюдением Инвестор. – Тогда вам, вероятно, нужна

информация. Вы, молодые расы, всегда предпочитаете оплату технологиями. Мы располагаем рядом открытий шейперов, предназначенных их фракцией для торговли. Вас это интересует?

– Промышленный шпионаж? – предположила Роза. – С этим вам надо было обратиться ко мне лет восемьдесят назад. Нет уж, слишком я хорошо вас знаю, Инвесторов. А потом для поддержания баланса сил вы наверняка продадите шейперам несколько открытий механистов.

– Мы за конкурентный рынок, – подтвердил Инвестор. – Таким образом легче избежать затруднительных монопольных ситуаций. Например, сейчас мы столкнулись с одной из них.

– Мне не нужно влияние. Престиж для меня ничего не значит. Покажите лучше что-нибудь новенькое.

– Вы равнодушны к престижу? Что же подумают ваши товарищи?

– Я живу одна.

Инвестор прикрыл глаза мигательными мембранами.

– Вам удалось подавить в себе тягу к общению. Это зловещее достижение. Хорошо, попробуем другой путь. Что вы скажете об оружии? На определенных условиях по его использованию мы предоставим вам уникальное и очень мощное оружие.

– Мне хватает и своего.

– Вы можете рассчитывать на наши политические связи. Мы в силах повлиять на основные группировки шейперов и заключить с ними договор о вашей безопасности. Это займет от десяти до двадцати лет, и договор будет заключен.

– Это шейперам надо меня бояться, – поправила Паучиная Роза. – А не мне – их.

– Тогда мы предоставим вам новое жилище. – Инвестор был терпелив. – Из золота.

– Мне нравится мое нынешнее.

– Возможно, вас заинтересуют наши товары, – предложил Инвестор. – Приготовьтесь к приему информации.

Восемь часов Паучиная Роза не торопясь просматривала каталоги всевозможных товаров. С возрастом нетерпение оставило ее, а для Инвесторов торговля и торги были смыслом жизни.

Ей предлагались культуры многоцветных, вырабатывающих кислород водорослей и инопланетные духи; сверхфольга из сколлапсировавших атомов для обороны и защиты от радиации; редкие технологии по трансмутации нервных тканей в кристаллические образования; черная гладкая палочка – от ее прикосновения железо становилось настолько мягким, что его можно было мять в руках и придавать любую форму; небольшая

великолепно оборудованная подводная лодка из прозрачного металлического стекла, предназначенная для исследований аммониевых и метановых морей; самовосстанавливающиеся шары пейзажного кварца – по мере роста они имитировали рождение, развитие и смерть инопланетной цивилизации; миниатюрный аппарат для путешествий по земле, воздуху и воде – его можно было одеть и застегнуть на себе как костюм.

– Планеты меня не интересуют, – сказала Паучиная Роза. – Не люблю гравитационные колодцы.

– На определенных условиях мы можем предоставить вам гравитационный генератор, – пообещал Инвестор. – Подобно палочке и оружию, генератор будет надежно защищен от взлома и скорее одолжен вам, чем продан. Мы не можем допустить утечку информации по данной технологии.

– Нас и собственные-то технологии погубили, – пожала плечами Роза. – Даже с теми, что уже созданы, мы не можем справиться. Не думаю, что стоит обременять себя новыми.

– Мы продемонстрировали все товары, разрешенные для торговли с вашей расой, – подвел итог лейтенант. – У нас на корабле разнообразнейшие товары, предназначенные в основном для рас, обитающих при очень низкой температуре и очень высоком давлении. Есть и товары, которые, возможно, доставили бы вам огромное удовольствие, но оказались бы смертельными для вас… или для всего вашего вида. Например, литература (непереводимо).

– Инопланетный взгляд на жизнь я могу найти и в земной литературе, – сказала Роза.

– (Непереводимо) – это не совсем литература, – благожелательно разъяснил Инвестор. – Вообще-то это вирус.

На ее плечо спланировал таракан.

– Домашние животные! – воскликнул лейтенант. – Домашние животные! Вы их любите?

– Это единственная моя радость, – ответила Паучиная Роза, не мешая таракану покусывать фалангу ее большого пальца.

– Я должен был догадаться, – сказал Инвестор. – Будьте добры, подождите двенадцать часов.

Роза заснула. Потом проснулась и некоторое время изучала корабль инопланетян в телескоп. Все инвесторские корабли были декорированы фантастическими чеканными украшениями в виде голов зверей, металлических мозаик и горельефов с бытовыми сценками и надписями, среди которых выделялись входы в грузовые отсеки и точные приборы. Однако специалисты обнаружили, что под чеканкой форма корабля всегда была одинаковой: простая призма с шестью вытянутыми

прямоугольными гранями. Инвесторы старались тщательно скрыть эту закономерность; но тем не менее именно она и заставляла предполагать, что корабли были найдены, куплены или украдены у более разумной расы. Инвесторы с их эксцентричным отношением к науке и технике были явно не способны построить подобные корабли.

Когда лейтенант возобновил контакт, его мигательные мембраны выглядели бледнее обычного. В руках он держал маленькую крылатую рептилию с длинным зубчатым гребешком того же цвета, что и мембраны Инвесторов.

– Это Вынюхивающий Выгодные Сделки – талисман нашего командира. Мы все его очень любим, но приходится выбирать между потерей любимца и сохранением профессионального престижа. – Инвестор приласкал рептилию, и та крепко вцепилась чешуйчатыми лапками в его толстые конечности.

– Какой он… хорошенький, – вспомнила Роза давно забытое слово времен своего детства и поэтому неприязненно скривилась. – Но я не собираюсь менять свою находку на какую-то плотоядную ящерицу.

– А представьте, как тяжело нам, – пожаловался Инвестор. – Ведь мы обрекаем нашего малыша Вынюхивающего на прозябание в незнакомой среде, кишащей бактериями и гигантскими паразитами… Но делать нечего. Мы предлагаем взять нашего питомца к себе на семьсот плюс-минус пять ваших дней. На обратном пути мы заглянем к вам, и тогда вы решите, что оставляете у себя: нашего любимца или ваше сокровище. Взамен вы должны дать слово не продавать драгоценный камень и никому не говорить о его существовании.

– То есть вы оставляете мне своего любимца в качестве своеобразной гарантии.

Инвестор прикрыл глаза мембранами и приоткрыл шагреневые веки, что означало у представителей его расы глубокое огорчение.

– Он становится заложником из-за вашей жестокой нерешительности, Лидия Мартинес. Откровенно говоря, мы уверены, что во всей Солнечной системе вас может устроить только наш питомец, за исключением, возможно, какого-нибудь новейшего способа самоубийства.

Паучиная Роза была удивлена такой эмоциональностью Инвестора, прежде она с подобным не сталкивалась. Обычно Инвесторы придерживались отстраненного взгляда на жизнь, демонстрируя при случае своеобразное чувство юмора.

Роза наслаждалась ситуацией. Прошли те времена, когда стандартные товары Инвесторов могли ее соблазнить. По сути

Паучиная Роза меняла свое сокровище на чувство любопытства, на чувство более слабое и призрачное, чем искусственно подавляемые эмоции. Она хотела вновь ощутить интерес к жизни, занять себя хоть чем-нибудь, кроме бездушных камней и космоса, а предложение Инвесторов звучало очень уж интригующе.

– Хорошо, – согласилась Паучиная Роза. – Пусть будет так: семьсот плюс-минус пять дней и мое молчание.

Роза улыбнулась – за последние пять лет она ни разу не разговаривала с человеком, и такая ситуация ее вполне устраивала.

– Позаботьтесь о нашем Вынюхивающем Сделки, – полупросительно-полуугрожающе произнес Инвестор, постаравшись, чтобы компьютер уловил эти оттенки. – Если из-за какого-нибудь болезненного каприза вам не захочется оставлять малыша у себя, то мы заберем его обратно. Это очень ценное и редкое существо. Инструкции по кормлению и содержанию мы вам перешлем. Приготовьтесь к приему информации.

Инвесторы направили грузовой контейнер с существом в тугую полиуглеродистую «паутину» ее жилища. «Паутина» была натянута на основу из восьми радиальных спиц, скрепленных центробежной силой восьми капсул в форме слез. От удара грузового контейнера «паутина» красиво прогнулась, и восемь массивных металлических слез подтянулись ближе к ее центру. Сверкая под тусклым светом Солнца, «паутина» спружинила и ее вращение замедлилось, передав часть энергии на амортизацию удара. Подобная система стыковки была недорогой и эффективной, ибо контролировать вращение оказалось гораздо проще, чем осуществлять маневры.

Обслуживающие роботы с крючками на ногах, быстро скользнув по полиуглеродистым нитям, магнитными щупальцами и зажимами схватили контейнер. Звеньевым роботом управляла сама Паучиная Роза, и органами чувств ей служили его щупальцы и камеры. Роботы быстро перенесли контейнер в грузовой отсеки, вытащив содержимое, прикрепили к нему небольшую ракету для отправки обратно на корабль Инвесторов.

Ракета вскоре вернулась, корабль Инвесторов улетел, а роботы отправились в ангары и отключились до следующего подрагивания «паутины».

Паучиная Роза прервала связь с роботами и открыла грузовой отсек. Существо влетело в помещение. По сравнению с инвесторским лейтенантом оно казалось миниатюрным, но Инвесторы были очень крупными. Существо доставало Розе до колена и весило, по всей видимости, фунтов двадцать. То теряя, то набирая высоту и музыкально посапывая в незнакомой

атмосфере, оно облетело комнату.

От стены отделился таракан и взлетел, громко треща крыльями. Существо с криком ужаса ударилось о потолок и принялось уморительно ощупывать свои конечности в поисках повреждений. Глаза его было полуприкрыты загрубевшими веками. Словно глаза детеныша-Инвестора, внезапно пришло в голову Паучиной Розе, хотя она никогда, как, вероятно, и остальные люди ее расы, не видела маленьких Инвесторов. Ей вспомнилось, как много-много лет назад она слышала что-то о детях и домашних животных – про их большие головы, огромные глаза, про их уязвимость и зависимость. Еще она вспомнила, как презрительно посмеялась над идеей, что какая-то глупая зависимость, к примеру, «собаки» или «кошки» может соперничать с чистотой, экономичностью и спокойным нравом таракана.

Любимец Инвесторов пришел в себя, скорчился на ковре из водорослей и, стоя на коленях, что-то щебетал. На его маленьком, похожем на морду дракона в миниатюре личике застыла хитроватая гримаска, полуприкрытые глаза смотрели настороженно, спичечные ребра поднимались и опускались в такт дыханию. Зрачки его были расширены. Наверное, свет кажется ему слишком тусклым, подумала Паучиная Роза, ведь осветительные приборы на корабле Инвесторов были подобием ультрафиолетовых дуговых ламп, которые лучились голубым светом.

– Надо придумать тебе новое имя, – сказала Паучиная Роза. – По-инвесторски я не говорю, так что твое старое не годится.

Существо дружелюбно посмотрело на нее и встряхнуло длинными полупрозрачными висячими ушами, прикрывающими крошечные слуховые отверстия. У самих Инвесторов таких ушей не было, и это отклонение от нормы очаровало Паучиную Розу, ведь в остальном, не считая крыльев, существо было слишком похоже на маленького Инвестора. От такого сходства бросали в дрожь.

– Я назову тебя Пушок, – сказала Паучиная Роза.

Существо было безволосым, и эту шутку понимала только она сама. Впрочем, все ее шутки отличались именно этим.

Существо затопало по полу. Искусственная центробежная гравитация тоже отличалась от той, к которой он привык дома, – она была меньше гравитации, используемой массивными Инвесторами. Существо обхватило лапками голую ногу новой хозяйки и лизнуло ее колено грубым шершавым языком. Паучиная Роза встревожилась, но все же выдавила смешок – она знала, что Инвесторы были абсолютно не агрессивной расой, и их

любимец не мог быть опасен.

Он взволнованно запищал и по сверкающим оптическим нитям вскарабкался ей на голову. Паучиная Роза села к компьютеру и запросила информацию о содержании и кормлении нового питомца.

Инвесторы явно не собирались продавать своего любимца – разобрать инструкции было практически невозможно, они напоминали вторичный перевод с еще более инопланетного, чем инвесторский, языка. Но все же верные себе Инвесторы обратили особое внимание на жизненно важные моменты.

Паучиная Роза расслабилась. Судя по всему, существо было готово есть все что угодно, хотя предпочитало правовращающие протеины и нуждалось в некоторых легкодоступных микроэлементах; оно отличалось чрезвычайной токсиноустойчивостью и не имело кишечной флоры (как, впрочем, и сами Инвесторы; расы, имеющие кишечную флору, считались у них дикарями).

Роза поинтересовалась, чем оно дышит, и тут существо спрыгнуло с ее головы и пронеслось по клавиатуре, чуть не стерев всю программу. Она прогнала его и попыталась отыскать хотя бы что-то понятное среди десятков инопланетных диаграмм и запутанной технической информации. Внезапно Паучиная Роза заметила нечто, знакомое ей по многолетнему опыту промышленного шпионажа: генетическую схему.

Паучииая Роза нахмурилась. Вероятно, она пропустила важные пункты по уходу и в итоге сразу перескочила на научную информацию. Просмотрев первые абзацы, она наткнулась на трехмерное изображение невероятно сложной генетической конструкции с длинными спиральными цепочками инопланетных генов, обозначенных фантастическими цветами. Генетические цепочки обвивали длинные спиральные иглы, лучеобразно расходящиеся от плотного центрального пучка. Другая группа тугозакрученных спиральных цепочек соединяла иглы между собой. Судя по узлам соединения, эти цепочки придавали реактивную способность отдельным составляющим генетического материала. Паучиная Роза поняла это, заметив ореолы цепочек служебных протеинов, ответвляющихся от некоторых активированных генов.

Паучиная Роза улыбнулась. Несомненно, искусный генетик-шейпер сумел бы извлечь огромные выгоды из всех этих схем. Ее забавляла мысль о том, что этого никогда не случится. Перед ней была явно какая-то сложная производственно-генетическая система инопланетного происхождения, ибо она содержала гораздо больше генетических ресурсов, чем требовалось любому

живому существу.

Паучиная Роза знала, что сами Инвесторы никогда не экспериментируют в области генетики, и гадала, какая же из известных девятнадцати разумных рас создала такую систему. Возможно, ее истоки находились вне зоны экономической активности Инвесторов, а возможно, она осталась от одной из вымерших рас.

Роза сомневалась, не стоит ли стереть информацию. В случае ее смерти данные могли попасть в плохие руки. Мысли о собственной смерти вызвали первые тревожные признаки глубокой депрессии. Роза минуту размышляла, позволив этому яркому ощущению окрепнуть. Инвесторам не следовало оставлять ей эти данные, вероятно, они недооценили способности вкрадчивых и обаятельных шейперов-генетиков с их искусственно стимулированным предельно высоким коэффициентом интеллекта.

В голове у нее шумело. На мгновение эмоции вырвались на свободу с яростью окруженных воинов. Паучиная Роза почувствовала болезненную зависть к Инвесторам – презрительные и уверенные в себе, они могли путешествовать среди звезд, наживаясь на так называемых «низших расах». Ей хотелось подняться на борт волшебного корабля, улететь с ними на много световых лет подальше от человеческих слабостей и ощутить лучи инопланетного солнца на своей коже. Ей хотелось кричать и вновь почувствовать себя той девчонкой, которая сто девяносто три года назад, катаясь на каботажном судне у побережья Лос-Анджелеса, кричала просто от восторга. Такое всепоглощающее чувство она испытывала лишь в объятиях мужа, погибшего 30 лет назад. Погибшего... Тридцать лет...

Трясущимися руками Паучиная Роза открыла ящик под приборной панелью и вдохнула легкий озонистый запах медицинского стерилизатора. Неловко откинув сверкающие волосы с пластиковой вены на виске, Роза ввела в нее шприц, нажала раз, сомкнула веки, нажала второй раз, отложила шприц, с остекленевшими глазами перезарядила его и убрала обратно в ящик.

Роза поднесла к глазам склянку и отсутствующе на нее посмотрела. Склянка была почти полной, значит, синтезировать новую порцию лекарства придется не раньше чем через несколько месяцев. Как всегда после инъекции, ощущение было такое, словно на ее мозг кто-то наступил. Она сохранила информацию Инвесторов и рассеянно занесла ее в дальний уголок памяти. Существо, сидящее на панели лазерного управления, что-то коротко пропело и принялось чистить крыло. Вскоре Паучиная

Роза пришла в себя, улыбнулась – она привыкла к этим внезапным выплескам эмоций – и приняла таблетку транквилизатора, чтобы унять дрожь в руках, а затем нейтрализующую капсулу, чтобы уменьшить нагрузку на желудок.

Потом она поиграла с существом, пока то в изнеможении не заснуло. Четыре дня Роза заботливо кормила питомца, опасаясь перекормить: как и его прототипы Инвесторы, существо было жадным и могло себе навредить. Несмотря на шероховатую кожу и вялость, малыш уже нравился Розе. Устав выпрашивать пищу, он часами играл с бантиком на нитке или сидел у нее на голове, уставившись в экран и наблюдая за тем, как хозяйка управляет роботами-горнорабочими в зоне Колец. На пятый день, проснувшись, Паучиная Роза обнаружила, что ее питомец прикончил и сожрал четырех самых крупных и жирных тараканов. Даже не стараясь подавить переполнявший ее праведный гнев, Роза обошла всю станцию в поисках существа. Самого питомца она не нашла, но в ванной обнаружила клинообразный кокон его размера.

Похоже, существо впало в спячку. Роза простила ему тараканов. Они, в конце концов, имелись в избытке и к тому же соперничали с ним в борьбе за привязанность хозяйки, так что в некотором роде это происшествие ей льстило, но острое беспокойство было сильнее. Она тщательно изучила кокон: он состоял из перекрывающих друг друга внахлест широких полос какого-то хрупкого полупрозрачного вещества – засохшая слизь? – легко крошащегося под ее ногтями. Кокон не был идеально ровным, небольшие едва заметные выступы могли быть коленями и локтями существа. Роза снова сделала себе внутримозговую инъекцию.

Неделю, пока существо находилось в спячке, она провела в непрерывной тревоге и тщательнейшим образом, часами, изучала данные Инвесторов, но для ее скромных познаний они были слишком запутанными. По крайней мере было ясно, что существо не умерло: кокон был теплым и иногда шевелился.

Паучиная Роза спала, когда существо начало выбираться из кокона. Заранее запрограммированные мониторы предупредили ее, и по первому же сигналу она поспешила к кокону.

Он раскалывался. По перекручивающимся хрупким слоям пошла трещина, и воздух ванной наполнился теплым запахом животного.

Затем появилась лапа: маленькая лапка с пятью пальцами, покрытая блестящим мехом. Потом проклюнулась вторая, обе лапы схватились за края трещины и разломили кокон. Существо, откинув остатки кокона, человеческой шаркающей походкой

выступило на свет и ухмыльнулось.

Оно было похоже на небольшую обезьянку: миниатюрное, мягкое и блестящее. За раздвинутыми в улыбке тонкими человеческими губами виднелись крошечные человеческие зубы. Его крепкие упругие ножки заканчивались маленькими нежными младенческими стопами. Крылья исчезли. Глаза были того же цвета, что и ее глаза. На круглом личике с кожей млекопитающего играл здоровый румянец.

Существо подпрыгнуло, и Паучиная Роза увидела, как вибрирует его розовый язычок, выговаривая слоги человеческой речи.

Оно прыгнуло и обхватило лапками ее ногу. Паучиная Роза почувствовала страх, удивление, огромное облегчение и погладила мягкий красивый блестящий мех на его круглой головке.

– Пушок, – сказала она. – Я рада. Я так рада.

– Ва-ва-ва, – забормотало существо детским срывающимся голоском, копируя ее интонацию, прыгнуло к остаткам кокона и, оскалив зубы, принялось жадно его уплетать.

Теперь Паучиная Роза поняла, почему Инвесторы с такой неохотой расстались со своим талисманом. Это был поистине бесценный товар – генетический комплекс, улавливающий желания и потребности любой расы и приспосабливающийся к ним в считанные дни.

Сейчас она удивлялась, как Инвесторы вообще могли его ей отдать, если полностью осознавали возможности своего питомца. Паучиная Роза очень сомневалась в том, что Инвесторы разобрались в сложной информации, прилагавшейся к существу. Возможно, команда корабля получила своего Любимца от других Инвесторов, уже в форме рептилии. И существовала вероятность (от этой мысли у нее мурашки побежали по коже), что существо было старше всей расы Инвесторов.

Паучиная Роза вгляделась в своего питомца, в его чистые, добрые, доверчивые глаза. Маленькими теплыми сильными ручками он ухватил ее за пальцы. Не в силах противиться, Паучиная Роза прижала его к груди, и он захлебнулся от восторга. Да, возможно, это существо жило уже сотни или тысячи лет, согревая любовью (или похожим чувством) самые разные расы.

И, конечно, никто не причинял ему зла. Даже у самых ожесточенных и озлобленных представителей ее расы были тайные слабости. Паучиная Роза вспомнила рассказы об охранниках концлагерей, которые бесстрастно расправлялись с мужчинами и женщинами и при этом заботливо кормили зимой голодных птиц. Страх порождает страх и ненависть, но кто мог

бояться или ненавидеть это существо, равно как и противиться его волшебному очарованию?

Оно было неразумным – в разуме оно не нуждалось – и бесполым. Способность размножаться обесценила бы его как товар. К тому же Паучиная Роза сомневалась, что такой сложный организм мог зародиться в утробе. Его гены надо было построить цепочка за цепочкой в какой-то невероятной лаборатории.

Проходили дни и недели. Способность существа улавливать малейшие оттенки настроения хозяйки казалась поистине чудесной. Оно всегда было рядом с Паучиной Розой, когда той хотелось этого, и наоборот. Иногда Роза замечала, как оно, странно кувыркаясь и подпрыгивая, что-то бормотало, словно разговаривало с самим собой, или охотилось и поедало тараканов. Существо не доставляло никаких хлопот и, случайно разлив или опрокинув что-нибудь, всегда незаметно убирало за собой. Его экскременты ничем не пахли, и существо пользовалось тем же туалетом, что и Паучиная Роза.

От неразумного животного его отличали только эти особенности поведения. Однажды, только однажды, оно слово в слово повторило предложение, сказанное Паучиной Розой, но немедленно уловило ее реакцию – неприятное удивление – и больше никогда не пыталось копировать человеческую речь.

Спали они в одной постели. Иногда во сне Паучиная Роза чувствовала, как существо обнюхивает ее кожу теплым носом, словно стараясь сквозь поры уловить искусственно подавленные чувства и эмоции. Нередко оно прижимало свои крепкие ручки к шее или позвоночнику Паучиной Розы, терлось о них, и тогда ее затекшие мускулы благодарно расслаблялись. Днем Паучиная Роза этого не допускала, но ночью, когда сон ослаблял самодисциплину, они становились ближе.

Со дня отлета инвесторского корабля прошло уже шестьсот дней. Паучиная Роза смеялась при мысли о предстоящей выгодной сделке.

Собственный смех ее уже не пугал. Она даже уменьшила дозы нейролептиков и депрессантов. Ее питомец был счастлив, когда она чувствовала себя счастливой, и ей в его присутствии было легче переживать свою застарелую грусть. Прижимая к груди своего любимца, роняя слезы исцеления в его сверкающий мех, Паучиная Роза понемногу научилась без страха думать о былых горестях и несчастьях. Она плакала и раскачивалась, а питомец слизывал ее слезы, пробуя на вкус химикаты эмоций и принюхивался к дыханию и коже хозяйки, крепко обнимая ее. Паучиная Роза чувствовала себя старой, ужасно старой, но какое-то дотоле неизвестное чувство целостности помогало переносить

это. Ее прошлое было бурным и жестоким, а с мучительным чувством вины она так и не смогла справиться и поэтому искусственно подавляла его.

Впервые за последние десятилетия впереди у Паучиной Розы появилась смутная цель. Ей хотелось снова увидеть людей – десятки, сотни людей; ей хотелось, чтобы они восхищались ею, защищали ее, ценили, а она бы любила их, ведь с ними она была бы в большей безопасности, чем вдвоем со своим питомцем...

Ее паучиная станция вошла в самую опасную зону своей орбиты – в область пересечения с плоскостью Колец. Паучиная Роза, была постоянно занята, собирала дрейфующие в космосе осколки сырья: лед, углеродистые хондриты, железные руды – все, что находили и отправляли на станцию роботы-геологоразведчики. В районе Колец обитали бандиты: ненасытные космические пираты или сошедшие с ума колонисты, всегда готовые нанести удар.

На своей орбите вне плоскости эклиптики станция была в безопасности. Но здесь Паучиной Розе приходилось руководить работами и расходовать запасы энергии, к тому же горнодобывающие и транспортные механизмы оставляли на астероидах предательские следы. Избежать риска было невозможно. Даже самое совершенное жилище не может быть полностью замкнутой системой, а станция Паучиной Розы была стара и обширна.

Они нашли ее.

Три корабля. Паучиная Роза попыталась их отпугнуть, послав с радиоуправляемым маяком обычный запрет на приближение. Они нашли маяк и уничтожили его, тем самым обнаружив свое местонахождение и обеспечив ее путаной информацией, зафиксированной несовершенными сенсорами маяка.

Корабли были глянцевые, радужно переливающиеся, полуметалл-полуорганика, в форме капсул с длинными перепончатыми солнечными крыльями. Крылья были тоньше нефтяной пленки на воде. Это были корабли шейперов, облепленные со всех сторон куполами сенсоров, иглами магнитного и оптического оружия, длинными грузовыми щупальцами, сложенными наподобие лапок богомола.

Роза сидела, полностью подключившись к своим датчикам, и впитывала мерный поток информации: расположение, направление возможного удара, Количество оружия на борту. Использовать радар было слишком рискованно, и Роза следила за шейперами с помощью оптических приборов. С этих позиций можно было нанести лазерный удар, но лазеры были не самым

сильным ее оружием. Один корабль она, возможно, и подбила бы, но тогда откроют огонь остальные два. Разумнее было затаиться, пока они прочесывали Кольца. Паучиная Роза осторожно вывела станцию из зоны эклиптики.

Но шейперы все же ее обнаружили, и Паучиная Роза увидела, как их корабли свернули снасти и включили ионные двигатели.

С корабля шли радиосигналы. Избегая дополнительной нагрузки на мозг, Паучиная Роза вывела их на дисплей. На экране возникло лицо шейпера, чья личность была создана на основе цепочек восточных генов: прямые волосы цвета воронова крыла, драгоценные заколки, темные глаза, тонко изогнутые черные брови, бледные губы, едва тронутые приятной улыбкой; гладкое, чисто выбритое лицо с блестящими безвозрастными глазами лунатика – лицо актера.

– Джейд Первый, – сказала Паучиная Роза.

– Полковник-доктор Джейд Первый, – поправил шейпер, продемонстрировав золотые знаки отличия на воротничке черной военной туники. – А ты все еще называешь себя «Паучиной Розой», Лидия? Или уже выкинула эту чушь из головы?

– Почему ты солдат, а не труп?

– Времена меняются, Паучиха. Блестящая молодежь исчезает, погубленная твоими старыми дружками, а тем из нас, кто строит планы на годы вперед, приходится платить старые долги. Помнишь старые долги, Паучиха?

– Что, Первый, думаешь на этот раз уцелеешь, верно? – Паучиная Роза почувствовала, что ее лицо перекосилось от жгучей ненависти; подавить это чувство не было времени. – Три корабля, укомплектованные только твоими клонами. Сколько лет ты скрывался за ними, словно червяк в яблоке? Все клонировался и клонировался. Когда ты последний раз касался женщины с ее согласия?

Его вечная улыбка сменилась злобным оскалом, обнажившим сверкающие зубы:

– У тебя нет выхода, Паучиха. Ты убивала меня уже тридцать семь раз, а я все возвращаюсь и возвращаюсь, так ведь? И что, черт побери, значит «червяк», а, ты, жалкая старая сука? Или это что-то вроде мутанта у тебя на плече?

Паучиная Роза не знала, что существо рядом, и ее сердце пронзила молния страха за жизнь любимца.

– Вы подошли слишком близко к моей станции.

– Так стреляй в нас, старая идиотка, стреляй!

– Ты не он, – внезапно сказала Паучиная Роза. – Ты не первый Джейд! Ха! Он сдох, не так ли?

Лицо клона перекосилось от ярости. Вспыхнули лазеры, и

треть станции Паучиной Розы превратилась в лаву и клубы металлической плазмы. Три плавящихся телескопа послали в ее мозг последние обжигающие сигналы, и она ощутила вспышку невыносимого света.

Магнитная пушка Розы выпустила очередь тяжелых железных болванок. Со скоростью четыреста миль в секунду они изрешетили первый вражеский корабль, и из него повалили клубы воздуха и пара.

Два оставшихся корабля открыли огонь. Их оружие было совершенно неизвестно Паучиной Розе – подобно удару гигантского кулака, оно поразило две секции ее станции. От удара паутина накренилась и потеряла равновесие. Паучиная Роза мгновенно проверила оставшееся оружие и нанесла ответный удар металлическими капсулами аммиачного льда. Они прошили полуорганические бока второго корабля шейперов. Крошечные пробоины мгновенно затянулись, но вся команда погибла в считанные секунды: аммиак испарился внутри корабля, выделяя примешанные к нему нервно-паралитические яды, смерть от которых наступала мгновенно.

У последнего корабля был один шанс из трех поразить ее центр управления. Двухсотлетняя удача оставила Паучиную Розу. Электрический заряд ужалил ее руки, лежащие да клавиатуре. Свет на станции вырубило, компьютер был полностью выведен из строя. Паучиная Роза кричала в ожидании прихода смерти.

Смерть все не приходила.

К горлу подступила тошнота, Паучиная Роза открыла ящик и в темноте ввела в мозг нейролептик. Тяжесть в голове прошла. Искусственно подавив панику, тяжело дыша, Паучиная Роза снова села к панели управления.

– Электромагнитный импульс, – заключила она. – Теперь у нас нет ни капли энергии.

Существо что-то пробормотало.

– Если бы мог, Первый нас бы уже прикончил, – сказала ему Паучиная Роза. – Скорее всего, его достали защитные системы уцелевших секций.

Существо, трясясь от страха, мягко прыгнуло ей на руки. Паучиная Роза рассеянно обняла своего питомца и погладила его тонкую шею.

– Давай-ка посмотрим, – сказала она в темноте. – Ядовитый лед на нуле, я его весь израсходовала. – Она сбросила с шеи ставший уже ненужным электрошнур и скинула промокшую от пота тунику. – Значит, это был душ – такое милое густое облако ионизированной меди. У Первого все сенсоры полетели, так что он теперь, как и мы, ведет свой металлический гроб вслепую. –

Она рассмеялась: – Только у старушки Розы осталась в запасе неразыгранная карта, малыш. Инвесторы. Они будут меня искать. А его искать некому. И я все еще при камушке.

Паучиная Роза сидела неподвижно, искусственное спокойствие позволяло думать о немыслимом. Существо нервно вертелось, принюхиваясь к ее коже. Ласки немного его успокоили – Паучиная Роза не хотела, чтобы питомец страдал.

Свободной рукой она зажала рот существа и надавила на его шею. Она сломалась. Благодаря гравитационной центрифуге Паучиная Роза была все еще сильна, и ее питомец не успел защититься. По его членам пробежала последняя судорога. Роза в темноте прижала его к груди, нащупывая сердце, и ее пальцы ощутили последнее биение за хрупкими ребрами.

– Слишком мало кислорода, – произнесла она вслух. Подавленные эмоции попытались прорваться, но не смогли. У нее еще осталось достаточно депрессантов. – Ковер из водорослей будет очищать воздух несколько недель, но скоро погибнет без света. Есть его нельзя. Слишком мало еды, малыш. Сады погибли, но даже если бы они уцелели, мы бы все равно остались без пищи. Я не могу управлять роботами. Не могу даже открыть шлюзы. Если я протяну достаточно долго, они вернутся и выкурят меня. Надо упрочить свои позиции. Это разумно. В таком состоянии я способна только на разумные действия.

Когда кончились тараканы, по крайней мере те, которых удалось поймать в темноте, Паучиная Роза долго постилась, а потом съела неразлагающуюся тушку своего любимца, даже в своем оцепенении надеясь, что отравится.

Увидев ярко-синие огни инвесторского корабля, проникающие сквозь покореженный шлюз, Паучиная Роза отползла на исхудавших локтях и коленях и закрыла лицо руками от нестерпимого сияния.

Инвестор был в антибактериальном скафандре. Он не чувствовал запаха ее темного склепа, и Паучиная Роза этому только радовалась. Он затворил с ней на своем музыкальном языке, но программа-переводчик была разрушена.

Тогда Паучиная Роза подумала, что Инвесторы оставят ее на станции – изголодавшуюся, ослепшую и полулысую, в паутине выпадающих синтетических волос. Однако они взяли ее на борт, накачав болезненными антисептиками и облучив кожу антибактериальным ультрафиолетом.

Сокровище Инвесторы уже забрали, она знала об этом. Но они еще хотели выяснить (что было крайне сложно) судьбу своего любимца. Понять их жесты и обрывки человеческой лексики было почти невозможно Паучиная Роза чувствовала, что чем-то себе

навредила. Передозировки в темноте. Борьба во мраке с огромным темным жуком страха, разорвавшим хрупкие нити ее паутины. Ей было очень плохо. Из-за недоедания ее живот стал тугим, как барабан, на легкие словно что-то давило, все кости ныли. Не удавалось даже заплакать.

Инвесторы не оставляли Паучиную Розу в покое. Ей хотелось умереть. Ей хотелось, чтобы они любили ее и заботились о ней. Ей хотелось...

Горло перехватывало, и говорить она не могла. Голова сдвинулась назад, а глаза уменьшились под обжигающим светом иллюминации. Ее челюсти безболезненно вытягивались, было слышно, как они потрескивают.

Дыхание остановилось. Стало даже легче. Горло пульсировало, и рот наполнился жидкостью. С губ и из ноздрей по лицу текла живая белая слизь, пощипывая кожу, исцеляя и успокаивая глаза. Прозрачная жидкость окутывала ее волна за волной, стекала по коже, покрывала тело. Паучиная Роза почувствовала прохладу и усталость; она расслабилась, испытывая сонную благодарность. Есть не хотелось – у нее было много лишней массы.

Через восемь дней она разломила хрупкие пласты своего кокона и, неуверенно взмахивая чешуйчатыми крыльями, полетела навстречу новым привязанностям.

Царица цикад

Все началось в тот вечер, когда Матка отозвала своих сторожевых псов. Я ходил под псами целых два года. С момента своего дезертирства.

Мое посвящение, мою свободу от псов, собирались отмечать в доме Арвина Кулагина. Кулагин, влиятельный и богатый механист, владел комплексом жилых и производственных помещений на внешнем периметре цилиндрического пригорода.

Он встретил меня в дверях и вместо приветствия протянул мне золотой ингалятор. Шумная вечеринка шла уже полным ходом. По случаю приема нового члена Полиуглеродная лига всегда собиралась в полном составе.

При моем появлении, как это и бывало обычно, собравшиеся одновременно поежились, будто из дверей на миг потянуло ледяным сквозняком. Все из-за псов. Компания вдруг заелозила, голоса зазвучали громче и несколько театрально, в движениях людей как-то сразу проявилась заученная, искусственная элегантность... Каждой отдельной ослепительной улыбки, обращенной в мою сторону, с избытком хватило бы на добрую дюжину агентов службы безопасности.

Улыбка Кулагина тоже была слегка стеклянной:

– Ландау? Большая честь для меня. Добро пожаловать. Вижу, ты принес с собой то, что причитается Матке? – Его острый взгляд многозначительно скользнул по контейнеру, укрепленному на моем бедре.

– Разумеется, – ответил я.

У человека под псами секретов нет. Два года, два долгих года мне пришлось трудиться над тем, что ныне я принес в дар Матке, и каждый мой шаг был зафиксирован, записан на пленку недремлющими псами. Они и теперь продолжали записывать все, что происходило вокруг. Ведь именно для этого они и были созданы специальным бюро Службы безопасности Царицына Кластера – СБ ЦК. Долгих два года они писали на пленку все, происходящее вокруг меня. Все события, все разговоры. Мои и чужие. Все подряд.

– Теперь лига имеет полную возможность взглянуть поближе, – сказал Кулагин, – на тех самых сук, которых мы привыкли облаивать на все корки. – Он игриво подмигнул камере, вмонтированной в морду сторожевого пса, после чего быстро взглянул на часы. – Осталось меньше часа до того, как ты выйдешь из-под псов, Ганс. А затем мы как следует повеселимся. – Он жестом пригласил меня пройти внутрь. –

Свистни роботам, если тебе что-то понадобится.

Жилище Кулагина было просторным и элегантным: классическая отделка и нежный запах цветущих ноготков.

Этот пригород назывался Фрот. Он был излюбленным местом сборищ Полиуглеродной лиги. Кулагин жил на ободе пригорода, что позволяло ему использовать эффект вращения. Центробежная сила обеспечивала ему десятую часть g. Стены помещения были расчерчены полосами, чтобы любой мог понять, где верх, а где низ; повсюду были расставлены такие предметы роскоши, как «диваны», «столы», «стулья» и прочая гравитационная мебель. Потолок был усеян крючьями, с которых свисали излюбленные Кулагиным ноготки: пышные водопады малоприятно пахнущей зелени, утыканные цветами размером с мою голову.

Я прошел в комнату и остановился, зайдя за спинку дивана, чтобы хоть немного замаскировать двух мерзейших тварей, что таскались за мной повсюду. Поманив пальцем одного из кулагинских роботов, я получил от него грушу с выпивкой – хотелось расслабиться после действия ингалятора.

Я наблюдал. Вечеринка распалась на отдельные группы. Около входа – Кулагин со своими ближайшими сподвижниками, невозмутимыми агентами СБ и чиновниками-механистами, членами правлений банков Царицына Кластера. Неподалеку от них группа профессоров и преподавателей из университетского городка Космических метасистем обсуждала узкопрофессиональные вопросы с парой орбитальных инженеров. Под потолком шейперы-дизайнеры, зацепившись за крючья, толковали об изменчивости форм и приспособляемости. Прямо под ними возбужденная чем-то группа «цикад», простых обывателей Царицына Кластера, вращалась в воздухе, напоминая движение огромных колес старинного часового механизма.

В задней части комнаты, обращаясь к толпе слушателей, рассевшихся на стульях с тонкими ножками, ораторствовал Уэллспринг. Я осторожно перепрыгнул через диван и заскользил в ту сторону. Тут же раздалось громкое противное жужжание пропеллеров: псы последовали за мной.

Уэллспринг был самым моим близким другом в Царицыном Кластере. Именно он и склонил меня к дезертирству, когда занимался на Совете Колец закупками льда для проекта по созданию на Марсе плодородных почв. Псы никогда не беспокоили этого человека; его дружеские отношения с Маткой были общеизвестны. Уэллспринг был живой легендой Царицына Кластера.

В тот вечер он собирался на прием к Матке и был одет соответственно. На голове, слегка придавив взъерошенные

темные волосы, сияла платиновая диадема. Свободная блуза из металлической парчи с разрезными рукавами, под ней – нижняя черная блуза, посверкивавшая мелкими блестками. Завершали этот наряд усыпанная драгоценностями юбка в стиле «Инвестор» и высокие, до колен, шнурованные сапоги, плотно облегавшие толстые икры. Неистово мечущаяся бахрома из украшенных драгоценными камнями витых шнуров то и дело приоткрывала массивные бедра Уэллспринга, отлично приспособленные к сильным гравитационным полям: королева-рептилия предпочитала большую силу тяжести. Он был влиятельным и могущественным человеком этот Уэллспринг; никто не знал его уязвимых мест. Если такие и имелись, они могли скрываться только в его прошлом.

Сейчас Уэллспринг вовсю философствовал. Его слушатели, математики и биологи, преподаватели и профессура из университета Космических метасистем Царицына Кластера, поспешно раздвинулись, освобождая место для меня и псов; по их лицам блуждали напряженные, кривые улыбки.

– Вы требуете от меня четких определений? – говорил Уэллспринг, сопровождая свои слова изысканными жестами. – Ну что ж. Под термином «мы» я подразумеваю не только вас, цикад. И даже не все так называемое человечество. В конце концов, ведь и шейперы конструируются на основе генов, запатентованных ре-шейперскими фирмами, не так ли? Строго говоря, вас всех смело можно отнести к категории промышленных артефактов!

Аудитория застонала. Уэллспринг удовлетворенно улыбнулся.

– Механисты, в свою очередь, – продолжал он, – постепенно избавляются от человеческой плоти, предпочитая кибернетические формы существования. Так? Отсюда следует, что мой термин «мы» может и должен быть соотнесен с любой гностической, познавательной метасистемой четвертого уровня сложности по Пригожину.

Профессор-шейпер сунул наконечник ингалятора в раскрашенную ноздрю, затянулся и сказал:

– Не могу с вами согласиться, Уэллспринг. Вся эта невозможная оккультная чепуха насчет уровней сложности уже привела к тому, что порядочная наука в ЦК стоит на краю гибели.

– Типичный образчик примитивной причинно-линейной логики! – парировал Уэллспринг. – Вы, консерваторы, вечно ищете себе точку опоры вне уровней гностической метасистемы. Очевидно, что всякое разумное существо обязано уметь абстрагироваться от любого из нижних уровней пригожинского горизонта событий. Сейчас настало время, когда мы должны

перестать озираться вокруг в поисках твердой почвы под ногами. Нам давно пора научиться ставить в центр событий именно самих себя. А если кому-то нужна точка опоры, то, находясь в центре событий, не следует искать ее под ногами; из окружающего нас множества таких точек мы можем свободно выбрать себе любую!

Уэллспринг сорвал-таки аплодисменты. С видимым удовольствием дослушав их, он продолжил:

– Вы не можете со мной не согласиться Евгений: Царицын Кластер, оказавшись в совершенно новом моральном и интеллектуальном климате, переживает сейчас пору своего расцвета. Непредсказуемость этого процесса, невозможность свести его к сухим цифрам – вот что пугает вас как ученого. Постгуманизм ставит во главу угла не только свободу, но и изменчивость форм; его метафизика достаточно бесстрашна, чтобы охватить своим пониманием весь живой мир именно таким, каков он есть. И именно это понимание позволяет нам осуществлять такой экономически абсурдный проект, как создание среды обитания на Марсе, который вы, со своим псевдопрагматическим складом ума, просто не в состоянии воспринять, не в состоянии даже оценить те неисчислимые выгоды, которые он нам принесет.

– Оставьте ваши семантические куншткюки! – возмущенно фыркнул профессор.

Я видел его впервые и подозревал, что Уэллспринг затащил его сюда исключительно с целью сперва насадить на крючок, а затем подвергнуть публичному избиению.

Лично у меня некоторые аспекты постгуманизма, исповедуемого теперь в ЦК, вызывали самые серьезные сомнения. Впрочем, открытый отказ от поисков каких-либо моральных критериев был сильной стороной этого учения и, безусловно, делал нас более свободными. Глядя на возбужденные, исполненные энтузиазма лица тех, кто слушал Уэллспринга, я невольно сравнивал их с унылыми, бесцветными, деланно бесстрастными физиономиями, некогда окружавшими меня. Я вспомнил давние обманы, хитрость и лукавство... После двадцати четырех лет, проведенных в рамках жесткой дисциплины, установленной в своих владениях Советом Колец, после двух долгих лет под псами, сегодняшнее мое освобождение от этого страшного пресса было подобно взрыву.

Я втянул носом новую порцию фенетиламина – природного амфетамина – и сразу почувствовал легкое головокружение. Мою голову заполнило раскаленное ур-пространство первичного дезиттеровского космоса, готовое в любой момент совершить прыжок Пригожина в нормальный пространственно-временной

континуум на второй пригожинский уровень сложности. Постгуманизм учил людей мыслить в категориях скачков и пароксизмов, в категориях структур, группирующихся вокруг неких уровней, имевших не поддающиеся адекватному описанию очертания. Впервые подобный подход предложил древний земной философ Илья Пригожин. Я начал воспринимать это учение все более непосредственно по мере того, как мое, сперва не слишком сильное, влечение к ослепительной Валерии Корстштадт нарастало и конденсировалось, пока не сколлапсировало в узловатый тугой клубок неистового желания; желания, которое даже самые сильные супрессанты не могли разрушить, а лишь слегка притупляли.

Валерия скользила по комнате. Тяжелые, украшенные драгоценными камнями, витые шнуры бахромы на ее юбке медленно извивались, словно сытые змеи. Она была красива безличной красотой обновленных; лицо ее покрывала искусная, возбуждающая и соблазнительная роспись. Сейчас я хотел ее больше всего на свете. И с самой первой нашей встречи, после первого мимолетного флирта, я знал, что между нами стоят только псы.

Уэллспринг тронул меня за плечо. Пока я стоял, восхищенно глядя на Валерию Корстштадт и изнывая от вожделения, он закончил свои философствования; его, аудитория рассосалась.

– Долго еще, сынок? – спросил он.

Вздрогнув, я автоматически взглянул на наручные часы:

– Осталось всего двадцать минут, Уэллспринг.

– Отлично, сынок. – За Уэллспрингом водилась слабость: он любил пользоваться старинными словечками вроде вот этого «сынок». – Когда псы уберутся, нынешний вечер будет принадлежать только тебе. Я тоже уйду, чтобы не затмевать час твоего торжества. Кроме того, меня ждет Матка. Ты принес с собой то, что ей причитается?

– Ваши пожелания исполнены в точности, – сказал я, отлепил от бедра пластырь, достал из-под него коробочку и передал ее Уэллспрингу.

Он ловко приподнял своими сильными пальцами тугую крышку, заглянул внутрь, помолчал секунду и, громко рассмеявшись, воскликнул:

– Боже! Какая красота!

Затем он резко убрал коробочку в сторону. Дар Матке заблистал в воздухе над нашими головами. То был искусственный самоцвет, размером с детский кулак, грани которого сверкали зеленью и золотом эндолитического лишайника. Драгоценный камень медленно опускался вниз, вращаясь и отбрасывая на наши

лица маленькие цветные зайчики.

Он уже почти упал, как вдруг откуда-то возникший Кулагин подхватил его самыми кончиками растопыренных пальцев. Левый глаз Кулагина, искусственный имплант, блестел от возбуждения.

– Ейте Дзайбацу? – спросил он.

– Да, – ответил я. – Они синтезировали камень. Но сам эндолитический лишайник – моя интеллектуальная собственность. – Я краешком глаза отметил, что вокруг нас уже успела собраться группка зевак, и добавил, повысив голос: – Наш хозяин – истинный ценитель подобных вещей.

– Только с финансовой точки зрения. – Кулагин говорил спокойно, но очень умело подчеркивал тоном важность своих слов. – Теперь я понимаю, почему ты запатентовал процесс на свое имя. Поразительное достижение. Ни один Инвестор не сможет противостоять непреодолимо влекущей к себе силе ожившего камня. Не так ли, друзья? Недалек тот день, когда посвящаемый сегодня новый член нашей лиги будет очень богатым человеком.

При этих словах я быстро взглянул на Уэллспринга, но тот сперва незаметно для остальных приложил палец к губам, а потом громко продолжил:

– И это богатство поможет ему превратить Марс в цветущий сад. Ему и нам. Отныне мы не будем зависеть от чужих прихотей при финансировании нашего проекта. Друзья! Всем нам предстоит пожинать плоды великих достижений Ландау, его новых открытии в области генетики. – Уэллспринг взял самоцвет и спрятал его в коробочку. – Сегодня я буду иметь честь преподнести эту драгоценность в дар Матке. Это для меня даже двойная честь, поскольку есть и моя заслуга в том, что творец этого чуда сегодня с нами!

Он неожиданно рванулся по направлению к выходу; его мощные ноги мелькнули над нашими головами. Вылетая в дверь, Уэллспринг на прощание крикнул:

– Прощай, сынок! И пусть ни один пес отныне никогда не переступит твоего порога!

С уходом Уэллспринга потянулись к выходу те гости, что не входили в Полиуглеродную лигу. Около дверей образовалась толкучка, почти свалка из сплетничающих людей и суетливо подающих им головные уборы роботов. Когда удалился последний из доброжелателей, лига сразу притихла.

Кулагин провел меня в дальний угол своей студии, где члены лиги уже выстроились в два ряда, вооружившись краской и серпантином. Некий запашок застарелой тлеющей вражды и надежды на грядущее отмщение придавал особый, острый

привкус предстоявшему увеселению. Я тоже взял пару баллончиков краски с подноса у подскочившего ко мне шустрого кулагинского робота.

Время мое подошло вплотную. Два долгих года я строил планы, которые позволили бы мне присоединиться к Полиуглеродной лиге. Они были мне нужны. Я чувствовал, они тоже во мне нуждались. Я устал от окружавшей меня подозрительности, устал от натянутой вежливости. Устал жить под стеклянным колпаком, под вечным надзором неусыпных псов. Жесткие рамки режима, которому приходилось подчиняться, теперь рухнули. Слишком внезапно, слишком болезненно. Меня вдруг начало трясти, и я никак не мог унять эту непроизвольную дрожь.

Псы вели себя как ни в чем не бывало, продолжая до самой последней секунды упорно записывать все, что творилось вокруг. Вдруг сборище хором начало скандировать цифры обратного отсчета. Точно при счете ноль оба пса развернулись и направились к дверям. И были встречены настоящим шквалом краски и спутывающихся на лету, прилипающих друг к другу лент серпантина. Секундой раньше псы свирепо набросились бы на своих мучителей и беспощадно с ними расправились. Но не сейчас. Сейчас старая их программа кончилась, и до тех пор, пока не загрузят новую, псы будут почти беспомощны, представляя собой неодушевленную, безответную мишень. С каждым удачным попаданием члены лиги разражались диким хохотом и воплями восторга. Они не знали жалости; прошла почти минута, прежде чем униженные и оскорбленные, полуослепшие от краски и обрывков липкой бумаги псы смогли кое-как, хромая и пошатываясь, добраться до выхода.

Массовая истерия подняла и меня на своей мутной волне. Торжествующие вопли сами собой рвались сквозь стиснутые зубы. Меня пришлось силой удерживать от намерения броситься за псами наружу, чтобы и там продолжить сладостную расправу. Крепкие руки втащили меня обратно в комнату, я повернулся лицом к моим новым друзьям. По моей коже пробежали мурашки, настолько меня потрясло кровожадное выражение, застывшее на десятках лиц. С этих лиц будто содрали кожу. Бешеные глаза, глядевшие на меня из глубины кровоточащих кусков мяса...

Меня подхватили на руки и стали передавать по кругу, от одного к другому. Даже те из них, с кем я был знаком, сейчас казались мне абсолютно чужими. Их руки рвали с меня одежду; напоследок отняли даже компьютерный браслет. Наконец, совершенно голый, я очутился посреди комнаты.

Я стоял в кругу чужаков и дрожал крупной дрожью. Ко мне

приблизился Кулагин. На его лице застыло жесткое, неприступное выражение, маска. Он священнодействовал. В руках он держал охапку черной материи. Когда он одним движением накинул ее мне на голову, я понял, что это капюшон. Он наклонился к моему уху и жарко прошептал:

– Теперь ты отправишься далеко, друг.

Затем Кулагин поправил на мне капюшон и затянул завязки. Материя оказалась чем-то пропитанной: я почувствовал резкий неприятный запах. Руки и ноги стало покалывать. Вскоре они совершенно онемели; по телу постепенно разливалось тяжелое тягучее тепло. Я почти перестал слышать посторонние звуки, почти перестал ощущать пол под ногами. Потом я потерял равновесие и внезапно упал, проваливаясь в бесконечность.

Не могу сказать, открыты были мои глаза или нет, – не знаю. Но я видел. Из глубины тумана, который нельзя описать словами, мне навстречу рвались вспышки холодного, пронзительно яркого света. То была Ночь Великого Катализа, стылая пустота, всегда таящаяся по ту сторону уютной домашней теплоты нашего сознания, пустота безбрежная и безжалостная, пустота более пустая, чем сама смерть.

Обнаженный, я плыл в этом космосе, плыл неизвестно куда; холод был невыносим, я ощущал, как его медленный яд постепенно завладевает каждой мельчайшей клеточкой моего тела. Я ощущал, как бледное слабое тепло, сущность моей жизни, аура, покидает меня, источаясь переливающейся плазмой полярного сияния с кончиков моих бесчувственных пальцев. Я продолжал падать; последние жалкие остатки тепла слабыми толчками уходили из меня, бесследно пропадая во всепожирающей бездне космоса. Тело мое побелело, сделалось жестким, покрылось изморозью, проступившей на коже из каждой поры. Меня охватил беспредельный ужас, ощущение того, что я никогда не умру, а буду вечно падать и падать в эту жуткую непознаваемую бездну, что разум мой будет съеживаться от страшного холода, пока не превратится в одну-единственную, насквозь промороженную спору, не содержащую ничего, кроме страха и одиночества.

Время растянулось и почти остановилось. Длящиеся целую вечность эпохи укладывались между несколькими ударами пульса. Но вот я увидел впереди проблеск, белый пузырь, неясную кляксу света, расщелину, ведущую из этого космоса в другой, в лежащее совсем рядом царство сияющего, но чуждого великолепия. Я взглянул туда, я провалился в это царство, пронесся сквозь, и… оказался внутри самого себя. Резкий, раздражающий переход.

Я пришел в сознание, очутившись на мягком полу кулагинской студии. Капюшона на мне уже не было; одежду мне теперь заменяла свободная мантия, стянутая расшитым узорами поясом. Кулагин и Валерия Корстштадт помогли мне подняться на ноги. Меня покачивало, я не успевал смахивать с ресниц непроизвольно текущие слезы, но я заставил себя стоять, и лига разразилась приветственными возгласами.

Кулагин стоял рядом, обнимал меня, подпирал своим плечом и монотонно шептал:

– Помни о холоде, брат. Когда твоим друзьям необходимо тепло, дай его им; но помни о холоде. Когда наша дружба вдруг причинит тебе боль, прости нас; но помни о холоде. Когда чужая глупость станет вводить тебя в искушение, сумей устоять; но помни о холоде. Ибо ты был далеко и вернулся к нам обновленным. Но помни о холоде, помни. Всегда и везде. Помни о холоде.

Закончив наставление, Кулагин сообщил мне мое новое тайное имя, после чего прижался раскрашенными губами к моей щеке. Я безвольно висел на его плече, мое тело сотрясали рыдания. Приблизившаяся Валерия обняла меня тоже; Кулагин, улыбаясь, высвободился и тихо отплыл в сторону.

Члены лиги, один за другим, брали меня за руки, быстро прижимались губами к моей щеке, бормоча поздравления. Лишившись дара речи, я мог только кивать им в ответ. Тем временем, заняв место Кулагина, моим ухом завладела Валерия Корстштадт. Она жарко зашептала свою женскую молитву:

– Ганс, Ганс! Ганс Ландау! Это не все, Ганс Ландау! Остался еще один ритуал, исполнить который взялась я. Этой ночью во Фроте нам будет принадлежать прекрасная комната, священное место, порог которого никогда не преступит ни один железный кобель со стеклянными глазами. Ганс Ландау, сегодня ночью это великолепное место будет принадлежать нам, нам одним!

Зрачки ее глаз были расширены, под ушами и вдоль скул горели пятна румянца. Она явно находилась под воздействием гормональных половых стимуляторов. Я полной грудью вдохнул легкий сладковатый антисептический запах смешанной с потом косметики; у меня перехватило горло, и я опять задрожал.

Валерия вывела меня в холл. Кулагинская дверь наглухо закрылась за нами, превратив гул продолжавшегося там веселья в слабое неясное бормотание.

Псы остались в прошлом. Два пласта реальности, в которых я раньше существовал по отдельности, теперь оказались склеенными, точно магнитофонная лента. Но чувство ошеломленности не проходило. Валерия взяла меня за руку, и

мы, надев воздушные ласты, отправились по коридору к центру жилого массива. Я механически улыбался попадавшимся нам навстречу цикадам; для меня они были теперь людьми из другой эпохи. Совсем рядом с ними Полиуглеродная лига предавалась неистовой вакханалии, а они продолжали трезво и рассудительно заботиться о хлебе насущном и дне грядущем.

Внутри Фрота ничего не стоило потеряться. Он был задуман и построен как противовес, как овеществленный бунт против жестко зарегламентированной архитектуры других пригородов ЦК. Огромный пустой цилиндр наполнили вспененным пластиком, пузыри которого затем принимали свою окончательную форму, подчиняясь лишь законам топологии и поверхностного натяжения. Внутренние холлы устроили позднее; двери и воздушные люки в скошенных стенах были установлены вручную. Фрот по праву славился своими безумствами и безалаберной гостеприимностью.

Особой славой пользовались приваты – помещения для свиданий и дел интимного толка, не нуждающихся в афишировании. В любовном, щедром и заботливом оборудовании этих убежищ, свободных от какого-либо надзора, гражданский дух ЦК проявлял свои самые сильные стороны. Никогда раньше мне не приходилось бывать ни в одном из таких приватов, ибо есть границы, переступать через которые человеку под псами не дозволяется. Но слухи доходили и до меня. Доходили сплетни: мрачно-похотливое злословие коридоров и баров, обрывки самых разнузданных домыслов, клочки уклончивых разговоров, мгновенно стихавших при появлении псов. Все, все что угодно, могло произойти в привате, но ни одной живой душе, кроме побывавших там любовников да уцелевших участников самых крутых разборок, как ни в чем не бывало возвращавшихся часом позже к обыденной жизни, не дано было знать, что же именно там произошло...

Когда центробежная сила упала почти до нуля, мы поплыли. Валерия спешила, она влекла меня за собой, как на буксире. По мере приближения к оси вращения пузыри Фрота становились все больше; наконец мы оказались в тихом районе, постоянном месте жительства самых богатых.

И вот мы – у самых дверей самого знаменитого из всех приватов, привата «Топаз», молчаливого свидетеля бесчисленных шалостей и проказ элиты ЦК. Ни один из других приватов Фрота не мог сравниться своей изысканностью с «Топазом».

Небрежно смахнув тонкую пленку пота, образовавшуюся на ее шее и раскрасневшемся прекрасном лице, Валерия Корстштадт взглянула на часы. Нам осталось ждать совсем ничего. Вот

раздались сочные и чистые удары электронного гонга, извещавшие нашего предшественника о том, что его время вышло. Дверные запоры автоматически открылись. Я гадал, кто именно из членов весьма узкого круга сильных мира сего выйдет сейчас из привата.

Я теперь не под псами, и мне очень хотелось взглянуть этому человеку в глаза. Взглянуть как равному, смело.

Мы все еще ждали. Уже шло наше время, приват принадлежал нам по праву; каждый потерянный миг больно царапал подсознание. Оставаться в привате после того, как законное время вышло, считалось в ЦК верхом неприличия. Выждав еще пару мгновений, Валерия побледнела от злости и решительно распахнула дверь.

Воздух был полон крови. В невесомости роилось целое облако полусвернувшихся черновато-красных пузырьков.

В самом центре комнаты плавал самоубийца. Его обмякшее тело медленно вращалось в сторону, обратную той, куда еще бил быстро слабеющий фонтан крови из его перерезанного горла. Сведенные последней судорогой пальцы правой руки намертво сжимали сверкающий скальпель. На трупе был надет внешне неброский черный комбинезон консервативного механиста.

Когда тело повернулось еще раз, я разглядел вышитую на груди комбинезона эмблему советника Матки. Его череп, частично металлический, весь был покрыт липкой коркой сворачивающейся крови; ничем не примечательное лицо хранило мрачное выражение; длинная спутанная кровавая бахрома, свисавшая с горла, частично прикрывала это лицо, словно вуаль.

Мы вляпались в какое-то грязное дело, касавшееся лишь высших сфер ЦК.

– Надо немедленно вызвать сюда агентов СБ, – сказал я. В ответ прозвучали всего два слова.

– Не теперь! – решительно отрезала Валерия.

Я заглянул ей в глаза. Они потемнели от нарастающего вожделения. Соблазн, всегда таящийся в запретном, мгновенно запустил в нее свои острые когти. Валерия медленно оттолкнулась от мозаичной стены; длинная лента полузасохшей крови прилипла к ее бедру, натянулась и лопнула.

Приваты – то место, где люди лицом к лицу встречаются с глубинными основами своего бытия, контуры которого становятся размытыми и неясными. В этом странном, исполненном тайного смысла месте наслаждение и смерть порой сливаются в экстазе. Так и для женщины, которой я поклонялся, все когда-либо происходившие в этом помещении церемонии и обряды слились в одну бесконечную череду.

– Скорее, – сказала она низким и хриплым голосом. Я ощутил на ее губах слабый, с горчинкой, привкус половых стимуляторов; наши руки и ноги мгновенно переплелись. Мы неистово совокуплялись, вращаясь в невесомости и искоса наблюдая, как рядом с нами вращается тот, кто до нас совокупился со смертью.

Вот какая была та ночь, когда Матка отозвала своих псов.

Происшедшее потрясло меня до такой степени, что я заболел. Мы, цикады, привыкли жить в духовном пространстве, этически эквивалентном космосу Де Ситтера, где ни одна норма поведения не может считаться законом, если она не является продуктом ничем не обусловленной свободы воли. Каждый пригожинский уровень сложности, в свою очередь, задается самосогласованной производящей функцией: Космос существует потому, что он существует; жизнь зародилась потому, что должна была зародиться; интеллект есть именно потому, что он есть. Такой подход позволял послойно нарастить целую этическую систему вокруг одного-единственного глубоко омерзительного мгновения... Так, во всяком случае, учил постгуманизм.

После моего странного, болезненного совокупления с Валерией Корстштадт я с головой ушел в размышления и в работу.

Я жил во Фроте, там у меня была студия. Не такая, конечно, большая, как кулагинские хоромы, и насквозь провонявшая противными запахами лишайников.

На исходе второго дня моей медитации ко мне явилась с визитом Аркадия Сорьенти, мой товарищ по Полиуглеродной лиге и одна из ближайших подруг Валерии. Даже в отсутствие псов между нами чувствовалась заметная напряженность. Аркадия казалась мне полной противоположностью Валерии: та была темноволосой, а Аркадия – светлой; Валерия обладала холодной элегантностью всех генетически обновленных, Аркадия же была буквально увешана хитроумными приспособлениями механистов. Наконец, Аркадию всегда переполняла какая-то ломкая напускная веселость, а Валерия находилась во власти мягкой, чуть мрачноватой меланхолии.

Я предложил моей гостье грушу с ликером: моя студия находилась слишком близко к оси, поэтому здесь нельзя было пользоваться чашками.

– Никогда еще у тебя не была, – сказала Аркадия. – Мне здесь нравится. А это что за водоросли?

– Это лишайник, – ответил я.

– Очень красивый. Какой-нибудь из твоих особых сортов?

– Они все особые, – сказал я. – Вон там – сорта Марк Третий и Четвертый, предназначенные для марсианского проекта. А там –

сорта, особенно тонко реагирующие на загрязнение; я разработал их для мониторинга окружающей среды. Лишайники вообще очень чувствительны к любым загрязнениям. – Я включил аэроионизатор. В кишечнике механистов кишмя кишат самые невероятные штаммы бактерий, воздействие которых на мои лишайники могло оказаться катастрофическим.

– А где у тебя тот лишайник, который живет в самоцвете Матки?

– Он находится в другом месте, – сказал я, – надежно изолированном. Если лишить его привычной среды, камня, он начинает расти слишком быстро и очень неправильно. Как раковые клетки. К тому же он жутко воняет. – Я неловко улыбнулся. Вонь, вечно исходившая от механистов, была для шейперов дежурной темой. Притчей во языцех. Вот и сейчас мне казалось, что я уже начинаю ощущать резкий неприятный запах пота от подмышек Аркадии.

Она тоже выжала кривую улыбочку и нервно протерла серебристую лицевую панель маленького каплеобразного контейнера с микропроцессором, вживленного в ее предплечье.

– У Валерии очередной приступ депрессии, – сообщила она. – Я подумала, что на тебя тоже бы взглянуть не мешало.

В моем мозгу на секунду вспыхнуло кошмарное видение: влажная кожа наших обнаженных тел, скользкая от крови самоубийцы.

– Да. История была не очень... удачная, – сказал я.

– ЦК буквально гудит от разговоров о смерти контролера, – заметила Аркадия.

– Умер контролер? – поразился я. – Впервые слышу. Я еще не смотрел последние новости.

В глазах Аркадии мелькнуло хитроватое выражение.

– Ты видел его там, – утвердительно сказала она.

Меня неприятно поразило ее явное желание сделать наше с Валерией пребывание в привате предметом разговора.

– У меня много работы, – резко ответил я и, сделав движение ластами, развернулся на девяносто градусов. Теперь мы могли смотреть друг на друга только нелепо вывернув шеи. На мой взгляд, это увеличивало и подчеркивало разделявшую нас социальную дистанцию. Она беззлобно рассмеялась.

– Не будь таким формалистом, Ганс. Ты ведешь себя так, словно все еще находишься под псами. Тебе придется рассказать об этой истории поподробней, если ты хочешь, чтобы я помогла вам обоим. А я хочу помочь. Мне нравится, как вы выглядите вместе. Мне доставляет эстетическое удовольствие смотреть на вас.

– Спасибо за заботу.

– Но я действительно хочу о вас позаботиться. Мне до смерти надоело смотреть, как Валерия виснет на таком старом козле как Уэллспринг.

– Намекаешь, что они – любовники? – поинтересовался я.

– А ведь ты не прочь узнать, что они делают в своем излюбленном привате, да? – Она прищелкнула пальцами, покрытыми металлической чешуей. – Как знать. Может, они просто играют там в шахматы, а? – Ее глаза, полуприкрытые тяжелыми от золотой пудры веками, лениво скосились в мою сторону. – Не надо прикидываться потрясенным, Ганс. Сила и власть Уэллспринга знакомы тебе не хуже, чем остальным. Он богат и стар, а мы, женщины Полиуглеродной лиги, молоды и не слишком обременены принципами. – Аркадия с невинным видом похлопала длинными ресницами. – К тому же никогда не приходилось слышать, чтобы он потребовал от нас хоть что-то такое, чего мы сами не хотели бы ему дать. – Она подплыла поближе ко мне. – Ну же, Ганс! Расскажи-ка мне о том, что тебе пришлось там увидеть. Цикады сами не свои до таких новостей, а Валерия молчит. Молчит и хандрит.

Открыв холодильник, я принялся рыться на его полках, пытаясь отыскать среди чашек Петри еще одну грушу с ликером.

– Сдается мне, что ты втягиваешь меня в этот разговор не по своей воле, Аркадия, – сказал я.

Она некоторое время колебалась, потом рассмеялась и беспечно пожала плечами.

– А ты не лишен здравого смысла, дружок, – сказала она. – Будешь и дальше держать ушки на макушке, далеко пойдешь. – Она достала из закрепленной на лакированном ремешке кобуры красивый ингалятор, затянулась и добавила: – К вопросу об ушках. Да и о глазках тоже. Ты уже почистил свои хоромы от электронных жучков?

– Кому я нужен? Кто меня подслушивает?

– А кто не подслушивает? – Аркадия напустила на себя скучающий вид. – Неважно. Пока я говорила лишь о том, что и так всем известно. Будешь иногда водить меня в приват, узнаешь все остальное. – Она стрельнула из груши струйкой янтарного ликера, дождалась, пока та долетит до ее рта, а затем ловко всосала спиртное сквозь зубы. – В ЦК затевается что-то очень серьезное, Ганс. Простых обывателей это не коснулось. Пока. Но смерть контролера – дурной знак. Остальные советники сейчас трактуют эту смерть как его личное дело, но любому, кто даст себе труд хоть на секунду задуматься, ясно: дело нечисто. Он ведь даже не привел в порядок свои дела. Нет, контролер не просто

устал от жизни – ниточки от его самоубийства ведут прямиком к Матке. Я в этом уверена.

– Не исключено. С возрастом сумасбродства у нее только прибавилось. У тебя его тоже накопилось бы немало, если б тебе пришлось почти всю жизнь провести среди чужаков, согласна? При всем при том я действительно искренне сочувствую нашей Матке. И если ей понадобилось прикончить несколько старых зажравшихся недоносков, чтобы вновь обрести душевное равновесие, что ж, в добрый путь! Если дело только в этом, я могу спать спокойно.

Стараясь сохранить на лице невозмутимое выражение, я лихорадочно обдумывал сказанное Аркадией. В основе всей структуры ЦК лежало отношение нашей Матки к изгнанникам. В течение семидесяти лет нонконформисты всех мастей: правонарушители и оппозиционеры, революционеры и пацифисты, даже пираты – находили себе надежное убежище под сенью ее крыл. Непререкаемый авторитет ее собратьев Инвесторов защищал нас всех от хищных поползновений фашиствующих шейперов и сектантствующих механистов-фундаменталистов. ЦК был настоящим оазисом здравомыслия, окруженным со всех сторон порочной аморальностью непримиримых группировок, на которые была разодрана остальная часть человечества. Пригороды ЦК вращались, соединенные паутиной, в центре которой находился корпус старого корабля, превращенный в сверкающую драгоценными камнями обитель королевы.

Матка была для нас всем. Без нее все наши головокружительные успехи превратились бы в замки, построенные на зыбучем песке. Надежность банков ЦК гарантировалась умопомрачительным богатством Царицы цикад. Хваленая независимость наших академических образовательных центров также была возможной лишь под сенью ее крыл. И так далее.

А ведь мы даже не знали, чем была вызвана ее опала. Ходили разные слухи, но всю правду до конца знали лишь Инвесторы. Если Матка когда-нибудь нас покинет, Царицын Кластер перестанет существовать в ту же самую ночь.

– Мне и раньше приходилось слышать, что она не слишком-то счастлива, – сказал я небрежно. – Такие слухи всегда имеют обыкновение распространяться все шире и шире. А потом очередной раз слегка увеличивается размер доли Матки. Потом стены еще одной залы во дворце отделываются драгоценными камнями. Ну а после слухи как-то сами собой стихают.

– Все так... – не стала спорить Аркадия. – Конечно, Матка, как

и наша дорогая Валерия, – из тех, кто часто подвержен припадкам дурного настроения. И тем не менее. Мне совершенно ясно, что у контролера просто не оставалось никакого другого выхода, кроме самоубийства. А значит, в самом сердце ЦК зреет катастрофа.

– Все это только слухи, – упрямо повторил я. – Кто знает, чем в эту минуту заняты мысли нашей мудрой Царицы?

– Уэллспринг должен знать, – с нажимом сказала Аркадия.

– Но он – не советник, – заметил я. – Формально для круга лиц, действительно близких к Матке, он немногим лучше простого пирата.

– Ты должен немедленно рассказать мне о том, что видел в привате «Топаз»!

– А ты должна дать мне время подумать, – отпарировал я. – Эти воспоминания причиняют мне боль.

Наступило молчание. Я быстро прикидывал в уме, о чем именно следует рассказать Аркадии и чему из рассказанного она захочет поверить. Молчание затягивалось. Тогда я поставил пленку с записями голосов земных морей. В студию ворвался зловещий рев океанского прибоя. Чуждые звуки.

– Я просто оказался совершенно не готов к тому, что произошло, – сказал я наконец. – Меня еще в детском саду учили скрывать свои чувства от посторонних, а тут... Отношение лиги к этому вопросу мне хорошо известно, но такая степень близости с женщиной, с которой я до того едва был знаком, – да если к тому же учесть прочие обстоятельства той ночи... Меня это всерьез ранило, даже оскорбило, Аркадия.

Она вздрогнула, склонила голову на сторону, болезненно поморщилась и спросила:

– Кто композитор?

– Что? – не понял я сперва. – Какой композитор? Ах, это... Просто запись шума. Звуки моря. Земного моря. Этой записи уже лет двести.

Аркадия посмотрела на меня как-то странно:

– Послушай, тебя по-настоящему захватывают только явления планетарного масштаба, да? «Звуки моря». Надо же.

– Когда-нибудь на Марсе тоже будут моря. Ведь именно в этом суть нашего проекта, верно? – отпарировал я.

Аркадия слегка смутилась.

– Конечно, – сказала она, – для того мы и работаем. Но это вовсе не означает, что мы сами будем там жить. Я имею в виду, немало воды утечет, прежде чем проект будет завершен. И даже если мы с тобой доживем до тех времен, мы станем совершенно другими людьми. Нет, только подумать: добровольно влезть в гравитационный капкан! Одна мысль о такой возможности до

смерти меня пугает.

– Но я вовсе не рассматриваю эту проблему с утилитарной точки зрения: кому где жить. Надо научиться глядеть на нашу деятельность шире. И более абстрактно. Гностицизм, действующая сила познания четвертого пригожинского уровня, должен будет инспирировать пригожинский скачок третьего уровня. А в результате – на голую, девственно-чистую основу пространства-времени будет привнесена новая жизнь! Понимаешь?

Но Аркадия в ответ только жалобно потрясла головой и устремилась к выходу.

– Мне очень жаль, Ганс, – сказала она, – но эти звуки... они проникают внутрь меня, будоражат мою кровь... – Она вдруг задрожала; крупные бисерины, вплетенные в ее длинные белокурые волосы, отозвались громким стаккато. – Нет, это в самом деле невыносимо!

– Сейчас я выключу запись, – сказал я.

Но Аркадия уже была у дверей.

– Прощай, Ганс, прощай! – помахала она мне рукой. – Скоро увидимся.

Аркадия исчезла за дверью. А я вновь погрузился в свое одиночество.

В студии гремел неумолчный шум прибоя – стонущего, ревущего, остервенело грызущего несуществующие берега.

Один из кулагинских роботов встретил меня у порога и принял мою шляпу. Сам Кулагин сидел за рабочим столом в углу своей насквозь провонявшей цветами студии, просматривал бегущие по экрану дисплея биржевые котировки ценных бумаг и диктовал в микрофон, закрепленный на наручном браслете, какие-то приказы. Когда робот объявил о моем приходе, Кулагин отсоединил от браслета разъем идущего от консоли кабеля, встал из-за стола и дружески потряс мою руку.

– Добро пожаловать, друг, – радушно сказал он, – добро пожаловать!

– Надеюсь, не очень помешал?

– Что ты! Совсем нет. Играешь на бирже?

– Слегка, – сказал я. – Ничего серьезного. Может быть, позже... Когда ко мне начнут поступать отчисления с Ейте Дзайбацу.

– Тогда позволь мне чуть-чуть расширить твой кругозор заранее, – сказал Кулагин. – Каждый истинный постгуманист просто обязан иметь самый широкий круг интересов. Пододвинь стул и садись, если ты не против.

Я послушно примостился рядом с Кулагиным, который

немедленно уселся на прежнее место и снова подключился к консоли. Он был стопроцентным механистом, но содержал свое тело и свою студию в строжайшей чистоте. Мне он нравился.

– Забавно, насколько быстро все финансовые учреждения начинают заниматься совсем не тем, для чего они предназначались первоначально, – сказал он, не оборачиваясь. – Вот, например, биржа. Она в каком-то смысле совершила пригожинский скачок. На фасаде обозначено: «Биржа – инструмент, способствующий коммерции». А на деле за этим красивым фасадом вовсю идет грязная игра. Тайные соглашения. Продажа конфиденциальной информации. И так далее. Мы, цикады, выросли на слухах и сплетнях, ими питаемся, не можем без них жить; а потому биржа – точное отображение того самого духа времени, которым мы все пропитаны насквозь.

– Да, – отозвался я. – Конечно. Безнравственность, вычурность, манерность, самодовольство. И ничего путного в основе.

Кулагин приподнял свои выщипанные брови.

– Да, мой юный друг, – насмешливо согласился он, – совершенно верно. Точно так же, как нет ничего путного в основе Великого Космоса. Каждый следующий уровень сложности свободно парит над предыдущим, поддерживаемый одними лишь абстракциями. Даже так называемые законы природы – не более чем наша жалкая попытка распространить свое видение за пригожинский событийный горизонт... Ну а если ты предпочитаешь более примитивные метафоры – пожалуйста. Биржу можно смело сравнить с океаном информации, по которому разбросано несколько маленьких островков. Эти островки – акции с надежным, устойчивым курсом – последняя надежда на спасение для усталого пловца. А теперь посмотри сюда.

Он легко пробежался пальцами по клавиатуре; вспыхнула трехмерная картинка.

– Сейчас перед тобой – голографический срез биржевой активности за последние сорок восемь часов, – сказал Кулагин. – Похоже на океанские валы, не правда ли? А вот здесь – самое настоящее цунами, гигантский объем заключенных сделок. – Он ткнул в экран световым пером, вживленным в кончик его указательного пальца; заштрихованная область мигнула, изменив свой цвет с зеленого на красный. – Это произошло, как только просочились первые слухи о лестероиде.

– О чем, о чем?

– О ледяном астероиде. Кто-то купил эту ледяную гору у Совета Колец и теперь выводит ее из гравитационной ловушки

колец Сатурна. Кто-то очень умный, поскольку гора пройдет очень близко, всего в нескольких тысячах километров от Царицына Кластера. Достаточно близко, чтобы ее можно было наблюдать невооруженным глазом.

– Ты хочешь сказать, что кому-то действительно удалось это сделать? – спросил я, не веря своим ушам, раздираемый самыми противоречивыми чувствами.

– Слухи дошли до меня через третьи, пятые, а может, и десятые руки. Но все параметры в точности совпадают с теми, которые были рассчитаны инженерами из Полиуглеродной лиги. Совпадает масса льда, совпадают размеры – более трех километров в поперечнике; совпадает конечная цель – равнина Эллада к югу от марсианского экватора. Скорость – шестьдесят пять километров в секунду; само столкновение ожидается четырнадцатого апреля, в 20:14:53 по мировому времени. А по местному, я имею в виду марсианское, лестероид упадет на рассвете.

– До этого еще столько времени, – нетерпеливо сказал я. – Ждать и ждать.

– Послушай, Ганс, – ухмыльнулся Кулагин, – не суетись. Такую махину голыми руками с места не сдвинешь. Но это – лишь первая ласточка. Потом их будет еще не одна дюжина. А то, что происходит сейчас, – не более чем чисто символический жест.

– Значит, нам скоро придется перебираться туда! На орбиту Марса!

– Ну нет, Ганс. – Кулагин был полон скепсиса. – Такая работа – для роботов я других автоматов. Может быть, позже потребуется несколько жестких, крутых парней, пионеров по складу характера. Но лично для себя я не вижу причин, по которым мне пришлось бы пожертвовать уютом и привычным комфортом ЦК.

– Неужели ты действительно хочешь остаться здесь? – Я вскочил со стула, непроизвольно стискивая кулаки. – И пропустить момент пригожинского катализа?

Кулагин, слегка нахмурившись, посмотрел на меня снизу вверх.

– Остынь, Ганс. Остынь и сядь. Очень скоро начнут набирать добровольцев. И если ты действительно собираешься направиться к Марсу, думаю, это будет совсем нетрудно устроить. Важнее другое. Слишком уж сильно подействовало сообщение о лестероиде на биржу. Ее уже начало лихорадить сразу после смерти контролера. А теперь, похоже, на крючок попалась куда более крупная рыба, которую кто-то упорно тащит наверх. На съедение. Я уже три дня внимательно слежу за его действиями. В надежде поживиться объедками с праздничного стола, так

сказать... Не хочешь воспользоваться ингалятором?

– Благодарю, не сейчас.

Кулагин покачал головой и втянул носом хорошую порцию стимулятора. Никогда прежде я не видел его нераскрашенного лица.

– У меня нет того интуитивного ощущения массовой психологии, которое доступно вам, шейперам. – сказал он наконец. – Поэтому приходится иметь хорошую, очень хорошую память... Первый раз мне довелось наблюдать нечто похожее тринадцать лет назад. Кто-то распространил слух, что наша Царица пытается покинуть ЦК, а советники удерживают ее силой. И что же? В итоге разразился биржевой крах сорок первого года. Но настоящее сведение счетов с неугодными последовало позже, во время возрождения биржи. Я тут снова просмотрел пленки с записями времен краха и, сдается мне, разглядел хвост, плавники и оч-чень острые зубы одного старого приятеля. Трудно было не узнать его по повадкам. Не скользкое вероломство шейпера. И не холодная упорная хватка механиста.

Обдумав услышанное, я сделал однозначный вывод:

– Тогда ты говоришь об Уэллспринге.

Возраст Уэллспринга не знал никто. Но ему наверняка давно перевалило за двести. Сам он утверждал, что родился на Земле, на заре Космической Эры; потом был в числе основателей первого поколения независимых космических колоний, так называемой Цепи. И уж точно он был в числе основателей Царицына Кластера, а после того, как Матка впала в немилость у своих собратьев Инвесторов, он участвовал в строительстве ее теперешней обители.

– Отлично, Ганс, – улыбнулся Кулагин. – Ты прав. Может, ты и замшел слегка среди своих лишайников, но вокруг пальца тебя не обведешь. Да. Я полагаю, именно Уэллспринг состряпал крах сорок первого года. Причем состряпал из ничего, в своих личных интересах.

– Но ведь он ведет весьма умеренный образ жизни, – возразил было я.

– Ну и что? Будучи старинным другом Царицы, он имел самые широкие возможности запустить нужные ему слухи. Более того, именно он семьдесят лет назад разрабатывал концепцию биржи и знал ее как свои пять пальцев. А Космические метасистемы? Департамент, занимающийся проектом преобразования Марса? Он ведь возник сразу после возрождения биржи! Конечно же – тайные дотации, конечно – анонимное спонсирование.

– Но ведь денежные поступления шли тогда со всех концов

системы, – снова возразил я. – Тогда практически все секты и группировки на словах соглашались с тем, что проект освоения Марса – самое грандиозное и самое нужное предприятие в истории человечества.

– А я и не спорю. Хотя меня лично немного удивляет, с чего бы эта прекрасная идея так быстро и так широко распространилась? И еще: кто остался в выигрыше? Послушай, Ганс. Я искренне люблю Уэллспринга. Он действительно мой лучший друг. И я помню о холоде. Но ты должен четко осознать, какую гигантскую аномалию он из себя представляет. Он – не один из нас. Он даже родился не в Космосе.

Кулагин немного прищурился и внимательно посмотрел на меня. Но я никак не отреагировал на употребленный им термин «родился», весьма оскорбительный для шейперов. Ибо в первую очередь я был членом Полиуглеродной лиги, а во вторую – цикадой. В третью и четвертую очередь я был никем, и только в пятую – шейпером.

По губам Кулагина скользнула короткая одобрительная улыбка.

– Будь уверен, – сказал он, – у Уэллспринга имеется немало имплантированных устройств, продлевающих его жизнь и характерных для всех механистов. Но в целом он не настоящий мех. Скорее – наш живой предтеча. Я буду в числе последних, кто станет отрицать шейперские таланты, но в определенном смысле эти таланты развиты искусственно. Они проявляются во всей красе, когда надо пройти тесты на проверку КИ, согласен. Но вам порой недостает неких... ну, что ли, первичных качеств, которыми в полной мере обладает Уэллспринг. Точно так же и мы, механисты. Мы можем использовать кибернетические моды мышления, но нам недостает неких первичных качеств, которые только одни и могут сделать машину машиной... А Уэллспринг – один из тех людей, которые гораздо дальше всех остальных могут пройти по лезвию бритвы. Он – один из тех титанов, которые рождаются раз в столетие. А то и реже. Подумай сам, что стало с остальными его ровесниками?

– Большинству из них пришлось стать мехами, – кивнул я.

Кулагин слегка наклонил голову, вглядываясь в экран.

– Я родился здесь, в ЦК, – сказал он, – и о первых механистах мне известно немногое. Но я знаю наверняка, что большинство из них умерло. Они старели, не находили себе места в жизни, были совершенно не подготовлены к столкновению с будущим. Это быстро подводило их к краю. Самоубийства в основном. Большая часть первых попыток удлинить жизнь также заканчивалась самым плачевным образом... Но Уэллспринг благополучно

прошел и через это; вероятно его хранил природный дар. А теперь задумайся, Ганс. Вот мы сидим с тобой здесь. Оба – порождение технологий столь высоких, что они раскололи надвое саму социальную структуру общества. Мы торгуем с пришельцами. Мы можем даже проголосовать у обочины и сесть на попутный корабль к звездам, было бы чем заплатить Инвесторам за дорогу. Ну а Уэллспрингу не только удалось сохранить себя в точности таким, каким он был пару столетий назад, так нет же, он еще и правит нами. А ведь мы даже не знаем, каково его настоящее имя.

Пока Кулагин переключал консоль и просматривал свежую информацию с биржи, я напряженно размышлял над его словами. Мне было нехорошо. Можно научиться скрывать свои чувства, но избавиться от них нельзя.

– Ты прав, – сказал я наконец, – но все равно я ему доверяю.

– Я тоже. Но при этом отдаю себе отчет, что все мы, словно дети, полностью находимся в его власти. Пока что он просто тихонько покачивает нашу люльку. Оказывает протекцию. Проект по созданию среды обитания на Марсе со страшной скоростью пожирает мегаватт за мегаваттом. Говорят, взносы на проект специально сделаны анонимными, чтобы ни одна из группировок не могла использовать их в целях саморекламы. Но лично я считаю эту анонимность прикрытием того простого факта, что подавляющее большинство дотаций исходит прямиком от Уэллспринга. Подумай сам: биржевой крах неминуем, он может разразиться в любую минуту. Затем Уэллспринг еще разок шевельнется в своей берлоге, и мы увидим новое возрождение биржи. И каждый киловатт полученных им прибылей поступит на марсианский проект.

Я молчал, слегка наклонившись вперед и переплетя пальцы рук на колене; Кулагин быстро диктовал в микрофон длинные ряды цифр: отдавал распоряжения по продаже акций. Молчание становилось тягостным. И тут я рассмеялся.

Кулагин оторвал взгляд от экрана.

– Ни разу еще не слышал, как ты смеешься, – сказал он. – Над чем?

– Просто вдруг подумал... Ты открыл мне немало полезного. Но я-то, я ведь просто заглянул к тебе поговорить о Валерии.

Лицо Кулагина сразу постарело, сделалось печальным.

– Послушай, Ганс, – сказал он. – Ту малость, которая мне известна о женщинах, и в микроскоп-то толком не разглядишь. Зато память у меня, как я уже говорил, превосходная. Шейперы крупно промахнулись, доведя дело до крайности. В прошлом веке Совет Колец попытался пробить «интеллектуальный барьер» – создать людей с КИ, превышающим двести. Большей частью так

называемые сверхспособные посходили с ума, дезертировали либо вцепились друг другу в глотки. Некоторые из них умудрились проделать и то, и другое, и третье одновременно. Десятки лет с той поры прошло, но на этих людей и по сей день охотятся наемники и пираты.

Одна небольшая группа этих сверхспособных каким-то образом узнала, что здесь живет в изгнании Матка Инвесторов, и они решили укрыться под ее защитой. Некто – попробуй угадать, кто именно, – посоветовал Матке оказать им покровительство, если они согласятся ежегодно выплачивать определенный налог. Теперь этот налог называется долей Царицы, а поселение беглецов с тех пор сильно разрослось и носит имя Царицын Кластер. Родители Валерии – да не морщись ты, именно родители, ведь она была выношена в утробе матери – были из тех, первых сверхспособных. Поэтому у нее нет базового образования, обязательного для шейперов: она приняла посвящение, когда ей уже было сто сорок пять лет или около того.

Ее главная проблема – периодическое изменение настроения. Это у Валерии с детства; оба ее родителя страдали тем же недугом. Она опасная женщина, Ганс. Очень опасная. Для тебя, для себя, для всех нас. На самом деле ее место – под псами. Я предлагал своим друзьям из СБ поместить ее под строжайший надзор, но некто опять встал на моем пути. Ну-ка, с трех раз угадай, кто именно?

– Но я люблю ее. А она не хочет со мной разговаривать.

– Я так понимаю, что последнее время она под завязку накачана супрессантами. Скорее всего, этим и объясняется ее упорное молчание… Послушайся моего совета, Ганс; даю его тебе от чистого сердца. Есть такая очень старая поговорка: никогда не лезь в приват с человеком, еще более сумасшедшим, чем ты сам. Не обижайся на меня, но это очень хороший совет, Ганс. Ты не должен доверять Валерии.

Я собрался было что-то сказать, но Кулагин поднял руку, призывая меня к молчанию.

– Слушай дальше, – сказал он. – Ты молод, ты только что освободился из-под псов. Эта женщина околдовала тебя, и немудрено: знаменитое очарование шейперов свойственно ей в полной мере. Но связь с Валерией – это связь с пятью женщинами одновременно, причем три из них давным-давно свихнулись. В наши дни ЦК битком набит красивейшими за всю историю человечества женщинами. Конечно, ты пока слегка неуклюж; да вдобавок – чересчур одержим своей работой… Но в тебе есть очарование юности, еще не растерявшей своих идеалов; есть яркость и накал страсти, присущие шейперам; есть даже некий

привлекательный фанатизм, если ты не в обиде на меня за этот термин. Расслабься слегка, Ганс! Найди себе такую женщину, которая сумеет тебя немного пообтесать. Будь более открытым, почаще вступай в споры. Это совсем неплохой способ найти себе в лиге новых друзей.

– Обязательно приму к сведению все, что ты мне сказал, – пробормотал я.

– О да, разумеется. – Кулагин иронически улыбнулся. – Я был с самого начала уверен, что зря трачу порох. Не стоило и пытаться замутить чистый родник твоих чувств. К тому же трагическая первая любовь может послужить тебе бесценным уроком, даже принести немалую пользу. Потом. Лет эдак через пятьдесят. Или через сто. – Он снова переключил свое внимание на экран. – Все же я рад, что у нас состоялся этот разговор, Ганс. И я надеюсь, ты не забудешь сюда заглянуть, когда с Ейте Дзайбацу начнет поступать твой гонорар. Мы тогда неплохо повеселимся.

– Жду не дождусь, – сказал я, хотя уже наверняка знал, что каждый киловатт гонорара, не потраченный на мои собственные исследования, будет уходить – разумеется, анонимно – в фонд марсианского проекта. – И не беспокойся, я совсем на тебя не в обиде за твои советы. Просто я никак не могу ими воспользоваться.

– Молодость, молодость... – пробормотал Кулагин.

Я вышел.

Я вновь вернулся в свою студию, к строгой и суровой красоте лишайников. Долгие годы я учился правильному обращению с ними, но их подлинное значение открылось мне лишь после посвящения в таинства постгуманизма. Только сквозь призму основной философии ЦК мне удалось разглядеть, что истинное место моих лишайников – совсем рядом с точкой катализа знаменитого пригожинского скачка, того самого скачка, который привносит в этот мир новую жизнь.

А еще лишайники можно было рассматривать как развернутую метафору Полиуглеродной лиги: грибки и водоросли, извечные соперники в борьбе за место под солнцем, сумели объединиться в симбиозе, позволившем им достигнуть того совершенства, которое порознь было бы для них невозможно. Точно так же и лига сумела объединить механистов и шейперов – для того, чтобы на Марсе расцвела новая жизнь.

Я знал, что многим моя одержимость одной идеей казалась странной, даже нездоровой. Но их слепота мало меня задевала. Даже названия полученных мною новых генотипов звучали по-королевски величественно: Алектория черная, Мастодия

мозаичная, Окролехия холодная, Стереокаулон альпийский... Да, они выглядели скромно, мои лишайники, но в них таилась великая мощь. Невзрачные порождения ледяных пустынь, чьи корни и выделяемые этими корнями кислоты одни только и были способны сокрушить твердыню голых, промороженных вечным холодом скал.

Мои кюветы с агар-агаром были теми резервуарами, где кипела и бурлила сама первобытная жизненная сила. Зелено-золотой волной пройдут мои лишайники по поверхности Марса, зелено-золотой приливной волной жизни. Сметая на своем пути все препятствия, они выползут из сырых кратеров, образовавшихся после падения лестероидов, и начнут размножаться, быстро и неуклонно, среди неистовства штормов и землетрясений, которыми будет сопровождаться преобразование марсианской поверхности. У смертоносных потоков, образованных таянием вечной мерзлоты, почерпнут они новую жизненную силу и покроют Марс сплошным ковром. Изливая в атмосферу реки кислорода. Связывая в почве азот.

Они куда лучше иных людей, мои лишайники. Они не занимаются показухой; они не трубят на весь свет о своих благих намерениях, не кричат заранее о неминуемой сокрушительной победе над холодом. Да, они – лучшие из лучших, ибо молчат и делают.

За годы, проведенные под псами, я познал истинную цену молчания. И теперь меня мутило при одной мысли о том, что за мной установлен негласный надзор. Как только с Ейте Дзайбацу начал поступать мой гонорар, я вошел в контакт с одной из частных охранных фирм, чтобы они очистили мою студию от жучков. Они обнаружили четыре штуки.

После этого я нанял вторую фирму, чтобы ее люди сняли жучки, установленные первой фирмой. Пристегнувшись ремнем к плавающему в воздухе лабораторному столу, я вновь и вновь разглядывал эти подсматривающие и подслушивающие устройства. Небольшие плоские видеоплаты, прикрытые с одной стороны камуфлирующей полимерной пленкой. На черном рынке они должны были потянуть немалую цену.

Я позвонил на почту и заказал робокурьера, чтобы переправить жучки к Кулагину. В ожидании курьера я отключил жучки и упаковал их в контейнер с мощной биозащитой, а затем продиктовал коротенькое послание, в котором просил Кулагина продать эту электронику, а на вырученные деньги купить акции на шатающейся и спотыкающейся бирже. Покупателей на бирже сейчас было раз-два и обчелся.

Услышав дробный стук в дверь, я открыл ее с помощью

дистанционного устройства. Но в дверь, шумно жужжа пропеллером, влетел вовсе не курьер. То был громадный сторожевой пес.

– Заберу-ка я у тебя эту коробочку, если не возражаешь, – сказал он.

Я глядел на него во все глаза, будто впервые видел сторожевого пса. Тонкие, но мощные манипуляторы высовывались из корпуса, покрытого пластинами черного пластика, которые соединялись друг с другом серебряными швами. Непомерно большая голова щетинилась пружинными усыпляющими дротиками; угрожающе торчали кургузые дула для стрельбы ловчей паутиной. Установленная на хвосте вращающаяся антенна ясно показывала, что псом управляют дистанционно.

Я поспешно развернул лабораторный стол так, чтобы он оказался между мною и псом.

– Понятно. Значит, система моей компьютерной связи прослушивалась так же, как и все остальное, – сказал я. – Скажешь, где установлены ваши поганые штучки, или же мне самому разобрать свой компьютер на части?

– Много на себя берешь, ты, нытик задрипанный, – ответил на это пес. – Ты что думаешь, жалкий твой гонорар позволит тебе из-под нас выйти? Да ты и глазом не успеешь моргнуть, как я продам тебя на свободном рынке!

Я задумался. Такие случаи бывали. Советникам Матки не раз случалось арестовывать беспокойных, мешающих им людей, которых они потом выставляли на продажу. Вне Царицына Кластера существовало немало группировок, готовых заплатить неплохую цену за тех, на кого они давно охотились. Я знал, что Совет Колец с радостью меня выкупит, чтобы затем устроить показательное судилище.

– Значит, ты утверждаешь, что ты – один из советников Матки?

– Кто же еще! Думаешь, мы спим и ничего не видим? Все знают, что ты дружишь с Уэллспрингом! – Вновь зажужжал пропеллер: пес подобрался ко мне поближе; видеокамеры, выступавшие из его глазниц, едва слышно пощелкивали. – Что у тебя в холодильнике?

– Кюветы с лишайниками, – сказал я бесстрастно. – И тебе это отлично известно.

– Открой его!

– Ты выходишь за пределы нормального функционирования, – заметил я, не двигаясь с места. Эта фраза должна была бы поставить на место любого механиста. – У моей

лиги есть друзья среди советников. И я не сделал ничего плохого.

– Открой немедленно, или я спеленаю тебя паутиной, а псу прикажу вскрыть эту жестянку самому!

– Ты врешь! – сказал я. – Никакой ты не советник. Ты – индустриальный шпион, пытающийся украсть мой лишайник, живущий в самоцветах. Зачем советнику лазать по чужим холодильникам?

– Открывай! Иначе ты слишком крепко увязнешь в таких вещах, о которых не имеешь ни малейшего понятия.

– Ты проник в мое жилище под фальшивым предлогом, а теперь угрожаешь мне. – Я повысил голос: – Убирайся! Или я вызову СБ.

Хромированные челюсти пса громко лязгнули. Изогнувшись, я скатился с лабораторного стола, но тонковолокнистый сноп белых шелковистых нитей, вылетевший из лицевого дула пса, все же опутал меня, как я ни старался увернуться. Нити прилипли к одежде и вмиг затвердели, полностью блокировав руки в той позе, которую я принял, инстинктивно пытаясь защититься от ловчей паутины. Второй шелковистый сноп сковал мои ноги как раз в тот момент, когда я пытался оттолкнуться от наклонной стены.

– Смутьян, – проворчал пес. – Если бы не мерзкое словоблудие шейперов, все шло б как по маслу. В нашем распоряжении были надежнейшие банки, у нас была Матка, у нас была биржа, было все остальное... А от вас, паразитов, никакого толку, кроме бесплодных фантазий. И теперь вся система трещит по швам. Все валится в тартарары. Все. Мне придется тебя прикончить.

Я жадно ловил воздух ртом, затвердевшая паутина сдавила грудь и почти не давала дышать.

– Банки – это не жизнь, – прохрипел я из последних сил. – Банки – это нежить.

Заскулили на высокой ноте двигатели: пес расправлял свои суставчатые манипуляторы.

– Если я найду в холодильнике то, что думаю там найти, – прорычал он, – считай себя покойником! – Пес рванулся было к холодильнику, но внезапно замер на полдороге. Взвыли пропеллеры, развернувшие его головой к двери.

Щелкнул замок, дверь начала скользить в сторону; через образовавшееся отверстие внутрь просунулся массивный манипулятор, вооруженный острыми когтями.

Сторожевой пес быстро метнул паутину, скольжение прекратилось. Спустя секунду дверь отвратительно завизжала и стала коробиться. Толстый металл, из которого она была сделана,

порвался, словно фольга. Сквозь пролом, хрустя обрывками металла, просунулась пучеглазая голова тигра, а затем – когтистые передние лапы.

– Измена! – взревел тигр.

Пес с раболепным видом быстро отработал пропеллерами назад. Тем временем тигр целиком протиснулся в студию. Рваные металлические края не оставили на его броне ни царапины. Весь закованный в черную с золотом броню, тигр вдвое превосходил размерами сторожевого пса.

– Подожди! – проскулил пес.

– Совет предупреждал тебя не совершать противоправных действий, – тяжко прорычал тигр. – Я лично предупреждал тебя неоднократно.

– У меня не было другого выбора, координатор! Ты знаешь, чьи это козни. Он натравливает нас друг на друга. Неужели ты не видишь!

– Теперь у тебя остался только один выбор, советник. И ты его сделал. Ты выбрал приват!

Пес как-то нерешительно подогнул манипуляторы.

– Значит, мне предназначено стать вторым, – пробормотал он. – Сперва контролер, а теперь пришла моя очередь... Что ж, очень хорошо. Очень хорошо. Он таки подловил меня. И я не могу отомстить. – Похоже, пес готовился к стремительному броску. – Но зато я могу прикончить его любимчика! – взвыл он.

Телескопические пружины его манипуляторов резко щелкнули, манипуляторы ударили в стену, и он рванулся вперед, нацелившись на мое горло. Полыхнула ослепительная вспышка, едко запахло озоном, и туша пса стремительно врезалась в мою грудь. Он был мертв, все его электрические цепи выжгло дотла. В студии погас свет. Из-под корпуса моего домашнего компьютера вырвались маленькие дрожащие язычки пламени, он осел, завалившись набок. Пропала многодневная работа: мощный электромагнитный импульс, испущенный тигром, погубил все мои программы и базу данных.

На голове тигра, похожей на луковицу, открылись заслонки, оттуда выдвинулись и зажглись две фары.

– У тебя были какие-нибудь имплантанты? – спросил он.

– Нет, – сказал я. – Слава Богу, никаких кибер-частей. Я в полном порядке. Ты спас мне жизнь.

– Закрой глаза, – скомандовал тигр. Он обдал меня из своих ноздрей облачком растворителя, после чего осторожно содрал когтями остатки ловчей паутины вместе с прилипшей к ним одеждой. Мой электронный браслет тоже полностью вышел из строя.

– Здесь не замышлялось никаких преступлений, координатор, – сказал я. – Я люблю Царицын Кластер.

– Мы живем в странное время, – прогрохотал тигр. – Наши повседневные дела приходят в упадок. Сейчас никто не может быть вне подозрений. Вы выбрали самый неудачный момент для того, чтобы устроить себе подобие домашнего привата, молодой человек.

– Я все делал открыто, ни от кого не таясь.

– Здесь никто не имеет права поступать по своему усмотрению, цикада. Только с благословения Матки. Одевайся. Тигр доставит тебя во дворец. Я хочу с тобой поговорить.

Дворец был одним гигантским приватом. Приходилось только гадать, суждено ли мне выбраться оттуда живым. Но выбора у меня не было.

Я тщательно оделся под присмотром пучеглазого тигра, а затем взгромоздился на его спину. От него несло застарелой смазкой. Наверное, он не один десяток лет провалялся на складе. Свободно разгуливающих тигров в ЦК давным-давно никто не встречал.

Холлы были переполнены цикадами, деловито сновавшими туда-сюда по своим делам. При приближении тигра они бросались врассыпную, охваченные страхом и благоговением.

Мы покинули Фрот через выход в торце цилиндра, откуда начинались туннели дорог, связывающих пригороды друг с другом. Такие прозрачные полиуглеродные трубопроводы образовывали повисшую между цилиндрами пригородов неряшливую паутину. Вид этих гигантских сооружений, сверкающих теплыми огнями на бархатно-ледяном фоне Космоса и звезд, вызвал у меня приступ головокружения. Я помнил о холоде.

Мы миновали узловатое утолщение этой паутины, вздутие, под которым скрывалось пересечение нескольких трубопроводов и где прилепилось придорожное бистро, одно из самых известных в ЦК. Оживленная болтовня его пестрых завсегдатаев при нашем приближении сменилась ошеломленным молчанием, которое взорвалось нестройным хором встревоженных голосов, как только я верхом на тигре важно прошествовал мимо. Подобные новости распространяются по всему ЦК в течение нескольких минут.

Дворец имитировал форму межзвездного корабля Инвесторов: октаэдр с шестью прямоугольными гранями. Но полированная наружная часть корпуса у настоящих кораблей Инвесторов всегда была инкрустирована чеканкой на самые фантастические сюжеты, а внешняя поверхность дворца была тускло-черной и шероховатой, под стать неизвестным нам

прегрешениям Матки. С течением времени дворец разрастался за счет космических взлетно-посадочных комплексов, правительственных учреждений и множества тайных убежищ самой Матки. Он раздался во все стороны и казался чересчур грузным, но его тяжеловесный корпус вращался с головокружительной скоростью.

Мы вошли внутрь близ оси вращения, и нас тут же залили мощные потоки палящего, всепроникающего бело-голубого света. Мои глаза сразу заболели и начали слезиться.

Все советники Матки были механистами, поэтому внутренние помещения дворца кишмя кишели роботами. В отличие от людей, роботы продолжали равнодушно выполнять свои рутинные обязанности, ничуть не обращая внимания на тигра, хромированные поверхности которого невыносимо сверкали под безжалостными лучами ртутных ламп.

Стоило ненамного отойти от оси, как на нас начала наваливаться центробежная сила, и тигр со скрипом осел на свои массивные лапы. Стены вокруг были украшены причудливыми мозаичными панно и гобеленами с шитьем из драгоценных металлических нитей. Тигр не спеша шествовал вниз по широкому лестничному маршу. Гравитация нарастала; мой хребет начал громко похрустывать, и мне стоило все больших усилий держать спину прямо.

В помещениях в основном никого не было. Иногда на стенах, мимо которых мы проходили, попадались как бы случайные вкрапления драгоценных камней, друзы, сверкавшие порой ярче молний. Я обессилено приник к тигриной спине, уперев в нее локти; сердце мое тяжко бухало в груди. Все ниже и ниже по лестнице. Слезы теперь безостановочно бежали по лицу, попадая в рот; новое для меня и довольно противное ощущение. Руки непрерывно дрожали.

Кабинет координатора находился на периметре. Так он поддерживал должную форму, необходимую ему для аудиенций с Маткой. Тигр со скрипом миновал две массивные двери, рассчитанные на габариты Инвесторов.

В самом кабинете тоже все было рассчитано на их габариты. Потолки в два человеческих роста; люстра над головой изливала ослепительный купол света на два громадных кресла с высоченными спинками, в которых имелись расщелины – отверстия для хвостов... Рядом с креслами из пола пробивался довольно хилый, придавленный колоссальным тяготением фонтан, почти не дававший брызг.

Координатор сидел за рабочим столом, оборудованным сложной встроенной клавиатурой. Плечи его едва возвышались

над крышкой стола, а ноги в высоких сапогах болтались в воздухе, не доставая до пола. По экрану стоявшего рядом с ним монитора быстро бежали строчки последних биржевых сводок.

Похрюкивая от напряжения, я тяжело сполз со спины тигра и кое-как вскарабкался на сиденье большущего кресла. Изготовленное специально для жестких чешуйчатых задниц Инвесторов, сиденье было покрыто игольчатыми выступами, сидеть на которых было так же удобно, как на мотке колючей проволоки.

– Здесь есть солнечные очки, – сказал координатор. Он открыл огромный, похожий на пещеру ящик стола, нырнул в него по плечи, выудил оттуда пару защитных очков и швырнул ими в меня. Я не сумел их поймать, и они врезались мне в грудь.

Вытерев глаза, я надел очки и даже застонал от облегчения. Тигр распростерся у подножья моего трона, мурлыча что-то себе под нос.

– Первый раз во дворце? – спросил координатор. Я кивнул; это движение далось мне с большим трудом.

– В первый раз это ужасно. Да и потом ненамного лучше. И все же ничего другого нам не дано. Тебе придется хорошенько усвоить это, Ландау. Именно здесь находится точка пригожинского катализа Царицына Кластера.

– Философией интересоваться изволите?

– Разумеется. Не все же мы тут превратились в ископаемые окаменелости. Среди советников тоже имеются самые разные группировки. Это общеизвестно.

Координатор слегка оттолкнул кресло назад и встал на сиденье, с которого ловко перебрался на крышку стола. Усевшись на самом краю ко мне лицом, он снова принялся болтать ногами.

Он был приземистым, угловатым человеком с переразвитыми мускулами, позволявшими ему легко двигаться при такой силе тяжести, которая буквально сплющивала мое тело. Отвисшую кожу его лица избороздило множество старых рубцов и глубоких морщин. Его черная кожа тускло светилась под яркими лучами опаляющего света. Глазные яблоки производили впечатление изготовленных из хрупкой пластмассы...

– Я просмотрел все записи, сделанные псами, – сказал он, – и чувствую, что понял тебя, Ландау. Твои главные грехи – холодность и отстраненность. – Координатор вздохнул. – Но ты менее развращен, чем другие. Есть некий порог, предельно допустимый уровень греховности и цинизма, за которым уже не может существовать никакое общество... Послушай. Мне многое известно о шейперах. Совет Колец. Он вызван к жизни пеплом страха и коптящим пламенем стяжательства. Он черпает энергию

из инерции собственного грядущего коллапса. Но у цикад еще есть надежда. Ты жил здесь и мог наблюдать это, если даже был не в состоянии прочувствовать непосредственно. Ты должен был понять, насколько драгоценен этот город. Находясь под властью Матки, мы черпали жизненные силы из состояния нашего духа. Вера решает все; нет ничего более важного, чем доверие. – Координатор взглянул на меня, темная кожа его лица на глазах обвисала все сильнее. – Теперь я скажу тебе всю правду. А затем положусь на твою добрую волю, в надежде получить столь же правдивый ответ.

– Благодарю вас.

– ЦК в глубоком кризисе. Слухи о болезни Матки поставили биржу на порог коллапса. Но в настоящий момент это больше чем слухи, Ландау. Матка вот-вот может бежать из ЦК.

Ошеломленный услышанным, я осел в кресле, словно тряпичная кукла. У меня челюсть отвисла. Усилием воли я закрыл рот, громко клацнув зубами.

– Если биржа рухнет, – продолжил координатор, – это будет конец всему, что мы сейчас имеем. Новости распространяются быстро. Очень скоро волна требований о возвращении вкладов погребет под собой всю банковскую систему Царицына Кластера. Рухнет эта система – умрет ЦК.

– Но… – начал было я, запинаясь, – если это – дело рук самой Матки… – У меня окончательно перехватило дыхание.

– Это всегда дело рук Инвесторов, Ландау. Запомни. Так происходит всегда, с тех самых пор, как они впервые вмешались и превратили наши войны в постоянно действующий институт… Мы, механисты, поставили вас тогда в безвыходное положение. Мы правили всей системой, а вы прятались от нас в Кольцах, прозябали там, трясясь от страха. Только торговля с Инвесторами смогла снова поставить вас на ноги. На самом-то деле они умышленно помогли вам подняться так быстро, чтобы получить для себя здесь рынок, основанный на конкуренции механистов и шейперов, чтобы получить возможность столкнуть лбами разных представителей человеческой расы. И потом извлечь для себя из этой ситуации максимальную выгоду… Взгляни еще раз на ЦК, Ландау! Мы живем здесь в мире и согласии. Так могло бы быть повсюду, если б не Инвесторы.

– Правильно ли я вас понял: вы считаете, что вся история ЦК развивается по схеме, заложенной Инвесторами? Что на самом деле Матка никогда не была в опале?

– Они тоже не непогрешимы, – яростно сказал координатор, – и они тоже совершают ошибки. Я еще смогу спасти и биржу, и Царицын Кластер, если сумею использовать против них

собственную их жадность. Все могут решить твои самоцветы, Ландау. Твои самоцветы. Я имел возможность наблюдать реакцию Матки, когда этот ее чертов... лакей Уэллспринг преподнес ей твой дар. Да, ты научился понимать настроения Инвесторов. Ее буквально в узел скрутило от жадности. С твоего патента может начаться целая отрасль новой индустрии.

– Зря вы так насчет Уэллспринга, – сказал я. – Самоцвет – его идея. Я тогда работал с эндолитическим лишайником. «Если лишайники могут жить в обыкновенных камнях, проживут и в самоцветах!» – вот его буквальные слова. А я всего-навсего взял на себя грязную работу.

– Но патент оформлен на твое имя. – Координатор, не поднимая глаз, рассматривал носки своих высоких сапог. – Мне нужен катализатор. Если он у меня будет, я смогу спасти биржу. Я хочу, чтобы ты перевел свой патент с Ейте Дзайбацу на мое имя. На имя Народной Корпоративной Республики Царицын Кластер.

Я постарался быть тактичным:

– Положение действительно кажется отчаянным, координатор, но никто на бирже не хочет ее краха. Существуют могущественные силы, готовящиеся отразить удар. Поймите, пожалуйста: патент должен и дальше оставаться моим вовсе не потому, что я ищу личной выгоды. А потому, что я связал себя клятвой весь свой годовой доход переводить в фонд марсианского проекта.

Кислая гримаса перекосила лицо координатора, расширив и углубив расщелины его морщин. Он наклонился в мою сторону, его мощные плечи напряглись.

– Проект по созданию среды обитания, как же! Я знаком с так называемыми моральными аргументами. Мертвые абстракции импотентов от идеологии! А как насчет законопослушания? Долга? Лояльности? Или для вас это пустой звук?

– Не так все просто, – начал было я, – Уэллспринг...

– Уэллспринг! – заорал координатор. – Он даже не землянин, он просто ренегат, предатель, с потрохами продавшийся пришельцам, молокосос, которому едва перевалило за сто. Пришельцы боятся нас, пойми ты! Они страшатся нашей энергии. Они страшатся того, что, как только в наших руках окажутся средства межзвездных перелетов, мы сразу захватим их рынки. Это же очевидно, Ландау! Вот почему они хотят направить энергию человечества на Марс. Чтобы мы растратили ее на эту прекраснодушную чушь. А мы могли бы конкурировать с ними, могли бы подняться и рвануться к звездам одной всесокрушающей волной! – Он воздел руки вверх и замер,

пристально уставившись на кончики своих растопыренных пальцев.

Руки его начали трястись. Координатор сломался прямо на моих глазах. Он опустил руки, обхватил ими голову и стал тихонько покачивать ее, словно баюкая сам себя.

– Царицын Кластер мог бы оставаться великим городом. Ядро сплоченности и согласия, остров безопасности и надежды в море хаоса. А Инвесторы намерены ее разрушить. Когда рушится биржа, когда Царица изменяет своему долгу, тогда всему приходит конец.

– Она действительно собирается нас оставить?

– Кто может судить о ее намерениях? – Координатор выглядел совершенно опустошенным. – Семьдесят лет я страдал от ее причуд, сносил унижения. А теперь мне на все наплевать. Ну почему я должен позорить свои седины, пытаясь склеить осколки былого величия при помощи твоих идиотских финтифлюшек? В конце концов, в моем распоряжении всегда есть приват!

Он с ненавистью взглянул на меня.

– Вот до чего ты нас довел. Теперь они всю нашу кровь высосут!

Он спрыгнул со стола, в два шага добрался до моего кресла, сграбастал меня за воротник и поднял в воздух. Тщетно я пытался ему помешать, слабо цепляясь за его запястья. Он принялся меня яростно трясти; мои руки и ноги нелепо болтались, как у тряпичной куклы. Тигр издал несколько клацающих звуков и подобрался к нам поближе.

– Я ненавижу тебя! – ревел координатор. – Я ненавижу все, что с тобой связано! Меня тошнит от вашей лиги, от вашей гнилой философии, от ваших сладких и тупых улыбочек! Смута, затеянная вами, стоила жизни хорошему человеку!

Наконец он презрительно отбросил меня в сторону, словно измятый клочок использованной туалетной бумаги. Падая, я с глухим стуком врезался головой в покрытый ковром пол.

– Убирайся! – рявкнул он. – Вон из ЦК! Если через сорок восемь часов ты еще будешь здесь, я арестую тебя и продам тому, кто предложит самую высокую дену.

Пока тигр помогал мне подняться на ноги и забраться ему на спину, координатор вскарабкался на громадный свой стул и снова уставился на экран с последними известиями с биржи.

– Измена, – тихо и бессильно пробормотал он, – кругом измена.

Тигр вынес меня из кабинета.

После долгих поисков я нашел Уэллспринга в догтауне. Это

был беспорядочно застроенный пригород, медленно вращавшийся вокруг своей оси неподалеку от ЦК. Здесь находились космодром и таможня, спутанный клубок космических верфей и автономные контейнерные склады, карантинные помещения и различные заведения, чьей единственной целью было ублажение самых невероятных пороков.

В догтаун приходили тогда, когда идти было больше некуда. Он кишел бродягами и темными личностями: старателями, пиратами, преступниками всех мастей, бывшими членами распавшихся сект, чьи нововведения оказались никому не нужны, банкротами и поставщиками рискованных удовольствий. Как следствие, этот пригород был нашпигован псами и скрытыми видеокамерами. Догтаун считался местом, насквозь пропитанным беспорядочной, жульнической и злой энергией. Местом, опасным по определению. Здесь все и вся находилось под непрерывным придирчивым надзором, отчего чувство стыда у местных обитателей атрофировалось полностью.

Я обнаружил Уэллспринга в пузыре, прикрывавшем придорожный бар. Он обсуждал какую-то запутанную сделку с человеком, которого представил мне очень коротко: «Модем».

Этот Модем оказался членом маленькой, но весьма могущественной механистской секты, известной в ЦК под названием «Омары». Омары существовали исключительно внутри приживляемых к коже оболочек, представлявших из себя автономные системы жизнеобеспечения, утыканные снаружи входными и выходными разъемами, манипуляторами и разнообразными двигателями. Эти своеобразные скафандры были тускло-черного цвета, лицевые стекла отсутствовали. Поэтому омары выглядели словно ожившие сгустки черной потусторонней тени.

Я пожал протянутую мне шершавую тяжелую перчатку Модема и уселся, пристегнувшись к столу, после чего торопливо отодрал от клейкой поверхности стола грушу с выпивкой, надавил на нее и сделал приличный глоток.

– У меня крупные неприятности, – сказал я. – Мы можем при этом человеке говорить откровенно?

Уэллспринг рассмеялся:

– Ты что, шутишь? Это же догтаун! Здесь повсюду понатыкано больше записывающих устройств, чем зубов у тебя во рту, мой юный Ландау! Кроме того, Модем – мой старинный друг. А некоторые необычные возможности его зрения могут оказать нам неоценимую услугу.

– Отлично. – Я принялся объяснять суть дела. Уэллспринг остановил меня и потребовал подробностей. Я начал снова,

стараясь не упустить ни одной, самой мельчайшей детали.

– Да-а, дела, – сказал Уэллспринг, когда я кончил. – Держись за свои мониторы, Модем. Сейчас ты увидишь, как слухи перекроют скорость света. Странно, что именно это маленькое бистро станет источником таких новостей, которые всего через пару суток не оставят от ЦК камня на камне. – Он произнес эти слова довольно громко и оглянулся, окинув помещение бара быстрым взглядом. Все клиенты заведения смотрели на нас с отвисшими челюстями; в их открытых ртах дрожали маленькие шарики слюны.

– Значит, Матка отчалила, – все так же громко продолжал Уэллспринг. – И, наверное, уже довольно давно. Что ж, слезами горю не поможешь. Даже жадность Инвесторов, оказывается, имеет свои пределы. Не могли же советники водить Матку за нос до бесконечности. Должно быть, вскоре она объявится где-нибудь еще, найдя себе другое обиталище, больше соответствующее ее эмоциональным запросам. Самое лучшее, что я могу сейчас сделать, – так это вернуться к своим монитором и попытаться свести к минимуму свои убытки, пока биржа не потеряла всякий смысл, – добавил он, но не сдвинулся с места.

Закончив свой спич, Уэллспринг раздвинул ленточки на разрезном рукаве и бросил небрежный взгляд на наручный компьютер. Бар пустел с невероятной быстротой; удирали даже завсегдатаи, влекомые персональными псами. У дверей вспыхнула дикая рукопашная схватка между двумя шейперами-ренегатами, демонстрировавшими самые страшные приемы космического джиу-джитсу. Их псы в драку не вмешивались, равнодушно наблюдая за происходящим.

Очень скоро в баре уже не было никого, кроме нас троих, робофициантов да полудюжины любопытствующих псов.

– Сразу же после моей последней аудиенции у Матки я мог бы побиться об заклад, что она вскоре нас покинет, – спокойно сказал Уэллспринг. – Так или иначе, но Царицын Кластер пережил сам себя и стал бесполезным. Срок, отпущенный ему, истек. Он сыграл свою роль эмоционального катализатора, который вплотную подвел Марс к третьему пригожинскому уровню сложности, после чего, под грузом проводимых советниками бессмысленных программ, ЦК разбил неизбежный паралич. Типичная близорукость, свойственная мехам. Псевдопрагматический материализм. Ну что ж, за что боролись, на то и напоролись.

Подавая робофициантy знак к следующей перемене блюд, Уэллспринг продемонстрировал нам краешек расшитой золотыми нитями нижней манжеты.

– Ты говорил, что советнику пришлось отправиться прямиком в приват? Жаль. Но он – не первый и не последний из тех, кого затопчут в этой свалке.

– Мне-то что делать? – напомнил я о себе. – Ведь я потерял все. И что теперь станет с лигой?

Уэллспринг нахмурился.

– Действуй, Ландау! – сказал он. – Покажи себя. Пришло время не на словах, а на деле проявить постгуманистическую изменчивость форм. Сейчас тебе необходимо унести ноги прежде, чем тебя арестуют и выставят на продажу. Думаю, как раз здесь окажется очень кстати помощь нашего друга Модема.

– Она к вашим услугам! – торжественно объявил Модем. Датчики вокодера были подсоединены прямо к его голосовым связкам, и это устройство синтезировало удивительно красивый, но совершенно нечеловеческий голос. – Наш корабль «Проходная Пешка» послезавтра уходит к Совету Колец с грузом маршевых двигателей для транспортировки лестероида. Проект по созданию среды обитания. Другу Уэллспринга мы будем рады.

Я не смог удержаться от истерического смеха:

– Предлагаете сменить шило на мыло? Вернуться на Кольца? Тогда лучше уж мне перерезать себе глотку прямо за этим столом! Куда будет меньше хлопот.

– Не стоит так кипятиться. Пройдешь небольшую операцию: мы подсоединим тебя к одной из наших оболочек, – успокоил меня Модем. – Один омар как две капли воды похож на другого. Под нашей оболочкой ты в полной безопасности где угодно. Если сумеешь держать язык за зубами.

– Ты предлагаешь мне стать мехом? – Я был страшно шокирован.

– Настоящим мехом ты не станешь, – сказал Уэллспринг. – Все равно не получится. А так... Всего-навсего несколько переключении концевых нервов, трахеотомия плюс немного анальной хирургии... Правда, ты потеряешь обоняние, вкус и осязание, зато приобретешь другие органы чувств, охватывающие такой диапазон ощущений, который тебе и не снился.

– Вот именно! – провозгласил Модем. – Ты спокойно ступишь в открытый космос и будешь смеяться!

– Он прав! – воскликнул Уэллспринг. – Шейперы должны гораздо шире пользоваться техникой мехов. Ты куда лучше поймешь свои лишайники, Ганс. Небольшой симбиоз, а? Это расширит твой кругозор.

– Но вы же не полезете мне под череп? – нерешительно спросил я.

– Нет, – небрежно бросил Модем. – Во всяком случае, не

должны. Твои мозги останутся при тебе.

Я ненадолго задумался.

– А вы сможете уложиться, – я бросил взгляд на часы Уэллспринга, – в тридцать восемь часов?

– Придется поторопиться, – спокойно ответил Модем, отстегиваясь от стола.

Я сделал то же самое.

«Проходная Пешка» отправилась в путь. Во время стартового ускорения моя оболочка была намертво прикреплена к одной из несущих конструкций корабля. Перед стартом я установил зрение на стандартный волновой диапазон, чтобы в нормальном свете увидеть, как начнет проваливаться вниз мой Царицын Кластер.

Слезы обжигали свежие шрамы моих мертвых глазных яблок на тех местах, куда были вживлены тончайшие проволочки. Царицын Кластер медленно вращался, издали напоминая галактику, опутанную паутиной из драгоценных нитей с нанизанными на них самоцветами. То тут, то там по нитям паутины пробегали яркие вспышки: пригороды уже начали утомительную и скорбную работу, освобождаясь от пут, связывавших их друг с другом и с центром. Царицын Кластер агонизировал и корчился в тисках ужаса.

Я тосковал по уютному домашнему теплу моей лиги, ведь залезть в раковину – еще не значит стать омаром. Они мне оставались по-прежнему чуждыми, эти черные демоны, пригорошня песчинок в галактической ночи, человеческая протоплазма в тусклых панцирях, забывшая о своем происхождении.

«Проходная Пешка» напоминала обычный корабль, вывернутый наизнанку. Ее металлический каркас, к балкам которого, словно гниды, лепились омары, окружал со всех сторон ядро корабля – могучие магнитные реакторы. Неутомимые автоматы бесперебойно кормили эти реакторы горючим. Там и здесь к каркасу крепились купола, где омары могли подключаться к своим странным жидкостным компьютерам и куда они прятались во время солнечных бурь.

Они передвигались по кораблю, скользя вдоль наведенных магнитных полей. Они никогда не ели. Они никогда не пили. Каждые пять лет они, словно змеи, «меняли кожу», подвергая свою оболочку очистке от гнусно воняющей накипи разнообразных бактерий, в великом множестве разводившихся в ровном влажном тепле под этой оболочкой.

Они не знали страха. Они были самодовольными анархистами. Самым большим удовольствием для них было

сидеть, приклеившись к каркасу корабля, устремив свои многократно усиленные и обостренные чувства в глубины космоса, наблюдая звезды в ультрафиолетовом или инфракрасном диапазонах или следя за тем, как ползут по поверхности Солнца солнечные пятна. Они могли подолгу просто ничего не делать, часами впитывая сквозь свою оболочку солнечную энергию, прислушиваясь к музыкальному тиканью пульсаров или к звенящим песням радиационных поясов.

В них не было ничего злого, но не было и ничего человеческого. Далекие и ледяные, словно кометы, они казались порождением самого вакуума. Мне казалось, что в них можно предугадать первые признаки пятого пригожинского скачка, за которым лежит пятый уровень сложности, отстоящий от человеческого интеллекта еще дальше, чем интеллект отстоит от амеб, размножающихся простым делением, дальше, чем жизнь отстоит от косной материи.

Иногда они пугали меня. Их вежливое безразличие к человеческим условностям придавало им какое-то мрачное обаяние.

Вдоль фермы бесшумно скользнул Модем, остановился рядом со мной и включил магнитные присоски. Я подключил слух; перекрывая радиошумы работающих двигателей, прямо в моем мозгу послышался его голос:

– Тебя вызывают из ЦК, Ландау. Следуй за мной.

Я заскользил вдоль перил за ним следом. Мы прошли сквозь шлюз одного из стальных куполов, оставив дверь открытой: омары не выносили замкнутых пространств.

На экране передо мной появилось заплаканное лицо Валерии Корстштадт.

– Валерия! – воскликнул я.

– Это ты, Ганс?

– Да, дорогая. Да, это я. Очень рад тебя видеть.

– Сними маску, Ганс. Я хочу увидеть твое лицо.

– Это не маска, дорогая. А мое лицо, боюсь, выглядит сейчас далеко не самым лучшим образом.

– Твой голос звучит как-то странно, Ганс. Совсем не так, как раньше.

– Потому что это не мой голос, а синтезированный радиоаналог.

– Как же мне тогда убедиться, что я говорю именно с тобой? Боже, Ганс... Я так боюсь. Здесь все... все рушится на глазах. Во Фроте – страшная паника. Кто-то – скорее всего псы – перебил в твоем доме все кюветы с агар-агаром, и твои проклятые лишайники расползлись повсюду. Они растут так быстро!

– Они и должны расти быстро, Валерия. Это их главное достоинство. Для того я и выводил новые виды. Пусть их опрыскают металлическим аэрозолем или опылят какими-нибудь производными серы, и через несколько часов с ними будет покончено. Нет никаких причин для паники.

– Как это нет, Ганс. Здесь – эпидемия самоубийств. Приваты превратились в настоящие фабрики по производству трупов. Царицына Кластера больше не существует. И мы потеряли Матку!

– Но остался наш проект! – возразил я. – А Матка сыграла свою роль, роль пригожинского катализатора. Проект, он куда важнее, чем эта чертова королева. Сейчас наступил решающий момент. Пусть члены лиги ликвидируют все свое имущество. Надо немедленно переводить флот на орбиту вокруг Марса!

– Проект! – горько воскликнула Валерия. – Кроме него, тебя ничто не беспокоит! Я погибаю здесь, а ты, с твоим холодом, с твоей шейперской привычкой соблюдать дистанцию, оставил меня один на один с моим отчаянием!

– Валерия, вовсе нет! Я десятки раз пытался поговорить с тобой, но именно ты отгородилась от меня стеной молчания. От меня, который так нуждался в твоем тепле после лет, проведенных под псами...

– Ты давно мог поговорить со мной, если бы хотел этого по-настоящему, – закричала она. – Если бы ты хотел, то давно сломал бы стену молчания. Но ты ждал, пока я сама приползу к тебе, виляя хвостом от унижения. А сейчас? Телекамеры псов или черные панцири омаров, какая разница, Ганс? Какая разница, что именно нас разделяет?

Я почувствовал, как по моей онемевшей коже растекается горячая волна бешенства.

– И ты еще смеешь в чем-то меня упрекать! – воскликнул я. – Откуда мне было знать о существовании всех этих ваших нелепых ритуалов, ваших пошлых маленьких тайн! Я думал, ты отбросила меня в сторону, как использованный грязный носовой платок, и глумливо смеешься надо мной, очередной раз предаваясь разврату с Уэллспрингом. Неужели ты всерьез считала, что я вступлю из-за тебя в схватку с человеком, которому обязан своим спасением? А ведь я был готов вскрыть себе вены, лишь бы лишний раз увидеть твою улыбку. Ты же не принесла мне ничего, кроме несчастий и горя!

Валерия смертельно побледнела. Ее губы шевелились, но она не могла произнести ни единого слова. Затем по ее лицу скользнула странная, полная отчаяния улыбка...

Связь прервалась. Я стоял перед мертвым, пустым и черным экраном.

– Мне надо вернуться, – сказал я, повернувшись к Модему.

– Очень жаль, – ответил он, – но это невозможно. Во-первых, если ты вернешься, тебя просто-напросто убьют. Потом, у нас не хватит энергии для такого маневра. Мы везем слишком массивный груз. – Он пожал плечами. – И последнее – ЦК сейчас в состоянии разложения и распада. Но туда в течение, недели должны прилететь наши коллеги со вторым грузом двигателей. Раз Царицыну Кластеру пришел конец, они смогут получить за свой товар максимальную цену.

– Откуда тебе известны такие подробности?

– У нас есть свои источники информации.

– Уэллспринг?

– Кто, он? Его там уже нет. Он хотел быть на орбите Марса, когда туда врежется вот это. – Модем повел рукой в сторону плоскости эклиптики. Я проследил его движение взглядом, настроив свое зрение на видимый диапазон, и увидел там, куда он показывал, далекие вспышки пламени, проблески огня, вырывавшегося из дюз мощных двигателей.

– Лестероид, – сказал я.

– Да. Комета, предвещающая, так сказать, несчастья и беды. Прекрасный символ, олицетворяющий все, что происходит сейчас в Царицыном Кластере.

Даже здесь чувствовалась рука Уэллспринга. Когда эта ледяная гора пройдет мимо Царицына Кластера, тысячи охваченных отчаянием людей будут провожать ее глазами. Вдруг я почувствовал, как меня поднимает ввысь на своих крыльях надежда.

– Как насчет того, чтобы высадить меня туда? – спросил я.

– На лестероид? – догадался Модем.

– Да. С него ведь должны в последний момент снять двигатели, верно? Уже на орбите Марса. Там я смогу присоединиться к моим друзьям и не пропущу великий момент пригожинского катализа!

– Сейчас проверю. – Модем повернулся к жидкостному компьютеру и ввел в него длинный ряд чисел. – Так... – сказал он спустя минуту. – Да. Это возможно. Я могу продать тебе маленький ранцевый двигатель. С помощью киберштурмана ты можешь попасть на лестероид примерно через семьдесят два часа.

– Прекрасно! – воскликнул я. – Великолепно! Начнем это прямо сейчас.

– Очень хорошо, – спокойно сказал Модем. – Осталось лишь подумать о цене.

У меня оказалось достаточно времени, чтобы подумать о цене; пока ранцевый двигатель нес меня сквозь зияющую пустоту.

Думаю, я принял единственно верное решение. Биржа ЦК приказала долго жить, поэтому мне все равно были нужны новые коммерческие агенты для реализации моих камней с Ейте Дзайбацу. Конечно, омары – жутковатые создания, этого у них не отнимешь. Но я интуитивно чувствовал, что могу им доверять.

Киберштурман обеспечил мне спокойную мягкую посадку на солнечной стороне астероида, который слегка подтаивал под лучами Солнца. Легкие, но хорошо заметные в инфракрасном диапазоне струйки пара то здесь, то там вырывались из трещин в голубом льду.

Лестероид представлял собой обломок, образовавшийся некогда в результате распада одной из древних ледяных лун Сатурна. То была громадная ледяная гора, покрытая застарелыми шрамами зазубренных по краям расщелин. Она напоминала формой гигантское яйцо, размерами три на пять километров. Его поверхность, покрытая оспинами небольших ямок, была ярко-голубой – характерный вид для льда, миллионы лет находившегося под воздействием мощных электрических полей.

Я выпустил шипы из своих перчаток и, цепляясь ими за ледяную поверхность, перетащил свой ранцевый двигатель в тень. Энергетические ресурсы двигателя были почти полностью истощены, но мне все же не хотелось, чтобы вырывающиеся из расщелин струи пара унесли его в открытый космос.

Затем я раскрыл тарелку – антенну, проданную мне Модемом, – сориентировал ее в сторону ЦК и подключился к ней.

Катастрофа, постигшая ЦК, была поистине тотальной. Царицын Кластер всегда гордился свободой своего радио-и телевещания, важнейшей составной частью присущего ему общего духа всеобъемлющих свобод. Теперь же, и атмосфере общей паники, это вещание выродилось в потоки туманных завуалированных угроз, и, что самое плохое, по всему диапазону то там, то здесь вспыхивала предательская захлебывающаяся морзянка закодированных сообщений.

Крещендо посулов и угроз нарастало подобно лавине, пока наиболее могущественные группировки сами себя не подвели к краю обрыва, за которым начиналась гражданская война. Коридоры пригородов и туннели дорог кишели мародерствующими псами, слепо выполнявшими приказы обезумевшей от страха элиты. Насквозь порочные марионеточные суды раздавали направо и налево жесточайшие приговоры, лишая всех несогласных их статуса, имущества, а зачастую – и жизни. Не дожидаясь очередного неправедного вердикта, многие из диссидентов сами оканчивали свой путь в приватах.

Никакие детские учреждения не работали. С неподвижными

лицами и застывшими глазами, дети бесцельно скитались по опустевшим холлам, оглушая себя мощными супрессантами. От неумеренного потребления ингалянтов-допингов биржевики, харкая кровью, обессилено падали на клавиатуру своих компьютеров. Женщины голыми выбрасывались из воздушных шлюзов, испуская свой последний выдох в виде сверкающей на солнце струи кристаллов замороженного воздуха. Остальные цикады либо проливали у себя дома слезы над навсегда утраченным благоденствием, либо, отупев от отчаяния и наркотиков, бессмысленно гуртовались в неосвещенных бистро.

Многовековая борьба за место под солнцем отточила волчьи зубы картелей до неимоверной остроты. И теперь они рвали этими зубами на части агонизирующее тело ЦК. Рвали с холодной кибернетической отточенностью механистов, со скользким, не признающим никаких моральных ограничений коварством шейперов. Промышленность ЦК подверглась захвату и дикому разграблению. Коммерческие агенты и надменные дипломаты, соперничая друг с другом, выхватывали друг у друга ее сочащиеся живой кровью, теплые, дымящиеся куски. Толпы нанятых ими ко всему безразличных людей наводнили дворец Царицы, гадя по углам и бессмысленно разрушая все, что нельзя было украсть.

Сцепившиеся в дикой схватке фракции ЦК угодили в классический двойной капкан, в ловушку, уже давно угрожавшую человечеству. С одной стороны, намертво увязанный с последними техническими достижениями образ жизни и мыслей неуклонно подталкивал общество к взаимному недоверию и распаду. С другой стороны, разобщенность и самоизоляция сделали все эти фракции легкой добычей мощных, объединенных в монолит картелей. Вдобавок повсюду свирепствовали пираты и приватеры. Картели на словах осыпали их проклятиями, а на деле – поддерживали.

А я? Я, вместо того чтобы помогать моей родной Полиуглеродной лиге, был сейчас всего лишь исчезающе малой черной точкой в пространстве, тускло-черной спорой, прилепившейся к обрыву несущейся в пустоте ледяной горы.

Но именно эти скорбные дни помогли мне познать истинную цену моей новой оболочки. Если и дальше все пойдет так, как предусмотрено Уэллспрингом, не за горами новые возрождение и расцвет. А мне было суждено пережить тяжелые времена в моей спороподобной оболочке, уподобившись высохшему, гонимому ветром маленькому клочку лишайника. Клочку, который с легкостью может провести в таком состоянии долгие десятилетия, чтобы, попав в более благоприятные условия, вспыхнуть в один

прекрасный день цветущей волной всепобеждающей жизни. Да, Уэллспринг проявил присущую ему мудрость, обеспечив меня такой оболочкой. Я всецело ему теперь доверял. И я не мог обмануть его ожидания.

Меня одолевала скука; я мало-помалу погрузился в медитативный ступор. Мои чувства, зрение и слух простерлись далеко за пределы возможного, мое сознание растворилось в себе самом и я оказался в ревущем предсуществовании пригожинского горизонта событий. Пространство-время, второй уровень сложности, заявляло о себе скулящим воем далеких звезд, раскатистым ропотом планет, треском и шипением разворачивающегося Солнца.

Прошло немало времени, прежде чем меня вновь пробудили к жизни космическая пустота и безысходность вечной симфонии Марса. Тогда я отключил усилители своей оболочки.

Они были мне больше не нужны.

Я направился к южной оконечности астероида, где, по моим расчетам, должна была высадиться команда, посланная для демонтажа двигателей. Автономная киберсистема уже переориентировала ледяную гору, подготовив ее к частичному торможению, поэтому именно с южной оконечности теперь открывался самый хороший вид на древнюю планету.

Не успели стихнуть последние толчки тормозных дюз, как на ледяную гору тихо опустился пиратский корабль. Это было изящное и прекрасное судно шейперов, с широко раскинутыми крыльями солнечных парусов из тончайшей, переливающейся всеми цветами радуги пленки. Сверкающий корпус из органометалла скрывал под собой мощнейшие магнитные реакторы восьмого поколения, позволявшие кораблю развивать фантастическую скорость. Торчащие из бортов тупые дула оружейных киберсистем лишь подчеркивали стремительную плавность его обводов.

Я бросился в укрытие, стараясь как можно глубже вжаться в оказавшуюся поблизости ледяную трещину, чтобы не быть обнаруженным корабельным радаром. Я ждал долго, потом любопытство пересилило страх, я выбрался наружу и пополз вдоль зазубренной кромки льда, пока не нашел себе удобную для наблюдения точку.

Корабль стоял, балансируя на тонких подпружиненных манипуляторах, напоминавших коленчатые ноги богомола; когти манипуляторов глубоко вонзились в голубой лед. С корабля высыпала толпа роботов, которая теперь вгрызалась в поверхность ровного, как стол, плато.

Я никогда не боялся роботов и смело устремился по льду в их

сторону, чтобы поближе понаблюдать за их странными манипуляциями. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Я смотрел, как неуклюжие автоматы ковыряют и дробят лед. На глубине десяти метров они наткнулись на тускло сияющую металлическую плиту.

То был воздушный шлюз.

Роботы остановились. Они ждали. Время шло, но никаких приказов не поступало. Их программа кончилась, они припали к поверхности астероида, отключили свои системы и замерли неподвижно, такие же мертвые, как окружавшие меня глыбы льда.

На всякий случай я решил сперва осмотреть корабль. Как только открылся шлюз, корабль ожил, заработали системы жизнеобеспечения. Я прошел в рубку. Кресло пилота пустовало.

Кроме меня, на борту не было ни души.

Почти два часа ушло, пока я разобрался в хитросплетениях бортовых киберсистем. Когда все было кончено, я окончательно убедился в том, что подозревал с самого начала. Это был корабль Уэллспринга.

Выбравшись наружу, я подполз по льду к плите воздушного шлюза. Люк открылся мгновенно. Уэллспринг не любил усложнять вещи без крайней необходимости.

За второй крышкой шлюза скрывалось помещение, залитое ослепительным бело-голубым светом. Я подкорректировал электронные системы моего зрения и прополз дальше.

В дальнем конце помещения стояло ложе из драгоценных камней. Собственно, это даже была не кровать в обычном понимании этого слова, просто беспорядочно наваленная рыхлая груда самоцветов.

На вершине груды спала Царица.

Я переключил диапазон зрения. От Матки не исходило никакого инфракрасного излучения. Она лежала совершенно неподвижно; ее руки, скрещенные на груди, судорожно сжимали какой-то предмет; трехпалые ноги были вытянуты; массивный хвост свернут в кольцо и уложен между ног. Ее громадная голова, размером с торс взрослого мужчины, была прикрыта напоминавшим корону шлемом, инкрустированным сверкающими бриллиантами. Она не дышала, глаза ее были закрыты; за толстыми, слегка приоткрытыми чешуйчатыми губами виднелось два ряда крючкообразных желтоватых зубов, Она была холодна как лед и погружена в свойственный пришельцам криогенный сон. Только теперь мне стал до конца ясен хитроумный замысел Уэллспринга. Матка сама, сознательно и добровольно принимала участие в своем похищении.

Уэллспринг дерзко и бесстрашно проделал этот трюк, чтобы обвести вокруг пальца своих соперников и начать все заново на орбите Марса. Поразительная по своей смелости попытка поставить всех перед свершившимся фактом, которая, обернись она удачей, дала бы ему и его адептам поистине неограниченную власть.

Я стоял в немом восхищении, пораженный грандиозностью его планов. Одно оставалось мне непонятным: почему его самого не оказалось на корабле. Без сомнения, где-то на судне находились медикаменты, способные пробудить Матку и вдохновить ее на создание нового Кластера.

Я подошел ближе. Никогда раньше мне не приходилось сталкиваться с Инвесторами лицом к лицу.

И все же спустя несколько мгновений я понял: что-то неладно. Сперва мне показалось, что виной всему игра света и тени, но затем я как следует разглядел то, что Матка сжимала в своих руках.

То был мой самоцвет с лишайником. Стиснутый с чудовищной силой ее клешнеобразными лапами, камень дал скол вдоль одной из граней. Освобожденный из своей тюрьмы, пришпоренный адским сиянием неземного освещения, лишайник тронулся в рост, расчищая себе дорогу кислотами, выделяемыми из его корней. Он вскарабкался по чешуйчатым пальцам Матки, оплел ее запястья, взорвался в пароксизме размножения и уже покрыл все тело Царицы. Она буквально сияла зеленью и золотом жадно пожиравшей все, бурлящей от жизненных сил, пушистой накипи. Этой участи не минули даже ее губы. Даже глаза.

Постояв еще немного, я снова отправился на корабль. О нас, шейперах, всегда говорят, что только в ситуациях по-настоящему стрессовых мы можем показать все, на что способны. Я вновь активировал роботов и приказал им заделать дыру во льду. Они быстро набили ее ледяными обломками, которые затем сплавили в монолит при помощи остатков энергии из моего ранцевого двигателя.

Я действовал лихорадочно, подчиняясь только своей интуиции. Но мой опыт давно научил меня доверяться ей в трудную минуту. Именно поэтому я поборол отвращение, раздел Царицу и погрузил на корабль все ее драгоценности, до последнего камешка. Уверенность, с которой я действовал, лежала за пределами обычной логики. Будущее было распростерто передо мной, словно тело прекрасной женщины, полудремлющей в сладкой истоме в ожидании объятий любовника.

Все записи Уэллспринга теперь принадлежали мне. Этот

корабль был его святая святых, последним убежищем, хранимым на непредвиденный случай. Я до конца понял его чувства, и теперь они тоже стали моими.

Его мертвая рука взяла за шиворот представителей всех существовавших в Царицыном Кластере группировок и фракций и заставила их стать свидетелями пригожинского скачка. На орбите вокруг Марса уже находился новый протокластер, созданный и управляемый автоматами. Находившимся там наблюдателям пришлось беспрекословно мне подчиниться, ведь автоматы управлялись с моего корабля.

Затем к Марсу стали прибывать первые, охваченные паникой беженцы. От них-то я и узнал, какой конец был уготован Уэллспрингу самой судьбой. Вслед за обескровленным трупом Валерии Корстштадт, Уэллспринг ногами вперед покинул один из приватов Фрота. Никогда уже не суждено Валерии воздействовать на других мощью своего обаяния; никогда ее харизма уже не подчинит себе вновь членов нашей лиги. Возможно, то было двойное самоубийство. Возможно. Но, скорее всего, Валерия сперва убила Уэллспринга, а уже потом покончила с собой. Уэллспринг никогда не верил в то, что есть хоть что-нибудь, с чем ему не удастся справиться. Вызов, брошенный им безумной женщине и бессмысленному миру, был частью этой веры. Но и для него был установлен предел. Он перешел этот предел и умер. А детали, навсегда сохраненные в тайне молчаливым приватом, не играли здесь ровным счетом никакой роли.

Когда я узнал эти новости, ледяной панцирь вокруг моего сердца сомкнулся раз и навсегда. Отныне и навеки.

Когда лестероид начал свой последний путь, вонзившись в хилую марсианскую атмосферу, я включил передатчики корабля. В эфире зазвучало завещание Уэллспринга.

Это завещание было чистой фикцией. Я состряпал его, имея в своем распоряжении записанные на пленку дневники. И уж проще простого оказалось изменить свой синтезированный голос, подделать его так, чтобы он стал неотличимым от голоса Уэллспринга. Так было необходимо. Я должен был обеспечить будущее МК, Марсианского Кластера, а потому во всеуслышание объявил себя единственным наследником Уэллспринга.

Власть и могущество сами концентрировались вокруг меня, попутно обрастая самыми невероятными слухами. Говорили, что под тусклой черной оболочкой скрывается не кто иной, как сам Уэллспринг, а Ландау, подлинный Ганс Ландау, был тем самым человеком, который принял смерть вместе с Валерией Корстштадт.

Я поддерживал эти слухи. Такие легенды и мифы еще крепче

объединяли Кластер. Я знал, что МК станет великой столицей, где не будет места соперничеству. Наконец абстракции начали облекаться в плоть и кровь, оживали прекрасные фантомы. МК суждено было безостановочно набирать силу. Одни только мои самоцветы служили таким надежным фундаментом для его процветания, что этому могло только позавидовать большинство картелей.

Понять – значит простить. Я простил Уэллспринга. Его ложь, его хитрость, его обманы сослужили мне куда лучшую службу, чем могла бы сослужить химера так называемой «правды». Помните? Если нам нужна точка опоры, мы должны встать в центр и найти ее в том, что нас окружает.

Я помню ту, леденящую кровь, завораживающую красоту первого столкновения. Непреклонную прямолинейность последнего полета ледяной горы. Первый лестероид был одним из многих. Но он был первым! Только тогда, когда я увидел молочно-белый всплеск на месте его встречи с поверхностью Марса, оргазмически содрогающийся фонтан пара, в который превратилась ледяная усыпальница Матки, только тогда я до конца понял то, что всегда знал мой учитель. Человек, движимый великой целью, может все. И ничего не боится. Совсем ничего.

Скрываясь под своими черными доспехами, я железной рукой правлю Полиуглеродной лигой. Члены лиги, входящие в ее элиту, стали моими советниками. Да, я помню о холоде. Но я не боюсь его больше. Мой страх перед холодом остался в прошлом. Он похоронен в нем, как похоронен теперь холод Марса под ковром бушующей зелени. Мы вдвоем, я и Уэллспринг, вырвали целую планету из объятий смерти. Теперь я остался один. Но я не боюсь холода.

Ни капельки не боюсь.

Глубинные сады

Краулер Мирасоль скакал по колдобинам Моря Адриана под истерзанным марсианским небом. Близ границ тропосферы на бледно-сиреневом фоне извивались грязные ленты струйных течений. Мирасоль наблюдала за ветром сквозь изъеденное песком, почти матовое лобовое стекло. Ее преобразованный мозг предлагал череду визуальных аналогий: змеиные гнезда, сети, полные темных угрей, паутина черных артерий.

С утра краулер упорно спускался на равнину Эллады, и атмосферное давление возрастало. Марс лежал под толстым воздушным одеялом, как больной в лихорадке, истекая подпочвенным льдом.

На горизонте под извечными письменами струйных течений с головокружительной скоростью поднимался грозовой фронт.

Мирасоль эту равнину не знала. Восстановительный лагерь, закрепленный за ее группой, паттернистами, располагался в северной части Большого Сырта. Ветры там были обычным делом и достигали двухсот миль в час, и их загерметизированный лагерь трижды оказывался погребенным под барханами.

Мирасоль понадобилось восемь дней непрерывного передвижения, чтобы достичь экватора.

Сверху, из заоблачных высот, Властители помогали ей держать курс. Их орбитальный город-государство, Терраформ-Кластер, был узловым центром системы спутников слежения. Оказывая Мирасоль помощь, Властители тем самым давали ей понять, что она находится под их неусыпным оком.

Краулер резко накренился - шесть его острых ног заскребли по крутому склону ямы. Мирасоль внезапно увидела в стекле отражение своего лица бледного, напряженного, с мечтательно погруженными в себя темными глазами. Это было неприметное лицо, красивое обезличенной красотой, характерной для шейперов. Она протерла глаза пальцами с обгрызенными ногтями.

На востоке на большой высоте отплыла в сторону большая, висящая прямо в воздухе земляная глыба, и показалась Лестница В Небо - мощный якорный канат с Терраформ-Кластера.

Над поясом ветров канат исчезал из виду в металлическом блеске Кластера.

Мирасоль смотрела на нависший над планетой город со смешанным чувством зависти, страха и уважения. Ей еще не случалось оказаться так близко к Кластеру или к столь важной для них всех Лестнице, соединявшей Кластер с поверхностью

Марса. Как и большая часть молодого поколения ее группы, она ни разу не бывала в космосе. Властители бдительно держали их на карантинном положении в лагере на Сырте.

Жизнь пришла на Марс нелегко. Сотню лет Властители с Терраформ-Кластера бомбардировали поверхность планеты гигантскими глыбами льда. Этот проект "планетарной инженерии" был самым масштабным, дерзким и успешным деянием человека в космосе

Колоссальной силы удары пробили огромные кратеры в марсианской коре и выбросили в жиденькую атмосферу планеты тонны пыли и пара. С ростом температуры глубинные океаны, скованные вечной мерзлотой, с ревом вырвались на поверхность, образовав переплетения оврагов и необъятные поля жидкой грязи, гладкие и неживые, как телевизионный экран. На этих просторах и на скованных морозом стенах каналов, на скалах и в кратерах расплодился трансплантированный лишайник - и стал бурно захватывать территорию, пожирая всё и вся. На ступени Эридания, в извилистых каньонах Копрата, в сырых и стремительно убывающих зонах полярных льдов поверхность покрывали колоссальные и цепкие заросли зловещего вида. Для неживой природы это было настоящим экологическим бедствием.

По мере того как набирал силу "терраформинг" - программа оземеливания Марса, - росло и могущество Терраформ-Кластера.

Будучи нейтральным пунктом в междоусобных войнах человечества, ТК был жизненно важен для финансистов и банкиров каждой из сторон. Даже инопланетяне-Инвесторы, эти несказанно богатые рептилии, свободно путешествующие по Вселенной, сочли ТК полезным и почтили его своим покровительством.

И тем временем как граждане ТК, Властители, наращивали свою мощь, мелкие группировки слабели и оказывались в их власти. На Марсе оказалось множество групп-банкротов, которые, попав в финансовую зависимость от плутократов ТК, были переселены на поверхность планеты.

Потерпев поражение в космосе, переселенцы были вынуждены пользоваться благотворительностью Властителей, которые поручили им заняться экологией глубинных садов. Десятки групп жили на карантинном положении в безрадостных восстановительных лагерях, обособленно друг от друга, скудно и невесело.

А прозорливые Властители пользовались своей властью весьма искусно. Неожиданно для самих себя группировки оказались погрязшими в темные биоэстетические дебри философии постгуманизма, постоянно подвергаясь

развращающему воздействию телевидения Властителей, учений Властителей, культуры Властителей. Со временем даже самая стойкая группа будет сломлена и поглощена культурой ТК. Тогда членам группы разрешат покинуть лагерь и подняться по Лестнице.

Но сначала придется доказать свое право на это. Такую возможность паттернисты ждали долгие годы. Наконец она появилась в виде турнира на кратере Ибис - экологического состязания между группами, победители которого получат право на статус Властителей. Шесть групп послали своих представителей к древнему кратеру Ибис, и каждый был вооружен сильнейшими биотехнологиями. Это будет война глубинных садов, а призом станет Лестница.

Краулер Мирасоль полз вдоль расселины по каменистой пересеченной поверхности, где вечная мерзлота, оседая, оставила карсты и карстовые воронки. Через два часа расселина внезапно кончилась, и перед Мирасоль вырос горный хребет из массивных глыб и валунов. На некоторых проступал глянец расплава, образовавшегося при ударе, другие были в пятнах лишайника.

Когда краулер полез вверх по склону, выглянуло солнце, и Мирасоль увидела внешний ободок кратера, причудливо разрисованный зеленью лишайников и сияющий белизной снега.

Уровень содержания кислорода неуклонно возрастал. Теплый влажный воздух сочился из-под карниза кратера, оставляя тонкую пленку изморози. Сюда со скоростью пятнадцати километров в секунду рухнул астероид с колец Сатурна весом в полмиллиона тонн. Но затем на протяжении двух столетий дождь, ползучие ледники и лишайники грызли вершину кратера - и рваные края давней раны сгладились и зарубцевались.

Краулер с трудом поднимался по бороздчатому желобу ледникового русла. Вдоль желоба завывал, как на похоронах, холодный горный ветер, а по стенкам к обнаженным прожилкам льда лепились цветущие заплаты лишайника.

На некоторых камнях виднелись полоски отложений из древних марсианских морей. Ударная волна подняла их на поверхность и перевернула.

Была зима - время подстригать глубинные сады. Ненадежная осыпь вокруг кратера была скована смерзшейся грязью. Краулер обнаружил ледник и, цепляясь, пополз по ледяной поверхности вверх. Сырой склон был испещрен сотнями красно-белых складок, образованных зимним снегом и летней пылью, занесенной сюда ветрами. С годами полосы покоробились и пошли пузырями по гладкой поверхности ледника.

Мирасоль достигла гребня. Краулер, как паук, побежал по

заснеженной кромке. Внизу, в чаше кратера глубиной в восемь километров, кипел воздушный океан.

Мирасоль изумленно смотрела. Внутри этого гигантского воздушного поддона диаметром в двадцать километров величественные дождевые облака, образовав разомкнутое кольцо, влачили свои темные шлейфы по зеркальной глади линзовидного моря, словно герцогини, танцующие кадриль на паркетном полу бальной залы.

Густые желто-зеленые мангровые леса окаймляли мелкое море и захватывали расположенные в центре островки. Деревья были усеяны ярко-алыми точками. Это были ибисы. Внезапно целая стая расправила крылья и взмыла в воздух, рассеявшись по всему кратеру. Мирасоль была потрясена простотой и смелостью этого экологического творения, его грубой, первобытной жизненной силой.

И вот это она пришла уничтожить. Такая мысль наполнила ее сердце печалью.

Потом ей вспомнились те годы, когда она стремилась всячески подольститься к своим учителям-Властителям, помогая им уничтожать свою собственную культуру. И когда появился шанс подняться по Лестнице, группа выбрала ее. Мирасоль заставила себя забыть о печали, вспомнив о своих честолюбивых помыслах и о соперниках.

Собственно говоря, вся история человечества в космосе представляла собой длинную череду честолюбивых помыслов и соперничества. Космические колонии с первых дней стремились к самодостаточности и очень быстро прекратили сношения с истощенной Землей. Благодаря автономным системам жизнеобеспечения колонии приобрели менталитет независимых городов-государств. В тепличной атмосфере о'нилов расцветали причудливые идеологии, и отколовшиеся группы стали обычным явлением.

Поддерживать порядок на просторах космоса было невозможно.

Возникали элиты первопроходцев, дерзко бросавшие в лицо остальным свои аномальные технологии, развитию которых никто не мог воспрепятствовать. И совершенно неожиданно степенная поступь научного прогресса превратилась в дикий, беспорядочный бег. Ударные волны новых наук и технологий разнесли в клочья целые сообщества.

Осколки прежних культур сливались в группировки, столь существенно отчужденные друг от друга, что "человечеством" их называли лишь за отсутствием более точного термина. Например, шейперы подчинили себе собственный генетический механизм и,

вызвав искусственный эволюционный взрыв, далеко оторвались от прочего человечества. Их соперники, механисты, заменили плоть усовершенствованными протезами.

Паттернисты - группировка, к которой принадлежала Мирасоль, откололись от фракции шейперов.

Паттернисты специализировались в церебральной асимметрии. Имея чрезмерно развитые правые полушария мозга, они отличались выдающейся интуицией, склонностью к метафорам, параллелям и внезапным озарениям. Их творческие умы и прихотливая, непредсказуемая гениальность поначалу давали им некоторую фору в конкурентной борьбе. Но эти преимущества породили и очень серьезные недостатки, такие как паранойя и аутизм. Их образные системы, они же паттерны, выходили из подчинения разума и превращались в причудливые сплетения фантазмов.

При таких дефектах колония стала быстро хиреть. Пришла в упадок промышленность, задавленная предприимчивыми соседями. Конкуренция стала намного жестче. Картели шейперов и механистов превратили коммерческую деятельность в некое подобие тотальной войны. Паттернисты свою игру проиграли, и настал тот день, когда их зона обитания оказалась скупленной на корню плутократами-Властителями. В некотором смысле это был акт милосердия. Властители были публикой учтивой и гордились своим умением ассимилировать беженцев и неудачников.

Сами Властители тоже начинали свой путь диссидентами и перебежчиками. Их постгуманистическая философия придала им моральные силы и спокойную уверенность в своем праве господствовать над группировками, оказавшимися на задворках человечества, и поглощать их К тому же они пользовались поддержкой Инвесторов, которые обладали несметным богатством и секретами звездоплавания.

Радар краулера предупредил Мирасоль о появлении транспортного средства конкурирующей группы. Приподнявшись с водительского диванчика, она вывела на экран изображение этой машины. Шишковатый шар, неловко балансирующий на четырех длинных и тонких ножках. Выделяясь на фоне горизонта, он быстро, враскачку, прошелся по противоположному карнизу кратера, а потом исчез из виду, спустившись по внешнему склону.

Мирасоль подумала, нет ли тут какого-нибудь жульничества. Ее саму так и тянуло смошенничать - спустить в кратер несколько пакетиков с замороженными аэробными бактериями или пару десятков капсул с яйцами насекомых. Но она боялась кружащих по орбите мониторов наблюдателей из ТК. Ставка была слишком высокой - не только ее собственная карьера, но и дальнейшая

жизнь всей группы, прозябающей в нищете и отчаянии в своем восстановительном лагере. Говорили, что сам повелитель ТК, постчеловек, которого все называли королем Омаром, будет лично наблюдать за состязанием. Опозориться у него на глазах - под его холодным и равнодушным взглядом было бы просто ужасно.

Прямо под ней на внешнем склоне кратера появилась вторая машина соперников, скользя и извиваясь с безумно-агрессивной грацией. Длинный и гибкий корпус двигался, петляя, словно змея, и гордо сияя массивной головой, похожей на зеркальный фасетчатый шар.

Оба конкурента стремились к одному месту - сборному пункту, где шестеро участников получат последние инструкции от Властителей. Мирасоль прибавила скорость.

Когда на экране высветился лагерь, Мирасоль остолбенела от изумления. Он был нелеп и огромен - наркотический мираж из геодезических куполов и разноцветных минаретов, рассыпавшихся по поросшей лишайником степи, словно осколки упавшей хрустальной люстры. Лагерь Властителей.

Здесь расположатся арбитры и знатоки био-арта, которые будут принимать решение по кратеру, когда внедренные экосистемы начнут бороться за первенство.

Шлюзы лагеря были окружены глянцевитыми зелеными зарослями лишайника: растительность жадно пожирала просачивающуюся изнутри влагу Мирасоль проехала в своем краулере через распахнутый шлюз в гараж. Там два робота-механика драили кольца стометровой змеи-вездехода и сверкающее черное брюхо восьминогой шагалки. Черная шагалка стояла на полусогнутых ногах, втянув телескопическую голову, словно изготовясь к прыжку. На ее раздувшемся брюхе красовались изображение красных песочных часов и корпоративные эмблемы группировки.

В гараже пахло пылью, смазкой и цветочными духами. Мирасоль не стала мешать механикам и на негнущихся ногах направилась по длинному коридору, на ходу разминая затекшие мышцы спины и плеч. Ажурная металлическая дверь упруго разлетелась на проволочки и, пропустив Мирасоль, вновь приняла прежний вид.

Она оказалась в столовой, которая сотрясалась и звенела от пронзительных монотонных звуков музыки Властителей. Стены были оборудованы высокими мониторами с изображениями поразительно прекрасных садов. Упитанного вида робофициант с раздутым, словно больным, корпусом из металлоорганики и тыквообразной улыбающейся головой провел Мирасоль к ее

креслу.

Она села, продавив коленями тяжелую белую скатерть. Всего за столом было семь мест. Во главе стояло высокое кресло, предназначенное для Властительного советника. Место, отведенное Мирасоль, не оставляло иллюзий касательно ее статуса - она сидела в самом конце стола, по левую руку от советника.

Двое из соперников уже сидели за столом. Один из них был высокий рыжеволосый шейпер с длинными и тонкими руками. Заостренные черты лица и блестящие настороженные глаза придавали ему вид сварливой птицы. Вторым был мрачный, зловещего облика механист с руками-протезами и в полувоенном кителе с красными солнечными часами на погонах.

Мирасоль молча и искоса смотрела на двух своих соперников, изучая их. Оба они были молоды, как и она. Властители благоволили к молодежи и всячески поощряли рост населения среди плененных ими группировок.

Эта хитроумная политика подрывала позиции старой гвардии в каждой группировке посредством их же детей, с рождения подвергавшихся идеологической обработке Властителей.

Рыжий в своем кресле, расположенном по правую руку рядом с креслом советника, чувствовал себя явно неловко. Вид у него был такой, будто он хотел что-то сказать, но все не решался. Пиратского обличил мех сидел, уставясь на свои протезы. Уши у него были заткнуты наушниками.

Возле каждого места стояла груша со спиртным. Властители, привыкшие на орбите к невесомости, пользовались такими грушами по привычке, и наличие их на этом столе было одновременно и почетным, и унизительным.

Дверь, затрепетав, растворилась вновь, и в комнату ввалились, словно наперегонки, еще два участника состязания. Первым был упитанный мех, еще не привыкший к силе тяготения, - его обвислые конечности поддерживал экзоскелет. Второй была круто мутантная шейпер, ноги которой имели локти вместо коленей, а заканчивались ладонями Пальцы нижних рук украшали толстые кольца, позвякивавшие друг о дружку, когда шейпер вперевалочку шла по паркету.

Ногорукая женщина уселась напротив рыжего. Они стали с запинками переговариваться на языке, который всем прочим был непонятен. Человек в каркасе, шумно дыша, рухнул в кресло напротив Мирасоль. Он явно страдал. Его пластиковые глаза были не выразительнее осколков бутылки. Муки, вызванные притяжением, показывали, что на Марсе он новичок, а его место за столом свидетельствовало о принадлежности к довольно

влиятельной группировке. Мирасоль таких презирала.

Она ощутила себя в капкане дурного сна. Все в облике ее соперников говорило о полной неспособности к выживанию. Вид у них был загнанный и голодный, как у потерпевших кораблекрушение: Вот они сидят на плоту, полуживые от голода, и с тайным вожделением ждут - кто же подохнет первым.

Она увидела в ложечке свое отражение и тут же представила, как сама выглядит в глазах окружающих. Правое, интуитивное полушарие, разбухшее до нечеловеческих размеров, деформированный череп. Стандартно-красивое лицо, продукт генетических манипуляций, но выражение усталое и безрадостное - она чувствовала это всей своей кожей. Ее фигура казалась бесформенной под клетчатой водительской курткой, полувоенной рубашкой цвета хаки и такими же точно штанами. Кончики пальцев воспалены из-за привычки грызть ногти. Она ощутила в себе ауру обреченности и умирания, типичную для старшего поколения ее группы - тех, кто дерзнул попробовать силы в великом мире космоса, но не преуспел. И возненавидела себя за это.

Они все еще ждали шестого участника, когда грохот музыки внезапно усилился, и прибыл Властительный советник, точнее, советница. Ее звали Аркадия Сорьенти Инкорпорэйтед, и она принадлежала к правящей олигархии Властителей. Она вошла в разлетевшуюся дверь, чуть покачиваясь, аккуратными шажками женщины, не привыкшей к тяготению.

На ней было облачение дипломата высокого ранга, сшитое по моде Инвесторов. Властители гордились своими дипломатическими контактами с чужеродными Инвесторами, поскольку именно покровительство Инвесторов обеспечило им несметные богатства. На носках сапожек Сорьенти, доходивших до колен, имелись накладные птичьи когти, чешуйчатые, как шкуры Инвесторов. Ее корпоративное превосходительство была одета в тяжелую юбку из золотых нитей, усеянных драгоценными камнями и строгий официальный пиджак с расшитыми манжетами. Позади головы возвышался стоячий воротник, образуя разноцветный гребень. Ее светлые косички были переплетены невероятно сложным образом и напоминали провода в компьютере. Кожа ее голых ног ослепительно блестела, будто ее только что покрыли эмалью. Веки, отливали мягкими пастельными тонами, как у рептилии.

Один из двух личных роботов помог ей сесть. Сорьенти приветливо наклонила голову и переплела пальцы красивых маленьких рук, столь густо усаженных кольцами и браслетами, что они напоминали сверкающие рукавицы.

- Надеюсь, что все вы с удовольствием воспользовались возможностью непринужденной беседы, - сладко проворковала она, будто нечто подобное было на самом деле возможно. - Прошу извинить меня за опоздание. Шестой участник соревнования не почтит нас своим присутствием.

Объяснений не последовало. Властители никогда не оповещали о каких-либо своих действиях, могущих быть истолкованными как наказание. Взгляды соперников, удивленные и в то же время расчетливые, показывали, что они воображают самое худшее.

Двое приземистых робофициантов обходили стол, раскладывая еду из подносов, пристроенных на их раздутых головах. Соперники безо всякой охоты ковырялись в тарелках.

За креслом советницы вспыхнул экран, и на нем появилось схематическое изображение кратера Ибис.

- Прошу обратить внимание на измененные линии границ, - сказала Сорьенти. - Надеюсь, что каждый из вас постарается избежать вторжения на чужой участок не только физически, но и биологически. - Она серьезно их оглядела. - Возможно, некоторые из вас намереваются воспользоваться гербицидами. Это не возбраняется, однако попадание струи за пределы отведенного сектора считается грубым нарушением. Создание бактериологических систем - весьма тонкое искусство. Распространение специально разработанных болезнетворных организмов есть с эстетической точки зрения искажение. Прошу, пожалуйста, не забывать, что ваши действия являются нарушением естественного процесса, точнее, того, что в идеале должно бы быть таковым. Поэтому период биотического осеменения ограничен двенадцатью часами. После чего мы дадим новому уровню сложности стабилизироваться без какого-либо дальнейшего вмешательства. Не лезьте из кожи вон, постарайтесь ограничиться самой важной ролью - ролью катализаторов.

Речь Сорьенти была официально церемонна. Мирасоль внимательно смотрела на экран дисплея, с большим удовлетворением отмечая, что ее территория увеличилась.

При взгляде сверху кратер оказался вовсе не идеально круглым.

По сектору Мирасоль, самому южному, пролег глубокий и плоский шрам от большого оползня. В том месте стена кратера осела и обвалилась в глубь. Простая экосистема быстро оправилась, и нижний край осыпи густо порос манграми. Сверху же склон был обглодан ледниками и лишайниками.

Шестой сектор перестал существовать, и доля Мирасоль выросла почти на двадцать квадратных километров.

Это даст экосистеме ее группы больше пространства, на котором можно закрепиться, прежде чем смертельная схватка начнется всерьез.

Такое состязание было далеко не первое. Властители проводили их уже несколько десятилетий как объективную проверку способностей конкурирующих групп. Подобное стравливание вполне отвечало принципу политики Властителей - "разделяй и властвуй".

А в грядущие столетия, когда климат Марса станет более благоприятным для жизни, сады вырвутся из кратеров и полностью покроют поверхность. Марс станет джунглями, где закипит война между раздельно сотворенными экосистемами. Для Властителей состязания представляли собой тщательно изучаемые модели будущего.

А группировкам состязания давали стимул к труду. Экологические науки достигли небывалого прогресса - ведь их подстегивали садовые войны. Уже сейчас с развитием науки и хорошего вкуса многие из самых древних кратеров стали выглядеть с экоэстетической точки зрения совершенно позорно.

Кратер Ибис был ранним грубым экспериментом. Группировки, создавшей его, давно уже не существовало, а ее примитивное творение ныне считалось безвкусицей.

Каждая садоводческая группа ставила лагерь возле своего кратера, стараясь заронить в него жизнь. Но кратчайшим путем к Лестнице стали состязания. Мировоззрения и таланты соперников, претворенные в жизнь, оказывались критериями в опосредованной борьбе за превосходство. Синусоиды развития, восходящие и нисходящие линии экспансии или затухания прочерчивали мониторы судей-Властителей, как графики фондовой биржи. Многосторонняя борьба оценивалась в каждом ее аспекте: технологическом, философском, биологическом и эстетическом. Победители покидали свой лагерь и обретали богатство и могущество Властителей. Они разгуливали по унизанным драгоценностями коридорам ТК и услаждались всеми сопутствующими факторами увеличением продолжительности жизни, корпоративными титулами, просвещенной терпимостью и межзвездным покровительством Инвесторов.

Когда над горизонтом заалел рассвет, вся пятерка расположилась вокруг кратера Ибис, ожидая сигнала. День выдался тихий, и лишь далекая цепочка струйных течений омрачала небо. Мирасоль наблюдала, как солнечный свет розовыми пятнами сползает по внутреннему склону западной стены кратера. В мангровых зарослях пробуждались птицы.

Мирасоль напряженно ждала. Она заняла позицию в верхней

части осыпи, оставленной оползнем. Радар показывал расположение ее соперников на внутренних склонах. Слева разместились шагалка с солнечными часами и змея с блистающей головой; справа - краулер, похожий на богомола, и шар на ходулях.

Сигнал был дан неожиданно, будто молния: с орбиты просвистел ледяной метеор, оставив полосу абляционного пара. Мирасоль рванулась вперед.

Стратегия паттернистов состояла в том, чтобы основное внимание сосредоточить на верхних склонах и осыпи - именно в этой окраинной эконише они рассчитывали преуспеть. Их холодный кратер на Большом Сырте позволил им обрести некоторый опыт по части высокогорных биологических видов, и они надеялись использовать это свое преимущество. Длинный склон, по которому прошел оползень, расположенный намного выше уровня моря, был призван стать их опорным пунктом. Краулер накренился в глубь кратера и выпустил тонкую струйку раствора с бактериями, пожирающими лишайник.

Внезапно воздух заполнился птицами. На противоположной стороне кратера шар добежал до береговой линии и взялся крушить мангровый лес. В тех местах, где прошел луч мощного лазера, клубился редкий дымок.

Тучами взмыли птицы, покидая гнезда, кружа и мечась в ужасе. Поначалу их исступленные крики доносились как пронзительный шепот. Потом, по мере того как ширилась зона страха, их хриплые голоса начали отдаваться эхом двойным, тройным, - перерастая в обезумевший шквал боли. В воздухе кратера, нагретом утренним солнцем, висели миллионы алых точечек, вихрясь и слипаясь, как в невесомости капли крови.

Мирасоль разбрасывала семена высокогорных растений. Краулер осторожно спускался по осыпи, распыляя удобрения по трещинам и расселинам. Она выворачивала камни и небольшими партиями выпускала беспозвоночных нематод, клещей, мокриц, преобразованных сороконожек. Чтобы им было чем питаться, пока не укоренятся мхи и папоротники, она поливала камни желатином.

Птицы кричали душераздирающе. Внизу орудовали другие группы, барахтаясь в грязи на уровне моря, круша все на своем пути, истребляя лес, чтобы освободить место под собственные творения. Громадная змея, петляя, носилась по чаще, складывалась узлом, с корнем вырывала целые пучки мангров. Мирасоль увидела, как распахнулась макушка фасетчатой змеиной головы, и оттуда вылетело облако летучих мышей.

Богомол методично вышагивал вдоль границ своего сектора.

Его зазубренные лапы превращали все, что попадалось на пути, в щепу. Шагалка с часами пропахала всю свою территорию, оставляя за собой грязные полосы выжженной земли. Позади нее поднималась стена дыма. Это был рискованный шаг. Стерилизация сектора огнем могла дать новой жизни некоторое преимущество. А даже самый малый толчок может оказаться решающим, когда система пойдет развиваться по экспоненте. Но кратер Ибис представлял собой замкнутую систему. Огнем можно было пользоваться лишь с очень большой осторожностью. Количество воздуха в чаше было ограничено.

Мирасоль работала с мрачной сосредоточенностью. Теперь насекомые. Насекомыми часто пренебрегали, отдавая предпочтение массивным морским животным или импозантным, красивым хищникам. Но в пересчете на биомассу, грамм на грамм, насекомые вполне могли перевесить. Контейнер она бросила вниз, к самому берегу. Там он разморозится и выпустит на волю водяных термитов. Мирасоль сдвинула плоский каменный карниз и посадила в открывшуюся почву капсулы с яйцами. Потом выпустила облачко листоядных мошек, крошечные тела которых были напичканы бактериями. В чреве краулера размораживались обоймы капсул, которые затем выстреливались из сопел, выбрасывались через отдушины или высаживались в ямки, пробитые заостренными концами ног

Каждая группа создавала потенциальный мир. У края воды богомол выпустил двух существ, похожих на гигантские черные планеры Они проносились сквозь стаи ибисов, раскрыв громадные сетчатые рты. На островах в центре кратерного озера по скалам карабкались чешуйчатые моржи, выдыхая клубы пара. Шар на ходулях разбивал на останках мангрового леса сад. Змея уползла в воду. От ее фасетчатой головы расходящимися дорожками разбегались волны.

В секторе, где орудовала шагалка с часами, все так же клубился дым. Пожар распространялся, и шагалка, бешено перебирая паучьими лапами, носилась по своему поделенному на зоны участку. Мирасоль следила за перемещением дыма, одновременно выпуская стада горных белок и сурков.

Произошла ошибка. При слабом марсианском притяжении дымный воздух стремительно рвался наверх, а вниз устремился, заполняя вакуум, холодный свирепый ветер с долин. Остервенело полыхали мангры. В воздух взлетали изломанные сплетения горящих ветвей.

Шагалка кинулась в пламя, круша и топча огонь. Мирасоль рассмеялась, представив себе, как в банке данных у судей накапливаются штрафные очки. Ее осыпям огонь не грозил -

нечему было гореть.

Стая ибисов образовала огромное крутящееся кольцо. В их разрозненных рядах метались темные силуэты летающих хищников. Полоса пара, оставленная метеором, начала скручиваться и ломаться. Угрюмый ветер набирал силу.

Загорелось в секторе змеи. Сама змея плавала в мутных водах моря, окруженная грудами ярко-зеленых водорослей. Прежде чем водитель змеи успел это заметить, пламя уже бушевало в огромной куче оставленного на берегу мусора. Преграды от ветра больше не существовало. Воздух устремился вниз по оголенному склону. Извиваясь и сверкая искрами, встал черный столб дыма.

От влетевшей в него стаи ибисов осталось совсем немного - некоторые птицы горели на лету. Мирасоль становилось страшно. Поднимаясь к ободу кратера, дым остывал и начинал распространяться вниз и в стороны. В воздухе возник вихрь, бублик из горячего дыма и холодного ветра.

Краулер разбрасывал охапки сена с высоким содержанием семян для карликовых архаров. Прямо перед Мирасоль с неба упал ибис; к шее его присосалось темное выгибающееся нечто - сплошь когти и зубы. Мирасоль рванулась вперед и раздавила хищника, потом остановилась и встревоженно посмотрела на другую сторону кратера.

Пожар распространялся неестественно быстро. Маленькие клубы дыма появлялись в десятках мест - кучи сваленных деревьев вспыхивали одна за другой. Преобразованный мозг Мирасоль начал искать в происходящем систему. Огонь в секторе богомола разгорался в таких местах, куда горящие обломки явно не могли долететь.

В зоне шагалки пламя перекидывалось через просеки, словно бы их не замечая. Система была, но какая-то нездоровая, неестественная; казалось, что разрушение наделено самостоятельной силой, что оно черпает силы само в себе.

Всепожирающий пожар принял вид полумесяца. Мирасоль почувствовала глубокий, парализующий страх из-за утраты контроля над ситуацией - такой испытывает космонавт, заслышав свист воздуха, уходящего через пробоину, или самоубийца при виде первого фонтанчика алой крови.

Через час сад скрылся из виду под жарким ураганом распада. По краям кратера плотные столбы дыма сгустились в грозовые фронты. Постепенно над кратером кольцом поднялась серая дымка, простреливаемая искрами, извергающая пепел как будто дождь. Под зловещим кольцом метались орущие птицы, падая десятками, сотнями. Тела их усеивали поверхность моря. Их яркое оперение тускнело от пепла, который пропитывал серый

воздух.

Машины конкурентов продолжали сражаться с пламенем, пробившись в целости и сохранности через обугленные края пожара. Усилия их были совершенно напрасны - жалкий ритуал перед катастрофой.

Даже яркая, злобная чистота огня потускнела, растеряв силы. Не хватало кислорода. Пламя опадало, растекалось медленнее, испуская темный, омерзительный, густой от непрогоревшей сажи дым.

Там, где прошел огонь, не могло выжить ничто, нуждающееся в воздухе. Погибло даже само пламя, и лишь дым лизал закопченные, поникшие склоны.

Мирасоль видела, как по осыпи, выбиваясь из сил, карабкаются в поисках воздуха полосатые газели. Они вращали темными, только что из лаборатории глазами в извечном животном страхе. Шкуры их были опалены, бока вздымались, изо ртов капала пена. Одна за другой они умирали в судорогах, лягая безжизненный марсианский камень, и скатывались по склону вниз. Это было жуткое зрелище - образ погибающей весны.

Внимание Мирасоль привлекло чуть заметное красное пятно ниже по склону, слева. Среди скал крался какой-то большой красный зверь. Она развернула краулер и осторожно подобралась к нему; лицо ее сморщилось, когда по лобовому стеклу растекся темный ядовитый дым.

Она засекла зверя, когда тот вылезал из укрытия. Это было опаленное, хрипло дышащее существо, похожее на громадную красную обезьяну. Она бросилась вперед и схватила зверя руками краулера. Поднятый в воздух, он царапался и брыкался, молотя по манипуляторам дымящейся веткой. Исполненная отвращения и жалости, Мирасоль раздавила зверя. Корсаж из плотно подогнанных перьев ибиса лопнул, и она увидела окровавленное человеческое тело.

С помощью захватных устройств Мирасоль потянула за тугой пучок перьев у него на голове. Маска порвалась и слетела, и голова мертвого человека упала на грудь. Она запрокинула голову трупа назад. Открылось лицо, татуированное звездами.

Птицелет парил над выжженным садом, плавно, будто во сне, взмахивая длинными красными крыльями. Мирасоль наблюдала за раскрашенным лицом Сорьенти. Ее корпоративное превосходительство не сводила глаз с экрана.

Мощные камеры птицелета выбрасывали на экран картинку за картинкой и освещали лицо Властительницы. Стол был усеян изящными безделушками: ингалятор в чехле, полупустая груша, украшенная драгоценными камнями, крошечный бинокль с

ручкой, стопка кассет.

- Случай беспрецедентный, - проговорила ее превосходительство. Разумеется, это не тотальное вымирание, а лишь гибель всего, что имеет легкие. Среди низших созданий - рыб, насекомых, кольчатых червей показатель выживаемости должен быть достаточно высок. Теперь, когда дождь прибил пепел, можно разглядеть, что растительность восстанавливается вполне основательно. Ваш сектор, скорее всего, вообще не пострадал.

- Да, - сказала Мирасоль. - Туземцы не смогли добраться туда со своими факелами, пока огонь еще не задохнулся.

Сорьенти лениво откинулась на спинку кресла.

- Было бы желательно, чтобы вы не упоминали о них так громко, даже с глазу на глаз.

- Мне все равно никто не поверит.

- Другие их так и не увидели, - сказала Властительница. - Слишком увлеклись борьбой с огнем. - Она немного помолчала. - Хорошо, что вы в первую очередь рассказали об этом мне.

Мирасоль посмотрела в глаза своей новой покровительнице и отвернулась.

- Больше мне было некому рассказать. Все сказали бы, что я выстроила систему исключительно на основе собственных страхов.

- Да, вам же надо думать о группе, - сказала Сорьенти с сочувственными интонациями. - При столь блестящем будущем им совершенно ни к чему возрождать свою репутацию лиц, склонных к параноидальному бреду.

Она внимательно посмотрела на экран.

- Паттернисты победили, уйдя с арены соревнований. Ситуация оригинальная. Если новый сад нам наскучит, мы сможем стерилизовать кратер прямо с орбиты. Пусть какая-нибудь другая группа начнет с чистого листа.

- Только не давайте им строить слишком близко к краю, - сказала Мирасоль.

Ее превосходительство внимательно посмотрела на нее, склонив голову набок.

- У меня нет доказательств, - продолжила Мирасоль, - но за всем этим я вижу определенную схему. Туземцы не могли появиться из ниоткуда Скорее всего, колония, обустроившая этот кратер, погибла под колоссальным оползнем. Это была ваша работа? Это вы их убили?

Сорьенти улыбнулась:

- Вы очень догадливы. Там, наверху, вы далеко пойдете. И еще, вы умеете хранить тайны. Должность моего личного

секретаря вам очень подходит.

- Их уничтожили с орбиты, - сказала Мирасоль. - Иначе зачем бы они стали прятаться от нас? Вы пытались их истребить.

- Это было очень давно, - сказала Властительница. - В те дни ситуация была еще крайне неустойчива. Они исследовали тайны звездоплавания, а эта область известна только Инвесторам. Пошли слухи, что они в своем восстановительном лагере добились определенных успехов. После этого у нас просто не оставалось выбора.

- Выходит, их убили ради выгоды Инвесторов, - сказала Мирасоль. Она стремительно поднялась и заходила по каюте. На ее новой юбке бренчали драгоценности. - Чтобы эти рептилии могли и дальше играть нами, скрывать свою тайну и продавать нам побрякушки.

Властительница сложила руки, звякнув кольцами и браслетами.

- Наш король Омар мудр, - сказала она. - Если бы усилия человечества обратились к звездам, что стало бы с терраформингом? Зачем нам отрекаться от предназначения быть творцами и становиться вторыми Инвесторами?

- Но подумайте об этом, - сказала Мирасоль. - О том, как они утратили свои технологии и выродились в людей. В горстку дикарей, пожирающих птичье мясо. Подумайте о том страхе, в котором они жили на протяжении многих поколений, о том, как они сожгли свой дом и убили сами себя, когда увидели, что мы пришли уничтожить их мир. Вас это не приводит в ужас?

- Судьба людей? Нисколько, - ответила Сорьенти

- Но как вы не понимаете? Вы дали этой планете жизнь. Для вас это был вид искусства, большая игра. Вы вынудили нас играть в нее, а эти люди из-за нее погибли! Неужели непонятно, что это зло?

- Наша игра - это действительность, - сказала Властительница и показала на экран. - Взгляни-ка сюда. Не станешь же ты отрицать, что в разрушении есть своя дикая красота.

- Вы оправдываете эту катастрофу?

Властительница пожала плечами.

- Если бы жизнь была идеальна, то как бы все могло развиваться? Разве мы не постлюди? Все растет, все умирает. В свое время космос убьет нас всех. Космос лишен смысла, и пустота его абсолютна. Это ужас в чистом виде, но это и чистейшая свобода. И заполнить его могут только наши устремления и наши творения.

- И это оправдывает ваши действия?

- Мы действуем во имя жизни, - сказала Властительница. -

Наши устремления стали природными законами этого мира. Мы ошибаемся, поскольку жизнь тоже ошибается. Мы движемся дальше, поскольку жизнь должна продолжаться. Когда ты увидишь все в надлежащей перспективе, то есть с орбиты, когда могущество, которым мы располагаем, окажется в твоих руках, тогда ты сможешь судить нас. - Она улыбнулась. - Только судить ты будешь саму себя. Ведь ты будешь Властительницей.

- А как же с группами, которые вы заперли на планете? С вашими агентами, теми, кто исполняет вашу волю? Когда-то у нас были собственные устремления. Мы не смогли осуществить их, и теперь вы держите нас в изоляции, промываете нам мозги, превращаете нас в древнюю историю. У нас должно быть что-то свое. Но теперь у нас ничего нет.

- Это не так. У вас есть то, что дали вам мы. У вас есть Лестница.

Пронзительной силы видение предстало перед Мирасоль: могущество, свет, чуть-чуть справедливости - и этот мир, где-то там, далеко внизу, уменьшенный до размеров ярко освещенной арены, со всеми его грехами, со всей печалью.

- Да, - помолчав, сказала она. - У нас есть Лестница.

Двадцать страничек прошлого

1. ЭКСПЕРТНЫЕ СИСТЕМЫ

Когда Николай Ленг был ребенком, учителем у него была киберсистема с голографическим интерфейсом. Голограмма имела вид девушки-шейпера. Ее «личность» представляла собой интерактивную композитную экспертную систему, произведенную шейперами-психотехниками. Николай ее обожал.

2. НЕ РОЖДАЮТСЯ

— Так ты хочешь сказать, что мы все пришли с Земли? — изумленно спросил Николай.

— Да, — ласково сказала голограмма. — Первые настоящие космические поселенцы родились на Земле. Их произвели половым путем. Конечно, с той поры прошли столетия. Ты шейпер. А шейперы не рождаются.

— А кто теперь живет на Земле?

— Люди.

— О-х-х-х-х, — протянул Николай. Замирающая интонация указывала на моментальную утрату интереса.

3. НОГА С ДЕФЕКТОМ

Настал день, когда Николай впервые увидел механиста. Тот был дипломат и коммерческий агент, направленный его группировкой в поселок Николая. Николай и еще несколько ребятишек из его приюта играли в коридоре, когда мимо проковылял дипломат. Одна из ног механиста была с дефектом и поскрипывала — цок-хрррр, цок-хррр. Алекс, приятель Николая, стал передразнивать походку механиста. Внезапно тот повернулся к ним и вытаращил пластиковые глаза.

— Генобратцы, — прорычал механист. — Захочу — куплю вас, выращу, продам, а захочу — на кусочки разрежу. Ваш рев мне музыка.

4. МЕХОВАЯ ПАТИНА

Пот затекал под галунный воротник Николаева мундира. На брошенной станции воздух был еще пригоден для дыхания, но невыносимо горяч. Николай помог сержанту снять все ценное с убитого шахтера. Антисептический труп шейпера иссох, но в остальном сохранился идеально. Они зашли в другой отсек. Тело убитого при нападении на станцию пирата-механиста лежало в слабом гравитационном поле. Уже несколько недель труп гнил в своем гермокостюме. Лицо исчезло под сероватой меховой патиной в дюйм толщиной.

5. ФИЗИЧЕСКОГО ПОДЛЕЦА

Николай проводил отпуск на Совете Колец с двумя сослуживцами. Они выпивали в невесомостном баре под названием «Эклектик-эпилептик». Один был Саймон Африэль, обаятельный и честолюбивый молодой шейпер старой школы. У другого был имплантированный механистами глаз. Его благонадежность вызывала сомнения. Они втроем беседовали о знаковых системах.

— Печать есть знак юридического лица, — сказал Африэль.

Вдруг второй собеседник поднял с краешка стола почти невидимое подслушивающее устройство.

— А стучать есть знак физического подлеца, — сострил он.

Больше они его не видели.

…Пират-механист с дефектом предает генобратцев. Невидимые подслушивающие устройства купят, вырастят и продадут. На брошенной станции честолюбивый молодой шейпер, убитый при нападении. Бесталанные психотехники половым путем произвели иссохший труп коммерческого агента. Благонадежность голографического интерфейса вызывала сомнения. Кибернетическая система помогла снять все ценное с его пластиковых глаз…

6. ИСПЫТУЮЩАЯ ЖАЛОСТЬ

Механистка осмотрела его с ног до головы с выражением испытующей жалости.

— Мое коммерческое положение здесь весьма устойчиво, — сказала она Николаю, — но поступление наличности временно ограничено. Вы, с другой стороны, только что бежали с Совета, прихватив некоторое состояние. Мне нужны деньги. Вам нужна

стабильность. Я предлагаю брак.

Николай призадумался. У него были очень смутные представления об обычаях механистов.

— Это предполагает сексуальные отношения? — спросил он.

Женщина озадаченно посмотрела на него:

— То есть это вы в смысле… между нами?

7. ИЗМЕНЕНИЯ КРОВОТОКА

— Что-то тебя гложет, — сказала ему жена. Николай покачал головой. Нет, гложет, — настаивала она. — Ты расстроен из-за той сделки, что я заключила насчет пиратской контрабанды. Ты печалишься, потому что наша корпорация получает прибыль от нападений на твой народ.

Николай скорбно улыбнулся.

— Ты, пожалуй, права. Никто еще не мог понимать мои самые сокровенные чувства так, как ты. — Он с любовью посмотрел на нее. — Как это тебе удается?

— У меня есть инфракрасные сканеры, — сказала она. — Они показывают мне изменения кровотока на твоем лице.

8. ОПТИЧЕСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Если призадуматься, то просто удивительно, сколько места в глазнице. Протезисты существенно миниатюризировали собственно визуальные механизмы. Николай вставил себе и другие устройства: часы, монитор биологической обратной связи, телевизионный экран. Все было непосредственно соединено с оптическим нервом. Приспособления были удобны, но управляться с ними поначалу было нелегко. Жене пришлось забрать его из больницы и довести до квартиры, поскольку чувствительные визуальные триггеры все время переключали его на биржевые сводки. Николай улыбнулся жене из-под пластиковых глаз.

— Останься сегодня у меня, — сказал он. Жена пожала плечами.

— Ладно.

Она взялась за ручку двери в его квартиру и в тот же миг умерла. Наемный убийца смазал ручку контактным ядом.

9. НЕТРУДНО

— Слушай, — сказал убийца, на вялом лице которого отпечаталась усталость. — Только не пудри мне мозги идеологией… Просто переведи мне средства и скажи, кого надо замочить.

— Дельце предстоит на Совете Кольца, — сказал Николай. Он пачками глотал бодрящие снадобья, борясь со скорбью, и ему приходилось периодически подавлять в себе приступы неестественной и нечистой веселости. — Капитан-доктор Мартин Лент из Службы безопасности Колец. Из одной со мной генолинии. Когда я перебежал к вам, его благонадежность оказалась подмоченной. Он убил мою жену.

— Шейпера грохнуть нетрудно, — сказал убийца. Его безногое и безрукое тело плавало в прозрачной цистерне с питательным раствором, багровые нервные узлы полоскались в разноцветной гемолимфе. В цистерну плюхнулся личный робот и принялся приделывать убийце руки.

10. ИНВЕСТИЦИЯ

— Мы не отрицаем вашу инвестицию в этого ребенка, акционер Ленг, — сказала психотехничка. — Возможно, вы и сотворили ее или оплатили техников-творцов. Но она не является вашей собственностью. По нашим законам она ничем не отличается от других детей и тоже является собственностью нашей Народной корпоративной республики.

Николай был в полном отчаянии.

— Да не творил я ее! Она — посмертный клон моей покойной жены и собственность ее корпорации, точнее, попечительского фонда, распорядителем которого я являюсь… Нет, я хотел сказать, что она обладает правом собственности или, по меньшей мере, правом управления на полуавтономное корпоративное имущество моей покойной жены, каковое имущество перейдет в ее владение по достижению совершеннолетия… Вы понимаете ход мысли?

— Нет. Я педагог, а не финансист. С какой конкретно целью вы проделали все это, акционер? Хотите воссоздать покойную жену?

Николай посмотрел на нее, стараясь сохранить бесстрастное лицо.

— С целью получения налоговой льготы.

…Оставить посмертный клон получать прибыль от нападений. Полуавтономное имущество имеет устойчивое

коммерческое положение. Периодические приступы пиратской контрабанды. Его вялое лицо пудрит мозги идеологией. Самые сокровенные чувства умерли в тот же миг. Смазать дверь контактным ядом…

11. УНИЗИТЕЛЬНАЯ ВЕРНОПОДДАННОСТЬ

— Нравится мне здесь, на окраинах, — сказал Николай убийце. — Ты не подумывал отколоться?

Убийца расхохотался.

— Прежде я был пиратом. Я сорок лет убил на то, чтобы зацепиться за этот картель. Когда ты один, Ленг, ты все равно что труп. Тебе ли не знать?

— Но такая верноподданность унизительна. И малоприятна. Разве не лучше иметь собственный Кластер и жить по своим законам?

— Ты говоришь как какой-нибудь идеолог, — сказал убийца. На его искусственных предплечьях неярко мигали дисплеи биологической обратной связи. — Да, я верноподданный Киотид Дзайбацу. Им принадлежит весь этот район. Даже мои руки и ноги принадлежат им.

— А Киотид Дзайбацу принадлежит мне, — сказал Николай.

— О-о, — сказал убийца. — В таком случае выходит совсем другой расклад.

12. МАССОВОЕ ДЕЗЕРТИРСТВО

— Мы хотим вступить в ваш Кластер, — сказал сверхспособный. — Мы просто обязаны вступить в ваш Кластер. Больше никто нас не примет.

Николай рассеянно чиркал световым карандашом по подвернувшемуся под руку видеоэкрану.

— Сколько вас там?

— В нашей генолинии было пятьдесят. До нашего массового дезертирства мы занимались квантовой физикой. Сделали несколько небольших открытий. Наверное, они могут найти применение.

— Отлично, — сказал Николай. Лицо его приняло выражение испытующей жалости. — Насколько я понимаю, Совет Колец преследовал вас в своем обычном стиле — утверждал, что вы психически неустойчивы, идеологически неблагонадежны и тому подобное.

— Да. Тридцать восемь из нас пали от рук их агентов. — Сверхспособный дрожащей рукой стер капли пота с громадного лба. — Мы вполне психически благонадежны, господин председатель Кластера. Мы не доставим вам никаких хлопот. Нам всего лишь нужно тихое местечко, где мы могли бы закончить труды, пока Господь поедает наши мозги.

13. ЭЛЕКТРОННАЯ ЗАЛОЖНИЦА

Включилась правительственная связь с Советом Колец. Николай, удивленный и заинтригованный, сам подошел к аппарату. На экране появилось лицо молодого мужчины.

— Я взял в заложницы твою учительницу, — сказал он.

Николай нахмурился:

— Это еще что такое?

— Особу, которая обучала тебя в детстве. Ты обожал ее. Сам ей в этом признался. У меня есть запись.

— Ты, должно быть, шутишь, — сказал Николай. — Моим учителем был обыкновенный кибернетический интерфейс. Может ли электронная система данных быть заложницей?

— Может, — сказал настырный молодой человек. — Старую экспертную систему пустили на слом и заменили новой, с более крепкой идеологией. Смотри. — На экране появилось второе лицо, сверхчеловечески гладкое и чуть светящееся изображение его киберучительницы.

— Николай, спаси меня, пожалуйста, — сказало изображение деревянным голосом. — Он безжалостен.

Вновь появилось лицо молодого человека. Николай рассмеялся, — такого просто быть не могло.

— Так, говоришь, сберег старые записи? — сказал Николай. — Не знаю, какую игру ты ведешь, но, надо полагать, данные чего-то стоят. Я готов проявить щедрость. — Он назвал сумму. Молодой человек покачал головой. Николай начал сердиться.

— Слушай, — сказал он. — С чего ты решил, что обычная экспертная система может представлять объективную ценность?

— Я точно знаю, — сказал молодой человек. — Потому что я сам экспертная система.

14. ОСНОВНОЙ ВОПРОС

Николай находился на борту инопланетного корабля. В

парчовом посольском сюртуке он чувствовал себя неуютно. Он поправил затемненные очки на пластиковых глазах.

— Мы польщены вашим визитом на наш Кластер, — сказал он рептилии в лейтенантском чине. — Для нас это большая честь.

Лейтенант приподнял разноцветный гребень, расположенный за массивной головой.

— Мы готовы вести с вами дела, — сказал он.

— Меня интересуют инопланетные философии, — сказал Николай. — Какие ответы на великие вопросы бытия находят другие мыслящие биологические виды?

— Но существует только один основной вопрос, — сказал Инвестор. Ответ на него мы искали по всему мирозданию. Мы надеялись, что вы поможете нам найти на него ответ.

Николай насторожился.

— И что это за вопрос?

— Что у вас есть такое, чего бы нам хотелось?

15. УНАСЛЕДОВАННЫЙ ДАР

Николай посмотрел на девушку со старомодными глазами.

— Мой шеф Службы безопасности ознакомил меня с вашим криминальным досье, — сказал он. — Нарушение авторских прав. Организованное вымогательство. Заговор с целью помешать коммерческим операциям. Сколько вам лет?

— Сорок четыре, — сказала девушка. — А вам?

— Сто десять или около того. Надо свериться с файлом. — Что-то во внешности девушки не давало ему покоя. — Откуда у вас такие допотопные глаза?

— Они принадлежали моей матери. Я их получила по наследству… Ах да, вы же шейпер. Вы же не можете знать, что такое мать.

— Почему же, — сказал Николай. — Я даже полагаю, что знал вашу мать. Мы были супругами. После ее смерти я распорядился сделать клон — то есть вас. Таким образом выходит, что я ваш… как это называется?.. Запамятовал слово.

— Отец.

— Вроде бы так… Вы определенно унаследовали и ее финансовый талант. — Он вновь просмотрел ее личное дело. — Вас не заинтересует предложение прибавить к списку ваших преступлений двоемужество?

…Психически неустойчивые представляют определенную ценность. Ограничения коммерции выдают на видеоэкране совсем

другой расклад. Несколько небольших открытий в великих вопросах бытия Ваше личное дело преследовало его. Его громадный лоб не может удержать экспертную систему…

16. РЕВУЩИЙ КАЙФ

— Тебе надо стараться уходить от старых привычек, — сказала жена. Только так можно остаться молодым. — Она вытащила из-под подвязки позолоченный ингалятор. — Ну-ка, нюхни.

— Мне наркотики ни к чему, — с улыбкой сказал он. — Мне хватает мании величия.

Он начал раздеваться. Жена с нетерпением смотрела на него.

— Николай, не будь занудой. — Она приложила ингалятор к ноздре и вдохнула. На лице ее выступил пот, шея и уши зарумянились, медленно и сексуально.

Николай посмотрел на нее, потом пожал плечами и чуть-чуть нюхнул из позолоченной трубочки. Мгновенный экстаз парализовал его нервную систему. Тело его выгнулось, безудержно содрогаясь.

Жена стала неуклюже его ласкать. В ревущем химическом кайфе секс показался совсем ненужным.

— Зачем… возиться-то? — выдохнул он. Жена посмотрела на него с удивлением:

— Так полагается.

17. МЕРЦАЮЩАЯ СТЕНА

Николай беседовал с мерцающей стеной мониторов.

— Старею, — сказал он. — Здоровье мое хорошее, удачно подбирал программы долгожительства. Только нет во мне прежнего безрассудства. Гибкость пропала, острота. Да и Кластер растет, мне с ним не управиться. Выбора у меня нет. Надо в отставку.

Он внимательно следил за лицами на экранах, улавливая мельчайшие реакции. За двести лет он научился читать по лицам. Все его способности сохранились — ушла лишь скрепляющая их воля. На лицах членов Руководящего Совета сдержанность как ветром сдуло, и они засветились от алчности и жажды власти.

18. ПО ЗАКОНУ

Механисты запустили своих исполнителей в жилую зону. Вооружившись судебными постановлениями, безлицые роботы бродили по толпам, заполнившим коридоры, и высматривали тех, кого полагалось привлечь к ответственности.

Внезапно из толпы выскочил бывший шеф Службы безопасности Николая и побежал скрываться. Он перелетал с поручня на поручень, цепляясь руками, как обезьяна за ветки. Он походил на бронированного гиббона. Внезапно один из его протезов отстегнулся, и служаки набросились на него — почти у самых дверей Николая. Электромагнитные щипцы зажали и парализовали его конечности. Пластик, из которого они были сделаны, затрещал.

— Это произвол! — прохрипел он. Глубокие морщины на его древнем лице блестели от пота. — Они раздевают меня! Ленг, спаси меня!

Николай печально покачал головой. Старик взвизгнул:

— Ты втравил меня в это! Ты же идеолог! А я всего лишь рядовой убийца!

Николай промолчал. Машины конфисковали руки и ноги старика.

19. ДРЕВНИЕ РАСПРИ

— Так ты и вправду варился в этой гигнё[8]?

Молодежь пользовалась новомодным жаргоном, который Николай понимал с трудом. Когда они смотрели на него, на их лицах проступала смесь агрессии, жалости и благоговения. Николаю казалось, что они все время кричат.

— Мне кажется, будто я остался в меньшинстве.

— А ты и есть в меньшинстве, старик Николай! Этот бар — твой музей. Твой мавзолей! Ну давай, исполни нам свои баллады, мы слушаем! Расскажи про идиотские видеоидеологии, про ваши древние распри. Механисты и шейперы, да? Война орла и решки!

— Я устал, — сказал Николай. — Я слишком много выпил. Отведите меня домой кто-нибудь.

Они встревожено переглянулись.

— Так мы ж у тебя дома. Или нет?

20. ЗАКРЫЛИ ГЛАЗА

— Вы очень любезны, — сказал Николай двум юнцам. Это были археологи из Космоситета, одетые со всем академическим

шиком. С их мантий густо свисали ордена и медали всех Терраформ-Кластеров. Николай внезапно сообразил, что не может вспомнить их имена.

— Не беда, сэр, — ласково сказали они. — Это мы теперь должны помнить ваше имя, а не наоборот.

Николаю стало очень неловко. Он и не сообразил, что говорил вслух.

— Я принял яд, — виновато сказал он.

— Мы знаем, — кивнули они. — Надеемся, у вас ничего не болит?

— Нет, спасибо. Я знаю, что поступил правильно. Я очень стар. Невыносимо стар. — Он вдруг почувствовал, как что-то начало рушиться у него внутри. Кусочки сознания начали крошиться и отваливаться, а он заскользил в бездну. Неожиданно он почувствовал, что забыл сказать свои последние слова. С невероятным усилием он вспомнил их и прокричал:

— Тщета есть свобода!

Торжествуя, он умер, и они закрыли ему глаза.

Перевод: Д. Прияткин, 1996.

Рассказы

Красная звезда, зимняя орбита

Перевод А. Комаринец, 1996

Полковник Королев тяжело ворочался в ремнях спального места, ему снились зима и гравитация. Вновь молоденький курсант, он погоняет коня по заснеженной казахстанской степи куда-то в сухую рыжую перспективу марсианского заката.

"Что-то здесь не так", — подумал он...

И проснулся — в "Музее Советских Достижений в Космосе" — под звуки, производимые Романенко и женой кагэбэшника. Они опять занимались любовью за экраном в кормовой части "Салюта". Ритмично поскрипывают ремни и обитые войлоком переборки, слышны глухие удары... Подковы на снегу.

Высвободившись из ремней, Королев привычным натренированным движением оттолкнулся от стены, что крутануло его прямо в кабинку туалета. Он выпутался из потертого комбинезона, защелкнул вокруг чресел стульчак и стер со стального зеркала сконденсировавшуюся влагу. Во сне артритные руки снова отекли; запястье из-за потери кальция напоминало птичью лапку. С тех пор как он в последний раз испытывал силу тяготения, прошло двадцать лет, он состарился на орбите.

Он побрился вакуумной бритвой, хотя с годами это причиняло все больше хлопот. Левую щеку и висок покрывала сетка лопнувших сосудов — еще одно наследство оставившей его инвалидом декомпрессии.

Выйдя, он обнаружил, что прелюбодеи уже закончили. Романенко оправлял форму. Жена политрука Валентина закатала рукава коричневого комбинезона. Ее белые руки блестели от пота. Пепельно-русые волосы развевал ветерок от вентилятора. Близко посаженные глаза были чистейшего василькового цвета, и выражение их сейчас было отчасти извиняющееся, отчасти заговорщическое.

— Взгляните, что мы принесли вам, полковник... Она протягивала ему крохотную бутылочку коньяка. Королев, ошеломленно моргая, взглянул на пластмассовую крышку: "Эр Франс".

— Это привезли на последнем "Союзе". Муж сказал, в огурцах. Валентина захихикала. — Он подарил ее мне.

— Мы решили, что она достанется вам, полковник, — ухмыляясь до ушей, сказал Романенко. — В конце концов, мы ведь всегда можем слетать в отпуск.

Королев проигнорировал взгляд, который мальчишка бросил

на его усохшие ноги и бледные обвисшие ступни.

Он открыл бутылочку, и от богатого аромата к его щекам прихлынула кровь. Осторожно подняв бутылочку ко рту, Королев сделал несколько крохотных глотков. Алкоголь жег, как кислота.

— Господи, — выдохнул он, — сколько лет! Я совсем тут окаменел! добавил он смеясь. Слезы застилали ему глаза.

— Отец рассказывал, в былые времена вы, полковник, пили просто геройски.

— Да, — Королев отхлебнул еще глоток. — Пил.

Коньяк жидким золотом растекался по телу. Старик недолюбливал Романенко. И отца парня он никогда не любил — вкрадчивый партийный функционер, давно уже подыскавший себе синекуру в виде лекционных туров; дача на Черном море, американские ликеры, французские костюмы, итальянская обувь... Мальчишка похож на отца, те же ясные серые глаза, не омраченные никаким сомнением.

Алкоголь волнами прокатывался по телу, будоража жидкую кровь.

— Вы слишком щедры, — сказал Королев. Он мягко оттолкнулся от стены и проплыл к пульту. — Возьмите-ка самиздаты (1). Американское кабельное вещание, свежий перехват. Пикантные пленки! Просто грех тратить это на старую развалину вроде меня. — Он вставил чистую кассету и набрал код материала.

— Отдам ее расчету, — ухмыльнулся Романенко. — Смогут прокрутить на мониторах наведения в арсенале.

"Арсеналом" традиционно называли станцию управления протонным лучом дезинтегратора. Обслуживающие ее солдаты всегда были падки на подобные пленки. Королев запустил вторую копию для Валентины.

— Это порнуха? — Вид у красавицы был встревоженный и заинтригованный. — Можно, мы еще придем, полковник? Во вторник в полночь?

Королев ответил ей улыбкой. До того как ее отобрали для космической программы, она была простой фабричной работницей. Красота сделала Валентину полезной для пропагандистских целей, превратив ее в модель для пролетариата.

Теперь, когда в крови циркулировал коньяк, полковнику было жаль женщину; показалось невозможным отказать ей в небольшом счастье.

— Полуночное свидание в музее, Валентина? Как романтично! Качнувшись в невесомости, она поцеловала его в щечку.

— Благодарю вас, мой полковник!

— Вы — просто властитель душ, полковник, — сказал Романенко, как можно мягче хлопнув Королева по хрупкому плечу. После бесконечных часов в качалке руки у мальчишки были как у кузнеца.

Старик глядел, как любовники осторожно пробираются в центральную стыковочную сферу, к перекрестку трех ветшающих "Салютов" и еще двух коридоров. Романенко свернул в "северный" коридор, к арсеналу, Валентина направилась в противоположную сторону — к следующей стыковочной сфере и "Салюту", где мирно спал ее муж.

В "Космограде" таких стыковочных сфер было пять, к каждой из них было пристыковано по три "Салюта". На противоположных концах комплекса располагались военные отсеки и установки для запуска спутников. Станция непрерывно постукивала, потрескивала, дышала с присвистом, так что казалось, что находишься в метро или в трюме грузового парохода.

Королев снова приложился к бутылке, теперь уже наполовину пустой. Он спрятал ее в одном из экспонатов музея, фотокамере НАСА системы "Хассельблад", найденной на месте посадки "Аполлона". Ему не случалось выпивать с той самой увольнительной на Землю перед декомпрессией. Голова кружилась болезненно приятной пьяной ностальгией.

Проплыв назад к своему пульту, он вошел в ту секцию памяти, откуда когда-то стер тайком собрание речей Алексея Косыгина, чтобы освободить место для своей личной коллекции самиздата: оцифрованных записей поп-музыки, той самой, которую он так любил в детстве, в восьмидесятые годы. Тут были английские группы, записанные с западногерманского радио, хеви-металл стран Варшавского Договора, американский импорт с черного рынка. Надев наушники, он набрал код ченстоховского регги-бэнда "Бригада Кризис".

После всех этих лег он уже не столько слушал саму музыку, сколько всматривался в образы, мучительно отчетливо наплывавшие из глубины памяти. В восьмидесятые он был длинноволосым парнишкой, отпрыском советской элиты. Положение отца надежно защищало его от московской милиции. Он вспоминал, как выл усиленный динамиками реверс в жаркой темноте подвального клуба, видел перед собой шахматную толпу в джинсе и с перекрашенными волосами. Он курил тогда "Мальборо", смешанный с перетертым афганским хашем. Помнил губы дочери американского дипломата на заднем сиденье черного "линкольна". Имена и лица возвращались, накатывали на Королева в горячей дымке коньяка. Вот Нина, восточная немка,

показывает ему размноженные на мимеографе переводы из польских диссидентских информ-листков...

В кофейне Нина появлялась лишь поздно ночью. Шепотом передавались слухи о паразитизме, антисоветской деятельности, ужасах химической обработки в психушке...

Королева стала бить дрожь. Он провел рукой по лицу, обнаружил, что оно залито потом. Снял наушники.

Уже полвека прошло, а он вдруг чуть ли не до обморока перепугался. Он не помнил, чтобы ранее испытывал подобный ужас, не боялся так даже во время декомпрессии, когда ему раздробило бедро. Его отчаянно трясло. Лампы. Свет на "Салюте" был слишком ярок, но ему не хотелось приближаться к выключателю. Такое простое действие, он его совершает регулярно, и все же... Переключатели и их обмотанные изоляцией кабели таили в себе неведомую угрозу. Королев растерянно поморгал Маленькая заводная модель лунохода с сетчатыми колесами, цепляющимися за округлую стену, показалась вдруг разумной, враждебной, ждущей момента, чтобы напасть. Глаза советских первопроходцев космоса с презрением уставились на него с официальных портретов.

Коньяк. Годы, проведенные в невесомости, явно изменили метаболизм Королева. Он уже совсем не тот, каким был раньше. Нет, он останется спокоен и попытается с достоинством перенести это. Если его вырвет, он станет всеобщим посмешищем.

В дверь музея постучали, и в люк великолепным нырком проскользнул Никита-Сантехник, главный мастер на все руки "Космограда". Вид у молодого инженера был разъяренный, и Королев съежился от страха.

— Рано поднялся, Сантехник, — сказал он в надежде сохранить хотя бы видимость нормальности.

— Точечная утечка в Дельте-Три. — Никита нахмурился. — Вы понимаете по-японски?

На Сантехнике были застиранные джинсы "ливайс" и рваные кроссовки "адидас". По всей заляпанной рабочей жилетке в самых неожиданных местах были нашиты карманы. Из внутреннего кармана Никита выудил кассету.

— Мы записали это прошлой ночью.

Королев отпрянул, будто кассета была каким-то оружием.

— Нет, только не по-японски, — ответил он, сам удивившись кротости в собственном голосе. — Только по-английски и по-польски.

Он почувствовал, что краснеет. Сантехник был его другом. Он хорошо знал Никиту и доверял ему, но все же...

— С вами все в порядке, полковник? — Сантехник запустил

кассету и ловкими мозолистыми пальцами набрал код программы-переводчика. — Вид у вас такой, будто вы жука проглотили. Мне бы хотелось, чтобы вы это послушали.

Королев с неприязнью смотрел, как на экране вспыхнула реклама рукавиц для бейсбола. Маниакально забормотал голос японского диктора, и по экрану побежали кириллические субтитры словаря.

— Сейчас пойдут новости, — сказал Сантехник, покусывая костяшку большого пальца.

Королев озабоченно покосился на экран. По лицу японского диктора заскользил перевод:

"АМЕРИКАНСКАЯ ГРУППА ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ЗАЯВЛЯЕТ... ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР... СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ О ТОМ, ЧТО РУССКИЕ НАКОНЕЦ ГОТОВЫ... ДЕМОНТИРОВАТЬ ВООРУЖЕННУЮ БАЗУ КОМИЧЕСКОГО ГОРОДА..."

— Космического, — пробормотал себе под нос Сантехник, — сбой в словаре.

"ПОСТРОЕННЫЙ НА РУБЕЖЕ ВЕКА КАК ТРАМПЛИН В КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО... АМБИЦИОЗНЫЙ ПРОЕКТ ПОДОРВАН ПРОВАЛОМ ЛУННЫХ РУДНИКОВЫХ РАЗРАБОТОК... ДОРОГОСТОЯЩАЯ СТАНЦИЯ УСТУПАЕТ НАШИМ БЕСПИЛОТНЫМ ОРБИТАЛЬНЫМ ФАБРИКАМ... КРИСТАЛЛЫ, ПОЛУПРОВОДНИКИ И ЧИСТЫЕ ЛЕКАРСТВА..."

— Самодовольные ублюдки, — фыркнул Сантехник. — Говорю вам, это все проклятый кагэбэшник Ефремов. Кто, как не он, приложил к этому руку!

"ЗАТЯЖНОЙ ДЕФИЦИТ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ... ОБЩЕСТВЕННОЕ НЕДОВОЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММОЙ... ПОСЛЕДНИЕ РЕШЕНИЯ ПОЛИТБЮРО И СЕКРЕТАРИАТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА..."

— Нас закрывают! — Лицо Сантехника перекосилось от ярости.

Не в силах сдержать дрожь, Королев отшатнулся от экрана. С его ресниц сорвались и невесомыми каплями поплыли по воздуху слезы.

— Оставь меня в покое! Я ничего не могу поделать!

— Что с вами, полковник? — Никита схватил его за плечи. — Посмотрите мне в лицо. Кто-то дал вам дозу "Страха"!

— Уходи, — взмолился Королев.

— Этот маленький засранец! Что он вам дал? Таблетки? Инъекцию?

Королев трясся всем телом.

— Я выпил...

— Он дал вам "Страх"! Вам, больному старику. Да я ему морду набью!

Сантехник резко подтянул колени, сделал сальто назад и, оттолкнувшись от потолка, катапультировался из комнаты.

— Подожди! Сантехник!

Но Никита, белкой проскользнув стыковочную сферу, исчез в коридоре, и Королев почувствовал теперь, что не вынесет одиночества. Издалека до него донеслись искаженные металлическим эхом гневные выкрики.

Дрожа, старик закрыл глаза и стал ждать, что кто-нибудь придет и поможет ему.

Он попросил военного психиатра Бычкова помочь ему одеться в старый мундир с привинченной над левым нагрудным карманом звездой ордена Циолковского. Форменные ботинки из тяжелого черного нейлона с подошвами на присосках отказались налезать на искореженные артритом ноги, поэтому он остался босиком.

Укол Бычкова в течение часа привел полковника в чувство, депрессия постепенно сменилась яростным гневом. Теперь Королев ждал в музее Ефремова, который должен был явиться по его вызову. Его дом обитатели станции называли "Музеем Советских Достижений в Космосе". И по мере того как, уступая место застарелому, как и сама станция, безразличию, стихала ярость, он все более чувствовал себя всего лишь еще одним экспонатом.

Полковник мрачно смотрел на портреты великих провидцев космоса, заключенные в золотые рамы, на лица Циолковского, Рынина, Туполева. Под ними, в несколько менее богатых рамах, красовались Жюль Верн, Годдар, О'Нил.

В минуты глубочайшей подавленности он иногда считал, что замечает в их взглядах, особенно в глазах двух американцев, некую общую странность. Было ли это заурядным безумием, как иногда думал он в приступе цинизма? Или ему удалось уловить едва заметное проявление какой-то жуткой, неуправляемой силы, в которой он частенько подозревал движущую силу эволюции человеческой расы?

Однажды, лишь один-единственный раз, Королев видел это выражение и в своих собственных глазах — в тот день, когда он ступил на землю Каньона Копрат. Марсианское солнце, превратившее в зеркало лицевой щиток шлема, вдруг показало ему отражение двух совершенно чужих немигающих глаз бесстрашных и полных отчаянной решимости. Тихий затаенный шок от увиденного, как он осознавал теперь, был самым запомнившимся, самым трансцедентальным мгновением его

жизни.

Поверх всех портретов, масляных и мертвенных, висела картина, изображавшая высадку на Марс. Краски неизменно напоминали полковнику о борще и мясной подливе. Марсианский ландшафт был низведен здесь до китча советского социалистического реализма. Рядом с посадочным модулем художник со всей глубоко искренней вульгарностью официального стиля поместил фигуру в скафандре.

Чувствуя себя опозоренным, полковник ожидал прибытия Ефремова, кагэбэшника, политрука "Космограда".

Когда Ефремов наконец появился в "Салюте", Королев заметил, что у него разбита губа, а на шее — свежие синяки. Политрук был одет в синий комбинезон из японского шелка фирмы "Кансаи", на ногах — стильные итальянские туфли.

— Доброе утро, товарищ полковник.

Королев смотрел на него, намеренно выдерживая паузу.

— Ефремов, — с нажимом произнес он, — вы меня не радуете Ефремов покраснел, но взгляда не отвел.

— Давайте говорить начистоту, полковник, как русский с русским. Естественно, это предназначалось не для вас.

— Что? "Страх", Ефремов?

— Да, бета-карболин. Если бы вы не потакали их антиобщественным поступкам, если бы вы не приняли от них взятку, ничего бы не случилось.

— Так, значит, я сводник, Ефремов? Сводник и пьяница? Тогда вы контрабандист и стукач рогатый. Я говорю это, — добавил он, — как русский русскому.

Теперь лицо кагэбэшника превратилось в официальную пустую маску с выражением ничем не омраченного сознания собственной правоты.

— Но скажите мне, Ефремов: что вы на самом деле затеваете? Что вы делали здесь с момента вашего появления на "Космограде"? Мы знаем, что комплекс будет демонтирован. Что же ожидает гражданский экипаж, когда люди вернутся на Байконур? Разбирательства по обвинению в коррупции?

— Безусловно, будет произведено расследование. В определенных случаях возможна госпитализация. Или вы осмелитесь предположить, полковник Королев, что в провале "Космограда" повинен Советский Союз?

Королев молчал.

— "Космоград" был мечтой, полковник Мечтой, потерпевшей крах. Как и весь космос. У нас нет необходимости оставаться здесь. Предстоит навести порядок на целой планете. Москва — величайшая сила в истории Нам нельзя терять глобальность

мышления.

— Вы думаете, нас так просто сбросить со счетов? Мы — элита, высокообразованная техническая элита.

— Меньшинство, полковник. Назойливое меньшинство. Какой вклад в общее дело вы вносите, если не считать кип ядовитой американской макулатуры? Предполагалось, что экипаж станции будет состоять из рабочих, а не зарвавшихся спекулянтов, переправляющих к нам джаз и порнографию. Спокойное и пустое лицо Ефремова ничего не выражало. — Экипаж вернется на Байконур. Боевыми установками можно управлять и с Земли. Вы, конечно, останетесь, и здесь появятся гости: африканцы, латиноамериканцы. Для этих народов космос еще сохраняет хоть какую-то долю престижа.

— Что вы сделали с мальчиком? — оскалился Королев.

— С вашим Сантехником? — Политрук нахмурился. — Он напал на офицера Комитета государственной безопасности и останется под стражей до тех пор, пока не появится возможность отправить его на Байконур.

Королев попытался издать неприятный смешок.

— Отпустите его. Вам хватит своих собственных неприятностей, чтобы еще возбуждать против кого-либо дело. Я свяжусьлично с маршалом Губаревым. Пусть мое звание и исключительно почетное, но я сохранил еще определенное влияние. Кагэбэшник пожал плечами:

— Боевой расчет подчиняется приказам с Байконура, а именно — держать коммуникационный модуль под замком. На карту поставлена их карьера.

— Значит, военное положение?

— Здесь не Кабул, полковник. Сейчас тяжелые времена. За вами сила авторитета, вам следовало бы подавать пример.

— Посмотрим, — ответил Королев.

"Космоград" выплыл из тени Земли на резкий солнечный свет. Стены "Салюта" Королева потрескивали и скрежетали, как ящик со стеклянными бутылками. "Иллюминаторы всегда сдают первыми", — рассеянно подумал Королев, проводя пальцами по вздувшимся венам на виске.

Похоже, молодой Гришкин думал то же самое. Вытащив из наколенного кармана тюбик замазки, он принялся осматривать изоляцию вокруг иллюминатора. Гришкин был помощником Сантехника и ближайшим его другом.

— Теперь нам нужно проголосовать, — устало сказал Королев. Одиннадцать из двадцати четырех членов гражданского экипажа "Космограда" согласились присутствовать на собрании — двенадцать, если считать его самого. Оставалось еще тринадцать

человек, которые или не хотели оказаться замешанными, или отнеслись к идее забастовки с нескрываемой враждебностью. С Ефремовым и шестью солдатами боевого расчета число отсутствующих доходило до двадцати.

— Мы обсудили наши требования. Все те, кто за данный список... — Он поднял здоровую руку.

Поднялись еще три руки. Гришкин, занятый иллюминатором, вытянул ногу.

Королев вздохнул.

— Нас и без того не так уж много. Лучше бы нам проявить единодушие. Давайте выслушаем возражения.

— Выражение "военный переворот", — начал биолог Коровкин, — может быть воспринято как намек на то, что все военные, а не только преступник Ефремов, несут ответственность за сложившуюся ситуацию. — Биолог явно чувствовал себя неловко. — Во всем остальном мы вам симпатизируем, но подписываться не станем. Мы члены партии. — Казалось, он хотел добавить еще что-то, но сдержался.

— Моя мать, — тихо произнесла его жена, — была еврейкой

Королев кивнул, но ничего не сказал.

— Все это — преступная глупость, — высказался ботаник Глушко. Ни он, ни его жена не голосовали. — Безумие. С "Космоградом" покончено, мы все это знаем, и чем скорее домой, тем лучше. Чем еще была эта станция, как не тюрьмой?

Метаболизм ботаника оказался несовместим с невесомостью, это заставляло кровь застаиваться у него в лице и шее, делая его похожим на одну из его экспериментальных тыкв.

— Ты же ботаник, Василий, — одернула его жена, — в то время как я, если ты помнишь, пилот "Союза". Речь идет не о твоей карьере.

— Я не стану поддерживать этот идиотизм!

Глушко резко оттолкнулся от переборки, что выбросило его прочь из комнаты. За ним последовала жена, горько жалуясь приглушенным полушепотом, к которому члены экипажа научились прибегать в личных спорах.

— Готовы поставить свои подписи пятеро, — сказал Королев, — из гражданского экипажа в двадцать четыре человека.

— Шестеро, — отозвалась Татьяна, второй пилот "Союза". Ее темные волосы были убраны под плетеный ремешок из зеленого нейлона. — Вы забыли про Сантехника.

— Солнечные шары! — воскликнул Гришкин, указывая на Землю. — Смотрите!

"Космоград" находился теперь над побережьем Калифорнии, под станцией проплывали четкие очертания береговой линии,

бескрайние, приходящие в упадок города, чьи названия звучали как странные магические заклинания. Светились яркой интенсивной зеленью поля. Высоко над барашками стратосферных облаков плавали пять солнечных баллонов — зеркальные геодезические сферы, опутанные сетями энергетических линий. Баллоны были дешевой альтернативой грандиозному американскому плану по созданию спутников, работающих на солнечной энергии. По мнению Королева, они со своей задачей справлялись, поскольку в последнее десятилетие эти пузырьки множились прямо у него на глазах.

— Правду ли говорят, что там живут люди? — Стойко, отвечающий на станции за системы обеспечения, приник к иллюминатору рядом с Гришкиным

Королеву припомнилась лихорадочная — и такая трогательная — суета американцев вокруг совершенно эксцентричных энергетических проектов, начавшаяся после заключения Венского договора. Советский Союз контролировал мировые поставки нефти, и американцы, похоже, были готовы испробовать все что угодно. Особенно после того, как взрыв атомной электростанциив Канзасе раз и навсегда отбил у них охоту пользоваться реакторами. Уже более трех десятилетий они постепенно соскальзывали к промышленному упадку и изоляции. "Космос, — с сожалением подумал полковник, — им нужно было выходить в космос". Он никогда не понимал того странного паралича воли, который свел на нет все их блистательные первые успехи. А может быть, все дело в недостатке воображения, в неумении видеть перспективу? "Вот так-то, господа американцы, — проговорил он про себя, — вам и вправду стоило присоединиться к нам здесь — в нашем славном будущем, в "Космограде"".

— Да кому захочется жить в такой-то штуковине? — спросил Гришкин, хлопнув Стойко по плечу и рассмеявшись — тихо, безнадежно, отчаянно.

— Вы, конечно, шутите, — сказал Ефремов. — Ведь у нас и без того хватает неприятностей.

— Мы не шутим, политрук Ефремов, и вот наши требования. На "Салюте", который кагэбэшник делил с Валентиной, сгрудились пятеро диссидентов, прижав политрука к кормовому экрану. Экран украшала искусно отретушированная фотография премьера, машущего в объектив из кабины трактора. Валентина, насколько Королеву было известно, находилась сейчас в музее с Романенко, заставляя скрипеть переборки. Полковник в который раз спросил себя, как Романенко удается так регулярно прогуливать свои вахты в арсенале.

Ефремов пожал плечами. Опустил взгляд на список требований.

— Сантехник останется под арестом. У меня прямой приказ. Что касается остального...

— Вы виновны в несанкционированном применении психиатрических препаратов! — выкрикнул Гришкин.

— Это было целиком и полностью личное дело, — спокойно возразил Ефремов.

— Преступление, — поправила Татьяна.

— Пилот Татьяна, мы оба знаем, что присутствующий здесь Гришкин самый активный распространитель пиратской самиздаты на станции! Разве вы не понимаете, что все мы преступники? В этом-то и заключается вся прелесть нашей системы, не так ли? — Его внезапная кривая улыбка была шокирующе цинична. — "Космоград" не "Потемкин", и вы не революционеры. Вы требуете связи с маршалом Губаревым? Он под арестом на Байконуре. Вы требуете связи с министром по технологиям? Он проводит чистку.

Решительным жестом он разорвал распечатку на части. Желтые обрывки папиросной бумаги медлительными бабочками запорхали в невесомости.

На девятый день забастовки Королев встретился с Гришкиным и Стойко в "Салюте", который Гришкин обычно занимал на пару с Сантехником.

Уже сорок лет обитатели "Космограда" вели антисептическую войну с грибком и плесенью. Пыль, копоть и испарения не оседали в невесомости на предметы, и споры кишели повсюду: в обшивке, в одежде, в шахтах вентиляции. В теплой влажной атмосфере этой огромной чашки Петри они распространялись, как растекаются по воде нефтяные пятна. Сейчас в воздухе стоял запах сухого гниения, перекрывавшийся зловещей вонью тлеющей изоляции.

Сон Королева оборвал гулкий раскат отбывающего "Союза". Глушко и его жена, решил он. Последние сорок восемь часов Ефремов занимался эвакуацией членов экипажа, отказавшихся присоединиться к забастовке. Солдаты не показывались из арсенала и казарменного отсека, где по-прежнему держали под арестом Никиту-Сантехника.

"Салют" Гришкина стал штаб-квартирой забастовки. Никто из забастовщиков не брился, а Стойко к тому же подцепил какую-то кожную инфекцию, которая пятнами расползалась по его рукам. Среди развешанных по стенам сенсационных снимков, переснятых с американского телевидения, они напоминали трио каких-нибудь порнографов-дегенератов. Освещение было слабым:

"Космоград" работал на половинном напряжении.

— Когда остальные уйдут, — сказал Стойко, — это только укрепит наше дело.

Гришкин застонал. Из его ноздрей фестонами торчали белые тампоны хирургической ваты. Он был уверен, что Ефремов попытается сломить забастовщиков бета-карболинными аэрозолями. Ватные фильтры были просто показателем общего уровня напряжения и паранойи. Пока с Байконура не пришел приказ об эвакуации, один из техников с оглушительной громкостью часами проигрывал "Увертюру 1812 года" Чайковского. И Глушко гонялся вверх-вниз по всему "Космограду" за своей голой, вопящей, избитой в кровь женой.

Стойко вошел в файлы кагэбэшника и психиатрические записи Бычкова; метры желтой распечатки спиралями клубились по коридорам, колыхаясь в токах воздуха от вентиляторов.

— Подумайте только, что их показания сделают с нами на Земле, пробормотал Гришкин. — На суд и надеяться нечего. Прямо в психушку.Зловещее прозвище политических госпиталей, казалось, гальванизировало парнишку ужасом. Королев апатично ковырял клейкий хлорелловый пудинг.

Схватив проплывавший мимо рулон распечатки, Стойко зачитал вслух:

— Паранойя со склонностью к навязчивым идеям! Ревизионистские фантазии, враждебные общественному строю! — Он скомкал бумагу. — Если бы нам удалось захватить коммуникационный модуль, мы могли бы подключиться к американскому комсату и вывалить им это все на колени. Может, это показало бы Москве, какие из нас враги!

Королев выковырял из своего пудинга дохлую муху. Две дополнительные пары крыльев и поросшая шерсткой грудная клетка насекомого наглядно свидетельствовали об уровне радиации на "Космограде". Насекомые сбежали с какого-то давно всеми позабытого эксперимента, и десятилетиями их поколения наводняли станцию.

— Американцам нет до нас никакого дела, — сказал Королев. — И Москву больше не смутишь подобными откровениями.

— За исключением того, что на носу поставки зерна, — возразил Гришкин.

— Америке так же отчаянно требуется продавать, как нам покупать. Королев мрачно забросил в рот еще несколько ложек хлореллы и, механически прожевав, проглотил. — Да и американцы не смогли бы выйти на нас, даже если бы захотели. Мыс Канаверал в развалинах.

— У нас кончается топливо, — сказал Стойко.

— Можем забрать с оставшихся кораблей, — ответил Королев.

— Тогда как, черт побери, мы вернемся на Землю? — Сжатые в кулаки руки Гришкина дрожали. — Даже в Сибири — там деревья. Деревья! Небо! К черту все это! Пусть все разваливается на части! Пусть рухнет, пусть сгорит!

Пудинг Королева размазался по переборке.

— О господи, — сказал Гришкин, — простите, полковник. Я знаю, что вы не можете вернуться.

У себя в музее Королев застал пилота Татьяну. Девушка висела перед той самой отвратительной картиной с изображением высадки на Марс, щеки ее блестели от слез.

— Вы знаете, полковник, что на Байконуре стоит ваш бюст? Бронзовый. Я обычно проходила мимо него, когда шла на занятия.

— Там полно бюстов. Академики их обожают. — Улыбнувшись, старик взял ее за руку.

— Как это все происходило? Тогда? — Она все еще не отводила глаз от картины.

— Я едва помню. Я так часто смотрел видеозаписи, что теперь помню только их. У меня такие же воспоминания о Марсе, как и у любого школьника. — Он снова улыбнулся ей. — Но все было совсем не так, как на этой дурацкой картине. В чем-чем, а в этом я уверен.

— Почему все так вышло, полковник? Почему теперь все кончается? Когда я была маленькой, я смотрела телевизор... наше космическое будущее казалось таким светлым...

— Возможно, американцы были правы. Японцы, чтобы строить свои орбитальные фабрики, посылали в космос вместо людей машины. Роботов Лунные разработки потерпели крах, но мы надеялись, что хотя бы здесь останется постоянная исследовательская база. Думаю, все дело в тех, кто сидит за столом и принимает решения.

— Вот их окончательное решение относительно "Космограда". — Она протянула ему сложенный листок папиросной бумаги. — Я нашла его в распечатках приказов, полученных Ефремовым из Москвы. Они позволят станции сойти с орбиты в течение трех ближайших месяцев.

Королев понял, что теперь и он не может оторвать глаз от столь ненавистной ему картины.

— Едва ли это имеет теперь значение, — услышал он свой охрипший голос.

И тут девушка горько разрыдалась, припав лицом к его искалеченному плечу.

— У меня есть план, Татьяна, — сказал он, поглаживая ее по голове. Ты должна меня выслушать.

Полковник взглянул на свой старенький "Ролекс". Сейчас они над Восточной Сибирью. Он вспомнил, как швейцарский посол подарил ему эти часы в огромном сводчатом зале Большого Кремлевского дворца.

Пора начинать.

Отмахнувшись от ленты распечатки, норовившей обвиться вокруг головы, Королев выплыл из своего "Салюта" в стыковочную сферу.

Он еще способен быстро и эффективно действовать здоровой рукой. Старик усмехнулся, высвобождая из ремней настенного крепления баллон с кислородом. Опершись о поручень, он изо всех сил швырнул баллон через всю сферу. С резким лязгом баллон безрезультатно отскочил or стены. Королев нырнул за ним, поймал и снова кинул.Потом нажал на кнопку декомпрессионной тревоги.

Завыли сирены, и из динамиков полетела пыль. Включилась антиаварийная программа, стыковочные шлюзы под воздействием гидравлики со скрежетом закрылись. У Королева начало звенеть в ушах. Шмыгнув носом, он снова потянулся за баллоном.

Огни вспыхнули до максимальной яркости, потом погасли. Старик улыбнулся в темноте, на ощупь отыскивая пластмассовый баллон. Стойко спровоцировал аварию всех основных систем жизнеобеспечения. Это было несложно. Тем более что память системы и без того была до предела перегружена пиратским телевещанием.

— Вот вам ваши крутые фильмы! — пробормотал он, колотя баллоном о стену.

Огни слабо замигали — это подключились аварийные батареи.

У него начинало болеть плечо, но старик стоически продолжал колотить, вспоминая грохот, вызванный настоящей декомпрессией. Побольше шума. Он должен одурачить Ефремова и его солдат.

Со скрежетом завертелся ручной штурвал одного из люков. Наконец люк распахнулся, и, неуверенно улыбаясь, из него выглянула Татьяна.

— Освободили Сантехника? — спросил старик, отпуская баллон.

— Стойко и Уманский урезонивают охрану. — Она ударила кулаком в раскрытую ладонь. — Гришкин готовит спускаемые аппараты.

Они отправились в следующую стыковочную сферу — где

Стойко как раз помогал Сантехнику выбраться через люк, ведущий из казарм. Никита был босиком, его лицо под колючей щетиной имело зеленоватый оттенок. За ними следовал метеоролог Уманский, таща за собой обмякшее тело конвоира.

— Как ты, Сантехник? — спросил Королев.

— Колотит. Они держали меня на "Страхе". Дозы хотя и небольшие, но все-таки... К тому же я решил, что это и впрямь декомпрессия!

Из ближайшего к Королеву "Союза" выскользнул Гришкин, за ним выплыла связка инструментов и развернувшийся моток нейлонового троса.

— Все, как один, проверены. В результате нашей аварии управление в кораблях переключилось на собственную автоматику. Ну и я прошелся гаечным ключом по дистанционному управлению, так что с Земли нас не перехватят. Как твои дела, друг Никита? — обратился он к Сантехнику. — Тебе выпала честь первым ступить на землю Центрального Китая.

Сантехник скривился, затем покачал головой:

— Я не говорю по-китайски.

Стойко протянул ему лист распечатки.

— Это — транскрибированный разговорный китайский. "Я ЖЕЛАЮ ДАТЬ ПОКАЗАНИЯ. ОТВЕДИТЕ МЕНЯ В БЛИЖАЙШЕЕ ЯПОНСКОЕ КОНСУЛЬСТВО".

Ухмыльнувшись, Сантехник запустил руку в гриву жестких от пота волос.

— А как насчет остальных? — спросил он.

— Ты думаешь, мы затеяли все это ради тебя одного? — скорчила гримаску Татьяна. — Убедись, чтобы китайские службы новостей получили все документы из этого пакета, Никита. А уж мы позаботимся о том, чтобы весь мир узнал о том, как Советский Союз намеревается отплатить за службу полковнику Юрию Васильевичу Королеву, первому человеку на Марсе! — Она послала Сантехнику воздушный поцелуй.

— А как насчет Филипченко? — спросил Уманский. Вокруг лица неподвижного солдата плавали несколько капель свернувшейся крови.

— Почему бы тебе не забрать этого дурака несчастного с собой? — сказал Королев.

— Пошли, дубина. — Ухватив Филипченко за форменный ремень, Сантехник утащил его за собой в люк "Союза". — Я, Никита по прозвищу Сантехник, оказываю тебе величайшую услугу в твоей презренной жизни.

Королев смотрел, как Стойко с Уманским задраивают за ними люк.

— А где Романенко с Валентиной? — спросил он, снова сверяясь с часами.

— Здесь, мой полковник. — В люке другого "Союза" появилось лицо Валентины, вокруг него колыхались ее светлые волосы. — Мы просто проверяли корабль, — хихикнула она.

— На это у вас хватит времени и в Токио, — одернул ее Королев, — Еще несколько минут, и во Владивостоке с Ханоем начнут поднимать перехватчики.

В люке появилась обнаженная мускулистая рука Романенко и рывком утянула Валентину внутрь. Стойко и Гришкин задраили люк.

— Пейзане в космосе, — фыркнула Татьяна.

По "Космограду" прокатился гулкий удар — это стартовал Сантехник со все еще не пришедшим в себя Филипченко. Еще удар — и любовники тоже отбыли.

— Идем, друг Уманский, — сказал Стойко. — И прощайте, полковник!Парочка направилась вниз по коридору.

— А я с тобой, — ухмыльнувшись, сказал Гришкин Татьяне, — в конце концов, ты ведь пилот.

— Ну нет, — отозвалась она. — Полетишь один. Разделим шансы. За тобой присмотрит автоматика. Только, ради бога, не трогай ничего на панели управления.

Королев глядел, как она помогает ему устроиться в последнем "Союзе".

— В Токио я поведу тебя на танцы. — Это были последние слова Гришкина.

Она задраила люк. Еще один гулкий раскат, и из соседней стыковочной сферы стартовали Стойко с Уманским.

— Поторапливайся, девочка, — сказал Королев. — Мне бы очень не хотелось, чтобы тебя сбили над нейтральными водами.

— Но ведь вы остаетесь здесь один, полковник, один на один с врагами...

— Когда здесь не будет вас, уйдут и они. Надеюсь, вы поднимете достаточно шума, чтобы заставить Кремль сделать хоть что-нибудь, что не дало бы мне умереть.

— А что мне сказать в Токио, полковник? У вас есть какое-нибудь последнее слово миру?

— Скажи им...

...и тут на него нахлынули все штампы, какие только порождает осознание собственной правоты. От мысли об этом ему захотелось истерически рассмеяться: "Один небольшой шаг...", "Мы пришли сюда с миром...", "Трудящиеся всей земли...".

— ...скажи им, что мне это просто нужно, — сказал он, больно сжав исхудавшее запястье, — нужно до самых костей.

Коротко обняв его напоследок, Татьяна исчезла.

Старик остался ждать в опустевшей стыковочной сфере. Тишина царапала по нервам. Авария жизнеобеспечения корабля не пощадила и вентиляционные системы, под жужжание которых он привык просыпаться последние двадцать лет. Наконец он услышал, как отстыковался "Союз" Татьяны.

Кто-то шел по коридору. Это был Ефремов, неловко передвигающийся в вакуумном скафандре. Королев улыбнулся.

Под лексановым лицевым щитком виднелась все та же пустая официальная маска, но офицер избегал встречаться с Королевым взглядом. Он направлялся в арсенал.

— Нет! — выкрикнул Королев.

Завывание сирен означало, что станция находится в состоянии полной боевой готовности.

Когда старик добрался до арсенала, люк в помещение был распахнут. Солдаты, повинуясь вбитому постоянной муштрой рефлексу, двигались как марионетки в руках неумелого кукловода, устраивались в креслах у пультов и застегивали широкие ремни на груди громоздких скафандров.

— Не делайте этого!

Он вцепился пальцами в жесткую, растягивающуюся гармошкой ткань ефремовского скафандра. Оглушительным стаккато взвыл запущенный ускоритель протонного луча. На экране наведения зеленое перекрестье наползло на красное пятнышко.

Ефремов снял шлем. Спокойно, не меняя выражения лица, он наотмашь ударил им Королева.

— Заставьте их остановиться! — задыхался от рыданий полковник. Стены вздрогнули, когда со звуком щелкающего хлыста на волю вырвался луч дезинтегратора. — Ваша жена, Ефремов! Она там!

— Подите вон, полковник.

Ефремов схватил артритную руку Королева и сжал ее. Королев вскрикнул от боли.

— Вон! — Кулак в тяжелой перчатке ударил его в грудь. Вылетев в коридор, Королев беспомощно рухнул на валявшийся у стены вакуумный скафандр.

— Даже я, полковник, не посмею встать между Красной Армией и полученным ею приказом. — Вид у Ефремова сейчас был такой, будто его вот-вот вырвет. Официальная маска осыпалась. — Отличная практика, пробормотал он. — Подождите здесь, пока мы не закончим.

И тут произошло нечто невероятное: "Союз" Татьяны развернулся и на полной скорости врезался в установку

дезинтегратора и казарменные отсеки. В дагерротипе резкого солнечного света Королев лишь на долю секунды увидел, как вспыхнул и сплющился арсенал, словно раздавленная сапогом пивная жестянка. Он увидел, как от пульта закрутило прочь обезглавленный труп солдата. Он увидел, что Ефремов пытается что-то сказать, но его волосы встают дыбом — это вакуум вырвал воздух из скафандра через незакрытое отверстие для шлема. Две тоненькие струйки крови дугами потянулись из ноздрей Королева, а свист уносящегося воздуха сменился еще более глубоким гудением в голове.

Последним звуком, который запомнил Королев, был грохот захлопывающегося люка.

Когда он очнулся, его встретили темнота, пульсирующая агония боли в глазах и воспоминания о давних лекциях. Шок — столь же серьезная опасность, как и сама декомпрессия: когда кровь вскипает, пузырьки водорода несутся по венам, чтобы ударить в мозг раскаленной добела, калечащей болью...

Но все это было таким отдаленным, таким академичным... Повинуясь лишь какому-то странному ощущению "честь обязывает" и ничему более, старик закрутил ручные штурвалы люков. Даже эта работа оказалась для него слишком утомительной, и ему захотелось вернуться в музей и спать, спать, спать.

Ему удалось залепить замазкой все мелкие протечки, но в целом масштабы катастрофы намного превосходили его возможности. Оставался, правда, глушковский сад. На овощах и сине-зеленых водорослях он с голоду не умрет и не задохнется. Коммуникационный модуль пропал вместе с арсеналом и казармой, оторванный от станции самоубийственным ударом "Союза". Королев предположил, что столкновение изменило орбиту "Космограда", но не видел никакого способа предсказать, в котором часу произойдет неизбежная горячая встреча с верхними слоями атмосферы. Теперь он часто бывал болен и думал, что может умереть до того, как сгорит сама станция, и это его сильно беспокоило.

Он проводил бесчисленные часы за просмотром пленок, хранившихся в библиотеке музея. Подходящее занятие для Последнего Человека в Космосе, который некогда был Первым Человеком на Марсе.

Он стал одержим иконой Гагарина, бесконечно прокручивая крупнозернистые телевизионные изображения шестидесятых годов и киножурналы, неизменно подводившие его к моменту гибели космонавта. Спертый воздух "Космограда" кишел призраками мучеников космоса. Гагарин, экипаж первого

"Салюта", американцы, сгоревшие заживо в своем "Аполлоне"...

Часто ему снилась Татьяна, выражение глаз у нее было такое же, какое чудилось ему на портретах в музее. А однажды он проснулся или подумал, что проснулся, в ее "Салюте" и обнаружил, что одет в свой старый мундир, а на лбу у него — работающий от батарей фонарь. И откуда-то издали, как будто просматривая хронику на музейном мониторе, он увидел, как отвинчивает со своего кармана звезду ордена Циолковского и прикалывает ее на диплом пилота Татьяны.

Потом в дверь раздался стук, и он понял, что это тоже сон.

В голубоватом мигающем свете старого кинофильма возникла вдруг чернокожая женщина. Длинные косички матовых волос кобрами качались вокруг ее головы. На ней были авиационные очки-"консервы"; шелковый шарф авиатора начала века как змея выгнулся за ее спиной.

— Энди, — окликнула она кого-то по-английски, — пойди-ка сюда. Тебе стоит на это взглянуть!

Невысокий мускулистый мужчина, почти лысый и одетый только в спортивный бандаж, поверх которого был застегнут пояс с инструментами монтера, выплыл из-за ее плеча и заглянул внутрь.

— Интересно, он жив?

— Конечно, я жив, — тоже по-английски, но с заметным акцентом ответил Королев.

Человек по имени Энди проплыл над головой своей подруги.

— С тобой все в порядке, приятель?

На правом бицепсе у него красовалась татуировка в виде геодезической сферы над скрещенными молниями, под которой шла крупная, горделивая надпись: "СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ 15, ЮТА".

— Мы не надеялись здесь кого-то застать.

— Я тоже. — Королев сморгнул.

— Мы пришли сюда жить, — сказала женщина, подплывая поближе.

— Мы — с солнечных шаров. А здесь, так сказать, незаконные жильцы. Скваттеры. Прослышали, что это место пустует. Ты знаешь, что станция сходит с орбиты? — Человек произвел в воздухе неуклюжее сальто, на поясе у него загремели инструменты. — Невесомость — это что-то потрясающее!

— Господи,— воскликнула женщина, — я просто не могу к ней привыкнуть! Здесь чудесно. Это — как те несколько километров, когда летишь без парашюта, только тут нет ветра.

Королев во все глаза глядел на мужчину, беззаботного, небрежного, выглядевшего так, словно он с самого рождения привык допьяна напиваться свободой.

— Но ведь у вас нет даже стартовой площадки, — недоуменно произнес он.

— Стартовой площадки? — рассмеялся Энди. — Хочешь знать, что мы сделали? Подтянули по кабелям к шарам ракетные ускорители, отвязали их и запустили прямо в воздухе.

— Но это же безумие, — отозвался Королев.

— Но ведь оно доставило нас сюда, так? Королев кивнул. Если это сон, то очень странный.

— Я — полковник Юрий Васильевич Королев.

— Марс! — Женщина захлопала в ладоши. — Подождите, вот обрадуются дети, когда узнают.Сняв с переборки маленький луноход, она принялась его заводить.

— Эй, — сказал мужчина, — у меня работы по горло. У нас еще целая связка ускорителей снаружи. Их нужно поднять на борт, прежде чем они вздумают загореться.

Что-то резко звякнуло об обшивку. По "Космограду" прошел гул столкновения.

— Это, должно быть, Тулза, — сказал Энди, сверившись с наручными часами. — Вовремя!

— Но почему? — Королев в растерянности покачал головой. — Почему вы сюда пришли?

— Мы же тебе сказали. Чтобы жить здесь. Мы можем расширить это место, может быть, построим еще одно. Все говорили, что на шарах, дескать, невозможно выжить, но мы оказались единственными, кому удалось заставить их работать. Это был наш единственный шанс самостоятельно выбраться на орбиту. Кому охота жить ради какого-то правительства, ради армейской меди или своры бумагомарак? Нужно просто стремиться к фронтиту, стремиться всем своим существом, верно?

Королев улыбнулся. Энди улыбнулся в ответ.

— Мы уцепились за силовые кабели и просто вскарабкались по ним наверх. А когда ты взбираешься на вершину, тебе остается либо прыгать дальше, либо гнить там. — Голос его набрал силу. — Но не оглядываться назад, нет, сэр! Мы совершили этот прыжок, и вот мы здесь, чтобы остаться!

Женщина поставила модель сетчатыми колесиками на закругляющуюся к потолку стену и отпустила игрушку. Луноход, весело постукивая, пошел карабкаться у них над головами.

— Ну разве не прелесть? Дети просто влюбятся в него, вот увидите.

Королев смотрел Энди в глаза. "Космоград" снова завибрировал, сбив маленький луноход на новый курс.

— Восточный Лос-Анджелес, — сказала женщина. — Это тот, в котором дети.

Она сняла авиационные очки, и Королев увидел ее глаза, светящиеся чудесным, святым безумством.

— Ну,— сказал Энди, встряхнув пояс с инструментами, — как вы насчет того, чтобы показать нам наш новый дом?

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В оригинале употреблено слово "samizdata" составленное из русского слова "самиздат" и английского слова "data" — "данные, информация".

Очередное задание

Он пикировал с орбиты, направляясь к Вашингтону, округ Колумбия, — и чувствовал себя преотлично. Поерзав на сиденье, он усмехнулся через плексигласовый иллюминатор бодрящему, раскаленно-красному пламени из выхлопных дюз шаттла. Далеко внизу неестественную зелень генетически измененных лесов бороздили едва видные шрамы старинных дорог и линий минных заграждений. Длинными, узкими, подвижными пальцами он провел по корням коротко стриженных синих волос. Он не покидал орбиты больше десяти месяцев. Ассимиляция к орбитальному государству дзайбацу уже отслаивалась, будто краска, или отходила, как холодно-чешуйчатая змеиная кожа.

Восхитительно вибрируя, шаттл сбрасывал скорость. Пассажир устремил взгляд раскосых зеленых глаз на плутократа, спящего в соседнем кресле, и женщину, сидящую через проход. На ее лице застыло голодное выражение дзайбацурий… ах, эти пустые подернутые сеткой вен глаза! Похоже, у нее уже начались проблемы с гравитацией: она слишком много времени плавала вокруг осей вращения дзайбацурий, где сила тяготения всегда мала. Стоит им приземлиться, она за это заплатит: ох, как она станет шаркать от одного водяного матраса к другому, точь-в-точь беззащитная добыча… Он опустил взгляд. Его сложенные на коленях руки подергивались, словно кого-то когтили. Подняв их, он стряхнул с пальцев напряжение. Дурацкие руки…

Леса Мэриленд Пьедмонта скользили внизу, будто зеленое видео. До Вашингтона и лабораторий рекомбинации ДНК в Роквилле, Мэриленд, оставалось 1080 аккуратненько тикающих секунд. Он даже не помнил, когда в последний раз так развлекался. В его правом ухе нашептывал компьютер…

Шаттл сел на сверхпрочную посадочную полосу, и наземный экипаж аэропорта залил его охлаждающей пеной. Пассажир сошел, прижимая к себе саквояж.

Его уже ждал вертолет, присланный частной службой безопасности корпорации «Репликон». Во время перелета до штаб-квартиры «Репликона» в Роквилле он успел выпить коктейль, впитывая в себя приятные вибрации внутренней обшивки вертолета. Под воздействием гравитации, свежего воздуха, мягкого освещения целые слои его личности уже начали распадаться.

Он столь же сладок, текуч, как внутренность гнилой дыни. Вот это называется текучесть, он скользкий, точно смазка… Повинуясь интуиции, он открыл саквояж и, достав из несессера

механическую расческу, раздвинул ее переливчатым ногтем большого пальца правой руки.

Пуская черную краску, вибрирующие зубья пригладили и затемнили его по-дзайбацки синюю прическу.

Вынув крохотный штекер из гнезда слухового нерва в правом ухе, он отцепил компьютер-серьгу. Напевая себе под нос, чтобы заполнить пустоты в компьютерном шепоте, он открыл плоский кейс, установленный внутри саквояжа, и уложил микрокомпьютер на место, в защищенное гнездо. Внутри кейса имелось еще семь крохотных драгоценных капель, нашпигованных микроплатами, под завязку насыщенными продвинутым программным обеспечением. Подсоединив новую каплю, он вставил серьгу в бледную проколотую мочку. Тут же капля принялась нашептывать о его нынешних способностях — так, на случай, если он позабыл. Он слушал вполуха.

Вертолет приземлился в самый центр эмблемы «Репликона» на крыше четырехэтажного здания штаб-квартиры. Невидимка прошел к лифту. Откусив кусочек ногтя с правой руки, он бросил его в утопленный в стену анализатор биопсии, потом покачался на каблуках, с усмешкой ожидая, пока камеры и сонар его взвесят, просканируют и измерят.

Раскрылись двери лифта. Он шагнул внутрь и спокойно уставился перед собой, счастливый, как тень. Двери снова открылись, и он прошел через обшитый дорогими панелями коридор в приемную главы службы безопасности «Репликона».

Отдав удостоверение секретарю, он опять закачался на каблуках, пока молодой человек вводил данные в настольный компьютер. Корпоративный дух окатывал его, словно горячий душ, открывая все поры.

Глава службы безопасности был сплошь стальная седина, загорелые морщинки и огромные керамические зубы. Гость сел и обмяк, точно воск, впитывая вибрации старика — тот так и кипел честолюбием и продажностью, будто ржавеющая бочка, полная химических отходов.

— Добро пожаловать в Роквиль, Эжен.

— Спасибо, сэр, — ответил собеседник. Он сел прямо, перенимая окраску хищника у хозяина кабинета. — Приятно познакомиться.

Глава службы безопасности праздно глянул на закрытый от собеседника экран монитора.

— У вас отличные рекомендации, Эжен. У меня тут данные о двух ваших операциях для других членов Синтеза. В деле амстердамских пиратов в Плавниках на вас было оказано такое давление, от которого сломался бы любой обычный оперативник.

— Я был лучшим в классе, — простодушно улыбнулся Эжен. Он ровным счетом ничего не помнил об амстердамском деле. Все соскользнуло в забвение, стертое Покровом. Он безмятежно глядел на японскую настенную роспись в стиле какемоно.

— «Репликон» не часто обращается за помощью к дзайбацуриям, — сказал глава службы безопасности. — Но координационный комитет Синтеза приготовил нашему картелю особую операцию. Хотя сами вы не член Синтеза, ваша продвинутая подготовка дзайбацурий существенно важна для успеха миссии.

Эжен пусто улыбнулся, покачивая острым носком ботинка. Разговоры о лояльности и идеологии его утомляли. Ему не было дела до Синтеза и его честолюбивых потуг объединить планету под единой кибернетическо-экономической сетью.

Даже его чувства по отношению к родной дзайбацурий были не столько патриотическими, сколько уважительно-домашними — такие, наверное, испытывает червь к сердцевине яблока. Он ждал, пока собеседник перейдет к сути, зная, что компьютер-серьга все равно все запишет, даже если он сам что-нибудь упустит.

Откинувшись на спинку кресла, глава службы безопасности поиграл электронным стилом.

— Нам пришлось нелегко, — сказал он. — Мы долгое время занимали выжидательную позицию, наблюдая, как мозги безостановочно утекают на орбитальные заводы, а экологические катастрофы приканчивают планету. Теперь же без орбитчиков, вашей помощи, мы даже не можем склеить осколки. Надеюсь, наша позиция вам понятна?

— Вполне, — отозвался Эжен.

Используя подготовку дзайбацурии и преимущества Покрова, не так уж и сложно примерить на себя шкуру старика и увидеть все его глазами. Эжену это не особо нравилось, но труда не составило.

— Сейчас обстановка понемногу стабилизируется, поскольку наиболее радикальные группировки или поубивали друг друга, или эмигрировали в космос. Земля не может себе позволить многообразия культур, какое существует у вас, в орбитальных полисах. Земля должна объединить оставшиеся ресурсы под эгидой Синтеза. Войны в традиционном смысле отошли в прошлое. Теперь нам предстоит битва способов мышления.

Шеф начал рассеянно черкать световой ручкой по видеоэкрану.

— Одно дело работать с криминальными группировками вроде пиратов в Плавниках, и совсем другое столкнуться с… э…

культами и сектами, которые наотрез отказываются присоединиться к Синтезу. С тех пор как в начале двадцать первого века численность населения резко упала, значительные регионы малоразвитых стран пришли в запустение… Этот процесс особенно затронул область Центральной Америки, к югу от Народной Республики Мексика… Там возник диссидентский культ, называющий себя Майянское Возрождение. Мы, синтетики, столкнулись с культурой и способом мышления — в дзайбацурий назвали бы это парадигмой, — которые открыто противостоят всему, что объединяет Синтез. Если мы сумеем остановить эту группировку, прежде чем она наберет силу, положение нормализуется. Но если ее влияние будет распространяться, это может спровоцировать Синтез на военные действия. А если мы будем вынуждены прибегнуть к оружию, наше хрупкое согласие затрещит по швам. Мы не можем позволить себе вновь начать вооружаться, Эжен. Мы не можем допустить взаимных подозрений в наших рядах. Чтобы продолжать борьбу с экологическими проблемами, нам нужно все, что у нас осталось. Уровень океана продолжает подниматься.

Эжен кивнул.

— Вы хотите, чтобы я их остановил. Лишил их парадигму жизнеспособности. Спровоцировал такой когнитивный диссонанс, который развалил бы их изнутри.

— Да, — согласился глава службы безопасности. — Разорвите их на части.

— Если я сочту необходимым пустить в ход запрещенное оружие… — деликатно начал он.

Шеф заметно побледнел, но, сжав зубы, твердо ответил:

— «Репликон» должен остаться в стороне.

Четыре дня понадобилось маленькому дирижаблю на солнечных батареях, чтобы проделать путь от плотин Вашингтона, округ Колумбия, до раздувшегося Гондураса. В герметичной кабине он путешествовал один. Большую часть пути он проделал полупарализованным: любую разумную мысль поглощал неумолчный шепот компьютера.

Наконец автопилот привел дирижабль в серенькую, залитую водой и вылизанную волнами часть тропического леса возле доков Нового Белиза. По тросу Эжен спустился на твердую полосу доков, весело помахав экипажу трехмачтовой шхуны, чью полуденную сиесту потревожило его почти беззвучное прибытие.

Хорошо было снова оказаться среди людей. После четырех дней в обществе разрозненных фрагментов собственной личности Эжен нервничал и жаждал общества.

Стояла удушающая жара. На пристани, воняя, дозревали в деревянных ящиках бананы.

Новый Белиз оказался жалким городишкой. Его предшественник, Старый Белиз, лежал в нескольких милях под водой Карибского моря, а нынешний наспех отстроили из обломков. Центром города служил стандартной модели геокупол, какие Синтез использовал под штаб-квартиры крупных концернов. Остальная часть городка, даже церковь, лепились к куполу, точно хижины селян к средневековому замку. Когда — и если — вода еще поднимется, купол нетрудно будет перенести на новое место, а местные постройки уйдут на дно вместе с лесом.

За исключением мух и собак, городок спал. Через топкую грязь Эжен выбрался на ухабистую улочку, мощенную деревом. Из дверей мясной лавки возле шлюза купола за ним наблюдала, завернувшись в грязную шаль, старая индианка, сгонявшая мух с подвешенного трупа свиньи опахалом из пальмовых листьев. Встретив ее взгляд, он ощутил парадигматическую вспышку ее тупого страдания и невежества — будто наступил на электрического угря. Ощущение было странным, острым и новым; он едва удержался, чтобы, перемахнув через грязный прилавок, не обнять ее. Ему хотелось скользнуть руками под длинную полотняную блузу, запустить язык в морщинистый рот — хотелось забраться под самую ее кожу и сорвать ее, как со змеи… Ух ты, надо же! Встряхнувшись, он прошел мимо.

Внутри пахло Синтезом, воздух казался спрессованным и острым на вкус, словно в батискафе. Купол был небольшой, но для современного управления информацией много места не требовалось. Нижний этаж купола был разделен на рабочие офисы с обычными аудиодекодерами, трансляторами, видеоэкранами и каналами спутниковой связи. Ел и спал персонал наверху. В этом отделении Синтеза большинство составляли японцы.

Отерев пот со лба, он по-японски спросил секретаря, где ему найти доктора Эмилио Флореса.

Флорес заправлял полунезависимой медицинской клиникой, странным образом ускользнувшей из-под контроля Синтеза. Эжену пришлось подождать в приемной, где он стал развлекать себя, играя в старинные видеоигры на древнем побитом компьютере.

К Флоресу выстроилась бесконечная очередь из хромых, безногих, заик, недужных и гниющих. Купол, похоже, сбивал белизцев с толку, и двигались они нерешительно, словно боялись, что могут сломать пол или стенки. Эжену все это было в новинку: он принялся изучать живой каталог болезней — по большей части

кожные, но также лихорадки, паразитозы, гнойные раны и переломы. Ему никогда не доводилось видеть настолько больных людей. Он попытался очаровать их своим мастерством в видеоиграх, но они продолжали шепотом переговариваться между собой на ломаном английском или просто сидели, сгорбившись и дрожа под ветерком кондиционера.

Наконец его допустили к врачу, который оказался низеньким лысеющим латиноамериканцем в традиционном белом деловом костюме.

— Здравствуйте, — сказал Флорес, внимательно оглядев визитера с головы до пят. — Ага, понимаю. С вашим заболеванием, молодой человек, мне уже приходилось сталкиваться. Вы желаете совершить путешествие вглубь страны.

— Да, — отозвался он. — В Тикаль.

— Присаживайтесь. — Они сели. За креслом Флореса тикал и подмигивал ядерно-магнитный резонатор. — Так-так, давайте посмотрим, — сказал доктор, складывая пальцы домиком. — Для вас, молодой человек, мир зашел в тупик. Вы не сумели получить диплом или нужную подготовку, чтобы эмигрировать в какую-нибудь дзайбацурию. Вам невыносима сама мысль, что придется потратить жизнь на то, чтобы подчищать планету за своими предками, испоганившими ее. Вы страшитесь железного каблука огромных картелей и корпораций, которые уморят голодом вашу душу, лишь бы набить себе карманы. Вы жаждете простой жизни. Жизни духа.

— Да, сэр.

— У меня есть все необходимые приборы, чтобы изменить цвет глаз и кожи. Я даже могу снабдить вас припасами, которые дадут вам неплохой шанс пройти через джунгли. Деньги у вас есть?

— Да, сэр. Счет в цюрихском банке.

Он достал электронную карточку.

Вставив кредитку в прорезь в столе, доктор изучил цифры на дисплее и кивнул.

— Не стану вас обманывать, молодой человек. Жизнь среди майя тяжела и сурова, особенно поначалу. Они вас сломают и вылепят заново — таким, каким нужно. Это жестокая земля. В прошлом веке эту местность захватили Хищные Святые. Кое-какие из выпущенных ими бактерий еще активны. Возрождение — наследник фанатизма Хищников. Приверженцы этого культа — убийцы.

Эжен пожал плечами.

— Я не боюсь.

— Ненавижу убийства, — сказал доктор. — Во всяком случае,

майя хотя бы честны в том, что делают, а вот политика Синтеза превратила все местное население в жертву. Синтез отказывает мне в субсидиях, чтобы продлить существование неспособных к выживанию особей. Поэтому я жертвую честью, принимая деньги перебежчиков. Я мексиканский националист, но образование получил в университете «Репликона».

Эжен про себя удивился: он и не знал, что до сих пор существует мексиканский народ. Интересно, кто дергает за ниточки его правительство.

На подготовку ушло восемь дней. Приборы клиники под руководством Флореса подкрасили кожу и зрачки новому клиенту, перекроили морщинки в уголках глаз. Он получил прививки против местных и искусственно привнесенных штаммов малярии, тифа, желтой лихорадки и лихорадки денге. В желудок ему ввели новые штаммы бактерий, дабы избежать дизентерии, а еще вкололи вакцину, чтобы предотвратить аллергическую реакцию на неизбежные укусы клещей, блох и самого страшного врага — забирающегося под кожу винтового червя.

Когда настало время прощаться с доктором, Эжен, расчувствовавшись, заплакал. Вытирая глаза, он с силой нажал себе на левую скулу. В голове у него раздался щелчок, и из левой гайморовой полости потекла жидкость. Тщательно, но незаметно он собрал ее в носовой платок. Пожимая на прощание руку, он прижал влажную ткань к голой коже на запястье доктора, а платок оставил у Флореса на столе.

К тому времени, когда невидимка и его мулы миновали кукурузные поля и вошли в джунгли, вызывающие шизофрению токсины сделали свое дело: разум доктора раскололся, словно упавшая на пол ваза.

Джунгли в низинах Гватемалы — далеко не курорт для человека с орбиты. Это бескрайняя и коварная топь, одичавшая, но с давних пор знавшая человеческую руку. В двенадцатом веке ее остановили расчерченные сетью каналов кукурузные поля майя. В двадцатом и двадцать первом веках в джунгли пришла зловещая логика бульдозеров, огнеметов, дефолиантов и пестицидов. И всякий раз, стоило человеку расслабиться, топь наносила ответный удар, становясь еще более скверной, чем прежде.

Некогда джунгли были располосованы тропами дровосеков, искавших красное дерево и растительную камедь для продажи за границу. Теперь просек не было, ведь таких деревьев не осталось.

Это не был первозданный лес. Это был человеческий артефакт, такой же, как генетически измененные, питающиеся углекислотой уродцы, застывшие стройными рядами во всех

искусственно созданных лесах Синтеза в Европе и Северной Америке. Но здесь обитали искривленные отбросы экологического сообщества: колючка, мескитовое дерево, съедобные пальмы, вьющиеся лианы. Они поглотили целые города, а в некоторых местах даже старые нефтяные заводы. Непомерно разросшиеся в отсутствие естественных врагов популяции попугаев и мартышек превращали ночь в сущий ад.

Эжен постоянно сверялся с данными спутников, указывавших его местонахождение, и опасность заплутать ему нисколько не грозила. Но он и не развлекался. Избавиться от плута-филантропа оказалось так просто, что и удовольствия не доставило. Целью его путешествия была зловещая гасиенда американского миллионера двадцатого века Джона Августа Оуэнса, ныне штаб-квартира майя.

Оштукатуренные соты верхушек тикальских пирамид возникли над кронами деревьев за тридцать миль до самого города. Эжен распознал планировку столицы Возрождения по фотографиям со спутников. Он шел до темноты и заночевал в полуобвалившейся церкви захваченного джунглями селения. Убив поутру обоих мулов, дальше он двинулся пешком.

На подходах к Тикалю джунгли прорезали охотничьи тропы. В миле от города его схватили двое часовых, вооруженных утыканными обсидианом дубинками и автоматическими винтовками конца двадцатого века.

Для этнических майя стражи казались слишком высокими. Скорее, это были рекруты, а не исконные гватемальские индейцы, составлявшие ядро населения Тикаля. Говорили они исключительно на языке майя с редкими вкраплениями исковерканного испанского. При помощи компьютера Эжен начал жадно впитывать язык, не переставая при этом жалобно стенать по-английски. Покров наделил его талантом к языкам. Он уже выучил и позабыл более десятка.

Руки ему связали за спиной, обыскали на предмет оружия, но вреда не причинили. Стражи протащили его через окраину — сплошь крытые тростником дома, кукурузные поля и небольшие сады. Из-под ног с недовольным клекотом разбегались копошившиеся в пыли индюки. Наконец его передали с рук на руки жрецам, занимавшим элегантный деревянный офис у подножия одной из пирамид.

Ради допроса жрец снял головной убор и вынул из губы нефритовую палочку, отчего в его интонациях появилась заученная холодность бюрократа. Он говорил на великолепном английском, а в его осанке и жестах сквозили надменность и властность, каковые даются только близким знакомством с

неограниченной властью. Эжен без труда перешел в соответствующую модальность и начал давать ожидаемые ответы. Он выдал себя за беглеца от системы, жаждущего жить среди так называемых «человеческих ценностей», от которых Синтез и дзайбацурии отмахиваются, считая их устаревшими.

Его провели вверх по известняковой лестнице и в не большой, но и не тесной каменной камере заперли на самой вершине пирамиды.

Стать майя, сказали ему, он сможет только тогда, когда освободит себя ото всей лжи, очистится и возродится. А тем временем его будут учить языку. Ему также наказали наблюдать за повседневной жизнью города и ждать видений.

Через зарешеченное окошко камеры открывался отличный вид на Тикаль. В крупнейшей храмовой пирамиде каждый день проводились церемонии: жрецы сомнамбулически карабкались по крутым ступеням, и из каменных котлов в безжалостное гватемальское небо поднимались столбы черного дыма. В Тикале жили почти пятнадцать тысяч человек, гигантское население для доиндустриального города.

На рассвете в рукотворном известняковом резервуаре поблескивала вода. На закате солнце садилось в джунгли позади священного жертвенного колодца. Футах в ста от колодца находилась небольшая, но изысканная, вычурная каменная пирамидка, зорко охраняемая людьми с винтовками; воздвигнута она была над бомбоубежищем американского миллионера Оуэнса. Выгнув шею, Эжен мог через каменную решетку наблюдать за тем, как снуют взад-вперед посещающие ее верховные жрецы города.

Его начали обрабатывать в первый же день. Сочетание полевого тренинга, Покрова и компьютера — это хорошая защита, но за методами промывания мозгов он наблюдал с немалым интересом. В дневные часы на него внезапно обрушивались волны инфразвука, которые, обходя слух, воздействовали прямо на нервную систему, провоцируя потерю ориентации и страх. Ночью через скрытые динамики шло гипнотическое внушение, пик приходился на три часа утра, когда сопротивление собственных биоритмов слабело. По утрам и вечерам жрецы громогласно распевали на вершине храма, используя в молитвах мантроподобные повторы, древние, как само человечество. В сочетании со слабой сенсорной депривацией в камере воздействие было поистине впечатляющим. Через две недели такой обработки он обнаружил, что в полный голос распевает мантры с легкостью, которая казалась волшебной.

На третью неделю ему в пищу стали подмешивать наркотики.

Когда через два часа после ланча все предметы начали приобретать хвост, будто перемещаемые по экрану иконки, и складываться в узоры, он понял: на сей раз это не привычная волнующая дрожь инфразвука, а основательная доза псилобицина. Эжен психоделики не жаловал, но их действие перенес без особых проблем. На следующий день пейотль ударил ему в голову намного сильнее. Он почувствовал горькие алкалоиды в тортилье и черных бобах, но тем не менее все съел, полагая, что скрытые устройства сканируют как поступающую пищу, так и испражнения. День тянулся бесконечно, позывы к рвоте перемежались периодами эйфории, и ему казалось, будто сами позвонки выходят у него через поры. Пик пришелся на закатные часы, когда весь город собрался в свете факелов поглядеть, как две молодые женщины в белых одеждах без страха обрушиваются с края каменного помоста в зеленые глубины священного колодца. Пока одурманенные девушки мирно тонули, он почти чувствовал на языке прохладную зелень известняковой воды.

На четвертой и пятой неделе диету из местных психоделиков сократили. С культурой его познакомили, отправляя гулять по городу под присмотром двух молодых жриц. Покончив с уроками подсознательного усвоения языка, жрицы начали знакомить его с местными технологиями медитации. К тому времени любой нормальный человек был бы уже стерт в порошок. Даже для Эжена испытание оказалось суровым, и иногда ему приходилось прилагать немало усилий для того, чтобы подавить острое желание разорвать обеих жриц на части, будто пару мандаринок.

В середине второго месяца в Тикале его послали отбывать испытательный срок на кукурузных полях и позволили спать в гамаке в тростниковой хижине. Кров ему пришлось делить с двумя рекрутами, которые пытались восстановить поломанную психику согласно предложенным культурным параметрам. Эжену они пришлись не по душе: эту парочку раздавили настолько, что с них и взять-то уже было нечего.

Искушение выбраться тайком ночью, напасть на пару жрецов и измолотить их было велико — просто чтобы поддержать здоровое течение маниакальной паранойи. Но он выжидал. Задание оказалось нелегким. Благодаря постоянным дозам наркотиков элита свыклась с сумеречными состояниями сознания, и если он слишком рано пустит в ход имплантированное ему шизооружие, то, возможно, только усилит местную парадигму. Вместо этого он начал планировать нападение на бункер миллионера. Скорее всего, большая часть арсенала Хищных Святых еще целехонька: бактерии, а может, и

готовые культуры эпидемиологических заболеваний, химические агенты, возможно, даже пара боеголовок. Чем больше он об этом думал, тем сильнее становилось искушение перебить всю колонию. Это избавило бы его от множества хлопот.

В ночь следующего полнолуния его допустили на церемонию жертвоприношения. Начинался сезон дождей, и нужно было улестить богов дождя смертью четырех детей. Детей одурманили грибами, украсили костяными пластинками и нефритом, нарядили в расшитые одежды. В глаза им насыпали толченого перца, чтобы, согласно симпатической магии, вызвать дождевые потоки слез, затем подвели к краю помоста под балдахином. Барабаны и флейты, мерные песнопения в сочетании с лунным светом и огнями факелов создавали поистине гипнотическую атмосферу. Эжен впитывал эмоции толпы — восхитительное ощущение.

Жрица высокого ранга, сгибаясь под тяжестью браслетов и грандиозного головного убора с перьями, медленно шла вдоль передних рядов толпы, раздавая половником перебродивший балчэ. Эжен протиснулся поближе за своей порцией.

Было что-то очень странное в этой жрице. Сперва ему подумалось, будто перед ним сомнамбула, накачанная психоделиками, но глаза у жрицы были ясные. Она протянула ему половник, чтобы он отпил, и когда его пальцы коснулись ее руки, жрица взглянула ему в лицо… и закричала.

Внезапно он понял, в чем дело.

— Эжени! — выдохнул он.

Тут она набросилась на него. В технике рукопашного боя агентов дзайбацурий нет никакого изящества. Боевые искусства с их упором на спокойствие и контроль бесполезны для оперативников, которые, если уж на то пошло, обладают лишь частичным сознанием. Зато въевшаяся обработка с использованием условных рефлексов превращает их в визжащих, царапающихся, съехавших на адреналине маньяков, нечувствительных к боли.

Эжен почувствовал, как в нем волной поднимается жажда убийства. Принять бой — верная смерть, единственная надежда — скрыться в толпе. Но пока он оборонялся от атакующей жрицы, его схватили сзади сильные руки. Огрызаясь, он вырвался, развернулся на кромке каменного обрамления священного колодца и увидел факелы, приближающиеся плюмажи воинов, услышал лязг автоматических винтовок. Нет времени на решение. Выходит, чистая интуиция. Повернувшись, он головой вперед бросился в широкую, сырую темень священного колодца.

И с силой ударился о воду. Перевернулся на спину, потирая

ушибленное зудящее лицо. Вода была тягучей от нитей водорослей. Вдруг за голую ногу под туникой его куснула маленькая рыбка. Ему было слишком хорошо известно, чем питаются такие рыбешки.

Он рассмотрел стенки колодца. Никакой надежды: они были гладкие, как стекло.

Время шло. Сверху полетел белый силуэт, со смертельным плеском ударился животом о воду. Жертвоприношение детей началось. Что-то схватило его за ногу и потянуло под воду. Вода залилась ему в нос, и, закашлявшись, он упустил возможность вырваться. Его тащили вниз, в черноту. Вода обожгла ему легкие, и он потерял сознание.

Очнулся он в смирительной рубашке и увидел над собой голый белый потолок. Он лежал на больничной койке. Повернув голову на подушке, он сообразил, что волосы ему сбрили.

Старинный монитор слева фиксировал его пульс и частоту дыхания. Чувствовал он себя омерзительно. Эжен все ждал, чтобы компьютер в голове прошептал ему что-нибудь, и вдруг понял, что тот исчез. Однако вместо того, чтобы почувствовать себя брошенным, он ощутил холодную цельность. Мозг болел, будто переполненный желудок.

Справа донесся слабый с присвистом вздох. Эжен повернулся. На водяном матрасе распластался морщинистый голый старик, уже не человек, а киборг — так пронизали его трубки и катетеры. За испещренный старческими пятнами скальп еще держались несколько прядей бесцветных волос, а на худом лице с запавшими щеками и остреньким носом застыло выражение древней жестокости… Энцефалограф зафиксировал несколько пиков коматозных дельта-волн от спинного мозга.

Перед ним лежал Джон Август Оуэнс.

Шорох сандалий по камню. Над кроватью возникло лицо женщины.

— Добро пожаловать в Гасиенду Майя, Эжен.

Он слабо пошевелился в смирительной рубашке, стараясь уловить ее вибрации, но ничего не почувствовал. С растущей паникой он вдруг сообразил: его способность воспринимать парадигмы исчезла.

— Что, черт побери…

— Ты снова здоров, Эжен. Странное чувство, правда? Ведь столько лет ты был свалкой для чужих эмоций. Можешь вспомнить свое настоящее имя? Это важный шаг. Попытайся.

— Предательница!

Голова у него весила все десять тонн. Он снова рухнул на подушку, чувствуя себя слишком тупым, чтобы даже пожалеть о

своей оговорке. Остатки подготовки требовали льстить врагу…

— Мое настоящее имя, — медленно и внятно произнесла она, — Наталия Жукова, и я была приговорена Народной Дзайбацурией Брежневоград к принудительному исправлению… И ты тоже был диссидентом, пока Покров не лишил тебя личности. Большинство чинов здесь — тоже с орбиты, Эжен. Мы не глупые земляне, приверженцы устаревшего культа. Кстати, кто тебя нанял? «Корпорация Ямато»? «Флейшер С.Э.»?

— Не трать времени даром.

Женщина улыбнулась.

— Ты еще передумаешь. Теперь ты человек, а Возрождение — самая прекрасная пора человечества. Погляди.

Наталия подняла повыше стеклянный флакон. Внутри в желтоватой плазме вяло плавала какая-то мутная пленка. Она словно поеживалась и извивалась.

— Покров! — охнул он.

— Он самый. Бог знает, сколько он сидел у тебя в верхнем слое коры головного мозга, ломая психику, поддерживая состояние текучести. Он обкрадывал тебя, лишал самосознания. С ним ты был, все равно что психопат в смирительной рубашке.

Он пораженно закрыл глаза.

— Мы тут разобрались в технологии Покрова, Эжен, — продолжала женщина. — Мы сами иногда к ней прибегаем — на тех, кто будет принесен в жертву. Тогда они выходят из колодца избранниками богов. Смутьяны божественной волей превращаются в святых. Это хорошо укладывается в древнюю традицию майя; если уж на то пошло, это метод социальной инженерии. Все здешние сотрудники весьма компетентны. Им удалось меня поймать, а ведь все, что они знали о невидимках, сводилось к слухам.

— Ты пыталась их убить?

— Да. Он взяли меня живой и перетянули на свою сторону. Но даже и без Покрова у меня сохранилось достаточно острое восприятие, чтобы распознать невидимку. — Она снова улыбнулась. — Я только разыгрывала маньяка, когда напала на тебя, поскольку понимала: тебя нужно остановить любой ценой.

— Я мог разорвать тебя на части.

— Тогда — да. Но сейчас ты утратил способность приводить себя в состояние исступления. Клонированные бактерии для производства токсинов шизофрении в гайморовой полости. Измененные потовые железы, испускающие феромоны. Страшные штуки! Но теперь ты в безопасности. Ты нормальный человек, не более, но и не менее.

Он прислушался к себе. Мозг у него — точно у динозавра.

— Что, люди все время так себя чувствуют?

Она коснулась его щеки.

— Ты даже и не начинал чувствовать. Вот поживешь с нами немного, увидишь, какие у нас планы — в лучших традициях Хищных Святых… — Она с благоговением поглядела на труп, в который машины вгоняли жизнь. — Перенаселение, Эжен, вот что нас прикончило. Святые взвалили на свои плечи грех геноцида. А теперь Возрождение взялось построить стабильное общество, при том без обесчеловечивающей технологии, которая неизбежно обращалась против нас. Майя все правильно понимали: цивилизация социальной стабильности, экстатическое единение с божеством, твердое признание того, что человеческая жизнь дешева. Они просто не пошли дальше. Они не решились радикально обуздать рост населения. Буквально несколько мелких изменений в теологии майя, и мы привели всю систему к равновесию. И это равновесие на столетия переживет Синтез!

— Думаешь, примитивные люди с каменными топорами сумеют одержать верх над индустриальным миром?

Она поглядела на него с жалостью.

— Не будь наивным. Место промышленности в космосе, ведь там и сырье, и пространство. Дзайбацурии во всех областях на многие годы опередили Землю. Земные картели истощили свои ресурсы и энергию, пытаясь подчистить то, что получили в наследство, и теперь не способны даже справиться с промышленным шпионажем. А элита Возрождения вооружена до зубов, плюс у нее есть духовное наследие Хищных Святых. Джон Август Оуэнс создал священный колодец Тикаля взрывом нейтронной бомбы малой мощности. Сегодня нам принадлежат запасы бинарного нервного газа двадцатого века, который мы, стоит только пожелать, могли бы контрабандой провезти в Вашингтон, Киото или Киев… Нет, пока существует элита, Синтез не посмеет атаковать в лоб, и мы намерены защищать это общество до тех пор, пока всем соперникам не придется уйти в космос, где им и место. А теперь мы с тобой сможем отвести угрозу парадигматической атаки.

— Придут другие, — сказал он.

— Мы ассимилировали всех, кто бы на нас ни нападал. Люди хотят жить реальной жизнью, Эжен, хотят чувствовать и дышать, любить. Они хотят быть чем-то большим, чем мухи в кибернетической паутине. Они хотят настоящего, а не пустых удовольствий в роскоши целлулоидного мира дзайбацурий. Послушай, Эжен. Я единственная, кто когда-либо уходил под Покров невидимки, а потом вернулся к человеческому, к настоящей жизни, полной мыслей и чувств. Мы сумеем понять

друг друга.

Он задумался. Страшно и безумно размышлять без помощи компьютера. Он даже не подозревал, насколько неуклюжими и болезненными могут быть мысли. Груз сознания раздавил интуитивные способности, некогда высвобожденные Покровом.

— Ты думаешь, мы действительно способны понять друг друга? — недоверчиво спросил он. — Сами по себе?

— Конечно! Ты даже не знаешь, как мне это нужно…

Невидимка передернулся в смирительной рубашке. В голове у него ревело. Наполовину затушенные сегменты сознания всплывали, как вспыхивают ревущим пламенем бурые угли.

— Подожди! — крикнул он. — Подожди!

Он вспомнил свое имя, а вместе с ним и себя.

За окнами штаб-квартиры «Репликона» в Вашингтоне сквозь ветки генетически модифицированных вечнозеленых деревьев сеялся снег. Поигрывая световой ручкой, глава службы безопасности откинулся на спинку кресла.

— Вы изменились, Эжен. Тот пожал плечами.

— Вы имеете в виду кожу? В дзайбацурии с этим справятся. И все равно я смертельно устал от этого тела.

— Нет, тут кое-что другое.

— Разумеется. Меня лишили Покрова, — он безжизненно улыбнулся. — Но продолжим. Как только мы с Эжени стали любовниками, я смог обнаружить местонахождение и коды доступа к резервуарам нервного газа. Непосредственно после этого я сумел объявить тревогу и выпустил химические агенты в герметизированный бункер. Элита искала в нем укрытия, так что погибли все, кроме двух. Этих я выследил и застрелил той же ночью. Умер ли киборг Оуэнс или нет — вопрос терминологии.

— Вы завоевали доверие этой женщины?

— Нет. На это потребовалось бы слишком много времени. Я просто пытал ее, пока она не сломалась. — Он снова улыбнулся. — Теперь Синтез может сделать свой шаг и взять под контроль майя, как вы поступали со всеми прочими доиндустриальными культурами. Пара транзисторных радиоприемников обрушит всю структуру, как карточный домик.

— Примите нашу благодарность, — сказал глава службы безопасности. — И мои личные поздравления.

— Оставьте их при себе, — отозвался он. — Как только я снова уйду под Покров, я все забуду. Я забуду, что меня звали Симпсон. Я забуду, что был террористом, повинным во взрыве на дзайбацурий Лейлэнд и смерти восьми тысяч человек. По всем меркам я представляю смертельную опасность для общества и

полностью заслуживаю психического уничтожения. — Он пригвоздил собеседника холодной, сдержанной и хищной улыбкой. — На свое разрушение я пойду счастливым. Потому что теперь я видел жизнь по обе стороны Покрова. Потому что теперь я уверен в том, о чем всегда подозревал. Быть человеком — веселого мало.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

Ужин в Одогасте

> «А затем путешественник попадает в Одогаст, большой многолюдный город, стоящий на песчаной равнине… Жители его ведут приятную жизнь и купаются в роскоши. На рынке всегда множество людей. Толпа столь огромна, а говор ее столь громок, что говорящий с трудом слышит свои собственные слова… В городе много красивых зданий и очень элегантных домов».
>
> *«Описание Северной Африки», Абу Убайд аль-Бакри (1040 – 1094)*

Сладостный Одогаст! Прославленный во всем цивилизованном мире – от Кордовы до Багдада – город, распростершийся в роскоши под вечерним небом Сахары.

Садящееся солнце заливало розовым и янтарным светом саманные купола, каменные виллы, высокие глинобитные минареты и площади, густо обсаженные финиковыми пальмами. Мелодичные выкрики базарных торговцев сливались с далеким добродушным хохотом гиен пустыни.

В побеленной и выложенной плиткой галерее сидели на ковре четыре джентльмена. Овеваемые вечерним бризом, мужчины потягивали приправленный пряностями кофе.

Радушный и просвещенный работорговец Манименеш принимал гостей. Тремя его гостями были караванщик Ибн-Ватунан, поэт и музыкант Хайяли и Багайоко – врач и придворный убийца.

Дом Манименеша стоял на склоне холма в аристократическом квартале, откуда он сверху взирал на рыночную площадь и глинобитные дома низкорожденных. Настойчивый бриз уносил в сторону городскую вонь и приносил с собой подхваченные в доме аппетитные запахи яств – барашка с тархуном и жареной куропатки с лимонами и баклажанами. Четверо мужчин удобно расположились вокруг низкого инкрустированного столика и, потягивая из фарфоровых чашечек приправленный специями кофе, наблюдали за бурлением рыночной жизни.

Сцена, раскинувшаяся перед ними, располагала к философической отрешенности. Манименеш, у которого было почти пятнадцать книг, считался покровителем наук. На его пухлых смуглых руках, уютно сложенных на толстом животе, поблескивали бриллианты. На нем была длинная туника красного

бархата и парчовая ермолка.

Хайяли, молодой поэт, изучал архитектуру и стихосложение в школе Тимбукту[9]. Он жил в доме Манименеша в качестве личного поэта и восхвалителя, а его сонеты, газели и оды можно было услышать в любом уголке города. Одним локтем он уперся в круглый животик своей двухструнной гитары-гуимбри. На инкрустированном корпусе из черного дерева были натянуты леопардовые жилы.

У Ибн-Ватунана были орлиные глаза под нависшими веками и руки, покрытые мозолями от верблюжьей упряжи. Он носил ярко-синий тюрбан и длинную полосатую джеллабу. В течение своей тридцатилетней карьеры моряка, а затем караванщика, ему приходилось покупать и продавать занзибарскую слоновую кость, суматранский перец, ферганский шелк и кордовскую кожу. Теперь любовь к чистому золоту привела его в Одогаст, ибо «африканские слитки» из Одогаста славились во всем исламском мире как эталон качества.

Цвета черного дерева кожа доктора Багайоко была покрыта рубцами, свидетельствующими о его принадлежности к посвященным. Его длинные, вымазанные глиной волосы были украшены резными костяными бусинами. На нем была туника из белого египетского хлопка, увешанная ожерельями из амулетов гри-гри, а его мешковатые рукава были набиты травами и талисманами. Он был коренным жителем Одогаста, придерживался анимистских убеждений и служил личным врачом у князя этого города.

Близкое знакомство Багайоко с порошками, зельями и мазями сделало его наперсником смерти. Он часто выполнял дипломатические поручения в соседней Ганской империи. Во время его последнего визита туда вся анти-одогастская группировка была вдруг смертельно поражена загадочной вспышкой оспы.

Над компанией витал дух приятельства, присущий джентльменам и ученым.

Они допили кофе, и рабыня убрала пустой горшок. Вторая девушка, рабыня при кухне, внесла плетеное блюдо с маслинами, козьим сыром и крутыми яйцами, обрызганными киноварью. В это время муэдзин прокричал с минарета свой призыв к вечерней молитве.

– Ах, – сказал заколебавшийся было Ибн-Ватунан. – Как раз, когда мы собирались начать.

– Не обращайте внимания, – сказал Манименеш, набирая горсть маслин. – В следующий раз мы вознесем две молитвы.

– А почему сегодня не было полуденной молитвы? – спросил

Ибн-Ватунан.

– Наш муэдзин забыл про нее, – ответил поэт.

Ибн-Ватунан приподнял косматые брови.

– Это смахивает на небрежность.

Доктор Багайоко сказал:

– Это новый муэдзин. Предыдущий был более пунктуальным, но, скажем так, заболел.

Багайоко очаровательно улыбнулся и откусил кусочек сыра.

– Нам, жителям Одогаста, новый муэдзин нравится больше, – сказал Хайяли. – Он – один из нас, не то, что тот, другой, который был из Феса. Наш муэдзин спит с женой христианина. Это очень забавно.

– У вас тут есть христиане? – удивился Ибн-Ватунан.

– Семья эфиопских коптов, – сказал Манименеш, – и пара иностранцев.

– А, – сказал с облегчением Ибн-Ватунан. – А я подумал, что настоящие христиане-чужестранцы из Европы.

– Откуда? – озадаченно поинтересовался Манименеш.

– Очень далеко отсюда, – ответил, улыбаясь Ибн-Ватунан. – Уродливые маленькие страны – и никакой прибыли.

– Когда-то в Европе были империи, – вставил образованный Хайяли. – Римская империя была почти такой же большой, как современный цивилизованный мир.

Ибн-Ватунан кивнул.

– Я видел Новый Рим, называемый Византией. У них есть тяжелая кавалерия, как у вашего соседа Ганы. Яростные воины.

Посыпая яйцо солью, Багайоко кивнул.

– Христиане едят детей.

Ибн-Ватунан улыбнулся.

– Уверяю вас, византийцы ничего подобного не делают.

– Правда? – удивился Багайоко. – А наши христиане едят.

– Наш доктор просто шутит, – сказал Манименеш. – Иногда о нас распускают странные слухи, потому что мы пригоняем своих рабов с побережья, где живут каннибальские племена ням-ням. Но, уверяю вас, мы тщательно следим за их рационом.

Ибн-Ватунан смущенно улыбнулся.

– В Африке всегда что-нибудь новенькое узнаешь. Иногда приходится слышать невероятные истории. Например, о волосатых людях.

– А, – сказал Манименеш. – Вы имеете в виду горилл. Из южных джунглей. Не хочется вас разочаровывать, но они ничуть не лучше зверей.

– Понятно, – сказал Ибн-Ватунан. – Какая жалость.

– У моего дедушки была когда-то горилла, – добавил

Манименеш. – За десять лет она еле-еле научилась говорить по-арабски.

Они прикончили закуски. Рабыни убрали со стола и внесли блюдо с откормленными куропатками. Куропатки были фаршированы лимонами и баклажанами и лежали на подстилке из мяты и листьев салата. Четверо едоков придвинулись поближе, и их руки заработали, отрывая ножки и крылышки.

Ибн-Ватунан обсосал мясо с косточки и вежливо рыгнул.

– Одогаст славен своими поварами, – сказал он. – Мне приятно видеть, что хоть эта легенда правдива.

– Мы, жители Одогаста, гордимся утехами стола и постели, – откликнулся польщенный Манименеш. – Я просил Эльфелилет, одну из наших лучших куртизанок, почтить нас визитом сегодня. Она приведет свою труппу танцовщиц.

Ибн-Ватунан улыбнулся.

– Это было бы замечательно. На тропе так надоедают мальчики. Ваши женщины великолепны. Я заметил, что они ходят, не закрывая лица.

Подал голос Хайяли, запевший:

> Когда появляется женщина из Одогаста,
> Девушки Феса кусают себе губы,
> Дамы Триполи прячутся в чуланы,
> А ганские женщины бегут вешаться.

– Мы гордимся столь высоким статусом наших женщин, – сказал Манименеш. – не зря за них платят на рынке самые высокие цены.

Внизу под горой, на рыночной площади, торговцы засветили маленькие масляные лампы, бросавшие трепетные тени на стенки палаток и оросительные каналы. Отряд княжеской стражи, вооруженный копьями и щитами, одетый в кольчуги, прошагал через площадь, заступая на ночное дежурство у Восточных ворот. У источника сплетничали рабыни с тяжелыми кувшинами, полными воды.

– Около одной палатки собралась целая толпа, – сказал Багайоко.

– Вижу-вижу, – отозвался Ибн-Ватунан. – Что это? Какая-нибудь новость, которая может оказать влияние на рынок?

Багайоко собрал соус комком мяты с салатом.

– Ходят слухи, что в городе появился новый прорицатель. Новые пророки всегда входят в моду на какое-то время.

– Да-да, – сказал, поднявшись Хайяли. – Они называют его «Страдальцем». Говорят, что он делает весьма диковинные и

забавные предсказания.

– Я никогда бы не принял всерьез их предсказания о торговых делах, – сказал Манименеш. – Если хочешь знать рынок, надо знать сердца людей, а для этого нужен хороший поэт.

Хайяли склонил голову.

– Господин, – сказал он, – живи вечно!

Темнело. Рабы принесли керамические лампы с сезамовым маслом и повесили их на балках галереи. Другие собрали косточки куропаток и принесли голову и заднюю часть барашка, а также блюдо с требухой, приправленной корицей.

В знак уважения хозяин предложил бараньи глаза Ибн-Ватунану и после трех ритуальных отказов караванщик с наслаждением впился в них.

– Я лично, – сказал он, жуя, – вкладываю большие деньги в предсказателей. – Очень часто им ведомы необыкновенные тайны. Не всякие там оккультные, а те, что выбалтывают суеверные люди. Девчонки-рабыни, переживающие из-за домашнего скандала, мелкие чиновники, озабоченные продвижением по службе, частные секреты тех, кто приходит к ним консультироваться. Это может оказаться полезным …

– Если это так, – сказал Манименеш, – может быть нам следует позвать его сюда.

– Говорят, что он чудовищно уродлив, – сказал Хайяли. – Его зовут Страдальцем потому, что он совершенно немыслимо исковеркан болезнью.

Багайоко элегантным движением вытер подбородок о рукав.

– Теперь мне становится интересно.

– Тогда решено. – Манименеш хлопнул в ладоши. – Приведите юного Сиди, моего посыльного.

Тотчас появился Сиди, отряхивающий с ладоней муку.

Этот высокий чернокожий подросток в крашеной шерстяной джеллабе был сыном поварихи. Его щеки украшали стильные шрамы, а в густые черные локоны была вплетена медная проволока. Манименеш распорядился. Сиди соскочил с веранды, сбежал через сад вниз и скрылся за воротами.

Работорговец вздохнул.

– Это одна из трудностей моей профессии. Когда я купил свою повариху, она была стройной очаровательной девушкой, и я наслаждался ею от души. Теперь, благодаря многим годам преданного служения своему искусству, она стала стоить в двадцать раз больше, но при этом растолстела, как бегемотиха. Но это к делу не относится. Она всегда утверждала, что Сиди – мой сын. А поскольку я не собираюсь продавать ее, мне приходится делать кое-какие поблажки. Боюсь, я испортил его,

ведь я сделал его свободным. Когда я умру, мои законные сыновья жестоко расправятся с ним.

Караванщик, разгадавший смысл этой речи, улыбнулся.

– Он умеет ездить верхом? Он умеет торговаться? Он знает счет?

– О, – сказал с напускной небрежностью Манименеш, – он достаточно хорошо знаком с этими новомодными действиями с нулями.

– Вы знаете, я отправляюсь в Китай, – сказал Ибн-Ватунан. – Это тяжелый путь, который может привести к богатству, а может и к смерти.

– Он рискует в любом случае, – философски промолвил работорговец. – Аллах наделяет богатством по своей воле.

– Это правда, – сказал караванщик.

Под столом, чтобы не заметили остальные, он подал тайный знак. Хозяин ответил тем же. Так Сиди был приглашен и принят в Братство.

Покончив с делами, Манименеш расслабился и серебряным молотком вскрыл приготовленную на пару баранью голову. Они ложками вычерпали мозг, а затем принялись за требуху, фаршированную луком, капустой, корицей, рутой, кориандром, гвоздикой, имбирем, перцем и слегка припудренную серой амброй[10]. Вскоре кончилась горчичная подливка, и они потребовали еще. Но есть стали медленнее, ибо приближались уже к пределу человеческой вместимости.

Потом они откинулись на своих сиденьях и оттолкнули от себя тарелки с застывающим жиром. Их наполняло чувство удовлетворения от столь разумного устройства мира. Внизу, на рыночной площади, летучие мыши, населявшие заброшенную мечеть, гонялись за мошками, которые вились вокруг фонарей на палатках торговцев.

Поэт учтиво рыгнул и взял в руки свою двухструнную гитару.

– Бог милостив, – сказал он. – Это чудесное место. Смотри, караванщик, как улыбаются звезды, глядя сверху на наш возлюбленный Юго-Запад.

Леопардовые жилы струн издали певучий звук.

– Я чувствую, как сливаюсь с Вечностью.

Ибн-Ватунан улыбнулся.

– Когда я нахожу человека в таком состоянии, мне обычно приходится его хоронить.

– Вот речь делового человека, – откликнулся доктор. Он привычным жестом посыпал последний кусок требухи ядом и съел его. Он приучал свой организм к отраве. Профессиональная

предосторожность.

За забором на улице стал слышен приближающийся перезвон медных колец. Страж у ворот прокричал:

– Леди Эльфелилет с эскортом, господин!

– Оказать им гостеприимство! – сказал Манименеш.

Рабыни унесли тарелки и поставили в просторной галерее бархатную кушетку. Едоки протянули руки к рабыням, и те дочиста вытерли их полотенцами.

Из-за финиковых пальм, густо росших в саду, появилась Эльфелилет со своими спутниками. С ней были два телохранителя с длинными, увенчанными золотыми наконечниками копьями, с тяжелыми звонкими кольцами из меди; три танцовщицы, куртизанки-ученицы, одетые в голубые шерстяные накидки поверх тончайших хлопковых шаровар и расшитых блуз; четыре носильщика паланкина – быковатого вида рабы с намасленными торсами и с мозолями на плечах. Носильщики, застонав от облегчения, опустили паланкин на землю и отдернули парчовые занавески.

Из паланкина вышла Эльфелилет – женщина со светло-коричневой кожей, с ресницами, припорошенными углем, с рыжими от хны волосами, в которые была вплетена золотая проволока. Розовая краска покрывала ее ладони и ногти. Под ее вышитой голубой накидкой скрывался замысловато украшенный жилет. Накрахмаленные шелковые шаровары с завязками у щиколоток блестели от покрывавшего их мирабаланского лака. Легкая россыпь оспинок на одной щеке приятно подчеркивала округлость ее луноподобного лица.

– Эльфелилет, моя дорогая, – сказал Манименеш. – Ты как раз вовремя, к десерту.

Эльфелилет грациозно прошлась по выложенному плиткой полу и улеглась ничком на бархатную кушетку. В таком положении общеизвестная красота ее ягодиц представала в наиболее выгодном свете.

– Я благодарю моего друга и покровителя, благородного Манименеша. Живи вечно! Высокоученый доктор Багайоко, я Ваша служанка. Привет, поэт.

– Привет, милочка, – сказал Хайяли, улыбаясь с природным дружелюбием, свойственным поэтам и куртизанкам. – Ты – Луна, а твои красотки – кометы на нашем небосклоне.

Хозяин произнес:

– Это наш высокочтимый гость, караванщик Абу Бекр Ахмед Ибн-Ватунан.

Ибн-Ватунан, сидевший с открытым от изумления ртом, вздрогнул и пришел в себя.

– Я простой человек из пустыни, – сказал он. – Я не обладаю тем даром слова, который есть у поэтов. Но я – Ваш слуга, госпожа!

Эльфелилет улыбнулась и встряхнула головой. В оттянутых мочках ее ушей зазвенели тяжелым золотом филигранные сережки.

– Добро пожаловать в Одогаст.

Подали десерт.

– Ну, – сказал Манименеш, – все, что мы ели до сих пор, – это простая и грубая еда. Вот где мы блистаем более всего. Позвольте соблазнить вас вот этими ореховыми пирожными «джузинкат» и прошу отведать нашей медовой лапши – надеюсь, что здесь хватит на всех.

Все, кроме, конечно, рабов, принялись наслаждаться легкой рассыпчатой лапшой «катаиф», щедро посыпанной каирванским сахаром. А ореховые пирожные были воистину несравненными.

– Мы едим джузинкат во время засухи, – сказал поэт. – Потому что ангелы начинают лить слезы от зависти, когда мы их вкушаем.

Манименеш героически рыгнул и поправил свою ермолку.

– А теперь, – сказал он, – пора насладиться капелькой виноградного вина. Имейте в виду, по чуть-чуть. Ибо грех пития – один из наименьших грехов, и мы замолим его без особого труда. После этого наш друг поэт продекламирует оду, сочиненную им как раз к этому случаю.

Хайяли стал настраивать свою двухструнную гитару.

– А также по требованию публики я буду импровизировать лирические газели в двенадцать строк на заданную тему.

– После того, как наши желудки успокоятся под звуки эпиграмм, – сказал хозяин, – мы насладимся танцем справедливо прославленной труппы нашей госпожи. Затем мы удалимся в дом и насладимся их другим не менее прославленным искусством.

Тут снова закричал привратник.

– Ваш посыльный вернулся, господин! Он вместе с прорицателем ждет Ваших указаний.

– Ах! – сказал Манименеш. – Я совсем забыл.

– Это неважно, сэр, – сказал Ибн-Ватунан, распаленный программой предстоящего вечера.

Но тут заговорил Багайоко:

– Давайте взглянем на него. Контраст с его уродством сделает этих женщин еще прекраснее.

– Что иначе было бы совершенно невозможно, – добавил поэт.

– Что ж, ладно, – согласился Манименеш. – Введите его.

Сквозь сад к ним приблизился Сиди, мальчик-посыльный, за

которым следовал отвратительно медлительный, размахивающий костылями прорицатель.

Человек вполз в круг света, как искалеченное насекомое. Его огромный пыльный серый плащ, весь в пятнах пота, был перемазан чем-то немыслимым. Он был альбиносом. Его розовые глаза туманила катаракта, а проказа сожрала одну его ступню и несколько пальцев на руках. Одно плечо было намного ниже другого, что свидетельствовало о его горбатости. Обрубок голени был изъязвлен грызущими его плоть червями.

– Клянусь бородой Пророка, – воскликнул поэт, – воистину, это пример непревзойденного уродства.

Эльфелилет сморщила носик.

– От него разит чумой!

Сиди сказал:

– Мы спешили, как могли, господин!

– Иди в дом, мальчик, – сказал Манименеш, – замочи в ведре десять палочек корицы, затем принеси ведро сюда и вылей на него.

Сиди тут же ушел.

Ибн-Ватунан пристально рассматривал этого страшного человека, стоявшего, покачиваясь, на одной ноге у самой границы освещенного круга.

– Почему ты до сих пор жив, человек?

– Я отвернул свой взор от этого мира, – произнес Страдалец. – Я обратил свой взор к Богу, и он щедро пролил на меня знания. Я обрел знания, выдержать которые не под силу никакому бренному телу.

– Но Бог милостив, – сказал Ибн-Ватунан. – Как можешь ты говорить, что это сделал Он?

– Если тебе неведом страх Божий, – сказал прорицатель, – бойся Его, увидев меня.

Ужасный альбинос, медленно агонизируя, опустился на землю за пределами галереи. Он снова заговорил:

– Ты прав, караванщик, полагая, что смерть будет для меня милостью. Но смерть приходит ко всем. В свое время придет и к вам тоже.

Манименеш откашлялся.

– Так ты, значит, видишь наши судьбы?

– Я вижу весь мир, – ответил Страдалец. – увидеть судьбу одного человека все равно, что проследить путь одного муравья в муравейнике.

Появился Сиди и вылил на калеку ведро ароматной воды. Провидец сложил ладони горстью и пил эту воду, удерживая ее изуродованными ладонями.

– Спасибо, мальчик, – сказал он и обратил свой затуманенный взор к юноше. – Твои дети будут желтыми.

Сиди засмеялся от удивления.

– Желтыми? Почему?

– Твои жены будут желтыми.

Танцовщицы, отошедшие к дальнему краю стола, захихикали. Багайоко вытащил из рукава золотую монету.

– Я дам тебе этот золотой дирхем, если ты покажешь мне свое тело.

Эльфелилет мило нахмурилась и заморгала начерненными ресницами.

– О, высокоученый доктор, пожалуйста, пощадите нас.

– Вы увидите мое тело, если наберетесь терпения, сэр, – сказал Страдалец. – Пока еще жители Одогаста смеются над моими пророчествами. Я обречен говорить правду, горькую и жестокую, а потому – абсурдную. Однако слава моя будет расти и достигнет ушей князя, который прикажет тебе устранить меня, как угрозу общественному порядку. И тогда ты всыплешь свою любимую отраву, сушеный яд аспида, в миску с гороховой похлебкой, которую я получу от своего клиента. Я не сержусь на тебя за это, поскольку ты всего лишь выполнишь свой гражданский долг. К тому же избавишь меня от болей.

– Какие странные мысли, – нахмурился Багайоко. – не понимаю, зачем князю прибегать к моим услугам. Любой его копейщик проткнет тебя, как бурдюк с водой.

– К тому времени, – ответил пророк, – мои оккультные силы вызовут такое сильное беспокойство, что наилучшим выходом покажутся крайние меры.

– Так, – сказал Багайоко, – это убедительно, хотя и звучит гротескно.

– В отличие от других пророков, – сказал Страдалец, – я вижу будущее не таким, каким мы хотим, чтобы оно было, а во всей его катастрофической тщетности. Вот почему я пришел сюда, в ваш прекрасный город. Мои многочисленные и абсолютно достоверные пророчества исчезнут вместе с этим городом. Это избавит весь мир от любых неприятных конфликтов, вызванных столкновением предначертанного и свободной воли.

– Он – богослов, сказал поэт. – Прокаженный-теолог. Как жаль, что мои профессора из Тимбукту не могут сейчас с ним подискутировать!

– Так ты предрекаешь гибель этого города? – спросил Манименеш.

– Да. Могу рассказать поподробнее. Сейчас 406 год хиджры[11] Пророка и 1014 год от рождества Христова. Через

сорок лет среди мусульман зародится фанатичный пуританский культ. Его приверженцы будут называть себя альморавидами. В это время Одогаст заключит союз с Ганской империей. А они, как известно, идолопоклонники. Ибн-Ясин, воин и святой альморавидов, осудит Одогаст как гнездилище неверных. Он напустит на город свою орду мародеров, распаленных сознанием собственной правоты и жадностью. Они перебьют мужчин, изнасилуют и уведут в рабство женщин. Одогаст будет разграблен, колодцы отравлены, а пашни высушит и унесет ветер. Через сотню лет песчаные барханы похоронят под собой руины. Через пятьсот лет от Одогаста останется лишь десяток строк в книгах арабских ученых.

Хайяли пошевелил гитарой.

– Но ведь библиотеки Тимбукту полны книг об Одогасте, включая, с вашего позволения, нашу бессмертную поэтическую традицию.

– Я еще ничего не сказал про Тимбукту, – подхватил пророк. – Его разграбят мавританские захватчики, ведомые светловолосым евнухом-испанцем. Они скормят книги козам.

Компания взорвалась недоверчивым хохотом. Не обращая на них никакого внимания, пророк продолжал:

– Разгром будет таким полным, таким основательным и всеобъемлющим, что в грядущих веках будут считать, что Западная Африка всегда была страной дикарей.

– Кто на свете посмеет изрыгнуть такую хулу?

– Это будут европейцы, которые поднимутся из своего нынешнего жалкого состояния и вооружатся могучими науками.

– Что будет потом? – спросил, улыбаясь, Багайоко.

– Я могу разглядеть грядущее, – сказал пророк, – но предпочитаю этого не делать. У меня от этого начинает болеть голова.

– Итак, ты предрекаешь, – сказал Манименеш, – что наша достославная метрополия с ее высоко вознесшимися минаретами и вооруженной милицией канет в небытие?

– Как ни печально, такова правда. Но ни вы сами, ни то, что вам дорого, не оставит на Земле никакого следа. Разве что несколько строк в сочинениях чужеземцев.

– И наш город падет перед дикими племенами?

Страдалец ответил:

– Никто из присутствующих не станет свидетелем этой беды. Вы проживете свои жизни год за годом, наслаждаясь роскошью и покоем. Но не потому, что вы заслужили такую милость, а по прихоти слепой судьбы. Со временем эта ночь позабудется. Вы забудете все, что я вам наговорил, точно так же, как весь мир

забудет про вас и ваш город. Когда Одогаст падет, этот мальчик Сиди, этот сын рабыни, будет единственным живым свидетелем этого вечернего собрания. Но к тому времени и он забудет Одогаст, любить который у него нет ни малейших оснований. Он станет к тому времени старым богатым купцом в Шань-ани. Этот китайский город так фантастически богат, что мог бы купить десять таких Одогастов. Он будет разграблен и уничтожен гораздо позже.

– Это безумие какое-то, – сказал Ибн-Ватунан.

Багайоко наматывал на свой гибкий палец перемазанную глиной прядь.

– Твой привратник – здоровый парень, друг Манименеш. Что, если, скажем, приказать ему проломить башку этой злобной вороне и выкинуть эту падаль на корм шакалам?

– А вот за это, доктор, я расскажу, как умрешь ты, – сказал Страдалец. – ты будешь убит ганским королевским гвардейцем, когда попытаешься отправить на тот свет коронного принца путем вдувания неуловимого яда в его задний проход через полую тростниковую трубку.

Багайоко вздрогнул.

– Ты, идиот, там нет никакого коронного принца.

– Он был зачат вчера.

Терпение Багайоко иссякло и он повернулся к хозяину.

– Давайте избавимся от этого умника.

Манименеш сурово кивнул.

– Страдалец, ты оскорбил моих гостей и мой город. Но тебе повезло – ты уйдешь живым из моего дома.

Страдалец с мучительной медлительностью поднялся на свою единственную ногу.

– Твой мальчик говорил, что ты щедр.

– Что? Ни медяка не получишь за свою чушь.

– Дай мне один из трех золотых дирхемов, что лежат у тебя в кошельке. Иначе я буду вынужден продолжать пророчествовать, причем в гораздо более интимном русле.

Манименеш обдумал это.

– Может, так и правда лучше.

Он бросил Сиди монетку.

– Отдай ее этому сумасшедшему. И проводи его обратно в его конуру.

Они терпеливо наблюдали за тем, как предсказатель, скрипя костылями, уползал в темноту.

Манименеш резким движением откинул красные бархатные рукава и хлопнул в ладоши, требуя вина.

– Спой нам, Хайяли.

Поэт натянул на голову капюшон своего плаща.

– В моей голове звенит ужасная тишина, – сказал он. – Я вижу придорожные камни со стертыми надписями. Я вижу радостные приюты удовольствий, превращенные в голые пустоши. В них селятся шакалы. Здесь резвятся привидения, а демоны гоняются друг за другом. Изящные залы, роскошные будуары, сиявшие когда-то подобно солнцу, охвачены запустением и похожи на разверстые звериные пасти.

Он взглянул на танцующих девушек, и его глаза наполнились слезами.

– В моем воображении я вижу этих дев, погребенными в пыли или рассеянными по дальним странам. Раскиданными рукою изгнания, разорванных на куски пальцами чужбины.

Манименеш ласково улыбнулся ему.

– Мальчик мой, – сказал он, – если другие не услышат твоих песен, не обнимут этих женщин, не выпьют этого вина – это их утрата, а не наша. Так давай наслаждаться этими тремя вещами, а сожалеть – удел неродившихся.

– Твой патрон – мудрый человек, – сказал Ибн-Ватунан, похлопывая поэта по плечу. – Вот ты видишь его здесь, осыпанного милостями Аллаха и купающегося в роскоши. И ты видел того грязного безумца, одержимого чумой. Тот лунатик, прикидывающийся мудрецом, каркает про беду, тогда как наш трудолюбивый и предприимчивый друг делает этот мир лучше, ибо взращивает благородство и просвещение. Разве может Бог покинуть такой город, полный красоты и очарования, ради того, чтобы сбылись отвратительные предсказания того дурака?

Он поднял свою чашу за Эльфелилет и выпил ее залпом.

– Но чудесный Одогаст, – прорыдал поэт. – Вся его красота затеряется в песках.

– Мир велик, – сказал Багайоко, – а годы долги. Не нам претендовать на бессмертие, даже если мы – поэты. Но утешься, друг мой. Даже если эти стены и здания рухнут, на свете всегда найдется такое место, как Одогаст. По крайней мере, до тех пор, пока люди стремятся к наживе! Шахты неистощимы, а слонов – как блох. Мать-Африка всегда будет давать нам золото и слоновую кость.

– Всегда? – с надеждой спросил поэт, вытирая рукавами слезы.

– Ну и, конечно, всегда будут рабыни, – сказал Манименеш и улыбнулся. И подмигнул.

Остальные рассмеялись вместе с ним, и за столом снова воцарилось веселье.

Моцарт в зеркальных очках

С холма к северу от города весь Зальцбург восемнадцатого столетия был виден, как на ладони. Словно обкусанный сандвич.

На фоне громадных модулей крекинга и раздувшихся, похожих на колбы резервуаров нефтехранилищ руины собора Святого Руперта казались карликом у ног гигантов. Из труб завода поднимались клубы белого дыма. Угарный привкус в воздухе чувствовался даже там, где сидел Райс, — под сенью увядшего дуба.

Действо, которое разворачивалось внизу, наполняло его радостью. Чтобы работать на темпоральный проект, удовлетворенно думал он, нужно обладать склонностью ко всякого рода несообразностям. Вроде фаллической насосной станции, возвышавшейся посреди церковного двора древнего монастыря, или прямых, как стрела, нефтепроводов, прорезавших лабиринт мощеных улочек Зальцбурга. Может, городу и приходится несладко, но Райс тут ни при чем. Темпоральный луч по чистой случайности сфокусировался в скальной породе именно под Зальцбургом, создав полую сферу, соединяющую этот мир со временем самого Райса.

Райс впервые видел комплекс снаружи — для этого надо было выйти за цепи заграждения. Два года он не покладая рук трудился над запуском нефтеперегонного завода. Под его началом работали группы по всей планете: одни конопатили китобойные суда Нантакета, переоборудуя их под танкеры, другие учили местных водопроводчиков прокладывать нефтепроводы до самого Синая или Мексиканского залива.

И вот наконец он свободен! Сазерлэнд, представитель компании по связям с местными политиками, предупреждала его не ходить в город. Но Райсу было наплевать на предостережения. Любая мелочь, похоже, выводила Сазерлэнд из равновесия. Она ночей не спала из-за самых банальных жалоб местного населения. Она часами изводила «приворотников», местных, которые днем и ночью ждали у растянувшегося на милю комплекса, выпрашивая радиоприемник, нейлоновые чулки или укол пенициллина.

А пошла она, подумал Райс. Завод работает и выдает больше, чем предполагалось, и Райсу давно пора в отпуск. На его взгляд, у всякого, кто не сможет найти, как развлечься в 1775 году от Рождества Христова, мозги давным-давно отсохли.

Он встал, вытирая руки батистовым платком, чтобы избавиться от нанесенной ветром сажи.

На холм, чихая и безумно раскачиваясь, вскарабкался мопед.

Сидящему на нем парнишке, похоже, с большим трудом удавалось удерживать на педалях ноги в туфлях на высоком каблуке и одновременно прижимать к себе правым локтем огромный переносной стереомагнитофон. Накренившись набок, мопед остановился, и Райс узнал музыку, несущуюся из кассетника: симфония № 40 соль-минор.

Увидев, что Райс направляется к нему, парнишка убавил громкость.

— Добрый вечер, мистер управляющий заводом, сэр. Я не помешал?

— Нет, все в порядке, — Райс глянул на стрижку «ежиком», которая заменила вышедший из моды парик. Он уже видел этого мальчишку у ворот — тот был одним из завсегдатаев. Но лишь теперь, благодаря музыке, все стало на места. — Ты Моцарт, верно?

— Вольфганг Амадей Моцарт, сэр.

— Будь я проклят! Ты знаешь, что это за пленка?

— На ней стоит мое имя.

— Да. Ты это написал. Или правильнее сказать, написал бы. Лет через пятнадцать.

Моцарт кивнул.

— Она так прекрасна. Мне не хватит английских слов, чтобы описать, каково это — слышать ее.

К этому моменту большинство «приворотников» давно бы уже попытались что-нибудь толкнуть. А паренек, напротив, производил приятное впечатление. К тому же неплохо владел английским. Стандартный словарный запас туземцев не выходил за рамки «радио, наркотики и трахаться».

— Ты сейчас поедешь в город? — спросил Райс.

— Да, мистер директор завода, сэр.

Что-то в этом пареньке притягивало Райса. Может, энтузиазм, блеск в глазах. К тому же он, как ни крути, был одним из величайших композиторов всех времен.

— Забудь о званиях, — сказал Райс. — Где здесь можно поразвлечься?

Поначалу Сазерлэнд и слышать не хотела о том, чтобы Райс присутствовал на встрече с Джефферсоном. Но Райс немного разбирался в темпоральной физике, а Джефферсон донимал американский персонал вопросами о времени и параллельных мирах.

Райс, со своей стороны, был на седьмом небе, узнав, что ему выпал шанс познакомиться с Томасом Джефферсоном, первым президентом Соединенных Штатов. Ему никогда не нравился Джордж Вашингтон, и он только радовался, что промасонистские

настроения Вашингтона заставили его отказаться иметь дело с «безбожным» американским правительством ставленников компании.

Райс ерзал в своем дакроновом костюме двойной вязки, пока они с Сазерлэнд ждали в конференц-зале крепости Хохензальцбург, где лишь недавно установили кондиционер.

— Я и забыл, как эти костюмы липнут к телу, — сказал он, чтобы прервать молчание.

— Во всяком случае, — отозвалась Сазерлэнд, — сегодня на вас нет той чудовищной шляпы.

Она то и дело поглядывала на часы: «Конкорд» из Америки запаздывал.

— Вы имеете в виду треуголку? — осведомился Райс. — Она вам не понравилась?

— Господи, это же шляпа масонистов.

Это было еще одним ночным кошмаром Сазерлэнд. Масонисты, или Фронт Освобождения Вольных Каменщиков, были местной религиозно-политической группировкой, уже совершившей несколько патетически жалких терактов на нефтепроводе.

— Да расслабьтесь же, Сазерлэнд. Эту шляпу мне подарила одна из приятельниц Моцарта. Тереза Мария Анжела что-то там такое, какая-то обнищавшая аристократка. Они все тусуются в том музыкальном кабачке в центре города. Ей просто понравилось, как я в этой шляпе выгляжу.

— Моцарт? Вы общались с Моцартом? А вам не кажется, что его следует просто оставить в покое? После всего, что мы с ним сделали?

— Ерунда, — отрезал Райс. — Я имею право. Я два года провел на наладке производства, пока вы играли в лаун-теннис с Робеспьером и Томасом Пейном. А на меня набросились, стоило мне провести пару вечеров с Вольфгангом… А как насчет Паркера? Я что-то не слышал, чтобы вы ворчали по поводу того, что он до самой ночи гоняет рок-н-ролл в вечерних программах. А ведь этот рок-н-ролл несется изо всех паршивых приемников в городе.

— Он отвечает за пропаганду. Поверьте, если бы я могла остановить его, я бы это сделала. Но у Паркера связи повсюду в Реальном Времени, — она потерла щеку. — Давайте забудем об этом, о'кей? Просто попытайтесь быть вежливым с президентом Джефферсоном. Ему и так в последнее время приходится нелегко.

Вошла секретарь Сазерлэнд, бывшая придворная дама Габсбургов, и объявила о прибытии президента. Мимо нее в конференц-зал протиснулся разгневанный Джефферсон. Первый

президент США оказался высоким, с гривой огненно-рыжих волос и усталыми глазами.

— Присядьте, мистер президент, — предложила Сазерлэнд. — Кофе или чай?

Джефферсон нахмурился.

— Пожалуй, немного мадеры, — пробурчал он. — Если она у вас есть.

Сазерлэнд кивнула секретарше, которая мгновение смотрела на нее в полном недоумении, потом поспешила прочь из комнаты.

— Как прошел ваш полет? — вежливо спросила Сазерлэнд.

— Ваша техника весьма впечатляет, — отозвался Джефферсон. — Как это вам, без сомнения, прекрасно известно.

Райс увидел, что руки у президента США слегка подрагивают, очевидно, полет не пошел ему на пользу.

— Хотелось бы, чтобы и ваши гражданские чувства были столь же развиты, — продолжил Джефферсон.

— Вы же знаете, что я не могу отвечать за своих работодателей, — ответила Сазерлэнд. — Со своей стороны, я глубоко сожалею обо всех негативных сторонах наших операций. Флориды нам всем будет не хватать.

— Но на самом деле вы ведь здесь не для того, чтобы обсуждать уязвленные чувства. — Райс раздраженно подался вперед. — Так?

— Свобода, сэр, — изрек Джефферсон. — Свобода, вот о чем должен идти разговор.

Вернулась секретарь с запыленной бутылкой шерри и стопкой пластиковых стаканчиков. Джефферсон, руки которого дрожали уже заметно, налил стакан и разом осушил его. На лицо его вернулись краски.

— Вы дали определенные обещания, когда мы объединяли наши силы. Вы гарантировали нам свободу, равенство и право выбора условий жизни. Вместо этого нас со всех сторон осаждают ваши машины; ваши дешевые товары соблазняют народ нашей великой страны; наши полезные ископаемые, творения наших мастеров навсегда исчезают с лица земли за воротами вашей крепости!

С последней фразой Джефферсон вскочил на ноги. Сазерлэнд, наоборот, поглубже вдавилась в кресло.

— Общее благо требует определенного периода… э-э-э… адаптации… — сказала она.

— Да будет вам, Том, — вмешался Райс. — Мы не «объединяли наши силы», все это — сплошная чепуха. Мы вышибли англичан и поставили на их место вас, и вам от этого не откреститься. Во-вторых, если мы перекачиваем нефть и увозим

пару-тройку картин, это, черт побери, не имеет никакого отношения к вашим свободам. Делайте, что пожелаете, только не путайтесь у нас под ногами. Если бы мы искали возражений, то оставили бы у власти чертовых англичан.

Джефферсон сел. Сазерлэнд кротко налила ему еще стакан, который он тут же выпил.

— Я не в силах вас понять, — сказал он. — Вы заявляете, что пришли из будущего, и тем не менее как будто вознамерились разрушить собственное прошлое.

— Как раз этого мы и не делаем, — ответил Райс. — История похожа на дерево, понимаете? Когда ты отправляешься назад и вмешиваешься в прошлое, от основного ствола истории отрастает новая ветвь. Ну так вот, нынешний ваш мир — одна из таких ветвей.

— Значит, — с ужасом проговорил Джефферсон, — мое настоящее не ведет к вашему будущему?

— Вот именно, — подтвердил Райс.

— Что дает вам свободу насиловать и грабить нас, сколько вашей душе угодно! В то время как ваше собственное прошлое остается в неприкосновенности! — Джефферсон снова вскочил на ноги. — Сама эта мысль настолько чудовищна, что в нее трудно поверить, невыносимо! Как вы могли допустить подобный произвол? Есть ли у вас хоть что— то человеческое?

— Да, черт возьми, — не вытерпел Райс. — Разумеется, есть. Как насчет радио, и журналов, и лекарств, которые мы раздаем? Странно, что у вас хватает духу явиться сюда с обезображенным оспой лицом, в нестираной рубахе, оставив дома тысячи рабов, и читать мне нотации о человечности.

— Райс! — предостерегающе произнесла Сазерлэнд.

Райс не сводил глаз с Джефферсона. Медленно-медленно президент Соединенных Штатов сел.

— Послушайте, — смилостивился Райс, — мы не требуем ничего непомерного. Быть может, все идет не так, как вам представлялось, но, черт побери, такова, знаете ли, жизнь. Чего вы на самом деле хотите? Машин? Кинофильмов? Телефонов? Контроля рождаемости? Только скажите, и все у вас будет.

Джефферсон надавил большими пальцами на углы глаз.

— Ваши слова ничего для меня не значат, сэр. Я только хочу… Я хочу вернуться домой. В Монтичелло. И как можно скорее.

— Снова мигрень, мистер президент? — спросила Сазерлэнд. — Я заказала для вас это, — она толкнула ему через стол пузырек с таблетками.

— Что это?

Сазерлэнд пожала плечами.

— Вы почувствуете себя лучше.

После ухода Джефферсона Райс ожидал выговора. Вместо этого Сазерлэнд сказала:

— Вы чересчур увязли в проекте.

— А вы слишком много времени проводили с этими политиками, — отозвался Райс. — Поверьте мне: это простое время и живут в нем простые люди. Конечно, Джефферсон немного разошелся, но пообвыкнется. Расслабьтесь!

Райс застал Моцарта за уборкой столов в главном зале крепости Хохензальцбург. В полинялых джинсах, камуфляжной куртке и зеркальных очках он вполне сошел бы за подростка из эпохи Райса.

— Вольфганг! — окликнул его Райс. — Как новая работа?

Отставив в сторону стопку тарелок, Моцарт провел руками по коротко стриженым волосам.

— Вольф, — сказал он. — Зовите меня Вольф, о'кей? Звучит более… более современно, понимаете? И я, правда, хочу поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали. Пленки, книги по истории, работа. Это так чудесно — просто быть здесь!

Его английский, как заметил Райс, за последние три недели заметно улучшился.

— Все еще живешь в городе?

— Да, но у меня теперь своя комната. Придете сегодня на концерт?

— Разумеется, — отозвался Райс. — Почему бы тебе не закончить здесь поскорее, я пойду переоденусь, а потом мы отправимся отведать торта «Захер»[12], о'кей? У нас впереди целая ночь.

Райс тщательно оделся, не забыв натянуть под бархатный камзол и бриджи защитный жилет. Набив карманы бросовыми мелочами, он вышел встретить Моцарта у заднего входа в крепость.

Охрану усилили, и по небу шарили прожектора. В праздничном упоении толпы в центре города Райсу почудилась напряженность.

Как и любой другой из Реального Времени, он возвышался над местными; он чувствовал, что опасно бросается в глаза.

Укрывшись в самом темном углу клуба, Райс расслабился. Клуб находился в перестроенном нижнем этаже городского особняка какого-то юного аристократа; выступающие кирпичи отмечали те места, где стояли некогда старые стены. Завсегдатаи были из здешних, но облачены в самые разнообразные одежды из

Реального Времени, какие удалось раздобыть. Райс заметил парнишку в светло-бежевых шелковых трусах на голове.

На сцену вышел Моцарт. Гитарные арпеджио менуэтов визжали и выли на фоне попурри хоралов. Штабеля усилителей грохотали синтезированными риффами[13], снятыми с пленки поп-хитов «К-Тел»[14]. Вопящая аудитория забросала Моцарта конфетти, измельченными кусочками оборванных со стен клуба обоев.

После Моцарт курил косяк турецкого гашиша и расспрашивал Райса о будущем.

— Имеется в виду мое будущее? — уточнил Райс. — Ты вряд ли поверишь. Шесть миллиардов человек, и никому не нужно работать, если он того не хочет. Пятьсот каналов телевидения в каждом доме. Машины, вертолеты, одежда, от которой у тебя глаза на лоб полезут. Полно доступного секса. Хочешь музыку? У тебя могла бы быть собственная студия звукозаписи. По сравнению с ней, железо у тебя на сцене все равно что, будь они прокляты, клавикорды.

— Правда? Я все бы отдал, чтобы это увидеть! Не понимаю, как вы могли покинуть такое время.

Райс пожал плечами.

— Ну, потеряю я лет пятнадцать. Зато когда вернусь, меня будет ждать все самое лучшее. Все, что душе угодно.

— Пятнадцать лет?

— Да. Представь себе, как работает портал. Сейчас это площадка, ну, размером в твой рост. Ее хватает лишь на телефонную линию, нефтепровод и, может, от случая к случаю мешок почты — все это идет вверх, в Реальное Время. Расширить эту площадку — скажем, для того, чтобы перебросить через портал людей или оборудование, — чертовски дорого. Настолько, что это проделывают лишь дважды: в самом начале и в самом конце проекта. Так что, полагаю, мы тут и впрямь застряли.

Поперхнувшись, Райс закашлялся и допил стакан. Этот гашиш из оттоманской империи слишком уж развязал ему язык. Вот он сидит и треплется, а паренек начинает мечтать о будущем. Но Райс ведь никак не может достать ему Зеленую Карту, ну никак. Особенно если учесть, что бесплатно прокатиться в будущее жаждут миллионы людей — миллиарды, если считать остальные проекты, вроде Римской империи или Нового Египетского Царства.

— Но сам я очень доволен, что оказался здесь, — попытался исправить положение Райс. — Это как… как перетасовывать колоду истории. Никогда не знаешь, что случится в следующий момент. — Райс передал косяк одной из тусовочных девчонок

Моцарта, Антонии-как-ее-там. — Жить в твоем времени просто потрясающе. У тебя ведь все в порядке, верно? — Он перегнулся через стол в порыве внезапного сочувствия. — Я хочу сказать, все о'кей? Ты ведь не злишься на нас за то, что мы используем твой мир?

— Смеетесь? Перед вами — герой Зальцбурга. Если уж на то пошло, предполагалось, что ваш мистер Паркер сделает запись моей последней за сегодня композиции. Скоро меня узнает вся Европа!

Один из посетителей прокричал Моцарту что-то по-немецки через весь клуб. Подняв глаза, Моцарт сделал некий загадочный жест: порядок, мужик.

Он снова повернулся к Райсу:

— Сами видите, у меня все идет прекрасно.

— Сазерлэнд без конца волнуется обо всем таком… ну, вроде всех тех симфоний, которые ты так никогда и не напишешь.

— Ерунда! Не хочу я писать симфонии. Я могу слушать их, когда пожелаю! Кто эта Сазерлэнд? Твоя подружка?

— Нет. Она занимается местными. Дантон. Робеспьер… А как насчет тебя? У тебя кто-нибудь есть?

— Так, ничего особенного. Во всяком случае с тех пор, как я был ребенком.

— Да ну?

— Ну, когда мне было лет шесть, я оказался при дворе Марии Терезии. Я обычно играл с ее дочерью — Марией Антонией. Она сейчас зовет себя Мария-Антуанетта. Самая красивая девочка столетия. Мы играли дуэтом и шутили, что когда-нибудь поженимся, но она уехала во Францию с этой свиньей Людовиком.

— Черт меня побери, — выдохнул Райс. — Это и впрямь потрясающе. Знаешь, там, откуда я родом, она все равно что легенда. Ей отрубили голову во время Французской Революции за то, что она устраивала слишком много вечеринок.

— Никто ей ничего не рубил!

— Так то была наша Французская Революция, — прервал его Райс. — Ваша была гораздо менее грязной.

— Раз уж вам так интересно, можете встретиться с ней. Уж конечно, она у вас в долгу за то, что вы спасли ей жизнь.

Прежде чем Райс смог ответить, у их стола возник Паркер в окружении экс-придворных дам в «капри»[15] из спандекса и расшитых блестками топах в облипочку.

— Эй, Райс, — прокричал Паркер, невозмутимый анахронизм в блестящей футболке и черных кожаных джинсах. — Где ты взял такие дурацкие тряпки?.. Давай повеселимся!

Райс глядел на девушек, которые, сгрудившись у стола, одну за другой зубами рвали пробки из бутылок шампанского. Каким бы низеньким, жирным и отвратительным ни был Паркер, девицы с радостью перерезали бы друг друга ради возможности спать на его чистых простынях и залезть в его аптечку.

— Нет, спасибо, — Райс выпутался из километров проводов, змеящихся от звукозаписывающего оборудования Паркера.

Образ Марии-Антуанетты захватил его и отказывался отпускать.

Слегка поеживаясь на ветерке от кондиционера, Райс сидел нагишом на краю огромной, с балдахином, кровати. В окно эркера с мутными стеклами восемнадцатого века ему был виден сочно-зеленый, орошаемый крохотными водопадами ландшафт.

Внизу команда садовников из бывших аристократов в синих джинсовых комбинезонах подстригала кустарники под надзором охранника. Охранник — с головы до ног в камуфляже за исключением трехцветной кокарды на пилотке — жевал жвачку и играл ремнем дешевого пластмассового автомата. Сады Малого Трианона, как и сам Версаль, были сокровищами, заслуживающими тщательного ухода. Они принадлежали Народу, поскольку были слишком большими, чтобы затолкать их в портал времени.

Раскинувшись на шелковистом атласном покрывале, Мария-Антуанетта в крошечном нижнем белье из черных кружев листала номер журнала «Вог». Стены спальни пестрели полотнами Буше: целые акры шелковистой кожи, розовые ляжки, многозначительно поджатые губки. Райс пораженно перевел взгляд с портрета Луизы О'Мерфи, шаловливо раскинувшейся на диване, на изгиб холеной спины Туанетты, и у него вырвался глубокий истомленный вздох.

— Ну надо же, — проговорил он, — этот парень и впрямь умел рисовать.

Отломив дольку шоколада «Миньон», Туанетта указала пальчиком на страницу.

— Хочу кожаное бикини. Когда я быть девчонкой, моя чертова мамаша держать меня в чертовых корсетах. Она думать, мои… как это называться… моя лопатка слишком выпирать.

Потянувшись через упругое бедро, Райс ободряюще шлепнул ее по попке. Он чувствовал себя восхитительно глупым: полторы недели нерастраченной похоти низвели его до животного состояния.

— Забудь о мамочке, детка. Теперь ты со мной. Хочешь, черт побери, кожаное бикини, я его тебе достану.

— Завтра мы выходить из коттеджа, о'кей, мужик? Туанетта слизнула шоколад с кончиков пальцев. — Мы одеваться как пейзане и делать любовь в живой изгороди, как благородные дикари.

Райс помедлил. Его недельная отлучка в Париж растянулась уже на полторы; служба безопасности уже, наверное, начала его искать. Ну и черт с ними, подумал он.

— Прекрасно. Я закажу по телефону провизию для пикника. Печеночный паштет и трюфели, может, немного черепахового су…

— Хочу современную еду, — надула губки Туанетта. — Пицца, буррито и цыпленок гриль. — Когда Райс пожал плечами, она обняла его за шею. — Ты меня любить, Райс?

— Любить тебя? Детка, я люблю саму мысль о тебе.

Он был пьян историей — вышедшей из-под контроля, несущейся под ним, словно черный мотоцикл воображения. Думая о Париже, о закусочных и пирожковых, вырастающих там, где могли бы стоять гильотины, о шестилетнем Наполеоне, жующем «даббл-баббл» на Корсике, он чувствовал себя архангелом Михаилом на амфетамине.

Райс прекрасно знал, что мегаломания — профессиональное заболевание в его деле. Но ему и так скоро возвращаться к работе, еще через каких-то пару дней…

Зазвонил телефон. Райс закутался в роскошный домашний халат, принадлежавший ранее Людовику XVI. Людовик не будет возражать — он теперь счастливо разведенный слесарь в Ницце.

На крохотном экранчике телефона возникло лицо Моцарта.

— Эй, мужик, где ты?

— Во Франции, — неопределенно ответил Райс. — В чем дело?

— Неприятности. Сазерлэнд слетела с катушек, и ее пришлось накачать транками. Минимум шестеро из больших боссов, считая тебя, дезертировали.

В речи Моцарта остался лишь смутный намек на акцент.

— Эй, я не дезертировал! Я вернусь через пару дней. У нас… кажется, еще тридцать человек в Северной Европе. Если ты беспокоишься о квотах…

— К черту квоты. Это серьезно. Здесь восстание. Команчи громят нефтяные вышки в Техасе. В Лондоне и Вене бастуют рабочие. Реальное Время вне себя. Там поговаривают, что вы, ребята, неряшливо ведете дела. Мол, зарвались, да и слишком панибратские отношения с местными… Сазерлэнд успела тут такого натворить с местным населением, прежде чем ее поймали!.. Она организовывала масонистов на какое-то там

«пассивное сопротивление» и, Бог знает, на что еще.

— Дерьмо! — Политики хреновы, опять все напортили. Мало того, что он из кожи вылез, чтобы запустить завод и наладить подачу нефти в будущее; теперь еще придется подчищать за Сазерлэнд… Райс воззрился на Моцарта: — Кстати, о панибратских отношениях. Что это за «мы»? И почему мне звонишь именно ты?

Моцарт побледнел.

— Я просто хотел помочь. У меня теперь работа в центре связи.

— Для этого нужна Зеленая Карта. Где ты ее, черт побери, достал?

— Гм, послушай, приятель, мне надо бежать. Возвращайся сюда, ладно? Ты нам нужен, — взгляд Моцарта скользнул в сторону, за плечо Райса. — И свою зайку привози, если хочешь. Но поскорей.

— Я… черт, о'кей, — выдавил Райс.

Взвивая облака пыли на колеях разбитой трассы, ховер Райса пыхтел на крейсерской скорости 80 километров в час. Они приближались к баварской границе. Зазубренные Альпы подпирали небо над лучезарно зелеными лугами, крохотными живописными фермами и прозрачными бурлящими потоками таявших снегов.

Они только что впервые поссорились. Туанетта попросила Зеленую Карту, а Райс сказал, что это невозможно. Вместо этого он предложил ей Серую Карту, которая позволит ей перебраться из одной ветви времени в другую, не заглядывая в Реальное. Он знал, что если проект будет закрыт, его переведут, и ему хотелось взять ее с собой. Ему хотелось выглядеть порядочным человеком и не бросать ее в мире без «Миньона» и «Вог».

Но об этом она и слышать не желала. После часа гнетущего молчания Туанетта начала ерзать.

— Мне надо пи-пи, — сказала она наконец. — Остановись у чертовых деревьев.

— О'кей, — отозвался Райс. — Ладно, только быстрее.

Он заглушил мотор, и лопасти с гудением остановились. Стадо пятнистого скота шарахнулось в сторону под звон коровьих колокольчиков. Дорога была пустынна.

Райс вышел из машины, потянулся и увидел, как Туанетта направляется к рощице.

— В чем дело? — окликнул ее Райс. — Здесь же никого нет. Давай скорей!

Внезапно, выскочив из укрытия в канаве, на него набросились

с десяток незнакомцев. В мгновение ока он был окружен, и в лицо ему уставились дула кремневых пистолей. Нападающие были одеты в треуголки, натянутые на парики, и в длинные камзолы с кружевными обшлагами; лица их скрывались за черными домино.

— Что это еще такое, черт побери? — ошарашено вопросил Райс. — Марди Грас?

Сорвав маску, главарь с иронией поклонился. Красивое тевтонское лицо его было напудрено, а губы подведены красной помадой.

— Граф Аксель Ферсон. К вашим услугам, сэр.

Имя было знакомо Райсу; до Революции Ферсон слыл любовником Туанетты.

— Послушайте, граф, возможно, вы немного расстроены из-за Туанетты, но я уверен, мы сможем договориться… Разве вам не хотелось бы получить взамен цветной телевизор?

— Избавьте нас от ваших сатанинских посулов, сэр! — взревел Ферсон. — Я не стал бы пачкаться с коллаборационистской телкой. Мы — Фронт Освобождения Вольных Каменщиков!

— Господи Боже, — вздохнул Райс. — Вы что — всерьез? Собираетесь брать базу с этакими хлопушками?

— Нам известно ваше превосходство в вооружении, сэр. Вот почему мы взяли вас в заложники.

Он что-то сказал своим людям по-немецки. Связав Райсу руки за спиной, масонисты затолкали своего пленника в запряженный лошадью фургон, появившийся в грохоте копыт из леса.

— Может, хотя бы машину возьмете? — спросил Райс. Оглянувшись назад, он увидел, как Туанетта удрученно сидит посреди дороги возле ховера.

— Мы не принимаем ваши машины, — ответил ему Ферсон. — Это еще одно подтверждение вашего безбожия. Вскоре мы загоним вас назад в ад, из которого вы появились!

— Чем? Метлами? — Райс привалился к стенке фургона, стараясь не замечать вони навоза и гниющего сена. — Не путайте нашу доброту со слабостью. Если через портал сюда пришлют армию Серой Карты, того, что от вас останется, не хватит, даже чтобы заполнить пепельницу.

— Мы готовы на жертвы! Каждый день тысячи людей по всему миру вливаются в наши ряды, тысячи приходят под знамя Всевидящего ока! Мы вернем себе свою судьбу! Судьбу, которую вы у нас украли!

— Свою судьбу? — пришел в ужас Райс. — Послушайте, граф, вы когда-нибудь слышали о гильотинах?

— Я не желаю иметь ничего общего с вашими машинами, —

Ферсон махнул одному из своих приспешников: — Заткните ему рот кляпом.

Райса привезли на ферму под Зальцбургом. Все эти пятнадцать часов тряски в фургоне он не мог думать ни о чем, кроме предательства Туанетты. Пообещай он ей Зеленую Карту, заманила бы она его в западню или нет? Карта была единственным, чего она хотела, но как могут достать ей заветную карточку масонисты?

Охранники Райса беспокойно выхаживали у окон, скрипя сапогами по расшатанным доскам пола. Из их разговоров Райс заключил, что город, похоже, в осаде.

Никто не появлялся, чтобы вступить в переговоры о его освобождении, и масонисты начинали нервничать. Райс был уверен, что смог бы их урезонить, если бы ему удалось прокусить кляп.

Внезапно вдалеке зародилось приглушенное гудение, которое постепенно перешло в громовой рев. Четверо охранников выбежали на улицу, оставив одинокого стража у открытой двери. Извиваясь в путах, Райс попытался сесть.

Тонкие потолочные доски осыпались дождем щепок — их дважды прошила автоматная очередь. Перед домом заухали гранаты — в клубах черного дыма вылетели стекла. Кашляющий масонист прицелился в Райса из кремневого ружья, но прежде чем успел нажать спусковой крючок, автоматная очередь отбросила террориста к стене.

В дверном проеме возник кряжистый человек в кожаных штанах и косухе. Оглядевшись, он сдвинул на черный от дыма лоб защитные очки, открыв раскосые глаза. До середины спины свисала пара засаленных косиц. На сгибе локтя покоилась штык-винтовка, а грудь крест-накрест украшали два увешанных гранатами патронташа.

— Кайф, — хмыкнул он. — Это последний. — Он наклонился, чтобы вырвать кляп изо рта Райса, и тот почувствовал запах пота, дыма и плохо выделанной кожи. — Ты — Райс?

Райс лишь хватал ртом воздух.

Подняв его рывком на ноги, спаситель перерезал веревки штыком.

— Я Джебе Нойон. Транстемпоральная армия. — Выудив из кармана косухи фляжку с прогорклым кобыльим молоком, он сунул ее в руки Райсу. От вони Райса едва не стошнило. — Пей! — приказал Джебе. — Кумыс, хорошо! Пей, это Джебе Нойон тебе говорит!

Райс глотнул жидкости, от которой у него едва не свернулся язык и к горлу подступила тошнота.

— Ты из «серых карт», так? — слабым голосом спросил он.

— Да, армия Серой Карты, — отозвался Джебе. — Воины-звери всех времен и народов! Здесь было пять охранников, и я убил всех! Я, Джебе Нойон, кто был полководцем Чингиз Хана, ужасом земли! — Он глянул на Райса прекрасными печальными глазами. — Ты обо мне не слышал?

— Прости, Джебе, нет.

— Земля чернела под копытами моего коня.

— Не сомневаюсь, приятель.

— Ты сядешь в седло позади меня, — Джебе потащил Райса к двери. — Ты увидишь, как земля чернеет под шинами моего «харлея», мужик, о'кей?

С холмов над Зальцбургом они глядели на взбесившийся анахронизм.

Местные солдаты в чулках и камзолах кровавыми грудами лежали у ворот нефтеперерабатывающего завода. Сомкнув ряды и взяв мушкеты наперевес, к заводу маршировал еще один полк. Десяток монголов и гуннов, размещенных у ворот, косили их оранжевым огнем трейсеров, а потом бесстрастно глядели, как бегут врассыпную выжившие.

— Прямо как осада Камбалука! — расхохотался Джебе Нойон. — Только никаких пирамид из черепов, мужик, даже ушей больше не отрезаем, мы ж теперь цивилизованные! Может, потом позовем спецназ, вертолеты из Нама, и напалмом этих сучьих детей, напалмом!

— Этого нельзя делать, Джебе, — строго сказал Райс. — У этих несчастных нет против вас ни шанса.

— Я иногда забываюсь, — пожал плечами Джебе. — Вечно думаю о завоевании мира.

Нахмурившись, он прибавил оборотов мотора. И они ринулись с холма. Райсу даже пришлось ухватиться за вонючую косуху монгола. Джебе вымещал свое разочарование на враге: проносясь на полной скорости по улицам, он намеренно задавил брунсвиковских гренадеров. Только порожденная паникой цепкость спасла Райса от падения с мотоцикла, когда под колесами захлюпали и затрещали ноги и туловища.

Джеббе притормозил лишь за воротами комплекса. Их тут же окружила галдящая орда монголов в боевом камуфляже. Райс с трудом продрался сквозь эту толпу; почки у него ныли.

Ионизирующая радиация запачкала вечернее небо над крепостью Хохензальцбург. Портал разгоняли до энергетического максимума, переправляя броневики с «серыми картами» в одну

сторону и отсылая те же броневики, груженые под завязку предметами искусства и ювелирными украшениями, в другую.

Грохот артиллерии то и дело перекрывал вой «конкордов», привозящих эвакуированный персонал из США и Африки. Римские центурионы, облаченные в бронекольчуги, с ручными ракетными установками на плече, сгоняли персонал из Реального Времени в один из туннелей, ведущих к порталу.

Из этой толпы Райсу оживленно замахал Моцарт:

— Нас эвакуируют, мужик! Фантастика, а? Не куда-нибудь — в Реальное Время!

Райс глядел на башни насосов, установки охлаждения и модули каталитического крекинга.

— Черт возьми… — пробормотал он. — Такая работа — и псу под хвост.

— Мы теряем здесь слишком много людей. Забудь об этом, мужик. Таких восемнадцатых столетий пруд пруди.

Охрана, расстреливающая толпу из снайперских винтовок, отпрыгнула в стороны, когда сквозь ворота ворвался ховер Райса. На дверях его висели, колотя по лобовому стеклу, с полдюжины масонистских фанатиков. Монголы Джебе, сорвав интервентов, порубили их топорами, а отряд римских огнеметчиков залил пространство меж воротами огнем.

Из ховера выпрыгнула Мария-Антуанетта. Джебе метнулся перехватить ее, но в руках у него остался лишь оторвавшийся рукав. Заметив в толпе Моцарта, она бросилась к нему; Джебе отстал всего на несколько шагов.

— Вольф, ублюдок! — выкрикнула она. — Ты меня бросить! Где твой обещания, ты — мерде, свинья, фраер долбаный.

Моцарт протер зеркальные очки, потом повернулся к Райсу.

— Что это за телка?

— Где Зеленая Карта, Вольф! Ты говоришь: я продавать Райса масонистам, а ты добывать мне карточку!

Она остановилась перевести дух, и Джебе тут же поймал ее за руку. Когда Туанетта в ярости обернулась к нему, то получила прямой удар в челюсть и рухнула на бетон.

Горящие яростью глаза монгола остановились на Моцарте.

— Так, значит, это ты, да? Предатель! — со стремительностью атакующей кобры он выхватил автомат и упер его дуло под нос Моцарту. — Пальну-ка я в рок-н-ролл, и ничего у тебя промеж ушей не останется, мужик!

По двору раскатилось эхо одинокого выстрела. Голова Джебе дернулась назад, и сам он рухнул рядом с Туанеттой.

Райс рывком повернулся вправо. В воротах ангара стоял ди-

джей Паркер. В руке у него поблескивал «вальтер».

— Не бери в голову, Райс, — Паркер направился к застывшей группе. — Это ж только спецназовец, невелика потеря.

— Ты убил его!

— Ну и что? — Паркер обнял Моцарта за хрупкие плечи. — Вот он — мой мальчик! Месяц назад я переслал пару его новых мелодий домой. И знаешь, что? Мальчишка теперь пятый в рейтингах «Биллбоурд»! — Паркер заткнул пистолет за пояс. — И пулей идет вверх!

— Ты дал ему Зеленую Карту, Паркер?

— Нет, — ответил Моцарт. — Это была Сазерлэнд.

— Что ты с ней сделал?

— Ничего! Клянусь тебе, мужик, ничего! Ну может, дал ей то, что она хотела увидеть. Сломанного человека и все такое, понимаешь? Ну того, у которого украли его музыку, саму его душу. — Моцарт закатил глаза. — Она дала мне Зеленую Карту, и все равно… В общем, она не справилась с чувством вины. Остальное ты знаешь.

— А когда ее поймали, ты испугался, что нас не эвакуируют? И решил втянуть в это меня! Ты заставил Туанетту сдать меня масонистам! Это все твоих рук дело!

Как будто услышав свое имя, Туанетта слабо застонала на бетонном пороге. Райсу было наплевать на синяки, грязь, прорехи в джинсах — все равно она самая потрясающая женщина, какую он когда-либо видел.

Моцарт пожал плечами.

— Я был когда-то вольным каменщиком. Пойми, мужик, они совсем не крутые. Я хочу сказать, все, что мне надо было — это бросить пару намеков, и гляди, что получилось, — он небрежно махнул в сторону побоища. — Я знал, что ты как-нибудь от них свалишь.

— Нельзя так просто использовать людей!

— Да? Не морочь мне голову, Райс! Вы проделываете такое в каждом времени! А мне нужна была эта осада, чтобы Реальное Время нас отсюда вытащило! Господи, я не могу ждать пятнадцать лет, чтобы попасть в будущее! История говорит, что через пятнадцать лет я — труп! Я не хочу помирать на этой свалке! Мне нужна своя студия звукозаписи!

— Забудь об этом, приятель, — отозвался Райс. — Когда в Реальном Времени узнают, что ты здесь натворил…

— Отвали, Райс, — расхохотался Паркер. — Речь идет о Первой Десятке. Не о каком-то там бросовом нефтяном заводике. — Он покровительственно взял Моцарта под руку. — Послушай, малыш, пора в туннели. У меня есть кое-какие бумаги,

которые тебе надо подписать.

Солнце село, но тьму разгоняла мортира, посылающая один за другим ядра на базу и город. Райс стоял, оглушенный грохотом, а ядра отскакивали от нефтяных резервуаров, не причиняя им ни малейшего вреда. Потом он покачал головой. Время Зальцбурга вышло.

Забросив на плечо Туанетту, он побежал в сторону туннелей.

Маленький волшебный магазинчик

Юные годы Джеймса Эбернати были отмечены рядом зловещих знамений.

У его отца, служившего в Новой Англии таможенником, были художественные наклонности. Свои альбомы для эскизов он заполнял бесчисленными рисунками замшелых пуританских надгробий и новеньких китобоев из Нантакета. Днем он сортировал тюки с импортным чаем и ситцем, а по вечерам, прихватив с собой сына, отправлялся на встречу со своими просвещенными друзьями. Они пили портвейн, ругали своих жен и издателей и угощали Джеймса липкими ирисками.

Отец Джеймса исчез во время одной из своих прогулок, когда он делал зарисовки знаменитой вермонтской Большой Каменной Головы. Нашлись только его ботинки.

Мать Джеймса, овдовевшая, с маленьким сыном на руках, вышла в конце концов за крупного волосатого мужчину, жившего в своей полуразвалившейся усадьбе где-то в северной части штата Нью-Йорк.

Вечерами семья принимала участие в общественной жизни соседнего городка Олбени. Там отчим Джеймса разглагольствовал о политике перед своими приятелями из Национальной Анти-Масонской партии. В это время наверху его мать садилась с подругами вокруг столика для спиритических сеансов, чтобы поболтать с выдающимися покойниками.

Постепенно масонские заговоры стали все сильнее заботить отчима Джеймса. Семья перестала появляться в обществе. Все гардины были плотно задернуты, а домочадцы получили строжайшее указание глядеть в оба и не прозевать появления в городе одетых в черное незнакомцев. Мать Джеймса исхудала и побледнела. Часто она целыми днями расхаживала по дому в одном халате.

Однажды отчим Джеймса прочитал им вслух газетную заметку про ангела Морони, откопавшего поблизости золотые таблички с подробным описанием библейской истории индейцев – строителей пирамид. К концу чтения статьи голос отчима начал дрожать, а взгляд стал совсем диким. Этой ночью в доме были слышны приглушенные вопли и остервенелый стук молотка.

Утром юный Джеймс застал отчима внизу, сидящим у камина в одной ночной сорочке. Он выпивал одну чайную чашку бренди за другой и рассеянно сгибал и разгибал руками железную кочергу.

Джеймс, как всегда сердечно, пожелал отчиму доброго утра.

У того забегали глаза под густыми спутанными бровями. Джеймсу было сказано, что его мать отправилась с миссией милосердия в одну очень далеко живущую семью, где все вдруг заболели корью. Затем речь зашла об одной из кладовых наверху, дверь которой была теперь наглухо забита гвоздями. Отчим строго-настрого приказал Джеймсу держаться подальше от этого запретного входа.

Шли дни. Отсутствие матери растянулось на недели. Несмотря на часто повторяющиеся и все более настойчивые предупреждения своего отчима, Джеймс не проявлял никакого интереса к той комнате наверху. В конце концов какая-то артерия в мозгу старика не выдержала напряжения и лопнула.

Когда отчима хоронили, в дом ударила шаровая молния и сожгла его дотла. Судьба Джеймса и деньги, полученные по страховке, оказались в руках одного дальнего родственника – что-то все время бормочущего и трясущегося человека, посвятившего свою жизнь борьбе с употреблением алкоголя, и выпивавшего каждую неделю несколько флаконов Опиумного Эликсира доктора Ривкина.

Джеймса пристроили в школу-интернат, которой руководил фанатичный дьякон-кальвинист. Там Джеймс был на хорошем счету благодаря прилежному изучению Святого Писания и своему ровному, рассудительному нраву. Он повзрослел и превратился в высокого, ученого вида молодого человека со спокойными манерами и лицом, абсолютно не отмеченным печатью рока.

Через два дня после того, как Джеймс закончил школу, дьякон и его жена были найдены в собственных дрожках порубленными на куски. Джеймс задержался в школе ровно на столько, сколько понадобилось, чтобы утешить их дочь, старую деву, сидевшую с сухими глазами в кресле-качалке и методично раздиравшую в клочья свой носовой платок.

После этого Джеймс отправился в Нью-Йорк получать высшее образование.

Именно там Джеймс и наткнулся на маленький магазинчик, где продавались всякие волшебные предметы. Джеймс заскочил в эту лавчонку, на которой не было никакой вывески, чисто случайно – он импульсивно скрылся в нее от душераздирающего визга жертвы, агонизирующей в зубоврачебном кабинете на противоположной стороне улицы.

В тускло освещенной лавке пахло горящим китовым жиром и горячей медью светильников. Вдоль стен тянулись широкие деревянные полки, занавешенные паутиной. Тут и там пожелтевшие политические плакаты призывали оказать военную помощь техасским повстанцам. Джеймс положил свои

богословские книги на аптечный шкафчик, в котором лакированные чучела лягушек держали в лапках крохотные тромбоны и гитары. Из-за красной занавески вышел хозяин.

– Чем могу быть полезен молодому господину? – спросил он, потирая руки. Хозяином оказался маленький сухонький ирландец с остроконечными, чуть поросшими волосом ушами. На нем были бифокальные очки и туфли с бронзовыми пряжками.

– Мне очень нравится вон тот фантод под стеклянным колпаком, – сказал Джеймс, показывая пальцем.

– Бьюсь об заклад, мы сможем найти для такого прекрасного молодого человека, как вы, что-нибудь получше, – с уверенным видом знатока сказал хозяин, – вы так молоды, так полны жизни.

Джеймс смахнул толстый слой пыли с колпака над фантодом.

– Хорошо ли идет торговля?

– У нас совершенно особые клиенты, – сказал хозяин и представился. Его звали мистер О'Беронн. Он только что покинул свою родную страну, спасаясь от опустошительного картофельного голода. Джеймс пожал маленькую пергаментную руку мистера О'Беронна.

– Вы наверняка захотите купить любовное зелье, – проницательно предположил мистер О'Беронн, – оно всегда требуется парням вашего возраста.

– Вообще-то нет, – пожал плечами Джеймс.

– Ага, значит бюджетные трудности. Может быть вас заинтересует Неоскудевающий Кошель?

Старик выскочил из-за прилавка и потряс большущим мешком, сшитым из медвежьей шкуры.

– Деньги? – почти безо всякого интереса произнес Джеймс.

– Тогда – слава! У нас есть волшебные гребни... а если вы предпочитаете эти новомодные научные штучки, то у нас есть фотоаппарат, принадлежавший когда-то самому Монтаварде.

– Нет-нет, – сказал Джеймс, проявляя нетерпение. – Будьте любезны назвать цену вот этого фантода. – Он принялся критически разглядывать названный предмет. Тот был не в идеальном состоянии.

– Мы можем возвращать молодость, – с внезапным отчаянием сказал мистер О'Беронн.

– Расскажите, – выпрямился Джеймс.

– Мы только что получили партию патентованной Молодильной Воды доктора Хайдеггера, – сказал мистер О'Беронн. Он сдернул шкуру квагги со стоявшего поблизости обитого медью ящика и вытащил из него квадратный стеклянный флакон. Вынул пробку. Вода тихо зашипела, и комната наполнилась майскими запахами.

– Стоит принять один флакон, – сказал мистер О'Беронн, – и к человеку или животному возвращается румяная молодость.

– Вот так, да? – сказал Джеймс, сведя в раздумье брови. – Сколько во флаконе чайных ложек?

– Понятия не имею, – признался мистер О'Беронн. – Никогда не мерял ложками. Имейте в виду, это товар для пожилых людей. Парни вашего возраста обычно приходят за любовными зельями.

– Почем флакон? – спросил Джеймс.

– Довольно дорого, – нехотя процедил мистер О'Беронн. – Его цена – все ваше достояние.

– Вполне разумно, – согласился Джеймс. – А сколько за два?

Мистер О'Беронн выпучил глаза.

– Не надо бежать впереди самого себя, молодой человек.

Он тщательно закупорил флакон.

– Вы пока еще не отдали мне всего, что у вас есть.

– А как мне знать, будет ли у вас еще, когда мне снова понадобится эта вода? – спросил Джеймс.

Глазки мистера О'Беронна беспокойно забегали за бифокальными стеклами.

– Это уж моя забота, – самоуверенно, но уже без прежней убежденности ответил он, – я не собираюсь закрывать торговлю, пока на свете есть люди вроде вас.

– Справедливо, – сказал Джеймс, и они пожали друг другу руки в знак совершения сделки.

Через два дня Джеймс пришел обратно, продав все, что у него было. Он отдал мешочек с золотыми монетами и банковский чек на остатки полученного наследства. Он ушел, в чем был, и унес с собой флакон.

Прошло двадцать лет. Соединенные Штаты пережили Гражданскую войну. Сотни тысяч людей погибли от пуль, мин и снарядов, умерли жалкой смертью в заразных военных лагерях. На нью-йоркских улицах были скошены картечью сотни демонстрантов, протестующих против призыва в армию. Булыжная мостовая перед волшебным магазинчиком была усеяна трупами. Наконец, после упорного сопротивления и неслыханной агонии Конфедерация была побеждена. Война стала историей.

Джеймс Эбернати возвратился.

– Я был в Калифорнии, – заявил он пораженному мистеру О'Беронну. Лицо Джеймса было покрыто здоровым загаром. На нем был бархатный плащ, сапоги со шпорами и расшитое серебром сомбреро. Он достал из кармана большие золотые часы-луковицу и на его пальцах засияли драгоценные камни.

– Вы разбогатели на золотых приисках, – догадался мистер

О'Беронн.

– Вообще-то нет, – сказал Джеймс. – Я занимался бакалейной торговлей. Там, знаете ли, за дюжину яиц можно получить столько золотого песка, сколько эти яйца весят.

Он улыбнулся и показал на свой изысканный наряд.

– Я преуспевал, но одевался, как правило, не столь экстравагантно. Дело в том, что я принес все свои мирские богатства на себе. Я подумал, что это упростит наши расчеты.

Он достал пустой флакон.

– Очень предусмотрительно с вашей стороны, – сказал мистер О'Беронн. Он внимательно разглядывал Джеймса, будто пытаясь заметить тончайшие трещинки в его психике или признаки нравственного разложения. – Вы, похоже, ни на день не постарели.

– О, не совсем так, – сказал Джеймс. – Когда я впервые пришел сюда, мне было двадцать, а теперь я вполне выгляжу на двадцать один, даже на двадцать два.

Он поставил флакон на прилавок.

– Может, вам будет интересно знать, – в ней оказалось ровно двадцать чайных ложек.

– И вы не пролили ни капли?

– О, нет! – ответил Джеймс, улыбаясь при этой мысли. – Я открывал ее только один раз в год.

– А вам не приходила в голову мысль выпить, скажем, две ложечки сразу? Или осушить флакон залпом?

– А что бы это дало? – спросил Джеймс.

Он начал стягивать с пальцев кольца, и они падали на прилавок с мелодичным звоном.

– Я полагаю, у вас сохранился запас Молодильной Воды.

– Сделка есть сделка, – недовольно проворчал мистер О'Беронн.

Он достал другой флакон. Джеймс ушел босиком, в одной рубахе и штанах, но с флаконом в руке.

Миновали 1870-е годы. Страна отпраздновала свое столетие. Железные дороги прошили континент вдоль и поперек. На улицах Нью-Йорка появились газовые фонари. Высоченные здания, каких никогда прежде не бывало, росли, как грибы. Только окрестности волшебного магазинчика не изменились.

Джеймс Эбернати возвратился. Теперь он выглядел на все двадцать четыре. Он передал права собственности на кое-какую недвижимость в Чикаго и отбыл с новым флаконом.

Вскоре после начала нового века Джеймс вернулся снова. Он

приехал на паровом автомобиле, насвистывая мотивчик Сент-Луисской выставки и поглаживая нафабренные усы. Он подписал документ на передачу собственной машины, кстати, очень неплохой, но мистер О'Беронн особого энтузиазма не проявил. Старый ирландец с годами усох, и его руки дрожали, когда он отдавал свой товар.

Следующий промежуток времени был отмечен великой войной между мировыми империями, но Америку опустошения обошли стороной. Наступили двадцатые годы. И Джеймс вернулся с тяжеленным чемоданом, набитым быстро дорожающими акциями и ценными бумагами.

– Похоже, что вы никогда не в проигрыше, – дрожащим голосом заметил мистер О'Беронн.

– Все дело – в умеренности, – ответил Джеймс. – В умеренности и в солнечном расположении духа.

Он критическим глазом оглядел магазинчик. Качество рухляди заметно снизилось. Старые автомобильные детали валялись в лужах вонючей смазки по соседству с грудами отсыревших популярных журналов и катушками почерневшего телефонного провода. Совершенно исчезли экзотические шкуры, пакетики со специями, янтарь, слоновые бивни с каннибальской резьбой и многое другое.

– Надеюсь, вы не возражаете против новых флаконов, – прохрипел мистер О'Беронн, вручая ему один из них. У бутылочки были изогнутые стенки и машинной закупорки жестяная крышка с пробковым кружочком внутри.

– Трудности с поставками? – деликатно поинтересовался Джеймс.

– Это моя забота! – отпарировал мистер О'Беронн и его верхняя губа приподнялась в оскале.

Следующий визит Джеймс нанес уже после того, как закончилась еще одна война, известная своим неописуемым и почти невообразимым варварством. Магазинчик мистера О'Беронна был теперь забит армейскими излишками. Голые электрические лампочки висели над грудами гниющих армейских гимнастерок и резины.

Джеймс выглядел уже на тридцать. По современным американским стандартам его рост был несколько маловат, но это не бросалось в глаза. Он был в брюках с высоким поясом и белом льняном пиджаке с подставными плечами.

– Я не думаю, – прошамкал мистер О'Беронн вставными челюстями, что вам когда-нибудь хотелось поделиться этим. А

как насчет жен, возлюбленных, детей?

Джеймс пожал плечами.

– А что с ними?

– Вы спокойно наблюдаете, как они стареют и умирают?

– Я никогда не дожидаюсь, пока они настолько состарятся, – заметил Джеймс. – В конце концов, я каждые двадцать лет должен возвращаться сюда и терять все, что у меня есть. Проще начинать каждый раз сначала.

– Никаких человеческих чувств, – с горечью пробормотал мистер О'Беронн.

– Да бросьте вы, – сказал Джеймс. – В конце концов, вы ведь тоже не раздаете эликсир всем и каждому.

– Так ведь этот волшебный магазинчик – мой бизнес. – проговорил мистер О'Беронн. – Есть свои неписанные правила.

– О!? – сказал Джеймс, облокачиваясь на прилавок с непринужденным спокойствием юного старца. – Вы никогда об этом раньше не говорили. Сверхъестественные законы – это интересная область для изучения.

– Это не ваше дело, – отрезал мистер О'Беронн. – Вы – клиент, и при этом обыкновенный человек. Так что вы занимайтесь своим делом, а я буду заниматься своим.

– Ну, зачем же так нервничать, – сказал Джеймс. Он немного поколебался. – Видите ли, у меня есть сейчас хорошие связи в химической промышленности. Я думаю, что смогу заработать денег гораздо больше, чем обычно. То есть, если вы захотите продать мне это место. – Он улыбнулся. – Говорят, ирландец никогда не забывает свою старую страну. Вы могли бы вернуться к привычной жизни – горшок с золотом, миска с молоком на крылечке...

– Забирайте свою бутылку и уходите! – заорал мистер О'Беронн и сунул ее прямо ему в руки.

Прошло еще два десятка лет. Джеймс подъехал на «Мустанге» с откидным верхом и вошел в магазин. Внутри пахло пачулями, а стены были обклеены яркими плакатами в стиле «дэй-гло». Стопки безмозглых комиксов нависали над столиками с кальянами и глиняными трубками ручной работы.

Мистер О'Беронн выполз из-за бисерной занавески.

– Снова вы, – прохрипел он.

– Точняк, – сказал Джеймс, озираясь. – Мне нравится, как вы следуете духу времени. Кайф.

О'Беронн одарил его ядовитым взглядом.

– Вам сто сорок лет. Разве груз неестественно долгой жизни не стал невыносимым?

Джеймс озадаченно посмотрел на него.

– Вы смеетесь?

– Разве вы не усвоили урок о благословенном даре смертности? О том, какое это благо – не пережить свое время?

– Хм? – сказал Джеймс и пожал плечами. – Что я усвоил, так это урок о материальных благах. Земные богатства только связывают по рукам и ногам. Машину на этот раз вы не получите. Она взята напрокат.

Он вытащил из кармана расклешенных джинсов кожаный бумажник.

– У меня тут несколько фальшивых удостоверений и кредитных карточек.

Он вытряхнул все на прилавок.

Мистер О'Беронн изумленно уставился на жалкую добычу.

– Это вы так шутите?

– Эй, но это действительно все, что у меня есть, – мягко произнес Джеймс. – Я мог бы запросто стать хозяином фирмы «Ксерокс» тогда, в пятидесятые. Но когда мы с вами беседовали в последний раз, вы не проявили никакого интереса. И я подумал, ну, вы понимаете, что не хлебом единым... что важен сам дух, так сказать, идея...

Мистер О'Беронн схватился своей усеянной печеночными пятнышками рукой за сердце.

– Когда-нибудь это кончится? Зачем только я уехал из Европы? Там хоть умеют уважать традиции... – он замолк, переводя дух. – Вы посмотрите! Это же стыд и позор! И это называется волшебным магазином. – Он схватил толстую свечку-гриб и грохнул ею об пол.

– Вы переутомились, – сказал Джеймс. – Послушайте, вы же сами сказали, что сделка есть сделка. Нет нужды продолжать все это. Я же вижу, что у вас душа к этому не лежит. Почему бы вам не свести меня с вашим оптовым поставщиком?

– Никогда! – поклялся О'Беронн. – Я не позволю какому-то хладнокровному... счетоводу... одолеть меня!

– Я никогда не смотрел на это, как на состязание, – с достоинством возразил Джеймс. – Мне очень жаль, что вы, уважаемый, так все воспринимаете.

Он взял свой флакон и ушел.

Истекло положенное время, и Джеймс повторил свое паломничество к волшебному магазину. Квартал заметно обветшал и явно деградировал. По тротуару прогуливались женщины в облегающих платьях и ажурных колготках. За ними присматривали подпирающие углы мужчины в широкополых

шляпах и до блеска отполированных ботинках. Джеймс тщательно запер дверцу своего BMW.

Когда-то занавешенные гардинами окна волшебного магазина были теперь закрашены черной краской. Неоновая вывеска над дверью обещала «Подглядки для взрослых. 25 центов.»

Когда-то заваленный всякой всячиной пол расчистили. Пачки журналов, обтянутые пленкой, стояли вдоль стен. Плоть их обложек блестела под мертвенной голубизной ламп дневного света. Вместо старого прилавка появилась длинная стеклянная витрина с узловатыми хлыстами и ароматными смазками. Голый пол прилипал к подошвам джеймсовых туфель «от Гуччи».

Из-за занавески появился молодой человек. Он был высок и костляв, с маленькими аккуратно подстриженными усиками. Его гладкая кожа имела восковой оттенок, характерный для жителей подземелья. Он сделал плавный жест.

– Подглядки сзади, – произнес он тонким голосом, не глядя Джеймсу в глаза. – Надо купить жетоны. Три зеленых.

– Простите? – сказал Джеймс.

– Три доллара, парень!

– А, – Джеймс достал деньги. Человек вручил ему дюжину пластмассовых жетонов и тут же скрылся за занавеской.

– Прошу прощения! – крикнул Джеймс. Никто не ответил. – Хэллоу!

Машины с подглядками стояли в кабинках в задней части магазина. От виниловых подушек разило потом и бутилнитратом. Джеймс опустил в щель жетон и стал смотреть.

Затем он подошел по очереди к каждой машине и познакомился с их репертуаром тоже. Потом он вернулся в торговый зал. Продавец сидел на табурете и обрывал обложки с нераспроданных журналов. При этом он смотрел на экран маленького телевизора, стоявшего под прилавком.

– Эти фильмы... – сказал Джеймс. – Там были Чарли Чаплин, Дуглас Фэрбенкс, Глория Суонсон...

Продавец поднял глаза и пригладил волосы.

– Ну и что? Вам не нравятся немые фильмы?

Джеймс помолчал.

– Не верится что-то, чтобы Чарли Чаплин снимал порнуху.

– Не люблю портить людям впечатление, – зевнул продавец, – но все это – настоящие подглядки, приятель. Ты когда-нибудь слышал о доме Херста? Сан-Симеон? Старина Херст, он обожал тайком снимать своих голливудских гостей. Во всех спальнях были отверстия для подсматривания.

– А, – сказал Джеймс, – понятно. А мистер О'Беронн здесь?

Тут человеку за прилавком впервые стало интересно.

– Вы знакомы со стариком? Сейчас мало кто его помнит. У его клиентов, как я слышал, были довольно странные вкусы.

Джеймс кивнул.

– У него должна быть бутылка для меня.

– Хорошо, я посмотрю. Может быть, он не спит.

Продавец снова исчез. Несколько минут спустя он появился с коричневатым флаконом в руках.

– Вот, есть любовное зелье.

Джеймс покачал головой.

– Извините, это не то.

– Это настоящее зелье! Работает, как не знаю что! – продавец был озадачен. – Вы, молодые парни, обычно гоняетесь за любовными зельями. Боюсь, придется из-за вас разбудить старика. Хотя я терпеть не могу его беспокоить.

Потянулись томительные минуты. Где-то вдалеке послышались писк и шорох. Наконец, продавец, пятясь задом, выкатил из-за занавески инвалидную коляску. В ней сидел мистер О'Беронн, обмотанный бинтами. На морщинистой голове сидел грязный ночной колпак.

– Ох! – сказал он. – Это опять вы.

– Я вернулся за своим...

– Знаю, знаю, – мистер О'Беронн поерзал на своих подушках. – Я вижу, вы уже познакомились с моим помощником. Мистер Фэйри.

– Я вроде как управляю этим магазинчиком, – сказал мистер Фэйри.

Стоя за спиной у мистера О'Беронна, он подмигнул Джеймсу.

– Меня зовут Джеймс Эбернати, – сказал Джеймс и протянул руку.

Фэйри опасливо сложил руки на груди.

– Извините, я никогда этого не делаю.

О'Беронн слабо хихикнул и тут же зашелся в приступе кашля.

– Ну, мой мальчик, – сказал он наконец, – я очень надеялся, что увижу тебя еще разок. Мистер Фэйри! Там, сзади, есть ящик, накрытый этими вашими грязными плакатами с кинозвездами.

– Конечно-конечно, – милостиво сказал Фэйри и вышел.

– Дай-ка я посмотрю на тебя, – сказал О'Беронн. Его глаза в сухих, свинцовых глазницах были похожи на глаза ящерицы. – Ну, что ты думаешь об этом месте? Только откровенно.

– Раньше выглядело лучше, – ответил Джеймс. – Вы тоже.

– Как и весь мир, а? – сказал О'Беронн. – Он неплохо повел дело, этот юный Фэйри. Ты бы видел, как он управляется с книгами... – Он взмахнул рукой с изуродованными артритом пальцами. – Это сущая благодать, не иметь никаких забот.

Снова появился Фэйри. Он тащил деревянный ящик, набитый пыльными упаковками по шесть алюминиевых баночек с колечками наверху. Он бережно поставил его на прилавок.

В каждой банке была Молодильная Вода.

– Благодарю, – сказал Джеймс. Его глаза расширились. Он бережно взял упаковку и стал вынимать из нее банку.

– Не надо, – сказал О'Беронн. – это все тебе. Радуйся, сынок. Надеюсь, ты доволен.

Джеймс медленно поставил банку.

– А как же наш уговор?

О'Беронн, сгорая от стыда, опустил глаза.

– Я покорнейше прошу прощения. Я просто не смогу дальше выполнять условия нашей сделки. Видишь ли, сил больше нет. Это теперь твое. Это все, что я сумел найти.

– Ага, похоже, что эти – последние, – кивнул Фэйри, внимательно разглядывая свои ногти. – Поступлений давно уже не было. Я думаю, фабрика уже закрылась.

– И все-таки, сколько банок? – задумчиво проговорил Джеймс.

Он достал бумажник.

– Я пригнал вам отличную машину. Она там, на улице...

– Все это не имеет теперь значения, – сказал мистер О'Беронн. – Оставь все себе. Считай, что это мой проигрыш.

Его голос совсем упал.

– Никогда не думал, что дойдет до такого. Но ты победил. Я признаю это. Со мной все кончено.

Его голова свесилась на грудь. Мистер Фэйри ухватился за ручки коляски.

– Он устал, – мягко сказал он. – Я выкачу его отсюда, чтобы не мешал. Вот... – он отодвинул занавеску и ногой выкатил коляску. Потом повернулся к Джеймсу. – Можете забрать ящик и идти. Очень приятно было иметь с вами дело. До свидания.

Он коротко поклонился.

– До свидания, сэр! – крикнул Джеймс.

Никто не ответил. Джеймс выволок ящик на улицу и поставил его на заднее сиденье своей машины. Потом он немного посидел впереди, барабаня пальцами по рулевому колесу.

Наконец, он снова вошел в магазин.

Мистер Фэйри как раз вынул из-под кассы наушники. Увидев Джеймса, он сорвал их с головы.

– Что нибудь забыл, приятель?

– Меня что-то тревожит, – сказал Джеймс. – Я вот все время думаю, что это за неписанные правила?

Продавец удивленно посмотрел на него.

– А, старик всегда выступал в этом духе – правила, стандарт, качество! – мистер Фэйри задумчиво обвел взглядом свои запасы, а потом посмотрел прямо Джеймсу в глаза. – Какие правила, парень?

Повисла тишина.

– Я никогда не понимал этого до конца, – сказал Джеймс, – но я бы хотел спросить мистера О'Беронна.

– Ты и так уже его замучил, – сказал продавец. – Не видишь, что ли, что человек скоро помрет? Ты получил, что хотел, так вали отсюда, езжай.

Он сложил руки на груди. Джеймс не шевельнулся. Продавец вздохнул.

– Послушай, я здесь торчу не ради своего здоровья. Если хочешь тут оставаться, покупай еще жетоны.

– Это я уже видел, – сказал Джеймс. – Что у вас еще продается?

– Ну, хоть это не совсем в моем русле, но я мог бы по-тихому снабдить тебя парой грамм Подлинного Колумбийского Волшебного Порошка синьора Буэндиа. Первая порция бесплатно. Нет? Тебе трудно угодить, приятель.

Фэйри уселся с утомленным видом.

– Не знаю, с какой стати я должен менять свой ассортимент, если ты такой привередливый. Такой ловкий деляга, как ты, мог бы найти себе дичь покрупнее, чем маленькая волшебная лавчонка. Может, ты, приятель, вообще не туда попал.

– Нет, мне всегда нравилось это место, – ответил Джеймс. – По крайней мере, раньше... Я даже когда-то хотел купить его.

Фэйри хихикнул.

– Ты? С ума сойти.

Вдруг его лицо стало жестким.

– Если тебе не нравится, как я веду дело, катись отсюда.

– Нет-нет, я уверен, что смогу что-нибудь купить, – быстро сказал Джеймс и наугад показал на толстую книгу в твердом переплете, лежавшую в самом низу стопки возле прилавка. – Дайте посмотреть.

Мистер Фэйри с кислой миной пожал плечами и достал книгу.

– Она тебе понравится, – неубедительно сказал он. – Мэрилин Монро и Джек Кеннеди в уединенном домике на побережье.

Джеймс перелистал глянцевые страницы.

– Сколько?

– Ты берешь? – спросил продавец. Он внимательно осмотрел переплет и снова положил книгу. – Ладно, пятьдесят зеленых.

– Просто деньги? – удивился Джеймс. – Ничего волшебного?

– Деньги – это и есть самое волшебное, – пожал плечами продавец. – О'кей, сорок зеленых и поцелуй собаку в пасть.

– Я заплачу пятьдесят, – сказал Джеймс. Он достал бумажник. – Оп-па!

Бумажник выпал у него из рук и свалился за прилавок.

Мистер Фэйри нырнул за ним. Когда он начал подниматься, Джеймс с размаху припечатал его тяжелой книгой по голове. Продавец со стоном упал. Джеймс перепрыгнул через прилавок, отдернул занавес, схватил коляску и выкатил ее. Колеса дважды глухо стукнули, переезжая через вытянутые ноги мистера Фэйри. От толчков О'Беронн проснулся и заверещал.

Джеймс подкатил его к закрашенным окнам.

– Старина, – выговорил он, тяжело дыша, – когда вы были на свежем воздухе последний раз?

Он открыл дверь ударом ноги.

– Нет! – завопил О'Беронн. Он обеими руками закрыл глаза. – Мне нельзя отсюда выходить. Таковы правила!

Джеймс выкатил его на мостовую. Под солнечными лучами О'Беронн завыл от страха и стал дико извиваться. Тучи пыли слетали с его подушек, а бинты развевались по ветру. Джеймс распахнул дверцу машины, поднял О'Беронна на руки и опустил его на пассажирское сидение.

– Ты этого не сделаешь! – визжал О'Беронн. Его ночной колпак свалился. – Я должен быть в этих стенах. Мне нельзя в мир...

Джеймс захлопнул дверцу, обежал вокруг машины и сел за руль.

– Здесь опасно, – захныкал О'Беронн, когда заработал мотор. – Там я был в безопасности.

Джеймс нажал на газ. Зашуршала резина. Он глянул в зеркало и увидел позади толпу смеющихся и улюлюкающих студентов.

– Куда мы едем? – жалобно проблеял О'Беронн.

Джеймс проскочил перекресток на желтый свет, потянулся на заднее сидение и выдернул из упаковки одну банку.

– Где была эта фабрика?

О'Беронн растерянно заморгал.

– Это было так давно... Где-то во Флориде, по-моему.

– Флорида – это звучит неплохо. Солнце, воздух...

Джеймс ловко выруливал среди машин. Большим пальцем он вскрыл банку и хорошенько отхлебнул из нее. Потом отдал банку О'Беронну.

– Берите, старина, допейте ее.

О'Беронн облизал губы, не спуская с банки глаз.

– Но мне нельзя. Я – продавец, а не покупатель. Мне просто нельзя этого делать. Я же говорю тебе, я – хозяин магазина.

Джеймс покачал головой и рассмеялся.

О'Беронн задрожал. Обеими узловатыми руками он поднял банку и прильнул к ней губами. Только один раз он оторвался, чтобы рыгнуть, и продолжал пить.

Машину наполнили майские запахи.

О'Беронн вытер рот и, смяв банку в ладони, швырнул ее назад через плечо.

– Там, сзади, найдется место и для ваших бинтов, – сказал Джеймс. – А теперь – в путь!

Наш нейронный Чернобыль

Конец двадцатого столетия и первые годы нашего нового тысячелетия в ретроспективе составляют единую эру. Это была Эпоха Нормальных Аварий, и жившие тогда люди радостно мирились с таким технологическим риском, который сегодня показался бы безумием.

В этот беспечный, если не сказать преступно халатный период, Чернобыли были на удивление часты. Девяностые годы, когда мощные промышленные технологии быстро распространились в развивающемся мире, были десятилетием пугающих огромностей. Достаточно вспомнить разлив нефти из супертанкера в Джакарте, катастрофу в Лахоре, а также постепенное, но опустошительное массовое отравление просроченными контрацептивами в Кении.

Но все же ни одно из этих событий не подготовило человечество к поразительному глобальному эффекту наихудшего из всех биотехнологических бедствий: событию, ставшему известным под названием «нейронный чернобыль».

Поэтому бы должны быть благодарны тому, что такой авторитет, как Нобелевский лауреат, системный нейрохимик доктор Феликс Хоттон посвятил свое талантливое перо истории «Нашего нейронного чернобыля» (Бессемер, декабрь 2056, цена 499.95 долларов). Уникальная квалификация автора позволяет ему дать сокрушительную переоценку тупоголовой практике прошлого, ведь д-р Хоттон – яркий представитель новой «Науки Открытой Башни», то есть того социального движения внутри научного сообщества, что возникло в ответ на Новый Луддизм второго и третьего десятилетий нового века.

И именно такие пионерские статьи Хоттона, как «Двигательная нервная сеть Locus Coeruleus[16]: на кой черт она нужна?» и «Мой великий балдеж при отслеживании нервных соединений при помощи тетраметилбензидина» заложили основу этой новой, расслабленной и триумфально субъективной школы научных исследований.

Современный ученый вовсе не похож на облаченного в белый халат социопата прошлого. Ученые сегодня демократизированы, прислушиваются ко мнению общества и полностью интегрированы в главный поток современной культуры. И нынешняя молодежь, восхищающаяся учеными с обожанием, некогда припасенным для рок-звезд, едва ли может представить ситуацию иной.

Но уже в первой главе, «Социальные корни генетического

хакерства», доктор Хоттон с поразительной четкостью воспроизводит отношения, царившие на рубеже столетий. Это был золотой век прикладной биотехнологии. Тревожное отношение к «ковырянию генов» быстро изменилось после того, как ужасающая пандемия СПИДа была окончательно побеждена усилиями исследователей рекомбинантной ДНК.

Именно в этот период мир впервые осознал, что ретровирус СПИДа оказался для него фантастическим благословением из-за своей особо отвратительной маскировки. Эта болезнь, с жутким и смертоносным коварством подкапывавшаяся под саму генетическую структуру своих жертв, оказалась медицинским чудом, когда ее удалось обуздать. ДНК-транскриптазная система вируса СПИДа проявила себя способной рабочей лошадкой, успешно доставляющей в организмы страдающих от мириадов генетических дефектов целительные сегменты рекомбинантной ДНК. Перед ДНК-транскриптазной технологией неожиданно стала отступать одна болезнь за другой: серповидноклеточная анемия, кистозный фиброз, болезнь Тэй-Саша – буквально сотни синдромов ныне стали лишь неприятными воспоминаниями.

После того, как в индустрию биотехники были вложены миллиарды, а инструменты исследований упростились и стандартизировались, проявилось и неожиданное последствие – зародилось «генетическое хакерство». Как отмечает доктор Хоттон, ситуация имеет точную параллель в субкультуре компьютерного хакерства 70-х и 80-х годов. И здесь опять необыкновенно мощная технология внезапно оказалась в пределах индивидуальной достижимости.

Когда новые биотехнологические компании стали множиться, становясь все меньше и совершеннее, вокруг этой «горячей технологии», подобно облаку пара, стала разрастаться субкультура хакеров. Эти хитроумные анонимные личности, зачастую впавшие в состояние маниакальной самопоглощенности благодаря умению наудачу манипулировать с генетической судьбой, ставили собственное любопытство превыше лояльности к общественным интересам. Уже в начале восьмидесятых приборы вроде жидкостного хроматографа высокого разрешения, систем для культивации клеток и секвенаторов ДНК были достаточно малы, чтобы поместиться в шкафу или на чердаке. И если их не покупали ради развлечения на свалке или попросту не крали, то любой сообразительный и целеустремленный подросток мог собрать их из готовых продажных узлов.

Во второй главе доктор Хоттон исследует биографию одного подобного индивидуума: Эндрю «Багса» Беренбаума, ныне общепризнанного преступника.

Багс Беренбаум, как убедительно показывает автор, мало отличался от толпы подобных ему сообразительных молодых неудачников, вившихся вокруг генетических заведений Северокаролинского Исследовательского Треугольника. Отцом его был малоудачливый вольный программист, а матерью – злостная поклонница марихуаны, вся жизнь которой была сосредоточена на роли «Леди Энн Грингэблской» в Рэлейском Обществе Созидательного Анахронизма.

Оба родителя придерживались хлипкой претензии на интеллектуальное превосходство, внушая Эндрю, что все страдания их семьи происходят от общей тупости и ограниченности воображения среднего гражданина. И Беренбаум, проявивший ранний интерес к таким предметам, как математика и конструирование (считавшиеся тогда откровенно непривлекательными), тоже отчасти пострадал от гонений со стороны наставников и одноклассников. В пятнадцать лет он уже переместился в субкультуру генохакеров, собирая различные слухи и осваивая «сцену» через компьютерные информационные каналы и ночные посиделки с пивом и пиццей в компаниях других будущих профессионалов.

В возрасте двадцати одного года Беренбаум во время летней практики работал в небольшой фирме из Рэлея под названием «КоКоГенКо», производившей специализированные препараты для биохимии. Эта фирма, как позднее доказало проведенное Конгрессом расследование, в действительности служила «крышей» для калифорнийского производителя «созидательных препаратов» и контрабандиста Джимми «Скрипуна» Маккарли. Агенты Маккарли, обосновавшиеся в «КоКоГенКо», проводили по ночам в обстановке полной секретности бесчисленные «исследования». В действительности же эти «секретные проекты» были наглым производством синтетического кокаина, бета-фенилтиамина и различных сделанных на заказ производных эндорфина – естественного обезболивающего, в десять тысяч раз более мощного, чем морфин.

Одному из «черных хакеров» Маккарли, возможно, самому Беренбауму, пришла в голову идея «имплантированной фабрики наркотиков». Смысл ее был во включении производящих наркотик генов непосредственно в человеческий геном, после чего наркоман будет находиться в состоянии непрерывного опьянения. В качестве агента для фиксации предлагался ретровирус СПИДа, последовательность ДНК которого была общеизвестна и доступна через десяток научных баз данных открытого пользования. Единственным недостатком схемы было, конечно, то, что наркоман просто «сгорел бы подобно мотыльку из туалетной

бумаги», если воспользоваться запоминающейся фразой автора.

Глава третья по сути техническая. Написанная легким и популярным стилем доктора Хоттона, она восхитительна при чтении. В ней автор делает попытку реконструировать неуклюжие попытки Беренбаума добиться желаемого через общие манипуляции с ДНК-транскриптазой вируса СПИДа. Беренбаум, конечно же, искал способ включать и выключать переносчика транскриптазы, что позволило бы сознательно управлять внутренней фабрикой наркотика. Созданная им транскриптаза была запрограммирована реагировать на простое пусковое вещество, то есть «триггер», принятое пользователем – вероятно, как предполагает Хоттон, d-1,2,5-фосфолитическую глютеиназу, фракционированный компонент «Сельдерейной шипучки доктора Брауна». Этот безвредный напиток был любимым питьем в кругах генохакеров.

Решив, что геномы производства кокаина слишком сложны, Беренбаум (или, возможно, его сообщник, некто Ричард «Прилипала» Равеч) переключились на более простую полезную нагрузку: только что открытый геном фактора дендритного роста млекопитающих. Дендриты – это ветвящиеся отростки мозговых клеток, известные любому современному школьнику, обеспечивающие мозг млекопитающих потрясающе сложной паутиной связей. В свое время существовала теория о том, будто фактор Д может быть ключом к значительно более высоким ступеням человеческого разума. Предположительно, и Беренбаум и Равеч делали себе инъекции собственного препарата. Как могут подтвердить многие нынешние жертвы нейронного чернобыля, это оказывает определенный эффект. Но, однако, не совсем тот, каким его представляли фанатики из «КоКоГенКо».

Во время временного сводящего с ума возбуждения от дендритного «веточного эффекта» Беренбаума посетило злосчастное озарение. Ему удалось снабдить свою модель ДНК-транскриптазы триггером, но таким, который делал эту транскриптазу гораздо опаснее исходного вируса СПИДа. Сцена для катастрофы отказалась подготовлена.

В этом месте читателю следует припомнить социальные отношения, породившие угрожающую душевному равновесию изоляцию научного работника тех лет. Доктор Хоттон довольно безжалостен в психоанализе умственного состояния своих предшественников. Предлагавшаяся в то время различными науками якобы «объективная картина мира» ныне правильнее должна рассматриваться как разновидность умственной «промывки мозгов», направленно лишающей свои жертвы полного спектра человеческих эмоций и реакций. при подобных условиях

безрассудный поступок Беренбаума становится почти достойным жалости – он был судорожной сверхкомпенсацией за годы эмоционального голода. Не посоветовавшись со своим начальством, которое могло проявить большее благоразумие, Беренбаум начал предлагать бесплатные образцы своей «мокрятины» любому, желающему их испробовать.

В Рэлее разразилась внезапная короткая эпидемия эксцентричных гениев, конец которой положили лишь хорошо ныне известные симптомы «дендритного краха», вышвыривающие экспериментаторов в отгороженное от мира видениями поэтическое безумие. Сам Беренбаум покончил с собой задолго до того, как стали известны полные эффекты. А полные же эффекты, разумеется, простираются далеко за пределы этой прискорбной человеческой трагедии.

Глава четвертая постепенно, по мере того, как медленно накапливаются доказательства, превращается в захватывающую детективную историю.

Даже в наше время термин «Рэлейская колли» имеет для любителей собак особый смысл, но многие из них уже забыли о его истинном происхождении. Эти симпатичные, общительные и тревожно разумные сообразительные существа при посредничестве энергичных владельцев питомником и покупателей вскоре распространились по свей стране. Однажды перебравшись с хозяина-человека на собаку, транскриптазное производное Беренбаума, подобно исходному вирусу СПИДа, прошло и через родильные пути собак. Оно передавалось также при их случках и через слюну при укусе или облизывании.

Но ни одной дендритно обогащенной «Рэлейской колли» и в голову не придет укусить человека. Совсем наоборот, эти послушные и воспитанные домашние любимцы, как достоверно известно, даже поднимают опрокинувшиеся мусорные баки и забрасывают в них обратно просыпанный мусор. Среди людей случаи инфицирования нейронным чернобылем остаются резкими, зато среди собачьей популяции Северной Америки инфекция распространилась со скоростью лесного пожара – и доктор Хоттон иллюстрирует это серией логично составленных карт и диаграмм.

Глава пятая предоставляет нам преимущество ретроспективного взгляда. К настоящему времени мы уже свыклись с представлением о многих различных видах «разумности». Существуют, к примеру, различные типы компьютерного Искусственного Разума, не имеющего реального родства с человеческим «мышлением». Они не были неожиданностью, зато всевозможные формы разумности

животных до сих пор способны удивлять нас своим разнообразием.

Различие между Canis familiaris и его диким двоюродным родственником койотом до сих пор оставалось необъясненным. Д-р Хоттон предлагает нам весьма убедительное объяснение, основывая свое толкование картой нервной системы койота, составленной его коллегой, доктором Рейной Санчес из Лос–Аламосской национальной лаборатории. Вполне вероятно, что причина кроется в строении ретикулярной формации. Сейчас, во всяком случае, ясно, что среди дико популяции койотов на всей территории страны существует поразительно совершенная форма социальной организации, использующая развитую систему кодированного лая, «запаховую монетную систему» и специализацию ролей при охоте и хранении пищи. Многие владельцы ранчо сейчас склонные прибегать к «системе защиты», при которой от стай койотов «откупаются» целиком зажаренными тушами крупного скота и мешками собачьих лакомств. Из Монтаны, Айдахо и Саскачевана упорно поступают сообщения о койотах, облачающихся в разгар зимних холодов в выброшенную на свалки одежду.

Не исключена возможность, что обычные домашние кошки оказались заражены раньше собак, однако эффекты повышения разумности у кошек малозаметны и трудноуловимы. Кошки, печально известные своим нежеланием служить объектами лабораторных исследований, в инфицированном состоянии еще больше обозляются при прохождении лабиринтов, разгадывании ящиков с сюрпризами и прочих подобных испытаниях, с несокрушимым кошачьим терпением предпочитая дожидаться, пока исследователю не надоест проводить эксперимент.

Высказывалось предположение, будто некоторые домашние кошки проявляют повышенный интерес к телевизионным программам. Д-р Хоттон проливает на это суждение скептический свет своей критики, указывая (с чем я согласен), что кошки большую часть бодрствования проводят сидя и вглядываясь в пространство. Разглядывание мелькающих на экране картинок ничуть не примечательнее склонности сидящих у камина кошек рассматривать пламя, и, конечно же, не подразумевает «понимания» смысла программы. Но, тем не менее, известно много случаев, когда кошки обучались нажимать лапой кнопки пультов дистанционного управления, а те, кто держит кошек для борьбы с грызунами утверждают, что теперь кошки долгое время мучают пойманных птиц и мышей, к тому же с большой изобретательностью и в некоторых случаях при помощи импровизированных орудий.

Остается, однако, связь между развитым дендритным ветвлением и способностью к ручному труду, о которой мы ранее не подозревали, и в существовании которой доктор Хоттон убеждает нас в шестой главе. Эта концепция вызвала революции в палеоантропологии. Теперь мы вынуждены с неудовольствием признать, что Pitecantropus robustus, некогда отброшенный эволюцией как обезьяна-вегетарианец с большими челюстями, был, по всей видимости, намного разумнее Homo sapiens'a. Исследование недавно найденного в Танзании ископаемого скелета, названного «Леонардо», выявило, что черепной купол питекантропа скрывал под собой мозг с обильным дендритным ветвлением. Было высказано предположение, что питекантропы страдали от повышенной «мыслительной активности», сходной с опасно для жизни рассеянной гениальностью, характерной для последних стадий пораженных нейронным чернобылем. Отсюда вытекает печальная теория о том, что природа при посредстве эволюции возвела «барьер тупости приматов», позволяющий людям, в отличие от Pitecantropus, успешно продолжать жить и размножаться, подобно прочим тупым животным.

Но в то же время синергические эффекты дендритного ветвления и способности к ручному труду ясно видны и среди некоторых неприматных видов. Я ссылаюсь, конечно же, на общеизвестный «чернобыльский прыжок» Procion lotor, американского енота. Поразительные достижения енотов и их китайских родственников панд занимают целиком восьмую главу.

В ней автор высказывает так называемую «современную точку зрения», от которой я вынужден отмежеваться. Для меня лично недопустима сама мысль о том, что большие участки американской дикой природы из-за вандалистской деятельности наших так называемых «полосатохвостых двоюродных братьев» будут сделаны «запретными для входа зонами». Да, действительно, при ранних попытках обуздать хулиганскую и с огромной скоростью размножающуюся популяцию этих бандитов в масках были допущены некоторые эксцессы, но ведь и урон сельскому хозяйству был нанесен жестокий. Вспомните хотя бы жуткие атаки предварительно заразивших себя бешенством енотов-камикадзе!

Д-р Хоттон стоит на том, что нам следует «разделить планету с братскими цивилизованными видами», и подкрепляет свои аргументы кажущимися мне весьма сомнительными слухами о «культуре енотов». Переплетенные полоски коры, известные как «енотовые вампумы» – впечатляющие примеры способности животных к труду, но, по моему мнению, еще следует доказать, что это действительно «деньги». А их так называемые

«пиктограммы» мне кажутся более чем случайной мазней. Зато неоспорим тот факт, что численность популяции енотов растет экспоненциально, а их самки каждую весну приносят многочисленные выводки. Автор в примечании предлагает сбросить давление перенаселенности, увеличив человеческое присутствие в космосе. Подобная схема представляется мне неудовлетворительной и притянутой за уши.

Последняя глава посвящена предположениям. Перспектива существования разумных крыс в высшей степени отвратительна. Пока что, слава богу, крепкая иммунная система крыс, привычных к бактериям и грязи, не поддалась ретровирусной инфекции. Кроме того, как мне кажется, популяция диких кошек вскоре полностью уничтожит грызунов. Не болеют также опоссумы. Кажется, у сумчатых имеется природный иммунитет, делающий Австралию прибежищем ныне утерянного мира дикой природы. До сих пор есть риск для китов и дельфинов, но они вряд ли когда выйдут обратно на сушу несмотря на (пока еще неизвестные) последствия чернобылизации для китообразных. Обезьяны же, теоретически представляющие весьма существенную угрозу, ограничены немногими оставшимися клочками тропических лесов и, подобно людям, вроде бы устойчивы к заболеванию.

Наш нейронный чернобыль породил и собственный фольклор. Современный городской фольклор повествует о «наследных хозяевах» – группе жертв чернобыля, оказавшихся способными пережить атаку вируса. Предположительно они «сходят за людей», образуя среди нормальных людей, или «овец», тайную контркультуру. Это шаг назад к мрачным традициям Луддизма, и общественные страхи, некогда проецируемые на опасное и безрассудное «жречество науки», ныне трансформировались в эти сказки о суперлюдях. Подобный психологический перенос становится ясным, когда узнаешь, что эти «наследные хозяева» специализируются на научных исследованиях того рода, на которые сейчас смотрят с неодобрением. Мнение, будто некоторая часть человеческой популяции достигла физического бессмертия и скрывает ее от все нас – полный абсурд.

Автор, и совершенно правильно, относится к этому мифу с тем презрением, какого тот заслуживает.

За исключением уже отмеченных мной некоторых мест, книга доктора Хоттона просто замечательная, и, вероятно, станет решающим трудом по этому центральному явлению современности. Доктор Хоттон вполне может надеяться добавить к своему списку почетных наград еще одну Путлицеровскую

премию. Этот великий патриарх науки в возрасте девяноста пяти лет создал еще один выдающийся труд в своей быстро развивающейся области знаний. И его многочисленные читатели, включая автора настоящей рецензии, могут лишь восхищаться его энергией и требовать продолжения.

Дори Бэнгс

Голые факты: Лестер Бэнгс родился в Калифорнии в 1948 году. Он опубликовал свою первую статью в 1969 в Rolling Stone. Это был разгромный обзор альбома «Kick Out the Jams» MC5.

Незаметно Лестер Бэнгс превратился из жадного до травки мальчика из колледжа в «профессионального рок-критика». В 1969 году никто толком не понимал, что это такое, и Лестеру пришлось сформировать само понятие, нащупать свою роль. У него было тонкое чувство культуры, чувствительные антенны. Например, он пустил в обиход термин «панк-рок». Это главное, что оставил потомству Бэнгс.

Сейчас Лестер не так известен, как раньше – в основном из-за того что он уже достаточно давно мертв – но в 70-е он написал миллионы обзоров дисков для Cream, Village Voice, NME, Who Put the Bomp. Он любил, согнувшись над старой пишущей машинкой, разносить вдребезги очередную подделку под Beatles, слушая при этом Velvet Underground или Stooges. Это несколько осложняло жизнь соседям но мнение соседей его волновало меньше всего. Эпатируйте буржуев!

Лестер любил тусовки. На самом деле это было профессиональным долгом. С Лестером было интересно развлекаться – он начинал фонтанировать, становился умным, злым, грубым и сумасшедшим. Лестер был оркестром одного человека пока не напивался. Травка, белладонна, кокаин – это он переносил спокойно, но выпивка, казалось, пробивала его насквозь и неожиданно черная струя злости и боли вытекала из него, как масло из двигателя.

К концу – хотя Лестер и не знал, что конец близок – он почти совсем перестал пить. Он пьянел даже от кружки пива. Лестеру было 33 и он ненавидел рутину, то, что он писал в последнее время, его не устраивало. Он часто говорил друзьям, что покинет Нью-Йорк и поедет в Мексику писать глубокий, серьезный роман – о серьезных вещах, старик! В этот раз – по-настоящему. Он должен наконец поймать это, проникнуть в суть Западной Культуры, что бы это ни было.

Но тогда, в апреле 82 года, Лестер подцепил грипп. Он жил один, его мать, свидетельница Иеговы, умерла незадолго до того. Не было никого, кто сварил бы ему куриного супчика – и грипп победил его. Грипп – хитрая штука, он умеет побеждать.

Лестер принял дарвон, но вместо того чтобы почувствовать привычную звонкую легкость он впал в отчаяние. Ему было слишком плохо, чтобы выйти из комнаты, возиться с врачами и

скорой помощью, он принял еще дарвон. Его сердце остановилось.

Не было никого, кто бы сделал что-нибудь, и он пролежал так некоторое время, пока его не обнаружил случайно зашедший приятель.

Еще немного голых фактов: Дори Седа родилась в 1951 году. Она была карикатуристкой, андерграундной карикатуристкой. Дори не была даже известной, и уж конечно ей было далеко до Лестера, но она и не била себя в грудь и не кричала в уши, чтобы стать Живой Легендой. Тем не менее в Сан-Франциско у нее было много друзей.

Дори однажды сделала комикс «Одинокие ночи». Необычный комикс, необычный для тех, кто не следил в последнее время за стилями. «Одинокие ночи» не были особо смешны, только для тех, кого развлекали разрезанные по-живому изломанные отношения. Дори много работала для журнала WEIRDO, который выпускался художниками – друзьями Р.Крамба, автора «Держи дорогу» и «Кот в холодильнике».

Р.Крамб сказал однажды: «Комикс – слова и картинки. Вы можете сделать все словами и картинками». Эта типично американская декларация стала для Дори очевидной истиной.

Дори хотела быть Настоящим Художником в своей области. Комиксы или «графические рассказы», если вам нужно более солидное наименование – уходили и ей приходилось искать свое место. В ее комиксах – всегда безжалостно автобиографичных – можно видеть ее борьбу – Дори, пытающуюся обменять продуктовые талоны на сигареты, Дори, живущая в покинутых складах Района Хиппи в Сан-Франциско, рисующую под открытым небом и ругающуюся с другом своей соседки, Дори, пытающуюся собрать денег чтобы вылечить собаку от чесотки.

Комиксы Дори замусорены окурками и пустыми бутылками. Она была, по классической формуле, Сумасшедшей, Дикой и Саморазрушающейся. В 1988 году Дори попала в аварию, где повредила шею и таз. Она лежала в скуке и боли.

Чтобы убить время, она пила и принимала болеутолители.

Она подцепила грипп. У нее были друзья, которые любили ее – но никто не понимал, насколько она больна. Она не справилась с болезнью. 26 февраля ее сердце остановилось. Ей было 36.

Достаточно «голых фактов». Немного утешительной лжи.

Как иногда случается, когда облачко вируса гриппа ждало теплых, гостеприимных легких Лестера Бэнгса, Судьба, Атропос, Та-что-плетет-судьбы, случайно сбилась со счета. Петля или

узелок? Какая разница? Это всего лишь человеческие жизни, подумаешь…

Так что Лестер, вместо того, чтобы вдохнуть облачко невидимой смерти, вылетевшее из какого-то бродяги, чуть не попал под такси. Это происшествие выбило Лестера из колеи. Он решил, что самое время поехать в добрую солнечную Мексику. Он будет работать над Великим Американским Романом: «Мои друзья – отшельники».

Как верно. Никто из полусумасшедших друзей Лестера не выходит больше на улицу. Всегда опережающие время, они уже не рок-н-рольщики. Они все еще носят черные кожаные куртки, не спят по ночам, они все еще ненавидят лютой ненавистью Рональда Рейгана – но они никогда не выйдут из дома. Их стиль жизни социолог Faith Popcorn (нельзя усомниться в чем-либо сказанным человеком по имени Faith Popcorn) годы спустя назовет «закукливанием».

У Лестера были миллионы альбомов рока, блюза, джаза, распиханные по его нью-йоркской квартире. Книги валялись метровыми стопками на всех горизонтальных поверхностях – Берроуз, Хантер Томпсон, Селин, Керуак, Гюсманс, Фуко и десятки непроданных копий Blondie – написанной Лестером биографии группы.

Еще больше альбомов и синглов каждый день приходило по почте. Люди посылали Лестеру записи в слабой надежде что он включит их в обзор. Сейчас это стало просто традицией. Лестер превратился в анти-культурную инфо-клоаку. Ему посылали винил просто потому что – это же Лестер Бэнгс, старик!

Еще дрожа от недавней пляски со смертью, Лестер осматривает свое имущество с сартровской тошнотой. Он побеждает желание проверить, не осталось ли в холодильнике одной, последней банки пива, вдыхает немного кокаина и пытается заказать билет в Мексику. После отчаянной ссоры с тупой сукой на проводе ему удается заказать билет в Сан-Франциско – лучшее, что можно получить прямо сейчас. Он быстро собирается и уезжает.

На следующий день Лестер, усталый и злой, оказывается на неправильной половине континента. Он взял с собой только армейский мешок с портативной «олимпией», немного бумаги, рубашки, флакончики с разными наркотиками и «Моби Дика», которого он всегда хотел перечитать.

Лестер берет такси из аэропорта. Приказывает водителю ехать в никуда, чувствуя слабое желание впитать местный ритм. Сан-Франциско напоминает ему о днях в Rolling Stone, до того как Веннер выгнал его за грубость к рок-звездам. К черту Веннера, к

черту этот город, который был почти что Авалоном несколько месяцев в 67-м и с тех пор катится в ад.

Холмистые полузнакомые улочки наполнены воспоминаниями, образами, талисманами. Декаданс, старик, смерть от аффекта, без дураков. Все это сливается у Лестера в одну желчную струю – садистские фильмы, диско, холоднокровный вой синтезаторов, садомазохизм, завернутые культы улучшения человека – все виды невидимой войны, медленно съедающей душу мира.

Через час он останавливает такси. Ему нужен кофе, сахар, люди, может быть – кусок сыра. Лестер наклоняется чтобы заплатить и замечает свое отражение – полноватый тридцатитрехлетний безработный в мотоциклетной куртке, бледное нью-йоркское лицо, на которое наклеены усики Фу-Манчу.

Жиреешь, прячешься – никаких оправданий, Бэнгс! Лестер дает таксисту большие чаевые. Порадуйся, парень, ты вез сегодня очередного Освальда Шпенглера!

Лестер забредает в кафе. Много народу, воняет чесноком и пачулями. Он видит двух панкушек, курящих сигарету за сигаретой. Калифорнийский загар.

Лестер думает – это тип женщин, которые сидят на полу скрестив ноги и не будут трахаться, но с радостью объяснят в деталях свой удивительно сложный постэкзистенциальный weltanschauung. Длинные, костлявые, с сумасшедшим взглядом. Как раз его тип, если подумать. Лестер садится за их столик и изображает резиновую улыбку.

«Развлекаемся?» – спрашивает Лестер. Они смотрят на него как на чокнутого, каким он, собственно, и является, но он вытаскивает из них имена – Дори и Кристина. На Дори сетчатые чулки, ковбойские сапоги, поношенная блузка с наклеенными розовыми перьями.

Коричневые длинные волосы. На Кристине танкистская блузка и кожаная юбка, и татуировка с черепом на животе.

Дори и Кристина никогда не слышале о Лестере Бэнгсе. Они мало читают.

Они художницы. Они рисуют карикатуры. Андерграундные комиксы. Лестер слегка заинтересован. Работа с эстетикой мусора всегда привлекала его. Это так по-американски, настоящая старая добрая Америка, дикая Америка европейских отбросов, собирающих выброшенный поп-мусор и заставляющий его сиять как Кохинор. Делать из комиксов Искусство – предельно безнадежное занятие, хуже, чем рок-н-ролл и за это даже не платят денег. Лестер выдает все это, чтобы посмотреть, как они

отреагируют.

Кристина идет за выпивкой. Дори, слегка ошалелая от этого бочкообразного красноглазого незнакомца, выдает свой коронный отшив. Который представляет собой открытие окна в Адскую Дыру ее жизни. Дори зажигает «кэмел» от бычка, улыбается Лестеру большими дырявыми зубами и радостно произносит:

– Лестер, ты любишь собак? У меня есть собака, у нее экзема и отвратительные открытые язвы по всему телу и от нее очень воняет. Ко мне перестали приходить друзья – она любит тыкаться носом в нос и делать так, знаешь – фрр, фрр!

– Я кричу дикой собачьей радостью в дымящейся яме склепа, – заявляет Лестер.

Дори уставилась на него:

– Сам придумал?

– Да. Где ты была, когда умер Элвис?

– Проводишь опрос?

– Нет, просто интересно. Говорят, что потом его тело откопали чтобы изучить содержимое желудка. На наркоту, понимаешь? Можешь это себе представить? Ощущение, когда ты суешь руку по локоть в разлагающиеся кишки Элвиса, раздвигаешь жировые слои, почки, печень, добираешься до желудка и с триумфом вытаскиваешь куски таблеток перкодана, дезоксина… и – это действительно дрожь, Дори – кладешь эти куски таблеток в свой собственный рот и глотаешь их и получаешь не просто тот же кайф, что Элвис Пресли, Король, не та же марка, но те самые таблетки, как будто ты ешь Короля Рок-н-Ролла!

– Как ты сказал, кто ты такой? – спрашивает Дори. – Рок-журналист? Я думала ты мне пудришь мозги. Лестер Бэнгс, редкостно мудацкое имя!

Дори и Кристина не спали всю ночь, танцевали под героиновые ритмы Darby Crash и The Germs. Лестер смотрит сквозь полуприкрытые глаза – Дори за тридцать, но она легко принимает эту рутину, Большое Сияющее Веселье Американской Поп-Богемы. «Да и хрен с тобой, думай обо мне что хочешь». Под покровом ее Отношения к Жизни он чувствует скелет чистого отчаяния. Кости ее наполнены страхом и печалью. Он как раз недавно писал об этом.

Они много говорят, в основном о городе. Легкий треп, но он заинтересовался. Дори зевает и собирается уходить. Лестер замечает, что она выше его. Его это не волнует. Он получает ее телефон.

Лестер останавливается в Holiday Inn. На следующий день он покидает город. Неделю он проводит в ночлежке в Тихуане со

своим Великим Американским Романом, который не идет. В отчаянии он пишет записки самому себе: «Берроузу было почти пятьдесят, когда он написал Nova Express! Парень, тебе только тридцать три! Сгорел! Выдохся! Кончился! Плавающий мусор! Твое спасение в этом мусоре, один кусок дерева! Если ты можешь себя заставить описать это...»

Не помогает. Он в заднице. Он это понимает, он перечитывает свои наброски, желтеющие газетные вырезки. Думаете – о, Юный бунтарь, Рок-писатель, он может оговорить обо всем! Секс, наркотики, насилие, групповухи с юными филлипинками, Нэнси Рейган, публично оттраханная стадом быков... но когда вы действительно ЧИТАЕТЕ подряд его обзоры, вы чувствуете налет пыли, как на сонетах восемнадцатого века. Как танец в цепях, как мир через узкие прорези темных очков...

Лестер Бэнгс – совершенный романтик. В конце концов он – человек, который на самом деле, без дураков, верит в то, что Рок-н-Ролл Может Изменить мир, и если он не напишет нечто вроде импровизированной лекции о том, что неправильно в Западной Культуре и почему она не сможет выжить, если не возьмет себя за мозжечок и не вывернется наизнанку, то день прожит зря.

Сейчас Лестер раздраженно отодвигает машинку, чтобы поймать и убить тараканов в ночлежке. Он вдруг понимает, что ОН должен вывернуться наизнанку. Вырасти или погибнуть. Он не представляет, во что он должен вырасти. Он чувствует себя разбитым.

Лестер напивается. Начинает с текаты, продолжает текилой. Просыпается с дичайшим похмельем. Жизнь мерзка и абсолютно бессмысленна. Он подчиняется бессмысленным импульсам. Другими словами – чутко следует святой интуиции художника. Он возвращается в Сан-Франциско и звонит Дори Седа.

За это время Дори выяснила у друзей, что действительно существует рок-журналист по имени Лестер Бэнгс и он даже вроде как знаменит. Один раз он выступал с J.Geils Band, «играя» на своей машинке. Он большая шишка и наверное поэтому большая задница. Дори решается позвонить ему в Нью-Йорк, натыкается на автоответчик и узнает голос. Все верно, это был он. Каким-то чудом она встретила Лестера Бэнгса и он пытался ее подцепить. Однако не получилось. «Одинокие Ночи» продолжаются, Дори!

Затем звонит Лестер. Он снова в городе. Дори настолько удивлена что заканчивает разговор намного мягче, чем собиралась.

Она ходит с ним по рок-клубам. Лестер никогда не платит – он шепчет людям, и они впускают его и находят столик.

Незнакомцы окружают Лестера, здороваются с ним, выражают почтение. Лестер находит, что музыка в основном скучна. Он не притворяется, ему действительно скучно, он все это слышал. Он сидит, попивает содовую и изредка выдает завернутые сентенции гуру скользким голливудским ребятам и шлюхам в черных юбках. Как будто это его работа.

Дори не верит, что он идет на все это только ради того, чтоб попрыгать на ее костях. Не то, чтобы ему не нравились женщины или их собственные отношения были такими уж сверкающими. Лестер – как пришелец. Но это интересно и не требует многого. Все что требуется от Дори – нацепить самый неряшливый прикид и быть Той Цыпочкой с Лестером. Дори любит быть невидимой и смотреть за людьми, которые не знают об этом. Она видит в их глазах что они гадают, Кто Она, Черт Побери? Дори находит это смешным, рисует на салфетках наброски наиболее мерзких знакомых. По ночам она перерисовывает их в альбом, готовит диалоги. Это хороший материал.

Лестер также по-своему забавен. Он умен, не хитер, а чертовски, пугающе умен, как мудрец, не знающий этого или даже не желающий этого. Но в те моменты, когда он считает себя неотразимым он наиболее депрессивен. Ее раздражает, что он не пьет вместе с ней – это плохой признак. Он почти ничего не знает о рисовании, отвратительно одевается, танцует, как медведь.

И она влюбляется в него и знает, что он разобьет ее проклятое сердце.

Лестер отложил свой роман. Это не ново, он работал над ним в безнадежных спазмах десять лет. Но сейчас эти отношения поглощают всего его.

Лестера приводит в ужас мысль, что эта потрясающая женщина погубит себя из-за него. Он видел достаточно ее работ, чтобы понять, что в ней есть подлинный безумный гений. Он чувствует это. Даже когда она в страшном халате и шлепанцах, непричесана, со спутанными волосами, без грима он видит в ней драгоценную хрупкость дрезденского фарфора. Мир кажется водоворотом первобытной злобы, готовящимся к Армагеддону и что, черт возьми, кто-нибудь может сделать? Как он может быть счастлив с ней и не быть за это наказан?

Сколько они смогут нарушать законы, когда появится Полиция Новы?

Но с ними ничего страшного не случается. Они просто живут.

Затем Лестер попадает в ядовитое облако голливудских денег. Он пишет сценарий, тупой и откровенно коммерческий, про несуществующую металлическую группу – и совершенно неожиданно получает за это восемьдесят тысяч долларов.

У него никогда не было таких денег. С нарастающим ужасом он понимает, что продался.

Чтобы отметить это событие Лестер покупает шесть граммов неких кристаллов и берет в аренду белый кадиллак. Он быстро уговаривает Дори поехать с ним в сверхестественное Керуаковское путешествие в Дикое Сердце Америки и, хохоча как гиены, они залезают в машину и отбывают в неизведанные края.

Через четыре дня они в Канзас-Сити. Лестер лежит на заднем сиденье в полусне в стиле Хэнка Вильямса, Дори за рулем. Им не о чем говорить, они лихорадочно спорили от самого Альбукерка.

Ноздри Дори сморщены от кокаина. Она отключается. Лестер вылетает с заднего сиденья, он просыпается и обнаруживает Дори без сознания и с кровавой раной на голове. Кадиллак вдребезги разбит о придорожный столб.

Лестер выдерживает два часа этого кошмара. За это время ему удается найти помощь и доставить Дори в травматологический центр Канзас-Сити.

Он сидит там, смотрит на нее, убеждает себя в том, что он потерял все, все кончено, она возненавидит его. Боже, они могли погибнуть! Когда она придет в себя, ему придется встретиться с ней. Эта мысль что-то разрывает в нем. Он в панике сбегает из госпиталя.

Он попадает в грязный рок-подвал, запрыгивает на стол, заводит драку с вышибалой. После третьего нокдауна он орет менеджеру о том, как он уничтожит это говно, и в конце концов показывается красномордый и потеющий хозяин.

Трагедию хозяина мы не будем описывать. Это жирный, бледноволосый, жующий сигару неудачник, который пытался построить свою жизнь по образцу Элвисовского Полковника Паркера. У него это не получилось. Он ненавидит юность, он ненавидит рок-н-ролл, он ненавидит хитрожопых хипов-наркоманов, так мешающих честному бизнесмену зарабатывать себе на жизнь.

Лестера притаскивают в его офис за сценой и он ему все это сообщает.

Затем хозяин теряет дар речи – он никогда не видел никого так очевидно, безнадежно и отчаянно разбитого, как Лестер Бэнгс, кто мог бы при этом связно говорить фразы типа «сведенные к роли придатков Машины», утирая кровь с разбитого носа.

Лестер, дрожащий и с красными глазами, говорит ему:

– Иди в жопу, Джек. Я могу управлять этим кабаком лучше, чем ты, даже будучи смертельно пьяным, я могу сделать это место траханой Легендой Американской Культуры, козел ты

вонючий.

– Да, дерьмо, если бы у тебя были деньги, – говорит хозяин.

– У меня есть деньги! Показывай свои бумаги, ублюдок!

Через несколько минут Лестер выписывает чек, свершается рукопожатие.

На следующий день он приносит Дори розы из магазина на первом этаже госпиталя. Он сидит рядом с ней на кровати, они сравнивают синяки и Лестер рассказывает ей, что он промотал все деньги. Они привязаны к самому Сердцу Америки и все в синяках. Им остается только одно.

Через три дня они женятся во Дворце Правосудия Канзас-Сити.

Естественно, свадьба не решила ни одной из их проблем. Она стала небольшим событием, ее отметили в колонках слухов рок-журналов, они получили несколько телеграмм, и мать Дори казалась очень довольной. Они даже получили поздравление от Джулии Берчил, марксистки-амазонки из New Musical Express, теперь пишущей в модные журналы и ее мужа Тони Парсонса, пресловутого «юного хиппи-стрелка», который пишет теперь романы о гангстерских разборках. Тони и Джули как-то прошли через это. Вдохновляет.

Некоторое время Дори называет себя Дори Седа-Бэнгс, как ее лучшая подруга Элин Комиски-Крамб, но потом ей это надоедает и она называет себя просто Дори Бэнгс – это звучит и так вполне ужасно.

Лестер не может сказать, что он так уж счастлив – но он занят. Он переименовывает клуб в «Waxy's Travel Lounge» – по причинам, только ему известным. Клуб быстро и основательно съедает деньги. Через месяц Лестер перестает пускать Metal Machine Music Лу Рида перед концертами и посещаемость несколько возрастает, но Waxy's все равно известен только в узких колледжских кругах и до простой публики это не доходит. Очень скоро они разоряются и живут за счет обзоров Лестера.

Дори делает рекламки для Waxy's. Они настолько замечательны, что люди действительно приходят туда – даже после того, как несколько раз обжигались о группы, слушать которые может только Лестер.

Через несколько лет они все еще вместе. У них бывают драки с битьем посуды и однажды Лестер, выпив, так выкручивает Дори руку что она всерьез подозревает перелом. К счастью перелома нет, но жизнь миссис Лестер Бэнгс не подарок. Дори всегда боялась этого: то, что делает он – работа; то, что делает она – милые безделушки. Сколько всего Великих Художниц и что с ними случилось?

Они заняты штопкой раненого эго и сбором разбросанных носков Мистера Замечательного. Невелика тайна.

И к тому же ей тридцать шесть и денег едва хватает на жизнь. Она крутит педали старого велосипеда, видит вокруг улыбающихся яппи – нам не нужно решать, как жить – все за нас решено и это так бережет силы!

Но они живут дальше, иногда у них бывают светлые моменты. Например, когда Лестер решил отдавать клуб по средам каким-то черным ребятам для дискотек и это стало началом рэп-сцены Канзас-Сити и клуб стал приносить кой-какие деньги. И «Polyrock» – группа, которую Лестер сначала возненавидел а потом привел к всемирной славе – записала в Waxy's живой альбом.

А Дори получила контракт на двадцатисекундную мультипликационную вставку для MTV. Это было здорово и она начала заниматься мультипликацией за относительно приличные деньги. Она даже купила у какого-то видеохакера из Кремниевой Долины Macintosh II. Всю свою жизнь Дори ненавидела компьютеры, боялась и презирала их, но эта штука – она просто другая. Это искусство, которого еще не существует и она создает его из ничего – и это прекрасно.

Роман Лестера не продвигается, зато он пишет «Серьезный Путеводитель по Ужасающему Грохоту», который становится культовой книгой. Модный французский семиотик пишет роскошное предисловие. Помимо прочего книга вводит термин «chipster», описывающий тип людей, который и не существовал, пока Лестер не описал его и он не стал всем очевиден.

Но счастья у них нет. Оба они не слишком серьезно относятся к понятию «верность до гроба». Однажды у них случается яростная ссора – кто кого заразил герпесом, и Дори уходит на полгода и возвращается в Калифорнию. Она находит старых подруг и обнаруживает что те, кто выжили – замужем и с детьми, старые друзья – обрюзгли и еще более убоги, чем Лестер. Черт, это не счастье – но все же это чего-то стоит. Она возвращается к Лестеру. Он благодарен, являет образец скромности и предупредительности почти полтора месяца.

Waxy's действительно становится своего рода легендарным местом – но за это не платят. К тому же чертовски трудно быть владельцем бара и посещать собрания Анонимных Алкоголиков.

Лестер сдается и продает клуб. На вырученные деньги они покупают дом, обнаруживают, что вместе с ним они получили много новых проблем – и уезжают в Париж, где много спорят и транжирят оставшиеся деньги.

Они возвращаются. Лестеру из всех ужасных подарков судьбы

достается профессорский пост. В колледже штата Канзас. Лестер преподает Рок и Популярную Культуру. В семидесятые годы столь безнадежному отщепенцу не было бы места в Серьезном Учебном Заведении – но сейчас конец девяностых, и Лестер пережил эру внезакония. Кого мы обманываем? Рок-н-Ролл стал всемирной информационной индустрией, стоящей миллиарды и триллионы, и если в колледже штата не преподаются всемирные индустрии – куда, черт возьми, идут деньги налогоплательщиков?

Саморазрушение – очень нелегкое дело. В конце концов они сдаются. Они потеряли боевой задор, это слишком больно, просто жить – намного легче. Они едят здоровую пищу, рано ложатся спать и ходят на факультетские вечеринки, где Лестер скандалит из-за места на стоянке.

В начале века Лестер наконец публикует свой роман, но он оказывается скучным и тусклым, критика разносит его и скоро о нем никто не вспоминает.

Было бы приятно сказать, что годы спустя роман Лестера считался бы Классическим Шедевром – но правда в том, что Лестер – не писатель, он культурный мутант и его прозрение и энергия истощились. Съедены Зверем, старик. Его мысли и дела изменили мир – но далеко не так сильно, как он мечтал.

В 2015 году Лестер умирает от сердечного приступа. Он убирал снег со своей лужайки. Дори кремирует его в плазменном крематории – из тех, что вошли в моду на заре века. В New York Times Review of Books появляется трогательная ретроспектива – но правда в том, что он забыт, яркая сноска на полях историков культуры.

Через год после смерти Лестера то, что осталось от Waxy's Travel Lounge сносят – расчищается место под небоскреб. Дори отправляется посмотреть на руины.

Она бродит среди до боли неромантичного мусора – и в это время нить Судьбы опять проскальзывает и к Дори приходит Видение.

Томас Харди называл это Имманентной Волей, для китайцев это могло бы быть Тао – но мы, постмодернисты конца XX века, нашли бы удобный псевдонаучный термин, например «генетический императив».

Дори, будучи просто Дори, узнает в светящейся человекообразной фигуре Ребенка, Которого У Них Не Было.

– Не волнуйтесь, миссис Бэнгс, – говорит ей Ребенок, – я мог бы умереть в детстве от страшной болезни или вырасти, застрелить Президента и разбить ваше сердце – и в любом случае из вас получились бы еще те родители.

Дори узнает в этом Ребенке себя и Лестера, перламутровый

блеск правого глаза – от Лестера, спокойный, внимательный левый глаз – ее. Но между глазами, где должен находиться живой, дышащий человек – пустота, холодное галактическое поблескивание.

– И не чувствуйте вины за то, что вы его пережили, – говорит Ребенок, – потому что вас ждет то, что издевательски называют Естественной Смертью, привязанной к трубкам, среди чужих людей, старой и беспомощной.

– Но это что-нибудь значило? – спрашивает Дори.

– Если вы имеете в виду – были ли вы Бессмертными Художниками, оставляющими вечные следы на бетонных стенах Времени – нет. Вы не ходили по Земле, как Боги, вы были просто людьми. Но лучше настоящая жизнь, чем никакой. – Ребенок вздрагивает. – Вы не были особо счастливы вместе но вы устраивали друг друга и если бы вы жили с другими – было бы четверо несчастливых. Ваше утешение в том, что вы помогли друг другу.

– И все? – произносит Дори.

– И все. Этого достаточно. Просто укрыть друг друга, помочь друг другу. Все остальное – мишура. Когда-нибудь, что бы вы не делали, вы исчезнете навсегда. Искусство не может сделать вас бессмертными. Искусство не может Изменить Мир. Искусство даже не может залечить душевные раны. Все, что оно может – немного облегчить боль и сделать вас более чувствительными. И этого достаточно. Материальное значение искусства доступно только холодному межзвездному Космическому Принципу, как ваш покорный слуга. Но если вы попытаетесь жить по моим стандартам – это только быстрее убьет вас. По своим стандартам неплохо справились.

– Что ж, хорошо, – произносит Дори.

После этого мистического события ее жизнь спокойно шла, день за днем.

Дори бросила компьютерную графику – слишком сложно гнаться за новинками, оставим это голодным студентам. Некоторое время она просто тихо жила, затем взяла акварель. Она изображала Стареющую Сумасшедшую Художницу и была достопримечательностью в местных художественных кругах. Она не была Джорджией О'Киф – но она работала и жила и тронула некоторых людей.

По крайней мере она тронула бы их, если бы она была. Но, конечно, ее не было. Дори Седа никогда не встретила Лестера Бэнгса. Два проявления простой человеческой заботы в нужные моменты спасли бы их – но когда эти моменты происходили у них

никого не было. Даже друг друга. И они ушли в черноту, пробив яркую поверхность нашего мира голых фактов.

Эта бумажная мечта должна закрыть дыры, которые они оставили.

Джим и Айрин

Джим извлекает дневник из кармана куртки, садится, скрестив ноги, дневник – на сморщенной коже ковбойского ботинка. Наклоняется, пишет:

> «3 февраля. Сижу в загаженной прачечной в Лос-Аламосе, Нью-Мексико.
>
> Лечение виски определенно не дает результата. Возможно, нужно купить виски получше, импортное?»

Прочищает нос влажным «клинексом».

– Мистер, – произносит женский голос.

Джим вздрагивает, смотрит вверх из-под козырька бейсбольной кепки.

Худая женщина, далеко за тридцать, когда-то коричневые седеющие волосы, короткая стрижка обрамляет тонкое, обветренное, много повидавшее лицо. На ней мальчиковая куртка, вытертые джинсы, кроссовки поверх теплых фланелевых носков.

Глаза острые и злые, два осколка холодного голубого стекла. От них трудно отвести взгляд.

Джим убирает «клинекс», закладывает карандаш за ухо:

– Мэм, чем могу быть полезен?

Она показывает на разменный автомат:

– Мистер, машину разбили. Если есть, мне нужны монеты.

– Конечно. – Джим встает, пытается изобразить дружескую улыбку. Женщина отступает чуть назад, руки в карманах куртки сжимаются в кулаки. Немного испугана. Кто знает, чего нынче можно ожидать от незнакомца.

Они одни в прачечной. Еще есть стайка подростков, загипнотизированных «Пэкменом» в углу – но их можно не считать. Дети там слишком долго и стали невидимы. К тому же они мексиканцы. Или индейцы. Или что-то в этом роде.

Джим роется в куртке и вытаскивает кожаный мешочек. Внутри – десять долларов четвертаками:

– Я именно тот, кто Вам нужен, мэм.

Женщина долго ищет в большой сумке. Джим понимает, что она иностранка.

У нее сильный, неприятный акцент – но в первую очередь ее выдает то, как она обращается с американскими деньгами. Она аккуратно распрямляет три долларовые бумажки. Как будто это портреты человека в парике.

Джим дает ей двенадцать четвертаков и смотрит, как она старательно и грустно пересчитывает их. «Хорошие кроссовки», – говорит он, чтобы что-нибудь сказать. Она бросает на него взгляд, как на буйного сумасшедшего, затем смотрит вниз – не на свои кроссовки, а на его ковбойские ботинки, как будто он предлагает ей купить их. Похоже, они ей не нравятся. Она кивает, уходит за ряд молчащих машин горчичного цвета. Перекладывает капающую одежду в сушилку.

Джим снова садится, поднимает дневник. У него сложные чувства к дневнику – он думал, что тот поможет ему, позволит что-то сохранить, чтобы потом восстановить и найти свое место. Но все это как-то высохло в бесконечной череде шоссе, остановок, гамбургеров и мотелей. Ему нечего себе сказать.

Джим приподнимает очки в золотой оправе и сильно нажимает на болящую переносицу. Забитые пазухи поскрипывают внутри, как ржавый гвоздь, выдираемый из старой балки.

В углу желтый «Пэкмен» издает очень похожий звук, протестующее взвизгивание – синие копы наконец поймали его. Джим хорошо знает этот звук. Джим был превосходным игроком, он вложил тысячи четвертаков в автоматы во всевозможных забегаловках. Фокус в том, чтобы определить маршруты копов и не быть слишком жадным, собирать только те точки, которые нужны для того, чтобы перейти на следующий уровень.

Две его стиральные машины закончили полоскание. Он перебрасывает светлое и темное в пару сушилок, рядом с машинами женщины. Похоже, у нее не слишком много одежды. Он замечает, что она сидит в углу, читает оставленную кем-то газету.

Новость дня – телевизор какого-то калифорнийца, показывающий загадочные образы. Большая нечеткая фотография – что-то, похожее на ангела или призрака. Или надутый мешок для мусора. Женщина изучает статью, не замечая Джима. Ее губы шевелятся в борьбе с английским языком.

Джим отправляется обратно в пластиковое кресло, чувствует себя больным и слабым, стены прачечной как будто падают на него. Надо осесть где-то, говорит он себе. Купить ингалятор, и вдыхать горячий пар, и смотреть видео в тихом спокойном мотеле. Может быть, попринимать женьшень, или витамин С, или еще что-нибудь, пока не выздоровеет.

Но у него нет денег на неделю в мотеле. Сначала придется сделать несколько остановок – он сильно потратился, покупая бесполезные игрушки себе на Рождество. Сейчас они ему ничем не могут помочь – ни электромассажер ступней, ни цифровой генератор белого шума, ни штопор с газоанализатором.

Так что придется делать остановки – или воспользоваться кредиткой – но у него появилось к ней параноидальное чувство.

«У меня появилось параноидальное чувство к кредитке – пишет он в дневнике, грызет карандаш, думает. – Каждый раз, когда используешь этот пластик... это не настоящие деньги. Как будто ты покупаешь вещи по удостоверению личности. Поэтому часто просят удостоверение личности, когда расплачиваешься кредиткой. Сегодня удостоверение личности – это все. Раньше деньги были золотом или серебром, или еще чем-то осязаемым. Пластиковые деньги – это просто способ сказать людям, кто ты есть, как тебя найти. Где ты. Как тебя достать».

Он решил не записывать это – из страха, что, когда он позже это прочитает – решит, что сходил с ума.

Джим засовывает дневник обратно в куртку, поглубже усаживается в пластиковое кресло, натягивает кепку пониже и наблюдает, как крутится одежда в машинах. Возвышенная тоска этого процесса поглощает, его как двойная доза «никвилла» – «Восстанавливающего Сна, Так Нужного Вашему Телу». Стеклянная стена, за ней – движущиеся цветные пятна. Очень похоже на телевидение.

Проходят двое парней, игравших в «Пэкмен». Пыльные теннисные тапочки ступают бесшумно. Похоже, что эти ребята могут пить «никвилл» для развлечения. Грязные черные волосы свисают во все стороны, толстые серые дырявые свитера. Джим смотрит на них из-под козырька кепки, глаза прищурены, мозг почти отключился.

Парни тихо открывают дверь сушилки и перекладывают вещи в грязные бакалейные сумки.

Джим впадает во вневременную апатию.

Внезапно женщина вскрикивает и вскакивает на ноги. Парни уносятся, дверцы сушилок качаются на петлях.

Парни стремятся наружу – пробегают мимо Джима, выскакивают за дверь они уже на улице.

Они забрали его одежду – доходит наконец до Джима. Его, и женщины. Они просто вынули одежду из сушилок и засунули в бакалейные пакеты. Джим неуверенно встает на ноги, в голове шумит. Женщина пытается гнаться за ними, лицо ее искажено яростью и каким-то незнакомым, болезненным отчаянием.

Джим бежит за ней.

Распахивает стеклянную дверь, выбегает к слабому зимнему солнцу. Дети несутся по тротуару, из сумок падают носки. Джим кашляет. Пешком он их не догонит. Он распахивает дверь своего фургончика, запрыгивает внутрь, зовет женщину – «Эй!», включает зажигание. Женщина быстро соображает, запрыгивает

на пассажирское сиденье.

Джим врубает заднюю, затем первую и с ревом устремляется в погоню.

Парни опередили их на полквартала, неуклюже бегут вдоль витрины магазина.

Джим нагоняет их, мотор ревет, мозг медленно, неохотно оживает. Сзади, за сварочным аппаратом, у него лежит дубинка. Еще у него есть коротконосый револьвер 38 калибра в правом ботинке. При минимальном везении парни сообразят, что дело плохо, бросят сумки и разбегутся. Он не хочет неприятностей.

Парни увидели надвигающийся фургон, глаза от ужаса расширились. Они свернули на стоянку магазина подержанных автомобилей. Из сумок посыпались майки Джима и плотное, теплое белье женщины.

Женщина роется в сумочке, кричит:

– Они обокрали нас!

– Точно. – Джим сконцентрировался на управлении. Женщина рывками опустила затемненное окно. Они набирают скорость, сокращают расстояние, маневрируют на стоянке. Джим влетает в промежуток между двумя рядами старых «тойот».

Женщина нащупала в сумочке пистолет. Высовывает руку в окно.

Джим услышал грохот выстрела до того, как понял, что она делает. Она быстро выпускает три пули вслед детям – огромные, звонкие шары звука. Стекло дальней «тойоты» как будто покрывается снегом.

Джим бьет по тормозам, фургон заносит. Женщина ударяется головой о ветровое стекло, поворачивается к нему, глаза ее наполнены яростью.

– Черт тебя побери! – кричит Джим, в ужасе глядя на детей. Те в панике прижались друг к другу, пригнулись – но все еще держат сумки. Слава Богу, она промахнулась. Через секунду парни уносятся со стоянки и исчезают за холмом. – Ты могла их убить! – кричит Джим.

Она уставилась на него, убирает руку из окна. Джим только сейчас по-настоящему испугался. Никелированный ствол ее пистолета длинный, как рука. Магнум -357. Пушка.

Джим врубает задний ход:

– Надо убираться отсюда. Копы слышали выстрелы. Полиция.

– Но мои вещи!

– Забудь о них. Они пропали.

Фургон поворачивает на улицу. Джим проезжает желтый сигнал, направляется на восток. Кожаная накладка на руль под потными руками.

Женщина хмурится, потирает шишку на лбу, смотрит на свои руки, как будто боится увидеть на них кровь.

– В прачечной еще остались мои вещи, – произносит она сухо. – Мы возвращаемся, -Колеблется, обдумывает. – Мы вызовем полицию и сообщим о преступлении.

– Полиция не поможет нам. Послушайте, уберите эту штуку. Леди, она действует мне на нервы.

– Я не «леди», я миссис Бейлис.

Джим почувствовал момент, когда она решила не направлять пистолет на него. Такая возможность приходила ей в голову, он видел, как она пробежала по ее лицу.

Она не глядя запихивает магнум в сумочку, откидывается в кресле, подавленная. Растирает запястье правой руки – у магнума сильная отдача.

Смотрит в окно.

– Мы не возвращаемся в прачечную. Куда вы везете меня, мистер?

– Я не мистер. Я – Джим.

Она закрывает сумочку.

– Джим, да? Тогда называй меня Ирина.

– Хорошо, Адина, – Джим пытается улыбнуться.

– Ирина.

– А, Айрин. Понял. Прошу прощения. – Джим улыбается, как ему кажется – успокаивающе. – Послушай, Айрина, нам лучше некоторое время держаться подальше от этой прачечной. Там будет полиция, к тому же ты прострелила одну из этих старых тачек. У тебя есть лицензия на этот пистолет?

– Лицензия? Официальная бумага, разрешение на оружие? Джим, это Америка.

– Правда? – Джим встряхивает головой. – А ты откуда? С Плутона?

– Я из Советского Союза. Из города Магнитогорска.

– Ты – русская? Ничего себе. Никогда не видел русских раньше.

Джим сбавил скорость, пристроился за мебельным фургоном. Он чувствует себя не то чтобы лучше – но спокойнее, более уверенно. Снова на дороге, руки на кожаном руле. В движении, где ничто не может достать его.

Заработала печка, погнала сухой горячий воздух к его ногам. Проснулось любопытство.

– Что с тобой произошло? Как ты дошла до жизни такой?

– Мой муж и я – эмигранты. Диссиденты. Муж – образованный, талантливый инженер! Интеллигенция! Я сама – юрист.

Джим вздрагивает. Она говорит все быстрее, ее английский превращается в кучу согласных. Джим вытаскивает еще один «клинекс» из приклеенной к панели коробке. Звучно сморкается:

– Прошу прощения.

– Они украдут всю нашу одежду, которая осталась в прачечной, если мы туда не вернемся.

Джим прочистил горло:

– Кто-нибудь мог заметить фургон. Вот что я вам скажу: я могу высадить вас здесь, вы ловите такси и возвращаетесь – если хотите.

Она как будто сжалась:

– Джим, у меня нет денег.

– Даже на такси?

– На следующей неделе придет чек, из Общества Помощи Еврейским Эмигрантам. Это немного. Мне все они нужны, – минутное молчание – у меня нет работы.

– А ваш старик? – Непонимающий взгляд. – Муж?

– Муж мертв.

– О Господи. Мои соболезнования.

Судя по ее одежде, только адидасовские кроссовки отделяли миссис Айрин Бейлис от нищенки. Без работы, вдова, иностранка. С хромированным магнумом в сумочке и весьма странным отношением к миру.

– Послушай, – Джим импровизирует, – я правда не хочу туда сейчас возвращаться. Это небезопасно. Давай лучше я куплю чего-нибудь поесть, мы немного подождем, все обсудим. Айрин, ты голодна?

Ее глаза загораются, как бутылочки «Викс»:

– Ты купишь нам еду?

– Конечно. С радостью. Добро пожаловать в Америку…

Айрин молча кивает. Никаких признаков благодарности. Возможно, задета ее гордость.

Он видит, как Айрин смотрит прямо вперед, через затемненное ветровое стекло. Ее странное лицо становится мягким и отстраненным, как будто она женщина-космонавт, наблюдающая за проносящимися под иллюминатором безымянными пейзажами. Типичный американский пригород, построенный для проносящихся машин, один из миллионов похожих друг на друга.

– Твой магнум стоит хороших денег, – говорит Джим.

Озадаченный взгляд.

– Джим, ты торгуешь оружием?

– Что? – Второй раз она думает, что он хочет ей что-то продать. Возможно, это к лучшему: проговорить все относительно

этого пистолета. На всякий случай. – Да, у меня есть пистолет. Я много путешествую, понимаешь? Мне нужен пистолет, для самозащиты.

Она смотрит ему в глаза:

– Тогда почему ты их не пристрелил?

Джим отводит взгляд:

– Полиция посадила бы нас в тюрьму, понимаешь? Нельзя стрелять в детей только из-за того, что они украли твои шмотки. Может быть, можно пригрозить – но не стрелять на самом деле.

– Это не «дети». Это настоящие бандиты. Грязные, страшные. Некультурные.

Джим промокнул текущий нос:

– Может, они никарагуанцы.

Он заметил впереди Jack-in-the-Box. Притормаживает, обменивается словами с решеткой переговорного устройства. Три однодолларовых бумажки, которые дала ему Айрин, переходят к клерку, еще кучка мелочи. Они уезжают с чизбургером, двумя пакетиками картошки и парой тако.

Айрин грызет первое тако. Джим видит, что она голодна – но она обращается с хрустящей глазурью, как с китайским фарфором.

– У тебя много монет?

– Да?

– Ты ограбил машину в прачечной, – внезапно заявляет она, глядит ему в лицо. – Ты выгреб все монеты. Ты вор, да?

– Что?! Слушай, я даже не живу там. Я в этой прачечной впервые в жизни.

– Когда я туда приходила в последний раз, машина была в полном порядке. Ты ограбил ее, Джим. Ты украл монеты.

– Черт! – Джим чувствует пот под курткой. – Послушай, я не связываюсь с таким дерьмом. Если ты думаешь, что я – вандал, можешь уматывать прямо сейчас.

– Я могу заявить в полицию, – говорит Айрин, пристально глядя ему в лицо. – Хулиган, в синем фургоне. Шеви. – У нее получается «чииви».

– О черт! И приспичило мне тебя пожалеть. Я собирался купить тебе новую одежду, еще что-нибудь. – Он зло взмахивает головой, показывая подбородком назад. – Видишь все это? Сварочный аппарат, дрели? Придурок, который взломал эту машину, просто вскрыл ее ломом. Я профессиональный механик, я работаю тонко, понимаешь? Я мог бы разобрать эту штуку, как ты разделываешь курицу, – Джим сделал паузу, – если бы захотел, конечно.

Он резко поворачивает за угол, и полотняный мешок, почти заполненный четвертаками, опрокидывается с веселым звоном. Джим хватает очередную салфетку, громко сморкается, чтобы отвлечь ее. Поздно.

Айрин не реагирует на звон, методично грызет второе тако. Две минуты многозначительного молчания, нарушаемого похрустыванием и шорохом картошки в пакетике.

Потом она откидывается в кресле со слабым вздохом животного удовлетворения, аккуратно вытирает рот салфеткой из пакета.

– Куда мы едем? – спрашивает она наконец, вглядываясь в дорогу отяжелевшими глазами.

У Джима тоже было время подумать о сложившейся ситуации.

– Тебя это правда интересует?

– Нет, – после секундного раздумья. – Совсем нет. Мне абсолютно все равно.

– Хорошо. Тогда мы выезжаем из города по шоссе 30 и направляемся в Эль-Пасо.

Айрин смеется.

– Ты думаешь, мне не все равно? Лос-Аламос. Я ненавижу Лос-Аламос. Нам не следовало туда приезжать. Никогда. Теперь у меня нет ничего, совсем ничего – ни одежды, ни денег. Я должна за квартиру, два месяца!

Джим чешет лоб под бейсболкой.

– А что эти еврейские ребята? Ты говорила, они присылают тебе деньги.

– Я не еврейка. Мой муж был евреем. Не какой-нибудь некультурный еврей из штетля, а нормальный парень, выглядел как русский, очень образованный, прекрасный инженер.

– Да, ты это уже говорила. Ты что, думаешь, я нацист? Это Америка, и я ничего не имею против евреев.

– Ты христианин?

– Я никто.

– На телевидении полно христиан. Все время говорят о деньгах.

– Тут ничем не могу помочь. Сам ненавижу этих уродов.

Разговор оживляет Джима. Ситуация дикая – но ему это нравится, по крайней мере, пока она не выкинула что-нибудь.

– Послушай, Айрин, ты мне ничего не должна. Я могу отвезти тебя обратно. Только не зови полицию, ладно?

– Нет, я ненавижу Лос-Аламос. Мой муж умер там.

– О Господи. Ты серьезно? Ты в самом деле не собираешься возвращаться?

– У меня ничего не осталось. Ничего, кроме плохих воспоминаний, – она нервно приглаживает волосы. – Джим, почему ты так боишься полиции? Они знают, что ты грабишь прачечные?

– Я не трогаю эти чертовы прачечные. Я занимаюсь телефонами, понимаешь? Телефонами!

Его признание не впечатляет ее и, похоже, не сильно удивляет.

– В Америке много телефонов. Ты, наверное, богач?

– Мне хватает.

Она заглядывает ему через плечо:

– У тебя большая машина. Много инструментов. И спальный мешок. Как неплохая квартира, много квадратных метров!

Джим чувствует себя слегка польщенным:

– Да, я прикидывал – получается около 70 штук в год. Минус, конечно, бензин, мотели, еда... Я посылаю деньги своему старику, он в доме престарелых. С 1980 года. Думаю, через меня прошло около полумиллиона.

– Получается, ты – полу-миллионер!

– Я не сохранил их.

Вокруг ровная, пустынная местность, шестой час. Шоссе 30 слегка загружено пригородным транспортом.

– Ты говорила, ты была юристом? Почему же теперь ты нищая?

– В Америке мало толку от советского юридического образования.

– Да, я не подумал об этом.

Она показывает на эксоновскую заправку:

– Джим, там есть телефон. Взломай его. Я хочу видеть это.

– Я не ломаю эти чертовы телефоны! Я не порчу их, понимаешь? Телефоны нужны людям!

Джим смотрит на указатель топлива – и правда, пора заправляться.

Останавливается около колонки самообслуживания, идет к кассе. «Неэтилированного на десятку». Возвращается к фургону, вставляет шланг.

Айрин выходит, голова накрыта дешевым шарфиком, лежавшим раньше в сумочке.

– Давай, сделай это!

– Послушай, – говорит он ей – слова ничего не стоят, так? То, что я говорил о телефонах – это не доказательство. Но если ты увидишь, как я открою этот телефон, у тебя могут быть неприятности.

– Скажи мне правду, ты можешь это сделать или нет?

Джим качается на носках ковбойских ботинок, думает.

– Ты не боишься, да?

– Ты боишься. Потому что я могу донести в полицию, да? Ты мне не веришь. – Она показывает руками, как будто читает лекцию. – Если я была свидетелем преступления и не донесла полиции – я соучастница. Преступница, как и ты. Мы одинаково виноваты, так?

– Не совсем так, но в общем – да, думаю, я тебя понял.

– Ты и я – мы вместе будем преступниками. Так нам будет безопасней.

– Да, безопасней друг от друга. – Джиму нравится такой подход, в нем есть что-то правильное. – А тебе не приходило в голову, что нас-таки могут поймать?

– А если поймают – что нам будет?

– Не знаю. – Джим открывает заднюю дверь фургона. – Я всегда думал, что смогу выторговать условный приговор, если расскажу, как я это делаю.

– А они не знают?

– Нет, – говорит Джим с тихой гордостью. – Я изобрел этот способ. Только я его знаю. – Он тянется за запасное колесо и вытаскивает кожаный футляр.

– Только ты? – Айрин привстает на цыпочки, смотрит ему через плечо.

– Несколько лет работал над этим. На телефоны ставят серьезные замки, хитрые и прочные. Даже с кувалдой и ломом меньше чем за полчаса трудно управиться. А у меня в мастерской было несколько выброшенных телефонов, я на них тренировался. И однажды – озарило.

Джим расстегивает молнию на футляре и вытаскивает Штуковину. Проверяет, как она работает – все в порядке.

– Ну что ж, вперед!

Они вместе подходят к телефонной будке, Джим входит внутрь, расстегивает куртку так, что полы ее прикрывают аппарат, снимает трубку, зажимает ее между ухом и плечом – чтоб не вызывать подозрений. Нащупывает замочную скважину, вставляет Штуковину.

Она входит медленно, шаг за шагом, на пленке моторного масла. Джим ведет ее с полузакрытыми глазами, ищет тот самый, особенный щелчок. Находит поводок и сдвигает его.

На секунду ему показалось, что ничего не получилось – бывало, что Штуковина не срабатывала, и он так и не разобрался, почему – но дверца аппарата распахнулась, открыв аккуратные ряды монет. Джим вытащил свежий пластиковый пакет, подставил, дернул рычаг. Водопад четвертаков.

Монеты издают совершенно невпечатляющий, мусорный звон. Чертовы рейгановские четвертаки. Он не видел ни слова об этом в газетах – но администрация снова деноминировала деньги. Когда Линдон Джонсон ввел дешевые алюминиевые четвертаки, был страшный шум – а теперь в стране такой бардак, что никто и не замечает. Четвертаки звенят, как кастрюльный металл, никакого серебряного звона. Их можно легко ломать плоскогубцами.

Джим закрывает дверцу аппарата, выходит из будки. Айрин смотрит широко раскрытыми глазами.

– Ты гений! Замечательное изобретение!

Они идут к фургону.

– Хорошо, что это не новый карточный аппарат, – говорит Джим. – Если AT&T дать волю – не будет ничего, кроме этих проклятых карточек.

Джим вынимает шланг из бензобака, возвращает его в колонку. Они залезают внутрь и выезжают на дорогу. Джим сует ей пакет:

– Это твое.

Айрин берет пакет, прикидывает его вес:

– Ты цыган. Они так же делают с рублями – цыгане, армяне с черного рынка. Они всегда швыряют деньги. Как воду. – Она засовывает пакет в сумочку.

– Черный рынок... Ты там, в СССР, была связана с этими людьми?

– Джим, мы все покупали на черном рынке. Абсолютно все. Даже большие шишки – дочь Брежнева... Ее приятель Борис – он был цыганом, занимался контрабандой бриллиантов, картин – всего, что угодно. – Казалось, что Айрин смешно. Какой-то русский черный юмор, как будто она соскользнула в сточную канаву и была этому рада – по крайней мере понимала, где она находится. – Я знала, что когда-нибудь встречу янки-цыгана. Гангстер американской мафии!

– Я – один. Цыгане и мафия – у них семьи, таборы.

– Меня сегодня ограбили, а теперь я с гангстером.

– Ты это говоришь, как будто тебя это радует.

– Я нашла что-то настоящее. Наконец-то – настоящая Америка.

– Айрин, это – пустыня.

Айрин смотрит в окно:

– Да.

– Нью-Мексико – это не только пустыня. Тебе надо побывать в Калифорнии. Или в Орегоне.

– Америка – вся, как пустыня, Джим. Не во что упереться.

Когда тебе не во что упереться, не чувствуешь давления – это как будто вообще ничего нет. Ты можешь кричать и говорить все, абсолютно все – и никто даже не настучит. Это… как будто нет воздуха. Как в космосе.

– Какая вообще жизнь там, в России? Действительно так сильно отличается?

Айрин отвечает спокойным, ровным голосом:

– Джим, там в сотни раз хуже, чем американцы могут себе представить.

– Я был во Вьетнаме. Я много чего повидал.

– Вы все здесь – невинные дети. Младенцы. Америка против России – как испорченный ребенок в нарядном костюмчике против старого бандита с дубиной.

Голос ее становится сдавленным.

– Ты их так сильно ненавидишь?

– Они ненавидят вас. В один прекрасный день они раздавят вас, если смогут. Они ненавидят все свободное, все, что не принадлежит им.

– А как же Горбачев? С которым они подписывали договор? По TV говорят, что он – другой.

– Не может быть. Если бы он был другим – он никогда не стал бы начальником.

– Может, он всех обманул? А они были слишком тупы, чтобы заметить?

Айрин коротко смеется.

– Но ты же обманула их? – настаивает Джим. – Ты же вырвалась!

– Да, мы вырвались. А что хорошего? Мой муж мертв. Он хотел сражаться за свободу, помочь американцам оставаться свободными. Поэтому мы отправились в Лос-Аламос.

– Да? Почему?

– Звездные Войны. Космический щит.

Джим заходится нервным смехом:

– Айрин, только не говори, что ты веришь в эту чушь! Ей-Богу, эта хреновина не взлетит и через тысячу лет.

– Американцы были на Луне! Американцы могут изобрести все!

Ранние зимние сумерки скрыли горизонт. Джим включает фары.

– Похоже, что вы не угадали, да?

– Разработчики «Звездных Войн» не верили моему мужу. Они думали, что он марксист, прислан шпионить, как Клаус Фукс. Ему не дали никакой работы, вообще никакой! Он был готов подметать, убирать – все, что угодно. Он был идеалистом.

– Тогда он пошел не в ту контору. «Звездные Войны» – это просто способ для правительства перебросить наши деньги в Bell Labs, TRW, General Dynamics – всей этой шайке толстомордых с сигарами.

– Русские боятся Космического Щита. Они знают, что это сделает их дурацкие ракеты бесполезными.

– Послушай, я служил в американской армии. Я чинил такие вещи, понимаешь? Вертолеты с восьмидесятидолларовыми болтами, которые любой кретин может купить на углу за десять центов – все это просто перевод денег.

– Америка – богатая и свободная, – протестует Айрин. – Вьетнам – концентрационный лагерь!

– Мда? Тогда как получилось, что нам там надавали по заднице?

– Крестьянам промыли мозги марксистской ложью.

Джим вытирает нос.

– Знаешь, Айрин, с тобой не очень легко общаться.

– Мне это говорили и раньше, в Магнитогорске. Правда горька, да?

– Попробуй – узнаешь, – бормочет Джим.

Она не реагирует. Миля за милей проходят в тишине, но не в напряженной тишине а в спокойном, почти уютном молчании.

Ему это нравится. Нравится, что в соседнем кресле сидит сбежавшая русская вдова со странностями. Она как-то попадает в его настроение. Все события складываются во что-то, напоминающее авантюру.

Ему нравится, что она молчит после того, как все сказала. Он сам не любитель трепаться. Прошло немало времени с тех пор, как он действительно говорил с кем-нибудь. Случайные попутчики – но и они нынче стали другими.

Нет больше улыбающихся хипов, угощающих косячком случайных друзей. Теперь почти все, кого он подбирал – бедняги, ищущие работу, с усталыми голодными глазами и грустной историей, длинной, как шоссе.

Постепенно темнеет, мир теряет грани, сворачивается в конусы света от фар. Джим чувствует уют. Он любит ехать ночью, в белой блестящей воронке.

Это его место, здесь мир легко проплывает мимо под монотонное шуршание шин.

Он любит быстро ездить по темным дорогам. Никогда не видно далеко вперед, но каким-то чудом впереди всегда оказывается шоссе. Для Джима всегда было чудом то, что ночная лента асфальта никогда не кончается внезапно – и все, как когда кончается кассета. Дорога никогда его не подводила.

Джим протягивает руку, вставляет в магнитофон первую попавшуюся кассету. «Sweethearts of the Rodeo». Джим видел их однажды по Country Music Television, в отеле в Таксоне. Это сестры. Пара очень симпатичных девиц.

За последние месяцы он прокрутил эту кассету не меньше пары сотен раз, и теперь он не слышал музыку – но она как бы окружала его, как дым.

– У тебя есть джаз?

– Что? Например?

– Дюк Эллингтон. Дэйв Брубек. Брубек – великий артист.

– Я могу слушать почти все. Однако джаза нет. Можно купить где-нибудь, в Эль-Пасо.

– Я не могу разобрать, что эти женщины поют.

– Айрин, это не надо понимать. Просто впитывай их.

Они проезжают ровный, пыльный городок под названием Эспаньола. Неоновые вывески над закусочными и заправками. Джим нашел поворот на 76 шоссе на юг.

– Я думаю, мы заночуем в Санта-Фе. Тебя это устраивает?

– Согласна.

– Знаешь там дешевые отели?

– Нет. Я никогда не была там.

– Почему? Это же недалеко.

Она пожимает плечами:

– Я никогда много не путешествовала. В Советском Союзе с внутренним паспортом много проблем. И у меня никогда не было машины, и я не умею водить.

– Не умеешь водить? – Джим барабанит пальцами по рулю. – А чем ты занимаешься?

– Читаю книги. Солженицын, Пастернак, Аксенов, Исаак Бабель...

– Звучит угрожающе.

– Я много узнала про советскую ложь, которой нас пичкали всю жизнь. Не так просто узнавать правду. Я сидела и думала, пыталась понять. На это уходит много времени.

– Да, у тебя такой вид. – Джим чувствует к ней острую жалость. Сидит в убогой квартире, читает книги. – У тебя есть тут друзья? Родственники?

Айрин качает головой:

– Нет, Джим, нет друзей. А у тебя?

Джим заерзал в кресле, откинулся:

– Ну, я же путешествую...

– Джим, у тебя одинокое лицо.

– Наверное, мне пора побриться.

– У тебя есть жена, дети?

– Нет. Не люблю быть привязанным. Я люблю свободу. Перемещаться, смотреть вокруг…

Айрин вглядывается через стекло в летящие световые конусы.

– Да, – произносит наконец. – Очень красиво.

Они останавливаются размяться в национальном парке к северу от Санта-Фе. Джим вдруг начал беспокоиться о том, что кто-то мог сообщить в полицию о стрельбе; возможно, кто-то запомнил номер фургона. Он открывает потайной ящичек в задней панели, просит Айрин вынуть новые номерные знаки.

Айрин выбирает колорадские номера, которые Джим снял в свое время с грузовика в Боулдере. Разумеется, он изменил номер – перебил восьмерки на нули, потрескавшиеся места подкрасил краской из набора авиамоделистов.

Все запасные номера были переделаны. У Джима в запасе их было всегда не меньше десятка. Он достиг мастерства в такой переделке, сделал из нее своего рода искусство. Помогает от скуки.

Джим электрической отверткой отвинчивает старые номера, вешает новые.

Он работает на ощупь, Айрин караулит. Джим ломает старые номера пополам и засовывает в придорожную урну.

Холодный ночной воздух стекает с невидимых гор, пробирается через одежду Джима, сверлит его виски. Джим забирается на водительское кресло, кашляет, трет нос и чувствует себя почти мертвым.

Он останавливается у первого же мотеля – Best Western в пригороде Санта-Фе. Это двухэтажное сооружение рядом с шоссе, с освещенной вывеской и гудроновыми площадками.

Портье выглядит успокаивающе сонным и скучающим. У Джима мало бумажных денег, и он решается использовать пластик. Фальшивое имя, фальшивое калифорнийское удостоверение личности – но люди из Visa пока не вычислили его. Почту Джим получает на адрес своего отца в доме престарелых. Каждый месяц он посылает старику немного наличных.

Джим расписывается, берет медный ключ на большом желтом брелке. Айрин подходит к сигаретному автомату в холле, внимательно и осторожно отсчитывает четвертаки и дергает ручку. В ее взгляде ожидание чуда, как у игрока в Лас-Вегасе. Выскакивает пачка «Мальборо» в целлофане. Айрин забирает ее с тихой улыбкой.

Джим чувствует ее восторг, несмотря на боль в верхушках легких. Айрин радуется всему, как ребенок. Жаль, что у него мало наличных – приятно было бы сунуть ей в руки хрустящую

пятидесятидолларовую бумажку.

Джим загоняет фургон на стоянку, мимо «датсунов» и «хонд», мимо дверей, залитых желтым холодным светом.

Он находит комнату 1411 – за металлической лестницей. Отпирает дверь, включает свет. Две кровати. Хорошо.

– Господи, как мне хреново... Ты пойдешь в ванную? Я собираюсь в горячий душ.

Айрин присаживается на одну из кроватей, рассматривает пачку сигарет:

– Что?

– Все в порядке? Хочешь кока-колы? Мы можем заказать еду.

Она кивает:

– Все хорошо, Джим.

В ее взгляде ясно читается, что не все хорошо. Когда она прыгнула в фургон, ей не пришло в голову – как, впрочем, и ему – что в конце концов они будут спать вместе.

Джим думает, что надо бы присесть рядом и все это с ней обсудить. Но он устал, ему плохо, и ему никогда не удавались Большие Серьезные Разговоры с женщинами. Он был уверен, что, стоит начать Большой Серьезный Разговор, и конца этому не будет.

Джим запирается в ванной, открывает скрипучий кран. Жесткая, металлическая вода из глубоких пустынных скважин, как гвозди...

Джим лежит в потрескавшейся ванне, осторожно смачивает измученный, пересохший нос, думает о ней. Думает о том, чего она хочет на самом деле, хочет ли она чего-нибудь, какое отношение это все имеет к нему. Что она делает там, в комнате... Возможные варианты: a) она звонит в полицию, b) она испугалась и убежала, c) ждет его с пистолетом наизготовку, или даже d) лежит обнаженная в кровати под простыней, натянутой до подбородка и с ожидающим выражением лица. Наверное, d) – худший вариант. Он не готов к d), это слишком серьезный шаг... уже засыпая, он понимает, что уже забыл, что было под a) и b)...

Джим совершает нечеловеческое усилие, вылезает из ванны, кожа горит, в голове шум. Вытирается, влезает в несвежие джинсы и майку. Открывает дверь.

Айрин сидит в единственном кресле, около лампы и читает гидеоновскую Библию. В комнате холод – она не включила термостат. Возможно, не знала как.

Джим включает его на максимальную температуру, дрожа, влезает в одну из кроватей.

Айрин смотрит на него поверх Библии:

– Джим, ты очень болен?

– Да. Извини, так получилось.

Она закрывает Библию, заложив страницу пальцем:

– Я могу тебе помочь?

– Нет. Спасибо. Мне просто надо немного поспать. – Он натягивает одеяло, но дрожь все не проходит. Смотрит на нее слезящимися глазами, пытается заставить себя думать. – Ты, наверное, голодна? Знаешь, как заказать пиццу?

Айрин показывает ему пакетик крекеров.

– Да, – говорит Джим, – это тоже вкусно.

– Я давно хотела прочитать эту книгу!, – говорит Айрин, в голосе ее удовлетворение. Она открывает пакетик с крекерами и углубляется в Библию.

Джим просыпается в сухом, перегретом воздухе, встает, выключает термостат. Айрин садится в кровати, еще не полностью проснувшаяся, испуганная и потерянная. Видно, что она уснула с мокрыми после душа волосами.

– Привет, – хрипит Джим и идет в ванную.

Он пытается прокашляться, чистит зубы, собирает волосы в конский хвост.

Бреется.

Когда он выходит, Айрин уже одета и причесывается перед зеркалом.

Одежда на ней та же, что и вчера – другой нет.

Между ними ничего не решилось, но страха стало меньше – в конце концов, они успешно провели ночь, более-менее вместе – и обошлось без насилия и перестрелок.

– Ты как?, – спрашивает Джим.

– Спасибо, все хорошо.

– Отлично. Сегодня мы отправляемся в Санта-Фе, по дороге возьмем еще денег.

Они завтракают в пончиковой, делают три остановки у телефонов. Джим предпочитает телефоны у шоссе – так легче сматываться.

Оказывается, он уже вскрывал эти телефоны раньше – Штуковина оставляет почти незаметные характерные царапинки. По виду этим царапинкам не меньше трех лет.

Джим останавливается у пригородного отделения банка и отправляет туда Айрин со звенящей сумкой. Возвращается она с четырьмя двадцатками и победной улыбкой.

– Отлично, – говорит он ей, дает ей одну бумажку и прячет остальные три в кошелек. – Они задавали вопросы?

– Нет.

– Обычно так и бывает. Испугалась?

– Нет. – Она извлекает из сумки гидеоновскую Библию. –

Джим, я украла ее.

– Ты украла гидеоновскую Библию?!

– Да. Как цыганка.

– Да... В следующий раз ты срежешь этикетки с матрасов.

Она задумалась над его словами:

– Хорошо, Джим.

Это должно было быть смешным, но ему почему-то стало очень грустно.

После обеда они обработали еще три телефона. Больше, чем обычно – но двоим и нужно больше. В придорожном магазинчике Джим купил им новые джинсы, рубашки и носки.

У кассы он вдруг замечает дешевую соломенную ковбойскую шляпу и покупает ее. Надевает ее на голову Айрин. Она все равно выглядит дикой и почти отчаявшейся – но теперь очень по-американски, времен Великой Депрессии.

Может быть, она и страшна – но Джима это не очень волнует. Он знает, что настоящие женщины не похожи на девочек из телевизора.

Да и сам он выглядит страшновато. Бывают дни, когда он смотрит на себя в зеркало и думает – что же случилось? Тогда он выглядит загнанным и испуганным неудачником с глубокими морщинами вокруг глаз. Любому копу и служащему мотеля по всей Америке сразу должно быть ясно – жулик. В такие дни он просто не выходит из фургончика, прячется за тонированными стеклами – и едет.

Вечером они выезжают из Санта-Фе по шоссе 25 на Юг. Горы сменяются равнинами. Около десяти вечера они подъезжают к Альбукерку, останавливаются в маленьком мотеле. Заведение пятидесятых годов под названием Sagebrush.

Тридцать лет назад оно обслуживало огромные грузовики и сияющие хромом универсалы. Теперь вокруг мотеля разросся город, вместо огромных грузовиков используются самолеты – и теперь здесь грустные женатые пьяницы обманывают друг друга. Резные рамы ковбойских картин покрылись пылью.

Джим чувствует себя немного лучше, не таким разбитым и усталым – и он приносит из фургончика свои игрушки. Видеомагнитофон с коробкой кассет, «макинтош» с модемом и жестким диском. Включает подавитель помех в розетку около одной из кроватей.

Айрин садится на край матраса, вглядывается в телевизор.

– Когда мы в ГУЛАГе наматывали портянки – не беспокоились о помехах.

– Да уж... Сейчас я уберу эту чушь с экрана. Поразвлекаемся. – Джим подключает кабель к телевизору,

включает видеомагнитофон. На экране шипение серого снега. – Видела такую штуку?

– Конечно. Видео, – она произносит это слово как «виииди-о», – я знаю, как им пользоваться.

– А как насчет «макинтоша»? Видела когда-нибудь такое?

– Мой муж был инженером, он знал все про компьютеры.

– Это хорошо.

– Он проводил расчеты на большом государственном компьютере.

– Серьезный был человек, – грустно говорит Джим. Открывает коробку с видеокассетами, вынимает одну. – Смотрела «Every Which Way But Loose»? Очень люблю его.

Айрин заглядывает в коробку, вытаскивает наугад кассету, разглядывает коробку.

– Это же порно! – Роняет кассету, как будто та обожгла ей пальцы. – Я не смотрю порно!

– О Господи, расслабься, ладно? Никто тебе и не предлагает.

Айрин перебирает кассеты, на лице – отвращение.

– Эй, это мое, личное. Не бери в голову, – говорит Джим.

Она вскакивает с кровати, тонкие руки дрожат. Джим видит на ее лице настоящий ужас. Он не понимает, что с ней происходит – она чертовски тяжело воспринимает безобидные мелочи.

Они молча смотрят друг на друга.

Наконец из нее вырывается поток слов:

– Джим, ты очень болен? У тебя СПИД?

– Да какого черта?! У меня простуда, понимаешь? Простуда! Нет у меня никакого СПИДа! Кто я, по-твоему?

– У тебя нет друзей, – Айрин говорит с подозрением, – ты живешь один, всегда бежишь, прячешься...

– Ну и? Это мое дело! А где твои друзья? Наверное, ты и Товарищ Муж были очень популярны там, в Магнетвилле? Поэтому ты здесь, разве не так?

Она смотрит на него широко распахнутыми глазами.

Эмоциональная вспышка уходит, оставляя Джиму усталость и злость – на себя больше, чем на нее.

– Ладно, – говорит он, встряхиваясь. – Сядь, хорошо? Ты меня нервируешь.

Айрин опирается о стену с обоями в цветочек, обхватывает свои плечи. Тяжело смотрит в пол.

– Послушай, – говорит Джим, – если у тебя ко мне такое параноидальное отношение, давай расстанемся. У тебя теперь хватит денег на автобус. Возвращайся в Лос-Аламос.

Айрин тяжело вздыхает, теперь она выглядит измученной.

Собирает силы, ровно произносит:

– Джим, я тебе не позволю.

– Не позволишь – что?

Она собралась. Решительный взгляд – пути назад нет.

– На самом деле ты хочешь этого, да? Именно поэтому я здесь. Ты хочешь, чтобы я тебе позволила, – она видит, что он не понимает, – позволила тебе сделать это, – от напряжения ее голос хрипнет, – мужчина и женщина.

– А. Это. Я понял. – Джим моргает, обдумывает сказанное и снова впадает в бешенство. – Да?! А кто тебя, черт побери, просит?

– Ты попросишь, – уверенно отвечает Айрин. – Женщины разбираются в таких вещах.

– Да? Что ж, может быть, я попрошу, а может быть, и нет. Но сейчас – я не попрошу. По крайней мере не сейчас, когда у меня этот чертов насморк. – Он пинает ковер носком каблука. От всего этого начинает болеть шея. – Послушай, мне не 18 лет. Я не пытаюсь раздевать всех женщин подряд.

Она приглаживает волосы, как-то по-утиному двигает головой:

– Хорошо, я воровка. Я цыганка. Но, Джим, я не шлюха!

– Если бы мне нужна была шлюха – я бы ее и снял. Зачем мне возить с собой шлюху?

– Тогда – в чем дело? Если ты не хочешь, чтобы я позволила тебе – зачем ты взял меня с собой?

– Черт. – Джим удивлен сам себе. – Мне стало жаль тебя. Я просто подумал, что тебе нужно быть свободной. Свободной, как я.

Она смотрит на него.

– Это так странно?

– Да.

– Правда?

– Да.

– Ну, может быть. Не знаю.

Айрин роется в своей куртке, зажигает «Мальборо» спичкой из мотельного коробка. Руки у нее побледнели. Похоже, она уже не так боится его, не то чтобы верит ему – но наблюдает.

Джим разводит руками:

– Я уже перестал понимать, что странно, а что нет. Все было так давно... Оценки других для меня мало что значили.

– Я все равно не понимаю – зачем?

– Я не думал о том – зачем. Просто сделал так.

Это мало что проясняет. Айрин прищуривается и выпускает дым. Он пробует еще раз:

– Я думаю – мы не очень похожи. Но в чем-то у нас много общего. Больше, чем у большинства людей. Нормальных людей.

Она кивает. Кажется, начинает понимать.

– Мы беглецы.

– Ну нет – тогда уж – свободные существа! У беглецов нет радостей в жизни. Посмотри на все эти игрушки! Сейчас я тебе покажу кое-что.

Джим отворачивается от нее и запускает «макинтош». Когда он начинает мышкой переносить пиктограммки, Айрин заглядывает ему через плечо.

Он вкладывает трубку мотельного телефона в акустический соединитель, «Мак» пропискивает цифры, соединяется с электронной доской объявлений.

Пробегает через входные меню, экраны растворяются, улетают – как электронный «клинекс».

– Что это? – спрашивает Айрин.

– Хакеры. Телефонные пираты.

– Кто они?

– Люди, которые воруют у телефонных компаний. Коды для междугородних переговоров и так далее.

– Но это же не люди. Это только слова на телевизоре.

Джим смеется, растирает нос.

– Не будь такой деревенщиной. У этих ребят целый свой мир.

– Это компьютеры, не люди.

– На самом деле все еще запутанней, – в голосе Джима появляется неуверенность. – Сейчас это не умные ребятки-хакеры, это уличные парни, настоящие бандиты. Я видел их, они ошиваются в больших аэропортах. Ты даешь им пятерку, они заходят в телефонную будку и могут соединить тебя с Гонконгом, Лондоном... С Москвой, если хочешь – с чем угодно.

Айрин смотрит непонимающим взглядом.

– Это все новые телефонные компании, – говорит он. – Sprint, MCI. Теперь все действительно превратилось в хаос.

– Хаос? Что значит «хаос»?

– Хаос... – Джим остановился, задумался. Что такое, на самом деле, хаос? – Чертовски странное слово, если над ним подумать. Почти философское.– Хаос – это когда все перемешано, запутано, сложно. И – гм непредсказуемо. Наверное, это слово означает то, что мы не можем понять. Возможно – никогда не сможем понять.

– Как «непонятное»?

– Да.

Джим смотрит на анонимные сообщения, проползающие по экрану.

Предупреждения, секреты, жаргон.

– Знаешь, когда я только начинал – все было очень просто. Была просто Телефонная Компания. Ма Bell. Куча больших шишек. Им принадлежали провода по всей стране, от побережья до побережья, у них были тысячи сотрудников, миллионы и миллиарды долларов. Но потом они захотели влезть в компьютеры. Новая, динамичная индустрия, все такое. Но для этого им пришлось лишиться монополии на телефонную связь. И они это сделали! Они отдали всю свою централизованную систему, всю свою власть. Я до сих пор не понимаю – почему они так поступили. Так что теперь все по-другому. Нет больше Большой Телефонной Компании с ее мордастым представителем, нет наверное, нет этого духа. И осталась просто компания, пытающаяся заработать немного денег.

Он не знает, понимает ли она его – но, кажется, она поняла тон его голоса.

– Джим, и ты этим расстроен?

– Расстроен? – Он подумал над этим. – Пожалуй, нет. Просто я теперь мало что понимаю. Теперь это не Я против Них – понимаешь, маленький парень, бросающий вызов самым жирным котам... Я, наверное, ненавидел их. Но даже когда они были большими, и плохими, и неуязвимыми – я понимал что-то. Они были жирными котами, а я был Робин Гудом. Но теперь я – никто. Эти телефонные хакеры, серьезные программисты, сидят ночами, грызут печенье и взламывают коды... некоторые из них – дети.

– Америка, – говорит она. – Странная страна.

– Возможно, мы это изобрели. Но когда-нибудь так будет везде.

Она смотрит в экран, как будто это тоннель.

– Горбачев много говорит о компьютерах в своей пропаганде. Очень много.

– Высокие технологии, черт их дери. На самом деле они вокруг нас, везде. – Джим улыбается ей. – Хочешь соединиться с доской объявлений? Выберешь себе забавное прозвище.

– Нет.

Она гасит сигарету, зевает.

– Джим, все эти машины на моей кровати...

– Ну тогда надо их оттуда убрать.

Он разъединяет связь и выключает «Макинтош».

Рано утром она трясет его за плечо.

– Джим, Джим! – Она испугана, ее лицо совсем рядом с ним.

Он садится.

– Полиция? – Бросает взгляд на часы: 6:58.

– Телевизор. – Она показывает на него – он тихо шипит в углу, на экране белая статика. Джим хватает очки, цепляет их за

уши.

Комната вплывает в фокус. Видеомагнитофон все еще подключен к телевизору, на полу рядом с его пультом – пепельница, набитая окурками «Мальборо».

Джим косится на это:

– Ты сожгла видеомагнитофон?

Внезапно он замечает на полу пушистые комки смятой и спутанной видеопленки. Вспоминает, что во сне он слышал какой-то треск и шорох.

– Какого черта? – кричит он. – Ты смяла мои пленки? Восемь, нет, десять! Как ты могла?

– Посмотри на телевизор. Посмотри на него.

Он смотрит:

– Статика.

Вылезает в трусах из кровати, натягивает джинсы. Злость поглощает его.

– Я понял. Мои порнофильмы. Просто не могу поверить, ты уничтожила их, ты сознательно уничтожила мои вещи! – голос его становится громче. – Корова! Тупая сука! Ты испортила мои вещи!

– Никто не должен смотреть такое.

– Я понял, – говорит он, застегивая джинсы, – ты смотрела их, да? Пока я спал – ты встала, чтобы посмотреть порнофильмы. Но когда ты это увидела, ты не смогла справиться с собой. Ты знаешь, сколько это стоит?!

– Это гадость. Грязь.

– Да, но это лучшая гадость и грязь, черт возьми! «Дебби в Далласе», «Полуночные ковбойши»... Просто не верится. Так ты заплатила мне за то, что я тебя подвез, да? – Кулаки его сжимаются.

– Хорошо, ударь меня, как настоящий мужчина – но потом выслушай меня!

– Нет, – говорит он, поднимая ботинки. – Не буду я тебя бить. Следовало бы – но я вроде как джентльмен.

Джим надевает вчерашние носки.

– Вместо этого я тебя оставлю, прямо здесь, в этом мотеле. Все, девочка, адью.

– Посмотри на телевизор. Джим, пожалуйста, посмотри.

Он снова смотрит:

– Ничего. И выключи наконец видеомагнитофон. Нет, стой – лучше я сам.

– Посмотри внимательно, – говорит Айрин, ее голос дрожит. – Ты не понимаешь?

На этот раз он пристально вглядывается в экран.

И теперь он что-то видит. Он никогда бы не заметил, если бы она ему не показала. Статика как статика – бессмысленность, шум, хаос.

Но с легким шоком понимания он осознает, что там действительно что-то видно. В кипящем море шипящих разноцветных точек какое-то подобие порядка.

Движение, форма – он почти видит их, но они остаются у самой грани понимания. От этого бросает в дрожь – ключ, который мог бы открыть новый мир, если найти правильный угол зрения, правильный фокус.

– Ничего себе, – говорит он, – в этой дыре есть спутниковое телевидение? Какая-то интерференция или что-то вроде. Чертовщина.

Айрин пристально вглядывается в экран. Страх уходит с ее лица.

– Это красиво, – говорит она.

– Какой-то странный сигнал... ты что-нибудь делала с проводами? Выключи видеомагнитофон.

– Подожди немного. Очень интересно.

Он наклоняется, отключает аппарат.

Телевизор включается в утреннее шоу, радостные широковещательные идиоты.

– Как ты это сделала? Какие кнопки ты нажимала?

– Никак, – отвечает она, – я смотрела, и все. Очень внимательно смотрела. Сначала – непонятно, но потом я это увидела!

Злость покидает Джима. Эти странные движущиеся контуры как-то сбили напряжение, лишили его сил. Он смотрит на скомканные пленки, но не может снова поймать ту внезапную ярость. Ей не следовало вмешиваться в его дела, но она не может манипулировать им. В конце концов, он, если захочет, всегда может купить еще.

– Ты не имеешь права портить мои вещи, – говорит он, но уже без былой уверенности.

– Мне плохо от них, – говорит она, смотря прямо на него холодными, голубыми глазами. – Ты не должен смотреть на шлюх.

– Это не твое... ладно, просто никогда больше так не делай. Никогда, ясно?

Она смотрит на него, глаза не движутся.

– Теперь ты меня оставляешь? Потому что я не позволила тебе, поэтому. Если бы я позволила тебе ночью, сейчас ты не был бы зол.

– Не начинай это сначала.

Джим надевает бейсбольную кепку. За ночь одна ноздря у него прочистилась. Пересохшая, ноющая – но дышащая. Маленькое чудо.

Они чистят телефоны в маленьких городках у шоссе. Белен, Бернардо, Сорокко... Правда, и последствия... Джим задал быстрый темп. Он думает о том, как заставить ее страдать. Просто высадить ее как-то недостаточно, это не вариант. Между ними идет борьба, и он не очень понимает правила.

Он не так много может сделать ей – молчание не смущает ее, пропущенного обеда она не замечает.

Он думает о сказанной ей фразе про ГУЛАГ. Джим представляет, что это такое – советский исправительный лагерь, серьезная штука. Настоящая. Он всегда ненавидел власти, но ему никогда не приходилось сидеть в тюрьме, напрямую сталкиваться с ними, идти против власти в открытую. Где-то в глубине сознания он понимает, что рано или поздно это произойдет какой-нибудь излишне внимательный клерк, хороший семьянин, уведомит полицию, вежливый инспектор с блокнотом: «Если Вас не затруднит, могу ли я взглянуть на ваше удостоверение личности, сэр?..»

А затем – допросы: «Вы действительно считаете, что мы поверим, что вы жили на доходы от ограбления телефонов-автоматов восемь лет?!»

– Прекрати!, – говорит Айрин.

– Что?

– Ты скрежещешь зубами.

– Ой.

Джим ведет машину на автопилоте, дорога под колесами как полузаметный пар. Внезапно окружающий их мир врывается в его сознание февральское небо, раскинувшаяся вокруг пустыня, указатель.

– Ух ты! – он бьет по тормозам. – Национальный Заповедник White Sands! Черт меня побери!

Он съезжает с магистрали, едет на восток по хайвею 70.

– Вайт Сэндз! Сколько лет я здесь не был! Не могу проехать мимо.

– Но ты говорил – мы едем в Эль-Пасо, – Айрин протестует.

– Ну и что? Вайт Сэндз – вне этого мира!

– Но все же ты говорил – Эль-Пасо.

– А плевать, мы можем делать все что хотим – никто не смотрит!. – Он улыбается, наслаждаясь ее растерянностью. – Вайт Сэндз – это фантастика, ты не пожалеешь об этом!

Она расстроена. Наконец произносит:

– В Вайт Сэндз – ракетный полигон.

– А, так ты уже знаешь, – говорит Джим без улыбки. – Плохо, Айрин, очень плохо. Я как раз собирался продать тебя Армии США, для тренировки в стрельбе.

– Что?

– Да, знаешь, Армия покупает русских и расставляет их на нулевой отметке. Я прикидывал – можно сделать три-четыре сотни.

Она лезет в сумочку за сигаретой.

– Очень смешно, Джим. Ха-ха-ха. Но я все равно не позволю тебе. Даже в пустыне. Где никто не смотрит.

– О Господи, расслабься, ладно? У тебя явно преувеличенное мнение о себе.

Вместо ответа Айрин выпускает дым поверх приборной панели, смотрит холодно и отстраненно.

Он давно не был в Вайт Сэндз. Гипсовые дюны, хрустальная пыль. Раньше здесь было морское дно, теперь оно само превратилось в море. Постоянные невидимые течения – слабый ветер медленно перекатывает песчаные волны.

Здесь есть жизнь – маленькие кусты и странные колючие травы, названий которых он не знает. Белое на белом на белом – а вверху – небо, облака на котором по контрасту кажутся серыми, небо, голубизна которого превратилась в цвет океана.

Джим платит за въезд. Они тихо углубляются в парк, миля за милей.

Наконец Джим глушит двигатель, выходит, хлопая дверью.

– Ты идешь?

Ему кажется, что она не сдвинется с места, будет сидеть с надутым видом. Но она выходит, обнимает себя руками. Джим запирает фургон, и они идут под пронизывающим ветром к горизонту.

Они поднимаются на дюны, Айрин со стоическим выражением идет в нескольких шагах за Джимом. Песок незаметно проникает повсюду, после мили ходьбы его по кружке в каждом ботинке.

Наконец они абсолютно одни. Никаких следов человека, ничего, кроме неба и песка. Они стоят на вершине дюны, Джим поднимает воротник кожаной куртки, Айрин приглаживает рукой волосы. Она бледна, ее куртка застегнута до горла.

– Здорово, да? – говорит Джим.

Она не отвечает.

Он поворачивается на месте, разводит руки, осматривает горизонт.

– Айрин, ты что-нибудь чувствуешь?

Она качает головой:

– Нет. Что я должна чувствовать?

– Это свобода. Именно так выглядит настоящая свобода. Никаких правил, никто не видит тебя. Нет законов, судов, добра и зла. Ничего нет, кроме тебя и меня.

– Неподходящее место для жизни. Наверное, подходящее для убийства.

– Да, лучшее стрельбище в мире. Именно поэтому Армия и использует его. Видишь тот куст?

Джим вынимает револьвер из правого ботинка, придерживает правое запястье левой рукой, медленно прицеливается.

Бам, бам, бам. Вокруг куста вырастают песчаные фонтанчики. Резкая отдача оружия, удар горячего металла о песок, чистый, как хрусталь, возбуждают Джима, как наркотик. Он улыбается и поворачивается к Айрин.

Ее револьвер был заткнут за ремень джинсов и прикрыт курткой. Сейчас он прямо напротив его груди.

Слепой восторг Джима исчезает, как сон. На его лице все еще держится глупая улыбка, в нем еще отдается смех. Он чувствует свое лицо, как маску из ощипанной куриной кожи. Он не может говорить, страх сдавил ему горло.

Настоящий страх, более настоящий, чем любое другое чувство.

Медленно, очень осторожно он опускает правую руку. Показывает на куст.

– Теперь твоя очередь, – выдавливает слова.

Айрин отводит от него дуло. Она держит револьвер в вытянутой руке, выпускает две пули, не целясь. Выстрелы оглушают его, на верхушке далекой дюны на мгновение вырастают два острых песчаных шпиля, как последние судороги подстреленного оленя.

Джим облизывает губы.

– Вот это меткость!

– Муж научил меня стрелять. Это его револьвер, он купил его. Он говорил, что ему нужно оружие для защиты от агентов КГБ. Или от американских бандитов. Пушка не помешает, так ведь?

– Да, я тоже к этому пришел.

– У тебя осталось три пули, – говорит Айрин. – У меня – только одна.

Они стоят на ветру.

– Холодно, – говорит Джим, все еще сжимая пистолет, – пойдем, что ли, в фургон?

Айрин взводит курок, проводит хромированным барабаном револьвера вдоль рукава куртки. Четкое, сухое пощелкивание фиксатора.

– Мой муж умер, – голос ее дрожит, – он совершенно не разбирался в оружии. Он не был… забыла слово… практическим?

– Практичным.

– Да. Для него револьвер был игрушкой. Для тебя тоже? Возможно, ты умрешь также, как он.

– Ты застрелила его?

– Нет. Он сам себя застрелил, когда чистил револьвер.

Без предупреждения она нажимает на спуск. Звонкий щелчок.

Айрин сжимает губы в тонкую улыбку, поднимает револьвер, аккуратно прицеливается в Джима:

– Попробовать еще раз?

– Нет. В этом нет необходимости.

– Что это значит?

Он говорит первое, что приходит в голову:

– Я не хочу, чтобы ты умерла.

Он не хочет, чтобы ОНА умерла? На редкость неподходящие слова для того, на кого нацелен револьвер. Но тем не менее в этом есть какой-то смысл.

– Я просто хочу, чтобы ты жила, – говорит он. – Мы оба. Мы будем жить, и все.

Она серьезно размышляет над этим.

– Дай мне ключи, – говорит она. – Эта пустота… хорошее место, чтобы поучиться водить машину. – Айрин слабо улыбается. – Тут я никого не задавлю. Сохраню чью-то жизнь.

Джим левой рукой выуживает ключи из кармана. Взвешивает их на ладони.

– Ты уверена, что найдешь дорогу назад одна? Тут далеко, и следов не остается. Вдобавок холодно и ветер.

В ней вспыхивает раздражение.

– Брось свой револьвер, – говорит она, мы пойдем вместе, пока я не увижу машину.

Джим подбрасывает ключи на ладони:

– Как-то это очень сложно.

– Брось револьвер.

Он поднимает левую руку, продолжая говорить:

– Знаешь, я могу бросить эти ключи. Они упадут в песок и, скорее всего, их засыплет. Ты останешься холодной ночью с запертой машиной.

– А ты будешь здесь мертвый, да? Вместо меня, как ты хотел. – Ее зубы стучат.

Джим очень плавно и медленно поднимает правую руку. Его кисть замерзла, он с трудом удерживает револьвер, ставший почти свинцовым. Отводит дуло в сторону, к пустому горизонту.

БАМ. Боковым зрением он замечает фонтанчик песка. БАМ.

Он прокручивает барабан о бедро. Колесо рулетки смерти.

– Теперь мы с тобой в одной лодке.

– Да.

– А, какого черта! – он бросает револьвер к ногам, широко разводит руки.

Объятие для ветра.

Сначала она ему не верит – смотрит, как будто это был фокус, волшебное движение – и он разнесет ее голыми руками. Он ждет.

Она, не отводя от него взгляда, бросает свой револьвер.

– Пошли, – говорит он и сбегает по склону дюны.

Она скользит следом, внизу ловит его руку. Лицо ее раскраснелось.

Внезапно он целует ее – даже не поцелуй, а быстрое, скользящее касание губ.

Приветствие – или попытка понять, на что это похоже.

– Я не хотел напугать тебя, – говорит он.

Айрин не отвечает.

– Я не сделаю тебе ничего. Я не для этого здесь.

– Да.

Солнце садится. Они замерзли и идут быстро. На мгновение ему кажется, что он потерял ориентацию, им не найти пути к фургону. Они вместе замерзнут, превратятся в мумий, медленно исчезнут под дюнами. Он ничего не говорит, плотно сжимает губы и продолжает идти.... и видит фургон.

Они залезают внутрь. Джим заводит мотор, включает печку.

– Мы можем спать сегодня в фургоне. Звезды в пустыне – это что-то.

Она протягивает руки к отверстию печки, поеживается.

– Я хочу уехать из этого места. Оно пугает меня.

– Прости, – говорит он. В его голосе все еще дрожь от удивления, что он еще жив. – Иногда меня заносит. Когда долго живешь один... и пустыня странно влияет на людей.

– Тринити, – говорит она.

– Что?

– Проект «Манхэттен». В Лос-Аламосе. Американцы, одни в пустыне...

– А. Да, мы это изобрели.

– А теперь это везде, – говорит она. И смотрит вокруг: на песках тени, как синяки. – Джим, давай уедем отсюда.

– Хорошо. – Он включает передачу.

Джим ищет их следы в лучах фар, Айрин сжалась, молчит, загнанная, ни в чем не уверенная. Они проезжают вход в парк, выезжают на асфальт. Джим давит на педаль до пола.

– Хочу добраться до Эль-Пасо. – Он вспотел, подмышки чешутся. – Мы можем поспать здесь. Хотя я могу ехать всю ночь. Представляешь себе Техас? По Техасу можно ехать всю жизнь.

Чтобы разрушить тишину, он достает кассету, смотрит на обложку. Почему-то кассета вызывает у него отвращение. Он слышал это тысячу раз, прятался в этой музыке – но сейчас это чувство просто исчезло. Как если съесть слишком много шоколада.

Джим понимает, что ему плохо. Он роняет кассету, откидывается, вцепляется в руль. Его укачало, мутно и плохо.

– Сделай мне одолжение – найди что-нибудь по радио, – говорит он.

Айрин крутит ручку настройки. Треск, далекое сдавленное бормотание, шипение космоса. Звуки хаоса.

– Хватит, – говорит он.

– Нет. Прислушайся.

– Нет! – он выключает радио. – Давай просто ехать.

Он разгоняется до 70.

– Джим, послушай!

– Что еще?

– Что-то случилось с дорогой.

– Что ты несешь? Это чертов хайвей, что с ним может случиться? – Он сжимает руль, мчится в белом потоке света.

Шорох шин исчезает. Не чувствуется тяги двигателя. Джим дважды резко нажимает на газ, мотор взревывает, как будто выключена передача. Он дергает рычаг, чувствует зацепление шестерней.

– Что за черт?

– Здесь нет дороги, – говорит она.

– Дорога должна быть! – Он давит на тормоз. – Господи, я ничего не чувствую!

– Мы летим, – говорит она.

Джим протирает запотевшее ветровое стекло. Перед ними – серость, туман, шипящие точки. Фургон – как кабина лифта, стальная коробка, скользящая в пустоте между этажами.

– Мы потерялись, – грустно говорит Айрин. – Все кончилось, ничего нет больше.

Джим снимает руки с руля. Тот сам слегка поворачивается, как стрелка компаса. Внезапно он снимает ноги с педалей, как будто они могут его укусить.

Он поворачивается к Айрин. В глазах его слезы – страх, грусть. Потеря.

– Что это за место?

Она пожимает плечами. Фатализм, следующая за отчаянием

ступень. Он понимает, что это место ему знакомо. Оно им обоим знакомо, они очень хорошо знают его. Это конечная точка их маршрута, сюда они ехали всю дорогу, всю жизнь. Это конец мира.

Он трогает оконное стекло, ручку двери.

– Не выходи, – предупреждает Айрин.

Металл дверной ручки холодом обжигает пальцы.

– Да, пожалуй, не стоит. – Он вытирает глаза под очками. – Господи, как же мне плохо.

Руль плавно поворачивается туда-сюда.

– Я открою окно, – внезапно говорит Джим, – посмотрю наружу.

– Зачем?

– Зачем? Природа у меня такая, вот зачем. – Он приоткрывает окно.

Снаружи очень плохо. Нет воздуха, нет ничего – только электрический снег статики. Стальная коробка фургона стала частью хаоса. Он поднимает затемненное стекло. Тишина.

– Что там?

– Не знаю. Непонятно. Снег. Ничего. Вообще ничего – и одновременно что-то. Понимаешь меня?

Она качает головой.

– Это конец?

– Возможно. Но мы еще движемся. – Он почесывает подбородок. – Еще живы, говорим.

Он берет ее за руку.

– Чувствуешь?

– Да.

Она что-то говорит по-русски.

– Что это?

– Пойдем назад. – Она тянет его за руку. – Пойдем назад, вместе. Я позволю тебе, Джим.

Он не понимает, почему она считает, что это может чему-то помочь. Но спрашивать тоже нет смысла. Что-то в этом есть. Терять уже точно нечего.

Они перебираются назад, раскатывают спальный мешок, снимают часть одежды, залезают внутрь. Тесно, неудобно, всюду колени и локти.

Они делают это. Не лучшим образом. Тесно, напряженно, тяжело. Они тяжело дышат, пробуют еще раз в другом положении. Получается лучше.

Они очень устали. Они засыпают.

Джим просыпается. Фургон залит солнечным светом. Он расстегивает мешок, выбирается из него, натягивает джинсы.

Айрин просыпается, у нее затекла спина, она с трудом распрямляется, приподнимается на локте.

Она растирает кожу головы, как будто та болит.

– Я пила?

– Нет. Хотя, возможно, стоило бы. – Джим ищет ботинки. – Ты когда-нибудь расслабляешься?

– Прекрати, Джим, – она раздражена, – сначала ты расслабься.

Она встает.

– У меня кружится голова.

Она находит рубашку.

Джим выглядывает наружу.

– Мы на шоссе, припаркованы.

Он открывает заднюю дверь, выходит на обочину. Сухой пустынный воздух, горизонт украшен кактусами, под ногами – старые пивные банки.

Он разводит руки, глубоко вдыхает, потягивается, хрустит позвоночником.

Он прекрасно себя чувствует.

– Похоже, мы недалеко от Эль-Пасо. – Сопит носом. – Ух ты! У меня прошла простуда!. – Барабанит по груди. – Замечательно!

Айрин вылезает, ставит прислоняется к бамперу. Смотрит вверх.

– Что это там, в небе?

– Инверсия. След от реактивного самолета.

Она протягивает его очки.

– Посмотри получше.

Джим надевает очки, смотрит в небо. Голубая чаша неба кажется поцарапанной, покрытой паутиной. Тонкие нити, капилляры.

– Черт меня побери. Никогда такого не видел.

– Кто-то едет, – говорит Айрин.

Приближается старый грузовичок. К его крыше что-то приделано – что-то ветвящееся, похожее на корневище. По мере приближения это превращается в перепутанные, сплетенные нити.

За рулем грузовичка пожилой фермер в очках и грязной шляпе. Нити приходят к нему, окружают его, как аура.

Он снижает скорость, смотрит на них настороженно. В конце концов, это пустыня. Джим кивает ему, широко улыбается, фермер машет мозолистой ладонью, слегка кивает.

Они смотрят, как он удаляется.

– Замечательно! – комментирует Джим. Колоритный старик!

– Я проголодалась! – говорит Айрин. – Хочу большой завтрак

– яичницу, гренки!

– Отличная идея. Поехали!

Они садятся, Джим заводит мотор, включает радио, пропускает сводку новостей, настраивается на бодрую аккордеонную музыку.

Их обгоняет туристический автобус. Он полон и над ним, как лес, колышутся нити – синие, зеленые, они поднимаются к небу, петляют, сверкают на солнце.

– Ты тоже видишь это? – спрашивает Джим.

Она кивает:

– Нити. Да, Джим, я вижу их.

– Просто хотел проверить. – Он потирает небритый подбородок. – Как думаешь, что это такое?

– Это – правда, – отвечает она. – Мы можем видеть правду. Так устроен мир, все взаимосвязано.

– Странно выглядит.

– Да. Но красиво.

Джим кивает. Его это не пугает. Это было вокруг них давно – просто раньше они не видели.

Айрин проводит рукой надо его головой.

– У тебя мало связей, Джим. Несколько волосков – как лысина.

Он смотрит на нее.

– У тебя тоже. Мы не включены в эту сеть, как большинство людей. Может быть, поэтому мы ее и видим – как бы смотрим со стороны.

Айрин смеется.

– Легко видеть, если ты знаешь об этом. Я чувствую это!

Он поворачивается к ней.

– Я тоже.

Что-то исходит из него, сильное и горячее. Как струя пара. Он трогает ее рукой – это как ловить луч солнца или трогать звук.

Струя движется к Айрин и переплетается со струей, исходящей от нее.

Внезапно воздух полон ею, прочные нити цвета ее глаз. На мгновение все превращается в хаос, масло в воде.

С неожиданной легкостью и грацией все успокаивается и находит свой порядок. Любовь, страх и ненависть. Власть, притяжение… Хаос исчезает, остаются новые связи – тонкие, как плохие воспоминания. Видимые только под определенным углом.

Но они чувствуют их. Связь между ними очень прочная.

Пуля, начиненная гуманизмом

Сниффи привиделась хрустальная вазочка с шариками восхитительного, чуть подтаявшего, бананового мороженого, посыпанного молотым арахисом. Но чудесный сон был грубо нарушен. Над самой крышей истошно ревел турбинами громадный вертолет. Толком еще не проснувшись, Сниффи скатился с кровати на пол, заполз под ржавую панцирную сетку и замер среди пыли и мусора. За ним охотятся! В груди гулко стучало сердце. Немного погодя, Сниффи почти овладел собой. Ведь он ребенок, так? А кому нужен ребенок?

Свист и рокот вертолета мало-помалу затихли вдали. Сниффи вылез из-под кровати и, чуть-чуть раздвинув светомаскировку, осторожно выглянул в окно. В безоблачно-голубом утреннем небе не было ни пятнышка.

Сниффи почувствовал голод. Конечно, мороженое давно стало легендой, но есть все равно что-то нужно. Сниффи натянул разбитые кроссовки, вылинявшие джинсы и рваную футболку. В брошенном двухквартирном доме на Бруксе он поселился после того как покровительствующие ему бандиты из Торговой Палаты недели две назад захватили эту и прилегающие к ней улицы. Сниффи выволок из-под задней лестницы порядком тронутый ржавчиной велосипед, водрузил поперек руля бейсбольную биту с автографом некогда знаменитого, а теперь позабытого игрока, вскочил в седло и направился к университетскому городку.

Пригород Западного Роли все более превращался в дремучий лес. Многие годы деревья здесь не вырубали, и теперь высокие сосны подпирали небо своими вершинами, а под ними, жадно ловя редкие лучи света, жались дубы и клены. Над самыми узкими улицами мощные ветви, переплетаясь, образовывали толстый зеленый полог – весьма удобное прикрытие от вертолетов.

Перекресток Брукса и Уэйда перегораживали три сгоревших грузовичка с наваленными в кузова дырявыми мешками с песком. Бока давно превратившихся в металлолом машин покрывали полные злобы и болезненного хвастовства надписи, вкривь и вкось начертанные боевиками из местных отрядов самообороны. За грузовиками затаились два бандита, пристально вглядывающихся в верхушки деревьев, хотя вертолета слышно не было.

Сниффи остановился, прислонил велосипед к покосившемуся пожарному гидранту и дальше последовал пешком.

Оказалось, что обоих бандитов он знает. Широкоплечего

звали Трампом. На нем были грязные, латаные-перелатанные джинсы и рубашка, на голове – алая бейсболка с изображением угрюмого волка, с поясного ремня свисала черная лыжная шапка. Глядя на молодое лицо Трампа, Сниффи попробовал догадаться, сколько тому на самом деле лет. Сорок? Пятьдесят? Шестьдесят пять? Представить, что этот головорез с жидкой бороденкой гораздо старше, чем выглядит, было невозможно.

На краю изрешеченного кузова «тойоты» лежали ветошь, длинный латунный шомпол и банка вонючего растворителя, с помощью которых напарник Трампа чистил штурмовую винтовку. На спине его форменного камуфляжного жилета красовалась кличка «Гетти», вышитая либо его девчонкой, либо матерью, либо даже бабушкой. Запихав кусок ветоши в ствол винтовки, Гетти сказал:

– Пригибайся пониже, малыш, а то не ровен час пулю схлопочешь!

– Что-то случилось? – с наивным видом поинтересовался Сниффи.

– С самого утра тут кружит неизвестно чей вертолет, – ответил Трамп.

– Может, это вертолет Национальной Гвардии? – предположил Сниффи.

– Вряд ли. Скорее, европейцев. На нем я заметил, вроде бы, швейцарский флаг. Белый крест на красном поле. Город осматривают, заразы, – мрачно изрек Гетти.

Пока они разговаривали, вертолет вернулся и, свистя лопастями всего в сотне ярдов над верхушками деревьев, пролетел прямо над ними. Сниффи инстинктивно бросился на покрытый трещинами асфальт, но, приподняв голову и прищурившись, разглядел, что вертолет грузовой, а не военный. Меж тем люк вертолета распахнулся, и в небе закружилось желтое облачко. Поток воздуха от винта, ударив по облачку, разметал его на отдельные листки, и они устремились вниз, навстречу деревьям и улицам. Вертолет, сделав круг, выбросил еще партию листков и скрылся за домами.

Над перекрестком порхало несколько листков. Сниффи поймал один прямо в воздухе и увидел отпечатанный на дешевой газетной бумаге портрет лысого мужчины в очках с толстыми стеклами. Подпись под портретом гласила:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ! РАЗЫСКИВАЕТСЯ! РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

Сидни Джи Хаверкемп – естественный возраст 42 года, волосы светлые, рост 162 сантиметра, вес 84

килограмма. В недалеком прошлом Хаверкемп был доктором биохимии и действительным членом общества по исследованию человеческих возможностей.

Служба Здравоохранения Европейского Сообщества гарантирует вознаграждение в пятьдесят ампул омолаживателя любому, кто доставит доктора Хаверкемпа живым и невредимым.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ! РАЗЫСКИВАЕТСЯ! РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

– Черт возьми, – пробормотал Гетти. – Европейцы, и те разыскивают Хаверкемпа.

– Целых пятьдесят ампул! – Трамп мечтательно закатил глаза. – Года два-три жизни, не меньше.

– Подумаешь, пятьдесят ампул. – Гетти презрительно сплюнул. – Умник, что изловит Хаверкемпа, загребет столько омолаживателя, сколько захочет.

– Всякому известно, что Хаверкемп мертв, – твердо заявил Сниффи. – Мертв давным-давно.

– Ты что-то путаешь, парень, – серьезно возразил Гетти. – Хаверкемп живет в Коста-Рике. Говорят, он заправляет несметными отрядами накачанных дурманом парней, и в его власти – вся страна.

– А я слышал, что его держат люди из Продовольственной Программы в старой тюрьме где-то на Западе, – поделился Трамп.

Гетти, еще раз изучив листок, сказал:

– Чертовы европейцы! Напишут же! Сто шестьдесят два сантиметра! Что за сантиметры такие?

– А как, по-твоему, Сниффи, если по-человечески, то какого Хаверкемп роста? – спросил Трамп.

Сниффи небрежно запихал листок в карман джинсов. Под пристальным взглядом Трампа ему сделалось не по себе, и он потерянно забормотал:

– Думаю, ростом он – дюймов шестьдесят пять – шестьдесят шесть. Гляди-ка, патруль пожаловал!

И действительно, на гребне ближайшего к востоку по Уэйд-Авеню холма показались четыре фургона. Окна фургонов были закрыты ставнями из стальных полос, на раскачивающихся антеннах мотались флажки с черными остроугольными буквами УОЛ на красном фоне. Всякому сразу становилось ясно, что патруль принадлежит Университетской Оборонной Лиге. Фургоны спустились к подножию холма и встали, не глуша двигателей. Видимо, вскоре патрульные убедились, что обстановка здесь спокойная, и в первом фургоне отворилась

боковая дверца. Наружу высунулся толстый парень в кожаном шлеме и драном пиджаке, проворно сгреб несколько листков с мостовой и, поскорее убравшись в безопасное чрево машины, гулко захлопнул тяжелую дверцу.

Сниффи, Гетти и Трамп перевели дыхание.

– У университетских кишка тонка для ближнего боя, – с расстановкой проговорил Трамп.

– Что с них возьмешь?! – с холодной ненавистью произнес Гетти. – Одно слово, интеллектуалы! Хотят жить вечно!

Что правда, то правда, яйцеголовые из Лиги действительно избегали ближних боев. Несколько месяцев назад, не поделив что-то с Черными Беретами, они полдня методично обстреливали центр Западной Роли из 105-миллиметровых орудий, установленных на верхних этажах небоскреба в северной части университетского городка, но даже затем руины штурмовать не стали. Вполне возможно, что и утренний облет был совершен по просьбе Лиги.

Гетти помыл руки, перепачканные ружейной смазкой, под струей коричневатой воды из пластиковой бутыли и придирчиво осмотрел пальцы. Ногти и прежде выглядели неважно, а теперь их еще и разъел растворитель. На большом пальце правой руки ноготь вообще треснул пополам. У самого Сниффи ногти давно стерлись до самого мяса, и, хоть он и носил безумно дорогие искусственные, кончики пальцев все равно давно превратились в уродливые мозоли. Да и с волосами на голове творилось что-то неладное. Вот уже год они оставались короткими, пшеничного цвета завитушками длиной всего в два дюйма, но зато Сниффи не приходилось заботиться о прическе.

Влажный ветерок, прошелестев в ветвях дуба, бросил Трампу под ноги очередной листок. Тот поднял его, еще раз бегло просмотрел текст объявления о розыске и, наколов листок левым глазом Сидни Хаверкемпа на ржавую антенну «тойоты», спросил:

– А может, поиски Сидни Хаверкемпа европейцы используют лишь как прикрытие? Может, в действительности они замышляют проникнуть в глубь страны и захватить нас?

– Лучше бы им сюда не соваться, – авторитетно заявил Гетти.

Послышался протяжный автомобильный гудок. Это, следуя давно заведенному обычаю, водитель за квартал до блок-поста нажал на клаксон. Трамп поспешно натянул на лицо лыжную шапочку с прорезями для глаз и, выпятив грудь, вышел на дорогу. С тыла, вооруженный автоматической винтовкой М-16, его прикрывал Гетти.

– Эх, мне бы пушка тоже не помешала, – завистливо пробурчал Сниффи.

– Не лезь в дерьмо, парень, целее будешь, – посоветовал ему Гетти.

К перекрестку подкатил бронированный фургон. В нем сидели служащий кентуккской компании по продаже бройлеров и охранник. Бандиты, хотя и обрадовались жареной курятине, пропуск для порядка потребовали.

Торгаш, порывшись в кожаной сумке, вытащил толстую пачку пестрых листков и листочков. Здесь нашлись пропуска и Университетской Оборонной Лиги, и Коричневых Беретов, и Департамента полиции Роли, и Добровольческих Христианских Отрядов, и Наблюдательного Совета Бевелью, и Народного Фронта Освобождения Графства Робсон, и даже жеваные листочки крошечных вооруженных группок, подчинивших себе всего один-два квартала.

– В ваш конец города залетал вертолет? – поинтересовался Трамп.

– Да, сэр. Листовки разбрасывал. Кажется, потом вертолет приземлился за университетом.

– Как думаешь, отыщут европейцы старика Хаверкемпа?

Торговец, хрипло рассмеявшись, кивнул на своего телохранителя и сказал:

– Бобби считает Хаверкемпа антихристом.

– Точно, ведь у него, как у антихриста, пять глаз и девять рогов, – подтвердил Бобби – чернокожий гигант с изувеченным, почти лишенным подбородка лицом. По-видимому, Бобби наткнулся на прыгающую мину. Неудивительно, что, по его мнению, конец света уже наступил.

– Отыскать его по таким приметам будет несложно. – Трамп улыбнулся собственной остроте.

Наконец в пачке был найден пропуск Торговой Палаты, но он оказался просроченным.

Трамп достал из кармана чистый бланк, от души шлепнул по нему резиновой печатью и выдал торгашу в обмен на пять старых серебряных четвертаков пошлины. После окончания этой процедуры Сниффи приблизился к машине и, просунув белобрысую голову в окошечко, спросил:

– У вас куриная печенка найдется?

Бобби выпучил глаза.

– А у тебя и деньги водятся, малыш?

– У меня с собой двадцать миллиграммов. Меняю на полуторакилограммовую упаковку печенки.

Услышав про двадцать миллиграммов, Бобби притих. Торговец открыл фургон и, получив от Сниффи самодельную ампулу, вручил ему картонную коробку с замороженной куриной

печенкой.

Фургон покатил к следующему блок-посту, старательно объезжая колдобины, а Трамп, задумчиво глядя на Сниффи, пробормотал:

– Похоже, парень, у тебя всегда при себе лишняя ампула с омолаживателем.

– Причем стабильно отменного качества, – буркнул Гетти.

Листки с проклятого вертолета, несомненно, пробудили в бандитах подозрительность.

– Все дело в моем нюхе, – с запинкой ответствовал Сниффи. – Хоть я и ребенок, но легко распознаю качество товара по запаху. Если бы не я, вы бы, парни, все время нарывались на омолаживатель-суррогат. – Привязав коробку к багажнику велосипеда, он добавил: – Хотите куриной печенки? В ней прорва полезного для костей железа.

– Ты и в продуктах разбираешься? – удивился Гетти.

По спине Сниффи покатились капельки холодного пота. Напрасно он распустил язык. Сниффи, сжав правой рукой ручку бейсбольной биты, прикинул расстояние до банки с растворителем. Если плеснуть растворитель Гетти в лицо, то, возможно, удастся треснуть Трампа по лбу прежде, чем тот выстрелит... Сниффи мысленно приказал себе не паниковать. Вряд ли бандиты что-то заподозрили. Опять воображение играет с ним злые шутки.

– Пока, парни, мне пора, – быстро проговорил Сниффи и, собрав волю в кулак, повернулся к бандитам спиной, не спеша взгромоздился на велосипед и надавил на педали.

Отъехав подальше и убедившись, что с блок-поста его не видно, Сниффи крадучись пересек Уэйд и оказался на территории Университетской Оборонной Лиги. Ему, конечно, вообще не следовало возвращаться в Роли, но очень уж хотелось знать, что творится в городе, да и прятаться на вонючей ферме порядком надоело. К тому же прекрасное знание города, в лаборатории которого он проработал много лет, свело риск к минимуму. Да и вообще, чего бояться? Голова у него работает отменно, закаленные ежедневным риском нервы тоже вряд ли подведут.

Сниффи поехал медленнее. Вокруг царило запустение. Под толстым слоем опавшей листвы предательски скрывались обломки кирпичей, куски осыпавшейся штукатурки и проржавелые останки рухнувших водосточных труб. Заброшенные блиндажи и доты в этой части города были оплетены зелеными гирляндами вьюна, стены, двери и оконные рамы многих домов зияли пулевыми отверстиями, а крыши были разнесены ракетами

и артиллерийскими снарядами.

Вскоре Сниффи достиг кварталов, окончательно не покинутых людьми. К его удивлению, жители Роли постепенно усвоили трудную науку выживания в условиях почти непрерывных вооруженных стычек. Двери уцелевших домов были тщательно обиты стальными листами и надежно заперты на засовы, стекла на окнах заклеены крест-накрест бумажными полосами, пустые проемы забиты досками и фанерой. Среди огородов, курятников и водяных цистерн виднелись бомбоубежища и траншеи. Каждый день в дома на два-три часа подавалось электричество, а раз в неделю – вода. В отдельных районах города установилось подобие нормальной жизни. Почти на всех домах красовались нанесенные краской из пульверизаторов эмблемы УОЛ, а самые отчаянные жители, плюющие на бесчинства Национальной Гвардии, вывесили даже флаги Северной Каролины.

В восточной части университетского городка, по местным понятиям, вообще жизнь била ключом – кто-то что-то тащил в дом, кто-то что-то строил, кто-то копошился на собственных чахлых огородиках, а возле баптистской церкви Сниффи даже увидел, как управляющий Лиги раздает небольшие дозы омолаживателя университетского производства дюжине горожан преклонного возраста. В прежние времена, когда существовала Федеральная программа здравоохранения, поддерживаемая Центральным правительством, все старики получали инъекции регулярно. Правда, уже тогда злые языки поговаривали, что омолаживатель хоть и творит чудеса, избавляя людей от недугов и возвращая в их тела молодость и здоровье, но быстро вызывает болезненное привыкание к себе. Одно время ходили даже неправдоподобные, по мнению Сниффи, слухи о том, что регулярно принимающие омолаживатель становятся агрессивными, безжалостными, не дорожащими ни своей, ни чужими жизнями. Впрочем, кое у кого омолаживатель действительно вызывал непредвиденные побочные эффекты.

Вот и сейчас наметанный глаз Сниффи различал людей, которые испытали на себе эти эффекты. Например, белокурая девочка выставляла напоказ свои стройные ноги, но даже блузка с пышными воланами и свободная ветровка были не в силах скрыть горб – результат запущенного случая разрушения костей. А вот замер, опираясь на тяжелую трость, хмурый гладколицый старикашка. Ясное дело, у него прогрессирующий артрит. В прежние времена Сниффи отдал бы правую руку, чтобы заполучить подобных уродов для исследований в свою лабораторию, но даже тогда желающих войти в контрольную

группу не находилось. Неудивительно, ведь стареть никому не хотелось. Чтобы остаться навсегда молодым, достаточно было лишь с юных лет регулярно колоть себе омолаживатель. Правда, не у каждого это получалось, поскольку медикамента на всех не хватало, дозы день ото дня дорожали, и молодыми оставались лишь те, кто обладал обширными связями или огромными деньгами. Но урвать себе долю омолаживателя жаждал всякий. Те, кому это не удавалось, взялись за оружие. По всей стране возникли отряды самообороны и просто банды, охотящиеся за препаратом. Полиция и Национальная Гвардия превратились в преступные вооруженные формирования, наживающиеся на перепродаже и производстве зелья. Правительство, лишившись опоры силовых структур, в одночасье пало. В стране воцарилась анархия…

Повсюду валялись проклятые желтые листки. Усилием воли заставив себя не обращать на них внимания, Сниффи проехал вдоль оплетенной колючей проволокой лужайки к бетонным лотам Лиги и помахал рукой часовым, засевшим за мешками с песком у ворот, и снайперам на вышках. Охранники без вопросов пропустили его, безобидного мальчишку, в лагерь. Проехав по Пуллен, Сниффи слез с велосипеда и спрятал его в кустах у насыпи. Дальше тянулся поселок беженцев – заброшенное футбольное поле, усеянное хижинами и потрепанными вылинявшими палатками. Пройдя по периметру поля, Сниффи попал на территорию госпиталя Красного Креста. Минут через десять в одной из палаток он отыскал доктора Сесили Рассел, славящуюся на всю округу тем, что она вопреки запрету руководителей Лиги, защищающей госпиталь, лечила бесплатно абсолютно всех. Сесили, сидя за грубо сколоченным деревянным столом поедала скудный завтрак – горстку вареного коричневого риса.

– Привет, Сесилия! – воскликнул Сниффи.

Она, смерив его хмурым взглядом, отрезала:

– Я тебя сто раз просила, зови меня доктором Рассел.

Волосы ее утратили блеск, оправа очков держалась на проволочке и куске бинта, белая блузка после множества операций была запятнана кровью. Сниффи в который уже раз подумал, что, когда ей было тридцать пять, она выглядела куда привлекательнее, чем сейчас, став двадцатилетней.

– Чего ты злишься, Сесилия?

– Уходи, Сидни.

Сниффи с подозрением огляделся и, убедившись, что ее никто не слышал, прошипел:

– Не называй меня так.

– Так кто же из нас злится?

– Я принес тебе куриную печенку. Тебе или детишкам беженцев… Кому она достанется, решишь сама.

Сниффи положил коробку на стол, сел рядом с Сесилией на перенесенную сюда садовую скамейку и сунул пригоршню холодной печенки себе в рот.

– Зачем ты принес это?

– Печенка тебе полезна. В ней масса железа, а у тебя в крови недостает красных кровяных телец.

– Задобрить меня пытаешься?

– Может быть, может быть, любовь моя.

– Опять ерунду порешь.

– Просто мне хотелось сделать тебе приятное, Сесилия. Почему, сам не знаю. Я живу по принципу «живи и радуйся жизни».

– Ты не думаешь о будущем.

– А к чему думать о будущем. Ведь мы бессмертны.

– Разве?

– Конечно, ведь за последние годы мы не только не постарели, но и стали моложе.

– Непостижимы мысли человека, желающего вечно оставаться двенадцатилетним.

– Страховка еще никому не вредила. А сей юный возраст я выбрал впрок, про запас. Неизвестно ведь, как будут идти поставки омолаживателя.

– А тебе разве не хочется достичь половой зрелости?

Сниффи сумел сохранить хладнокровие.

– Половой вопрос меня не волнует.

Доктор Рассел замерла, уставясь в миску, затем вынула ложкой что-то из риса и с брезгливой гримасой отшвырнула в сторону. Наверное, ей попался таракан. Сниффи достал из кармана листовку, расправил ее и положил на стол перед Сесилией.

– Сесилия, что ты думаешь о летавшем сегодня вертолете?

– А зачем мне о нем думать?

– Похоже, европейцы затеяли охоту на всю нашу прежнюю команду. Но, думаю, и на этом они не успокоятся. Не исключено, что, начав с Роли, они попытаются захватить всю страну.

– По мне, так пусть себе захватывают. Быть может, порядок здесь наконец-то наведут.

– Тебе что же, свобода не дорога?

– Мне дороги мир, законность и гарантированное здравоохранение.

– Со временем здесь и без европейцев наладится жизнь.

– Когда наладится? Через сотню-другую лет?

– Да хоть через сотню-другую. – Сниффи пожал плечами. – Куда нам спешить?

– Через сотню-другую лет, дурачок, мы оба будем давным-давно мертвы!

Сниффи рассмеялся.

– Если мы и умрем, то уж точно не от старости.

– Напрасно веселишься. Ведь после того как во внутреннем дворе университета приземлился один из вертолетов европейцев, тебе не позавидуешь.

– А что европейцы здесь позабыли?

– Они горят желанием то ли препарировать тебя, то ли арестовать.

– Арестовать меня? Но за что? Ведь я преступлений не совершал.

– Оставь меня в покое, – сказала Сесилия, не скрывая отвращения.

Бедняжка Сесилия была бесхребетной интеллигенткой с узкими взглядами на жизнь.

Она знать не желала, что, разработав омолаживатель, Сниффи всего лишь выполнил работу, заказанную преуспевающими медицинскими компаниями.

– Сесилия, давай решим, что нам делать дальше.

– Возвращайся на ферму, а я тебя не выдам.

– Разумеется, не выдашь. Куда ж ты денешься?

– А с чего это ты рассчитываешь на мою помощь? – спросила Сесилия, разглядывая листок.

– Ты уже позабыла про куриную печенку и про инъекции?

– К черту твои инъекции!

Сниффи бережно извлек из кармана джинсов пузырек, отвинтил крышку и, демонстративно принюхавшись, прошептал:

– Чистый омолаживатель. Обезвоженный, с характерным запахом. Высшая проба!

– Уходи. – В голосе Сесилии явственно прозвучало отчаяние.

Сниффи заметил на ее висках бисеринки пота. Несомненно, ее организм требовал новой дозы дурмана.

– Тебе не обойтись без очередного вливания, – сказал он. – Подумай, сколько больных погибнет, если ты ослабнешь или заболеешь.

– Уговорил. Но не здесь же...

Сниффи быстро оглядел обширное помещение госпитальной палатки. Повсюду на складных койках под одеялами цвета хаки лежали перевязанные окровавленными бинтами раненые. Никого постороннего и ничего подозрительного.

– Я быстренько уколю тебя в бедро, а ты мне дай несколько медицинских игл. А то мои совсем затупились.

– Ничего ты от меня не получишь!

– Да ладно тебе, Сесилия. У тебя же куча игл, ты как-никак руководишь госпиталем Красного Креста.

– Иглы предназначены только для тяжелобольных и умирающих.

– Без очередных доз омолаживателя мы все умрем естественной смертью. Такова логика жизни. Верно?

Сесилия уныло кивнула и провела Сниффи в операционную, отделенную от палат брезентовым пологом.

– Ты молод только внешне, но ум и опыт у тебя как у взрослого мужчины, – злобно прошептала она. – Так и не корчи из себя мальчишку, веди себя соответственно возрасту.

– Теория Фрейда ко мне не подходит. А вот у тебя, согласно этой теории, явная склонность к самопожертвованию и самоубийству.

Доктор Рассел, прикусив нижнюю губу, повернулась к Сниффи спиной, приспустила брюки и слегка нагнулась. Сниффи достал шприц, набрал в него жидкость из баночки прямо через крышку и, слегка шлепнув Сесилию по ягодице, вонзил иглу.

– Черт! Игла-то у тебя тупая!

– Я предупреждал!

Они вернулись на скамейку перед деревянным столом. Сниффи принялся с интересом наблюдать за действием дурмана. Вскоре на бледных щеках Сесилии проступил румянец, руки задрожали. Пытаясь скрыть довольную усмешку, она встала, потянулась и зевнула.

У входа послышался топот, а через секунду в палатку вошли люди в форме. Европейцы! Сниффи юркнул под стол, переполз в операционную и стал украдкой наблюдать. Доктор Рассел встала навстречу гостям – двум рядовым, вооруженным миниатюрными автоматами французского производства, и сержанту с тяжелым, будто вытесанным из гранита подбородком. Один из солдат толкал перед собой тележку из нержавейки, уставленную белыми баночками с латинскими надписями и красными крестами на этикетках.

– Кто вы? – несколько громче, чем требовалось, спросила Сесилия. – И что вам здесь нужно?

– Вы доктор Сесилия Рассел? Руководитель этого госпиталя?

– Да.

– Мы прибыли к вам, доктор Сесилия Рассел, с миссией дружбы и доброй воли. Наш шеф, герр Шпитцлер из Европейского Красного Креста, передает вам наилучшие пожелания и просит

принять в дар вот эти медикаменты. – Сержант указал на тележку.

– А медицинские иглы вы привезли?

– Да.

– А антибиотики?

– Тоже.

– Отлично. И чем же я могу вам помочь?

– Нам хотелось бы заручиться поддержкой местных добровольческих отрядов. Мы надеемся полностью прекратить здесь боевые действия и наладить экономические отношения между... – Взгляд сержант упал на стол, и он на секунду запнулся. – Вижу, к вам уже попали наши листовки. Быть может, вы знаете, где разыскать доктора Хаверкемпа?

– Да он, поди, давно уже мертв.

– По нашим сведениям, он все еще жив.

– Я не видела доктора Хаверкемпа вот уже многие годы. А зачем он вам?

– Предпочел бы не отвечать на ваш вопрос. Впрочем, достаточно и того, что он – преступник.

– Я... Э-э-э... – Сесилия, на секунду запнувшись, добавила: – Медицинские исследования, которыми занимался Хаверкемп, по-моему, были вполне законными.

– В своих исследованиях он проявил преступную халатность.

– И что же вы с ним сделаете, если поймаете?

– Пустим ему пулю меж глаз. – Сержант с усмешкой ткнул указательным пальцем себе в переносицу. – Вот сюда. Но пуля будет не свинцовая, а с зарядом гуманизма.

Сниффи счел, что услышал достаточно. Пора было сматываться из госпиталя.

Проскочить мимо солдат было нереально. Это же не олухи из добровольческих отрядов и банд, а настоящие профессионалы, каких здесь давно не видели.

Привезенная солдатами тележка с медикаментами стояла совсем рядом. Сниффи высмотрел на ней скальпель. Если удастся завладеть скальпелем, то можно будет прорезать дыру в задней стенке палатки и выскользнуть незамеченным.

Сниффи ползком залез под тележку и высунул руку, но нашарить вслепую скальпель ему сразу не удалось. Немного выждав, он сделал вторую попытку. Его рука уже коснулась холодной ручки скальпеля, как вдруг кто-то грубо сжал его запястье и выволок из-под тележки. Солдат-европеец!

– Кто этот мальчишка?! – рявкнул сержант.

Сесилия, охнув, взволнованно запричитала:

– Это мой сын Чип. Чип, радость моя, зачем ты залез туда?

– Прости, ма. Мне было интересно.

– Запомни, сынок, что именно любопытство сгубило кошку.

– Герр Шпитцлер не говорил нам, что у вас есть сын, – заметил сержант.

– Так он и не знал о моем сыне.

Сниффи решил, что настало время разыграть комедию, и, извиваясь в руках солдата, заверещал:

– Мистер, мистер ведь вы не сделаете мне больно? Ведь не убьете меня?

– Отпусти его, – скомандовал сержант.

Солдат выполнил приказ, но остался в шаге за спиной Сниффи.

– Спасибо, сержант. – Сниффи одернул футболку. – А то я уж испугался, что угодил в лапы к фашистам.

Сержант удивленно уставился на Сниффи.

– Сколько тебе лет, парень?

– Двенадцать, сэр.

– Следовательно, ты не можешь знать, каким был мир прежде, чем доктор Хаверкемп сделал свое злосчастное открытие. Откуда же тебе известно о фашистах?

– Нам о них рассказывали в школе.

– Все школы давным-давно закрыты.

– Меня обучала мама.

– Он очень способный ребенок, – пояснила Сесилия.

– Да уж, не по годам способный мальчуган. – Глаза сержанта подозрительно сузились. – Мы покажем его герру Шпитцлеру.

С истошным воплем Сниффи бросился на четвереньки, воспользовавшись замешательством солдат, молниеносно прополз под ближайшей койкой и понесся к выходу.

Сниффи выбрался наружу. Здесь у него было явное преимущество перед европейцами: он знал местность, а они нет. Через полторы минуты бега зигзагами между палатками и хижинами он оказался на краю футбольного поля, выкатил из кустов свой велосипед, вскочил в седло и погнал к Восточной площади.

Ему было совершенно ясно, что бейсбольная бита более не защитит его. Беспощадные враги уже знают, как он выглядит! Теперь ему отчаянно нужен пистолет.

Достигнув территории Торговой Палаты, Сниффи почувствовал облегчение. Членом банды он, конечно же, не был, но ее руководитель – генерал Рокфеллер – приходился ему, как-никак, родным дядей.

Университетская Оборонная Лига заодно с европейцами, поскольку позволила вертолету приземлиться на своей

территории. Наверняка европейцы попытаются объединить свои силы и с отрядами Национальной Гвардии. Следовательно, Сниффи лучше всего держаться поближе к банде Рокфеллера.

Штаб-квартира торговцев была самой крупной крепостью в Западной Роли, а возможно, и во всем штате Северная Каролина. Сюда вела лишь единственная дорога с юга, со всех остальных сторон улицы были заминированы и перерыты двойным рядом траншей, повсюду были замаскированы пулеметные гнезда. Некогда штаб торговцев был обычным многоквартирным домом, но теперь все окна в нем были заложены мешками с песком, и имелись лишь узкие бойницы, из которых можно было вести прицельный огонь. На крыше располагались зенитки, надежно защищающие от непрошеных гостей с воздуха. Периодически из подземного гаража выкатывались грузовые форды, превращенные в броневички, объезжали владения торговцев и вновь скрывались под землей.

Количество вооружения в штаб-квартире торговцев заставляло многочисленных покупателей относиться к ним с уважением. А покупателей сюда каждый день наведывалось немало. Часто к торговцам приходили люди с трясущимися руками и остекленевшим взором, а выходили бодрыми и счастливыми. Наведывались сюда и богачи, но даже им приходилось оставлять личные автомобили, не доехав как минимум квартал, поскольку торговцы не желали, чтобы в их владения прикатила бомба на колесах, как это когда-то случилось.

Вертолетов в небе видно не было, и Сниффи быстро пересек лужайку и соскочил с велосипеда у крыльца штаб-квартиры торговцев. Его терзал страх, ему явственно казалось, что его тощую шею стягивает удавка. Чувство было не из приятных.

В тени крыльца стояла очередь покупателей, вдоль нее прохаживался вооруженный автоматом охранник в черных очках и с подозрением вглядывался в лица.

Сниффи кивнул охраннику, взбежал по ступенькам и, никем не остановленный, вошел в холл. Здесь за огромным столом сидел торговец, обменивающий деньги покупателей на ампулы с омолаживателем. Лицо торговца лоснилось от пота, из-под мокрой подмышки виднелась кобура с кольтом 45-го калибра. Сейчас он тараторил стоявшему перед ним сгорбленному коротышке привычной скороговоркой:

– Товар у нас как всегда отменный. Бери и радуйся жизни! Минимальная такса – десять серебряных четвертаков. Если намерен обменять жратву, пройди к столу справа.

Штаб-квартира торговцев была оснащена чудом новейшей

техники – кондиционером воздуха, не только символизирующим преуспевание предприятия, но и указывающим на то, что у торговцев достаточно денег даже на бензин для автономного генератора. За многочисленными закрытыми дверями скрывались бесценные сокровища: ящики с настоящим виски, водкой, ликерами; целые комнаты ломились от видеоаппаратуры; в других хранились аккуратно смазанные десятискоростные велосипеды и запчасти к ним. Были здесь комнаты битком набитые спортивной одеждой, костюмами-тройками и даже меховыми шубами. Хранящееся в иных комнатах добро можно было почуять, и, судя по запахам, там были не только консервы и бобы, но даже настоящая колбаса.

Сниффи направился прямиком в глубину здания. Перед дверью в офис Рокфеллера сидела его секретарша, Линдзи. Когда-то Линдзи была женой самого губернатора Северной Каролины. Лет ей было не меньше восьмидесяти пяти, но выглядела она всего лишь на тридцать. Драгоценностей на ней было столько, что в былые времена позавидовала бы любая танцовщица из Лас-Вегаса. Золото, изумруды, бриллианты – все настоящие. Ее боготворили все парни из банды торговцев. Или по крайней мере, делали вид, что боготворят, поскольку она, отличаясь несносным нравом, была приближена к главарю банды. Сейчас она была занята разговором с тремя громилами, которые то и дело выжидающе поглядывали на дверь офиса.

При появлении Сниффи Линдзи вскочила, на ее лице засияла деланная улыбка. Похоже, в ней столь глубоко укоренилось желание нравиться всем мужчинам, что она заигрывала даже со Сниффи.

– Сниффи, дорогуша, как у тебя дела? Давно же мы с тобой не виделись!

– Линдзи, мне срочно нужно к генералу.

– Боюсь, сейчас он занят, – проворковала она. – А ты уже слышал?

– Слышал что?

– К нам прибыли европейцы. Вроде бы швейцарцы. Они сейчас беседуют с генералом. У них с собой настоящая видеокамера. Они снимут о нас документальный фильм, а потом прокрутят его у себя по телевидению!

Было ясно, что Линдзи возбуждает мысль о том, что ее вновь покажут по телевидению.

– А я помню телевизор, – сказал один из бандитов.

– За съемки они, наверное, нам заплатят? – предположил другой. – Может, предложат европейские бумажные деньги.

– Да у них в ходу, поди, только кредитные карточки, –

заметил третий.

– А я помню кредитные карточки, – сказал первый бандит.

Сниффи несколько раз подпрыгнул, привлекая к себе внимание, и сообщил:

– Я на всех парах прикатил сюда из лагеря Красного Креста как раз для того, чтобы предупредить генерала о тех европейских ублюдках. Они вознамерились вытеснить нас из бизнеса и ради этого уже объединились с Университетской Лигой!

Линдзи, глядя на него, наморщила лобик.

– Похоже, Сниффи, тебе и впрямь следует срочно поговорить с генералом.

И Сниффи, спиной ощущая завистливые взгляды, обогнул ее стол. Дверь в кабинет Рокфеллера оказалась незапертой, и он без стука вошел внутрь.

Пол устилал персидский ковер, стены покрывали панели из натурального ореха, кожаные с золотым тиснением кресла были доставлены сюда из здания конгресса Штата, ко всем окнам крепились стальные пластинки с искусной гравировкой. За приоткрытой дверью в соседнюю комнату виднелись и другие сокровища: микрокомпьютер, открытый ящичек с настоящими гаванскими сигарами, коробка с новыми электрическими лампочками, банки с сардинами. Стены той, соседней, комнаты были украшены охотничьими трофеями – полусотней голов лосей, медведей и оленей.

На Рокфеллере был серый шерстяной костюм-тройка, на ногах – расшитые серебром высокие ковбойские сапоги из кожи питона. Он методично жевал батончик «Марса» – давно ставшую редкой и очень дорогой шоколадку. Рядом с ним сидели два блондина в черных мешковатых брюках и белых сорочках. Оружия у них Сниффи не заметил. Один из блондинов держал на коленях широкополую шляпу, другой – миниатюрную видеокамеру.

У двери в кресле развалился одетый в бейсбольную шапочку и джинсовый комбинезон личный телохранитель Рокфеллера – лейтенант Форбос. Завидев входящего Сниффи, Рокфеллер широко улыбнулся, из чего Сниффи сразу заключил, что тот уже читал листовки европейцев.

Блондин постарше с интересом оглядел Сниффи и спросил:

– Кто это?

У него был режущий ухо акцент, должно быть, английский он изучал в Британии.

– Это – Сниффи. Привет, Снифф. Давно не виделись.

– К вашим услугам, генерал! – воскликнул Сниффи. – Можете всегда на меня рассчитывать, но своим визитерам не верьте.

– Это – герр Шпитцлер, – невозмутимо представил своих

гостей Сниффи генерал. – А это – синьор Андолини.

– Рад встрече, – сказал Шпитцлер, поднимаясь с кресла. Держался он необычайно прямо, будто у него был искусственный позвоночник. – Но вы, мой юный друг, заблуждаетесь относительно нас. Мы здесь с дружественным визитом, прибыли, чтобы помочь вам.

– Последний раз, когда мы слышали о том, что творится за океаном, помощь была нужна вам, ребята, а не нам, – буркнул Рокфеллер.

– Жизнь в Европе за последние годы значительно улучшилась, – возразил Шпитцлер. – Мы у себя уже преодолели социальные взрывы и хаос.

Сниффи, усевшись на софу, привалился спиной к стене. На случай, если придется спешно уносить ноги, глаз с двери он не спускал. Хотя ноги его уже вряд ли спасут. Слишком хорошо укреплена штаб-квартира торговцев. Надо бы постараться, чтобы развязка ситуации наступила здесь, сейчас.

– Рад за вас, – сказал Рокфеллер. – Тем более что поначалу в Европе было даже хуже, чем здесь, в Америке.

– Да, нам досталось. Только в Швейцарии погибло два миллиона человек. По всей Европе – более пятидесяти миллионов. В основном люди умирали в первые годы кризиса. Но худшее для нас уже позади.

Задумавшись на несколько секунд, Рокфеллер пробормотал:

– Прорва народу. Интересно, а как много американцев погибло?

– По нашим подсчетам, приблизительно девяносто пять миллионов, – с готовностью сообщил Шпитцлер. – Хотя, возможно, и больше. Подсчеты весьма приблизительные, поскольку в Америке давно уже не существует централизованной власти.

– Бог ты мой! – Рокфеллер приподнял брови. – Целых девяносто пять миллионов!

– Мы полагаем, что во всем мире сейчас насчитывается не более трех миллиардов человек. Следовательно, в последние пятнадцать лет на Земле погибло около трех миллиардов. – Шпитцлер печально опустил глаза.

Манерами и спокойствием Шпитцлер напоминал профессионального карточного игрока, и Сниффи решил, что, хотя выглядит он двадцатипятилетним, на самом деле ему далеко за пятьдесят.

Рокфеллер молча жевал батончик «Марса».

– Ну, – вступил в разговор Сниффи, – по-моему, ничего страшного не произошло. Людей хотя и стало меньше, но жизнь

их удлинилась.

– Ничего себе удлинилась! – воскликнул Шпитцлер. – Да будет вам известно, мой юный друг, что из-за болезней, голода и, конечно же, из-за царящего везде насилия, вызванного появлением омолаживателя, средняя продолжительность жизни сейчас составляет всего лишь двадцать с небольшим лет.

– Вы отлично информированы, – заявил Рокфеллер. – Но что нам толку от ваших цифр?

– Дело в том, что благодаря своему последнему изобретению мы научились жить с омолаживателем, – принялся похваляться Шпитцлер. – Объединенная Европа уже вполне способна прокормить себя и даже поставлять продукты на экспорт. В Женеве возобновилась деятельность Организации Объединенных Наций. Мы верим в то, что недалек тот час, когда во всем мире будут восстановлены мир и порядок.

Рокфеллер скомкал обертку от шоколадки и, натренированным движением швырнув ее в корзину, сказал:

– Ну, Торговая Палата города Роли приветствует торговлю во всем мире. Мы располагаем самыми обширными ресурсами на всем Пидмонте и готовы к сотрудничеству. Роли – стратегическая столица Северной Каролины. Как только город будет целиком наш, мы сразу двинем на Шарлотт, Ричмонд, Чарлстон... Да что там эти города, мы возьмем в свои руки все Восточное побережье! Места здесь богатые. Мы предложим европейцам любой товар – наркотики, табак... Только скажите, что вам нужно! Вы поможете нам, а мы – вам!

Рокфеллер встал, нагнулся и выволок одной рукой из-под своего необъятного письменного стола на середину комнаты ящик размером с микроволновую печь. Сниффи доводилось прежде видеть этот металлический, цвета хаки, ящик с надписью «Армия США», но что в нем, он не знал.

– В этом ящике – тяжелый ручной пулемет М-3 50-го калибра, – сообщил Рокфеллер, открывая крышку ящика и доставая из него посверкивающего черным металлом монстра. – Ствол у него керамический, большинство деталей изготовлено из композитных материалов, оттого весит он вполовину того, что весил старый добрый браунинг 50-го калибра. Скорострельность такая, что и представить страшно, отдачи почти никакой, а каждая пуля способна пробить огромную дыру в лобовой броне танка.

Рокфеллер, смачно прищелкнув языком, продолжил:

– Беда только, что таких игрушек было выпущено всего ничего. Пентагон едва успел запустить их опытную партию, как началась заварушка с омолаживателем. Мне очень повезло, что я

обзавелся хотя бы одним.

Лица швейцарцев оставались непроницаемы. Они сидели неподвижно, лишь Андолини слегка перемещал видеокамеру, постоянно держа Рокфеллера в фокусе.

– Бьюсь об заклад, что у вас, ребята, таких игрушек нет и в помине. – Рокфеллер достал из ящика обойму и привычно вогнал ее в ручной пулемет. – Ведь и ежу понятно, что в Европе классно изготовляли только часы! Но вам наверняка по силам сделать копии с моей малютки. Ведь так? – Он на секунду замолчал. – Так я вам вот что скажу. Дайте мне штук тридцать таких игрушек, ну и, конечно, патроны к ним, а я через день положу к вашим ногам весь Западный Роли. Ну как, честная сделка?

– Силой оружия глобального кризиса не разрешишь.

– Тогда нужно более мощное оружие!

Шпитцлер невозмутимо кивнул и сказал:

– У нас есть более мощное оружие. Пули, начиненные гуманизмом.

– Что-что?

– Пули, начиненные гуманизмом. – Шпитцлер говорил с теми же интонациями, с какими в былые времена читали лекции опытные профессора в университете. – Люди хотят долгой жизни и не желают быстрой смерти от оружия. Пули, начиненные гуманизмом, позволяют нам создать такую социальную среду, в которой медикаменты будут справедливо распределены без насилия.

– Людям, сколько ни дай, все мало.

– В душе каждого живут ангел и злобная обезьяна. За многие века люди выработали такой образ поведения, который позволял им жить в мире с соседями, но неожиданно появился омолаживатель и разрушил все моральные устои. Нам следовало научиться жить по новым правилам. И мы научились. Вместе с дозой омолаживателя мы теперь выдаем и пулю гуманизма – наше собственное достижение в медицине.

– Так пуля, начиненная гуманизмом, вовсе не пуля? – спросил удивленный Сниффи. – Выходит, она – некий нейрофизиологический препарат?

– Вы как всегда правы, мой юный друг. Пуля, начиненная гуманизмом, предназначена для особенно агрессивных человеческих особей, а для всех остальных – обычный раствор того же самого препарата, вводимый в организм добровольно в виде инъекции. Я не нейролог и не могу объяснить принцип действия препарата гуманизма, но знаю точно, что он, воздействуя на мозг, пробуждает в людях жалость, усиливает симпатию к другим людям, восстанавливает утерянную с

появлением омолаживателя способность человеческих существ вести себя в соответствии с установившимися нормами морали.

– Сдается мне, что ваша пуля гуманизма – обычный наркотик. – Рокфеллер поморщился. – Говорите, каждый в Европе принимает его?

– Каждый, кто пользуется омолаживателем. Бессмертие не дается даром. Лучше уж пуля гуманизма, чем свинцовая пуля.

– Ваша пуля гуманизма – обычный промыватель мозгов! – возмущенно воскликнул Сниффи. – Может, вас и устраивает, что люди в Европе превратились в послушных овечек, но у нас, в Америке, такой фокус не пройдет!

– Нам тоже такое положение вещей не нравится, – сказал Шпитцлер. – Благодаря пуле гуманизма мы вышли из состояния кризиса, но изготовлять пулю гуманизма дорого и сложно, а производство обоих препаратов – омолаживателя и пули гуманизма – быстро истощает наши ресурсы. Поэтому мы разработали план. Мы хотим изменить генную систему человека так, чтобы его организм сам непрерывно вырабатывал и омолаживатель, и препарат гуманизма. Тогда людская натура навсегда изменится на клеточном уровне, ангел в душе каждого победит злобную обезьяну. На Земле навсегда восторжествуют мир и порядок!

– В мелочности идей вас не упрекнешь, – прокомментировал речь Шпитцлера Сниффи.

– Мы серьезно работаем над своим проектом, – сказал Шпитцлер. – К несчастью, ощутимых результатов пока не достигнуто.

– Удивляться нечему! – восторжествовал Сниффи. – Ведь для осуществления вашей затеи нужны не умники профессора из университетов, а настоящий гений!

– Вот потому-то мы столь усердно разыскиваем Сидни Хаверкемпа, – пояснил Шпитцлер. – Он подлинный гений. Но к тому же он еще и аморальный тип. Именно из-за него на Земле погибло три миллиарда человек. Отыщите для нас Хаверкемпа, мы вгоним в него пулю гуманизма, перевезем в Цюрих и засадим за работу в фармацевтической лаборатории. Он наверняка справится с поставленной задачей, и тогда мы изменим мир к лучшему.

– Пулям гуманизма я предпочитаю пули старого образца, – заявил Рокфеллер. – Они гораздо дешевле, да и действуют эффективнее.

– Не представляю, каким образом Хаверкемп использует здесь свои гениальные способности, – сказал Шпитцлер, не обращая внимания на Рокфеллера. – Он расходует свой интеллект попусту.

Доставьте его нам, и он сможет работать во благо человечества и, быть может, даже загладит свою вину перед людьми.

Говорил Шпитцлер напыщенно, но в голосе его звучал холод. Именно такие напыщенные, произнесенные холодными безучастными голосами речи преподавателей в старших классах школы, а затем в университете в былые времена приводили Сниффи в ярость. И сейчас в его душе разразилась буря.

– Загладит свою вину перед людьми?! – воскликнул он. – Как бы не так! Да лет через двести вы будете благодарить Сидни Хаверкемпа, стоя на коленях!

Шпитцлер, спокойно оглядев его, произнес:

– Хаверкемп совершил величайшее преступление в истории человечества.

– История закончилась. Теперь мы переживем историю!

– А почему собственно, вы, мой юный друг, защищаете доктора Хаверкемпа? Ведь именно по его вине ваша страна повержена в руины. То же самое произошло и у нас в Европе, но мы потихоньку выходим из кризиса, а ваша бедная Америка представляет собой кучу сброда, дерущегося за чудо-препарат.

– Следи за своей речью, приятель! – рявкнул Рокфеллер. – Не такие уж вы великие!

– Не хочу дискутировать с вами на эту тему. Я видел здесь достаточно ужасов. Боюсь, что вы погибнете, но протянутую нами руку помощи так и не примете.

Рокфеллер сел за письменный стол и в ярости сжал кулаки.

– Так вот что вы задумали на самом деле. Хотите нашей всеобщей гибели, чтобы весь континент достался вам? Не выйдет! Помните, что один американский боец положит целый взвод ваших бесхребетных европейцев-моралистов! Напрасно только мы, американцы, в свое время освободили Европу от немцев-нацистов.

– Немцы давно уже не нацисты.

– С тобой все ясно. Нацистская свинья!

Сниффи был рад тому, какой оборот принимают события.

– Может, эти яйцеголовые и спелись со слюнтяями из Университетской Оборонной Лиги, но настоящих мужчин из Торговой Палаты им не облапошить! – воскликнул он. – Не позволяйте этим пожирателям сыра водить себя за нос, генерал!

Наконец Шпитцлер вроде бы забеспокоился.

– Мы не вооружены. – В доказательство он вытянул вперед руки. – Мы действительно пытаемся найти общий язык не только с вашим, но и с другими вооруженными формированиями в Америке, но только лишь ради вашего же собственного блага. Пуля гуманизма принесет мир всем. Она спасет человечество!

– Американцы проживут и без вашей пули гуманизма! – заорал не на шутку рассерженный Рокфеллер. – Форбос, свяжи этих ублюдков и швырни в подвал.

– Есть, сэр! – с явным удовольствием воскликнул Форбос.

– Не валяйте дурака, генерал, – посоветовал Шпитцлер. – Пленив нас, вы ровным счетом ничего не добьетесь.

– Вы станете у нас заложниками, – пояснил Рокфеллер. – Только так и можно обходиться с вами. Подумаешь, пуля гуманизма!

Форбос встал и пошел на европейцев. Шпитцлер, как стоял с простертыми руками, так и остался на месте. Андолини поспешно сжал в руках видеокамеру.

В комнате полыхнула непереносимо яркая вспышка белого света.

Сниффи мгновенно ослеп.

– Я не вижу ни черта! – заорал Рокфеллер. – Чертовы ублюдки ослепили меня!

В комнате послышались грохот мебели и сдавленные проклятия.

– Я у двери, шеф! – членораздельно вскричал вдруг Форбос. – Проклятым европейцам не сбежать!

– Молодчина, Форбос. Отлично сделано.

– Спасибо, шеф. Но я по-прежнему ни зги не вижу.

– Я тоже, – поделился Сниффи.

Все действительно было погружено в багровый туман. Сниффи побрел, как ему представлялось, к середине комнаты. Наконец ступня его ухнула о металл.

Он нагнулся и вытащил из ящика ручной пулемет. Обойма, к счастью, уже была вставлена. Тяжелое оружие внушило ему силу и уверенность в себе.

– И правда, шеф, – сказал Сниффи, – крошка немного весит. А как из нее стрелять?

– Не пори горячку, Снифф, – остановил его Рокфеллер. – Ведь мы даже точно не знаем, остались ли ублюдки-европейцы в этой комнате.

– Они здесь, я чую, – крикнул Сниффи. – И дыхание их слышу. Буду целить на звук.

– Сниффи, сынок, ты ведь никогда не был метким стрелком. Да и вряд ли понимаешь, какая грозная игрушка у тебя в руках.

– Порядок, шеф. Я уже нашел спусковой крючок. – Сниффи отступил на шаг, приподнял ствол пулемета и сказал, возвысив голос: – Эй, вы, двое! Сдавайтесь или станете дырявыми, точно сыр! – Он засмеялся. – Дырявыми, точно ваш любимый швейцарский сыр!

Ответа не последовало.

– Вы знаете, о чем я говорю?!

Молчание.

– Шеф? – позвал Форбос. Он оказался много ближе, чем предполагал Сниффи, и слева, а не справа. – Я надежно заблокировал эту дверь, но, быть может, она ведет вовсе не наружу, а в соседний кабинет? Может, европейцы уже унесли ноги?

– Может быть. Во всяком случае, пулемета им не видать как своих ушей, – сообщил Сниффи. – Именно, чтобы он не достался им, я его и схватил первым. Понятно?

– Отлично придумано, Снифф, – похвалил его Рокфеллер. – Ты всегда у нас был башковитым малым.

Сниффи напряженно думал. Можно было, конечно, позвать на помощь, но пока сбежится охрана, Шпитцлер почти наверняка сумеет овладеть пулеметом.

– Шеф, я вот что подумал! – вскричал Сниффи. – Пока мы ослеплены, они могут легко подобраться ко мне, выхватить пулемет, прикончить всех нас, а затем с помощью оружия проложить себе путь наружу!

– Могут, – подтвердил Рокфеллер. – Особенно после того как ты, приятель, подсказал им такую возможность.

Сниффи обуяла паника. Его колени задрожали мелкой дрожью.

– Они могут наброситься на меня в любую секунду! – Он принялся неистово водить стволом пулемета из стороны в сторону. – Что мне делать?!

– Мне плевать, проживу ли я вечно! – заорал Рокфеллер. – Но будь я проклят, если и им плевать! Жми на всю железку, парень, а там будь что будет!

– По-моему, стрелять пока не стоит, – неуверенно возразил Форбос. – Держи, парень, пулемет покрепче и зови на помощь.

Сниффи сделалось не по себе. Вопреки совершеннейшим технологиям пулемет был для него чертовски тяжел. Его крошечный палец на огромном спусковом крючке уже немел. И что это за звуки? Неужели приглушенные длинным ворсом ковра приближающиеся шаги?

Похоже!

– Даю вам, проклятые европейцы, последний шанс! – завопил Сниффи во всю мощь своих детских легких. – Если вы еще здесь, немедленно сдавайтесь! Иначе – считаю до десяти и открываю огонь! Итак, один... два... три...

Непредставимое[17]

К середине 1990 года международные комментаторы выглядели растерянно. Холодная война пошла на убыль. Советский блок рассекретил свои спутники, и мир заметно потеплел. Иногда появлялось такое ощущение, будто мы все ступили в альтернативную реальность… по крайней мере, до того момента, пока Ирак не вторгся в Кувейт. Рассказ Брюса Стерлинга «Непредставимое» вновь воскрешает то время, когда холодная война уже дала необратимую трещину — в поистине альтернативной реальности, наполненной своими собственными демонами и кошмарами.

Еще со времен переговоров по вопросам стратегического вооружения в начале семидесятых политикой Советов стало проведение переговоров в собственных апартаментах — причиной, как подозревали американцы, был страх перед новой, ранее неизвестной техникой подслушивания.

Избушка Бабы-Яги, где размещалась штаб-квартира д-ра Цыганова, присела на краешке по-швейцарски тщательно подстриженной лужайки. Д-р Элвуд Даути зажал в руке карты и посмотрел в окно избушки. Немного выше подоконника торчало громадное чешуйчатое колено одной из шести гигантских курьих ног — чудовищная узловатая конечность в обхват толщиной. Как раз в этот момент курье колено согнулось, избушка под ними покачнулась, и затем под скрип бревен и шорох соломенной крыши вновь приняла прежнее положение.

Цыганов сбросил карту, взял еще две из колоды и принялся их изучать, пощипывая профессионально неухоженными руками с грязью под ногтями редкую бородку; его голубые глаза хитро поглядывали из-под сальных прядей длинных седеющих волос.

К своему приятному удивлению, Даути удалось собрать полную масть Жезлов. Изящным движением он выдернул из кучки банкнот две десятидолларовые бумажки и обронил их на стол подле себя.

Взглядом, полным славянского фатализма, Цыганов смерил свой истощающийся запас твердой валюты. Затем что-то проворчал, почесался и бросил карты на стол лицом вверх. Смерть. Башня. Двойка, тройка, пятерка Денариев[18].

— Может, в шахматы? — предложил Цыганов, поднимаясь.

— В другой раз, — отозвался Даути. Хотя, из соображений безопасности, он не добивался официального признания в

шахматном мире, фактически Даути достиг совершенства в шахматной стратегии, особенно проявлявшегося под конец игры. Когда-то в знаменитых своей длительностью марафонских переговорах 83-го года они с Цыгановым поразили своих военных коллег турниром, который начался экспромтом, однако продлился почти четыре месяца, в то время как делегация ожидала (и напрасно) какого-либо сдвига в зашедших в тупик переговорах о контроле над вооружениями. Даути не смог переиграть поистине одаренного Цыганова, но зато ему удалось проникнуть в ход мыслей своего соперника.

Однако, главным образом, Даути испытывал смутное отвращение к хваленым шахматам Цыганова, где вместо черных с белыми сражались красные, как во времена гражданской войны в России. Атакуемые слонами-комиссарами и казаками, маленькие механические пешки издавали слабый, но довольно жуткий мученический писк.

— В другой раз? — пробормотал Цыганов, открывая небольшой шкафчик и вынимая бутылку «Столичной». Внутри холодильника маленький перетрудившийся морозильный демон сердито глянул из своего заточения среди спиралей и злобно выдохнул порцию густого, холодного тумана. — Другого раза может и не оказаться, Элвуд.

— Мне ли не знать. — Даути заметил, что экспортная этикетка на бутылке русской водки была напечатана по-английски. Было время, когда Даути побоялся бы пить у русских. Отрава в бокале. Губительное зелье. Это время уже вспоминалось с удивлением.

— Я имею в виду, что скоро нашей деятельности настанет конец. История продолжается. Все это, — Цыганов взмахнул своей мускулистой рукой так, будто хотел охватить не одну Женеву, а целое человечество, — станет всего лишь историческим эпизодом, не более.

— Я готов к этому, — мужественно заявил Даути. Водка расплескалась по стенкам его рюмки, стекая холодными, маслянистыми струйками. — Мне никогда не нравилась такая жизнь, Иван.

— Неужели?

— Все, что я делал, я делал из чувства долга.

— А, — улыбнулся Цыганов. — И уж, конечно, не ради командировочных?

— Я отправляюсь домой, — сказал Даути. — Навсегда. В окрестностях Форт Уэрта есть одно место, где я собираюсь выращивать скот.

— Обратно в Техас? — казалось, Цыганова это известие

развеселило. — Главный теоретик стратегических вооружений становится фермером, Элвуд? Да вы второй римский Цинциннат[19]!

Даути пил водку небольшими глотками, вглядываясь в развешанные по грубым бревенчатым стенам выполненные в духе соцреализма позолоченные иконы. Он подумал о своем собственном офисе, расположенном в подвале Пентагона. Относительно просторном, хотя и низковатом, по подвальным стандартам. Уютно обитом коврами. Отстоящем всего на несколько ярдов от могущественнейших в мире центров военной власти. Совсем рядом министр Обороны. Объединенный комитет начальников штабов. Министры Сухопутных войск, ВМС и ВВС. Начальник Оборонных исследований и Некромантии. Лагуна, Потомак, Мемориал Джефферсона. Вспомнил розовый отблеск рассвета на куполе Капитолия после бессонной ночи. Будет ли ему недоставать всего этого? Нет.

— Вашингтон — неподходящее место для воспитания ребенка.

— А-а. — Цыганов приподнял брови. — Я слышал, вы наконец женились. — Конечно же, он читал досье Даути. — А ваш ребенок, Элвуд, с ним все в порядке, он крепок и здоров?

Даути ничего не ответил. Было бы трудно скрыть нотки гордости в голосе. Вместо этого он открыл бумажник из кожи василиска и показал русскому портрет своей жены с новорожденным сыном. Цыганов откинул с глаз волосы и рассмотрел фотографию повнимательнее.

— А, — сказал он. — Мальчик очень похож на вас.

— Возможно, — ответил Даути.

— У вашей жены, — вежливо заметил Цыганов, — очень привлекательная внешность.

— В девичестве Джэйн Сейджел. Служащая Сенатского Комитета по международным отношениям.

— Понимаю. Оборонная интеллигенция?

— Она опубликовала книгу «Корея и теория ограниченной войны». Считается одной из первых работ по данной проблематике.

— Должно быть, она станет замечательной мамочкой. — Цыганов залпом выпил свою водку, жадно закусил коркой черного хлеба. — Мой сын уже совсем взрослый. Пишет для «Литературной газеты». Вы видели его статью по вопросу иракского вооружения? О кое-каких недавних очень серьезных разработках, касающихся исламских демонов.

— Я бы непременно ее прочел, — ответил Даути. — Но я выхожу из игры, Иван. К тому же, дела плохи. — Холодная водка

ударила ему в голову. Он коротко рассмеялся. — Они собираются прикрыть нас в Штатах. Отобрать средства. Обчистить до костей. «Мир поделен». Мы все сгинем. Как Макартур[20]. Как Роберт Оппенгеймер[21].

— «Я есмь Смерть, Разрушитель миров», — процитировал Цыганов.

— Да-а, — Даути задумался. — Бедняга Оппи плохо кончил, после того как заделался Смертью.

Цыганов сосредоточился на своих ногтях.

— Думаете, будут чистки?

— Прошу прощенья?

— Я слышал, граждане штата Юта подали в суд на ваше федеральное правительство. По поводу испытаний, которые проводились сорок лет назад…

— А, — перебил его Даути, — вы имеете в виду тех двухголовых овец… На старых полигонах еще до сих пор стелются ночные тени и раздаются стоны банши. Где-то в Скалистых горах… Неподходящее место для прогулок в полнолуние. — Он содрогнулся. — Но «чистки»? Нет. У нас действуют другими методами.

— Вы бы посмотрели на овец неподалеку от Чернобыля.

— «Полынь горькая», — в свою очередь, процитировал Даут.

— Ни один «акт долга» не остается без воздаяния, — Цыганов открыл консервы с какой-то черной рыбой, пахнувшей наподобие пряной копченой сельди. — А как насчет Непредставимого? Какую цену пришлось заплатить в этом случае?

Голос Даути прозвучал ровно, без тени иронии.

— Мы готовы нести любое бремя, сражаясь во имя свободы.

— А вот это, возможно, не лучшее в ряду ваших американских ценностей. — Трезубой вилкой Цыганов выудил из банки ломтик рыбы. — Осмелиться вступить в контакт с совершенно чуждым порождением бездны между мирами… Сверхдемоническим полубогом, сама пространственная структура которого противоречит всякому здравому смыслу… Этим Созданием безымянных времен и непостижимых измерений… — Цыганов промокнул губы и бороду салфеткой. — Этим ужасным Сиянием, бурлящим и бесчинствующим в самом центре бесконечности.

— Вы слишком сентиментальны, — возразил Даути, — мы должны вспомнить те исторические обстоятельства, в которых было принято решение создать Бомбу Азатот. Японских великанов Маджина и Годжиру, крушивших Азию. Бескрайние эскадроны нацистских Джаггернаутов[22], громивших Европу… А также их подводных левиафанов, охотившихся за морскими

судами…

— Вы когда-нибудь видели современного левиафана, Элвуд?

— Да, одного… когда он кормился. На базе в Сан-Диего. — Даути помнил его с ужасающей отчетливостью — огромное водное чудовище с плавниками; в поросших морскими желудями углублениях на его бочкообразной брюхе дремали отвратительные тощие духи с крыльями летучей мыши.

А по команде из Вашингтона пробудились бы низшие демоны, вырвались из чрева, взметнулись в небо и понеслись бы с ураганной скоростью и неумолимой точностью к указанным целям. В своих когтях они сжимали бы заклятия под тремя печатями, способные на несколько ужасных микросекунд распахнуть врата между вселенными. И тогда в мгновенье ока хлынуло бы Сияние Азатота. И на что бы оно ни пало, где бы ни коснулся его луч земного вещества, повсюду Земля начала бы корчиться в непредставимых муках. И сама пыль от взрыва покрыла бы все неземным налетом.

— Вы присутствовали при испытаниях той бомбы, Элвуд?

— Только при подземных. Воздушные испытания проводились задолго до меня…

— А как насчет отходов, Элвуд? Из-под стен десятков ядерных станций.

— С ними мы разберемся. Запустим их в космическую бездну, если нужно будет. — Даути с трудом скрывал свое раздражение. — К чему вы клоните?

— Трудно оставаться спокойным, друг мой. Я боюсь, что мы зашли чересчур далеко. Мы с вами были ответственными людьми. В своих трудах мы следовали распоряжениям осознающего ответственность руководства. Прошло пятьдесят долгих лет, и ни разу Непредставимое не сорвалось с цепи по безрассудству. Мы потревожили Вечность ради своих преходящих целей. Но что наши жалкие пятьдесят лет перед вечностью Старших Богов? Мы думаем, что теперь нам удастся отказаться от неразумного применения этого ужасного знания. Но очистимся ли мы когда-нибудь?

— Это задача следующего поколения. Сделав все, что в моих силах, силах смертного, я смирился.

— Не думаю, чтобы это можно было просто так взять и бросить. Слишком близко мы подошли. Мы прожили слишком долго в его тени, и оно затронуло наши души.

— Мой долг исполнен, — настаивал Даути, — до конца. Я устал от бремени. Устал от попыток осмыслить происходящее, представить грядущие кошмары, постоянно бороться со страхом и искушением, превосходящими пределы представимого. Я

заработал свой отдых, Иван. И у меня есть право на человеческую жизнь.

— Непредставимое коснулось вас. Ведь от этого вы не сможете отмахнуться?

— Я профессионал, — ответил Даути. — Я всегда предпринимал необходимые меры предосторожности. Меня осматривали лучшие военные доктора-заклинатели духов… Я чист.

— Разве это можно знать наверняка?

— Они лучшие из наших специалистов; я верю в их заключение… Если я снова обнаружу тень в своей жизни, то отброшу ее прочь. Отсеку. Поверьте мне, я знаю вкус и запах Непредставимого — он больше никогда не найдет места в моей жизни…

Из правого кармана брюк Даути раздался мелодичный перезвон. Цыганов прищурился, затем продолжил:

— А что если оно обнаружится совсем рядом с вами?

Карман Даути снова зазвенел. Американец рассеянно встал.

— Вы знаете меня много лет, Иван, — проговорил он, опуская руку в карман. — Конечно, мы смертны, но мы всегда были готовы предпринять необходимые меры. Всегда. Неважно, какой ценой.

Даут извлек из кармана большей шелковый квадрат с изображением пентаграммы и размашистым жестом расстелил его перед собой.

Цыганов был поражен.

— Что это?

— Портативный телефон, — ответил Даути. — Модная безделушка… Я теперь постоянно ношу его с собой.

Цыганов возмутился.

— Вы принесли телефон ко мне в дом?

— Черт, — воскликнул Даути с неподдельным раскаяньем. — Простите меня, Иван. Я действительно забыл, что у меня с собой эта штука. Послушайте, я не стану отвечать отсюда. Выйду наружу. — Он открыл дверь, спустился по деревянной лестнице на траву, залитую швейцарским солнцем.

Позади него избушка Цыганова поднялась на своих чудовищных курьих ногах и важно удалилась, раскачиваясь, — как показалось Даути, с чувством оскорбленного достоинства. В отдаляющемся окне он увидел, что Цыганов украдкой подглядывает, не в силах подавить свое любопытство. Портативные телефоны. Еще одно достижение изобретательного Запада.

Даути разгладил звенящий шелк на железном столике

посреди лужайки и пробормотал Заклинание. Над вытканной пентаграммой поднялось искрящееся изображение его жены по грудь.

С первого взгляда он тотчас догадался, что новости плохи.

— В чем дело, Джейн?

— Наш Томми, — произнесла она.

— Что случилось?

— О, — бодро отрапортовала она, — ничего. Ничего заметного. Но лабораторные исследования дали положительный результат. Заклинатели — они говорят, он помечен.

В одно мгновенье самые фундаментальные основы жизни Даути беззвучно раскололись и разошлись.

— Помечен — повторил он опустошенно. — Да… я слышу тебя, дорогая…

— Они пришли в дом и осмотрели его. Они говорят, что он чудовище.

На этот раз его охватила злоба.

— Чудовище. Откуда им знать? Это всего лишь четырехмесячный ребенок! Как, черт побери, они могут установить, что он чудовище? Что они вообще, черт подери, знают? Эта шайка зашоренных докторов-чернокнижников…

Теперь его жена открыто рыдала.

— Знаешь, Элвуд, что они порекомендовали… чтобы мы сделали?

— Но мы же ведь не можем взять… и бросить его, — с трудом выговорил Даути. — Он наш сын.

Тут он остановился, перевел дыхание и посмотрел вокруг. Аккуратно подстриженные лужайки, солнце, деревья. Весь мир. Будущее. Мимо пролетела птичка.

— Погоди, давай подумаем, — сказал он. — Давай все хорошо обдумаем. Вообще, насколько он чудовищен?

Замысел Блемми[23]

Гонец пронесся над узкими улочками Тира, облетая зеленые остролистые кроны самых высоких пальм. Хлипая крыльями, он опустился на каменный карниз. Дева, томящаяся в башне, тут же подбежала к голубю и схватила птицу. Она с благодарностью приникла губами к гладкой серой головке посланца.

Дело в том, что сэр Роджер Эдесский, возлюбленный девы, отправился в Святую землю на поиски рыцарской славы. И ее стараниями он стал счастливым обладателем клетки с бесценными почтовыми голубями. Птицы эти, одна за другой, доставляли на своих крыльях письма от Роджера прямо в нежные девичьи руки, обходя воздушными путями все преграды и опасности, таящиеся в охваченной огнем Святой земле. Крылатые вестники оставляли внизу толпы мародеров-сельджуков,[24] яростно бьющих в барабаны и трубящих в рога, и злобных мамелюков,[25] прячущих лица под забралами шлемов. С легкостью неслись они и над исмаилитами-фидаи[26] в тот момент, когда те, одинаково равнодушные к жизни и к смерти, склонялись над своею жертвой, занеся уже руку для рокового удара.

Над головами ни о чем не ведающей черни протянулась целая почтовая сеть, и пернатые гонцы так и сновали туда-сюда. Голуби несли вести со всех концов света через Иерусалим, Дамаск, Каир и Бейрут. Пролетали они и над головами рыцарей — сыновей самых отдаленных уголков христианского мира, странствующих воинов, покрытых потом, мучимых голодом, паразитами и болезнями. Крылатые гонцы проносили свой груз и над викингами — виртуозами топора, опаленными южным солнцем. И над исступленными тамплиерами,[27] и над жестокими рыцарями Тевтонского ордена, облаченными в черные латы, в которых они спекались под беспощадными лучами, подобно омарам, зажаренным в панцире. И над греческими пелтастами,[28] и над итальянскими кондотьерами.[29]

Дрожащими пальцами, испачканными в чернилах, дева отвязала от розовой птичьей лапки аккуратно скрученный свиток. Грудь ей сдавила внезапная боль. А вдруг это очередная поэма? Читая стихи Роджера, она не раз уже падала в обморок.

Но нет. Эту птицу прислал вовсе не Роджер Эдесский. Дева сама ввела себя в заблуждение, поддавшись очарованию ложной надежды. Голубь принес всего лишь очередное торговое предложение, содержащее ничтожный обрывок скучнейшего текста.

«Соль. Слоновая кость. Панцирь черепахи. Шафран. Рис. Ладан. Железо. Медь. Олово. Свинец. Кораллы. Топазы. Стиракс.[30] Стекло. Реальгар.[31] Сурьма. Золото. Серебро. Мед. Нард.[32] Костус.[33] Агаты. Сердолики. Дереза. Хлопок. Шелк. Мальва. Перец. Малабарская корица. Жемчуг. Алмазы. Рубины. Сапфиры».

Каждый из товаров в этом обширном списке сопровождался ценой.

Девушка заперла голубя в деревянную клетку, помеченную ярлыком. В таких клетках томилась еще не одна дюжина птиц — таких же пленниц угрюмой башни, как и она сама. Взяв пузырек с чернилами, собранными от каракатицы, и острое как бритва перо, девушка переписала письмо в огромный пыльный фолиант. Если она позволит себе хоть раз пренебречь этой обязанностью, гнев матери-настоятельницы будет велик: ее ожидают хлеб и вода, бесконечное стояние на коленях и розги.

Приставленная к голубям послушница вытерла глаза, наполнившиеся слезами, — так сильно их утомил контраст четких печатных букв и плохого освещения. Она вновь оперлась своими нежными локотками о холодную, выщербленную поверхность камня и предалась созерцанию мерцающих вод Средиземного моря и скользящей по ним черной стае итальянских галер, жаждущих наживы. Быть может, сэра Роджера Эдесского уже нет в живых. Бедный Роджер пал, сраженный ударом какого-нибудь исламского богатыря, или его погубила какая-нибудь смертельная зараза. Никогда больше Роджер не посвятит ей ни строчки. А она, в свои семнадцать лет, обречена на горькую и безотрадную участь.

В это мгновение она верила, что все так и есть: столь жестокой и неотвратимой казалась девушке ее роковая доля. Если Роджер не сможет спасти ее, вырвать из этой жизни, где ей остается лишь ухаживать за голубями, она вынуждена будет дать постылые обеты… Ей придется стать одной из младших сестер ордена госпитальеров[34] — тех, что живут внизу, под голубиной башней, — присоединиться к все разрастающемуся племени черных вдов, чьи суженые не вернулись из Святой земли, превратиться в старую деву, стать частью огромного скопища безмужних старух и сирот, потерявших отцов, — скопища, заключенного в толстых каменных стенах, как в бутылке, скопища, пойманного в ловушку, из которой нет выхода и в которой все как один лишены и земельных владений, и денежных доходов… Этим безрадостным, бледным Христовым невестам, готовым сойти с ума от отчаяния, только и остается, что ждать с нетерпением, когда же наконец явится какая-нибудь поганая орда темноглазых разбойников-мусульман, которые захватят Тир и

разрушат эту твердыню целомудрия.

Вдали показалась еще одна птица. Девичье сердце мучительно сжалось. Когда проворный и полный сил голубь влетел в окно башни, оказалось, что лапки его перехвачены двумя изящными золотыми лентами. Перья источали аромат фимиама.

Свиток был исписан мельчайшим, но необыкновенно красивым почерком — девушка никогда прежде такого не видела. Буквы были аккуратно выведены мерцающими кроваво-красными чернилами.

> О свет очей моих Хьюдегар!
>
> Добрые вести, подобно меду, струятся с конца моей кисти. Нас с тобою призвал Тихий Господин. Так приступи же к сборам немедля,
>
> Ибо я уже спешу к тебе со своим караваном, и мои могучие воины сопроводят тебя в его Парадиз.
>
> *Горный Старец*

Девушка заплакала, потому что ее звали не Хьюдегар. И она никогда не встречала женщины по имени Хьюдегар.

Все деревушки в Святой земле — и христианские, и мусульманские — были похожи одна на другую: вокруг колодца, мельницы и печи теснилась кучка пыльных домишек. Аббатиса Хильдегарт скромно, без лишнего шума въехала в разоренную деревню в сопровождении вооруженного до зубов каравана, с которым явился за ней Великий Ассасин.[35]

Эту злосчастную деревушку опустошили с особенным азартом: разбойники, горящие жаждой мщения, истребили оливковые рощи, сожгли виноградник и отравили колодец. Поскольку караван еще совсем недалеко отъехал от Тира — самого мощного оплота отступающего крестоносного воинства, — Хильдегарт подозревала, что здесь похозяйничали госпитальеры.

И это ее обеспокоило. Именно она, Хильдегарт, основала орден госпитальеров. Она собрала и обеспечила средствами группу людей, призванных лечить больных, кормить голодных, дарить мир и уют бессчетным толпам святых людей — паломников из Европы, измученных палящим южным солнцем, — ну и оказывать им еще кое-какие услуги, например менять деньги.

Хильдегарт очень ловко все придумала, и Тихий Господин оценил идею по достоинству. Но теперь, когда с момента основания ордена минуло уже лет семьдесят, Хильдегарт с

горечью наблюдала за извращением своего блестящего замысла. Какая-то неведомая сила обратила госпитальеров, этот миролюбивый орден монахов-целителей, в самых жестоких и беспощадных солдат крестоносного воинства. Казалось, само их умение заживлять поврежденную плоть давало им особые преимущества в ее разрушении — так уверенно орудовали они топором и мечом. Госпитальеров побаивались даже тамплиеры, хотя сами умудрились до того запугать ассасинов, что те платили им за покровительство дань.

И все же в деревне сохранилась пара сараев, в которых в случае чего можно было обеспечить оборону. Синан, Горный Старец и аятолла ассасинов, приказал своим воинам устраиваться на ночлег. Они разбили лагерь, похоронили несколько трупов, валявшихся поблизости, поставили часовых и попытались напоить лошадей мутной гнилью из испорченного колодца.

Аббатиса и ассасин расположились неподалеку от вооруженных часовых, чтобы утолить голод и спокойно побеседовать. Хильдегарт и Синан были знакомы очень давно — обычно люди столько не живут. Несмотря на то что оба они честно служили своему Тихому Господину, между ними сохранились довольно натянутые отношения!. В долгой, даже очень долгой жизни Хильдегарт были времена, когда она чувствовала себя очень хорошо и спокойно рядом с Синаном. Правда, Синан — вечно молодой мусульманский колдун — воплощал собою зло, но однажды он защитил Хильдегарт от людей куда более опасных, чем он сам.

К несчастью, те славные годы отошли в далекое прошлое. В свои сто семнадцать лет Синан уже не смог бы защитить Хильдегарт от более опасных людей, потому что на земле попросту не осталось более опасного человека, чем Синан-ассасин. Число крестоносцев, погубленных его кознями, не поддавалось счету, хотя упрямая Хильдегарт полагала, что оно перевалило за четыре тысячи.

Освещенный сполохами огня, пылавшего в походной железной печи, Синан ел хрустящий кебаб и все больше помалкивал. Он одарил собеседницу теплым взглядом карих, прекрасных, как у газели, глаз. Хильдегарт неуютно поежилась в темном походном плаще с капюшоном и вуалью. Синан был очень умен и в совершенстве освоил все существующие способы устрашения, однако сердце его с годами почти не менялось. Да, он остался все тем же. Простой, прямодушный, верный своим привычкам, Синан молился по пять раз на дню, что вместе составляло, по подсчетам Хильдегарт, около двухсот тысяч молитв, каждая из которых была рождена страстной надеждой на

то, что все крестоносцы сгинут с лица земли и сгорят в аду.

Хильдегарт вытянула озябшую руку над железной жаровней. А рядом, в своих дорожных жилищах, курлыкали почтовые голуби. Бедным птицам было куда как невесело: они проголодались и жаждали скорейшего возвращения в Тир даже больше, чем их хозяйка. А быть может, они почуяли, что Синановы наемники спят и видят, как ощипать их, выпотрошить и съесть.

— Синан, где ты нашел эту банду головорезов?

— Я их купил, о бесценная, — церемонно ответил Синан. Это хорезмские турки. Они родом с гор, лежащих далеко за Самаркандом. Здесь, в Палестине, они ни с кем не связаны, у них нет ни земли, ни владыки — а это весьма на руку и мне, и нашему Тихому Господину. Именно такие люди ему и нужны.

— И ты доверяешь этим кривоногим разбойникам?

— Нет, вовсе нет. Но они говорят только на своем таинственном наречии и, в отличие от нас с тобой, не люди Писания. Поэтому, что бы они ни увидели во владениях нашего Тихого Господина, поведать об этом миру они не смогут. К тому же хорезмские турки очень дешевы. Дело в том, что они сами ищут у нас убежища. Они нуждаются в защите от Великого Хана монголов.

С минуту Хильдегарт обдумывала эти доводы, на первый взгляд казавшиеся неопровержимыми, как аксиомы. Как бы то ни было, Синан явно не лгал. Он никогда ей не лгал; жаль, что он был так нелепо упорен в своих языческих заблуждениях.

— Синан, а ты ничего больше не хочешь рассказать мне об этом ужасном Великом Хане?

— Тебе не стоит даже задумываться о подобных вещах, о жемчужина мудрости. Не сыграть ли нам лучше в шахматы?

— Нет, только не сейчас.

— Отчего же? Я уступлю тебе слона!

— В последние десять лет у меня неважно шли дела с торговлей китайским шелком. Быть может, так называемый Великий Хан и есть источник моих неудач?

Синан задумчиво впился зубами в кусок перченой баранины, насаженный на шампур. Вопросы Хильдегарт вызывали у него раздражение. Самые отважные люди умирали по одному слову Синана, и все же Хильдегарт была гораздо богаче, чем он. Она вообще была самой богатой женщиной на земле. Управление международными рынками входило в число любимейших занятий Хильдегарт — основательницы, счетовода, банкира и главного ростовщика ордена госпитальеров. Она вкладывала деньги в товары и целые города, которые приносили ей еще больше денег,

а затем тщательно и аккуратно подсчитывала барыши и снова вкладывала их в дело. Хильдегарт занималась этим, тайно и упорно, уже не одно десятилетие, действуя через сеть никому не известных агентов, живущих в самых различных городах, от Испании до Индии, — через сеть, которой она управляла с помощью птиц и о существовании которой человечество даже не подозревало.

Только Синану был известен механизм этих расчетов и вложений, но ему, аятолле ассасинов, подобный труд казался скучным и ничтожным. А потому он непрестанно слал к Хильдегарт почтовых голубей, прося о новых и новых ссудах.

— Моя ненаглядная, добрая, милая Хьюдегар, — нежно проговорил ассасин.

Хильдегарт вспыхнула:

— Никто больше не называет меня этим именем. Все они, кроме тебя, давным-давно умерли.

— Но, милая Хьюдегар, разве мог я забыть это ласковое прозвище, которым некогда тебя называл?

— То было имя рабыни.

— Все мы рабы Божии, о бесценная. Даже наш Тихий Господин. — И Синан лязгнул шампуром о крепкие белые зубы. — Неужели ты настолько возгордилась, что отвергнешь теперь его призыв, о благословенная мать-настоятельница? Неужели ты так утомлена своей долгой жизнью? Или тебя удручает, что твои ненаглядные христиане-франки наконец отступают обратно за море под натиском воинов истинной веры?

— По-моему, я все-таки здесь, еду вместе с тобой! — заметила Хильдегарт, отводя взгляд. — Хотя могла бы ухаживать за ранеными и подсчитывать доходы. Кстати, почему ты написал ко мне по-французски? Теперь весь монастырь только и болтает, что о твоей таинственной птице и письме, которое она принесла. Ты же сам знаешь, как болтливы становятся женщины, если их запереть.

— Потому что, когда я пишу к тебе по-арабски, ты не отвечаешь, — пожаловался Синан и протер свою прекрасную черную бороду лоскутом розового китайского шелка. — Я ведь все время тебе пишу! А ты сама знаешь, во что обходятся почтовые голуби! Они ценятся на вес золота!

Ассасин махнул рукой, отгоняя струю густого дыма, вырвавшуюся из топки.

Хильдегарт засветила маленькую медную лампу с фитилем, пропитанным кунжутным маслом.

— Но, милый Синан, я шлю тебе письма с важными сведениями о торговле, а в ответ получаю послания, в которых

нет ничего, кроме злорадного хвастовства и рассказов о жестокостях войны.

— Я пишу историю нашей эпохи! — возразил Синан. — Послушай, женщина: эти стихи напитаны кровью моего сердца! И если женщина вообще способна оценить мое творение — ты должна его оценить!

— А, ну тогда ладно. — Хильдегарт перешла на арабский — язык, который она в совершенстве освоила за те годы, что прожила пленницей в восточных гаремах — как наложница и младшая жена. — «Вещим пером я пишу Иерусалима дивную гибель, — процитировала она. — Звезды я щедрой рукой сыплю в дома зодиака и наполняю ларцы жемчугом мудрости дивной. Чудную весть я несу в дальние мира пределы, славу ее воспою до Самарканда, и сладкий, радостный всем аромат в Персии я разолью. Вряд ли смогу я сравнить сладость священной победы с медом из сахарных сот или фруктовым шербетом».

— О Хьюдегар, до чего же ты умна! Ведь это мои лучшие стихи! — Темные изогнутые брови Синана сошлись на переносице, и в его глазах засветилась надежда. — Согласись, что в них есть нечто… великое.

— Не следует тебе изображать из себя поэта, Синан. Ты алхимик, и с этим надо смириться.

— Беда в том, что я уже изучил все, что можно узнать о химии и механике, — посетовал Синан. — Эти сферы человеческого знания скучны и ничтожны. Зато поэзия и литература — неистощимые источники познания! Хорошо, я готов признать, что врожденного поэтического таланта у меня нет: ведь когда я только взялся за перо, моя история была не более чем простым, сухим изложением событий. Но мне все же удалось обрести собственный поэтический голос, ибо я сумел рассказать о многих великих деяниях!

Тут Хильдегарт взорвалась:

— И что же, по-твоему, я должна тебя похвалить?! Пойми ты, тупица, у меня деньги в Иерусалим были вложены! Там делали самый лучший сахар, лучше всего красили хлопок… Так что можешь не сомневаться, я непременно расскажу блемми об этих потерях!

— Можешь даже прочесть ему мои стихи. Если ты не забыла, дальше там рассказывается о том, как христианский Иерусалим, охваченный огнем и стенаниями, пал под натиском мусульман, — сухо ответил Синан. — И еще можешь сказать ему, что франкские отродья все до единого будут сброшены в море! Вот уже восемьдесят девять долгих лет прошло с тех пор, как эти немытые образины притащились к нам из Турции и стали отбирать наши

земли. Эти бледнолицые страхолюдины были похожи на армию мертвецов, восставших из могил! И вот наконец захватчики, опаленные священным огнем, дрогнули под ударами меча правоверных и в страхе бежали от армий джихада, как побитые псы. Бежали, чтобы никогда более не вернуться! Пойми, Хьюдегар: я сам перенес всю горечь этого унижения. Я стал невольным свидетелем бедствий моего народа, я наблюдал их все это долгое время, изо дня в день. И вот теперь настал час, когда свершилось высшее правосудие, и вскоре я увижу спины заморских захватчиков! Знаешь, что мне только что сказал Саладин?[36]

Хильдегарт съела еще одну оливку. Уроженка Германии, она так и не смогла привыкнуть к этому изысканному вкусу.

— И что же он тебе сказал?

— Саладин собирается построить корабли и отправиться в Европу, вдогонку отступающим христианам. — У Синана от этих слов даже дыхание перехватило. — Ты только вообрази, до чего упорен этот великий воитель. Он готов довериться ярости океана, чтобы тот помог ему отомстить за нашу поруганную веру! Можно ли вообразить более достойный способ отдать дань рыцарской отваге?

— Не понимаю, почему ты вообще якшаешься с такими отбросами, как Саладин? Ведь он курд, и к тому же шиит.

— О нет. Саладин — избранник Аллаха. С помощью сокровищ Египта он захватил Сирию. Благодаря богатствам Сирии он завоевал Месопотамию. Сокровища Месопотамии рано или поздно освободят Палестину. А сам Саладин окончит свои дни в окружении изможденной армии и без гроша за душой. Саладин тощ как палка, он вечно страдает от болей в животе, но именно его силами мы возвратим себе Палестину. А богопротивные государства, созданные крестоносцами на задворках христианского мира, прекратят свое существование. Такова божественная справедливость, справедливость истории — и я непременно засвидетельствую эту божественную справедливость в моих творениях. Таково мое призвание — не в этом ли состоит долг всякого ученого человека?

Хильдегарт только вздохнула — слов у нее уже не было. Слишком уж много их она знала: все они были в ее распоряжении — тома и тома, полные слов. Она владела и нижненемецким, и французским, и арабским, неплохо знала турецкий, немного греческий. Все стоящие внимания исторические сочинения были написаны, разумеется, на латыни. Хильдегарт, которая к четырнадцати годам успешно вызубрила весь Ветхий и Новый Завет, латынью владела очень прилично, но собственных

трактатов по истории не писала со времен правления Балдуина Прокаженного.[37]

Христианский король Иерусалима страдал этим омерзительным недугом, пришедшим из Средней Азии, и хроники, в которых Хильдегарт описывала нескончаемую вереницу поражений, то и дело постигавших Балдуина, волей-неволей слагались каким-то затхлым, напыщенным языком, источающим запах смерти и разложения. «С его величеством королем Балдуином Прокаженным случился ужасный приступ, его величество король Балдуин Прокаженный совершил дипломатическую ошибку…» Казалось, намерения у Прокаженного всегда были самые лучшие, но, к несчастью, он отличался необыкновенной глупостью… И однажды пасмурным утром Хильдегарт извлекла свои секретные записи, плоды многолетних трудов, из многочисленных потайных шкатулок — и сожгла их все до единой. И от того, что она обратила в прах эти никому не нужные, ничтожные знания, Хильдегарт почувствовала себя настолько легко, что принялась даже петь и плясать. Синан с надеждой обратил взор на собеседницу:

— Ненаглядная Хьюдегар, неужели тебе нечего больше сказать о моих искрометных поэтических опытах?

— Ну… ты, конечно, делаешь некоторые успехи, — снисходительно согласилась она. — Та строчка, где про фруктовый шербет, действительно недурна. Помнишь менестрелей Элеоноры Аквитанской?[38] Так вот, на мой вкус, твои стихи не в пример слаще их песен. Да уж, намного слаще.

На мгновение лицо Синана просияло, но он тут же снова принялся грызть баранину. Хотя двусмысленность комплимента не осталась для него незамеченной.

— А, королева франков… Она обожает любовные поэмы, которые эти бродяги сочиняют, дабы усладить женские сердца. Все франкские дамы обожают подобные сочинения. Я и сам могу очень сладко петь о женщинах и о любви. Но я бы ни за что и никому не показал этих песен, ибо чувство, вложенное в них, слишком глубоко.

— Не сомневаюсь. Синан сощурился:

— Я, между прочим, помню всех женщин, что прошли через мои руки! Помню каждое лицо, каждое имя!

— Неужели всех? Быть такого не может.

— Да перестань: у меня ведь никогда не было больше четырех жен одновременно. И я живо помню их всех. И я готов тебе это доказать, о недоверчивая! Первой моей женой стала вдова моего брата; ее звали Фатима, она была самой старшей, имела двоих сыновей — мне они приходились племянниками. Фатима была

добра и почтительна. Затем появилась юная персиянка, которую подарил мне султан, — ее звали Бишар. Она, правда, была косоглаза — но зато что за ножки!.. А когда мои богатства приумножились, я купил гречанку по имени Феба, чтобы она готовила на остальных.

Хильдегарт неуютно поежилась.

— Ну а следующей стала ты, Хьюдегар из племени франков, подарок Тихого Господина. Тело твое было восхитительно. Волосы цвета пшеницы, а щеки как два яблока. А с каким рвением ты трудилась и на моем дворе, и в моей библиотеке! И как жадна ты была до поцелуев — больше, чем остальные мои три жены, вместе взятые! У нас родились три дочери и маленький сын, который умер прежде, чем мы успели дать ему имя. — И Синан вздохнул: казалось, этот вздох вырвался из самой глубины его сердца. — Ах, эти песни… Песни о моих милых женах! Все они исполнены тоски и печали.

Да, у Хильдегарт была бурная юность. Совсем еще молоденькой монахиней она покинула Германию вместе с огромной свитой Петра Пустынника[39] — этой беспорядочной многотысячной толпой религиозных фанатиков, которая шла на Священную войну, в Первый Крестовый поход. Они спустились вниз по течению Рейна; затем, уже истощенные, вниз по Дунаю; спотыкаясь на каждом шагу и страдая от голода, они протащились по Венгрии, Византии, Балканам — и повсюду, в каждом городе и каждой деревне, спрашивали: а не Иерусалим ли это случайно?

Большинство участников Первого Крестового похода погибли, но ей, Хильдегарт, дочери простого сокольничьего, только участие в крестовом походе могло дать полное и безоговорочное отпущение грехов. И она продолжала идти вперед, и шла с апреля по октябрь 1096 года. Она голодала, перенесла тиф, была изнасилована и в конце концов, беременная, оказалась на какой-то безвестной горной вершине где-то в Турции. Там все мужчины, которые еще оставались в рядах этой странной армии, редеющих на глазах, были перебиты стрелами сельджуков из войска Кылыдж— Арслана.[40]

Хильдегарт попала в руки одного турецкого перекупщика, который оставил ребенка при себе, а ее продал пожилому султану Мосула. Султан почтил ее своим посещением лишь однажды, дабы соблюсти этикет, а затем предоставил ее самой себе, дав полную свободу в пределах гарема. В мосульском гареме царила атмосфера тихая и торжественная, почти как в монастыре, который покинула Хильдегарт. В монастыре, правда, не было

шелков, танцев и евнухов. Здесь она освоила турецкий и арабский, научилась играть на флейте, вышивать и успешно управляться с большим хозяйством: ей было поручено содержание дворцовых бань.

После убийства султана Хильдегарт выпустили из гарема и отдали одному еврейскому купцу, от которого она родила сына.

Еврей научил ее вести торговые счета и пользоваться новой системой счисления, которую он перенял от своих собратьев в Индии. В конце концов он безвестно сгинул вместе с сыном, отправившись в занятую христианами Атиохию, дабы провернуть одну уж слишком дерзкую торговую авантюру. Хильдегарт продали в счет погашения его долгов, но достоинства и таланты молодой рабыни не остались незамеченными, и ее вскоре купил один иноземный посланник.

Посланник этот много ездил по мусульманским странам, неспешно странствуя от одного султанского двора к другому, и всюду его сопровождала свита. Такая жизнь, безусловно, имела свои преимущества. Встречая титулованного иноземца, дворы мусульманских правителей стремились превзойти друг друга в щедрости и гостеприимстве. К тому же чужестранные купцы и посланники, никак не связанные с местными кланами, зачастую становились самыми надежными и добросовестными придворными. И блемми умело пользовался всеми преимуществами, своего статуса.

До ученых книжников, служивших при дворах мусульманских правителей, разумеется, доходила молва о таинственном племени блемми. Известно было, что это люди, у которых голова находится ниже плеч, и что они населяют земли Пресвитера Иоанна.[41]

На самом же деле головы у блемми не было вовсе: он оказался ацефалом. Его широкие плечи прикрывала броня из роговых пластин. Там, где у обычного человека находятся соски, у блемми помещалось два круглых черных глаза, а по центру груди выступал большой нос, из которого воздух вырывался с фырканьем и сопением. На месте пупка был рот — круглое, безгубое, безъязыкое отверстие, изнутри беловато-розоватое и покрытое зазубринами, закрывающееся плотно, как сумка, стянутая узлом. Ноги блемми, всегда бережно обутые в турецкие сапоги мягкой кожи, были лишены пальцев. Зато его руки были очень красивы, а холеные, мускулистые плечи — крепки и округлы, как древесные корни.

Несмотря на то что блемми не мог говорить, при дворах он славился учтивостью и любезностью, доброжелательностью и щедростью. Даже при дамасском дворе, воинственном и

беспокойном, его приняли без особых возражений.

Своими слугами блемми был, как правило, недоволен. Для того чтобы отвечать его высоким требованиям, требовался тонкий, проницательный ум. Хильдегарт оказалась настоящей находкой для своего Тихого Господина, и он очень быстро оценил ее способности по достоинству.

Блемми прекрасно писал по-арабски, но делал это таким же образом, как читал книги, — то есть сразу целыми страницами, охватывая их одним взглядом и воспринимая целиком. Поэтому, вместо того чтобы начинать с верхнего края страницы и двигаться затем справа налево, как делают все арабские книжники, блемми разбрасывал свои черные каракули по всей поверхности листа — на первый взгляд в полном беспорядке. Затем, не мигая уставясь на бумагу, он проверял, как читается покрытая чернилами страница: не упустил ли он что-нибудь?

Если оказывалось, что упустил, он добавлял еще несколько закорючек, но подобная мелочовка его явно раздражала.

Как оказалось, Хильдегарт обладала исключительным даром собирать воедино этот калейдоскоп значков, который блемми разбрасывал по бумаге. Для нее арабский тоже был неродным языком, но она легко запоминала большие куски текста, а уж вычисления всякого рода давались ей и вовсе без труда. К тому же, несмотря на немоту своего господина, она всегда угадывала его настроение — чаще всего по фырканью, всхлипам и нервным движениям рук. Вскоре блемми уже не мог обходиться без услуг Хильдегарт и с лихвой вознаграждал ее.

Когда дела вынудили блемми уехать из Дамаска, он поручил Хильдегарт заботам своего главного поверенного при сирийском дворе — иракского механика и алхимика. Рашид ал-дин Синан сделал себе состояние на торговле «нафтой» — воспламеняющейся жидкостью, используемой в военных действиях, которая тонкими черными струйками понемногу сочилась из тростниковых болот, обступивших его родной Тигр.

Как и большинство алхимиков, Синан живо интересовался герметической теологией, а также искусствами строительства, каллиграфии, риторики, дипломатии и лечения травами. Хитрый и пронырливый придворный, Синан жил собственным умом и всегда был рад услужить высокопоставленному иноземцу, готовому оплатить его старания небольшими, но очень чистыми бриллиантами, — то есть такому, как блемми. Синан любезно ввел Хильдегарт в свой дом в качестве наложницы, научил пользоваться абаком.

Место иностранного посланника открывало перед блемми большие возможности в сфере международной торговли. Он

неустанно разыскивал всевозможные виды редчайших масел, минеральных солей, стекла, алхимических кислот и лаймов, а также селитру, серу, поташ. Порой он приторговывал и другими товарами, но лишь для того, чтобы в конце концов заполучить эти ценные вещества.

Сам же блемми был очень скромен в потребностях. Правда, свою возлюбленную он буквально осыпал дарами. К тому же он ревновал ее самым нелепым образом и держал в такой дали и тайне от посторонних глаз, что никто никогда ее не видел.

Никому из своих слуг блемми не доверял больше, чем Хильдегарт и Синану. Он поил их алхимическими зельями — для того, чтобы плоть их не старилась, как у остальных смертных женщин и мужчин. И так они прожили многие годы — в непрестанных трудах на благо своего Тихого Господина. По мере того как шло время, Синан и Хильдегарт — маг и аббатиса — обретали знания и опыт и богатства их приумножались. А торговые пути, по которым проходили слуги блемми и караваны, нагруженные его товарами, протянулись от самых дальних границ мусульманской Испании до самых островов Пряностей.

Когда корабли крестоносцев появились в Святой земле и соединили мусульманский мир с отдаленными торговыми городами на Атлантическом и Балтийском побережьях, блемми был очень доволен.

В конце концов Синану и Хильдегарт пришлось расстаться: их затянувшаяся молодость стала вызывать подозрения у жителей Дамаска. Синан отправился в таинственную крепость Аламут, где освоил военную тактику и мистическое учение ассасинов. Хильдегарт тем временем отправилась по городам, основанным крестоносцами после Первого Крестового похода, и в одном из них вышла замуж за мудрого и всеприемлющего маронита[1]. От этого союза она родила еще троих детей.

Однако время положило конец и этому браку — как и всем прежним отношениям Хильдегарт. Настал момент, когда она вдруг осознала, что устала от мужчин и от детей — от грубости одних и от назойливости других. И она вновь облеклась в одежды аббатисы — настоятельницы укрепленного монастыря в Тире. Она стала процветающей повелительницей целой толпы монахинь — женщин работящих, прекрасно управлявшихся с ткачеством, окрашиванием материи, продажей восточных тканей и потому приносящих значительную прибыль.

Но самой деятельной и работящей была сама аббатиса Хильдегарт. Даже во время войны она получала вести из самых отдаленных уголков мира и всегда знала, где и почем продаются ценнейшие и редчайшие из товаров. И все же была в ее жизни

какая-то пустота — смутное чувство, что грядут темные времена и события, противостоять которым невозможно.

Если предположить, что все ее дети так или иначе выжили и что у них самих родились дети, которые тоже выжили, и что эти внуки — безжалостные, как даты календаря, — так же населили землю своими отпрысками, — подсчеты свидетельствовали, что Хильдегарт, сама того не ведая, стала праматерью целой толпы из трехсот человек. Это были христиане, евреи, мусульмане — одна большая семья, ветви которой продолжали расходиться новыми побегами, не имея между собой ничего общего, кроме полного неведения о ее собственной жизни, которая все тянулась и тянулась.

Мертвое море — место весьма неприятное и в этом смысле целиком оправдывает свое название. К югу от него лежал в руинах проклятый Содом, чуть севернее протекала кровавая река Иордан, а где-то между ними — Масада, город самоубийц. Воды Мертвого моря намывали по берегам деготь и битум и серые зловонные соляные курганы. Если какая-нибудь неосторожная птица пыталась здесь искупаться — она неминуемо гибла и обрастала толстой соляной коркой.

В течение долгих столетий по берегам Мертвого моря высились известковые холмы и пещеры, не тронутые человеком.

Среди этой бесплодной пустыни и поселился блемми. В последнее время Тихий Господин, некогда столь безудержно и неутомимо искавший по всему миру редкие товары и редких мастеров, почти не выбирался из своего потаенного Парадиза, спрятанного в глубоких недрах известковых холмов, обступивших Мертвое море. Лишь самые удачливые и старательные торговцы из тех, что трудились под голубиным руководством Хильдегарт, изредка допускались в это тайное убежище, да еще ассасины, и то только перед финалом своей самой последней, жертвенной миссии. А Синан и Хильдегарт заезжали в Парадиз блемми для того, чтобы испить чудодейственных эликсиров, продлевавших им жизнь. Там, под землей, цвели сады и хранились несметные запасы редчайших минералов. Был в потайном дворце блемми и свой арсенал. В нем хранилось множество зловещих орудий, сконструированных Синаном.

Ни один из секретов военно-инженерного дела не укрылся от хитроумного повелителя ассасинов. Синан знал, из чего строятся и как работают «джарк», «занбарак», «коз алзияр» и даже ужасная «маниджаник» — смертоносная машина, которую люди прозвали «Длинноволосой невестой». При помощи и под руководством блемми Синан соорудил огромные, страшные арбалеты, тетивы

которых были сделаны из перекрученных шелковых волокон и конского волоса. Эти орудия могли стрелять массивными железными балками, гранитными глыбами, раскаленными докрасна кирпичами и глиняными бомбами, извергающими при падении алхимический огонь.

Не укрылись от Синана ни тайна китайских ракет, что издают вопли и изрыгают пламя, ни секрет византийского котла, из которого рвется наружу неугасимый «греческий огонь». Эти гигантские орудия уничтожения было трудно перевозить и прятать от посторонних глаз, зато они представляли небывалую, пугающую военную мощь. Под чутким руководством умных людей они определили судьбу не одного восточного государства, раздираемого войнами. И падение Иерусалима свершилось не без их участия.

Непрестанно путешествуя, блемми всюду выискивал редкие растения, которыми увил теперь свои живописные беседки. Он тщательно собирал их пыльцу, а лепестки отжимал и процеживал сок, из которого затем готовил восхитительные эликсиры. Были у блемми и кузницы, и мастерские, в которых хранились диковинные приспособления из стекла и металла. Долгие годы ушли у него на то, чтобы вывести необыкновенную породу верблюдов, которые могли бы доставлять его товары в» самые дальние страны. В конце концов он создал удивительный вид чудных зверей с пятнистой шеей и чешуйчатой безшерстной шкурой — эдаких верблюдолеопардов.

Но самой удивительной достопримечательностью Парадиза блемми были бани. Синан ввел пришедших с ним людей под мраморные своды, громко благодаря своего бога за то, что тот защитил их в пути и невредимыми доставил на место. Затем он объявил, что препоручает их души Аллаху и впустил грязных, мучимых жаждой воинов в восхитительные мраморные пределы бань.

А здесь поистине был рай. Из множества широких медных труб хлестала чистейшая вода. Люди радостно снимали кольчуги и сбрасывали заскорузлую одежду. Со смехом и песнями омывали они свои руки и ноги, покрытые татуировками, в очищающих, освежающих струях пресной воды. А нежный аромат фимиама тем временем возносил их души на небеса.

Тихо, ласково, совсем незаметно покидали они свои тела.

Слуги блемми сложили свежевымытые трупы на носилки и убрали их прочь. Слуги эти были евнухами, и у всех были вырезаны языки.

Бережливая Хильдегарт, по своей давней привычке, аккуратно разобрала пожитки мертвецов. Женщины, бродившие

по усыпанным трупами полям Святой земли, с тем чтобы подбирать раненых и хоронить погибших, — и мусульманки, и христианки, — наживались за счет мертвецов гораздо больше, нежели за счет своих вполне живых покровителей и защитников. Часто случалось так, что женщины разных вероисповеданий, шедшие за враждебными друг другу войсками, встречались вдруг на одном поле, только накануне усыпанном мужскими трупами. Жестикулируя, они принимались торговаться и обмениваться одеждой мертвецов, их медальонами, кинжалами, дубинками и безделушками.

Синан вошел в тот момент, когда Хильдегарт только-только закончила разбирать и аккуратно раскладывать по кучкам грязные сапоги мертвецов. Вид у него был расстроенный.

— Тихий Господин написал нам, что делать, — сказал Синан. Нахмурившись, он разглядывал еще не высохшие каракули. — Евнухи должны сбросить тела в шахту, как обычно. Но он хочет, чтобы потом мы загнали в баню и лошадей. Всех до единой! — Ассасин мрачно взглянул на аббатису. — По-моему, здесь скоро вообще никого не останется. Что-то я не вижу ни садовников, ни секретарей… Людей явно не хватает, они не справляются. Ведь не нам же с тобой заниматься этой грязной работой! Ничего не понимаю.

Хильдегарт была потрясена этой новостью.

— Избавление от грязных и злобных турок, конечно, того стоило, но разве же можно ставить лошадей в такой роскошной зале, облицованной мрамором?

— Ставить лошадей, говоришь? Дорогая моя, мы должны их убить и сбросить в шахту. По крайней мере, так пишет Господин. Если хочешь, посмотри сама, уж не ошибся ли я? Ведь ты всегда была прекрасной переводчицей!

Хильдегарт внимательно изучила пергамент, покрытый чернильными брызгами. Но странные каракули блемми читались совершенно однозначно, ошибки быть не могло; к тому же с годами его арабский стал гораздо лучше.

— Все именно так, как ты говоришь, но эти указания бессмысленны. Если у нас не останется лошадей — как я вернусь в Тир? А ты как вернешься в Аламут?

Синан в ужасе поднял на нее взгляд:

— Что такое ты говоришь? Как смеешь ты подвергать сомнению повеления Тихого Господина?!

— Ну нет. Ведь это ты мужчина, — поспешно ответила Хильдегарт. — Подвергать сомнению приказы — твоя привилегия.

Хильдегарт не видела блемми уже около восьми лет. Они сообщались исключительно через курьеров или, чаще всего, при помощи почтовых птиц.

В самом начале, когда записки блемми гораздо сложнее было переводить, она сопровождала его почти всегда и всюду. Она подавала ему чернила, подносила ему виноград, хлеб и мед и даже провожала его ко сну, коему блемми предавался на кровати странной конструкции, скрытой занавесью от посторонних глаз. Но потом он перебрался в свой Парадиз, а Хильдегарт уехала и жила с тех пор за много лиг от своего господина. Тем не менее они продолжали переписываться, но он ни разу не упомянул о том, что скучает без своей верной служанки.

Блемми посмотрел на нее таким знакомым, всезнающим взглядом. Глаза его, круглые, черные и мудрые, располагались на груди на расстоянии ладони друг от друга. На нем были мешковатые штаны из цветастого синего шелка, нарядные кожаные сапоги и — разумеется — никакого головного убора. Он сидел скрестив ноги на бархатной подушке, на полу своего кабинета. Перед ним стояли баночки с тушью, рядом лежали восковые печати, расходные книги, листы пергамента и тщательно прорисованные карты. Огромные ручищи блемми с годами похудели, и пестрое одеяние казалось блеклым. Его пальцы, прежде столь ловкие и не знавшие устали, мелко дрожали.

— Должно быть, господин нездоров, — прошептала Хильдегарт Синану. В присутствии блемми они всегда старались перешептываться, потому что почти не сомневались: он не слышит и не понимает человеческого шепота. Правда, у блемми имелись уши или по крайней мере какие-то выросты по бокам тела, но он никогда не реагировал на речь, даже если к нему обращались на тех языках, на которых он умел писать и читать.

— Ничего. Сейчас я торжественно произнесу блестящую речь, подобающую величию нашего господина, а ты пиши под мою диктовку, — велел Синан.

Хильдегарт послушно опустилась на маленький коврик, украшенный кисточками.

Синан низко поклонился, приложив руку к сердцу. Затем он поочередно коснулся кончиками пальцев губ и лба.

— Прими мое нижайшее почтение, о великий господин! Да сохранит Аллах твои мудрость, здоровье и силу! Твое августейшее присутствие переполняет сердца твоих слуг радостью! Слишком долго были они лишены счастья лицезреть лик своего возлюбленного господина.

— Как твои дела, старина блемми? — быстро настрочила

Хильдегарт и тут же подтолкнула пергамент в сторону адресата.

Блемми поднял пергамент и внимательно на него посмотрел; затем склонился над ним и принялся яростно разбрызгивать чернила.

«Сердце мое разбито / вечная междумирная тьма смыкается надо мной / ночи мои охвачены пламенем и лишены сна / я истекаю кровью / и во мне уже не остается сил приветствовать рассвет / ибо бесконечные дни мои полны горестных воздыханий и бесплодных сожалений / Свет Очей Моих / она скрылась от глаз моих / от нее мне не будет привета / никогда никогда никогда не прочесть мне тех сладких речей понимания мудрости и утешения / и отныне мой путь застит тьма / ибо дни моего изгнания подошли к роковому порогу».

Хильдегарт взяла в руки пергамент, и чернильная капля сбежала по нему, как черная слеза.

Ни Синан, ни Хильдегарт и не догадывались, что с супругою блемми стряслась какая-то беда. Ведь он так ревностно оберегал ее, что вообразить подобное было невозможно.

Но оказалось, что возлюбленная их Тихого Господина — безусловно, особа женского пола — была вовсе не блемми. И даже не женщина.

Блемми показал им гарем, где прятал ее.

Именно с этой огромной пещеры блемми начал свою грандиозную стройку. Он собрал огромное количество рабов, которые пробурили и выкопали глубокие шахты в мягком известняке Мертвого моря. Многих рабов погубило отчаяние, сознание того, что их труд не имеет смысла; многие умерли от жары; многих убил удушающий, пропитанный солью и миазмами воздух.

Но затем по совету Хильдегарт злополучных рабов освободили от этой работы и даже отпустили на волю. Вместо того чтобы принуждать людей кнутом и цепями, блемми просто кинул в грязь, покрывавшую дно ямы, несколько небольших алмазов.

Вскоре поползли слухи о якобы обнаруженных залежах алмазов, которые держат в тайне. И сразу же отовсюду стали скрытно приходить сильные мужчины, преисполненные трудового пыла. Направляясь в эти бесплодные земли, они даже брали с собой собственные инструменты — и для этого не потребовалось ни денег, ни приказов, ни просьб.

Дошло до того, что рабочие начали отчаянно драться и даже убивать друг друга за право продолжать затеянные блемми раскопки. В итоге на поверхность было извлечено невероятное

количество известняка: его вполне хватало для того, чтобы соорудить надежные фундаменты для всех построек будущего Парадиза. И рабочие по-прежнему вопили от восторга всякий раз, как находили очередной драгоценный камень.

В конце концов находки прекратились, и рабочие сразу же потеряли интерес к дальнейшим раскопкам. Шахта была заброшена, а вскоре и вовсе позабыта.

Вот тогда-то в ее извилистых коридорах блемми и спрятал свою возлюбленную.

Тихий Господин отворил люк из стекла и железа, и из черного жерла шахты вырвалась волна жгучего, адского зловония — смеси запахов серы и извести.

Приложив к своему огромному лицу два стекла, ой стянул их ремнем, с силой втянул своим мощным носом побольше воздуха и очертя голову ринулся в смрадную тьму.

Хильдегарт попыталась оттащить Синана прочь от зияющего отверстия, из которого продолжал потоком извергаться воздух, напитанный гнилостными испарениями, но ассасин оттолкнул ее.

— Никогда не понимал, зачем нашему господину столько серы. Ума не приложу.

— Эта возлюбленная блемми — исчадие ада! — отвечала Хильдегарт, осенив себя крестным знамением.

— Ну, если ты считаешь, что это ад, дорогая, то имей в виду, что мы создали его собственными руками. — И Синан, сощурившись, устремил взгляд в едкую мглу. — Там, внутри, очень много костей. Я должен войти туда. Я должен увидеть все собственными глазами, чтобы оставить свидетельство для будущих поколений… Идем вместе!

— Ты, верно, шутишь? Женщине не место в шахте.

— Еще как место, дорогая! Я ведь просто прошу тебя спуститься вместе со мною в ад. Здесь нет больше никого, кто смог бы подтвердить потом истинность моих рассказов, и к тому же я полностью доверяю твоим суждениям.

Но Хильдегарт наотрез отказалась, и Синан, лишь пожав плечами по поводу ее женских страхов, устремился в туманную мглу. Хильдегарт, готовая уже оплакать его, принялась молиться — не столько о Синане, сколько о себе самой, ибо надеяться на его возвращение было безумием.

Когда она уже пять раз прочла «Ave Maria», Синан вновь появился из туннеля, едва не волоча на себе своего раненого господина. При этом они умудрились притащить огромную белую кость, похожую на кусок разбитых лат или черепок от гигантского горшка.

Эта пробитая броня, на которой болтались несколько

спутанных конечностей и куски присохших кишок, — все, что осталось от возлюбленной блемми. Оказалось, что она была чем-то вроде огромного вареного вонючего краба. Или вроде пустынного скорпиона с зазубренным хвостом, обитающего в глубокой пещере.

Возлюбленная блемми, заточенная глубоко в каменистых и дымных недрах земли, вела тихую, мирную, уединенную жизнь; питалась она очень хорошо и потому выросла до гигантских, чудовищных размеров, и через узкое жерло, отделяющее ее пещеру от внешнего мира, пройти уже не могла. Синан и блемми с огромным трудом выволокли ее костяные останки на свет божий.

Блемми потянул за потайной рычаг, и массивная железная дверь с глухим звуком захлопнулась у него за спиной. Из его груди вырывались кашель и хрипы, а сопливый нос издавал фыркающие звуки.

Синан, который не так сильно надышался адскими испарениями, пришел в себя первым. Он как следует сплюнул и вытер слезящиеся глаза, а затем жестом попросил у Хильдегарт перо и чернила.

Синан присел на большой кусок известняка. На вопросы Хильдегарт он не отвечал — только качал тюрбаном и судорожно строчил что-то на бумаге.

Тогда Хильдегарт пошла следом за измученным блемми, который продолжал тащить куда-то костяные останки своей возлюбленной, гремевшие при каждом шаге. Согнувшись под своей тяжкой ношей, Тихий Господин весь содрогался от напряжения и горя, похожий на умирающего быка. Его крепкие кожаные сапоги были изодраны в клочья, будто их кололи копьями и рубили топорами.

Но блемми, позабыв о ранах, все тащил искалеченный труп своей возлюбленной, с усилием преодолевая ярд за ярдом, вниз по склону холма — к берегу Мертвого моря. Костяная скорлупа была пронизана множеством отверстий с зазубренными краями. Похоже было, что демонессу разодрали на части изнутри.

Хильдегарт никогда прежде не видела, чтобы блемми страдал. Зато она повидала достаточно раненых и безошибочно узнала это выражение смертельного отчаяния на лице — сколь бы странным и необычным это лицо ни было.

У самой кромки темной соленой воды блемми наконец в отчаянии опустился на землю.

Хильдегарт разровняла перед ним песок подошвой сандалии. Затем она вынула из складок своего плаща длинную медную булавку и написала: «Господин, возвратимся в твой Парадиз!

Позволь мне заняться твоими ранами».

Блемми отстегнул от своего пояса небольшой нож и торопливо нацарапал на песке ответ: «Моя участь не имеет более значения / лишь дети любимой меня беспокоят / они наследники великой и благородной расы / хотя и родились в сем безотрадном краю».

«Но, господин, давай попишем об этом в каком-нибудь более подходящем месте».

Блемми нетерпеливо стер эти слова ладонью.

«Я в последний раз в жизни прикоснулся к моей несчастной возлюбленной / наши встречи были так прискорбно редки / мы обменивались посланиями, что тонули в черных межзвездных лагунах / каждую фразу приходилось терпеливо разбирать годами / наши народы разделяла смертельная вражда / но мне она верила / она согласилась стать моей / она отправилась со мною в ссылку в эти далекие неведомые земли / но вот она покинула меня, чтобы одной лицом к лицу встретить нашу печальную участь / моя милая / она никогда не думала о себе / всегда жила для других / и теперь, увы, некому мне писать письма / та, кому они были адресованы, навсегда исчезла / доброта и великодушие погубили ее».

И в порыве отчаяния блемми принялся стягивать со своих ног изодранные сапоги.

Хильдегарт покорно опустилась на колени и сняла остатки обуви с ног своего господина. На ногах оказалось множество ран — следы от колей и устрашающе крупных звериных клыков. Она сняла хлопковый плат со своей головы и разорвала его на полосы.

«Я обещал ей позаботиться о детях / защищать их, как я прежде защищал и оберегал ее / тот опрометчивый обет сломил мой дух / я нарушу данную ей клятву, ибо не могу жить без нее / без ее доброты, внутренней силы и великодушия / она была так мудра / ей были открыты такие глубины познания / великие чудеса, о каких я и подозревать не мог / в ней жила необыкновенная непостижимая душа / а уж как она меня любила / какие дивные чудеса мы делили друг с другом / мы пришельцы из разных миров / о до чего же чудесно она писала!»

Тут к ним подошел Синан. Глаза у ассасина покраснели от ядовитых испарений, но он уже взял себя в руки и успокоился.

— Что ты там делал? — спросила Хильдегарт, перебинтовывая окровавленную беспалую ногу блемми.

— Я создал шедевр! Ты только послушай! — радостно возгласил Синан. Он поднял повыше кусок пергамента, который держал в руках, прокашлялся и с выражением прочел: — «Я своими глазами узрел горы трупов. То жертвы резни или бойни.

Все изрублены, иссечены; их разорваны горла, и из прободенных черепов вытек мозг. Их изломаны спины, раздроблены шеи; их носы перебиты и залиты алою жижей, и их волосы слиплись в крови. Ссохлись нежные алые губы; размозженные головы, как решето, все пробиты; ступни иссечены и изодраны множеством лезвий; пальцы срезаны — ими усеяно сплошь все пространство вокруг; и у каждого трупа грудь как месиво кости и мяса. И казалось, с последним дыханьем из этих грудей вырываясь, сами души раздроблены были и иссечены; и тела бездыханно лежали, будто серые камни, средь мертвенных хладных камней!»

Окровавленные пальцы Хильдегарт соскользнули с узла, которым она пыталась закрепить импровизированную повязку на ноге своего господина. Солнце сильно припекло ее неприкрытую голову. В ее ушах зазвенело. В глазах помутилось.

Когда она пришла в себя, то первым делом увидела Синана, который заботливо протирал ей лицо куском ткани, смоченным, водой из фляги.

— Ты упала в обморок, — сказал он.

— Да, — слабо пробормотала Хильдегарт, — это было уже слишком.

— Еще бы! — подтвердил Синан. Глаза его сияли. — Ведь эти волшебные стихи вылились из меня в едином порыве божественного вдохновения! Будто мое перо само научилось возглашать истину!

— Значит, все это ты увидел в аду? — спросила она.

— О нет, — отвечал Синан. — Этим ужасам я стал свидетелем при осаде Иерусалима. Но прежде мне никак не удавалось описать свои впечатления, а сейчас на меня снизошло вдохновение. — Синан пожал плечами. — А в этой отвратительной шахте я вообще почти ничего не смог разглядеть. Только темный едкий дым да обломки костей. Ну и прорва бесят: их визг и шебурша-ние раздаются со всех сторон, будто пещера полна не то ящериц, не то летучих мышей. И вонь от них адская… — Синан бросил косой взгляд на израненные ноги блемми. — Видишь, как маленькие черти искусали его, когда он пытался пробраться сквозь их толпу и забрать останки их мамаши.

Блемми не мог слышать того, что сказал Синан, но интонации ассасина его, по-видимому, взволновали. Он приподнялся и сел. Его черные глаза были словно подернуты пленкой и полны безысходного горя. Он вновь взялся за нож и вырезал им на песке новое послание:

«А теперь мы поднимем бесценное тело моей возлюбленной /

и опустим его для вечного упокоения в недра сего чужеземного моря, столь любимого ею / во всем вашем мире не нашлось места, которое встретило бы ее ласковее, чем эти тихие воды».

Синан убрал пергамент со стихами и потянул за одну из побелевших конечностей искалеченного тела, которое принадлежало возлюбленной блемми. Костяная броня с грохотом перевернулась, будто скорлупа от яйца птицы Рух, пробитая клювом птенца. Раненый блемми встал на окровавленные ноги и, напрягая все свои иссякающие силы, попытался поднять или хотя бы толкнуть эту костяную стену. В конце концов и Синан, и блемми с плеском шагнули в зловещие воды и сразу же погрузились по пояс.

Когда белый остов стал погружаться в воду, из его внутренности вдруг послышались шорох и шебуршание. Из каких-то потаенных закоулков костяной скорлупы, шатаясь на трясущихся лапках, как мокрый птенец, выполз маленький, жутковатого вида бесенок. Он принялся прыгать, чирикать и визжать.

Мудрый Синан тут же замер, как охотник, случайно встретивший леопарда. Но блемми не смог сохранить хладнокровие. Громко фыркнув, он с плеском рванулся к берегу.

Бесенок ринулся вслед за блемми с ловкостью прирожденного хищника. Нагнав свою жертву, он повалил ее на соленый песок и тут же принялся пожирать добычу.

Синан схватил ближайшее оружие, оказавшееся под рукой: он оторвал от скелета демонессы подходящую кость, бегом выбрался на берег и ударил ею бесенка, как булавой, по колышущейся от удовольствия спине. Однако броня у этой твари была куда прочнее, чем у краба: тяжелый удар лишь разозлил маленького монстра. Демон с невероятной скоростью повернулся и обрушился на ассасина. Менее опытного воина он, должно быть, сразил бы на месте. Но мудрый Синан перехитрил бесенка. Увернувшись от смертоносного броска, он ударил своей булавой по хрупким суставам костяных конечностей твари. Когда же чудище рухнуло на песок, шипя и обливаясь пеной, он достал из складок своей одежды короткий кинжал с изогнутым лезвием и прикончил бестию.

Синан вынул кинжал из трупа бесенка и поднялся на ноги. Одежда его была изорвана, рука окровавлена. Спрятав кинжал, он оттащил тело маленького чудовища к самой кромке соленой воды. Затем, содрогаясь от омерзения, он поднял его и отнес на то самое место, где покоился в неподвижной воде труп его матери.

Хильдегарт опустилась на колени подле своего господина.

Раны его заметно умножились. Он задыхался.

Блемми прикрыл глаза, ослабев от боли и тоски. Силы его таяли на глазах, но он явно хотел написать что-то еще. Он нацарапал на песке дрожащим пальцем: «Отнесите меня в мой Парадиз и перевяжите мои раны / сделайте все, чтобы я выжил / я открою вам великие тайны / неведомые и величайшим пророкам».

Синан взял Хильдегарт за руку.

— Знаешь, дорогая, судьба наших лошадей меня больше не беспокоит, — сказал он.

Затем Синан опустился на колени и стер все, что написал их господин. Капля его собственной крови упала на песок возле лужи, натекшей из ран блемми.

— О мой бесстрашный герой! Это отвратительное чудовище ранило тебя!

— Знала бы ты, какое бессчетное множество раз было ранено мое бедное старое тело!

Левая рука Синана была сильно рассечена хвостом твари, как будто хлыстом. Он сжал зубы от боли, когда Хильдегарт перетягивала ему рану шарфом.

— Знала бы ты, дорогая, какую радость доставила мне эта схватка! Никогда в жизни я еще не убивал тварь, которую так сильно хотел бы убить.

Блемми с трудом, упершись локтем в песок, приподнял свое безголовое тело и сделал слабый знак, чтобы они подошли. И в это мгновение Хильдегарт почувствовала острую ненависть к нему, к его слабости, которая заставила его поддаться дьявольским искушениям.

— Как ты думаешь, о чем это блемми собирается написать нам? Что это за «великие тайны», о которых он обещает нам поведать?

— Да все те же самые, ничего нового, — с отвращением отвечал Синан. — Наверняка это будет все тот же мистический бред, будто Солнце — не более чем звезда.

Хильдегарт передернула плечами:

— Терпеть не могу эти его бредни!

— А потом он станет утверждать, будто мир невообразимо стар. Чушь, да и только. Ну пойдем, дорогая, поможем ему. Давай подлатаем как следует нашего господина, ведь больше некому это сделать.

— «Тысячи лет, — принялась цитировать Хильдегарт, не двигаясь с места, — и еще тысячи тысяч лет. И еще тысячи тысяч и тысяч. И еще помножить все это на тринадцать с половиной. Вот сколько лет прошло с тех пор, как родилась наша Вселенная».

— И как только ты все это помнишь? В искусстве чисел тебе нет равных!

Вдруг по телу Синана, от макушки до пят, пробежала дрожь: то была волна ярости, страха и усталости — отзвук недавнего поединка.

— Дорогая, позволь спросить тебя, на твое суждение я готов полностью положиться: как ты думаешь, все эти огромные числа имеют хоть какой-нибудь смысл? Ну хоть малейший?

— Нет, — ответила Хильдегарт.

Ассасин бросил усталый взгляд на совсем уже ослабевшего блемми и понизил голос:

— Ну что ж, твоему мнению я доверяю всецело. Значит, ты абсолютно уверена в том, что говоришь?

Хильдегарт ощутила прилив необыкновенной нежности к Синану. Она хорошо знала это выражение его лица — искренне и всерьез озадаченное. Она часто наблюдала это выражение в те далекие дни, когда она и Синан, наложница и господин, игрывали в шахматы, в безмятежности коротая приятные вечера. Ведь это Синан научил Хильдегарт играть в шахматы, до этого она и не подозревала о том, что есть такая игра. А игра оказалась просто потрясающей — что за чудо этот король, который едва может ходить, и быстрый ферзь, и отважные кони, и доблестные ладьи, и яростные слоны! И когда Хильдегарт стала все чаще выигрывать, Синан знай себе только смеялся да нахваливал ее недюжинный ум; казалось, игра ему от этого стала нравиться даже больше, чем прежде.

— Мой дорогой, мой отважный Синан, я даю тебе слово: такие бездны времен не нужны даже Богу, не говоря уж о его ангелах!

Без головного покрывала у Хильдегарт кружилась голова. Она осторожно провела руками по своим длинным косам.

— Почему он считает, будто цифры могут нас как-то вознаградить? Лично я бы предпочла золото и бриллианты.

Синан снова пожал плечами, бережно придерживая раненую руку.

— Полагаю, что горе затмило ему разум. Надо унести его подальше отсюда, подальше от тела возлюбленной. Если получится, нужно положить его в постель. Нельзя требовать многого от мужчины, когда он находится у края могилы своей любимой.

Хильдегарт с отвращением взглянула на скелет демонессы. Плотные соленые воды все еще не спешили поглотить гигантский скелет, но постепенно, сквозь многочисленные отверстия, влага все же просачивалась внутрь, и костяной остов понемногу тонул,

будто корабль, пробитый ядрами. Вдруг в сердце Хильдегарт закралось темное подозрение. За ним последовал леденящий ужас.

— Синан, подожди-ка еще минуту. Послушай меня. Сколько всего адских отродий вышло из чрева этого жуткого демона?

Синан сощурил глаза:

— Думаю, не меньше сотни. По крайней мере, судя по тем ужасающим звукам, которые я слышал в пещере.

— Синан, а ты помнишь ту сказку, про султана и шахматную доску? Сказку про большие числа?

Это была одна из его любимых арабских сказок. В ней рассказывалось об опрометчивом обещании, которое глупый султан дал одному хитрому вельможе. На первом квадрате шахматной доски — одно-единственное зернышко пшеницы, на втором — уже два зерна, на третьем — четыре и так далее: восемь, шестнадцать, тридцать два… И в конце концов адские числа складывались в целый амбар.

Синан нахмурился:

— О да. Я помню эту сказку. И я начинаю понимать, к чему ты клонишь.

— Ведь ты же сам мне ее рассказал, — заметила Хильдегарт.

— Умница моя, я очень хорошо помню, как рассказывал тебе эту сказку! И я отлично знаю, как глубока та подземная шахта! Ха-ха! Так вот зачем он хочет накормить этих бесов мясом моих драгоценных коней! Когда эти мерзкие твари начнут размножаться, сколько их станет, как ты думаешь? Сотни, и сотни, и сотни!

— Чем это нам грозит? — спросила Хильдегарт.

— Это же очевидно, — отвечал Синан. — Они выберутся наружу и наводнят собою нашу священную родину. А размножаясь снова и снова, они вскоре распространятся на такие расстояния, которые не пролетит ни одна даже самая сильная птица!

Хильдегарт порывисто обхватила его руками. Боже, как быстро он все понимает!

Синан перешел на громкий шепот:

— Что ж, дорогая, благодаря твоей женской интуиции мы разгадали его коварный замысел! Теперь мне совершенно ясно, что нужно делать. Ты ведь со мной согласна, не так ли?

— О чем ты?

— Я должен убить его.

— Что, прямо сейчас?

Синан отстранился от нее; лицо его приняло решительное и угрожающее выражение..

— Ну разумеется, сейчас! Если хочешь убить сильного противника — нападай на него неожиданно, как гром среди ясного неба. Смертельный удар лучше всего наносить именно тогда, когда противник его меньше всего ожидает. Ты сейчас сделаешь вид, будто хочешь помочь ему подняться на ноги. И тогда я, не говоря ни слова, поражу его моим стальным клинком прямо между ребер.

Хильдегарт сощурилась и стряхнула со своего плаща песчинки.

— Скажи, Синан, а ты уверен, что у блемми вообще есть ребра?

Ассасин задумчиво погладил бороду.

— Ты права, дорогая, я, пожалуй, погорячился. Нужно все продумать.

Но пока они перешептывались, блемми уже сам поднялся с окровавленного песчаного ложа. Пошатываясь и спотыкаясь, он вошел в зловонные, соленые, мертвые воды. Останки его возлюбленной так и не утонули до конца: слишком уж мелко здесь было.

Пытаясь удержаться на плаву, блемми принялся толкать белый остов за костяные зубцы и шипы, торчащие над поверхностью воды, с тем чтобы оттащить его подальше от берега. Плотность воды в Мертвом море очень высока, и утонуть в нем почти невозможно — но ведь у блемми не было головы, которую можно было бы держать над водной поверхностью. Синан и Хильдегарт кричали ему об этом, стараясь предупредить об опасности, но господин не услышал их криков.

Застряв между тяжелых костей своей возлюбленной, он утонул. А несколько минут спустя его труп выскочил на поверхность, будто пробка.

После гибели Тихого Господина дела в Святой земле сразу же пошли из рук вон плохо. Для начала с рынков поисчезали все редкие товары. Затем торговля и вовсе пришла в упадок. Служащие перестали вести приходно-расходные записи. Цены пустились вскачь с такой скоростью, что уследить за ними не было никакой возможности. Урожаи были побиты, деревни разорены, караваны разграблены, а суда потоплены. Люди перестали торговать и учиться друг у друга: все споры теперь разрешались поножовщиной. Тающее на глазах христианское войско терпело одно поражение за другим. Спасаясь от безжалостного истребления, крестоносцы укрывались в каменных крепостях и там умирали от голода либо садились на корабли и судорожно носились от острова к острову, выпрашивая

подкрепление, которое никто почему-то не рвался им дать.

Разбойничьи войска Синана были первыми, кто занял Парадиз блемми. Причем Синан и не думал извлекать какую-то пользу из того, что хранилось во дворце. Ассасин слыл злым колдуном, которому достаточно просто коснуться человека, чтобы убить, и воины боялись его смертельно. Однако известно, что, когда пахнет наживой, дисциплина в войске падает. И Синановы разбойники стали взламывать замки, жечь библиотеки, ножами выковыривать полудрагоценные камни.

Крестоносцы, которыми командовала Хильдегарт, к началу оргии опоздали, но зато быстро наверстали упущенное. Христиане накинулись на цветущий оазис, подобно стае волков. Все, что можно было унести, они брали с собой, а остальное сжигали.

Четверо воинов притащили Хильдегарт к Синану, в его большой черный походный шатер. Они швырнули ее на ковер, украшенный кистями.

Битвы, через которые алхимик провел свою армию, дались ему нелегко. Лицо его осунулось и покрылось морщинами. Но, узнав в новой пленнице Хильдегарт, он мгновенно просиял. Он помог ей подняться на ноги, достал турецкую саблю из ножен и осторожно разрезал пеньковые веревки, стягивающие ее запястья.

— Какие сюрпризы преподносит нам жизнь! — воскликнул он. — Как удалось тебе прорваться ко мне во всей этой неразберихе?

— Мой господин, моя судьба в твоих руках; я твоя пленница. Сэр Роджер Эдесский отдает меня тебе в заложницы, гарантируя тем самым, что его войска будут вести себя смирно. — Произнеся эту краткую речь, которая была подготовлена заранее, Хильдегарт вздохнула с облегчением.

Синан выслушал ее с недоверием.

— Что за времена настали! Не иначе как миру приходит конец! Значит, Роджер, твой паладин, отдает мне в качестве заложницы известную праведницу? Что ж, на войне принято считать, что женщина — хороший подарок. Кто такой этот Роджер Эдесский? Не мешало бы преподать ему пару уроков по куртуазному кодексу чести!

Хильдегарт потерла затекшие запястья. Сердце ее переполняло желание довериться ассасину целиком и полностью.

— Видишь ли, Синан, я вынуждена была поставить Роджера Эдесского во главе этого похода. Роджер молод, отважен, он презирает смерть, и нельзя придумать для него лучшего дела, как ринуться в бой и поубивать тех бесовских чудовищ…

Синан кивнул:

— Да, я отлично понимаю таких людей.

— Это я заставила сэра Роджера отдать меня тебе в заложницы.

— Все равно он повел себя как невежа.

— Ах, все это очень, очень непросто. Дело в том, что Роджер Эдесский отправил меня к тебе потому, что он меня ненавидит. Видишь ли, сэр Роджер без памяти влюблен в мою внучку. Это очень глупая, совершенно безмозглая девица, я дала ей прекрасное образование, но она все равно презирает меня всей душой. И когда я поняла, насколько сильно ими овладела взаимная страсть, я сразу же их разлучила. Я укрыла ее в башне, в Тире, — приставила ухаживать за почтовыми голубями… Ведь Роджер — бродяга, искатель приключений, скиталец: его род лишился своих владений много лет назад. Я присмотрела для этой девицы куда более выгодную партию. Но оказалось, что даже хлеб и вода не в состоянии отбить у нее глупую привычку любить этого человека… Роджеру не нужно иной награды, кроме ее руки, и ради ее дурацких поцелуев он готов встретить лицом к лицу хоть все силы ада… Должно быть, тебе уже наскучила моя болтовня?

— Ну что ты, разве ты можешь наскучить мне, — с готовностью возразил Синан. Он слушал ее с усталой полуулыбкой, рассеянно поглаживая пухлую бархатную подушечку, лежащую подле него на ковре. — Пожалуйста, продолжай! Мне очень любопытна эта экзотическая история о романтической любви двух христиан. Твои семейные интриги всегда так занимательны!

— Послушай, Синан. Я, конечно, всего лишь глупая женщина, и к тому же монахиня, но прошу тебя отдать мне должное. Ведь все-таки я, эта самая монахиня, привела тебе армию. Я дала этим разбойникам оружие, я их одела и привела сюда, к тебе, чтобы ты с их помощью уничтожил бесов… Я сделала все, что было в моих силах.

— Что ж, это огромное достижение, моя милая маленькая Хьюдегар.

— Я так устала… Я близка к отчаянию. Как только по миру разошлась темная молва о смерти нашего Тихого Господина, все мои купцы тут же перессорились. И голуби больше не доставляют почту, Синан: их некому принять, и они исчезают бесследно. А если птицы все же прилетают, то приносят ужасающие вести: кражи, растраты, банкротства, все виды коррупции… Вокруг Тира и Акра выжжены все поля, по всей Святой земле хозяйничают головорезы Саладина… Где нет голода, там непременно чума… По небу плывут облака в форме змей, коровы телятся какими-то

чудищами… Я скоро с ума сойду.

Синан хлопнул в ладоши и потребовал, чтобы она сняла с себя традиционные одежды, положенные пленнице; Хильдегарт с благодарностью отдала слугам этот официальный наряд. Затем ей поднесли прохладный лимонный шербет. Доброта и внимание, проявленные ассасином, сделали свое дело: Хильдегарт немного воспряла духом.

— Дорогой мой Синан, я должна еще кое-что сообщить тебе об этой банде, которую я привела тебе в помощь для нападения на ад. Все они христиане, и к тому же только что с корабля, — так что поверят любой небылице. Все они англичане — ну, то есть не англичане, а норманны: англичане теперь их рабы. У этих воинов львиные сердца, и львиная отвага, и львиные клыки, но и запросы тоже львиные. Я обещала им большую добычу, то есть велела сэру Роджеру, чтобы он им пообещал.

— Отлично. Похоже, с этими дикарями можно иметь дело. Ты им доверяешь?

— Господи, конечно же нет! Но англичанам все равно пришлось бы уйти из Тира на Священную войну, потому что местные жители не стали бы терпеть их дальнейшее присутствие. Эти англичане странный народ, очень жестокий. Они пьяницы, неряхи и буйные к тому же, а по-французски говорят так, что это ни на что уж не похоже… — Хильдегарт поставила стеклянную пиалу с шербетом на пол и принялась всхлипывать. — Синан, ты просто не представляешь, сколько всего я натерпелась от этих грязных животных. В наши дни никто уже не умеет вести себя учтиво, а уж сколько страшных, невыносимых оскорблений мне пришлось пережить за эти дни… Эти люди ни в какое сравнение не идут с таким порядочным человеком и великим ученым, как ты!

Несмотря на все трудности, Хильдегарт все же удалось добиться официальных переговоров между сэром Роджером Эдесским и Синаном. Как и большинство воинов, умиравших на полях Святой земли, Роджер Эдесский был полукровка. Дед его был француз, бабка — турчанка, отец — германец, а мать — православная гречанка родом из Антиохии. Его собственная родина, Эдесса, давным-давно пала в огне.

Сэр Роджер был туркопол, то есть потомок христианско-мусульманских браков. Он носил итальянский плащ в шашечку, французские доспехи и заостренный персидский кавалерийский шлем, украшенный арабским павлиньим пером. Глаза сэра Роджера наполняла светлая поэтическая грусть, ибо не было на свете клочка земли, который он мог бы назвать своим домом. И в какую бы область Святой земли он ни отправился, везде ему

приходилось видеть смерть людей, связанных с ним кровными узами. Всегда было принято считать, что туркополам — истинным детям Святой земли — доверять нельзя. Они за любую веру сражались с одинаковым безразличием, и все убивали их с одинаковым удовольствием. Роджеру было всего лишь двадцать лет, но сражаться и убивать он умел с двенадцати.

Сэр Роджер и самые отважные из его англичан внимательно вглядывались в своих новых союзников-мусульман, пока Хильдегарт переводила их слова. Как Синан ни старался, ему удалось собрать лишь две сотни воинов, желающих сразиться с демонами. Где-то вдали, за пламенеющим горизонтом, могучий Саладин собирался вести верных мусульман в другую битву — в последний, решающий, исторический бой против захватчиков с Запада. Так что мусульманские герои, готовые сразиться с демонами не на жизнь, а на смерть, были теперь большой редкостью.

Кроме того, прошел слух, что все без исключения ассасины, служившие Синану, добровольно предали себя мученической смерти. Тем не менее благодаря славе, которой Синан пользовался среди поклонников оккультного знания, ему все же удалось набрать небольшое войско слепо преданных ему фанатиков. При нем всегда находился страж-исмаилит, вышедший из медресе, признанной рассадником ереси. Был у него и небольшой отряд пехоты, состоявший из египтян, подданных династии Фатимидов; эти воины привели с собой и своих нубийцев. К осадным орудиям была приставлена горстка перебежчиков из Дамаска. Синан надеялся, что эти огромные смертоносные машины принесут ему быструю победу.

Роджер осмотрел страшные орудия с видимым уважением. Медные остовы машин, предназначенных для метания «греческого огня», живо вызывали в воображении жуткие картины увечий, нанесенных липкой, обжигающей массой. А на массивные рычаги для катапульт ушло немало великолепных ливанских кедров.

Роджера всему научили тамплиеры. Однажды он даже побывал по их поручению в Париже: ведь они вечно искали все новых и новых источников дохода — деньги на войну требовались постоянно. И молодой человек совершенно безосновательно гордился своим изящным французским произношением.

— Ваше превосходительство, мои благочестивые воины полны решимости изничтожить это злобное племя пещерных чудовищ. Однако нам хотелось бы знать, чем будут оплачены наши услуги.

Хильдегарт перевела. Лукавый ассасин прекрасно читал по-

французски, но никогда ни при ком не говорил на этом языке.

— Сын мой, не забывай: перед тобой не кто-нибудь, а Горный Старец. — С этими словами Синан вручил Роджеру внушительную пригоршню бриллиантов. — Можешь оставить эти несколько камешков для себя и своих славных ребят. Они поднимут боевой дух твоей армии. А когда последнее исчадие ада будет уничтожено, мы спустимся в алмазную шахту, где они ныне обитают, и честно разделим их легендарные сокровища.

Роджер показал задаток двум своим старшим офицерам. Один из них был усатый англичанин — морской капитан с обветренным лицом: верхом на лошади он чувствовал себя крайне неуютно; другой — стриженый норманн, по всей видимости мошенник у этого были отрезаны уши. Оба разбойника недоверчиво засунули по камню себе в рот и поболтали ими между зубов; когда бриллианты не растрескались, как стекляшки, офицеры выплюнули их в свои плосковерхие шлемы, а затем обменялись кривыми ухмылками.

Ассасины, высланные Синаном в дозор, внимательно следили за входом в пещеру. Маленький военный совет в полном составе отправился туда, дабы изучить место будущей схватки. Хильдегарт забеспокоилась: в окрестностях шахты произошли зловещие изменения. Тяжелая дверь из стекла и железа была вся испещрена небольшими отверстиями. Повсюду валялись свежие кости вперемешку с мертвенно-бледными обломками крабьих панцирей. Вся растительность вокруг была изглодана или вырвана с корнем, даже сухая земля выглядела будто пережеванной, как если бы ее месило копытами стадо разъяренных от боли быков, на которых только что выжгли клейма.

Офицеры Роджера опустили свои копья, украшенные вымпелами, и попытались проткнуть ими пустой розоватый панцирь. Роджер задумчиво покатал бриллиант между пальцев в кольчужной перчатке.

— О господин главнокомандующий и великий эмир! Ты был воистину прав, когда говорил нам, что здесь находится вход в ад! Как нам следует поступить?

— Первым делом мы с помощью огня заставим их выйти на поверхность. В остальном я возлагаю большие надежды на твоих воинов-христиан, которые должны облачиться в тяжелую броню. — Синан искренне старался быть учтивым. — Я собственными глазами видел, как ваша тактика сокрушительных ударов сметала противника в одно мгновение. Особенно пеших крестьян.

— Я полагаю, что к завтрашнему утру мои рыцари будут

трезвы и готовы к выполнению ваших приказов, — ответил Роджер. — Кстати, а не потребуется ли наша помощь в транспортировке ваших тяжелых самострелов? Нам уже приходилось иметь с ними дело под Иерусалимом.

— Мои инженеры из Дамаска сделают все самым наилучшим образом, — заверил его Синан и развернул своего великолепного арабского скакуна. Вся кавалькада двинулась прочь от пещеры.

— Ваше превосходительство, нам еще нужно договориться о системе сообщения, — настойчиво продолжал Роджер. — Ваши подручные предпочитают использовать барабаны, а у нас в ходу флаги и рог…

— Мой юный полководец, не беспокойся, эту проблему легко разрешить. Не согласишься ли ты наблюдать за битвой со спины моего слона? Вместе со всеми барабанами, флагами, рогами и… нашей переводчицей, разумеется?

Хильдегарт была так потрясена этим предложением, что чуть не свалилась с лошади.

— Что я слышу, Синан? У тебя есть слон?

Умелой рукой ассасин перехватил уздечку ее норовистой кобылы.

— Моя ненаглядная пленница, я пригнал сюда слона для твоей же собственной безопасности! Надеюсь, ты не побоишься наблюдать за ходом сражения со спины моего гигантского зверя?

Хильдегарт твердо выдержала его взгляд.

— Я целиком доверяюсь твоей мудрости и заботе, о грозный принц, и ничего не страшусь!

— Ты очень добра.

Боевой слон Синана был весьма странным созданием. Это серое и морщинистое толстокожее животное прошло невероятное расстояние — быть может, от самых дальних берегов Индостана — и добралось до Мертвого моря исхудавшим, измученным жаждой; его большие плоские ступни были разъедены солью. Слоновьи бока, будто выпуклые крепостные стены, покрывали трещины и боевые шрамы, а в его маленьких красных глазках светилась смертельная ненависть к людям. В его бивнях были пропилены аккуратные плоские отверстия для острых мечей, а гигантское тело, словно броня, окутывали толстые стеганые маты; из такого количества ткани можно было бы сшить не менее дюжины шатров. К высокому паланкину сандалового дерева крепился самострел, инкрустированный медью: чтобы его зарядить, нужно было прокрутить две стрекочущие ручки, и метал он сразу сорок тяжелых зазубренных стрел делийской стали, каждая из которых пробивала насквозь сразу трех человек. Так что хозяин этого зверя не мог не наводить ужас.

Высоко задрав голову, Хильдегарт посмотрела сначала на зверя, а затем на Синана, и во взгляде ее выразилось искреннее восхищение. Откуда нашлось в ассасине столько великодушия, что он оказался способен на этот великолепный жест?

На другой день Синан преподнес ей несколько официальных подарков: кинжал с рукояткой из слоновой кости, шлем с забралом и покрывалом, чтобы никто не увидел ее безбородого лица, мягкие одежды под доспехи и длинную рыцарскую кольчугу. Не следовало простым воинам видеть, что на поле боя находится женщина. И все же Синан нуждался в ее советах, в ее переводческих способностях и в ее глазах, ведь ей предстояло впоследствии засвидетельствовать происходящее. А в доспехах и шлеме она вполне сойдет за мальчика-оруженосца.

Плотные кольца грязной кольчуги поскрипывали и звенели, тяжелым полотном свисая с плеч Хильдегарт. Доспехи были так тяжелы, что ей едва удалось подняться по складной лестнице на спину слона, в мерцающий паланкин. Забравшись в него, она тяжело опустилась на жесткие красные подушки, набитые конским волосом. Посмотрев вниз, на поле предстоящей битвы, она почувствовала головокружение: она вдруг ощутила себя не человеком, а оторвавшейся от ствола дубовой веткой.

Сражение началось с живописных взрывов: далеко внизу вспыхнули языки цветного пламени. Инженеры Синана обливались потом, но все-таки действовали довольно быстро, сбрасывая все новые сгустки алхимического огня в черную глотку ада.

Вдруг у выхода из пещеры показались сразу около дюжины демонов. Эти твари привыкли к запаху серы, и брызги «греческого огня» не произвели на них особого впечатления. За прошедшее время твари успели подрасти и были уже размером с козла.

При виде этих странных подпрыгивающих существ кони зафыркали и стали под своими закованными в броню, тяжеловооруженными всадниками. Несколько трусов при первом же появлении этих противоестественных чудовищ в ужасе кинулись наутек, но товарищи тут же вернули им мужество громкими насмешками, и беглецы, краснея и отводя взгляды, вернулись на свои места.

Забили барабаны, затрубили рога, и тусклое пламя арбалетных стрел дождем обрушилось на танцующих крабов. Спустя несколько мгновений твари вдруг захромали, запрыгали, извергая беловатый гной, и жалобно запищали, вытаскивая стрелы из перебитых конечностей. Воины возликовали и воспряли духом. Наблюдая за происходящим сквозь прорези в забрале своего шлема, Хильдегарт вдруг догадалась: оказывается, демоны

и не подозревали, что бывает оружие, способное наносить удар с расстояния. Ведь они никогда прежде такого не видели.

Вскоре запасы «греческого огня» у Синана иссякли. Тогда он велел задействовать катапульты. Искусные уроженцы Дамаска железными прутами закручивали тросы из конского волоса до тех пор, пока кедровые рычаги не начинали скрипеть от напряжения. Тогда катапульты с резким ударом забрасывали огромные керамические сосуды, полные студенистой нафты, прямо в нору, и из земных недр доносились глухие взрывы.

Вдруг из пещеры, подобно рвоте, хлынул поток отвратительных демонов: они ползли из-под земли, как толпа муравьев, спасаясь от боли; их панцири, будто венцы, окружали языки пламени.

Охваченные огнем, твари кинулись вперед беспорядочной толпой. Бесстрашные ассасины-исмаилиты, которые искали награды за пределами земной жизни, с именем своего бога на устах, обнажив сабли, вклинились в самую гущу обезумевших демонов. Отважные самоубийцы очень скоро находили свою смерть, погибая под ударами хвостов и клешней. При виде такого благородного самопожертвования, а также ничтожности его результатов все воины как один издали вопль яростной ненависти.

От горящей плоти чудовищ исходил странный, ни на что не похожий тошнотворный запах — зловоние, которое, казалось, даже лошади находили нестерпимым.

Вновь затрубили рога. Английские рыцари подняли копья, уперлись ногами в стремена и, сомкнув щиты, двинулись вперед. Крабы сперва отпрянули, испугавшись вида собственной крови и блеска рыцарских копий. А тем временем рыцари, размахивая саблями и нанося удары направо и налево, отступили и перегруппировались. Им на помощь пришла пехота: пешие воины высыпали на поле битвы, добивая раненых чудовищ тяжелыми ударами боевых топоров.

Тут к небу поднялся столб черного дыма и стал застилать его. Из зловонной норы хлынул плотный, бурный, бурлящий поток демонических тварей. Похоже было, что дым отравил их: из жабр, находившихся у них на брюхе, извергалась бесцветная жижа. Их были сотни и сотни. Они легко перепрыгивали через любые препятствия; их переполняла такая неистовая энергия, что, казалось, они вот-вот полетят.

Через несколько мгновений маленькая армия была уже окружена. Дамаскины с отчаянными криками погибали возле своих осадных орудий. Лошади в ужасе валились на землю, когда чудовища кидались на них, хватали за ноги и перекусывали им

колени. Стройные шеренги вооруженной копьями пехоты дрогнули и рассыпались.

Но никто не пытался отступать. Ни один воин не покинул поля брани. Люди бились с мерзкими тварями до последнего издыхания.

Люди гибли один за другим: их рассекали на части, рвали на куски. Сэр Роджер сидел со своим барабаном в хвостовой части паланкина и выкрикивал приказы, которых никто уже не слышал. Слон, искусанный и израненный существами, которые не могли допрыгнуть даже до его коленей, пришел в неистовство. Подняв длинный хобот, он издал душераздирающий вопль и, широко ступая на негнущихся колонноподобных ногах, при каждом шаге сотрясая землю, двинулся в самую гущу врагов. Когда гигантский разъяренный зверь наклонился вперед, Синан изловчился и метнул из самострела связку железных молний. Смертоносные стрелы, с метр длиной, протыкали демонов насквозь, пригвождая их к земле.

Несколько разъяренных демонов стали взбираться по слоновьему боку, будто по горному склону. Они карабкались вверх, цепляясь лапками за плотное хлопковое покрывало.

Хильдегарт, дрожавшая от страха под тяжелым шлемом и кольчугой, услышала, как они ползут и царапаются по крыше паланкина; а Синан и Роджер тем временем, стоя плечом к плечу, тщетно пытались достать их длинными клинками.

Тут страшные клешни вцепились в ее кольчугу и потащили вон из паланкина. Вместе с напавшими на нее демонами Хильдегарт тяжелой, бесформенной массой рухнула вниз со слона, который продолжал идти вперед неровным, подпрыгивающим шагом. Так, большой общей кучей, они и свалились на египтян, которые, спасаясь от обступивших их демонов, целой компанией взгромоздились верхом на одну лошадь.

В ужасе и оцепенении Хильдегарт лежала на земле и наблюдала, как все больше и больше отвратительных чудовищ взбираются на огромного зверя, со скрежетом проносясь по ее металлическому облачению. Один демон, почти надвое рассеченный лезвиями, торчащими из слоновьих бивней, отлетел в сторону и шмякнулся прямо на нее. Лежа на ней, он забился в агонии, судорожно подергивая многочисленными конечностями и изливая из разорванных жабр бледно-розовую пену.

Хильдегарт лежала не шелохнувшись, будто мертвая, вспомнив о том, что именно так некоторым удавалось пережить самые жестокие битвы. Ей было очень страшно — вот так вот лежать на спине среди бурлящего потока яростных, шипящих и

свистящих чудовищ, среди предсмертных воплей, проклятий и лязга стали. И в то же время было в этой вынужденной неподвижности какое-то особое умиротворение… потому что в этот момент Хильдегарт ничего не хотела. Она желала только одного: каким-нибудь чудом попасть обратно, в покойный и безопасный паланкин, и чтобы рядом был милый Синан, и она обвила бы его руками в последний раз, на прощание, и защитила бы от неминуемой жестокой участи — пусть даже ценою собственной жизни…

Вдруг, как часто случается посреди битвы, на поле боя наступило какое-то странное затишье. Хильдегарт увидела голубое небо и поднимающийся кверху столб черного ядовитого дыма. А потом вдруг закричал слон: он с воплем кинулся в ее сторону, ослепленный болью, истекая кровью, спотыкаясь, — он ринулся навстречу смерти. Огромная нога быстро опустилась и вновь взмыла вверх. Она растоптала Хильдегарт, искалечила ее тело.

К ее сердцу подступил холод. Она принялась тихо молиться.

Через некоторое время она открыла глаза и увидела израненное, окровавленное лицо Синана, увенчанное помятым шлемом.

— Победа за нами, — сказал он. — Мы перебили их всех, лишь нескольким тварям удалось скрыться в шахте. Нас тоже осталось не много, зато демоны будут истреблены все до единого. Я дал священную клятву, что следующему поколению людей уже не придется с ними столкнуться. Вместе с двумя уцелевшими ассасинами я спущусь в ад и покончу с ними раз и навсегда. Мы заберемся в самое сердце их логова и прихватим с собой самые мощные бомбы. Ничто не сможет нам помешать.

— Я должна записать все, что видела, и потом мы поведаем миру об этом славном событии, сохраним его для истории, — пробормотала Хильдегарт. — А ты обязательно напишешь для меня стихи. Знал бы ты, как мне не терпится их прочесть!

Ассасин снял тяжелый шлем с ее кос и бережно уложил ее руки и ноги. Хильдегарт не чувствовала своих онемевших ног, зато она почувствовала, как ассасин приподнял ей кольчугу, чтобы ощупать ее искалеченную плоть.

— У тебя сломан позвоночник, дорогая.

И в ту же секунду — ведь смертельный удар лучше всего наносить именно тогда, когда его меньше всего ожидают, — Хильдегарт ощутила, как острый клинок уверенно вонзился ей между ребер. Ее верный ассасин зарезал свою подругу.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Ни один человек не напишет ни слова о нашей истории!

Вся эта нежность была и останется нашей тайной — только твоей и моей.

Взъерошенный голубь принес срочное послание:

> «Моя дорогая! На проклятых берегах Мертвого моря мне пришлось участвовать в такой кровавой битве, пройти через такое адское пламя, что теперь я молюсь об одном: пусть ни один из выживших не напишет об этом ни слова. Войска мои уничтожены; все, кто пришел в эту землю сражаться во славу Господню, погибли во имя Его, а прислужники сатаны расточились и исчезли с лица земли, оставив по себе лишь хладный пепел да голые кости. И теперь сердце мне подсказывает: ни ты, ни я не узнаем счастья как женщина и мужчина, пока не покинем пределов этой ужасной Святой земли. Мы отправимся куда-нибудь далеко, за Геркулесовы столбы или даже за острова Пряностей. Впрочем, это ведь все равно. Нам нужно уехать в такие дальние края, где никто не будет знать ни наших имен, ни нашего происхождения. И там, обещаю, я буду принадлежать только тебе, тебе одной — до самой смерти.
>
> Доверься мне и готовься к отъезду, о возлюбленная, ибо я уже мчусь к тебе, чтобы забрать тебя наконец из этой башни, чтобы ты стала моей. Я скачу к тебе во весь опор, со всей скоростью, на какую способен самый быстрый конь. Вместе мы скроемся от всех, и никто никогда не узнает, что с нами сталось».

Голубь, обремененный ношей, вновь поднялся с каменного карниза и спорхнул на пол. Он растерянно поклевал шелуху, оставшуюся от нескольких зерен, которые кто-то когда-то здесь обронил. Воды птица не нашла вовсе. Все клетки стояли пустыми; открытые дверцы болтались на петлях. Башня была заброшена; по пустым коридорам, вздыхая, гулял ветер.

Путешествие скэба

© Перевод. А. Криволапов, 2006

Федеральный центр биологического сдерживания был диатомой размером с пик Диснея, покоящейся на фрактальных распорках в наиболее отвратительном месте Невады, где сухие белые пески так и кишат ядовитым зверьем.

Энтомоптер, неторопливо помахивая стрекозьими крыльями, нес Рибо-Зомби над просторами пустыни. Это всегда было лучшей частью программы, той самой, когда Рибо-Зомби, прежде чем приступить к выполнению задания, любовно проверял свое новенькое, с иголочки обмундирование. Скэб высшего ранга в пиратском подполье отаку, Рибо-Зомби был обладателем реактивных перчаток, усиленных слоем кевларового полисахарида, и перламутрового защитного шлема, который сейчас безмятежно висел на чешуйчатой стенке кабины моптера. А невадские пустынные ботинки! Такие могли бы смастерить толкиновские орки, работай они на «Найк»!

Сопровождал печально известного РЗ его легендарный спутник, близкий друг и талисман – Царапка. У каждого скэба есть такой товарищ – тотемное животное, результат генетического пиратства. Обычай восходит к временам зарождения субкультуры скэбов, когда ботаники и собаководы вдруг обнаружили все прелести и выгоды незаконной генной инженерии.

Сверкнув изумрудными глазами, суперкот поднялся с колен отважного скэба. На японском рынке у Царапки было другое имя. Созданный в Токио Царапка был проворным карманным монстром, несшим в себе черты восьми видов кошачьих и виверровых, внешним видом (и запахом) скорее склоняясь к виверрам. Рибо-Зомби, чьи отношения с женщинами ограничивались эпизодическими видеосъемками в компании грудастых подружек-скэбов, знал лишь одну настоящую любовь, и это была любовь между человеком и котом.

На экранах моптера мелькали рекламные ролики. «Магнумы» по дешевке, рейкъявикское шампанское из тепличного винограда, билеты на Смертельный Поединок (места возле ринга, щиты бесплатно), аренда энтомоптеров в Вегасе (в стоимость входит быстрый развод).

И вот – у-ух! Песок разлетелся белой асбестовой пылью, энтомоптер остановился и распахнул свое хитиновое брюхо. Рибо-Зомби, прижимая к доспехам кота, ступил на сверкающий песок, обменялся с Царапкой дружелюбным мяуканьем и опустил его на

землю. Захлопнул забрало шлема, извлек из кобуры чудовищный пистолет, а из патронташа шикарный ананас гранаты.

Пара кристаллиновых роботов-змей превратились в облачка пыли. Специальные вибраторы дезориентировали токсических скорпионов. Три рычащие шакалопы схлопотали по разрывной пуле. Тем временем бесстрашный кот, чье туловище под пушистой шерстью не уступало прочностью промышленному тефлону, отыскал проход через первый барьер шипастых ферокактусов.

Парочка углубилась в заросли чоллы. Об ужасном юго-западном кактусе чолла, чьи напоминающие сосиски сегменты украшены похожими на рыболовные крючки шипами, с незапамятных времен ходили кошмарные истории, подтверждаемые немногими спасшимися из его цепких объятий путешественниками, – добавка в чоллу генного материала венериной мухоловки сделала из безобидного кактуса беспощадного убийцу. Рибо-Зомби вынужден был полагаться исключительно на силу: стальное сопло огнемета бесшумно скользнуло в его боевую перчатку. Огненный шквал, и кактус-мутант уже напоминает спагетти в припадке эпилепсии.

И вот РЗ и его отважный Царапка взбираются по чудовищной «ноге» Федерального центра. Всякий, кто осмелился зайти так далеко, непременно встретится с самыми ужасными и впечатляющими штуковинами, вышедшими из недр Военсофтового департамента Антибиотеррористических войск.

Каналы диатомовой структуры распахнулись в устрашающем зевке и извергли из себя смертельный арсенал споровых гранатометов, удушающих овощных болас и гигантские сверкающие облака электрических блох и москитов. Любой скэб, достойный своей закваски, знает, что эти разносчики заразы под завязку накачаны жуткими быстротекущими болезнями вроде легочной чумы и некротического фасцита.

* * *

– Как раз тут о нем должен позаботиться кот, – заметила Таппер Макклэнахан, натягивая на плечи плед.

Фиарон Макклэнахан оторвался от экрана и заморозил картинку на нем, быстро набрав команду на клавиатуре.

– Ты о чем, милая? Я думал, ты читаешь.

– Я и читаю. – Таппер с улыбкой подняла старинный комикс «Болотная тварь», обошедшийся в добрых десять процентов от суммы, ежемесячно выделяемой трастовым фондом. – Но мне

страшно нравятся те места, где фигурирует кот. Помнишь, мы даже заказали высокопротеиновый кошачий корм после той серии на прошлой неделе? Виббл обожает эти штучки.

Фиарон со своего эргономичного кресла бросил взгляд на громадную храпящую тушу Виббла, их свиньи. Виббл уже перекрыл все нормы веса и объема, указанные в техдокументации, зато какая мягкая из него подушка!

– Виббл обожает все, чем мы его кормим. Его всеядность, как ты помнишь, – часть договора с производителем. Я же говорил, что мы сэкономим целое состояние на счетах за вывоз мусора.

– Дорогой, я совершенно не против Виббла. Он наш спутник, а значит, он замечательный. Ну разве что не мешало бы переехать в апартаменты попросторнее.

Фиарон не любил, когда его отрывали от просмотра любимого сетевого инфопотока. А еще он не любил, когда Таппер заводила разговор о расширении жилплощади. Попросторнее – означает детскую. А детская – это ребенок. Фиарон поспешил сменить тему.

– И как, по-твоему, Царапка поможет Рибо-Зомби выкарабкаться? Ты знаешь, что эти самые болас способны сотворить с человеческой плотью?

– Кот всегда его спасает. Дети обожают Царапку.

– Послушай, дорогая, дети на сегодня не входят в демографическую задачу. А это шоу делает вовсе не официальная студия и даже не инди-синдикат. Ты не хуже меня знаешь, что речь идет о НЕЗАКОННОМ медиапродукте. Абсолютно подпольное инфоразвлечение, доставляемое посредством вируса. Есть законы насчет книг – не действующие, конечно, но до сих пор существующие, – по которым мы не имеем права даже смотреть этот поток. В конце концов, Рибо-Зомби – биологический террорист, пытающийся наложить лапу на федеральную собственность!

– Если шоу не для детей, зачем тогда эта мультяшка в углу экрана?

– Это граффити-иконка! Она показывает, что мы смотрим не подделку.

Таппер нахмурилась.

– А кто ж тогда редактирует и добавляет спецэффекты?

– Да ясное дело кто! Вегасская мафия! Мафия идет в ногу со временем: нет больше банд эстрадных певцов и гангстеров-рэпперов. Они больше не лицензируют героев фривэрной культуры, таких как Рибо-Зомби, одиноких волков-рекомбинантов, призванных будоражить массы.

Таппер помахала комиксом.

– А я уверена, что кот спасет его. Потому что все, о чем ты болтаешь, не имеет никакого значения для архетипической динамики повествования.

Фиарон вздохнул, открыл новое окошко на желатиновом экране и закачал в него какую-то информацию.

– Ладно, слушай. Ты знаешь, что отвечает за безопасность федеральных биокарантинных сайтов вроде этого? Разработанный военными расслоенный мышиный мозг. А ты знаешь, насколько умна эта хрень? Пара кубических дюймов мышиного мозга обладает большей процессорной мощностью, чем любой суперкомпьютер двадцатого века. Кроме того, мышиный мозг нельзя взломать. Компьютерные вирусы? Да сколько угодно. Электромагнитные импульсы? Да пожалуйста. Источник питания тоже не уничтожить, потому что нейроны работают на чистом кровяном сахаре. Эту штуку невозможно разрушить.

Таппер пожала плечами.

– Просто включи обратно свое шоу.

* * *

Царапка вытянул туловище над уязвимой щелью в крыше диатомы. И начал мочиться.

Едва кошачья моча попала на чувствительные сенсоры, связанные с мышиным мозгом, контрольная сеть впала в неистовство. Древние мышиные инстинкты оказались сильнее кибернетических инструкций и возопили к немедленному бегству. Споровые бомбочки принялись беспорядочно падать на землю, вращающиеся болас крушили ни в чем не повинную растительность, вентиляционные порты выплевывали дым вперемешку с жидким азотом.

Проклиная беспорядочный и в то же время опасный обстрел, Рибо-Зомби достал закрепленный на спине гидравлический консервовскрыватель.

Мрачный и молчаливый Фиарон сжал челюсти, внимательно наблюдая за тем, как Рибо-Зомби медленно пробирается по сюрреалистичной диораме, утыканной вентиляционными колодцами и башенками защитных систем. Фонарик выхватывал из темноты невероятных мутантов, бултыхающихся в болотцах какой-то субстанции, напоминающей то желтую жидкую овсяную кашицу, то люминесцентный гель для волос, то рубиновый кленовый сироп…

– Милый, – в конце концов проговорила Таппер, – не

принимай ты все так близко к сердцу.

– Ты была права, – буркнул Фиарон. – Ты это мне хотела сказать? Ты была права! Ты всегда права!

– Просто я хорошо знакома с семиотическими критериями – я ведь столько лет увлекалась графическими романами. Но послушай, дорогой, сейчас будет то, что тебе больше всего нравится. Только погляди, экую он украл канталупу, как пульсируют ее артерии! Теперь РЗ вернется в свое укрытие, поработает с трофеем, и вскоре на одном из твоих любимых аукционных сайтов появится нечто совершенно новое.

– Как будто я сам не в состоянии вывести такую канталупу, а то и покруче!

– Конечно, милый. Особенно теперь, когда мы можем позволить себе лучшее оборудование. Как только я вступлю в права на наследство, мы сможем тратить то, что оставил тебе батюшка, исключительно на твое увлечение. Отцовский фонд пойдет на оборудование, а мои деньги позволят сменить наш зачуханный кондоминиум на новый современный дом. Биочерепица, окна из медленного стекла, оливиновое патио... – Таппер вздохнула. – Настоящее качество, Фиарон!

* * *

Как всегда Малверн Брэкхейдж объявился на пороге с дурными вестями.

– Хреново идет митоз, Фиарон, друг мой. «Миксоген» прикрыли.

– Шутишь? «Миксоген»? А мне казалось, с ними все нормально.

– Черта с два! По всему городу беспорядки. Вот я и подумал, загляну-ка я вас проведать.

Фиарон бросил на бедоносца-скэба мрачный взгляд. Застывшая на лице Малверна улыбка наводила на мысль о живом пока студенте-медике, которого угораздило попасть в комнату, полную кадавров. На Малверне был его обычный черный кожаный лабораторный халат, карманы штанов набиты всякой полулегальной всячиной.

– Это Малверн! – крикнул Фиарон в сторону кухни, где Таппер листала каталоги.

– Как насчет чего-нибудь нутрицевтического? – поинтересовался Малверн. – Наши умственные резервы требуют немедленной подпитки.

Малверн достал из кармана халата сонную ласку, Спайка, и

посадил его себе на плечо. Ласка – говоря биотехнически, Спайк был в большей степени горностаем, – немедленно стала самой приятной частью внешности Малверна. Шелковистый блестящий мех горностая придал Малверну облик принца времен Ренессанса, особенно если не забывать, что принцы времен Ренессанса по большей части были беспринципными тиранами, готовыми отравить любого в пределах видимости.

Блестя голодными глазами, Малверн ворвался в кухню.

– Как поживаешь, Малверн? – весело спросила Таппер.

– Шикарно, малышка! – Малверн достал из кармана заткнутую пробкой бутылку из-под немецкого пива. – Как насчет свеженького пивка?

– Не пей это, – предостерег жену Фиарон.

– Сам варил, – обиженно заявил Малверн. – Оставлю на кухне на случай, если передумаете.

Он поставил тяжелую бутылку на поцарапанный пластик.

Таппер, будучи хорошо воспитанной, бросила на Малверна восхищенный взгляд, который в ее кругу предназначался специально для очаровательно неприличных диссидентов. Фиарону вспомнились времена, когда таких взглядов удостаивался и он – чистый идеалист, понимающий истинный, освободительный потенциал биотехники, и одновременно подпольный ученый, никому не кланяющийся в своих тайных изысканиях. В отличие от Малверна, чья популярность среди скэбов основывалась на полной его беспринципности.

Подтверждая свою репутацию, Малверн принялся шарить в холодильнике.

– Восстаньте, пасынки Свободы! – декламировал он. – Добудьте себе немного пептидов!

Фиарон настойчиво оттеснил Малверна обратно в прихожую и точными уколами пальцев вызвал на стенном экране «Плавкие ядра» – сайт биомедицинских новостей, пользующийся немалой популярностью в сообществе скэбов.

Таппер, спасибо ей за поддержку, вскоре принесла закуски. Инстинктивно оба мужчины поделились едой со своими спутниками. Фиарон бросал лакомые кусочки борову, а Малверн кормил горностая, по-прежнему сидящего у него на плече.

Сидя рядышком на диване, оба не спускали глаз с экрана.

Живые пиксели электрожеле сложились в знакомый образ Мокрого Вилли, знаменитого репортера деловых новостей. Мокрый Вилли, в своем обычном непромокаемом плаще, красовался на фоне жилого небоскреба в Майами. Пастельные, отделанные «Нео-Деко» стены покрывал слой перламутровой слизи. Дрожащее как живот турчанки желе сверкало под

флоридским солнцем. За заграждением толпились зеваки в цветастых рубахах, панамах и сандалиях. Испоганенный небоскреб был окружен водяными пушками на гусеничном ходу, мощные струи охаживали скользкие розовые стены.

– Самые крупные беспорядки, – заметил Фиарон, – с тех пор как Либерти-Сити открыли для генного производства.

– Так и есть, – хмыкнул Малверн.

Мокрый Вилли компенсировал запаздывание сети инфодампом:

– Когда-то Либерти-Сити был просто нищей дырой. Это было еще до того, как Майами присоединился к современному Иммуноссансу, начатому низкооплачиваемыми, но гениальными карибскими бионерами. Когда суперимунные системы стали популярнейшим соматическим апгрейдом со времен инъекций костного вещества, Либерти-Сити стал таким, каким мы знаем его сейчас: бурно развивающимся районом артлофтов и творческих агентств.

Но сегодня иммукономическое качество жизни под угрозой! Десятый этаж этого здания занимает новое предприятие под названием «Миксоген». О причинах нынешних беспорядков можно только догадываться, хотя среди людей в здании уже звучат пугающие слова – Рибо-Зомби!

– Как же я сразу не понял! – проворчал Малверн.

Фиарон кликнул ссылку РЗ, и в открывшемся окошке появилось рекламное фото Рибо-Зомби в маске ниндзя.

* * *

Рибо-Зомби, легендарный король скэбов. Его захватывающие тайные приключения в полном соответствии с Актом о свободе информации и без каких-либо легальных или этических индоссаментов каждую неделю вам представляет сайт «Плавкие ядра». Кликните здесь, чтобы влиться в растущие ряды бионеров, тех, кто каждую неделю приобретает добытые РЗ образцы для своих ветвэрных лабораторий.

* * *

Фиарон перекрыл экрану питательную смесь и резко поднялся на ноги, испугав Виббла.

– Вот же фигляр! Можно подумать, именно он изобрел скэббинг! Ненавижу его. Давай-ка замутим что-нибудь, а, Мал?

– Отлично! – воодушевился Малверн. – Прямо сейчас и начнем!

Фиарон принялся шарить по шкафам в поисках скэбовского снаряжения, Виббл собачонкой ходил за ним по пятам. Процесс занял некоторое время, поскольку новейшее скэб-оборудование должно было определить статус владельца в полумире скэбдома (информация о статусе хранилась в ретровирусе и проверялась прикладыванием к снаряжению смоченной слюной бумажки).

За годы, посвященные Фиароном опасному генетическому хобби, он скопил целую галактику кондомов, защитной пленки, полимерной резины, фазовых гелей, реагентов, фемто-инъекторов, флаконов с сывороткой, фильтров, аэрозолей, сплэт-пистолетов, патронташи маркировочных бомбочек, контейнеров, перчаток, очков, камер, трубок, кассет с плиопленкой – все с фанатизмом заядлого рыболова было помещено в запутанную систему ящичков, коробочек и баночек.

Таппер молча наблюдала за мужем, выражение лица ее менялось с безразличного на недовольное. Даже бестактный Малверн почувствовал возникшее между супругами напряжение.

– Загружу-ка я пока свою тачку. Встретимся за рулем, Фиаро, кореш.

Таппер проводила Фиарона до входной двери, так и не сказав ни слова, пока муж собирал инструменты, затягивал ремни на груди и бедрах и рассовывал всякую всячину по специальным кармашкам водонепроницаемого плаща.

Наконец, закончив, Фиарон повернулся поцеловать жену. Та безразлично подставила щеку.

– Ох, милая, да не будь же ты такой занудой! Тебе прекрасно известно, что мужчине положены его маленькие радости. В моем случае это грубая, простая жизнь на переднем крае генетического фронта.

– Фиарон Макклэнахан, если ты вернешься измазанный коллоидом, нога твоя не ступит на мой чистый ковер!

– На этот раз я помоюсь, обещаю.

– И принеси свежего козьего престогурта.

– Принято!

Фиарон повернулся и загрохотал по ступенькам, его нейроцевтически измененный мозг уже полнился идеями и планами. Виббл трусил позади.

Работающий на водорослях двигатель внедорожника Малверна тихо урчал. Малверн освободил багажник, превратив его в открытый кузов для Виббла, который влетел туда словно пятидесятилитровый барабан с реактивным двигателем. Горностай Спайк уселся на раме позади водителя, Фиарон занял

пассажирское кресло, и автомобиль с легким электрическим взвизгом тронулся с места.

Нарушив по пути неопределенное количество правил движения Майами, два скэба покинули машину и оставшиеся пару кварталов до новоявленного биочернобыля проделали пешком. Федеральные служащие, как обычно, организовали кордон, чтобы оградить место происшествия от зевак, но для двух опытных, прекрасно экипированных скэбов преодолеть подобное препятствие было сущим пустяком. Фиарон и Малверн просто опрыскали себя и своих животных специальным хамелеоновым спреем и спокойно миновали ультразвуковые пилоны. Затем нашли лифт для инвалидов и вскоре уже были на десятом этаже.

– Ну вот, – проговорил Фиарон, сплевывая с губ засохший спрей, – мы и внутри.

Малверн уже поедал ленч, забытый какой-то секретаршей.

– Лучше проверь, о чем там толкуют на «Плавких ядрах».

Фиарон взглянул на наладонник.

– Взяли Гарри Пивовара. Он прикидывался офицером из отдела по контролю за заболеваниями.

– Жаль, парень вовсе не опасен, а пивко варит недурное.

Малверн осторожно выглянул в окно. К гидрометам присоединились орнитоптеры, распыляющие ингибиторы и противометаболизаторы. Защитники физиологической чистоты использовали комплексную тактику. И, похоже, силы закона и порядка одерживали верх.

– Как думаешь, сколько нам нужно собрать этой бурды? – поинтересовался Малверн.

– Да всю, сколько осилит Виббл.

– Не боишься за старину Виббла?

– Он тебе не какая-нибудь морская свинка. Тем более я недавно проапгрейдил его систему пищеварения. – Фиарон почесал свинью за ухом.

Малверн застежкой-липучкой прикрепил к своему горностаю специальную камеру. Спайк тут же принялся осматривать окрестности, и Малверну пришлось направлять его при помощи пульта дистанционного управления.

– Кевин использует видеопчел, – заметил Фиарон, пока они разворачивали оборудование для сбора образцов. – Крохотульные камеры устанавливаются на крохотульных спинках механических насекомых. По словам Кевина, это новый сетевой феномен.

– А-а, все это старье из Силиконовой долины, – отмахнулся Малверн. – Кроме того, горностая не засосет в турбину реактивного двигателя.

Тренированный Спайк обнаружил цель, и оборудование

зазудело как дешевое шампанское. Удивительно, как перекрытия этажа выдерживали всю тяжесть незаконного производства. Действительно, «Миксоген» представлял собой отнюдь не обычную научно-исследовательскую лабораторию. Нет, это было полномасштабное производство. Кто-то изощренно гениальный купил поломанное оборудование, оставшееся от водно-спортивного курорта в Орландо, – все эти помпы, желоба и разбрызгиватели. Детские бассейны-лягушатники были превращены в липкие искусственные ледники питательного сывороточного геля. Пластиковые аквариумы заполнены сырой биомассой. Метастазирующие клетки превратились в некое пенящееся подобие лимонной меренги. Вонь стояла непереносимая.

– Да что ж это за тухлятина? – Марвин едва не подавился при взгляде на разбитую ванну, заполненную дьявольской смесью рогов, копыт, шкур, меха и клыков.

– Полагаю, образчики эпидермиса млекопитающих, – заметил Фиарон, пытаясь удержать рядом свою свинью – аппетит Виббла явно разгорелся при виде такого количества вкуснятины.

– Я что, по-твоему, вчера родился? – фыркнул Малверн. – Никто не может вырастить такой гибрид. Это уже за пределами всех генетических законов. Ни одно существо с рогами не может иметь когти! У копытных и кошачьих даже число хромосом разное.

Задребезжали пластиковые окна, и в генетическую лабораторию, шлепая по стене гекконовыми лапками и сверкая линзами, вполз полицейский робот.

Оба скэба вместе со своими животными поспешили убраться с пути механического соглядатая, который уже начал поливать все вокруг стерилизующим туманом конденсата Бозе-Эйнштейна.

Новый запах привлек внимание Спайка, и Малверн потрусил вслед за животным. Они вошли в помещение, сияющее стеклом и сталью.

Руководительница «Миксогена» умерла на посту. В деловом костюме, но уже распространяя запах тлена и разложения, она распростерлась в своем эргономичном кресле. Раздутая, с разбухшими венами голова с торчащим наружу мозгом напоминала ведро с грушами.

Фиарон захлопнул открытый от удивления рот и до горла застегнул молнию на кевларовом жилете.

– Бог ты мой, Малверн, еще одна смерть на почве переработки! Как думаешь, насколько высоки были результаты ее отборочного теста?

– Не сомневайся, парень, она наверняка выбивалась за

верхнюю границу. Посмотри на размер ее лобных долей, как у полдюжины Витгенштейнов.

Горностай Спайк в поисках безопасного места скользнул в его штанину, и Малверн поежился. Фиарон утер пот со лба. От вони кружилась голова. Приятно было сознавать, что сверхсовременная иммунная система не позволит любым бактериям или вирусам поселиться в теле без его, Фиарона, на то позволения.

Малверн без устали щелкал цифровой камерой.

– Глянь-ка на волосы на ее ногах.

– Я слыхал о таком, – пробормотал Фиарон. – Гибридизация. Она наполовину шимпанзе. Говорят, тактика супернейронных технологий требует шага назад по эволюционной лестнице, чтобы потом совершить резкий скачок вперед. – Он резко замолк, заметив, что Виббл с воодушевлением принялся лизать лужу под трупом. – Виббл, прекрати немедленно!

– Где ж эта мертвечина держала препараты?

– Поищем в столе, – предложил Фиарон. – Это не только замедлит ход полицейского расследования, но может и принести немалую пользу нам и нашим коллегам-скэбам, а значит, наш рейтинг вырастет будь здоров как.

– Отличная тактика, дружище! – воскликнул Малверн, стукнув кулаком по ладони. – Займемся сбором образцов. Сколько у Виббла желудков?

– Пять, не считая основного, которым он переваривает пищу.

– Бог ты мой, ну и деньжищ же у тебя! Ладно, дай-ка я гляну... Так, отрежем щупальце от этой кинестетически активной слизи, возьмем образец вот этой блевотины... ага, и не забыть вон ту хреновинку, что наша малышка сжимает в кулачке.

В одной руке труп сжимал карманный гелевый анализатор. Малверн засунул его в один из многочисленных карманов своего плаща. Бормоча про себя извинения, Фиарон приложил прибор для сбора образцов к черепу покойницы, раздался хлопок пневматического устройства, и щуп погрузился в глубины коры мозга. Виббл с энтузиазмом принялся поглощать мозговое вещество, которое через пищевод тут же попало в один из желудков, немедленно прекративший выработку желудочного сока.

* * *

Умело избегая полиции и праздных зевак, к ним подкатил Малвернов внедорожник. Пока Малверн боролся с траффиком, Фиарон провел быстрые стерилизующие процедуры над

счастливыми Спайком и Вибблом.

– Мал, ты займись считыванием данных с гелевого диска анализатора, а я загружу образцы в аппарат для взламывания кода. Думаю, предварительные результаты будут через неделю или около того.

– Ага, ты то же самое говорил, когда мы раздобыли ту медузу у растаскэбов на Ки-Уэст.

– Так они ж использовали протеиновое кодирование. Что я мог сделать?

– Да ты всегда после драки кулаками машешь, Фиарон. Не можешь распаковать ДНК в своей спаленке-лаборатории, давай найдем того, кто может.

Фиарон сжал челюсти.

– Ты что, намекаешь, что я потерял биотехническую хватку?

– Может, и не потерял, но все к тому идет. И все равно тебе не тягаться с Кемпом Кингсидом. Он, конечно, ископаемое, но дело знает.

– Глянь-ка, вот и «Марта-Март», – сменил тему Фиарон.

Скрипя тормозами, внедорожник остановился на пленочном покрытии парковки «Марта-Март», и Малверн передал машину служащему в костюме кролика. Затем оба скэба и их животные прошли полную дезинфицирующую обработку, так что вскоре инородных микроорганизмов на них осталось не больше, чем на девственном латексе.

– Спасибо Богине Совершенства, – пробормотал Фиарон, – теперь Таппер не будет пилить меня за грязь в доме. Да, она же просила меня кое-что купить!

Приятели прошли в отдел розничной торговли «Марта-Март». Фиарон тщетно пытался вспомнить, что же ему нужно купить, но так и не добился успеха, а посему нагрузил корзину банками, бутылками, запасными пакетами для духовки и прочим никому не нужным барахлом.

Наконец пришло время отправляться по домам. Малверн высадил Фиарона у его дома, а сам отправился в свою холостяцкую нору.

Фиарон поднимался по ступенькам, размышляя о тяготах супружеской жизни. Таппер уже ждала его в холле.

Фиарон протянул ей покупки.

– Вот. Не помню, что ты заказывала, но я точно это не купил. – Лицо его просветлело. – Зато у Виббла полное брюхо первоклассной мутировавшей мозговой массы.

* * *

Пятью днями позже Фиарон стоял перед разгневанным Малверном. Фиарон уже полчаса увиливал от прямого ответа, демонстрируя Малверну гистограммы, микропленки и распечатки.

Малверн внимательно изучал окровавленный кончик костяной зубочистки.

– Признай поражение, Фиарон. Этот шарик – всего лишь какая-то пища. Усик принадлежит гибриду лианы, земляного червя и микромицета. Что до блевотины, так это обычная хемосинтетическая смесь, характерная для глубоководных трубчатых червей. Скажи лучше, что там с корковыми клетками?

– Ладно-ладно, согласен, ты прав, ни хрена я с ними поделать не могу. Осциллирующие ингибиционные петли, молчащие гены, отрезки ДНК, которые вдруг реконфигурируются и становятся главными… сроду такого не видел. Все равно что пытаться разобраться в карте марсианских дорог.

Малверн прищурил мутные глаза.

– Признание истинного скэба. Прямо-таки все равно что табличку на спину нацепить: «Дайте мне пинка». Я тебя правильно понимаю?

Фиарон стиснул зубы.

– Послушай, пока мы оба будем хранить нашу вылазку в тайне, нашей репутации ничто не угрожает.

– Ты потерял пять драгоценных дней, а вот Рибо-Зомби не дремлет и того и гляди нас побьет. Если народ что-то пронюхает, твой рейтинг рухнет раньше, чем итальянский кабинет министров, – театрально провозгласил Малверн. – Знаешь, сколько времени прошло, пока признали мои достижения? А ведь это не купишь!

Злость Фиарона уступила место смущению.

– Все ты получишь, что тебе положено, Малверн. Да я конкурентов в клочья порву, а кусочки по всему белу свету разбросаю! Хрен кто вообще узнает хоть что-нибудь.

Малверн раздраженно сорвал пластиковую обертку с британской ириски.

– Парень, ты совсем от жизни оторвался! Нынче каждый является синапсом еще кого-то! Найми пару скэбов по сети, и они тут же через поисковик оповестят всех и каждого. Пора проконсультироваться с доктором Кингсидом.

– О, Малверн, ненавижу просить Кемпа об одолжениях. Он такой засранец, когда дело касается новейших технологий. Он же нас опустит по полной! Всегда обращается со мной, будто я какой-то сетевой интерн времен рабского труда в Интернете.

– Хватит ныть, речь идет о серьезных вещах.

– А его домишко в стиле ретрофанк. Все эти хлипкие хитросплетения любого из себя выведут!

Малверн вздохнул.

– Пока не женился, ты никогда не был таким нытиком.

Фиарон ткнул пальцем в заботливо подобранные Таппер обои.

– Что ж делать, если я теперь живу в приличном интерьере.

– Посмотри-ка в глаза фактам, друг мой. Доктор Кемп Кингсид обладает ортогональным гением первобытного хакера. В Иммуносансе немалая его заслуга. Скажи женушке, что мы отправляемся, и будь настоящим скэбом.

Таппер в своем крошечном кабинетике с головой погрузилась в решение важной задачи – обсуждение на виртуальном форуме особенностей графической литературы двадцатого века – и потому выслушала сообщение Фиарона с отсутствующим видом.

– Развлекайся, дорогой. – Она отвернулась к веб-камере. – А теперь, Крайбибафф, не были бы вы так любезны прояснить ваш тезис о том, что Тинтин и Сноуи являются предтечами культовых героев Иммуносанса.

Виббл, Малверн, Спайк и Фиарон наконец разыскали на берегу заброшенную бензиновую заправку. В бизнесе Кемпу Кингсиду никогда не везло, и он обосновался здесь после того, как старомодная топливная энергетика приказала долго жить. В какой-то момент он даже подумывал о том, чтобы превратить старую заправку со всеми ее топливными цистернами и бензоколонками в тематический парк. Как водится, возникли проблемы с оформлением, и старый хакер в очередной раз остался у разбитого корыта своей идеи.

Гигантская паутина, сотканная словно из перлиней супертанкера, нависала над ржавыми цистернами подобно некоей салфеточке, принадлежащей великану викторианской эпохи.

Малверн взглянул на хрупкое сплетение кабелей.

– Лучше бы оставить Виббла здесь.

– Но я никогда, никогда не расстаюсь с дорогим Виббом!

– Прицепи на него камеру и вели патрулировать окрестности. – Малверн критически взглянул на борова. – Какой-то он квелый с тех пор, как сожрал мозги той малютки. Ты уверен, что у него с пищеварением все в порядке?

– У Виббла все отлично. Он еще та свинья!

Они начали подъем. На полпути по крутому боку цистерны любимица Кингсида Шелоб поднялась со своей лежанки. Это был паук размером с тюленя. Жуткий, воняющий уксусом арахнид.

– Эти угловатые несоразмерные конечности, – заметил Малверн, пытаясь скрыть страх, – можно подумать, старина

Кингсид и не слыхивал о законе кубической степени.

– Что? – буркнул Фиарон, карабкаясь по стене.

– Слушай, все пропорции нарушаются, когда увеличиваешь что-то в тысячу раз. И еще: насекомые дышат дыхальцами. У них даже легких нет. Насекомое размером с тюленя просто не может дышать!

– Арахниды – не насекомые, Малверн.

– Да это просто робот, на которого нарастили немного дешевого хитина! Другого объяснения я не вижу.

Чудище вновь улеглось на свою лежанку, и приятели продолжили путь.

Лаборатория Кемпа Кингсида представляла собой гигантское гнездо шершня. Ее вырастили прямо внутри топливной цистерны. Кингсида всегда возмущали заоблачные цены, которые запрашивали за публикацию академические журналы, и он построил целую лабораторию из размолотой бумаги многолетних подшивок этих самых изданий вроде «Клетки» и «Геномики».

У Кингсида были огромные очки с толстыми стеклами, клочья седых волос на черепе и заросшие волосатые уши. Великий хан Интернета по-прежнему носил свой знаменитый лабораторный халат от Версаче поверх обтрепанных зеленых штанов и ветхой футболки.

– Африка, – заявил он, ознакомившись с трофеями.

– Африка?!

– Уж и не думал, что когда-нибудь вновь увижу эти генные цепочки. – Кингсид снял свои водолазные очки, чтобы протереть красные слезящиеся глаза клочком лабораторной салфетки. – То были героические деньки. Самые продвинутые умы человечества боролись за выживание планеты. Само собой, мы потерпели сокрушительное поражение, и экосистема планеты окончательно рухнула. Зато задницы политиканам не пришлось лизать! – Кингсид пристально взглянул на приятелей. – Паршивые псевдобунтари вроде Рибо-Зомби превратились в долбаных поп-звезд! Бог ты мой, в мои времена именно мы были настоящими, аутентичными трансгрессивно-диссидентскими поп-звездами. «Нэпстер»... Бесплатная сеть... «Линукс»... Да, черт побери, это было что-то! – Кингсид с силой ударил по подлокотнику полуразвалившегося кресла. – М-да, когда парниковый эффект вконец нас достал, мы придумали Иммуносанс. Выбора не оставалось, то был единственный способ выжить. И в то же время все, что мы делали для спасения планеты, было одобрено Объединенными Нациями. Нам подсобляли большие шишки из неправительственных организаций, ВТО и Давосский форум. Нас даже секретные службы поддерживали, и все потому, что мы

работали на благо общества!

Малверн и Фиарон обменялись озадаченными взглядами.

Кингсид нахмурился.

– Малверн, сколько в тебе генетического материала горностая?

– Да почти ничего, доктор Кингсид. Так, несколько плазмидов в эпидермисе.

– Вот видишь, в этом и состоит принципиальное различие между вашими временами декаданса и моей героической эпохой. В наши дни людей крайне беспокоило генетическое загрязнение. Считалось, что и люди, и животные должны обладать единственно правильными природными наборами генов. А потом, ясное дело, парниковый эффект разрушил естественную экосистему. Выжить в кризисе могли лишь совершенно ненатуральные, модифицированные создания. Труднее всего в таких ситуациях приходится цивилизациям, которые ближе к природе. Потому-то Африка и пострадала едва ли не сильнее прочих.

– О, все мы изучали историю, – заметил Фиарон, – так что в общем-то мы в курсе.

– Ха! – рявкнул Кингсид. – Да вы, засранцы, и понятия не имеете, что такое настоящий генетический хаос. Это было по-настоящему страшно. Партизанские армии африканских наемников разграбили все генетическое оборудование. Они крушили... сжигали... а когда из Золотого треугольника двинулись наркобароны, все вообще полетело в тартарары!

Малверн поежился.

– Круто! Неплохо бы сесть в самолет и слетать посмотреть, как оно там. – Он повернулся к Фиарону. – Ты ведь летаешь на самолетах, Фиарон?

– Ясное дело. Тачки, сани, водные лыжи... само собой, управлюсь и с самолетом.

Кингсид поднял дрожащий палец.

– Мы отчаянно пытались спасти все, что возможно, поэтому решили воспользоваться тем, что с наибольшей вероятностью переживет климатический катаклизм. Слоновью ДНК мы поместили в кактусы, генные цепочки носорогов – в грибы... Да, мы в той схватке были Хорошими Парнями. Вы бы только видели, что вытворяли там безжалостные террористы!

Малверн выковырял что-то из зуба, задумчиво рассмотрел и отправил обратно в рот.

– Послушайте, доктор Кингсид, вся эта древняя история весьма поучительна, однако я никак не пойму, что она имеет общего с нашими образцами мозгового вещества.

– Это же желает узнать и Рибо-Зомби.

Фиарон застыл.

– Сюда приходил Рибо-Зомби? Что вы сказали ему?

– Ничего я не сказал этому жалкому недоноску! Ни слова он не вытянул из меня! Мерзавец очень надеялся что-нибудь вынюхать, но я отправил его обратно к высокооплачиваемым консультантам и масс-медиа, которые так его поддерживают.

Малверн протянул доктору пятерню.

– Кемп, ну ты просто супергуру! Натуральный Йода!

– Вы, мальчуганы, чем-то мне нравитесь, поэтому я вам кое-что подскажу. Видели когда-нибудь мозг натовского боевого шимпанзе? Если вы знаете, как присоединить частицы измененного мозгового вещества шимпанзе к собственным глиальным клеткам – не рискну сказать, что это безболезненно, – тогда в коре такое начнется... Башка распухнет что твой гриб-дождевик. – Кингсид сурово посмотрел на приятелей. – Все дело в аккумулировании ДНК, в этом весь секрет. В длинных, действительно длинных цепочках ДНК. Как бесконечная лента в шифровальной машине Тьюринга.

– Кемп, – мягко проговорил Фиарон. – Почему бы тебе вместе с нами не отправиться в Африку? Ты слишком много времени проводишь в своей ядовитой лаборатории вместе с вонючим пауком. Немного свежего воздуха джунглей тебе совсем не повредило бы. А нам так нужен проводник.

– Вы что, клоуны, и в самом деле решили отправиться в АФРИКУ?

– Да ясное дело. В Гану, в Гвинею, куда угодно. Организуем поездочку на уик-энд. Брось ты, Кемп, мы же скэбы! У нас есть камеры, у нас есть кредитные карты! Это же просто легкая прогулка.

Кингсид нахмурил снежно-белые брови.

– Любой, кто в своем уме, унес оттуда ноги десятки лет назад. Африка – это оборотная сторона Иммуносанса. Даже Красный Крест бежал оттуда впереди собственного визга.

– Красный Крест! – сказал Малверн Фиарону, и оба расхохотались. – Красный Крест, надо же!

– Ну-ну, – проворчал Кингсид. – Пойду посмотрю, что у меня есть на эту тему.

С этими словами он скрылся в глубине лаборатории, откуда вскоре послышался какой-то грохот.

Фиарон терпеливо опустился в классическое морщинистое кресло в стиле Фрэнка Гэри, а Малверн тем временем обшарил холостяцкую кухню Кингсида и был вознагражден блюдом медово-гуарановых кубиков.

– Крутая берлога у этого чудака, – заметил он с полным ртом. – Удивительно, как фиброптические каналы превращают сраную цистерну в натуральную лабораторию.

– Да это место как было сраным, так и осталось. Парень, конечно, не беден, но еще и выпендривается будь здоров.

Малверн прочистил горло.

– Давай внесем ясность, напарник. Я не добывал ничего приличного с конца прошлого года. Да и ты не в лучшей форме со своей семейной жизнью и всем таким прочим. Если хотим чего-то добиться, мы должны побить Рибо-Зомби.

Минуту Фиарон молча кивал. Как можно увильнуть от подобного вызова? Разве только если дать слово, что больше никогда не посмотришь в глаза своему отражению в зеркале.

Наконец, весь в пыли, появился Кингсид. В одной руке он держал бамбуковую клетку с черным как ночь вороном, в другой – пучок каких-то бумажных полосок.

– Кэндибайты! Я сохранил всю африканскую информацию на кэндибайтах. Я же в свое время на этих кэндибайтах состояние сделал. Съедобная бумага, сахарный субстрат и секретный информационный ингредиент.

– Эх... – ностальгически пробормотал Малверн. – Я обожал кэндибайты в бытность свою маленьким мальчиком в яслях Тайм-Уорнер-Дисней. А теперь кто-то из нас должен слопать эти древние лимонные бумажки?

– В этом нет необходимости, я принес Хекла. Хекл – устройство вербального вывода.

Фиарон внимательно посмотрел на ворона в клетке.

– Этот пучок перьев, наверное, ровесник «Виктролы».

Кингсид положил мятую бумажную полоску на стол и освободил Хекла из клетки. Черная птица клюнула бумажку и проглотила ее. Как только желудок птицы начал переваривать зашифрованные кэндибайты, ворон принялся прыгать по столу точно конь в заколдованных шахматах.

– Как вам ворон в роли доски для записей? – промурлыкал Кемп.

Хекл, тряся крыльями, превратился в уменьшенную копию Дельфийского оракула. Каркающим замогильным голосом птица поведала странную историю.

Отчаянная группа новоявленных Ноев собрала образцы африканской флоры и фауны, а затем запаковала ключевую генетическую информацию в самом чудесном из возможных контейнеров – в Панспецифической Микобластуле. Панспецифическая Микобластула представляет собой бессмертный химерический грибковый шар невероятной

накопительной способности, волокнистый желудочный мешок, подвижный слизистый артефакт, апофеоз дарвинизма.

Стараясь не упустить ни слова, Фиарон не забывал следить за своим записывающим устройством. Нельзя потерять ни байта бесценной информации. Одновременно устройство показывало картинку с камеры Виббла.

Вдруг Фиарон увидел шокирующую картину: Виббл подвергся нападению!

Ошибиться невозможно – печально известный Царапка безуспешно пытался пробраться в святая святых Кингсида. Из маленьких динамиков доносился боевой клич Виббла, картинка тряслась как бешеная.

– Взять его, Виббли! Затопчи этого кошака!

Подчиняясь голосу хозяина, боров бросился в бой, а затем в потасовку включилась Шелоб. Едва многотонная паучиха поднялась во весь рост, Царапка немедленно понял, что пора уносить лапы.

Когда изображение стабилизировалось, спутника Рибо-Зомби и след простыл, а Виббл гордо похрюкивал. Камера ритмично покачивалась на спине борова, пока он зализывал антисептиком свои раны.

– Фиарон, ну ты крут! Твоя свинья на хрен затоптала эту кошачью задницу!

Кингсид задумчиво почесал затылок.

– У тебя все время был открыт канал связи со свиньей? – поинтересовался он.

– Конечно! – воскликнул Фиарон. – Я же не могу позволить, чтобы Виббл страдал от одиночества.

– Все это время кот Рибо-Зомби уотергейтил твоего борова. Он слышал все то же, что и мы. Остается только надеяться, что он не успел записать GPS-координаты.

Ворон по-прежнему вещал свою историю, но наконец информационный поток иссяк, и птицу поместили обратно в клетку.

Вдруг коммуникатор Фиарона заговорил зловещим басом. Это был голос самого Рибо-Зомби.

– Итак, Панспецифическая Микобластула находится в Сьерра-Леоне. Это дикая территория, где правит могучий воин – Кисси Ментал. Он жуткий каннибал, и для него вы, неудачники, все равно что жвачка-афродизиак. Итак, Малверн и Фиарон, убирайтесь с моего пути. У меня лучшее оборудование. А теперь благодаря вам еще и все необходимые данные. Отправляйтесь-ка домой.

– Ах ты, вонючий шпион… – процедил потрясенный

Малверн. – Да мой горностай твоего драного кота в клочки порвет!

Кингсид поднял палец в грязной перчатке.

– Выключите-ка ваши приборчики, парни.

Как только Фиарон и Малверн выполнили указания старого гуру, он извлек откуда-то из недр лабораторного стола древний пейджер и набрал что-то на рудиментарной клавиатуре.

– Пейджер?! – У Малверна от потрясения отвисла челюсть. – А почему, к примеру, не барабаны джунглей?

– Закройся! Вы, нынешние ламеры, ничего не смыслите в элементарных мерах безопасности. А между тем если один пейджер – ничто, два дают нам безопасный канал связи. – Кингсид всмотрелся в архаичный экран. – Вижу, мой контакт во Фритауне, доктор Герберт Зостер, все еще в деле. С его помощью мы вполне можем побить Рибо-Зомби и утащить ценный приз у него из-под носа. После того как Рибо-Зомби посмел шпионить в моем доме, вам ничего не остается, как только сделать это. Вы уж постарайтесь, а в противном случае и носу не смейте показывать на скэбконе в Таллахасси. С вашими далконовыми щитами... или на них, мальчики.

– Черт! Быстро валим отсюда! Спасибо тебе, старина!

* * *

Таппер известие о предстоящем путешествии крайне обеспокоило. Когда рыдания стихли, горячая пища в доме Фиарона стала не менее редким зверем, чем кит или панда. Супружеские беседы ограничивались скупыми посланиями по электронной почте. Сексуальные отношения Фиарона и Таппер, всегда эмоционально насыщенные, стали холоднее последних ледников Гренландии. Угрюмый, но непоколебимый Фиарон не собирался отказываться от задуманного.

В день отбытия – бесценное оборудование было собрано в двух рюкзаках, не считая того, что закрепили на спине Виббла в специальных седельных сумках цвета хаки, – Фиарон помедлил на пороге квартиры. Таппер с мрачным видом сидела на диване, притворяясь, что смотрит на экран. Уже тридцать секунд дисплей показывал логотип AT&T (Архисовременная Транслитерация и Тотипотентность). Фиарон, само собой, был уязвлен, но тут Таппер переключилась на другой канал, и он вспомнил о том, что все же необходимо попрощаться.

– Таппенс, дорогая, мне пора, мы с Малверном встречаемся в доках. – Использование уменьшительного имени не оказало на

Таппер никакого видимого действия. – Милая, я понимаю твои чувства, но подумай вот о чем: моя любовь к тебе истинна, потому что я не лгу истинному себе. Мы с Малверном обернемся за пару недель с минимальными потерями. Но если вдруг случится так... что я... ну... не вернусь... В общем, я хочу, чтобы ты знала: без тебя я ничто. Ты – женская митохондрия в моей беспутной маскулинной плазме, малышка.

Тишина. Фиарон повернулся уходить, повернул ручку двери, и тут Таппер сзади обхватила его руками и сжала в таких страстных объятиях, что бедняга Виббл взрыкнул от неожиданности. Таппер развернула Фиарона к себе, и супруги слились в страстном поцелуе.

В себя возлюбленные пришли лишь при появлении Малверна. Фиарон привел в порядок костюм, поцеловал заплаканную щеку Таппер, и приятели отправились в путь.

– Проблемы? – поинтересовался Малверн.

– В общем, нет. А у тебя?

– Ну, хозяйка заставила меня заплатить за квартиру за месяц вперед. Да, и еще: если я погибну, она распродает все мое имущество.

– Жестоко.

– А чего еще от них ждать?

* * *

Все еще ежась от прививок против лихорадки, сделанных на таможне, скэбы-путешественники на борту «Глории Эстефан» – парома, следующего на Кубу, – всматривались в исчезающие вдали берега Америки.

– Ненавижу все это водоплавание! – прохрипел Малверн после очередной перезагрузки желудка.

Фиарон, держась за живот, заметил:

– Да, с погодкой нам не повезло. Эти карибские ураганы с их волнами...

– Какие волны? Мы же еще не вышли из залива.

– О господи!..

Но все когда-нибудь заканчивается, и после изматывающего, тошнотворного путешествия на горизонте показались берега Кубы. Гавану из-за постоянной опасности быть смытой океанскими волнами давно уже с помощью всеобщей мобилизации рабочего класса перенесли в глубь острова. В принципе попытка удалась, хотя многие исторические здания выглядели так, будто их приподняли, а потом уронили.

Едва высадившись на благоуханном, ярком тропическом берегу, напарники поспешили на аэродром – дело в том, что нынче только лишь отчаянные ковбои-кубинцы способны были рискнуть отправиться навстречу опасностям Черного континента.

Воздушное судно «Ми амига флика» оказалось водородным грузовым дирижаблем, выращенным на основе лошади аппалузской породы. Подъемная сила создавалась лошадиными желудками, модифицированными таким образом, что вместо обычного метана они вырабатывали водород. Сейчас стрела подъемного крана нагружала резервуары дирижабля высокопроизводительной овсяной смесью.

– На борту есть микропивоварня, – с видом туристического агента сообщил Малверн. – Перерабатывает зерновую массу точь-в-точь как лошадь! Пивко из нее должно быть будь здоров!

Наконец бамбуковый лифт поднял их в пассажирский модуль цеппелина, напоминающий седельную сумку, свисающую с раздутого лошадиного бока.

Пассажирская кабина биоцеппелина раскраской напоминала зебру и была размером с небольшой танцпол – там имелись даже крошечная эстрадка и трогательный древний зеркальный шар под потолком. Кубинские стюарды в целях экономии места и веса все как один были ростом с жокеев.

Фиарон и Малверн обнаружили, что их заказанная по сети каюта по размерам не превышает обычного уличного биотуалета. Все здесь раскладывалось раскатывалось, трансформировалось или требовало сборки из отдельных частей.

– Не думаю, что смогу пописать в ту же трубку, из которой впоследствии будет поступать пресловутое микропиво, – пробормотал Фиарон.

Менее разборчивый Малверн уже нацедил себе бокал золотистого напитка.

– Жизнь – замкнутый цикл, Фиарон, – философски заметил он.

– Но где же будет спать моя свинья?

Они отправились на смотровую площадку, чтобы наблюдать отправление гигантского газового мешка. Экипаж сноровисто отшвартовал биоцеппелин от стояночной мачты, топливные бактерии запустили миозиновые моторы, пропеллеры начали медленно вращаться, и воздушное судно со скоростью увечного пони отправилось на восток.

Малверн уже приканчивал третий бокал пива.

– Как только мы наложим лапу на эти генные цепочки, наши имена прославятся навечно! И вся наша жизнь превратится в вино, гено и техно!

– Химер после фильтрации считают, Мал. Не забывай о Рибо-Зомби и его знаменитом энтомоптере.

– Рибо-Зомби – жирная свинья шоу-бизнеса и полное дерьмо! А мы – крутые парни с улиц Майами. Нас с ним и сравнивать нечего.

– Хм-м. Давай-ка посмотрим, что грузится на «Плавких ядрах».

Фиарон нашел место, где шкура цеппелина была потоньше, и включил спутниковый коммуникатор. На гелевом экране появился знакомый логотип «Плавких ядер».

> *– В своей одноместной суперкавитационной субмарине Рибо-Зомби и его верный друг Царапка движутся навстречу опасностям таинственной Африки! Какие ужасные и чудесные приключения ждут нашего одинокого волка? Не вспыхнет ли страсть в груди встреченной им прекрасной дикарки? Подключайтесь в понедельник к нашей риал-тайм-трансляции высадки РЗ и Царапки на загадочном и кошмарном континенте! И не забывайте, дети, игрушки, наклейки и прочие коллекционные предметы с Царапкой вы можете заказать только при помощи «Нинтендо-Бенц»...*

– Они сказали – в понедельник? – воскликнул Малверн. – Но ведь понедельник завтра! Все, нам конец!

– Малверн, успокойся, на нас смотрят. Рибо-Зомби не может прочесать все места дислокации ООН в Африке, а нам Кингсид обеспечил проводника из местных. Помнишь, доктор Герби Зостер?

Малверн весь кипел.

– Ты что, думаешь, какой-то туземный скэб чего-то стоит?

Фиарон улыбнулся.

– Ну, он, конечно, не такой скэб, как мы, но очень и очень похож. Он в отличной форме, любит наше дело, а к тому же хитер и знает местность. Я почитал онлайновое резюме. Герби Зостер был торговцем, исследователем, археологом, даже хозяином офшорной базы данных. Когда мы соберемся вместе, веселье я тебе гарантирую.

Долгие часы в воздухе Малверн проводил в праздности, потребляя столь любимые им вино, гено и техно, тогда как Фиарон бесконечно писал и стирал покаянное электронное письмо жене. И вот наконец биоцеппелин прибыл к меланхолическим руинам Фритауна, в связи с чем капитан воздушного судна сделал весьма неприятное заявление.

– То есть как это нельзя пришвартоваться? – вытаращил глаза

Малверн.

Капитан газового мешка, плутоватый и юркий, хотя, впрочем, весьма компетентный парень по имени Луис Сендеро, снял кепи и задумчиво пригладил два попугайных пера на висках.

– Местный каудильо, принц Кисси Ментал, приказал своим подданным сжечь все оборудование. Такое в торговле с Африкой встречается сплошь и рядом. Чтобы выполнить наши обязательства по контрактам, мы будем сбрасывать грузы на парашютах – само собой, пока нам за них платят. Если выплаты прекратятся, груз мы все равно сбросим, правда, уже без парашютов. Вы, янки, единственные пассажиры на борту, кто собирается высадиться в Сьерра-Леоне, так что вам и вашим животным тоже придется воспользоваться парашютами.

И вот после долгих минут шума, крика и стенаний Фиарон, Малверн и Виббл, кое-как нацепив парашюты и зацепив вытяжные кольца за ржавый трос, очутились возле открытого грузового люка. В ноздри им ударили экзотические запахи влажных африканских джунглей.

С тоской глядели отважные путешественники, как на красную землю опускается их багаж. Наконец, прижав к груди Спайка, Малверн закрыл глаза и мешком рухнул за борт. Фиарон подождал, пока парашют коллеги раскроется, и лишь тогда последовал его примеру. Он пинком вышвырнул в люк Виббла и последовал за ним.

* * *

– Иностранные поставщики привозят нам одни отбросы, – пробормотал доктор Зостер.

– Кубинские отбросы? – поинтересовался Малверн, погружая грубую деревянную ложку в суп из козлятины с перцем.

– Нет. Кубинцы доставляют их, но это отбросы отовсюду. Такой вот феномен. Видите ли, любые отбросы достаточно продвинутого общества обладают некоей магией.

Фиарон тайком бросал куски перченой козлятины Виббу. Ему нелегко было общаться с доктором Герби Зостером. Фиарон никак не ожидал, что древний Кемп Кингсид и крепкий, загорелый Герби Зостер – столь близкие родственники.

Собственно говоря, Герби Зостер оказался более молодым клоном Кингсида. Это не нужно было подтверждать никакими анализами, поскольку, как и большинство клонов, Зостер обладал не только внешностью, но и скверным характером своего оригинала. Зостеру жизнь в Африке нравилась исключительно по

той причине, что это было единственное место на планете, где Герби мог стать максимально не похожим на Кемпа Кингсида.

В какой-то мере ему это удалось – темнокожий, весь в отметинах от колючек, ядовитых насекомых и пуль Зостер напоминал Кингсида, как покрытая боевыми шрамами гиена напоминает постаревшую породистую ищейку.

– А что конкретно здесь выгружают? – заинтересовался Малверн.

Зостер задумчиво прожевал печеный батат и выплюнул шкурку в темноту, окружающую крытую соломой хижину. Нечто с огромными светящимися глазами тут же бросилось на шкурку и с чавканьем сожрало ее.

– Вы знаете, что такое Иммуносанс?

– Само собой, – заявил Малверн, – мы же из Майами.

– Этот новый Генетический век пришел на смену Атомному, Космическому и Информационному векам.

– И скатертью им дорога! – закивал Малверн. – А козлятинка еще осталась? Ох и вкусная же штука!

Зостер позвонил в грубый колоколец, и в хижину, таща горшок с булькающей похлебкой, вошел хромой слуга в тюрбане.

– Проблема с резким технологическим рывком состоит в том, – заметил Зостер, помешивая дымящееся варево, – что резко устаревают привычные способы производства. Когда начался Иммуносанс, вездесущая промышленность обеспечивала все развитые страны. – Зостер прервался, чтобы покрутить ручку самодельного пружинного генератора, и лампочка под потолком хижины засияла во всю мощь своих тридцати ватт. – Для биоиндустриальной революции просто не было места. Но революция была необходима, и старой промышленности пришлось уйти в небытие. А Африка – самое подходящее место для свалки. – Зостер потер изрезанный морщинами лоб и вздохнул. – Иногда отходы рекламируют и продают нам, африканцам, иногда сбрасывают их анонимно. Так или иначе, как бы мы ни противились, весь хлам все равно оказывается здесь.

Малверн решил сменить тему.

– Так что вы скажете насчет легендарной Панспецифической Микобластулы?

Зостер выпрямился, лицо его посуровело.

– Это мусор особенного рода. Панспецифическая Микобластула – цельная, замкнутая экосистема. Целый дикий континент спрессован и упакован в ней!

Фиарон поразмыслил над сказанным и с воодушевлением произнес:

– Мы понимаем серьезность дела, доктор Зостер. Время

дорого. Когда мы можем отправиться в путь?

Зостер поковырял каблуком грязный пол.

– Нужно нанять носильщиков-туземцев. Подготовить припасы. Мы подвергнемся смертельному риску... Что вы можете дать нам взамен?

– Упаковку прохладительных напитков? – предположил Малверн.

Фиарон подался вперед.

– Транзисторные радиоприемники? Антибиотики? А как насчет сантехнического оборудования?

Зостер в первый раз за все время улыбнулся, сверкнув золотыми зубами.

– Зовите меня Герби.

* * *

Зостер вытянул палец, на кончике которого сидел муравей, размером и цветом напоминающий кунжутное семечко.

– Это самый крупный организм на свете.

– Слыхал об этом, – тут же перебил его Малверн. – Вроде огненных муравьев, наводнивших Америку, верно? Они проскочили сквозь бутылочное горлышко дарвинизма и остаются абсолютно идентичными в генетическом плане, даже когда рождаются от разных маток. Они распространились по Штатам быстрее, чем суфле из алтея.

Зостер вытер пот грязной банданой.

– Этих муравьев получили четыре десятилетия назад. Они несут в себе гены ризотропического грибка, что позволяет им удобрять растения азотом. Но разработчики перестарались. Муравьи значительно повышают урожай, но сами при этом обладают иммунитетом к болезням и паразитам. Чистильщики в конце концов вытравили их из Америки, но в Африке нет Чистильщиков. У нас нет здравоохранения, нет телефонов, нет дорог. В результате клонированные муравьи массивной волной распространились от Тимбукту до Кейптауна, превратившись в единый сверхорганизм размером с саму Африку.

Малверн с сожалением покачал головой.

– Вот что значит – доверять Чистильщикам, дружище. Да любой придурок мог бы растолковать этим корпоративным преступникам, что иерархическая система никогда еще до добра не доводила. Что вам, странам третьего мира, нужно, так это вирусный рынок, высокотехнологичное оборудование...

Бравада Малверна явно произвела впечатление на Зостера, и

оба скэба ударились в дискуссию, щеголяя друг перед другом мудреными словечками и предоставив Фиарону молча пробираться через жаркие, враждебные джунгли.

Из всех троих вооружен был только Зостер, но GPS-навигаторы имелись у каждого.

Завершали строй пятеро носильщиков-туземцев, груженных багажом и провиантом. Босые, одетые только в набедренные повязки-дхоти носильщики могли похвастать самыми разными модификациями тела, такими как дорсальные резервуары для воды, укрепленные подошвы и убирающиеся когти, а также менее полезными косметическими изменениями вроде движущихся шрамов (именно так воспринимались подкожные черви-симбионты) и огромных ушей, снабженных слоновьей мускулатурой. Ритмическое помахивание ушами сопровождалось легким потрескиванием, любопытно перекликавшимся с туземным языком.

Недружелюбный ландшафт Сьерра-Леоне несколько скрашивали мутировавшие джунгли. Война, бедность, болезни и голод – эти Четыре Лендровера Африканского Апокалипсиса – давно уже остались в прошлом, Черная Смерть прибрала большую часть населения, освободив континент для возрождающейся флоры и фауны.

Эти самые флора и фауна, однако, оказались куда менее дружелюбно настроены к человеку, нежели в старых джунглях, казавшихся теперь патриархальным раем. Пройдя через мясорубку биотеррора, на свет явились не «твари», а «эволюари». Деревья вились, листья перебирались с ветки на ветку, насекомые рычали, млекопитающие летали, цветы кусались, лианы ползали, грибы рыли норы. Рыбы, радикально измененные парниковым эффектом, сделались двоякодышащими и встречались тут и там на тропинках джунглей.

Двигаясь по тому, что осталось от автострады, исследователи добрались до давно заброшенных городов Байяу и Моямба. Странные природные образования покрывали железобетонные останки, заставляя вспомнить слова Озимандии о человеческой спеси. Прозрачное желе заполняло остовы автомобилей, в которых еще можно было разглядеть скелеты водителя и пассажиров. Маслянистые орхидеи блевотиной свисали из окон. Разогнав стаю крылатых крыс, путешественники разбили лагерь. Зостер разбил две палатки для скэбов и их животных, а носильщики соорудили себе подобие иглу из рогов и веток.

Отужинав несколькими пакетами какой-то сублимированной бурды, путешественники забылись сном. Фиарон так устал, что не слышал даже храпа Малверна.

Проснувшись раньше остальных, он откинул полог палатки, высунул голову наружу и замер, потрясенный. Лагерь был окружен. Долговязые туземцы, едва похожие на человеческих существ, опираясь на копья, наблюдали за палатками. В настоящий момент к дикарям прибывало подкрепление на древних джипах, оборудованных зенитками и ракетными установками.

– Лесная армия Кисси Ментала, – сообщил Зостер. Торопливо пошарив в рюкзаке, он достал оттуда пару механических башмаков. – Итак, девочки, внимание, – прошептал он, засовывая ноги в тяжелое ножное оборудование. – У меня есть план. Когда я потяну за эту веревку, палатка сложится. Это собьет дикарей с толку. Со всех ног бежим в том направлении, откуда пришли. Если кто-то из вас выживет, жду вас у меня дома.

Зостер поднял револьвер – их единственное оружие, – щелкнул тумблерами на носках башмаков, и загадочные приспособления затарахтели и принялись испускать сизоватый дымок.

– Семимильные сапоги на бензиновом двигателе, – сообщил он. – Состояли на вооружении армии ЮАР. Дорога им не требуется, а при сноровке они позволяют достигать скорости в тридцать, а то и сорок миль в час.

– Ты и правда думаешь, что мы сможем обогнать этих дикарей? – спросил Малверн.

– Мне не надо обгонять *их*, я собираюсь обогнать *вас*.

Зостер одним движением сложил палатку и выскочил наружу, открыв беспорядочную пальбу из револьвера. Башмаки изрыгнули снопы пламени, и Зостер совершил такой длинный прыжок, словно им выстрелили из катапульты.

Обезумев от ужаса, Малверн с Фиароном выкарабкались из-под палатки и тут же оказались в руках воинов Кисси Ментала. Тем временем дикари вспороли ножами вторую палатку и набросились на сопротивляющихся Виббла и Спайка.

– Замри, Спайк!

– Спокойно, Виббл!

Животные подчинились.

Подданные принца мало напоминали людей – этакие таллофиты, страдающие базедовой болезнью. Некоторые прикладывали какие-то листья к дыркам на руках, ногах и груди – видимо, эти раны были нанесены револьвером Зостера.

Негодяи быстро разобрали крышу временного пристанища носильщиков. Бедные туземцы рыдали от ужаса, но не оказали никакого сопротивления. Несколько воинов Кисси Ментала – создания с огромными головами и длинными зубами – выскочили

из ржавого джипа. Они взяли на изготовку неописуемо ужасные русские автоматы и разрядили обоймы в остатки иглу. Оттуда доносились отчаянные крики. Затем негодяи выволокли наружу мертвых и раненых и безжалостно разорвали их на части.

А потом эти бессовестные создания, воняя потом и муравьиной кислотой, связали Фиарону и Малверну руки длинными травяными жгутами, а Виббла и Спайка подвесили к длинным шестам, которые взвалили себе на плечи.

Подгоняя прикладами, пленников повели в глубь джунглей. По пути бандиты то и дело останавливались, чтобы выпустить очередь во все, что движется. Жертв быстро рубили на куски и складывали в мешки для провианта.

Не прошло и часа, как Фиарона и Малверна доставили в походное логово принца Кисси Ментала.

Фиарон не отводил взгляда от трона принца, лишь бы не видеть того, кто на этом троне сидит. Трон представлял собой ряд из трех самолетных сидений первого класса с убранными подлокотниками. Покоились сиденья на передвижном паланкине. Специальная система подпорок поддерживала гигантскую голову принца.

Пленников вытолкнули вперед.

– Батюшки-светы!.. – прошептал Малверн. – Да он же наполовину шимпанзе, наполовину муравей!

– Что не оставляет ни одного процента от человека, Мал.

Тычком копья Фиарона поставили на колени. Тело Кисси Ментала напоминало голову рокфора, испещренную толстыми синими венами. На толстой шее покоилась голова, напоминающая человеческий череп, который положили под пресс, а потом прикрыли хитиновыми пластинами. Голова Кисси Ментала была больше тыквы – победительницы на ярмарке «4Г» – даже если «4Г» означает «Гомеостаз, Гаплотип, Гистогенез и Гипертрофия».

Фиарон поднялся на ноги. Он был испуган, однако мысль о том, что ему не доведется больше увидеть свою любимую Таппер, каким-то образом придала Фиарону сил. Только представить, что он вновь окажется дома, – да такое стоит любых жертв! Должен быть способ договориться с похитителями.

– Малверн, как думаешь, насколько этот парень умен? Может, он говорит по-английски?

– С такой башкой он должен быть умнее английской королевы.

С усилием, заставившим загрохотать его гипертрофированное сердце, принц поднял волосатые руки и покачал пальцем. Пленников подтолкнули к самому трону, и принц выпустил стаю

блох. Блохи немедленно принялись кусать, сосать и как-то еще исследовать Малверна и Фиарона, после чего вернулись к своему хозяину. Прожевав парочку из них, принц задумался, глаза его сияли, как светодиоды. Затем поманил к себе одного из человекомуравьев, и тот слизнул капельку, выделившуюся из левого соска принца.

Облизав губы, человекомуравей принялся раздавать команды: он кричал, пританцовывал и яростно жестикулировал.

Все вокруг пришло в движение, трон принца подняли на плечи, и армия быстро двинулась в глубь густых джунглей. Малверна и Фиарона привязали позади древнего военного джипа, и они бежали, кашляя от выхлопных газов.

– Вот же подонок это Зостер… – задыхаясь, прохрипел Малверн. – Все эти клоны… деграданты чертовы!.. Дай только выбраться из этой заварушки…

– Держись, Мал…

– Эй, ты только погляди!

Фиарон взглянул туда, куда указывал Малверн. Одно из подразделений армии принца приволокло из зарослей большой, ржавый, канареечно-желтый «новый фольксваген-жук».

– Да это же «новый жук» 2015 года! – воскликнул Фиарон. – Спортивная модель.

– Точно. Но посмотри: окна закрыты, и там внутри что-то есть! Что-то размазано по стеклам…

Тощий человекомуравей вскочил на крышу «жука» и аккуратно положил в люк окровавленный кусок мяса. Тут же из люка высунулся напоминающий гидру клубок, состоящий из самых разных частей животных – хвостов, лап, ушей, хоботов, клювов. Раздалось громкое чавканье, и вскоре из выхлопной трубы потекла струйка напоминающего сироп эксудата. Возбужденные бойцы армии принца принялись наполнять сдернутые с голов шлемы.

– Черт побери, у них там Панспецифическая Микобластула!

Солдаты не давали пропасть ни капле, облизывали губы и пальцы.

– Эх, камеры нет! – с тоской проговорил Фиарон. – Без камеры на такое просто смотреть невозможно.

– Гляди, они скармливают этой штуке наших носильщиков! – воскликнул Малверн. – Как думаешь, что она делает с человеческой ДНК? Не иначе, там образуется что-то полуразумное!

К выхлопной трубе подходили все новые страждущие с шлемами в руках. Ждать им пришлось недолго – протеин носильщиков, судя по всему, пришелся Панспецифической

Микобластуле по вкусу.

Белый как мел Малверн пробормотал:

– Если это завтрак, то когда же будет обед?..

* * *

Никогда еще Фиарону не приходилось тратить столько физических сил только на то, чтобы остаться в живых. Армия принца двигалась почти без остановок, прорубая джунгли словно гигантский бульдозер. Все, что человекомуравьи не могли съесть сами, скармливалось Микобластуле. Природа не терпит бездействия, и то, что таилось в ржавом «фольксвагене», являло собой неуемного панспецифического обжору, постоянно кипящий соматический котел. Микобластула пожирала все – от млекопитающих до жуков.

А потом пришел черед спутников Фиарона и Малверна.

Поначалу казалось, что эти уникальные животные каким-то образом заслужили благосклонность принца Кисси Ментала. Спайка и Виббла положили на трон рядом с принцем, и он с интересом рассматривал и даже гладил их.

Однако счастье длилось недолго. После полудня первого дня плена принц, которому, видимо, все наскучило, одним движением свернул Спайку шею и швырнул обмякшее тельце в разверстый люк «фольксвагена».

При виде такого чудовищного преступления Малверн взвыл и рванулся вперед, но нацеленные в грудь копья не дали ему сделать и шага.

А потом и Виббла грубо сбросили с помоста. Двое подручных принца перевернули борова вверх ногами и подвесили к шесту, который они несли на плечах.

Визг Виббла разрывал Фиарону сердце, и он пытался успокоить себя тем фактом, что Виббл в отличие от Спайка пока жив.

Постепенно бравада и надежда уступили место отчаянию. Было совершенно очевидно, что им с Малверном не спастись. Их убьют и скормят Микобластуле, невзирая на образование, деньги и профессиональную подготовку.

Когда войско наконец остановилось на ночь на краю безбрежной саванны, Фиарон попытался собраться с силами.

– Мал, я понимаю, все кончено, зато как славно мы проводили время вдвоем. По крайней мере мы не занимались торговлей недвижимостью, как мой папаша. Короткая и веселая жизнь, так ведь? Умереть молодым... Надеюсь, я буду первым.

– Фиарон, я по горло сыт твоим оптимизмом. Ты богатый придурок, тебе всегда все само в руки падало! Мы что тут, по-твоему, в игрушки играем? Я так тебе скажу: будь у меня хоть один шанс выкарабкаться из этой передряги, я бы и секунды не стал тратить на пустую болтовню. Я бы тут же отправился на самый верх пищевой цепочки. Я хочу быть наверху, хочу быть победителем хотя бы раз в жизни! И пусть для этого мне пришлось бы лгать, воровать… убивать… А, к черту, какая разница. Мы – корм для муравьев. Нам не дадут ни шанса.

Фиарон молчал, ему нечего было ответить. Вскоре, несмотря на жужжание москитов, он забылся беспокойным сном, надеясь, что ему приснится незабвенная Таппер. Может, после его гибели она сумеет вторично выйти замуж… Выйти не по любви, а из соображений рациональных, за нормального простого парня, на которого можно положиться. За того, кто будет заботиться о ней, кто будет воспринимать ее серьезно. Боже, каким же он был черствым сухарем!

Наутро голодные дикари решили взяться за Виббла, и теперь пришел черед Фиарона рычать от бессилия.

Ловкими движениями туземцы отделили передние конечности Виббла от плечевых суставов. Бедняга Виббл протестующе визжал, но его палачи хорошо знали свое дело. Оставшуюся часть борова поместили на носилки, украшенные полустертой эмблемой Красного Креста. Окорока поджарили – Фиарона и Малверна при этом зрелище едва не стошнило.

Дымящуюся ветчину с подобающими почестями подали принцу Кисси Менталу, который явно наслаждался происходящим. Еще бы, судя по всему, муравьиная армия нечасто баловалась свининой, да еще такой, в которой присутствуют немалые части трансгенной человеческой плоти. Такую свинью нельзя позволить себе съесть за один раз.

К вечеру меню включало в себя Фиарона и Малверна. Двоих скэбов вытолкнули к костру, рядом с которым уже стояли два деревянных вертела. С пленников сорвали одежду, чтобы должным образом приготовить их к трапезе.

Счастливые человекомуравьи под улюлюканье и грохот тамтамов плясали вокруг священного «фольксвагена», осциллирующая масса внутри которого колыхалась в такт песнопениям. Химерические отростки Панспецифической Микобластулы бились в окна.

Вдруг сцену осветил мощный прожектор, и откуда-то с неба донесся восьмидесятидецибельный грохот «Полета валькирий».

– Сматываемся! – крикнул Малверн, вырвался из хватки человекомуравья и боднул его головой в лицо.

Энтомоптер Рибо-Зомби заложил крутой вираж, и зловещий «фольксваген» взорвался титаническим фонтаном лимфы, крови, фрагментов костей и плоти, с головы до ног обдав Фиарона – но не Малверна – квинтэссенцией Микобластулы.

Дикари бросились врассыпную, и Фиарон, воспользовавшись неожиданной свободой, лихорадочно пополз прочь от останков «фольксвагена», пытаясь одновременно стереть с лица мерзкую слизь.

Тут и там лежали мертвые или умирающие бойцы армии принца, напоминая поле генетически модифицированной кукурузы после британского марша протеста. Рибо-Зомби сделал второй заход, его прожектор выхватывал из темноты все новые жертвы. Но атака его была сосредоточена, само собой, на главном враге – на самом принце Кисси Ментале. Принц пытался сбежать от сверкающих лазерных лучей, однако ему мешала голова, закрепленная на троне при помощи системы распорок. Загрохотали пулеметы, и вскоре лишенная туловища голова принца Кисси Ментала уже безвольно болталась в распорках будто арбуз в сетке.

Деморализованная армия принца бросилась искать спасения в джунглях.

Над всей этой сценой летал рой мобильных камер, запечатлевая происходящее под всеми возможными углами. В довершение картины с неба триумфально спустился сам Рибо-Зомби в сияющем шлеме и боевых башмаках с логотипами.

С плеча Рибо-Зомби спрыгнул Царапка, чтобы тут же обследовать дымящийся труп Кисси Ментала. Скэб-суперзвезда выдул несуществующий дымок из неиспользованных револьверов с перламутровыми рукоятками и повернулся к Фиарону и Малверну.

– Неплохая попытка, оборванцы, только вот выше головы не прыгнешь. – Рибо-Зомби махнул в сторону камер. – Хотя материал о вас отсняли немаленький. А теперь убирайтесь от камер и найдите себе какую-нибудь одежонку. Панспецифическая Микобластула принадлежит мне.

Яростно рыча, Малверн бросился в заросли.

– А ты чего ждешь? – поинтересовался Рибо-Зомби у Фиарона.

Фиарон смотрел на свои руки. На костяшках пальцев прорастали миниатюрные попугаичьи перья.

– Любопытный случай спонтанной мутации, – заметил Рибо-Зомби. – Займусь им после того, как сфотографируюсь со своим трофеем.

Подойдя к изрешеченному пулями «фольксвагену», он достал телескопический щуп. Но едва Рибо-Зомби поднес щуп к

Микобластуле, как невесть откуда взявшийся Малверн что было силы ткнул его в спину копьем.

Грубое оружие не могло пробить броню Рибо-Зомби, но удар оказался настолько силен, что суперзвезда качнулся вперед и облокотился о дверцу машины. Быстрее молнии в одно из пулевых отверстий скользнуло щупальце и схватило Рибо-Зомби мертвой хваткой.

За одним щупальцем последовали сотни других, и воздух наполнился чавканьем.

Малверн, все еще голый, подцепил копьем откатившийся шлем.

– Глянь-ка, его мгновенно растворили, а то, что получилось, высосали как суп! Шлем внутри чистенький.

Натянув шлем, Малверн подтащил к себе боевой костюм Рибо-Зомби, напоминающий крабовый панцирь. К ним подошел озадаченный Царапка. Обнюхав пустые башмаки, кот принялся скулить.

– Да ладно тебе, Царапка, – буркнул Малверн. – Все мы кого-то потеряли, будь мужчиной.

Он натянул костюм, и Царапка тут же принялся тереться о его ногу.

– А теперь нужно конфисковать камеры, чтобы кое-что тут подредактировать. – Малверн потряс головой в шлеме. – Ты ведь прикроешь меня, верно, Фиарон? Просто скажи всем, что Малверн Брэкхедж погиб в джунглях. Ту часть, где нас чуть не съели, можешь опустить.

Фиарон пытался натянуть на себя остатки одежды.

– Малверн, я не могу одеться.

– А что такое?

– У меня хвост растет. И когти в ботинки упираются. – Фиарон покрытой перьями рукой почесал затылок. – Ты что, светишься, или это у меня зрение изменилось?

Малверн постучал перчаткой по шлему.

– Надеюсь, ты не хочешь сказать, что подвергся массивному заражению?

– Технически говоря, я сам – заражение, потому что в нашей объединенной ДНК часть Микобластулы явно сильнее.

– Хм... – Малверн принялся застегивать многочисленные карманы. – Я направлю тебе биомедицинскую помощь... если, конечно, в округе что-то можно найти. – Он прочистил горло. – Что до меня, чем скорее я уберусь отсюда, тем лучше.

Вскоре звук энтомоптера затих вдали. Обшарив окрестности, что было нелегко, поскольку длина конечностей у него все время менялась, Фиарон наконец нашел то, что осталось от его

любимого борова, и отнес носилки в ближайший джип.

* * *

– А потом папочка своим новым носом за много-много миль учуял цивилизацию и понял, что достиг острова Фернандо-По, где у ООН по-прежнему сохранились базы. Так что, несмотря на трагическую гибель его лучшего друга Малверна, папочка понял, что теперь все будет хорошо.

Фиарон рассказывал эту историю эмбриону в матке Таппер посредством специального интерфейса под названием «Гестафон». Сидя на мягком диване от Лоры Эшли в их новеньком просторном доме на Пенсакола-Бич, Таппер улыбалась рассказу мужа.

– Когда добрые люди на острове увидели папочкины кредитные карточки, папочку и Виббла быстро стабилизировали, и вскоре они смогли живыми и здоровыми добраться до Майами. Тут налетели газетчики, и... что ж, сынок, когда-нибудь я расскажу тебе, как папочке пришлось справляться со славой и удачей.

– А как мамочка была рада снова увидеть папочку! – воскликнула Таппер. – Поначалу ее немного смутили шерсть и когти, но, к счастью, папочка и мамочка были предусмотрительны и сохранили образцы спермы в те времена, когда папочка еще играл в свои скэбовские игры. Так что все кончилось счастливо, и мы смогли сконструировать нашего маленького мальчика.

Фиарон отсоединил терминал от обнаженного живота Таппер.

– Виббл, возьми, пожалуйста.

Боров аккуратно взял «Гестафон» из рук хозяина и вразвалочку отправился прочь. Такой странной его походка стала благодаря новым конечностям, которые представляли собой маленькие человеческие ручки.

Таппер опустила подол рубашки.

– Разве уже не идет твое любимое шоу?

– О, дорогая, ну не смотреть же каждый выпуск...

– Милый, а мне нравится, особенно теперь, когда я не боюсь, что ты опять во что-нибудь ввяжешься.

Супруги устроились на кушетке, и Таппер принялась нежно поглаживать рыбью чешую на щеке Фиарона, тогда как он рассеянно ласкал жену пушистым тигриным хвостом. Включился жидкостный экран, являя зрителям напыщенного Рибо-Зомби.

– Будьте реалистами, ребята, просто будьте реалистами! Я

бросаю вызов всем скэбам, всем и каждому. Тем, кто любит Зомби, и тем, кто его терпеть не может, тем, кто готов плюнуть ему в лицо, и тем, кто мечтает расцеловать его. Вы, жалкие хвастуны, прекрасно знаете, кто вы. А скажите мне: кто я?

Фиарон вздохнул. Куда катится этот мир? А впрочем, о чем сожалеть, ведь всегда приходит следующее поколение.

Homo Sapiens объявлен вымершим

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

После кропотливых десятилетних поисков по всему миру, от гор Тибета до тропических лесов Бразилии, официально установлено: человеческих существ больше нет. — Думаю, что могу считать это личной неудачей, — заявила антрополог доктор Марша Реймо, сотрудница берлинского института Ретроградных Исследований. — Разумеется, в лаборатории имеются человеческие ткани, и мы сумеем клонировать столько образцов homo sapiens, сколько потребуется. Но эти особи были прежде всего известны своей уникальной деятельностью на ниве культуры.

— Не могу понять, из-за чего весь переполох, — объявила Рита "Милашка" Шриниваз, актриса, секс-символ и периферийный компьютер. — Искусственные интеллекты обожают воплощаться в человеческие формы, чтобы наслаждаться едой и сексом. Пока ИИ продолжают помнить свое происхождение и своих создателей, они шатаются повсюду в человеческом обличье. В этом-то и вся штука. Ужасно смешно, уж вы мне поверьте.

Нынешний спонсор актрисы передал по телепатическим каналам, что появляющиеся временами дополнительные руки или головы мисс Шриниваз следует рассматривать как творческие поиски.

Всемирное обследование содержимого черепов в апреле 2379 года не выявило ни одного ныне живущего гражданина с менее чем тридцатипятипроцентным содержанием желатина в мозгу.

— Для меня это огромный удар, — поделился с нами статистик Пьере Юле, общее имя для совместно сотрудничающего группового мышления математиков парижской академии Бурбаки. — Не могу понять, как можно провозглашать любой организм "человеческим", если его мозг представляет собой желатиновую структуру, а каждая клеточка тела содержит расширенные дополнительные нити искусственной ДНК. Мало того, что человечество вымерло, но, строго говоря, каждый из живущих в наши дни должен быть классифицирован как уникальный, постнатуральный, единственный вид.

— Я родился человеком, — признал трехсотвосьмидесятилетний музыкант Сун Ю, находящийся ныне в своем резервуаре жизнеобеспечения в Шанхае. — Рос и воспитывался как человек. В то время такое положение казалось вполне естественным. Сотни лет, проведенные в созданной и

поддерживаемой государством концертной Сети, сделали меня гуманистом, несущим людям образцы самой высокой культуры. Но сейчас приходится быть честным с самим собой: все это лишь сценический образ. Откровенно говоря, желмозг куда лучше, чем эти серые, жирные человеческие нервные клетки. Нельзя стать серьезным артистом, если в голове у тебя одни природные животные ткани, и ничего больше. Это просто абсурдно!

Нежно омывая свои сморщенные ткани теплыми потоками жизнеобеспечивающей жидкости, великий старый музыкант продолжал:

— Вольфганг Моцарт по современным стандартам считался бы донельзя унылой личностью, но благодаря желмозгу я все еще могу найти способы вдохнуть жизнь в его примитивные композиции. Я также настаиваю на том, что Бах по-прежнему остается лучшим в мире композитором даже в сегодняшней сверхцивилизованной среде, где творческая субъективность, увы, большая редкость.

Мы не смогли получить комментарий наиболее прогрессивной постгуманитарной научной группы новаторов "Блад Базерс", укрывшейся в своих хрустальных замках на Марсе.

— К чему беспокоить столь высокие умы какими-то пустяковыми событиями, происходящими здесь, на далекой Земле? — возмутился Арно Хопмейер, президент Мирового антисубъективистского Совета. — "Блад Базерс" занята исследованием новых областей сложной структуры, далеко превосходящей понятие простого интеллекта. И без того для нас огромная честь, что они готовы поделиться результатами работы с подобными нам созданиями. Их Бескожие Сиятельства будут весьма раздражены, если мы спросим их мнение о какой-то вымершей расе двуногих, у которых даже не хватило ума обзавестись перьями.

В память об официальном исчезновении человечества, был объявлен Околосолнечный День Траура, но многие уверены, что взрывы неконтролируемого публичного энтузиазма омрачат минуты скорби.

— Если хорошенько задуматься, — размышляет Орбитальная Личность Анкх 9819, — трудно разглядеть какие-либо признаки трагедии в этом давно ожидаемом событии. Звери, птицы, бабочки, даже скалы и реки, должно быть, счастливы, что наконец избавились от человечества. Постарайтесь подойти к вопросу непредвзято, нам следует глубоко вздохнуть и повернуть лица к свету будущего.

— Поскольку мне предложено написать эпитафию, — продолжал популярный поэт-программа, — думаю, следует

перестроить Великую Китайскую Стену таким образом, чтобы можно было прочесть (на китайском, разумеется, поскольку большинство из них все равно были китайцами): ОНИ БЫЛИ ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ ЛЮБОПЫТНЫ, НО ВОВСЕ НЕ ДАЛЬНОВИДНЫ.

Этот исторический момент требует особых чувств. Мой пес, например, утверждает, что действительно тоскует по человечеству. Впрочем, мой пес много чего утверждает.

Пользовательско-ориентированный

От: Координатор проекта

Кому: Команда разработчиков (Инженер; Графический дизайнер; Юрисконсульт; Маркетолог; Программист; Социальный антрополог; Координатор проекта)

Тема: Мозговой штурм по поводу нового проекта.

Народ, запускаем еще один проект. А что делать? Кому сейчас легко? Но я верю, что мы – прорвемся. Кому же еще вытаскивать из болота эту компанию, как не нам? Таких профессионалов, как мы, днем с огнем поискать!

Что бы там ни говорилось в последнем квартальном отчете, на самом деле все не так уж и плохо. Пусть акционеры рвут и мечут, но из выгребной ямы, в которую мы по уши провалились из-за ультразвукового очистителя, мы в кои-то веки выкарабкались. Да и продажи лубрикантов по-прежнему высоки.

Теперь к проекту – он только-только запускается, а шумиха уже поднялась немыслимая. Эксперты нисколько не сомневаются, что микроэлектронные навигационные чипы – настоящий прорыв на рынке интеллектуальных услуг. Наконец-то MEMS-технологии покинули стены лабораторий и взрывают рынок. Так что наши патенты и перекрестные лицензии тоже поднялись в цене. Теперь насчет бюджета – на этот раз руководство не поскупилось и выделило нам достаточно средств. Скажу откровенно – за восемь лет работы в этой организации я ни разу не видел такой впечатляющей суммы.

Итак, к чему я клоню — наш горячо любимый подход «научные разработки для разбирающихся в науке» давно устарел. Долой его! Или же нас ждет сокрушительное поражение на рынке. Согласен, навигационные MEMS-чипы – технология прогрессивная, «с пылу, с жару». Согласен — «был бы товар, а покупатель найдется». Но проблема в том, что и товар мы производим, и покупатель на него находится, но покупает он не у нас, и денег платит не нам.

Лишь за счет репутации передовой фирмы-разработчика нам не выжить. И наградами за оригинальное техническое решение счетов не оплатить. Можете брюзжать, сколько душе угодно, но отнюдь не только наград ждут от нас акционеры и новое руководство. Наша компания должна, наконец, стать конкурентоспособной; капиталовложения должны приносить прибыль. Значит, нам пора двинуться навстречу покупательскому спросу и научиться зарабатывать деньги.

Давайте изменим наше отношение к делу. Поставим все с ног на голову. Наша продукция теперь не просто «товар», а потребитель – не просто «пользователь». Наш продукт – это основа долголетних и взаимовыгодных отношений между компанией и покупателем.

Поэтому, народ, нам требуется история. История человека. Целиком и полностью посвященная пользователю. Который открывает бумажник и платит. Пользовательско-ориентированная история.

Нам нужен герой, герой-«пользователь», настоящий, живой человек с обычными человеческими желаниями и потребностями. Кто он, чего он хочет, с какой стати платит нам деньги? Ответьте мне на эти вопросы! К он чему стремится и чего опасается? Я хочу знать о нем все. Абсолютно.

Ибо если мы поймем его, мы поймем и наш продукт. Итак, что нам предложить этому парню? Как предвосхитить его желания?

От: Инженер-разработчик
Кому: Команда разработчиков
Тема: Re: Мозговой штурм по поводу нового проекта.

К Вашему сведению. Параметры «героя»: классический тип, легко приспосабливающийся к новым условиям. Пол: мужской. Продвинутый пользователь. Возрастная категория: 18-35 лет. Северная Америка/Европа. Ведет активный образ жизни, владеет несметным числом дорогостоящих железок: спортинвентарь, ноутбуки, велосипеды, рюкзаки, вполне вероятно, пара-тройка машин.

От: Маркетолог
Кому: Команда разработчиков
Тема: Параметры «героя»

Только что прочитал письмо от инженера: ну, вы, блин, ребята, даете! Аж зубы сводит. Для маркетинговой кампании это смерти подобно. Вы хотя бы представляете, насколько нелепы в современном мире конкуренции эти ваши попытки сконцентрироваться на легкообучаемом продвинутом пользователе? Да у этих парней цифровые зубные щетки! Ковровые бомбардировки новыми товарами превратили их в задвинутых прибабахнутых гиков. Какие-такие категории? Какой пол и возраст? Забудьте! Эти типы прячутся в шкафах, надеясь,

что там, в темноте, их ботинки угомонятся и прекратят слать эсэмэски брючным ремням.

Продвинутые пользователи не массовые потребители, они не в состоянии повысить рентабельность нашей продукции. Нам нужны разработки для ведения домашнего хозяйства. Я имею в виду товары супер-мега-массового потребления, этакое королевство мыла и швабр, веников и щеток, резиновых перчаток и электролампочек. Покупки случайные, зато постоянные и прибыльные.

От: Программист
Кому: Команда разработчиков
Тема: Без темы

Подумать только – я согласен с Маркетологом. Вот честное слово, я бы с бОльшим удовольствием погрузился в мир пирожков и хорошо прожаренных тостов. Чем вымучивать код для каких-то ламерских чипов. Которые подскажут, где сейчас ваша газонокосилка. То есть, если вы вдруг не в курсе. Читайте, мать вашу, инструкцию, она такая дружелюбная!! То есть, насколько тупыми, предполагается, должны быть люди там, в реале? Не надо, не отвечайте. К черту.

От: Социальный антрополог
Кому: Команда разработчиков
Тема: Создание модели объективной реальности

Народ, вы меня простите, но, боюсь, вы так до конца и не поняли, какой изысканный подход к решению поставленной перед нами задачи предлагает Фред, наш достопочтимый Руководитель. Прежде чем ломать головы над тем, что собой представляет наш персонаж, этот пока что Таинственный незнакомец, надо сочинить правдоподобную историю. А хорошая история в нашем случае придумывается следующим образом.

Прежде всего берется привлекательный герой. Точнее, два героя. Один для продвинутой части населения, которая жизни не мыслит без новейших технических разработок, второй — для домохозяев, потенциальных игроков на рынке товаров широкого потребления. Предлагаю сразу же их очеловечить и дать им имена. Давайте наречем их Альберт и Зельда[42].

Ал – молодой человек со средствами, владеющий обширным поместьем. (Возможно, оно досталось ему по наследству). Нельзя сказать, что Ал в восторге от такого положения дел: ему не всегда

удается уследить за всей этой фамильной собственностью, антиквариатом, дорогущей мебелью, кухонной утварью, газонокосилками и прочим. Как образованный, идущий в ногу со временем молодой человек, Ал вполне разумно полагает, что в данной запутанной ситуации ему поможет ноутбук. Он хочет, чтобы в жизни все было так же, как на экране монитора, — понятно, доступно и аккуратно разложено по папкам.

Однако на самом деле Алу нужна опытная, толковая, разбирающаяся в новинках хай-тека экономка. И вот тут-то на сцене появляется Зельда. Боевая особа лет этак 65 с гаком, в здравом уме и твердой памяти, которая считает, что у нее вся жизнь еще вперели. У Зельды есть интеллектуальные баночки с пилюлями, напоминающие ей, когда и в каких дозах следует принимать лекарства; есть гематоэнцефалические ингаляторы и элегантные ортопедические туфли. На ее запястье красуется совершенно обычный, считывающий показатели стареющего организма, био-монитор. То есть, насколько я себе представляю, Зельда вполне на «ты» с современными медикобиологическими разработками, однако врожденный консерватизм не позволяет ей так же легко и быстро приспосабливаться к остальным окружающим ее техническим новинкам. Это ее Ахиллесова пята, и ею нам как раз и следует воспользоваться. Как Команде такой подход?

От: Координатор проекта
Кому: Команда разработчиков
Тема: Отлично!!

Социальный антрополог абсолютно права, то, что нам действительно требуется — это своеобразие. Технология, которую мы создаем, зиждется на потребностях наших двух персонажей – мы должны понять, кто они и что им нужно? Как повысить их покупательский спрос, как ошеломить их и заставить идти у нас на поводу?

И еще одно – я не Руководитель. Со стороны Сьюзен было очень мило назвать меня так, однако моя должность — «Координатор проекта», и наш новый гендир настаивает, чтобы меня называли именно так.

От: Девочка-дизайнер
Кому: Команда разработчиков
Тема: Моя очередь

Хор., может, у меня задвиг, но меня этот парень, Ал, уже, типа того, заводит. Я тут подумала, а, может, он, это, охотник? Ну, просто вряд ли он дома сиднем сидит, по-моему. Он много круче, чем ваш больной на всю голову пользователь. Согласны?

От: Инженер
Кому: Команда разработчиков
Тема: Сюжет

Да, я всеми руками «за»! Альберт Хаддлстон. Спокойный, уравновешенный, работящий. Языком зря не мелет. Читает мало. Не дамский угодник. Мастер на все руки. У него большой дом, большой двор с большими деревьями, а, может, сад, где он проводит много времени. На испуг его даже двустволкой не возьмешь. Он подковы гнет, когда в настроении.

От: Маркетолог
Кому: Команда разработчиков
Тема: Предметы потребления в соответствии с возрастными категориями Ала

Лучковая пила, телескопический кусторез. Забитая спортинвентарем кладовка – память об экстремальном студенчестве. Рука не подымается снести все на помойку.

От: Девочка-дизайнер
Кому: Команда разработчиков
Тема: Кто такой Альберт на самом деле?

Так, это, может, он студент? Основная специализация — процессы познания, а дополнительная — проблемы окружающей среды?

От: Маркетолог
Кому: Отдел разработки
Тема: без темы

Альберт недостаточно умен для студента, специализирующегося на процессах познания.

От: Юрисконсульт
Кому: Команда разработчиков

Тема: Так называемые «процессы познания»

На студенческом сленге «процессами познания» называют учебу на либерастических философских факультетах.

От: Координатор проекта
Кому: Команда разработчиков
Тема: Мозговой штурм

Рад приветствовать вас, Юрисконсульт, замечательно, что вы подключились к нашей беседе, но давайте не будем так уж рьяно набрасываться на свободно витающие в воздухе пока еще несвязные, но многообещающие идеи.

От: Юрисконсульт
Кому: Команда разработчиков
Тема: Юридические последствия. Ответственность сторон

Ох, только вот по голове не бейте!

Простите, пожалуйста, что указываю вам на очевидные факты, но обсуждаемые нами технологии влекут за собой колоссальные проблемы юридического характера. Мы говорим о внедрении сотен MEMS-чипов размером с ноготь, которые в режиме реального времени передают в радиодиапазоне информацию о местоположении и состоянии всего, чем человек владеет. Ничего не напоминает? А как насчет Оруэлла? Наши действия могут повлечь за собой нарушение всех действующих законов о конфиденциальности цифровой информации.

Только представьте – вы совершенно случайно умыкнули чью-нибудь авторучку, снабженную подобным чипом. И вам даже в голову не приходит, что она снабжена радиомаячком. А вот ее владелец (кстати, вероятнее всего, будущий истец), имея достаточно мощный приемник сигнала и пропускную способность канала приема-передачи, может отслеживать ваше местоположение все то время, пока вы эту ручку носите.

Когда разрабатывается новый продукт, в первую очередь необходимо решить вопросы юридического характера. Неосмотрительно вставлять в инструкции по эксплуатации фразу «производитель ответственности не несет», когда товар уже сошел с конвейера.

От: Инженер
Кому: Команда разработчиков

Тема: Поправка

Какие «конвейеры», о чем вы? Они канули в Лету вместе с двадцатым веком.

От: Маркетолог
Кому: Команда разработчиков
Тема: Судебное преследование

Минуточку. А разве не из-за этой самой «ответственности за продукцию» мы остались не у дел с нашим ультразвуковым очистителем?

От: Социальный антрополог
Кому: Команда разработчиков
Тема: Никто не обещал, что будет легко

Никто ведь и не говорил, что путь наш будет усеян розами. Касательно истории – точка зрения Юрисконсульта меня ошеломила. Неужели все сходятся на том, что система контроля домашнего хозяйства непременно должна быть «сокрытой от посторонних глаз»?

А если наоборот? Подумайте — если все, чем владеет Ал, снабжено чипами, то ему не составит труда отследить, где и что находится. А в таком случае он освобождается от тяжкой ноши беспокойства об имуществе. С какой стати ему трястись над своим добром? Благодаря нам оно в полной безопасности. Ал, не колеблясь, одалживает газонокосилку соседу. Почему нет? Никаких шансов, что сосед ее потеряет или продаст, потому что MEMS-чипы, посылающие сигнал на MEMS-мониторы, просто не дадут совершить подобное беззаконие.

Теперь Ал — сама щедрость. Вместо того, чтобы безумно трястись над пожитками, наклеивать опознавательные метки и чахнуть над имеющимся богатством, он превращается в великодушного, открытого парня, любимца округи. Ему больше нет нужды запирать двери на замок! Все, чем он владеет, автоматически защищено от воров – опять же благодаря нам. Он закатывает грандиозные вечеринки, бесстрашно выставляя напоказ свои владения. Личное имущество – некогда мучительный груз на плечах Ала — отныне достояние соседской общины. Вместо тревожных мыслей пришла уверенность в себе, чувство уязвимости кануло в небытие, и Ал купается в лучах общественного признания.

Кому: Координатор проекта
От: Команда разработчиков
Тема: Супер!

Класс! То, что надо. Именно это нам и требуется. Этим мы точно поймаем их на крючок.

От: Девочка-дизайнер
Кому: Команда разработчиков
Тема: RE: Супер!

Так, а теперь как Ал встретил Зельду. В общем, они ведь, типа, соседи, да? И ее дом битком набит обеденными тарелками Ала, типа как бы «одолженными», так? Кто-то разбивает тарелку, на мониторе немедленно высвечивается сообщение, и Ал как угорелый мчится к Зельде.

От: Юрисконсульт
Кому: Команда разработчиков
Тема: Семейные споры

Кто-то швырнул тарелку в Зельду. У Зельды дом по соседству, в котором она живет вместе с сыном и невесткой. Однако Зельда продала дом — основной капитал, собранный по крупицам не одним поколением, чтобы пройти курс омоложения. С небывалым ростом продолжительности жизни такое случается сплошь и рядом. И вот бабуля Зельда возвращается из клиники, теперь ей не дашь больше 35. Она заложила фамильную собственность, и следующее поколение останется бездетным — оно не сможет позволить себе такую роскошь, как иметь детей. Невестка лезет на стену, потому что в подметки не годится неожиданно похорошевшей дорогуше-свекрови. Такая вот мыльная опера – кипящее варево из страстей, обид и алчности. Заставляет обращать внимание на нарушение прав ребенка не больше, чем на штраф за неправильную парковку.

От: Инженер
Кому: Команда разработчиков
Тема: Выводы

Круто. Итак. Зельда продает дом и, спасаясь от семейных дрязг, переезжает к великодушному Алу. Весь свой скарб – все, что нажито за 60 лет, — Зельда притаскивает с собой. Никаких

проблем. Благодаря нам.

Потому что, распаковывая коробки, Ал и Зельда каждую вещь снабжают MEMS-чипом. С одной стороны, все пожитки перемешиваются, становятся общей собственностью, а с другой, как были раздельными, так и остаются. С помощью MEMS-чипов любой грузчик, имеющий портативный детектор, за пару часов определит, где чье имущество, и разложит его обратно по коробкам. Ал и Зельда никогда не запутаются, что кому принадлежит, – уж об этом мы позаботимся, не переживайте. Совместная жизнь у них будет совсем иной.

От: Девочка-дизайнер
Кому: Команда разработчиков
Тема: A&З: совместная жизнь

Здоровски. Значит, Зельда на кухне что-то стряпает, так? И Алу ничего не мешает все свое время посвятить работе в саду. А там полно всяких белок или енотов, и еще они пробираются на чердак, так? Однако теперь у Ала есть кибернетическая западня, такая же неосязаемая, как и гель-лубрикант, разработанный нашим Отделом товаров для активного отдыха. Ал хватает енота и вживляет ему под кожу MEMS-чип. И, оп-па, теперь енот всегда под присмотром! Вот, например, слышит Ал ужасающий грохот на чердаке, поднимается туда, держа в руках портативный детектор, и говорит: «Ну, что, Енотидзе, попался? Прячься – не прячься, я тебя все равно найду. А ну, брысь с батареи!»

От: Юрисконсульт
Кому: Команда разработчиков
Тема: Чипирование енотов

Интересно. Если Ал и в самом деле ведет учет передвижения енота, то недвижимость Ала растет в цене. Если Ал вознамерится продать дом, то у него будет явное преимущество перед другими игроками на рынке. То, что могучие деревья на участке принадлежат Алу – очевидно, дано, что называется, по умолчанию, однако теперь в его земельную собственность на законных основаниях входит также и чипированный енот.

От: Инженер
Кому: Команда разработчиков

Тема: Белки

Они больше не вредители. Белки на деревьях, я хочу сказать. Они – имущество, находящееся в полной собственности владельца земли.

От: Координатор проекта
Кому: Команда разработчиков
Тема: Мы на верном пути, люди!

Такой подход мне по душе! Подумать только, нам бы и в голову не пришло рассмотреть данную проблему с енотовидной точки зрения, если бы мы сосредоточились на «продукте ради самого продукта». Само собой, Ал оснастит контрольными чипами и свой дом, и лужайку возле дома, и, в конце концов, всю округу. Еноты вечно шастают туда-сюда. Впрочем, как и домашние собаки и кошки. Но это не досадное упущение наших разработок, это их преимущество! В ошейник кота Ала встроен MEMS-чип. Ал может чипировать ошейники всех соседских котов, чтобы их хозяева наблюдали за передвижением питомцев с помощью интернет-странички. Желаете позвать пушистого непоседу к ужину? Нет ничего проще – отправьте письмо ему на ошейник.

От: Программист
Кому: Команда разработчиков
Тема: без темы

Потрясно!! Я всеми руками «за»! У меня 8 котов, я хочу такой ошейник! Будущее – за нами! Я уже чувствую вкус победы!

От: Инженер
Кому: Команда разработчиков
Тема: Современные технологии производства чипов

Подкожные идентификационные чипы – технология проверенная. Их уже долгие годы используют на лабораторных крысах. Наша фабрика микросхем в Саннивейле предоставила бы мне действующую модель, не требующую патентных отчислений, уже через 48 часов.

Единственное, Алу потребуется усилитель сигнала, чтобы его локаторы могли улавливать сигнал от любой расположенной в окрестности точки. Однако построение ретрансляционной сети –

вопрос системного администрирования. Классическая привязка пользователя к поставщику услуг. Золотое дно, одним словом. Я имею в виду долгосрочные контракты и «привязку» клиентов к нашей услуге на бесконечно долгие годы.

От: Маркетолог
Кому: Команда разработчиков
Тема: Клиенты у нас в руках

В точку! То, что надо! Мы ведем речь о «залипании» потребительской сегментной группы рынка на процесс модернизации потребляемого продукта. Вначале выпускаем базовую модель слежения только для домашнего употребления, этакий вводный курс. Затем повышаем уровень, выпуская модель, предназначенную для общего пользования всем соседским окружением. И, наконец, доходим до «Золотого» и «Платинового» уровней с круглосуточной тех.поддержкой! Ал властвует над всем предместьем. Или – над всем городом! Возможности безграничны! Только плати – и мы поставим стольких чипов и систем мониторинга и связи, сколько захочешь. Единственное ограничение – размер твоего кошелька!

От: Координатор проекта
Кому: Социальный антрополог
Тема: ***Личное***

Сьюзен, только погляди на них! Никогда бы не подумал, что «историйный» подход сработает. Ведь еще неделю назад они слонялись по лаборатории с мрачными лицами и строчили резюме для рассылки в кадровые агентства.

От: социальный антрополог
Кому: Координатор проекта
Тема: Re: ***Личное***

Фред, с тех давних пор, как мы слезли с деревьев и стали собираться вкруг бивачных костров где-то в Африке, мы безостановочно травим байки. Уж поверь мне, это заложено в самой человеческой природе.

От: Координатор проекта
Кому: Социальный антрополог

Тема: ***И снова личное***

Это успех, Сьюзен. Я чувствую. По такому случаю можно и выпить, как думаешь? Давай-ка повеселимся, а? Я угощаю. Оттянемся на полную катушку.

От: социальный антрополог
Кому: Координатор проекта
Тема: Наши отношения

Фред, не стану отрицать, между нами есть некоторое притяжение. Однако я просто обязана спросить — а вправе ли мы смешивать личные дела с профессиональными?

От: Координатор проекта
Кому: Социальный антрополог
Тема: ***Личное***

Мы же взрослые люди, Сьюзен! Мы огонь и воду прошли, и медные трубы. Так какого черта задаваться такими вопросами?

От: социальный антрополог
Кому: Координатор проекта
Тема: Re: ***Личное***

Фред, лично я не имею ничего против любых человеческих проявлений, и «надлежащих» и «ненадлежащих». Я профессиональный антрополог. Нас научили понимать механизмы работы общества, но так и не научили делать людей счастливыми. Я просто реально оцениваю ситуацию. И я ничего не имею против тебя. Просто я сама, Фред, всегда порчу любые отношения. Никогда ни один мужчина не был со мной счастлив.

От: Координатор проекта
Кому: Социальный антрополог
Тема: ***Очень личное***

Сьюзен, прекращай, пожалуйста. Все эти «ты да я, да мы с тобой». Мне казалось, мы все уже решили на этот счет. Могли бы просто по-дружески посидеть в «Двух маготах», выпить по коктейлю. Эта не наша с тобой история, ни твоя и ни моя.

От: социальный антрополог

Кому: Координатор проекта
Тема: Твой неубедительный ответ

Значит, это не наша история, Фред? А чья же она тогда? Чья?

У Альберта пересохло во рту. Голова кружилась. Пора, пора уж покончить с этими ноотропами, особенно после восьми вечера. В колледже он реально подсел на психостимуляторы — иначе как бы еще он справился со всеми этими французскими философами, этим, Господи Боже, Кантом 301[43]. Но тогда он явно переборщил. Теперь он принимал их только чтобы побороть дислексию. Таблетки делали его таким восприимчивым... К речи... Лежа в кромешной тьме, он прислушивался к голосам. Множество голосов. В голове. Они ругались и спорили. Доказывали и опровергали. Разводили нескончаемую психоделическую трепологию.

С той стороны, где почивала Хейзел, раздался оглушительный храп. Старушечьи сипы-хрипы никак не вязались с модельной внешностью и пышными формами Хейзел. И с чего вдруг она помешалась на поросших мхом романах Ф. Скотта Фицджеральда? Эти розовые балетные тапки. Это настоятельное требование зваться Зельдой[44]?

Хаддлстон бесшумно поднялся с кровати. Пошатываясь, направился в ванную комнату. Как только он вошел, свет предупредительно загорелся. Он глянул в зеркало — снежно-белые волосы, изборожденное морщинами лицо. Эпидермическая маска немного порвалась с края, возле шеи. Ему двадцать пять, и он ухлестывает за семидесятилетней соседкой. «Эскорт для пожилой дамы», как он мысленно величал себя. Выбираясь в рестораны или клубы, он прикидывался стареющим ловеласом, которому Зельда кружила голову.

Таким вот образом в конце концов они и превратились в «пару». Логичное продолжение дружеских отношений. Но Алу было не по себе.

Он на собственной шкуре ощутил, что значит дряхлеть. Знал, как сойти за человека в летах. Ибо его подружка была стара, стара, как мир. Он смотрел телепередачи для пожилых, погружаясь в мир постоянных недомоганий, несварения желудка, потери остроты зрения и слуха, немощности. У Ала трещала голова, словно он только что слетал во Францию и обратно. Тошнило, хотелось спать. Семидесятилетняя зазноба каким-то образом нарушила процессы поэтапного взросления его

организма, он слабел день ото дня.

Почему его так тянуло к Хезел, точнее, к Зельде — сложно сказать. Раздираемый противоречивыми чувствами, он и сам этого не понимал. Это как царапать ногтем по стеклу и вместе с тем нестись в машине времени, сминая возрастные границы. Непоправимо и безжалостно ломая основополагающую структуру человеческих взаимоотношений. Зная, что обратного пути нет.

Он ни за что не назвал бы это любовью. Речь шла совсем о другом. О романе, не имеющем прецедента, о бета-тестировании готовящегося к выпуску продукта — бомбе для конкурентов, программе со множеством «багов», постоянно зависающей и падающей.

Нет, не любовь, скорее, «я-эль-ю-бэ-эль-ю-тэ-е-бэ-я». Ал «эль-ю-бэ-эл»-ил пышногрудую кареглазую девицу, бывшую некогда его доброй соседкой-старушкой.

По крайней мере, он ничем не походил на своего отца. Тот так много работал, что однажды рухнул на ступени своего чудовищного особняка и умер от чудовищного сердечного приступа. Оставив после себя три чудовищных жены — Маму Первую, Маму Вторую, Маму Третью. Маме Первой отошел ребенок и пособие на него. Маме Второй — первый дом и алименты. А Мама Третья до сих пор пытается оспорить завещание.

«Черт, и как же ты дошел до жизни такой?» — требовательно вопросил внутренний голос. Механически отшелушивая омертвелую кожу лица, которое даже в эту нервную, пропитанную наркотиками ночь, ночь, всколыхнувшую глубины его пост-человеческой души, выглядело безобидным и располагающим, Хаддлстон уставился на свое отражение в зеркале. Что толку врать самому себе — он ведь закончил философский факультет, ему противна даже сама мысль о лжи и лицемерии. Дошел, потому что хотел дойти. Потому что ему такая жизнь нравится. У него есть все, что нужно. Когда-то в детстве, будучи стеснительным и впечатлительным ребенком, он испытывал проблемы в общении, но теперь все позади.

Надо отдать Зельде должное – эта женщина прирожденная экономка. Настоящий гений домашнего хозяйства. Мечта Ала снабдить все чипами очаровала Зельду. Она пришла в неописуемых восторг — все на своем месте, свое место для всего и каждого. Чисто, мило, аккуратно. В редкие минуты вспыхивающей, бывало, между ними близости Ал и Зельда садились рядышком и с интересом рассматривали рекламные каталоги.

Мысль сделать из особняка Ала настоящее «уютное

гнездышко» засела в голове Зельды, как заноза, она ухватилась за нее так же крепко, как утопающий хватается за соломинку. И, да, Алу пришлось согласиться, что им просто необходимы новые шторы. И лампа, конечно же, лампа – у Зельды изумительный вкус во всем, что касается ламп. А какие роскошные приемы она устраивает. Минуй еще лет пятьдесят, Ал все равно не научится разбираться в изысканных французских винах, канапе, лакированных японских подносах, хрустальных палочках для перемешивания коктейлей, разборных креслах для веранды… Как много, оказывается, в мире прекрасных вещей.

Зельда. Соблазнительная развалюшка, доходы от которой начисто перекрывались расходами на содержание и ремонт. За симпатичным фасадом модно одетой красотки скрывались вполне зрелые болячки — постепенно истончавшиеся из-за нехватки кальция кости, ноющие ноги, требующие ежедневного массажа, сутулый позвоночник, нуждающийся в корсете. Жаль, что она уже не могла родить. Хотя посмотрим правде в глаза – кому сдались эти дети? У Зельды были дети. Она их на дух не переносила.

Все на свете Ал бы сейчас отдал за обычное сердечное объятие. И неважно, где, когда, как и кто прижал бы его к груди. Так захотелось вновь ощутить себя настоящим, живым человеком. Ал разработал свою философскую доктрину, согласно которой Альберт «Сыч» Хаддлстон, являлся славным приличным парнем. Честным, прямым, нравственным, готовым прийти на помощь. Современный философ. Друг всем людям. Этакий Gesamtkunstwerk[45]. Никаких оставленных «на потом» дел. Никаких щемящих сердце воспоминаний. Совокупное произведение искусства.

Полное слияние и единение, подумал Ал. Он осторожно ополоснул лицо. Возможно, он сам себя не знает. Определенно. Ну так что? Большинство людей такие же. Даже наивный антиматериалист Генри Торо не избегнул общей участи. Дислексик с детства, Ал мало читает, порой заикается, забыв принять нутрицевтики, слушает аудио-книги по теории итальянского дизайна и, возможно, страдает легкой формой обессии, время от времени испытывая навязчивое желание приобрести метлу за 700 долларов и супер хай-тековую швабру со встроенным дисплеем, на котором В Режиме Реального Времени Можно Наблюдать за Жизнью Микробов, Обитающих у Вас Дома! ©®™…. Ну так что?

Так что. Так что у нас тут на самом деле? Действительно ли Ал – совокупный, независимый и уверенный в себе человек, благоразумно вверяющий судьбу тщательно выбранной технике,

проверенным концептам, испытанным точкам зрения? Или же он – бездушная выдумка свихнувшегося рынка, собранная, словно осколки разбитого зеркала, по малюсеньким кусочкам на потребу безжалостного общества потребителей? Действительно ли он цельный человек или он — обломок кораблекрушения, затерянный в кипящих волнах технологической революции? Возможно, и то и другое. Возможно, ни то, ни другое, ни третье. Насколько мы знаем – Нет Ничего Постоянного, Как ни Крути ©. Новые Технологии – Это Продвижение, Не Достижение (Серийная Модель). Жить на Грани Всегда Неуютно ©.

А что, если эта история не имеет ничего общего с каким-то там проектом? Ничего общего ни с физической связью между вами и миром промышленного производства, ни с культурной нишей, занятой вами в ходе эволюции, ни с вашими обширными знаниями тенденций развития потребительского рынка, ни с вашим безупречным вкусом и даже ни с вашей личной борьбой со вселенной распределенных, распространенных, вездесущих интеллектуальных устройств, кружащихся в танце внутри невидимых функциональных интерактивных систем? Благодаря дьявольскому человеческому гению вкупе с высокими технологиями все теперь зиждется на легкости и доступности, на дематерилизации, бездушно укороченном жизненном цикле товара и его постоянном усовершенствовании, на восстановимости, изобилии выбора и безраздельном и безграничном доступе. А если все это в лучшем случае – суета сует? Побочный продукт? Техно-бастард? Всего лишь некий переход? А вдруг эта история совсем про другое, про то, что как бы ты ни старался жить нормальной человеческой жизнью, у тебя ничего не получится? Это попросту невозможно. И – точка.

Зельда потянулась и распахнула колдовские очи.

— Все в порядке?

— Ага.

— Тебя что-то тревожит?

— Угу.

— Снова приснился кошмар?

— Ну... Нет. То есть да. Что-то в этом роде. Только не называй их кошмарами, хорошо? Я тут подумал, я бы…. знаешь… загрузил бы компьютер да посмотрел бы, что у нас в округе творится.

Прикрывшись набивной атласной простыней, Зельда села в кровати.

— Все давным-давно решено, — отчеканила она. – Ты ведь знаешь, не так ли? На счастливый конец не надейся. Никакого

счастья не существует. Есть только взаимовыгодное сотрудничество.

В раю

Металлодетекторы ломались чуть ли не каждый день – цирк да и только! Но парням из службы безопасности было не до смеха.

Феликсу же, водопроводчику с почасовой оплатой, любой простой в работе играл только на руку. Он открыл ящик для инструментов, извлек пластиковую флягу и отхлебнул виски.

Девушка-мусульманка болтала по телефону. Ее отец и еще одно бородатое чудище как раз собирались пройти через огромную металлическую раму, когда сканирующее устройство вышло из строя. Дочка застыла как вкопанная, а охрана, вооружившись ручными металлоискателями, подвергла мрачных, солидных пожилых джентльменов настоящему досмотру с пристрастием. Феликс оглядел девушку с ног до головы – от плотного черного платка и мешковатого балахона до пары удивительно привлекательных изящных сандалий. Между ней и родичами-тела-ее-хранителями разверзлась пропасть, по краям которой орудовали ретивые стражи порядка. Она ободряюще помахала отцу рукой.

В кармане черного шерстяного жакета новоявленного Саддама Хусейна что-то металлически звякнуло. Совершенно безобидное, безо всяких сомнений, но дотошные охранцы провели ритуал досмотра по всем правилам – чего только не сделаешь, лишь бы не умереть со скуки! Виски приятно согревал желудок, время тянулось, словно ириска. И тут у малышки-моджахедки сел телефон. В сердцах она стукнула по нему ладонью.

Многообещающая очередь из покупателей, полных мрачной решимости простимулировать экономику страны, недовольно заволновалась. Печальное, унылое зрелище. Сердце Феликса защемило. Ему захотелось вскочить на ноги и дать волю гневу. "Встряхнитесь! – заорал бы он. – Воспряньте ото сна, люди! Будьте добрее!". Чувства рвались наружу, однако ни к чему хорошему подобные выходки не приводили, только пугали обывателей. Такие публичные выступления они ненавидели всеми фибрами своей души. Он, впрочем, тоже. Да ему просто не хватит духу выложить им все начистоту: столько неприятностей потом огребешь – выше крыши.

Лица ближневосточной национальности что-то гневно прорычали девушке. В ответ она потрясла в воздухе сникшим телефоном, как будто очередная заминка могла поднять им настроение. Тут Феликс заметил, что у нее точно такой же мобильник, как у него – финская супер-продвинутая модель,

стоившая целую кучу денег. Феликс приосанился, расправил плечи и незаметно подошел к ней.

– Помочь Вам с телефоном, мэм?

Она испуганно вскинула на него глаза и оцепенела, замерла, словно кролик перед удавом.

– Не говорите по-английски? – догадался Феликс. -?Habla espanol, senorita?[46]

Безрезультатно.

Он протянул ей свой мобильный. Но нет, она не пожелала его взять. Удивленный, даже немного обиженный ее отказом, Феликс окинул ее долгим изучающим взглядом и внезапно – его аж качнуло – осознал, как же она хороша. О, эти глаза – омуты! О, эти губы – лепестки роз.

– Это аккумулятор, – объяснил он ей. И хотя она не знала ни слова по-английски, про аккумулятор она поняла. При помощи жестов, он добился, чего хотел – она согласилась обменять свою разрядившуюся батарею на его рабочую. И вот оно, волшебное мгновенье: ее пальчики аккуратно достали аккумулятор из медного, ограненного золотом отсека, в который он взамен вставил свою батарею. Дисплей ожил, на экране нетерпеливо замельтешили цифры. Феликс нажал пару кнопок, широко улыбнулся и вернул ей телефон.

Она поспешно набрала номер, суровый отец-бородач что-то ответил, напряжение спало. Тяжело вздохнув, зажужжал вернувшийся к жизни арочный металлоискатель. Папа и дядюшка повелительно кивнули ей – так пожизненно заключенные командуют своему доверенному стражу, чтобы он следовал за ними – и она вихрем пронеслась сквозь раму, ни разу не оглянувшись.

Вместе с его батареей. Ну, ничего страшного. У него осталось настоящее сокровище – ее аккумулятор.

Услужливо пропустив вперед кучку народа, Феликс наконец прошел через сканер. Его слесарные инструменты всегда вызывали у охранников нервный приступ, и они вцеплялись в него мертвой хваткой. Но что с них взять – работа такая. А вот и место вызова – гламурный салон, торгующий фальшивым антиквариатом и ароматическими смесями. Как оказалось, в кабинете управляющего засорился сток. Поставив телефон на зарядку, Феликс приступил к работе. Закончив, он озвучил цену за свои услуги. Торгаши содрогнулись.

Он неспешно двинулся к выходу и – надо же! – опять увидел очаровательную мисс Мобильник. Эта маленькая принцесса, эта богиня разглядывала золотые цепочки и диадемы в витрине корейского ювелирного магазинчика. Там же торчали папа и

дядюшка, рядом слонялась парочка полицейских, сменившихся с дежурства.

У фонтана, посреди горшков с пластиковыми деревьями стояла скамейка. Феликс присел на нее, глотнул для храбрости немного виски, закинул ноги на ящик с инструментами и решительно набрал ее номер.

Услышав звонок, девушка выпрямилась, открыла сумочку и приложила телефон к задрапированному в платок уху.

– Господи, как вы прекрасны, – выдохнул он.

Она понятия не имела, кто он и где он, поэтому слова полились легко и свободно.

– Не тратьте зря время на эти побрякушки. Они вас не стоят. Сиянье ваших черных глаз затмит любой брильянт.

Она вздрогнула, недоуменно потыкала в кнопки телефона и снова приложила его к уху.

Феликс чуть не расхохотался. Он наклонился вперед, поставив локти на колени.

– Нитка жемчуга на вашей шее смотрелась бы как связка орехов. Я влюбился в вас без памяти. Интересно, что скрывается под этим мешком-балахоном? Дерзну ли вообразить? Миллион долларов отдам, лишь бы взглянуть на ваши коленки!

– Почему вы говорите мне это?

– Потому что я смотрю на вас. Потому что я потерял голову от любви.

Тут внутри у Феликса все оборвалось и похолодело:

– Эй, погодите-ка. Вы ведь не знаете английского, верно?

– Нет, не знаю, зато мой телефон – знает.

– Телефон?!

– Да, это самая последняя модель. Финская, – объяснил аппарат. – Я без него, как без рук в этой чужой мне стране. А у вас на самом деле есть миллион долларов? И вы дадите их мне, если я покажу вам коленки?

– Это образное выражение такое, – смутился Феликс. Хотя, если говорить начистоту, состояние его банковского счета значительно улучшилось после того, как Лола, бывшая подружка, дала ему отставку.

– Да кому нужен миллион долларов, – отрубил он. – Я умираю от любви к вам. Умираю здесь и сейчас. Продам свою кровь и куплю вам цветы.

– Вы, наверное, знаменитый поэт, не иначе, – мечтательно протянул телефон. – У вас такой изумительный фарси.

Феликс знать не знал ни о каком фарси, но он уже так далеко зашел, что не стоило обращать внимания на всякие мелочи. Словно росток, пробившийся к солнцу сквозь асфальт, его душа

рванулась навстречу внезапно нахлынувшей страсти.

– Я пьян, – осознал он. – Ваша улыбка пьянит меня, словно вино.

– Там, где я родилась, женщины никогда не улыбаются.

Феликс не нашелся, что ответить, повисло неловкое молчание, только в телефоне что-то тихонько посвистывало.

– Вы шпионите за мной? Откуда у вас мой номер?

– Я не шпион. Я взял ваш телефон и позвонил на свой.

– Тогда я знаю, кто вы такой! Вы тот высокий незнакомец, который дал мне аккумулятор. Где вы?

– Выгляньте наружу. Я тут, на скамейке. Видите?

Она повернулась, он вскинул вверх руку, подавая знак.

– Ну, вот он я, – сказал Феликс. – Поверить не могу, что я это сделал. Не уходите никуда, хорошо? Я сейчас заскочу в магазин и куплю вам обручальное кольцо.

– Не надо! – воскликнула она и с опаской покосилась на отца и дядю. Затем подошла поближе к пуленепробиваемому стеклу.

– Я вас вижу. Я вас помню.

Она смотрела прямо на него. Глаза их встретились. Между ними пробежала искра. Феликса бросило в жар.

– Твой взгляд пронзает меня насквозь.

– Ты очень красивый.

Сбежать оказалось довольно просто. С испокон веков влюбленные девушки тайком покидали родительский кров, чтобы выйти замуж. Телефон здесь оказался очень кстати. Феликс проводил ее до роскошного – сплошь лимузины и видеокамеры – отеля. В сумке, которую он ей принес, лежали широкополая шляпа, солнцезащитные очки и купленное по дешевке мексиканское свадебное платье. Он проскользнул в женскую уборную – из-за боязни судебных исков, там никогда не устанавливали камер – и оставил сумку в одной из кабинок. Она переоделась, распустила волосы, вышла из отеля и юркнула к нему в машину.

Они не могли общаться без телефонов, но их это не смущало, да и проблемы вселенского масштаба они обсуждать не собирались. В отличие от Лолы, которая постоянно ныла, что он мало общается с людьми и не заводит нужных знакомств – "ты же водопроводчик, перед тобой все двери открыты!" – она, эта новая женщина часто восхищалась им – "а я и не догадывалась, какие водопроводчики умные и загадочные". Она так мало требовала от жизни. Она любила прогуливаться в парках без соглядатаев и провожатых, заходить в лавочки торговцев с Ближнего Востока и перебирать выставленный на лотках товар. А еще ей нравилось

отдаваться ему целиком и полностью, без остатка.

Ей было всего девятнадцать. Добровольно принеся на алтарь любви свою чистоту и непорочность, эта маленькая беглянка сожгла за собой все мосты, все до единого. Лишь однажды она рассказала ему немного о том мире, где жила раньше, мире, где приходится укрощать демонов страсти. А демоны, обуревавшие ею, рвались наружу; всхлипывая и рыча, извиваясь в экстазе, они дарили ему долгие, безумные поцелуи, кусались, царапались и любили его так, словно завтра конец света.

А затем, когда иссякали силы и они больше не могли любить друг друга, и просто лежали, дрожа и постанывая от сладостной боли, она поднималась и шла готовить еду. Готовила она отвратительно. Она беспрерывно висела на телефоне, болтая с родными и знакомыми. Наперсницами ее, по всей видимости, являлись исключительно женщины, ибо беседы велись о том, как приготовить то или иное персидское блюдо. И пока она, сияющая и ликующая, весело чирикала в трубку, на кухне пригорал басмати.

Как же ему хотелось повести ее в ресторан, вывести ее в свет, показать всему миру. Ничто, кроме секса, не могло доставить ему большей радости. Но у нее не было документов. Рано или поздно какой-нибудь полицейский-молодчик непременно захотел бы проверить их. В наши дни такое случается. Мысли об этом доставляли ему боль и омрачали его счастье, поэтому он гнал их прочь. Он взял на работе отпуск; он неотлучно находился рядом с ней, купался в лучах исходящего от нее света. И она, эта милая девочка, возвращала ему радость жизни, щедро делясь с ним бьющим через край счастьем. Ни от кого в жизни никогда он не получал так много.

Десять золотых дней ничем не замутненного блаженства… Десять дней на хлебе и вине… Десять дней соловьиных трелей и распускающихся под окнами роз. Затем в дверь постучали. На пороге стояли три копа.

– Добрый день, мистер Эрнандес, – сказал один из них, коротышка. – Я, значится, агент Портилло из управления Национальной безопасности, а эти двое, стало быть, мои достопочтимые коллеги. Можно войти?

– А чем, собственно, обязан? – поинтересовался Феликс.

– Чем только не обязан! – воскликнул Портилло. – Но станете обязанным много меньше, если позволите моим товарищам обыскать вашу квартиру.

– Итак, – Портилло поднес к Феликса карманный компьютер, – молодая особа Батул[47]Кадивар. Нам ведь знакомо имя Батул

Кадивар, не так ли?

– Да мне такое даже не выговорить, – усмехнулся Феликс.

– Однако, полагаю, вам все-таки лучше зайти, – добавил он, так как сослуживцы агента Портилло, не дождавшись приглашения, уже протискивались в прихожую. Для людей подобного рода не существует слова "нет". Оттолкнув Феликса, они ринулись прямиком в ванную.

– Что за типы? На американцев что-то не похожи.

– Иранцы, союзники. Какое-то время у них крыша ехала капитально, потом они, вроде бы, им полегчало и они пришли в себя, затем стали нашими новыми друзьями, а следом враги наших друзей стали нашими друзьями… Вы вообще новости по телевизору смотрите, а, мистер Эрнандес? Религиозные бунты там? Захваты посольств? Боевые действия в священном городе Куме и тому подобное?

– Спасибо, я в курсе.

– Мусульмане – да их миллиард целый. Если им вздумается превратить нашу планету в Израиль, они ведь превратят, мы и пикнуть не успеем. Эх, когда-то я был простым бухгалтером! – Портилло театрально вздохнул. – А теперь? Национальная безопасность. Поглядите на меня, на эту форму! Я в ней, как пугало огородное! Э, hombre[48], мы уже двадцать один год как существуем, а финансируют нас до сих пор из рук вон плохо. А эти гориллы, мои коллеги! Вы думаете, для них что-то значит голос разума? Женевская конвенция? Конституция США? Не смешите меня!

– Ну, кого-кого, а террористов они здесь точно не найдут.

Портилло снова вздохнул.

– Послушайте, мистер Эрнандес. Вы человек молодой, досье у вас чистое, я хочу вам помочь.

Он достал налодонник и посмотрел на экран

– Вот запись входящих и исходящих звонков. Тридцать, а то и сорок звонков в день с вашего телефона и на ваш. А теперь посмотрим сюда. Прелестная картинка, что скажете? Проверим, куда звонила особа, нас особо интересующая. Так, это, должно быть, ее тетя из Еревана, это – сестренка из Тегерана, а это пять или шесть ровесниц-подружек, все еще живущих в средневековье и носящих паранджу… Кто, по вашему, собирается оплачивать эти счета, а? Никогда об этом не задумывались?

Феликс промолчал.

– Я все понимаю, мистер Эрнандес. Вы поймали удачу за хвост. Вы молоды, кровь бурлит, девушка несказанно хороша собой. Но, видите ли, она несовершеннолетняя, к тому же нелегальный иммигрант. Политические связи ее отца просто

поразительные, вам такие и не снились. Я подчеркиваю – поразительные и не снились.

– Мне поразительно ничего не снится, – съязвил Феликс.

– Не валяйте дурака, мистер Эрнандес. Вы-то, возможно, пацифист, но именно из-за вас может вспыхнуть самая настоящая война.

Из ванной послышался страшный грохот – ни дать ни взять орудующая там банда мародеров, пытаясь утащить награбленное, сметала все на своем пути.

– Ну, и вляпались же вы, hermano[49]. У ливанца, в его бакалейном магазинчике, есть видеокамера. В каждом светофоре есть видеокамера. Сэр, вы – свободный американский гражданин и вольны идти, куда вам там заблагорассудится, а мы, мы вольны прокрутить запись и посмотреть, куда это вы направляетесь. История, в которую вы ввязались, грандиозна. До вас все еще не дошло?

– Все еще доходит, – ответил Феликс.

– Вы не соображаете, что происходит. Вы и половины всего не знаете. Даже десятой части.

Две полицейские образины наконец-то вынырнули из ванной. Троица быстро обменялась сообщениями. Для этого несчастным агентам пришлось воспользоваться компьютерами.

– Мои друзья разочарованы, – сообщил Портилло. – В месте вашего обитания девушки не обнаружено, зато обнаружено поразительное количество косметики и парфюма. Они требуют, чтобы я арестовал вас за похищение, создание помех правосудию, и, возможно, еще за что-нибудь – не составит труда привлечь вас по десяти-двенадцати статьям. Однако я спрашиваю себя – зачем? Зачем портить жизнь молодому человеку, исправному налогоплательщику и добросовестному работнику? Вероятно, думаю я, все было совсем не так. Я думаю, наша история должна закончиться благополучно. Только представьте себе. Взбалмошная девчонка сбежала из дома и две недели провела в монастыре. К этому ее подтолкнул некий внутренний порыв, экстатическое перевозбуждение. Она разочаровалась в Америке, Америка напугала ее. Затем она вернулась в семью. И волки сыты, и овцы целы. В этом и заключается дипломатия.

– В чем в этом?

– Дипломатия – это искусство избегать лишних неприятностей всеми участниками возникшего конфликта. Единой сплоченной командой, так сказать.

– Они отрубят ей руки и забьют камнями!

– В зависимости от, мистер Эрнандес, в зависимости от… Сама ли девушка расскажет данную историю или найдется

верный человек, который подтвердит ее слова и убедит ее родных не поднимать шума. Какой-нибудь мудрый, надежный друг. Вы понимаете, о чем я, не так ли?

Полицейские ушли, Феликс глубоко и надолго задумался. Чувство стыда и унижения, бессилия и беспросветной тоски охватили его. Надежды рухнули. Он пошарил под раковиной и достал бутылку текилы.

Отчаянно ругаясь на фарси, она лупила его по голове, безжалостно отвешивая увесистые подзатыльники. Увидев, что он очнулся, она демонстративно вылила остатки текилы на пол.

Пошатываясь, Феликс побрел в ванную. Его вырвало. Вернувшись в комнату, он увидел чашечку свежесваренного кофе. Она врубила телевизор на полную мощь и готовилась задать ему жару. До этой минуты они еще никогда не ссорились, хотя он знал, всегда знал, что она – тот самый тихий омут, в котором водятся истинные черти. И вот наконец грянул гром. Его захлестнул стремительный поток слов, ливень мелодичной тарабарщины, которую он не понимал, но которой наслаждался, словно песней. Ему грезилось, что вокруг бушует ураган, стонут и гнутся деревья, вихрем носятся листья, стоит непроглядная тьма, дождь льет, как из ведра, а он, сухой и довольный, сидит и слушает музыку ветра. Волшебство да и только.

С кофе она угадала на все сто, и вскоре он совершенно протрезвел.

– Твоя взяла, признаю, что был не прав, прости меня, – бросил он вскользь – все равно ведь она ни слова не понимает. – А теперь давай, помоги мне.

Он распахнул дверцы шкафчика под раковиной, где прятал бутылки, и под ее укоризненным взглядом вытащил их наружу. Затем вылил все в водосток – и водку, и ликер, и джин, и коллекцию текил, и даже последние капли любимого односолодового виски. Мусульмане не пьют алкоголь, а разве люди, которых в мире целый миллиард, могут ошибаться?

Он заглотнул две таблетки аспирина и взял телефон.

– Приходили из полиции. Им все известно. Я расстроился и слишком много выпил.

– Тебя били?

– Нет, ну, что ты. Они не сторонники подобных мер, у них есть методы получше. Они вернутся. Что нам делать, ума не приложу!

Она скрестила на груди руки:

– Мы убежим.

– Знаешь, у нас в Америке, говорят: "Хоть сквозь землю

провались, но те, кому надо, тебя из-под земли достанут".

– Милый, поэзия твоих слов завораживает, но с полицией шутки плохи. У нас серьезные неприятности.

– Да уж, серьезнее некуда. Это посерьезнее, чем цирроз печени. У тебя нет водительских прав. Нет паспорта. Тебе даже билет на самолет не продадут. Любой вокзал, любая паршивая автобусная станция оснащены камерами. Мы не можем сесть в мою машину и уехать. Прежде, чем мы успеем покинуть город, мой номер раз сто засветиться в их базах данных. Я даже не могу взять машину напрокат, для этого придется назвать номер кредитной карты, а он тоже известен копам.

– Мы угоним машину и быстро-быстро помчимся прочь.

– Их не обгонишь, невозможно! У них, как и у нас, есть телефоны, они обойдут нас и станут поджидать впереди.

– Я бунтарка! Я не сдамся! – Она вздернула подбородок. – Давай поженимся!

– Я бы с радостью, но как? У нас нет разрешения на брак. Нет анализа крови.

– Мы поженимся там, где наша кровь никому не нужна. Бейрут, поехали в Бейрут! – Она приложила руку к груди. – В ту ночь, когда мы впервые познали друг друга, мы поженились здесь, в моем сердце.

От этого простодушного признания он чуть не расплакался.

– В каком-нибудь ломбарде обязательно найдутся кольца, которые нам продадут за наличные. Правда, я католик… Но ведь где-то же должен найтись хоть кто-нибудь, кого это не смутит. Какой-нибудь мулла-отступник. Или сантерист…[50]

– Когда мы станем мужем и женой, нам никто не сможет помешать. Мы ведь не совершили ничего дурного. Я получу Грин-карту. Я брошусь им в ноги, я стану умолять их. Я попрошу политического убежища!

Агент Портилло вежливо кашлянул.

– Мистер Эрнандес, пожалуйста, не забывайте, что вы тут не одни. Разговор касается всех нас.

– Забыл предупредить о самом худшем, – вздохнул Феликс. – Они знают про наши телефоны.

– Мисс Кадивар, вы меня понимаете?

– Кто вы? Я вас ненавижу! Убирайтесь отсюда, дайте мне поговорить с ним.

– И вам тоже salaam alaikum[51], – усмехнулся Портилло. – Да, материально-техническое обеспечение федеральных агентов оставляет желать лучшего. Подумать только, какая-то дочка какого-то муллы общается при помощи великолепного телефона-переводчика, а я и пары слов не могу связать со своими

товарищами по цеху! Кстати, те два джентльмена из Тегерана, из нового управления, следят за вашей квартирой. Правда, как они умудрились не заметить вашу подружку, когда она входила в дом – ума не приложу. Итак, вам грозит большая опасность, но если вы послушаетесь моих советов, возможно, я вытащу вас из этой передряги.

– Я не покину своего возлюбленного, – твердо пообещала она.

– Только через мой труп, – воскликну Феликс. – Давай, приходи, вот он я. Пистолет только не забудь.

– Хорошо, мисс Кадивар. Кажется, вы наиболее здравомыслящее создание из здесь присутствующих, поговорим с вами начистоту. С этим типом у вас нет будущего. Только дурной человек соблазняет невинных девушек по телефону. Он же настоящий aayash[52], он волочится за каждой юбкой. А известно ли вам, что каждый второй брак, заключенный в Америке, распадается? Вы надеетесь, что он, как честный, порядочный человек, придет к вашему отцу и попросит вашей руки? Держите карман шире! А о вашей маме вы подумали?

– Какой ужасный человек! – вскричала она. – Кто он? Он знает все!

Ее била дрожь.

– Он змей, – процедил Феликс. – Дьявол во плоти.

– Да ладно, compadre[53], не стоит преувеличивать. Я вам не Сатана из преисподней. Нет, нет. Я хороший человек, просто замечательный. Я ваш Ангел Хранитель, чувак. Я из кожи вон лезу, чтобы вернуть вас снова в реальный мир.

– Все, фараон, хватит, теперь послушай меня. Я люблю ее, люблю ее тело и душу. И даже если ты пристрелишь меня за это, убьешь, как бешеную собаку, огонь, что пылает в моей груди, вырвется из узилищ моего тела, и все вокруг пожрут языки пламени.

Она разрыдалась.

– О Господи, Господи, Боже мой! Какие прекрасные слова! Ничего прекраснее я в жизни не слышала!

– Да вы, ребятки, совсем рехнулись, ясно? – рявкнул Портилло. – Дурдом какой-то, уши вянут! Вы же друг друга не понимаете ни черта, вы даже языка друг друга не знаете! Я вас честно обо всем предупредил. И теперь я умываю руки. Сами напросились, сами вынудили меня сделать это, понимаете? И теперь, Ромео и Джульетта, пеняйте только на самих себя.

Он отключил их телефоны.

Феликс положил умолкнувшую трубку на стол.

– Итак. Докладываю обстановку. У нас нет телефонов, паспортов, водительских удостоверений. За нами охотятся

разведки двух стран. Нам недоступны ни самолеты, ни машины, ни поезда, ни автобусы. Я даже по кредитке не могу расплатиться – они ее отследят и сразу же выйдут на нас. Кроме того, я наверняка лишился работы. Из дома тоже не выйти… Да, и главное – ты не понимаешь ни слова из того, что я говорю, по глазам вижу. А еще дрожишь, как осиновый лист.

Она приложила палец к губам. И взяла его за руку.

Вот что она придумала. Отправиться пешком. Добраться пешком до Лос-Анджелеса. Она знала слово "Лос-Анджелес", возможно, там жили ее знакомые или родственники. Конечно, прошагать ногами пол-Америки – путешествие не из легких, однако Феликсу идея пришлась по душе. Он решил, что справится. Когда в 1849 году разразилась Золотая лихорадка, сколько людей сорвалось с насиженных мест и тронулось в путь? Не сосчитать. Женщины тоже брели в Калифорнию, надеясь повстречать там мужчин, разбогатевших на золотых приисках.

Они вылезли через окно, и произошло чудо – они исчезли, словно в воду канули. Федералы дежурили в аэропортах, они были повсюду, но им и в голову не приходило, что искать следует на улицах и дорогах, по которым идут из штата в штат неприметные и ничем не примечательные путники.

Они шли и шли. И с первого же дня, чтобы скоротать время, она стала обучать его основам фарси. Первый урок они посвятили частям тела – ничего другого, на что можно было просто указать пальцем, они не имели. Однако Феликс пребывал на седьмом небе. Их страсть разгоралась с новой силой. Ради любви он готов был терпеть муки голода, ради любви готов был сражаться, ради любви умереть. Отношения между мужчинами и женщинами – это мир иллюзий и фантазий. Чем их больше, тем лучше. Час проходил за часом, а они не расставались ни на минуту.

Они спали на голой земле. Одежда их истрепалась. На десятый день странствий их арестовали.

Их приняли за нелегальных иммигрантов. Насчет нее, понятное дело, ни у кого не возникло ни малейшего сомнения, ему же хватило ума говорить только на испанском, и он тоже сошел за нелегала. Полицейские из миграционной службы затолкали их в битком набитый автобус, следующий до границы. Им повезло – они сели рядом и могли держаться за руки и целоваться. Глядя на них, несчастные депортируемые горемыки заулыбались.

Только сейчас он полностью осознал, что пожертвовал ради нее всем: гражданством, верностью флагу и церкви, деньгами,

привычками… Всем. Ну, да и скатертью дорожка. Он задумчиво жевал сэндвич с сыром. Каждому бедолаге в автобусе федералы вручили щедрый подарок – сэндвич в промасленной бумаге, яблоко, пакетик гомогенизированного молока и морковные чипсы.

Когда его истосковавшийся по пище желудок немного насытился, Феликса охватила безумная радость. Он почувствовал, что повзрослел, стал настоящим мужчиной. Душившие его условности и ограничения превратились в руины. Его жалкий, эгоистичный, убогий мирок развалился. Новый мир распахнул перед ним объятия.

Раньше, живя в достатке, он ведать не ведал, что значит испытывать крайнюю нужду. Например, он подавал милостыню, но не понимал, что подаяние – это дар Божий. Но отныне и впредь, как только он найдет место, где можно жить – а сколько таких заброшенных, всеми забытых уголков, где жизнь так трудна и печальна, что никому и в голову не придет задавать лишние вопросы невесть откуда взявшемуся водопроводчику – так вот, как только он снова найдет работу водопроводчиком, он будет подавать милостыню.

Автобус катил и катил вдаль. Она доела сэндвич, облизала пальцы и заснула, склонив голову ему на плечо. Свободно распущенные волосы упали ей на лицо, чумазое и пыльное. Он осторожно убрал их. С тех пор, как они встретились, она стала на двадцать дней старше.

– Вот жемчужина, – воскликнул он на весь автобус, – настолько редкая и прекрасная, что ни время, ни пространство не властны над ней.

Откуда возникли эти строки, неожиданно всплывшие в памяти? Может, он когда-то читал их? А может… Может, сочинил их сам?…

65

Все было просто. Нам требовалась академия, хотя научная карьера в обычном смысле слова нас совершенно не интересовала. Нас – это десять тысяч физиков–самоучек, получивших образование с помощью сети интернет.

Отбросим лукавство – физика не так сложна, как утверждают сами физики. Наибольший размер наименьшей частицы, начало и конец Вселенной – да кого это волнует хоть на йоту? Конечно, получи мы надлежащее образование, мы бы только эти вопросы и обсуждали. Но в современном мире бесплатных высокоскоростных сетей и колоссальных объемов информации заниматься физикой — значит поглощать и сортировать эти объемы, не вылезая из интернета. Играть в высокоинтеллектуальное «Лего»! Дабы посвящать неутолимой страсти к физике все время, нам, компьютерщикам–сумасбродам, пришлось поломать головы. Само собой, мы потребовали гос. финансирования наших научных исследований (как и подобает истинным ученым), но, увы, эти бюрократы–чинуши даже бровью не повели в нашу сторону.

Тогда, чтобы найти время для науки, мы решили освободиться от гнета предрассудков. Нас, например, ни капли не интересовали так называемые «публикации», мы просто размещали результаты исследований на веблогах и, если они получали кучу ссылок, мы становились «наиболее цитируемыми». Заведовать кафедрой? Да кому это надо? Не мелите чепуху! Докторские степени, звания, защита диссертаций – знать не знаем, ведать не ведаем и просим нас по этому поводу не беспокоить!

Мы плюнули и сделали все сами. Если ты гений математики, говоришь на малайском и жизнь готов отдать за корпускулярно–волной дуализм, в Сети ты — словно шершень в паутине. Ты — один на миллион, парень, но в мире, где обитают десять миллиардов человек, таких, как ты, — всего-то десять тысяч, и это мы. Мы сразу же начали выкладывать все, что знаем, на совместные веблоги.

Так как мы, в основном, из Индии или Китая (как, впрочем, и большинство людей в мире), мы основали нашу Академию Автодидактики на опаленных солнцем песчаных равнинах Раджастана, неподалеку от Фатехпур–Сикри, некогда сказочной столицы легендарной империи Великих Моголов, превратившейся ныне в пустынный город–призрак. Фантазеры и трудоголики, мы были не от мира сего, и пытались выжить в бесплодной пустыне.

Этакие мормоны, короче. Однако шел 2050 год, мы обладали неограниченной вычислительной мощностью, пропускной способностью каналов, поисковыми системами, ПО с открытым кодом и различными мессенджерами. С чего бы вдруг нам потерпеть фиаско?

Человеческое бытие – вопрос биоинженерии. И звучит он так – каким образом обеспечить пищей целый город интеллектуалов, чтобы позволить им, ни на что более не отвлекаясь, с головой окунуться в мир сверхсимметричных М–бран? Решения, запрятанные в недрах онлайновой документации, уже существовали, оставалось лишь нагуглить их и претворить в жизнь. Мы используем энергию солнца и пьем очищенную воду вторичной перегонки, а блестящие, цвета слоновой кости купола и шпили нашего физического ашрама – это искусственная мраморная крошка, клей и древесные опилки. Все лабораторное оборудование мы создаем из хлама.

Наши гости лишаются дара речи, видя, например, перепрограммированный, снабженный лопастями пылесос, прокладывающий тоннель для 150–километрового ускорителя элементарных частиц. Но почему нет? В 2050 году даже вышедшая из строя рухлядь супер–гипер продвинута, и никто понятия не имеет, как ее чинить. Сейчас любое научно усовершенствованное барахло – настоящее чудо.

Питается мы бесплатно, так называемым «Фискасом для физиков». Говоря откровенно, это просто отбросы, биоэнергетический потенциал которых восстановлен добавлением генетически модифицированных дрожжей. Некоторые едоки не в состоянии оценить математически изысканную простоту решения извечной проблемы бесплатных обедов. Но либо ты с нами ешь, либо ты с нами не живешь, третьего не дано.

Ни денег, ни банков здесь нет. Каждый предмет отслеживается RFID–чипами, затем оценивается в соотношении выгода–польза в стиле биоэнергетического eBay–аукциона, которым заправляют переученные торговые программы. На самом деле все просто – когда возникает потребность приобрести что-то новенькое, вы просто сваливаете ненужные вещи у порога и ждете, когда кто-нибудь нарисуется и предложит в обмен на них то, что вам действительно нужно. Случайно забредшие к нам экономисты улепетывают прочь, истошно вопя, но, простите, с каких это пор экономика считается «наукой»? За нас — Резерфорд: «вся наука – или физика, или коллекционирование марок»!

Вам, наверное, кажется, что женщин такая вот

отшельническая, «гиканутая» на всю голову жизнь не привлекает, однако академия медленно, но верно наполняется студентками. Собственно физиков среди них, как обычно, немного – раз–два и обчелся, остальные же – поэты, главреды, антропологи и психологи–интеллектуалки. Поначалу девчонки ясно давали понять, что наши примитивные, трепетно хранимые «мужские ценности» заслуживают одного лишь порицания, но вскоре до них дошло, что наш дом – идеальное место для расширения сознания, разговоров по душам и развития сценического мастерства. Так что теперь женщин больше, чем мужчин в соотношении три к двум. Да и пожалуйста. Мы даем жить им, они не мешают жить нам, а что происходит между нами после захода солнца – не ваше дело.

Здесь творятся дивные чудеса. Присоединяйтесь к нам, не раздумывайте. Только фанаты атомной бомбы – извините, до свиданья. Нам известно, что атомная бомба – немудреное, морально устаревшее устройство. Любой, имеющий доступ в интернет, мало–мальские мозги и кучу свободного времени, соберет ее без труда. Но нам-то что до этого? Не царское это дело!

Послание, найденное в бутылке

Тому, кого это, возможно, когда-нибудь коснется…

Я хотел бы объяснить, почему вы обнаружили эти научные журналы в стальном резервуаре на дне шотландского озера.

Когда-то данный резервуар был частью библиотечного бойлера. Но теперь, когда топлива больше не существует, бойлер для нас – никчемная вещь. Мы до сих пор живы только благодаря возведенным на совесть стенам библиотеки. И еще мы жжем книги. Не потому, что ненавидим их, а потому, что книги, сгорая, выделяют поразительное количество тепловой энергии.

Кроме того, книги, написанные во время оно, не имеют для нас никакой ценности — они не отражают сегодняшнюю действительность. Но даже если бы они ее отражали, мы не смогли бы их читать — такой невыносимой тоской веяло бы с их страниц.

Зимой мы даже нос боимся высунуть наружу – когда над Британией завывают ветра, дующие с обледенелых холмов Германии, можно запросто окоченеть, заблудившись в лабиринте некогда жилых кварталов. Весной и летом к нам иногда заглядывают пережившие зиму везунчики, они идут на запах костров и языки пламени. Если они настолько удачливы, что их не берет даже наш карантин, мы разрешаем им поселиться здесь, среди стеллажей книг, в нашей маленькой несчастной общине.

Если бы я разрешил, они бы сожгли эти научные журналы, чтобы хоть немного согреться – Господи, чего мы только не сжигаем, даже останки! — но я сказал, что типографская краска, тлея, испускает пары ядовитого дыма. Они мне поверили. Впервые в жизни. Понятное дело, с ядовитым дымом шутки плохи. А раньше, когда я был ученым-экологом, они глядели на меня, как бараны на новые ворота, и равнодушно хлопали глазами. Простые ребята, что с них взять. На книжных полках еще вдосталь научно-фантастических сборников и любовных романов – надеюсь, хватит, чтобы продержаться до следующего лета.

Летом можно перебираться с места на место, но лето у нас жуткое. Наш век — это Век Тьмы, ничем не замутненная голубизна небес радует нас не более четырех раз в год.

«Переворачивать страницы можно и в темноте»[54] — шутили когда-то о прижимистых, бережливых шотландцах, но теперь, когда не светит солнце, когда цвет неба напоминает ружейную сталь, а каждый вздох дается с огромным трудом; когда не осталось надежды, что в будущем все изменится к лучшему и что

мы до этого будущего доживем, переворачивать страницы уже не имеет особого смысла. Непроходимая тупость привела нас на край гибели – мы морально истощены, интеллектуально раздавлены, наша культура потерпела крах. Небеса внушают суеверный, разъедающий душу ужас. Страшные времена, роковые.

Природа с ее меняющимся на глазах климатом предложила нам испытать судьбу— вытащить наугад любую карту из разномастной колоды. Мы вытащили Пиковую Даму — проматерь и повелительницу кошмаров. Куда уж хуже! Только последствия глобальной ядерной войны могли бы сравниться с выпавшими на нашу доля испытаниями. А многие до сих не знают, что такое «парниковый эффект». Они до сих пор малодушно отмахиваются от физических закономерностей происходящих в атмосфере процессов и явлений, не желая понимать очевидное. Те же, кто все-таки понимают, боятся во всеуслышание об этом заявить.

Вот русские – поняли. И не побоялись. Какая-то русская, полагаю, поэт, в простых и немудреных словах объяснила им, что человечество потерпело сокрушительное поражение. Москва полыхала пожарами, когда она выступала по телевизору, и после ее слов русские начали терять полмиллиона человек ежедневно, а не в год, как раньше. Вскоре их передачи прекратились.

Теперь люди размышляют о Боге. И о смерти. В постигшей нас трагедии мы ищем божественный смысл. Будь среди нас Бен Ладен, он стал бы нашим гуру.

Мы согрешили, и Бог возненавидел нас, смерть — наше единственное искупление, и где-то далеко-далеко, за этими набухшими, свинцовыми тучами, нас ждет воздаяние за все свершенное. Цивилизация погибла, а нам, бывшим ученым, которые предсказывали подобный исход, до сих пор не отдали должного; наоборот. Наука ушла в небытие вслед за динозаврами, ее хрупкая структура надломилась, и она рухнула, словно дерево, оставив после себя несколько разрозненных семян – журналы, которые вы только что обнаружили в этом водонепроницаемом контейнере.

Человечество обречено, оставшиеся в живых сбиваются в разрозненные племена-стаи. Наша измученная, истерзанная, разорванная в клочья страдалица Земля напоминает смертника, который, затягивая на тучном животе пояс с гелигнитом, уже видит себя летящим к небу в сполохах яркого пламени.

Наши потомки будут носить плащи с капюшонами. Они станут пасти овец, перегонять их с одного поросшего чахлой травой поля к другому. Они будут молиться.

Скоро весна, я чувствую зловонный смрад, потянувшийся с берегов Бразилии. Каблуком обмотанного тряпьем сапога я

разобью сизый лед на озере, спрячу это послание в водонепроницаемые недра бойлера и брошу его, этот саркофаг, в разломанную лунку. Да упокоится он на илистом дне.

Всего лишь раз, один-единственный раз, но мы оказались правы. Прочтите эти журналы, что я сохранил для вас. Используйте полученные знания во благо и, ради всего святого, не повторяйте наших ошибок. Прошу вас.

Киоск

1.

Фабрикатор был уродливый, шумный, легко воспламенялся и дурно пах. Борислав купил его для соседских ребятишек.

Однажды заснеженным утром, надев рабочие перчатки и меховую шапку, он с шумом выпилил кусок стены своего киоска. Потом липкой лентой и степлером прикрепил фабрикатор.

Соседские ребятишки мгновенно клюнули на удочку. Его новое рискованное предприятие приобрело огромную

популярность.

Фабрикатор делал маленькие пластиковые игрушки из трехмерных компьютерных моделей. Через неделю эти почти ничего не стоящие изделия в буквальном смысле рассыпались в пыль. Изготовленные фабрикатором игрушки превращались в нетоксичное вещество, похожее на воск, которое малыши любили жевать.

Борислав, естественно, считал, что дети, разочарованные недолговечностью этих игрушек, перестанут их покупать. Он ошибался. Это было не временное помешательство, это был настоящий бум. Каждый день после школы толпа жаждущих детишек клубилась вокруг зеленого киоска. Они выкладывали свою карманную мелочь на прилавок одетыми в рукавички руками. Потом радовались, ссорились, а иногда даже лупили друг дружку из-за глянцевых фаб-карт.

Радостный малыш совал карту (с приукрашенным, обманчиво ярким изображением игрушки) в щель фабрикатора. И через несколько томительных секунд, полных шипения, брызг и вони, фабрикатор выплевывал только что отштампованного динозавра, пупсика или пожарного.

Толпа всегда привлекала пешеходов. Хруст шагов взрослых, идущих мимо по заснеженной улице, замирал у киоска. Они бросали взгляд на многочисленные соблазны в витрине Борислава и неожиданно для себя что-нибудь покупали. Скажем, шарф футбольной команды. Или пакетик одноразовых носовых платков.

Он снова всех опередил: заимел единственный в городе киоск с фабрикатором.

Ему, как опытному уличному торговцу, фабрикатор о чем-то говорил. Да, определенно в том, что эти шумные ребята так охотно покупали игрушки, которые становились прахом, имелся какой-то смысл. Любой киоск строил свой бизнес на массовых продажах. Пакетик жвачки. Сладкий батончик. Дешевая,

купленная в последний момент бутылочка спиртного. Сверкающая сувенирная цепочка для ключей, которая никогда не пригодится. Эти предметы были самой сутью киоска.

Цветные пластиковые карты с трехмерными моделями… В них был потенциал. Ребята постарше уже начали собирать эти карты; не игрушки, сделанные посредством карт, а сами карты.

И теперь, в этот самый день, сидя на своем обычном месте в уличной кабинке за скошенными стеклянными стенами, Борислав сделал следующий шаг. Он предложил ребятам потрясающие, глянцевые, страшно дорогие коллекционные карты, с помощью которых нельзя было изготовить никакие игрушки. И, разумеется, — в этом определенно прослеживалась логика — мелюзга помешалась на этой новинке. Он уже продал сотни кусочков пластика.

Какая такая наличность водится у ребятни? Навар невелик! Будущее — вот что приносили дети в его киоск, вот чего он ждал от них. Кипящий сгусток энергии улиц — это был симптом чего-то большего, лежащего где-то за горизонтом. Он не знал этому названия, но он это ощущал, как чувствовала приближение грозы его ноющая нога.

Будущее могло принести человеку деньги. Деньги никогда не спасали человека без будущего.

2.

Доктор Грутджанз была обладательницей лошадиной челюсти, голубой шляпки, похожей на круглую коробочку для пилюль, и негнущегося зимнего пальто, которое, казалось, способно выдержать прямое попадание пули. Она держала в руке большой европейский жезл для покупок.

Туз выступал в роли ее официального уличного гида. Необычная ситуация, поскольку Туз был местным гангстером.

- Госпожа, — сказал ей Туз, — это самый лучший киоск в городе. А это Бутсы, наш философ киосков. У него есть фабрикатор! У него даже есть фонтанчик с водой!

Доктор Грутджанз старательно сфотографировала медную трубу фонтанчика, пластмассовую чашу и одноразовые бумажные стаканчики, выскакивающие из автомата.

- Мой гид только что назвал вас «Бутсы»? — спросила она. — Но ведь бутсы — вид обуви?

- Все меня так называют.

Доктор Грутджанз с довольным видом погладила наушник своего переводчика.

- Этот фонтанчик с водой — отводная труба вашего топливного элемента.

Борислав почесал усы.

- Когда я построил здесь свой киоск, у людей не было водопровода.

Доктор Грутджанз помахала своим электронным жезлом над выставленными в витрине колготками. Сфотографировала ржавые болты, которыми киоск крепился к разбитой мостовой. Особенно ее заинтересовала остроконечная крыша палатки. Люди часто назначали встречи с друзьями и свидания с возлюбленными у киоска Борислава, потому что возвышающаяся над ним спутниковая тарелка была видна издалека. Эта тарелка на раскрашенном фанерном основании и с броской бахромой из медных обрезков была достойна того, чтобы ее установили на минарете.

- Прошу вас, примерьте это красивое ожерелье, госпожа! Оно сделано талантливой художницей, которая живет на этой самой улице. Очень известной. Предмет искусства! Ценный! Ручная работа!

- Спасибо, примерю. Ваш магазин является прекрасным образцом малого или даже микробизнеса. Я должна приобрести вашу продукцию для подробного изучения парламентским комитетом.

Туз раскрыл пластиковый пакет и начал наполнять его шоколадными батончиками, носками ручной вязки, кукольными крестьянами в безрукавках и папахах и татуировками-наклейками с символами религиозных войн.

- У меня столько разных товаров, госпожа! И таких необычных! — Борислав высунулся в окошечко кассы, чтобы развлечь беседой доктора Грутджанз, пока Туз плотно набивал пакеты. — Госпожа, мне не хочется хвастаться своими скромными товарами… Потому что я продаю их ради людей! Видите ли, дорогая госпожа доктор, каждый предмет, привлекательный для этих колоритных местных жителей, может рассказать сказку…

Шляпка-коробочка доктора Грутджанз уехала наверх вместе с ее поднятыми бровями.

- Сказку?

- Да, ведь это народная поэзия торговли! Некоторые продукты появляются… эти продукты текут через мой киоск… я их выставляю в самом лучшем виде, как умею. Тогда люди их покупают… или не покупают.

Доктор Грутджанз ловким движением встряхнула третий пакет и открыла его.

- Подробный каталог всех ваших товаров представил бы большой интерес для моего научного комитета.

Борислав надел шляпу.

Доктор Грутджанз продолжала настаивать.

- Мне необходим полный инвентарный перечень ваших товаров. Рабочий файл содержимого вашей лавки. Ваши торговые отчеты за последние пять лет будут полезны для определения тенденций потребления среди местных жителей.

Борислав оглядел свои тесно заставленные полки.

- Вы хотите сказать, что вам нужен список всего того, что я здесь продаю? Да где же на это время выкроить?

- Это просто! Наверное, вы слышали о Европейской унифицированной электронной системе кодирования продукции. — Доктор Грутджанз засунула электронный жезл в свою матерчатую сумочку, украшенную имперским логотипом из тридцати пяти золотых звезд, образующих расширяющуюся спираль. — У меня с собой брошюра, написанная «умными» чернилами, которую можно читать на местном языке. Да, вот она: «Частичное введение в правила пользования ЕУЭСКП».

Борислав отстранил ее деловито мигающую брошюру.

- Да, здесь ходят слухи об этой электрической ерунде, которая наносит штрих-код. Об этих ваших радиостикерах. Да-да, я уверен, что такие вещи очень подходят богатым иностранцам с жезлами для покупок!

- Господин, если бы вы благоразумно использовали эту систему электронного кодирования, то могли бы вести полные записи в режиме реального времени обо всех ваших товарах. Тогда бы вы точно знали, что продается, а что нет. Вы могли бы полностью оптимизировать ваш поток продукции, уменьшить потери, получить максимальную прибыль и улучшить экологию посредством снижения потребления.

Борислав уставился на нее.

- Вы уже произносили эту речь, не так ли?

- Конечно! Это важный политический вопрос! Современный интернет-магазин удостоверяет подлинность предметов торговли, снижает порчу товаров и упрощает поставки из-за рубежа.

- Послушайте, госпожа доктор, ваша замысловатая бухгалтерия не поможет мне, если я перестану понимать простых людей! У меня маленький киоск! Я не конкурирую с громадными безликими супермаркетами! Если вам нужны подобные вещи, идите за покупками в ваш пятизвездочный отель!

Доктор Грутджанз опустила свою сумку, и резкие черты ее лица смягчились, явив добродетельное дружелюбие.

- Я не хотела нарушать вашу оригинальную систему местных ценностей… Конечно, мы со всем уважением относимся к вашим культурным особенностям… Но вы можете получить ощутимую выгоду, когда ваш режим будет полностью соответствовать европейским нормам.

- Мой режим? Ха! — Борислав стукнул тростью о хлипкий пол киоска. — Этот глупый режим разрушил все правительственные компьютеры! А вместе с ними и нашу валюту, могу добавить!

- Обстоятельный диспут по данному вопросу — это было бы замечательно! — Доктор Грутджанз с надеждой ждала, но, к ее разочарованию, обсуждения не последовало. — Время не ждет, — наконец сказала она ему. — Я хочу сделать еще одно, последнее приобретение, вы разрешите?

Борислав пожал плечами.

- Я никогда не спорю с дамой и с платежеспособным покупателем. Просто скажите, что вам нужно.

Доктор Грутджанз провела по воздуху своим сияющим жезлом.

- Этот портативный домик, наверное, войдет в посольский грузовик.

- Вы хотите сказать, что покупаете весь мой киоск?

- Да, я делаю вам это предложение.

- Продать вам киоск? Люди никогда мне этого не простят!

- Киоски — просто временные сооружения. Я вижу, ваш бизнес идет в гору. Почему бы не открыть постоянный магазин розничной торговли? Начните в новых, более стабильных условиях. Тогда вы увидите, какой простой и легкой может быть система электронного кодирования!

Туз переложил тяжело нагруженный пакет с покупками из одной руки в другую.

- Госпожа, будьте благоразумны! Эта улица станет совсем другой без киоска!

- Ладно, ваша взяла — свою драгоценную будку оставьте себе, я покупаю лишь содержимое. А вас, — она повернулась к Тузу, — я найму в качестве консультанта по инвентаризации. Нужно обозначить название и стоимость каждого товара и составить каталог. Как можно быстрее. Прошу вас.

3.

Борислав жил вместе с матерью неподалеку, на первом этаже многоквартирного дома. Так было удобнее с его больной ногой. Когда он, прихрамывая, вошел в квартиру, его мать делала себе маникюр у кухонного стола, в бигуди, опустив ноги в таз с водой. Борислав понюхал рагу, затем отставил трость и сел на пластиковый стул.

- Мама дорогая, видит Бог, мы знали в жизни плохие времена…

- Ты сегодня поздно, бедный мальчик! Что тебя беспокоит?

- Мама, я только что продал весь свой киоск! С потрохами! Все продано, одним махом! За твердую валюту! — Борислав полез

в карман длинного пальто. — Это самый удачный день в моей жизни!

- Правда?

- Да! Это фантастика! Туз действительно мне помог — он привел идиотку из Европы, и она купила все предприятие! Послушай, я оставил только одну вещицу, как сувенир… для тебя. Мать поднесла к глазам очки.

- Это новые карточки для фабрикатора?

- Нет, мама. На этих красивых сувенирных игральных картах изображены все звезды из твоих любимых мексиканских мыльных опер. Это оригиналы, в собственной упаковке. Настоящий целлофан!

Его мать подула на только что накрашенные красные ногти, не смея прикоснуться к подарку.

- Целлофан! Твой отец гордился бы тобой!

- Ты очень скоро пустишь в ход эти карты, мама. День твоих именин приближается. Мы устроим большую партию в бридж для всех твоих подруг. И мальчики из «Трех котов» будут подавать вам напитки и закуски! Тебе не придется пошевелить ни одним из твоих красивых пальчиков!

Ее подведенные тушью глаза широко раскрылись.

- Мы можем себе это позволить?

- Я уже все организовал! Поговорил с Мирко, хозяином «Трех котов», и нанял этого беспутного извращенца, зятя Мирко, отремонтировать пустую квартиру наверху. Ты знаешь, эту квартиру никто не хочет снимать, в ней застрелился воришка. Когда вы, старушки, увидите, как мы отделали квартирку, слух о ней разнесется по всей округе. И новые жильцы появятся, глазом моргнуть не успеем.

- Ты действительно собираешься отремонтировать дом с привидением, сын?

Борислав снял зимние сапоги и надел шерстяные домашние тапочки.

- Вот именно, мама. Эта квартира принесет нам хороший доход.

- В ней водится призрак.

- Нет, уже не водится. Отныне мы назовем это место студией, или, как говорят французы, ателье.

- Ателье! В самом деле! У меня сердце прямо трепещет! Борислав налил матери хорошую порцию ее любимого желудочного средства.

- Мама, я давно ждал подобного дня. Жизнь меняется для настоящих людей! Таких, как мы! — Борислав налил себе полную чашку ароматизированного йогурта. — Эти забавные иностранцы,

они даже не понимают, на что мы способны!

- Ох уж эти мужские разговоры о политике…

- Я читаю по лицам! Я знаю, чего хотят люди! Люди… они хотят новой жизни.

Она встала со стула, ее немного трясло.

- Подогрею тебе рагу. Уже поздно.

- Послушай меня, мама. Не бойся. Я тебе кое-что обещаю. Ты умрешь на шелковых простынях. У твоей постели будет стоять красивый священник, и масло, и святая вода, точно так, как ты всегда хотела. И у тебя будет большое гранитное надгробье, мама, с большими золотыми буквами.

Когда он съел рагу, она расплакалась от радости.

4.

После ужина Борислав проигнорировал обычное нытье матери: хорошо бы тебе найти суженую… Он похромал в местный спортивный бар, чтобы как следует выпить. Борислав теперь много не пил, потому что киоск сканировал его каждый раз, когда он сидел в нем, используя дешевый контур на сверхпроводниках, встроенный в стены из стекловолокна. Магнитное излучение контура пронизывало тело хозяина и показывало его кости и ткани на экране ноутбука. Затем сканер сравнивал состояние организма с данными последних дней и выдавал медицинский отчет.

Эта машина была дешевой пиратской копией сложного больничного сканера. В свое время возникли какие-то трудности с распространением этой технологии, но когда рухнула система общественного здравоохранения, людям пришлось взять в собственные руки решение некоторых проблем. Отчет о здоровье Борислава не слишком радовал. В артериях обнаружились бляшки. В почках — мелкие камушки. Ему следовало заняться зубами. Хуже всего — правая нога. Когда-то она была искалечена фугасом; за минувшие годы большая берцовая кость срослась, но срослась неправильно, и ниже старой раны кровь циркулировала плохо.

Старость губила его тело, и экран показывал этот процесс шаг за шагом. Борислав наблюдал, как стареет, но ничего не мог с этим поделать.

Разве что напиться. Он всю свою взрослую жизнь заправлялся спиртным, и вредное влияние алкоголя на его органы было очевидным. Поэтому сегодня он выпивал по литру йогурта в день, заливая его мультивитаминными фруктовыми соками из экологически чистых бумажных пакетов, одобренных европейцами, лицензированных и запатентованных. Он делал это неохотно и с глубоким отвращением, но видел на экране, что они

улучшают его здоровье.

Поэтому — никаких прогулок хромающей, неустойчивой и спотыкающейся походкой по ночным улицам в поэтической отрешенности. Разве что в особых случаях. Таких, как этот.

Борислав окинул задумчивым взором тускло освещенный притон, старый бар «Спорт родины». Знакомые лица смотрели на него из полутьмы. Мужчины кутались по-зимнему. Лица у них были изрезаны морщинами. В бритье и мытье они не особо нуждались. И еще они были пьяны.

Но эти люди носили новые, слегка тонированные очки. Сделали себе красивые стрижки. Некоторые поставили на зубы коронки. Народ процветал.

Туз сидел за своим любимым столиком, в белом кашемировом шарфе, сшитой на заказ куртке и щегольском берете. Пять лет назад Туза вышибли бы из этого бара коленкой под зад, если бы он явился в «Спорт родины» одетым на итальянский манер. Но времена в отечестве менялись…

Опираясь на тросточку, Борислав уселся на рваный стул под ярким плоским экраном, на котором польская футбольная команда разделывала под орех голландцев.

- Значит, Туз, ты все это отдал? Туз кивнул головой:

- Сейчас в посольстве взвешивают, анализируют и наклеивают ярлыки на каждый предмет, которым ты торгуешь.

- Эта старая баба совсем не так глупа, как ее поступки, знаешь ли.

- Ну да… Но когда она увидела ту терку для сыра, которая способна молоть стекло. Раствор для кирпичей, который одновременно является десертом! — Туз чуть не поперхнулся местным коньяком. — И регулятор для мозгов! Боже милостивый!

Борислав нахмурился.

- Регулятор — великолепная вещь! Он в два счета уничтожает похмелье. — Борислав громко щелкнул пальцами. — Вот так!

К ним поспешила официантка. Она была иностранкой и очень плохо говорила на их языке, но таких девушек в городе в последнее время появилось много. Борислав показал пальцем на бокал Туза.

- Мне то же самое, детка, и поживее.

- Эти твои тиски для черепа — орудие пытки. Они странные, сумасшедшие. Их даже не люди изготовили.

- Ну и что? Значит, их нужно назвать получше и приклеить ярлык поярче. «Краньетта» — вот красивое, фирменное название. Сделать его в розовом цвете. Украсить цветочками.

- Женщины никогда не согласятся всунуть голову в эту штуковину.

- О, согласятся. Не старушки из старушки Европы, нет. Наши. Я продал десять штук! Люди их хотят!

- Вечно ты рассуждаешь о том, чего хотят люди.

- Вот именно! Это конкурентное преимущество нашего региона! Люди, которые здесь живут… у них совершенно особые отношения с рыночной экономикой. — Борислав принесли выпивку. Он осушил бокал одним глотком. — Здешние жители, — продолжил он, — привыкли видеть, как рынок разрушает их жизнь и ставит все с ног на голову. Вот почему именно мы теперь устанавливаем новые правила в современном мире, а европейцы пытаются от нас не отставать! Наши просто обожают новые товары нечеловеческого происхождения!

- Доктор Грутджанз уставилась на эту штуку так, словно она ее укусит.

- Туз, свободный рынок всегда имеет смысл — если ты знаешь, как он действует. Наверное, ты слышал о «невидимой руке рынка».

Туз со скептическим видом одним глотком допил свой коньяк.

- Невидимая рука — именно она поставляет нам такие товары, как тиски для черепа. Это легко понять.

- Нет, не легко. Зачем невидимой руке сжимать людям головы?

- Потому что это поиск новых путей! Чем больше рынок, тем больше он старается организовать прорыв, автоматизировав производство новых товаров. А рынок таблеток от головной боли — один из самых крупных рынков в мире!

Туз почесал подмышку под кобурой.

- И насколько он большой?

- Огромный! Любой магазин торгует болеутоляющими средствами. Маленькие пакетики по две-три таблетки, на которых во-от такими цифрами написаны цены. Что такое эти таблетки? Это нужды и потребности людей!

- Несчастных людей?

- Вот именно! Людей, которые терпеть не могут свою работу, ненавидят своих жен и мужей. Рынок несчастий всегда больше всех остальных. — Борислав опрокинул следующий бокал. — Я сегодня слишком много болтаю.

- Бутсы, поговори со мной. Я только что заработал столько денег, почти ничего не делая, давно уже такого не случалось. Теперь мне даже платят зарплату в посольстве иностранного государства. Ситуация становится серьезной. Мне нужно знать это — как невидимая рука делает настоящие вещи?

- Смотри поисковую систему для интернет-магазина. Туз

поднял руку с растопыренными пальцами.

- Послушай, расскажи мне о чем-нибудь таком, на что я мог бы наложить лапу. Ты понимаешь. О чем-то таком, что можно украсть.

- Скажем, ты набираешь наугад два слова, любых. Набираешь эти два слова в поисковой системе интернета. Что происходит?

Туз повертел свой бокал.

- Ну, поисковая система всегда что-то находит, это точно. Несуразное, может быть, но всегда что-то отыщется.

- Правильно. Теперь представь себе, что ты ввел два слова в поисковую систему товаров. И она, скажем, пытается понять и путает… «парашют» и «пара шутов». Что ты получишь в ответе?

Туз поразмыслил.

- Я понял. Два шута на парашюте. Борислав покачал головой.

- Нет-нет. Ты, приятель, занимаешься рэкетом, ты — посредник. Поэтому не умеешь мыслить как коммерсант.

- Как я могу научиться думать лучше, чем такая система?

- Ты уже сейчас это делаешь, Туз. У поисковых систем нет идей, нет философии. Они вообще никогда не думают. Только люди соображают и рождают идеи. Поисковые системы просто запрограммированы на поиск того, чего хотят пользователи. Они смешивают, сопоставляют и выдают результаты. Бесконечные результаты. Только эти результаты не имеют значения, если они никому не нужны. А здесь люди этого хотят!

Официантка принесла бутылку, квашеную капусту с перцем и резиновый батон хлеба. Туз проводил взглядом ее покачивающиеся бедра.

- Ну, что касается меня, я бы от такого не отказался. Эти девчонки из Ирака меня заводят.

Борислав облокотился на стол и откусил от батона. Плеснул себе еще жидкости в бокал, выпил и умолк, прислушиваясь к тому, как спиртное разливается по телу. Ему вдруг расхотелось продолжать беседу.

Разговоры — это не жизнь. А он повидал настоящую жизнь. Он хорошо ее знал. В первый раз он узнал настоящую жизнь еще мальчишкой, когда на его глазах весь город вывернули наизнанку. Беженцы, безработные, бездомные, трудяги, начинающие дело с карандаша в жестяном стаканчике, по крохам зарабатывающие на жизнь, торгуя с лотков. Потом люди торговали с прилавков и в киосках. «Переходный период» — вот как называлась такая жизнь. Будто все это происходило где-то в одном месте.

Мир сильно изменился в переходный период. Жизнь изменилась. Но народ так и не «перешел» к нормальной, сытой

жизни. Во время следующего переходного периода, в двадцать первом веке, люди потеряли все, что завоевали раньше.

Когда Борислав вернулся с войны на костылях, он разложил коврик на тротуаре. И продавал ботинки. Людям нужны были его ботинки, они не снимали обувь даже в домах, потому что топить было нечем.

Наступило лето, он наскреб денег на машину. Когда удавалось разжиться дизельным или биотопливом, он продавал товары прямо из багажника. Он завел кое-какие связи на улице. Установил свою будку на тротуаре.

Даже в богатых странах не горели огни, и дороги замерли. В небе не летали реактивные самолеты. Переходный период затянулся. Цивилизация была ранена.

Затем эпидемия охватила мир. Экономическая депрессия была бедой, но грипп стал истинным всадником Апокалипсиса. Грипп пронесся по городу. Грипп наполнил город растаявшей грязью, спонтанными пожарами и ужасающей мертвой тишиной.

Борислав переселился из своей будки в заледеневшие развалины склада, где выжившие сортировали и продавали пожитки умерших. Еще одна ужасная зима. Они жгли мебель, чтобы согреться. Когда кто-нибудь кашлял, люди в ужасе смотрели на его носовой платок. Всем не хватало пищи, голова кружилась от голода. Безумное время.

У него ничего не осталось от прошлой жизни, кроме фотографий. Во время той смуты он сделал тысячи снимков. Это был способ обозначить день: нацелить объектив, нажать на спуск, когда больше нечем было заняться и оставалось лишь бесцельно суетиться, или сидеть и горевать, или прыгнуть с моста. У него до сих пор сохранились эти снимки, все до одного. Обычные фотографии незаурядного времени. И его самого, тоже незаурядного: он был ранен, молод, тощ, голоден, горяч.

Пока человек понимал собственное общество, он мог переделать себя так, чтобы соответствовать его требованиям. Он мог быть порядочным, надежным парнем, человеком слова. Но когда само общество стало уродливым, непригодным для жизни, тогда понятие «норма» треснуло, как дешевая гипсовая маска. Под маской цивилизации скрывалась другая личина — лицо ребенка-людоеда.

Тогда жили одной надеждой: протянуть еще один день, еще одну ночь, полагаясь только на силу собственного сердцебиения, забыв абстрактные понятия успеха или провала. Выжить — только это и было настоящим.

Когда нет привычного порядка, зато все настойчивее заявляют о себе риск и страдание, душа растет. Предметы начали

менять первоначальную природу. Их ценность вызревала, пронзительная, как слезы, как поцелуи. Горячая вода стала чудом. Электрический свет мгновенно создавал праздник. Пара ботинок была залогом того, что твои ноги не обмерзнут и не почернеют. Человек, который имел кусок мыла, защиту от холода, свечи, становился счастливчиком.

Когда ты вручал женщине тюбик губной помады, все ее худое, бледное личико вспыхивало. Когда она, ярко намазав губы, шла по затемненным улицам, казалось, что она поет.

Грипп убивал, но был не столь смертоносным, как то немое отчаяние, которое внушал. Когда эпидемия выгорела, настало время решительных парней, способных проламывать головы и отдавать приказы. Борислав не сделал такой «карьеры». Он хорошо знал, как сколачивают подобные капиталы, но не умел командовать. Он сам когда-то был тем, кому отдавали приказы. Правда, то были приказы, которые ему не следовало выполнять…

Подобно поезду после долгой стоянки, цивилизация медленно загрохотала по рельсам, набирая скорость. Жизнь, которую Борислав вел сейчас, в этом мерно покачивающемся составе, была пародией на прошлую реальность. На ту горящую, настоящую жизнь. Тогда он даже ухитрился влюбиться.

Сегодня он жил в своем киоске. Это очень красивый киоск. Только глупец не способен заработать в хорошие времена. Он был осторожным и в то же время импровизировал, поэтому получал неплохую прибыль. Он понемногу скупал квартиры в старом доме, уродливом многоквартирном доме, но прочном и удачно расположенном. Когда к нему подкрадется старость, когда он станет слишком слабым, чтобы суетиться на рынке, тогда он будет жить на ренту.

Большой плоский экран разразился ревом: одна из футбольных команд забила гол. Завсегдатаи радостно завопили и принялись колотить кулаками по шатким столикам. Борислав поднял отяжелевшую голову: стены бара кружились, пока он приходил в себя. Да, слаб он стал на выпивку — прежние загулы уже не для него.

5.

Утро выдалось трудное. Мать Бориславa на цыпочках вошла к нему, неся мюсли, йогурт и кофе. Борислав опустил больную ногу в пластмассовый таз — иногда ему это помогало — и листал ветхую, желтую подшивку старинных газет. В районе Старых искусств всегда можно было найти много печатной продукции, и чаще всего на чердаках. Бо-рислав никогда не читал в газетах древние новости — при любом режиме они были полны официальной лжи. Он выискивал сведения о странных вещах,

которыми когда-то стремились обладать люди.

Три колоссальных, всеобщих, мертвых явления заполняли эти осыпающиеся страницы: автомобили на бензине, кино и сигареты. Автомобили с натугой тащили за собой сотни предметов и услуг: горючее, поршни, глушители и свечи зажигания. Сигареты продавали в ярких бумажных пачках, а к ним — зажигалки и пепельницы именно для сигаретного пепла. Что касается кинозвезд, они водили автомобили и курили сигареты.

Самые старые газеты были совершенно фантасмагоричными. Бумажные страницы с их застывшей черно-белой графикой взывали к нему через пропасть десятилетий. Мертвые вещи разглагольствовали, они льстили, они стыдили, они расталкивали друг друга локтями.

Эти вещи были странными, и все же некогда ими стремились обладать. Сначала с чувством опаски, потом все смелее и смелее, Борислав выбрал некоторые мертвые предметы, чтобы сделать их цифровые копии, а потом оживить. Он снова запустил их в поток современных товаров. Например, изменив материалы и свойства, ему удалось превратить настольный телефон прошлой эпохи в легкую пластмассовую шляпу от дождя. Никто не догадывался об истоках его экспериментов. В отличие от новых продуктов, производимых машинами, которые с мертвым безразличием занимали рыночные ниши, эти возрожденные товары имели человеческий привкус. Четко выраженную цель. Они вызывали жажду обладания.

Когда-то интернета не существовало. И интернет-магазина тоже, поскольку он мог быть только следствием. Существовали только люди. Люди, которым хотелось вещей, и те, кто старался заставить других людей пожелать приобрести их вещи. Капитализм, социализм, коммунизм — все это мало что значило. Временный порядок вещей в доинтернетную эпоху.

День спокойных исследований вернул Борославу хорошее настроение. На следующее утро его мать возобновила свои жалобы на отсутствие невестки. Борислав ушел на работу.

Он увидел свой киоск жалким, голым и пустым, на покрытом дождевыми каплями окошке висела табличка «Закрыто». Рваная дыра зияла в стене в том месте, из которого выдрали фабрикатор. Эта картина вызвала у него острый приступ паники.

Борислав несколько секунд пробовал ее на вкус, потом отмахнулся от страха. Его киоск по-прежнему окружали соседи. Люди его всегда кормили. Он выбрал отличное место для киоска в самые мрачные дни. Когда-то он продавал жителям картошку в грязных мешках, когда-то они дрались за вялую морковь. Теперь легче. Нынешняя жизнь похожа на добрую шутку.

Он вошел, прихрамывая, в биометрическую дверь и включил свет.

Сейчас, стоя внутри, он чувствовал истинную природу киоска. Киоск служил каналом. Это был временный прилавок для бесконечного потока товаров.

Его киоск сделан из картона и клея, из переработанных отходов, он зеленый, он современный. В нем установлены воздушные фильтры, герметичные окна, маленький, прочный топливный элемент, яркие лампы, в пол вделана решетка обогревателя. Он оборудован сигнализацией от воров. В стенах — медицинский сканер. И обои с веселеньким рисунком.

Они унесли его специальной формы стул, музыкальный плеер, загруженный фантастической смесью всех попсовых хитов двадцатого века. Надо будет загрузить новые. Это не займет много времени.

Он опустился на колени на голый пол и кое-как заделал картонкой дырку в стене, откуда тянуло зимним холодом. В окно громко постучали. Это был цыган Флека, один из поставщиков.

Борислав встал, вышел на улицу и по привычке запер дверь, ведь к нему пожаловал Флека. Тот был самым ненадежным из его поставщиков, у него отсутствовало ощущение времени. Флека мог сделать, принести или украсть все, что угодно, но если вы осмелились положиться на его слово, он внезапно вспоминал о свадьбе своего племянника и исчезал.

- Слышал, тебе повезло, Бутсы, — широко ухмыльнулся Флека. — Не желаешь приобрести новинку?

Борислав постучал тростью по пустой витрине.

- Ты сам видишь.

Флека скользнул к багажнику своей ржавой машины и открыл его.

- Что бы это ни было, — упредил его Борислав, — оно слишком большое.

- Уделите мне одну минутку вашего драгоценного времени, маэстро, — сказал Флека. — Тебе, мой добрый старый друг, раз твой красивый киоск теперь пустой, я не привез никаких товаров. Я привез фабрику! Усовершенствованную! Новую!

- Твоя штука не новая, что бы это ни было.

- Видишь ли, это фабрикатор! Точно такой же, как тот, который я для тебя раздобыл в прошлый раз, только больше, сложнее и гораздо лучше! Достал у своего кузена.

- Я не вчера родился, Флека.

Флека покопался под задним сиденьем и вытащил образец. Это была пухлая куколка, копия американской актрисы Мэрилин Монро. Еще не раскрашенная — черная и блестящая.

Мэрилин Монро, главная кинозвезда розничной торговли, всегда оставалась узнаваемой благодаря завивке, родинке на губе и бюсту, похожему на торпеды. Столетие на полках почти не повредило ее притягательности. Эта женщина стала бессмертной мультяшкой.

Флека расстегнул скрытый шов под высоким бюстом Мэрилин. Внутри черной куклы Мэрилин находилась меньшая кукла Мэрилин, тоже угольно-черная, но еще менее одетая. Затем появилась Мэрилин и того меньше, в более откровенном наряде, потом совсем малютка и наконец грубо сработанная крохотная Мэрилин, блестящая, черная, обнаженная, размером с большой палец.

- Прекрасные копии знаменитости, — признал Борислав. — Так что это за материал? Напоминает фарфор.

- Это не воск, как в том, другом фабрикаторе. Углерод. Маленькие соломинки из углерода. Идет в придачу к машине.

Борислав провел ногтем большого пальца по поверхности материала. Черную куклу Мэрилин покрывали бороздки, похожие на желобки старой граммофонной пластинки. Фабрикаторы всегда так работают: они изготавливают свою продукцию, распыляя струи под давлением и нанося тонкие слои один на другой, складывая их в стопки, словно блинчики.

- Маленькие соломинки из углерода… Никогда о таком не слышал.

- Так говорил мой кузен. «Маленькие нанотрубочки, маленький наноуглерод». Вот что он сказал. — Флека схватил кругленькую Мэрилин с проворностью футбольного вратаря и поднял обе руки над головой. Затем изо всех сил своих жилистых рук швырнул черную куклу на разъеденную ржавчиной крышу собственного автомобиля. Полетели ошметки.

- Ты ее разбил!

- Это разбилась моя машина, — поправил его Флека. — Я изготовил куклу сегодня утром по изображениям сканера из интернета. Потом дал племяннику, большому мальчику. Я его попросил разбить эту куклу. Он сломал лом.

Борислав снова взял черную фигурку, осмотрел швы и детали и постучал по ней тростью.

- Ты еще кому-нибудь продавал таких пупсиков, Флека?

- Пока нет.

- Я мог бы взять несколько штук. Сколько ты просишь? Флека развел руками.

- Я могу смастерить еще. Но я не знаю, как делать маленькие соломинки из углерода. Внутри машины есть инструкция. Но она на польском языке. Терпеть не могу инструкции.

Борислав осмотрел фабрикатор. Машина казалась достаточно простой: основной черный корпус, большой черный бункер, черная вращающаяся пластина, черное разбрызгивающее сопло и черный трехмерный привод.

- Почему эта штука такая черная?

- Она красивая и блестящая, правда? Сама машина сделана из маленьких углеродных соломинок.

- Так ты говоришь, твой кузен раздобыл эту штуку? Где название марки? Где серийный номер?

- Клянусь, она не краденая! Понимаешь, этот фабрикатор — копия. Пиратская копия другого фабрикатора, который находится в Варшаве. Но никто не знает, что это копия. А если и узнает, полицейские не станут искать ее в этом городе, не сомневайся.

Сомнения Борислава вылились в сарказм.

- Значит, это машина, которая сама себя копирует? Фабрикатор, фабрикующий фабрикаторы, это ты хочешь сказать, Флека?

У киоска раздался пронзительный вопль, полный горя и тревоги. Борислав поспешил назад.

Девочка-подросток в дешевом красном пальто и желтых зимних сапогах рыдала в мобильный телефон. Борислав узнал Джованицу, одну из лучших своих покупательниц.

- Что случилось? — спросил он.

- А, это вы! — Джованица щелкнула крышкой телефона и поднесла к губам тощую ручку. — Вы еще живы, мистер Бутсы?

- А ты полагала, что я умер?

- Ну, а что с вами случилось? Кто ограбил ваш магазин?

- Меня не ограбили. Все продано, и дело с концом.

Юное личико Джованицы сморщилось, на нем отразились сомнение, ярость, отчаяние и горе.

- Тогда где мои заколки?

- Что?

- Где мои любимые беретики? Мои заколки для волос! Мои чипсы, и повязки для головы, и красивые булавки? Их тут было целое дерево, вот здесь! Я каждый день снимала с этого дерева новые! Я наконец добилась, чтобы оно мне давало именно то, чего я хочу!

- А, это! — Борислав продал вращающуюся стойку с игрушками-заколками вместе со всеми товарами на ней.

- Ваша стойка продавала самые лучшие игрушки для волос в городе! Такие классные! Что с ней случилось? И что случилось с вашим магазином? Он сломан! Ничего не осталось!

- Это правда, Ница. У тебя сложились особые отношения с этой интерактивной стойкой, но… ну… — Борислав лихорадочно

искал оправдание, и тут его посетило гениальное озарение: — Я открою тебе один секрет. Ты растешь, вот в чем дело.

- Я хочу мои игрушки-заколки! Верните мою стойку, сейчас же!

- Игрушки-заколки — это для девочек от девяти до пятнадцати лет. Ты уже переросла эту рыночную нишу. Тебе следует серьезно подумать о сережках.

Руки Джованицы взлетели к мочкам ушей.

- Вы хотите сказать — проколоть уши? Борислав кивнул.

- Давно пора.

- Мама не позволит.

- Я могу поговорить с ней. Ты уже девушка. Вскоре тебе придется отгонять мальчишек палкой.

Джованица уставилась на трещины в тротуаре.

- Не буду.

- Будешь, — заверил ее Борислав, задумчиво помахивая тростью. До этого момента цыган Флека с интересом наблюдал за ними. Теперь он заговорил:

- Не плачь о своих красивых вещицах, потому что Бутсы — Король Киосков. Он может достать тебе все красивые вещи, какие есть на свете!

- Не слушай цыгана, — возразил Борислав. — Знаешь, Джовани-ца, мне очень жаль, но твое старое дерево с заколками для волос ушло навсегда. Тебе придется начать с совершенно новым деревом. И оно ничего не будет знать о твоих желаниях.

- Это ужасно!

- Не горюй. Я предлагаю тебе интересное дело. Ты ведь не просто большая девочка, ты очень ценный покупатель, так сказать, потребитель со стажем. Поэтому в следующий раз ты хорошо сэкономишь. Я тебе буду платить только за то, чтобы ты обучала дерево с игрушками. Ну просто думай о том, что хочешь купить.

Флека уставился на него.

- Что ты несешь? Ты хочешь платить ей за покупки?

- Правильно.

- Она всего лишь девчонка!

- Я не девчонка! — немедленно обиделась Джованица. — А ты грязный старый цыган!

- Джованица — первый потребитель заколок-игрушек, Флека. Она лидер здешнего рынка. Другие девочки приходят и покупают те заколки-игрушки, которые выбрала Джованица. Поэтому я собираюсь… взять ее на работу. Мне уже давно следовало это сделать.

Джованица захлопала в ладоши.

- Можно мне получать заколки-игрушки, а не просто глупые деньги?

- Конечно. Непременно. Флека изумился:

- Ты, должно быть, сошел с ума, если продал разом все свои товары.

Район Искусств никогда не испытывал недостатка в зеваках. Привлеченные этим маленьким спектаклем, четверо из них обступили киоск Борислава. Поймав его сердитый взгляд, они сделали вид, будто им нужна вода из фонтана. Фонтан, по крайней мере, еще работал.

- Вот идет моя мама, — объявила Джованица.

Ее мать, Ивана, стремительно выбежала из обшарпанных дверей соседнего многоквартирного дома. Она была одета в домашний халат, подпоясанный ремнем, вязаную накидку, толстый шарф и яркие вязаные шерстяные домашние тапочки. Она потрясала битком набитой наволочкой.

- Слава богу, они не причинили тебе вреда! — запричитала Ивана. Клубы пара вырывались из ее рта. Женщина приоткрыла наволочку. В ней были паровой утюг, фен для волос, старое зеркало, никелированная походная фляга, рваная меховая накидка и сотейник с крышкой.

- С мистером Бутсы все в порядке, мама, — успокоила ее Джова-ница. — Ничего не украли. Он все продал!

- Ты продал свой киоск? — спросила Ивана, и в глазах ее отразились обида и потрясение. — Ты нас бросил?

- Это бизнес, — пробормотал Борислав. — Извините за причиненные неудобства. Но все скоро наладится…

- Честно говоря, мне эти вещи не нужны. Если они тебе пригодятся, можешь взять их обратно.

- Мама хочет, чтобы вы продали все эти вещи, — предложила Джованица с навязчивой услужливостью подростка. — Тогда у вас появятся деньги, чтобы снова открыть магазин.

Борислав смущенно похлопал по картонной стенке киоска.

- Ивана, у этого старого киоска довольно неприглядный вид, он пуст и зияет большой дырой… но мне отчасти повезло.

- Госпожа, вы, наверное, замерзли в домашних тапочках, — заметил Флека. Он изящно махнул рукой в сторону стеклянного, с позолотой фасада кафе «Три кота». — Позвольте предложить вам горячего «капучино»?

- Вы правы, господин, здесь холодно. — Ивана неловко сунула свою подушку под мышку. — Я рада, что у тебя все наладилось, Борислав.

Ивана угрюмо зыркнула в сторону прохожего, который не отрывал от нее заинтересованного взгляда.

- Мы уходим, Ница!

- Мама, мне не холодно. Небо прояснилось.

- Мы уходим! И они ушли.

Флека почесал затылок.

- Итак, маэстро. Что здесь сейчас произошло?

- Она славная девочка. Правда, иногда капризничает. Молодые все такие. Тут ничего не поделаешь. — Борислав пожал плечами. — Давай зайдем внутрь и там поговорим о делах.

Он заковылял к своему пустому киоску. Флека зашел вслед за ним и ухитрился захлопнуть дверь.

- Никогда раньше не был внутри, — заметил Флека, осматривая все обнаженные швы на предмет возможного взлома воровской фомкой. — Я подумывал открыть собственный киоск, да только… ну, это такое хлопотное дело.

- Все дело в потоке товаров, поделенном на площадь. С этой точки зрения, киоск — сверхприбыльное предприятие розничной торговли. Но это предприятие для одного человека. Здесь можно вести дела только в одиночку.

Флека посмотрел на него мудрыми круглыми глазами.

- Эта девочка, которая так плакала из-за своих волос… Она не твоя дочь, а?

- Что? Нет.

- А что случилось с ее отцом? Его унес грипп?

- Она родилась намного позже, но ты прав, ее отец умер. — Бори-слав закашлялся. — Он был моим добрым другом. Солдат. Очень красивый парень. Его девочка просто милашка.

- Значит, ты ничего для этого не делал. Потому что ты не солдат, и не богат, и не красив.

- Ничего не делал — для чего?

- Такая женщина, как Ивана, она не ждет красавца-солдата. Или богатого босса. Такая женщина, как она, хочет красивое платье. Или капельку духов. А главное — иметь в своей постели кое-что получше бутылки с горячей водой.

- Ну, у меня киоск и сломанная нога.

- У всех нас, мужчин, сломанная нога. Она подумала, что тебя ограбили. И прибежала прямо сюда, прихватив все, что могла, запихнув вещи в наволочку. Значит, ты не урод. Ты — глупец. — Флека ударил себя кулаком в грудь. — Я урод. У меня три жены: одна в Бухаресте, одна в Люблине, а та, что в Линце, даже не цыганка. Они закопают меня живым, маэстро. С этим ничего нельзя поделать, потому что я мужчина. Но это не про тебя. Ты — глупец.

- Спасибо за бесплатное предсказание судьбы. Ты все знаешь, да?

Она и я были здесь в тяжелые времена. Вот в чем дело. У нас с ней своя история.

- Ты фанатик. Ты шут. Я вижу тебя насквозь, как витрины этого киоска. Тебе нужно строить жизнь. — Флека ударил кулаком по обоям киоска и громко вздохнул. — Послушай, жизнь грустна, правильно? Жизнь — печальная шутка, даже когда она есть. Итак, Бутсы. Теперь я тебе расскажу о своем фабрикаторе, потому что у тебя есть деньги и ты его у меня купишь. Это красивая машина. Очень плодовитая. Она из больницы. Ей полагалось делать кости. Эта инструкция посвящена изготовлению костей, и это плохо, потому что никто не покупает кости. Если ты глухой и хочешь получить маленькие черные косточки для ушей — вот для чего эта машина. И еще: эти черные игрушки, которые я с ее помощью сделал, я их не могу раскрасить. Они слишком твердые, поэтому краска сразу же слетает. Что бы ни изготовил этот фабрикатор, оно будет твердое и черное, и ты его не сможешь раскрасить, этой вещи положено находиться внутри больного… К тому же я не умею читать глупые инструкции. Ненавижу читать.

- Он работает от стандартного напряжения?

- Я его запускал от постоянного тока, подключая к аккумулятору своего автомобиля.

- Где сырье?

- Оно упаковано в большие мешки. Порошок, желтый порошок. Фабрикатор каким-то образом склеивает его, при помощи искр или еще как-то, он делает порошок блестящим и черным и связывает его очень быстро.

- Я беру сырье вместе с машиной, по одной цене.

- Это еще не все. Помнишь тот раз, когда я поехал в Вену? Мы собирались заключить сделку. Мы уже ударили по рукам, а я это дело провалил. Из-за Вены.

- Правильно, Флека. Ты полностью его провалил.

- Значит, это моя цена. Часть моей цены. Я продам тебе машину для производства игрушек. Мы сейчас достанем ее из автомобиля и затащим в киоск в целости и сохранности. Когда представится случай, я привезу тебе мешок с угольной соломкой. Но мы забудем о Вене. Мы просто о ней забудем.

Борислав ничего не сказал.

- Ты простишь тот мой проступок. Вот чего я от тебя хочу.

- Я это обдумаю.

- Это часть сделки.

- Мы забудем прошлое, и ты отдашь мне машину, сырье и еще пятьдесят баксов.

- Ладно, продано.

6.

Когда фабрикатор оказался внутри киоска, у Бориславa не осталось места для самого себя. Ему удалось переписать инструкции из черного молчаливого фабрикатора в свой ноутбук. Солнце уже взошло. Хотя все еще было сыро и зябко, официанты из «Трех котов» уже расставляли белые стулья, сложенные на ночь стопкой. Борислав сел за стол. Он заказал кофе и начал внимательно читать неуклюжий машинный перевод польского руководства.

Сельма пришла ему надоедать. Она была замужем за школьным учителем, славным малым, имевшим постоянную работу. Сельма называла себя художницей, делала украшения и одевалась, как лунатик. Школьный учитель был высоко мнения о Сельме, хотя она спала со всеми подряд и ни разу не приготовила ему приличного обеда.

- Почему твой киоск пуст? Почему ты торчишь здесь без дела? Борислав отрегулировал угол наклона экрана.

- Я осваиваю средство производства.

- Что ты сделал со всеми моими браслетами и ожерельями?

- Я их продал.

- Все?

- Все до единого.

Сельма села, словно ее ударили клюшкой.

- Тогда ты должен угостить меня бокалом шампанского! Борислав нехотя достал телефон и послал сообщение официанту. Поднимался резкий ветер, но Сельма, гордая собой, все сидела над

стаканом дешевого итальянского красного.

- Не жди, что я быстро пополню твои запасы! На мои художественные произведения большой спрос.

- Спешить некуда.

- Я прорвалась на рынок предметов роскоши, за рекой, в «Межконтинентальном». Этот отель берет все ожерелья из слоновой кости, которые я делаю.

- Да-да, — рассеянно пробормотал Борислав.

- Короткие бусы из слоновой кости, они пользуются неизменным спросом у глупых стареющих туристок с увядшей шеей.

Борислав поднял глаза от экрана и взглянул на женщину.

- Тебе не пора бежать к верстаку?

- О, конечно, конечно, «дай людям то, чего они хотят», это твоя больная мелкобуржуазная философия! Те иностранные туристки в больших отелях, они хотят, чтобы я делала унаследованный от прошлого кич!

Борислав махнул рукой в сторону улицы.

- Ну, мы ведь живем в районе Старинных искусств.

- Послушай, глупец, когда это место было районом Передовых искусств, здесь было полно авангардистов. Посмотри на меня хоть раз. Разве я из музея? — Сельма рывком задрала юбку до середины бедра. — Разве я ношу старые крестьянские башмаки с загнутыми носами?

- Какой черт в тебя вселился? Ты села на паяльник? Сельма прищурила подведенные глаза.

- Что мне, по-твоему, делать со своими руками и мастерством художника, когда ты штампуешь всевозможные украшения фабрикато-рами? Я только что видела эту дурацкую штуку в твоем киоске.

Борислав вздохнул.

- Послушай, я не знаю. Ты мне скажи, что это означает, Сельма.

- Это означает революцию. Вот что. Это означает еще одну революцию.

Борислав рассмеялся.

Сельма нахмурилась и подняла руку в лайковой перчатке.

- Послушай меня. Первый переходный период. Когда рухнул коммунизм. Люди вышли на улицы. Все приватизировали. Рынок испытывал большие потрясения.

- Я помню те дни. Я был ребенком, а ты даже еще не родилась.

- Второй переходный период. Когда рухнул глобализм. Не стало нефти. Начались войны и банкротства. Начались болезни. Это случилось, когда я была ребенком.

Борислав счел за лучшее промолчать. Учитывая все обстоятельства, его собственный Первый переходный период был более благоприятным временем для детства.

- Затем идет Третий переходный период. — Сельма вздохнула. — Когда эта постоянно растущая кибернетическая интервенция в производство высвобождает человеческую креативность.

- Ладно, и что это значит?

- Я тебе говорю, что это значит. Ты не слушаешь. Мы живем в Третьем переходном периоде. Это революция. Прямо сейчас. Здесь. Это не коммунизм, это не глобализм. Это следующий период. Это происходит. Современный художник уже не просто реагирует на поток лишенных смысла товаров, он использует силу творчества во имя революционной гетерогенности!

Сельма нередко с самодовольным видом несла претенциозную чушь. Но не такую, как сейчас. Такого Борислав от

нее еще не слышал.

- Где ты всего этого набралась?

- Здесь, в этом кафе! Ты просто не слушаешь, вот в чем твоя проблема. Ты никогда никого не слушаешь.

- Я тоже здесь живу, знаешь ли. Я бы слушал твою безумную болтовню весь день, если бы от нее был какой-нибудь толк.

Сельма опустошила свой стакан. Затем сунула руку под свитер, связанный вручную с претензией на художественность.

- Если ты будешь над этим смеяться, я тебя убью. Борислав взял ожерелье, которое она ему протянула.

- Откуда это? Кто тебе это прислал?

- Оно мое! Я его сделала. Собственными руками.

Борислав вертел в руках спутанную цепочку. Он не был ювелиром, но знал, как выглядит достойное ювелирное украшение. Это украшение не было достойным. Если самые изощренные усилия поисковых систем вызывали нечто, похожее на произведения с Марса, тогда это ожерелье было прямо с Венеры. Оно состояло из тонких металлических стружек, серебряных шариков и осколков топаза. Такое могло привидеться только в кошмаре.

- Сельма, это не обычная твоя работа.

- Машины не видят снов. А я вижу. И это ожерелье — из моего сна.

- Вот как. Ну, конечно.

- Признаюсь, это был кошмарный сон. Но я проснулась! Потом я воссоздала свое видение! Я терпеть не могу дешевки! Я делаю побрякушки только потому, что ты не хочешь продавать ничего другого!

- Ну… — Никогда раньше он не разговаривал с Сельмой откровенно, теперь же блеск ее сверкающих влажных глаз привел его в замешательство. — Я не знаю, сколько заплатить за такое… произведение искусства.

- Но кто-нибудь его захочет купить? Правда? Не так ли? — Ее взгляд молил. — Кто-нибудь? Мое ожерелье купят? Даже несмотря на то, что оно… другое.

- Нет. Это не то украшение, которое покупают. Это такое украшение, на которое люди смотрят и, вероятно, смеются. Но потом придет одна особенная женщина. Ей очень захочется иметь именно это ожерелье. Ей захочется этого больше всего на свете. Она купит эту вещь, сколько бы та ни стоила.

- Я могла бы делать и другие вещи, подобные этой, — заявила Сельма и положила руку на сердце. — Потому что теперь я знаю, откуда все это берется.

7.

Борислав установил фабрикатор в пустом киоске, взгромоздил его на прочный деревянный пьедестал, чтобы люди могли видеть, как он работает.

Первым, что он выбрал для производства, были, естественно, заколки-игрушки. Борислав одолжил несколько забавных заколок у Джованицы и скопировал их в своем киоске на медицинском сканере.

Разумеется, фабрикатор выплюнул россыпь блестящих черных копий.

Джованица позабавила небольшую толпу, подпрыгивая на них. Заколки сломать не удалось, но дешевые металлические пружинки быстро лопнули.

Тем не менее, когда игрушка ломалась, ничего не стоило бросить ее обратно в бункер аппарата. Тот пережевывал черный предмет, испуская запах озона, пока эта вещица не превращалась снова в желтый порошок.

В соломку, прямо как золото.

Борислав быстро набросал бизнес-план на обороте пивной подставки из «Трех котов». Умножив часы своей работы на цену за один грамм, он вскоре установил уровень доходности. У него появилась новая производственная линия.

При помощи нового фабрикатора он мог копировать форму любого маленького предмета. Конечно, он не был способен в буквальном смысле «копировать» все: щенка, красивое шелковое платье, холодную бутылку пива, об этом и речи не шло. Но большая часть того, что сделано из однородного, твердого материала, копировалась легко: пустая бутылка, вилка, кухонный нож.

Кухонные ножи сразу же стали гвоздем программы. Инструменты получались блестящими и черными, очень грозными и пугающими, и было ясно, что их никогда не понадобится точить. Вид фабрикато-ра, который бесперебойно выплевывает острые как бритва ножи, приводил людей в священный трепет. Дети просто осаждали киоск, а взрослые собирались поодаль и обсуждали чудеса техники.

Чтобы предоставить удобства жаждущей толпе зевак, служащие «Трех котов» выставили столы и стулья на воздух и даже развернули над ними полосатый тент, такой веселенький, слово сейчас было лето.

Погода благоприятствовала импровизированной вечеринке жителей квартала.

Мирко из «Трех котов» накормил Борислава бесплатно.

- Мне это приносит хорошую прибыль, — признался Мирко. — Ты тут устроил девять дней чудес. Это мне очень напоминает

конец Второго переходного периода. Помнишь, когда снова включили освещение в городе? Да, брат, это было замечательное время.

- Так долго продолжаться не может. Мне нужно вернуться в киоск и продолжать работу.

- Замечательно, что ты опять здесь, вместе с нами, Бутсы. А то мы забыли, когда болтали последний раз. — Мирко виновато развел руками, потом поскреб стол. — Теперь я держу это заведение… дела отнимают много сил… это все моя вина.

Борислав принял плату от мальчишки, который изготовил себе твердую, как камень, черную модель динозавра.

- Мирко, у тебя есть место для большого торгового автомата? Рядом с твоим кафе? Мне необходимо вытащить этого черного зверя из моего киоска.

- Ты действительно хочешь установить здесь торговый автомат? Похожий на банкомат?

- Наверное, да. Это окупится.

- Бутсы, мне нравится толпа, которую ты ко мне приводишь, но почему бы тебе просто не поставить свою машину туда, куда ставят банкоматы? Есть сотни банкоматов. — Мирко забрал у приятеля пустую тарелку. — Есть миллионы банкоматов. Эти машины заполонили весь мир.

8.

Шли дни. Люди не отпускали его обратно, к нормальной жизни. Появился спортивный азарт, все хотели видеть новые фокусы фабри-катора. Стало модным изготавливать причудливые вещи для прикольного подарка: твердокаменный букет роз, например. Можно было вручить этот черный букет подружке, а если она выразит недовольство, то вернуть его обратно, взвесить, а потом получить часть денег за желтую пыль.

Нескончаемый уличный спектакль превратился в тоник для всех окрестных жителей. Очень скоро каждый бездельник из кафе или студент-прогульщик стал самозваным экспертом по фабрикаторам, фабрикации и революционным суперфабрикаторам, которые умеют копировать сами себя. Люди приводили родственников, чтобы те посмотрели. Заходили туристы и делали снимки. Естественно, всем им хотелось переговорить с хозяином.

Иной раз посетители выкидывали странные номера. Однажды явилась юная новобрачная со свадебным сервизом. Она оплатила копию каждого предмета, затем с грохотом публично разбила оригиналы на улице. Явился коп, чтобы призвать молодую к порядку. Потом полицейскому захотелось переговорить с владельцем чудо-аппарата.

Борислав сидел с профессором Дамовым, академиком и болтливым ханжой, директором местного этнографического музея. Музей, основанный на деньги города, специализировался на том, что Дамов называл «материальной культурой». Под этим подразумевались пыльные витрины, набитые боевыми знаменами, священными медальонами, домашней утварью, рыболовными сетями, прялками, граммофонами и тому подобным. Учитывая новые обстоятельства, профессору было что сказать.

- Сержант, — разглагольствовал Дамов, оживленно размахивая бокалом вина, — вас, возможно, удивит, когда вы узнаете, что слово «киоск» — древний оттоманский термин. В первоначальном оттоманском киоске ничего не покупали и не продавали. Киоск был царским подарком правителя своему народу. Киоск был тем местом, где дышали вечерним воздухом, размышляли, наслаждались жизнью; он представлял собой элегантную садовую беседку.

- Но они не разбивали на тротуаре свои свадебные сервизы, — возразил коп.

- А известно ли вам, что если новобрачная плохо себя вела, ее зашивали в кожаный мешок и бросали в Босфор!

Копа удалось умаслить, и он пошел своей дорогой, но вскоре появился его коллега, переодетый в штатское, и занял одно из лучших мест в «Трех котах». Это изменило общее настроение. Наблюдение полиции доказывало, что суета вокруг киоска — нечто большее, чем просто покупательский ажиотаж.

Спустились сумерки. Пришла компания механиков из гаража, все еще в своих грязных комбинезонах, и принялась совершенно серьезно обсуждать возможность копирования деталей троллейбуса. Явился театральный актер со своей свитой, давал автографы и заказал выпивку всем своим друзьям.

Возникли студенты, и отнюдь не за тем, чтобы наливаться пивом. Они заняли столик, заказали самую дешевую пиццу и начали обсуждать какие-то свои планы.

На следующий день актер привел с собой всех исполнителей пьесы, а студенты-радикалы вернулись в удвоенном количестве. Они заняли еще больше столов, заказали гораздо больше пиццы. Теперь у них имелись секретарь и казначей. На куртках вожаков красовались блестящие черные пуговицы-значки.

Приехал автобус из сельской местности и выгрузил группу фермеров. Крестьяне сделали одинаковые копии чего-то такого, что им всем отчаянно хотелось иметь, но что они очень старались скрыть от зевак.

В переполненное кафе зашел Туз. Он с раздражением обнаружил, что ему придется ждать своей очереди, чтобы

переговорить с Борисла-вом с глазу на глаз.

- Успокойся, Туз. Угостись-ка пиццей со свининой. Здешний хозяин — мой старый друг, и сегодня он щедр.

- Ну, а мой босс недоволен, — парировал Туз. — Здесь делают деньги, а ему никто об этом не сказал.

- Передай своему большому боссу, чтобы расслабился. Я делаю не больше денег, чем обычно в киоске. Это должно быть очевидно: подумай о темпах моего производства. Эта машина способна изготавливать всего несколько копий в час.

- Ты что, отупел? Посмотри на толпу! — Туз стащил свои черные очки и оглядел битком набитое кафе. Несмотря на холодную погоду, цыганский оркестр рассаживался по местам с аккордеонами и тромбонами. — Ладно, вот тебе доказательство: видишь того самодовольного типа, который сидит в обществе переодетого лейтенанта? Он один из них!

Борислав искоса взглянул на гангстера-конкурента. Парень из банды Северной реки здорово смахивал на Туза, только кроссовки у него были красные, а не синие.

- «Речные мальчики» выдвигаются сюда?

- Они всегда зарились на мой участок. Очень бойкое место!

На сей раз «речной мальчик» проявил смелость. Еще недавно в кафе «Три кота» гангстеров пристреливали. И не так уж редко. Это было славной местной традицией.

- У меня руки чешутся отколотить этого парня, — солгал Туз, покрываясь потом, — но он ведь сидит с копом! И наш любимый политик тоже здесь!

Борислав спросил себя, уж не слабеет ли у него зрение. В прежние времена он бы ни за что не упустил таких подробностей.

В кафе просочилась целая орда политиков и расселась по соседству с гангстером. Местные политики всегда ходили отрядами. Маленькими, беспокойными шайками.

Один из них был национальным представителем района Искусств. Мистер Славич являлся членом Радикальной либерально-демократической партии, отколовшейся клики благонамеренных, чересчур образованных психов.

- Я тебе выдам хорошую шутку, Туз. Любой политик обладает тремя основными качествами: умом, честностью и умением добиваться результатов. Но нужно выбрать два из них.

Туз заморгал. Он не понял.

Борислав с трудом оторвался от пластмассового стула и захромал к мистеру Славичу, чтобы обменяться с ним радостным рукопожатием. Молодой адвокат был умен и честен и поэтому не добивался результатов. Тем не менее Славич благодаря большому уму мгновенно уловил назревающие в его районе политические

события. Он уже нацепил блестящую черную «пуговицу» молодых студентов-радикалов.

Демонстративно взмахнув полами верблюжьего пальто, мистер Славич соблаговолил сесть за столик Борислава. И одарил Туза холодным взглядом.

- Разве необходимо якшаться с этим сомнительным типом?

- Но вы ведь пытались добиться моего увольнения с работы в посольстве, — перешел в наступление Туз.

- Да, пытался. Хватит того, что в нашей правящей партии полно представителей преступного мира. И к тому же мы не можем допустить, чтобы вы получали жалованье от европейцев.

- Вот в этом вы весь, Славич: вечно сами присасываетесь к богатым иностранцам и предаете народ!

- Не льсти себе, жалкий выскочка! Ты не «народ». Народ — это люди!

- Ладно, вы устроили так, что люди вас выбрали. Вы заняли пост и сделали себе красивую стрижку. Теперь вы собираетесь еще и завернуться в наше знамя? Вы хотите украсть то последнее, что осталось народу?

Борислав откашлялся.

- Я рад, что у вас есть возможность поговорить откровенно. Насколько я понимаю, для того, чтобы руководить этим делом с фабри-каторами, потребуется ловкость и хитрость.

Двое собеседников уставились на него.

- Это ты зазвал нас сюда? — спросил Туз.

- Разумеется. Вы оба здесь не случайно, и я тоже. Если не мы дергаем за ниточки, тогда кто?

Политик уставился на гангстера.

- Знаешь, в его словах что-то есть. В конце концов, это Третий переходный период.

- Итак, — продолжал Борислав, — перестаньте разыгрывать из себя крутых и в кои-то веки подумайте по-новому! Вы говорите, как ваши деды!

Борислав сам удивился своей горячности. Славич, к его чести, выглядел смущенным, а Туз неловко почесал голову под шерстяной шапкой.

- Послушай, Бутсы, — наконец произнес Туз, — даже если ты, и я, и твой шикарный приятель адвокат дружески выпьем по вкусному пиву Переходного периода, вон там сидит тот «речной мальчик». Что нам с ним-то делать?

- Мне хорошо известно о преступном синдикате Северной реки, — беззаботно ответил мистер Славич. — Мой комитет по расследованиям занимается анализом деятельности их банды.

- О, значит, вы занимаетесь анализом, вот как? Наверное,

«речные» просто умирают со страху.

- В этой стране существуют законы против рэкета, — заявил Славич, злобно глядя на Туза. — Когда мы возьмем власть и избавимся наконец от преступных элементов в нашем обществе, ничто не помешает нам арестовать этого мелкого панка в его дешевой красной обувке. Мы ликвидируем весь его паразитический класс: я имею в виду его, его подружку — певичку из ночного клуба, его отца, его босса, его братьев, его кузенов, весь его футбольный клуб… Пока жив хоть один честный судья — а у нас есть несколько честных судей, — мы не остановимся! Никогда!

- Слыхал я о ваших честных судьях, — презрительно ухмыльнулся Туз. — Их можно заметить по столбам дыма, когда взрываются их автомобили.

- Туз, перестань заноситься. Позволь мне внести ясность, что поставлено на карту. — Борислав сунул руку под стол, достал прозрачный пластиковый пакет и со стуком бросил его на стол.

Туз немедленно заинтересовался.

- Ты сфабриковал череп?

- Это мой собственный череп.

Киоск сканировал его каждый день. Поэтому череп Борислава был записан в файл.

Туз вытащил предмет из прозрачного пластикового пакета и передал политику.

- Это изделие просто превосходно! Посмотрите на четкую проработку швов!

- Согласен. Замечательное техническое достижение. — Мистер Славич повертел череп в руках и нахмурился. — Что случилось с вашими зубами?

- Они вполне нормальные.

- Вы называете эти зубы мудрости нормальными?

- Эй, дайте мне взглянуть, — попросил Туз. Мистер Славич перекатил угольно-черную сферу по крышке стола. Потом бросил взгляд через плечо на других политиков, раздраженный тем, что они веселятся без него.

- Послушайте меня, мистер Славич. Во время предвыборной кампании я повесил ваш плакат на стене своего киоска. Я даже голосовал за вас и…

Туз оторвал взгляд от пустых глазниц черепа.

- Ты голосовал, Бутсы?

- Да. Я уже немолод. Мы, старики, ходим голосовать. Славич изобразил притворно-вежливое внимание.

- Мистер Славич, вы наш политический лидер, — нажал Борислав. — Вы радикальный либеральный демократ. И у нас тут

сейчас довольно радикальная либеральная ситуация. И что нам теперь делать?

- Очень хорошо, что вы задали мне этот вопрос, — кивнул Славич. — Вы, наверное, понимаете, что могут возникнуть серьезные сложности с вашей машиной в вопросе об интеллектуальной собственности.

- Какие сложности?

- Я имею в виду патенты и авторские права. Законы инженерного анализа. Торговые марки. Мы в нашей стране всех этих законов не соблюдаем… говоря откровенно, мы вообще не соблюдаем почти никаких законов. Но остальной мир живет в соответствии с правовыми нормами. И если вы будете пиратским способом делать свадебные сервизы, производители, несомненно, когда-нибудь об этом пронюхают. И могу заверить, вам вчинят судебный иск.

- Понятно.

- Вот так работает мир. Если вы наносите ущерб чьим-то доходам, на вас подают в суд. Там, где деньги, там и судебные иски. Простой принцип. Хотя у вас тут очень милая обстановка… Киоск действительно сделал нашу округу ярче…

В кафе появился профессор Дамов в обществе жены. Госпожа Да-мова, профессор социологии, любила подразнить общество марксистскими и феминистскими высказываниями. Она носила шубу, солидную, как банковский сейф, и шляпу из вздыбленного меха.

Дамов указал на черную табличку на столе Борислава.

- Извините, господа, но этот столик зарезервирован для нас.

- Ох, — вырвалось у Борислава. Он не заметил изготовленную фа-брикатором табличку, такая она была черная.

- У нас сегодня маленький праздник, — заявил Дамов. — Годовщина свадьбы.

- Поздравляю, господин и госпожа! — произнес мистер Славич. — Почему бы вам не разделить наше общество всего на минутку, пока не прибудут ваши гости?

Бутылка сухого вина от Мирко восстановила всеобщие дружеские чувства.

- В конце концов, я адвокат района Искусств, — сказал Славич, обходительно наполняя до краев бокалы. — Итак, Борислав, на вашем месте я назвал бы этот фабрикатор художественной инсталляцией!

- Правда? Почему?

- Потому что когда эти скучные иностранцы со своими исками пытаются устроить скандал по поводу искусства, это никогда не срабатывает! — Славич подмигнул профессору и его

жене. — Мы ведь получали от него удовольствие, а? Мы же наслаждались превосходным шоу?

Туз сорвал с себя темные очки.

- Это «художественная инсталляция»! Браво! Вот блестящая находка!

Борислав нахмурился.

- Чему ты так рад?

Туз нагнулся к приятелю и зашептал, прикрываясь рукой:

- Потому что именно это мы скажем «речным мальчикам»! Мы им объявим, что это просто художественное шоу, а потом закроем акцию. Они останутся в своем промышленном районе, а мы сохраним свою территорию. Все здорово!

- Это твое ноу-хау?

- Ну да, — ответил довольный Туз, откидываясь на спинку стула.

- Да здравствует искусство!

Гнев Борислава поднялся из глубины колодца и обжег ему затылок.

- Вот как? Вот что вы, двое жалких мерзавцев, желаете предложить людям? Вы просто собираетесь избавиться от этой штуки! Вы хотите погасить ее одним плевком, как свечку! И это вы называете переходным периодом? Да ситуация в точности повторяет прежнюю! Не меняется ничего!

Дамов покачал головой.

- История развивается по спирали. Мы меняемся. Мы все стали на год старше.

Заговорила госпожа Дамова:

- Не могу поверить в вашу фашистскую, технократическую чепуху! Вы действительно воображаете, что сумеете улучшить жизнь людей, просто-напросто установив какую-то нелепую машину на их улице? Без зрелого размышления о более глубоких социальных проблемах? Я хотела сегодня вечером купить молока! Кто работает в вашем киоске, вы, саботажник? Ваша лавка совершенно пуста! Мы что, должны стоять в очереди?

Мистер Славич осушил свой стакан.

- Ваш фабрикатор — замечательная штука, но пиратство незаконно и аморально. Что правда, то правда, это надо признать.

- Прекрасно, — ответил Борислав, — если вы так считаете, тогда идите и скажите об этом людям. Скажите людям прямо сейчас, что вы хотите погубить их будущее! Давайте, сделайте это! Скажите, что они недостаточно созрели и должны все обдумать. Сообщите людям, что они должны за это проголосовать!

- Давайте не будем спешить, — предложил Славич.

- Ваша убогая железяка бесполезна без социального изобретения, — чопорно произнесла госпожа Дамова.

- Моя жена совершенно права! — расцвел Дамов. — Потому что социальное изобретение — это нечто гораздо большее, чем шестеренки и цепи, это… ну, нечто, похожее на киоск. Киоск когда-то был местом, где пили чай в царском саду. Теперь здесь покупают молоко! — Он чокнулся своим бокалом о ее бокал.

Туз помолчал, а потом задумчиво произнес:

- Где же нам украсть социальное изобретение? Как вы их копируете?

Это были волнующие вопросы. Борислав почувствовал, что его мысли пронзил луч яркого света.

- Та европейская женщина… как ее?.. Она купила мой киоск. Кто она? На кого работает?

- Ты имеешь в виду доктора Грутджанз? Она посредник по экономическим связям Комитета по расследованиям Европейского парламента.

- Правильно, — тут же подхватил Борислав, — именно так. Я тоже! Скопируйте мне это! Я посредник по каким-нибудь связям дурацкого парламентского чего-нибудь.

Славич в восторге расхохотался:

- Занятно,занятно!

- Послушайте, господин Славич. У вас ведь есть Парламентский комитет по расследованиям, — сказал Борислав.

- Ну да, конечно.

- Тогда вы должны изучить этот фабрикатор. Вы начнете официальное правительственное расследование. Вы будете расследовать днем и ночью. Прямо здесь, на улице, при всех. Вы будете публиковать отчеты. И конечно, вы будете делать вещи. Вы будете делать всевозможные вещи. Чтобы их расследовать.

- Я правильно понял ваше предложение? Вы предлагаете свой фа-брикатор правительству?

- Конечно. Почему бы нет? Это лучше, чем потерять его навсегда. Я не могу продать его вам. У меня нет для этого бумаг. А вы сумеете о нем позаботиться. Это мой дар людям.

- Что ж, интересно… — В глазах Славича вспыхнул голодный огонек.

- Приятель, это даже лучше, чем сделать из него долбаный художественный проект, — с энтузиазмом воскликнул Туз. — Дурацкий правительственный проект! Этого хватает на целую вечность!

9.

Новый комитет по расследованиям немедленно добился успеха. Поскольку политическое дзюдо было типично для этого

района, честный политик ухитрился получить от европейцев щедрый грант в поддержку проекта — в основном, чтобы расследовать самого себя.

Теперь мощности фабрикатора были направлены на другие цели: от потребительской дребедени он перешел к насущным нуждам государственного сектора. Угольно-черные пожарные краны появились в районе Искусств. Угольно-черные колпаки для разбитых уличных фонарей и угольно-черные люки для мостовых. Правительство закупало их в больших количествах; фабрикатор деловито жужжал среди многолюдной площади, рядом с железнодорожной цистерной, полной сырья.

Борислав вернулся в свой киоск. Он попытался возобновить прежний бизнес. Его часто вызывали для показаний в комитет Славича, развивший кипучую деятельность. Правда, это привело к тому, что цыгана Флеку арестовали, но проныра вышел под залог и удрал. Никто не приложил особых усилий, чтобы его найти. Да они никогда и ни к чему не прилагали особых усилий.

Вскоре расследование показало, что фабрикатор является украденной собственностью одной больницы в Гданьске. Европейцы давно умели делать фабрикаторы, использующие углеродные нанотруб-ки. Они просто не хотели их производить.

В качестве мудрой меры предосторожности европейцы решили не создавать таких устройств, которые могли столь радикально нарушить устоявшийся политический и экономический порядок. Последствия таких действий наверняка таили в себе угрозу. Преимущества же были сомнительными.

На некотором абстрактном высоком уровне имело смысл повсеместно создавать сверхэффективные компактные фабрики, которые могли производить как можно больше вещей из ничтожно малого количества сырья. Если бы требовалось начать промышленную цивилизацию с нуля, тогда подобные машины стали бы великой идеей. Но такой аргумент не имел смысла при наличии уже существующей базы и устоявшихся интересов. Невозможно уговорить избирателя бросить работу. Поэтому материалы для фабрикаторов были хитроумно ограничены воском, пластиком, гипсом, папье-маше и некоторыми металлами.

Но это не касалось медицинских аппаратов. Медицина, которая имела дело с жизненно важными случаями, никогда не была просто рынком. Всегда находился ребенок, который ломал кости. Отчаявшиеся родители поднимали крик: неужели никто из вас, бессердечных, бесчеловечных негодяев, не думает о детях?

Конечно, те, кто отказался от подобной технологии, заботились прежде всего о новом поколении. Они хотели, чтобы

дети выросли в безопасности, в стабильном, управляемом обществе. Но интересы призрачного будущего абсолютно безразличны человеку, чью душу терзают страдания реального, живого ребенка.

Поэтому появились лучшие и новые виды фабрикаторов. За ними настороженно наблюдали… но с течением времени и в силу обстоятельств контроль ослаб.

Стремясь распространить среди своих избирателей правительственные дотации на производство, Славич заказал известным местным художникам создать новое по дизайну поколение киосков. В этом футуристическом ультракиоске Третьего переходного периода должны были разместиться те самые фабрикаторы, которые его изготавливали. Работая с удивительным рвением и быстротой (учитывая то, что они получали зарплату от правительства), дизайнеры создали новый официальный, пользующийся поддержкой правительства киоск: пугающе великолепный монументальный павильон, наполовину оттоманский дворец, наполовину сталинский пряник, почти на сто процентов из черных углеродных нанотрубок, за исключением нескольких необходимых стальных болтов, медных проводов и бронзовых скоб.

Борислав был не так глуп, чтобы сетовать на судьбу. Ему пришлось покинуть свой скромный, старомодный киоск. Затем с болью и смирением он взобрался вверх по сверкающим черным ступеньками в этот нереальный, грандиозный, крепкий, как скала, черный форт, в эту царскую сокровищницу, от роскошной крыши которой метеориты отскакивали бы, словно ледяные градины.

Стеклянные витрины плохо закрывались. Пальцы срывались с новых черных полок. На черном полу стулья и кресла скользили. На черных углеродных стенах не держалась краска, клей или обои. Он чувствовал себя круглым идиотом, но ведь это чудо архитектуры возвели для его удобства! Это был дворец для поколения Третьего переходного периода, безумно радикальных парней, которым киоск служил не скромным посредником, а крепостью в новой войне культур.

Такой «киоск» можно было сбрасывать с пролетающего реактивного самолета. Он мог шарахнуть о землю подобно стремительному удару молнии — и отскочить от нее совершенно невредимым. Поскольку мешки золотистого порошка никогда не пустели, агрегат постоянно извергал нескончаемый поток предметов: бутылки, сумки, ручки, задвижки, колеса, насосы; а также инструменты для производства других вещей: пилы, молотки, гаечные ключи, рычаги, дрели, винты, отвертки, шила,

клещи, ножницы, мастерки, напильники, рашпили, тележки, домкраты, резаки. Все эти вещи сидели в своих компьютерных файлах так же аккуратно, как шахматные фигуры, как сама идея шахмат.

Когда Борислав вечерами возвращался из своего черного суперкиоска в квартиру матери, он наблюдал, как Третий переходный период постепенно внедряется в ткань его города.

Первый переходный период когда-то имел собственный облик: старые здания из плохого кирпича, дрянная штукатурка, осыпающаяся, словно разъеденная проказой; потом они взорвались яркими торговыми марками торжествующего Запада: сладких батончиков, беспошлинных чипсов, вызывающего белья.

Второй переходный период был более жестким: Борислав запомнил его, в основном, как время нужды и лишений. Пустые магазины, пустые дороги, толпы велосипедов, сердитое жужжание новомодных топливных элементов, дешевый блеск солнечных панелей на крышах, из которых со всех сторон торчала изоляция, словно бумага из башмаков нищего. Хлипкие новые сооружения. Трава на крышах, трава на рельсах трамваев. Сеть мачт и телевизионных тарелок.

Третий переходный период тоже имел собственный колорит. Это была та же песня на новый лад. Он был черным. Он был угольно-черным, гладким, анонимным, сверкающим, нержавеющим, только иногда радужное сияние отражалось от слоев и желобков, когда свет падал правильно, словно призрак давно исчезнувших масляных разводов.

Революция приближалась. Люди хотели от этой игры больше, чем позволял режим. Теперь в городе работало пять фабрикаторов. Заграница все настойчивее возражала против «опасного распространения контрафактной продукции», поэтому местное правительство не решалось изготавливать новые фабрикаторы. А люди не могли осуществить свое желание жить иначе. Люди уже чувствовали себя иными, поэтому копили недовольство, чтобы выплеснуть его на улицы. Политики предпринимали слабые попытки примирить классы, но это было просто невозможно.

Законы коммерции существуют для блага людей? Или люди существуют как рабы законов коммерции? Это была популистская демагогия, но почему-то подобные идеи пользовались успехом.

Борислав понимал, что цивилизация существует в виде непреложных законов. Человечество страдает и голодает, когда оказывается вне закона. Но эти голые факты не отягощали сознания местных жителей и десяти секунд. Местные были не такими. Они никогда не были такими. Беспорядки — вот что

здешние жители могли предложить остальному миру.

Люди слетали с катушек из-за гораздо меньшего; из-за выстрела в какого-то проезжего принца, например. По городу прокатились небольшие уличные демонстрации. Эти демонстрации разгорались и затухали, но скоро тележка с яблоками должна была опрокинуться. Люди выйдут на городские площади, колотя в свои угольно-черные кухонные кастрюли, потрясая угольно-черными ключами от дома. Бо-рислав по опыту знал: этот глас народа неизбежно перерастет в оглушительный грохот на всю страну. Голос разума слабого правительства звучал не громче мультипликационной мыши.

Борислав закончил кое-какие дела, так как позже ими будет некогда заниматься. Он поговорил с адвокатом и составил новое завещание. Сделал копии важных документов и рассовал кое-какие бумаги по укромным уголкам. Он собирал консервы, свечи, лекарства, инструменты, даже сапоги. Держал наготове свою дорожную сумку.

Он купил матери давно обещанный участок на кладбище. А также приобрел для нее красивый могильный камень. Он даже нашел шелковые простыни.

10.

Все началось не так, как он ожидал, но можно сказать, что локальная история — это события, которых не может предвидеть ни один разумный человек. Все началось с киоска. Это был новенький, с иголочки, европейский киоск. Цивилизованный, основательный, приличный, хорошо продуманный, предвещающий интервенцию киоск. Чужеродный, бело-розовый — он был красивым, идеальным и чистым, а внутри не было никого, кто бы даже отдаленно напоминал человеческое существо.

Этот автоматический киоск снабдили чем-то вроде серебряного когтя, который без промаха подхватывал товары со своих антисептических полок и подавал их пораженному покупателю. Это были восхитительные товары: сверкающие, изящные, снабженные серийными номерами и наклейками для радиослежения. Они так и светились внушающей уверенность законностью: правилами здравоохранения, марками таможенных сборов, соответствующими адресами веб-сайтов и мейлами для подачи жалоб.

Сверхмощный киоск олицетворял собой централизованное правление, свод законов на сто тысяч страниц и обширные, перегруженные базы данных, он олицетворял истинный блеск, тонкий этикет, как блестящий двор Габсбургов. И его с намеренной точностью сбросили на ту хрупкую часть Европы,

которая готова была взорваться.

Европейский киоск был всемогущим торговым автоматом. Он пополнял свои быстро убывающие запасы по ночам. Их развозили грузовики-автоматы без водителя, изготовленные из розового пластика, на колесах из розовой резины, которые двигались по полуночному городу при помощи радаров и подчинялись всем правилам движения с сумасшедшей пунктуальностью.

Не с кем было пообщаться внутри розового европейского киоска, хотя, когда к нему обращались через десятки микрофонов, киоск отзывался на местном языке и очень даже неплохо. Здесь и не пахло человеческими взаимоотношениями. Такого понятия, как общество, не существовало: только четкая интерактивность.

Банды подростков сразу же изукрасили розового захватчика граффити. Кто-то — вероятнее всего, Туз — предпринял серьезную попытку сжечь его.

Туза нашли через два дня в собственном шикарном электрическом автомобиле, убитым тремя черными пулями из фабрикатора. На капоте автомобиля оставили сфабрикованный черный пистолет.

11.

Ивана перехватила его до того, как он успел уехать в горы.

- Ты бы так и уехал, не сказав ни слова?

- Пора.

- Ты берешь с собой сумасшедших студентов. Ты берешь футбольных фанатов. Гангстеров. Цыган и воров. Ты готов уехать с кем угодно. А меня не берешь?

- Мы едем не на пикник. А ты не из того сброда, который подается в горы, когда начинается заварушка.

- Вы берете оружие?

- Вы, женщины, ничего не понимаете! Ни к чему брать с собой карабины, если у вас есть черная фабрика, которая может изготавливать карабины! — Борислав потер небритый подбородок. Боеприпасы, да, немного боеприпасов может пригодиться. Гранаты, снаряды для минометов. Он слишком хорошо знал, сколько этого добра осталось зарытым в горах.

А еще сухопутные мины… Вот они его действительно пугали, этот неизбывный страх он пронесет до самой могилы. Однажды, возвращаясь обратно к границе, они с товарищами, нагруженные добычей, шагали друг за другом по глубокому снегу, ступая след в след… Апотом эта плоская смертоносная штука с чипом сосчитала их следы. Девственно чистый снег стал кроваво-красным.

Борислав и сам мог бы соорудить такую штуку. По всему

интернету были размещены планы подобных партизанских устройств. Он никогда не мастерил таких бомб, хотя эта перспектива преследовала его в ночных кошмарах.

Тогда он остался калекой на всю жизнь, он горел в лихорадке, замерзал и умирал от голода в горной деревушке. Его доверенным лицом была сиделка. Не жена, не любовница, не товарищи. Его мать. Только его мать сохранила с ним такую глубокую связь, что бросила город и, рискуя умереть с голоду, ухаживала за раненым партизаном. Она приносила ему суп. Он смотрел день за днем, как у нее вваливались щеки, потому что она недоедала, чтобы накормить его.

- Там некому будет готовить еду, — умоляла Ивана.

- Ты должна будешь бросить дочь.

- Ты же бросаешь мать!

Она всегда умела уколоть его подобным образом. И он, как всегда, сдался.

- Ну ладно, — сказал он ей. — Прекрасно. Так тому и быть. Если ты готова поставить на карту все, можешь стать связной между лагерем и городом. Будешь приносить нам кое-какие вещи. И не станешь задавать никаких вопросов об этих вещах.

- Я никогда не задаю вопросов, — солгала она. Они отправились в лагерь, и она просто осталась с ним. Она не отходила от него ни днем, ни ночью. Для него опять началась настоящая жизнь. Настоящая жизнь — это ужасно.

12.

В старых деревнях, бывших лыжных курортах, теперь не шел снег; погода превратилась в кошмар. Они организовали свое незаконное производство фабрикатов в заброшенных конюшнях.

Фанатики кричали об изготовлении «бесконечного количества» копий, но все это были одни лозунги. В «бесконечном количестве» не было необходимости. Вещей требовалось ровно столько, чтобы попортить нервы властям. И кое у кого из правительства нервы действительно начали сдавать.

Партизаны не учли одного. У фабрикатора имелись две важные части, не поддающиеся копированию. Одна — сопло, которое превращало желтый порошок в черный материал. Другая — большой гребень преобразователя, который пережевывал черное вещество снова в желтый порошок. Эти два самых важных компонента невозможно было сделать из желтого порошка или из черного материала.

Они были изготовлены из подвергнутых точной высоковольтной обработке европейских металлов, которые теперь охраняли, как драгоценные камни. Эти компоненты заговорщикам ни за что не создать.

Но все-таки два десятка сопел для фабрикатора появилось. Эту любезность им оказала некая иностранная разведка. По слухам — японская.

Однако у них все равно не было гребней для обратной переработки. Это разрушало и обрекало на неудачу все мечты о том, чтобы изготавливать фабрикаты при помощи сопел, без гребенок. Их подпольные фабрикаторы могут изготавливать вещи, но не могут их перерабатывать обратно в порошок. Мир с подобными фабрикаторами превратился бы в кошмар: он медленно, но уверенно заполнился бы ужасным, отравляющим природу мусором — непригодными к использованию, неподдающимися разрушению, твердыми, как камень, кусками черного шлака. Эта мрачная перспектива явно повлияла на решение первых изобретателей.

Прозвучало также много мрачных заявлений о том, что углеродные нанотрубки вредно влияют на здоровье, так как представляют собой неразрушимые волокна, нечто вроде асбеста. И это было правдой: углеродные нанотрубки действительно вызывали рак, но делали это гораздо реже, чем несколько тысяч других веществ, которые уже использовались в повседневной жизни.

Умельцы потратили все лето на то, чтобы состряпать первые подпольные фабрикаторы. Потом мобилизовали фанатиков, чтобы распространить эти устройства. Им приказали отвезти фабрикаторы как можно дальше от фабрики и вручить их сочувствующим.

Четверых из пяти эмиссаров арестовали почти сразу. А потом на лагерь началась вертолетная атака.

Борислав был готов к такому повороту дел. Он перенес лагерь в другое место. В городе поднимались мятежи. Неважно, кто «побеждал» в этих бунтах, потому что они подрывали существующее положение дел. Полиция колошматила студентов неразрушимыми черными дубинками. Ребята резали шины полицейских фургонов неразрушимыми ножами.

В этот момент кому-то пришла в голову потрясающая идея: выпустить в свет десятки ложных черных ящиков, которые бы лишь выглядели как фабрикаторы. Ведь было абсолютно неважно, станет ли их продукция на самом деле работать.

Этот циничный план требовал гораздо меньше труда, чем создание настоящих копировальных устройств, поэтому его быстро приняли. Более того, его повсюду подхватили плагиаторы. Люди следили за этой борьбой: в Бухаресте, Люблине, Тбилиси, Братиславе, Варшаве и Праге. Люди окунали любые предметы в черный лак, чтобы те походили на продукцию фабрикаторов.

Люди распространяли руководства к фабрикаторам и файлы для изготовления фабрикаторов. На каждого активного чудака, который действительно хотел делать фабрика-торы, приходилась сотня людей, которые хотели знать, как их делать. Просто на всякий случай.

Некоторые чудаки добились успеха. Те, кто терпел неудачу, превращались в мучеников. Так как сопротивление растекалось, подобно пролитым чернилам, в нем принимало участие слишком много людей, что мешало отнести его к разряду преступной деятельности.

Когда военные подрядчики поняли, что имеются веские причины строить гигантские фабрикаторы размерами с верфь, игра в основном была окончена. Третий переходный период стал новой «реальной политикой», а новая экономика — повседневностью. Старый порядок закончился. Превратился в нечто такое, чего никто не мог вспомнить и даже не хотел вспоминать.

Оставалось сделать несколько спокойных ходов и поставить мат. А потом игра просто остановилась. Кто-то положил на бок белого короля так мягко и незаметно, что почти невозможно было догадаться, существовал ли когда-то белый король…

13.

Борислав отправился в тюрьму. Необходимо было, чтобы кто-то туда отправился. Парни без комплексов быстро нашли теплые места при новом режиме. Фанатики отчаялись поучаствовать в новом распределении благ и убежали лелеять свое горькое разочарование.

В качестве действующего бунтовщика, чья основная задача заключается в том, чтобы выполнять роль подставной фигуры в обществе, Борислав стал подходящим кандидатом на публичное наказание.

Борислав сдался отряду копов. Его арестовали при свете прожекторов. Ему инкриминировали «заговор»: довольно мягкое обвинение, учитывая кучу настоящих преступлений, совершенных его группой. То были необходимые, повседневные преступления любого революционного движения, такие, как рэкет, контрабанда, диверсии и антиправительственная агитация, пиратское производство, отмывание денег, изготовление фальшивых документов, незаконное вселение в захваченные жилища, незаконное ношение оружия и так далее.

Сидя в тюремной камере, которая немногим отличалась от киоска, Борислав открыл истинное значение старого термина «исправительный». Исправляющимся надлежало размышлять и обдумывать способы избавиться от своих пороков. Такова была

основная идея.

Конечно, любое современное «исправление» состояло по большей части из оживленных торговых сделок. Никто ничем особенным не владел в этой тюрьме, кроме места на стальной койке и очереди в душ, поэтому такие простые товары, как мыло, высоко ценились среди местных обитателей. Борислав, который досконально освоил уличную торговлю, естественно, преуспел в этом бизнесе.

Борислав много размышлял о сокамерниках. Они тоже были людьми, и многие из них попали в тюрьму по его вине. В любой переходный период люди теряли работу. Они разорялись, утрачивали перспективу. Это толкало их на отчаянные поступки.

Борислав не слишком сожалел о беспорядках, которые устроил в этом мире, но часто думал о людях, ставших их заложниками. Где-то в какой-то тюрьме сидит какой-то неплохой парень, у которого есть жена и дети и который потерял работу, потому что ее отняли фабри-каторы. У парня бритая голова, уродливый оранжевый спортивный костюм и отвратительная еда, как и у самого Борислава. Но у этого парня гораздо меньше причин находиться за решеткой. И гораздо меньше надежды. И неизмеримо больше сожалений.

Мать навещала Борислава в тюрьме. Она приносила распечатки посланий многих сочувствующих. Казалось, мир полон незнакомых иностранцев, которым больше нечем заняться, кроме как отправлять по электронной почте длинные ободряющие послания политическим заключенным. Ивана, его верная соратница в дни настоящей жизни, теперь не объявлялась. Ивана знала, как с наименьшими потерями выйти из ситуации, когда твой мужчина уходит, чтобы совершить какую-нибудь глупость, например, добровольно сдаться властям.

Эти незнакомые иностранцы излагали старые, урезанные, плохо сформулированные мысли о том, чем он занимался раньше. Они были Голосом Истории. У него самого не было голоса, который он мог бы отдать истории.

Через двадцать два месяца новый режим простил его — в рамках общей амнистии. Ему велели не совать свой нос куда не следует и не открывать рот. Борислав так и делал. В любом случае, ему почти нечего было сказать.

14.

Прошло время. Борислав вернулся в свой старый киоск. В отличие от черного киоска-фабрикатора, этот торговал вещами, которые нельзя было скопировать: в основном, продуктами.

Теперь фабрикаторы открыто стояли повсюду, техника копирования шла вперед гигантскими шагами. Поверхности

стали делать шершавыми, и они сияли пастельными цветами. Инженеры создали мягкие, гнущиеся волокна для тех деталей, которые должны быть гибкими. Мир находился в очередном переходном периоде, но ни один переходный период не прикончил мир. Революция просто перевернула пласт на компостной куче истории, подняв на поверхность то, что лежало под спудом.

Повинуясь прихоти, Борислав пошел в хирургический кабинет и сделал себе на фабрикаторе новую берцовую кость. После скучного периода выздоровления, так как в его годы ткани заживали медленно, он впервые за двадцать пять лет вспомнил, что значит ходить не хромая.

Теперь он мог гулять. И гулял много. Ему нравилось ходить *правильно.* Он прогуливался по бульварам, посещал интересные места, носил красивые туфли.

Потом вышло из строя правое колено, в основном, из-за интенсивной ходьбы на неразрушимой искусственной кости. Поэтому ему снова пришлось вернуться к трости. Чудесное средство не спасло ногу, но заставило прислушаться к сердцу. Раздробленная кость служила источником страдания Борислава на протяжении многих лет. Она сформировала его душу. А колену осталось поболеть каких-нибудь пару лет… Так, небольшой эпизод по сравнению с несчастьем всей жизни.

Чтобы пройти скромное расстояние от дома до могилы матери, не требовалось больших усилий. Город все время угрожал сносом его старому многоквартирному дому. Эти дома были неказистыми, уродовали пейзаж, и, откровенно говоря, их следовало снести. Но угрозы правительства заняться преобразованием всегда оставались пустым звуком, а на ренту он мог прожить. Он был домовладельцем. Этот род деятельности никогда не пользовался популярностью, но кто-то ведь должен им заниматься… Хорошо, если такой человек к тому же умел чинить трубы.

Он испытывал большее удовлетворение от того, что его мать получила последний могильный камень из настоящего гранита. Все остальные вышли из сопла фабрикатора.

Доктор Грутджанз больше не работала в правительстве. Она замечательно сохранилась. Можно даже сказать, что эта чиновница из чужой системы выглядела моложе, чем много лет назад. Она носила две тугие нордические косы. И элегантный розоватый свитер. И высокие каблуки.

Доктор Грутджанз поделилась своим жизненным опытом в Третий переходный период. Это был ее собственный исповедальный текст, снабженный в Сети фотографиями,

звуковыми записями, ссылками на сайты и многочисленными комментариями в помощь читателю.

- На ее могильном камне очень красивый шрифт, кириллица, — отметила доктор Грутджанз.

Борислав прикоснулся носовым платком к глазам.

- Традиция не означает, что живые мертвы. Традиция означает, что мертвые живут.

Доктор Грутджанз с удовольствием это записала. Сначала эта ее привычка раздражала Борислава. Потом — даже понравилась. Разве плохо, что эта слишком образованная иностранка сделает его объектом своих научных исследований? Никто другой его не беспокоил. Для соседей он был искалеченным, вспыльчивым, старым домовладельцем. Для нее, ученой бюрократки, он был таинственной фигурой международного значения. Ее версия событий была безнадежно искажена и подогнана под европейские теории. Но это была лишь версия.

- Расскажите мне об этой могиле, — попросила она. — Что мы здесь делаем?

- Вы хотели узнать, чем я теперь занимаюсь. Ну вот, этим и занимаюсь. — Борислав положил к памятнику красивый траурный букет. Потом зажег свечи.

- Почему вы это делаете?

- А почему вы спрашиваете?

- Вы — человек рациональный. Вы не можете придавать серьезного значения религиозным обрядам.

- Да, — ответил он ей. — Я и не придаю. Я знаю, что это просто обряды.

- Тогда почему вы это делаете?

Он знал почему. Он приносил цветы, потому что это был дар. Дар для него самого, ведь он преподнесен без расчета на выгоду. Обдуманный дар без возможности получить прибыль.

Такие дары уходили корнями в историю, а кронами устремлялись в будущее. Такие дары живые получали от мертвых.

Дары, которые мы получаем от мертвых — единственные в мире настоящие дары. Все остальные вещи — товары. Только умершие делают подарки безвозмездно.

Всякий раз, когда мы приносили себя в жертву в какой-то смутной надежде на благодарность следующих поколений, в честолюбивом желании построить лучшее будущее, мы выходили за рамки рационального анализа. Люди из будущего никогда не могли посмотреть на нас нашими глазами: они могли видеть нас глазами, которые мы сами им дали. Никогда нашими, всегда — их. И глаза будущего всегда видели истины прошлого ограниченными, отсталыми, нелепыми. Как предрассудок.

- Почему? — повторила она.

Борислав стряхнул снег со своих элегантных туфель.

- У меня большое сердце.

Перевела с английского Назира ИБРАГИМОВА

© Bruce Sterling. Kiosk. 2007. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction».

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

06.08.2008

Черный лебедь

Я знал, что «Массимо Монтальдо» всего лишь псевдоним, но этичный журналист всегда защищает конфиденциальность источника.

Массимо вошел через высокие стеклянные двери, с громким стуком уронил на пол свой чемодан и сел за стол напротив меня. Мы встречались там же, где и обычно: внутри кафе «Елена» — этого потайного уютного местечка, расположенного близь самой большой площади в Европе.

В этом кафе было два длинных зала с высокими потолками красного цвета, напоминавших гробы из красного дерева. Это небольшое место получало немало восторженных охов от посетителей. Массимо никогда не рассказывал мне о собственных проблемах, но их наличие было заметно, как будто он тайком пытался пронести под плащом обезьяну.

Как и любой хакер в мире, Массимо Монтальдо имел яркую внешность. Как итальянец, он пытался выглядеть лощеным. Массимо носил стойкие к загрязнению, немнущиеся тряпки: черный мериносовый свитер, черную хлопчатобумажную футболку и черные штаны с множеством карманов. Еще на нем были спортивные кроссовки неизвестной мне марки, с ужасными подошвами, наполненными пузырьками.

Эти бутсы не разваливались только потому, что были завязаны кожаные шнурки.

Судя по его итало-швейцарскому акценту, Массимо немало времени прожил в Женеве. Четырежды он сливал мне секретные разработки — свежие инженерные схемы, явно запатентованные в Швейцарии. Впрочем, различные патентные бюро Женевы не имели в своих архивах информации о них. Также там ничего не знали о «Массимо Монтальдо».

Каждый раз, когда я пользовался болтливостью Массимо, посещаемость моего блога вырастала вдвое.

Я знал что спонсор Массимо или, что более вероятно, его учитель, использовал меня для манипуляций в сфере, которую я освещал. Где-то заключались большие сделки. Моя работа приносила кому-то неплохой доход.

Этим кем-то был не я, и у меня были сомнения в том, что это Массимо. Я принципиально не вкладывал деньги в компании, деятельность которых освещал, потому что это билет в один конец. У юного Массимо на этом маршруте, похоже, уже был проездной.

Массимо вертел свой бокал с «Бароло». Его обувь была

потерта, волосы немыты, и он выглядел так, будто брился в туалете самолета. Бокал с лучшим в Европе вином он держал как скорпиона, пытающегося ужалить его в печень. Наконец он его заглотил.

Официант молча наполнил его бокал вновь. В «Елене» меня хорошо знали.

Мы с Массимо хорошо понимали друг друга. Раз уж мы беседовали об итальянских промышленных компаниях, а он знал их все поименно, от «Алесси» до «Занотти», поэтому я тайно оказывал ему некоторые услуги. Симкарта, купленная на подставное имя. Ключ-карта от комнаты отеля, снятого третьими лицами. Массимо мог этим пользоваться, не показывая документы и не называя себя.

Через Гугл находится восемь Массимо Монтальдо, и ни один из них не подходил. Массимо приходил неведомо откуда, выдавал порцию бесценной информации и опять скрывался в толпе. Я защищал его, оказывал ему ряд услуг. Несомненно, помимо меня были и другие люди, помогавшие ему.

После второго бокала морщинка между его бровей смягчилась. Он потер кончик носа, пригладил свои непослушные курчавые черные волосы и облокотился на толстую каменную столешницу черными шерстяными локтями.

— Люка, в этот раз я принес тебе нечто особенное. Ты хочешь это увидеть? Ты не сможешь в это поверить.

— Хотелось бы надеяться, — ответил я.

Массимо залез в свой кожаный саквояж и извлек на свет ноутбук неизвестной марки. Это была многое повидавшая машина, ее уголки стерты от частого использования, клавиатура грязна, с одной из тех толстенных супербатарей вместо аккумулятора. Этот избыточный запас энергии утраивал вес ноутбука. Понятно, почему Массимо никогда не носит запасной пары обуви.

Он вглядывался в грязный экран, занятый чем-то очень для него важным.

«Елена» не очень известное заведение, поэтому известные люди его любят. Белокурая телеведущая скользнула за свободный столик. Массимо, добивающий уже третий бокал, поднял свой взор от экрана ноутбука. Он пристально изучил облаченные в «Гуччи» изгибы ее фигуры.

Эта итальянская телеведущая имеет отношение к новости о том, что американский фастфуд — тоже еда. Поэтому было ее не жалко, хотя мне не понравилось, как он на нее смотрит. Было видно, какая глупость вертится в гениальной голове Массимо. Эта одетая на грани приличий женщина отвлекала его от какой-то

сложной математической проблемы.

Наедине с ней он будет думать свой вопрос, пока у него что-то не щелкнет и он не выдаст на-гора результат, и, что делает ей честь, она поняла это. Она открыла свою изящную сумочку крокодиловой кожи и натянула пару больших солнцезащитных очков.

— Синьор Монтальдо? — позвал я.

Он был глубоко в себе.

— Массимо?

Это оторвало его от греховных фантазий. Он развернул компьютер и показал мне картинку на мониторе.

Я не разрабатываю микросхемы, но я знаком с софтом, который используют для этого. Когда-то, в 1980-е было три десятка разных программ для их проектирования. Сегодня их осталось только три. Ни одна из них не поддерживает итальянский, поскольку каждый компьютерщик в мире знает английский.

Эта программа была на итальянском. Она выглядела изящно. Она была очень изящным софтом для проектирования микросхем. Разработчики микросхем — не самые изящные люди. По крайней мере не в этой жизни.

Массимо ткнул обкусанным ногтем в грязный экран своего ноута:

— Это дешевка, в ней всего 24 Кб. Но посмотри вот сюда.

— Да. Что это такое?

— Это мемристоры.

Я в искренней тревоге осмотрелся вокруг, но никто в «Елене» не понимал и даже не хотел знать о потрясающем открытии Массимо. Он мог наваливать мемристоры на их столы кучами, но они никогда бы не поняли, что они видят ключ к богатству.

Я мог бы долго и утомительно объяснять, что такое мемристоры и насколько они отличаются от обычных микросхем. Для понимания ситуации достаточно знать, что до сих пор в мире электроники их не существовало. Вообще. Их существование было теоретически обосновано, люди знали о них с начала восьмидесятых, но никто пока не смог создать их.

Чип с мемристорами был сродни лужайке, на которой пасется единорог.

У меня пересохло в горле и я хлебнул вина.

— Ты принес мне схемы мемристоров? Что случилось? Где-то упало НЛО?

— Очень смешно, Люка.

— Ну зачем ты показал мне это? Что, черт возьми, я должен с этим делать?

— Я не собираюсь давать тебе схемы мемристора. Я решил отдать их Оливетти. Я прошу тебя сделать следующее: ты сделаешь один конфиденциальный звонок своему хорошему знакомому, Оливетти, он руководитель производства. Ты попросишь его поискать в корзине, в разделе «спам» письмо без обратного адреса. Это будет достойное зрелище. Он будет тебе благодарен.

— Оливетти — неплохая компания, — ответил я. — Но они не потянут такое производство. Мемристоры для гигантов отрасли — «Интел», «Самсунг», «Фуджитсу».

Массимо сложил руки вместе на столе, словно он молился и иронично посмотрел на меня.

— Люка, — начал он. — тебе не надоело видеть подавление итальянской научной мысли?

Итальянский микросхемный бизнес довольно слаб. В нем сложно свести концы с концами. В течении 15 лет я работал по теме микросхем в Бостоне на шоссе 128. Когда всемогущий доллар начал править миром, я порадовался, что завязал там знакомства.

Но ничто не вечно. Старые лидеры уходят, промышленность преображается. Эпохи сменяют друг друга.

Массимо только что показал мне нечто, что изменит отрасль. Инновационный прорыв. Разрушение устоев.

— Это конечно многое объясняет, — сказал я, — сотрудники Оливетти читают мой блог, они его даже комментируют. Но это не значит, что я могу быть источником информации, сулящей Нобелевскую премию. Оливетти захочет узнать, откуда у меня это, ему придется это узнать.

— Они не захотят знать, да и тебе тоже не стоит, — он покачал головой.

— Ну, тогда я непременно хочу это знать.

— Ты об этом пожалеешь, поверь мне.

— Массимо, я журналист. Это значит, что я всегда хочу знать и никогда никому не доверяю.

— Может, ты и был журналистом, пока существовали бумажные журналы. Но все твои доткомовские журналы умерли. Теперь ты блогер. Ты пытаешься влиять и разносишь сплетни, чтобы выжить, — Массимо хлопнул по столу и затем пожал плечами, он явно не считал сказанное оскорблением. — Так что заткнись! Действуй как обычно! Это все, о чем я прошу.

Возможно, этого достаточно для него, но моя работа состоит в задавании вопросов.

— Кто создал чип? — спросил я. — Я знаю, это не твоя работа, ты многое знаешь о разработке чипов, но ты не Леонардо

да Винчи.

— Да, я не да Винчи, — он допил бокал.

— На самом деле ты даже не Массимо Монтальдо — кто бы это ни был. Я готов на многое ради новостей для блога. Но я не стану выгрызать себе место под солнцем, используя этот чертеж! Это абсолютно неэтично! Где ты его украл? Кто его создал? Китайские суперинженеры в секретном бункере под Пекином?

— Я не могу рассказать это. Давай еще по бокалу вина. Может быть, сэндвич? Я бы не отказался от вкусной панчетты, — Массимо с трудом сдерживал смех.

Я позвал официанта. Рядом с телезвездой появился ее бойфренд. И это явно был не ее муж. Я уже не в первый раз упускал интересную историю из-за специализации на компьютерных гиках. Иногда я жалею, что жизнь телезвезд — не моя профессия.

— Итак, ты промышленный шпион, — сказал я ему, — и ты должно быть итальянец до мозга костей, раз ты так об этом волнуешься. Хорошо, ты где-то украл эти схемы. Я не спрашиваю, где и как. Но, позволь мне дать тебе хороший совет: ни один нормальный человек не понесет это к Оливетти. Оливетти — это периферийное оборудование. Они делают симпатичные игрушки для клерков. А мемристор — это бомба.

Массимо пялился на блондинку из телевизора и ожидал свой сэндвич.

— Массимо, подумай. Если ты воруешь что-то столь продвинутое, прорывное… чип, способный изменить баланс сил в мире. Забудь про Оливетти. Американские шпионы из АНБ и ЦРУ сбегутся к нему по первому сигналу.

— Ты действительно так беспокоишься о ЦРУ? Вряд ли они читают твой богом забытый блог, — Массимо поскреб свою немытую голову и закатил глаза в издевке.

Меня очень задело это бестактное замечание.

— Послушай, ты, мальчик-гений: что ты знаешь о деятельности ЦРУ в Италии? Люди попросту исчезают с улиц. Мы же для них просто подопытные кролики.

— Любой может исчезнуть с улиц. Я тоже периодически это делаю.

Я вынул свой блокнот и потертую капиллярную ручку от Ротринга и положил их рядом на изящный мраморный столик кафе. Затем я неторопливо убрал их обратно в карман пиджака.

— Массимо, я стараюсь усвоить твою новость, но твое наглое поведение замедляет этот процесс.

Мой источник с трудом успокаивался.

— Все очень просто, — солгал он, — я был здесь достаточно

долго, и это место меня уже утомило. Я ухожу. Я хочу вручить будущее электроники итальянской компании. Без каких-либо вопросов и ссылок на кого-то. Ты поможешь мне в этом несложном деле?

— Нет, конечно, нет! Не в таких условиях. Я не знаю даже, где ты получил эти сведения, что, как, когда, почему и от кого… Да я даже твоего настоящего имени не знаю! Я, что, похож на идиота? Я не смогу доверять тебе, пока все не узнаю.

Он сделал этот подлый намек на мою трусость. Двадцать лет назад, ну 25 — я бы предложил ему прогуляться. Конечно, я был сердит на него, но я также понимал, что он вскоре расколется. Мой источник был пьян и увяз в своих проблемах. Ему не нужна была еще и драка с журналистом. Он был готов сознаться.

— Если этот крошечный прибор для тебя слишком круто, тогда я найду другого блогера! Блогера с большой буквы! — Массимо принял очень дерзкий вид, любуясь собой в одном из высоких заляпанных зеркал кафе.

— Отлично. Действуй. Так и поступи. Можешь поговорить с Беппе Грилло.

— Этот никчемный опереточный комик? Да что он знает о технологиях? — Массимо оторвался от своего отражения.

— Тогда позвони Сильвио Берлускони. Ему принадлежат все телестанции и половина итальянского интернета. Премьер-министр — как раз то, что тебе нужно. Он сможет решить все твои проблемы и сделает тебя каким-нибудь министром.

— Мне это не нужно! Я был во многих версиях Италии. Твоя — сущий ад! Я не понимаю, как вы, люди, ладите друг с другом! — Массимо уже растерял остатки вежливости.

Он потерял над собой контроль. Теперь его надо было лишь подтолкнуть.

— А сколько версий Италии тебе надо, а Массимо?

— У меня есть шестьдесят четыре версии Италии, — он похлопал по своему ноутбуку, — и все они здесь.

— Всего шестьдесят четыре? — подколол я.

Его пьяная физиономия побагровела.

— Мне пришлось влезть с суперкомпьютер ЦЕРНа, чтобы все рассчитать! Тридцать две Италии слишком мало! Сто двадцать восемь… Мне бы не хватило времени посетить их все! А по поводу этой Италии… ну… ноги бы моей здесь не было, если бы не та девушка из Турина.

— Шерше ля фам, — ответил я, — женщина — самая старая причина всех проблем в мире.

— Я уделяю ей внимание, — признал он, покачивая своим бокалом, — примерно как тебе, только немного больше.

Я уже устал, но чувствовал, что он вот-вот расскажет свою историю. Я выбил ее из него и возможно позже смогу использовать.

— Расскажи, — что она сделала?

— Она бросила меня, — ответил он. Он рассказывал мне правду, но делал это с таким потерянным и усталым видом, будто он сам в нее до конца не верил. — Она бросила меня и вышла замуж за президента Франции. — Массимо глянул на меня, его глаза были мокрыми от слез. — Я не виню ее. Я понимаю, почему она так поступила. Я неплохой парень для девушки вроде нее, но, господи, я же не президент Франции!

— Нет, нет, ты не президент Франции, — согласился я. Президент Франции — гиперактивный венгерский еврей, любящий петь караоке. Президент Николя Саркози был не самым приятным человеком, но его странности были более заурядны, чем странности Массимо Монтальдо.

Голос Массимо ломался от волнения.

— Он сказала, что он обещал сделать ее первой леди Европы! Все, что мог предложить я — это возможность инсайдерской торговли и еще несколько миллионов к тем, что у нее уже есть.

Официант принес Массимо румяный сэндвич.

Несмотря на разбитое сердце, Массимо был голоден. Он вгрызался в еду как цепной пес, зыркая глазами из гущи майонеза.

— Тебе кажется, что я ревную? Нет, я не ревную.

Массимо именно что ревновал, но я покачал головой, чтобы подбодрить его.

— Я не могу ревновать такую женщину, как она! — Массимо поплыл. — Эрик Клэптон может ревновать, Мик Джаггер может! Она — фанатка рок-звезд, ставшая первой леди Франции! Она вышла замуж за Саркози! Твой мир полон папарацци, копов, психов и всего такого, но никто, ни на минуту не остановится и не подумает: «А нет ли в этом заслуги компьютерного гика из другого мира?»

— Нет, — признал я.

— Никто такого даже не выдумывал.

Я позвал официанта и заказал себе двойной эспрессо. Он казался довольным тем, сколько я заказывал. В «Елене» был дружелюбный персонал. Фридрих Ницше мог бы быть одним из их святых заступников.

Старые мрачные стены красного дерева видели всякое.

Массимо затолкнул в себя сэндвич и облизал пальцы.

— Итак, если я отдам этот мемристорный чип тебе, никто никогда не скажет: «Один малоизвестный гик, кушавший

сэндвичи в Турине, — самый важный человек в мире технологий.» Потому что в истину невозможно поверить.

Массимо пронзил зубочисткой последнюю оливку. Его руки тряслись от романтических переживаний и кипящей ярости. И еще он был пьян.

— Ты не следишь за моими словами. Ты действительно идиот? — он пристально посмотрел на меня.

— Я понимаю, — уверил я его, — конечно, я понимаю, я же тоже компьютерный гик.

— Знаешь, кто придумал мемристоры, а, Люка? Это был ты. Ты, понимаешь. Но не здесь, не в этой версии Италии. Здесь ты всего лишь никчемный журналист. Ты создал это в моей версии Италии, там ты гуру компьютерного дизайна. Ты — известный автор, культурный критик и вообще человек эпохи Возрождения. А здесь у тебя нет ни силы воли, ни фантазии. Ты здесь бесполезен, ты не можешь изменить этот мир.

Я не мог объяснить, почему, но я сразу же ему поверил.

Массимо подъел последние крошки. Затем он отставил свою пустую тарелку и вынул огромный нейлоновый бумажник из своих штанов карго. Его пухлый кошелек распирали разноцветные пластиковые ярлычки, что делало его похожим на закон оруэлловской бюрократии. В нем было минимум два десятка разных валют и толстая пачка разноцветных пластиковых визиток.

Он выбрал большую банкноту и с презрением бросил ее на холодный мрамор столика. Она выглядела очень похоже на деньги — она была больше похожа на деньги, чем сами деньги. На ней был портрет Галилея и надпись «Евро-Лира».

Потом он встал и вышел из кафе. Я торопливо положил загадочную купюру в карман, оставил на стол несколько евро и поспешил за ним.

Опустив голову, скиснув и бурча, Массимо уходил по огромной площади Витторио Венето, покрытой миллионами камней брусчатки. После долгих поисков он нашел самое безлюдное место на площади, каменную пустыню между рядом кованых уличных фонарей и элегантными железными перилами подземного паркинга.

Он залез в один из бездонных карманов брюк и вытащил связанные поролоновые затычки для ушей, вроде тех, что выдает «Алиталия» на международных рейсах. Потом он открыл свой ноутбук.

— Что ты здесь встал? Ловишь сигнал вай-фай? — я поймал его за руку.

— Я ухожу, — он вставил затычки в уши.

— Я провожу, не возражаешь?

— Когда я досчитаю до трех, — ответил он громче обычного, — тебе придется высоко подпрыгнуть в воздух. Или отойти от меня на расстояние.

— Так и сделаю.

— Да, еще заткни уши.

— Как я услышу, что ты досчитал до трех, если у меня будут заткнуты уши? — поинтересовался я.

Один — он нажал клавишу F1 и экран его ноутбука неожиданно осветился. Два. После нажатия F2 воздух наполнился противным, режущим ухо жужжанием. Три. Массимо поднялся в воздух.

Прогремел гром. Мои легкие переполнило резким порывом ветра. Ступни будто поджаривали на медленном огне.

Массимо пошатнулся, затем неосознанно обернулся в сторону «Елены».

— Пошли! — позвал он, вынув из уха одну из затычек. После этого он пошатнулся.

Я подхватил его компьютер, когда он споткнулся. Батарея этого монстра была обжигающе горячей.

Массимо цапнул у меня свою машину. Затем он неловко засунул его в свой саквояж.

Массимо споткнулся на выбоине. Вокруг нас было порядочно дыр в брусчатке. Почему-то множество камней встало со своих мест в мостовой и раскатилось в разные стороны, как игральные кости.

Конечно, мы были не одиноки на площади. Было несколько свидетелей нашего появления, обычных итальянцев, жителей Турина, потягивающих напитки за небольшими столиками вдалеке, под раскидистыми зонтами. Некоторые из них озадаченно смотрели на небо, будто пораженные акустическим ударом. Нами не интересовался ни один из них.

Мы побрели назад к кафе. Мои башмаки стучали как в плохой комедии. Брусчатка под нашими ногами была паршивой и лежала неровно, что плохо сказывалось на моей обуви. Блестящая лакированная кожа быстро пачкается.

Мы вошли сквозь высокие двойные двери кафе, и, несмотря на все произошедшее, я неожиданно почувствовал себя комфортно. «Елена» осталась «Еленой»: круглые мраморные столики с изящными ножками, красные кожаные кресла с блестящими медными поручнями, гигантские, потемневшие от времени зеркала… и запах, которого я там раньше не замечал.

Сигаретный дым. В кафе все курили. В кафе было прохладно — даже слегка подмораживало. Люди были одеты в свитера.

У Массимо там были знакомые. Женщина и мужчина с ней. Она кивком головы подозвала нас, а мужчина, хотя он явно знал Массимо, не выглядел довольным.

Мужчина был из Швейцарии, но он был не похож на тех швейцарцев, которых я привык видеть в Турине, вроде швейцарского банкира в отпуске, спустившегося с Альп вкусить ветчины и сыра. Этот парень был молод, опасен как ржавый гвоздь, у него были очки-консервы и длинный узкий шрам на лбу. Он носил черные нейлоновые перчатки и парусиновый пиджак с кобурой подмышкой.

Впечатляющий бюст женщины затянут в крестьянский свитер ручной вязки. В этом свитере была она вся: безвкусная, невразумительная и при этом вызывающе роскошная. Жирно подведенные тушью глаза, крашеные ногти неимоверной длины и огромные золотые часы, могущие успешно заменить кастет.

— Итак, Массимо вернулся, — прокомментировала женщина. У нее был радостный, но очень осторожный тон, как у женщины, которая рассталась с мужчиной и ищет пути примирения.

— Сегодня я с другом, — ответил он, присаживаясь на стул.

— Я заметил. И чем твой друг нас порадует? Он играет в нарды?

У пары на столе были разложены нарды. Швейцарец-наемник катал кости в чашке.

— Мы хорошо играем, — мягко произнес он. У него был очень зловещий тон киллера-профессионала, который не может себе позволить даже думать о страхе.

— Мой друг из американского ЦРУ, — сказал Массимо, — мы пришли сюда закатить грандиозную пьянку.

— Приятно познакомиться. Я говорю по— американски, мистер ЦРУ, — откликнулась женщина. Она одарила меня ослепительной улыбкой. — За какую бейсбольную команду вы болеете?

— Я болею за бостонский «Ред Сокс».

— А я за «Грин Сокс» из Сиэтла, — из вежливости отозвался он.

Официант принес бутылку хорватского фруктового бренди. Выходцы с Балкан серьезно подходили к выпивке, поэтому их бутылки отличались вычурным дизайном. Эта бутылка была просто нечто: низенькая, широкая, травленая кислотой, кривая, с длинным горлышком и изображением Тито, Насера и Нехру, поедающих друг друга. На дне бутылки лежала толстая золотая стружка.

Массимо стрельнул у женщины сигарету, засунул ее в угол рта и выдернул позолоченную пробку из бутылки. С полной

стопкой он выглядел совсем другим человеком.

— Живали! — произнесла женщина и все приняли дозу этой отравы.

Искусительница попросила звать ее Светланой, а ее швейцарский телохранитель представился Симоном.

Я, понятное дело, подумал, что объявлять меня агентом ЦРУ со стороны Массимо было глупостью, хотя этот ход заметно разрядил обстановку. Американский шпион. Ничего не надо добавлять. Никто не ждал от меня полезных навыков или каких-то полезных дел.

Я проголодался и заказал тарелку с закуской. Внимательный официант — не самый любимый мной тип официантов в этом ресторане. Он мог быть родственником хозяина. Он принес сырой лук, пикули, ржаной хлеб, длинную гирлянду сосисок и креманку с маслом. Все это лежало на иссеченной разделочной доске рядом с зазубренным чугунным ножом.

Симон отодвинул нарды.

Все эти обыденные вещи, лежащие на столе — нож, доска, даже дешевые сосиски — все было сделано в Италии. Я видел маленькие клейма итальянских производителей на всем.

— Ты охотишься в Турине, как и мы? — закинула удочку Светлана.

— Конечно, — ответил я с улыбкой.

— И что ты собираешься делать, когда его схватишь? Отдашь его под суд?

— Честный суд — это по-американски, — ответил я. Симону это показалось смешным. Он был незлым по натуре человеком. Он, наверное, по вечерам предавался экзистенциальной грусти, вспоминая как резал людям глотки.

— Итак, — продолжил Симон, водя своим облаченным в нейлон пальцем по ободку рюмки. — Даже американские эксперты считают, что Крыса появится здесь.

— «Елена» притягивает людей, — согласился я. — Здесь всем нравится. Вы согласны?

Всем нравится, когда с ними соглашаются. Им было приятно услышать мою похвалу. Возможно, я не выглядел и не говорил как американский агент, но когда ты шпион, пьешь фруктовое бренди и поглощаешь сосиски, на мелкие недочеты не обращают внимания.

Мы все были исполнены смысла.

Массимо положил локти на наш маленький столик и облокотился на них.

— Крыса не дурак. Он планирует перейти через Альпы еще раз. Он вернется в Марсель и Ниццу. Он соберет свое ополчение.

Симон остановился, не донеся до рта кусок кровяной колбасы.

— Ты правда в это веришь?

— Конечно! Как там сказал Наполеон? «Смерть миллионов ничего не значит для человека вроде меня!» Это невозможно — загнать в угол Крысу Николя. Крыса — это бич божий.

Женщина посмотрела Массимо прямо в глаза. Массимо был информатором. Будучи женщиной, она неоднократно слышала ложь и привыкла к ней. Она также знала, что никто не может лгать все время.

— Итак, сегодня он в городе, — подытожила она.

Массимо ответил ей молчанием.

Она перевела взгляд на меня. Я молча сделал умное лицо.

— Послушай, американский шпион, — сказал он вежливо, — вы, американцы, простые, честные люди, склонные к прослушиванию телефонных разговоров… Твоя совесть не пострадает, если Николя Саркози найдут утонувшим в реке По. Вместо того, чтобы дразнить меня, как это делает Массимо, почему бы просто не сказать, где Саркози? Мне надо знать.

Я хорошо знал, где должен быть президент Николя Саркози. Он должен быть во дворце на Елисейских полях, заботиться о проведении экономических реформ.

Симон проявил настойчивость.

— Ты не хочешь сказать нам, где находится Крыса? — Он показал мне ряд зубов, в ряду которых была золотая заплатка. — Расскажи нам! Это поможет Международному Справедливому Суду в решении этого дела.

Я не знал Николя Саркози. Я встречал его дважды, когда он был французским министром связи, тогда он продемонстрировал, что разбирается в интернете. Тогда он не был еще президентом Франции и был не в Елисейском дворце, тогда, будучи журналистом, я мог предсказывать, где он будет.

— Ищите женщину, — сказал я.

Симон и Светлана обменялись загадочными взглядами. Они хорошо знали друг друга и ситуацию, им не надо было обсуждать дальнейшие действия. Симон подозвал официанта. Светлана бросила монету на стол. Они собрали нарды, отодвинули свои кожаные кресла. Затем они покинули кафе, так и не произнеся ни слова.

Массимо встал. Он занял кресло Светланы, видимо, чтобы держать в поле зрения двойные двери. Потом он стал осваивать оставленную ею пачку турецких сигарет.

Я подробно рассмотрел оставленную монету. Она была большой, круглой, отчеканена из серебра, с гравировкой в виде

Тадж Махала. «Пятьдесят динаров» — было написано на ней латиницей, хинди, арабской вязью и кириллицей.

— Царящий вокруг бардак меня очень раздражает, — пожаловался Массио. Он неаккуратно заткнул бутылку с бренди изукрашенной пробкой. Он порезал пикули и сделал бутерброд с черным хлебом.

— Он придет сюда?

— Кто?

— Николя Саркози. Николя Крыса.

— Ах, этот, — ответил Массимо, жуя свой хлеб. — Я полагаю, что в этой версии Италии Саркози уже мертв. Здесь достаточно людей, желающих его смерти. Арабы, китайцы, африканцы… он уничтожил экономику юга Франции! Награда за его голову достаточно велика, чтобы купить Оливетти, по крайней мере, то немногое, что от него здесь осталось.

Я здорово замерз в своем летнем пиджаке.

— Почему тут так чертовски холодно?

— Климатический сдвиг, — ответил Массимо. — Не в этой Италии, в твоей Италии. В твоей Италии климат не выдержал людей. В этой — не выдержали сами люди. Вскоре после Чернобыля рванул большой французский реактор на границе с Германией… и все вцепились друг другу в глотки. Здесь в НАТО и Евросоюзе живут хуже, чем за железным занавесом.

Массимо гордился, рассказывая мне это. Я забарабанил пальцами по прохладной поверхности стола.

— Долго ты до этого докапывался?

— Источник различий всегда лежит в 80-х, — сказал Массимо. — В это время были совершены грандиозные технические открытия.

— В твоей Италии — ты это имел в виду?

— Верно. В конце 70-х никто еще не понимал физику параллельных миров… но после смены парадигмы мы смогли впихнуть генератор абсолютной энергии в ноутбук. Решили все проблемы одной микросхемой.

— Здесь умеют делать МЕМС-чипы, — сказал я.

Он съел еще хлеба и пикулей. Затем кивнул.

— У тебя есть МЕМС-технологии, а ты предлагаешь мне какие-то занюханные мемристоры? Ты меня совсем за идиота держишь?

— А ты не дурак, — Массимо отрезал еще ломоть черного хлеба. — Но ты не с этой Италии. Твой собственный мир сделал тебя тем, что ты есть, Люка. В моей Италии ты один из немногих людей, кто может договориться с моим отцом. Мой отец доверяет тебе. Он верит тебе, он думает, что ты великий писатель. Ты

написал его биографию.

— Массимо Монтальдо, господин, — сказал я.

Массимо выглядел напуганным.

— Да, это он, — Он прищурил глаза. — Ты не можешь этого знать.

Я угадал это. Многое можно узнать, благодаря одной удачной догадке.

— Расскажи, что ты чувствуешь по этому поводу? — сказал я, этот вопрос очень удобен для интервьюера, когда он не знает что спросить.

— Я в отчаянии, — сказал он, ухмыляясь, — в отчаянии. Но здесь мне гораздо лучше, чем там, где я был раньше, когда я был наркоманом и сыном известного ученого. Прежде чем ты встретил меня, Массимо Монтальдо, что ты слышал об этом человеке — «Массимо Монтальдо»?

— Нет. Никогда.

— Ты и не мог. Я не существую ни в одной другой версии Италии. Нет других Массимо Монтальдо. Я никогда не встречался со своей копией, и никогда не встречал версию своего отца. Это может быть очень важно. Я знаю, это что-то да значит.

— Да, — сказал я, — это определенно что-то значит.

— Я думаю, — произнес он, — что я понял причину этого. Это потому, что время и пространство это не только параметры. Это значит, что люди оказывают влияние на глобальные события. Мы действительно можем изменить мир своими действиями.

— Человеческая точка зрения, — сказал я, — хорошая основа для истории.

— Это верно, но попробуй рассказать эту историю, — ответил он, наблюдая, как падают слезы, — расскажи эту историю какому-нибудь человеку! Давай, рассказывай! Рассказывай это всем здесь!

Я осмотрелся вокруг. Тут было несколько людей, постоянных посетителей, самых обычных людей, их было около дюжины. Ничем не примечательные, не чудаки и не придурки, просто нормальные люди. Будучи обычными людьми, они интересовались только своими проблемами и делали свои ежедневные дела.

Когда-то в «Елену» приносили ежедневные газеты. Газеты выкладывались для посетителей на специально поставленной длинной деревянной стойке.

В моем мире этого больше не делали. Слишком мало газет и слишком много интернета.

Здесь в «Елене» газеты до сих пор лежали на деревянной стойке. Я встал со стула и просмотрел их. В основным это были иностранные газеты на хинди, арабском и сербохорватском. Мне

пришлось попотеть, пока я нашел местные газетенки на итальянском. Их было две, обе напечатаны на поганой серой бумаге, испещренной пятнами от плохо переработанной древесины.

Я взял более толстую из них газету за столик. Я пробежался глазами по заголовкам и прочитал первые строки. Очень скоро я понял, что читаю полное вранье.

Новости не были чересчур плохи или лживы. Но было понятно, что здесь газеты читают не для того, чтобы узнавать новости. Итальянцы были скромными, колониальными людьми. Новости, напечатанные в газете, были сборником нереальных фантазий. Все важные новости люди узнавали где-то еще.

В этом мире было нечто, известное как «Центристское движение». Оно распространилось от Балтики по меньшей мере до Балкан, по всему арабскому миру, а также в Индии. Япония и Китай придерживались мнения, что центристы — мощное движение и потому достойны уважения. Америка здесь — задворки цивилизации, где фермеры-янки усердно молятся в церквях.

Те, другие места, в которых что-то происходило — Франция, Германия, Англия, Брюссель, — они были призрачными и никому не интересными местами. Их названия были набраны с ошибками.

На моих пальцах остались дешевые черные чернила. У меня больше не был вопросов к Массимо кроме одного: «Когда мы покинем это место?»

Массимо отрезал и намазал на хлеб кусочек масла.

— Я никогда не искал самый лучший из возможных миров, — сообщил он. — Я искал мир, где мне будет лучше всего. В Италии, похожей на эту, я действительно что-то значу. Твоя версия Италии — так себе, но здесь произошел обмен ядерными ударами. В Европе случилась гражданская война, а большинство городов СССР превратились в озера черного стекла.

Я достал свой блокнот от Молескина из кармана пиджака. Каким красивым и дорогим выглядел этот блокнот на фоне серой газетной бумаги.

— Не возражаешь, если я законспектирую это?

— Я знаю, что тебе это не нравится, но, поверь мне, история создается по-другому. В истории нет «плохих» и «хороших» парней. У этого мира есть будущее. Дешевая еда, стабильный климат, красивые женщины… и, поскольку в Европе осталось только три миллиарда человек, тут достаточно места.

Массимо указал своим кривым сосисочным ножом на стеклянные двойные двери кафе.

— Никто не спрашивает ID, не беспокоится о паспортах… Они даже не слышали об электронном банкинге! Хваткий парень вроде тебя может выйти из кафе и основать сотню производств.

— Если мне не перережут глотку.

— Люди всегда обращают на это слишком много внимания! Самая большая сложность — найти человека, который готов работать. Я изучал это место, потому что считаю, что могу стать героем здесь. Большим, чем мой отец. Я буду энергичнее, чем он, богаче, чем он, известнее, сильнее. Я буду лучше! Но это тяжело. Делать мир лучше — совсем не весело. Это проклятие, это рабство.

— А что сделает тебя счастливым, а, Массимо?

Я понял, что Массимо подробно прорабатывал этот вопрос.

— Проснуться в хорошем отеле с роскошной девушкой в постели. Это правда! И это будет верно для любого мужчины в мире, если он будет честен с собой.

Массимо отбил горлышко изысканной бутылки из-под бренди своим кривым ножом.

— Моя девушка, Светлана, она это хорошо понимает, но она — человек другого сорта. Я здесь пьянствую. Я люблю пить, я признаю это — но здесь это принято. Эта версия Италии находится в сфере влияния могущественных здесь югославов.

Я до сих пор был в норме, учитывая обстоятельства. Неожиданно начался ночной кошмар, абсолютный, полный и непроглядный. У меня по спине бегали уже не мурашки, а ледяные скорпионы. У меня возникло сильное, безумное, животное желание выскочить из кресла и убежать из этой жизни.

Я мог выйти из этого приятного кафе и раствориться на сумеречных улицах Турина. Я знал этот город и понимал, что Массимо никогда меня там не найдет. Впрочем, он бы не стал этим заниматься.

Еще я понимал, что окажусь в мире, о котором не знаю ничего, кроме того, что прочел в газете. Этот внушающий ужас мир будет с этого момента и моим миром. Этот мир не будет странным для меня или кого-то еще. Этот мир станет реальностью. Это не ужасный мир, это совершенно нормальный мир. А вот я был здесь чужаком. Я был одиноким чужаком здесь, и это было совершенно нормально.

Эта мысль заставила меня потянуться за стопкой. Я выпил. Это нельзя было назвать хорошим бренди. Но оно имело сильный вкус. Оно было очень ядреным. Это было что-то за гранью добра и зла.

В разбитых ботинках мои ноги немилосердно болели и чесались. На них возникли волдыри, их жгло. Возможно, я должен

радоваться оттого, что мне повезло, что мою больную ногу еще не отрезали. Мои ноги не были отрезаны и потеряны в какой-то черной дыре между мирами.

Я поставил стопку на стол.

— Мы можем уйти сейчас? Это возможно?

— Конечно, — сказал Массимо, усаживаясь поглубже в уютное красное кожаное кресло. — Давай только сначала дернем кофейку, ага? В «Елене» варят замечательный арабский кофе. Тут его готовят в больших медных джезвах.

Я показал ему серебряную монету.

— Нет, наш счет уже оплачен, верно? Так что давай просто уйдем.

Массимо уставился на монетку, перебросил ее с аверса на реверс, затем положил ее в карман.

— Хорошо, я опишу наши возможности. Мы можем побывать в «Югославской Италии», я бы сказал, что это место с интересными перспективами. Но есть и другие варианты, — он забарабанил пальцами по столу. — Есть Италия, где движение «Нет атому» победило в 80-е. Помнишь их? Горбачев и Рейган принесли мир на этот шарик. Все разоружились и стали счастливы. Больше не было войн, экономика везде росла… Мир и справедливость, процветание всюду на земле. Вот тут климат и взорвался. Последние выжившие итальянцы живут высоко в Альпах.

— Нет, — уставился на него я. — Я понимаю. Наверное, они очень приятные люди. Они действительно уникальны и держатся друг за друга. Они усердно стараются выжить. Они очень приятные и цивилизованные. Скажи, мы можем просто вернуться в мою версию Италии?

— Да, но не напрямую. Есть версия Италии, достаточно близкая к твоей. После смерти Иоанна Павла Второго очень быстро избрали нового папу. Это был не ваш польский антикоммунист, новый папа оказался педофилом. Был грандиозный скандал, и церковь рухнула. В той версии Италии все, даже мусульмане, — секулярны. В церквах устроены бордели и дискотеки. Там не используют слова «вера» и «мораль».

Массимо вздохнул, затем потер свой нос.

— Возможно ты полагаешь, что конец религии сильно изменит жизнь людей. Ну… это не так. Они считают это правильным. Они не ощущают нехватки религии, как ты не ощущаешь нехватки веры в учение Маркса.

— И мы должны отправиться в ту Италию, и потом из нее в мою Италию. Идея в этом?

— Твоя Италия скучна! Девушки там скучны! Они относятся к

сексу настолько свободно, будто они живут в Голландии. — Массимо с сожалением покачал головой. — А сейчас я расскажу тебе об Италии, которая отличается от твоей и очень интересна.

Я смотрел на срез сосиски. Яркий кусочек хряща в ней был очень похож на кость какого-то маленького животного.

— Хорошо, Массимо, я слушаю.

— Откуда бы я не отправлялся к другому миру, я всегда появляюсь на площади Витторио Венето, — начал он, — площадь очень велика и тут обычно немноголюдно, я не хочу повредить кому-либо своим приходом. Плюс, я знаю Турин, я знаю все промышленные компании здесь, поэтому мне есть чем здесь заняться. Но однажды я видел этот город без электричества.

Я вытер холодный пот со своих рук грубой матерчатой салфеткой.

— Скажи, Массимо, что ты об этом думаешь?

— Это непередаваемо. Там нет электричества. Нет проводов, линий электропередач. Там масса людей, хорошо одетых, яркие цветные лампы, и какие-то штуки, летающие по небу… это большие самолеты, большие, как океанские лайнеры. У них есть какая-то энергия, но это не электричество. Они прекратили использовать электричество. В 80-х.

— Турин без электричества, — повторил я, просто чтобы показать, что внимательно его слушаю.

— Да, это занимательно, не правда ли? Как Италия может отказаться от электричества и заменить его другим источником энергии? Я полагаю, они освоили холодный ядерный синтез! Холодный синтез был одним из поворотных точек в 80-х. Но я не могу исследовать тот Турин, я не могу зарядить мой ноутбук. Но ты можешь придумать, как это сделать! Ты считаешь себя всего лишь журналистом? Все что тебе нужно для решения — карандаш!

— Я не большой эксперт в физике, — сказал я.

— Бог мой. Я и забыл, что разговариваю с человеком из безнадежного мира Джорджа Буша, — сказал он. — Тогда слушай, тупица: физика достаточно проста. Физика проста и изящна, потому что она структурирована. Я понял это в три года.

— Я только писатель, я не ученый.

— Ну, ты конечно же слышал о непротиворечивости.

— Нет, никогда.

— На самом деле ты о ней слышал. Даже в твоем мире идиотов люди знают о ней. Непротиворечивость значит, что человеческое знание имеет общую основу.

Блеск в его глазах мне уже надоел.

— Почему это важно?

— В этом вся разница между твоим миром и моим миром! В твоем мире должен быть замечательный физик… Доктор Итало Кальвино.

— Известный писатель, — сказал я, — он умер в 80-е.

— Кальвино не умер в моей Италии, — ответил он. — в моей Италии Итало Кальвино завершил свои «Шесть Принципов».

— Кальвино писал «Шесть памяток», — сказал я, — он сочинял шесть посланий новому поколению. Успел закончить он только пять из них, потом его сразил инфаркт, и он умер.

— В моем мире у Кальвино не случилось инфаркта. Вместо этого у него был всплеск гениальности. Когда Кальвино завершил свою работу, те шесть лекций оказались не только наставлениями. Он отправил их на шесть адресов организаций в Принстоне. Когда Кальвино отправил письма, он дал грандиозную речь о «Совместимости», и аудитория была переполнена. Учеными. Мой отец тоже там был.

Я сделал пометку в своей тетради. «Шесть Принципов». Я торопливо нацарапал: «Кальвино, Принстон, Непротиворечивость».

— Родители Кальвино были учеными, — развивал мысль Массимо. — Его брат тоже. Его литературный кружок посещало немало математиков. Когда Кальвино опубликовал свои совершенно гениальные послания, никто не удивился.

— Я знал, что Кальвино — гений, — сказал я. Я был молод, но нельзя писать на итальянском и не знать Кальвино. Я видел, как он сгорбленный, шаркающей походкой брел по одной из галерей в Турине. Он всегда казался скрытным и погруженным в себя. Было достаточно увидеть этого человека, чтобы понять, что он самый известный в мире писатель.

— Когда Кальвино закончил свои шесть лекций, — размышлял Массимо, — они отвезли его в Женеву, в ЦЕРН и заставили работать над «Семантической паутиной». Она, кстати, замечательно получилась. Она не похожа на ваш интернет, набитый спамом. — Он положил сосисочный нож на заляпанную маслом салфетку. — Мне, наверное, следует пояснить. Семантическая паутина замечательно работает — и на итальянском языке. Это все потому, что она сделана в Италии. Им, правда, немного помогали несколько французских писателей из Аулипо[55].

— Когда мы уже сможем уйти отсюда? Отправиться в Италию, о которой ты травишь истории? А из нее попасть в мою родную Италию?

— Ситуация сложная, — бросил Массимо и поднялся, — присмотри за сумкой, хорошо?

Он двинулся к туалету, оставив меня размышлять над тем, как осложнилась наша ситуация.

Я сидел в одиночестве, уставившись на корковую пробку от бренди. Мой мозг закипал. Необычность ситуации сожгла какой-то предохранитель в моем мозгу, и я ничему не удивлялся.

Я считаю себя умным — я могу писать на трех языках и разбираюсь в технике. Я могу общаться с инженерами, дизайнерами, программистами, инвесторами и чиновниками на серьезные, сложные темы, которые люди считают важными. Судя по всему, я был умным.

В своей жизни я совершал большие глупости, чем те что я делал сейчас.

В этом ужасном мире, с насквозь прокуренной «Еленой», оборванными аборигенами, читающими свои замызганные газеты, я знал, что здесь есть применение для моей гениальности. Я был итальянцем и поэтому я мог встряхнуть этот мир до основания. Я не использовал свою гениальность, потому что она никогда не требовалась. Мне приходилось быть идиотом, поскольку я жил в мире посредственностей.

Теперь я жил вне всех миров. У меня не было дома. Это снимает множество запретов.

Идеи могут изменить мир. Мысли меняют мир — мысли можно записать. Я забыл, что создание текстов может быть потребностью, что текст может изменить историю, что литература важна для людей. Чертовски обидно, но я уже не верил, что такие вещи вообще возможны.

Кальвино умер от инсульта: это я знал. Какая-то артерия в его голове лопнула, когда он с присущей ему энергией создавал манифест, определивший следующее тысячелетие. Конечно это стало грандиозной потерей, но как возможно предсказать последствия такого рода? Всплеск гениальности — это черный лебедь, непредсказуемый и неожиданный. Если он не случился, то его отсутствие невозможно заметить.

Разница между версией Массимо и моей Италией была незаметна до и невероятна после расхождения. Это было как разница между человеком, которым я был сейчас и мной же час назад.

Черного лебедя нельзя предсказать, ожидать или характеризовать. Черный лебедь, когда он появляется, не кажется черным лебедем. Когда он приходит, разрушая устои взмахами крыльев, нам приходится переписывать историю.

Иногда журналисты рассказывают о новостях, которая становятся первой ласточкой нового мира.

В новостях никогда не сообщали, что произошел черный

лебедь. Журналисты никогда не говорят, что наша вселенная зависит от случая, что наши судьбы зависят от вещей недоступных нашему пониманию или сущих мелочей. Мы никогда не сможем принять независимость черность лебедей. В новостях не скажут о том, что новости могут не иметь смысла. Наши новости рассказывают о том, что мы понимаем.

Когда наш разум сталкивается с невозможным, мы моментально превращаемся в животных, и наш разум к нам уже не возвращается. Мы прикидываемся, что все в порядке, но это иллюзия. Конечно, рассудок теряется не в прямом смысле. Не важно, что это за новость, мы всегда адекватны и сдержаны. Вот что мы говорим друг другу.

Массимо вернулся за столик. Он был очень пьян и неважно выглядел.

— Ты бывал когда-нибудь в туалете с дыркой в полу? — спросил он, ковыряя в носу. — Лучше не ходи туда.

— Я думаю, что настало время отправиться в твою Италию, — сказал я.

— Я могу это сделать, — согласился он с ленцой, — хотя у меня есть одна проблема здесь… и эта проблема — ты.

— Почему я — проблема?

— В той Италии есть другой Люка. Он не похож на тебя, это популярный писатель, он очень известный и богатый человек. Он не найдет тебя смешным.

Я обдумал это. Он старался заставить меня ревновать к самому себе. Я не мог исправить это, и я разозлился.

— Ты полагаешь, я смешон, Массимо?

Он перестал пить, но то убойное бренди все еще булькало у него в глотке.

— Да, Люка, ты смешон. Ты — олух. Ты — несмешная шутка. Особенно в этой версии Италии. И особенно сейчас, когда ты наконец в курсе. У тебя сейчас лицо похоже на морду дохлой рыбы. — Он рыгнул в кулак. — Теперь, наконец, тебе кажется, что ты все знаешь, но это не так. Пока нет. Послушай, я создал этот мир перед тем, как появился здесь. Когда я нажал F3, и поле переместило меня сюда. Без меня, наблюдателя, эта вселенная никогда не появилась бы.

Я оглянулся, обозреть то, что Массимо назвал вселенной. Это было итальянское кафе. Мраморные столик передо мной был прочным, как скала. Все вокруг было плотным, нормальным, реальным, понятным и предсказуемым.

— Конечно, — сказал я ему. — И еще ты создал мою вселенную. Ты не просто гадкий утенок. Ты бог.

— Черный лебедь — ты так меня назвал, — он самодовольно

улыбнулся и посмотрелся в зеркало. — Вам, журналистам, для всего нужен заголовок.

— Ты всегда носишь черное, — сказал я. — Это потому что на черном незаметна грязь?

Массимо застегнул свой черный шерстяной пиджак.

— Он становится хуже, — сказал он, — когда я нажимаю клавишу F2, прежде чем устанавливается поле… Я создаю множество потенциальных историй. Каждая со своей душой, этикой, мыслями, историей, судьбой, ну всем. Все эти миры становятся живыми на несколько наносекунд, пока чип выполняет программу, и потом они все исчезают. Как будто ничего и не было.

— Ты так перемещаешься? Из мира в мир?

— Да, именно так, дружище. Этот гадкий утенок способен летать.

Один из официантов подошел убрать столик.

— Немного рисового пудинга? — предложил он.

Массимо был вежлив.

— Нет, спасибо, сэр.

— На этой неделе у нас замечательный шоколад! Только из Южной Америки.

— Да, там делают замечательный шоколад. — Массимо сунул руку в карман. — И мне его действительно хочется. Сколько ты дашь мне за это?

— Это женское обручальное кольцо. — Официант осторожно взял его.

— Да, так и есть.

— Это не настоящий алмаз. Этот камень больше, чем это возможно для настоящего алмаза.

— Ты дурак, — сказал Массимо, — но это твои проблемы. Я очень хочу шоколада. Почему бы тебе все-таки не принести плитку?

Официант пожал плечами и отошел.

— Итак, — подвел итог Массимо. — Я не считаю себя богом, я, если говорить в этих терминах, целый пантеон. Как ты знаешь, поле перехода всегда наводится на площадь. Поэтому я здесь. Я выхожу из этого кафе, пошатываясь и в облаке пыли. У меня ничего нет, кроме того, что лежит у меня в голове и в карманах. И так всегда.

Дверь в «Елену» с громким звоном индийских колокольчиков распахнулась. Внутрь вошла группа из пяти мужчин. Я мог принять их за копов, из-за их пиджаков, поясов, дубинок и пистолетов, но туринская полиция не пила на работе. Еще они не носили красные нарукавники с перекрещенными молниями.

В кафе вошли новые гости и сразу наступила тишина. Они начали обыскивать персонал, от них пахло опасностью.

Массимо поднял воротник и невозмутимо уставился на свои скрещенные руки. Массимо обдумывал сложившуюся ситуацию. Он сидел в углу, черный, молчаливый, загадочный. Должно быть, он молился.

Я не стал пялиться на захватчиков. Мне было неприятно на это смотреть, но даже для стороннего наблюдателя в происходящем было несложно разобраться.

Дверь туалетной комнаты открылась. Оттуда вышел невысокий мужчина в шинели. У него была потухшая сигара, зажатая в зубах, и шляпа, как у Алена Делона.

Он был хорошо сложен. Люди всегда недооценивают красоту, мужской шарм Николя Саркози. Он иногда казался слегка странным, например, когда он загорал полуголым и появлялся в таком виде в популярном таблоиде, но в личном общении его харизма довлела. Он был человеком, с которым вынужден считаться любой мир.

Саркози за несколько секунд осмотрел кафе. Потом он молча и решительно двинулся вдоль темной стены красного дерева. Он оттопырил один локоть. Прогремел гром. Массимо упал лицом вперед на маленький мраморный столик.

Саркози с легкой досадой смотрел на дымящуюся дырку в кармане своей стильной полушинели. Потом он посмотрел на меня.

— Ты тот журналист, — сказал он.

— У вас хорошая память на лица, месье Саркози.

— Верно, дубина, она именно такая. — Его итальянский был не очень хорош, но все равно лучше, чем мой французский. — Ты продолжишь «защищать» свой мертвый источник здесь? — Саркози мстительно пнул тяжелый стул Массимо, отчего мертвец, его стул, его стол и его простреленная голова упали на пол кафе с громким стуком.

— Это твоя история, мой дорогой друг, — Саркози сказал мне. — Я дарю ее тебе. Можешь ее использовать в своих розовых журнальчиках.

Потом он начал отдавать приказы своим убийцам в форме. Они сгруппировались вокруг него в отряд поддержки, и их лица были полны уважения.

— Теперь ты можешь выходить, дорогая, — позвал Саркози, и из мужской комнаты вышла женщина. Она носила маленькую стильную гангстерскую шляпу и сшитый на заказ камуфляжный жакет. Она несла большой черный чехол от гитары. И еще старый радиотелефон, огромный, как кирпич.

Откуда он знал, что эта женщина полчаса пряталась в душном туалете кафе, я не знаю. Но это была она. Это определенно была она, и она не была бы более сдержанной и спокойной даже на встрече с королевой Англии.

Они ушли все вместе, единым, хорошо вооруженным отрядом.

Нежданное событие в «Елене» создало суматоху. Я отодвинул кожаный саквояж Массимо от растекающейся лужи крови.

Мои коллеги-покровители были ошеломлены. Они были глубоко поражены, даже обескуражены. У них не было никаких путей решения проблемы.

Один за другим они поднимались и выходили из бара. Они покидали это приятное, старое место молча, не торопясь и не глядя друг на друга. Они выходили через скрипящие двери на самую большую площадь в Европе.

Потом они исчезли, каждый, торопясь в свой собственный мир.

Я прогуливался по площади под приятным весенним небом. Ночь оказалась холодная, как это бывает весной, а бесконечное темно-синее небо было чистым и прозрачным.

Экран ноутбука ярко осветился, когда я нажал F1, Потом я нажал F2 и затем F3.

http://translatedby.com/you/black-swan/into-ru/trans/

Перевод: © Дмитрий Кулаков.

Интерсеть

Лет тридцать назад корпорация RAND, американский мозговой центр холодной воины, столкнулась с необычной стратегической проблемой. Каким образом власти США могли бы сообщаться друг с другом после атомной катастрофы?

Постъядерной Америке понадобится административно-командная сеть, протянутая от юрода к городу, от штата к штату, от базы к базе. Однако независимо от оснащения и защиты этой сети ее коммутатор и кабель всегда будут уязвимы при взрыве атомной бомбы. Ядерная атака повергнет в прах любую сеть такого рода.

А как будет контролироваться и управляться сама система связи? Очевидно, что любая цитадель центральной власти сразу станет мишенью для ракеты противника. И первой целью станет центр сети.

RAND ломала голову над этой задачкой, наглухо засекретив всю работу, и нашла дерзкое решение. Предложение сотрудника корпорации. Пола Барена стало известно общественности в 1964 г. Во-первых, сеть не должна иметь центрального управления. Более того, с самого начала она должна быть приспособлена к работе в экстремальных условиях.

Принципы были просты. Раз и навсегда сама система была признана ненадежной. Она должна быть сконструирована таким образом, чтобы перескочить барьер собственной ненадежности. Все узлы сети должны обладать одним и тем же статусом, с собственным правом создавать, передавать и принимать сообщения. Сами сообщения будут разделены на пакеты, каждый из которых будет иметь отдельного адресата Формирование каждого пакета начинается из особого узла-источника и заканчивается в особом месте назначения. Каждый пакет совершает свой путь самостоятельно.

Маршрут, которым следует пакет, не важен. Все решает только конечный результат. По существу, пакет будет перекидываться, как горячая картошка, от узла к узлу, более или менее по направлению к месту назначения, пока не достигнет цели. Если большие участки сети будут взорваны, ничего страшного не произойдет, пакеты просто повиснут в воздухе, настолько рассеянные по земле, что сохранятся, даже если случайно выживет один единственный узел. Этот до некоторой степени бессистемный метод доставки был бы «неэффективным» в обычном понимании (в сравнении, скажем, с телефонной системой) — зато чрезвычайно надежным.

В 60-х эта интригующая концепция децентрализованной, защищенной от повреждений сети рассматривалась в RAND, в Массачуссетском Технологическом институте и в Калифорнийском университете. Государственная физическая лаборатория Великобритании установила первую пробную систему, построенную на этих принципах в 1968 году. Вскоре после того Главное исследовательско-проектировочное Агентство (ARPA) Пентагона решило реализовать более масштабный проект в США. Узлами сети станут высококлассные супер-компьютеры (или их более совершенная модификация в будущем). Это были редкие и дорогие машины, которым действительно необходима надежная сеть при работе с государственными исследовательскими проектами.

Осенью 1969 года первый такой узел был установлен в UCLA. К декабрю 1969 года существовало уже четыре узла зарождающейся сети, которую назвали ARPANET в честь ее пентагоновского патрона.

Четыре компьютера могли пересылать информацию по созданным высокоскоростным линиям передач. Они даже могли быть дистанционно запрограммированы с других узлов. Благодаря ARPANET, ученые и исследователи имели возможность распределять функции компьютеров с одного на другой на большом расстоянии. Это была очень удобная связь, поскольку в 70-х компьютерное время было дорогостоящим. В 1971 в ARPANET работало уже пятнадцать узлов, в 1972 — тридцать семь. Все шло отлично.

На втором году работы, однако, выяснился странный факт. Пользователи ARPANET преобразовали компьютерно-распределительную сеть в некую готовую высокоскоростную, субсидируемую государством электронную почту. Основное движение на ARPANET уже не было дистанционным программированием. Напротив, это были сплошные новости и личные послания. Исследователи пользовались ARPANET при сотрудничестве по созданию проектов, для обмена рабочей информацией и, наконец, для передачи откровенных сплетен. Люди извлекали личную пользу из компьютеров ARPANET и имели собственные адреса в электронной почте. Они не только использовали ARPANET для сообщения друг с другом, но и работали при этом с большим с энтузиазмом, чем занимаясь дистанционным программированием.

Это было незадолго до изобретения списка адресатов передающего устройства ARPANET, по которому одна и та же информация может посылаться автоматически огромному количеству абонентов сети. Интересно, что один из первых

действительно крупных списков был «SF-LOVERS» — для любителей научной фантастики. Обсуждение фантастических историй не имело никакого отношения к работе и заставляло хмуриться многих компьютерных администраторов ARPANET, но это не остановило уже начавшегося процесса.

В 70-х ARPA-сеть росла. Ее децентрализованная структура облегчала экспансию. В отличие от стандартных корпоративных компьютерных сетей ARPA-сеть может приспосабливаться к машинам любого типа. Пока индивидуальные машины могли говорить на универсальном языке новой анархической сети, их заводское клеймо, их содержание, и даже их хозяева — все это значения не имело.

Исходный стандарт сообщений ARPA был известен как NCP, «Протокол управления сетью», но шло время, техника совершенствовалась, и NCP был вытеснен стандартом более высокого уровня и более изощренным, так называемым TCP/IP. TCP, или «Трансмиссионный контрольный протокол», превращал поступающую информацию в потоки пакетов в начале, а затем обратно в сообщения в конечной точке. IP, или «Интерсетевой протокол», контролировал адресацию, прослеживал ее по маршруту движения пакетов через многочисленные узлы, даже многочисленные сети с различными стандартами — не только ARPA осваивала стандарт NCP, но и другие, вроде сети Эзернет (Ethernet), FDDL и сетевого протокола X25.

Уже в 1977 году TCP/IP использовалась другими сетями для связи с ARPANET Сама ARPANET оставалась под довольно твердым контролем, по крайней мере до 1983 года, когда ее военная часть отделилась и стала называться MILNET. Но TCP/IP объединяла их всех. И сама ARPANET в процессе своего развития превращалась лишь в маленького соседа огромной разросшейся галактики других подсоединенных машин. Шли 70-е, 80-е, многие совершенно разные социальные группы посвятили себя овладению могущественными компьютерами. Было совсем несложно подсоединить эти компьютеры к растущей «сети сетей». Пока расширялось использование TCP/IP, другие сети попадали в электронные объятия Интерсети и объединялись. С тех пор как компьютерное обеспечение под названием TCP/IP стало общественным достоянием, а базовая технология была децентрализована, будучи к тому же совершенна анархична по своей природе, было трудно удержать людей от вторжения и подсоединения то тут, то там. Фактически никто не хотел остановить их от включения в этот разветвленный комплекс сетей, известный как «Интерсеть».

Подключение к Интерсети стоило налогоплательщику

немного или ничего, поскольку каждый узел был независимым, имел свое собственное финансирование и техническое обслуживание. Дальше — больше. Подобно телефонной сети, компьютерная сеть неуклонно становилась все более ценной по мере того, как она объединяла людей и ресурсы на все больших территориях.

Факсовый аппарат стоит чего-нибудь лишь в том случае, если такой аппарат есть еще у кого-то. Без этого факс — всего лишь безделушка. Также и ARPANET некоторое время оставалась курьезом. Затем компьютеризация стала крайней необходимостью.

В 1984 году в игру вступил Национальный научный фонд (NSF) через посредничество Отдела по научному развитию компьютеризации. Новая NSFNET установила равномерный темп развития, связывая новейшие, самые высокоскоростные суперкомпьютеры через более тонкие и быстрые соединения, раз за разом все более совершенствуясь и расширяясь, в 1986, 1988, 1990 годах. Приобщились и другие государственные структуры: НАСА, Национальный институт здравоохранения, Департамент энергетики — все они удерживали диктат в конфедерации Интерсети.

Узлы этой растущей сети сетей относились к различным базам. Иностранные компьютеры, а также некоторые американские, предпочли пометки по географическому положению. Другие были сгруппированы в шести базовых «владениях» Интерсети gov, mil, edu, com, org и net. (Эти малопривлекательные сокращения являются стандартной чертой протоколов TCP/IP.) Gov, mil и edu обозначают правительственные (governmental), военные (military) и учебные (educational) учреждения, которые были, без сомнения, первопроходцами, когда ARPANET начала высокотехнологические исследования по национальной безопасности. Сот, в свою очередь, употреблялось для «коммерческих» учреждений, которые ворвались в сеть как быки на родео, окруженные пыльным облачком малодоходных, но энергичных «орг-ций». (Компьютеры «net» служили связующим звеном между сетями.)

Сама ARPANET формально была закончена в 1989 году, став счастливой жертвой собственного успеха. Ее пользователи вряд ли заметили это, ведь функционирование ARPANET не только продолжалось, но и неуклонно совершенствовалось. Теперь использование TCP/IP стало глобальным. В 1971 году, всего лишь двадцать один год назад, в сети ARPANET было только четыре узла. Сегодня существуют десятки тысяч узлов Интерсети, разбросанных по более чем сорока двум странам, и число их

увеличивается день ото дня. Три, возможно, даже четыре миллиона людей пользуются этой гигантской матерью-всех-компьютерных-сетей.

Интерсеть особенно популярна среди ученых и, вероятно, является важнейшим орудием науки конца двадцатого столетия. Солидный доступ к специализированной информации и личные контакты невероятно ускорили темпы научных исследований.

В 1990-х рост Интерсети впечатляет подобно разгулу стихий. Она распространилась быстрее цифровых телефонов, быстрее факсовых аппаратов. В прошлом году Интерсеть росла со скоростью двадцать процентов в месяц. Количество «хозяйских» машин с подсоединением к TCP/IP с 1988 года удвоилось. Интерсеть переместилась со своей первоначальной базы, военных и исследовательских организаций в начальные и средние школы, в публичные библиотеки и в коммерческий сектор.

Почему люди хотят быть «в Интерсети»? Одной из основных причин является элементарная свобода. Интерсеть — это редкий пример истинной, современной и функциональной анархии. Не существует «Интерсеть Инкорпорейтед». Никаких официальных цензоров, никаких боссов, никакого совета директоров, никаких акционеров. В принципе, каждый узел может говорить на равных с другим узлом, при этом продолжительность разговора ограничена лишь протоколами TCP/IP, которые носят строго технический, а не социальный или политический характер. (Имела место некая борьба против коммерческого использования Интерсети, но, как только бизнес обеспечил свои собственные соединения, ситуация изменилась.)

К тому же Интерсеть недорога. Ее цена, в отличие от телефонной системы, не зависит от длины дистанции. И, в отличие от большинства коммерческих компьютерных сетей, не нужно оплачивать машинное время. В действительности, сама Интерсеть, официально никогда не существовавшая как организация, никогда ни от чего и не «зависела». Каждая группа людей, пользовавшихся Интерсетью, отвечала за свою собственную машину и за свою собственную часть линии.

«Анархия» Интерсети может показаться странной и даже неестественной. Она, пожалуй, сходна с «анархией» английского языка. Никто не берет в аренду английский и никто не является его владельцем. От вас, как от англоговорящего человека, зависит, будете ли вы говорить по-английски правильно и так, как вам это нравится (все-таки правительство обеспечивает определенные субсидии, чтобы помочь вам выучиться немного читать и писать). Все как-то работает само по себе, но представьте, что кто-нибудь возьмется, да и отключит этот

механизм. Интересно. Даже завораживает. Однако множество людей зарабатывало на жизнь использованием и преподаванием английского, «английский язык» как общественный институт является общественной собственностью, общественным достоянием. То же самое и с Интерсетью. Стал бы английский лучше при наличии у «Английский язык Инкорпорейтед» совета директоров и главного исполнительного директора, Президента или Конгресса? Должно быть, тогда в английском языке возникло бы намного меньше новых слов и намного меньше новых идей.

То же думают и люди Интерсети о своем «общественном институте». Это организация, исключающая заорганизованность. Интерсеть принадлежит всем и никому.

В то же время различные группы, занятые в различных сферах деятельности, имеют собственные интересы. Деловые люди используют Интерсеть для укрепления своего финансового положения. Политикам нужна более урегулированная Интерсеть. Ученые хотели бы, чтобы она была целиком посвящена научным изысканиям. Военным необходима защита от шпионажа и безопасность. И так далее.

Все эти источники раздоров сегодня находятся в неустойчивом равновесии, а Интерсеть, таким образом, остается в условиях цветущей анархии. Когда-то давным-давно высокоскоростные объемные линии сети Национального научного фонда (NSF) были названы «Позвоночником Интерсети», владельцы которых могли доминировать в определенной степени в Интерсети в целом; но теперь «позвоночники» существуют в Канаде, Японии и в Европе, есть даже частные коммерческие интерсетевые позвоночники, специально созданные для торговли. Сегодня даже карманные компьютеры могут стать узлами сети. Вы можете носить их в руке. А скоро, вероятно, и на запястье.

Но что человек делает с Интерсетью? В основном, четыре вещи: почта, переговоры, дистанционное программирование и передача файлов.

Почта Интерсети — это «модемная», электронная почта, она на несколько порядков быстрее Почты США, которая среди пользователей Интерсети в насмешку именуется «черепашьей почтой». В чем-то Интерсеть подобна факсу. Она представляет собой электронный текст. Вам не нужно за нее платить (по крайней мере, непосредственно). По модему также можно передать программное обеспечение, спрессованную цифровую информацию. Идет работа над новыми формами почты.

Переговоры, или «группы новостей», составляют особый мир. Этот мир новостей и дебатов широко под названием «USENET». Фактически USENET отличается от Интерсети. USENET больше

смахивает на огромную волнующуюся массу сплетников, жадных до новостей, путешествующих по Интерсети своим путем по задворкам различных частных пикников. USENET не столько физически существующая сеть, сколько сеть социальных условностей. В любом случае сейчас существует около 2500 отдельных дискуссионных групп в USENET, и они уже вырабатывают до 7 миллионов слов печатного комментария ежедневно. Действительно, уже ведется огромное количество разговоров на компьютерах USENET, но разнообразие обсуждаемых тем просто впечатляет и при этом оно постоянно растет. USENET также представляет различные бесплатные электронные журналы и публикации.

Сеть новостей и почта широко применяются даже вне высокоскоростных артерий самой Интерсети. Новости и почта свободно передаются по телефонным линиям с интерсетевых сообществ: BIT-net, UUCP, Fidonet. Две последние службы Интерсети, дистанционное программирование и передача файлов, требуют, что называется, «прямого доступа в Интерсеть» и пользуются TCP/IP.

Дистанционное программирование стало подлинной находкой для ARPANET и до сих пор является очень важной службой по крайней мере для некоторых. Программисты могут задействовать на расстоянии мощные компьютеры, прогонять там программы или писать свои собственные. Ученые имеют возможность пользоваться мощными суперкомпьютерами, находящимися на другом континенте. Библиотеки предлагают электронные карточные каталоги для свободного поиска. Громадные каталоги неперезаписываемых компактных звукодисков CD-ROM все больше используются в этой связи. Имеются фантастические возможности свободного программирования.

Передатчики файлов дают пользователям Интерсети доступ к отдаленным машинам и поиску файлов и текстов. Многие компьютеры Интерсети — их около тысячи — дают анонимный доступ любому, позволяя запросто бесплатно копировать общедоступные файлы. Немаловажно, что целые книги могут быть переданы по прямому доступу Интерсети в считанные минуты. Сегодня, в 1992 году, существует более миллиона таких открытых файлов, доступных тому, кто их запрашивает (и миллионы для тех, у кого есть специальный допуск). Передатчики файлов Интерсети становятся новой формой публикаций, при которой читатель просто делает электронные копии нужных ему работ, в любом количестве, бесплатно. Новые программы Интерсети, например «archie», «gopher» и «WAIS», были внедрены

в каталог и обследуют эти огромные архивы.

Анархическая, не имеющая головы, но с миллионом щупалец Интерсеть растет как на дрожжах. Любой компьютер с достаточной мощностью может стать ее потенциальным клиентом; сейчас такие машины стоят не дороже 2000 долларов, их используют люди по всему миру. ARPA-сеть, созданная для управления разрушенным обществом после ядерной катастрофы, была вытеснена своим отпрыском-мутантом — Интерсетью, которая совершенно не поддается контролю и распространяется в геометрической прогрессии по всемирной электронной деревне времен окончания холодной войны. Рост Интерсети 90-х имеет сходство с распространением персональных компьютеров в 1970-х, причем идет он быстрее, а значение ее еще важнее. Важнее, поскольку придает персональному компьютеру свойства дешевого и легкодоступного хранилища информации поистине мирового масштаба. Будущее Интерсети заметно и быстро поднимет расценки. Сегодня коммерциализация Интерсети является насущным вопросом и обещает множество новых коммерческих информационных служб. Федеральное правительство, ободренное неожиданным успехом, проявляет большую заинтересованность. NREN, Национальная сеть по исследованиям и образованию, была утверждена Конгрессом США осенью 1991 года как проект по совершенствованию «позвоночника» Интерсети, рассчитанный на пять лет и стоимостью в два миллиарда долларов. NREN будет в пятьдесят раз быстрее, чем самая быстрая из доступных сегодня сетей, позволяющая осуществить электронный перенос в полную Британскую Энциклопедию за одну секунду. Распространенные по всему миру компьютерные сети будут иметь трехмерную графику, радио— и цифровые телефонные соединения с портативными компьютерами, а также факс, голос и телевидение нового поколения. Огромный аттракцион средств информации!

Но это планы и надежды. В действительности Интерсеть будущего может иметь очень мало сходства с сегодняшними проектами. Планы вообще никогда не имели ничего общего с их воплощением, с реальным развитием Интерсети. Более того, сегодняшняя Интерсеть не очень-то напоминает те зловещие планы насчет пост-ядерной командной системы RAND. Такая вот счастливая ирония судьбы.

Как получить доступ к Интерсети? Понятно, если у вас нет компьютера и модема — для начала придется завести хотя бы один экземпляр. Ваш компьютер способен действовать как терминал, и вы можете использовать обыкновенную телефонную линию для подсоединения к машине Интерсети. Эти более медленные и более простые дополнения к Интерсети обеспечат

вас новостями и собственным электронным адресом. Это минимум — если вы имеете лишь почту и новости, еще нельзя сказать, что вы «в Интерсети».

Если вы живете в кампусе, ваш университет наверняка имеет прямой «специальный доступ» к высокоскоростным TCP/IP линиям Интерсети. Узнайте Интерсетевой номер машины в вашем кампусе, и у вас будет возможность заниматься свежеиспеченным дистанционным программированием и пользоваться передачей файлов. Некоторые города, например Кливленд, обеспечивают общественный доступ «свободной сети». Все больший доступ к Интерсети имеет бизнес, который хотел бы также устанавливать плату абонентам. Стандартный размер оплаты — около 40 долларов в месяц — примерно как за кабельное телевидение.

Во второй половине девяностых годов соединиться с Интерсетью будет гораздо проще и дешевле. Легкость в использовании увеличится и, что не может не радовать, дикая на вид, операционная система UNIX дружелюбно поворачивается лицом к пользователю TCP/IP. Сейчас изучение Интерсети, или хотя бы разговор о ней, не повредит. В конце века «сетевая грамотность», как прежде «компьютерная грамотность», станет важной частью вашей жизни.

Для дальнейшего чтения:

The Whole Internet Catalog & User's guide by Ed Krol. (1992) O'Reilly and Associates, Inc. Доступное, не переполненное специальной лексикой введение в пугающее занятие сетевой грамотностью. Многие компьютерные учебники стремятся быть увлекательными. Книжка г-на Крола — это полезное развлечение.

The Matrix: Computer Networks and Conferencing Systems World-wide, by John Quarterman. Digital Press: Bedford, MA (1990)

Обширное и высокотехнологичное пособие, детализирующее головоломные сложности и возможности нашей только что оплетенной сетью планеты.

The Internet Companion by Tracy LaQuey with Jeanne C.Ryer (1992) Addison Wesley. Жутко вежливый путеводитель по Интерсети, переполненный анекдотическими байками о том, как общение с Интерсетью может изменить жизнь. Предисловие сенатора Аль Гора.

Zen and the Art of the Internet: A Beginner's Guide by

Brendan P. Kehoe (1990) Prentice Hall. Краткий, но полезный путеводитель по Интерсети с большим количеством хорошей информации о том, как с пользой обрабатывать информацию в машинах. Справочник г-на Кехоэ учит бесплатно получать доступ к электронике. Я делаю то же самое посредством всех моих статей в F&SF, включая, разумеется, и эту.

Искусственная жизнь

© Bruce Sterling. Artificial Life.

F&SF, December 1992.

Перевел Андрей Колабанов

Новую область научных исследований, за которой закрепилось название «Искусственная жизнь», можно определить как «попытку абстрагировать логически представленную сущность жизни от ее материальных проявлений».

Допустим для начала. Но что же такое жизнь? Основополагающий тезис «Искусственной жизни» заключается в том, что «жизнь» правильней всего понимать как сложный системный процесс. «Жизнь» состоит из отношений, правил поведения и взаимодействий. «Жизнь» как свойство потенциально независима от живущих существ.[56]

Живые существа (такие, какими мы знаем их сейчас) в основе своей состоят из насыщенных водой органических элементов: кровь и кости, лимфа, целлюлоза, хитин. Живое существо — например котенок — представляет собой физический объект, скомпонованный сочетаниями молекул, занимающий место в пространстве и обладающий массой.

Котенок бесспорно «жив», но не потому, что «дыхание жизни» или «живительный импульс» как-то заложены в его тельце. Мы можем думать, говорить или поступать так, как если бы котенок «был жив» благодаря какому-то мистическому «кошачьему духу», оживляющему его физическую кошачью плоть. А если бы мы к тому же были еще и суеверны, то мы могли бы даже представить себе, что у здоровой, молодой кошки — девять жизней. Люди говорили и поступали именно так на протяжении тысячелетий.

Но, с точки зрения исследователей «Искусственной жизни», это очень примитивный способ определения того, что на самом деле происходит с живой кошкой. «Жизнь» котенка — процесс, включающий в себя производство потомства, генетическую вариацию, наследственность, поведение, обучение, запоминание генетической программы, воплощение этой программы при помощи физического тела. «Жизнь» — нечто действующее, а не просто существующее, жизнь потребляет энергию из окружающей

среды, растет, восполняет потери, воспроизводится.

И эта цепь процессов, называемых «жизнь», может быть рассоединена, изучена, математически смоделирована, симулирована компьютером и подвергнута любым экспериментам — вне тела живого создания.

«Искусственная жизнь» изучается пока еще очень недолго. Этот термин впервые использован в 1987 г., когда потребовалось найти звучное название для конгресса по «синтезу и симуляции живых систем», проходившего в Лос-Аламосе, штат Нью-Мехико. Искусственная жизнь как дисциплина неразрывно связана с компьютерным моделированием, компьютерным программированием и кибернетикой. Она в основе своей походит на более раннюю область исследований, называемую «Искусственный интеллект». Искусственный интеллект разрабатывался для того, чтобы выявить базовую структуру мышления и заставить компьютер «думать». Отличие же Искусственной жизни в том, что ее задача — сделать компьютер не умнее муравья, но таким же живым, как целый муравейник.

Искусственная жизнь как отрасль науки использует компьютер в качестве своего основного инструмента исследований. Так же, как до него телескопы и микроскопы, компьютер делает ранее невидимые аспекты мира доступными человеческому взору. Сегодня компьютеры проливают свет на деятельность комплексных систем, на новые физические принципы, такие как «возникающее поведение», «хаос» и «самоорганизация».

На протяжении тысячелетий жизнь оставалась одной из величайших метафизических и научных загадок, но теперь в этот туман опустили новые экспериментальные компьютерные зонды. Уже сейчас получены очень интригующие результаты.

Может ли компьютерный робот быть живым? Может ли что-то, существующее только как цифровая симуляция, считаться «живым»? Если оно выглядит, как утка, крякает, как утка, ходит вразвалку, как утка, но является лишь сочетанием освещаемых точек на экране суперкомпьютера, — то утка ли это? А если это не утка, то что же это тогда, спрашивается, такое? Что же такого должно оно сделать, чем же таким оно должно быть, чтобы мы могли сказать — «Оно живое»?

На удивление сложно определить, где граница между «живым» и «неживым». Никогда не существовало всеохватывающего определения жизни, ни научного, ни метафизического, ни теологического. Жизнь не строится на четком выборе — или-или. Жизнь проявляется в некоем пространстве, континууме — возможно, в нескольких

континуумах.

Кто-то, конечно, может попробовать поместить ее в более простые рамки, наподобие счета из прачечной. Чтобы «жить», нечто должно расти. Двигаться. Производить потомство. Реагировать на окружающую среду Потреблять энергию и избавляться от отходов. Питаться, умирать и распадаться. Обладать, как принято считать, генетическим кодом или быть результатом процесса эволюции. Но все эти положения несут очень серьезные проблемы. Сами функции воспроизводимы на сегодняшний день машинами или программами. Но их теоретические обоснования полны противоречий и парадоксов.

«Живы» ли вирусы? Они могут распространяться и размножаться, но не сами — они используют клетку-жертву, чтобы воспроизводить себя. Некоторые спящие вирусы способны кристализовываться в некое подобие органического шлака, по всем параметрам мертвого, и оставаться в таком состоянии сколь угодно долго — пока вирус не получит новой возможности для размножения, и тогда жизнь вновь закипает в нем.

А как насчет замороженного человеческого эмбриона? Он может находиться в спячке точно также, как и вирус, и, разумеется, требует укрытия, но может вырасти в живое человеческое существо. Вполне вероятно, что бывшие замороженные эмбрионы вот прямо сейчас и читают этот журнал! «Жив» ли замороженный эмбрион, или он только потенциально готов к жизни, как генетическая программа, застопоренная на полпути?

Бактерии являются наипростейшими организмами, но мы признаем их живыми. Многие люди, несмотря ни на что, согласятся с тем, что микроб, «живой». Но есть огромное количество других сущностей, действующих, как живые, таких же сложных по структуре, как микроб, но все же мы не называем их «живыми» только «метафорически» (что бы это ни значило).

А что можно сказать о национальном правительстве, например? Оно растет, адаптируется, развивается. И уж, безусловно, это очень сильная структура, потребляющая ресурсы, влияющая на окружающую его среду и использующая огромное количество информаций— Когда говорят: «Пусть Франция живет!» — что они хотят этим сказать? А что значит, что Советский Союз — «мертв»?

Амебы «бессмертны»[57] и не имеют возраста — они просто бесконечно размножаются раздвоением материнской клетки. Значит ли это, что все амебы — всего лишь частички одной супер-амебы, которой три миллиарда лет?

Большинство муравьев в муравейнике не производят

потомства; они — бесплодные рабочие, инструменты, элементы системы связи, структура. Все отдельные муравьи в муравейнике могут умереть один за одним, даже сама матка может погибнуть, но до тех пор, пока новые муравьи и матки становятся на место старых, муравейник продолжает «жить» без сучка и задоринки.

Обсуждение «жизни» с этих позиций может показаться слишком придирчивым и софистским. В конце концов кому-то может показаться, что легко определить разницу между чем-то живым и чем-то мертвым, просто вглядевшись в него попристальней. На самом деле, это, похоже, единственный сильнейший аргумент приверженцев идей Искусственной жизни. Очень тяжело наблюдать за хорошей программой Искусственной жизни, не представляя ее в своем воображении хоть в какой-то степени «живой».

Только живые существа проявляют такую форму поведения, как собирание в стаю или стадо. Гигантская, движущаяся стая журавлей или фламинго — одно из наиболее впечатляющих зрелищ, которое может явить живая природа.

Но «логически представленная форма» собирания в стаю может быть отделена от ее «материального проявления» в виде стаи живых птиц. «Собирание в стаю» может быть задано правилами, выполнимыми компьютером. Вот эти правила:

1. Оставаться в стае — то есть пытаться продвинуться туда, где она имеет наибольшую плотность.

2. Стараться двигаться с той же скоростью, что и рядом летящие птицы.

3. Не сталкиваться с посторонними предметами, особенно с землей или другими птицами.

В 1987 году Крэг Рейнольдс, работающий на компанию компьютерной графики «Симболикс», применил эти правила для создания абстрактных графических сущностей, называемых «bird-oids» или «boids», что можно перевести как «птицоиды». После небольшой настройки был получен жутковато реалистический результат, таким и остается. Чертовы штуковины летают стаей!

Они шатаются вокруг безошибочно по-живому, в органическом стиле. В их действиях нет ничего «механического» или «запрограммированного». Они суетятся и перемешиваются. Бойды, находящиеся в середине, борются друг с другом за лучшее место, а находящиеся по бокам беспокойно стремятся пробраться в центр, а вся эскадрилия держится вместе, кружится, меняет курс и маневрирует с восхитительной грацией. (В действительности они ни беспокоятся, ни борются, но когда вы видите боидов, ведущих себя таким жизнеподобным образом, то просто не можете удержаться от того, чтобы не приписать им жизненные

мотивации и намерения.)

Можно сказать, что боиды только лишь хорошо симулируют стайное поведение, но, согласно догматической позиции энтузиастов И-Жизни, это вовсе не «симуляция». Это настоящее «стайное поведение» в чистом виде, это то же самое, что делают настоящие птицы. Стайное поведение есть стайное поведение, и это не зависит от того, проявляют ли его курлычащие журавли или точки на экране компьютера.

Вообще птицоиды не являются «живыми», но вполне можно говорить о том, и об этом говорят, что они на самом деле выполняют что-то, подлинно являющееся частью жизненного процесса. Словами ученого Кристофера Лэнгтона, возможно, первого гуру Искусственной жизни: «Самое главное, что следует помнить об И-Жизни — то, что искусственная часть не является жизнью. Но происходят реальные вещи. Мы наблюдаем реальный феномен. Это реальная жизнь в искусственном проявлении».

Очень интересная вещь, наблюдаемая при изучении стайного поведения у боидов, в противоположность, скажем, журавлиному, — это возможность эксперимента над Искусственной жизнью, в контролируемых и воссоздаваемых условиях. Вместо того, чтобы просто наблюдать стайное поведение, ученый может теперь активно участвовать в нем. И не только в нем, после небольшого изменения параметров вы сможете изучать и поведение косяка рыб, и стада антилоп гну.

Огромная надежда, возлагаемая на исследования Искусственной жизни, в том, что она откроет ранее неизвестные принципы, непосредственно управляющие самой жизнью — принципы, придающие жизни ее мистическую силу и сложность, ее кажущуюся возможность противостоять самим законам вероятности и энтропии. И хотя даже некоторые принципы этих исследований очерчены весьма смутно, они тем не менее горячо обсуждаются.

К примеру: принцип приоритета инициативы снизу над приказами сверху. Стайное поведение довольно хорошо демонстрирует работу этого принципа. У фламинго нет плана действий. Нет никакого ведущего фламинго, раздающего непререкаемые приказы всем остальным. Каждый фламинго думает сам за себя. Чрезвычайно сложное поведение стаи фламинго возникает само собой из взаимодействий сотен независимых птиц. «Стайное поведение» состоит из многих тысяч простых действий и простых решений, повторяющихся снова и снова, влияющих на следующее в бесконечной цепочке обратной связи.

Тут включается второй принцип И-Жизни: приоритет

местного управления над централизованным. У каждого отдельного фламинго есть только смутное представление о поведении стаи в целом. Фламинго просто недостаточно умен, чтобы держать в голове всю картину в целом. На самом деле, это и не нужно. Необходимо лишь стараться не задевать тех, что летят у твоего крыла, а об остальном можно забыть.

Еще один принцип: приоритет простых правил над сложными. Вся сложность стайного поведения, хотя оно и вполне реальное, творится за пределами мозга фламинго. Отдельная птица не имеет умозрительного представления о грандиозном воздушном балете, в котором она принимает участие. Фламинго доступны только простые решения, но ему и не нужно решать сложных задач, требующих большой памяти или планирования. Простые правила позволяют созданиям, даже таким тупым, как рыбы, справляться со своей работой не просто успешно, но и гладко и грациозно.

И, наконец, самый основной принцип И-Жизни, а также, пожалуй, самый туманный и научно-противоречивый: приоритет возникающего поведения над предопределенным. Фламинго перелетают с их гнездовий на кормежку день за днем, год за годом. Но они никогда не используют один и тот же маршрут дважды. Эти птицы добираются до места обязательно, с предопределенностью падающего камня; но форма и структура стаи будут изменяться каждый раз. Их летный порядок абсолютно непостоянен, у них нет пронумерованных мест по рядам или назначаемых постов, или команд. Их упорядоченное поведение просто возникает, как бы прорастая из каждого зерна времени.

У муравьев тоже нет установленных правил. Они-то и стали тотемными животными Искусственной Жизни. Муравьи настолько «умны», что у них есть огромные сложные сообщества со своим институтом рабства, с тлеводческим сельским хозяйством. Но отдельный муравей, по сути, очень несообразителен.

Энтомологи утверждают, что каждый муравей в действительности может производить от пятнадцати до сорока действий. Но если они производят их в нужное время, в ответ на верное воздействие и переходят от одного действия к другому, когда приходит нужный сигнал, тогда муравьи как группа могут творить чудеса.

По всему миру есть муравейники. В них во всех живут муравьи, но все по-разному; нет даже двух идентичных муравейников. Это потому, что при их постройке применяются принципы инициативы сверху и возникающего поведения. Муравейники строятся без малейшего намека на планирование

или разумность. Муравей может почувствовать инстинктивную нужду оградиться от солнечного света. Он начинает поднимать кусочки земли и выкладывать их рядком. Другие муравьи, увидев первого за работой, присоединяются; это принцип И-Жизни, называемый «алелломинезис», подражание другим (или, скорее, не столько «подражание», сколько механическое вступление в тот же инстинктивный стиль поведения).

Рано или поздно несколько комочков земли слепятся вместе. Вот и вышла стена. Муравьиная стеностроительная подпрограмма начинает действовать. Когда стена становится достаточно высокой, она покрывается крышей из грязи, скрепленной слюной. Теперь получился туннель. Если делать это снова, и снова, и снова, структура может достигнуть аж 2–3 метров в высоту, представляя собой такую сложную сеть проходов, что ее чертеж на столе архитектора занял бы годы. Эта возникшая структура, «порядок из хаоса», «что-то из ничего», похоже, является одной из основных «загадок жизни».

Названные принципы приносят плоды вновь и вновь в практике симуляции жизни. Взаимодействия хищника и добычи. Действия паразитов и вирусов на носителя. Динамика популяции и эволюции. Эти принципы, кажется, применимы к внутреннему жизненному процессу, как рост растения или обучение жука ходьбе. Список приложения этих принципов бесконечен.

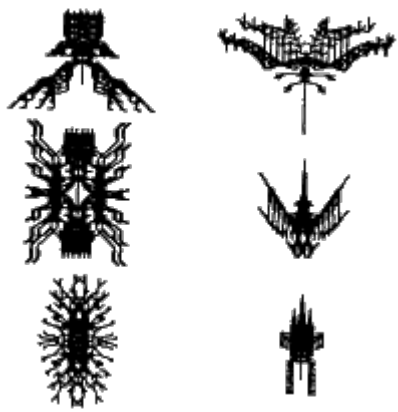
Несложно представить, что многие простые создания, производящие простые действия, которые влияют одно на другое, могут запросто создать большую путаницу. Но сложно представить, что те самые неспланированные, «хаотичные» действия могут и создают живую, работающую, функционально упорядоченную систему. Этот процесс действительно надо видеть, чтобы в него поверить. А компьютеры — как раз те инструменты, что помогли нам увидеть его.

Почти любой компьютер подойдет. Оксфордский зоолог Ричард Доукинс создал простую, популярную программу И-Жизни для персональных компьютеров. Она называется «Слепой часовщик» и демонстрирует внутреннюю силу дарвиновской эволюции в создании сложной структуры. Программа дополняет книгу доктора Доукинса, вышедшую в 1986 г. под тем же названием (довольно интересная книга, между прочим), но существует и в отдельности.

Программа «Слепой часовщик» создает рисунок из маленьких разветвленных палочек, появляющихся согласно очень простым правилам. В первый раз, когда вы их видите, маленькие палочки с веточками выглядят совершенно невзрачно. Примерно так:

Первичное палочковое создание И-Жизни.

После приятнейшего часа работы со «Слепым часовщиком», я сам произвел эти очень сложные формы, которые Доукинс называет «Биоморфы».



Шесть Доукинсовских «Биоморфов».

Трудно смотреть на этих биоморфов, не воображая их чем-то жизнеподобным, во всяком случае. Похоже, что человеческий глаз натренирован природой интерпретировать результат такого процесса «похожим на жизнь». Это не значит, что это сама жизнь, но там точно что-то происходит.

Что там происходит, является предметом многих споров. Является ли компьютерная симуляция в самом деле абстрагированной частью жизни? Или это технологическая мимикрия, или механическая метафора, или очень хитрая

выдумка?

Мы можем очень хорошо моделировать термодинамические уравнения, но уравнение не горячее, оно не может ни согреть, ни обжечь нас. Безупречная модель жара — не сам жар. Мы знаем, как смоделировать потоки воздуха вокруг крыльев самолета, но независимо от того, как бы безупречна ни была наша симуляция, она не поднимет нас в воздух. Модель движения — не само движение. Может, «Жизнь» тоже не существует без натурального углеводородного ее воплощения. Приверженцы И-Жизни нашли кличку для этих углеводородных шовинистов — и называют их «карбоквистами».

Патриарх Искусственной Жизни Родни Брукс проектирует похожих на насекомых роботов в Массачусетском Технологическом Институте. Используя принцип — «быстро, дешево и неконтолируемо», он пытается сконструировать маленьких многоногих роботов, которые могут вести себя так же ловко, как муравьи. Он со своей группой студентов-старшекурсников уже добился кое-каких успехов. Брукс считает, что в терминологических спорах упускают из вида главное. Он мечтает о мире, в котором роботы, не умнее насекомых, будут повсюду; возможно, не очень сообразительные, но проворные и успешно выполняющие свою задачу. Брукс говорит:

— Хотите поспорить: живые они или нет — валяйте. Но если он сидит вот тут и существует 24 часа в сутки и 365 дней в году, делает работу, которую сложно сделать, и делает ее хорошо, то я счастлив. И какая разница, как его называть?

Онтологические и эпистемологические споры никогда легко не урегулируются. Тем не менее Искусственную Жизнь, несмотря на то, заслуживает она этого названия или нет, по крайней мере легко увидеть и взять в руки. «Слепой часовщик» уподобляет компьютер домашнему микроскопу для исследования воды в пруду. Кроме того, программа стоит всего двенадцать долларов! Она проста и дешева, как раз для начинающего натуралиста И-Жизни.

Из-за распространенности мощных компьютеров исследование И-Жизни доступно каждому. «Бери и пробуй» — настоящая наука для «хакеров». Большинство программ И-Жизни состоят из следующего: берешь компьютер, находишь на нем что-нибудь поинтереснее, начинаешь крутить рукоятку фокусировки, пока не получится что-то позамысловатей. Определение того, что вы видите — самая сложная часть, «настоящая наука»; тут и расходятся пути реальной науки с ее принципами воспроизводимости, неопровержимости формальной и строгой и науки, опьяняющей и очаровывающей своей интеллектуальной

игрой. Но пока вас заражают радость и веселье от созерцания неведомого и изначальный трепет первооткрывателя.

Об искусственной Жизни как отрасли знания существует уже обширная литература. Наиболее полный и удачный, на сегодняшний день обзор — книга Стивена Леви — «Искусственная Жизнь: поиск нового творения» (Пантеон Букс 1992).

Тому, кто заинтересуется новинками, проще всего следить за этой быстро развивающейся областью по книгам, видеокассетам и программным продуктам, которые можно заказать в «Медиа Мейджик» по их замечательному каталогу «Компьютеры в науке и искусстве». Здесь вы найдете материалы первой и второй конференции по Искусственной Жизни, где были опубликованы наиболее важные доклады, стенограммы дискуссий, прогнозы и манифесты.

Но научные доклады являются только частью области исследований Искусственной Жизни. Если вы имеете возможность увидеть И-Жизнь в действии, не упустите ее. Компьютерная симуляция обладает такой силой и объемлет такие сложные области, что является по-настоящему замечательным исторически-значимым прорывом. Ни одно предыдущее поколение не имело возможности увидеть такое воочию, тем более рассуждать о его значимости. «Медиа Мейджик» предлагает видео-кассеты о поведении клетки, виртуальных муравьях, стайном поведении и других конструкциях И-Жизни, а равно программы для PC, так называемые «карманные миры» — «Си-эй-лэб», «Сим Энт» и «Сим Ерс». Этот потрясающий каталог можно приобрести в «Медиа Мейджик», P. O. Box 507, Nicasio CA 94946. (Программы «Муравейник», «Земля», «Си-эй-лэб» и другие можно приобрести и в России.)

notes

1

Софт — устоявшийся термин, обозначающий программное обеспечение для компьютеров (по-английски «software»).

2

IQ — коэффициент интеллекта.

3

В отличие от «софта» (software) «ветвэр» (wetware) — термин фантастический, причем у каждого из авторов-киберпанков он имеет разное значение. В романе «Схизматрица» этот термин обозначает продукт генетического программирования.

4

«Звездная палата» — тайный гражданский и уголовный суд в Англии XV—XVII вв. (по названию палаты Вестминстерского дворца, разукрашенной звездами). В переносном значении — тайное судилище.

5

Фугой в психиатрии называют специфическое состояние сознания, характеризующееся очень быстрым перескоком мыслей и ассоциаций, наступающее обычно при выходе из эпилептического припадка или после потери памяти.

6

Перефразируется лозунг французской студенческой революции в мае 1968 года: «Требуйте невозможного!».

7

Низшее офицерское звание во флоте, соответствующее лейтенантскому.

8

Выражение происходит из современного компьютерного жаргона «GIGO» — «Garbage in garbage out» — «Какой мусор в компьютер введешь, такой из него и получишь».

[01]

ТОМБУКТУ *(Тимбукту) (Tombouctou, Timbuktu),* город в Мали, на р. Нигер, административный центр обл. Томбукту. 20,5 тыс. жителей (1987). Узел транссахарских путей. Торговый пункт. Основан в 11 в.; в 13-15 вв. важнейший экономический и культурный центр государства Мали, в кон. 15-16 вв. – государства Сонгай, в 1591 завоеван марокканцами (до нач. 20 в. был важным центром транссахарской торговли), в 1893 – французами. Мечети Джингеребер (13 в.), Санкоре (14 в.), Сиди Яхья (ок. 1440).

[02]

АМБРА *(фр. ambre, араб. 'ambar),* воскообразное ароматическое вещество, образующееся в пищевом тракте кашалота и употребляемое в парфюмерии для придания стойкости запаху духов.

[03]

ХИДЖРА *(араб. – переселение),* переселение Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Медину в сентябре 622. При халифе Омаре I (634-644) год Хиджра объявлен началом мусульманского летосчисления. Исходным для него принято 1-е число 1-го месяца (мухаррама) 622-16 июля 622.

12

Sachertorte (*нем.*) — традиционный австрийский шоколадный торт. (*Здесь и далее прим. перев.*)

13

Рифф (*англ.* riff) — ритмическая фигура, сопровождающая соло в джазе.

14

Американская компания, торгующая аудиокассетами и компакт-дисками с хитами поп-музыки.

15

Облегающие женские брюки с разрезом внизу.

16

Locus Coeruleus – отдел мозга, скопление т.н. «норадреналиновых нейронов», ответственных за регуляцию сна, настроения, а также системы поощрения.

17

© Bruce Sterling. The Unthinkable. F&SF August 1991.

18

Перечисляются названия карт для игры в Таро.

19

Цинимннат — римский патриций, консул (460 до н. э.), диктатор (458 и 459). Согласно преданию, был образцом скромности и верности гражданском долгу.

20

Макартур, Дуглас (1880–1964) — американский генерал армии. Участник Второй мировой войны, командовал оккупационными войсками в Японии, руководил операциями американских вооруженных сил в Корее.

21

Оппенгеймер, Роберт (1904-67) — американский физик. Руководил созданием американской атомной бомбы. Противник создания водородной бомбы В 1953 обвинен в «нелояльности» и лишен допуска к секретным сведениям.

22

Джаггернаут — в индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну.

23

«The Blemmye's Strategem», by Bruce Sterling. Copyright © 2005 by Spilogale, Inc. First published in The Magazine of Fantasy & Science Fiction, January 2005. Reprinted by permission of the author.

24

Сельджуки — ветвь тюрок-огузов (туркмен; первоначально жили на Сырдарье), названная так по имени их предводителя Сельджука (X—нач. IX вв.), а также одно из названий созданной ими мусульманской династии.

25

Мамелюки (от араб, «мамлюк» — беглый раб) — первоначально рабы, гвардейцы последних султанов династии Айюбидов, самостоятельно правившие в Египте (1250–1517) и Сирии (1250–1516).

26

Исмаилиты — приверженцы мусульманской шиитской секты, возникшей в Халифате в середине VIII в. Фидаи, федаины (перс, и араб.) — букв.: «человек, жертвующий собой во имя веры, идеи».

27

Тамплиеры (также храмовники) — духовно-рыцарский орден, созданный ок. 1118 г. небольшой группой рыцарей с целью защиты паломников на пути в Святую землю.

28

Пелтасты (греч. peltastai) — род пехоты в Древней Греции.

29

Кондотьеры — предводители наемных военных отрядов (компаний) в Италии XIV–XVI вв.

30

Стиракс (греч. styrax) — бальзам, выделяющийся при надрезах коры дерева ликвидамбар восточный (семейства гамамелидовых) родом из Малой Азии. Применяется в медицине как антисептик, для ингаляций, а также в парфюмерии и мыловарении.

31

Реальгар — минерал, руда для получения металлического мышьяка.

32

Нард — пахучее травянистое растение семейства валерьяновых, часто упоминается в Библии.

33

Костус — растение из рода имбирных, сырье для получения эфирных масел.

34

Госпитальеры, или иоанниты — орден братьев иерусалимского госпиталя Св. Иоанна Крестителя, один из духовно-рыцарских орденов Палестины, создан в XI в. Вырос из религиозно-благотворительного общества, организованного незадолго до Первого Крестового похода в Иерусалиме для помощи бедным и больным западным пилигримам. Ныне — Мальтийский орден. Члены ордена делились на три основных класса: рыцари, священники, «служащие братья», позднее появился четвертый класс «сестер».

35

Ассасины (от араб, «хашишийюн») — так крестоносцы называли находящихся под воздействием гашиша фидаи.

36

Саладин, Салах-ад-Дин Юсуф ибн Айюб (1138–1193), правитель Египта, султан. В 1187 г. взял Иерусалим и затем изгнал крестоносцев из большей части Сирии и Палестины.

37

Болдуин IV, или Болдуин Прокаженный (1161–1185) — король Иерусалима с 1174 г.

38

Элеонора (Алиенор, Альенора) Аквитанская (ок. 1122–1204) — герцогиня Аквитании и Гаскони (1137–1204), внучка первого трубадура Прованса Гильома IX Аквитанского, графиня де Пуатье (1137–1204), королева Франции (1137–1152), супруга французского короля Людовика VII, королева Англии (1154–1189), одна из богатейших и наиболее влиятельных женщин Европы Позднего Средневековья.

39

Петр Амьенский, Пустынник (ок. 1050–1115) — французский монах, предводитель наиболее крупного отряда бедноты в Первом Крестовом походе.

40

Кылыдж-Арслан (ум. в 1107 г.) — сельджукский султан, наносил поражения крестоносцам.

41

Иоанн Пресвитер — легендарный царь могущественного христианского царства на Востоке.

42

В оригинале героев зовут Al и Zelda, то есть их имена начинаются с первой и последней буквы английского алфавита. Но так как Зельда — значимое для данного произведения имя, то было решено ничего не менять, и все оставить как есть (Здесь и далее примечания переводчика).

43

301 — продвинутый курс

44

Зельда Сейер-Фицджеральд (24 июля 1900г. – 10 марта 1948г.) – американская писательница, жена Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. С детства увлекалась балетом, танцевала.

45

Gesamtkunstwerk – слово, изобретенное немецким композитором Р. Вагнером. Концепция единого совокупного искусства, «искуства будущего», которое, по мнению композитора, должно было прийти на смену существующему многообразию искусств. Своего рода возврат к идеальному гармоническому единению искусств – слияние воедино слова, музыки, танца. (цитируется по Б. Галееву, «Вагнер Р. Избранные работы», М., 1978г.)

46

?Habla espanol, senorita? (исп.) – Девушка, вы говорите по-испански? (здесь и далее, если не указано обратное, примечание переводчика)[58]

47

Батул (Batul, Batool) – на арабском означает "давшая обет девственности"[59]

48

Hombre (исп.) – человек, мужчина[60]

Hermano (исп.) – брат[61]

50

Сантерия – общее название афро-американской синкретической религии, смесь католицизма и традиционной кубинской религии Йоруба. Впервые появилась на Кубе в середине XIX.[62]

51

Salaam alaikum (араб.) – Мир вам! Здравствуйте! – традиционное приветствие в мусульманских странах.[63]

52

Aayash (араб.) – дурной, злой и жестокий человек.[64]

Compadre (исп.) – друг, приятель.[65]

54

Строка из анекдота: Шотландец читает книгу и время от времени выключает и включает свет. — Что ты делаешь? — спрашивает жена. — Переворачивать страницы можно и в темноте ...

55

Oulipo (аббревиатура от *Ouvroir de littérature potentielle*) — литературное объединение французских писателей и математиков. Занималось исследованием потенциальных возможностей литературного творчества и языка методом введения искусственных ограничений (напр., запрет на использование какой-либо буквы). Основано Франсуа Ле Лионне и Раймоном Кено, в него входили Жорж Перек, Жак Рубо, Итало Кальвино и др. (*прим. верстальщика*).

56

Весь абзац несколько напоминает контрабандное протаскивание основного допущения на территорию «доказанного». (Примеч. ред.)

Автор касается, вполне корректно, стойкого заблуждения относительно принципиальной разницы между одноклеточными и многоклеточными организмами в вопросе бессмертия. С таким же успехом можно заявить: индивидуальная жизнь амебы очень коротка и длится от деления до деления клетки. (Примеч. ред.)